XVIIe CONGRÈS INTERNATIONAL
(EXTRAORDINAIRE) DES SLAVISTES

Livre des résumés

I

LINGUISTIQUE

Paris 2025

LINGUISTIQUE
SECTIONS 1.1-1.8

SECTION 1.1
RECHERCHES HISTORICO-COMPARATIVES ET AREALES SUR LES LANGUES SLAVES

1.1.1.2. LE PROTOSLAVE ET SES DIALECTES

1.1.3. ÉTYMOLOGIE

1.1.2.1. INFLUENCE DES LANGUES NON SLAVES ET DE DIVERSES FAMILLES

1.1.1.2. Le protoslave et ses dialectes & 1.1.3. Étymologie

Jiři Rejzek The oldest word-formation differences in slavic languages and the differentiation of the proto-slavic linguistic area 1

Ilona Janyšková Этимология как арбитр отражения язычества в старославянской лексике: врачи и целители 5

Piotr Sobotka The origins of slavic lexical exponents of 'truth': a functional perspective with etymological and methodological insights 10

Claire Le Feuvre Prepositional compounds in old church slavonic, old russian, and ancient slavic languages 14

Радмило Мароевич Лексичко-семантичко поље „породица" и словенске посесивне форме 17

1.1.2.1. Influence des langues non slaves et de diverses familles

Evangelia Adamou, Andrey Sobolev. Atlas of the Balkan Linguistic Area 24

Jadwiga Waniakowa, Przemysław Dębowiak Leksykalne zapożyczenia romańskie w gwarach słowiańskich na podstawie Ogólnosłowiańskiego atlasu językowego (OLA) 27

Matej Šekli Slovene in the context of the hypothesized Central European convergence linguistic area 32

Maxim Makartsev The morphosyntax of two Shtokavian migrant dialects in Albania on the path towards Balkanization 37

Михаил Кондратенко Семантические переходы в славянских и контактных немецких говорах (на материале обозначений времени) 43

THE OLDEST WORD-FORMATION DIFFERENCES IN SLAVIC LANGUAGES AND THE DIFFERENTIATION OF THE PROTO-SLAVIC LINGUISTIC AREA

JIŘÍ REJZEK (CZECH REPUBLIC)

The differentiation of Slavic languages, particularly its chronology, remains one of the most essential yet least clear questions in historical Slavic linguistics. Different linguistic layers—phonology, morphology, lexicon, and word formation—point to divergent scenarios of how the originally unified Proto-Slavic area began to break apart.

Phonological innovations suggest an early division between the West Slavic area and the rest of the Slavic-speaking territory. Key features include the substitution of *š* for *ch* after the second and third palatalizations (contrasting with *s* in East and South Slavic), the retention of consonant clusters *kv*, *gv* before front vowels (contrary to East and South Slavic *cv*, *(d)zv*), the absence of epenthetic *l* (traditionally not seen as pan-Slavic), and the preservation of clusters like *dl*, alongside contrasts in the reflexes of palatalized clusters *tj*, *dj*. These changes, generally dated to c. 600–800 CE, define early West Slavic phonological divergence. By the end of this period, metathesis in word-initial *oRT* clusters occurred, splitting Slavic into northern and southern areas. Internal metathesis patterns (*ToRT*, *TeRT*) further complicated the division but tended to align West and South Slavic. Later changes in the treatment of yers and nasal vowels also followed a broadly north-south division. Only one early phonological innovation distinguishes East Slavic: the change from *e-* to *o-* after *j-* and sibilants, likely beginning in the mid-9th century.

In contrast, early morphological differences suggest a north–south split, notably in noun declension endings: e.g., the nominative/accusative plural and genitive singular of *ja-* stems feature *-ě* in the north versus nasal *-ę* in the south. These reflect differential developments from *-ēN < *-iāns*, possibly occurring between 600 and 800 CE, i.e., contemporaneous with early phonological changes. Additional morphological divergences include participial suffixes (e.g., *-y* in OCS *nesy* vs. *-a* in Old Czech), instrumental singular endings of *o*-stems (*-omь* in the south vs. *-ъmь* in the north), and pronominal root variations such as *tob-*, *sob-* (north) vs. *teb-*, *seb-* (south). Other features isolating West Slavic include the development of the demonstrative pronoun *tъ* to *ten* (Czech, Slovak, Polish), and the adoption of the genitive *česo* as a nominative interrogative (Czech, Polish, Slovak), contrasting with *čь-to* elsewhere.

In verbal morphology, a notable difference is found in the sigmatic aorist from consonant stems, which in West Slavic ends in *-echъ* (Old Czech *vedech*) versus *-ochъ* in South and East

Slavic (*vedochъ*). These morphological features reinforce the notion of early north–south and west–rest differentiations.

Lexical differences, being more complex and less systematically distributed, offer ambiguous evidence for early differentiation. Glottochronological studies (e.g., Novotná & Blažek 2005) have proposed an East Slavic core opposed to West and South Slavic as areas of secondary migration. However, the methodology—especially its reliance on 100-word lists and calibration techniques—limits its reliability. Other lexicostatistical research (Žuravlev 1994) supports the traditional tripartite division of Slavic languages.

Thus, while early phonological changes separate West Slavic from the rest, and morphological features split the Slavic world along a north–south axis, lexical evidence may—though less convincingly—isolate East Slavic. This multifaceted pattern suggests no single, dominant path of divergence.

This study investigates whether comparative historical Slavic word formation (derivational morphology) might illuminate the early differentiation of the Slavic linguistic area. Historical-comparative word formation in Indo-European and Slavic languages somewhat lags behind research in other linguistic domains. Despite some important recent work on Proto-Slavic derivation (e.g., Halla-aho 2006, Matasović 2014), much of it focuses on Indo-European comparanda rather than internal Slavic diachronic developments. Earlier contributions (e.g., Belić 1906, Bošković 1936, Lekov 1958, Meľnyčuk 1966, Vendina 1990) tend to be underutilized in international scholarship.

Three factors may explain the relative neglect of derivational criteria in discussions of early Slavic divergence (Vendina 1990): (1) the structural complexity and cross-language variability of Slavic derivational systems; (2) the absence of easily delimitable isoglosses in derivation compared to phonology; and (3) the prevailing assumption of high formal uniformity in Proto-Slavic word formation—particularly in affixal strategies, which continued into the daughter languages. However, formal similarity does not guarantee semantic or functional equivalence of affixes. Also, it would be implausible for the Slavic area to have undergone significant phonological, morphological, and lexical diversification without concurrent derivational divergence.

Prefixation

The only widely recognized early derivational isogloss is the loss of the prefix *vy-* in South Slavic and its replacement by *iz-* (e.g., Old Czech *vydati* vs. OCS *izdati*). The prefix *vy-* (*Proto-Slavic *vy-*) is well-attested with cognates in Germanic and Indo-Iranian, and its loss in South

Slavic is considered secondary. Remnants of *vi-* in Slovene and Croatian dialects support its original widespread status, while rare attestations in OCS are likely West Slavic (Moravian) influences.

The related prefix *vъz-* remained in general Slavic use, whereas *jъz-* shifted meaning to denote transformation or separation in northern Slavic. The loss of *vy-* likely predates the OCS documentation (post-850 CE), though precise dating is elusive.

Beyond *vy-* × *iz-*, few clear early derivational differences exist in prefixation. Most Proto-Slavic prefixes remained stable. Minor areal preferences include e.g. higher frequencies of *bez-* in West Slavic (less so in South Slavic), lower frequency of *pri-* in West Slavic, and heavier use of *o-*, *od-*, *po-*, *pro-* in East Slavic. West Slavic, particularly Czech and Slovak, also retains older noun prefixes like *pa-*, *pra-*, *sǫ-*, *ǫ-*.

One West Slavic-specific development is the retention of *pro-* (e.g., Czech *proměnit*), replaced by *pre-* in other languages (e.g., Slovak *premeniť*, Polish *przemienić*), though this does not reflect primary Proto-Slavic division. A few innovations in prefix usage (e.g., adverbial prefixes in Bulgarian like *vrăch-*, *sled-*, *zad-*) are relatively recent and likely do not date to the Proto-Slavic period.

Suffixation

While early differences in prefixation among Slavic languages may have emerged by the end of the Proto-Slavic (PSl.) period, distinctions in suffix usage also began forming at that time. Slavic suffixes are more diverse and chronologically layered than prefixes, though the overall system remained relatively unified. Some inherited suffixes remain productive (e.g., *-dlo*, *-ba*, *-ina*), while others lost productivity or became language-specific.

Old Church Slavonic (OCS), as the earliest attested Slavic language, shows a suffixal system broadly similar to other Slavic languages, with some unique features like the productivity of *-ělъ* and *-telʹъ*. The latter spread to Russian and Bulgarian due to OCS influence, though remained less used in other branches.

Some studies have highlighted differences in the use of *-k* vs. *-c* diminutive suffixes, with South Slavic languages favoring *-c*, and North Slavic languages favoring *-k*. Researchers like Belić, Bošković and Němec have explored these contrasts, noting variation even within individual Slavic areas.

The agentive suffix *-arjь*, likely borrowed from Latin via Germanic, became productive mainly in West and parts of South Slavic languages, less so in East Slavic and OCS. Its varying

productivity illustrates early regional differences but offers limited insight into initial language divergence.

Unlike prefixation, suffixation shows more innovation, with new, non-PSl. suffixes arising in specific areas (e.g., *-ača*, *-ara*, *-lja* in South Slavic; *-čik*, *-ščik* in East Slavic). These innovations, however, are mostly historical rather than dating back to the earliest phases of Slavic differentiation.

Conclusion

Historical-comparative word formation contributes only to a limited extent to understanding the differentiation of the Slavic linguistic area. The inherited Proto-Slavic affix inventory remains relatively stable across Slavic languages, and changes in affix productivity or the emergence of new affixes are difficult to date, offering limited insight into the early breakup of Proto-Slavic.

However, differences likely relevant to earlier periods—such as the contrast between *vy-* and *iz-* prefixes and the distribution of *k-* vs. *c-* suffixes—suggest a primary north–south division, and in some aspects a west–southeast split (as noted by Lekov 1958). These findings align with phonological and morphological evidence, as well as the hypothesis that around 600 CE (possibly linked to the Avar invasion), the southern Slavs began to diverge morphologically and lexically from the northern group. Shortly thereafter, the West Slavic branch began to separate due to phonological innovations, potentially tied to the rise of the Samo tribal union. The early derivational differences—dating roughly to the 8th–9th centuries—reflect a combination of north–south and west–southeast divisions. The later definitive separation of South Slavic from North Slavic led to a deepening of differences between them across all linguistic levels, including word formation, which—like vocabulary—shows the greatest diversity in mutual relationships and functional derivational isoglosses.

ЭТИМОЛОГИЯ КАК АРБИТР ОТРАЖЕНИЯ ЯЗЫЧЕСТВА В СТАРОСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ: ВРАЧИ И ЦЕЛИТЕЛИ[1]

ILONA JANYŠKOVÁ (ČESKÁ REPUBLIKA)

Нет никаких сомнений в том, что долгое существование дохристианских представлений о мире и о человеке у славян отразилось в их языке. Это нетрудно заметить в словах, обозначающих конкретные языческие реалии, напр., восточнослав. *русалка*, производное от названия весеннего языческого праздника в память умерших. Однако выявить весь набор лексем, связанных с язычеством, весьма непросто; в таких случаях свидетельством следов язычества в лексике становится этимология. Этимология может предложить толкование, которое, будучи подкрепленное этнографическими исследованиями, вскроет возможную принадлежностсь слова к системе языческого мировоззрения.В настоящей статье мы хотим показать роль этимологии в обнаружении следов язычества в славянской лексике, а именно в старославянских названиях врачей и целителей. Статья основана прежде всего на ст.-слав. и цслав. лексическом материале *Словаря старославянского языка*, большое внимание уделяется также материалу из других лексикографических источников и специальной литературы.

1. Ст.-слав. ***balii*** ‘врач’ не имеет точных соответствий в других слав. языках, однако можно найти слова с основой на **bal-* подобного или близкого значения (напр., сербск. диал. *бàлāћ* ‘заклинатель, колдун, чародей’ и укр. диал. *бала*, *балита* ‘то же’). Эти слова возводятся к и.-е. корню **bhā-* ‘говорить’, который в ст.-слав. *basnь* ‘сказка, легенда’, *obajanije* ‘легенда’, *obavati* ‘заговаривать, заклинать’ и цслав. *bajati* ‘говорить’. Однако словообразование является проблематичным (праслав **balьji* или **badlьji*?). Семантический сдвиг *‘говорить’ → ‘врач’ соответствует способу лечения вербальной магией (заговор, заговор-изгнание, заклинание), восходящему к временам язычества.

1.1. Сербск.-цслав. ***bajalь*** ‘целитель, врач’ – искажение слова *balii*, которое писец знал плохо, так как в это время слово уже полностью сменилось синонимом *vračь*.

1.2. Ст.-слав. ***obavьnikъ*** ‘заклинатель, колдун’, в русск.-цслав. ‘врач’ – производное от ст.-слав. *obavati* ‘заговаривать, заклинать’, имперфективного глагола от *obajati* ‘околдовать’, образованного от праслав. **bajati* ‘говорить’.

2 Ст.-слав. ***vračь*** ‘врач’ чередуется в ст.-слав. и цслав. текстах с *balii*, засвидетельствованного в более старых текстах. Слово фиксируется только в ю.-слав.

[1] Статья подготовлена при поддержке долгосрочных концептуальных разработок Института чешского языка Академии наук Чешской Республики [RVO: 68378092].

языках;[2] реконструируется праслав. диал. **vьračь* ‘колдун, чародей, который заклинанием отгоняет заболевания и злых духов’, производное от праслав. **vьrati* (> русск. общенар. *врать* ‘врать’, в диал. ‘болтать, пустословить’) < и.-е. **u̯erH₁-* ‘(торжественно) произносить, говорить’. Семантический переход *‘говорить’ → ‘врач’ отражает практику лечения больных произнесением магических формул. Слабым местом этой этимологии является фонетика: в ст.-слав. языке мы бы ожидали форму **vьračь*, но она не обнаружена. Есть и другие этимологические версии, одна из которых реконструирует праслав. **vorčь*, представляющее собой *o*-ступень аблаута корня, находящегося в праслав. **vъrčati* ‘ворчать’.

3 Ст.-слав. ***cělitel’ь***, ***icělitel’ь*** ‘целитель, врач’ образовано от глагола *cěliti* ‘лечить’, *i(s)cěliti* ‘вылечить, исцелить’, которые являются дериватами праслав. **cělъ*. Континуанты праслав. **cělъ* в ст.-слав. и в живых слав. языках имеют значение ‘весь, целый, неповрежденный’, в структуре значения может появляться также семантический компонент ‘здоровый’. Праслав. **cělъ* (< и.-е. **kai-lo-/lu-* ‘здоровый, неповрежденный’) точно соответствует др.-прусск. *kails* ‘здоровый’, *kails!* ‘будь здоров’, гот. *hails* ‘здоровый’, др.-в.-нем. *heil* , англ. *whole* ‘неповрежденный, целый, здоровый’, кимр. *cóel* ‘счастливое предзнаменование’. Концепт ‘здоровье’ у славян подробно рассматривала Я. Гркович-Мейджор, которая показала, что здоровье связано с прочностью и силой, с чистотой и целостностью. Мысли о вторичности значения ‘здоровый’, развитого на базе семемы ‘целый, неповрежденный’ у ст.-слав. прилагательного *cělъ* противостоит то, что уже у праслав. прилагательного **cělъ* и даже у его и.-е. исходной формы можно предполагать первоначальное значение ‘целый, неповрежденный, здоровый’.

4 Хорв.-цслав. ***lěkarь*** (праслав. **lěkar’ь*), производное от **lěkъ* ‘лекарство, средство для лечения’. Макед.-цслав. ***lěčitelь*** (праслав. **lěčitel’ь*) образовано от глагола **lěčiti (sę)* ‘лечить(ся) при помощи лекарства’. Взаимосвязь праслав. **lěkъ* и **lěčiti* порождает дискуссии о том, что было раньше – существительное или глагол; также нет единого взгляда на этимологию этих слов. Традиционно праслав. **lěkъ* считается заимствованием из герм. **lēka-* ‘лекарство’. Другие лингвисты предполагают исконность праслав. **lěkъ* и **lěčiti.* Точное соответствие праслав. **lěčiti* видят в лит. *laikýti* ‘держать, сохранять’, каузатива от и.-е. корня **leikᵘ-* ‘остаться, оставить’. Таким образом, праслав. **lěčiti* можно интерпретировать как старый слав. каузатив *‘сохранять, удерживать (в

[2] Русск. *врач* из цслав.

определенном состоянии здоровья)’ → ‘лечить’; однако производящий глагол в слав. языках не сохранился.

5 К лексике, номинирующей врачей и целителей, мы также относим обозначения баб-повитух, чья помощь обычно заключалась в осуществлении различных магических практик, которые должны были облегчить роды и одновременно повлиять на судьбу ребенка. Кроме того, женщинам, помогающим при родах, приписывали определенные способности лечить больных. Цслав. ***baba*** ‘бабка-повитуха’ – продолжение праслав. слова из детской речи **baba*, первоначально обозначающего, кажется, какое-то родственное отношение (‘бабушка’?) или же ‘старая женщина’. Семантическое развитие ‘старая женщина’ → ‘бабка-повитуха’ закономерно, поскольку в древности приобретшие опыт старые женщины становились повитухами. Их участие в родах заключалось в ритуально-магических действиях, к которым относились заклинание, заговаривание, разные очищающие обряды; их задачей было охранить роженицу и новорожденного ребенка от вредного влияния злых демонов и нечистой силы.

6 Ст.-слав. ***vlъchvъ*** ‘колдун, чародей, прорицатель’ и ‘целитель’ – продолжение праслав. **vъlchvъ*, слова неясного происхождения. Его связывают со ст.-слав. *vlъsnǫti* ‘заикаться, бормотать, говорить непонятно’ (однако разница *ch* : *s* в корне препятствует подобной интерпретации). Существуют другие этимологии праслав. **vъlchvъ*, напр., версия о заимствовании слова из герм. **wulhwa-* ‘волк’ на основе тесной связи культа волка и колдовства у древних славян, балтов и германцев.

7 Слово ***koreniťьcь*** ‘чародей, колдун’ засвидетельствовано в макед., сербск. и русск.-цслав. текстах XII–XIV вв. Оно образовано от прилаг. **korenitъ* < **korenь* ‘корень’. Предполагается семантический переход: *‘корень’ → ‘корни для колдовства и лечения’ → ‘колдовство, чары’ (цслав. *korenije*), ср. русск. диал. *рыть коренья* ‘заниматься заговариванием, заклинанием, шарлатанством и т. п.’, что значит *‘выкапывать корни для магических целей, заниматься знахарством’. В таком случае цслав. *koreniťьcь* – название того, кто использует в магико-медицинских практиках различные отвары и блюда из корней и трав.

8 К народным целителям относились те, кто лечил при помощи магии: ***čaroděi***, ***čaroděica*** и ***čaroděicь*** ‘чародей, заклинатель’. Первая часть композита *čaroděi* (< **čaro-dějь*) – существительное **čarъ* ‘колдовство, чары, магия’ (< и.-е. **k^{u}er-* ‘делать’), вторая часть относится к праслав. **dějati* ‘делать’. То же семантическое развитие *‘делать’ → ‘делать что-либо магическое, колдовать, ворожить’ в чешск. *udělat někomu* ‘околдовать,

очаровать’, словацк. *porobiť niekomu* ‘очаровать кого-то’ (*robiť* ‘делать’), русск. *потворы* ‘чары’ (*творить* ‘делать’), лит. *padaraĩ* ‘чары’ (*padarýti* ‘делать’).

9 В процесс лечения вмешивались также своими практиками прорицатели, ясновидцы, ворожцы. Макед.-цслав ***vražalьnica*** ‘ворожея, прорицательница, ясновидящая, в болг. диалектах *вражалец* ‘лекарь, шарлатан, народный целитель’, ст.-слав. *враженије* ‘ворожба, прорицание’ – отглагольная форма от *вражити* ‘колдовать, ворожить, пророчить’. Праслав. **voržiti* – производное или от праслав. **vorža* ‘прорицание, ворожба, жребий’ (напр., ст.-чеш. *vražě* ‘жребий’), или от праслав. **vorgъ* ‘метание, бросок, жребий’ (ср. польск. *wróg* ‘(неблагоприятная) судьба, (дурное) предзнаменование, несчастье’). Значение ‘судьба’ можно объяснить из *‘бросание жребия (во время прорицания)’, ср. ст.-слав. *vrěšti žrěbiję* ‘метать, бросать жребий’. Эта этимология основана на древнем способе прорицания, связанном с бросанием, метанием разных предметов, напр., зерна, веток и др. Вторая этимология выводит праслав. **voržiti* из праслав. **vorgъ* ‘неприятель, враг’; во многих слав. языках это слово имеет значение ‘нечистая сила, дьявол, черт’.

10 Лексемы, обозначающие лиц, лечащих больных магической силой

10.1 ***Divobljudьcь*** ‘прорицатель, чародей’ (перевод греч. *τερατοσκόπος*) находится в хорватскоглагол. бревиариях XIV–XV вв. Первая часть – ст.-слав. *divъ* ‘чудо, диво’, вторая часть отсыляет к ст.-слав. *bljusti* ‘сторожить, заботиться, соблюдать’.

10.2 ***Potvoroizbavьnica***, эпитет Святой Анастасии, мученицы, целительницы и утешительницы, зафиксирован в *Молитве против дьявола* (перевод лат. *veneficiorum solutrix* ‘избавительница от яда’). Вторая часть композита прозрачна: это производное от глагола *izbaviti* ‘освободить, избавить’, первая же часть сложного слова – существительное *potvorъ* ‘нарыв, язва, опухоль’. Однако не исключено, что русск.-цслав. *potvorъ* взято в значении ‘колдовство, чары’. Таким образом можно объяснить цслав. композит *potvoroizbavьnica* как ‘избавительница от вредоносных сил, демонов’. Это соответствует приведенной выше характеристике Святой Анастасии, целительницы и защитницы от болезней.

Заключение

Этимология ряда ст.-слав. и цслав. слов, обозначающих врачей и целителей, раскрывает языческие корни данных номинаций. Выявлено, что для народной медицины, народного лечения того времени (но зачастую это распространяется и на современность) характерна вера в магию слова, которая лежит в основе лечения больных.

Доказательством этого являются вышеприведенные слова ***balii***, ***bajalь***, ***obavьnikъ***, ***vračь***, семантика которых развивается на базе значения ‘говорить’. Сюда относится, по-видимому, также лексема ***vlъchvъ***, если считать ее производной от глагола *vlъsnǫti* ‘заикаться, бормотать, лепетать, непонятно говорить’. К типичной для средневекового народного лечения лексике, связанной с магией, чарами и колдовством, относятся ***čaroděi***, ***vražalьnica***, ***divobljudьcь***, возможно даже ***potvoroizbavьnica***. Праслав. **lěkъ*, волшебное средство для лечения больных, лежит в основе цслав. ***lěkarь***; этимология цслав. ***lěčitelь*** предполагает два возможных толкования: ‘тот, кто лечит при помощи лекарства’ или ‘тот, кто сохраняет кого-либо в определенном состоянии здоровья’. Цслав. ***korenitьcь*** ‘целитель’ подсказывает, что такой знахарь пользовался при лечении больных отваром из корней и трав. Этимология ст.-слав. ***cělitel’ь*** сообщает, что слово отражает ожидаемый результат лечения – целого, неповрежденного, значит, здорового человека. Этимология цслав. ***baba*** ‘бабка-повитуха’ связывает древность со средневековьем и современностью.

ИЗБРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

АНИКИН, А. Е.: *Русский этимологический словарь*, *1–*. Москва 2007–.

ЛУКИНОВА, Т. Б.: Лексика славянского язычества. In: *Этимология 1984*. Москва 1986, 119–124.

МАКАРИЈОСКА, Л. – ШИМИЌ, М.: Лексиката од областа на медицината во македонските и хрватските црковнословенски текстови. *Slovo* 61, 2011, 95–122.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Москва 2002.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого, *1–5*. Москва 1995–2012.

ТОПОРОВ, В. Н.: Из славянской языческой терминологии: индоевропейские истоки и тенденции развития. In: *Этимология 1986–1987*. Москва 1989, 3–50.

ТРУБАЧЕВ, О. Н.: Следы язычества в славянской лексике. *Вопросы славянского языкознания 4*, 1959, 130–139.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд, *1–*. Трубачев, О. Н. – Журавлев, А. Ф. – Варбот, Ж. Ж. [ред.]. Москва 1974–.

Etymologický slovník jazyka staroslověnského, *1–21*. Havlová, E. – Erhart, A. – Janyšková, I. [red.]. Praha 1989–2008, Brno 2010–2022.

Etymologisches Wörterbuch des Althochdeutschen, *1–*. Göttingen – Zürich1988–.

GRKOVIĆ-MAJOR, J.: The Slavic concept of ‘health’: Evidence from Old Church Slavonic. In: Kapetanović, A. [ed.]: *The oldest linguistic attestations and texts in Slavic languages*. Vienna 2018, 154–166.

Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen. Rix, H. [red.]. Wiesbaden 2001.

MIKLOSICH, F.: *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*. Vindobonae 1862–1865.

NĚMEC, I.: Česká slova někdejší magické terminologie. *Listy filologické* 103, 1980, 31–39.

NIEDERLE, L.: *Život starých Slovanů. Základy kulturních starožitností slovanských I/1*. Praha 1911, *II/1*. Praha 1916.

POKORNY, J.: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch 1*. Bern – München 1959.

Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae, *1–4*. Kurz, J. – Hauptová, Z. [red.]. Praha 1966–1997. Sv. *5 Addenda et corrigenda*. Hauptová, Z. – Konzal, V. – Pilát, Š. [red.]. Praha 2010–2016.

THE ORIGINS OF SLAVIC LEXICAL EXPONENTS OF 'TRUTH': A FUNCTIONAL PERSPECTIVE WITH ETYMOLOGICAL AND METHODOLOGICAL INSIGHTS

PIOTR SOBOTKA (POLAND)
Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences

The Proto-Slavic roots **jьst-* or **jìst-*, **pravьd-*, **rěsn-* and **věr(n)-* are common ancestors of most words related to the concept of truth in Slavic languages, cf. Ukr. *istynnist'* 'truthfulness', Pol. *prawdziwy* 'true', Sln. *resnica* 'truth', LSorb. *wěrnosć* 'truth', Polab. *vernə* 'true'. The distribution of the reflexes of these roots in the Slavic languages is basically territorially specialised, cf. the map below.

As shown on the map, words originating from the PSl. root **prav-ьd-* are characteristic of the West Slavic languages, while those based on the root **jьst-* have become widespread in both East and South Slavic languages. Furthermore, Slovenian has retained an earlier Pannonian form derived from **rěs(n)-*, and in the Sorbian group, words based on the root **věr(n)-* continue to be used.

These stems are also the source of so-called pragmatic markers, such as assertion operators (cf. Cz. *jistě* 'certainly'), gradation markers (cf. Ukr. *spravžnie* 'true X'), sentence adverbs (cf. Cro. *doista* 'indeed'), concessives (cf. Pol. *wprawdzie $\mathcal{P}$, ale $\mathcal{Q}$* 'although $\mathcal{P}$, but

Q’), etc., cf.

(1) Rus. *Bumažnik,* ***pravda,*** *ostavili,* *no* *v*
wallet.nom.sg conc leave.pst.3pl but.conj in.prep
nem *uže* *ne* *bylo* *ničego.*
3sg.loc already.adv neg be.pst.3sg nothing.gen.sg
‘Although they had left the wallet, there was nothing inside.’

Pragmatic markers are usually used as nonrepresentative adjuncts to comment on the actual speech (cf. Fraser 1996, Aijmer & Simon-Vandenbergen 2011). Prominent linguistically orientated logical analyses of the subject show that the meaning structure of these words must include components of speaking, such as ‘the speaker notes…’, ‘the speaker underlines…’, ‘the speaker doubts…’, etc. (cf. Reichenbach 1947). As Brinton (1996: 38) asserts, the interpersonal use of such markers includes expressions “of the speaker’s attitudes, evaluations, judgments, expectations, and demands”.

Despite the importance of the topic, the motivation for the transformation of representative truth-items such as nouns, adjectives, verbs into pragmatic markers, is not well understood. Moreover, previous etymologies of the roots in question (cf. Trubačev, Žuravlev & Varbot 1974–; Žuravlev 2006) do not elucidate the nature and mechanisms of these shifts, as they do not include components of speaking as identified above. The dominant view among etymologists holds that the noun **pravьda* originates from the inherited Slavic adjective **pravъ*, meaning ‘simple, proper, or appropriate’ (from PIE < **prō-u̯o-*). It is believed to have been formed by attaching the suffix **-ьda* (**-idā-*). However, an alternative hypothesis has been proposed by Ľ. Králik (2015: 465) and P. Sobotka (2023: 167-169), suggesting that the word is, in fact, a verbal derivative constructed with the suffix **-da*. Proponents of the original hypothesis also argue that the nouns **krivьda* ‘a lie’ and **vržьda* ‘hostility’ were formed using the same morphological model. A considerable number of Indo-European languages preserve the concept of 'truth' in the descendants of the etymon **u̯erH-o-* or **u̯eh₁-ro-*. However, this meaning has been lost in the Slavic languages. Despite this, certain compounds derived from the root **věr-* such as Pol. *wiarygodny* ‘trustworthy’ still retain traces of the original meaning. The etymology of the root underlying the Russian word *истина,* meaning ‘truth’, among others, has been a topic of scholarly debate for over 120 years. Numerous interpretations have been proposed regarding the original meaning of the root, including: ‘to be, to exist’ (Meillet 1902-1905: 300-301), ‘property, capital’ (Baudouin de Courtenay 1927: 16-17; Stang 1949), ‘to see’ (Machek 1955: 26), ‘the same, just this one’ (Toporov 1958; Zhuravlev 2006), and ‘clear,

distinct' (Trautmann 1923; Fraenkel 1962). The Slovenian and Chakavian forms, such as *resníca*, meaning 'truth'' or 'true', are generally considered loanwords from the Lithuanian *ráiškus*/*raiškùs* 'clear, visible, obvious' and *réikšti* 'to reveal, make visible' (cf. Bezlaj 1977-2007; Snoj 2003).

It seems that Slavic etymological and diachronic studies are somewhat inconsistent in the interpretation of the semantic and syntactic changes of the truth-roots descendants, which are sometimes very surprising, such as the shift from the domain of assertion (2a) to the domain of epistemic hesitation (2b), cf.

(2) a. MPol. *odpowiedział* ***wierę,*** *niewiem*
answer.pst.3sg.m tell(ing)_the_truth neg-know.prs.1sg
zlali, *dobrali* *byłá*
bad.sg.f-im good.sg.f-im be.pst.3sg.aux
[*woda*]
water.acc.sg
'He replied, I'm telling the truth: I don't know if the water was dirty or good.'

(2) b. Pol. *temat,* ***wierzę,*** *jest* *opisany*
subject.nom.sg believe.prs.1sg be.prs.3sg.aux describe.ppp
dokładnie
thoroughly.adv
'the subject, I believe, is described in details.'

The talk outlines a map of the categorial and conceptual shifts of the studied lexis based on a detailed analysis of dictionary and corpus-based Slavic data, which covers those languages with extensive documented histories. The study focuses on the emergence of non-representative items and the mutual relations between source and target categories. Furthermore, the paper both provides arguments for a reconstruction of the etymological structure of the truth-etyma and aims to validate the theory of internal reconstruction as a device of etymological investigations.

The abductive (cf. Douven 2022) reconstruction of the etyma in this case requires the retrospective study to consider the directions and types of semantic and functional shifts that led to the emergence of the actual speech comments. The approach shows that the speech-related components of the non-representative items in question are etymologically motivated, e.g. contrastively (cf. (**id-to-* 'this one' > **jьst-*), structurally (**prav-* > **prav'-i-ti* > **prav'-da*) and functionally, cf. *V_{dic} + *wierę*$_{aprt}$' to speak, speaking the truth '> _ *wierę* _ 'I speak: this is: $\mathcal{P}$'.

REFERENCES

Aijmer, Karin. 1997. *I think* – an English modal particle. In Swan, Toril & Olaf Jansen Westvik (eds.), *Modality in Germanic Languages. Historical and Comparative Perspectives* (TiLSM 99), 1–47. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.

Baudouin de Courtenay, Jan. 1927. Rdzenie (pierwiastki, radices) czyli morfemy semantycznie centralne myślenia językowego polskiego: 1) *i̯est* (jest); 2) *sǫ* (są); 3) *bi* (by); 4) *będ* // *bęź* (będź) // *bǫd* (bąd) // *bǫź* (bądź). *Prace Filologiczne* 12. 1–17.
Bezlaj, France. 1977–2007. *Etimološki slovar slovenskega jezika*, vol. 1–5. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti – Inštitut za slovenski jezik.
Brinton, Laurel J. 1996. Pragmatic markers in English: Grammaticalization and discourse functions (Topics in English Linguistics 19). Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
Douven, Igor. 2022. *The Art of Abduction*. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology.
Fraenkel, Ernst. 1962. *Litauisches etymologisches Wörterbuch*, vol. 1-2 (Indogermanische Bibliothek II Reihe, Wörterbücher). Heidelberg: Carl Winter.
Fraser, Bruce. 1996. Pragmatic markers. *Pragmatics* 6(2). 167–190.
Machek, Václav. 1955. Verbes slaves pour désigner les cinq sens. *Sbornik Prací Filosofické Fakulty Brnéské University (Studia Minora Facultatis Philosophicae Universitatis Brunensis). A. Řada jazykovědná* 4(3). 22–35.
Meillet, Antoine. 1902–1905. *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*, vol. 1–2. Paris: Librairie Émile Bouillon.
Reichenbach, Hans. 1947. *Elements of symbolic logic*. New York: Macmillan Co.
Králik, Ľubor. 2015. *Stručný etymologický slovník slovenčiny*. Bratislava: Veda.
Snoj, Marko. 2003. *Slovenski etimološki slovar*, 2, pregledana in dopolnjena izd. edn. Ljubljana: Modrijan.
Sobotka, Piotr. 2023. *Etymologia a gramatyka. Perspektywa funkcjonalna w rekonstrukcji dziejów słów* (Prace Slawistyczne. Slavica 155). Warszawa: Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk.
Stang, Christian S. 1949. L'adjectif slave *istъ*. *Norsk tidsskrift for sprogvidenskap* 15. 343–351.
Toporov, Vladimir N. (1958). Ètimologičeskie zametki (slavjano-italijskie paralleli). *Kratkie soobščenija instituta slavjanovedenija* [AN SSSR] 25. 74–88.
Trautmann, Reinhold. 1923. *Baltisch-slavisches Wörterbuch*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
Trubačev, Oleg N., and Anatolij F. Žuravlev, and Žanna Ž. Varbot (eds). (1974–), *Ètimologičeskij slovar' slavjanskix jazykov: praslavjanskij leksičeskij fond*, vol. 1–. Moskva: Izdatel′stvo Nauka.
Žuravlev, Anatolij F. (2006), Po povodu *istiny*. In I. Janyšková, and H. Karlíková (eds), *Studia Etymologica Brunensia*, vol. 3, 443–455. Praha: Nakladatelství Lidové noviny.

PREPOSITIONAL GOVERNING COMPOUNDS IN OLD CHURCH SLAVONIC, OLD RUSSIAN, AND ANCIENT SLAVIC LANGUAGES

CLAIRE LE FEUVRE (FRANCE)

This article explores prepositional governing (PG) compounds across Old Church Slavonic (OCS), Old Russian (OR), and other early Slavic languages. PG compounds are formed by the univerbation of a prepositional phrase (e.g. *bez boga* > *bez-božьnъ*) and retain the syntactic structure of the original phrase, with the preposition governing the second element. The compounds are head-initial (XY), as opposed to other Slavic compounds that are head-final (YX). This distinction is essential in separating PG compounds from deverbal nominalizations or other types of compounds. Forms like *pri-xodъ* ("arrival") that stem from prefixed verbs are excluded, as they reflect verbal prefixation, not phrase univerbation. Possessive or determinative compounds having a preposition as their first member are head-final and represent a different type.

OCS has a wide array of PG compounds, mainly adjectives (approx. 55%), but also adverbs (20%) and nouns (25%), many of which derive secondarily from adjectives. Virtually all inherited prepositions that also serve as preverbs appear in OCS PG compounds: *do, iz, na, o(b), otъ, po, prědъ, pri, sъ, u, vъ, za*. On the other hand, prepositions that do not serve as preverbs do not form PG compounds. A major exception is *bez*, which, despite not functioning as a preverb, is highly productive in PG compounds across all Slavic languages. This is explained historically: Proto-Indo-European had a privative prefix (**n̥-*) that was lost in Slavic, and *bez* filled this gap, producing forms like *bez-bož-ьnъ* ("godless"), derived from *bez boga* "without god", instead of using the general negator *ne-*. The distribution between negative compounds in *ne-* (with an adjective as the second member) and privative compounds in *bez-* (with a substantive as the second member) became blurred in most Slavic languages. Over time, Slavic PG compounding became productive even with newer or foreign prepositions (*okolo* "around, close to", *mežду* "between"), especially in modern technical or abstract vocabulary (*meždu-narodnyj*, "international").

Morphologically, PG compounds always use the basic (short) form of the preposition, not the older lengthened allomorph *pra-*, *pa-*, which is found in old compounds belonging to different types, like *pa-mętь* "memory". Unlike their Baltic counterparts, which have the lengthened form, Slavic PG compounds are aligned with the underlying preposition and have *pro-*, *po-*.

Derivationally, PG compounds form:

- **Adverbs**, typically without suffixes (e.g. *za-utra*, *vъ-kupě*, *o-krǫgъ*), or with archaic suffixes like *-ъ*/*-i*.
- **Adjectives**, most often with the productive suffix *-ьnъ* (e.g. *bez-um-ьnъ*, *pri-put-ьnъ*). This suffix replaced older PIE adjectival suffixes and became the default marker of relational adjectives in Slavic. Another suffix starts to compete with *-ьnъ* in Slavic, namely, *-ьskъ*, which was introduced in PG compounds due to analogical processes. Zero-suffix adjectival PG compounds, quite common in other IE languages, were rare in OCS but appear more often in modern Slavic (e.g. *bez-rukyj* "handless").
- **Nouns**, commonly in *-ьje*, particularly for spatial or abstract meanings (e.g. *pri-mor-ьje*, "seashore"; *bez-um-ьje*, "madness"). Some PG nouns derive from existing PG adjectives (*bez-vod-ьnъ* "without water" > *bez-vod-ьje* "absence of water"), while others originate directly from the PP. Additional noun-forming suffixes include *-ьstvo*, *-ьcь*, and *-ъkъ*, mostly in later or East Slavic usage. Those forms arose secondarily, for originally those suffixes were not used to form nominal PG compounds, contrary to *-ьje*. Instead, they were originally derivatives of PG adjective compounds and were subsequently reanalyzed as PG compounds. Some nominal PG compounds have no suffix at all. The article argues that they were not created directly from the PP but are back-formed from a PG adjective compound with an overt suffix. However, in the course of time it became possible to form a nominal PG compound without any overt suffix directly from the corresponding PP. The model was found in possessive compounds with a zero-suffix.

PG compounds are frequent in Greek. Greek influence on compounding was substantial in OCS, especially for theological and philosophical terms. This accounts for the relative frequency of this type in OCS whereas it is comparatively rare in other ancient Slavic languages. In modern Slavic languages, PG compounds are productive. The *bez-* series continues to yield privative adjectives and nouns. Compound adjectives like R *protivo-zakon-nyj* ("unlawful", lit. "that is against the law") or nouns like R *protivo-gaz* ("gas mask", lit. "against gas") illustrate the continuing flexibility of the type. The "new" prepositions like *okolo* and *meždu* now form PG compounds as the old inherited prepositions, witnessing the productivity of the system. Because of reanalyses that occurred in different types, the suffixes acquired a greater polyvalence. This helped the diffusion of the type, which is now common in Slavic languages.

REFERENCES BIBLIOGRAPHIQUES

Benveniste, Émile. 1967. Fondements syntaxiques de la composition nominale. *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris* 62. 15–31 (= *Problèmes de linguistique générale* 2, Paris, 1974, 145–162).

Birnbaum, Henrik, & Jos Schaeken. 1997. *Das altkirchenslavische Wort. Bildung – Bedeutung – Herleitung*. Munich: Sagner.

Le Feuvre, Claire. 2011. L'allongement des prépositions en composition en baltique et en slave. In Daniel Petit, Claire Le Feuvre, & Henri Menantaud (eds.), *Langues baltiques, langues slaves* (Actes du colloque *Baltic languages, Slavic languages: contact, confrontation, comparison*, Paris, 21-22 avril 2006), 199–222. Paris: CNRS Editions.

Sadovski, Velizar. 2000. Nominalkomposita im Euchologium Sinaiticum 1/N and Missale Sinaiticum 5/N. In Heinz Miklas, Sylvia Richter, & Velizar Sadovski (eds.), *Glagolitica. Zum Ursprung der slavischen Schriftkultur*, 130–149. Vienna: Austrian Academy of Sciences.

Vaillant, André. 1974. *Grammaire comparée des langues slaves*. *Tome IV. La formation des noms*. Paris: Klincksieck.

ЛЕКСИЧКО-СЕМАНТИЧКО ПОЉЕ „ПОРОДИЦА“ И СЛОВЕНСКЕ ПОСЕСИВНЕ ФОРМЕ

РАДМИЛО Н. МАРОЈЕВИЋ (СРБИЈА)
Универзитет у Београду
Филолошки факултет

0. ПРИСТУП. – 0.1. У реферату за XV Међународни конгрес слависта у Минску (Марojевић 2013: 147 и д.) дата је у дефинитивном облику оцјена двије претходне врсте конкуренције у прасловенском језику – конкуренција падежа за статус творбене базе посесивних суфикса (и за изражавање одређених типова посесивних значења) и конкуренција синтаксичких категорија (тј. падежа) и суфиксалних категорија (тј. посесива) за изражавање одређених типова посесивних значења.

0.2. Конкуренција (међусобна) посесивних суфикса у староруском језику и у историјском развоју руског језика била је предмет разматрања у публикованој докторској дисертацији (Марojевић 1983[а]: 63–110, 113–126, 182–175), о којој је реферисано и на руском језику (Мароевич 1983). Из ове монографије је издвојена и посебно објављена студија о посесивима са суфиксом *-ьńь* у историји руског језика (Марojевић 1983[б]: 7–60). Конкуренција посесивних суфикса у старославенском обрађена је у посебној расправи (Марojевић 1997[а]), прештампаној у ауторској књизи *Старославенске студије* (Марojевић 2000: 33–62).

0.3. Опис посесивних категорија настављен је описом посесивних изведеница. Антропонимске категорије у староруском језику (имена по мужу, мушки и женски патроними), као прилог питању реконструкције прасловенског антропонимског система, обрађене су прво у студији (Марojевић 1983[в]: 137–177), а онда и у монографији *Посесивне изведенице у старорускоm језику* (Марojевић 1985: 7–65).

0.4. Однос посесивних категорија и посесивних изведеница предмет је синтетичке студије на руском језику (Мароевич 1989: 121–139).

1. СУФИКС *-ьńь*. – 1.1. Генезом посесивног суфикса *-ьńь* позабавио се Радосав Бошковић: „Ми претпостављамо, наиме, да је посесивно *ьńь* настало код личних имена, граматичким преображајем именичког *ьпъ*, коме је дометнут – као функционално појачање – посесивни придевски суфикс *jь*“ (Бошковић 1973: 266).

1.2. У цитираној расправи Р. Бошковић налази да „непосредне остатке од тога сложенога – и досад нетачно тумаченога – суфикса *ьńь*“ представљају малобројни српски топоними типа *Љубишња* (планина), *Будишња* (село), *Радушња* (поток), да би одмах послије те констатације, у наредном пасусу, извео свој кључни закључак: „Из случајева типа *ljubišьńь* (= Љубишев), *budišьńь* (= Будишев) – то јест из категорије придева изведених од

личних имена – суфикс *ьńь* пренео се на лична appellativa, и ту се стегнуо и учаурио у једно прилично непродуктивно и релативно младо језгро посесивних придева типа *bratьńь*“ (Бошковић 1973: 271).

У катеорији nomina propria не може се ни доказати постојање посесивног суфикса *-ьńь* без везе с именицама породично-сродничких односа: примјери које Бошковић наводи – *L’ubišьńa* (gora), *Budišьńa* (vьsь ʻсело’), *Radušьńa* (voda, rěka) – могу имати алтернативно објашњење: супстантивизирани посесиви од имена *L’ubišьnъ, *Budišьnъ, *Radušьnъ изведени помоћу суфикса *-jь*.

1.3. Да се посесивни суфикс *-ьńь* преносио из категорије nomina appellativa на категорију nomina propria, и како се пренио, свједочи ојконим *Rodьńь*, који се појављује само у Лаврентјевском љетопису, при чему је посвједочена творбена база топонима, лично име *Rodъ* (Марojевић 1985: 84–85).

1.4. Да закључимо. Посесивни суфикс *-ьńь* формирао се несумњиво у катеорији nomina appellativa и то у лексичко-семантичком пољу ʻименице са значењем породично--сродничких односа’, у коме је првобитно суверено владао [види т. 2.2] и из кога се могао преносити на именице са значењем титуле и занимања, а спорадично и на именице из категорије nomina propria.

2. Посесиви на *-ьńь*. – 2.1. У реферату за XII Међународни конгрес слависта у Кракову, који је објављен у зборнику реферата руске делегације (Мароевич 1998: 615–621) да би потом био преведен, под насловом *Посесиви као хибридна врста речи прасловенског језика*, и укључен у књигу *Старославенске студије* (Марojевић 2000: 25–31), за коју је предговор написао Олег Николајевич Трубачов, дошли смо до сљедећих закључака: „У прасловенском језику је била формирана хибридна врста речи – посесиви (имена притяжательные, nomina possessiva), прелазна између супстантива (имена существительные, nomina substantiva) и адјектива (имена прилагательные, nomina adiectiva), као последица синкретизма старог аблатива и старог генитива и семантичке преоптерећености овог последњег после губљења посебног аблативног падешког облика. Посесивна значења старог генитива била су пренета на суфиксалне посесивне категорије (*-ъ*/*-ь*, *-jь*, *-ьńь*, *-inъ*, *-evъ*/*-ovъ*), које су преузеле заједно са значењем и синтаксичке позиције генитива […]“ (Марojевић 2000: 26).

2.2. У наведеном раду [види т. 2.1] примијенили смо терминолошку иновацију посесиви (умјесто терминâ „посесивни придjеви“ односно „притяжательные прилагательные“, којима смо се дотле служили, као и други аутори).

У расправи „Посесивни придеви са суфиксом *-ьńь* у историји руског језика“ (Марojевић 1983[б]) закључили смо да је у староруском језику формант *-ьńь* имао лексичко-граматичко обиљежје посесивног суфикса за означавање припадности по родбинској линији. Његов позни дериват, суфикс *-ńin*, формиран је у другој половини XVIII вијека. За разлику од свих других посесивних суфикса, који су имали значење индивидуалне припадности, формант *-ьńь* могао је, с једне стране, имати и значење посједовања [види т. 2.4] и, с друге стране, означавати припадност множини: *bratьńь* ʻкоји припада брату, браћи, (манастирској) братији’, *sestrьńь* ʻкоји припада сестри, сестрама, (манастирском) сестринству’. Савремени руски присвојни придјев *женúн* < *женнúн,* настао преображајем староруског посесива *ženьńь*, има мјесто акцента као генитив једнине, што одговара патријархалној заједници с моногамним браком. Савремени руски присвојни придјев *сéстрин,* настао преображајем староруског посесива *sestrьńь* има, међутим, мјесто акцента као именица у (некадашњем) генитиву множине *sestrъ*. Чињеница да је посесивни суфикс *-ьńь* могао означавати припадност множини представља још један доказ (руски: *лишнее доказательство*) да је он настао у категорији nomina appellativa са значењем породично-сродничких и њима сродних односа, а не у категорији nomina propria.

Наша расправа „Присвојни придеви (possessiva) у старославенском језику“ (Марojевић 1997[а], цит. по: Марojевић 2000: 33–35, 38–40) посвећена је шездесетогодишњици прве публикације чланка Н. С. Трубецког «О притяжательных прилагательных (possessiva) староцерковнославянского языка» у Белићевом зборнику (1937), који је у међувремену прештампан (Трубецкой 1987). Трубецки разликује живе форме, исцрпне форме, ванкњижевне форме и живе форме на путу одумирања. Посесиве са суфиксом *-ьńь* аутор убраја у исцрпне форме („исчерпывающие формы“). Разматрање суфикса *-ьńь* у старославенском језику Н. С. Трубецки завршава овако: „Наши памятники не позволяют судить о том, распространялся ли этот способ словообразования притяжательных прилагательных на все имена родства (и свойства) или только на некоторые от них. Но, даже если бы суффикс -бŸn- применялся во всех этих случаях, он был бы все же не живым, а лишь исчерпывающим, ибо категория имен родства – категория замкнутая, в которой новые слова за чрезвычайно редкими исключениями не возникают“ (Трубецкой 1987: 221).

На основу поредбене старославенско-староруске анализе, ми смо закључили, с једне стране, да суфикс *-ьńь* у старославенском језику н е о б у х в а т а ни све именице са значењем породично-сродничких односа: њега и у том кругу истискује посесивно *-jь* или се облици лексикализују, али се зато, с друге стране, како смо то показали у раду (Марojевић

1983[б]: 7–22), оцјена Трубецког може у потпуности примијенити на (рани) староруски језик, у којем су посесиви на *-ьńь* (по његовој терминологији) и с ц р п н е ф о р м е.

2.3. Трагови суфикса *-ьńь* у савременом српском језику разматрани су и у посебном раду (Марojевић 1982[а]) у којем се доказује да је посесив *синовљи* настао преображајем прасловенског облика *synovьńь*. Суфикс *-ин* у кругу неких апелатива прве деклинације настао је преображајем суфикса *-ьńь*: очин < *otьčьńь* (примарно је било *otьńь*), братин < *bratьńь*, тастин < *tьstьńь*.

2.4. У другом посебном раду (Марojевић 1981) описан је један специфичан семантички тип посесива са суфиксом *-ьńь* у прасловенском језику (и његови реликти у словенским језицима): *mǫžьńa* (žena) ʻ(жена) која има мужаʼ, *materьńь* ʻкоји има мајкуʼ, *otьńь* ʻкоји има оцаʼ, *bratьńa* (sestra) ʻ(сестра) која има братаʼ, *dětьńa* (estъ) ʻима дијете, трудна јеʼ и сл. Занимљив примјер је и синтагма из наслова чланка *деветбратња сестра* ʻсестра која има девет брата (деветорицу браће)ʼ из пјесме која је тада забиљежена у источној Србији.

За анализу која је предмет овог садашњег чланка од значаја су три момента. 1º Наведени семантички тип карактерисао је само посесивни суфикс *-ьńь* (и суфикс *-ьnъ* који му је генетски претходио, мада у овом посљедњем случају може бити ријеч и о депалатализацији сонанта *ń* → *n*). 2º Семантички тип са значењем посједовања није посвједочен у категорији nomina propria. 3º Семантички тип *bratьńa* (sestra) ʻ(сестра) која има братаʼ, *bezъbratьnica* ʻ(жена) која нема брата/браћуʼ ограничен је био на категорију nomina appellativa са значењем породично-сродничких и њима сродних односа. Ако се овај семантички тип ширио – ширио се опет на заједничке именице. Такав је посесив *žirьńь* ʻкоји има благоʼ у староруском спјеву *Слово о полку Игореве* (Марojевић 1985: 118–119).

3. И м е н а п о м у ж у н а *-ьńaja*, *-ьnaja*. – 3.1. Имена по мужу типа *Vьsevoložaja* први пут су уопште а на корпусу споменика староруског језика описана у часопису *Вопросы языкознания* (Мароевич 1981: 106–118). Затим је слиједио рад о прасловенским именима по мужу, њиховим траговима и судбини у српском језику (Марojевић 1982[б]: 231–234) и чланци о именима по мужу у староукрајинском (Марojевић 1986: 125–139) и старославенском језику (Марojевић 1997[б]: 179–183).

3.2. Једним знимљивим, побочним семантичким развојем категорија имена по мужу добила је секундарно значење иконе повећене Богородици, а затим и Богородичине цркве – *Пирогощая* (Мароевич 1993[б]: 80–84), *Иванъковая* (Мароевич 1995: 86–94). Трагови еклезионимâ у форми именâ по мужу су и (ак.) *Петрову* из пјесме *Опет зидање Раванице* и име цркве *Давидовица*, коју је у XIII вијеку подигао монах Давид (Марojевић 1985: 139).

3.3. Први рад о именима по мужу којим смо отпочели бављење овом категоријом и посесивним формама уопште јесте чланак под насловом „Шурњаја“ (Марojевић 1979: 189–192). Насловна именица настала је од femininum-а посесива, изведеног помоћу суфикса *-ьńь* од именице *šurъ*, и femininum-а анафорске замјенице *jь* у значењу ʻшурева женаʼ. Мјесто акцента било је одлучујући фактор различите лексикализације именица *стрина*, *ујна* и именице *шурњаја*. У првом случају дошло је до губљења *j* у интервокалском положају, контракције двају вокала и (у штокавском = српском) губљења дужине. У другом случају, под утицајем именица на *-aja*, посесив формално одређеног вида врло рано је изгубио сложену придјевску а добио именичку промјену уз преинтеграцију као тип промјене у морфемској структури: *šurьń-aja* → *šurьńaj-a* (Марojевић 1985: 16).

3.4. У српском језику посвједочена су, дакле, имена по мужу и са суфиксом *-ьń*(aja), и са суфиксом *-ьn*(aja), али само у катеорији nomina appellativa са значењем породично-сродничких односа. Овај други суфиксални тип могао је настати као резултат секундарног процеса депалатализације сонанта *ń*. И у староруском језику имена по мужу са суфиксом *-ьń*(aja) ограничена су на апелативе (Марojевић 1985: 23). Другим ријечима, немамо података да су се имена по мужу са суфиксом *-ьń*(aja) односно *-ьn*(aja) преносила на лична имена, али јесу на именице са значењем занимања и титула.

4. Женски патроними на *-ьna*. – 4.1. Женски патроними су, први пут уопште, тј. као категорија, обрађени у расправи (и другој монографији) из т. 0.3. На руском језику они су, заједно с мушким патронимима, описани у раду објављеном у зборнику грађе и истраживања *Општесловенског лингвистичког атласа* за 1988–1990. годину (Мароевич 1993[a]: 103–116). Издвајају се три типа ове специфичне источнословенске антропонимске категорије у формирању: све их повезује суфикс *-(ь)па*, али је једнима творбена база лично име или апелатив са значењем лица (тип *Ярославна*, *княжна*), другима – посесив (тип *Петровна*, *королевна*), трећима – мушки патроним (тип *Фоминична*).

4.2. Међу примјерима за преношење, „једним уским екскурзивним покретом“, посесивног суфикса *-ьnъ* на лична appellativa Радосав Бошковић наводи из српског језика и једну именицу са значењем женског патронима, а то је *сестрична* (Бошковић 1973: 270). Нема сумње да је тај јединствени примјер femininum посесива изведеног суфиксом *-ьnъ* од хипокористика *sestrica* < *sestrīkā (најприје је првом палатализацијом *k* > *č* у посесиву, а онда трећом палатализацијом *k* > *c* у именици).

4.3. То што су женски патроними у историјском развоју руског језика извођени само са сификсом *-ьn*(a), а не и са суфиксом *-ьń*(a), свједочи да почетак генезе женских патронима сеже у епоху кад је био формиран посесивни суфикс *-ьnъ*, а није још био функ-

ционално појачан посесивним суфиксом *-јь*. У руском језику декорелацијом добијени патронимски суфикс *-ьпа* > *-на* преносио се с апелатива на лична имена, а не обрнуто.

4.4. У српском језику супстантивизирани посесив у значењу женског патронима *sestričьna* као једини примјер свједочи да су именице из лексичко-семантичког поља „породица и породично-сроднички односи“ матични ареал и суфикса *-ьпъ* и његовог деривата, суфикса *-ьńь*. С друге стране, то што мушки патроними немају ни суфикс *-ьпъ* ни суфикс *-ьńь* у својој творбеној бази говори у прилог томе да су се формирали раније. […]

5. Исходи. – 5.1. Лексичко-семантичко поље „породица“ имало је у прасловенском језику и у првим фазама развоја српског, руског и других словенских језика несумњиво и своје граматичко (деривационо) обиљежје. Њега карактерише извођење посесива (тзв. присвојних придјева) помоћу суфикса *-ьńь* без ограничења у погледу припадности творбених база овом или оном типу именичких основа.

5.2. Лексичко-семантичко поље „породица“ не треба схватати у данашњем ужем значењу (родитељи и дјеца), па ни у значењу породичне задруге, већ у ширем значењу „род“ са одговарајућим патријархалним устројством, у који су се укључивала и лица из других родова, и то не само невјесте (снахе) и зетови него и лица која су се економски прикључивала тој широкој породичној заједници.

5.3. Доказ да су се суфикс *-ьпъ* и његов дериват *-ьńь* формирали у категорији nomina appellativa са значењем породично-сродничких и њима сродних односа, а не у категорији nomina propria, како је мислио Р. Бошковић, који се први студиозно позабавио њиховим постанком, налазимо у чињеници да су се посесивне изведенице у категорији имена по мужу са овим суфиксима образовале само у кругу заједничких именица са значењем породичних и њима сродних односа (*stryjьnaja*/*stryjьńaja*, *šurьńaja*), као и у чињеници да се значење женског патронима зачело у лексичко-семантичком пољу „породица“, а у српском и остало у том кругу (*sestričьna*).

5.4. Поред значења припадања, које карактерише све посесиве и њихове изведенице (тип *bratьńь* domъ), само образовања са суфиксом *-ьпъ* и његовим дериватом *-ьńь* и само у лексичко-семантичком пољу „породица“ имала су и значење посједовања (тип *bratьńa* sestra), и значење припадности множини.

Кључне ријечи: суфикс *-ьńь*, посесивне категорије, посесиви, значење припадања, значење посједовања, посесивне изведенице, имена по мужу, женски патроними.

ЛИТЕРАТУРА

Бошковић Р. Старословенска adjectiva possessiva на *ьńь*. *Наш језик* XIX (1973): 265–272.

Мароевич Р. Оппозиция определенных и неопределенных форм притяжательных прилагательных. (К вопросу о природе имен типа *Vьsevoložaja* в древнерусском языке). *Вопросы языкознания* 5 (1981): 106–118.

Мароевич Р. Посессивные категории в русском языке: (история развития и современное состояние). *Научные доклады высшей школы: Филологические науки* 5 (1983): 56–61.

Мароевич Р. К реконструкции праславянской системы посессивных категорий и посессивных производных. *Этимология: 1986–1987*. Москва: Наука (1989): 121–139.

Мароевич Р. Патронимы в системе категорий принадлежности древнерусского языка. *Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1988–1990*. Москва: Наука (1993[а]): 103–116.

Мароевич Р. Пирогощая в „Слове о полку Игореве“ и древнерусских летописях. *Научные доклады высшей школы. Филологические науки* 1 (1993[б]): 80–84.

Мароевич Р. Семантическая двуплановость посессивных производных типа *Иванъковая* в древнерусском языке: (к толкованию грамматики и семантики формы в русском историческом языкознании). *Научные доклады высшей школы. Филологические науки* 3 (1995): 86–94.

Мароевич Р. Н. Посессивы – гибридная часть речи праславянского языка: (на материале старославянских и древнерусских памятников). *Славянское языкознание*: XII Международный съезд славистов. Краков, 1998 г. Доклады российской делегации. Москва: Наука (1998): 615–621.

Марojевић Р. Шурњаја. *Јужнословенски филолог* XXXV (1979): 189–192.

Марojевић Р. „Деветбратња сестра“ у народној песми. О једном творбено-семантичком типу словенских посесивних придева. *Јужнословенски филолог* XXXVII (1981): 243–249.

Марojевић Р. Посесивни придеви типа *синовљи* у компаративно-историјској перспективи. *Научни састанак слависта у Вукове дане (16–20. IX 1981). Реферати и саопштења* 11/2 (1982[а]): 43–47.

Марojевић Р. Прасловенска имена по мужу, њихови трагови и судбина у српскохрватском језику. *Књижевност и језик* XXIX/3–4 (1982[б]): 231–234

Марojевић Р. *Посесивне категорије у руском језику (у своме историјском развитку и данас)*. Београд: Филолошки факултет (1983[а]).

Марojевић Р. Посесивни придеви са суфиксом *-ьńь* у историји руског језика. *Зборник за филологију и лингвистику* XXVI/1 (1983[б]): 7–60.

Марojевић Р. Антропонимске категорије у староруском језику. (Прилог питању реконструкције прасловенског антропонимског система). *Ономатолошки прилози* IV (1983[в]): 137–177.

Марojевић Р. *Посесивне изведенице у старорускоm језику*: *Антропонимски систем. Топонимија*. „Слово о полку Игореве“. Београд: Филолошки факултет (1985).

Марojевић Р. Имена по мужу у староукрајинском језику. *Ономатолошки прилози* VII (1986): 125–139.

Марojевић Р. Присвојни придеви (possessiva) у старославенском језику. *Студије српске и словенске*. Серија I: *Српски језик* II/1–2 (1997[а]): 153–183.

Марojевић Р. Имена по мужу у старословенском језику. *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику* XL/2 (1997[б]): 179–183.

Марojевић Р. *Старославенске студије*. Београд: Филолошки факултет – Крагујевац: „Нова светлост“ (2000).

Марojевић Р. Посесивне категорије у прасловенском језику: (конкуренција посесивних падежа и посесивних суфикса). *Зборник Матице српске за славистику* 83 (2013): 147–170.

Трубецкой Н. С. *Избранные труды по филологии*. Москва: Прогресс (1987).

ATLAS OF THE BALKAN LINGUISTIC AREA

EVANGELIA ADAMOU (FRANCE), ANDREY SOBOLEV

When language contact leads to systematic changes across unrelated languages over time, a *Sprachbund* or *linguistic area* may emerge. We adopt Joseph's (2010) definition, which highlights the role of intense bilingual contact in forming shared linguistic features not due to inheritance or independent innovation.

The Balkans have long been central to such studies, with early comparative work evolving into systematic research supported by structuralist theory. Despite rich documentation, debate continues on defining Balkan features and their boundaries. Some features appear beyond the region, and their manifestation varies. Wiemer's metaphor of nested *matryoshka* dolls illustrates the complex layering of linguistic influence.

Nevertheless, historical multilingualism and documented language convergence support recognizing the Balkans as a linguistic area. Our study includes both traditional features and contemporary changes reflecting ongoing multilingualism.

The Atlas of the Balkan Linguistic Area documents 103 linguistic features (phonological to sociolinguistic) across 60 varieties in and around the Balkans. The data helps test the validity and limits of the "linguistic area" concept. By including varieties from peripheral and neighboring regions, we control for inherited versus contact-induced change and highlight endangered bilingual practices threatened by nation-state language policies.

Most Balkan languages are Indo-European (Slavic, Romance, Albanian, Greek, Armenian, Romani) with some Turkic. We selected 60 varieties using linguistic, sociolinguistic, and geographical criteria, including diaspora and peripheral varieties to ensure comprehensive coverage. Both standardized and non-standard dialects were considered to reflect contact effects and language change. Language names reflect scholarly use and speaker identity. Each dataset includes the commonly used English name, local name, and any alternative forms. Locations refer to where the data was collected, not necessarily the origin of speakers, acknowledging the dynamic nature of bilingual adaptation.

Data came from fieldwork and secondary sources (e.g., grammars, corpora). Two methods dominated:

- Corpus-based research (e.g., folktales, interviews) provided real-life usage patterns.
- Elicitation (e.g., structured questionnaires) allowed targeted data collection for less common features.

Data was geocoded using GIS tools to visualize the presence or absence of features at specific locations, allowing for dialectological and typological mapping.

The Atlas presents a selection of 93 linguistic features, combining well-established Balkan areal traits with less-explored typological phenomena such as word order, possession, aspect, and palatalization. The goal is to bridge Balkan linguistics with typology by framing features both in Balkan-specific and general linguistic terms. A core example is the widespread use of a dental or alveolar modal subordinator (e.g., *da*, *të*, *te*, *na*, *să*) followed by a finite verb—a development linked to the loss or reduction of the infinitive across Balkan languages. This construction is found in Balkan Slavic, Albanian, Romance, Greek, Romani, Turkish, Armenian, Judeo-Spanish, and Corfioto. The Atlas includes features like *Distinct modal subordinators*, *Infinitive forms/functions*, and *Finite vs. non-finite subordination*, while reassessing their roles in contact-induced change. Other features, such as enclitic definite articles in Balkan Slavic, Romanian, Aromanian, and Albanian, show both contact-induced and independent grammaticalization. The BLA also assesses which traditionally proposed Balkan features are truly contact-based, using a refined methodological framework. To broaden the perspective, contributors were invited to submit features relevant to their language(s). Editors curated a balanced set of features — shared across regions or localized, covering all linguistic domains (e.g., phonology, lexicon, syntax, prosody).

A specific focus is on 26 lexical features labeled ERIC (Essentially Rooted in Conversation), including borrowings of rare categories like pronouns and kin terms, as well as frequent items like interjections and taboo words. Examples include the greeting structure "what + do.2SG" (e.g., *ti kaneis?*, *ç'ka po bën?*, *kakvo praviš?*) and the Turkish-derived exhortative *hay de* ("c'mon!") or *tamam* ("okay"), now widespread in Balkan languages.

The Atlas includes 22 noun phrase features, 19 verb phrase features, 8 complex clause features, 13 simple clause features, 1 word order feature, and 16 phonological/phonetic/prosodic features — many showing localized convergence processes. Feature values are expressed as binary, multivalued, or percentage-based, and visualized through maps.

Each feature was developed through a 7-step methodology: defining the feature, tracing its historical presence, examining parallels across varieties, assessing typological rarity, identifying contact sources and models, and analyzing the mechanism of change (e.g., transfer, borrowing, priming).

The Atlas opens with an introduction, followed by a sociolinguistic description of the 60 language datasets, and 93 chapters — each presenting one feature. Chapters include

background, examples, feature values across languages, and a summary. Each feature is mapped across 60 localities, with color-coded values and pie charts. Maps omit political borders. Toponyms follow official names with simplified transliterations to avoid political implications. Examples are provided in IPA or alphabetic transcription with Leipzig Glossing, marking the data type (e.g., naturalistic speech). Chapters are grouped by domain: greetings and borrowings, followed by syntax (noun/verb/simple/complex clauses, word order), and ending with phonetics, prosody, and sociolinguistics. Bibliographic references (750+) appear at the end, with an expanded list (870) online.

The Atlas reflects collaboration among 25 language dataset authors, 19 feature editors, and 2 general editors. Feature editors designed the feature sets and wrote the chapters; dataset authors contributed and revised data; general editors coordinated the process across the three-year project. Authorship order follows the CRediT taxonomy.

Each contributor is responsible for their respective content (e.g., dataset authors for data and analysis, editors for background and summary). The two PIs ensure the integrity of the overall project.

The Atlas demonstrates structural convergence across Balkan languages — shaped by multilingual communities, intermarriage, and long-term contact. While some features extend to Italy and Anatolia, others are tightly localized.

The Atlas covers 14,400 data points and is accompanied by an interactive online database (abla.cnrs.fr) that follows FAIR principles (Findable, Accessible, Interoperable, Reusable). The platform includes full feature sets and examples from fieldwork or publications and uses color-blind-friendly design.

Though geared toward linguists, the Atlas is accessible to broader audiences and represents a significant milestone in areal and contact linguistics.

LEKSYKALNE ZAPOŻYCZENIA ROMAŃSKIE W GWARACH SŁOWIAŃSKICH NA PODSTAWIE *OGÓLNOSŁOWIAŃSKIEGO ATLASU JĘZYKOWEGO* (OLA)

PRZEMYSŁAW DĘBOWIAK (POLSKA)
Uniwersytet Jagielloński, Kraków
przemyslaw.debowiak@uj.edu.pl
ORCID: 0000-0002-6302-9391

JADWIGA WANIAKOWA (POLSKA)
Uniwersytet Jagielloński, Kraków
jadwiga.waniakowa@uj.edu.pl
ORCID: 0000-0002-1651-1572

Celem artykułu jest przedstawienie zapożyczeń romańskich w gwarach słowiańskich na podstawie serii leksykalno-słowotwórczej *Ogólnosłowiańskiego atlasu językowego* (*Общеславянский лингвистический атлас*, OLA). Choć o zapożyczeniach zawartych w OLA pisano sporo (por. np. Siatkowski 2002: 237-243, 2004[1]), to pożyczkom romańskim na podstawie atlasu nie poświęcono dotąd osobnego opracowania. Z uwagi na niewielką objętość niniejszego tekstu ograniczamy się do skrótowego przedstawienia najważniejszych wniosków płynących z analizy tomów atlasu.

Materiał leksykalny do OLA był zbierany w latach 60. i na początku lat 70. XX wieku i jako taki stanowi nie tylko skarbnicę słownictwa gwarowego, które obecnie odchodzi w niepamięć, ale także cenną dokumentację historycznych wpływów romańskich na gwary słowiańskie. Atlas jest dobrym źródłem do ich badania, ponieważ obejmuje całą Słowiańszczyznę, a tytuły map gwarantują jednoznaczność leksyki. Ponadto mapy ukazują obraz geograficznej lokalizacji zapożyczeń oraz ich zasięgi terytorialne, czego nie zapewniają słowniki ani inne źródła gwarowe, a w legendach znajdują się zwięzłe komentarze etymologiczne do przedstawionych form, w tym do zapożyczeń[2]. Koncentracja poszczególnych pożyczek na określonych terytoriach pozwoliła na sporządzenie zbiorczych map zapożyczeń w później wydanych tomach atlasu, opracowanych na podstawie map dla poszczególnych desygnatów. Przedstawiono na nich liczbę zapożyczonych podstaw słowotwórczych w danym znaczeniu w poszczególnych punktach.

Autorzy OLA podkreślają, że niekiedy trudno ostatecznie rozstrzygnąć, czy dany wyraz jest zapożyczeniem i dla wielu wyrazów „podejrzewanych" o wpływ obcy nie udaje się określić ich źródła (por. np. Rembiszewska, Siatkowski 2009: 202). Szczególnie kłopotliwe jest ustalenie bezpośredniego źródła zapożyczeń przy pożyczkach romańskich. Na południu Słowiańszczyzny należy przyjmować, że jest ono włoskie lub friulskie, jednak wydzielenie

[1] Janusz Siatkowski zajmuje się zapożyczeniami zawartymi w OLA 8 (Zawody i życie społeczne).
[2] W atlasie rozróżnia się zapożyczenia bez formalnych zmian (wtedy z przyimkiem „из") i przekształcone morfologicznie (z przyimkiem „от"). W później wydanych tomach atlasu przy wyrazach sporadycznych, które na mapach oznaczono gwiazdką lub znakiem odpowiadającym mapowanemu rdzeniowi z gwiazdką w środku, informacja o źródle pożyczki znajduje się w indeksach materiałowych na końcu tomów.

pożyczek friulskich jest skomplikowane.

Poniżej przedstawiamy najistotniejsze wnioski płynące z analizy treści tomów OLA[3].

Zapożyczenia włoskie występują we wszystkich do tej pory wydanych tomach OLA z serii leksykalno-słowotwórczej. Ich zasięg geograficzny obejmuje gwary: słoweńskie (na terenie Włoch i na zachodzie Słowenii, ale też w Austrii); chorwackie (na północy Chorwacji, na Istrii, Krku i w okolicy Matulji, na wyspach Vis, Hvar i wzdłuż wschodniego wybrzeża Adriatyku oraz w Abruzji we Włoszech, ale też w Austrii i na Węgrzech); czarnogórskie i bośniackie; sporadycznie gwary serbskie (też w Rumunii); macedońskie; bułgarskie (w Rumunii); polskie; czeskie (na wschodzie Czech); rosyjskie; ukraińskie (głównie na zachodzie Ukrainy); białoruskie[4]. Największa koncentracja italianizmów występuje w gwarach słoweńskich i chorwackich wzdłuż brzegu Morza Adriatyckiego i na wyspach adriatyckich. Jak stwierdza Siatkowski (2004: 116), szczegółowe zestawienie zapożyczeń włoskich w OLA z materiałami pozaatlasowymi pokazuje, że wpływy włoskie w południowej Słowiańszczyźnie wyraźnie się cofają, a materiały OLA dobrze oddają występowanie archaicznych pożyczek na tym obszarze. Italianizmy wywodzą się zarówno z języka ogólnego, jak i z dialektów włoskich, w tym często z weneckiego.

Zapożyczenia friulskie pojawiają się we wszystkich tomach OLA z serii leksykalno-słowotwórczej, lecz są o wiele mniej liczne niż pożyczki włoskie. Występują w gwarach słoweńskich na zachodzie Słowenii i w Rezji we Włoszech (także w Austrii i na Węgrzech), chorwackich (głównie na północy Chorwacji, też na Istrii, Cresie, Krku, Hvarze i Visie) i w mniejszym stopniu w gwarach serbskich. Pożyczki friulskie mają pochodzenie gwarowe.

Pożyczki (dako)rumuńskie to wyrazy nazywające: zwierzęta hodowlane i domowe (OLA 2); rośliny i ich części (OLA 3); elementy rzeczywistości gospodarstwa wiejskiego (OLA 4); elementy rzeczywistości pasterskiej (OLA 8); części ciała człowieka i zwierzęcia (OLA 9); inne (OLA 10, 12). Ich zasięg geograficzny obejmuje lokalnie gwary ukraińskie (w Rumunii, Mołdawii i na pograniczu z Rumunią), rzadziej chorwackie, serbskie (głównie w Rumunii), bułgarskie w północno-zachodniej i północno-wschodniej Bułgarii oraz w Rumunii, słowackie (też na Węgrzech). Niewątpliwie pożyczki w gwarach słowiańskich na obszarze Rumunii i na terenach graniczących z Rumunią (ukraińskie, bułgarskie i serbskie) oraz w Mołdawii (ukraińskie) są (dako)rumuńskie. Co do pozostałych terenów – należałoby

[3] W OLA 1 zwykle brak odniesień do zapożyczeń w komentarzach. Innym problemem jest fakt, że część tomów atlasu nie obejmuje materiałów z obszaru Bułgarii, stąd ewentualne wpływy romańskie na gwary bułgarskie są zaprezentowane w OLA tylko częściowo. Materiały bułgarskie są obecne w pięciu tomach: OLA 4, 6, 9, 10 i 12.

[4] Co do zapożyczeń włoskich w gwarach serbskich i bułgarskich w Rumunii oraz w gwarach ukraińskich, należałoby za każdym razem zbadać, czy nie są to zapożyczenia rumuńskie.

szczegółowo zbadać historię i etymologię tych pożyczek, ponieważ mogą to być zapożyczenia np. istrorumuńskie lub wołoskie. Materiały pozaatlasowe świadczą o zapożyczeniach (dako)rumuńskich także w gwarach polskich. Pożyczki (dako)rumuńskie są pochodzenia głównie gwarowego.

Zapożyczenia istrorumuńskie nie są wydzielone w OLA. Po przeprowadzeniu analizy etymologicznej można stwierdzić, że to wyrazy nazywające psa i sukę (OLA 2), a ich zasięg geograficzny obejmuje tylko lokalnie gwary chorwackie, bośniackie i serbskie. Są to pożyczki pochodzenia gwarowego.

Pożyczki wołoskie to głównie wyrazy nazywające zwierzęta hodowlane i domowe (OLA 2), niektóre rośliny (OLA 3) oraz siarę (młodziwo) (OLA 6). Ich zasięg geograficzny obejmuje gwary: słowackie na całym terenie Słowacji (także na Węgrzech); czeskie na wschodzie Czech; polskie w południowej i południowo-wschodniej Polsce (świadczą o tym materiały pozaatlasowe) oraz w punktach przesiedleńczych; ukraińskie w Mołdawii, w zachodniej i środkowej Ukrainie, a także na terenie Rosji; macedońskie (także na terenie Grecji i Albanii); serbskie, czarnogórskie i bułgarskie (też w Rumunii). Zapożyczenia wołoskie mają pochodzenie gwarowe i charakteryzują się rozległym zasięgiem geograficznym. Są zaliczane w OLA do rumunizmów, co nie jest właściwe z punktu widzenia rozwoju języków romańskich.

Zapożyczenia z francuskiego reprezentowane w OLA są różnorodne semantycznie, ale dość rzadkie. Są to np. wyrazy nazywające: sad, ogród, słonecznik (OLA 4); akuszerkę, sędziego, zeszyt, pieniądze (OLA 8); łydkę (OLA 9); piłkę (OLA 10); inne (OLA 12). Występują dość licznie w OLA 12 i są całkiem przydatne – derywaty słowiańskie oparte na tych samych leksemach francuskich okazują się na tyle pojemne semantycznie, że występują nawet na kilku mapach, tj. w kilku znaczeniach. Galicyzmy pojawiają się sporadycznie w gwarach polskich (zwłaszcza w centralnej i północno-wschodniej Polsce), rosyjskich (zwłaszcza na północnym zachodzie Rosji, ale głównie w rozproszeniu), ukraińskich (głównie na zachodnim brzegu Dniepru) i białoruskich, efemerycznie w gwarach czeskich i serbskich. Źródłem zapożyczeń francuskich jest język ogólny, nie gwary.

Zapożyczenia dalmatyńskie zostały wskazane w OLA 6. Są to wyrazy nazywające studnię i szklankę. Ich zasięg to gwary chorwackie wzdłuż wschodniego wybrzeża Morza Adriatyckiego oraz w Abruzji we Włoszech. Nie znaczy to, że są to jedyne pożyczki dalmatyńskie notowane w OLA. Z pewnością sporo z nich kryje się w słownictwie określonym w atlasie jako zapożyczenia romańskie bez sprecyzowania języka pochodzenia. Zapożyczenia dalmatyńskie są dawne i wywodzą się z gwar.

Jeśli chodzi o typologię pożyczek romańskich w gwarach słowiańskich na podstawie tomów z leksykalno-słowotwórczej serii OLA, można je zaliczyć do zapożyczeń leksykalnych, w przeważającej części właściwych (przejęcie formy wraz ze znaczeniem), choć niekiedy dochodzi do przeniesienia czy też przesunięcia znaczenia (zapożyczenia oparte na metaforach pojawiają się zwłaszcza wtedy, gdy rodzime nazwy desygnatów też są metaforyczne). Wśród pożyczek obserwuje się także zapożyczenia hybrydowe, stanowiące połączenia zapożyczeń z dwóch języków. Zapożyczenia romańskie w gwarach słowiańskich zawarte w OLA są przeważnie całkowite (całkowicie przystosowane do etnolektu-biorcy pod względem fonetycznym, słowotwórczym i fleksyjnym). Są to pożyczki fonetyczne – zapożyczona została forma brzmieniowa z etnolektu-dawcy. Poza tym są zwykle zapożyczeniami bezpośrednimi. Omawiane pożyczki stanowią podstawy słowotwórcze licznych derywatów, a także występują jako człony zestawień i złożeń, co świadczy o ich całkowitym przyswojeniu do gwar słowiańskich i głębokim zakorzenieniu.

Pewnym problemem w kontekście pożyczek romańskich są zapożyczenia z łaciny, ponieważ w niektórych przypadkach mają one charakter raczej pożyczek romańskich, nie łacińskich. Podstawą takiej hipotezy jest zasięg geograficzny zapożyczeń: jeśli lokalizacja geograficzna pożyczek jest daleka od potencjalnych wpływów języków romańskich, można je uznać za łacińskie, jeśli natomiast znajdują się one w bliskim sąsiedztwie języków romańskich, należy dokładnie zbadać, czy nie są to skutki wpływów romańskich.

Niektóre zapożyczenia w OLA nie mają ustalonego pochodzenia lub jest ono wskazane tylko z pewnym prawdopodobieństwem. Rzecz wymaga zatem dogłębnego zbadania. Ze względu na braki w tym zakresie w pierwszym tomie i w pozostałych wskazane byłoby ponowne całościowe i dokładne (z uwzględnieniem obfitych źródeł i opracowań spoza atlasu) przebadanie zapożyczeń romańskich w słowiańskim materiale leksykalnym zgromadzonym w OLA. Pozwoliłoby to na precyzyjniejsze ukazanie zasięgów pożyczek romańskich i dokładniejsze określenie wpływów romańskich na gwary słowiańskie.

LITERATURA

Rembiszewska D. K., Siatkowski J., 2009, *Заимствования*, [w:] *Общеславянский лингвистический атлас*, t. 9: *Человек*, Kraków, s. 202-210.

SGP – *Słownik gwar polskich*, opr. przez Pracownię Dialektologii Polskiej Instytutu Języka Polskiego PAN w Krakowie, red. M. Karaś, S. Urbańczyk, J. Reichan, J. Okoniowa, B. Grabka, R. Kucharzyk, Wrocław – Kraków etc. 1979 i n.

Siatkowski J., 2002, *Pożyczki obce w materiałach Ogólnosłowiańskiego atlasu językowego*, [w:] *Z polskich studiów slawistycznych*, Seria X, *Językoznawstwo*, Warszawa, s. 237-243.

Siatkowski J., 2004, *Studia nad wpływami obcymi w Ogólnosłowiańskim atlasie językowym*, Warszawa.

Snoj SES – M. Snoj, *Slovenski etimološki slovar*, druga, pregledana in dopolnjena izdaja, Ljubljana 2003.
Vasmer ES – Фасмер М., 1964–1973, *Этимологический словарь русского языка*. Перевод с нем. и дополнения О. Н. Трубачева, I–IV, Москва.

WYKAZ EKSCERPOWANYCH ŹRÓDEŁ

OLA 1 – *Общеславянский лингвистический атлас*, Выпуск 1: *Животный мир*, Гл. ред Р. И. Аванесов, Москва 1988.
OLA 2 – *Общеславянский лингвистический атлас*, Выпуск 2: *Животноводство*, Под ред. Я. Басары и др., Warszawa 2000.
OLA 3 – *Общеславянский лингвистический атлас*, Выпуск 3: *Растительный мир*, Гл. ред. А. И. Подлужный, Минск 2000.
OLA 4 – *Общеславянский лингвистический атлас*, Выпуск 4: *Сельское хозяйство*, Под ред. А. Ференчиковой и др., Bratislava 2012.
OLA 6 – *Общеславянский лингвистический атлас*, Выпуск 6: *Домашнее хозяйство и приготовление пищи*, Отв. ред. Т. И. Вендина, Москва 2007.
OLA 8 – *Общеславянский лингвистический атлас*, Выпуск 8: *Профессии и общественная жизнь*, Под ред. Я. Басары и Я. Сятковского, Warszawa 2003.
OLA 9 – *Общеславянский лингвистический атлас*, Выпуск 9: *Человек*, Под ред. Я. Сятковского и Я. Ваняковой, Kraków 2009.
OLA 10 – *Общеславянский лингвистический атлас*, Выпуск 10: *Народные обычаи*, Отв. ред. Т. И. Вендина, Москва 2015.
OLA 12 – *Общеславянский лингвистический атлас*, Выпуск 12: *Личные черты человека*, Отв. ред. Т. И. Вендина, Москва 2020.

SLOVENE IN THE CONTEXT OF THE HYPOTHESISED CENTRAL EUROPEAN CONVERGENCE LINGUSITIC AREA

MATEJ ŠEKLI (SLOVENIA)
Univerza v Ljubljani, Filozofska fakulteta;
ZRC SAZU, Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša
matej.sekli@guest.arnes.si

The Slovene-German language contact in the Eastern Alps and western part of the Pannonian Basin, which in the greater part of the Slovene linguistic area lasted from the second half of the 8th century until the dissolution of the Austro-Hungarian Empire in 1918, is reflected in linguistic borrowing and imitation on the level of vocabulary and grammar. While the adoption of vocabulary was to some extent bilateral (note, however, that the amount of Germanisms in Slovene is disproportionately bigger than the number of Slovenisms in German), the innovations in grammatical structure mainly reflect the influence of German on Slovene.

On the level of vocabulary, the mutual influence between the two languages is confirmed by the different types of borrowed vocabulary, viz.: 1) geographical names of pre-Latin and Latin origin in the Eastern Alpine region and western Pannonia were adopted from Balkan Romance and Alpine Romance into Proto-Slavic and Alpine Western South Slavic and eventually from the latter into Bavarian Old High German (e.g., Lat. *Albanta*, Balk. Rom. **Albanta* → PSl. **Ălbăntŭ* > **Olbǫtъ* > Alp. WSSl. **Labǫt* > Sln. *Lábot* 'Lavamünd/Labot' – Germ. *Lavant* 'Lavant/Labotnica'); 2) geographical names of Slavic origin were borrowed into German (e.g., PSl. **balta* (> **bőlto* > Alp. WSSl. **blàto*) 'mud, swamp' – Germ. *Palt*); 3) christian personal names of various origin were adopted from Medieval Latin into Slovene through Old and Middle High German (e.g., Lat. *Johannes* – Sln. *Janež*, Lat. *Ursula* – Sln. *Uršula*); 4) German geographical names were integrated into Slovene (e.g., Germ. *Bleiburg* – Sln. *Pliberk*, Germ. *Drauburg* – Sln. *Traberk* 'Dravograd'); 5) Bavarian Old and Middle High German loandwords are spread throughout the entire Slovene linguistic area (e.g., OHG *scāri* – Sln. *škârje* 'scissors', MHG *volgen* – Sln. **bǫ̑lgati* > *bǫ̑gati* 'to obey'); 6) Slovene loanwords in the Southern Bavarian-Austrian dialects are disproportionately less common; some of them nevertheless form part of the Austrian variant of Standard German (e.g., Sln. *hiša* – Austr. Germ. *Keusche* 'hut, cottage', Sln. *južina* – Austr. Germ. *Jause* 'snack'); 7) so-called Austricisms, i.e. loanwords from Austrian Standard and Colloquial German (until the end of the Frist World War), in Standard and Colloquial Slovene (e.g., Austr. Germ. *Kredenz* – Sln. *Kredẹ̑nca* 'cupboard', Austr. Germ. *Fauteuil* – Sln. *fotẹ̑lj* 'armchair'); 8) so-called Europeanisms, i.e. lexical items of Greek-Latin origin, were adopted into Standard Slovene via

Austrian Standard German (until the end of the First World War) (e.g., Germ. *Zone* – Sln. *cǫ̑na* ‘zone’, Germ. *Sport* – Sln. *špǫ̑rt* ‘sports’); 9) German calques in Slovene (e.g., Germ. *verstehen* – Coll. Sln. *zastopīti* ‘to understand’); 10) German calqued idioms in Slovene (e.g., Sln. *dobro se odrezati*, Germ. *sich gut abschneiden* ‘to do well’), including several proverbs (e.g., Germ. *Jeder ist seines Glückes Schmied* – Sln. *Vsak je svoje sreče kovač* ‘Every man is the architect of his own fortune’).

On the level of grammar, the influence of German on Slovene is displayed by the following grammatical phenomena: 1) German suffixes, adopted together with loanwords, viz. *-ar* (e.g., MHG *krame* – Sln. *krâma* ‘trumpery, junk’ vs. MHG *kramære* – Sln. *krâmar* ‘small dealer’; Sln. *Kǫ́ča* ‘cottage, hut’ – *kǫ̑čar* ‘cottager’), *-inga*/*-unga* (e.g., MHG *geriuwen* ‘to sadden’ – Dial. Sln. *Grẹvati* vs. MHG **giriu̯winga* – Dial. Sln. *grẹ̑vinga* ‘regret, repentence’; Dial. Sln. *prepiringa* ‘quarrel’), *-îja* (e.g., Bav. OHG **appāt* ‘abbot’ – PSl. **opatъ* > Sln. *opât* vs. Bav. MHG **appateie* ‘abbey’ – Sln. *opatîja*; Sln. *Kmẽt* ‘peasant’ vs. *kmetîja* ‘factory’), *-man* (e.g., Bav. MHG **zimpar* – Dial. Sln. *címper* ‘roofing’ vs. Bav. OHG *zimparman* – Dial. Sln. *cimperman* ‘carpenter’; Sln. *râca* ‘duck’ – *râcman* ‘drake’), *-irati* (e.g., Germ. *studieren* – Sln. *študîrati* ‘to study’); 2) the extension of nominal stems in *-n-* in the type observable in, e.g., Dial. Sln. *kráncli*, gen. sg. *kránclina* ‘wreath’ and *tǫtli*, gen. sg. *tǫ́tlina* ‘date (fruit)’, after the reduction of *-i-* also in Dial. Sln. *kráncelj* [kráncəl’], gen. sg. *kránceljna* [kráncəl’na] and *tǫ́telj* [tǫ́təl’], gen. sg. *tǫ́teljna* [tǫ́təl’na], which arose under the combined influence of the Middle High German deminutives in *-līn* (e.g., MHG *kränzlīn* ‘small wreath’) and the plural forms in *-en* (e.g., MHG *datelen*, Germ. *Datteln* ‘dates’); 3) secondary productivity of some autochthonous word-formational patterns promoted under the influence of German, e.g. feminatives in common and personal names (cfr. the parallel denomination of persons in Slovene in German: Germ. *Taller* – *Tallerin*, Sln. *Dolinar* – *Dolinarza*), the word-fornational pattern of the type Slavic **ryba* ‘fish’ – (**rybiti* ‘to fish’) – **rybaŕь* ‘fisherman’ – **rybarьstvo* ‘fishing’, German *Fisch* – (*fischen*) – *Fischer* – *Fischerei*, and Hungarian *hal* – *halász* – *halászat*); 4) the use of the definite article, well-attested in the older literary language, i.e. until the end of the 18th century (e.g., *v tim zhaſu* ‘in that/the time’), while in contemporary dialects and colloquial language it still occurs with the adjective (e.g., *ta vẹ̑lika híša* ‘the big house’); 5) the calqued use of adverbs of space in the older literary language, e.g. the literal translation of Germ. *herunter* as *ſem doli*, *ſemkaj doli*, *leſem doli* ‘down here’ (Germ. *der vom himel iſt herunter kommen* – Sln. *kateri je od Neba ſemkaj doli priſhal* ‘who has come down here from heaven’); 6) the calqued use of prepositons in the older literary language (e.g., Germ. *durch*

Jesum Christum – Sln. *skuzi Jezusa Kristusa* ‘by Jesus Christ’; Germ. *er sagt zu ihm* – Sln. *rezhe k’njemu* ‘he says to him’).

According to the linguistic criteria for the definiton of *convergence linguistic areas* these are characterized, among other things, by a multidirectional linguistic influence as well as common contact-induced linguistic innovations in the domain of syntax and morphology. For the linguistic area under consideration, where German was (and in some areas still is) the dominant influencing language, while syntactic and morphological innovations in all relevant contact languages are scarce at best, the term *Central European convergence linguistic area* is untenable. Therefore, the term *Central European contact area* (German *mitteleuropäisches Kontaktareal*) seems to be more appropriate, as it – compared to the former – indicates a lower degree of linguistic convergence.

REFERENCES

Peter ANREITER, 2015: *Sinnbezirke der ältest bezeugten slawischen Namen in Österreich*. Wien: Praesens Verlag.

AS = *Atlas Slovenije*. Ljubljana: Mladinska knjiga, Geodetski zavod Slovenije, ^{3}1996.

Anton BAJEC, 1950, 1952, 1952, 1959: *Besedotvorje slovenskega jezika: I. Izpeljava samostalnikov*, *II. Izpeljava slovenskih pridevnikov*, *III. Zloženke*, *IV. Predlogi in predpone*. Ljubljana: SAZU, DZS.

Marija BAJZEK LUKAČ, 2016: Glagolske predpone v gornjeseniškem govoru. *Toporišičeva obdobja*. Ur. Erika Kržišnik, Miran Hladnik. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete (Obdobja 35). 165–72.

Markus BAYER, 2006: *Sprachkontakt deutsch-slavisch: eine kontrastive Interferenzstudie am Beispiel des Ober- und Niedersorbischen, Kärntnerslovenischen und Burgenlandkroatischen*. Frankfurt am Main: Peter Lang.

Helena BAŽEC, 2012: Gramatikalizacija nedoločnega člena v slovenščini. *Annales: anali za istrske in mediteranske študije* 22/1. 461–70.

Rosanna BENACCHIO, 1996: A proposito dell’articolo determinativo in sloveno: la testimonianza del Catechismo resiano del Settecento. Rosanna Benacchio, Luigi Magarotto (ur.): *Studi slavistici in onore di Natalino Radovich*. Padova: CLEUP. 1–16.

Rosanna BENACCHIO, 2023: I prestiti verbali nei dialetti sloveni del Friuli: tra integrazione aspettuale e biaspettualità. *L’aspettualità nel contesto linguistico: lingue slave e oltre*. Ur. Waltger Breu, Malinka Pila: Firenze: Firenze Univerity Press. 3–18.

France BEZLAJ, 1976, 1981, 1995, 2005, 2007: *Etimološki slovar slovenskega jezika* I–V. Ljubljana: SAZU, Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU.

Rada COSSUTTA, 2008: Romansko-germanska glagolska prepletanja v kraškem in istrskem narečju. *Annales: anali za istrske in mediranske študije* 18/1. 105–10.

Diomira FABJAN BAJC, 1995: *Dve muhi na en mah: slovensko-italijanski frazeološki slovar* / *Due piccioni con una fava: vocabolario fraseologico sloveno-italiano*. Gorica: Goriška Mohorjeva družba.

Wolfgang FLEISCHER, Irmhild BARZ, 2012: *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Berlin, Boston: Walter de Gruyter.

Metka FURLAN, 2013: *Novi etimološki slovar slovenskega jezika: Poskusni zvezek*. Ljubljana: Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU, Založba ZRC.

Jiří JANUŠKA, 2020: Central European Languages as a Complex Research Issue: Summarising and Broadening the Research Foci. *Areal Convergence in Eastern Central European Languages and Beyond*. Ur. Luka Szucsich, Agnes Kim, Uliana Yazhinova. Berlin: Peter Lang. 55–93.
Helena JAZBEC, 2007: *Nemške izposojenke pri Trubarju: na primeru besedila Ena dolga predguvor*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU (Linguistica et philologica 17).
Janez KEBER, 2011: *Slovar slovenskih frazemov*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.
Rudolf KOLARIČ, 1960: Določna in nedoločna oblika slovenskega pridevnika. *Godišnjak filozofskog fakulteta u Novom Sadu* 5. 187–97.
Rudolf KOLARIČ, 1961a: Določni in nedoločni spolnik v slovenščini. *Zbornik za filologiju i lingvistiku*. 170–3.
Rudolf KOLARIČ, 1961b: Določni in nedoločni spolnik v slovenščini. *Jezik in slovstvo* 7/2. 40–4.
Friedrich KLUGE, [25]2011 ([1]1883): *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Berlin, Boston: Walter de Gruyter.
Eberhard KRANZMAYER, 1956: *Historische Lautgeographie des gesamtbairischen Dialektraumes*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften.
Helena KURZOVÁ, 1996: Mitteleuropa als Sprachareal. *Acta Universitatis Carolinae – Philologia* 5. *Germanistica Pragensia* XIII. 57–73.
Helena KURZOVÁ, 2019: Defining the Central European convergence area. *Slavic on the Language Map of Europe. Historical and Areal-Typological Dimensions. Ur.* Andrii Danylenko, Motoki Nomachi. Berlin, Boston: de Gruyter (Trends in Linguistics. Studies and Monographs 333). 261–89.
Pavle MERKÙ, 1993: *Svetniki v slovenskem imenoslovju*. Trst: Mladika.
Majda MERŠE, 2003: Glagolski kalki v zgodovini slovenskega knjižnega jezika (prevzemanje, raba in primerjava s stanjem v slovanskih jezikih). *Slavistična revija* 51/kongresna številka. 81–102.
Majda MERŠE, 2008: Ženski pari moških poimenovanj v slovenskem knjižnem jeziku 16. stoletja. *Slavia Centralis* 1/2. 30–52.
Francek MUKIČ, 2005: *Porabsko-knjižnoslovensko-madžarski slovar*. Szombathely: Zveza Slovencev na Madžarskem.
Vlado NARTNIK, 2019: K ločljivim predponam porabskih govorov. *Jezikoslovni zapiski* 25/1. 35–42. https://doi.org/10.3986/jz.v25i1.7563.
Stefan Michael NEWERKLA, 2002: Sprachliche Konvergenzprozesse in Mitteleuropa. *Kakanien revisited* 17. 09. 2002. 1–11.
Stefan Michael NEWERKLA, 2017: Kontaktareale in Mitteleuropa am Beispiel Altösterreichisch. *Mehrsprachigkeit in Mittel-, Ost- und Südosteuropa. Gewachsene historische Vielfalt oder belastendes Erbe der Vergangenheit*. Ur. Christoph Maurer. Regensburg: Verlag Friedrich Pustet. 17–32.
Stefan Michael NEWERKLA, 2020: Linguistic Areas in East-Central Europe as the Result of Pluridimensional, Polycentric Convergence Phenomena. *Areal Convergence in Eastern Central European Languages and Beyond*. Ur. Luka Szucsich idr. Berlin: Peter Lang. 208–28.
Martina OROŽEN, 1972: K določnemu členu v slovenščini. *Slavistična revija* 20/1. 105–14.
Martina OROŽEN, 1975: Razvoj predložnih zvez v slovenskem jeziku. *XI. seminar slovenskega jezika, literature in kulture*. Ljubljana: Univerza v Ljubljani, Filozofska fakulteta, Oddelek za slovanske jezike in književnosti. 13–26.
ÖW = *Österreischisches Worterbuch*. Wien: Österreichischer Bundesverlag Schulbuch, [42]2012.
Maks PLETERŠNIK, 1894–1895 (2006): *Slovensko-nemški slovar* I–II. Ur. Metka Furlan. Ljubljana: SAZU, Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU.
Heinz-Dieter POHL, 2007: *Die österreichische Küchensprache. Ein Lexikon der typisch österreichischen kulinarischen Besonderheiten (mit sprachwissenschaftlichen Erläuterungen)*. Innsbruck: Praesens Verlag (Studia Interdisciplinaria Aenipontana 11).
Fran RAMOVŠ, 1924: *Historična gramatika slovenskega jezika:* II. *Konzonantizem*. Ljubljana, Učiteljska tiskarna.
Donald Francis REINDL, 2008: *Language Contact: German and Slovenian*. Bochum: Brockmeyer.
Luka REPANŠEK, 2016: *Keltska dediščina v toponimiji jugovzhodnega alpskega prostora*. Linguistica et philologica 33. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.
Petar SKOK, 1924: Tri etimologije. *Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino* 4. 38–46.

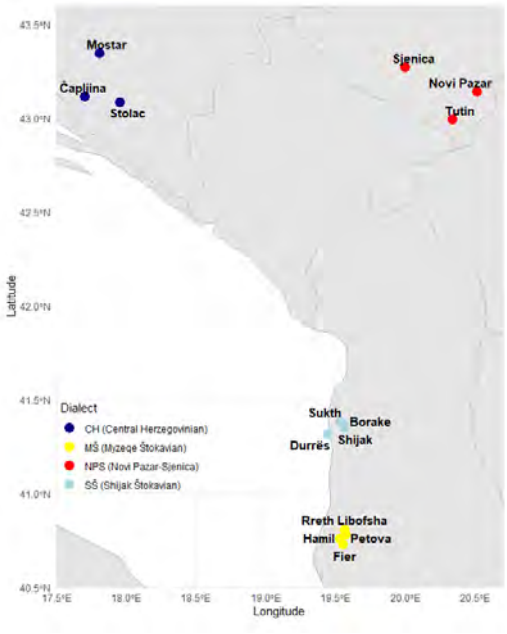
SLA 2011– = Jožica Škofic idr. (ur.), 2011, 2016, 2023: *Slovenski lingvistični atlas* 1–3. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.
Marko SNOJ, 2009: *Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen*. Ljubljana: Modrijan, Založba ZRC, ZRC SAZU.
Marko SNOJ, [3]2016 ([1]1997, [2]2003): *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.
SSKJ2 = *Slovar slovenskega knjižnega jezika* I–II. Ljubljana: SAZU, Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU, 2014.
Han STEENWIJK, 2005: *Piccolo dizionario ortografico resiano* / *Mali bisidnik za tö jošt rozajanskë pïsanjë*. Padova: Cooperativa Libraria Editrice Università di Padova.
Hildegard STRIEDTER-TEMPS, 1963: *Deutsche Lehnwörter im Slovenischen*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
Matej ŠEKLI, 2014: *Primerjalno glasoslovje slovanskih jezikov 1: Od praindoevropščine do praslovanščine*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete.
Matej ŠEKLI, 2015: Old Romance plane names in early South Slavic and late Proto-Slavic sound changes. *Linguistica* 55/1. 103–14.
Matej ŠEKLI, 2018: *Tipologija lingvogenez slovanskih jezikov*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.
Matej ŠEKLI, 2020: Relativna in absolutna kronologija (bavarsko)staro- in srednjevisokonemških izposojenk v slovenščini. *Jezikoslovni zapiski* 26/1. 7–25. https://doi.org/10.3986/Jz.26.1.1.
Matej ŠEKLI, 2021: Besedotvorni vzorec tipa *vinar – vinarstvo* oz. *strojar – strojarstvo* v slovenščini v kontekstu srednjeevropskega jezikovnega areala. *Slavistična revija* 69/1. 141–55.
Matej ŠEKLI, 2023a: Izvor pripon *-ar*, *-lj-ar* in *-n-ar* v slovenščini. *Jezikoslovni zapiski* 29/2. 149–62. https://doi.org/10.3986/JZ.29.2.05.
Matej ŠEKLI, 2023b: Central European Convergence Area: Theoretical and Methodological Considerations. *Studia universitatis hereditati* 11/1. 61–72. https://doi.org/10.26493/2350-5443.11(1)61-72.
Matej ŠEKLI, 2024a: The loss of synthetic past tense forms in Slovene in the context of the hypothesised Central European convergence area. *Zeitschrift für Slawistik* 69/2. 341–361. https://doi.org/10.1515/slaw-2024-0017.
Matej ŠEKLI, 2024b: Gli studi linguistici di Andrea Trovesi (1971-2021) sulle lingue slave dell'area centroeuropea. *Jezik in književnost v spreminjanju*. Ur. Jožica Jožef Beg, Mia Hočevar, Neža Kočnik. Ljubljana: Zveza društev Slavistično društvo Slovenije (Zbornik Slavističnega društva Slovenije 34). 715–23.
Matej ŠEKLI, 2025: Sull'integrazione di alcuni prestiti dal tedesco e dal friulano nei dialetti sloveni del Friuli storico: il caso dei sostantivi di tipo *krancli* 'ghirlanda, corona di fiori', *totli* 'dattero' e *libri* 'libro'. *Minoranze linguistiche, italiano nel mondo. Strutture e aspetti sociolinguitici*. Ur. Raffaella Bombi, Francesco Zuin. Udine: Forum – Editrice Universitaria Udinese. V tisku.
Peter ŠTIH, Vasko SIMONITI, Peter VODOPIVEC, 2016: *Slovenska zgodovina* I–II. Ljubljana: Modrijan.
Andrea, TROVESI, 2004: *La genesi di articoli determinativi: Modalità espressione della definitezza in ceco, serbo-lusaziano e sloveno*. Milano: Franco Angeli.
Arno WONISCH, 2020: Slovenske prvine v štajerskih nemških narečjih. *Slovenski jezik in književnost v srednjeevropskem prostoru*. Ur. Matej Šekli, Lidija Rezoničnik. Ljubljana: Znanstvena založba Filozfske fakultete (Zbornik Slavističnega društva Slovenije 30). 49–60.

THE MORPHOSYNTAX OF TWO SHTOKAVIAN MIGRANT DIALECTS IN ALBANIA ON THE PATH TOWARDS BALKANIZATION[1]

MAXIM MAKARTSEV (GERMANY)

My presentation synthesizes my research to date on morphosyntactic changes in the migrational Štokavian dialects of Albania, focusing on future marking and verbal complements of future markers as well as deontic and dynamic modals. This research is presented in the following publications: (Makartsev 2022, 2023a, 2023b, forthcoming (a)).

The Shijak Štokavian (SŠ) is spoken in the villages of Borake and its satellite Koxhas in the Shijak area near Durrës. Štokavian speakers relocated there in the 1880s from Central Herzegovina (Central Herzegovinian dialect of the Eastern Herzegovinian dialectal zone, hereafter CH, spoken in the area between Čapljina, Stolac, and Mostar, excluding the respective town dialect(s)) and have since lived compactly in the Shijak area, forming the overwhelming majority in Borake and Koxhas. Extensive information on this dialect including transcripts and previous bibliography has been published in (Steinke and Ylli 2013). CH in the strict sense has been less extensively researched, but publications on neighboring dialects or the broader Herzegovinian area—sometimes including extensive transcripts—are available (see Peco 1983, 2007b, 2007a; Hadžimejlić 2017 and especially Peco 2007a, 291–332 on CH in relation to neighboring dialects).



The Myzeqe Štokavian (MŠ) is spoken in Fier and several surrounding villages (Hamil, Petova, Rreth Libofsha, etc.). Štokavian speakers moved there in the 1920s from Sandžak (the triangle of Novi Pazar – Sjenica – Tutin, representing the Novi Pazar–Sjenica dialect of the Zeta–Sjenica dialectal zone, hereafter NPS), a border region between present-day Serbia and Montenegro, and have since lived dispersedly in the Myzeqe region. They do not constitute an absolute or relative

[1] My research in 2019–2024 was funded by Deutsche Forschungsgemeinschaft (DFG, German Research Foundation) through the project "Kontakt-induzierter Sprachwandel in Situationen des nicht-stabilen Bilinguismus — seine Grenzen und Modellierung: slavische (soziale) Dialekte in Albanien" (project number (GZ) MA 8750/1-1).

majority in any of the settlements. One of the speakers, Rre04,[2] spent many years in Northern Greece, where he was in contact with Macedonian speakers from Kastoria and Florina, which subsequently influenced the morphosyntax of his MŠ—sometimes quite radically.[3] MŠ was only recently introduced into academic research (Giesel 2016, 2024; Makartsev and Kikilo 2022). Its parent dialect, NPS, has been thoroughly researched and documented (Barjaktarević 1966; Veljović 2018, 2021; Novakov and Petrović 2021; Novakov 2021). The NPS data also allows for diachronic analysis: Barjaktarević conducted research in the region between 1946 and 1958, that is, some twenty to thirty years after the MŠ emigration, while Veljović, Novakov and Petrović in the 2010s and the early 2020s.

The contact varieties are the Albanian standard language and its territorial dialects: Gheg Albanian of the Durrës area (Çeliku 1990) for SŠ and Northern Tosk Albanian of Myzeqe (Gjinari 1958) for MŠ. For the MŠ speaker Rre04, Aegean Macedonian influence is also considered.

My data is drawn from the *Corpus of Slavic dialects in Albania* (Makartsev and Arkhangelskiy 2024) which currently includes the curated and morphologically annotated data comprising approximately 68.800 word forms from 27 SŠ speakers and around 58.800 word forms from eight MŠ speakers.[4]

I proposed a classificatory scheme for the morphosyntactic variation of future in Štokavian and Balkan Slavic that encompasses all forms and their variants attested in the respective mother areas and migrational dialects (CH → SŠ; NPS → MŠ). I am repeating it here from (Makartsev 2023b, 263, 2023a, 44) with slight modifications to better reflect the grammaticalization cline. As the scheme also includes modals, I have updated the title accordingly:

I	II
Head	Verbal complement
full verb (A) > cliticized auxiliary (B) > particle (C) or > ending (D)	(1) infinitive (α) > bare stem (β) or (2) *da*-subjunctive (*da* + present) (a) > bare present (b)

Table 1. Morphosyntactic variation of future and modals in Štokavian and Balkan Slavic

My hypothesis is that contact with Balkan languages may support the development of Balkanisms in non-Balkan Slavic dialects. Specifically, this concerns two closely related

[2] Speakers are anonymized through codes. Their sociolinguistic profiles can be found in (Makartsev and Arkhangelskiy 2024).
[3] See my publications on the expressed tendency to encliticize the demonstrative pronouns in his speech production that is similar, although not identical to the Aegean Macedonian definite article (Makartsev 2023a, (forthcoming, b)).
[4] The statistics presented in my previous publications were approximate, as the Corpus had not yet been launched at that time.

Balkanisms: the expansion of the *da*-subjunctive and the reduction of the infinitive ((α) → (a)) in verbal complements on the one hand, and the petrification of the future marker following the Albanian and Balkan Slavic model on the other. In the latter process, the auxiliary verb 'want' loses its morphology and tends to become an invariable particle ((A) or (B) → (C)). The difference between (A) and (B) is irrelevant in the contact situation since neither Albanian nor Aegean Macedonian have such a distinction. In turn, this leads to further changes in the verbal complement: it is raised and reinterpreted as the matrix predicate, which is manifested in the omission of the subjunctive particle *da* ((a) → (b)). This process is well described in the diachrony of Balkan Slavic and Albanian (see references in my quoted articles). The study of such developments from a synchronic perspective makes it possible to observe Balkanization processes in real time.

My method is based on comparing the distribution of different structures in the mother areas (NPS, CH) and the migrational dialects (MŠ, SŠ). I consider both quantitative changes—such as the decrease or increase in the frequency of structures that are (not) supported by the contact varieties—and qualitative changes, where the migrational dialects develop structures unattested in the mother areas but following the same patterns as corresponding structures in the contact varieties. I draw on published descriptions of the contact varieties to identify possible sources of these changes.

The verbal complement can take a modal as its head, which limits its variation in CH, MŠ, NPS, SŠ to the following options: (Aα) (1), (Aa) (2), excluding other possibilities, such as (Aβ) and (Ab).[5]

(1) *Ja* *za* *to* ***ne*** ***mog-u*** ***govori-t***. Aα (modal)
I abou t that.ACC.SG NEG can-PRS.1.SG speak-INF
'I can't speak about it' (MŠ, Rreth Libofsha, Rre06, Makartsev (forthcoming, a))

(2) ***mor-e*** ***da*** ***umr-e*** *čovek-a* Aa (modal)
can-PRS.3SG SUBJ kill-PRS.3SG man-ACC.SG
'(he) can kill a man' (MŠ, Rreth Libofsha, Rre02, Makartsev 2022, 50)

Both MŠ and SŠ use *da*-subjunctive in the scope of the modals (type (Aa)) more frequently than NPS and CH, respectively. At the same time, SŠ still employs the infinitive more often than MŠ. This has both structural and sociolinguistic explanations: (1.) CH used infinitives more frequently than NPS; (2.) Durrës Albanian features the so-called Gheg infinitive, which is absent in Myzeqe Albanian, thus favoring infinitive constructions in SŠ; (3.) MŠ speakers

[5] Other dialects, e.g. Prizren-Timok where some other possibilities are attested, are not relevant for my topic although they can also be accommodated in the scheme.

live dispersedly, while SŠ speakers live compactly, making the former more susceptible to Albanian influence than the latter (Makartsev (forthcoming, a)).

In terms of future marking, SŠ has begun to use (Aa)—see (3)—and (Ba), both of which are unattested in CH (which only features infinitives in the scope of future forms). MŠ has significantly increased the use of (Aa) at the expense of (Aα) (Makartsev 2023b, 285–88, 2023a, 60–62). As expected, Rre04 uses the subjunctive (Aa) even more frequently than the other MŠ speakers, presumably due to Aegean Macedonian influence.

(3) ***oć-u*** ***da*** ***id-em*** *kod* *kum-a* Aa (future)
FUT-1SG SBJV go-PRS.1SG at godfather-GEN.SG.M
'I'll go by the godfather' (MŠ, Rreth Libofsha, Rre03, Makartsev 2023b, 278)

Further on, within the scope of future, both MŠ and SŠ attest the use of the bare present:

(4) ***ć-e*** ***dođ-e*** *policija* Bb/Cb (future)
FUT-3SG come-PRS.3SG police.NOM.SG.F
'The police will come' (SŠ, Borake, Bor11, Makartsev 2023b, 284)

The bare present within the scope of future is unattested in CH or NPS but is supported by the colloquial (and dialectal) Albanian future forms, where the subjunctive particle *të* (functionally equivalent and phonetically similar to South Slavic *da*) is omitted. Such forms appear to be more widespread in MŠ than in SŠ, although the absolute frequencies are too low to run any meaningful statistical tests.

The future copula is on the cline ranging from a full verb (A) (as in (3)), to a cliticized auxiliary (B) (as in (6.1)), and finally to a particle (C) (as in (5) or (6.2)) or a grammaticalized verbal ending (D) (see Table 1). (D) can be disregarded, since it is only attested within the (βD) construction (e.g. *vidje-ć-eš* see-FUT-3 'you will see' — SŠ, Makartsev 2023b, 279) without a counterpart in Albanian or Aegean Macedonian.

Albanian (both standard and dialectal) distinguishes between uses of *dua* 'want': it functions as a fully inflected verb (A) in dynamic modal constructions and as an invariable particle (C) in future forms. In colloquial and dialectal Albanian, there is a tendency to omit the subjunctive particle *të* in future constructions. NPS and CH never use (C) as a future marker. Under Albanian influence, the 3SG form of the future auxiliary can expand to other persons, eventually becoming a particle—thus following the grammaticalization path seen in Balkan Slavic future constructions. Compare *će* FUT instead of the expected *će-mo* FUT-1PL in the examples (5) and (6). Example (5) features a *da*-subjunctive verbal complement (type (a)), while (6)—which I interpret as one step further along the path of Balkanization—uses bare present, resulting in a structure identical to the Balkan-type future forms in Albanian and Macedonian (colloquial and

dialectal Albanian *do kërkojmë*, Macedonian *ќе barame* FUT look.for-PRS.1PL ‘we will search’, both of the (Cb) type[6]):

(5) ***će*** ***d*** ***ide-mo*** Ca (future)
FUT SBJV go-PRS.1PL
‘we will go’ (MŠ, Rreth Libofsha, Rre03, Makartsev 2023b, 283)

(6) *Pa* ***će-mo*** *more* ***potraži-ti*** (6.1), *ima-m* *ja* Bα (future)
so FUT-1PL VOC look.for-INF have-PRS.1SG I.NOM

broj <…> *i* ***će*** *ga* ***potraži-mo*** (6.2) Cb (future)
number.ACC.SG.M and FUT he.ACC.SG look.for-PRS.1PL

‘But we will look for him, I have [his] phone number <…> and we will look for him’ (MŠ, Rreth Libofsha, Rre04, Makartsev 2023b, 284).

Note that example (6) in fact contains two future forms: alongside the innovative *će potražimo* (Cb) in (6.2), Rre04 still uses the conservative *ćemo potražiti* (Bα) in (6.1). In Slavic speech in Albania, there is considerable variation in the types of forms used, both across different speakers and within the speech of individual speakers. Albanian influence (and Aegean Macedonian influence in the case of Rre04) presumably promotes the use of constructions that follow Balkan patterns, both quantitatively—when such constructions were already attested prior to contact, as in the case of *da*-subjunctives—and qualitatively, by fostering the emergence of constructions unattested in the mother dialects.

It can be assumed that the development of the Balkan-type future and the reduction of the infinitive in the verbal complements in the migrational Štokavian dialects under consideration is a slow, gradual process occurring over several generations. This process involves the expansion of patterns supported by the dominant Balkan language (Albanian), the emergence of new patterns under its influence, and the restriction (and eventual disappearance) of conservative patterns. At the current stage of development of these dialects, both conservative and innovative contact-induced patterns are attested. Influence from genetically closer varieties—such as Aegean Macedonian in the case of Rre04—may further support the Balkanization of the dialects in question.

REFERENCES

Barjaktarević, Danilo. 1966. “Novopazarsko-sjenički govori.” *Srpski dijalektološki zbornik* 16: 1–178.
Çeliku, Mehmet. 1990. “E folmja e qytetit të Durrësit dhe e rrethinave të tij.” In *Dialektologjia shqiptare*. Vol. 6, edited by Mahir Domi, 285–328. Tirana: Akademia e shkencave e RPS të Shqipërisë.

[6] In future forms as well as in verbal complements, Albanian makes use of the subjunctive, which is morphologically distinct from the present tense, but only in 2SG and 3SG. I use the term *subjunctive* for the South Slavic *da*-forms for the sake of terminological consistency. There is an ongoing discussion about how *da*-forms should be interpreted (see the references in my cited publications), which I will not address here.

Giesel, Christoph. 2016. “Etnički, društveni i sociolingvistički aspekti i stavovi i jezičke karakteristike kod iseljenih Bošnjaka sandžačkog porijekla u Istanbulu (Turska).” In *Drugi simpozij o bosanskom jeziku. Istraživanje, normiranje i učenje bosanskoga jezika — dosadašnji rezultati, potrebe i perspektive. Sarajevo, 12–13. mart 2015*, edited by Alen Kalajdžija, 563–601. (= Posebna izdanja; 24.) Sarajevo: Univerzitet u Sarajevu; Institut za jezik.

———. 2024. “We Speak a Language Which Sounds a Bit Funny”: Characteristics of the South Slavic Idioms of the Sandžak-Bosniacs in Istanbul (Turkey).” In *Endangered Language Varieties in Italy and the Balkans*, edited by Monica Genesin, Karl G. Hempel, and Thede Kahl, 325–60. (= Vanishing Languages and Cultural Heritage (VLACH); 4.) Vienna: Austrian Academy of Sciences Press.

Gjinari, Jorgji. 1958. “Të folmet e Myzeqesë.” *Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës. Seria “Shkencat shoqërore”* 12 (1): 73–120.

Hadžimejlić, Jasna. 2017. “Morfološke osobine govora Hercegovine i jugoistočne Bosne.” In *Bosanskohercegovački dijalektološki zbornik*. Vol. 11, edited by Alen Kalajdžija, 293–433. Sarajevo: Institut za jezik.

Makartsev, Maxim. Forthcoming (a). “Albanian-Slavic Language Contact and Infinitive Reduction in Migrant Štokavian Dialects in Albania.” In *The Slavic Verb: Comparative, Diachronic and Typological Perspectives*, edited by Jaap Kamphuis, Simeon Dekker, and Egbert Fortuin: Brill.

———. Forthcoming (b).“The Inter-Speaker Variation in the Use of T-Demonstratives in a Štokavian Dialect in Myzeqe (Albania) And Language Contact.” *Balkanistica*.

———. 2022. “Infinitive Reduction in a Migrant Shtokavian Dialect in Albania: Language Contact Supporting Balkanization.” *Linguistica Copernicana* 18:45–60. DOI: 10.12775/LinCop.2021.003.

———. 2023a. “Pseudoarticles in a Migrational Štokavian Dialect in Southern Albania: On a Typological Parallel Between the Balkans and the Russian North.” In *Definiteness and Indefiniteness in the Languages and Cultures of the Balkans*, edited by Irina Sedakova, Maxim Makartsev, and Tatiana Civjan, 91–97. (= Series Balkanica; 17.) Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. DOI: 10.31168/2618-8597.2023.17.12.

———. 2023b. “Razvoj balkanoslavenskoga tipa futura u štokavskim iseljeničkim dijalektima u Albaniji i jezički kontakti.” *Književni jezik* (34): 41–69.

———. 2023c. “The Balkan Slavic type of future in the Štokavian migrational dialects in Albania.” In *Einheit(en) in der Vielfalt von Slavistik und Osteuropakunde: Prvdentia Regnorvm Fvndamentvm*, edited by Hauke Bartels, Thomas Menzel, and Jan Partick Zeller, 259–94. Berlin: Peter Lang.

Makartsev, Maxim, and Timofey Arkhangelskiy. 2024. “Corpus of Slavic Dialects of Albania.” Accessed April, 6, 2025. https://slav-dial-alb.uni-oldenburg.de/. DOI: 10.25592/uhhfdm.16609.

Makartsev, Maxim, and Natalia Kikilo. 2022. “Some Tendencies in the Morphosyntax of the Migrational Shtokavian Dialects in Albania (Shijak and Myzeqe) and Slavic-Albanian Language Contact.” *Slavic World in the Third Millennium* 17 (1–2): 120–41. DOI: 10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.07.

Novakov, Dragana, ed. 2021. *Govor naših nana: Zbornik*. Tutin: Narodna biblioteka Dr. Ejup Mušović.

Novakov, Dragana, and Veselin Petrović. 2021. “O glasu /h/ u jednom idiolektu iz Novopazarskog kraja.” *Naučne publikacije Državnog univerziteta u Novom Pazaru. Serija B. Društvene & humanističke nauke* 4 (1): 4–16.

Peco, Asim. 1983. “Govor Podveležja.” In *Bosanskohercegovački dijalektološki zbornik*. Vol. 4, edited by Asim Peco, 209–81. Sarajevo: Institut za jezik i književnost u Sarajevu, Odjeljenje za jezik.

———. 2007a. *Govori istočne i centralne Hercegovine*. (= Izabrana djela; 1.) Sarajevo: Institut za jezik i književnost u Sarajevu.

———. 2007b. *Govori zapadne Hercegovine*. (= Izabrana djela; 2.) Sarajevo: Institut za jezik i književnost u Sarajevu.

Steinke, Klaus, and Xhelal Ylli. 2013. *Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA): 4. Teil. Vraka-Borakaj*. (= Slavistische Beiträge; 491.) München, Berlin: Sagner.

Veljović, Bojana. 2018. “Sintaksa glagolskih oblika u govoru Tutina, Novog Pazara i Sjenice.” *Srpski dijalektološki zbornik* 65 (1): 1–476.

———. 2021. “Morfološke odlike glagolskih oblika govora Tutina, Novog Pazara i Sjenice.” *Srpski dijalektološki zbornik* 68: 159–604.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕХОДЫ В СЛАВЯНСКИХ И НЕМЕЦКИХ ГОВОРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ОБОЗНАЧЕНИЙ ВРЕМЕНИ)

Михаил Михайлович Кондратенко
mmkondratenko@gmail.com

В рамках данного исследования анализируются некоторые особенности диалектных слов, обозначающих периоды и отрезки времени, и выявляются семантические параллели и переходы (сдвиги) в славянских и немецких говорах. Ценность диалектной лексики для лингвистики в этом отношении заключается в том, что представленные в ней заимствования, в отличие от заимствований в литературном языке, являются результатом в большей степени живого, непосредственного контакта носителей языка. Зонами такого контакта являются ареалы кашубского, польского, нижне- и верхнелужицкого языков, а также юго-западных украинских говоров с учетом их соседства с носителями различных немецких говоров.

Важным представляет вопрос о разграничении семантических заимствований и случаев параллельного развития значения слов в разных языках Лексические заимствования распознаются по фонетическому облику слова, его морфологическим характеристикам и иной, в том числе экстралингвистической информации. Так, лужицкое *časmorjeŕ, časmorjeŕka* ‘расточитель, расточительница’ времени’ (буквально: убийца времени), скорее нужно считать калькой с приводимой в словаре немецкого языка Якоба и Вильгельма Гримм лексемы *Zeittötung* ‘расточительство времени’ (буквально: убивание времени), исходя из наличия заимствованного суффикса *-er-*. В условиях семантической интерференции не всегда легко определить, является ли значение заимствованным. Критерием разграничения семантических заимствований в славянских языках из немецкого, с одной стороны, и совпадения в принципах номинации (и в итоге констатации процесса независимого семантического развития), с другой, может быть определенная семантическая модель, повторяющаяся в различных славянских языках/диалектах, носители которых не имели непосредственного контакта с немецкоязычным населением.

Под семантическими переходами, или сдвигами, традиционно понимается изменение значений в результате добавления определенной семы.

Одной из таких моделей, фиксируемых и в немецких, и в славянских говорах, является следующая: ‘вид, объект, орудие сельскохозяйственной работы’ ⇨ ‘обычный период для выполнения этой работы’. Это, в частности, обозначение в немецких силезских говорах июля (*Heumonat* при *Heu* ‘сено’, *Monat* ‘календарный месяц’) или

периода с мая по июль (*Heumonate*) как времени, связанного с заготовкой сена; в говорах Славии это *сінокос*, *сінокоси* ‘сенокос’ *и* ‘пора сенокоса’ в гуцульских, бойковских и поднестровских украинских говорах (*того року дощ падав на с’інокоси*). Этот сдвиг отмечен и на южнославянской языковой территории: в родопских болгарских говорах *коса* ‘сельскохозяйственное орудие, которым косят’ и ‘время, когда косят на лугах’ (*абажиесе и д’улгересе си доходаха по коса, адно врême да си приберôт саното*).

К этой же группе наименований, имеющих отношение к хозяйственной деятельности человека, можно отнести обозначения периодов времени по особенностям поведения животных, например насекомых, досаждающих скоту (модель ‘насекомое, кусающее домашний скот’ ⇨ ‘летний месяц’). На славянском диалектном материале этот семантический феномен фиксируется в украинских буковинских и гуцульских говорах *бедзень* ‘июль’ (*липень бедзень тому, що в цему місєци бедз (овод) крепко корови кусає*); аналогичный принцип номинации отмечен на северо-востоке Славии: в северо-западных белорусских говорах *авáт* ‘овод’ и ‘летний период, когда оводы особенно кусают скотину’ (*у самы авáт авадні вельмі кусаюцца*); в севернорусских говорах *овадчина* ‘летнее время, обычно в июле, когда много оводов’, *оводницы* ‘дневные часы, когда много оводов’. Такая семантическая мотивация представлена в силезских немецких говорах: *Fliegenmond* ‘август’ (вместо овода название периода времени мотивировано другим насекомым).

В обозначениях утра в немецких и славянских говорах также представлен ряд параллельных семантических сдвигов. Это обозначение этого времени суток как предшествования дню (‘начало дня, предшествование дню’ ⇨ ‘утро’) с использование производных от **dьnь*: в нижнелужицких говорах *do dńa* ‘рано утром’; в украинских буковинских говорах *додня* ‘с рассветом’; в поднестровских *вдодня* (*мама встайе вдод`н`а*). Данному принципу номинации соответствуют в южнонемецких говорах *tagern*, *Tag werden* в значении ‘рассветать’ (производные от *Tag* ‘день’). Такая семантическая параллель обладает широким ареалом на славянской языковой территории: в северо-западных белорусских говорах – *додня* ‘на рассвете’; в севернорусских – *ободневать* ‘рассветать’. Эти наименования содержат косвенное указание на промежуточный характер такого времени суток, как утро и одновременно на более значимую роль дня.

В лексике славянских говоров наступление утра, как и окончания светлого времени суток, может быть мотивировано в названии серым цветом (‘приобретать

серый цвет’ ⇨ ‘рассветать’). В средневосточнофранконских говорах немецкого языка фиксируются наименования *grau* (‘серый’) ‘утренний рассвет’, *grauen* (‘делаться серым’) ‘рассветать’. В славянских говорах такая мотивация представлена в нижнелужицких *źeń se šeri* ‘светает’; лексемы с подобной внутренней формой отмечены в польских говорах в значении ‘исчезновения дневного света вечером’, например, *szarówka*; кроме того, в поднестровских украинских *сіріти* ‘светать’ (*шчойно зач’ело с’ір’іти, а кусар’і п’ішли на с’інож’ета*), *шарітися* ‘рассветать’. Такую же семантическую модель можно наблюдать в северо-западных белорусских диалектах – *шараць* (*пара ўставаць, ужо шарэе*).

К числу параллельных семантических моделей следует отнести ‘более раннее время’ ⇨ ‘утро, начало дня’. И славянских, и в немецких диалектах для обозначения времени утром используется корень со значением ‘рано’: например, в юго-западных украинских диалектах это *відранку*, *відраня* ‘с утра’ (*я відранку ни була в хаті*). Словарь средневосточнофранконских говоров приводит лексему *Frühe* ‘время утром’. При этом сравнительная степень наречий, содержащих корень со значением ‘рано’, имеет значение ‘в прошлом’: в буковинских украинских говорах *раньчи* ‘прежде, некогда’ (*раньчи було так багато чорногузів по хатах, а типер лиш дес*); в средневосточнофранконских – *früher* ‘когда-то, прежде, давным-давно’.

Синтез в обозначении разных времен (настоящего, прошедшего и будущего; актуального состояния и вечности) в рамках значения одной лексемы является, по-видимому, ономасиологической константой, ее можно наблюдать в немецком диалектном материале: в средневосточнофранконских говорах *allweil* ‘всегда‘ и наряду с этим – ‘ныне, в настоящее время’. На славянской языковой территории отметим нижнелужицкую лексему *dawe* ‘прежде, недавно, давно’ (в прошлом) и ‘как раз, только что’ (сейчас, в настоящем). В севернорусских диалектах отметим *да́вно* ‘тотчас, сразу же’, то есть сейчас, (*одну выкурит, другу давно завёртывать*) и ‘длительное время’ (*давно уж прошло, дак забыто*).

Общими для юго-западных украинских и немецких диалектов являются также семантические модели лексики, содержащей оценочное значение. В качестве примера можно привести использование названия месяца март с учетом его народной аксиологии (‘месяц март’ ⇨ ‘неопытный человек’). С одной стороны, это первый весенний месяц и, соответственно, символ начала, неопытности, а, с другой стороны – символ весеннего оживления природы и, соответственно, активного поведения человека. Примером может служить образ мартовского персонажа как молодого,

неопытного, незрелого человека в поднестровских украинских говорах – *марцівка* ‘девушка-подросток’, в буковинских украинских – *мартівка* ‘девушка, которая рано начала общаться с мужчинами’ (*це ґівка мартівка, і ходити з нев устидно*). В восточнофранконских немецких говорах *Märzchenhase* (*мартовский заяц*) ‘наивный молодой человек’ (*ich bin ja au ka Mäzznhaus* ‘у меня есть опыт’) и *Märzenhäschen* (мартовский зайчик) ‘юная девушка’.

Лексика и фразеология славянских говоров содержит указание на фиктивную пору, на никогда не наступающий момент времени согласно семантической модели ‘праздник в честь несуществующего святого’ ⇨ ‘никогда’. Это семантическое явление отмечено в лужицких говорах: *na swjatu Ćerlicu* ‘никогда’. В немецком языке этому обозначению соответствует *Nimmermehrstag* или Sankt-Nimmerleins-Tag ‘ad calendas graecas, никогда’ (разг.: *von ihm bekommst du dein Geld am Sankt-Nimmerleins-Tag*).

В украинских буковинских говорах значение ‘никогда’ передается выражениями, связывающими событие с несуществующим праздником «конской» Пасхи или «конского» Петрова дня: *кінский вилиґдинь* и *кінский Петро* (*Йму лиш позич гроший, то віддаст на кинский вилиґдинь*); в бойковских говорах: *на кіньські Петра* в том же значении; в бойковских говорах (конский в данном случае значит ненастоящий).

Совпадения семантических процессов в лексике славянских и немецких говоров дают ценный материал для языковедческой ареалогии и типологии. В славянской и немецкой лексике, манифестирующей различные аспекты восприятия времени, наблюдается феномен переходов лексического значения из одной семантической сферы в другую. Возникающая при этом полисемия – один из важнейших факторов для лингвистической интерпретации понятия «время», поскольку благодаря ей раскрываются ассоциативные поля носителей языка/диалекта. В рамках многозначности можно наблюдать определенные семантические модели, представляющие собой типы повторяющихся в славянских и немецких номинациях переходов значения (‘приобретать серый цвет’ ⇨ ‘рассветать’, ‘насекомое, кусающее домашний скот’ ⇨ ‘летний месяц’ (июль / август), ‘вид, объект, орудие сельскохозяйственной работы’ ⇨ ‘обычный период для выполнения этой работы’ и др.). Таким образом, диалектная лексика, обозначающая время, указывает на известный параллелизм немецких и славянских говоров в семантических переходах, или сдвигах, свидетельствующих о сходстве в мировосприятии носителей этих диалектов.

SECTION 1.2
HISTOIRE DES LANGUES SLAVES

1.2.1. DEVELOPPEMENT DES LANGUES SLAVES EN CONTEXTE DE CONTACT LINGUISTIQUE

1.2.2. GRAMMAIRE HISTORIQUE DES LANGUES SLAVES

1.2.3. SEMANTIQUE HISTORIQUE ET LEXICOLOGIE DES LANGUES SLAVES

1.2.5. INTERACTION DES LANGUES SLAVES NORMEES ET DES DIALECTES LOCAUX A DIFFERENTES PERIODES DE L'HISTOIRE

1.2.1. Développement des langues slaves en contexte de contact linguistique

Tadeusz Lewaszkiewicz The mission of Constantine (Cyril) and Methodius in Moravia and the question of their involvement in the previous writing of the most important ecclesiastical books in Solun 1

Olimpia Mitric Colophons de manuscrits slaves de Moldavie (XVe - XVIIe siècles) 6

Виктор Савић Шта је дубровачки говор дао српском рјечнику (1852)? 10

Erzsébet Bárány Шляхи проникнення гунґаризмів до лексичної системи української та російської мов 16

Миодраг Јовановић Словенско-романски језички додири на црногорском приморју 21

1.2.2. Grammaire historique des langues slaves

Catherine M. Macrobert Early church Slavonic as an open tradition 28

Емилија Црвенковска, Лилјана Макаријоска Рецепцијата на црковнословенската писменост во јазикот на современата македонска литература 32

Jan Fellerer The role of language contact in the development of south-western Ukrainian relative clauses 37

Dmitri Sitchinava Animate-like marking of inanimate nouns in medieval Ukrainian and Belarusian (Ruthenian) 42

Beáta Györfi Unveiling enclitic evolution in old East Slavonic 49

Јелена Газдић Употреба контактних синонима у публикацијама из прве половине 19. вијека објављиваним у Црној Гори 57

Thomas Daiber Participle constructions and conjunctions in old church Slavonic 63

Nikita Mikhaylov “Костел начат постройкой” on one peculiar use of the Russian instrumental case 70

Мая Радичева Значения на дателния падеж в старочешки в сравнение със среднобългарски. Дателен падеж с локална функция – безпредложна спрямо предложна употреба 74

Елена Сведенцова Структура причастных клауз в каноническом старославянском языке: сочинение и предшествование в глагольных цепочках 78

Јасмина Грковић-Мејџор Ка реконструкцији функција псл. **svojь* 84

1.2.3. Sémantique historique et lexicologie des langues slaves

Holger Kusse Faith, hope and love. On the conceptualization of mental states in church Slavonic and eastern Slavonic 89

František Čajka Tzv. Svatojimramská modlitba v modlitebníku jaroslavském / The so-called St Emmeram's prayer in the Yaroslavl horologion 98

Adrien Morvan Verbs of speech referring to negative communication in old east Slavic 99

Andreja Legan Ravnikar, Alenka Jelovšek Is the influence of Jurij Juričič's Chakavian on the development of the Slovenian literary language underrated? 107

Persida Lazarević Di Giacomo Словенска лексичка грађа у летонском речнику (1772) К. Ф. Темлера 110

Анна Птенцова О семантическом словаре лексики берестяных грамот 113

Татьяна Коркина Рукописные коммерческие трактаты и торговые соглашения начала XVIII в. как лингвистический источник 118

1.2.5. Interaction des langues slaves normées et des dialectes locaux à différentes périodes de l'histoire

Павел Петрухин Восточнославянское бытовое письмо 122

Irena Jaros Gwarowy, staropolski wyraz srom 'wstyd, hańba' i jego derywaty na tle innych języków słowiańskich 127

Анастасия Рыко, Елизавета Сосновцева Заметки о языке частной переписки ивангородских купцов XVII века 133

Silvana Vranić, Sanja Zubčić Hrvatska povijesna dijalektologija: razvoj i dosezi 140

Alena Rudenka Charters of the Grand Duchy of Lithuania from the 14th-16th centuries 144

Александар М. Милановић Типологија српских књижевних језика у XVIII и XIX в. у словенском контексту 152

THE MISSION OF CONSTANTINE (CYRIL) AND METHODIUS IN MORAVIA AND THE QUESTION OF THEIR INVOLVEMENT IN THE PREVIOUS WRITING OF THE MOST IMPORTANT ECCLESIASTICAL BOOKS IN SOLUN

TADEUSZ LEWASZKIEWICZ (POLAND)
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

1. Preliminary remarks

Numerous scholarly, popular science and journalistic texts have long repeated the story how some time before 863 Rostislav, the duke of Great Moravia, asked the Byzantine emperor Michael III to send him teachers who would take up the task of educating his subjects to enter the priestly state. For this mission, the emperor could chose only men who knew the Slavic language spoken in his dominions. At that time, it was a well-known fact that variations between Slavic dialects used in the entire Slavdom were minor. Thus, the core question of the article is whether in 862-863 Constantine (Cyril) and Methodius were sufficiently fluent in the language of the Slavs.

2. The issue of Slavic language competence of Cyril and Methodius in 862-863

According to the *Life of Methodius* (chapter V) compiled by the saint's disciples, emperor Michael III supposedly addressed the Solunian brothers thus: "You two are from Salonika, and all Thessalonians speak pure Slavonic" (Małecki 1947: 11) A similar wording is found in a later translation: "For you are both Thessalonians and all Thessalonians speak pure Slavic" (Mareš 1994: 3)"

First, it is not known whether the emperor had actually said this (the medieval authors of lives and chroniclers often gave their imagination free rein). Second, the view that "all Thessalonians," including Cyril and Methodius, "speak pure Slavic" cannot be considered rational.

Scholarly literature documents many passages affirming that Cyril and Methodius supposedly knew the Slavic language used around Solun very well. A few cases in point follow: "The brothers were most likely Greeks, but had an excellent knowledge of the language used around Solun" (Brajerski 1973: 52); "From an early age, they used both Greek and Slavic, since the environs of the city and part of the city itself (the harbour quarter) were inhabited by Slavs" (Mareš 1994: 3); "Though Greeks, they knew the Slavic language since childhood, as not only the environs of Solun, but also its suburbs were inhabited by Slavs" (Moszyński 1984: 87); "Cyril and Methodius, who were actually Greeks, but also fluent in the

South Slavic Macedonian dialect used around Solun, or Salonika (...)" (Moszyński 1997: 47). Here are the words of Leszek Moszyński quoted in full:

> Constantine, asking his brother Methodius for help, poured all his energy into this new task. He created the new Slavic alphabet, the Glagolitic script, and translated the most important ecclesiastical books, primarily the evangeliary (*aprakos*) containing selections from the Gospels to be read on Sundays and feasts, the Psalms, the Acts of the Apostles and selected liturgical prayers, into the Solun region dialect which he knew since childhood (Moszyński 1984:89).

Slavists were well aware of contacts between south Slavs and Greek Christianity since the 6th century (Moszyński 1997: 46). Andrzej Bańkowski goes so far as to think that the liturgical books were translated by Slavic priests from Greece (Bańkowski 2000 vol. 1: 117).

The conviction that Cyril and Methodius might have been familiar with the Slavic language spoken around Salonika was grounded not only in the fact that a population of Slavs inhabited the suburbs, some of whom went to work in the city, but also because it was long believed–among scholars no less–that their mother, Maria, was a Slav and taught her children the Slavic speech. The conjecture that mother of the missionaries was of Slavic ethnicity were ultimately rejected by science: "However the supposition that their mother, Maria, was a Slav, proved impossible to confirm" (Moszyński 1984: 87). It does not seem likely that Leon, the father of Cyril and Methodius and a high-ranking officer (Mareš 1994: 3), would marry a Slav or Greek-Slav woman. It is also doubtful that the children of an important imperial official would be allowed to play with their Slav peers. We must realise that Greeks (especially those well-to-do and educated) looked down on Slavs. The reason for this was that, since the 6th century, the Slavs for many decades have been invading Greece, despoiling the land, killing Greeks, burning down their homes, raping women and pillaging the locals. Stricken by panic, the Greeks abandoned their settlements which were subsequently occupied by Slavs. The empire (weakened by wars with, among others, the Arabs and Persians) could not manage to dislodge them, as they offered successful resistance with arms. Saying it briefly, the Greeks in the Balkan peninsula were too weak to oust the Slavs from their land and avenge the injuries suffered. Until the times of Cyril and Methodius, they were forced to coexist with those they despised.

Cyril and Methodius might have learned the Slavic speech prior to embarking upon the Moravian mission, but the more probable, verging on certain, supposition is that their fluency was basic or at most intermediate, basically on the level of restricted code. Such knowledge is a far cry from the level required to translate biblical texts competently and independently.

In the 950s, the majority of Slavs in Greece (numbering in the hundred thousands) had probably embraced Christianity. The liturgy was essentially Greek, but the believers could

certainly listen to pericopes and sermons in the Slavic tongue, the same speech they used to say the Lord's Prayer and others. Undoubtedly, there must have been partly or completely bilingual Slavic priests as well as, most certainly, priests of both Greek-Slavic and Greek origin. It was a that time that the core Christian vocabulary emerged; the clergy interpreted Greek pericopes in real time, used Greek Bible manuscripts with Slavic glosses, or recited biblical passages in Slavic from memory.

Around 860 Cyril and Methodius set out for a mission to the Khazars, returning in 861. The former brother was at that time already preparing for ministering to those Greek Slavs still steeped in pagan ways. While translating Gospels texts from Greek to Slavic, he was most probably relying on the assistance of bilingual priests. Such texts might have been at least partly completed when the Moravian envoys arrived. The rest was probably translated by the middle of 863. Those who assisted Cyril and Methodius in the translation most likely made it together with the brothers to Moravia. It seems hardly credible that the missionaries would set out with just their Greek servants. Undoubtedly, they journeyed with a guard, an imperial military detachment.

Thanks to cooperating with bilingual priests (mainly Slavs, it is thought), within one or two years the Solunian brothers greatly expanded their knowledge of the Slavic language and eventually learned it very well while staying in Moravia. There they were also able to revise their earlier translations of the most important liturgical books. Methodius, who lived until 885, could therefore complete his great work as a translator thanks to the linguistic fluency he had acquired. As stated by L. Moszyński:

> Methodius translated all biblical books from Greek to Slavic except the books of the Maccabees, the norms of both ecclesiastical (*Nomokanon*) and secular law, the latter known from copies found in the Old Russian *Zakonъ sudnyj ljudemъ*, as well as the Books of the Fathers, or Patericons. One of his achievements was also turning the evangeliary into a complete book containing the four Gospels (Moszyński 1984: 90).

Undoubtedly, the literary Old Slavic language emerged as a result of intellectualising the Solun dialect based on language patterns of the high-prestige Greek language (Topolińska, Vidoeski 1984; Lewaszkiewicz 2021).

3. Slavic settlements and Christianity among Slavs in Greece until the times of Cyril and Methodius

The history of Slavic migrations into Greek territory can be divided into two periods. Already in the 6th century, raids focused on pillaging took place. Of symbolic importance for the intense Slavic settlement were the incursions of 578 an 581 (Lewicki, Swoboda 1964: 153).

In subsequent years, the armed invasions of Slavs devastated Greece and in many places led to replacing natives with colonists; for example, the Greek population was almost completely displaced from the Peloponnese. It was in this peninsula that the Slavic tribes clung to their independence the longest, basically almost until the mid-800s.

The intensity of ancient Slavic settlement in Greece is reflected in numerous toponyms of Slavic origin. The research of Max Vasmer shows that out of 1539 investigated toponyms, 717 have Slavic etymology (Lewicki, Swoboda 1964: 153, Vasmer 1941/1970). The Greek language loaned about 300 Slavic words, of which however few are still retained in Modern Greek (Sławski 1964: 154).

The Slavs were undoubtedly aware of the higher cultural standing of the Greeks compared with themselves. This was certainly one of the reasons why they voluntarily converted to Christianity–or were forced to do so in areas where imperial power extended. The latest conversions of Slavs, during the 9th century, took place in the Peloponnese.

4. On the need for comprehensive research on Slavs prior to the Cyril and Methodius era and in later times

I believe that our current knowledge about areas settled in the 6th to 9th centuries exclusively by Slavs or by mixed Greek and Slavic population is too general. Thoughts on the Christianisation of Slavic tribes are also, for the most part, based on conjectures. Some researchers doubt whether the majority of Slavs followed Christianity prior to the 9th century. This, however, was most probably the case following the siege of Patras (c. 805–807), when the Greeks subjugated the Slavs. In various locations over Greece, they undoubtedly prayed in churches in their native speech and heard pericopes recited in that language. It is unlikely that they participated in church services said exclusively in Greek. We know nothing about the existence and activities of priests in areas inhabited by Slavs. For the most part, they were probably of Slavic or mixed Slavic and Greek origin; some pastoral care might have been offered by bilingual Greeks.

More extensive research on the history of the Slavs (and especially their relations with Christianity) should start with determining the status of archives found in former Byzantine Empire areas (today's Greece and Turkey) until the middle of the 9th century and after its fall. Our interest should also be focused on archives related to Slavic Christianity in Greece, which the Byzantine Empire partially transferred to Rome until the eastern schism of 1054, when Constantinople became fully independent of the Roman Church.

The shortcomings of historical and linguistic Slavic studies in researching the antiquity

of Slavic settlement and language in Greece should inspire future generations of Slavic scholars of various specialities to undertake extensive research in archives. It seems unlikely that Slavic-speaking priests would for several centuries fail to place glosses in their own language in Greek biblical and prayer texts. The Greek alphabet would have been sufficient to transliterate Slavic words and word combinations. A question arises whether it is possible that not a single gloss with a Slavic word or word combination was preserved in Greek and, possibly, Roman archival resources. We have no knowledge on this topic, as probably no one ever attempted to look for traces of Slavic monuments in early medieval Greek texts.

BIBLIOGRAPHY

Bańkowski A., 2000, *Etymologiczny słownik języka polskiego*, t. 1, Warszawa.

Brajerski T., 1973, *Język staro-cerkiewno-słowiański*, Lublin.

Lewaszkiewicz T., 2021, *Język grecki – główne źródło intelektualizacji przedklasycznej łaciny i słowiańskiego dialektu okolicy Salonik z IX wieku*, [w:] *Antyczne wędrówki transdyscyplinarne. Silvestro Dworacki Viro Vere Academico*, red. E. Skorupska-Raczyńska, A. A. Niekrewicz, K. Taborska, Gorzów Wielkopolski.

Lewicki T., Swoboda W., 1964, *Grecja-Słowianie w Grecji*, [w:] *Słownik starożytności słowiańskich*, pod red. W. Kowalenki, G. Labudy i T. Lehra-Spławińskiego, t. 2, Wrocław, s. 153-154.

Małecki M., 1947, *Najstarszy literacki język Słowian*, Kraków.

Moszyński L., 1984, *Wstęp do filologii słowiańskiej*, Warszawa.

Moszyński L., 1997, *Przed chrystianizacją Polski (Narodziny słowiańskiej terminologii chrześcijańskiej i najstarszy przekład Biblii)*, „Slavia Occidentalis", 54, s. 45-72.

Mareš F. W., 1994, *Pierwszy słowiański język literacki i początki piśmiennictwa słowiańskiego*, Kraków.

Sławski F., 1964, *Grecko-słowiańskie stosunki językowe*, [w:] *Słownik starożytności słowiańskich*, pod red. W. Kowalenki, G. Labudy i T. Lehra-Spławińskiego, t. 2, Wrocław, s. 154-155.

Topolińska Z., Vidoeski B., 1984, *Polski – macedoński. Gramatyka konfrontatywna (zarys problematyki)*, zeszyt 1, *Wprowadzenie*, Wrocław.

Vasmer M., 1941, *Die Slaven in Griechenland*, Berlin (II wydanie: Leipzig 1970).

COLOPHONS DE MANUSCRITS SLAVES DE MOLDAVIE (XVe-XVIIe SIÈCLES)

OLIMPIA MITRIC (ROUMANIE)

Notre communication est le résultat d'une étude systématique des 187 colophons (modèles, structure, contenu) et des copistes des manuscrits slaves originaires des écritoires de Moldavie. Aux côtés de nos chroniqueurs, les copistes ont contribué à la consolidation de l'évolution de notre culture ancienne. Tout aussi importants sont les colophons des commanditaires et les relieurs.

Aujourd'hui, des manuscrits avec colophons sont conservés dans les bibliothèques de l'Académie Roumaine, dans certains monastères et musées, ainsi que dans des bibliothèques situées hors des frontières du pays (Russie, Bulgarie, Ukraine, Autriche, Pologne, Allemagne, Mont Athos, Monténégro, États-Unis d'Amérique, Grande-Bretagne). Les colophons sont les textes placés, le plus souvent, à la fin des manuscrits anciens, à la fin de certains chapitres, parfois dans un riche cadre ornemental, en accord avec les éléments ornementaux du manuscrit ou dans l'ornementation d'un frontispice, comme dans les manuscrits latins et byzantins. Ils permettent la datation et la localisation des écritures manuscrites. Nous rencontrons souvent d'autres informations, qui reproduisent le panorama des intérêts culturels d'une région ou d'une époque. En général, un colophon comprend: le nom du calligraphe; la date de début et de fin de la copie; à l'instigation et aux frais de qui la copie a été faite; des excuses pour les éventuelles erreurs que le lecteur pourrait remarquer; quelques explications concernant ces erreurs; la malédiction pour la protection du livre, notamment contre les voleurs. Il peut également y avoir des informations sur la durée et le coût de la copie, ou des références à des événements météorologiques et historiques survenus autour ou pendant la rédaction. Ce qui est vraiment intéressant, ce sont les colophons qui contiennent de courtes notes autobiographiques. Les interventions du prêtre Thomas de Siret, tout en copiant un Tétraévangile pour ses propres besoins, sont à apprécier: « Mažet a ne pišet pop′ Foma, poneže ni zr″cala ne pomagaŭt″ uže. Vljat 7204 bja ljatom 50 tim i 4 ri »[1] (Il griffonne et n'écrit pas, Père Thoma, car même les miroirs ne lui servent plus à rien. En l'an 7024 (=1516), il avait 54 ans); Grigorie Huboceanul, le copiste d'un Tétraévangile de 1635, écrit qu'il « ... bja vo ljaty mlad jako 24 i zrastom mal ... »[2] (... était jeune, 24 ans, de petite taille ...). Il existe très peu de situations dans lesquelles les

[1] Olimpia Mitric, *Catalogul manuscriselor slavo-române din Biblioteca Mănăstirii Sucevița*, Iași, 2018, p. 193, nr. 44 (Le Catalogue des manuscrits slaves-roumains de la bibliothèque du monastère de Sucevița).
[2] P.P. Panaitescu, Manuscrisele slave din Biblioteca Academiei RPR, vol. I, București, 1959, p. 279, nr. 189 (Les manuscrits slaves de la Bibliothèque de l'Académie de RPR).

illustrateurs signent leur œuvre: « Izvoleniem′ Otca i s″ pospešeniem Sina, sija kniga s′tvori i ukrasi ermonah Selevestru ot svjata monastir Slatina »[3] (Avec la volonté du Père et avec l'aide du Fils, ce livre a été écrit et embelli par Selevestru du saint monastère de Slatina).

La datation des manuscrits a été faite selon la chronologie byzantine de la création du monde. Les matériaux utilisés pour écrire les codex sont le parchemin et le papier. Quant aux encres, la plupart des manuscrits sont écrits avec de l'encre noire et rouge (cinabre), et dans ceux comportant des miniatures et des éléments ornementaux, les encres de diverses couleurs, y compris l'or, abondent. La plupart des colophons sont écrits en écriture semi-onciale plus petite avec des éléments d'écriture cursive. Certains copistes ou commanditaires ont tenté de cacher leurs noms en utilisant une écriture cryptée ou des méthodes d'abréviation plus compliquées.

Ces manuscrits sont écrits en langue slave de rédaction roumaine dans les écritoires des monastères, des évêchés, des forteresses (Suceava, Hotin), dans des ateliers de copie (dans les monastères Neamț, Moldovița, Putna) ou encore dans des écoles d'écriture (monastère Dragomirna), ainsi que dans les maisons des copistes ou des commanditaires. Nous rappelons que la version roumaine de la langue slave était une langue de culture, différente de la langue vivante du peuple, la langue utilisée dans les chancelleries voïvodales et ecclésiastiques jusqu'au milieu du XVII-e siècle. En ce qui concerne le statut social des copistes érudits, ils sont pour la plupart membres du clergé, certains d'entre eux, brillants calligraphes, étant également copistes de profession. Les scribes constituent une autre catégorie, gens de plume, parmi lesquels des écrivains connus des chancelleries princières. On n'y identifia aucune femme parmi les copistes de nos manuscrits.

Mais il existe aussi des colophons courts et concis que l'on retrouve pendant tous les siècles. Il s'agit de courtes formules pour remercier à Dieu pour l'achèvement du livre: « Slava s″vr″šitelju Bogu, po začjalja i konec′»[4] (Gloire à Dieu, le Tout Puissant, après le commencement et le fin). Ces formules établies sont accompagnées d'informations minimales, soit le nom du copiste, soit le lieu ou la date de la copie, et plus rarement, toutes ensemble: «Slava s″vr″šitelju Bogu našemu v″ vjaky, amin. Ispisa sii Psaltir″ Mihail″ diak′, v″ljato 7120, mesjac′ fevruarii 11»[5] (Gloire à notre Dieu, le Créateur, pour toujours, amen. Ce Psautier a été écrit par Michel le Diacre, en l'an 7120 (=1612), le 11 février); « S″i m[e]s[ja]c′ avg[usta] pisa

[3] *Ibidem*, p. 314, nr. 217.
[4] *Ibidem*, p. 73, nr. 55.
[5] *Ibidem*, p. 322, nr. 222.

Stefan voevoda, g[os]p[o]d[a]r′ zemli moldavskoi rŭkoŭ grjašnago Kasïana[6] (Ce mois d'août a été écrit par Étienne Voïvode, seigneur de Moldavie, avec la main du pécheur Cassien); « V″ljat 6983 Gervasïe ïeromonah ispisa sïja knigu, m[ja]s[ja]ca ok[tomvrïa] 26 »[7] (En l'an 6983 (=1475), le hiéromoine Gervasius écrivit ce livre le 26 octobre). Arrivés au terme d'une tâche difficile, les copistes se comparèrent à des animaux plus rapides: «…blagodaru Tja č′lovjakoljubce Hriste, po začalja konec, jako rad zaŭcja probjaže, tako rad pisec iskonča posljadnjaja stroku… »[8] (… je te remercie, Christ, aimant des hommes, après le commencement et la fin, de même que le lapin est heureux de s'être enfui, ainsi l'écrivain est heureux que celui qui le poursuit ait terminé la dernière ligne …). De telles comparaisons sont courantes dans les manuscrits et les livres imprimés à l'époque médiévale.

De plus, les colophons ne sont pas presents dans tous les manuscrits. Dans les collections actuelles des monastères du département de Suceava, par exemple, sur 280 manuscrits, nous avons identifié 71 colophons. Certaines considérations sur les pratiques d'écriture, accompagnées d'images, s'imposent pour la valeur Culturelle et artistique des manuscrits.

Le support documentaire de la communication est fourni par le corpus des colophons transcrits (et traduits), par ordre alphabétique des copistes. Chaque manuscrit se termine par une brève description, notamment concernant les particularités graphiques. Au fil du temps, certains termes des colophons ont été traduits différemment, maintenant on les transposa dans une forme unitaire, celle des dictionnaires spécialisés.

BIBLIOGRAPHIE

Ioan Iufu, *Manuscrise slavo-române din mănăstirile românești (Manuscrits slaves-roumains des monastères roumains),* Édition éditée et étude introductive par Cosmin Vilău. Préface de acad. Răzvan Theodorescu, Bucarest, 2016;

Ioan Iufu și Victor Brătulescu, *Manuscrise slavo-române din Moldova. Fondul Mănăstirii Dragomirna* (Manuscrits slaves-roumains de Moldavie. Collection du monastère de Dragomirna), Édition éditée, préface, notes, résumé, index et reproductions par Olimpia Mitric, Iași, 2012;

Olimpia Mitric, *Catalogul manuscriselor slavo-române din Biblioteca Mănăstirii Sucevița* (Le Catalogue des manuscrits slaves-roumains de la bibliothèque du monastère de Sucevița). Édition révisée et ajoutée. Avant-propos par Son Éminence Pimen, archevêque de Suceava et Rădăuți, Iași, 2018;

P.P. Panaitescu, *Manuscrisele slave din Biblioteca Academiei RPR (Les manuscrits slaves de la Bibliothèque de l'Académie de RPR*) vol. I, București, 1959;

Idem, *Catalogul manuscriselor slavo-române și slave din Biblioteca Academiei Române (Le Catalogue des manuscrits slavo-roumains et slaves de la Bibliothèque de l'Académie roumaine)*, vol. II,

[6] Ioan Iufu, *Manuscrise slavo-române din mănăstirile românești,* București, 2016, pp. 171-172, nr. 10 (Manuscrits slaves-roumains provenant de monastères roumains).

[7] Valentina Pelin, *Manuscrise din domnia lui Ștefan cel Mare* (II), dans „Analele Putnei", IV, 2008, 2, pp. 268-269, nr. 18.

[8] P.P. Panaitescu, op. cit., pp. 22-23, nr. 15.

Édition éditée par Dalila-Lucia Aramă et révisée par G. Mihăilă. Avec une Préface de Gabriel Ştrempel, Bucureşti, 2003;

P.P. Panaitescu, Zamfira Mihail, *Catalogul manuscriselor slavo-române şi slave din Biblioteca Academiei Române (Le Catalogue des manuscrits slavo-roumains et slaves de la Bibliothèque de l'Académie roumaine)*, vol. III / Première partie, Édition éditée et revue, étude introductive, note sur l'édition et bibliographie par Zamfira Mihail; Introduction Şt.S. Gorovei; Illustrations Gabriela Dumitrescu, Bucureşti, 2018;

Valentina Pelin, *Manuscrise din domnia lui Ştefan cel Mare* (*Manuscrits du règne d'Étienne le Grand)*, (II), dans „Analele Putnei", IV, 2008, 2, p. 249-326

Scribi e colofoni. Le sottoscrizioni di copisti dalle origini all' avvento della stampa. Atti del seminario di Erice X Colloquio del Comité international de paléographie latine (23-28 ottobre 1993) a cura di Emma Condello e Giuseppe De Gregorio, Spoleto, Centro Italiano di studi sull' alto medioevo, 1995.

Шта је дубровачки говор дао Српском рјечнику (1852)?

Виктор Савић (Србија)
Филолошки факултет Универзитета у Београду
Институт за српски језик САНУ
viktor.savic@isj.sanu.ac.rs

На своме знаменитом путовању по „југозападним српским крајевима“ (1834–1835), Вук Караџић је највише времена провео у Дубровнику где је, за више од пет месеци, прикупио велики број њему до тада непознатих речи (више је прикупио само у Црној Гори). Запажања до којих је Вук дошао пресудно су утицала на његово схватање норме српскога језика – тек након овога искуства он се упустио у реактуелизацију старијих (али преживелих) језичких стања, нарочито у јекавском изговору, што је омогућило структурно усаглашавање сва три српска изговора и формулисање идеје „опћене правилности“. У раду нису разматрана питања утицаја дубровачкога говора на структуру Српскога рјечника (фонолошки план и организовање одредница) него питање обима, природе и историјског значаја лексичке грађе којом је обогаћен Српски рјечник, а тиме и општи српски књижевнојезички фонд. Јер, овај је речник по Вуковој замисли требало да представља поуздану основа за даљи развој српскога књижевног језика, а не обичан описни речник суме српских говора и дијалеката с којима се Вук непосредно (или уз помоћ сарадника) упознао. Дубровник је сâм по себи језички специфичан и значајан (в., пре свега, радове М. Решетара) – и у односу на шире херцеговачко залеђе и у односу на своју непосредну околину, која је тек у зрелом средњем веку постепено ушла у састав његове аутономне управе, тзв. Дубровачке републике. (Република се одржала до 1808. године.) Иако део источнохерцеговачког дијалекта, дубровачки говор је задржао и изградио неке особености, међу којима посебно место заузима богат и нешто другачији лексички репертоар, на различите начине вишеструко обрађиван (тзв. „илирски речници“, П. Будмани, Л. Зоре, М. Милас и др.). Вук је пребројао укупно 47.427 речи у другоме издању Српскога рјечника из 1852. године. У нашем истраживању, у дубровачке речи су се могле сврстати само оне које је Вук одредио као такве, ознаком „у Дубр.“. То још важи за неколицину речи без одговарајућег квалификатива, за које се по смислу или ширем контексту могло утврдити (или претпоставити с великом вероватноћом) да припадају Дубровнику – као и за оне за које је у Миласовој, раној анализи Вукова фонда с краја XIX века (релативно блиској Вукову времену), утврђено – или претпостављено – исто. По нашем бројању, сâм Вук је назначио за 1046 одредница да су из Дубровника, чему треба

придружити још три испуштене а најављене одреднице, па се долази до сигурног броја од (најмање) 1049 одредница. Али, да би се утврдио реалан процентни удео, не може се директно овај број доводити у везу с бројем свих речи (тачније одредница) у Рјечнику. Мора се повести рачуна о структури речничких чланака у којима се дубровачке речи јављају – да ли су оне засноване само на дубровачким потврдама или на још некима. Ако су на још некима, треба најпре унутар таквих чланака одредити дубровачки удео, да би се, потом, сабрао у један број реалан дубровачки удео у свим речничким чланцима, а то је – 917,496 одредница. Тај број чини 1,93454% укупног лексичког фонда Рјечника. Још 15 целих чланака хипотетички се може приписати Дубровнику (→ 1064), односно 21 из градске околине (→ 1085), чиме се долази до најширег удела од 951,163 одредница, што представља 2,00553% укупног лексичког фонда. Матеј Милас је довео у питање аутентичност неких Вукових записа, а за неке је с више или мање сигурности оспорио дубровачко порекло. У питању је 38 одредница. Када се и код њих дубровачки удео изрази разломачки, долазимо до броја од 918,997, односно 1,937708%. С умањењем или без њега, приближно, дакле, на сваких 50 речи у Рјечнику – једна је из Дубровника! Треба имати у виду да је Вук географски локализовао речи само по диференцијалном кључу. Оне које су шире заступљене, односно део су општега фонда – није географски издвајао. Подразумева се, стога, да се и у томе делу фонда налазе поједине речи из Дубровника – али ући им у траг није једноставно ни у овој прилици могуће; за неке то никада неће ни бити оствариво. Поред извесног броја грешака у локализацији, Вук је правио ситније грешке у бележењу, понекад и граматичком или значењском дефинисању речи. Није, међутим, била реткост да је Вук свесно интервенисао у акценатском систему, желећи да усагласи дубровачки изговор са својим изговором, тј. с моделом који је већ установио као основни у српском књижевном језику (тиме донекле упрошћавајући или усавршавајући норму). Вук, наиме, није тежио прецизном дијалектолошком приказу, него богаћењу и заокруживању књижевнојезичког лексичког и уопште језичког система. Вуку је, дакле, пре свега било важно да је неку реч чуо у народном говору, али не и где (па су тако и све локализације за њега условне), и како је она стварно изговарана (јер ју је свакако пропуштао кроз филтер свога и општега језичког осећања). То значи да за њега лексика у Рјечнику више није ни била обична дијалекатска него је постајала бираном, књижевном.

Вук је довољно дуго времена провео у Дубровнику да се у броју од преко хиљаду посебних речи сакупио тематски разноврстан фонд, готово из свих домена човекова живота и његове интеракције с окружењем. Изненађујуће је, али Дубровник, заправо, највише даје Рјечнику обиљем назива везаних за биљни свет (више од 15% укупне дубровачке лексике). Очито да се Вук нарочито разумевао у ту област, и да га је то једнако привлачило и на новоме терену. Међутим, та лексика је вероватно прибирана у непосредној градској околини, а не у самоме Граду. Разноврсну групу чини мноштво глаголских ознака, бројнију од ботаничке номенклатуре, али без могућности унутрашњега чвршћег тематског повезивања осим општијега типа (радње, стања и збивања, или сл.). Ништа мање изненађење јесте у томе што из лексике поморства Вук доноси само четири одреднице општијега карактера, што је објашњиво Вуковим слабим занимањем за ту област. Ипак, Вук је доста лексике скупио која се односи на морске животиње, међу којима су најбројнији називи појединих врста риба, али од остале лексике која би се тицала мора – свега су две потврде. Дубровник је у историји савремене српске културе најзаслужнији због чињенице да је самим својим постојањем, као стари медитерански град ренесансног карактера, најстарији на словенском југу, оправдао Вуков избор народног језика (и то источнохерцеговачког типа) за основицу на којој је градио српски књижевни језик – будући да се изабрани језички образац столећима користио и развијао у урбаној, а не само руралној средини. И од све те славе дубровачке – у Српском речнику готово да нема локалне градске лексике која би се тицала градске инфраструктуре, објеката, институција, градскога начина живота у уском смислу речи. Ту су само две речи: архаизам *у̏лица* – потврђен у истом значењу и другде, касније, али ипак различит од еквивалента у чакавском, и *ше́тница*, ознака ограниченога простора за шетање, својственога Граду опасаном зидинама, са скученим простором за своје житеље. Градски фонд се увећава називима одевних предмета, обуће и накита, најмање важним за постојање и функционисање његово, али очито најуочљивијим чиниоцима припадности градском становништву, толико препознатљивим да се изразом *ста̀вит кло̀бӯк*, забележеним касније, преносно означава ‘претварање у грађанина’ (прихватањем градске ношње, управо стављањем на себе најкарактеристичнијег одевног предмета). Из прошлости је Вук прибележио и неколике називе који су се тицали административног уређења, односно лексике којом је означавана припадност различитим друштвеним слојевима, што има везе с опозицијом *град* : *село*, али се и прелива преко тих граница. Појам ‘пристојности’

(културног и културисаног понашања) не може се ограничити само на Дубровник, али јесте карактеристика у Граду изграђенога менталитета још од времена ренесансе, столећима брушенога у малој, али цивилизованој средини – изражен неколиким врстама речи из једнога деривационог гнезда, придевским (*складан*), прилошким (*складно*) и именичким, апстрактнима (синонимима *складнђа* и *складноћст*). У лексици материјалне културе не издваја се готово ништа што би се искључиво везивало за град, али та лексика је богата, баш као што у Рјечнику постоји и мноштво друге дубровачке лексике из различитих тематских кругова, на пример пољопривредна терминологија, кулинарска терминологија, називи особина и њихових носилаца, називи носилаца занимања и вршилаца радњи, називи црквених празника и народних обичаја, црквена лексика у ужем смислу речи, називи алата, оружја, музичких инструмената, предмета коришћених у медицини, називи болести и поремећених физиолошких стања, друштвених игара, називи из области економије и трговине, називи јединица мере, протока времена, временских прилика и атмосферских појава, појава у природи, облика рељефа итд. Колико је Вук дубински упознао дубровачки говор, види се и по томе да је у Рјечник укључио и лексику која припада дечјем говору, односно говору одраслих када се обраћају деци или говоре о њима. На плану историје језика, вредности Рјечника доприносе историзми и архаизми донети из Дубровника. Речи које су већ у његову времену биле историзми сâм је Вук назначавао, а у идентификацију архаизама треба посебно проникнути. Дубровачки архаизми понекад имају и шири значај од српскога језичког, односно јужнословенског.

Вуков вишемесечни боравак у Дубровнику донео је обилне плодове за Вуково схватање језичкога система и лексички фонд књижевнога језика чије је изграђивање било у току. Дубровник је, дакле, много задужио и Вуков Српски рјечник из 1852. године и сâм српски књижевни језик, па тиме и савремену српску културу у целини.

Кључне речи: Дубровник, Вук Караџић, Српски рјечник (1852), лексика, лексикографија, српски језик, историја српскога језика

ИЗВОРИ И ЛИТЕРАТУРА

Белић, А. „О Вуковим погледима на српске дијалекте и књижевни језик“, *Глас* СКА, LXXXII, Други разред 49 (1910), 101–243.

Белић, А. „Дубровник и његово место у духовном развитку нашега народа.“ *Наш језик*, IV/1 (1935):

Вук I: *Српски рјечник, истолкован њемачким и латинским ријечма*, Скупио га и на свијет издао Вук Стефановић, У Бечу: gedruckt bei den P. P. Armeniern, 1818.

Вук II: *Српски рјечник, истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима*, Скупио га и на свијет издао Вук Стеф. Караџић, У Бечу: у штампарији Јерменскога намастира, 1852.
Вук 1836: Вук Стеф. Караџић. *Народне српске пословице и друге различне, као оне у обичај узете ријечи*. На Цетињу: У Народној Штампарији, 1836.
Даничић, Ђ. *Никољско јеванђеље*. Биоград: Државна штампарија, 1864.
Зоре, Л. „Дубровачке туђинке.“ *Споменик СКА*, XXVI (1895): 1–26.
Ивић, П. *Дијалектологија српскохрватског језика. Увод у штокавско наречје*. Целокупна дела, II. Сремски Карловци – Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2001 [1956/1985].
Ивић, П. *Српскохрватски дијалекти, њихова структура и развој*, I. *Општа разматрања и штокавско наречје*. Целокупна дела, III. Сремски Карловци – Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 1994 [1958].
Кашић, Ј. „Градске речи у Вуковом Рјечнику.“ *Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду*, XI/1 (1968): 147–178.
Кашић, Ј. „О Српском рјечнику из 1852. године.“ *Српски рјечник (1852)*, II, Р–Ш. Сабрана дела Вука Караџића, књ. XI. Београд: Просвета, 1986, 1481–1744.
ПЕРСЈ: *Приручни етимолошки речник српског језика*, Том 1, А–Ј. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2023.
РДГ: М. Бојанић, Р. Тривунац. „Речник дубровачког говора.“ *Српски дијалектолошки зборник*, XLIX (2002), 1–458.
Решетар, М. „Чакавштина у Дубровнику.“ *Нова Зета*, II (1890): 401–413.
Решетар, М. *Бернардинов лекционар и његови дубровачки преписи*. Београд: СКА, 1933.
Решетар, М. „Најстарији дубровачки говор.“ *Глас САН*, CCI, Одељење литературе и језика, н. с. 1 (1951), 1–47.
Решетар, М. *Најстарија дубровачка проза*. Београд: САН, 1952.
РКМД: Гл. Елезовић. *Речник косовско-метохиског дијалекта*, I–II. Београд: СКА, 1932–1935.
РСАНУ: *Речник српскохрватског књижевног и народног језика*, I–. Београд: САН/САНУ – Институт за српскохрватски језик / Институт за српски језик САНУ, 1959–.
РСЈ: *Речник српскога језика*. Нови Сад: Матица српска: 2007.
Савић, В. „Лексички систем Вукових речника у светлости географских локализација.“ Научни састанак слависта у Вукове дане, 51/1, Београд, 2022, 327–342.
Савић, В. „Морфолошки архаизми Српскога рјечника из 1818. године.“ *Научни састанак слависта у Вукове дане*, 52/1 (2023): 43–51.
Савић, В. *О западној грани српскословенске писмености*. Београд: Чигоја штампа, Институт за српски језик САНУ, 2025.
Симић, Р. „Значај Вукова боравка у Дубровнику и Црној Гори за правце његових реформи српскога књижевног језика.“ Вук Стефановић Караџић и Иво Андрић (или Андрић на Вуковом путу). Zbornik radova. Херцег Нови: СПКД „Просвјета“, 2014, 48–58.
Стојановић, Љ. *Живот и рад Вука Стеф. Караџића <26 окт. 1787, † 26 јан. 1864>*. Београд–Земун: Штампарија графичког завода „Макарије“, 1924.
Фасмер I–IV: М. Фасмер. *Этимологический словарь русского яыка*. Пер. и допол. О. Н. Трубачева. Москва: Прогрес, 1986–1987 [1950–1958].
ЭССЯ: *Этимологический словарь славянских яыков. Праславянский лексический фонд*, I–. Москва: Институт русского языка АН СССР / РАН, 1974–.

Berk, C. A. *Y a-t-il un substrat čakavien dans la dialecte de Dubrovnik? Contribution à l'histoire de la langue serbo-croate*, 'S-Gravenhage: Mouton & co, 1957.
Brabec, I. „Die Mundart von Dubrovnik.“ *Die Welt der Slaven*, V/1 (1960): 45–61.
Budmani, P. „Dubrovački dijalekat, kako se sada govori“, Rad JAZU, knj. LXV (1883), 155–179.

Deanović, M. „O urbanom karakteru dubrovačkog leksika.“ *Forum*, 9–10 (septembar–oktobar 1967), 397–403.
Derksen, R. *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon. Leiden–Boston*: Brill, 2008.
ERHJ: *Etimološki rječnik hrvatskoga jezika*, 1–2. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2016–2021.
ESSJ: *Etimologický slovník jazyka staroslověnského*, 1–19. Praha: Československá akademie věd / Akademie věd České Republiky – Ústav slavistiky / Ústav pro jazyk český, 1989–2018.
Gerersdorfer, V. „Romanizmi u dubrovačkom govoru.“ *Zadarska revija*, XXVII, za 1978 (1979): 1–19.
HNJ: *Historija naroda Jugoslavije*, I. Zagreb: Školska knjiga, MCMLIII.
Kašić, Z. „Govor Konavala.“ *Српски дијалектолошки зборник*, XLI (1995), 241–396.
Ligorio, O. „Fonemika dubrovačkoga govora.“ *Croatica et Slavica Iadertina*, VI (2010): 21–46.
Lisac, J. *Hrvatska dijalektologija*, 1. *Hrvatski dijalekti i govori štokavskog narječja i hrvatski govori torlačkog narječja*. Zagreb: Golden marketing, Tehnička knjiga, 2003.
Milas, M. „Ispravci dubrovačkijeh riječi u Vukovu rječniku.“ *Rad* JAZU, Knj. CXXXVI, Razredi Filologijsko-historijski i filosofijsko-juridički, L (1898), 223–248.
NDR: D. Mladošić, M. Milošević, *Naški dubrovački rječnik*, Dubrovnik: Verbum publicum, 2011.
Rešetar, M. *Der Štokavische Dialekt*. Wien: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1907.
RJAZU: *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, I–XXIII. Zagreb: JAZU, 1880–1976.
Skok I–IV: P. Skok. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, I–IV. Zagreb: JAZU, 1971–1974.
Tentor, M. „O dubrovačkom jeziku s leksičke strane.“ *Rešetarov zbornik iz dubrovačke prošlosti*. Milanu Rešetaru o 70^{oj} godišnjici života. Dubrovnik: Jadran, 1931, 449–445.

ШЛЯХИ ПРОНИКНЕННЯ ГУНҐАРИЗМІВ ДО ЛЕКСИЧНОЇ СИСТЕМИ УКРАЇНСЬКОЇ ТА РОСІЙСЬКОЇ МОВ

ERZSÉBET BÁRÁNY (HUNGARY)

Вступ

Контакти угорців зі східними слов'янами розпочалися в другій половині IX – на початку X ст. Цей історичний взаємозв'язок простежується в етнографічних (Gunda 1942: 165–184) та в мовних даних угорців і слов'ян (Kniezsa 1942; 1955), угорців і східних слов'ян. Доказом цього слугують деякі східнослов'янські слова, що закріпилися в угорській мові, наприклад, *lengyel* 'поляк, польський'*, jász* 'ясин'*, halom* 'пагорб', *tanya* 'хутір', *varsa* 'верша'*, mázsa* 'центнер' (первинне значення 'мажара'), *taliga* 'візок на двох колесах'. На думку Г. Барці, перед здобуттям батьківщини угорці могли запозичити також слова, пов'язані із християнством: *szombat* 'субота'*, kereszt* 'хрест'*, karácsony* 'крачун'*, szent* 'святий' (Bárczi 1963: 48–49); вони можуть бути запозичені зі східнослов'янських мов або ж із болгарської. Східнослов'яно-угорські міжмовні контакти особливо посилилися в той період, коли угорці (мадяри < уг. *magyar)* оселилися в Карпатському басейні. Вважають, що східні слов'яни та угорці запозичували нові поняття і слова внаслідок географічних, суспільних та економічних відносин. Як наслідок ─ серед іншомовних нашарувань угорської мови найбільшу кількість становлять слов'янізми (Papp 1974: 56, табл. 1; Zoltán 1996: 634–648). З утворенням Угорської держави цей мовний процес став зворотним: угорська мова вплинула на сусідні східнослов'янські говори (Лизанець 1970: 102–105; Барань 2013: 27–37). У зв'язку із проживанням частини україномовного населення в складі Угорського королівства, а згодом ─ Австро-Угорської монархії, вплив угорської мови на українську виявився чи не найсильнішим (Балецкий 1961: 248). Ідеться насамперед про вплив угорської мови на закарпатські українські говори (Лизанец 1976). Однак цей вплив простежується і на інші західноукраїнські говори (Барань 2009: 37–51).

Основна частина

Подамо приклади гунґаризмів, які різними шляхами увійшли до лексичної системи української та російської мов:

українське *гусáр* 'у царській і деяких іноземних арміях – військовий з частин легкої кінноти, що носив форму на угорський зразок; вид танцю; дитяча гра' є запозиченням, через польську і російську мови, з угорської (ЕСУМ 1: 625) (до російської слово ввійшло з угорської кількома шляхами: спочатку з німецької, пізніше з польської (Hollós 1996:

26–28)); уг. *huszár* є запозиченням із давньосербськохорватської (Kniezsa 1955: 219–220); пор. *гусаринъ* ‘тяжкий їздець у давній Польщі’, *гусария* ‘спочатку тільки угорська зразкова кіннота з 1458 року, пізніше гусари були по всіх державах Європейських’, *гусарка* ‘жіночий одяг обшитий галуном’, *гусарскый* (Тимченко 1930: 630); *гусар* ‘вид танцю’, *гусарка* ‘дружина гусара’, ‘вид теплої жіночої кофти’ (Грінченко 1: 342); *гусаръ* ‘гусак’ (СУМ[16–17] VII, 120): обоудилъ *гоусаръ* гаганїє(м)… (Львів, поч. XVII ст. Крон. 62 зв.); похідні *гусарский, гусаръский, усарский*: меновите дей згинуло... радов *гусарскихъ* сребромъ оправных два… (Володимир, 1567 *АрхЮЗР* 8/III, 149); від *гусаръ* утворилася і власна назва *Гусаръ*: Анъдрѣ(и) *Гуса(р)* (1649 РЗВ 379).

Пу́шта ‘угорський степ; безлісі простори на Середньодунайській низовині в Угорщині’, зафіксовано в СУМ (8: 412) як загальноукраїнське, походить від уг. *puszta* ‘угорський степ’, лексичну основу якої слід шукати у псл. мові (пор. *pustъ* ‘пустий’) (ЕСУМ 4: 646); поширене і в укр. говорах Закарпаття: *пустара* ‘пустиня, безлісі простори’ (Csopey 1883: 330); *пу́ста* ‘угорська неплідна низовина’ (Лизанец 1976[1]: 619). А. Голлош припускає, що рос. *пуста* очевидно є безпосереднім запозиченням з угорської, форма *пу́шта* ввійшла до східнослов’янських мов очевидно посередництвом польської мови (Hollós 1996: 53), тут ідеться про запозичення з книжної польської мови, пор. польське *puszta* [pušta].

Походження українського *ша́бля* ‘холодна зброя (застосовується кіннотою)’, вперше зафіксованої у кінці XV ст. (ССУМ 2: 553), до кінця не з’ясовано, припускається, що воно є давнім запозиченням з угорської мови, пор. уг. *szablya* ‘шабля’, наявність приголосного *ш* пояснюється впливом польської мови (ЕСУМ 3: 365), польську слід вважати мовою-посередником (Hollós 1996: 78). На тюркське походження як первинне джерело предмета і назви на його позначення вказує Кнєжа та Голлош (1955: 743–744; Hollós 1996: 78), останній припускає, що форма *шабля* до російської потрапила з польської посередництвом української, а до польської ввійшло з німецької (Brückner 1927: 538).

Українське *шала́ш* ‘халупа’, *сала́ш* ‘намет, накриття’ *са́лаш* ‘гурт овець; місце, де розташовані кошари’, *сала́ш* ‘кошара’, *шала́ш* ‘хата’ (Грінченко 4: 97, 482) є запозиченням з уг. мови (можливо, що форма *сала́ш* через румунське посередництво (ЕСУМ 5: 168; 6: 370)), а можливо через закарпатські українські говори: *салашъ* (Csopey 1883: 355), *салаш* та дієслово *салашловати* ‘переночувати’ у «Нягівських повчаннях»

(Дэже 1961: 170); форми *шалаш ~ шелаш* в російській мові свідчать про польське посередництво (Hollós 1996: 67–68).

Шере́га ‘ряд, шеренга’, *ше́ре́г*, *шерегува́ти* ‘шикувати в лави’ є безпосереднім запозиченням з уг. *sereg* ‘військо, армія; натовп, сила, маса’ (ЕСУМ 6: 407), форма *шерег* ‘армія’ зустрічається у творі «Оборона вѣрному чоловѣку» (XVII ст.) Михайла Андрелли (Дэже 1961: 173); рос. *шеренга* ‘вишикувані в один ряд солдати’, вперше зафіксоване у середині XVII ст., потрапило до мови-реципієнта посередництвом польської *szeręg* (Hollós 1996: 70–71).

Українське *шиша́к* ‘вид шолома’, цсл. *шишакъ* припускається запозичення з уг. мови (ЕСУМ 6: 422, ESZ 735). Угорське *sisak,* вперше зафіксованого на початку XV ст., неясної етимології (ESZ 735). Тимченко подає угорський відповідник до *шишакъ* (Тимченко 2: 495). Слово поширене в українській мові, трапляється і в творах Івана Котляревського (Грінченко 4: 497). В українські говори Закарпаття воно увійшло безпосередньо з угорської мови (Лизанець 1976: 639), ймовірно, у середині XX ст. (про це свідчить відсутність слова в закарпатських писемних пам’ятках XVI–XVIII ст., а також у лексикографічних працях попередніх періодів). У мараморoських говірках слово розширило значення, можливо, на основі подібності до форми шолома; пор. *шышак* ‘м’яка, нерозвинута головка капусти або такий же качан кукурудзи’ (Сабадош 2008: 421). У польській мові *szyszak* ‘шолом, каска’ вперше зафіксовано в XVI ст. і вважають запозиченням з угорської мови (Brückner 1927: 562, Wołosz 1989: 309), як і в білоруській мові (пор. біл. *шишакъ, шышакъ* ‘ковпак’ (Zoltán 2006: 496)) та румунській (пор. рум. *şişác* ‘каска піхотинця’ (Tamás 1966: 733)). Беручи до уваги хронологічні показники, можна стверджувати, що в українську мову слово ввійшло за посередництвом польської мови, як і в російську, де воно вперше зафіксоване також у XVI ст. (Hollós 1996: 71–72). Л. Кіш пояснює це польсько-угорськими історичними зв’язками за часів Стефана Баторія, коли в польській мові закріпилася низка угорських термінів військової справи (Киш 1963: 64). Угорське слово, своєю чергою, як припускає Л. Кіш, запозичене з тюркських мов з первісним значенням ‘жіночий головний убір’, а значення ‘металевий шолом’ – вторинне, що виникло за подібністю форми (там же, 63–64). Автор дотримується думки, що саме друге значення закріпилося в сусідніх східнослов’янських мовах.

Чечу́га, *чечу́ра* ‘велика промислова риба родини осетових, стерлядь, Acipenser ruthenus L.’ (Грінченко 4: 461) є запозиченням з рум. *căciugă* ‘т.с.’, яке в свою чергу походить з уг. *kecsege* ‘осетер’ ЕСУМ (6: 316); поширене в закарпатських українських

говорах, пор. *кéчиг* ‘т.с.’ (Верхратский 1899: 224), *kečege* (Владыков 1926: 18), в яких є безпосеренім запозиченням з уг. мови (Kniezsa 1955: 855–856), на думку Голлоша, румунська мова відіграла роль посередника у процесі вкраплення уг. *kecsege* до лексичної системи української, російської та польської мов (Hollós 1996: 66–67).

Висновки

1. Українське *гусар* є запозиченням з угорської через польську і російську мови. Вважають, що до російської слово ввійшло з угорської кількома шляхами: спочатку з німецької, пізніше з польської.
2. Рос. *пуста* очевидно є безпосереднім запозиченням з угорської, форма *пушта* ввійшла до східнослов’янських мов імовірно посередництвом польської мови.
3. Українське *шала́ш* є запозиченням з угорської мови. Припускають, що форма *сала́ш* увійшла до української мови через румунське посередництво або закарпатські українські говори. Форми *шалаш* ~ *шелаш* в російській мові свідчать про польське посередництво.
4. Українське *шерега* є безпосереднім запозиченням з угорської мови, російське *шеренга* потрапило до мови-реципієнта посередництвом польської мови.
5. Зважаючи на хронологічні показники, можемо стверджувати, що *шишак* в українську та російську мови ввійшло за посередництвом польської мови.
6. Вважають, що румунська мова відіграла роль мови-посередника у процесі вкраплення угорського *kecsege* ‘чечуга (чечура)’ до лексичної системи української та російської мов.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ ТА ЛІТЕРАТУРИ

Балецкий Э., Венгерское *kert* в закарпатских украинских говорах // Studia Slavica VI. – Budapest, 1961. С. 247–265.

Барань Є., Лексика угорського походження та її тлумачення в історичних словниках української мови. // Studia Slavica 58/1 (2013). С. 27–37.

Барань Є., Роль Еміла Балецького у дослідженні угорських запозичень у творах західноукраїнських письменників кінця XIX – початку XX століття. // L. Jászay, A. Zoltán (ред.), Studia Russica XXIII. Budapest, 2009. С. 37–51.

Верхратский І., *Знадоби до пізнаня угорско-руских говорів, І.* Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. XXVII. Львів. 1899. [3] + 194 с.

Владыков В., *Рыбы Подкарпатской Руси и их главнейшие способы ловли.* Ryby Podkarpatské Rusi a hlavni způsoby rybolovu – Podkárpátska Rus halai, halászati módja és eszközei. Užhorod. 1926. 147 с.

Грінченко Б. (ред.), *Словар української мови:* у 4 т. / За ред. Б. Грінченка. Київ. 1907–1909.

Дэже Л., К вопросу о венгерских заимствованиях в закарпатских памятниках XVI–XVIII вв. *Studia Slavica* 7. 1961. С. 139–176.

ЕСУМ = *Етимологічний словник української мови.* В 7 томах. За ред. О. С. Мельничук. Т. 1–6. Київ, 1982–2012.
Киш Л., Происхождение слов *бекеша, кучма, шалаш и шишак* // Н. Шанский (ред.). Этимологические исследования по русскому языку. Москва. Вып. 4, 1963. С. 48–65.
Лизанец 1976 = Лизанец П. Н., *Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпатья. Венгерско-украинские межъязыковые связи.* Будапешт, 1976.
Лизанець П., Основні шляхи проникнення лексичних мадяризмів в українські говори Закарпаття // Слов'яно-угорські міжмовні та літературні зв'язки. Науково-тематичний збірник. Ужгород, 1970. С. 99–112.
Сабадош І., *Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району.* Ужгород, 2008.
ССУМ = *Словник староукраїнської мови* XIV– XV ст. Том 1–2. Київ, 1977.
СУМ = *Словник української мови*: в 11 тт. (за ред. І. К. Білодіда). Київ, 1970–1980.
СУМ$^{16–17}$ = Словник української мови XVI – першої половини XVII ст. Національна Академія Наук України – Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича. Том 1–11. Львів, 1994.
Тимченко Є., *Історичний словник українського язика,* 1 (А–Ж). Харків–Київ, 1930.
Тимченко Є., *Матеріали до словника писемної та книжної української мови XV–XVIII ст.:* У 2 кн. Київ-Нью-Йорк, 2002–2003.

Bárczi Géza, A magyar nyelv életrajza. Budapest, 1963. 462 c.
Brückner Aleksander, *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków. 1927. 805 c.
Csopey László, *Rutén–magyar szótár.* Чопей Л., *Русько-мадярский словарь.* Budapest, 1883. 446 c.
ESZ = Zaicz Gábor (főszerk.), *Etimológiai szótár. Magyar szavak és toldalékok eredete.* Budapest. 2006. 998 c.
Gunda Béla, Magyar–szláv néprajzi kapcsolatok // Szekfű Gyula (szerk.). A magyarság és a szlávok. Budapest, 1942. C. 165–184.
Hollós Attila, *Az orosz szókincs magyar elemei.* A Magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadványai 206 sz. Budapest, 1996. 113 c.
Kniezsa István, A magyar nyelv szláv jövevényszavai 1–2. Budapest, 1955. 1046 c.
Kniezsa István, Magyar–szláv nyelvi érintkezések // Szekfű Gyula. A magyarság és a szlávok. – Budapest, 1942. C. 168–188.
Papp Ferenc, A lexémák szófaja, alaktani szerkezete és eredete. // Magyar Nyelv 70 (1974). C. 55–68.
Tamás Lajos, *Etymologisch-historisches Wörterbuch der ungarischen Elemente im Rumänischen.* Budapest, 1966. 936 c.
Wołosz Robert, Wyrazy węgierskie w języku polskim I. // *Studia Slavica* 35, Budapest. 1989. C. 215–317.
Wołosz Robert, Wyrazy węgierskie w języku polskim II. // *Studia Slavica* 37, Budapest, 1991–1992. C. 3–27.
Zoltán András, A magyar–szláv nyelvi érintkezések kezdetei és fázisai // Életünk VI–VII. – Szombathely, 1996. C. 634–648.
Zoltán András, Magyar szavak az ófehéroroszban. // Mártonfi Attila, Pap Kornélia, Slíz Marianna (szerk.). *101 írás Pusztai Ferenc tiszteletére.* Budapest, 2006. C. 495–500.

СЛОВЕНСКО-РОМАНСКИ ЈЕЗИЧКИ ДОДИРИ НА ЦРНОГОРСКОМ ПРИМОРЈУ

Миодраг Јовановић (Црна Гора)
Филолошки факултет, Никшић, Универзитет Црне Горе, Подгорица
dijalektologija@t-com.me

На Црногорском приморју, у одређеном историјском времену, најинтензивније су у језик улазили романизми, који не чине компактну цјелину: већи дио романских позајмљеница потиче из венецијанског дијалекта, најјачег представника медитеранске културе на Балкану, нешто мање из италијанског књижевног језика (тосканског), а још мање у насљеђе је пренијето из старијег периода – стародалматског и латинског језика (језички супстрат, тзв. балкански латинитет). Црногорско приморје (и уопште Јадран) било је у дугом периоду простор романско-словенске симбиозе (први додири романске и словенске цивилизације потичу још од 7. вијека, или још раније) у истој политичкој цјелини која је обухватала читав средоземни басен (са различитим именима). Приморски појас гдје је појмовни апарат бивших држава више вјекова стваран на страном језику (и тај језик утицао на свакодневни живот), представља обилан рудник романских термина, и оних који су се временом одомаћили у мјесним говорима, и оних које савремено доба све више сели у заборав.

Језичку ситуацију на Црногорском приморју карактерише постојање двије групе говора. Сјеверозападна Бока (херцегновски и рисански крај) припада источнохерцеговачком дијалекту (четвороакценатски систем), југоисточні дио Боке которске (говори са два силазна акцента који се могу наћи на било којем слогу у ријечи).

Лексеме су се на различит начин прилагођавале домаћем језичком осјећању – најчешће је у питању интегрално позајмљивање и облика и садржине страног лексема (комплетна ријеч). Такође, као резултат аутохтоног развитка локалних говора, поједине ријечи несумњиво романског коријена добијале су особен лик, који се може разликовати од говора до говора. У овом раду интересује нас морфолошка адаптација глаголских посуђеница, која се тичу префиксалних образовања, при чему анализирамо двије могућности: а) романски префикс + романска основа; б) тзв. хибридне творенице словенски префикс + романска основа.

Глаголи с романским префиксима и основама

Чувају се у говорима Црногорског приморја изворни романски префикси: a-, con-, in-, im-, s-, re…

Префикс а-.: *аванзȁт* (ит. avanzare) унаприједити се, успјети у каријери, напредовати*; алоћат* (ит. adocchiare) угледати, опазити, видјети; *акоштат (се)* (ит. accostare) приближити се, пристати уз обалу; *аћустат* (ит. aggiustare) намјестити, уредити; *акомодат се* (ит. accomodarsi) раскомотити се, удобно се смјестити; *авижат* (ит. avvisare) обавијестити, уразумити, схватити, упутити; *афермат* (ит. affermare) потврдити.

Некада се префикс *а-* додаје основном романском глаголу: *абрумат* (ит. brumeggiare) бацити храну рибама, намамити. Потврђено је и отпадање иницијалног романског *а* (префикса *а-*), под утицајем венецијанског дијалекта: *бандуњат* (ит. abbandonare) напустити, оставити; *риват* (ит. arrivare) доћи, стићи.

Понекад је у говорима Црногорског приморја на почетку ријечи *о* намјесто *а* пред акцентом код глагола *ошугат* (ит. asciugare) осушити; *ованцат* (ит. avanzare) претећи, напредовати; *обадат* (ит. abbadare) обазирати се добијено под утицајем нашег глаголског префикса *о-*. Умјесто изворног романског *а-* понекад се употријеби домаћи префикс *на-*: *наконча̏т (се)* (ит. acconciare, acconciarsi) намјестити (се), спремити (се); или *раз-*: *раскомотит се* (ит. accomodarsi) опустити се.

*Префикс сон-***.** Италијански префикс con- који означава јединство и сарадњу чува се у извјесном броју глагола: *коншумат* (ит. consumare) потрошити, издинстати јело, смршати; *контентат* (ит. contentare – задовољити); *конфермат* (ит. confermare).

У вези са префиксом *кон-* констатујемо још једну важну појаву – он се у говорима често јавља у лику *кун*, штавише, додири са наредним сугласником могу довести до испадања сонанта *н*, па је изворни романски префикс *кон* додатно измијењен у *ку*. Приликом преласка романских ријечи у говоре Црногорског приморја замјена изворног вокала *о* вокалом *у* најчешћа је фонетска промјена – то је разлог преласка романског префикса *кон* у *кун*. Није необично да на Црногорском приморју напоредо живе три лика овог глагола *кон/кун/ку*: *конфермат/кунфермат/куфермат* (чак и четврти, у областима гдје је сугласник *ф* замијењен са *в*: *кувермат* и *кувермават*) потврдити, поткријепити, пофермати; *конфинат/кунфинат/куфинат се* (confinare) граничити.

Романски префикс con (у некој од наведених варијанти) потврђен је и код именица: *конфиденца*, -е, ж. (ит. confidenza) повјерење, присност; *куфин* (ит. confine)

граница (најчешће између села и имања); и код придјева: *конфиниран* заточен, ограничене слободе кретања.

Префикс in-. Даје глаголу вриједност нечега што се налази изнад или унутра, а чува се у бројним примјерима у говорима Црногорског приморја: *инвештит се* (ит. investire) ударити (бродом), насукати се; *индурит се* (ит. indurirsi) укочити се; *инкантат се* (ит. incantarsi) забленути се, занијети се; *инкават* (ит. incavare) изрезати (приликом кројења или плетења). Романске основе (са префиксом ин-) на домаћем терену се могу адаптирати на различите начине, па је на Црногорском приморју код неких глагола потврђено више варијанти: *индеболат*/*индеболит*/*индебулит* (ит. indebolire) ослабити, изгубити снагу; *индивинат/индивињат*, *индовинат/индовињȁт* (ит. indovinare) погодити, потрефити. У изразу: *индовињао је ки бос у драче* опекао се, тотално погријешио.

Некада се префикс *in-* додаје основном романском глаголу, као у примјерима *инфашат* (ит. fasciare) завити, омотати, повити дијете; *иншпиритȁт се* (ит. spiritare) уплашити се, узнемирити се; *иншемпијȁт/и(н)шемпијȁт* (ит. scempiare) излудити, поблесавити. Присуство префикса *ин-* (којег нема у италијанском језику) заправо је подржавање лика венецијанског дијалекта – infassar, inspiritar, insempiar.

Од свршених глагола с префиксом *ин-* праве се имперфективни глаголи домаћим суфиксом *-ават*: *инколат*/*инколават* (вен. incolar – уштиркати, ит. incollare) прилијепити, посложити, слагати; *интригȁт (се)*/*интригавȁт (се)* (вен. intrigar, ит. intrigare) умијешати (се), дирнути, сплеткарити, задиркивати, мијешати се.

Изворни романски префикс in- понекад се може замијенити домаћим *из-*, као у примјерима: *извентȁт* (ит. inventare) измислити; префиксом *за-*: *завидȁт* (вен. invidar) притегнути завртањем, зашрафити, заврнути; *закалтат* (ит. incartare) замалтерисати, учврстити кречом или малтером. Или замијенити префиксом *на-*: *нагрешпȁт* (вен. ingrespar, ит. increspare) наборати, смежурати; и придјев: *нагрёшпан* (вен. ingrespato) наборан, смежуран; или префиксом *уз- узвиштȁт* (ит. inviscidire) узбучати, узљутити се, ускиснути (кисело млијеко); и придјев: *узвиштан* покварен (сир, млијеко, пекмез…).

Романски префикс in- у високом је степену присутан и код именица: *инкȁс* (ит. incasso) уметак (на хаљини, јастучници, чаршаву…), прилив новца. Додири са наредним сугласником могу довести до испадања сонанта *н* (као дублети чују се и неизмијењени облици изворног романског префикса), као у примјерима: *инканат/икȁнат* (ит. incanto) јавно оглашавање, лицитација. У изразу: *отишла му бутига на инканат* пропао, банкротирао. Напоредо са ликом са префиксом *ин-*

потврђени су и дублети гдје се овај префикс изгубио, као у примјеру: *интемперија/темперија* (ит. intemperie) невријеме.

Префикс -im. Испред сугласника *п* и *б* у говорима Црногорског приморја јавља се романски префикс -im (у истим значењима као in-): *импачат се* (ит. impacciarsi) уплести се, умијешати се у нешто; *имбаркат се* (ит. imbarcare, imbarcarsi) укрцати се; *имбрујӓт* (вен. imbroiar, ит. imbrogliare) преварити; *имбуфат* (вен. imbufar) забрекнути; *импјантäт* (вен. impiantar) оставити, напустити; *импјегат* (ит. impiegarsi) запослити се, намјестити се. Овај префикс чува се и у посуђеним именицама (највећим дијелом у оним насталим од глагола): *имбуф* (ит. imbufo) дрвени лијевак; *импäк* (вен. impaco, ит. impacco) облог, завежљај; *имбруљун* (ит. imbroglione) преварант. И код придјева: *имбäздан* (ит. imbastito) прошивен, оцрњен, нагрђен.

Префикс s-. Нешто чешће наилазимо на италијански и венецијански префикс s- који глаголу даје смисао прекомјерности или негације: *скапулат* (вен. scapolare) избјећи опасност, спасити се; *стуфат (се)* (вен. stufarse, ит. stufare) заситити се (нечега), досадити; *салпат* (вен. salpar, ит. salpare) дићи сидро или мрежу, извући; *сконтрушат (се)* (ит. sconturbare) узнемирити (се), збунити (се).

Испред звучних сугласника романски префикс s- углавном се изговара као *з* или *ж*: *згрошинат* (вен. sgrossinar, ит. sgrossare) обрадити дрво полукружном блањом, облањат; *збришат* (вен. sbrissar) клизнути (преко нечега), овлаш додирнути; *жбатит* (ит. sbattere) измијешати, умутити (нпр. јаје); *жбандат* (ит. sbandare) накривити, нагнути; и у придјеву: *жбандан/збандан* накривљен, крив.

Често се домаћи префикс *с-* може додати основном романском глаголу (означава да је нека радња у потпуности извршена): *скурит* (ит. correre) претећи, брзо се изгубити, одјурити; који може прећи и у *з*: *зграт̈ат* (ит. grattare) настругати, нарендати; *згранцат се* (ит. rancidire) узвиштити се, упалити се, покварити се; и у придјеву: *згранцан* ужежен, покварен, буђав; *сволтат и зволтат* (вен. voltar, ит. voltare) засводити; или у *ж*: *жбаркäт* (ит. sbarcare) побркати, погријешити у рачуну, забројити се.

Префикс re-. У латинском и венецијанском језику који у италијанском прелази у ri-, а означава понављање и појачавање радње, очуван је у највећем броју глагола (и других ријечи): *ренунцијат* (вен. renonziar, ит. rinunziare) обзнанити, прогласити, потврдити. *репарäт* (ит. riparare) поправити; *ресалват* (лат. resolvo, ит. risolvere) утврдити, одредити, препознати; *режентат* (вен. resentar) испрати; *рефудат* (вен. refudar, ит. rifiutare) одбацити, одбити. Јавља се у именицама: *рекам*/*рекамадура* (вен.

recamo, ит. ricamo) вез; *рефуда* (вен. refuda, ит. rifiuto) одбијање, противљење, ускраћивање; у придјевима: *режентан* (вен. resentar) испран, чист; у прилозима: *рефужо* (вен. a la refusa, ит. alla rinfusa) неупаковано, расуто, без омота.

Глаголи с словенским префиксима и романским основама

За означавање нијанси значења основног глагола романског поријекла употребљавају се домаћи префикси *о-*, *по-*, *про-*, *из-* и најфреквентнији *за-*.

Префикс о-. Означава се потпуно свршена радња, а најчешће ријеч је о прелазним глаголима са значењем радње која на објект дјелује с разних страна или га на неки начин цијелог обухвата: *оштрукат* (вен. strucar) оциједити; *офранкат* (ит. francare, affrancare) очистити, пребрисати, ослободити; *офундат* (арх. ит. fondare, савр. ит. affondare) пропасти, срушити, потопити; *осекäт* (лат. siccare, вен. secar, ит. seccare) осушити; *офашат* (ит. fasciare) повити, завити, опасати.

Префикс по-. Означава радњу која се извјесно краће вријеме врши или радњу којом се по површини нечега ставља оно што је означено основном ријечју – веже се за романску основу правећи сложеницу: *посалижат* (вен. salisar, ит. selciare) поплочати, бетонирати; *пошкäљат* (ит. scagliare) попунити ситним камењем (сувомеђина, темељ куће). Префикс *по-* појављује се и на мјесту романских префикса a- и con-, као у глаголу *пофермäт* (ит. affermare, confermare) потврдити, одобрити. За промјену глаголског вида (имперфектизацију) додаје се домаћи суфикс *-ават*: *пофермавäт* потврђивати, одобравати; *пошпикават* (ит. stuzzicare) подстицати некога на нешто, подбадати.

Префикс про-. Означава случајеве када се вршењем радње пролази кроз нешто или када се пролажењем кроз нешто до краја извршава оно што значи основни глагол. У основном просторном значењу одговара предлогу *кроз*: *прокантäт* (ит. cantare) пропјевати, проказати, казати све; *протрапанäт* (ит. trapanare) проточити, прокапати, процурити; *пролегат* (ит. leggere) прочитати; *протенћат* (ит. tentare) добити, узети, повући, понијети; *продивертит се* (ит. divertirsi) забавити се, провести се. Префикс *про-*, из горе наведених глагола, не смије се мијешати са изворним латинским префиксом pro-, који се задржао у позајмљеницама, а који у италијанском језику означава антиципацију или ширење радње: *профумат* (ит. profumare) намирисати; *прокурат* (ит. procurare) прибавити, набавити; *профундат* (ит. profondare, sprofondarsi) пропасти, срушити се, пасти на дно; и придјев *профундан* (ит. profondato) пропао, развраћен.

Префикс из-. Овај префикс је са романским посуђеницама веома продуктиван као средство за перфективизацију – обично означава радњу која се до краја извршила: *изгратѐт* (ит. grattare) изрендати; *издурат* (ит. durare) истрајати, издржати; *измаћат* (вен. maciar, ит. macchiare) испрљати, офлекати, оштетити (усјеве).

Поред основног облика *из-* (због асимилација по звучности, мјесту и начину образовања, испадања сугласника) јављају се два аломорфа – *ис-* и *и-*:

ис-: *искантат* (ит. cantare – пјевати) фиг. сасути у лице; *искушумат* излапити, посенилити; *испавентат* (spaventare) уплашити, престравити (и у придјеву: *испавентан* уплашен, престрављен); *испешкат* (ит. pescare) упецати рибу // *и-*: *ишпоркат* (ит. sporcare) испрљати, изглибати; *иштуват* (вен. stuar) угасити; *исекат* (ит. seccare) исушити чамац.

Од свршених глагола с префиксом *из-* праве се имперфективни глаголи домаћим суфиксима *-авам*: *извентавам* (ит. inventare) измишљати, зановетати, варати без зле намјере; и *-ивам*: *изверсивам* (ит. vertere) узнемиравати, не давати мира, рушити, упропастити.

Префикс за-. Најчешће има функцију да перфективизује трајне глаголе, а обично означава завршетак радње основног облика: *забулат* (ит. bollare) запечатити, затворити, запаковати, залијепити; *закуњат* (ит. coniare) закуцати (о клину); *закучѐт* (вен. cucar) затворити, закопчати; *замаштракѐт* (ит. mascherare) заварати, обманути, прикрити; *забређат* (лат. praegnatio – трудноћа, ит. pregna – скотна) затрудњети; *зашпињит* (вен. spinelo – чеп) зачепити.

Префикс на-. Уз глаголе романског поријекла овај префикс обавља функцију перфективизације: *наполверѐт* (ит. polverare) напудерисати; *натентѐт* (ит. tentare) наговорити; *нађућат се* (вен. ciuciar, ит. succhiare) опјанити се, напосати се.

У функцији перфективизације са основним глаголом романског поријекла јављају се и други домаћи префикси.

Раз- (и аломорфима *рас-* и *раш-*): *разбулат* (ит. bollare – печатити) отпечатити, отцијепити, отворити; *расколећѐт (се)* (ит. scollare, scollarsi) расклимати се, одлијепити се; *растоћѐт* (вен. tociar) умочити. *До-*: *доремућат* (вен. remurchiar) довући, дотеглити. *У-*: *умуфат се* (ит. muffare) убућати се; *уштуват* (вен. stuar) угасити.

Закључак

Црногорско приморје било је у дугом периоду простор додира словенске и романске цивилизације, због чега су се и језички утицаји моћне културе са Апенина

подразумијевали. Велики број романских посуђеница у морфологији потврђују утицаје италијанског језика и венецијанског дијалекта. Глаголи (и друге ријечи) у великој мјери чувају изворне романске префиксе (a-, con-, in-, im-, s-, re-). За означавање нијанси значења основног глагола романског поријекла, обично као средство за перфективизацију, употребљавају се словенски префикси *о-, про-, из-, за-, на-, уз-* (често умјесто изворних романских). Због асимилација по звучности, мјесту и начину образовања, испадања сугласника, у складу са домаћим језичким законима, јављају се разни аломорфи – на примјер, испред звучних сугласника романски префикс s- углавном се изговара као з или ж (*зграта*т, *жбаркат*).

Кључне ријечи: глаголи, префикси, романизми, италијански језик, венецијански дијалекат, етимологија, акценат, именице.

ЛИТЕРАТУРА

Јовановић, Миодраг. (2005). *Говор Паштровића*. Подгорица: Универзитет Црне Горе, Библиотека филозофско-филолошке науке.

Клајн, Иван. (2002). *Творба речи у савременом српском језику, први део: Слагање и префиксација.* Београд-Нови Сад: Завод за уџбенике и наставна средства, Институт за српски језик САНУ, Матица српска.

Мусић, Стеван. (1972). *Романизми у северозападној Боки Которској*. Београд: Филолошки факултет.

EARLY CHURCH SLAVONIC AS AN OPEN TRADITION

CATHERINE M. MACROBERT (UNITED KINGDOM)

The revival of research interest in Church Slavonic over the past half century has raised as many questions as answers. From Picchio's programmatic articles to Keipert's conceptual survey, issues of how to define Church Slavonic and its norms have remained unresolved. This paper will argue that this is inescapable, because variation and fluidity were intrinsic to the development of early Church Slavonic.

This position is based on the fact, which runs like a thread through the programmatic discussions of Tolstoj and Keipert, that Church Slavonic was primarily a language of translation, and moreover a particularly rigorous type of translation, because its core texts were regarded as sacrosanct. This is of key importance: pre-modern translations of Scripture and associated liturgical material were required to be as far as possible transparently correlated with their originals, admitting minimal interpretative liberties. Their textual traditions were safeguarded by transmission in written form, which tends to be conservative and conventional; they were closed to deliberate change; and they were controlled as far as possible against error and corruption by reference back to their originals. But paradoxically the concern to preserve textual integrity over time and space gave rise to a linguistic tradition which for much of its history has been open to variation and reconfiguration. Authority resided in the texts themselves, but the process of control and the dissemination of its results opened the way to change; the language of the texts acquired an authoritative status only gradually, by association and ultimately by stabilization with the advent of printing.

The fluidity of early Church Slavonic was in fact apparent to scholars from the nineteenth century onwards, as can be seen from the scrupulous detailing of morphological variants in grammars such as those by Leskien, Kul′bakin, Diels, Vaillant, and from analyses of competing lexical choices, summarized by Jagić. But study of these aspects has often taken second place to the reconstruction of a unitary 'Old Church Slavonic', either as the putative language of SS Cyril and Methodius or as a surrogate for late Common Slavonic. Consequently when Picchio put forward an account of Church Slavonic in terms of general and local 'isonorms', he left their content undefined or at best adumbrated in a small set of lexical and orthoepic examples. Since then, detailed study of an increasing range of translated texts has made clear the central importance of syntax for the formation of Church Slavonic and for its tendency over time, in response to textual control, to adhere ever more closely, phrase for phrase or even word for word, to Greek syntactic models.

Church Slavonic lexical and word-formational usage participates in the same line of development, but at the same time interacts with those diatopic and diachronic influences which gave rise to the various types (*izvody*) of Church Slavonic recognizable by their orthography, implied orthoepy and to some extent morphology. These qualify to be regarded (*pace* Picchio) as the most obvious local 'isonorms', acknowledged by scribes who faced the non-trivial challenge of correlating and adjusting them to local practice.

Detailed quantitative analysis drawing in particular on the numerous early manuscripts of East Slavonic provenance has brought into sharper focus the processes by which scribes attempted to reconcile what they found in their exemplars with their own linguistic background and their expectations of written language. On this basis distinctions can be drawn in the treatment of various linguistic and orthographic features, and analogies can be posited for the early development of Church Slavonic in the South Slav lands, where evidence is limited and interpretion problematic. Those features which were alien and unpredictable to the recipient Slavonic linguistic community were abandoned or at most retained as occasional relict forms (e.g. the back nasal vowels for East and South-West Slavonic, *-žd-* for early East Slavonic, asigmatic aorists for East and South-East Slavonic, the distinction between front and back *jers* in South-West Slavonic, the supine in South Slavonic). Those which could be correlated with local usage (e.g. the distribution of *jers* in East Slavonic, pronunciation of щ in East Slavonic and Croatian Church Slavonic, the *-e* gen. sing. fem. consonant-stem ending in South-West Slavonic) or reduced to conventional rules of orthoepy, spelling or morphological pattern (e.g. East Slavonic distribution of the prejotated *a* and front *jus* letters, early Serbian Church Slavonic distribution of front *jus* and *e*, *št* and *žd* in Serbian Church Slavonic, distribution of *jers* in later Bulgarian Church Slavonic) were retained, unless they resulted in ambiguity (e.g. homophony between nom. and gen. sing. fem. in *-ja*, *inŭ* = 'one' or 'other'). Features which diverged from local usage but could be treated as lexical variants were retained (e.g. metathetical forms in East Slavonic, vocalization of *jers* to *e/o* in a small range of ecclesiatical vocabulary in Serbian Church Slavonic). Thus, apart from syntax, what separates early Church Slavonic from the Slavonic vernaculars are not constant individual features, but patterns of linguistic accommodation in written practice at different times and places. These patterns could be applied in different ways and degrees, even within a single period and locality; in their more elaborate forms they bear witness to sophisticated scribal competence. Their persistent relevance is demonstrated by their recurrence, e,g, in the Serbian response to East Slavonic orthography in the thirteenth century or in the fifteenth-century East Slavonic and Serbian receptions of regulated, Grecizing Bulgarian Church Slavonic.

The recognition that in early Church Slavonic control operated at the level of the text, while linguistic usage was in principle open to modification, can plausibly be projected back to a historical stage for which we have scanty evidence. We can safely assume that SS Cyril and Methodius approached the task of translating Scripture as bilingual speakers of Greek and a South Slavonic variety, accustomed to use Greek Christian terminology, familiar with a wide stylistic range of Greek texts and probably also with problems of translation. But their mission was to West Slavs, to whom South Slavonic linguistic usage was probably at least as alien as it was to the East Slavs a century later, and who had received such Christian texts and terminology as they already knew from Western sources. Even if SS Cyril and Methodius had insisted on their own pronunciation and usage, their Moravian flock would hardly have been able to comply in every particular: to them, for instance, the distinctions made in most varieties of Church Slavonic between *c* and *št*, *z* and *žd* were unpredictable. It is therefore likely that the brothers' success depended in part on the development of local written usage which is reflected in the Kiev Folia and Prague fragments and can be detected vestigially in a number of Old Church Slavonic sources (the Marianus and Clozianus codices, Psalterium Sinaiticum, Psalterium Demetrii, the acrostic compositions of Clement of Ohrid).

It follows that what we call Old Church Slavonic, a language of translation which is syntactically aligned, though not slavishly so, with its Greek models and displays a noticeable amount of orthographical, morphological and lexical variation, is not directly the language used by SS Cyril and Methodius but rather a revision, or perhaps reassertion, of South Slavonic usage after the period of the Moravian mission, and that as far back as we can trace it Church Slavonic was an open linguistic tradition.

SELECT BIBLIOGRAPHY

Dell'Agata, G., 'Unita e diversita nello slavo ecclesiastico: il punto di vista del copista', in: M. Colucci, G. Dell'Agata, H. Goldblatt (ed.), *Studia slavica mediaevalia et humanistica Riccardo Picchio dicata*, I-II, Roma 1986, 175-191.

Jagić, V., *Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache*, 2nd ed. (Berlin, 1913).

Keipert, H., 'Kirchenslavisch-Begriffe', in: *Die Slavischen Sprachen*, vol. 2, ed. S. Kempgen *et al.*(de Gruyter: 2014), 1211-1252; Russian translation, 'Церковнославянский язык: круг понятий', *Slověne*, 2017:1, 8-75.

Lunt, H. G., *The orthography of eleventh century Russian manuscripts* (Ann Arbor, 1949).

MacRobert, C. M., 'Continuity in the Cyrillo-Methodian translational tradition', *Кирило-Методиевски студии*, xxxv (forthcoming, 2025), 141-156.

Mihaljević, M. *et al.*, *Hrvatski crkvenoslavenski jezik* (Zagreb, 2014).

Picchio, R., 'Slave ecclésiastique, slavons et rédactions', in: *To honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his seventieth birthday. 11 October 1966*, vol. 2 (The Hague – Paris: Mouton, 1967), 1527-1544.

Picchio, R., 'On Church Slavonic Isonorms', *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, xxv-xxvi (1982), 367-379.

Thomson, F. J., '*Sensus* or *Proprietas Verborum*. Mediaeval Theories of Translation as Exemplified by Translations from Greek into Latin and Slavonic', in: *Symposium Methodianum. Beiträge der Internationalen Tagung in Regensburg (17 bis 24 April 1985) zum Gedenken an den 1100 Todestag des hl. Method*, ed. K. Trost *et al.* (Neuried, 1988), 675-91.
Večerka, R., *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax*, 5 vols. (Freiburg, 1989-2005).
Večerka, R., *Staroslověnská etapa českého písemnictví* (Prague, 2010).

Грицкат, И., 'Српска редакција црквенословенског језика', in: *Eadem, Студије из историје српскохрватског језика* (Belgrade, 1975).
Грковић-Мејџор, Ј., 'О методологији проучавања црквенословенског језика', in: *Eadem, Списи из историјске лингвистике* (Novi Sad, 2007), 427-442.
Грковић-Мејџор, Ј., 'О формирању српске редакције старословенског језика', in: Тосић, Б. (ed.), *Ђурђеви ступови и Будимљанска епархија* (Berane – Belgrade, 2011), 43-51.
Дурново, Н., 'Славянское правописание XI-XII вв.', *Slavia*, 12 (1933), 45-82.
Живов, В. М., *Восточнославянское правописание XI-XIII века* (Moscow, 2006).
Живов, В. М., *История языка русской письменности*, I-II (Moscow, 2017).
Йовчева, М., *Старобългарският служебен миней* (Sofia 2014).
Јовановић-Стипчевић, Б., *Стари српски рукописи,* 2, *Археографија, текстологија, језик* (Belgrade, 2017).
Крысько, В. Б., Мольков, Г. А., *Восточнославянские рукописи XI – начала XIII в. Лингвистические очерки* (Moscow, 2020).
Мещерский, Н. А. *et al.* (ed.), *Именное склонение в славянских языках XI-XIV вв.* (Leningrad, 1974).
Пичхадзе, А. А., 'Южнославянские традиции в древнерусской письменности (лексика и грамматика)', in: *Письменность, литература и фольклор славянских народов. Международный съезд славистов. Охрид, 10-16 сентября 2008 г.* (Moscow, 2008), 152-72.
Попов, Г., 'Химнографското наследство на св. Климент Охридски', *Кирило-Методиевски студии*, xiii (2000), 42-49.
Савић, В., *Српска књижевна реч у својим првим столетћима* (Podgorica – Niš, 2019).
Стојановић, Ј., 'Писмо и правопис српских споменика 12. и 13. вијека', in: Тосић, Б. (ed.), *Ђурђеви ступови и Будимљанска епархија* (Berane – Belgrade, 2011), 171-185.
Толстой, Н. И., *История и структура славянских литературных языков* (Moscow, 1988).
Христова-Шомова, И., *Южнославянските празнични минеи* (Sofia 2024).
Загребин, В. М., 'Свидетельства средневековых славянских писцов о трудностях перевода текстов с одного славянского языка на другой', in: Алексеев, Ю. Г., Зиборов, В. К. (ed.) *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст*, вып. 3 (St Petersburg, 2000), 53-8.

РЕЦЕПЦИЈАТА НА ЦРКОВНОСЛОВЕНСКАТА ПИСМЕНОСТ ВО ЈАЗИКОТ НА СОВРЕМЕНАТА МАКЕДОНСКА ЛИТЕРАТУРА

ЕМИЛИЈА ЦРВЕНКОВСКА, ЛИЛЈАНА МАКАРИЈОСКА (СЕВЕРНА МАКЕДОНИЈА)

Почетоците на книжевното творештво кај Словените се поврзани со појавата на писменоста, најпрво со преводната литература, а подоцна на старословенски / црковнословенски се создаваат и оригинални дела. Црковнословенската писменост оставила траги во современите словенски литератури, пред сè со тематиката, култовите кон светителите, текстовите обрасци, како и со низа наследени особености на сите јазични рамништа. Она што претставувало дел од јазичната норма, во IX и X век, на современ план се чувствува како архаизам и се употребува како стилоген елемент во литературата. Овдека правиме обид да претставиме на каков начин современите македонски писатели ја афирмирале црковнословенската традиција. Станува збор за автори од втората половина на XX и од XXI век, почнувајќи од повоената генерација писатели: С. Јаневски, С. Попов, Б. Конески, потоа А. Поповски, В. Костов, М. Ренџов, до најмладата генерација.

Во низа истражувања се разгледува црковнословенското влијание во јазикот на македонските културно-просветни дејци од **XIX век**. Во врска со определувањето на местото на црковнословенската писмена традиција во формирањето на современиот македонски јазик Угринова-Скаловска (1978: 28) укажува на два пристапа: употребата во писмениот јазик од XIX век, па сè до Мисирков и во современиот македонски јазик. За првиот од овие два периода е карактеристично пристапувањето кон црковнословенскиот јазик како кон жива материја, со свесна употреба на црковнословенските елементи и цели синтагми во согласност со критериумите на книжевнојазичната норма.

Во врска со одразот на црковнословенската традиција во **народното творештво** Гигова (1977: 164) истакнува дека повеќето црковнословенизми имаат свои еквиваленти, пр.: источник – извор, целба – лек, конец – крај, лето – година, некои добиле нови значења: *покоен* ‘умрен’, *лето* ‘годишно време’, односно нивното првично значење се губи и се сметаат за архаизми, а кај некои се следи проширување на значењето *погибел* ‘кога месечината се губи’: *од новина на погибел*.

Во анализата на јазикот на **современите македонски писатели** ставаме акцент на пресликувањето на црковнословенската традиција во творештвото од втората половина на XX и од XXI век. Авторите се надоврзуваат на една вековна традиција, а во однос на

тематиката што ја одразува рецепцијата на црковнословенската писменост на прво место е улогата на преводите на Светото Писмо, под влијание на старите и на современите словенски јазици и тоа не само од историско-црковен, религиозен, туку и од општокултурен аспект. Кај сите словенски народи библиските преводи на народен јазик биле важен фактор за развојот на националната култура, помогнале во: нормализација на правописот; образување на наддијалектна норма; интелектуализација на народните говори; развој на лексичко-фразеолошкиот систем, на синтаксата, на стилско-изразните средства, но и на научната мисла во сферата на лингвистиката.

Библиските текстови се јавуваат во улога на важен извор на литературно-уметничкото творештво на многу словенски писатели, чии дела во една или друга мера се инспирирани од библиски обрасци, мотиви и сижеа, со библиска симболика и поетика (Стојменска-Елзесер 2012: 167–177). Во уметнички и филозофски осмислена форма тоа се одразува во литературното творештво на Достоевски, Булгаков, Цветаева, а во голем дел тоа се однесува и на литературите на други словенски народи (Смирнов 1999: 58–59).

Изразите, цитатите со библиско потекло и сл. претставуваат заедничко христијанско културно наследство. Впечатлива е застапеноста на цитатите на црковнословенски јазик како дел од раскажувачката постапка кај многу автори, на пр. во романите на С. Попов: – *Благословен бог наш, всегда, нинје и присно и во вјеки, амин.* В. Костов: *И пришедши една вдовица убога, верже лепте две. И призовав Исус ученики свое, рече им: Истину, истину глаголју вам, јако вдовица сие убогае множае всех верже же вметајушчих в сокровишчное хранилиште*. Бележиме и директно надоврзување на библиски читања, на пр. на Псалтирот со посочување на определени псалми во прозата на К. Колбе: Го знаеш вториот стих од четириесет и првиот псалм? *Мојата душа е жедна за Бог, за крепкиот, живиот Бог*.

Теми, **мотиви** што се инспирирани од црковнословенското творештво во современата македонска литература се преземаат од различни жанрови (апокрифи, записи, химнографија), како и од историски настани и култни личности: светите браќа, Климент и Наум, теми инспирирани од азбуката. Сесловенските просветители св. Кирил и Методиј и нивните ученици се чест мотив во современата македонска поезија и проза. Култот кон св. Климент и Наум Охридски е одразен во стиховите на: С. Јаневски, А. Поповски, С. Ѓ. Димовски, Б. Ѓузел и др. Пр. И. Василевски во поемата „Азбукословецот“: *Во слава на свети Климент премудриот кој посеа житница на неграмотна нива*...

Во современата македонска книжевност се рефлектира и специфичен однос кон **азбуката** (Р. Павловски). Азбуката претставува инспирација за цели поеми, збирки песни посветени на одделни букви од азбуката. Со употреба на азбучниот редослед, се следат старите обрасци од византиската книжевност за пишување на акростих (Ќулавкова – Свети Климент Охридски, Свети Наум Охридски) или се презема азбучен акростих во современата поезија (Ќулавкова – Словото на Константин Филозоф).

Црковнословенски обрасци, **записи.** Честопати во современата книжевност се зборува за интертекстуалност изразена преку цитирање, парафразирање стари обрасци. Надоврзувањето на црковнословенската традиција мошне е одразено со записите кои или подоследно се пренесуваат или контекстуално се адаптираат и осовременуваат. Современите автори ги користат записите како стилско-изразни средства за архаизирање на исказот. На пр. О. Николова: *Починете си ги очите од солзите, и умот од мислење... ако и згрешам негде, било со збор, или со дело, браќа мои, штом ќе читате ова да пеете, а не колнете*; Д. Михајловски записите ги презема како образец за воведните белешки кон расказите: *Спомнувајте ме и простете господари – слуги, оти само душава ми знае колку се чипчев да го видам крајот на книгава, баш како морнар копното, како гладен човек храната, како болен здравјенцето* (сп. запис во Битолскиот триод од XII век).

Јазични особености. Одделни автори настојуваат со црковнословенизмите да постигнат стилски ефект, односно ги користат како средство за создавање посебен временски колорит и за архаизирање на стилот во согласност со библиско-евангелскиот. Црковнословенските елементи се најзастапени во лексиката, некои се дел од лексичкиот фонд на стандардниот јазик, а други се чувствуваат како архаизми. Црковнословенизмите се застапени на сите јазични рамништа, односно има фонолошки, морфолошки, синтаксички, лексички и зборообразувачки.

На **фонолошко рамниште** се согледуваат форми со зачуван строеж на зборформата или со некои стари промени, на пр. чување на епентетско *л*: *земла, в землу, над земле*; консонантска група *шт*: *ношт, ноштем, хошту*; употреба на редуцирани вокали: *пл'т*; *с'н, в'зрадовати*; употреба на група *гд*, *кт*: *когда, никто* и сл.

На **морфосинтаксичко рамниште** македонскиот јазик доживеал големи промени со преминот од синтетизам кон аналитизам, при што низа граматички категории се редуцирале, но впечатливо е тоа што тие повторно заживуваат во современата македонска литература,

преку остатоци од старата консонантска промена: *на небесата, телес, матер*. Изразени се и примери на употреба на сложената, заменска промена на придавките и на партиципите: *халоднаја вода; пирг душевниј*; *И избави нас од лукавога*, како и остатоци од падежните форми: да видиш *оком твоим*, *гласом звонким, кај другега*. Впечатлива е и употребата на старите партицилни форми: *севидештим*, *сезнајушти*, *будуштее, видеештем, учителствујушт; недодржима.*

На **синтаксичко рамниште**, на пр., во низа случаи се користи архаичен збороред: *пирг душевниј; бист глас к мне глаголе; в мире вашем; поведах еи*.

На **лексичко рамниште** преку јасно обмисленият избор на јазични единици се одразуваат стилско-изразните вредности на црковнословенскиот јазик. Авторовиот јазичен израз отстапува од стандардниот јазик, а зачестената употреба на црковнословенската лексика придонесува за архаичност на изразот. Со тоа се доловува автентичната атмосфера, а делата добиваат слоевито и длабинско значење не само на книжевен туку и на јазичен план, на пр.: *жажда*, *ненавист*, *молви*, *глагола*, *хоте*, *запсалми*, *соблазни* (*Молви глаголај, воскликнувај*, *Не затрудне, не хотеше* и др.).

На **зборообразувачко рамниште** се одразува црковнословенската традиција, се архаизира и збогатува јазичниот израз преку образувања со продуктивните црковнословенски суфикси -ние: *дејание, заблуждение, окончание*, -ие: *безмолвие, небидие, предисловие,* -тел: *вестител, искушител, сквернавител,* -телен: *успокоителен, утешителен,* -ство: *празненство, тржество,* -ствие: *неспокојствие, чинодејствие.*

Употребата и варирањето на одделни глаголски префикси е во функција на актуализација на архаизмите и збогатување на изразот, на пр.: воз-: *возљуби, воздигне,* об-: *обвидели, обрадости* и др. како и обез-: *обезживоти*, *обездушен*, а застапена е и двојната префиксација и полипрефиксацијата: *се изнапи, се изнаводи, се доизнаприкаже.*

Бессуфиксните именки се поврзуваат со јазикот на црковнословенската писменост, а во рамки на уметничколитературниот стил му даваат простор на авторот за индивидуални новообразувања, на пр.: *воскрес, двиг, опстој, покај, страд.*

Забележлива е честотата на сложенките од црковнословенскиот јазик, особено на оние со прва компонента благо-, бого-: *благоглаголив, благоговеен, благоутробен, боготвори, богоугодник, богочатец,* но и многу други според црковнословенски обрасци кои имаат голем влог во збогатувањето на лексичкиот фонд на стандардниот јазик и ја потврдуваат

приврзаноста на писателот со јазичната традиција: *великомудрец, кандилопалец, псалмопевец, светотворен, свештеномудрец, судбоверен*.

Заклучок. Книжевноста е еден од носителите на колективното паметење, што нашло одраз и преку проникнувањето на црковнословенската традиција во современата македонска поезија и проза. Континуитетот се пројавува преку употреба на многу јазични, пред сè лексички и зборообразувачки елементи, преземени од црковнословенскиот јазик, кој се одликува со богатите изразни можности, а одделни елементи, секако, се во функција на амбиентација на говорот, еден своевиден начин за негово хронолошко и просторно определување. Авторот се оддалечува од обичниот книжевен говор за да ја зголеми експресивноста, да ја внесе во прозата и поезијата згуснатата енергија на културната традиција и да ја реактуализира некогашната креативна и изразна моќ на јазикот.

КОРИСТЕНА ЛИТЕРАТУРА

Роль библейских переводов в развитии литературных языков и культуры славян. Тезисы докладов международной научной конференции (Москва, 23–24 ноября 1999 г.). Ред. Л. Н. Смирнов. Москва 1999. Российская академия наук, Институт славяноведения.

Гигова, М. 1977. „Црковнословенската лексика во македонските народни приказни“, *Македонистика*, бр. 1, 149–179.

Стојменска-Елзесер, С. 2012. „Библиските алузии во современиот македонски роман“, *Контекст*/*Context* 10, 167–177.

Угринова-Скаловска, Р. 1968. „Улогата на црковнословенизмите во оформувањето на современиот македонски јазик“, *Реферати на македонските слависти за VI меѓународен славистички конгрес во Прага*. Скопје: Сојуз на друштвата за македонски јазик и литература, 65–70.

THE ROLE OF LANGUAGE CONTACT IN THE DEVELOPMENT OF SOUTH-WESTERN UKRAINIAN RELATIVE CLAUSES

JAN FELLERER (UNITED KINGDOM)
University of Oxford

The development of relative clauses in Ukrainian has been shaped by a complex interplay of syntactic change, lexical choice, dialectal variation, language contact, and standardisation. From the later Middle Ukrainian period onwards (16th-17th c.), this can be conceived of as the competition between the inflected relative pronoun *kotryj*, *jakyj* 'which' and the uninflected relativiser *ščo* 'that', as I shall argue in my talk with special reference to south-western Ukrainian, both the dialects and written traditions in the region. I shall also argue that Polish-language contact played a specific and limited role in this competition, contrary to a traditional prescriptivist perception that associates the career of *kotryj* 'which' with Polish (and Russian) influence.

By the 16th-17th c., the syntactic changes that shaped the modern repertory of Ukrainian relativisers were in place. These changes were the loss of the relative pronoun *iže* 'which'; the evolution of originally interrogative *kotryj*, *jakyj* 'which' (1), *xto* 'who', and *ščo* 'what' into inflected relative pronouns (2); and the further development of *ščo* into an uninflected relativiser-conjunction 'that' with or without a resumptive pronoun (3) (cf. Arpolenko et al. 1983: 332–59; Mel'nyčuk 1962; Čerednyčenko 1963). The following Modern Standard Ukrainian (MSU) examples from the *General Regionally Annotated Corpus of Ukrainian* (*GRAC*; cf. Svedova et al. 2017-2023) illustrate (1)-(3). In addition, (2) illustrates that *ščo* 'what' as an inflected relative pronoun is now restricted to 'light-headed' and 'headless' relative clauses, i.e. those with a pronominal antecedent or without an overt antecedent. It is unavailable in 'headed' relative clauses, i.e. those with a noun as antecedent, as per Citko's (2004) structural taxonomy of Slavonic relative clauses. *Xto* 'who' as an inflected relative pronoun is restricted too, namely to human antecedents only. Headed relativisers follow the antecedent. Instances of preposition are residues of transitional stages from *wh*-pronoun towards relativiser (4)-(5).

(1) Xlopčyk xodyt' do školy, *jaku* ne vidviduvav bil'še roku.
The boy goes to the school which he hasn't attended for more than a year.

(2) Ce bulo te, bez *čoho* nemožlyvo žyty artystu.
This was that without which it is impossible for an artist to live.

(3) Xlopci, *ščo* robljat daxy, prynesly kalendar v podarunok.
The guys that fix roofs brought a calendar as a present.

(4) *Ščo* svoji seljany, a to i z horoda ponaxodylo …
What native peasants, and that also from city came …
(Kvitka-Osnov'janenko, *Marusja*; cf. Mel'nyčuk 1962: 113)
It was not only the native peasants who came but also people from the city …

(5) *Kotra* korova duže ryčyt malo moloka daje
Which cow a lot roars little milk gives
(L'viv oblast'; Bandrivs'kyj 1960: 92)
A cow that roars a lot gives little milk.

Overall, we are effectively dealing with a three-way competition in headed relative clauses: between inflected *kotryj*, *jakyj* 'which' and uninflected *ščo* with or without a resumptive pronoun. Inflected *ščo* and *xto* do not form part of this competition as they are restricted to specific contexts (cf. above). Furthermore, in SWU, uninflected connectors other than *ščo* occur too, e.g. *že* 'that' (cf. Danylenko 2014: 188–93; Danylenko 2018: 366–71).

This competition, from its inception in the 16th-17th c. to the present day, evolved differently in forms of written Ukrainian than in the vernacular. Turning to vernacular usage first, the dialectal evidence reported in *Atlas ukrajins'koji movy* (*AUM*) (2001 / part 4: 186) suggests that uninflected *ščo* is the most common pan-Ukrainian vernacular relativiser. In contrast, inflected *jakyj* is attested most consistently across northern and south-eastern Ukrainian. Mel'nyčuk (1962: 114-115) finds that in 19th-c. folklore and dialect records, *jakyj* is constrained semantically to qualifying, restrictive relative clauses. Its competitor, inflected *kotryj* and its variant *kotoryj* cluster in SWU (cf. Bevzenko 1980: 173) and adjacent north-western dialects. Thus, there seems to be an east-west distribution of *jakyj* vs. *kotryj*, even though, by the time of the compilation of *AUM*, this was undoubtedly overlayered by usage patterns in MSU. At the same time, *AUM* (2001 / part 4: 186) also testifies to the presence of *kotryj* at certain north-eastern and south-eastern data collection points, and of *jakyj* at certain SWU ones. Thus, neither *jakyj* nor *kotryj*, reanalysed as relative pronouns, are non-native to any one dialectal macroregion. It is tempting to correlate the clustering of *kotryj* in SWU with Polish influence, as is often done in the prescriptive literature (cf., e.g., Kovaliv 1946: 5–6). This, however, cannot be correct. In the Polish 'borderland' dialects immediately neighbouring SWU, *który* 'which' was virtually absent. The relativiser in these Polish dialects was *co* or *że* with or without a resumptive pronoun (cf. Fellerer 2020: 214–31).

Projecting back this 20th-c. state of affairs to preceding stages of spoken Ukrainian is complicated by the fact that most of the Middle Ukrainian evidence is in the 'prostaja mova'. Generally speaking, this was the supra-regional secular written language of the East Slavs in the Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian Commonwealth (cf. Danylenko 2006).

It was based on an increasingly standardised selection of shared Belorusian-Ukrainian phonetic and morphological features. Its syntax was to a considerable degree modelled on Polish (cf. Mozer 2002: 240–48) and, thus, is not a reliable reflection of spoken Ukrainian. Yet in some genres, the late 'prostaja mova' shifted further towards vernacular Ukrainian syntax. One example are SWU and northern Ukrainian dramatic interludes of the 17th and 18th c. (cf. Markovs'kyj 1962). More specifically, I have reviewed *Intermedyja na try personě: baba, děd i čort* (1719) and the interludes in Jakub Gawatowicz's *Tragaedia*… (1619), in *Dernivs'ka zbirka* (late 17th-early 18th c.), in Mytrofan Dovhalevs'kyj's *Vlastotvornij obrazy*… (1737), and in Heorhij Konys'kyj's *Voskresenije mertyx* (1746). In all of them, uninflected *ščo* (without resumptive) as a relativiser strongly prevails over *kotryj* and, occasionally, its older form *kotoryj*, with *jakyj* in evidence only as an interrogative or indefinite, but not as a relative pronoun.

This contrasts sharply with the standard seen in other 'prostaja-mova' writing. Here, *kotoryj*, occasionally in its Ukrainian vernacular form *kotryj*, prevails as Rabus (2010) has shown for a selection of 17th-c. texts (cf. also Arpolenko et al. 1983: 353–54), and as can be readily corroborated with further texts, such as chronicles. The competitors *ščo* and, even more so, *jakyj* are virtually absent. Given the general syntactic profile of the 'prostaja mova', I surmise that this was the result of written Polish contributing to the promotion of the native, in particular SWU relative pronoun *kotoryj* (*kotryj*) as the 'prostaja-mova' standard. Middle Polish writing employed *który* 'which' as relativiser, at the expense of vernacular *co* 'that' (cf. Urbańczyk 1939).

Further tracing the history of *kotryj* as compared to *ščo* and *jakyj* in written Ukrainian, it became a characteristic of the Galician standard language of the second half of the 19th c. For instance, Faryna (2016: 53–8, 208) finds a high proportion of *kotryj* in Ivan Franko's early prose works *Boryslav smijet'sja* (1881–82) and *Zaxar Berkut* (1883); namely, in roughly 60% of the headed relative clauses, as opposed to *ščo* in ca. 33%, and *jakyj* in ca. 7% of them. In a later novel, *Perexresni stežky* (1900), these proportions changed dramatically with *kotryj* by far the least frequent relativiser at ca. 5%, *ščo* the preferred one at ca. 64%, and usage of *jakyj* also considerably increased at ca. 31%. Faryna (2016: 95–102) shows that the increased use of *jakyj* was a deliberate choice on Franko's part to adapt to the syntax of the written standard based on central Dnieper dialects. It is noteworthy in this context that Ševčenko's preferred relativiser was, however, *ščo* (cf. Danylenko 2014: 189).

Contemporary written usage attests to the continued expansion of *jakyj* in MSU. Table 1 reports the results of a sample corpus study of *GRAC* which I conducted for comparably sized

sub-corpora of texts pertaining to the genre of memoirs, letters, diaries from Kyjiv of 2000 to 2019 and from L'viv of 2011 to 2012.

	jakyj	*ščo*	*ščo* + resumptive	*kotryj*
Kyjiv	77% (399)	17% (90)	2% (8)	4% (18)
L'viv	80% (630)	3% (26)	<1% (3)	17% (131)

Table 1 Relativisers in headed relative clauses in *GRAC*-derived sub-corpora of *EGO*-genre texts from Kyjiv (2000–19) and from L'viv (2011–2)

While the texts from L'viv still attest to a residual continuation of SWU *kotryj*, its direct competitor – inflected *jakyj* – has clearly become the prime headed-relative clause connector of choice across the two sub-corpora. *Ščo* with resumptive, i.e. in oblique-case position, is a marked stylistic choice. As to *ščo* in subject position without resumptive, the contrast between the texts from Kyjiv and L'viv may also be due to particular stylistic choices, rather than any principled regional difference. However, this requires further investigation.

In sum, I submit that three conclusions can be drawn from the evidence outlined: First, relative-clause connectors are a matter of lexical choice since the late Middle Ukrainian period. Second, forms of written Ukrainian end up favouring one of the two inflected relativisers – *kotryj* in the 'prostaja mova' and in the Galician standard, and *jakyj* in MSU. This contrasts with uninflected *ščo* in vernacular Ukrainian, suggesting a split between standard and non-standard relative clauses (cf. also Danylenko 2018), as is well-known from other languages too (cf. Murelli 2011). Third, contact with written Polish contributed to the promotion of native *kotoryj* / *kotryj* in forms of written Ukrainian that emerged in the south-west; i.e. the 'prostaja mova' and the Galician standard of the 19th c. However, it did not contribute to the promotion of *kotryj* in SWU dialects. What requires further investigation is the role of standardisation and dialect prestige in the emergence of *jakyj* as the MSU default relativiser in all areas (cf. Xarčenko 2015), including the south-west, at the expense of uninflected vernacular *ščo*.

BIBLIOGRAPHY

Atlas ukrajins'koji movy, vol. 3: *Slobožanščyna, Doneččyna, Nyžnja Naddniprjanščyna, Pryčornomor'ja i sumižni zemli* (Kyjiv 2001).

Arpolenko, H. P. et al.: *Istorija ukrajins'koji movy: Syntaksys* (Kyjiv 1983).

Bandrivs'kyk, A. H.: *Hovirky pidbuz'koho rajonu L'vivs'koji oblasti* (Kyjiv 1960).

Bevzenko, S. P.: *Ukrajins'ka dialektolohija* (Kyjiv: Vyšča škola 1980).

Čerednyčenko, I. H.: Do istoriji rozvytku konstrukcij z vidnosno-uhodžuvanym pidporjadkuvannjam pidrjadnyx prysubstantyvnyx u sxidnoslovjans'kyx movax. In: Bilodid, I. K. (ed.): *Slavistyčnyj zbirnyk* (Kyjiv 1963) 5-22.

Citko, Barbara: 'On headed, headless, and light-headed relatives', in: *Natural Language and Linguistic Theory* 22 (2004) 95-126.

Danylenko, Andrii: ‘‘Prostaja Mova’, ‘Kitab’, and Polissian Standard’, in: *Die Welt der Slaven* 51/1 (2006) 80–116.
Danylenko, A.: ‘On the relativization strategies in East Slavic’, in: Nomachi, M. et al. (eds.): *Grammaticalization and Lexicalization in the Slavic Languages* (Munich 2014) 183-204.
Danylenko, A.: ‘A tale of two pathways: On the development of relative clause chaining in East Slavonic’, in: Grković-Major Jasmina et al. (eds.): *Diachronic Slavonic Syntax* (Berlin; Boston 2018) 361–386.
Faryna, N. H.: ‘Skladnopidrjadni rečennja nerozčlenovanoji struktury v xudožnij prozi Ivana Franka’ (unpublished Ph.D., L’viv 2016).
Fellerer, Jan: *Urban Multilingualism in East-Central Europe: The Polish Dialect of Late-Habsburg Lviv* (Lanham etc. 2020).
Kovaliv, P.: *Jak pravyl’no buduvaty frazu (kotryj, jakyj, ščo)* (Munich 1946).
Markovs’kyj, Je.: ‘Do xarakterystyky movy ukrajins’kyx intermedij XVII-XVIII stolit’, in: Bilodid, I. K. (ed.): *Pytannja istoryčnoho rozvytku ukrajins’koji movy* (Xarkiv 1962) 97-124.
Mel’nyčuk, O. S.: ‘Istoryčnyj rozvytok systemy vidnosnyx sliv v ukrajins’kij movi’, in: Bulaxovs’kyj, L. A. (ed.): *Slov’jans’ke movoznavstvo*, vol. 4 (1962) 80-121.
Meyer, Roland: ‘The C system of relatives and complement clauses in the history of Slavic languages’, in: *Language* 93/2 (2017) 97-113.
Mozer, M.: ‘Čto takoe «prostaja mova»?’, *Studia Slavica Hungarica* 47/3-4 (2002) 221-260.
Murelli, A.: *Relative Constructions in European Non-Standard Varieties* (Berlin; Boston 2011).
Rabus, Achim: ‘Die Relativisatoren im Ruthenischen’, in: Hansen, B.; Grković-Major, J (eds.): *Diachronic Slavonic Syntax* (Munich 2010) 155-168.
Shvedova, Maria et al.: *GRAC: General Regionally Annotated Corpus of Ukrainian* (Kyiv; Lviv; Jena 2017-2023). https://uacorpus.org/Kyiv/ua.
Xarčenko, C.: ‘Retrospektyva spolučnyx zasobiv *ščo*, *ščo* pron, *jakyj*, *kotryj* u skladnopirdrjadnomu rečenni z pidrjadnym prysubstantyvnym: normatyvnyj aspect’, in: *Ukrajins’ka mova* (3 (2015) 59-76.
Urbańczyk, Stanisław: *Zdania rozpoczynane wyrazem* co *w języku polskim* (Kraków 1939).

ANIMATE-LIKE MARKING OF INANIMATE NOUNS IN MEDIEVAL UKRAINIAN AND BELARUSIAN (RUTHENIAN)

DMITRI SITCHINAVA (GERMANY)

The phenomenon

The three East Slavic languages, Belarusian, Russian, and Ukrainian, are known to have an animacy-based DOM (differential-object marking) system coupled with a morphological factor (sub-gender, see Corbett 1991). For the so-called *o*-masculine nouns in singular and all nouns in plural, animate objects are marked with the accusative case syncretic with the genitive and distinct from the unmarked nominative:

(1) Ukrainian
Baču *xlopčyk-a.*
see.1SG boy-ACC=GEN.SG
'I see a boy.'

Whereas the inanimate objects use the unmarked (nominative) form in the direct object position:

(2) *Baču* *stil-Ø*
see.1SG table-ACC=NOM.SG
'I see a table.'

Diachronically, this pattern is inherited from Proto-Slavic where it was already present at least for proper names and some few (singular) nouns referring to humans and spread subsequently to all the animate nouns (*inter alia*, Krys'ko 1994; Eckhoff 2015; Seržant 2019). In Modern Polish, as well as in many Slovak varieties, DOM is mainly restricted to the nouns referring to male humans.

There is a recent development in some "northern" Slavic languages in which the DOM system expanded from animate NP types only to include now also some inanimate object types, such as nouns referring to plants, mushrooms, small objects, body parts or abstract notions and/or found with some predicate types or in contexts related to specificity:

(3) Ukrainian
Ja *vyby-v* *zub-a.*
1SG. knock.out-PST.M tooth-GEN/ACC.SG
'I knocked a tooth out.'

(4) Polish
Widzę *papieros-a.*
see.1SG cigarette-GEN/ACC.SG
'I see a cigarette.'

Crucially, such a heterogenous set of semantic classes is not trivial in the cross-linguistic perspective and it also does not correspond to any of the hierarchies discussed in the literature so far.

Geographically, the phenomenon is widespread in the northern Slavic area, encompassing, to different extent, modern Ukrainian, Belarusian, Polish, Czech, Slovak, and Sorbian languages (Skwarska 2018), whereas in Russian it is largely restricted to "physically or functionally anthropomorphic or zoomorphic objects" (Krys'ko 1994). In many languages, including Polish and Ukrainian, this pattern is productive (Swan 1988, Kosek 2022; Shvedova 2018). This pattern is also prominent in different regional and social varieties. In Belarusian, the phenomenon is attested scarcely and mainly in dialects, but the existence of a dialectal continuum and the common medieval written language for both Ukrainian and Belarusian vernaculars, known as Ruthenian or *prosta mova*, makes the evidence of Belarusian important for the paper as well.

The paper aims at exploring the diachronic development of the differential object marking system beyond animacy in early Ukrainian and Belarusian (Ruthenian/Prosta mova) texts.

Typological context and previous findings

Cross-linguistically, possible factors and hierarchies constraining the choice of the particular coding (e.g. zero vs. preposition in Spanish) are primarily dependent on inherent lexical and context-dependent, discourse properties of the object NP itself (Aissen 2003; Iemmolo 2010) but may also be additionally constrained by the predicate (von Heusinger 2008) and/or the properties of the subject argument (Seržant 2019). In information-theoretic accounts the marked object is said to be less expected in the given role-reference combination and therefore has to be additionally marked (Haspelmath 2021a, 2021b). Typically, more than one factor is at play.

Diachronically, DOM systems are often unstable and develop in multiple grammaticalization cycles (cf. Sinnemäki 2014). Different dimensions of hierarchies typically coexist in languages in an intricate fashion. The diachronic approach allows to disentangle different factors behind the synchronic systems and their interplay (cf. similar studies on Spanish DOM in von Heusinger 2008; García García 2018).

The diachrony of DOM in East Slavic has been studied as the "history of the category of animacy". Krys'ko (1994) provides corpus statistics for the bulk of the Old East Slavic texts up until 1400 (occasionally also from Middle and Modern Russian), debunking some previously established chronological assumptions. The rise of animacy in East Slavic is described as generally going along the following hierarchy: **(Old East Slavic period:)** human proper names >

singular personal > plural personal **(after the OES period, in Ruthenian later than in Middle Russian:)** > names of animals singular > plural (Zanevych 2015 for Ukrainian, Bulyka 1988 for Belarusian). Some recent discoveries such as Northern Russian birchbark letters add new details as to the chronology of DOM with regard to such properties as specificity, (individual) zoonyms or the genitive of temporal possession (Živov 2017: 768-776; Gippius 2020: 34-35).

The **genitive object marking** (across declension types) in East Slavic should be distinguished from animate(-like) marking. In Old East Slavic it was typically predicate-triggered, depending on morphology (associated-motion supine forms, reflexives) and semantics (verbs of perception, care: 'attain', 'wish', 'wait', 'hope', 'ask', 'attain', 'find'), ablative and caritive verbs. Genitive object marking is used for verbs ranking low on the Affectedness scale (cf. Tsunoda 1985) and for verbs of direct affection like 'hit' or 'break' (cf. von Heusinger & Kaiser (2003) for Spanish). In Ukrainian, there is a diachronical stability of genitive argument structure with some verbal classes, even into the modern language (*zaznavaty* 'experience', *pil'nuvaty, dohljadaty* 'take care of'), expansion of genitive into new types: *včyty, navčatysja* 'learn, study', *vžyvaty* 'use'.

A general overview of the expansion of DOM in northern Slavic varieties across different nominal classes semantic classes is presented in Skwarska (2018) who suggests a morphology-driven explanation of the phenomenon. She argues that the development of DOM beyond animacy is triggered by the reanalysis of both genitive/DOM endings (*-u* and *-a*) such that the genitive in *-a* is reinterpreted as accusative/DOM. Thus, for example in Russian, where the *-u*-genitive is less productive and semantically reinterpreted as partitive (Seržant 2015, *inter alia*), this development is largely blocked.

For Ukrainian, Nedashkivska (2004) links DOM with specificity/definiteness – a claim that did not find support in the corpus data in von Waldenfels & Shvedova (2018). Likewise, these authors did not find evidence that would suggest a pattern borrowing from Polish because this expansion is very rare precisely in those western Ukrainian dialects that border with Polish and because this phenomenon affects quite distinct semantic classes in both languages. Shvedova (2018) describes the productivity of the phenomenon across different semantic classes as well as contextual, discourse factors in Modern Ukrainian. She also identifies properties of the triggering predicates.

The data

At present, although many projects exist, there is no comprehensive, publicly available corpus dedicated to Prosta Mova / Ruthenian, which poses a significant challenge for systematic

linguistic research on this historical variety.

The following digitized sources were used:

- Legal documents from the Belarusian territories, most notably editions of the Statute of the Grand Duchy of Lithuania (16th century);
- The *Pamjatky Ukrajins'koji Movy* (Monuments of the Ukrainian Language) series, a scholarly collection of annotated historical texts published over the 20th century. In particular, municipal and court documents from the 15th–17th centuries are of interest, which contain transactional language involving property, boundaries, and criminal cases.

Prominent argument types in early texts

The DOM marking clearly differentiated from genitive is attested in Ruthenian rarely (~10 ipm) as compared to modern (19th century and later: ~50-70 ipm in fiction) Ukrainian texts and dialects, which might be an artifact of genre difference in corpora.

Two classes of DOM instances with *o*-masculina names are attested in Ruthenian texts: (1) borrowed names for artifacts (2) 'landmarks'. It may be related to the topics and legalese formulas attested in the Ruthenian corpus (stolen objects + boundaries between property)

(1a) *hak* < *Hakenbüchse* 'arquebus'; Zhytomyr acts, 1590

samoho	*zbyl*	*i*	*zranyl*	*a*	*vzjal*	*u*	*mene*
self.GEN/ACC	beat.PST	and	wound.PST	and	took	from	I.gen

na$_1$ *tot*$_2$ *čas*$_3$	*i*	*gvaltovne*	*pohrabyl*	*haka,*	*šablju*
then$_{1,2,3}$	and	forcefully	rob.PST	arquebus.ACC=GEN	sable.ACC

opravnuju,	*kapenjač'*	*burnatnyj*
inlaid.ACC	kapenjach.ACC	from.cotton.cloth.ACC

'As for myself, he beat and wounded me, and he took from me [the following items], robbing me with violence: an arquebus, an inlaid sable and a cotton kapenjach'

(1b) *taljar* < *T(h)aler* 'dollar coin'; Lokhvytsja City Hall Book, 1650s

v	*jeho*	*taljar-a*	*pan*	*Ivan*	*svoje-ho*
at	him	dollar-ACC=GEN	lord	Ivan	REFL.POSS.ACC=GEN

vlasno-ho	*poznal*
own.ACC/GEN	recognize.PST

'Pan (lord) Ivan recognized his own dollar (having seen it) with him (the thief)'

(2) *dub* 'oak'; Kyiv Subcamerarius' trial book, 1630s

vkazovaly	*tež*	*dub-a*	*velyk-oho*	*na*
pointed.at.PST.PL	also	oak-ACC=GEN	big-ACC=GEN	on

uzlesi,	*sohorel-oho,*	*kotor-oho*	*povedeli*	*iž*
forest.edge.LOC	burnt-ACC=GEN	which-ACC=GEN	said-PST.PL	that

Baran *toho* *dub-a* *so* *bčolamy*
Baran this-ACC=GEN oak-ACC=GEN with bees.INS

bortn-oho *spalil*
wild.hive-ACC=GEN burn.PST

'They indicated also a large burned oak at the forest edge, a wild-hive oak which Boran had burned [destroying it] with the bees, as they told' (syntax simplified')

Discussion

Both argument-triggered properties and reinterpretation of the predicate-triggered GEN marking are relevant for the rise of DOM in East Slavic. Landmarks are characterized by specificity and high prominence and are featured in many versions of Extended animacy hierarchy.

Western borrowings can be construed as a kind of proper names for prestigious objects (cf. *mercedesa* and other trademarks as DOM semantic class of its own right in Polish + recent borrowings from Polish to English like *smartfona*). Specificity is also at play ('lord Ivan recognized his taler').

Proper names were described as an element of Extended Animacy Hierarchy by Croft (2003: 10) and other versions of this hierarchy, but proposed for removal as typologically irrelevant (Helmbrecht et al. 2018). They feature prominently as a DOM parameter in Romance (Reina 2020). The individual animal names are described in this respect diachronically for Spanish (Laca 2006) and for Northern Old East Slavic (Old Novgorod dialect) resp. Middle Russian (Gippius 2020)

Reinterpretation of the predicate-triggered genitive can be exemplified by ***dopysaty*** *seja knyhy* **finish** this.GEN book.GEN (17 c.) => *dopysaty* ***papircja*** finish **note.GEN=ACC** (20 c.) (Zanevych 2015: 195; our explanation).

DOM with inanimates is described in García García 2018 for Spanish, where it is fully predicate-triggered (cf. *preceder* 'precede', *caracterizar* 'characterize' etc.) For argument classes featuring in Modern Ukrainian or Polish like body parts the DOM appears to be originally predicate-triggered (cf. Ruthenian legalese *urězaty vuxa* 'cut (from) ear' with partitive genitive).

Landmarks and objects of property tend to appear in legalese sources in the context of negative affectedness that triggers genitive (Zanevych 2015: 174-175, 188) ('destroy', 'steal').

REFERENCES

Aissen, Judith. 2003. Differential object marking: Iconicity vs. Economy. Natural Language and Linguistic Theory 21(3). 435–483

Bulyka, A. M. 1988. Nazoŭnik. *Mova belaruskaj pis'mennasci XIV-XVIII stst.* Minsk. 8–100.

Corbett, Greville G. 1991. *Gender.* Cambridge: CUP.

Eckhoff, Hanne Martine. 2015. “Animacy and differential object marking in Old Church Slavonic”. Russian Linguistics 39:2.
García García, M. 2018. Nominal and verbal parameters in the diachrony of differential object marking in Spanish. In Ilja A. Seržant & Alena Witzlack-Makarevich (eds.), Diachrony of differential argument marking, Berlin: Language Science Press, 2018, 187–216.
Gippius, A. A. 2020. Berestjanye gramoty iz raskopok 2019 goda v Novgorode i Staroj Russe. Voprosy jazykoznanija, No 5 (2020), 22-37.
Haspelmath, M. 2021a. Explaining grammatical coding asymmetries: Form-frequency correspondencies and predictability. Journal of Linguistics 57(3). 605-633.
Haspelmath, M. 2021b. Role-reference associations and the explanation of argument coding splits. Linguistics 59(1). 123-174.
Helmbrecht, Johannes, Lukas Denk, Sarah Thanner, Ilenia Tonetti. 2018. Morphosyntactic coding of proper names and its implications for the Animacy Hierarchy. In: Sonia Cristofaro. Fernando Zúñiga (eds.) Typological Hierarchies in Synchrony and Diachrony, 377-402/ Amsterdam: Benjamins.
Iemmolo, Giorgio. 2010. Topicality and differential object marking. Evidence from Romance and beyond. Studies in Language 34(2). 239–272.
Kosek, I. 2022. Rodzaj męskożywotny a typ paradygmatu. O tendencjach rozwojowych we współczesnej deklinacji polskiej (na przykładzie anglicyzmów). Język polski, Rocznik CII, z. 1 (2022), 57-69
Krys’ko, V. B. 1994. Razvitie kategorii oduševlennosti v istorii russkogo jazyka. Moscow, 1994.
Laca, Brenda. 2006. El objeto directo. La marcación preposicional. In Concepción Company Company (ed.), Sintaxis historica del español. Primera parte: La frase verbal, vol. 1, 423–475. Mexico: Universidad Nacional Autónoma de México.
Nedashkivska, A. 2004. The Pragmatic Bases of the ‘Variation’ Between -a and -zero in the Accusative in Contemporary Ukrainian. The Carl Beck Papers, No. 1704, Pittsburgh, 2004.
Reina, Javier Carlos. 2020. Differential object marking with proper names in Romance languages. In: Luise Kempf, Damaris Nübling & Mirjam Schmuck (eds.), Linguistik der Eigennamen, 225-258. Berlin: de Gruyter.
Swan, O. 1988. Facultative animacy in Polish. A study in grammatical gender formation (The Carl Back Papers in Russian and East European Studies, 606), Center for Russian and East European Studies, Pittsburgh, 1988
Seržant, I. 2015. Independent partitive as a Circum-Baltic isogloss, Journal Language Contact 8, 341-418.
Seržant, I. 2019. Weak universal forces: The discriminatory function of case in differential object marking systems. In: Schmidtke-Bode, Karsten, Natalia Levshina, Susanne M. Michaelis & Ilja A. Seržant (eds.), Explanation in typology: Diachronic sources, functional motivations and the nature of the evidence. [Conceptual Foundations of Language]. Berlin: Language Science Press. 149-178.
Sinnemäki, K. 2014. A typological perspective on Differential Object Marking. Linguistics 52(2), 2014. 281–313.
Skwarska, K. 2018. „Zapnul už jsi toho mobila?“ O akuzativu singuláru neživotných maskulin ve slovanských jazycích. Slavistika. Roč. 22, č. 1 (2018), s. 166-177
Shvedova, M. 2018. Variatyvnist’ form imennykiv u znakhidnomu vidminku odnyny v ukrajins’kij movi, Studia philologica [Kyiv]. Vol. 10, 19-28.
Tsunoda, Tasaku. 1985. Remarks on Transitivity. Journal of Linguistics 21.2. 385-339.
von Heusinger, Klaus. 2008. Verbal semantics and the diachronic development of DOM in Spanish. Probus 20. 1-31.
von Heusinger, Klaus & Georg A. Kaiser. 2003. The interaction of animacy, definiteness and specificity in Spanish. In: Proceedings of the Workshop “Semantic and Syntactic Aspects of Specificity in Romance Languages”, 41–65. Universität Konstanz: Fachbereich Sprachwissenschaft (Arbeitspapier 113).
von Waldenfels, R., Shvedova M. 2018. Differential Object Marking beyond animacy in Ukrainian and Polish. Paper presented at Slavic Linguistic Society, Eugene (Oregon), September 29, 2018.

Witzlack-Makarevich, A., Seržant, I. 2018. Differential argument marking: Patterns of variation. In Ilja A. Seržant & Alena Witzlack-Makarevich (eds.), Diachrony of differential argument marking. Berlin: Language Science Press. 1–34.
Zanevych, Olha. 2015. Ukrajins'ka mova 16-17 stolitj: dieslovo. Semantyka, perexodnist', ob'jekt. Lviv: Instytut ukrajinoznavstva NANU.
Živov, V. M. 2017. Istorija jazyka russkoj pis'mennosti. Vol. 1., Moscow, 2017.

UNVEILING ENCLITIC EVOLUTION IN OLD EAST SLAVONIC

BEÁTA GYÖRFI (HUNGARY)
University of Szeged

The paper presents a summary of several years of research on the enclitic system of Old East Slavonic (OES). It focuses on tracing both the transformation and eventual decline of the enclitic system, as well as situating these processes within the broader linguistic shifts of the fifteenth and sixteenth centuries that shaped the evolution of OES.

As is well known, Old East Slavonic, much like its West and South Slavic counterparts, made extensive use of enclitics. Based on their grammatical functions and syntactic roles, three principal types of clitics can be distinguished in OES: discourse clitics, pronominal clitics, and auxiliary clitics. Despite their functional differences, all of these clitic types share two core properties: their enclitic nature and their placement in the so-called Wackernagel position — that is, the second position within a clause.

The Slavic enclitic system has attracted considerable scholarly attention over the past few decades, particularly because of the syntactic phenomena it involves, such as clitic clusters, clitic climbing, and clitic doubling (see Kosta & Zimmerling 2013, 2014; Franks 1999; Franks & King 2000; Zaliznyak 2008). As a descendant of the Proto-Indo-European and Common Slavic clitic systems, the enclitics of Old East Slavonic formed a complex inventory. Zaliznyak proposed an eight-rank system of enclitics, including discourse clitics such as же, ли, бо, ти, бы; pronominal clitics, notably dative clitic pronouns (ми, ти, си, ны, вы, на, ва) and accusative clitic pronouns (мь, ть, сь, ны, вы, на, ва, и, ю, е, ѣ, я); and auxiliary clitics, including forms like есмь, еси, есмъ, есте, есвѣ, еста; есть, суть, еста.

The persistence of the second-position (2P) placement varied across clitic types. Enclitics have long drawn the attention of linguists because of their stable syntactic position. In modern Slavic languages, two main positions for enclitics have been identified: the Wackernagel position (2P), where enclitics follow the first phonetic word (or the first phrase), and the V2 position, where enclitics follow the verb (Bulgarian). Classifications of Slavic languages based on this parameter have also been developed (Kosta & Zimmerling 2013). As the language evolved, texts increasingly show cases where enclitics occupied a “lower” position, shifting rightward within the clause.

In modern Russian, only a few discourse enclitics have survived as particles, while the reflexive pronominal enclitic *ся* underwent grammaticalization and ultimately became a postfix.

The present study has three primary aims: (1) to trace the distribution of enclitics across different historical periods and language registers; (2) to provide an overview of the various enclitic types; and (3) to explore the connections between major linguistic changes — notably, the simplification of the tense system and the loss of the pro-drop feature — and the gradual loss of enclitic forms.

The paper departs from previous research traditions by treating the different clitic types separately, rather than as a uniform system.

The structure of the paper is as follows. First, the materials and methods of investigation are presented. Next, the paper discusses discourse clitics and their relationship to predicate participles and Dative Absolute constructions. It then turns to pronominal clitics, examining their decline alongside the loss of pro-drop and the rise of overt personal pronouns. Particular attention is given to the grammaticalization of the reflexive pronominal clitic *-ся*. Finally, the paper addresses auxiliary clitics and concludes with a summary of the findings and their broader implications.

Material and Methods of Investigation

The study employs a corpus-assisted text analysis approach, drawing on data from the Russian National Corpus (RNC). This methodology offers several key advantages. First, it enables the statistical analysis of large-scale historical texts beyond the scope of traditional manual methods. Second, it allows for the contrastive and comparative examination of linguistic phenomena across diverse contexts. Third, it facilitates the exploration of how linguistic patterns interact with extralinguistic factors. Finally, it supports the analysis of correlations between linguistic variants, making it possible to trace ongoing or historical changes within the language system.

The historical subcorpus of the RNC serves as a particularly valuable resource, enabling researchers to perform a wide range of grammatical and lexical searches with customized parameters. Thanks to its quantitative breadth, the corpus supports detailed distributional analyses. A notable strength of the historical corpus is its part-of-speech (POS) and morphological tagging, which is especially useful when working with forms whose classification is ambiguous. In addition, the corpus provides metatextual information and returns search results that include surrounding context, allowing the phenomena under investigation to be examined within their broader textual environment.

Given the scale of the material, this study would not have been feasible without the use of corpus tools. The investigation focuses on the Old East Slavonic subcorpus of the RNC,

which, at the time of access (May 1, 2025), comprised 337 texts totaling approximately 881,706 words. For the purposes of this study, a curated subset of 45 texts was selected, amounting to over 488,537 words. To ensure the coherence and relevance of the dataset, translations, charters, and official acts issued outside the East Slavic area were excluded. The final selection encompasses a wide range of genres, including chronicles, hagiographies, literary and folkloric works, prayers, epistles, homilies, canonical rules, and orations.

The linguistic character of the manuscripts plays a crucial role in the analysis of Old East Slavonic. The language of the texts shaped both their lexical and grammatical profiles. In the selected subcorpus, 32 texts are classified as Church Slavonic, one (the *Russkaya Pravda*) is marked as a business text, and the remaining 12 exhibit a hybrid character, blending Church Slavonic with vernacular elements.

The subcorpus covers monuments dating from the tenth to the sixteenth centuries. The documents vary significantly in length, ranging from approximately 2,500 words to nearly 84,000 words.

A key methodological challenge in this research concerns the identification of enclitics, as several are homonymous with other forms (for example, *же* can function as both a clitic and a conjunction; *mu* can serve as both a clitic and a pronoun). Consequently, the search queries incorporated not only specific clitic forms but also their grammatical features, particularly part-of-speech tags.

To examine the relationship between linguistic change and the use of enclitics, the study combines descriptive and distributional analyses with statistical methods, notably chi-square tests. This mixed approach provides both quantitative depth and qualitative insight into the decline of enclitic forms over time and across genres.

Discourse enclitics

Old East Slavic (OES), in contrast to contemporary East Slavic languages, employed a wide range of enclitics. These unstressed elements attached to the preceding prosodic word, forming a phonological unit with their host. Morphosyntactically, OES enclitics fall into three subtypes: discourse, pronominal, and auxiliary enclitics. Syntactically, discourse enclitics adhered to the Wackernagel position (second position, or 2P) within the clause, marking the end of the first syntactic unit. However, rhythmic-syntactic barriers (see Zaliznjak 2008: 47–48) occasionally displaced them to positions further to the right. Pronominal and verbal enclitics, especially reflexive forms, show frequent deviations from canonical placement.

Discourse enclitics—also called discourse particles or operator clitics—are words that convey rhetorical nuance, emphasis, or speaker attitude (Luis & Spencer 2012: 34). Unlike other enclitics, they lack nonclitic counterparts and function similarly to adverbs. Cross-linguistically, they often impose restrictions on the syntactic or categorical status of their hosts, as documented in languages like Finnish, Japanese, and Polish. Their universal role is to express illocutionary force.

OES employed five discourse enclitics: же (contrastive topic), ли (alternative/interrogative meaning), бо (causal meaning, topicalizing nominals or emphasizing verb phrases), ти (affirmative or topic-shifting function), and бы (optative meaning) (Györfi 2022). The frequency and distribution of these enclitics varied by genre: chronicles favored же, reflecting their logical and informational structuring, while charters prominently featured ти, likely due to their focus on affirmation.

A key observation of this study concerns the relationship between discourse enclitics and predicative participles. Previous research has typically assessed the degree of predicativity in OES converbs—nonfinite verb forms used as secondary predicates—through formal indicators (e.g., conjunctional framing, clause-predicate status) or intuition. However, corpus analysis reveals that discourse enclitics frequently attach to verbal or participial hosts, highlighting the action denoted by these forms and marking shifts in narrative structure. This pattern suggests that the presence of discourse enclitics can serve as an additional formal indicator of predicative function in participles.

Building on Zaliznjak's (2008: 171) claim that Wackernagel's Law is linked to predication—where enclitic placement depends on a word's predicative status—this study proposes that cliticization interacts with predicate structure. In examples where the same verb appears with and without an enclitic, the presence of the enclitic (же) not only alters the discourse organization but also enhances the predicative force of the verb.

Corpus analysis was conducted focusing on short-form active participles and their co-occurrence with the most frequent enclitics, же and бо. Results confirmed that these enclitics tend to attach to "converbal" heads, supporting the hypothesis of their role in marking predicative structures. Furthermore, quantitative analysis across genres revealed that such constructions are especially prevalent in narrative texts, such as chronicles and tales, and occur in both participle-initial and subject-initial clause configurations, with a clear preference for the former.

Proniminal enclitics

Old East Slavic (OES) possessed pronominal enclitics only in the accusative and dative cases. The following tables (see Zalizniak 2008: 129) present the full and short form paradigms for these pronouns. As Zalizniak (2008: 130–131) notes, in unmarked contexts it was the enclitic (short) forms that were used; the stressed (full) pronouns were employed only under certain syntactic, semantic, or pragmatic conditions.

The loss of pronominal enclitics was closely intertwined with two parallel developments: the erosion of the pro-drop nature of the language and the rise of explicit personal pronouns. In the pro-drop stage of Old Russian (OR), the verb typically occupied clause-initial position, with pronominal enclitics adjoining the verb and thus falling into second position (2P), functioning effectively as V2 clitics. As the tense feature weakened over time, the number of overt subjects increased. This change led to pronominal enclitics and their verbal hosts gradually shifting rightward in the clause, causing a progressive split between the enclitics and verbs, and eventually resulting in their replacement by full pronouns.

This process was accompanied by a broader increase in overt subject pronouns. In Old Russian, first- and second-person subject pronouns were typically used only in specific contexts where logical or contrastive stress was placed on them (Ivanov 1964: 374). The development of third-person subject pronouns followed a distinct trajectory: the pronoun онъ evolved from a demonstrative and initially referred to the subject of a remote clause (Borkovskiy & Kuznecov 1963: 321). Its use as a true third-person subject pronoun referring to the immediately preceding clause began to stabilize in the 15th–16th centuries (Györfi 2016).

Reflexive Pronominal Enclitics

The reflexive enclitic ся in Old East Slavic (OES) underwent a distinctive grammaticalization process compared to other pronominal enclitics. At first glance, the syntactic distribution of reflexive clitics may appear chaotic: ся can precede or follow its verbal host or occupy a medial position within the clause, often at a distance from the verb.

Slavic linguistics distinguishes two canonical positions for enclitics: the Wackernagel position—immediately following the first stressed word or phrase in the clause—and the secondary contact position—directly adjacent to the host verb (Kosek et al. 2019). Drawing on the clitic position theory developed for Old Czech, and adapting it for OES, four main positions emerge: Post-initial contact (2PC) — the enclitic follows the initial phrase, typically the host; Post-initial isolated (2PI) — the enclitic follows the initial phrase but is separated from its host; Non-post-initial contact (NPC) — the enclitic appears later in the clause but remains adjacent

to its host; Non-post-initial isolated (NPI) — the enclitic appears later in the clause and is not adjacent to its host.

In OES, the accusative reflexive clitic ся most frequently occurs in the post-initial contact position, typically following the initial verb and often another enclitic. The second most common position is the non-post-initial contact position, where ся may appear either to the left or right of its verbal host, disregarding clitic cluster rules. Notably, a substantial number of examples show ся functioning as a free morpheme following the verb, reflecting its transitional state toward becoming a postfix.

Sporadic double ся constructions within a single clause further point to the morphosyntactic reanalysis of this form. Additionally, ся occasionally appears after conjunctions, isolated from the verb, or attaches to a nominal host to express possession—paralleling the behavior of other pronominal enclitics.

As for the dative reflexive enclitic си, a corpus-based search reveals a strikingly different distribution. While short forms are rare in early texts, they become abundant in later sources, notably the Galician Chronicle. The dominant position of си is the non-post-initial isolated position, largely due to the frequent use of the idiom *во своя си* ("to his/her own place"), a Greek calque meaning "to go home." Unlike ся, си typically attaches to nominal hosts, carrying a possessive function. This explains the second most common position for си—the non-post-initial contact position.

Overall, corpus-assisted analysis shows that ся and си follow distinct syntactic patterns: ся predominantly takes a verbal host and usually occurs clause-internally, while си attaches to nominal hosts with possessive meaning. Diachronically, ся was initially far more common than си, but over time, си came to outnumber long-form dative reflexives. The highly transitional nature of ся—sometimes behaving as a clitic, sometimes as an independent pronoun or even a postfix—highlights its unique grammaticalization trajectory in the OES system.

Auxiliary enlitics

OES had a notably rich tense system, comprising two synthetic (aorist, imperfect) and two periphrastic (perfect, pluperfect) past tenses. The periphrastic forms relied on the present, imperfect, or aorist forms of the auxiliary *бꙑти* ('to be') combined with the *l*-participle. Focusing on the present tense auxiliary in perfect and pluperfect constructions, we see that the OR perfect expressed past actions with present relevance and served as the predecessor of the contemporary Russian past tense.

The clitic status of these auxiliaries has long been debated. Jakobson (1971) first recognized them as enclitics, arguing that, like pronominal enclitics, they followed Wackernagel's law and occupied second position (2P) in the clause. Zaliznyak (2008) further formalized their place within clitic clusters, ranking auxiliaries at the end of the hierarchy, after discourse and pronominal clitics. However, more recent studies, notably by Jung (2015; Jung & Migdalsky, 2020), challenge this view, pointing to the auxiliaries' tonic forms, full morphology, non-obligatory presence, and inconsistent 2P distribution as evidence against classifying them as true clitics.

Corpus analysis of OR chronicles reveals that auxiliaries occurred in just 22% of perfect constructions and displayed considerable positional variation. While 35% of auxiliaries occupied the canonical 2P, 40% appeared adjacent to the verb (V2), and 24% were clause-internal but at a distance from the *l*-participle. Importantly, third-person forms, previously excluded from analysis, were also found in enclitic positions, suggesting their potential inclusion in the clitic system. Though auxiliaries often adhered to the ordering rules within clitic clusters, their weakening prosodic dependency, frequent postverbal placement, and occasional separation from the participle point to a transitional state in both their grammaticalization and the OES tense system.

Conclusion

This study has offered a comprehensive account of the Old East Slavonic (OES) enclitic system, tracing its transformation and decline across several centuries. By analyzing discourse, pronominal, and auxiliary enclitics separately, the paper has highlighted their distinct diachronic trajectories and syntactic behaviors. The results reveal that while the Wackernagel position initially served as a robust placement principle, enclitic positioning gradually destabilized, reflecting deeper shifts in the language's grammatical architecture.

The loss of pro-drop, the rise of explicit pronouns, and the grammaticalization of forms like *ся* were central to this process. Importantly, corpus-based analysis has illuminated how enclitics interacted with clause structure, genre, and discourse patterns. This study also underscores the value of combining quantitative methods with qualitative insights in historical linguistics.

Taken together, the findings contribute to a better understanding of the evolution of East Slavic syntax and enrich broader typological discussions on clitic systems.

BIBLIOGRAPHY

Borkovsky, V. I. and, Kuznecov. P. S. 1963. *Istoricheskaya grammatika russkogo jazyka. Morfologija*. Moscow.

Browne, Wayles. 2014. "Groups of Clitics in West and South Slavic Languages." In *Slavic and German in Contact: Studies from Areal and Contrastive Linguistics*, edited by E. Kaczmarska and M. Nomachi, 81–96. Slavic Eurasian Studies No. 26.

Franks, Steven. 1999. "Clitics in Slavic." *The Slavic and East European Language Resource Center*. http://seelrc.org/glossos/

Franks, Steven, and Tracy H. King. 2000. *A Handbook of Slavic Clitics*. Oxford: Oxford University Press.

Györfi, Beáta. 2021. "«Умный в гору не пойдёт…»: использование электронных корпусов для диахронных исследований." *SlavVaria* 1: 269–281.

Györfi, Beáta. 2023. "Belaja vorona pronominalnyh enklitik: (en)klitika sja v tekste drevnerusskih letopisej." In *Kategorija jazyka i myshlenija: aspekty sovremennoj interpretacii. Sbornik statej*, 57–60. Petrozavodsk.

Györfi, Beáta. 2024. "A Puzzling Phenomenon of Old East Slavic Syntax: the Reflexive (En)clitics in the Text of Chronicles." *Savremena filološka istraživanja*, Zbornik radova, Godina I, Knj. 1: 215–228.

Ivanov, V. V. 1964. *Istoricheskaya grammatika russkogo jazyka*. Moscow.

Jakobson, Roman. 1971. "Les enclitiques slaves." In *Selected Writings. II. Word and Language*, The Hague.

Jung, Hakiung, and Krzysztof Migdalski. 2014. "Degrammaticalization of Pronominal Clitics." In *Formal Approaches to Slavic Linguistics (FASL) 23*, Michigan Slavic Publications.

Kosek, Pavel, Radek Čech, Olga Navrátilová, and Ján Mačutek. 2019. "Wackernagel's Position and Contact. Position of Pronominal Enclitics in Older Czech. Competition or Cooperation?" Conference talk, SLOVKO 2019, 10th International Conference, October 3–25, 2019.

Kosta, Peter, and Anton Zimmerling. 2013. "Slavic Clitics: A Typology." *STUF — Language Typology and Universals* 66 (2): 178–214.

Kosta, Peter, and Anton Zimmerling. 2014. "Slavic Clitic Systems in a Typological Perspective." In *The Nominal Structure in Slavic and Beyond*, edited by L. Schürcks, A. Giannakidou, and U. Etxeberria, 441–488. Berlin: Mouton de Gruyter.

Spencer, Andrew, and Ana R. Luís. 2012. *Clitics: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.

Zaliznyak, Andrej A. 2008. *Drevnerusskie enklitiki*. Moscow.

УПОТРЕБА КОНТАКТНИХ СИНОНИМА У ПУБЛИКАЦИЈАМА ИЗ ПРВЕ ПОЛОВИНЕ 19. ВИЈЕКА ОБЈАВЉИВАНИМ У ЦРНОЈ ГОРИ

ЈЕЛЕНА ГАЗДИЋ (ЦРНА ГОРА)
Универзитет Црне Горе, Филолошки факултет у Никшићу
mail: jelena.gazdic@gmail.com

1. Контактним синонимима у предвуковском и вуковском периоду у србистици су се до сада највише бавили Велимир Михајловић у двотомном рјечнику из 1982. и 1984, у којем је акценат на контактним синонимима са посрбицама, а у посљедње вријеме овим питањем се баве Александар Милановић (2013) и Рајна Драгићевић (2018). Контатктни синоними се јављају као резултат пуристичких и просвјетитељских тежњи, али и усљед попуњавања лексичких празнина, при чему су заступљени у текстовима писаним различитим функционалним стиловима (в. Милановић 2013: 220 и Михајловић 1984: 648). Стога се њихово проучавање намеће и као социолингвистички проблем, јер подразумијева узимање у обзир друштвеног контекста комуникације и релевантних података о пошиљаоцу и примаоцу поруке (Милановић 2013: 220).

1. 1. С тим у вези, пођи ћемо од пошиљаоца поруке, тј. од аутора који стоји иза лексичке обраде поруке послате пошиљаоцу. Димитрије Милаковић (1805–1858) је рођен у селу Јасеници, у Херцеговини. Са породицом се у раном дјетињству преселио у Мостар, а потом у Дубровник. У Новом Саду је похађао гимназију, у Пешти је студирао филологију, а у Бечу право. Дошао је 1831. на Цетиње, гдје је прво обављао дружност народног секретара, а касније је постао лични секретар Петра II Петровића Његоша. Од 1842. био је дописни члан Друштва српске словесности. Уређивао је цетињски алманах *Грлицу* (1835–1839), а на Цетињу је 1836. издао *Србски буквар ради ученѧ младежи црковномU и грађанскомU читаню,* потом 1838. и *Србску Грамматику саставлѣну за црногорску младеж*, а у Задру 1856. *Историју Црне Горе.* Већ је током студија у Пешти био наклоњен реформаторским идејама Вука Караџића. Са Караџићем је одржавао преписку, организовао претплату на његова издања, помагао при штампању Вукових *Пословица* на Цетињу и слао му важне културноиситоријске и лексичке податке из Црне Горе (Гудков 1974: 56, 57).

1.2. Овом приликом корпус нашег истраживања чине *Србски буквар ради ученѧ младежи црковномU и грађанскомU читаню* из 1836*, Србска Грамматика саставлѣна за црногорску младежь* из 1838. године и годишњак *Грлица* (1835–1839). Управо се из наслова *Буквара* и *Граматике* закључује да су били намијењени *црногорској младежи,* што се експлицитно потврђује и на уводним страницама сваког броја *Грлице*. Милаковић

у првом издању наводи да је овим календаром хтио да „колико толико“ учини по вољи и онима „кои у рукама имаю друге календаре“, али у складу са оним колико му је његова дужност дозвољавала а имајући у виду и кратак временски оквир (Г. 1835: Предговор).

Осим социолингвистичког аспекта, при обради контактних синонима незаобилазна је семантичка анализа, јер навођење синонимског пара не представља стилску особеност и давање предности једном од двају облика, већ се могу третирати као равноправни. О евентуалном давању предности једној лексеми може се говорити једино ако узмемо у обзир распоред синонима, тј. који облик се наводи на првом мјесту, а који на другом (Милановић 2013: 222).

2. Највећи број контактних синонима потврђен је у *Грлици,* што је и очекивано с обзиром на тематску разноврсност алманаха. Имајући у виду Милаковићево темељно филолошко образовање и познавање страних језика, не чуди то што у текстовима алманаха користи разноврсну лексику.

2.1. У *Буквару* су забиљежена свега два пара контактних синонима *тржиште (пијаца)* – при чему је италијанизам *пијаца* у функцији контактног синонима (СБ: 5), и *збир (сума)* – гдје се у склопу математичке терминологије јавља латинизам (СБ: 37):

Тадъ га они на градско тржиште (піяцу) одведу, ђе є ньиховъ краль судъ држао. (СБ: 5), Собокупленїє, коє учи како треба броєве у єданъ збиръ (сумму) скуплѧти. (СБ: 37).

2.2. У *Граматици* су евидентирани контактни синоними из домена стручне терминолгије. Наспрам руских, односно рускословенских облика *словопроизведеније, словосочиненије, правописаније* и старослосвенског облика *тисућа,* аутор *Српске граматике* наводи у загради контактне синониме који су заправо интернационализми грчког поријекла *етимологија, ортографија, синтаксис, хиљада*:

„Србска Грамматика раздѣлює се на три части, коє су: I. Словопроизведеніє (Етимологія). II. Словосочиненіє (Синтак сисъ). III. Правописаніє (Орѳографія) (СГ: 1), тысућа (хиляда) (СГ: 82).

У вези са Милаковићевом стручном терминологијом Ана Мацановић (2018) запажа „да руском одн. рускословенском терминолошком сложеницом словопроизведеније (...) аутор подразумева неколико језичких нивоа савремене лингвистике: фонетику са фонологијом, морфофонологију, морфологију и творбу речи. Будући да термин етимологија Д. Милаковић наводи као контактни синоним руском/рускословенском облику словопроизведеније, овај интернационализам у Милаковићевом уџбенику има

шире значење него у делима његових претходника (Мацановић 2018: 56), што га заправо чини модерним у контексту терминолошког развоја српске филологије.

3.1. Као што смо поменули, у *Грлици* су примјери контактних синонима најфреквентнији, што је посљедица жанровске разноврсности годишњака. Оно што се у први мах издваја након увида у алманах јесте готово досљедно навођење топонима (углавном приморских мјеста и градова) у двојакој форми – српској и италијанској, што упућује на намјеру аутора да читаоцу пружи информације и о локалним и о интернационално познатим именима:

> … ударили на градове Бар (Антивар) и Улцинь у Арбаніи (Г. 1836: 47) Митрополит примивши началство над соєдинѣнима силама Црногораца и Приморацa, најпре обсади Нови (Кастел-Нуово) (Г. 1837: 38), Островъ Брачъ (Брацца) (Г. 1838: 49), Тиватъ (Итал. Теодо) (Г. 1838: 82), Дубровачко окружіє (Чирколо ди Рагуза) лежи између Адріатическога залива и Турске (Херцеговине), Будва (Итал Будуа) (Г. 1838: 85), Которъ (итал. Каттаро) (Г. 1838: 75).

Оваквим приступом аутор је заправо упућивао читаоце на алтернативне називе мјеста, што је посебно видљиво у контексту мултикултуралних и мултијезичких простора, какво је било приморје. Сличан је случај и са лексемом словенског поријекла *Блато*, за коју је као контактни синоним употријебљен данашњи стандардни облик (поријеклом из албанског језика) *Скадарско језеро*: риба се млога лови и найвише у Блату (Скадарском єзеру) (Г. 1835: 41). Овакав начин писања може указати на укоријењено словенско насљеђе у локалној ономастици.

3.2. Контактни синоними у *Грлици* јављају се и у формама које упућују на историјске и административне дублете. Таква је и давно словенизована лексема протогерманског поријекла *кнежина* која се у једном примјеру јавља као контактни синоним домаће лексеме *племена,* а други пут се као њен синоним јавља облик *графство* који је германског поријекла, али је у српски ушао преко мађарског:

> У овой Нахіи има девет племена (Кнежина), наиме: Цетинѣ, Нѣгуши, Ћеклићи... (Г. 1835: 38), Дубровачка республика раздѣлвивала се, у призрѣнію политическомъ, на осамь кнежина (графства) и три капетаніє (Г. 1839: 38).

У складу с тим, и уз лексему *кнез* јављају се као синоними *граф* (хунгаризам) и *конте* (италијанизам):

> именомъ Кнеза (управъ Графа) (Г. 1839: 60), Свака є кнежина имала свога кнеза (Итал. конте) (Г. 1838: 83).

3.3. У служби контактних синонима потврђене су и лексеме поријекла страног, попут турцизма и латинизма (*цекин*: *дукат*): 17000 цекина (дуката златны) (Г. 1839: 70).

3.4. Најчешћи контактни парови су они у којима посрбице стоје у синонимском односу са оријентализмима, што одражава дуготрајни османски утицај:

> да се нећемо већ виђети до у Тандариху, (у Едем Турски) (Г. 1837: 85); како га Везир виђе, узме ме код себе за (хазнићатипа) касе писара (Г. 1837: 89), улѣ (зейтинъ) (Г. 1838: 64), Родъ уля (зейтина) рачуна се у средню 5,000 барила (Г. 1839: 39), има по градовима разны майстора; напр. златара, шаваца (терзія) (Г. 1838: 68), Пушкари (туфекџіє) (Г. 1838: 68), Ректоръ є носіо плаштъ (япунџе) (Г. 1839: 69).

3.5. У корпусу се јавља и извјеста број латинизама:

У градовима сѣди по єданъ Преторъ (градскій судія) (Г. 1838: 62) латински, биљежи је и Михајловић, Ректоръ (Управитель) быо є глава све республике (Г. 1839: 69), имаду двѣ Фонтане (водомета) (Г. 1839: 74), крап, (шаран), скобаль и уклѣве (Г. 1835: 41); но ніє имао него само єданъ гласъ (вотумъ) (Г. 1839: 69).

3.6. Функцију контактних синонима вршили су и италијанизми:

а) 1000 центій кастрадине (сухогъ сланогъ бравлѣгъ меса) (Г. 1838: 67), пучани (грађани) и простый народъ (Г. 1838: 69) пучани – италијански, романски, три Властелина (патриција) (Г. 1838: 75), шипцы (Итал. помо гранато) (Г. 1838: 63).

3.7. У корпусу су идентификовани и галицизми *авангарда* и *фанатизам,* при чему се као контактни синоними друге лексеме јављају двије посрбице које су истог значења:

> Црногорци непазећи на храброст Францускіє волтижера убіяли су свагда ньихову авангарду (преднѣ посте) (Г. 1837: 44), плаха ревност (фанатизам) (Г. 1837: 97), Погледайте ядну Азію како немило страда одъ плахогъ буеврія (фанатизма) (Г. 1837: 122).

3.8. Као контактни синоним јавља се и грецизам *патос*:

> Тли (патосъ) пећине (Г. 1838: 81).

А функцију контактног пара чине и лексема *фармација*, која има грчко поријекло, али је адаптирана преко латинског, и синтагма *апотекарска наука* (при чему је лексема апотека преузета из грчког):

> И за минералогію, фармацію (апотекарску науку), живописанѣ и за музику старало се Правительство, садржаваюћи младиће у Италіи и Германіи (Г. 1839: 49).

3.9. Германизми су такође малобројни:

> ястогъ (ракъ морскій) и т. д. (Г. 1839: 40), собито се сада по Црной гори умложіо крумпир, овђе Кртола названи (Г. 1835: 40).

3.10. Хунгаризам биљежимо само једном (у лексеми *лупеж*):

> Лупеж овђе а у Срієму лопов (Г. 1835: 48).

4. У оквиру једног од прилога у *Грлици* из 1839. године Милаковић се осврће и на дубровачки говор, указујући на његову лексичку специфичност у односу на остатак српског језичког простора:

У Дубровнику и у обычномъ говору употребляваю се многе србске рѣчи, коє кодъ други Србаля нису ни мало, или су врло мало познате; напр. Убрусъ (м. пешкирь), убрусацъ и убрусчићъ (м. марама), ручинчићь (м. салфета), одаръ п постеля (м. креветъ) узглавница (м . ястукъ), пораменица (м. хозентрагеръ или тирака), бѣчва (м. чарапа или штринфла), зрцало (м. огледало), оцатъ(м. сирће), улѣ (м. зейтинъ), мука (м. брашн), масть (м боя), свита (м. чоха), даждъ (м. киша), убогій (м. просякъ), плаштъ (*) (м. япунце), златаръ (м. куюнџія), шавацъ (м. терзія или шнайдеръ), бачваръ (човѣкъ, кои направля бачве, бурадъ), сусѣдъ (м. комшія), драго (м. скупо), цієне (м. євтино) и т. д. (Г. 1839: 46, 47).

Видимо да Милаковић препознаје регионалну варијантност, али, упркос тој дијалекатској посебности, инсистира на заједничком именитељу – „српским рѣчима“, чиме афирмише јединство српског језичког корпуса. Посебна вриједност овог одломка огледа се у чињеници да аутор не само да региструје специфичну дубровачку лексику, већ је доводи у непосредан однос са лексемама из других српских говора и страних језика, и формира одређени корпус контактних синонима. У тим паровима сусрећу се и супротстављају словенски, оријентални (углавном турцизми), романски, германски и интернационални елементи.

5. Можемо констатовати да се Милаковић, као аутор са богатим образовањем и искуством, не опредјељује искључиво за пуризам – он не одбацује стране елементе, већ их функционално поставља у контакт с домаћим ријечима. У томе се препознаје и његов практични педагошки циљ: помоћи *црногорској младежи* у разумијевању језичке разноврсности и мултикултурне средине, каква је била дубровачка, али и тадашња бококоторска територија.

Употреба контактних синонима у његовим дјелима, превенствено у *Грлици*, одражава језичке, културне и просвјетне утицаје на српски језик у првој половини 19. вијека. Они упућују не само на Милаковићеву филолошку образованост и познавање више европских и оријенталних језика, већ и на његову свијест о потреби прецизног комуницирања са читаоцем из различитих језичких и културних средина, као и педагошо-образовни пристип *црногорској младежи*. Важно је уочити и да се контактни синоними јављају у контекстима који захтијевају или омогућавају већу лексичку експлицитност: у научним текстовима, описима топонима и терминолошким

дефиницијама. Такође, ова појава пружа увид у шире социолингвистичке околности епохе: динамичан однос између народног и књижевног језика, тежњу ка стандардизацији, као и утицаје ближих и даљих културних средина – од Османског царства до римокатоличке Европе.

Кључне ријечи: контактни синоними, значење, превуковски период.

ЛИТЕРАТУРА

Гудков 1974–1975: Владимир Гудков, „*Србска граматика* Димитрија Милаковића и њен значај за науку о српскохрватском језику“, *Јужнословенски филолог. Повремени спис за словенску филологију и лингвистику,* XXXI књига, Институт за српскохрватски језик, Београд, 55–66.

Мацановић 2018: Ана Мацановић, *Српска језикословна терминологија у 19. веку,* Београд: Институт за српски језик САНУ.

Милановић 2004: Александар Милановић, „Статус појма и термина посрбица“, у: *Научни састанак слависта у Вукове дане. Терминолошка стандардизација лингвистичког описа савременог српског језика (2),* 33/3, Београд: МСЦ, (245–253).

Милановић 2013: Александар Милановић, *Језик весма полезан,* Друштво за српски језик и књижевност Србије, Београд.

Михајловић 1982: Велимир Михајловић, *Посрбице од Орфелина до Вука, I том (Б–О),* Нови Сад: Матица српска.

Михајловић 1984: Велимир Михајловић, *Посрбице од Орфелина до Вука, II том (П–Ш),* Нови Сад: Матица српска.

Мршевић-Радевић 2008: Драгана Мршевић-Радевић, *Фразеологија и национална култура,* Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије.

Драгићевић 2018: Рајна Драгићевић, *Српска лексика у прошлости и данас,* Нови Сад: Матица српска.

Шуковић 1980: Радивоје Шуковић, *Црногорски алманаси и календари (Г. 1835–1914). Књижевноисторијска обрада са библиографијом,* Централна народна библиотека СР Црне Горе „Ђурђе Црнојевић“, Цетиње.

Шуковић 1987: Радивоје Шуковић, „Примјена Вукове језичке и правописне норме у црногорској штампи XIX вијека“, у: Зборник радова „Вук Стефановић Караџић и Црна Гора“. Радови са научног скупа одржаног 16. и 17. априла 1987, књига 16 Одјељења умјетности, Црногорска академија наука и умјетности, Титоград, 37–47.

PARTICIPLE CONSTRUCTIONS AND CONJUNCTIONS IN OLD CHURCH SLAVONIC

THOMAS DAIBER (GERMANY)

1. Syntactic incongruency

In Old Church Slavonic (OCS; 9th century Vita Constantini-Cyrilli = VC VIII: 20)

> (1) бесѣдовав' [Part pret act] же съ нимь и [Conj] оу҃чителнаа словеса прѣдложи [Aor]
> "conversing with him" /and/ "he imparted his edifying words"[1]

and Old Russian (OR; 15th century, Tale of Voivode Drakula, Lur'e 1964: 119, cf. 138, 169)

> (2) Купец же востав [Part pret act] и [Conj] обрете [Aor] злато
> gotten up the merchant /and/ found the gold

occur participle constructions which are connected to the main phrase by a coordinating conjunction и "and", thus forming a syntactical inconsequent construction. The participle preterite active (= PPa; 1: бесѣдовав', 2: востав) is a congruent attribute to the dropped grammatical subject онъ of the main phrase (1: [онъ] прѣдложи, 2: [онъ] обрете) but, by connection to the matrix sentence with a conjunction, the participle phrase appears to be an independent clause. Whereas in examples 1 and 2 the conjunction transforms a hypotactic into a paratactic construction, these syntactically incongruent constructions have to be distinguished from the syntactically congruent attributive use of participle phrases like in example (3) (OR, Volynskaja letopis', 1. quarter 15. c. [NKRJa]):

> (3) король же w̃ радостии воскочивъ [PPa] и [Conj] воздѣвъ [PPa] роу҃цѣ хвалоу҃ воздавъ [PPa] Боу҃ р(ч̑)е [Aor] слава тобѣ Г(с̑)и …
> the king, having jumped up with joy and having spread his hands, having given glory to God, said: Glory be thee, Lord…

Example no 3 contains three participles, all congruent with the explicit subject of the main phrase [3: король], and the conjunction coordinates the relation of the participle phrases to each other, not their relation to the main clause [рече]. It is tempting, however, in example no. 3 to understand the coordination of the participle phrases in a more pragmatic sense: 'jumping up' and 'spreading hands' are two separated actions, while 'giving glory' is not an action of its own, but specifies the communicative meaning of 'spreading hands'. Although syntactically possible, there is no conjunction between the participle phrases 'spreading' and 'giving', as if the lack of a conjunction stresses an adverbial-like meaning of a participle phrase, while - on the contrary

[1] Translation of Kantor/ White 1976: 23 in quotation marks with insertion of the syntactically disturbing conjunction. Translations without quotation marks are mine, ThD.

- an inserted conjunction would stress the communicative independence of the participle phrase, which eventually may lead to a separation of the participle phrase from the main clause (like in examples 1 and 2). In the various hand-written copies of texts a given sentence occasionally appears with or without the conjunction between participle phrase and main clause and it is unlikely to find a „hard" grammatical explanation for the phenomenon, but maybe there is a „soft" pragmatic explanation. For example, sentence no. 2 is represented in other copies of the text as

(2') купец (же) въстав, обрете злато (OR; Lur'e 1964: 131 apparatus, cf. 143)

and if the lack resp. the addition of a conjunction in comparing 2 and 2' has any effect on the utterance, the effect will be observable only as a facultative additional semantic shading within the overall regularities the construction under consideration normally appears in.

2. Linguistic descriptions

For the sake of shortness, we will indicate participle constructions, connected by a conjunction to the main clause like in examples 1 or 2, by the abbreviation „PPhrase+Conj". Sentences with PPhrase+Conj are „abweichend von dem heutigen Gebrauche" (Vondrák 1924, 2: 459), but occur very often in OCS and OR, so that their frequency does not allow for dismissing these constructions as either scribal errors or artificial calques (as Vaillant does; cf. Růžička 1959: 173p. or Kurz 1964: 122). The historical age of the construction is well attested by their occurrence in OCS (cf. examples in SJS: 696p) and PPhrase+Conj is expected in antecedent position relative to the main clause: вводит главное предложение после придаточной конструкции; не переводится (CVB: 244). Reading variants, showing both PPhrase or PPhrase+Conj without corresponding variants in the Greek original, are occasionally attested in texts which have been very conscientiously transferred, like in the oldest Slavic Bible translations (example taken from Kurz 1964: 122[2]):

[2] Kurz 1964 refers to Meillet 1928, who treats participle constructions, but not especially PPhrase+Conj. However, we have to discuss one argument by Meillet, which seems to be documenting a reading variant, where a participle alternates with a finite verb, either perfect tense or aorist. Meillet (1928: 48) reads in Codex Marianus Mt 25:24 събираѣ ѭдоуже не расточъ „gathering where thou hast not strawed", and, surprisingly, wants to read the aorist расточи („avec la graphie rastočŭ"), which in the case of Marianus can hardly be called an orthographic convention. Reading расто□чи in Marianus, Meillet points to the reading in Zographensis (Jagič 1954: 37) and Ostromir Evangelie (Vostokov 2007: 85) расточивъ, while in Codex Assemanianus the sentence „a été bien traduit par … *sŭbiraję jǫduže nĕsi rastočilŭ*". We seem to be presented with three reading variants for „you have not strawed": an aorist (не расточи), an analytic perfect (нѣси расточилъ), and a participle не расточивъ. But looking into Marianus, we find that the next sentence, which starts in Greek with the conjunction καί, is starting in Marianus with two /i/ and the edition of Jagič additionally shows a supralinear /l/ between them. So, the second /i, и/ is obviously the translation of Greek καί, while the first /i/ together with the supralienear /l/ results in reading *расточъ-ил, which contains all needed characters to be rearranged as расточилъ. Rearrangement of characters,

(3) отврѣзъ оуста еи. □ обрѧштеши статиръ (Mt 17:27, Cod, Marianus, ed. Jagič 1960: 60p.)
(3') отврѣзъ оуста е□. обрѧщеши статиръ (Mt 17:27, Cod. Zographensis, ed. Jagič 1954: 25)
(3") ἀνοίξας [PartAorAct] τὸ στόμα αὐτοῦ εὑρήσεις [IndFutAct] στατῆρα (Nestle/ Aland: 56)

The reading variants, which vary between PPhrase and PPhrase+Conj, indicate that PPhrase+Conj is not contributing to the truth-value of the proposition and, if it is not merely idiomatic, functions either as a discourse structuring or as a modality expressing particle.

While Potebnja (quoted in Bulachovskij 1958: 402) states in regard to the position of the conjunction, that „такого союза обыкновенно не бывает после причастия настоящего", Bulachovskij (ibid.) argues, that the reason for the preference of preterite participles as part of PPhrase+Conj is due to the narrative text type most example sentences are embedded in. Preference for preterite, at least documented in the examples from older stages of the Slavic languages, is corroborated by Grünenthal (1911: 8, 10) who notes, that „von zwei durch καί verbundenen Aoristen (selten Aorist und Imperfektum) wird häufig der erste durch das Partizip Perfekt wiedergegeben, wobei dann καί unübersetzt bleiben kann", adding in relation to PPhrase+Conj, that „auch bei der Übersetzung von Partizip mit folgendem finiten Verb häufig die Konjunktion /i/ dazwischentritt" (ibid.). Grünenthal explains with Jagič PPhrase+Conj as syntactic reanalyse („selbständig als Prädikat gefühlt", ibid. 9) and comments in view of the frequent substitution of a Greek aorist by a Slavic perfect participle, that in the very minority of the examples is observable „eine völlige, wahrscheinlich den Schreibern zuzuschreibende Vermischung beider" (ibid. 10). Take to this the remark of Kurz (1964: 124), that <i/ и> may not only be a conjunction,[3] and note, that the examples from the Slavic languages are not restricted to Church Slavonic or East Slavic:

(4) Stojąc przed nią i rzekł jej (Łoś 1907: 4)
standing before her /and/ he spoke to her

which are not exactly in place, is the price, the proposed reading variant расточилъ has to pay, but I would rather pay this price, than accepting расточъ as расточи; instead, by reading расточил in Codex Marianus we get the plausible developmental line нѣси расточил > with loss of auxiliary не расточил > with scribal error in discerning between <л> and <в> in supralinear position не расточив[ъ]. By inserting the verse number after расточъ, Jagič decided against the reading as l-participle расточил, but then, he should have explained the characters in the beginning of the next sentence. Without autopsy of manuscripts and consideration of the OCS text transmission, we cannot but hint to the possibility that the reading of Mt 25:24 in Jagič's edition could be erroneous. Therefore, we do not accept here Meillet's argument about participle use in Mt 25:24.

[3] „… il n'est pas juste de voir dans tous les exemples de ce type [= PPhrase+Conj, ThD] une simple conjonction copulative ou même une addition qui n'aurait plus de sens et qu'on pourrait supprimer. La présence d'une particule n'était naturellement pas obligatoire…"

3. Method

From the descriptions of PPhrase+Conj in linguistic literature we may conclude, that the use of PPhrase+Conj instead of PPhrase does not alter the proposition, and so it is not likely that a possible functional-semantic value of the triggering marker „Conj" will be topic of a query in a dialogue. PPhrase+Conj is mostly observed in a narrative context, where within a line of verbal expressions it may substitute any but the last verbal expression in the line. PPhrase+Conj appears in OCS texts, which are translated from the Greek without a visible trigger in the source language, therefore it is highly probable, that PPhrase+Conj is a genuine Slavic construction, although its use may be stylistically[4] influenced by the use of PPhrase in Greek.[5] The hint of Kurz (1964: 241), that <i/ и> besides its syntactic functioning as a conjunction „and" may have additional semantics, can be resumed with the help of ESSJa (8: 167), which lists semantic values like „also", „then" and „indeed", although the semantic variety of <i/ и> may not appear in any Slavic language to the same extent, and, additionally, will be very context-sensitive. In the following example from Polish

(5) Ten, który słucha słowa bożego a rozumie, i przyniesie owoc (Łoś 1907: 3)

the conjunction „i" can translated evenly by „also", „then" and „indeed" as if expressing a consecutively, almost causal connection between the action denoted by the participle and the resulting action denoted by the finite verb. But in example no. 4, also from Polish, the conjunction between PPhrase and the main clause can only be translated by temporal adverb „then". Methodologically, in the absence of a unified and morphologically tagged OCS corpus, we can only make cautious remarks about a possible semantic-pragmatic meaning of PPhrase+Conj.

4. Material

Another (cf. no. 3) example from the Slavic Bible displays PPhrase+Conj in the context of an explicit temporal order. „Immediately" („εὐθὺς/ εὐθέως = Alexandrian or Byzantine redaction > абье) after having left the river Jesus sees the heavens opening, and the adverb „immediately" suggestively connects baptism and vocation as if the forgoing action would determine the second:

(6) ι абье въсходѧ отъ воды, ι видѣ разводѧшта сѧ нб҃а (Mk 1:10, Cod. Marianus Jagič 1960: 116, Cod. Zographensis Jagič 1954: 47)

[4] „Bei den Partizipialkonstruktionen wird vielleicht am deutlichsten, daß die Untersuchung der Lehnsyntax im Altslavischen an Stiluntersuchungen angrenzt, ja von ihnen nicht getrennt werden kann" (Růžička 1959: 183) .

[5] Cf. Bentein 2013 in respect to the position of PPhrase+Conj („perfect participle shows a tendency to occur in pre-finite position", p. 11) an in respect to PPhrase+Conj substituting finite verb forms („should be qualified as instances of verbal periphrasis", p. 11).

Καὶ εὐθὺς/ εὐθέως ἀναβαίνων [PartPresAct] ἀπὸ τοῦ ὕδατος, εἶδεν/ εἶδε [IndAorAct; Alexandrian or Byzantine redaction] σχιζομένους τοὺς οὐρανούς …

Examples like no. 6 with explicit temporal connection between PPhrase and main clause appear to stress by the insertion of <i, и> not only temporal consecution (which would be redundant, after all), but rather underline, that there is „indeed" an expectable, intrinsic connection between the two actions. However, epistemic modality cannot be proven e nihilo, because explicative sentences are inherently uttered with a claim for truth, so „indeed" can be a facultative addition to an explicative sentence, but its lack does not prove any change in modality:

(7) ї оубоѣвъ сѧ шедъ съкрыхъ талантъ твои вь земи (Mt 25:25, Cod. Mar.)
„And I was afraid, and went and hid thy talent in the earth" (KJV)

Going through the examples listed in SJS (696) epistemic modality („indeed") is not applicable to all OCS instances of PPhrase+Conj; rather the syntactically dubious <i/ и> functions as a particle expressing the swift succession of two actions (like in no 6), and in the case, that PPhrase contains a preterite participle, PPhrase+Conj seems to support contexts, which include a change of affairs:

(8) вьси бо видѣшѧ и и вьзмѧшѧ сѧ (Mc 6:50, Cod. Marianus, ed. Jagič 1960: 139)
Вси бо видѣвъше ι . ι вьзмѧтошѧ сѧ (Mc 6:50, Cod. Zogr. ed. Jagič 1954: 57)
„For they all saw him, and were troubled." (KJV)

The situation in OR, where the participle achieves some syntactic independence (Bjørnflaten 2014), supports the interpretation of PPhrase+Conj as expression for the swift consecution of actions, perhaps adding the meaning „finally", which is absent in OCS:

(9) а заоутра рано воставше [PartPretAct] поидоша [Aor]. и перешедше [PartPretAct] рѣкоу до свѣта тоу же и дождаша [Aor] свѣта. [Volynskaja letopis', 1. quarter 15. c. (NKRJa)]
and having got up in the morning they went. And they went over the river before sunrise, where now they „finally" waited until its appearance.

Absent in OCS is the idiomatic use of PPhrase+Conj, found in East Slavic official documents:

(10)… яже пришедъ [PartPretAct] предъ наше обличьє, на имѧ ходоро шидловоскъи, … и продалъ [Pret] пану клюсови свою дѣднину … (Свидетельство львовского воеводы Мацины о покупках пана Клюса, Львов, 1400 [NKRJa])

(10')… иже пришедъ [PartPretAct] передъ насъ, панъ гервасъ, и вѣновалъ [Pret] и оправилъ [Pret] своюи женѣ варварѣ сто гривенъ … (Свидетельство старосты Бенка о том, что пан Гервас дает своей жене Варваре 100 гривен, Коломыя, 1398.09.13-1398.11.15 [NKRJa])

5. Conclusion

The construction „PPhrase+Conj + main clause" seems to express the swift succession of two (or more) actions. PPhrase+Conj focusses on the finite verb of the main clause as the communicative most important action or event, which appears as a result prepared by forgoing participle-actions. It can be speculated, if OCS PPhrase+Conj is a lingual strategy in a time, when verbal aspect becomes the dominant category, so that in a series of aorists it seemed stylistically appropriate to distinguish the perfective result (finite verb) from its preparing stages (participles).

LITERATURE

Bentein, Klaas (2013): Adjectival Periphrasis in Ancient Greek: The Categorial Status of the Participle. // Acta Classica 56, 1-28.

Bjørnflaten, Jan Ivar (2014): Agreement Loss and Decategorialization of Predicative Participles in Old Church Slavic. // Nomachi, Motoki/ Danylenko, Andrii/ Piper, Predrag (ed.): Grammaticalization and Lexicalization in the Slavic Languages. München, Berlin, Washington: Kubon & Sagner, 15-30. (= Die Welt der Slaven, Sammelbände 55)

Bulachovskij, Leonid Arsen'evič (1958): Istoričeskie komentarii k russkomu literaturnomu jazyku. 5. Aufl. Kiev: Radjans'ka škola.

CVB = Cejtlin, Ralja Michajlovna/ Večerka, Radoslav/ Bláhová, Emilie (ed.) (1994): Staroslavjanskij slovar' (po rukopisjam X - XI vekov). Moskva: Russkij jazyk.

ESSJa (1974-2021): Ėtimologičeskij slovar' slavjanskich jazykov. Praslavjanskij leksičeskij fond. Vyp. 1-42. Hrsg. von Oleg Nikolaevič Trubačev, Anatolij Fedorovič Žuravlev und Žanna Žanovna Varbot. Moskva: Nauka.

Grünenthal, Otto (1911): Die Übersetzungstechnik der altkirchenslavischen Evangelienübersetzung (Schluß). // Archiv für slavische Philologie 32, 1-48.

Jagić, Vatroslav (Ignatij Vikent'evič) (ed.) (1954): Quattuor Evangeliorum Codex Glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus [first print 1879]. Berlin: Weidmann, Graz: Akad. Verlagsanstalt.

Jagič, Vatroslav (Ignatij Vikent'evič) (ed.) (1960): Quattuor Evangeliorum versionis palaeoslovenicae Codex Marianus Glagoliticus characteribus cyrillicis transcriptum [first print 1883]. Graz: Akad. Verlagsanstalt.

Kantor, Marvin/ White, Richard S. (1976): *The Vita of Constantine and The Vita of Methodius. Introduction by Antonín Dostál*. Ann Arbor (MI): Univ. (= Michigan Slavic Materials 13)

Kurz, Josef (1964): Les particules *i, a, ti* etc. dans les constructions participales en Vieux Slave. // Revue des Études Slaves 40, 122-125.

Łoś, Jan (1907): O polskich partykułach i spójnikach. // Sprawozdania z posiedzeń i czynności Akademii Umiejętności w Krakowie 12/ 6, 2-6.

Lur'e, Jakov Solomonovič (1964): Povest' o Drakule. Issledovanie i podgotovka tekstov. Moskva, Leningrad: Nauka.

Meillet, Antoine (1928): La critique des textes vieux-slaves et le participe passé en -ivŭ. // Revue des Études Slaves 8/ 1, 46-49.

Nestle/ Aland = Aland, Barbara/ Aland, Kurt/ Karavidopoulos, Johannes/ Martini, Carlo M./ Metzger, Bruce Manning (ed.) (2012): Novum Testamentum Graece. Based on the work of Eberhard and Erwin Nestle. 28. edition. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft.

NKRJa = Nacional'nyj korpus russkogo jazyka; <https://ruscorpora.ru>

Růžička, Rudolf Erich Anton (1959): Griechische Lehnsyntax im Altslawischen. // Zeitschrift für Slawistik 3, 173-185.

SJS = Kurz, Josef/ Hauptová, Zoe (ed.) (1958-2015): Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae. Praha: ČSAV.
VC = Grivec, Franc/ Tomšič, France (ed.) (1960): Constantinus et Methodius Thessalonicenses. Fontes. Zagreb: Staroslovenski institut. (= Radovi staroslovenskog instituta 4)
Vondrák, Wenzel (1924): Vergleichende Slavische Grammatik. 2 vols. (1924, 1928). 2. edition. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. (= Göttinger Sammlung indogermanischer Grammatiken und Wörterbücher)
Vostokov, Aleksandr Christoforovič (Hrsg.) (2007): Ostromirovo evangelie 1056-1057 goda. Moskva: Jazyki slavjanskich kul'tur.

“КОСТЕЛ НАЧАТ ПОСТРОЙКОЙ” ON ONE PECULIAR USE OF THE RUSSIAN INSTRUMENTAL CASE

NIKITA MIKHAYLOV (SWEDEN)
Dalarna University

The set of the semantic functions expressed by the Russian Instrumental case has seemingly been thoroughly and extensively described both in the diachronic and the synchronic perspective. When it comes to modern Russian, one can cite, for instance, fundamental works by R. Mrazek (1964) and L. Janda (1993), the scholars who provide us with a comprehensive overview of interconnected meanings which form the semantic structure of that case. It is fair to say that to a high degree that set of functions takes its current shape by the early 1800s. During the period when the national literary language establishes itself, a number of older usages lose ground while some previously peripheral meanings of the Instrumental flourish and gain in frequency upstaging the competing structures (see Mikhaylov 2012).

However, while no major shifts have occurred during the past two hundred years, occasionally in the texts from that later period we can come across uses that are either rudimentary or, conversely, have been undetected previously and at the same time unknown in the current literary norm. In that respect, the work of a linguist is akin to the explorations of an entomologist who roams the jungle in search of undiscovered species. Some of those might look peculiar but are recognizable after a closer examination. Some, in the meantime, happen to be unidentified and puzzle even the most adept experts in the field.

One such example is a construction quoted in the title of the paper which will be the subject of the presentation. It includes a nominal subject, a past tense passive participle of a phasal verb (usually, short form: *начата*, *окончена*, *закончена*) and a noun in the Instrumental. There are also singular examples where the predicate is expressed by a personal form of a verb in the past tense, both reflexive and not. This construction sparsely appears in the texts throughout the eighteenth century but does not gain popularity until the 1880s. It grows in use during the next three or four decades before vanishing, almost completely, by the 1940s. Hereinbelow, I will attempt to answer two questions:

1. What are the possible origins and the essence of this construction?
2. What is the connection between the meaning of such Instrumental and the core semantics of this case?

The search in the Russian National Corpus (https://ruscorpora.ru/) gave the following results. The query “Word1: wordform = начат* | окончен* | закончен*; Word2: grammar = ins” provided 267 examples, with the earliest dated 1721:

> По ведомости из гарнизону **начата строением** каменным в 1712 году. [А. М. Макаров (ред.). *Гистория Свейской войны* (*Поденная записка Петра Великого*), 1698-1721].

Other examples from the 1700s (of which the total eight were discovered) include, among others, the following:

> Стокгольмской магазинъ **начатъ печатаніемъ** въ 1754 мъ году на Нѣмецкомъ языкѣ. [*Иностранные журналы равнаго съ нашимъ намѣренія. Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія*, 1755].
> Многие еще казармы по недостатку лубья **не окончены покрышкою** [Ф. Ф. Ушаков. *Из приказа о сохранении здоровья матросов и об улучшении их питания*, 1792].
> Неаполь и укрепления оного взяты; оставался только замок Сант-Ельм, который **начат атакою**, и совершенная надежда предвиделась в то ж время его взять. [Ф. Ф. Ушаков. *Рапорт Павлу I о занятии неаполитанских владений и намерении выйти с эскадрой из Корфу в Мессину для соединения с английской эскадрой*, 1799].

The use of such Instrumental becomes more notable by the end of the nineteenth century, and peaks in frequency in the years preceding and during World War I:

> Успенский собор, гордость тогдашней Москвы и «всея Русии», **был окончен постройкой** [Д. Л. Мордовцев. *Москва слезам не верит*, 1885].
> Посылаю тебе 30 руб. за «Сумерки», которые теперь уже **начаты вторым изданием**. [Ал. П. Чехов. *Письма Антону Павловичу Чехову*, 1888].
> Одной из московских кинематографических фирм **закончена съемкой** картина «Потоп» по Генриху Сенкевичу. [*Вести*, 1914].
> Аппарат будет поставлен на летном поле в особом ангаре, который уже **начат постройкой**. [*К полетам в Харькове* (1914.06.13) // «Утро» (Харьков), 1914].
> В составе плавающих судов боевого флота показаны, однако, и те, которые только что были **окончены постройкой** или **ремонтом** [А. Ф. Редигер. *История моей жизни*, 1918].

For the most part, such usage appears in newspapers and magazines, though some examples are extracted from memoirs, letters and even fiction. Whatever the source, this use persists in the first Soviet decades but wanes out in the 1940s. Here are a few examples from that period:

> Но прошло 5 месяцев, а мой роман все еще **не начат печатанием**. [К. И. Чуковский. *Дневник 1922–1935*, 1926].
> В Министерстве Финансов был уже **окончен разработкою** вопрос о тарифных льготах по доставке русских товаров в Харбин. [В. Н. Коковцов. *Из моего прошлого*. Части 1–4, 1933].
> Товарищ Сталин в сопровождении товарищей Орджоникидзе и Кагановича посетил **законченный постройкой** Перервинский шлюз. [А. М. Румянцев. *Голубая магистраль столицы* // «Наука и жизнь», 1947].

After that, it disappears almost without a trace – with one notable exception to be discussed later. There is anecdotal evidence of this construction being used in the past fifty years, but the meagre number of such examples (four) dated 1970-2001 allow us to say that nowadays it is virtually unknown among the functions of the Instrumental:

> **Начатая постройкой** в канун Отечественной войны 1812 года, она была завершена спустя три года после триумфального вступления русских войск в Париж. [Ю. Александров. *Москва заповедная*, 1987].
> Напротив на целый квартал растянулось недавно **законченное постройкой** и еще не заселенное здание. [Л. Юзефович. *Костюм Арлекина*, 2001].

The construction is context-bound as it is used to describe very specific processes; primarily, printing, constructing, repairing and filming. Almost eighty percent of the words marked by the Instrumental are from this list: *печатание*, (*по*)*стройка*, *съемка* or *постановка*. The parallel construction where the aforementioned nouns function as a subject or an object in the Accusative is also used, though less frequently. Sometimes the competing structures appear alongside each other:

> Органъ военнаго вѣдомства, «Русскій Инвалидъ», далеко не **докончилъ печатаніе** списковъ военноплѣнныхъ […] и **окончилъ печатаніемъ** только списки умершихъ въ плѣну [Е. А. Бухе. *Военноплѣнные. Обзоръ дѣятельности Центральнаго справочнаго Бюро во время Русско-Японской войны*, 1907].

Searching for the origins of such use might simultaneously shed light on how this specific meaning of the Instrumental fits into the overall semantic scheme of the case. My hypothesis is that it emerges as a variation of what Roman Mrazek [1964: 45] describes as a "device (method, way, process)" which is naturally connected to the instrumental semantics, central for that case. "Constructing" a building or "printing" a book was seen as the initial stage of the process, which leads to the full-fledged functionality of that object. Gradually, the sphere of use is expanded to cover not just the starting point but also the closing one. Even syntactically, the use of the Instrumental with a passive participle was not a novelty, as it had rapidly become the primary means of marking an agent in passive constructions during the 1700s.

However, lexical restrictions limit the "lifespan" of this construction, as from the 1910s expressing similar semantics by means of a competing phrase become all the more popular and eventually, they completely force out the Instrumental. Examples as quoted below gradually become the norm:

> **Постройка** музея **окончена**. Декоративные украшения окончатся в январе [*Московская газета копейка*, 1911].
> **Сборка** этого дирижабля **будет закончена** перед Пасхой [неизвестный. *Воздухоплавание* (1911.04.04) // «Новое время», 1911].
> Была **постройка** маяка, наконец, **окончена** [С. А. Семенов. *Предварительная могила*, 1924].

In present-day language, however, the remnants of such Instrumental can be discovered in one very specific type of sources. It is "a go-to" means of signalling the start/end of the

construction of warships in online blogs of the military enthusiasts or in Wikipedia pages devoted to the navy:

> Головной корабль серии «Рубин» (заводской номер 501) **был завершен постройкой** на предприятии в 2009 году [https://bmpd.livejournal.com/2627446.html].
> **Закончен постройкой** третий французский корабль типа Mistral [https://bmpd.livejournal.com/33812.html].
> Marengo — 120-пушечный линейный корабль, **начат постройкой** в 1807 как *Marengo*, спущен на воду в 1851 как *Ville de Paris* [https://ru.wikipedia.org/wiki/Маренго_(корабль)].

While the blogs are multiple, many of the entries are reposts without any indications of the authorship and original source, so it is hard to say whether the use of such Instrumental is a personal preference of one author, or whether this is a set expression widely accepted and used in the community. What is interesting, though, is that a rather obscure and dated usage, which vanished from the mainstream media almost a hundred years ago, lives on in sources devoted to cutting-age military technology.

REFERENCES

Janda, L. A. (1993). *A Geography of Case Semantics. The Czech Dative and the Russian Instrumental*. Berlin-New York: De Gruyter Mouton.

Mikhaylov, N. – Михайлов, Н. (2012). *Творительный падеж в русском языке XVIII века*. Uppsala: Uppsala universitet.

Mrazek, R. – Мразек, Р. (1964). *Синтаксис русского творительного (Структурно-сравнительное исследование*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství.

ЗНАЧЕНИЯ НА ДАТЕЛНИЯ ПАДЕЖ В СТАРОЧЕШКИ В СРАВНЕНИЕ СЪС СРЕДНОБЪЛГАРСКИ. ДАТЕЛЕН ПАДЕЖ С ЛОКАЛНА ФУНКЦИЯ – БЕЗПРЕДЛОЖНА СПРЯМО ПРЕДЛОЖНА УПОТРЕБА

Мая Радичева (България)
Софийски университет „Св. Климент Охридски“

Интерпретацията на значенията на Дателния падеж (по-нататък също „ДП“, Датив) често е предмет на сравнително-исторически анализи, разглеждащи различни етапи от развитието на един или няколко славянски езика, но за разлика от други падежи като Творителен, Винителен и Местен (по-нататък и само „ТП“, „ВП“ и „МП“/Локатив), на които са посветени отделни изследвания, например Творительный падеж в славянских языках (1958), която е дело на авторски колектив, както и монографиите Локатив в славянских языках (1961) на В. Топоров и Винительный падеж в восточнославянских языках (1966) на Д. Станишева, ДП е обект на студии, статии и други научни изследвания, чийто предмет са единични употреби (значения) на този падеж, често определяни като необичайни за семантиката на ДП, както и конструкции, при които в съвременните славянски езици се използват други падежи. Тук безспорно се откроява т.нар. „Дателен притежателен“, наричан още дателен падеж в генитивна функция, който не спира да привлича езиковедите. Много от научната продукция, свързана със семантиката на ДП, е посветена на староруски. Поглеждайки към диахронните изследвания, свързани с ДП, няма такива, които да се занимават със сравнение между отделни славянски езици, а поради факта, че съвременният български е аналитичен, липсват изобщо езиковедски опити за сравнение с други езици, по-конкретно с чешки. Случва се дори така, че едни и същи значения на ДП се представят като характерни само за един от славянските езици в определен период/периоди от съществуването му.

В уводната част на доклада се прави преглед на някои от значенията на Дателния падеж според различни падежни теории и класификации – класическата теория за падежната многозначност, теорията за общото падежно значение на Р. Якобсон, валентната теория на Л. Тениер и чешкия принос в нея, теорията за дълбинните падежи на Чарлз Филмор, теорията за повърхнинните падежи на А. Вежбицка и др., като се мотивира изборът на теорията за падежната многозначност като релевантна в диахронния езиков анализ. Обръща се внимание на затрудненията при класификацията на падежните значения, свързани с невъзможността за абсолютно разделяне на синтаксис и семантика.

Основната задача на доклада е да се представи една от семантичните употреби на дателния падеж – Дателен безпредложен със значение за направление и по-конкретно с локална функция – в среднобългарски и старочешки. Използва се хронологизацията на М. Младенова за чешки език и на К. Мирчев за български. Пространственото значение на ДП без предлог се счита за по-архаично и в последствие изместено от предложни конструкции с ДП или от други падежи, например Родителен падеж за насочено движение, Винителен безпредложен или с предлог „в“ в съвременния чешки език.

Основните примери са ексцерпирани от Хрониката на така наречения Далимил (Kronika tak řečeného Dalimila) и от Троянската повест, която е част от Манасиевата хроника, съответно старочешки и среднобългарски паметници от XIV в. Разглежда се и съотношението между използваните безпредложни и предложни конструкции, като се изхожда от мнението на Д. Станишева, че „преминаването от безпредложни към предложни падежи е един от най-важните процеси в историята на славянските езици, довело до съществени изменения в славянската синтактична система.“ (Станишева 1964).

За старочешки се разглеждат три групи конструкции в зависимост от съществителните имена, използвани в ДП: 1. Безпредложен ДП, изразен чрез съществителни имена или местоимения, обозначаващи имена на лица, 2. Безпредложен ДП от съществителни нарицателни имена; 3. Безпредложен ДП, изразен чрез имена, представляващи имена на градове или други топоними. Тук се използва класификация, предложена от Д. Станишева. За всяка отделна група се прави сравнение с използваните в съвременния чешки език конструкции (безпредложни и предложни) с идентична семантика.

За среднобългарски се анализират четири групи синтагми: 1. С глаголи, изразяващи движението по конкретен начин; 2. Конструкции с безпредложен ДП при глагол със значение „изпращам известие“, без да се посочва посредникът; 3. един пример с абстрактно значение за движение; 4. Безпредложен ДП от местоимения. За среднобългарски се следва класификацията на К. Мирчев. Тук се съпоставя съотношението на безпредложни към предложни конструкции в текста на Троянската притча, което следва да се разглежда и като маркер за евентуалното отстъпление на падежни конструкции в среднобългарския език.

В края на доклада посочените примери за старочешки и среднобългарски се съпоставят и се правят изводи за употребата на безпредложен ДП с локална функция в сравняваните езици. За пълнота са добавени и примери от староруски и старосръбски, които са цитирани в съответствие с използваната литература.

Текстът завършва с представяне на резултатите в табличен вид.

ИЗПОЛЗВАНА И ЦИТИРАНА В ДОКЛАДА ЛИТЕРАТУРА

Буюклиев 1980: Буюклиев, И., Манасиевата хроника и проблемите на българския книжовен език през Средновековието, В: Старобългарска литература, 6, София, 1980, стр. 25-49

Буюклиев 1992 (1): Хрониката на Константин Манаси. Зората на българската епика. Университетско издателство „Св. Климент Охридски", София, 1992

Вежбицка 1985: Вежбицка Анна, Дело о поверхностном падеже, The case for surface case, Karoma publishers, Inc., Ann Arbor 1980. В: Новое в зарубежной лингвистике, в. XV, Москва, 1985, стр. 303-341

Гебауер 1929: Gebauer, J., Historická mluvnice jazyka českého, díl IV Skladba, Praha, 1929

Гешев 1990: Гешев, В., Аналитизъм, безпадежност, изолация, дераматикализация, В: сп.Български език, 1990, №4, стр. 293-306

Гешев 2000: Гешев, В., За падежното значение в среднобългарския превод на Троянската повест, В: Acta Palaeoslavica, vol.1, София, 2000, стр. 63-75

Гешев 2008: Гешев, В., Инвариантно значение или значение, обусловено от контекста: в търсене на смисъла на падежната морфема, В: В търсене на смисъла и инварианта, Сборник в чест на 80-годишнината на проф. Дина С. Станишева, София, 2008, стр. 19-41

Далимилова хроника 1977: Kronika tak řečeného Dalimila, Praha, Svoboda, 1977

Данхелка 1988: Daňhelka, J., Hádek., J., Havránek, B., Kvítková, N., Staročeská kronika tak řečeného Dalimila, sv. 1,2, Praha, Akademika, 1988

Дуриданов 1956: Дуриданов, И., Към проблемата за развоя на българския език от синтетизъм към аналитизъм; В: Годишник на СУ, Историко – филологически факултет, 51, 1956, № 2, стр. 85-273

Дуриданов 1957: Дуриданов, И., Пътят на българския език от синтетизъм към аналитизъм, В: сп. Български език, 1957, №1, стр. 5-18

Дуриданов 1981: Дуриданов, И., Основните проблеми на българския език, В: сп. Български език, 1981, № 5, стр.5-18, стр. 393-406

Леков 1968: Леков, И., Кратка сравнително – историческа и типологическа граматика на славянските езици, БАН, София, 1968

Манасиева хроника 1988: Среднеболгарский перевод хроники Константина Манасии в славянских литературах, София, БАН, 1988

Минчева 1963: Минчева, А., За произхода на дателния падеж в генитивна функция в българския език.- Славистичен сборник, София, 1963, стр. 105 – 129

Мирчев 1968: Мирчев, К., За синтетизма в Троянската повест, В: сп. Български език, 1968, №4-5, стр. 373-385

Мирчев 1978: Мирчев, К., Историческа граматика на българския език; трето издание, София, 1978

Младенова 2000: Младенова, М., Чешки език, Втори (старочешки период) XIII – XVI в., В: История на славянските езици, т.1, Западни славяни, стр. 63-109

Потебня 1888: Потебня, А. А., Из записок по русской грамматике, I – II, Харьков, 1888

Радичева 2013: Радичева, М. Значение на падежните грамеми в старочешки в сравнение със среднобългарски, Полиграфюг, Хасково, 2013

Станишева 1964: Станишева, Д. Беспредложный дательный и винительный локальной функции в славянских языках. Известия на института по български език, кн.11, София, 1964
Станишева 1966: Станишева, Д., Винительный падеж в восточнославянских языках, Москва, 1966
Станишева 1981: Станишева, Д., Падежът като граматична и семантична котегория. (Към въпроса за специалните признаци на аналитизма в българския език), В: Развитие на българския език от IX до XX в., София, 1981, стр. 95-102
Творительный падеж 1958: Творительный падеж в славянских языках, Москва, 1958
Шимек 1947: Šimek Fr , Slovníček staré češtiny, Orbis, Praha, 1947

СТРУКТУРА ПРИЧАСТНЫХ КЛАУЗ В КАНОНИЧЕСКОМ СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ: СОЧИНЕНИЕ И ПРЕДШЕСТВОВАНИЕ В ГЛАГОЛЬНЫХ ЦЕПОЧКАХ

ЕЛЕНА СВЕДЕНЦОВА

Старославянский синтаксис не только унаследовал от греческого κοινή полифункциональность причастий, но и расширил их функционал. В канонических старославянских текстах в одних случаях можно наблюдать процесс «отпарывания» (термин Р. Ружички) причастных клауз при переводе, в других — использование их как самостоятельной конструктивной единицы для построения текста.

С целью понять логику синтаксического членения полипредикативных конструкций на клаузы, в качестве исходного было предпринято мини-исследование. Намеренно были взяты полипредикативные конструкции, удовлетворявшие единственному критерию — соседству причастной клаузы и клаузы, организованной личной формой глагола. При выделении типов конструкций учитывались только глагольные формы и актанты, соответствующие S/A-участнику. Конструкции распределились по следующим группам.

Табл.1. Типы глагольных цепочек с причастиями в Мф 3, 9–12, 50
(Зографское, Мариинское Четвероевангелия, Ассеманиево Евангелие и Саввина книга)

	Полипредикативные конструкции	Количество употреблений в Мф 3, 9–12, 50
(I)	$Prt - N_{S/A} - Vb_{fin}$	23
(II)	$N_{S/A} - Prt - Vb_{fin}$	14
(III)	$Vb_{fin} - N_{S/A} - Prt$	4
(IV)	$N_{S/A} - Vb_{fin} - Prt$	3
(V)	$Prt - \varnothing_{S/A} - Vb_{fin} - \varnothing_{S/A}$	20
(VI)	$Vb_{fin} - \varnothing_{S/A} - Prt - \varnothing_{S/A}$	5
(VII)	$Prt_{Dat} - N_{Dat\text{-}S/A\text{-}i\text{-}} - Vb_{fin} - N_{S/A\text{-}ii}$	10

Это распределение было сделано вручную на сплошной выборке из десяти глав Евангелия от Матфея (главы 3,9–12,50) четырех канонических старославянских текстов. Даже на этих небольших цифрах видно, что по крайней мере для жанра евангельского

повествования нейтральным является порядок слов Prt – $N_{S/A}$ – Vb_{fin}. Этот тип причастных конструкций самый частотный.

(1а) [3] ѥ҆ простьръ ⟨вытянуть.PFV.ACT.**PART.PST**.M.SG.NOM⟩ рѫкѫ и҃с· коснѫ ⟨коснуться.PFV.ACT.**AOR**.3SG⟩ и г҃лѧ· хоштѫ ѥ҆штисти сѧ· (Зогр.)

‘И вытянув руку Иисус, коснулся его, говоря: «Хочу, очистись.»’ — Мф 8, 3

Р. Ружичка и Е. С. Истрина считали конструкции с морфологически выраженным субъектом ситуации в постпозиции (и препозиции, см. ниже) к причастию устойчивыми структурами вообще для старославянских текстов. Оба автора говорят о непосредственной связи причастия и субъект, об объединении их в одну синтагму. Так, Р. Ружичка пишет:

> Причастие и субъект занимают в предложении одну позицию, которая в общем может быть охарактеризована термином «изолированная синтагма... Хотя причастие не состоит в атрибутивном отношении к субъекту, оба объединяются в одну синтагму, которая связывается с предикатом в предложение только как целое и как целое противостоит предикатной синтагме»” [Růžička 1963: 21].
> «Непосредственное следование друг за другом причастия и субъекта, в общем и целом, настолько постоянно, что оно является (abgibt) критерием для обсуждаемого синтаксического членения» [Růžička 1963: 28].

Иначе говоря, более точное изображение схемы конструкции типа (I): Prt (жg) — $N_{S/A}$ ¦ $\varnothing_{S/A}$ —Vb_{fin}

Интересно, что для типа конструкций с выраженным после причастия A/S-участником в четырех канонических старославянских текстах нет разночтений, в греческих же списках есть разночтения: редко (на материале 10-ти глав в 4-х случаях) A/S-участник после причастия не выражен. (1б), соответствующий приведенному выше старославянскому, показывает, что в одних греческих списках он морфологически не выражен, в других — присутствует, но после личной формы глагола, в клаузе, соседней с причастной:

(1б)καὶ	ἐκτείνας		τὴν	χεῖρα	ἥψατο
И	вытянуть.PART.AOR.IND.ACT.M.NOM.SG		ART.F.SG.ACC	рука.F.SG.ACC	касатьсяMED.AOR.3SG
αὐτοῦ	**[Ἰησοῦς]**	λέγων		θέλω	καθαρίσθητι
он.GEN	**Иисус**	говорить.PRT.PRS.IND.ACT.M.NOM. SG		хотеть.PRS.IND.ACT.1SG	IMP.AOR.PASS.2SG

‘И вытянув руку, коснулся его **[Иисус]**, говоря: «Хочу, очистись.»’ — Мф 8, 3

Порядок слов (II) $N_{S/A}$ – Prt – Vb_{fin} представляет эмфазу S/A-участника, которая определяется не порядком слов внутри данной цепочки, а по отношению к предыдущему / последующему высказыванию. Она обслуживает отношения более крупных

контекстов: противоположность и противоречивость, а также подчёркнутую одновременность действий разных субъектов, акцентирование меняющегося субъекта (например, в диалоге). Этот порядок также может служить для анафорической идентификации, для выделения одного из уже названных участников, для вновь вводимого субъекта [Růžička 1963: 30, 36, 38-39].

Так, в (2) нейтральный порядок Prt – $N_{S/A}$ – Vb_{fin} **шедъша** ⟨идти.IMPV/**PFV**.ACT.**PART**.**PST**.M.DU.NOM⟩ **же она прослависте** ⟨прославить.PFV.ACT.**AOR**.3DU⟩ ослабил бы противопоставление субъектов/ действий, наблюдаемое в тексте Зографского Четвероевангелия [Růžička 1963: 32]:

(2) [30] **ι отвръзосте сѧ очи ı̓ма· ı̓ запрѣти ı̓ма и҃с· гл҃ѧ· бл҃юдѣта да никтоже не оувѣстъ·** [31] **она же шедъша прослависте и по всеи земи тои·** (Зогр.)
'И открылись глаза их. И запретил им Иисус, говоря: «Смотрите, чтобы никто не узнал. **Они же, выйдя, разнесли молву** о Нем по всей земле той' — Мф 9, 30–31

Далее, интересны порядки (V) Prt – $\varnothing_{S/A}$ –Vb_{fin} – $\varnothing_{S/A}$ и (VI) Vb_{fin} – $\varnothing_{S/A}$ – Prt – $\varnothing_{S/A}$. В них ярче всего видна нормальная для старославянских текстов нулевая анафора. По количеству употреблений (20 и 5 соответственно) они конкурируют с прокомментированными выше.[1]

(3) [1] **тогда и҃с възведенъ бъıстъ д҃хомь въ поустъıн҃ѭ· ı̓скоусити сѧ отъ неприѣзни·** [2] **ı̓ пошть сѧ** ⟨поститься.IPFV.ACT.**PART**.**PST**.M.SG.NOM⟩ **дьниı ·к҃· ı̓ ноштиı послѣдь възлака** ⟨взалкать.PFV.ACT.**AOR**.3SG⟩· (Зогр.)

'После Иисус возведён был Духом в пустыню искуситься от дьявола. И **постившись** 40 дней и ночей, ⟨Он⟩ потом **взалкал**' — Мф 4, 1–2

Вполне вероятно, что именно эта конкуренция, несмотря на то, что причастные клаузы существовали как независимые предложения и зафиксированы в таком качестве в старославянских, древнерусских, а позднее в украинских и белорусских текстах [Večerka 1959: 38; Růžička 1963: 227; Мельничук 1958; Сведенцова 2019: 158–159; 2022], и стала решающим фактором в диахронически более поздней перестройке синтаксического членения типа (I).

Приняв такое синтаксическое членение глагольных цепочек с причастиями, далее сравним нарративные (=сочинительные) причастные клаузы (4) и адвербиальные с функцией предшествования (1а), (3).

[1] Порядки (III), (IV) малочисленны. В этом тексте оставляем их без комментариев.

(4) [14] **Тъгда шьдъ** ⟨идти.IMPV/PFV.ACT.**PART.PST**.M.SG.NOM⟩ **единъ отъ обою на десмте нарицаемъı їюда їскариотьскъı· къ архиерѣомъ** [15] **рече** ⟨говорить.IPFV/PFV.ACT. **AOR**.3SG⟩ **· чьто хощете ми дати· і азъ вамъ прѣдамь и· ѻни же поставишм емоу ѯ съребрьникъ·** (Зогр.)

'Тогда **пошёл** один из двенадцати, называемый Иуда Искариотский, к первосвященникам (и) **сказал**: «Что хотите мне дать, и я вам предам Его?» Они же назначили Ему тридцать сребренников' — Мф 26, 14

Сам факт существования причастного нарратива (= сочинения) в старославянском языке лучше всего, на наш взгляд, доказывает то, что причастия в формах именительного падежа могут организовывать клаузы и в разносубъектных конструкциях.

(5) **Въ онѣ. пришъдъ** ⟨прийти.PFV.ACT.**PART.PST**.M.SG.NOM⟩ **ї̄с̄ въ каперънаоумъ. припаде** ⟨броситься.в.ноги.PFV.**AOR**.3SG⟩ **емоу. сътьникъ. молѧ їего и г̄л̄а̄...** (Савв.; л.34об.–35)[2]

'Некогда **пришел Иисус** в Капернаум, **бросился в ноги** Ему **сотник**, умоляя Его и говоря…' — Мф 8, 5

На материале сплошной выборки причастий прошедшего времени по тексту Ассеманиева Евангелия (Мф) доля сочинительных клауз с этими причастиями оказалась приблизительно 7-9 раз меньше (5+[?]3), чем суммарное количество причастий с таксисными функциями предшествования (32) и контактного предшествования (10).

Обнаружилась следующая тенденция. Порядок слов в причастных нарративных последовательностях, равно как и в нарративе, построенном на сочинении «личноглагольных» клауз, часто тот же, что в структурном типе (I). Заметим, что это является аргументом в пользу синтаксического членения Prt — $N_{S/A\text{-}i}$ ¦ $\varnothing_{S/A\text{-}i}$ —Vb_{fin}, предложенного Р. Ружичкой более чем полвека назад. Иначе говоря, типы (I), (II), в нашем исходном мини-эксперименте в большинстве случаев передающие предшествование, являются близкими по отношению к типичным причастным нарративным цепочкам.

Степень сближения может доходить до ситуаций, когда непросто принять решение, какое значение передают причастия: имеет ли хотя бы одно из них значение предшествования или все причастия перед личной глагольной формой следует считать

нарративными, как **бъıвъ** и **видѣвъ** в цепочке **бъıвъ на томь мѣстѣ· пришьдъ· і видѣвъ і мимо їде·**

(6) [31] **по прикл҃ючаю же· їерѣı ѥтеръ· съхождаѧше пѫтьмь тѣмь· і видѣвъ** ⟨видеть.IPFV/**PFV**.ACT.**PART.PST**.SG.M.NOM⟩ **і мимо їде** ⟨идти.мимо.IPFV/**PFV**.ACT.AOR.3SG⟩**·** [32] **такожде же і лев҃итъ· бъıвъ** ⟨быть.IPFV.ACT.**PART.PST**.SG.M.NOM⟩ **на томь мѣстѣ· пришьдъ** ⟨подойти.PFV.ACT.**PART.PST**.SG.M.NOM⟩**· і видѣвъ** ⟨видеть.IPFV/**PFV**.ACT.**PART.PST**.SG.M.NOM⟩ **і мимо їде** ⟨идти.мимо.IPFV/**PFV**.ACT.**AOR**.3SG⟩**·** (Зогр.)

‘Случайно же один священник спускался той дорогой и, увидев его, прошёл мимо. Также и левит, **«быв»** на том месте**, подошёл**, **увидел** и **прошёл мимо’**[2] — Лк 10, 31–32

Подобные случаи — но только «внешне» — обнаруживают обычное для языков с цепочечными структурами положение дел, когда различение подчинения / сочинения несущественно [Longacre 1985: 239]. В этих языках такие альтернативные выражения, как англ. *After chopping the wood, John carried it to his house* ’После того как Джон нарубил дров, он отнёс их в дом’ и *John chopped the wood and carried it to his house* ‘Джон нарубил дров и отнёс их в дом’ **оба** передаются биклаузальной конструкцией, состоящей из клаузы с медиальным глаголом и следующей за ней клаузы с финальным глаголом. К внешне сходному результату приводят разные механизмы: в языках с цепочечными структурами для выстраивания таких структур не-финальные глаголы «облегчаются» до медиальных, старославянские же глагольные цепочки с причастными клаузами имеют сходный результат за счет расширения функционала причастий.

Как отличить цепочки с нарративными причастиями от полипредикативных же конструкций с адвербиальными причастными клаузами, если морфосинтаксически они неразличимы, вплоть до одинакового действия механизмов эллиптирования актантов и редукции? Вероятно, решающим критерием для идентификации таксисных форм и форм, «продвигающих» повествование, остается одно-/разноплановость с дискурсивной точки зрения, увидеть которую помогает в одних случаях сочетаемость/ конфликт предикатных значений и грамматика текста, в других — обращение к коммуникативной организации фрагментов текстов, в третьих только фоновые знания о ситуациях.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо
ACC — аккузатив
ACT — актив
AOR — аорист
ART — артикль
DU — двойственное число
F — женский род
GEN — генитив
IMP — императив
IMPF — имперфект
IND — иииндикатив
IPFV — имперфектив
M — мужской род
MED — медий

[2] Греч.: [γενόμενος]... ἐλθὼν καὶ ἰδὼν ἀντιπαρῆλθεν ‘букв:‘случившийся… пришедший и увидевший прошёл другой стороной дороги’.

NOM — номинатив
PART — причастие
PASS — пассив
PFV — перфектив
PL — множественное число
PRS — настоящее время
PFV — перфектив
PST — прошедшее время
SG — единственное число

ЛИТЕРАТУРА

Růžička 1963 — Růžička R. Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhältnis zum Griechischen. Berlin: Akademie-Verlag, 1963.

Večerka 1959 — Večerka R. Ke genesi slovanských konstrukcí participia praes. act. a praet. act. I. In: Sborník prací filosofické fakulty brněnské universtity, Brno, řada jazykovědná A, A7, 1959, s. 37 – 49.

Истрина 1923 — Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи // С. Ольденбург (секр.). Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук 1919 г. Т. 24. Кн. 2. Пг.: Рос. гос. акад. тип., 1923. С. 1–172/

Мельничук 1958 — А.С. Мельничук. Развитие предикативного употребления причастий на *-(в)ъ, -(в)ъш-* в восточнославянских языках // Слов'яньске мовознавство, т.1. Київ, 1958. С. 91–159.

Сведенцова 2019 — Сведенцова Е. А. Сериализованные конструкции в старославянском языке // Балто-славянские исследования – XX: Сб. науч. трудов. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 144–199.

Сведенцова 2022 — Сведенцова Е. А. Относительная и абсолютная независимость старославянских старославянских причастных клауз и расподчинение // Opuscula linguistica Magistro sapientissimo dedicata. Сборник статей к 90-летию Виктора Самуиловича Храковского / Д.В. Герасимов, С.Ю. Дмитренко, Н.М. Заика, С.С. Сай (ред.). СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 197–207.

КА РЕКОНСТРУКЦИЈИ ФУНКЦИЈА ПСЛ. **SVOJЬ*

ЈАСМИНА ГРКОВИЋ-МЕЈЏОР (СРБИЈА)
Српска академија наука и уметности

У раду се, на основу анализе историјске грађе словенских језика, реконструишу функције прасловенске заменице **svojь*, која, према традиционалном становишту, упућује на субјекат у локалном домену. Историјске потврде из словенских језика, иако ретке, показују да је њена функција била шира од тога, будући да је (ређе): а) била кореферентна и с другим синтаксичким конституентом у локалном домену и б) коришћена и за даљинску рефлексацију, најчешће у логофоричким конструцијама. Ово се илуструје примерима из старословенског и све три групе словенских језика, нпр.: а) струс. нє хотѣ ити но поноудиша и братья своя и моужи свои; стчеш. svú vinu jemu v lepšie obrátil; стхрв. nastanismo poštovanoga Matu Fiolića i svojim mlajšim bratom Pantom; б) струс. полѣле(!). новъ.городъ. взѧти товаръ. своєи. братьи; стчеш. král poče prositi, aby mu svú vinu odpustil; стсрп. рьци привести семо свою хкерь.

Поређење словенске ситуације са стањем у старим индоевропским језицима показује да се у њима одговарајућа заменица јављала у истим синтаксичким позицијама, нпр. стинд. mahā́m ádrim ... nutthā́ ... sádasas pári svā́t; грч. ‘Οὖτιν ἐγὼ πύματον ἔδομαι μετὰ οἷς ἑτάροισιν; лат. Paetus ... omnes libros quos frater suus reliquisset mihi donavit, што упућује на заједничко, праиндоевропско исходиште датих образаца али и на првобитно другачију улогу форме **su̯o*-. Одговор на питање шта је била њена изворна функција у делу индоевропских језика назире се од времена младограматичара: она је била кореферентна са „Hauptperson des Satzes“, обично субјектом (Brugmann, Delbrück 1911), односно (макро)темом, уколико се она разликује од субјекта (Watkins 1976; Puddu 2007). У складу с тим је и чињеница да се у случајевима даљинске кореференције јавља у логофоричким конструкцијама, будући да се логофоричност сматра подврстом феномена синтаксичке емпатије, при чему је партиципант који је предмет емпатије близак по својим својствима теми (Kuno, Kaburaki 1977).

Заменица **su̯o*-, која је најпре упућивала на (макро)тему, временом је губила ову функцију и развијала се у посесивно-рефлексивну заменица, ограничавајући се на кореференцију са субјектом у локалном домену. Рефлексивну функцију најпре је стицала у случајевима поклапања субјекта и теме, а ова тенденција је ојачавала како су се губили

различити облици „контроле теме“ (Vine 1997). Дати процес упућује на развој система у којем је проминентна тема у систем у којем је проминентан граматикализовани субјекат (Lehmann 1976). Узрок томе би се могао наћи у промени језичког типа: од језика са семантичким ка језику/језицима са синтаксичким устројавањем, као последици развоја синтаксичке транзитивности, при чему се семантички условљене дискурсне структуре развијају у граматикализоване синтаксичке структуре. Рађање реченице с аргументском структуром укључивало је и развој *sʒo- у посесивно-рефлексивну заменицу. У том светлу треба посматрати чињеницу да псл. **svojь**, као и одговарајуће заменице у другим индоевропским језицима, постепено губи способност да се везује за несубјекатске конституенте у реченици и способност даљинске рефлексације. Такође и чињеницу да се временом посесивне заменице за 1. и 2. лице шире на рачун посесивно-рефлексивне заменице, чиме се уклања могућа двосмисленост; другим речима, контекстуална интерпретација, карактеристична за семантичко устројавање исказа, замењује се синтаксичким устројавањем, којим се семантичка структура пројектује у фразну.

Иако је у старословенском и историјској грађи словенских језика посесивно-рефлексивна заменица **svojь* доминантно кореферентна са субјектом, трагови старијих синтаксичких образаца у којима је она била кореферентна с темом исказа, било да је реч о неупућивању на субјекат у локалном домену или о случајевима даљинске рефлексације у логофоричким контекстима и кодирању континуитета теме у дужем исказу, сведоче о старијим језичком обрасцима. Имајући у виду градуелност и дуготрајност типолошке промене те, у складу с тиме, и развоја синтаксичког система, може се с правом претпоставити да су дате структуре, чије је исходиште праиндоевропски језик, у ранијем прасловенском биле шире заступљене.

Кључне речи: историјска синтакса, прасловенски, словенски језици, заменица **svojь*.

ЛИТЕРАТУРА

Грковић-Мејџор, Ј. *Списи из историјске лингвистике*. Сремски Карловци, Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2007.

Грковић-Мејџор, Ј. *Студије из историјске семантике*. Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2023.

Мирчев, К. „Употреба на възвратното притежателно местоимение *свой* в старо- и новобългарски език.“ *Годишник на Софийския университет.* Историко-филологически факултет XLII (1946 [за 1945/1946]): 1–59.

Славова, Т. „Из историята на възвратно притежателното местоимение svoi.“ *Palaeobulgarica / Старобългаристика* XLII/3 (2018): 71–85.
СС: *Старославянский словарь, по рукописям X–XI веков* (ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова). Москва: Русский язык, 1994.
ССЯ: *Словарь старославянского языка*, I–IV. Praha, 1966–1997. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006.
Толстая, С. М. „Слав. **svoj*ь: семантика и аксиология.“ *Etnolingwistyka* 20 (2008): 29–38.

Arkadiev P. M. „Participial complementation in Lithuanian.“ V. Gast, H. Diessel (eds.). *Clause Linkage in Cross-Linguistic Perspective: Data-Driven Approaches to Cross-Clausal Syntax*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2012, 285–334.
Autenrieth, G. *Wörterbuch zu den homerischen Gedichten*. Leipzig: B. G. Teubner, 1873.
Bjarnadóttir, V. *Non-Canonical Case-Marking on Core Arguments in Lithuanian*. Doctoral dissertation. Stockholm: Acta Universitatis Stockholmiensis, 2014.
Brugmann, K. *Ein problem der homerischen Textkritik und der vergleichenden Sprachwissenschaft*. Leipzig: S. Hirzel, 1876.
Brugmann, K, B. Delbrück, *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*, II/2. Strassburg: Karl J. Trübner, 1911.
Bühler, K. *Theory of Language. The Representational Function of Language*. Translated by Donald Fraser Goodwin, in collaboration with Achim Eschbach. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2011.
Cennamo, M. „*Se*, *sibi*, *suus* nelle *Inscriptiones Latinae Christianae Veteres* ed i successivi sviluppi romanzi.“ *Medioevo Romanzo* XVI (1991): 3–20.
Chantraine, P. *Grammaire homérique*, II: *Syntaxe*. Paris: Librairie Klincksieck, 1953.
Delbrück, B. *Altindische Syntax.* Halle: Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses, 1888.
Delbrück, B. *Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen*, 1. Strassburg: Karl J. Trübner, 1893.
Delbrück, B. *Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen*, 3. Strassburg: Karl J. Trübner, 1900.
Dunkel, G. *Lexikon der indogermanischen Partikeln und Pronominalstämme*, II. Heidelberg: Winter, 2014.
Endzelin, J. *Lettische Grammatik. Heidelberg:* Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1923.
Ernout, A., A. Meillet. *Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots*. Paris: Librairie C. Klincksieck, 2001[4].
Ernout, A., F. Thomas. *Syntaxe latine*. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1964[2].
ESJS: *Etimologický slovník jazyka staroslověnského* (red. E. Havlová; A. Erhart; I. Janyšková), 1–19. Praha: ČAV, Ústav slavistiky – AVČR, Ústav pro jazyk český, 1989–2018.
Faarlund, J. T. *The Syntax of Old Norse*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
Fruyt, M. „Interprétation sémantico-référentielle du réfléchi latin.“ *Glotta* 65/3–4 (1987): 204–221.
Gebauer, J. *Historická mluvnice jazyka českého*, IV: *Skladba*. Praha, 1929. Praha: Academia, 2007.
Givón, T. „Topic continuity in discourse: An introduction.“ T. Givón (ed.). *Topic Continuity in Discourse*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1983, 5–41.
Hagège, C. „Les pronoms logophoriques.“ *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris* 69/1 (1974): 287–310.
Hahn, A. „The supposed reflexive pronoun in Latin.“ *Transactions and Proceedings of the American Philological Association* 94 (1963): 86–112.
Haspelmath, M. „Comparing reflexive constructions in the world's languages.“ K. Janic, N. Puddu, M. Haspelmath (eds.). *Reflexive Constructions in the World's Languages*. Berlin: Language Science Press, 2023, 19–62.
Holvoet, A. „Obliqueness, quasi-subjects and transitivity in Baltic and Slavonic.“ I. A. Seržant, L. Kulikov (eds.). *The Diachronic Typology of Non-Canonical Subjects*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2013, 257–282.
Huang, Y. *Anaphora. A Cross-Lingusitic Approach*. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Humbert, J. *Syntaxe grecque*. Paris: Librairie Klincksieck, 1960[3].
Jagić, V. „Ogledi stare hrvatske proze, IV. Život Aleksandra Velikoga.“ *Starine JAZU* 3 (1871): 203–331.
Kuno, S., E. Kaburaki. „Empathy and Syntax.“ *Linguistic Inquiry* 8/4 (1977): 627–672.
Lehmann, W. P. *Proto-Indo-European Syntax*. Austin, London: University of Texas Press, 1974.
Lehmann, W. P. „From topic to subject in Indo-European“. Ch. N. Li (ed.). *Subject and Topic.* New York, San Francisco, London: Academic Press, Inc., 1976, 447–456.
Li, Ch. N., S. A. Thompson. „Subject and topic: A new typology of language.“ Ch. N. Li (ed.). *Subject and Topic.* New York, San Francisco, London: Academic Press, Inc., 1976, 457–489.
Maling, J. „Non-clause-bounded reflexives in modern Icelandic.“ *Linguistics and Philosophy* 7 (1984): 211–241.
Maretić, T. *Gramatika hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb: Matica hrvatska, 1963.
Meillet, A. *Introduction a l'étude comparative des langues indoeuropéennes*. Paris: Librarie Hachette, 1908[2].
Miklosich, Fr. *Vergleichende Syntax der slavischen Sprachen*. Wien: Wilhelm Braumüller, 1868–1874.
Oblak, V. „Das älteste datierte slovenische Sprachdenkmal.“ *Archiv für slavische Philologie* XIV (1892): 192–235.
Orqueda, V., R. Pooth. „Reflexive constructions in early Vedic.“ K. Janic, N. Puddu, M. Haspelmath (eds.). *Reflexive Constructions in the World's Languages*. Berlin: Language Science Press, 2023, стр. 345–363.
Petit, D. „Linguistique comparative et variation typologique: le cas du réfléchi dans les langues indo-européennes.“ *Indogermanische Forschungen* 106/1 (2001): стр. 16–29.
Puddu, N. „Reconstructing reflexive markers in Indo-European: Evidence from Greek and Latin.“ G. Coulter, M. McCullagh, B. Nielsen, A. Ruppel, O. Tribulato (eds.). *Greek and Latin from Indo-European Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007, 89–100.
Rögnvaldsson, E. „Old Icelandic: A non-configurational language?.“ *North-Western Language Evolution* 26 (1995): 3–29.
Sapp, Ch. D. „The reflexive possessive *sîn* in Old Saxon.“ *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur* 132/3 (2010): 329–342.
Seebold, E. *Das System der Personalpronomina in den frühgermanischen Sprachen*. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1984. [Ergänzungshefte zur Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung Nr. 34].
Shields, K. „On the Indo-European reflexive.“ *Journal of Indo-European Studies* 26/1–2 (1998): 121–129.
Stepanov, J. S. „Lexical entries in major sentence types of Proto-Indo-European.“ E. C. Polomé, W. Winter (eds). *Reconstructing Languages and Cultures*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1992, 157–183.
Touratier, Ch. *Syntaxe latine*. Louvain-La-Neuve: Peeters, 1994.
Trautmann, R. *Die altpreussischen Sprachdenkmäler. Einleitung, Texte, Grammatik, Wörterbuch*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1910.
Vaillant, André. *Grammaire comparée des langues slaves*, II/2*: Morphologie*. Lyon: IAC, 1958.
Večerka, R. *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax*, II: *Die innere Satzstruktur*. Freiburg i. Br.: Weiher, 1993.
Vine, B. „On the expression of reflexive possession in the Rig-Veda: RV *svá-*.“ É. Pirart (ed.). *Syntaxe des langues indo-iraniennes anciennes*. Barcelona: Ausa, 1997, 203–214.
Zheltova, E. „Latin reflexive pronouns at the crossroads of syntax and pragmatics.“ *PALLAS* 102 (2016): 211–218.
Zima, L. „Ńekoje, većinom sintaktične razlike između čakavštine, kajkavštine i štokavštine.“ *Djela JAZU* VII (1887): 1–343.
Wackernagel, J. *Lectures on Syntax*, *with Special Reference to Greek, Latin and Germanic* (ed. D. Langslow). Oxford: University Press, 2009.

Watkins, C. „Toward Proto-Indo-European syntax: Problems and pseudo-problems.“ S. B. Steever, C. A. Walker, S. S. Mufwene (eds.). *Papers form the Parasession on Diachronic Syntax.* Chicago: Chicago Linguistic Society, 1976, 305–326.
Watkins, C. „New parameters in historical linguistics, philology and culture history.“ *Language* 65/4 (1989): 783–799.
Watkins, C. *How to Kill a Dragon. Aspects of Indo-European Poetics*. Oxford: University Press, 1995.

FAITH, HOPE AND LOVE. ON THE CONCEPTUALIZATION OF MENTAL STATES IN CHURCH SLAVONIC AND EASTERN SLAVONIC

HOLGER KUSSE (GERMANY)

1. Aim and approach of the study

Paul's "Hymn of Love" in his first letter to the Corinthians (1 Corinthians 13:1-13) is one of the most well-known texts in the New Testament. The praise of the qualities of LOVE culminates in the triad of FAITH, HOPE and LOVE (1 Corinthians 13:13), in which LOVE is emphasized as the most important. I quote from the Greek New Testament and the Church Slavonic Elizabeth Bible (1751): Νυνὶ δὲ μένει **πίστις, ἐλπίς, ἀγάπη**, τὰ τρία ταῦτα· μείζων δὲ τούτων ἡ ἀγάπη. (1. Cor. 13, 13) – Нѣ҃ъ же пребыва́ютъ **вѣ́ра, наде́жда, любы̀**, трѝ сїа̑: бо́лши же си́хъ любы̀ [EB 1751].

Taking 1 Corinthians 13 as a starting point, this study examines the concepts of FAITH, HOPE, and LOVE in New Testament texts and their Old Church Slavonic and Church Slavonic translations. For this purpose, sources ranging from the beginnings of Slavic literature to early modern period in the East Slavic area were selected: the Glagolitic *Codex Zographensis* (10th/11th century) [CZ], the Church Slavic *Ostromir Gospel* (1056/57) [OE], and the Church Slavic *Elizabeth Bible* (1751) [EB 1751]. In a second step, the concepts of FAITH, HOPE and LOVE will be examined in the Old Church Slavonic *Vita Constantini-Cyrilli* (9th century) [VC] and the Old Russian *Zhitie Avvakuma* (1672/73) [ZhA]. The two Vitae represent the beginning and first peak of Slavic Bible translation and Old Russian literacy.

The study shows by way of example how the weighting within a system of central lexical-semantic concepts can shift slightly in translations and new texts that arise in the context of outstanding developments in religion and culture. The approach is lexical, i.e. the term lexemes for 'FAITH', 'HOPE' and 'LOVE' and their collocations are searched for and semantically interpreted. The lexemes and collocations from the Slavic Bible translations are then searched in the Vitae and also semantically interpreted. The search is carried out in all texts using electronic corpora.

In order to clarify the lexical and semantic concepts of the Greek New Testament and the Slavic translations, the Latin Vulgate, the King James Bible (1769), the New King James Bible (1975) and the latest revision of the Luther Bible (2017) are used for comparison in some places.

2. The hierarchy of FAITH, HOPE and LOVE in 1 Corinthians 13

Paul's hierarchization is based on four reasons: a) LOVE as a precondition, b) LOVE as a subject, c) the transitivity of the verb *to love* and (implicitly) d) the lexical semantic differentiation of the concept of LOVE in Greek.

Paul names the first reason for the hierarchization of LOVE at the beginning of his hymn in 1 Corinthians 13:1–3: LOVE is the precondition for good being and for the good qualities of all action, of speech, of knowledge, of FAITH, and of charity. Each of these qualities is commented on with the potential negation of LOVE – **ἀγάπην δὲ μὴ ἔχω** – **любве́ же не и҆́мамъ** [EB 1751] –, which is sometimes explicitly, sometimes implicitly followed by the negation of the quality of actions and being without LOVE.

In verses 4-7, the second reason for the priority of LOVE over FAITH and HOPE is indirectly mentioned in the list of characteristics of LOVE. *To believe* and *to hope* take the position of predicates of LOVE, while *to love* is not a predicate of HOPE or FAITH: **Faith / hope loves*: **Ἡ ἀγάπη** μακροθυμεῖ, χρηστεύεται ἡ ἀγάπη […] **πάντα πιστεύει**, **πάντα ἐλπίζει**, πάντα ὑπομένει. (1. Cor. 13, 4–7) – **Любы̀** долготерпи́тъ, милосе́рдствоуетъ[…] **всемоу̀ вѣ́роуе́млетъ**, **всѧ̑ оу҆пова́етъ**, всѧ̑ терпи́тъ [EB 1751].

The hierarchization in 1 Corinthians 13:13 – μείζων δὲ τούτων ἡ ἀγάπη – thus has not only religious or philosophical, but also linguistic aspects. They are the third reason for the special significance of LOVE in 1 Corinthians 13. Only the verb *to love* is transitive in the series of verb forms of FAITH, HOPE and LOVE. Accusative objects can be (concrete and abstract) things and persons; cf. God's love of the cosmos in John 3:16: οὕτως γὰρ **ἠγάπησεν ὁ θεὸς τὸν κόσμον**, ὥστε τὸν υἱὸν τὸν μονογενῆ ἔδωκεν, ἵνα (Joh. 3, 16) – **тако възлюби Богъ мира**. яко Сына Своего Единочядааго дасть. да всякъ веруя и въ Него не погыбнеть. нъ имать живота вечьнааго [OE] – **Та́кѡ бо возлюбѝ бг҃ъ мі́ръ**, ꙗ҆́кѡ и҆ сн҃а своего̀ є҆диноро́днаго да́лъ є҆́сть, да всѧ́къ вѣ́роуѧй въ ѻ҆́нь не поги́бнетъ, но и҆́мать живо́тъ вѣ́чный [EB 1751].

In contrast, *believe in* and *hope for* form prepositional phrases, or the verbs are used without an object. *Believe* can also be followed by dative objects (*to believe someone*). The all-quantifiers as direct objects of *to believe* and *to hope* in 1 Corinthians 13:7 are an exception, and here the verbs depend on *love* as the subject of the whole expression.

A comparison of the English King James Bible (1769) and the New King James Bible (1975) reveals a fourth reason for the prominence of LOVE in the Greek text (which, however, remains implicit in Paul and is more like semantic background): And now abideth **faith, hope, charity**, these three; but the greatest of these is charity [King James 1679] – And now abide **faith, hope, love**, these three; but the greatest of these is **love** [New King James 1975].

The King James Bible follows the translation of *caritas* in the Latin Vulgate with the word *charity*. The New King James Bible of 1975, like other modern English Bible translations, replaces this with *love*. The reason for this deviation is the lexical differentiation of the semantic field for 'LOVE' in Greek and Latin. In Greek, ἀγάπη is relevant for selfless love and φιλία for personal, friendly love. In Latin, *caritas* and *dilectio* correspond to ἀγάπη and *amor* to φιλία. Αγάπη / caritas appears in the New Testament as a generic term that usually denotes selfless love, as in 1 Corinthians 13: 1–13, but can also be used for personal affections. In other languages, the small conceptual difference between ἀγάπη and φιλία cannot be rendered. There is only one word: *to love*, *lieben*, *ljubit'*. In the King James Bible, which distinguishes between *love* and *charity* as nouns, only *to love* is available in the verbal form. The questions and answers in John 21:15ff. are always the same: **любиши** ли Мя – **люблю** Тя [CZ]; **любиши** ли Мя – **люблю** Тя [OE]; **люби́ши** ли мѧ̀ – **люблю́** тѧ [EB 1751]; **lovest** thou me – I **love** thee [King James].

Since the lexical differentiation of the types of LOVE cannot be reproduced in the Slavic translations either, there is a slight semantic reduction at the conceptual level.

3. Biblical Concepts of FAITH, HOPE and LOVE

In 1 Corinthians 13:4–7, Paul conceptualizes LOVE as a mental power that is both passive (*endures all things*) and active (*believes all things, hopes all things*). This conceptualization, which is also possible with FAITH and HOPE, is already expanded in the Gospels. FAITH, HOPE and LOVE appear as power that is able to accomplish something on its own; cf. for HOPE in the Epistle to the Romans and FAITH in the Gospel of Matthew: ἡ δὲ **ἐλπὶς** οὐ καταισχύνει (Romans 5, 5); **spes** autem non confundit [Vulgate]; And **hope** maketh not ashamed [King James]; Now **hope** does not disappoint [New King James]; **оу҆пова́нїе** же не посрами́тъ [EB 1751] – **ἡ πίστις σου σέσωκέν σε** (Matth. 9, 22); **вера твое спасе тя** [CZ]; **вера твоя спасе тя** [OE]; Ї **вѣ́ра твоѧ̀ спа̑се́ тѧ** [EB 1751] – **ἐὰν ἔχητε πίστιν ὡς κόκκον σινάπεως**, ἐρεῖτε τῷ ὄρει τούτῳ·μετάβα ἔνθεν ἐκεῖ (Matth. 17, 20); **аще имате веру яко зрьно гору шьно**. рече́те горе сеи. преиди отъсуду та мо. и преидеть [OE]; **а҆́ще и҆́мате вѣ́роу ꙗ́кѡ зе́рно гороу́шно**, рече́те горѣ̀ се́й: прейдѝ ѿсю́доу та́мѡ, и҆ пре́йдетъ [EB 1751] – καὶ πάντα ὅσα ἂν αἰτήσητε ἐν τῇ προσευχῇ **πιστεύοντες** λήμψεσθε (Matth. 21, 22); и всего егоже въспросите въ молитве **верующе** примете [CZ]; и҆ всѧ̑, є҆ли́ка а҆́ще воспро́сите въ моли́твѣ **вѣ́роующе, прїи́мете** [EB 1751].

In the participle form, FAITH, HOPE, and LOVE appear as characteristics of persons: the believers (faithful), the hopeful, the loving. The participle form is typical for the Church

Slavonic translations, which follow the Greek and conceptually emphasize the characteristic of persons, while in Latin the participle has been changed to a relative clause: **πιστευόντων εἰς ἐμέ** (Matth. 18, 6) – pusillis istis **qui in me credunt** [Vulgate]; **верующихъ въ Мя** [CZ]; **вѣ́рующихъ въ мѧ̀** [EB 1751].

HOPE usually has a prepositional object: **ἐν Χριστῷ ἠλπικότες** (1. Kor. 15,19) – (**оу҆пова́юще є҆смы̀ во хр҃та̀** [EB 1751]. Here and at other places in the Church Slavonic Elizabeth Bible, the verb **оу҆пъвати** is used in this and other places instead of **надѣꙗти сѧ**, which, like **оу҆пъваньє** and **надежда**, are synonymous. Jagić (1913: 410) considers **оу҆пъвати** to be somewhat more archaic than **надѣꙗти сѧ**. Unlike the case of ἀγάπη / ἀγαπάω and φιλία / φιλέω, this lexical distinction is not necessarily connected with a conceptual difference.

In Greek, the dative form of HOPE is used to emphasize its instrumental function as a saving power. In the Vulgate, this is translated in the ablative, in the Church Slavonic Elizabeth Bible in the instrumental: **τῇ γὰρ ἐλπίδι ἐσώθημεν**·(Romans 8, 24) – **spe enim salvi facti sumus** [Vulgate]; **Оу҆пова́нїемъ бо спасо́хомсѧ** [EB 1751].

In the King James Bible, the prepositional phrase *saved by hope* conveys the energy of HOPE. In Martin Luther's translation and in the New King James Bible, on the other hand, it is weakened. HOPE is a form of being saved, not the power of being saved: Denn wir sind **gerettet auf Hoffnung hin** [Luther 2017]; For we are **saved by hope** [King James]; For we were **saved in this hope**, but hope that is seen is not hope [New King James].

The New Testament offers a variety of conceptualizations of LOVE. Love is a state and an action (it can be called for). It is a power, but also a possession and a space in which people can be: **τὴν ἀγάπην τοῦ θεοῦ οὐκ ἔχετε ἐν ἑαυτοῖς** (Joh. 5, 42); **любъве Божия не имате вь себе** [CZ]; **любъве въ себе Божия не имаате** [OE]; **любвѐ бжї҃ѧ не и҆́мате въ себѣ̀** [EB 1751] – μείνατε **ἐν τῇ ἀγάπῃ** τῇ ἐμῇ. ἐὰν τὰς ἐντολάς μου τηρήσητε, μενεῖτε **ἐν τῇ ἀγάπῃ μου**, καθὼς ἐγὼ τὰς ἐντολὰς τοῦ πατρός μου τετήρηκα καὶ μένω αὐτοῦ **ἐν τῇ ἀγάπῃ** (Joh. 15, 9–10); будете **въ любъви Моей** [CZ]; будете **въ любъви Моеи** [OE]; **боу́дите въ любвѝ моє́й** [EB 1751].

4. FAITH, HOPE and LOVE in the Vita of Constantine-Cyril and the Zhitie Avvakuma

The time gap between the *Vita of Constantine-Cyril* and the *Zhitie Avvakuma* is considerable. The first vita dates from the 9th century, the second from the 17th century. The political, cultural, and religious contexts of the two vitae are also different. The Vita of Constantine-Cyril marks the beginning of Slavic literacy, which it documents. Like Old Church Slavonic as a whole, it is largely dependent on Greek. Probably the surviving manuscripts do not contain an original Slavonic text at all, but rather the translation of a lost Greek original (Daiber 2023). The *Zhitie*

Avvakuma is a document of the disintegration of the unity of an established church, and is considered to be the first autobiography written in Russian (Schmid 2000: 43). There are, however, parallels between the two Vitae. Both were written with an apologetic intention. The *Vita of Constantine-Cyril* served to defend Slavonic as a language of worship and Constantine-Cyril as a new Christian saint. In part, it polemicizes against the despisers of Slavonic. The *Zhitie Avvakuma* defends the "old" practice of the FAITH against the orthography and liturgy reform of the 1660s under Patriarch Nikon (1605-1681) (cf. Kuße 2002 & 2007 & 2017). Avvakum polemicizes against the proponents of the reform.

Vita of Constantine-Cyril

In the *Vita of Constantine Cyril*, FAITH is the most prominent concept. It is striking that FAITH is mentioned primarily as an *object of speech*, which is certainly due to the special mission of Cyril and Methodius to communicate the FAITH in a particular language. It is not surprising that this mission is constantly mentioned or at least alluded to in the Vita: «**Скажи намъ**, чьстныимужу, притъчами умомъ **вѣру**, якоже есть лучши всѣхъ»; Написа же къ цесарю книгы каганъ сиче: «Послалъ еси, владыко, мужа такого, иже **ны сказа крьстьяньску вѣру**, словомъ и вещьми Святую Троицю […]»; учителя не имамъ такого, иже бы ны въ свои языкъ **истую вѣру съказалъ** …; Уста твои, как одного из серафимов, Бога прославляют и вселенную **просвещают учением истинной веры**; «Слышал ли ты, философ, что **говорят** скверные агаряне **о нашей вере**?»

Rastislav's famous request for teachers who explain the FAITH in the Slavic language moves away from FAITH as an object of speech to FAITH as an effect of speech and example: «мы не имеем такого учителя, который бы нам **на нашем языке объяснил христианскую веру**, чтобы и другие страны, видя это, уподобились нам.»

FAITH thus occurs not only as the object of speech, but also as the result of speech activity, that is, as a *perlocutionary effect* or *perlocutionary intention*: «Евреи же **побуждают нас принять их веру** […], а сарацины […] **склоняют нас в свою веру**; **Створи изрядны люди, единомысляща о истинньнѣи вѣрѣ** […]»; «Послал ты, владыка, такого человека, который **объяснил нам христианскую веру**, в словах и деяниях Святую Троицу. **И поняли мы, что это истинная вера**, и повелели креститься посвоему желанию.»

FAITH can also be conceptualized as something one possesses and as something that is found in a person, who appears as a kind of container for FAITH (preposition v + locative): **вѣру имемъ**; **вѣру в них**.

Of lesser importance, but present, is the concept of FAITH as a power: **кто в Христа веруют**, **быстро приемлют Дух Святой** и благодать; […] **веру для них**. **И без нее никто не может вечной жизнью жить; Кто будет веровать** и крестится, **спасется**, а неверующий осудится.

Hope occurs mainly in the verbal form, occasionally as a participle, and is prototypically futuristic: **надѣюся, яко обрѣсти** имамъ мощи его и изнести из моря; **надѣемся такоже быти** […]; **Надѣющеся и мы доспѣти того же; Надеюсь на Бога, что даст** ему […]; **Надеемся, что и мы придем** к тому же.; «И **надейся на большее — вскоре и стратигом станешь**.»

In the *Vita of Constantine Cyril*, HOPE plays a much smaller role than FAITH, appearing mainly in the prototypically futuristic function of the verb. But LOVE is also subordinate to FAITH. LOVE appears mainly in the verbal form *to love persons* or (abstract or concrete) *objects*. «Твоя красота и мудрость нудит **мя излиха любити тя** […] »; «Сеи философ юны **не любит житиа** сего […]»; После этого еще **больше полюбил его** и постоянно обо всем спрашивал этот великий и почтенный муж.

LOVE does not appear as an independent power as it does in Paul's letters or in the Gospel of John. In the *Vita of Constantine-Cyril***,** this power is almost exclusively attributed to FAITH.

Zhitie Avvakuma

In *Zhitie Avvakuma*, *faith* and *to believe (in)* appear in a wide semantic variety, which can easily be traced back to Avvakum's aim of defending a particular religious practice as the true FAITH. As in the *Vita of Constantine-Cyril*, FAITH is an object of speech: **хотят веру утвердить**!; **шумел много о вере** и о законе.

FAITH appears in the construction *verb* + *v* + *accusative* or + *object clause* as possessive: **в Духа Святаго**, Господа […] **веруем** […]; «**Верую**, Господи, и исповедую, **яко Ты еси** Христос сын Бога живаго.»

As a noun in the locative case, FAITH is conceptualized as a space: **в веру Христову**; **В нашей православной вере** […] **соединился в вере**.

FAITH can be conceptualized as an action and in noun form as an object of an action («прийти в веру»): **я так верую и крещуся**; **прийти в веру Христову.**

And finally, FAITH emerges as a power: **иже хощет спастися**, прежде всех подобает ему **держати кафолическая вера**; Сице всяк **веруяй в онь не постыдится**, а не веруяй осужден будет и во веки погибнет; **исправилися по вере** ея; Зело у него во Христа

горяча вера была!; **Иже веру имет** и крестится, **спасен будет**, а иже не имет веры, осужден будет.

The conceptualizations of FAITH in *Zhitie Avvakuma* are extremely diverse and dynamic. They have a strong narrative character, since FAITH is also linked as a power with conscious action (e.g. *держати кафолическую веру*).

Avvakum, who uses the lexeme **оупъвати** together with **надѣати сѧ** for intensification, uses *to hope* prototypically in the future sense: **Уповаю и надеюся на Христа**; **ожидаю** милосердия его и чаю воскресения мертвым; Я-де **надеюся на Христа**, бреду-таки впредь.

In contrast to the *Vita of Constantine-Cyril*, the concept of HOPE as a source of power plays an important role in Avvakum: **упование, не утопи!**; семнадцеть нас человек, в лодку седше, **уповая на Христа** и крест […], ничево не бояся; А я, не разбираючи, **уповая на Христа, ехал посреде их**; Всяко то Бог их перепровадит век сей суетный, и присвоит к себе Жених небесный в чертог Свой, праведное солнце, Свет, **Упование наше**!

LOVE also appears as power and action, although both play a lesser role than in the case of HOPE: **Любил**, протопоп, со славными знатца, **люби** же и терпеть, горемыка, до конца.

The dominant form is *to love* + *accusative object*, and the focus is on LOVE for people: **Его же любит Бог**, того наказует; **любят меня** и домой не идут; Бог **любит тех детей**, которые почитают отцов; **ты-де ея любишь**.

Loving events and objects also occurs: **Любил слушать** у меня, чево соромитца, — скажи хотя немножко!; **люблю** свой русской природной язык.

The last example is particularly noteworthy because Avvakum's love of the vernacular implicitly expresses his conviction that the FAITH he defends is also bound up with a particular language and particular linguistic forms. In contrast, Constantine-Cyril does not defend Slavic as a condition of FAITH and does not ascribe any intrinsic value to language, but rather defends a particular use of language with the argument of comprehensibility (Kuße 2017). In the preface to the *Zhitie*, which is included in the third redaction (redakcija V) (Zhitie Avvakuma 1960: 350), Avvakum directly links language to the concept of LOVE and directly relates the "Hymn of Love" to the question of language:

> И Павел пишет: „аще языки человеческими глаголю и ангельскими, любви же не имам, — ничто же есмь“. Вот что много рассуждать: не латинским языком, ни греческим, ни еврейским, ниже иным коим ищет от нас говоры Господь, но любви с прочими добродетельми хощет.

Conclusion

The small selection of texts allows only a few preliminary results. A much larger corpus, especially of hagiography, must be analyzed in order to reliably grasp the dynamics of religious concepts in the history of religion and culture.

Nevertheless, some results can already be seen: As expected, there are no major shifts in Bible translations. The loss of lexical-semantic differentiation of the concept of LOVE can also be seen in the Slavic languages, as well as in the translations into English or German. Compared to English or German, however, the concept of FAITH as a person's quality remains clearer in the Slavic translations due to the preservation of the participle form.

In the two Vitae there are much more visible shifts in the weighting of FAITH, HOPE and LOVE. It is not LOVE, as in Paul or in John's Gospel, but FAITH that is the dominant concept, which certainly has to do with the apologetic character of the Vitae. But what is also remarkable in Avvakum is the importance of the concept of HOPE as a source of power and the connection between the concept of LOVE and choice of language.

REFERENCES

Daiber, Thomas 2023: Die Vita des Konstantin-Kyrill. Altkirchenslavischer Text, Übersetzung, Kommentar. Wiesbaden: Harrassowitz-Verlag.

Jagić, Vatroslav 1913: Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Neue, berichtigte und erweiterte Ausgabe. Berlin: Weidemannsche Buchhandlung.

Kuße, Holger 2002: Verteidigung des Religiösen: Zeichen und Zeichengeber im Leben des Protopopen Avvakum (pragmalinguistische Bemerkungen). In: Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 50, 63-93.

Kuße, Holger 2007: Sprachliche Markierungen des Religiösen bei Avvakum. In: Meyer, H./ Uffelmann, D. (Hrsg.). Religion und Rhetorik (= Religionswissenschaft heute. Band 4.). Stuttgart: Kohlhammer, 65–82.

Kuße, Holger 2017: Das Verständlichkeitsargument Konstantin-Kyrills. In: Im Rhythmus der Linguistik. FS für Sebastian Kempgen zum 65. Geburtstag. Hrsg. von Anna-Maria Meyer und Ljiljana Reinkowski. Bamberg: University of Bamberg Press, 287–303.

Schmid, Ulrich 2000: Ichentwürfe: Russische Autobiographien zwischen Avvakum und Gercen (Basler Studien Zur Kulturgeschichte Osteuropas). Zürich: Pano-Verlag.

Zhitie Avvakuma 1960: Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. Под общей редакции Н.К. Гудзия. Москва: Гослитиздат. – 479 с.

INTERNET RESOURCES

Biblia Sacra Iuxta Vulgatam Versionem, 5. edition, Roger Gryson (ed.), © 2007 Deutsche Bibelgesellschaft, Stuttgart [https://www.die-bibel.de/bibel/VUL]

Codex Zographensis – Зографское Евангелие [https://expositions.nlr.ru/ex_manus/Zograph_Gospel/index.php]

Elizabeth Bible – Елизаветинская Библия 1751 [https://bible.by/elzs/]

King James Version (1769) [https://www.biblestudytools.com/kjv]

Luther 2017 – Die Bibel nach Martin Luthers Übersetzung, revidiert 2017, © 2016 Deutsche Bibelgesellschaft, Stuttgart. [https://www.bibleserver.com/LUT]

New King James Version (1975). [https://www.biblestudytools.com/nkjv]
Novum Testamentum Graece, 28. edition, Barbara & Kurt Aland et al. (eds.), © 2012 Deutsche Bibelgesellschaft, Stuttgart [https://www.die-bibel.de/bibel/NA28]
Ostromir Gospel – Остромирово Евангелие [https://expositions.nlr.ru/facsimile/OstromirGospel/RA5320/prosmotr?list=542]
Russian Synodal Bible – Синодальный перевод (1876) [https://bible.by/syn/53/13/]
Vita Constantini – Житие Константина (Кирилла) Философа (Пространное). Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 2: XI–XII века. [http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2163]
Zhitie Avvakuma – Житие протопопа Аввакума им самим написанное. Moskva / Augsburg: im werden Verlag, 2003. [https://imwerden.de/pdf/avvakum_zhitie.pdf]

TZV. SVATOJIMRAMSKÁ MODLITBA V MODLITEBNÍKU JAROSLAVSKÉM / THE SO-CALLED ST EMMERAM'S PRAYER IN THE YAROSLAVL HOROLOGION

FRANTIŠEK ČAJKA (ČESKÁ REPUBLIKA)

Součástí souboru nejstarších staroslověnských památek je také tzv. Svatojimramská modlitba přeložená nejpravděpodobněji ze staré horní němčiny. Uvedená kajícná modlitba nejspíše již velkomoravského původu je zachována v několika rukopisech jihoslovanského a východoslovanského původu, z nichž nejstarší představuje znění zapsané ve starobylém Euchologiu sinajském (11. století). Uvedená modlitba je také součástí Jaroslavského modlitebníku, pozoruhodného rukopisu ruského původu pocházejícího z 13. století. Text modlitby zapsaný v Modlitebníku jaroslavském byl evidován teprve nedávno. Představeny budou všechny dosud známé doklady rukopisné tradice modlitby. Zároveň bude na základě jazykové a textologické analýzy charakterizován text modlitby zapsaný v Modlitebníku jaroslavském.

The so-called St. Emmeram's Prayer, most likely translated from Old High German, is also part of the collection of the oldest Old Church Slavonic texts. This penitential prayer, most likely of Great Moravian origin, is preserved in several manuscripts of South Slavic and East Slavic origin, the oldest of which is the text recorded in the ancient Euchologium Sinaiticum (11th century). The prayer in question is also part of the Yaroslavl Horologion, a remarkable manuscript of Russian origin dating back to the 13th century. The text of the prayer written in the mentioned manuscript was only recently registered by researchers. All known documents of the manuscript tradition of prayer will be presented. At the same time, the text of the prayer written in the Yaroslavl Horologion will be characterized on the basis of linguistic and textological analysis.

VERBS OF SPEECH REFERRING TO NEGATIVE COMMUNICATION IN OLD EAST SLAVIC

ADRIEN MORVAN (FRANCE)

The periphery of the lexical-semantic group of speech verbs in Old East Slavic is made up of numerous subgroups characterised by a differential seme. To give a better idea of the polysemy of speech verbs in early Old East Slavic texts, we have chosen to devote a study to one of these subgroups, defined by the seme [to utter a negatively connoted speech]. This choice was not made by chance: these verbs occur in large numbers in the Old East Slavic corpus and are very common in the first translations of the *New Testament in* Old Church Slavonic, due to the very nature of the Gospel story, in which Jesus is constantly being reproached, condemned and insulted, but also in the Rus' chronicles, in which conflicts and disputes are rife. Consequently, the interest of this study is threefold: to identify the exact composition of the subgroup of the verbs for negative communication in Old East Slavic sources, to identify cases of verbs initially outside the lexical-semantic group of speech verbs that eventually become part of this peripheral sub-group, and finally to compare literary usage with vernacular usage.

1) Delimitation of the sub-group

First and foremost, we define the subgroup of negative speech verbs we are interested in with the following seme: [to utter a negative connoted speech], which can be made explicit in two different ways: [to express a negative evaluation] if we take the speaker's point of view and [to utter an unpleasant word] if we take the receiver's point of view. As such, the verb **хоулити** *xuliti* "to denounce, criticise, accuse", by virtue of its polysemy and numerous derivatives, acts as the main verb of the subgroup.

a) The main verb **хоулити** *xuliti* "to criticise"

As regards the etymology of the verbe **хоулити** *xuliti* "to speak evil, to criticise", it is of uncertain origin. It has been linked by P. Ja. Černyx (1999: II, p. 460)) the Indo-European root *skou, *sk$^{\bar{u}}$ "that which causes discomfort". Max Vasmer (1987: IV, 283-284), for his part, insists on the idea of shame (*chúlost* "shame" in Old Czech). Serguei Sakhno (2001: p. 298) mentions a possible connection with **хвалити** *xvaliti* "to praise".

Nevertheless, in the case of хоулити *xuliti*, it is difficult to go beyond the hypothesis stage, as the verb already acquired the meaning of "to speak evil" from the earliest written accounts in Old Church Slavonic. To better understand the meaning of хоулити *xuliti*, we conducted a lemma search in the historical corpus of the NKRJa, which reveals the polysemy of this verb: in most religious texts, its meaning is close to the verb "to blaspheme". For instance, хоулити вєрꙋ *xuliti veru* "to criticise the faith" is a collocation that occurs frequently in Old East Slavic texts, emphasising the sacred dimension specific to this verb. Interestingly enough, хоулити *xuliti* is often contrasted with хвалити *xvaliti* "to praise, speak well of" or блаꙋословити *blagosloviti* "to bless, to praise" in the texts themselves. Moreover, a comparison of the Old East Slavic texts with their Greek originals gives a good idea of the polysemy of the Slavic verb: it translates βλασφημέω "to blaspheme, to speak evil of", κακίζω "to blame", κατειρωνεύομαι "to speak ironically to someone", κατακερτομέω "to overwhelm someone with insults" and many more. Thus, the meaning of хоулити *xuliti* is organised around four semantic poles: to criticise, to reprimand, to insult, to mock, i.e. four possible derivatives of the seme [to utter an unpleasant word].

b) Thou shalt not swear: клѧти (сѧ) *kljati (sja)* "to swear" and its derivatives

Other semantic shifts seem characteristic of the subgroup, such as [swear] → [speak evil] with клѧти *kljati* and its derivatives (проклинати *proklinati* "to curse" in particular). The shift to a strictly negative sense, in other words the promise evicted by the curse, is no doubt related to the ban on swearing formulated by Jesus in the *Gospel* according to Matthew (5:34-37). The semantic shift can therefore be clarified as follows: [to swear (make a promise)] → [to swear by God] → [blaspheme (since "swearing by God" is forbidden)] → [utter insults, curses], the English verb "to swear" and the French verb *jurer* having a similar polysemy, between "to make a promise" and "to utter insanities". Etymologically, клѧти *kljati* is "to twist words", hence "to curse", "to insult", "to threaten", accompanied by the reciprocal pronoun дрꙋгъ дрꙋга *drug druga* it means "to insult one another". Finally, клѧти *kljati*, in the same way as хоулити *xuliti*, is often found in antonymic opposition with verbs that mean "to utter good words". Less polysemous than хоулити *xuliti*, it nevertheless carries, in certain uses, the differential seme that distinguishes the subgroup of the verb to speak evil, and only this seme. It should be noted that, even more than клѧти *kljati*, it is its perfective derivative проклѧти *prokljati* "to curse" that is often used in early Russian texts (56 occurrences in the

NKRJa historical corpus), with such ritualized expressions as да будет проклѧтъ *da budet prokljat* "may he be cursed" being very frequent, especially in epigraphy.

c) **Бранити** braniti "to reprimand": from the violence of weapons to the violence of words

In modern Russian, the verb бранить *branit'* has a dual meaning that is interesting for our study: both "to scold someone" and "to insult someone". It is true that it is used less frequently than ругать *rugat'*, which has the same double meaning. Both verbs exist in Old East Slavic texts, but their meanings are not as close. In Old Church Slavonic, the primary meaning of **бранити** is "to forbid", to be compared with **брати** (сѧ) *brati (sę)* "to war, struggle". Thus, the shift from battle to prohibition is a shift from physical to verbal violence. The semantic shifts can be represented as follows:

to fight (to defend something) → to prevent someone from doing something (by force) → to prevent someone from doing something (by words) → to scold, reprimand

Ругати (сѧ) *rugati (sja)*, meanwhile, has an entirely different meaning: in the first translations of the Bible into Old Church Slavonic and then Old Russian Slavonic, **ругати сѧ** *rugati sja* (ocs. → *sę*) systematically means "to mock".

d) **Клеветати** *klevetati* "to slander": the two-faced verb

With **клеветати** *klevetati* "to slander" we find again the common seme of our subgroup of verbs for negative communication, but also a more precise meaning: "to speak evil by uttering lies", which underlines the proximity between "to speak evil" and "to speak falsehood". This double meaning is the distinctive feature of **клеветати** *klevetati* compared to the other verbs in the core subgroup. In the same way as **клѧсти** *kljasti*, the action described by **клеветати** *klevetati* is frequently denounced as sinful in Old East Slavic texts.

Finally, to conclude our examination of the root verbs in the sub-group of verbs for negative communication, we propose an extract from the translation of the *History of the Jewish War* by Flavius Josephus, where there are many of them, in order to highlight the nuances that exist between them. In this extract. Queen Mariamne reproaches King Herod for having murdered her brother Jonathan; verbs for negative communication are in bold script.

и того ра́ди и сего̀ **поношааше** ємꙋ марїами. сестроу же єго и мт҃рь ѕлы̀мъ **лаꙗнїємъ срамлѧть.** но̀ иродъ ѡбоузданъ бы́сть жела́нїємъ по́хоти. лю́тъ же гнѣвъ и раскоторанїє влѣѕѣ въ жены. испыта́вшим̾ же мо́щи оустремити, ирода на ꙗрость. и **ѡклевета́ше** марїами на прелюбодѣꙗнїє. и иноу мно́гоу рѣчь прикладающе и **клевета́юще** ꙗко написа́в̾ши сво́и ѡбразъ лица. и посла къ антоньєви въ єгипетъ пле́мене дѣ́лѧ сластолю́биѧ.

And for this reason, Mariamne **reproached** him, **dishonouring** her sister and her mother with her wicked **barking**, but Herod was a prisoner of his desire. Great anger and the thirst to fight filled the hearts of the two women. Trying to provoke Herod's anger, they **accused** Mariamne of adultery. And they devised many other **slanderous** speeches, according to which Mariamne had had her portrait painted and had sent it to Antony in Egypt, captivating him with her charms.

Flavius Josephus, *History of the Jewish War*, 369b

Here, клеветати *klevetati* means "to make a slanderous accusation". It is accompanied by two other expressions for speaking evil: поношааше *ponošaaše* "she reproached, she criticised" and ѕлы̀мъ лаꙗнїємъ срамлѧть *zlymъ lajaniemъ sramljatь* "she shamed them with her wicked barking". Поносити *ponositi* "to bear, bring, reproach, criticise" is not originally a speech verb, while the second expression highlights a possible semantic shift from animal cries to vindictive speech. These two categories form the periphery of the lexical-semantic subgroup of verbs for speaking evil.

2) How to become a speech verb: negative communication as an introduction to speech

As the subgroup of speech verbs for negative communication is itself located on the periphery of the lexical-semantic group of speech verbs, we observe within it verbs that are not originally speech verbs, but which include the seme [to utter a negatively connoted speech]. The most striking example of this porosity of the lexical-semantic subgroup boundaries is поносити *ponositi* "to bear, to speak ill of", but verbs such as лаꙗти *lajati* "to bark, to speak aggressively", exemplifies a very common semantic shift: from animal sound to human voice.

a) Поносити *ponositi* "to speak ill of": bringing criticism to the fore

Поносити *ponositi* in the sense of "to speak ill of" is one of the most frequent verbs of the subgroup, with 62 occurrences in 11 texts of the corpus (to be compared with the 6 occurrences in its original sense of "to carry"). Tellingly, the object of поносити *ponositi*, the critical speech or insult, is very rarely expressed, but the person criticized is regularly mentioned in the dative, which emphasizes the idea of a target to be hit. Therefore, the object

in the accusative fades away, the focus is on the addressee of the word in the dative. Thus, поносити ponositi is a verb with a paradoxical function: it signals very insulting, very unpleasant utterances, but it masks them completely: they cannot be quoted without resorting to another speech verb. To a certain extent, поносити ponositi is a euphemism, it allows the taboo word to be avoided, which corresponds well to its etymology outside the lexical-semantic group of speech verbs.

b) From the animal's cry to malicious speech

In modern Russian, as in modern French, verbs denoting animal cries can quite naturally be used to describe human speech. This type of metaphorical meaning is very common in many languages and has even been the subject of a recent collective work, edited by E.V. Raxilina (2015), where it is pointed out in the introduction that this metaphor of the animalised speech is most often pejorative. Is this type of metaphorical semantic shift already attested, if not frequent, in ancient Old East Slavic texts? One verb immediately stands out: лаꙗти *lajati* "to bark". A combined search for "lemma: лаꙗти; translation: ругать" yields 35 occurrences in 10 different texts, including translation literature, chronicles and the Lives of Saints. It is true that, in the Old Church Slavonic Bible, лаꙗти *lajati* is not a verb of speech; rather, it designates the action of watching, keeping watch in the manner of a dog. Then, before obtaining the semantic equivalence [animal cry] = [human speech], we go through [animal cry] = [human cry]. At this stage, the animal's cry is an anti-speech, a series of meaningless sounds. The incomprehensible noise produced by the animals is also occasionally equated with foreign languages, particularly the language of the enemy. Finally, in Old Eats Slavic texts, лаꙗти *lajati* is often found combined with another verb referring to negative communication. This is explained by the semantics of this verb, which emphasises the aggressive, noisy way in which the word is uttered. From then on, the infamous content of the speech itself is the responsibility of another verb, the most frequent combination being лаꙗти *lajati* in the participial form accompanied by клѧти *kljati* "to swear" in the personal form, a verb whose semantic focus is clearly linked to the content of the speech.

Рикати / ꙗикнути *rikati / riknuti* "to roar" (or ꙗыкати *rykati*), which originally refers to the cry of the wild beast, is used much less frequently than лаꙗти *lajati* (16 occurrences as opposed to 45), but almost always in a metaphorical sense, but the metaphor does not seem to be lexicalised, since in most of the occurrences a point of comparison with a roaring animal is mentioned. ꙋыти *vyti* "to howl (like a wolf)" can also be applied to human beings, but always

in the context of an explicit comparison with the wolf; it does not refer to human speech. Finally, the verb шипеть *šipet'* "to hiss (like a snake)" does not occur in Old East Slavic texts, regardless of the form considered for the main lemma. In short, animal cry verbs that undergo recurrent metaphorization to denote human speech are still quite rare in early Russian texts. Nevertheless, the two verbs that have undergone this semantic shift, лаꙗти *lajati* and рикати *rikati*, happen to be used to describe aggressive speech, both in the way it is uttered (loudness, unknown language) and in its content (reproaches). The total absence of these verbs in the corpus of birchbark inscriptions is an indication of the exclusively literary nature of this phenomenon, with a central role for translation literature in the appearance and development of this type of metaphor. Moreover, from the explicit comparison introduced by ꙗко *jako* "as" to the fully lexicalised metaphor, we observe here one of the ways in which a verb moves from outside the lexical-semantic group of speech verbs to one of its peripheral subgroups. The opposite phenomenon also exists: verbs from the core of the lexical-semantic group which, through preverbation, join the subgroup of verbs for negative communication.

3) From the core of the lexical-semantic group of speech verbs to the subgroup of verbs for negative communication

The relationship between the peripheral subgroup of verbs for negative communication and the core of the main group of speech verbs can be almost entirely sum up to the meaning of the preverb на- *na-* and the preposition на *na* "on". Interestingly enough, the verb chosen to quote an insult is often a verb in на- *na-*, such as нарєщи *narešti* "to call", particularly in the corpus of brichbark letters, otherwise quite poor in verbs for negative communication:

> назовало єси сьтроу мою коровою и доцере блѧдєю
> *nazovalo esi sьtru moju korovoju i docere bljadeju*
> You called my sister a slut and my daughter a whore.
> Inscription 531 (early XIIIth century)

In fact, this "aggressive" value of the preverb also extends to the preposition на. Here we find the idea of "target" that is important for the subgroup: на, accompanied by the accusative, designates the recipient of the bad word, the targeted individual. The following example is a good illustration of this phenomenon, even if говорити *govoriti* does not yet mean "to speak" in the *Primary Chronicle*, but rather "to make some noise":

Изѧслав же сего не послуша . и начаша людье говорити на воєводу на Коснѧчь
Izjaslav že sego ne posluša i načaša ljudьe govoriti na voevodu na Kosnjačь
Izjaslav did not listen to him, and the people began to protest loudly against his warlord Kosnjačь.
Primary Chronicle, Hypatian codex, year 1068

In short, there are several ways of transforming a root speech verb into a verb for negative communication. One is preverbialization, another is the addition of a preposition making the addressee a target.

***

At the end of this analysis of the subgroup of verbs for negative communication, a semantic organisation emerges in which several trends can be observed. Around the differential seme [to utter a negatively connoted speech] four poles of meaning emerge which can be designated by an emblematic verb: **поносити** *ponositi* "to insult", **ругати** *rugati* "to mock", **клѧти** *kljati* "to curse" and **бранити** *braniti* "to reprimand". **Хулити** *xuliti* "to criticize" stands out as the main verb of the subgroup because it expresses its main seme without focus on the targeted person or on the nature of the negative utterance. Ultimately, there is a profusion of verbs and roots to express the seme [to utter a negatively connoted speech]. Gathered in the same peripheral subgroup, these verbs of speech testify to the ever-renewed metaphorical inventiveness of the speakers of Old East Slavic. If we add that this subgroup is only one of many, we can see just how rich the lexical-semantic group of speech verbs in early Old East Slavic texts really is.

BIBLIOGRAPHY:

NKRJa, historic subcorpuses: https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP last visit 26/04/2025

BLÁHOVÁ E., CEJTLIN R.M., VEČERKA R. (dir.), *Staroslovjanskij slovar' (po rukopisjam X - XI vekov)*, Moscow, Russkij Jazyk, 1994, 842 p.

ČERNYX P.Ja., *Istoriko-ètimologičeskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka v dvux tomax*, 3rd edition, Moscow: Russkij jazyk, 1999

JANIN V.L., ZALIZNJAK A.A., GIPPIUS A.A., *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001-2014 gg.)*, Moscow, Jazyk slavjanskoj kul'tury, 2015

KOR-CHAHINE Irina, KJUSEVA M.V. "Nekotorye zamečanija o glagolax zvukov životnyx v slavjanskix jazykax", in Raxilina E.V. (ed.), *Glagoly zvukov životnyx: tipologia metafor*, Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015, pp. 349-361

RAXILINA E.V. (ed.), *Glagoly zvukov životnyx: tipologia metafor*, editors: T.I. Reznikova, A.S. Vyrenkova, B.V. Orexov, D.A. Ryžova, Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015, 400 p.

SAKHNO Serguei, *Dictionnaire russe-français d'étymologie comparée, Correspondances lexicales historiques*, Paris, L'Harmattan, 2001, 368 p.

TARGONSKAJA E.P., *Glagoly reči v pamjatnikax pis'mennosti vekov XI-XIV*, abstract (*avtoreferat*) of doctoral dissertation under the direction of T.N. Kandaurova, Moskovskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet, Moscow, 1993, 18 p.

USPENSKIJ B.A., *Istorija russkogo literaturnogo jazyka (XI - XVII vv.)*, 3e ed., Moscow, Aspekt Press, 2002, 559 p.

VASMER Max, Ètimologičeskij *slovar' russkogo jazyka v četerëx tomax*, translated into Russian and completed by O.N. Trubačëv, 2nd ed., Moscow, Progress, 1987.

IS THE INFLUENCE OF JURIJ JURIČIČ'S CHAKAVIAN ON THE DEVELOPMENT OF THE SLOVENIAN LITERARY LANGUAGE UNDERRATED?

ANDREJA LEGAN RAVNIKAR, ALENKA JELOVŠEK (SLOVENIA)
ZRC SAZU, Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša
alegan@zrc-sazu.si, alenka.jelovsek@zrc-sazu.si

Jurij Juričič, the author of the third longest Slovenian printed work of the Protestant period, has long been overlooked in Slovenian linguistics, and his linguistic innovations have been labelled as a digression in the context of the 16th-century Slovenian literary language.

In this article, the continuity or discontinuity of words in selected dictionaries from the end of the 17th century to the beginning of the 21st century is examined on the basis of 100 selected lexemes, which in the 16th century appear only in Juričič's *Postilla* (JPo 1578). For the analysis of Juričić's vocabulary in the Slovenian literary language, selected older Slovenian dictionaries whose authors could be assumed to have come into contact with Juričić's *Postilla* were examined: Kastelec-Vorenec's Latin-Slovenian dictionary (1680-1710), Hipolit's Latin-German-Slovenian dictionary (1711-1712), Gutsman's (1789) and Vodnik's (1806) German-Slovenian dictionaries, and Pleteršnik's *Slovenian-German dictionary* (1894-1895). The continuity of the selected lexemes in modern standard Slovenian – as reflected in the *Slovar slovenskega knjižnega jezika* (Dictionary of the Slovenian literary language, *SSKJ2*) – was also analysed.

A comparative historical analysis of the occurrence of the selected 100 words in dictionary sources describing the language up to the end of the 19th century, and in the modern *SSKJ2*, showed that Juričič's contribution to the vocabulary of the modern Slovenian literary language, which has so far been studied only in the context of the 16th century, has been underestimated. In fact, a large proportion of the words analysed show continuous use in dictionaries, mainly thanks to their inclusion in the Kastelec-Vorenec dictionary, which served as a proxy for Juričić's vocabulary in the following two centuries. In the later dictionaries up to Pleteršnik's, only a small number of Juričić's words are newly attested. They may have entered them from other sources, so it is unlikely that the compilers of dictionaries after Kastelec and before Pleteršnik used Juričić's postil. Pleteršnik's extensive citation of examples from JPo 1578 (admittedly under Krelj's name) did not bring about a resurgence of his vocabulary in the Slovenian language. Of Juričić's words that were not recorded in dictionaries before Pleteršnik only those that were used in other sources in the 19th century (mainly under the influence of the Slavisation trend) were preserved in modern Slovenian.

REFERENCES

Kozma AHAČIČ, 2020: Razvoj slovenskega knjižnega jezika v 16. stoletju v številkah. *Slavistična revija* 68/1. 3–19.

Kozma AHAČIČ, 2024: *Stati inu obstati: prvih petdeset slovenskih knjig*. 2., dopolnjena in popravljena izd. Ljubljana: Cankarjeva založba.

Anton BREZNIK, 1982: *Jezikoslovne razprave*. Ur. Jože Toporišič. Ljubljana: Slovenska matica.

Helena DOBROVOLJC, 2004: *Pravopisje na Slovenskem*. Ljubljana: Založba ZRC.

Helena DOBROVOLJC, Marko SNOJ, 2014: Pisna dvojnica »laterna« ali »lanterna«. *Jezikovna svetovalnica*. Na spletu.

Hans Henrich HOCK, 1991: *Principles of Historical Linguistics*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.

Lev JAKUBINSKIJ, 1925: Die Vertretung des urslav. *ě* im Čakavischen. *Zeitschrift für slavische Philologie* 1. 381–96.

Alenka JELOVŠEK, 2022: Jurij Juričič – Hrvat in slovenski knjižni jezik 16. stoletja. *Kolektivne identitete skozi prizmo zgodovine dolgega trajanja*. Ur. Vanja Kočevar. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU. 105–30.

France KIDRIČ, 1929–1938: *Zgodovina slovenskega slovstva*. Ljubljana.

Jernej KOPITAR, 1808–1809: *Grammatik der Slavischen Sprache in Krain, Kärnten und Steyermark*. Laibach.

Andreja LEGAN RAVNIKAR, 2008: »Vodnikovo« besedje v Pleteršnikovem Slovensko-nemškem slovarju. *Od Megiserja do elektronske izdaje Pleteršnikovega slovarja*. Ur. Marko Jesenšek, Maribor: Filozofska fakulteta, Oddelek za slovanske jezike in književnosti (Zora 56). 132–42.

Andreja LEGAN RAVNIKAR, 2021: Hrvaško besedje v Megiserjevih slovarjih in delih slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja. *Jezik hrvatskih protestantskih izdanja i književnojezične koncepcije 16. stoljeća : zbornik radova*. Ur. Ivana Eterović, Mateo Žagar. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada: Staroslavenski institut. 233–49.

Andreja LEGAN RAVNIKAR, 2022: Besedotvorje v rokopisnem Hipolitovem slovarju (1711-1712) : slovarsko izročilo in novosti. *Jezikoslovni zapiski* 28/2. 185–204. https://doi.org/10.3986/JZ.28.2.10.

Majda MERŠE, 2008: Gradivska problematika zgodovinskega slovaropisja (ob Kreljevem in Jurčičevem besedju v Pleteršnikovem slovarju). *Od Megiserja do elektronske izdaje Pleteršnikovega slovarja*. Ur. Marko Jesenšek. Maribor: Filozofska fakulteta, Oddelek za slovanske jezike in književnosti (Zora, 56). 307–25.

Majda MERŠE, 2011: Uvod. *Besedje slovenskega knjižnega jezika 16. stoletja*. Ur. Kozma Ahačič, Andreja Legan Ravnikar, Majda Merše, Jožica Narat, France Novak. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU. 7–16.

Majda MERŠE, 2013: *Slovenski knjižni jezik 16. stoletja: razprave o jezikovnem sistemu, besedju in prevodni problematiki*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU (Zbirka Linguistica et philologica, 29).

Karl H. MEYER, 1929: Untersuchungen zur Čakavština der Insel Krk (Veglia). *Slavisch-baltische Quellen und Forschungen* 3. 1–135.

France NOVAK, 2006: Predponi v- in u- v jeziku slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja. *Stati inu obstati* 2/3–4. 138–59.

Vatroslav OBLAK, 1894: Protestantske postile v slovenskem jeziku. *Letopis matice slovenske*. 202–19.

Irena OREL, 2002: Historizem v sinhronih oblikoslovnih opisih 19. in 20. stoletja. *Historizem v raziskovanju slovenskega jezika, literature in kulture*. Ur. Aleksandra Derganc. Ljubljana: Center za slovenščino kot drugi/tuji jezik pri oddelku za slovanske jezike in književnosti FF. 201–17.

Martina OROŽEN, 1996a: *Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika v 19. stoletju*. Ljubljana: Filozofska fakulteta, Znanstveni inštitut FF.Martina OROŽEN, 1996b: *Poglavja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika: od Brižinskih spomenikov do Kopitarja*. Ljubljana: Filozofska fakulteta.

Jakob RIGLER, 1968: *Začetki slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana: SAZU.

Matej ŠEKLI, 2024: Začetek oblikovanja slovenskih pokrajinskih knjižnojezikovnih različic v 18. stoletju. *Jezik in književnost v spreminjanju*. Ur. Jožica Jožef Beg, Mia Hočevar. Ljubljana: Zveza društev Slavistično društvo Slovenije (Zbornik Slavističnega društva Slovenije, 34). 253–82.
Eva TRIVUNOVIĆ, Alenka JELOVŠEK, 2024: Kontinuiteta frazeološkega gradiva nebiblijskega izvora v slovenskem knjižnem jeziku od srede 16. do konca 19. stoletja. *Slavistična revija* 72/4. 331–50. https://doi.org/10.57589/srl.v72i4.4222.

СЛОВЕНСКА ЛЕКСИЧКА ГРАЂА У ЛЕТОНСКОМ РЕЧНИКУ (1772) К. Ф. ТЕМЛЕРА

PERSIDA LAZAREVIĆ DI GIACOMO (ITALIA)
Università degli Studi "G. d'Annunzio" Chieti-Pescara

У овом раду ће се анализирати словенска речничка грађа у летонском речнику данског функционера Кристијана Фридриха Темлера (Christian Friedrich Temler, 1717-1780).

Јужнословенској лексикографији познат је Темлеров рукописни речник „илирског" језика, недатиран и недовршен, и који се чува у Краљевској библиотеци у Копенхагену где је означен као "*C. F. Temleri Dictionarium Slavonicum*" (има сигнатуру GKS 2071 – 4°, али се претпоставља да су можда постојала два Темлерова речника или две варијанте истог речника). Овај речник се у литератури наводи као словенски, српско-хрватски те илирски (Svane 1993: 69; уп. Putanec 1962: 505). Први је на Темлеров речник скренуо пажњу Јозеф Добровски, после њега и Јозеф Шафарик. Ближе су се њиме бавили Гунар Сване (1968; 1993) и Пер Јакобсен (1970), а у последње време и Персида Лазаревић Ди Ђакомо (2015; 2016; в. и Јакобсен, Лазаревић Ди Ђакомо 2020). Више од хиљаду страна речника исписаног западном варијантом (брзописне) ћирилице, показују и доказују филолошку стручност Кристијана Фридриха Темлера, његово познавање бројних језика и три јужнословенска дијалекта, штокавског, кајкавског и чакавског те три изговора јата: јекавски, екавски и икавски. Ради се о до тада јединому речнику „илирског" језика написаном западном варијантом брзописне ћирилице.

Темлер је познат и романској лексикографији те румунско-данским културним везама (Laculiceanu 2008: 45) са својим речником влашког језика, *Vocabolarium Valachicum*, како је пренео Лозован (1963) и чија је датација такође проблематична (1768?). За разлику од илирског, овде је реч о речнику на свега 17 страна са 170 речи али који показује Темлеров интерес и за влашки језик, као и његову одлуку да одреднице напише латиницом, а која је мешавина правописног система италијанског, мађарског и пољског језика, што свакако овом речнику даје јединственост.

У Краљевској библиотеци у Копенхагену је похрањен и један други аутограф, *C. F. Temleri Collectanea autogr. de lingvis vulgo parum cognitis: Hft. 12 Glossarium Letticum cum harmonia et differentia Dialecti Lithuanice 1772* (сигн.: Ms. micro 151). Реч је о речнику летонског језика у поређењу са литванским (сличности и разлике, в. *Draviņš 1971*). Почеци летонске и литванске лексикографије (в. Veisbergs 2011) са вишејезичним речницима приближно се бележе у исто време у првој половини XVII века, а индоевропеисти као Размус Раск и Август Шлајхер предлагали су да је од

праиндоевропског језика настао балто-германски-словенски језик, из којег су се развили прабалтословенски (касније подељен на прабалтички и прасловенски) и германски. Темлеров речник треба разматрати у оквиру значајних летонских речника који му претходе, пре свега Манцелијусов (Mancelius 1638) и Елверсов (Elvers 1748), али и вишејезичних као Сирвидасов (Sirvydas 1677), Дреселов (Dressel 1688) или пак Рухигов (Ruhig 1747).

У овом летонском речнику, за који није искључено да је настао отприлике у исто време кад и илирски речник, Темлер упоређивањем балтичких, немачких и словенских примера манифестује активну улогу по питању славено-балтичко-германских језичких односа, а оквиру тзв. балто-словенског питања. Циљни језик је летонски, прва дефиниција одреднице је дата на латинском а затим следе други преводни еквиваленти и скупно гледано Темлер је овде обухватио 28 језика (у илирском речнику, на пр., преузимао је преводне еквиваленте из 80 језика). Од словенских језика појављују се дефиниције на црквенословенском, „илирском“, пољском, чешком и лужичкосрпском. Најбројније су, међутим, на илирском а што не треба да чуди ако се има у виду да је овај дански функционер у свом илирском речнику указивао примерима и етимологијама на повезаност и утицај јужнословенских говора на западнословенске пре свега на лужичкосрпски, што би значило да је правац филијације словенских језика по Темлеру ишао од Јадранског ка Балтичком мору. Објашњење стога летонских лексема илирским има своју логику у том смислу. Уосталом Темлер, који је био пореклом из Цербста у близини Магдебурга, настојао је да у свом речнику пружи етимологију бројних словенских топонима на немачкој територији, и у ту сврху био му је користан илирски језик, чиме је објашњавао порекло њему врло добро познатих места. А ако се узме у обзир да је Темлер и у свом чланку о подударностима између илирског, данског и нордијских језика (Темлер 1779) истакао да под илирским подразумева заједнички извор не само свих савремених словенских говора већ и „у неким аспектима“ такође албанског, летонског и влашког језика, онда је неизбежна и неопходна анализа словенских термина у летонском речнику те упоредна анализа са одредницама присутним у илирском речнику.

У том смислу, размотриће се квантитативно, квалитативно и функционално присуство словенских термина у односу на летонски вокабулар, али и у односу на лексеме Темлеровог „илирског“ речника.

ЛИТЕРАТУРА

C. F. Temleri Collectanea autogr. de lingvis vulgo parum cognitis: Hft. 12 Glossarium Letticum cum harmonia et differentia Dialecti Lithuanice 1772 (Kgl. B. Ms. micro 151).

Temler Christian Friedrich, Om Spor af en Overeenstemmelse mellem det Illyriske og Celtiske Sprog, i de Nordiske og ovrige Mundarter, som komme af dem begge, *Skrifter som udi det Kongelige Videnskabers Selskabs ere fremlagde*, XII, 1779, 101-132.

Comşa Ioan, Contacte culturale româno-daneze, *Secolul XX. Revista de literatură universală*, 7, 8, 9, 1979.

Draviņš Kārlis, Glossarium Letticum, *Språkliga Bidrag*, 6/26, 1971, 3-104.

Dressel Georg, *Vocabularium in vier Sprachen, teutsch, lateinisch, polnisch und lettisch*, Riga: Nöller, 1688.

Elvers Caspar, *Liber memorialis Letticus oder Lettisches Wörter-Buch*, Riga: bey Samuel Lorenz Frölich, 1748.

Jacobsen Per, F. Temlers illyrische Worterbuch in der Kgl. Bibliothek in Kopenhagen, *Scandoslavica*, XVI, 1970, 251-259.

Lăculiceanu Oana Gabriela, The Romanian-Danish cultural bonds during the 19th century, *Annales d'Université "Valahia" Târgovişte. Section d'Archéologie et d'Histoire*, 10/2, 2008, 43-48.

Lazarević Di Giacomo Persida, C. F. Temler i njegova beležnica (NKS 175 – 4°), *Croatica et Slavica Iadertina*, 11/2, 2015, 463-495.

Lazarević Di Giacomo, Persida, L'etimologia toponomastica anhaltino-servestana secondo Temler, *Merope*, 25/64, 2016, 79-98.

Lozovan Eugen, Le "Vocabularium Valachium" de Christ. Frid. Temler, *Etudes romanes dediees a Andreas Blinkenberg a l'occasion de son soixante-dixieeme anniversaire,* Copenhague: Libraire Munksgaard, 1963, 97-105.

Mancelius Georg, *Lettus. Das ist Wortbuch*, Riga: Gerhard Schroeder, 1638.

Putanec Valentin, Leksikografija kod Hrvata, Srba i Crnogoraca, *Enciklopedija Jugoslavije*, Zagreb: Leksikografski zavod, 1962, 503-513.

Ruhig Philipp, *Littauisch-Deutsches und Deutsch-Littauisches Lexicon*, Königsberg: Verl, J. H. Hartung, 1747.

Sirvydas Konstaninas, *Dictionarium Trium Lingvarum*, Vilnae: Typis Acadademicis Societatis Jesu, 1677.

Svane Gunnar, *Slavonic Manuscripts in The Royal Library: A Catalogue: Славянские рукописи в Копенгагенской Королевской библиотеке*, Copenhagen: The Royal Library, 1993.

Veisbergs Andrejs, Overview of the Early development of the lexicography of the three Baltic nations (from 17th to 19th century), *Baltic Journal of European Studies*, 1/1, 2011, 307-325.

Vejsbergs Andrejs, Latvian Translation and Bilingual Lexicography Scene, *Baltic Journal of English Language, Literature and Culture*, 1, 2011, 80-94.

Јакобсен, Пер, Персида Лазаревић Ди Ђакомо, *„Љиљан модри". К. Ф. Темлер и Јужни Словени*, Београд: Институт за књижевност и уметност, 2020.

Сване Гунар, Старе штампане књиге и рукописи из југословенских земаља у Копенхашкој краљевској библиотеци*, Зборник за филологију и лингвистику*, XI, 1968, 271-277.

О СЕМАНТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ ЛЕКСИКИ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

Анна Птенцова

В докладе обсуждается процесс составления семантического словаря (тезауруса) лексических единиц, представленных в корпусе древнерусских грамот на бересте, доступном в составе соответствующего подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ; сайт ruscorpora.ru) и на сайте берестяных грамот (gramoty.ru).

Данная работа имеет как общетеоретическое значение, так и большую практическую ценность. Теоретическая важность работы связана с потребностью в систематизации древнерусской лексики на основе семантического принципа, согласно которому соответствующий лексический материал разбивается на объединенные по тому или иному семантическому признаку пересекающиеся классы слов, которые и являются единицами описания семантического словаря. Аналогичная систематизация желательна и для лексики старорусского периода.

На настоящий момент существует несколько в основном фрагментарных, хотя и весьма подробных, описаний древнерусского и отчасти старорусского материала в данном аспекте. Так, работа [Кочин 1937] посвящена терминологической лексике на основе памятников до XV века включительно; в работе [Хабургаев 1979] рассмотрены этнонимы в составе Повести временных лет; в работе [Лукина 1990] описывается предметно-бытовая древнерусская лексика; военная лексика в диахроническом аспекте рассмотрена в [Сороколетов 2009], работа [Романова 2019] посвящена мереологической лексике, а вышедшая в середине прошлого столетия работа [Ковалів 1962–1964] хотя и имела своей задачей описание всей совокупности словарных единиц восточнославянского ареала X–XIV вв, однако в силу объективных причин является неполной по состоянию на настоящий момент и потому отчасти устаревшей.

Исследование, которому посвящен настоящий доклад, представляет собой один из этапов работы по описанию семантического устройства древнерусской и старорусской лексики. Для достижения целей этой работы наиболее логичным и реалистичным в исполнении шагом кажется последовательное обращение к лексическому материалу памятников разных типов, каждый из которых имеет свою лингвистическую специфику, и анализ семантических групп слов внутри данных типов.

Одним из таких типов являются частные письма на бересте XI–XV вв (преимущественно из древнего Новгорода, но также из Пскова, Старой Руссы, Смоленска, Твери, Торжка и некоторых других городов), относящиеся к некнижным текстам по классификации [Живов 1996: 31] и представляющие собой вполне компактный (однако ежегодно пополняемый) корпус текстов. За последние десятилетия появились подробные описания ряда отдельных лексических единиц, представленных в источниках данного типа (в частности, [НГБ: 164–181], [Зализняк 2004: 218–226]), однако семантическая классификация лексики берестяных грамот в целом, равно как и классификация ее внутри отдельных семантических зон (семантических полей) до сих пор не проводилась.

Помимо теоретического значения, создание «берестяного» тезауруса имеет и большую чисто практическую ценность. Тексты грамот часто оказываются фрагментированными, поскольку грамоты могли рваться на части или их поверхность могла подвергаться разного рода негативным воздействиям. Поэтому исследователи регулярно сталкиваются с задачей реконструкции утраченных словоформ, о значении которых в целом можно догадаться из сохранившегося контекста. Ср. берестяную грамоту 1132: <...> *да цтобы еси господи(не)* ---- *лилесь ци поидеть рать за волокъ* <...>, где частично утрачен глагол, значение которого можно приблизительно описать как ‘заботиться’, – *наболилесь*? *печалилесь*? *попечалилесь*? Наличие готовых списков слов, объединенных по семантическим признакам, позволило бы существенно облегчить такую реконструкцию.

В докладе излагаются результаты систематизации лексики, относящейся к четырем семантическим полям: ‘имена жителей’, ‘топонимы’, ‘ментальная и эмоциональная сфера’, ‘одежда, обувь и их части’. Таким образом, предметом изучения является как конкретная, так и абстрактная лексика.

Исследование проводилось прежде всего с опорой на материал «берестяного» подкорпуса НКРЯ. Определяющим для выбора данного подкорпуса в качестве источника является то важное обстоятельство, что, в отличие от прочих древнерусских памятников, подавляющее большинство берестяных грамот переведено на современный русский язык. Переводы грамот, выполненные лучшими знатоками древненовгородского диалекта А. А. Зализняком и А. А. Гипиусом, представленные в серии «Новгородские грамоты на бересте», в [Зализняк 2004], а также в ежегодных отчетах о текстах новых находок и последовательно перенесенные на сайт берестяных грамот, включены в настоящее время в состав указанного

подкорпуса, который, таким образом, вошел в число параллельных подкорпусов НКРЯ (см. об этом [Сичинава 2022]).

Именно наличие переводов на современный русский язык делает берестяные грамоты уникальным источником в составе НКРЯ, применительно к которому оказывается возможен поиск, ориентированный на принадлежность древнерусских слов к тому или иному семантическому полю. Эта возможность существует благодаря семантическим тегам, которыми снабжена каждая лемма, относящаяся к переводам берестяных грамот на современный русский язык. Поиск по заданным тегам дает возможность обратиться к современным переводным эквивалентам, а через них – непосредственно к лексическим единицам оригинальных текстов берестяных грамот. Теоретическое описание данной методики было предложено в работе [Сичинава 2022].

Рассмотрим пример практического применения этой методики при поиске лексики поля ‘ментальная и эмоциональная сфера’. На главной странице подкорпуса грамот выбиралась опция «искать в грамотах и переводах»; в окне «Семантика (рус. перевод)» вводился запрос на непредметные имена; далее в рубрике «Таксономия» запрашивались теги «Ментальная сфера» и «Психическая сфера».

Полученный результат не был идеальным. Выдача содержала некоторое количество посторонних лексем; ср. *мука́*, распознанная как *му́ка* гр. 526; *образ* в составе выражений «каким-то образом» и «таким образом» в переводах гр. 487 и 675 соответственно; *охота* в значении ‘охотничий промысел’и др.; при этом некоторая часть современных эквивалентов не имела желаемых соответствий в исходных текстах грамот – например, современным выражением «таким образом» было переведено древнерусское *то ти*.

Кроме того, выдача содержала несколько слов других семантических полей (ср., например, *съводы* в значении ‘очные ставки’).

В целом, при поиске указанным методом примерно четверть случаев оказалась «шумом» – однако недостатки метода с лихвой перекрывались скоростью поиска, позволяющего за доли секунды получить предварительный результат и быстро очистить его от ненужного материала.

Для верификации адекватности полученных результатов использовался метод сплошной выборки материала словоуказателя к берестяным грамотам [Зализняк 2004: 706–829], основанного на грамотах, найденных до конца 2003 г., и тот же метод сплошной выборки,

примененный ко всем грамотам, найденным до прошлого года включительно и выложенным на сайте берестяных грамот.

Сплошная выборка позволила в нескольких случаях существенно пополнить состав тезауруса – в частности, добавить несколько глаголов речи (а также ряд других) и модальных слов. Семантика этих слов включает, помимо прочего, указание на ментальную сферу; ср. глаголы *повѣдати* / *повѣдѣти* с семантическим компонентом ‘каузировать знать’; *попытати* ‘узнать путем расспросов’; *съдоумати* и его близкий синоним *съгадати* ‘посовещавшись, прийти к решению’; *творити* ‘считать (чем)’, ‘утверждать (что)’; *льгыи* ‘дозволенный.’

С другой стороны, изучение словоуказателя методом сплошной выборки имело тот минус, что в некоторых неочевидных случаях оказывалось необходимым обращаться к тексту каждой конкретной грамоты из числа тех, номера которых даны в указателе при слове, чтобы установить, о каком значении данного слова идет речь, и решить вопрос о принадлежности его к тому или иному семантическому полю. Например, глагол *имѣти*, выражающий семантику принадлежности, может также передавать значение ‘относиться к кому-либо каким-либо образом’, ср. *а язъ тя есмѣла акы братъ собѣ* ‘а я к тебе относилась как к брату’ (гр. 752). Процесс проверки значения лексических единиц во всех подобных случаях был трудоемким и хронозатратным.

Из сказанного видно, что оба описанных метода имеют свои преимущества и недостатки.

Преимущество первого метода состоит в скорости получения результатов, что особенно важно при работе с корпусами текстов, объемы которых значительно превосходят объем корпуса берестяных грамот – в частности, при обработке материала древнерусских и особенно старорусских текстов в составе панхронического подкорпуса НКРЯ, объединяющего три исторических подкорпуса (древнерусский, старорусский и подкорпус берестяных грамот) с основным подкорпусом современного русского языка, леммы которого также снабжены семантическими тегами, что позволяет проводить поиск, аналогичный описанному, на всем историческом материале.

Недостаток же данного метода состоит в необходимости отсеивать «мусор», а также в опасности потерять часть нужной лексики по причинам, связанным со свойствами семантической разметки современных эквивалентов этой лексики.

Достоинство метода сплошной выборки состоит в возможности увидеть и индивидуально проанализировать каждую лексическую единицу текста из полного набора этих единиц, не редуцированного никаким автоматическим способом, – но это же является и его недостатком: такой способ сбора материала отнимает значительное временя, особенно если речь идет о дополнительном анализе широкого контекста.

Хорошим решением представляется комбинация этих методов с опорой на поиск по семантическим тегам в качестве основного способа достижения результата и с обращением к методу сплошной выборки в качестве вспомогательного способа.

ЛИТЕРАТУРА

Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. – М., 1996. – 593 с.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. – М., 2004. – 882 с.

Ковалів П. К. Лексичний фонд літературної мови київського періоду X–XIV ст. Т. 1– 2. – Нью-Йорк, 1962–1964. – 444 с., 329 с.

Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней России / Сост. Г. Е. Кочин; под ред. Б. Д. Грекова. – М., Л., 1937. – 487 .

Лукина Г. Н. Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. – М., 1990. – 176 с.

Национальный корпус русского языка. Берестяные грамоты. Подкорпус. – URL: https://ruscorpora.ru/search?search=CiAqFwoICAAQChgyIAogADIFZ3JzdGRABXgBMgIIEDoBATAB

НГБ – Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.) – М., 1986. – 314 с.

Романова Г. Я. Объяснительный словарь старинных русских мер. – М., 2019. – 304 с.

Сичинава Д. В. Корпус берестяных грамот как параллельный // Труды Института русского языка РАН. – 2022. – № 2 (32). – С. 92–106.

Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.) – М., 2009. – 384 с.

Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. – М., 1979. – 232 с.

РУКОПИСНЫЕ КОММЕРЧЕСКИЕ ТРАКТАТЫ И ТОРГОВЫЕ СОГЛАШЕНИЯ НАЧАЛА XVIII В. КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Татьяна Коркина

В Отделе русской исторической лексикологии и лексикографии Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) при работе над «Словарем русского языка XVIII века» особое внимание уделяется пополнению источниковой базы словаря рукописными переводами начала XVIII в., относящихся к социально-политической, исторической, военной, законодательной, научной и др. сферам. Такие тексты играли существенную роль в процессе формирования и нормирования литературного языка. В начале XXI в. сотрудниками Отдела был опубликован ряд статей, посвященных текстологии и языку ряда переводных текстов начала XVIII в.: «Монархия Турецкая» в переводе П. А. Толстого[1], «Швеция старинная и новая», в переводе Д. Грозина[2], поэма «Метаморфозы» Овидия[3], морские уставы[4], научные трактаты по геометрии и фортификации А. П. Ганнибала[5], физиогномике[6], финансовый трактат «Деньги и купечество» в переводе И. А. Щербатова[7].

Доклад продолжает эту линию исследований, рассматривая лексику торгово-

---

[1] *Соколов А. И., Малышева И. А.* «Монархия Турецкая» в переводе П. А. Толстого как источник изучения русского языка начала XVIII века // Вестник Моск. гор. пед. ин-та. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2019. № 4 (36). С. 34–43.; *Соколов А. И., Малышева И. А.* Тюркизмы в одном из ранних русских переводов XVIII века // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2021. № 18 (1). С. 187–201.

[2] *Щёкин А. С.* «Швеция старинная и новая»: Переводной текст петровской эпохи как источник по истории лексики русского языка XVIII века // Тезисы Международной научной конференции «XXXVI чтения памяти Л. Л. Кутиной и Ю. С. Сорокина (к 300-летию основания Российской академии наук)» (25–26 марта 2024 года) / ИЛИ РАН. СПб.: ИЛИ РАН, 2024. С. 52–53.

[3] *Мольков Г. А.* Употребление частицы было в переводе «Метаморфоз» Овидия начала XVIII в. // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2016. Т. 10. С. 454–464.

[4] *Вознесенская И. А., Мольков Г. А.* Первые морские уставы Петровского времени:переводы и адаптация // Studi Slavistici. 2024. XXI (2). P. 81–99.

[5] *Мольков Г. А.* Терминология трактатов А. П. Ганнибала «Геометрия практика» и «Фортификация» 1725–1726 гг. // С. Д. Шелов, Е Цисун (отв. ред.). Терминология и знание. Материалы VI Международного симпозиума (Москва, 8–10 июня 2018 г.). М.: ИРЯ им. В. В. Виноградова; Министерство образования КНР, Хэйлундзянский университет, 2018. С. 179–188.; *Мольков Г. А.* Заимствования в трактатах А. П. Ганнибала по геометрии и фортификации (1725–1726 гг.): К истории неизменяемых прилагательных в русском языке // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Выпуск 23. Грамматические процессы и системы в диахронии. Памяти Андрея Анатольевича Зализняка. М., 2020. С. 198–208.

[6] *Мольков Г. А.* Обозначение оттенков цвета в физиогномическом трактате «Анфропоскопия» в русском переводе 1732 года // Е. П. Осипова (отв. ред.). И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. К 205-летию со дня рождения И. И. Срезневского: сборник статей Международной научно-практической конференции, 21–23 сентября 2017 г. Рязань: РГУ им. С. А. Есенина, 2017. С. 50–56.

[7] *Коркина Т. Д.* Трактат Джона Ло «Деньги и купечество»: история русского перевода 1720 г. и текстологический анализ списков. Acta Linguistica Petropolitana. 2020. XVI(3): 725–743; *Коркина Т. Д.* Лексические разночтения в редакциях русского перевода коммерческого трактата Джона Ло «Money and Trade» // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2022. Т. 18. Ч. 2. С. 178–207.

экономической сферы на материале рукописей из собрания Библиотеки Петра I (Библиотека Академии наук, Санкт-Петербург) — двух русских переводов теоретических трактатов, созданных в 1720-е гг. для Петра I с целью ознакомления с европейским опытом проведения экономической политики государства в отношении производства, финансов и внешней торговли для развития и обогащения государства. Кроме того, к исследованию привлекается материал русского перевода торгового соглашения, заключенного между Францией и немецкими портовыми городами в 1718 г.[8], хранящегося в том же собрании.

Автором первого перевода является князь Иван Андреевич Щербатов (1696–1767). Оказавшись в числе людей, посланных Петром I для обучения языкам и разным наукам за границу, князь с 1719 г. жил около трех лет в Лондоне, изучал латынь, английский и французский языки, осваивал арифметику, геометрию, тригонометрию, астрономию и навигацию [9] и всеми силами старался быть «в практике на военных английских кораблях» [10]. Однако в 1721 г. И. А. Щербатов возвращается в Россию в связи с ухудшением англо-русских отношений, которое привело к полному разрыву официальных дипломатических связей России и Великобритании в ноябре 1720 г.[11] Во время пребывания за границей внимание князя Щербатова привлекла финансовая «система Ло» (фр. système de Law), выстроенная во Франции в 1716–1720-х гг. шотландским экономистом Джоном Ло (1671–1729), основавшим в Париже частный Banque Générale. Князь И. А. Щербатов стал одним из активных проводников идей Дж. Ло в России: он не только перевел на русский язык трактат Дж. Ло, но и, вдохновившись его идеями, составил проект о заведении банков и выпуске бумажных денег для распространения коммерции в России[12]. Щербатов работал над переводом «Деньги и купечество разсуждено с предлогами к присовокуплению в народ денег чрез господина Ивана Ляуса нынѣ управителя королевского банку в Париже» (П I Б № 92, 124 л.),

[8] Публикация текста соглашения с кратким предисловием, в котором выдвигаются предположения относительно оригинала источника, и указателем слов: *Коркина Т. Д.* О новом источнике для исследования русского языка Петровской эпохи: русский перевод торгового соглашения, заключенного между Францией и Любеком, Бременом, Гамбургом // Славянская историческая лексикология и лексикография: сб. научных трудов. Вып. 4. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. С. 137–165.

[9] *Троицкий С. М.* «Система» Джона Ло и ее русские последователи // Ф. Бродель (ред.). Франко-русские экономические связи. М.; Париж: Наука. 1970. С. 94.

[10] *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1862. С. 244.

[11] *Копелев Д. Н.* Имперская модель князя И. А. Щербатова и ее реализация в 1720–1725 гг. // Н. П. Копанева, М. Ф. Хартанович (ред.). Ломоносовские чтения в Кунсткамере. К 270-летию издания первого «Атласа Российского» (1745) и 250-летию со дня смерти М. В. Ломоносова (1765). СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2016. С. 223.

[12] *Троицкий С. М.* Указ. работа. С. 94.

опираясь, по нашим наблюдениям, на текст первого издания трактата на английском языке “Money and Trade Considered, with a Proposal for supplying the Nation with Money”, вышедшего в 1705 г., а также на его французский перевод “Considerations sur le Commerce et sur l’Argent. Par Mr. Law. Controlleur Denéral des Finances. Traduit de l’Anglois. A la Haye, Chez Jean Neaulme”, опубликованный в Голландии в 1720 г. В трактате приводятся рассуждения о серебре, о годности его в качестве денег, о приумножении денег, о различных способах «сохранения и прибавки денег», об учреждении банков, о кредите и т. п.

Второй источник — «Княжеских сил хитрость или неизчерпаемый златый кладезь .. изображено от одного во многих науках искуснаго знатного кавалера .. от Гендриха фон Бодена» (П I Б № 87, 140 л.)[13], который является анонимным переводом немецкой книги: Heinrich Boden “Fürstliche Macht-Kunst Oder Unerschöpfliche Gold-Grube, Wordurch ein Fürst sich kan mächtig und seine Unterthanen reich machen”, опубликованной в Вайсенфельсе в 1703 г. (2-е издание). Текст содержит ряд положений по организации государственной экономической политики, о создании и организации различных мануфактур. Из истории данного перевода известно, что Петр I высоко оценил его содержание, собственноручно оставил помету на л. 1об. — «Сию книгу напечатать немедленно»[14].

Рукопись «Трактат, каков учинил король французский с приморскими городами в майе 1718 г.» (П. I. Б. 93, 26 л.) представляет собой анонимный перевод на русский язык, вероятно, с немецкого языка торгового соглашения, заключенного между Францией и немецкими портовыми городами бывшего Ганзейского союза Любеком, Бременом и Гамбургом. Точный год создания перевода не известен, исследователи датируют «после 1718 г.»[15] и 1720-е гг.[16] Соглашение включает в себя 42 артикула, в которых прописаны права и свободы «подданных приморских городов», занимающихся коммерческой деятельностью, правила торговли на суше и на море. Например, рассмотрено

[13] В отделе рукописей БАН хранится еще один перевод этой книги под названием «Книга о получении каждому владетелю богатства чрез установление и произведение разного звания манифактур». О этом переводе на сегодняшний день известно только то, что написано в самой рукописи, а именно, что книга является списком с другой рукописной книги, «взятоиизСанктпетербурскоиАкадемическоиБиблиотеки», созданным в 1739-м году канцеляристом Иваном Дроновым. На л. 1 есть запись, ставящая под сомнение качество перевода, говорится о необходимости сверки данного списка с печатной книгой, если таковая существует: «Токмо, ежели соизволено будетъ належить сеи списокъ. свидѣтелствовать и поправлять. с полиною печатною кнгою, ежели оная гдѣ имѣется: понеже без того утвердитца невозможно. Satѣм что переведено весма невразумително. и без всякого изяснения:».

[14] *Лебедева И.Н.* (автор-сост.). Библиотека Петра I. Описание рукописных книг. СПб.: БАН, 2003. С. 205.

[15] Там же. С. 209.

[16] *Боброва Е.И.* (сост.). Библиотека Петра I. Указатель-справочник. Л.: БАН СССР, 1978. С. 49.

освобождение от подати, уравнение в правах «подданных приморских городов» с «королевскими» (французскими) подданными, прописаны действия в случае затопления торгового судна и др.

Данные переводы, посвященные торгово-экономической и финансовой тематике, выполненные в начале XVIII в., остались неопубликованными, а их языковой материал почти не описанным. Тексты насыщены единицами активно развивающихся в Петровскую эпоху сфер жизни: производства, коммерции и финансов, гражданско-правовой, дипломатической и административной сфер. Используя пространные примечания, глоссы в тексте и на полях, переводчики стремятся не только разъяснять специальные обозначения мер, веса и ценностей, использующиеся в оригинале, но и знакомить читателя с европейской бытовой, технической, финансовой и экономической терминологией.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЕ БЫТОВОЕ ПИСЬМО

Павел Петрухин (Германия)

1. Множеству берестяных грамот, а также других (преимущественно некнижных) средневековых восточнославянских текстов свойственно «смешение» следующих пар букв: *ъ – о*, *ь – е*, *ѣ – е* (и/или *ѣ – и*), *ц – ч*. Разновидность письма, в которой данные явления выступают более или менее систематически, А. А. Зализняк охарактеризовал как особую «бытовую» («неполноразличительную») графическую систему. В восточнославянской письменности бытовая графическая система противопоставлена книжной, или «стандартной», графической системе, где указанные эффекты отсутствуют или встречаются лишь спорадически.

2. В докладе обосновывается тезис о том, что все вышеперечисленные, а также многие другие особенности бытового письма – результат применения пишущими тех навыков, которые они приобрели в ходе изучения грамоты, а именно навыков чтения церковнославянских текстов. В этом смысле бытовое письмо есть продукт конвертации правил чтения в правила письма (Б. А. Успенский).

3. Ключевая роль правил чтения в формировании бытового письма обусловлена тем, что этим письмом пользовались люди, которых в ходе начального обучения грамоте учили читать церковнославянские тексты, но не учили «книжному» письму, т. е. не учили орфографии. Следовательно, для понимания устройства бытового письма необходимо иметь представление о системе обучения грамоте в Древней Руси.

4. Система обучения грамоте, практиковавшаяся в Древней Руси, носит название системы чтения по складам. Она реконструируется на основании средневековых восточнославянских азбук, берестяных грамот (сохранивших упражнения, выполнявшиеся в ходе освоения грамоты), средневековых грамматических трактатов, а также, в значительной степени, той системы обучения грамоте и того метода чтения церковнославянских текстов, которым следуют русские старообрядцы. Метод чтения по складам заключается в том, что читающий последовательно опознает в тексте и прочитывает единицы, воспринимаемые им как слоги. Все слоги в данной системе чтения − «открытые», т. е. каждый слог оканчивается на гласную и после каждой гласной начинается новый слог. Графические слоги (склады) принято было заучивать наизусть.

5. В системе чтения по складам все слоги делятся на два типа: 1) слоги, состоящие из сочетания согласных букв с гласными (условно CV); 2) слоги, состоящие из одной гласной буквы (условно V).

6. В процессе чтения каждая буква, образующая склад, не произносится как отдельный звук, а называется в соответствии с ее наименованием в букваре. Звуковое прочтение получает лишь слог целиком. Исключение составляют слоги типа V: гласные буквы, образующие слог типа V, в процессе чтения сразу произносятся как звуки.

7. Соответственно, звуковое значение отдельных букв усваивалось носителями бытового письма не в ходе ознакомления с алфавитом, а только в процессе чтения.

8. Бытовое письмо основывалось на соотнесении фонетических слогов с графическими слогами (складами) – в отличие от «нормальной» буквенной графики, в основе которой лежит соотнесение букв (графем) с фонемами.

9. По правилам «книжного» (церковного) произношения, слоги типа *бъ* и *въ* читались как [бо] и [во], т. е. так же, как *бо* и *во*, а слоги типа *бь* и *вь* – как [бе] и [ве], т. е. так же, как *бе* и *ве*. Поскольку в ходе обучения (включая процесс чтения текстов) фонетически произносились не отдельные буквы, но лишь целые слоги, учащиеся усваивали, что слоги *бъ* и *бо*, *вь и ве* омофоничны, а следовательно, графически эквиваленты. Таким образом, в действительности в бытовом письме имеет место не мена букв *ъ – о*, *ь – е*, *ѣ – е* (*ѣ – и*), а мена слогов типа *бъ* и *бо*, *вь и ве*. Это явление – одно из частных проявлений принципа соотнесения фонетических и графических слогов в рамках бытового письма.

10. На то, что в данном случае речь идет именно об эквивалентности слогов, а не буквв *ъ* и *о*, *ь* и *е* и т. д. как таковых, четко указывает тот факт, что эти гласные не смешиваются в слогах типа V, ср. невозможность написаний типа **ътрокъ* ‘отрок’ или **Кыьвъ* ‘Киев’. В отличие от букв *о* и *е*, которые встречались в слогах типа V (ср., например, *отьць*, *еси*) и, соответственно, прочитывались как [о] и [je], буквы *ъ* и *ь* выступали исключительно в слогах типа CV. Таким образом, здесь отсутствует причина для мены букв.

11. Последовательность ‘предлог в виде согласной буквы + начальная гласная слова’ закономерным образом воспринимается как слог типа CV. Отсюда мена гласных букв в таких слогах, ср., например, в двинских пергаменных грамотах: *въбакунъвыхъ дѣтьи* ‘у Обакуновых детей’, *въбакунъвихъ дѣтеи мѣстъ* ‘вместо Обакуновых детей’, *събѣ половинѣ* ‘с обеих сторон’, *къзеру* ‘к озеру’, *вънтюши* ‘у Онтюши’.

12. С противопоставлением слогов типа CV и слогов типа V связано также использование таких дублетных пар графем, как, например, *а – ꙗ*, *е – є/ѥ*, *и – і*, *о – ѡ/ѻ/ѳ*, *у – оу*.

В подобных парах левые графемы выступают в слогах типа CV, а правые – в слогах типа V. Для носителя бытового письма, который учился читать по текстам с противопоставлением дублетных графем гласных, например *о* и ѡ, графема ѡ представляла собой самостоятельный слог [о], тогда как графема *о* – элемент слогов типа CV. Тем самым, это графическое распределение непосредственно связано с навыками чтения и не требует применения специального орфографического правила.

13. Слоги типа V могут маркироваться не только с помощью специальных графем, но также с помощью точки (или двух точек) над буквой (иногда в дополнение к специальной графеме). Уникальная особенность берестяных грамот состоит в спорадическом использовании с той же целью разделительных точек и двоеточий, например: :о:рєтємєѧ, :о:сипє (берестяная грамота № 1064).

14. Последовательность ‘предлог в виде согласной буквы + начальная гласная слова’ трактуется как слог типа CV, ср. в новгородской берестяной грамоте № 23: к оспо-дину, с олькс[ъ], но ієсми wсподинь, нымного wсподинь, два wвина.

15. В исследованиях по истории восточнославянской письменности случаи смешения ъ и *о*, ь и *е* и т. д. в книжной письменности обычно рассматриваются как результат влияния бытового письма. В то же время использование дублетных графем гласных в бытовой письменности трактуется как следствие применения орфографических правил, свойственных книжной орфографии, в бытовом письме. В действительности как в том, так и в другом случае речь идет не о влиянии бытового письма на письмо книжное или наоборот, а о применении навыков, усвоенных при прохождении начального обучения грамоте (в случае книжных писцов эти навыки имеют рудиментарный характер, т. е. проявляются в тех случаях, когда писцы оказываются неспособными вполне последовательно придерживаться правил книжной орфографии).

16. В бытовом письме (но также и во многих книжных рукописях) в слогах типа V наблюдается довольно устойчивый графический эффект ѣ → *е*, т. е. такие написания, как *поехати* (варианты: *поꙗхати*, *поєхати*) вместо *поѣхати* (для грамот со смешением ъ и *о*, ь и *е* в слогах типа CV этот эффект более характерен, чем для грамот без такого смешения). Это связано с тем, что в образцовых книжных текстах восточнославянскому ѣ после

после [j] обычно соответствуют буквы ꙗ, а или ꙗ. Тем самым соответствие ѣ ↔ [jê] не

усваивалось при изучении грамоты и буква ѣ, подобно буквам ъ, ь, ы, закреплялась в языковом сознании как такая, которая способна выступать лишь в составе слогов типа CV. Если же требовалось передать на письме сочетание [jê] (вообще говоря, вполне

обычное для ранних восточнославянских диалектов), то использовался графический слог типа V, который фонетически был наиболее близок к этому сочетанию. В роли такого слога (до перехода /ê/ в /и/ в новгородском и некоторых других восточнославянских диалектах) выступала одна из графем ряда *е, ѥ, є*.

17. Таким образом, в бытовом письме мена гласных *ъ – о*, *ь – е*, *ѣ – е*, *ѣ – и* имеет место только в слогах типа CV, но не в слогах типа V.

18. Итак, в бытовом письме фонемные сочетания /je/ и /jê/ объединены по трем параметрам: а) начальная фонема /j/; б) слог типа V; в) запись в виде буквы *е* (точнее, в виде графем *е, ѥ* или *є*). Это обстоятельство способствовало тому, что фонема /j/ (для которой, как известно, в древней кириллической азбуке не было специальной буквы) передавалась с помощью буквы *е* и вне указанных фонемных сочетаний, ср. написания типа *дае* ‘дай’. В самом деле, из трех перечисленных параметров, объединяющих сочетания /je/ и /jê/, здесь уже присутствуют два: фонема /j/ и слог типа V (в данном случае лишь графический). О том, что именно такой графический «алгоритм» приводил к написаниям типа *дае*, ярко свидетельствует тот факт, что подобные написания отсутствуют в текстах с последовательным эффектом *ѣ → и* (отражающим соответствующее фонетическое явление в восточнославянских диалектах).

19. После падения редуцированных возникли серьезные расхождения между системой традиционных складов и слоговой структурой разговорного языка. В связи с этим механизм соотнесения фонетических слогов с азбучными складами претерпел изменения: фонетические слоги, которые соотносились с азбучными складами, чаще всего записывались при помощи традиционных складов; прочие звуковые последовательности на письме могли искусственным образом приводиться в соответствие с набором традиционных складов, для чего использовались вставные гласные *ъ*/*о* и *ь*/*е* («эффект скандирования», по Зализняку).

20. Последовательное соблюдение этих принципов записи закономерным образом могло приводить к появлению «квази-раннедревнерусских» берестяных грамот, т. е. текстов, которые выглядят так (или почти так), словно они были написаны до падения редуцированных, хотя достоверно известно, что эти грамоты поздние, ср. грамоты № 346, 390, 582, 122, 293, 366, Ст. Р. 30, Пск. 6.

21. С историко-типологической точки зрения древнерусское бытовое письмо имеет довольно много общего с слоговыми (силлабическими) графическими системами. Известно, что в бесписьменных обществах слоговые системы письма усваиваются значительно легче и быстрее, чем системы алфавитные. Это обусловлено тем, что деление

речевых отрезков на слоги является для «наивных» носителей языка намного более простой задачей, чем расщепление звуковой цепочки на гласные и согласные. Тем самым использование бытового письма способствовало распространению грамотности в средневековой Руси.

GWAROWY, STAROPOLSKI WYRAZ *SROM* ‘WSTYD, HAŃBA’ I JEGO DERYWATY NA TLE INNYCH JĘZYKÓW SŁOWIAŃSKICH

IRENA JAROS (POLSKA)
Uniwersytet Łódzki, Łódź
irena.jaros@uni.lodz.pl
ORCID: 0000-0001-6397-5890

W polskich gwarach do dzisiaj funkcjonują wyrazy, których momentu powstania i rozpowszechnienia w polszczyźnie należy poszukiwać w zamierzchłych dziejach naszego języka. Do takich leksemów można zaliczyć wyraz *srom*, który w pierwotnym znaczeniu ‘wstyd, hańba’, znany był w staropolszczyźnie. Z uwagi na prasłowiański rodowód omawianego rzeczownika (< **sormъ*), zarówno on, jak i powstałe od niego formacje słowotwórcze posiadają innosłowiańskie odpowiedniki, charakteryzujące się rdzeniami kontynuującymi postać prasłowiańską. Zagadnieniem godnym omówienia staje się więc – obok genezy wyrazu i powstałych od niego formacji słowotwórczych – jego rozwój semantyczny oraz zasięg geograficzny w polszczyźnie z uwzględnieniem szerszego – ogólnosłowiańskiego tła. Materiał polskojęzyczny egzemplifikujący poruszaną problematykę pochodzi z dzieł drukowanych, tzn. z historycznych i współczesnych słowników języka polskiego, ze słowników i monografii gwarowych oraz źródeł niedrukowanych, publikowanych w internecie, tzn. *Wielkiego słownika języka polskiego PAN* (WSJP PAN), kartoteki *Słownika gwar polskich* (KSGP PAN), kartoteki *Słownika języka polskiego XVII i poł XVIII w*. (KSJPXVII/XVIII) oraz elektronicznego *Korpusu tekstów barokowych* (KorBa). W celu uwzględnienia słowiańskiego tła skorzystano z wybranych, dostępnych współczesnych i historycznych słowników języków południowo-, wschodnio- i zachodniosłowiańskich. Przytaczane polskie formy gwarowe pochodzą z dość rozległego okresu czasu – od końca XIX wieku do początków wieku XXI. Ze względu na ich historyczną proweniencję uznaję je za należące do dawnej, archaicznej warstwy leksyki gwarowej bez formułowania wniosków na temat ich żywotności w gwarach polskich.

W polszczyźnie oraz w innych językach słowiańskich występują dwie formy wyrazowe w znaczeniu ‘wstyd, hańba’, tzn. bezpośredni kontynuant psł **sormъ* – rzeczownik rodzaju męskiego *srom* oraz jego żeński odpowiednik, odczasownikowy derywat *sromota*. Każdy z nich stał się ośrodkiem gniazda słowotwórczego, zawierającego formacje słowotwórcze, należące do różnych części mowy, tworzące bogaty zbiór leksemów. Język polski zna wyraz *srom* od XV wieku w jego dwu podstawowych znaczeniach, tzn. 1) ‘wstyd, przykre uczucie wywołane świadomością złego postępowania, naganą a. lękiem przed naganą, przed

znalezieniem się w nagannej sytuacji' oraz 2) 'gorszące postępowanie' (SStp). W dziełach historycznych jest również poświadczony odrzeczownikowy czasownik *sromać (się)* 'przeżywać uczucie wstydu', 'wstydzić się' oraz jego derywaty prefiksalne, np. *zasromać* 'zawstydzić'. Dziewiętnastowieczne słowniki języka polskiego (np. L, SW, SWil) zamieszczają przedstawione wyżej leksemy oraz przymiotniki: *sromy*, *sromny* 'wstydliwy, pełen sromu, zawstydzony; haniebny', *sromowaty*. W *Słowniku języka polskiego* pod red. W. Doroszewskiego (SJPD), zawierającym słownictwo polskie od poł. wieku XVIII do połowy wieku XX wyrazy *srom, sromać* opatrzone zostały kwalifikatorem *przestarzały*, zaś przymiotniki *sromy* i *sromny* kwalifikatorem *dawny*. Zostały one zastąpione przez odpowiadające im znaczeniowo formy: *wstyd*, *wstydzić się*, *zawstydzony*, co potwierdzają współczesne leksykony języka polskiego (np. WSJP PAN), rejestrujące tylko wyraz *srom*, gdzie na pierwszej pozycji artykułu hasłowego znajduje się znaczenie anatomiczne: 'narząd płciowy, zewnętrzna część układu płciowego kobiet i samic ssaków'. Drugie znaczenie, tzn. 'wstyd, hańba, niesława' w słownikach języka polskiego, publikowanych od poł XX wieku (np. SJPD, SJPSz, PSWP, USJP), najczęściej opatrzone jest kwalifikatorem *przestarzały* lub *dawny*, czasami uzupełnionym o kwalifikator *książkowy* lub *podniosły*.

Jako synonim podstawowego wyrazu *srom* 'wstyd, hańba' należy uznać, występujący w staropolszczyźnie rzeczownik *sromota*, będący sufiksalnym derywatem od czasownika *sromać*. Według *Słownika staropolskiego* (SStp) występował on w kilku znaczeniach: 'uczucie wstydu, stan zawstydzenia'; 'zniesławienie, zniewaga, obraźliwe wyśmiewanie się', 'zła opinia', 'czyn gorszący', 'dokuczliwe naleganie'. Wtórnie wyraz *sromota* był również używany w konkretnych znaczeniach, tzn. 'wstydliwa część ciała'. Wyraz ten dość często pojawia się w tekstach pochodzących z XVI-XIX w., (zob. SStp, KorBa, SW) zazwyczaj w znaczeniu 'wstyd, hańba, niesława, poniżenie, pohańbienie'. Analizując cytaty, pochodzące z tego okresu wyraźnie widać, że ewolucja znaczenia tego wyrazu szła w kierunku 'hańby, poniżenia', co należy łączyć z upowszechniającymi się od XVI wieku leksemami *wstyd, wstydzić się, wstydliwy* oraz zmianą znaczenia wyrazu *srom*.

Rzeczownik *sromota* stał się podstawą do utworzenia w staropolszczyźnie czasownika *sromocić*, funkcjonującego w dwóch znaczeniach: 'wstydzić, hańbić, znieważać' oraz '[kobietę] gwałcić, hańbić'; przymiotnika *sromotny* 'haniebny' i pochodzącego od niego przysłówka *sromotnie* 'haniebnie, niesławnie' oraz rzeczowników: *sromotność* i *sromotnik* 'plugawiec, sprośnik'. Nie wszystkie z wymienionych derywatów leksemu *sromota* zachowały się w standardowej polszczyźnie. Słowniki języka polskiego powstałe w XX i XXI wieku albo nie zamieszczają leksemu *sromota* w ogóle, albo opatrują go kwalifikatorem

przestarzały i *książkowy*, czym wskazują na możliwość wykorzystania omawianego wyrazu w celach stylizacyjnych. Narodowy Korpus Języka Polskiego (NKJP) poświadcza używanie tego wyrazu przez autorów powieści oraz przez internautów na różnych forach dyskusyjnych. Przymiotnik *sromotny* oraz przysłówek *sromotnie* występują współcześnie przede wszystkim w utartych wyrażeniach w znaczeniu: 'haniebny, niechlubny, niesławny/haniebnie, niechlubnie, niesławnie'. Znane w historycznej polszczyźnie atrybutywne określenie człowieka: *sromotnik* stało się współcześnie nazwą *sromotnika wstydliwego Phallus impudicus* L. oraz syntetyczną nazwą trującego *muchomora sromotnikowego* (*Amanita phalloides)*.

Repartycja gwarowych form *srom* i *sromota* w znaczeniu 'wstyd, hańba, niesława' oraz ich derywatów na polskim obszarze etnicznojęzykowym wykazuje cechy charakterystyczne dla peryferii językowych. Źródła gwarowe potwierdzają ich występowanie przede wszystkim na Kaszubach, zwłaszcza w ich części północnej. *Słownik gwar kaszubskich* B. Sychty (SychtaKasz) notuje zarówno leksem *srom*, jak i utworzony od niego przymiotnik *sromisti* 'wstydliwy, nieśmiały', czasownik *sromac są* 'wstydzić się' i jego prefiksalne derywaty oraz rzeczowniki atrybutywne: *sromajk* 'człowiek nieśmiały' i formę żeńską: *sromajka*. Z gwar kaszubskich pochodzą również formacje: *sromota* 'wstyd, hańba, poniżenie' oraz *sromocëx* 'sromociuch, dziecko nieśmiałe'. Na terenie Polski północnej i północno-wschodniej zanotowano przykłady omawianych form także w gwarach ziemi chełmińsko-dobrzyńskiej, Warmii i północnego Mazowsza (zob. KSGP PAN).

Drugim obszarem gwarowym na terenie Polski charakteryzującym się występowaniem form *srom*, *sromota* oraz ich derywatów jest teren Śląska, zwłaszcza jego część północna i graniczące z nią gwary południowej i wschodniej Wielkopolski (AJŚ, KSGP PAN) oraz południowa Małopolska, głównie ziemia krakowska, wieluńska, gwary orawskie i podhalańskie (KSGP PAN, KąśP, KąśO).

Występujące w polszczyźnie leksemy *srom* i *sromota* 'wstyd, hańba' wraz z powstałymi od nich formacjami słowotwórczymi, posiadają swoje odpowiedniki w innych językach słowiańskich. Ich wspólną cechą jest rdzeń kontynuujący prasłowiańską postać **sormъ*. Wśród języków zachodniosłowiańskich poza językiem polskim i kaszubskim znane są one jedynie w języku łużyckim, por. *srom, sromanje* 'wstyd, hańba, *sromota* 'wstyd, hańba, nagość', *sromny*, *sromotny* 'nieśmiały, wstydliwy, haniebny, bezwstydny', *sromaś (se)* 'wstydzić się, przynosić hańbę' (https://www.dolnoserbski.de). Współcześnie formy te występują przede wszystkim w standardowych językach południowosłowiańskich, np. w języku bułgarskim: *срам, срамъ̀т, срамà* 'wstyd, hańba', *срàмен* 'nieśmiały, haniebny',

срамотà ‘wstyd, hańba’, *срамотùя* ‘coś, co powoduje wielki wstyd; ‘nagie części ciała’ (https://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg/); w języku słoweńskim, np.: *sram* ‘genitalia, zwłaszcza żeńskie, srom; wstyd’, *sramôta* ‘wstyd, hańba’, przest. ‘genitalia’, *sramoten* ‘haniebny’, *sramotílen* ‘żenujący, obraźliwy’, *sramotílec* ‘bezwstydnik’ (https://fran.si); w języku chorwackim, np.: *srâm* ‘wstyd, nieśmiałość; to, co zawstydza’, *srâman* ‘haniebny, wstydliwy’, *sramòta* ‘wstyd, hańba’, *srȁmotan* ‘haniebny, obsceniczny’, *sramòtiti* ‘zawstydzić’, *srȁmotnīk*, *bèsrāmnīk* ‘bezwstydnik’; *srâmno*, *srȁmotno* ‘wstydliwie, haniebnie (https://hjp.znanje.hr); w języku macedońskim, np.: *срам*, *срамеж* ‘wstyd’, *срамота* ‘wstyd, hańba, czyn obraźliwy’, *срамотилак* ‘hańba’, *срамен* ‘to, co powoduje wstyd, intymna część ciała, *срамотен* ‘wstydliwy’ (http://drmj.eu) oraz w języku serbskim, np.: *срâм* ‘wstyd’, *срамота* ‘wstyd, hańba’, *срâман, срäмотан* ‘ten, kto przynosi wstyd’, *срäмотник* ‘bezwstydnik’, *срäмотница* ‘bezwstydnica’, *срâмотити* ‘przynosić wstyd, hańbę’ itp. (PCJ).

O tym, że psł rzeczownik ***sormъ*** występował prawie na terenie całej Słowiańszczyzny[1] przekonują również źródła wschodniosłowiańskie. Słowniki współczesnego języka rosyjskiego (zob. БСРЯ; ССРЯ) notują np. leksemy: *сором* ‘wstyd’, *сромиться* ‘wstydzić się’, *соромник* ‘bezwstydnik’, *соромница* ‘bezwstydnica’, *соромный* ‘wstydliwy’, *соромно* ‘wstydliwie’ oraz przestarzałe, używane lokalnie formy *срам* ‘wstyd’, ‘wstydliwe części ciała’, *срамец* ‘bezwstydnik’; również gwarowe *срамота* ‘wstyd, hańba’ czy przymiotnik *сромливый* ‘wstydliwy, skromny’(СРНГ) . W historii języka rosyjskiego (XV-XVI wiek, zob. СРЯ XI-XVII) forma *соромъ*, używana była również w znaczeniu ‘genitalia’.

Podobny stan zachowują omawiane leksemy w języku białoruskim i ukraińskim. Wyraz ***сóрам*** **razem z formą** ***сарамата́*** **oznacza w białoruskim ‘wstyd i hańbę’ (**ТСБМ**). Starsze dane, również gwarowe potwierdzają funkcjonowanie na Białorusi formy *сóрам* oraz** *сарамóк* i *сарамацéне* jako ‘narząd rozrodczy, genitalia’, *срамнік* ‘bezwstydnik’, *сараматлівы* ‘wstydliwy’ (zob. СЭБМ, СБГ). Obok nich funkcjonują we współczesnym języku białoruskim również formacje słowotwórcze: *сараматны* ‘wstydliwy’, *сараматнік* ‘bezwstydnik’ i *сараматніца* ‘bezwstydnica’, *бессаромны* ‘bezwstydny’(ТСБМ). Słowniki języka ukraińskiego **(***СУМ;* В*СУМ)* notują formacje: ***сором*** **‘wstyd, hańba’ i ‘zewnętrzne narządy płciowe człowieka’,** ***соромóта*** **;’wstyd, hańba’,** ***сорóмний*** **‘bezwstydny’,** ***сорóмне*** **i** ***безсорóмно*** **‘bezwstydnie’**, ***безсорóмний*** **‘bezwstydny’,** ***безсорóмник*** **‘bezwstydnik’**.

[1] Form *srom, sromota* ‘wstyd, hańba’ i pochodnych nie znają jedynie język czeski i słowacki.

Przegląd zachowanych kontynuantów psł. wyrazu **sorm* ‘wstyd’ na obszarze Polski i pozostałej Słowiańszczyzny skłania do pewnych wniosków na temat ich rozwoju semantycznego oraz zasięgu terytorialnego. Pierwotne znaczenie wyrazu r. męskiego srom ‘wstyd, hańba’ od XV wieku ewoluowało w kierunku zawężenia swojego zakresu znaczeń, m.in. z powodu równoległego rozpowszechniania się w polszczyźnie ogólnosłowiańskiego rzeczownika wstyd oraz pojawienia się rzeczownika rodzaju żeńskiego sromota o podobnej semantyce. Jedno z wtórnych znaczeń wyrazu srom, którym m.in. w staropolszczyźnie nazywano wstydliwe części ciała ludzkiego rozpowszechniło się na tyle, że stało się we współczesnym języku polskim terminem anatomicznym. Podobny rozwój semantyczny tego wyrazu obserwujemy w innych językach słowiańskich, zwłaszcza w języku słoweńskim, w którym postać sram utrwaliła się w podobnym znaczeniu, jak w języku polskim. Wyraz sromota, który pierwotnie również funkcjonował jako eufemizm nazw miejsc intymnych (zob. SStp, por. słoweńskie sramota) ograniczył swój zakres znaczeniowy, przesuwając swoją dominantę semantyczną w kierunku oznaczania postępków odbieranych jako hańbiące, znieważające.

Utrzymywanie się leksemów o rdzeniu -srom- i znaczeniu ‘wstyd, hańba’ na peryferiach polskiego obszaru etnicznojęzykowego potwierdza ich archaiczny charakter. Świadczy o nim również zakres i stopień zachowania omawianych derywatów w polszczyźnie ogólnej. Właściwie tylko przymiotnik sromotny i przysłówek sromotnie są do dzisiaj używane w swoim pierwotnym znaczeniu dzięki ich obecności w utartych, znanych połączeniach wyrazowych. Pozostałe formy albo wycofały się z polszczyzny, albo tak, jak srom i sromotnik zmieniły swoje denotaty.

Przedstawiony stan zachowania form srom, sromota i powstałych od nich derywatów w innych językach słowiańskich jest zdecydowanie lepszy, niż w języku polskim. Zwraca uwagę przede wszystkim bogactwo form funkcjonujących w językach południowo-słowiańskich i wschodniosłowiańskich, gdzie relacje semantyczne między wyrazami podstawowymi a derywatami są nadal żywe. Zjawisko to różni się zdecydowanie od sytuacji w języku polskim, co czyni z naszego obszaru etnicznojęzykowego wyjątkowy przykład terenu peryferycznego w stosunku do całej Słowiańszczyzny.

LITERATURA

AJŚ – Zaręba A., 1974, *Atlas językowy Śląska*, t. 4, cz. 1., Kraków.
KąśO – Kąś J., 2011, *Słownik gwary orawskiej*, t. 2. Kraków.
KąśP - Kąś J. 2019, *Ilustrowany leksykon gwary i kultury podhalańskiej*, t. 10, Nowy Sącz.
KorBa - *Elektroniczny Korpus Tekstów Polskich z XVII i XVIII w. (do 1772 r.)*, online: https://korba.edu.pl/query_corpus/ (dostęp 28.08.2024).

KSGP PAN – kartoteka *Słownika gwar polskich*, online: http://rcin.org.pl/dlibra/ (dostęp: 20.07.2024).
KSJPXVII/XVIII - kartoteka *Słownika XVII wieku i 1. połowy XVIII wieku*, online: https://www.rcin.org.pl/dlibra/publication/21804/edition/7639 (dostęp: 20.08.2024).
L – Linde B.S., 1951, *Słownik języka polskiego*, wyd. 3., t. 5, Warszawa.
NKJP – *Narodowy Korpus Języka Polskiego*, online: http://www.nkjp.uni.lodz.pl (dostęp 27.08.2024).
PSWP – Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny, red. H. Zgółkowa, t. 40, Poznań 2003.
SJPD – *Słownik języka polskiego*, red. W. Doroszewski, t. 8, Warszawa 1966.
SJPSz – Słownik języka polskiego, red. M. Szymczak, t. 3, Warszawa 1999.
SStp - Słownik staropolski, red. S. Urbańczyk, t. 8, 1977-1981, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk.
SW - *Słownik języka polskiego*, red. J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. t. 6, Warszawa 1915.
SWil – *Słownik języka polskiego*, red. A. Zdanowicz i in. t. 1-2. Wilno 1861, online: http://eswil.ijp-pan.krakow.pl/ (dostęp 25.07.2024).
SychtaKasz – Sychta B. 1967-1976: *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*, t. 1-7. Wrocław.
USJP - *Uniwersalny słownik języka polskiego*, red. S. Dubisz, 2003, t. 4. Warszawa.
WSJP PAN – Wielki słownik języka polskiego, red. P. Żmigrodzki, online: https://wsjp.pl/ (dostęp 25.08.2024).

БСРЯ - *Большой академический словарь русского языка*, t. 27, 2006, Санкт-Петербург- Москва: Институт лингвистических исследований РАН, online: https://iling.spb.ru/dictionaries/bas3/4.pdf (dostęp 29.08.2024).
В*СУМ* - *Великий тлумачний словник сучасної української мови*, ред. В. Т.Бусел, Київ 2005, online: http://irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/ua/elib.exe (dostęp 30.08.2024).
РСЈ - *Речник српскога језика. Матица српска*, рад. М. Вујанић, Д. Гортан-Премк и др., Нови Сад 2011, online: https://archive.org/details/recnik-srpskoga-jezika-2011 (dostęp: 30.08.2024).
СБГ - *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна - заходняй Беларусі і яе пагранічча*. рэд. Ю. Ф. Мацкевіч, т. 4., Мінск 1984.
СРНГ - *Словарь русских народных говоров*, вып. 40, ред. О. Д. Кузнецова, Санкт Петербург 2006 online: https://iling.spb.ru/publications/1366 (dostęp: 30.08.2024).
СРЯ XI-XVII - *Словарь русского языка XI-XVII вв.,* вып. 26, ред. Г. А. Богатова, Москва 2002.
ССРЯ - *Словарь современного русского литературного языка*, ред. Л. И. Балахонова, Л. А. Войнова, т. 14, Москва – Ленинград 1963: online: https://iling.spb.ru/vocabula/bas/pdf/03.pdf (dostęp 30.08.2024).
СУМ – Словник української мови. Академічний тлумачний словник, ред. І.К. Білодід, т. 1-11, Київ 1970-1980, online: http://ukrlit.org/slovnyk/slovnyk_ukrainskoi_movy_v_11_tomakh (dostęp 24.08.2024).
СЭБМ - *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*, рэд. В. У. Мартынаў, т. 12 Мінск 2008, online: https://verbum.by/esbm (dostęp 30.08.2024).
ТСБМ - Капылов. И.Л., 2016, *Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы*. Мінск, online: https://knihi.com/none/Tlumacalny_slounik_bielaruskaj_litaraturnaj_movy/ (dostęp: 24.01.2024).
https://www.dolnoserbski.de : *Dolnoserbsko-nimske słowniki* (dostęp: 30.08.2024).
https://hjp.znanje.hr/index.php?show=search: *Hrvatski jezični portal*, *Rječnik hrvatskoga jezika*, (dostęp: 24 08.2024)
https://fran.si/iskanje?FilteredDictionaryIds : *Slovar slovenskego knjižnego jezika,* 2014, online: FRAN, Slovarji Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU (dostęp: 25. 08.2024).
https://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg : *Речник на българския език* online: (dostęp: 20.08.2024).
http://drmj.eu/search: *Дигитален речник на македонскиот јазик,* online (dostęp: 25.08.2024).

ЗАМЕТКИ О ЯЗЫКЕ ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ ИВАНГОРОДСКИХ КУПЦОВ XVII ВЕКА

Анастасия Рыко, Елизавета Сосновцева (Эстония)
Тартуский университет
anastasiia.ryko@ut.ee, elizaveta.sosnovtseva@ut.ee

В Национальном архиве Эстонии хранится до сих пор не опубликованное собрание частных писем, адресованных ивангородскому купцу Парфению Торчакову, написанных в промежутке с 1661 по 1667 год (EAA.3287.190 [https://www.ra.ee/dgs/_purl.php?shc=EAA.3287.1.190:1]). Всего 189 писем, написанных по-русски, из них 27 написаны иностранцами.

Несмотря не то что до нашего времени сохранились частные архивы XVII–нач. XVIII вв. с разных территорий, большая их часть принадлежит дворянству, а на долю представителей купечества, посада и крестьянства приходится не более 10% всех текстов [Стефанович, Морозов 2009: 157]. Поэтому архив Парфения Торчакова, в составе которого есть комплексы писем одного адресанта, представляет особый интерес и открывает возможности для изучения идиостилей отдельных авторов. Большая часть корреспондентов Парфения — уроженцы Ругодива (только поп Петрище из Гдова), хотя на момент переписки они живут в разных местах. Так, постоянно живут в Пскове брат Парфения Никон, брат Григория Ровнова (и крестный брат Парфения) Иван, бывший ивангородец Козьма Зюнин. Петр Белоусов постоянно живет в Стокгольме, Григорий Ровнов пишет то из Стокгольма, то из Колывани, то из Ругодива. Часть писем сына Парфения Петра написана в Стокгольме, другая – в Москве, где в течение нескольких лет он служил в мальцах у Адольфа Эберса. Митрофан, малец Парфения, и Иван Александров пишут из Ругодива. Сам Парфений находится то в Пскове, то в Ругодиве, то в Колывани, то в Стокгольме, иногда корреспонденты сами не знают, где он — письма адресованы *куда не прилучище* 37 или *где он ни есть* 72.

Частная переписка этого периода считается одной из разновидностей делового (приказного) языка, и в XVII веке во всех регионах активно распространялись московские правописные нормы. Правда, частные письма, хотя и создавались согласно общепринятому формуляру, зависели от норм меньше, чем другие жанры деловой письменности, а поэтому в большей степени отражают локальные особенности живого языка и позволяют реконструировать местные диалекты.

В нашем исследовании мы уделяем внимание I) вариативности общерусских и диалектных явлений в системе языка грамоток; II) разнообразию показателей эвиденциальности на разных языковых уровнях.

I. Нарва/Ивангород находится на крайней периферии псковских (гдовских) говоров, которые на разных этапах их существования представлены в памятниках письменности, поэтому их особенности хорошо известны. Это позволяет рассмотреть локальные особенности, представленные в нашем материале, на широком историческом фоне.

Во многих случаях вариативность написаний отражает общерусский узус деловой письменности, так как в XVII веке обучали не только чтению по Псалтири, но и письму по азбукам-прописям, содержащим образцы деловых текстов [Копосов 2000: 15–20]. Так, к общерусским, характерным для деловой письменности всей территории Руси, можно отнести следующие вариативные написания, широко представленные в нашем материале: написание *а/я* или *е* в безударной позиции (*лошадь/лошедь, десять/десеть*), отражение оглушения согласных на конце слова (*медь/меть, указ/укас*), отражение перехода [е]>[о] под ударением, как правило, после шипящих (*пришел/пришол, счет/счот, еще/ещо*), написания сочетаний *чн* и *чт* (*мочно/мошно, что/што*), отражение изменений в группах согласных (*посадскои/посатскои/посадцкои/посацкои*), написание адъективного окончания род. ед. муж. и ср. *-ого(его)/-ово(ево)/-аго(яго)*, преимущественное использование окончания *-ои* в им. ед. муж. р. прилагательных.

Далее на материале нашего корпуса будут рассмотрены морфологические, графико-орфографические и фонетические особенности, которые позволяют судить о наличии локальных черт в текстах грамоток.

1. Морфологический уровень. Наблюдается синкретическая система окончаний род., дат. и предл. бывших *а*-основ (*до зимы, к зимы, о зимы; даст земли, о земли*), синкретизм окончаний дат. и твор. мн. (по стары*м* места*м* 100 (дат. мн.) и wлен*и*мь кожа*м* тор*г*овать 130), склонение указательных местоимений по адъективному образцу (*тая грамотка, тую соль, тые деньги*). Помимо этого, отдельными примерами представлены второе полногласие (за чело*н* 159, доло*ж*ны 74, доложе*н* 54, доло*ж*ница 163) и «псковский» рефлекс праславянских сочетаний **kl/*gl* (wны прочькли 130).

2. Неразличение [ц] и [ч] (цоканье): тысецу 47, бо*т*цка [бочка] 47, топереца 39, нынеца 130, ѳ про*ш*лои пя*т*ничи 97, че*ѳ*ку [цевку] 104, бгь человеколюбечь 135, на Сыренe*ч* [на Сыренец] 41, бра*ж*ница*л* 96. Считается, что цоканье практически не отражено в памятниках русской деловой письменности XVI–XVII вв., так как

воспринималось как черта «ярко диалектная и не соответствовавшая стандартам делопроизводства» [Галинская 2014: 336]. Писцы, в говоре которых аффрикаты не различались, учились их правильно употреблять, ориентируясь на ряд морфологических правил. В нашем корпусе цоканье хорошо представлено в письмах некоторых иностранцев: в письме Ганца Грюна (немецкого купца из Ревеля): *исаковиць* (3х), *лаврентевиць, хоцсит, по чена*, в письмах Петера Пеипа (ругодивского купца): *уцини* (2х), *уцинил*, *луци* [лучше], *по сего цисла*, *бить целомь, wстатьче* [остаться], *в чене, в чены, в старои чене* (2х), *дорогои ченои*, *малечь*, *сиречь* [сырец] (3х), *по двачати, девятьначети*. В письмах других иностранцев явление представлено незначительно или отсутствует. Вероятно, иностранцев учили ориентироваться не только на псковскую, но и на общерусскую (нецокающую) норму или опираться на морфологически обусловленные правила.

3. Безударный вокализм. Мена букв *а~о* в безударных слогах всех типов — и предударных, и заударных в псковских церковнославянских памятниках встречается уже в XIV–XV вв. Как правило, мена букв *а~о* наблюдается в первом предударном слоге тогда, когда в ударном слоге находится звук [а] [Царева 1962: 74]. Е. А. Галинская на материале псковских деловых документов I пол. XVII в предполагает, что в это время в диалекте Пскова и его окрестностей был распространен гдовский тип вокализма [Галинская 2002: 90–93], который во 2-й пол. XX в. фиксировался на небольшой территории к северу от Пскова, вдоль восточного побережья Чудского озера.

В письмах ивангородских купцов реконструировать систему «гдовского» типа не получается. Примеров с аканьем обнаруживается немного. Единственное исключение — письма Петра Торчакова, где находим 46 примеров, 32 из которых обнаруживаются в грамотке 129, написанной в Москве и имеющей признаки того, что текст был переписан. В большинстве случаев авторы грамоток придерживаются морфологического принципа написания, а не фонетического. Часто написание *а* наблюдается в одних и тех же морфемах: *гараз-* (9х), *тавар-* (10х), *Никан-* (10х), *Тарчаков-* (4х). Написание *а* на месте этимологического [о] встречается во всех возможных позициях и в 1-м предударном слоге не обнаруживает никакой зависимости от последующего ударного гласного.

Случаи мены *я* (ѧ, я)~*е* (ѣ, ь) и *е~и* в предударных и заударных слогах известны в псковских памятниках начиная с XIV в. Для современных псковских говоров характерно сильное яканье, для гдовских — особый гдовский тип. Материал мены *я~е*, содержащийся в деловой письменности начала XVII века, крайне скуден — всего три примера [Галинская 2002: 96].

В нашем корпусе яканье представлено незначительным количеством примеров (потѧрѧ*л* 126, мяня 32 2х, 54, пщаніца 163, 130, ня с про*т*чими 132, на замлю 37, нынечава 18; также в письмах иностранцев: нядиль 118, понядельник 203), которые не позволяют сделать выводы о его типе.

Написание *и* на месте *е* как в предударной, так и в заударной позиции: гримя*т* 115, сыночи*к* 25, пwчисть 24 — встречается еще реже. В письмах иностранцев — чаще, но в одной и той же морфологической позиции (окончания глаголов в наст. вр.): видиль 153, хоцси*т* 181, пиши*т* 30, пиши*ш* 30, пищи*ш* 82 4х, буди*т* 38, 82. Такие написания могут быть связаны с неразличением типов спряжения в неродном языке.

Видимо, мена *е~я* и *е~и* в нашем корпусе, в том числе в письмах иностранцев, свидетельствует именно о фонетической природе этого явления — в безударной позиции гласные после мягких были противопоставлены слабо и, возможно, их качество варьировалось.

4. Развитие фонемы <ě>. Ивангородские купцы используют ѣ традиционно, неэтимологически, некоторые вообще отказываются от этой графемы. Это соотносится с мнением, что в псковском диалекте <ě> как особая фонема не существовала, совпав с <е> уже к XIV в. Однако в нашем корпусе довольно много случаев написания *и* на месте этимологического ѣ (известного по новгородским берестяным грамотам и памятникам псковской письменности с XIV в. [Зализняк 2004: 25–26; Галинская 2002: 84]) в морфологически обусловленных позициях: 1) глагольный суффикс (посиди*л* 126, wдещевила 63, велиль 118, гледиль 172 и др.), 2) формы местоимений (с ки*м* 190, ѳси 39, со вьси*м* 176, чи*м* 96 и др.), 3) отдельные корни: ни*т* 53, личи*т* 175, бі*д*ны*х* 126, до*б*родите*л* 167, нимци 110, нядиль 118 и др.).

II. Общая композиция грамотки как делового письма предполагает наличие ряда содержательных и этикетных элементов, при этом содержательная часть письма, как правило, относится к одному из двух типов сообщений: хозяйственные и деловые указания или пересказ новостей, сплетен, слухов — и в этом случае автор грамотки должен был сослаться на источник информации. Кроме того, в некоторых грамотах родственники и партнеры опровергают сведения, распространяемые другими участниками переписки. Необходимость обработки информации, полученной разными способами, обусловливает разнообразие использования языковых средств, связанных с семантикой эвиденциальности, хотя для языков типа русского эксплицитное указание на источник сообщения не является обязательным. Однако именно прагматика деловой и бытовой переписки определяет широкий спектр лексических и частично

грамматикализованных средств, содержащих указание как на источник информации, так и на уровень ее достоверности.

Собственно лексические средства разнообразны: это ментальные глаголы и глаголы речи, конструкции разной степени устойчивости, вводные слова и выражения, а также оценочная лексика: *миряня сказывают* 2, *ино ѧ слыщел . чает w добром деле* 135об., *да есть слых у нас* 87.

Так, Григорий Ровнов сообщает, что вино на судно грузил днем (т.е. наблюдатели имели непосредственный визуальный доступ к информации; при этом обвиняют его в том, что он проделал это тайно — ночью, когда никто не видит) (о классификации источников информации см. [Плунгян 2000: 322–323]). Другой пример — письмо Петра Торчакова из Стокгольма к отцу: ... ***сказал*** *. и* ***сѡлгалъ . неправду*** *и* ***не видечи нигде и не пѡимавши*** *такие слѡвеса* ***гѡвѡрит*** 44. Вся нарративная часть письма связана с опровержением доноса, которое строится на тех же аргументах, которые использовал Григорий Ровнов: на отсутствии непосредственной наблюдаемости. Таким образом, эвиденциальность в данных примерах выражена лексически.

Кроме того, семантика эвиденциальности находит выражение в грамматикализованных формах. К специфическим маркерам ренарртива относятся частицы *де/ди*; другие, также характерные для этого исторического периода частицы (*рече* и *мол* [Копотев 2014: 727]) в нашем источнике не представлены.

Частица *ди* служит для оформления чужой речи в случаях, когда автор письма, сообщая о каких-либо событиях, подменяет нарратив пересказом реплик нескольких лиц. Такая стратегия приводит к образованию цепочек высказываний, связанных ренарртивными маркерами, что характерно, например, для эпистолярного стиля Ивана Александрова: *так захареи с консалѧ* ***ди*** *самь буду в горот и ѧ* ***ди*** *з боѧрином переговорюсе ... и боѧрин . сказал покажи писмо муратово ѧ* ***ди*** *веле wтвесть а захареи сказал мьне* ***ди*** *до того и дела нет . мьне* ***ди*** *толки дела коли* ***ди*** *станут wтводит . мызу . так* ***ди*** *мьне тут переписал вместо стороннево* 130 об.

Второй тип употребления частицы *ди* кажется более специфичным — частица выступает как маркер недостоверности (в тех случаях, когда речь идет о клевете). При этом имеется в виду субъективная позиция пишущего: версия событий в изложении его отсутствующих оппонентов изображается как заведомо ложная, а его слово является априорно истинным: а **буде*т*** юри туньде*р* **стане*т*** **говори*т*** что **ѧ ди** до петра **послал** грамо*т*ку и ты **ево словамь** не ве*р* (л. б/н). Здесь представлено контрфактивное значение в чистом виде: обе клаузы передают события, которые (еще) не имеют места в реальном

мире, а пропозициональный смысл высказывания заключается в том, что никакой грамотки никто не посылал.

В одной грамотке Никона Торчакова представлено два эквивалентных способа косвенной передачи заведомо недостоверной информации: это зависимая клауза, вводимая союзным сращением *что будто*, и цепочка бессоюзных клауз с частицей *де*: *калина говорит перѣд великим ј полномочнымь послом про тебя* ***что бутто*** *ты похвалу выше людеи началнику принѣсь; а се василь еремѣевь называл тебя ј по тебѣ м'ня у козминои лавки ворами нам* ***де*** *wт брата твоего житя нету прямои* ***де*** *wн ворь как* ***де*** *ево бесь wтсел принес ј wн нами вьсеми замучил* 132.

Ренарративная частица *де* регулярно используется для оформления косвенной речи, которая вводится в текст в виде предложений с несколькими зависимыми клаузами, притом первая присоединяется союзом *что*, а последующие — при помощи *ди* (ср. [Храпко-Магала 2015: 55–56]): *а онь мне сказаль* ***что*** *онь торговаль и с грегорьем такь* ***ди*** *ти : ему за зорокт зоболеи десять лость золи* 172.

Примеры с *дескать* связаны с передачей прямой речи в бессоюзных конструкциях. Так, Митрофан отчитывается о распрях с торговыми партнерами: *силка не дает а* ***говорит так*** *я* ***дискат*** *писал грамотку w том к петру и к парѳеню* 60. Таким образом, прямая речь здесь, в типизированной бессоюзной конструкции, сопровождается довольно редкой ренарративной частицей, которая выполняет функцию дополнительного маркера чужой речи, возможно подчеркивая противопоставление между участниками конфликта.

Контактная позиция союза *что/што* и частицы *де* встречается в корпусе 7 раз, при этом такое союзное сращение может вводить зависимую клаузу с контрфактивной семантикой: *а топер у менѧ wн просит . денех* ***. хто будет*** *ему* ***сказал что ди*** *иван ево полномочнои* 163.

В описываемом корпусе текстов ренарративные маркеры выступают в тесном взаимодействии с контрфактивной семантикой, элементами эпистемической модальности и собственно семантикой эвиденциальности. Прагматика грамоток обусловливает актуализацию широкого спектра значений, связанных с засвидетельствованностью. Таким образом, несмотря на то что в текстах грамоток представлены только две собственно ренарртивные частицы (*ди* и *дискат*), они становятся компонентами различных синтаксических структур и комбинируются со значительным количеством частиц и союзов, а также лексических единиц, указывающих на источник информации и способ ее получения. В дальнейшем уточнении нуждается

вопрос, могут ли ренарртивные маркеры передавать семантический компонент (не)достоверности.

ЛИТЕРАТУРА

Галинская, Е.А. 2002. *Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте.* Москва: МГУ.

Зализняк, А.А. 2004. *Древненовгородский диалект.* Москва: Языки славянской культуры.

Копосов, Л.Ф. 2000. *Севернорусская деловая письменность* XVII–XVIII вв.: Орфография, фонетика, морфология. Москва: МПУ.

Копотев, М.В. 2014. Эволюция русских маркеров ренарратива: синтаксис или лексика? *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* X, 2. 712–740.

Плунгян, В.А. 2000. *Общая морфология: введение в проблематику.* Москва: Эдиториал УРСС.

Стефанович, П.С., Морозов, Б.Н. 2009. *Роман Вилимович в гостях у Петра Игнатьевича: псковский архив английского купца 1680-х годов.* Москва: Индрик.

Храпко-Магала, М.В. 2015. Частица *де* в истории русского делового языка конца XVII—XVIII вв. *Вестник ПСТГУ III: Филология* 4 (44). 50–65.

Царева, Л.И. 1962. Аканье и яканье в говорах юго-западной части Псковской области. *Псковские говоры. 1.* Отв. ред. Б.А. Ларин. Псков: Псковский пед. ин-т. 74–78.

HRVATSKA POVIJESNA DIJALEKTOLOGIJA: RAZVOJ I DOSEZI

SILVANA VRANIĆ, SANJA ZUBČIĆ (HRVATSKA)
Filozofski fakultet Sveučilišta u Rijeci
silvana.vranic@uniri.hr, sanja.zubcic@uniri.hr

Još su od srednjega vijeka pravni tekstovi pisani uglavnom narodnim jezikom, bez znatnijega naslojavanja hrvatskih crkvenoslavenskih jezičnih (HCJ) elemenata [3]. Ista se tendencija nastavila i kroz rani novi vijek, a rezultat je temeljnoga nastojanja da tekstovi budu razumljivi onima kojih se na bilo koji način tiču i na temelju kojih ostvaruju koja prava ili se njima obvezuju. Zbog toga su razloga pravni tekstovi valjan izvor podataka za povijesnu dijalektologiju.[1]

U ovom će se kratkom prilogu to pokazati na materijalu iz govora Dubašnice na otoku Krku. U Dubašnici je bio snažno razvijen notarijat i srećom je do današnjih dana u Hrvatskom državnom arhivu očuvano čak 17 notarskih knjiga (NK) na više tisuća stranica. *Treći* je *notarski protokol J. Sormilića*, nastajao od 1726. do 1734., i objavljen [1: 18]. U dubašljanskom mjestu Portu djeluje trećoredski samostan sv. Marije Magdalene, koji je uz glavotočki samostan sv. Marije najstariji trećoredski samostan na otoku [2: 18]. U njemu se od 1734. do 1889. vodila *Knjiga posinovljenja i novicijata* (KSiN) koja je objavljena 2015. Treći je izvor za ovo istraživanje 2013. objavljena inventarna knjiga (IK) istoga samostana vođena od 1734. do 1878. koju je jezično temeljito istražila S. Požar [8; 9]. Zbog prostorne ograničenosti ovdje će se analizirati samo dvije jezične značajke: G mn. imenicā i neutralizacija u izražavanju mjesta i cilja kretanja. G mn. odabran je stoga što je to padež u kojem su česte alternacije, dok je neutralizacija načina izražavanja mjesta i cilja kretanja akuzativom [6: 208; 13: 7–8], dominantna u suvremenom dubašljanskom govoru, a kako je ipak riječ o neuobičajenu načinu izražavanja prostornih relacija u hrvatskom, moguće je očekivati odstupanja.

a) G mn. imenica

U KSiN imenica *sin* sustavno ima nastavak *-ov* (npr. 1717., 1725., 1730.) i nikad ne dolazi s nultim. Često se javljaju i imenice s *-i* (*voti, glasi* 1740., 1752., 1785.). Oblik s nultim nastavkom nije potvrđen u m. r., u s. r. je sustavan (*godišć* 1730.; *Poljic* 1801.; *Miholjic* 1819.), a nema potvrda za ž. r. U IK ž. r. uvijek ima nulti nastavak dok u m. r. prevladava *-ov*, ali se potvrđuje i *-i* i samo jednom *-ih*. Nultoga nastavka u m. r. nema [9: 8–10]. U NK nastavak je imenica m. r. *-i* (*soldini* deset 31, rečenih *drmuni* 30), dok ž. i s. r. imaju nulti (do *let* sedam 72,

[1] U izlaganju će se pregledno prikazati dosadašnji razvoj hrvatske povijesne dijalektologije, od teorijskih radova do primijenjenih na pravnim i liturgijskim tekstovima [4; 9; 16].

kus *brajad* 2, red od *ulik* 97) [1: 33], a za ovoga je istraživanja zabilježen *-ov* u primjeru *grihov* 91.

Iz analizirane je građe razvidno da su imenice ž. i s. r. u 18. st. imale nulti nastavak, što je ostalo neizmijenjeno do danas. Međutim, u imenica je m. r. došlo do izmjena i stariji se nastavak *-ov*, preuzet iz *u*-deklinacije, sve češće zamjenjuje s *-i* iz *i*-deklinacije. S obzirom na brojnost potvrda *sinov* i na prirodu teksta (KSiN), moguće je da je riječ o izvanjezičnim čimbenicima, kao što sugerira S. Požar [9: 9, 10]. U suvremenom je dubašljanskom govoru *-i* sustavan.

b) Neutralizacije opreke u izražavanju mjesta i cilja radnje

Ova je sintaktička značajka sustavna u NK [1: 32, 33], a prema ovom istraživanju i u KSiN dok u IK nije sustavna već česta [9: 11].

U suvremenom je dubašljanskom govoru ona nejednako potvrđena. Dok je u govornika starije generacije sustavna, oni srednje ili mlađe generacije mjesto najčešće izriču lokativom, a cilj kretanja akuzativom, nedvojbeno pod utjecajem standardnoga jezika. Stoljetna će se sintaktička značajka, tipična za dubašljanski govor u budućnosti sigurno izgubiti.

Ovim se sažetkom, na temelju usporedbe jezika triju pravnih tekstova iz 18. stoljeća iz Dubašnice i njezina suvremena govora, pokušalo pokazati kako se taj govor mijenjao kroz stoljeća te koje su jezične značajke trenutno u fazi tranzicije. Iako su povijesni pravni tekstovi valjan temelj za istraživanje vernakulara, oni su ipak pisani i službeni tekstovi sa stilskim značajkama kojima od toga govora unekoliko i odstupaju.

Na temelju se vernakularnih elemenata kojima se liturgijski tekstovi odmiču od utvrđene norme hrvatskoga crkvenoslavenskoga jezika (HCJ) ili kasnijih hrvatskih povijesnih književnih jezika, najčešće pobliže određivalo podrijetlo i vrijeme nastanka rukopisa [npr. 7], a rjeđe se pratila dijakronija nekoga idioma. S obzirom na to da glagoljski misali kao temeljne bogoslužne knjige bolje čuvaju HCJ, u slučaju knjiga pretpostavljenoga beramskoga skriptorija bilo je očekivano da je broj vernakularnih činjenica veći u *Prvom* i u *Drugom beramskom (ljubljanskom) brevijaru* (*BrBer1* s kraja 14. st. i *BrBer2* iz 15. st.) nego u beramskim misalima, osim u marginalijama, gdje se uz liturgijske nalaze i neliturgijski dodatci [10: 77].

U obama su brevijarima analizirane značajke dovoljno različite od HCJ elemenata, za koje se zbog podatka da su brevijari korišteni u Bermu [10: 73] pokušalo odrediti jesu li svojstvene čakavskomu ekavskomu središnjemu istarskomu području, dijelom kojega je i govor Berma [npr. 11]. Neke su čakavske značajke poput odraza **dj* u *j*, odraza prednjega nazala

nakon *j* u *a*, prijedloga *va* ili odraza stražnjega nazala[2] u *u*, preuzete u HCJ kao hrvatska sastavnica njegove stabilne strukture [14: 369]. Stoga su za lociranje brevijara pogodnije osobitosti koje nisu normom HCJ, pri čemu valja imati na umu da su za nastajanja brevijara mnoge čakavske značajke bile zajedničke današnjim dijalektima, pa je ono otežano.

Jedan je od takvih elemenata odraz jata. Unatoč dataciji zamjene *jata* u zapadnojužnoslavenskom u 13. st. [5: 18] i očekivanju zamjena u tekstovima iz 14. i 15. st., u oba je brevijara pretežit neizmijenjen grafem *jata.* U *BrBer1* razlika je u odrazu i između brevijarskoga dijela, s više ekavskih zamjena u pojedinim osnovama i nastavcima te s manje ikavskih zamjena, i dodanih nabožnih pjesma, u kojim je *jat* dosljedno zamijenjen s *e* ili *i*, ne uvijek prema Jakubinskij–Meyerovu pravilu, ali su evidentirane i dublete. Stoga prema brevijarskom dijelu nije moguće utvrditi povezanost s ikavsko-ekavskim područjem, a prema pojavnosti odraza u trima pjesmama (četvrta je s dosljednim ekavizmima), može se samo pretpostaviti da je riječ o tom arealu [14: 374–375]. *BrBer2* mogao bi se smjestiti u središnjoistarski ekavski poddijalekt zbog većega broja ekavskih zamjena, premda se kao razlog tomu ne može isključiti poimanje *jata* kao glasa *e*-tipa. Ikavizmi velikim dijelom slijede spomenuto pravilo, što ide u prilog pretpostavci o predlošku omišaljsko-vrbničkoga tipa, ali zbog ikavizama izvan pravila moguće ga je povezati i s južnijim govorima. [12: 367–368] Vernakularne su osobitosti zastupljenije u rubrikama, koje su stoga u povijesnoj dijalektologiji svakako funkcionalnije.

LITERATURA

[1] Bošnjak Botica, Tomislava; Botica, Ivan; Galović, Tomislav. 2016. *Hrvatskoglagoljski notarijat otoka Krka. Notari Dubašnice, sv. 1. Treći notarski protokol Jura Sormilića (1726. – 1734.)*. Zagreb: Hrvatski državni arhiv – Staroslavenski institut – Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu - FF-press – Povijesno društvo otoka Krka.

[2] Botica, Ivan; Kovačić, Vinko; Kuhar, Kristijan. 2015. *Knjige posinovljenja, novicijata i zavjetovanja franjevaca trećoredaca glagoljaša otoka Krka (1717. – 1914.)*. Zagreb: Provincija franjevaca trećoredaca glagoljaša – Staroslavenski institut.

[3] Damjanović, Stjepan. 1984. *Tragom jezika hrvatskih glagoljaša*. Zagreb: Liber.

[4] Ivić, Pavle. 1955. – 1956. O nekim problemima naše historiske dijalektologije. *Južnoslavenski filolog*, XXI, 1–4, 97–129.

[5] Lisac, Josip. 2003. *Hrvatska dijalektologija 1. Hrvatski dijalekti i govori štokavskog narječja i hrvatski govori torlačkog narječja.* Zagreb: Golden marketing – Tehnička knjiga.

[6] Lukežić, Iva; Turk, Marija. 1998. *Govori otoka Krka*. Crikvenica: Libellus.

[7] Pantelić, Marija. 1964. Glagoljski kodeksi Bartola Krbavca. *Radovi staroslavenskog instituta*, 5, 5–98.

[2] Odraz bi psl. stražnjega nazala zbog njegove zamjene – u osnovama riječi vokalima *o* i *u*, a u nastavcima vokalom *o* – u središnjim istarskim ekavskim govorima bio dobar kriterij za određivanje podrijetla pisara ili govora kojemu je tekst prilagodio. Rijetke su pojave *o* samo u *BrBer2* (i u dodatku *BrBer1*), međutim u obzir valja uzeti mogućnost grafijske zamjene *u* sa *o* zbog njihove sličnosti, pa se prema tomu brevijari ne mogu vezati uz Beram.

[8] Požar, Sandra. 2018. Inventar samostana sv. Marije Magdalene u Portu na otoku Krku (1734. – 1878.) kao jezični izvor: grafija i fonologija. *Fluminensia*, 2, 29–43.
[9] Požar, Sandra. 2019. Morfologija, sintaksa i leksik glagoljskoga Inventara samostana sv. Marije Magdalene u Portu na otoku Krku (1734. – 1878.). *Fluminensia*, 2, 7–24.
[10] Požar, Sandra; Botica, Ivan. 2022. Povijesni podatci u marginalijama glagoljskih misala i brevijara iz Berma u Istri. *Historical contributions = Historische Beiträge*, 41, 63, 69–111.
[11] Vranić, Silvana. 2021a. Fonologija govora Berma u Istri. U: *Kroz prostor i vrijeme. Zbornik u čast Miri Menac-Mihalić* [ur. Frančić, Anđela; Kuzmić, Boris; Malnar Jurišić, Marija]. Zagreb: Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu, FF press, 285–300.
[12] Vranić, Silvana. 2021b. Vernakularni elementi u Drugome beramskom brevijaru. U: *Studije o Drugome beramskom brevijaru* [ur. Mihaljević, Ana; Mihaljević, Milan; Radošević, Andrea]. Zagreb: Staroslavenski institut, 365–376.
[13] Zubčić, Sanja. 2023a. Neutralisation in the expression of location and destination of motion in Croatian. *Jezikoslovlje*, 1, 1–25.
[14] Zubčić, Sanja, 2023b. Čakavske značajke u Prvome beramskom brevijaru. U: *Studije o Prvome beramskom brevijaru* [ur. Mihaljević, Ana; Mihaljević, Milan; Radošević, Andrea]. Zagreb: Staroslavenski institut. 369–390.

CHARTERS OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA FROM THE 14TH-16TH CENTURIES

ALENA RUDENKA (POLAND)
Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of Sciences

The Grand Duchy of Lithuania (GDL) was an ancient state that emerged from the union of Lithuanian and Slavic tribal principalities in 1236. It began to expand rapidly, annexing the lands of neighbouring Baltic, Slavic and other principalities. As a result, it encompassed all of present-day Belarus and Lithuania, as well as parts of modern-day Ukraine, Russia, Poland, Latvia, Estonia and Moldova. In the 14th century, the Grand Duchy of Lithuania became the largest European state under the name of *the Grand Duchy of Lithuania, Ruthenia, Samogitia, and other lands*.

The first charters of the Grand Duchy of Lithuania raise many questions, in particular, the question of what language was used for business writing in the early stages of the principality's existence. One of the few Cyrillic documents from the 13th century was the Peace Treaty between the Master of the Livonian Order Konrad von Mandern and the Riga City Council on the one hand, and Polatsk and Vitebsk on the other hand. This treaty was signed by the Lithuanian prince of Polatsk Gerden in 1263.

The period from the second half of the 13th century to the second half of the 14th century is poorly represented in the writing of the Grand Duchy of Lithuania – historians often complain about the lack of knowledge of it. There are known state documents of the GDL a little later than the supposed date of its foundation: they are the charters of Mindaugas, the first prince of the Duchy of Lithuania (1230–1263) (Zhlutka 2005). Not all of these charters are recognised as authentic (Grusha 2015, 25–26; Maleczyńsky 1936), the originals of many of them have been lost, but the first of the recognised ones is a charter of a gift "*To the Teutonic Order in Livonia, the land of Selonia, including the lands of Meddene, Pelone, Maleysine, Thovraxe with everything belonging to them*" – dates from 1255 (Zhlutka 2005, 28–29). Mindaugas' charters were written in Latin; as the Grand Duchy of Lithuania developed and new Slavic lands were annexed, "prosta mova" – the official East Slavic written language of the Grand Duchy of Lithuania – was increasingly used.

According to scholars, early written agreements (before the mid-14th century) in the Grand Duchy of Lithuania were initiated by representatives of other states and took a long time to take root, especially in domestic business contacts. Historian Alexander Grusha writes: "... let us turn to the facts of Lithuania's acquaintance with written documentation. It is impossible not to notice that they all relate to the regulation of diplomatic relations and

relations with foreign institutions. This leads us to the idea that the procedure of recording agreements in written form was initially imposed on Lithuania from outside" (Grusha 2015, 27). The same idea is expressed by Andras Zoltan: "...before the union with Poland (Union of Kreva, 1385), the Lithuanian grand ducal chancery, if it existed at all, was in the process of formation; the surviving treaty charters with neighbouring states were drawn up in the chanceries of these states (the treaty with Poland of 1352 – in the "Russian" chancery of Casimir III, the truce with Dmitry Donskoy of 1371 – in Moscow" (Zoltan 2014, 31).

This conclusion seems very plausible, especially now, when a corpus of early documents of the Grand Duchy of Lithuania is available: agreements with different countries or statesmen were written in different languages: in "prosta mova" – "*Privilege of the Polish King Władysław II Jagiełło (Jagiellon) to the Lithuanian Prince Skirgaila for the Trotsk, Mensk and Polatsk Principalities*", 1387 (Vishnevsky, Yukho 2003, 35–37), in Latin – "*Act of Kreva*", 1385 (Vishnevsky, Yukho 2003, 32–34)), in German and Polish – "*Lithuanian-Inflanty Peace Treaty*", 1338 (Vishnevsky, Yukho 2003, 30–32).

The charters of the Grand Duchy of Lithuania itself are documents no earlier than the mid-late 14th century (*Gramoty Velikikh kniaziej Litovskikh* 'Charters of the Grand Dukes of Lithuania' 1868). At this time, numerous documents written in Cyrillic appeared, both internal and interstate, see, for example, "*Kniaz Liubart Hedyminovych daruje sela sobornij tserkvi Ioanna Bohoslova v Lutsku, 8 hrudnia 1322 r.*" 'Prince Lyubart Gediminovich grants villages to the cathedral church of St. John the Theologian in Lutsk, December 8, 1322'; "*Uhoda litovsko-ruskikh kniaziv Yavnuta, Kejstuta, Liubarta, Yurija Narymontovicha ta Yurija Korijatovycha z korolem polskim Kazimirom ta mazovetskimi kniaziami, cherven' – veresen' 1352 r.*" 'The agreement of the Lithuanian-Russian princes Yavnut, Keistut, Lubart, Yuri Narimontovich and Yuri Koriatovich with the Polish king Casimir and the Mazovian princes, June – September 1352' (*Gramoty XIV st.* 'Charters of the 14th century' 1974, No. 6 and No. 14 respectively) and many others.

The Chancellery of the Grand Duchy of Lithuania, Rus' and Samogitia was gradually formed and became fully functional during the reign of Vitovt (1392–1430). The Chancellery used both Byzantine-Old Russian and Latin-Polish samples and rules of business writing. In the second half of the 14th–15th centuries, the use of the "prosta mova" increased, while the Byzantine-Old Russian stable formulas, which are so abundant in the charters, were gradually replaced by translations of the corresponding Western expressions, and the Ukrainian dialectal features which had come with the Galician-Volhynian samples were replaced by Belarusian ones. At the same time, from the end of the 13th century, the number of Belarusian

and Ukrainian dialectal elements increased in documents written not in the Grand Ducal Chancery, but at the courts of the principalities that gradually became part of the Grand Duchy of Lithuania. These elements were incorporated into the spreading grand-ducal models of the "prosta mova", which developed, "naturalised" in the zones of distribution of different dialects (including Ukrainian, Galician-Volhynian) and, due to its syncretic nature, was able to claim the role of a common literary language. Early charters allow us to observe these different processes.

Ukrainian dialectal features are clearly represented in Moldavian charters, which language was also formed on the basis of the Galician-Volhynian tradition, and here the southern Ukrainian features were preserved due to the territorial and state isolation, see (Rozov 1928; *Hramoty XIV st.* 1974, etc.). For example, in "*Korol polskij Vladyslav pozychaje u svoho ziatia, moldavskoho vojevody Petra, 4000 karbovantsiv friazkoho sribla, 27 sichnia 1388 r.*" 'The Polish King Vladyslav receives from his son-in-law, the Moldavian voivode Peter, 4,000 karbovanets of Friazian silver, January 27, 1388'; "*Petro, moldavskij vojevoda, posylaje korolu polskomu Vladyslavu 3000 karbovantsiv friazkoho sribla, 10 lutoho 1388 r.*" 'Petro, the Moldavian voivode, sends the King of Poland Vladislav 3000 karbovanets of the Frizan silver, February 10, 1388' (*Hramoty XIV st.* 1974, No. 41 and No. 42). A more complete description and current historiography of the issue is presented in (Suliak 2016).

Early texts with Belarusian linguistic features are the Smolensk and Polatsk charters of the 13th century (see: *Smolenskie gramoty XIII–XIV vv.* 'Smolensk charters of the 13th–14th cent.' 1963; *Polockie gramoty* XIII – nachala XVI vv. 'Polotsk charters of the 13th – early 16th cent.' 1977–1990, 2015). According to Arkadz' Zhuraŭsky, they contain the earliest features (1229) of Old Belarusian which differed from Church Slavonic and Middle (or Moscow) Russian (Zhuraŭsky 1993). "...the Smolensk charters are an exceptionally important source for linguists... Their linguistic significance is determined primarily by the fact that, despite the exceptional irregularity of the spelling, they widely reflected local dialectal characteristics, especially in phonetics, as well as in morphology" (*Smolenskie gramoty XIII–XIV vv.* 1963, 5).

Belarusian and Ukrainian share many dialectal features: *в* [v] at the beginning of a word consistently alternates with *у /оу* [u] and vice versa (*вси – оуси*); the prosthetic *в* [v] appears before the vowel *о* [o] (*Родивон, воны*); [e] turns into [o] after hissing sounds; a separate explosive sound [ɾ] appears, which is written as *кг* (*кгрунт, буркгомистр*); in the genitive singular, masculine nouns can take the ending *-у* [u] (*листу, меду*); masculine nouns are combined with the numerals *два* 'two', *три* 'three', *четыре* 'four' in the plural with the ending *-ы (-и)* [y (i)], the suffix *л* [l] changes to *в* [v] in masculine singular verbs in the past

tense, etc. The common Ukrainian and Belarusian vocabulary, developed or borrowed in the 14th–16th centuries, is also extensive – this similarity is one of the most significant among all Slavic languages (Suprun 1983, 16–19). The common lexicon of the Belarusian and Ukrainian languages is largely associated with this period.

Thus, many features called Belarusian or Ukrainian in texts of the 14th–16th centuries are characteristic of both languages. The only Belarusian features in early documents are the use of *е* [e] instead of *ѣ* [ě] (*ехати, тобе, мне, у дворе, собе, хотелъ, терпети* (1300); *володети* (1387); *обидети, на острове* (1399)) and a little later the complete hardening of the sibilants, *ц* [c] and *р* [r] (Anichenka 1994, 90).

At the beginning of the 15th century, the norms of the official business language of the Grand Duchy of Lithuania ("prosta mova") were developed. Christian Stang calls this period "the classical form of the Lithuanian-Russian language" (Stang 1935, 52; see also Zhuraŭsky 1978, 186–187).

> ... "prosta mova" does not coincide with the living dialectal speech, it is to some extent an artificial formation. The name "prosta mova" itself should not be taken literally, since the expression "prosta mova" goes back to the Latin *lingua rustica* <...>, in other words, this expression is of bookish origin (Uspensky 1994, 66).

Andras Zoltan provides a general list of the features of "prosta mova" (Zoltan 2014, 35–36) noting:

> "... the Western Russian business language of this period, although it already had a clear Belarusian dialect base, avoided including in the norm those Belarusian features (akannie, jakannie, dziekannie) that were completely alien to the Ukrainian language" (Zoltan 2014, 37).

Charters created in the territories of Belarus and Ukraine have been published many times. A large list of such publications is in the encyclopaedia "*Bielaruskaja mova*" ʻThe Belarusian Language' (Anichenka 1994, 91). These charters are also presented on the Internet edition on the site http://litopys.org.ua (for example, *Hramoty XIV st.* 1974), where there are no early charters of Prince Vladimir, included in *The Galician–Volhynian Chronicle*, but there are some early charters of Lithuanian princes.

Many official documents of the Grand Duchy of Lithuania were published, for example *Statut Vialikaha Kniastva Litoŭskaha* ʻThe Statute of the Grand Duchy of Lithuania' (1529, 1566, 1588); as is known, only the last one was published in the Grand Duchy of Lithuania in the 16th century); *The Tribunal* (Vilna, 1586); *The Lithuanian Metrica* (1903, 1914), and many others.

> In its complete form, *the Metrica* had over 550 volumes and contained material from the 14th–18th centuries, with documents from the 14th to the beginning of the 17th century mostly written in Old Belarusian, and later – in Polish and Latin (Zhuraŭsky 1978, 186).

The Metrica of the Grand Duchy of Lithuania was published in parts in various places; there are electronic databases, for example, in the Library of the Lithuanian Academy of Sciences, etc. These and many other business documents were used in *Histarychny sloŭnik bielaruskaj movy* 'The Historical Dictionary of the Belarusian Language' (Minsk, 1982-2017); many published, as well as handwritten collections, are named by Jaŭchim Karsky (Karsky 1921, 116).

The majority of business texts have not been published and are stored in various historical archives in Minsk, Grodno, St. Petersburg, Moscow, Vilnius, Warsaw, Kyiv, Lviv, etc. "The amount of act material created in the 15th–17th centuries can be estimated only approximately on the basis of later collections. Thus, 17 767 act books from the cities and towns of the Vilna, Grodno, Kovno, and Minsk provinces were delivered to the Vilna Central Archive, which was established in 1852 specifically for the preservation of ancient acts," writes Arkadz' Zhuraŭsky, citing the Encyclopaedic Dictionary edited by Ivan Andreevsky (St. Petersburg, 1890, vol. II, p. 262) (Zhuraŭsky 1978, 187).

Among the early business texts of the Grand Duchy of Lithuania from the second half of the 16th century, documents in the "prosta mova" written in Latin script are widespread. One of the first such documents is the "Privilege and Decree of King Sigismund Augustus" (from the "Book of Privileges of the City of Vitebsk", No. 41), 1551. Here's a fragment:

> *Zyghimont Awgust Bożiu Miłostiu Korol Poslkiy (!) Welikiy kniaz Litowskiy Ruski Pruski żomoytski Mazowieckiy Iynnych,Smotrili Jesma Toho diła s Pany-Radami Naszymi. Stoiali Perednami Oczewisto załowali Nam Woyt y wsi Meszczane Mesta Naszoho Witebskaho Na oreliiakona Wilenskaho Plebana Tamoszneho Witebskaho Na Xendza Iezofa Iasenskaho, Iż Dey on Boronit Nam kupożytku Mestskomu korczmy Horełczanoie (!) Meti* (Vitebskaja starina 1883, № 24, 47-49).

Its characteristic East Slavic feature, for example, is the fullvoice – *король* / *korol* 'the king'.

In the Tribunal and in the Metric of the Grand Duchy of Lithuania there are entries in both Cyrillic and Latin alphabets, and the language in which the Latinographic fragments are written cannot be clearly identified as Polish or "prosta mova".

For example, the Statute of 1588 was translated into Polish in 1614. The text of the Statute and its translation into Polish often coincide:

Уставиємъ тежъ хотечи то мети и приказиемъ абы в кождо^{м} таковомъ повете где сидъ земъски' естъ в замъки, албо в дворе нашомъ сидьѧ подъсидокъ и писаръ земъски' посполu зъ шлахтою, и всими иными станы wпатрыли збидовали таковыє мес^{т}ца где бы завжды книги земъскиє безпечне w^{т} вшелѧкоє пригоды были захованы прото воєводове и старостове сидовые в кожъдомъ воєводъстве земли повете в замки або дворе нашо^{м} сидовомъ схованьє доброє и варовноє постuпити имъ на то вин^{н}и будить.

Ustawuiem też, chcąc to mieć i przykazuiem, aby w każdym takowym Powiecie, gdzie sąd Ziemski jest w Zamku abo dworze nashym, Sędzia, Podsędek i Pisarz Ziemski, pospołu z szlachtą i wszystkiemi innymi stany opatrzyli, i zbudowali takowe mieysca, gdzieby zawżdy księgi Ziemskie beśpiecznie od wszelakiey przygody były zachowane. Przeto Woiewodowie i Starostowie sądowi w każdym Woiewodztwie, ziemi i Powiecie, w Zamku abo dworze naszym sądowym, schowanie dobre i warowne postąpić im na to winni będą.

Quoted by: Zhuraŭsky 1967, 114.

However, the Latinographic version of the Statute is considered to be a Polish translation, not a transliteration. Despite this closeness of the Old Belarusian and Polish languages, it is an established fact that the Statute appeared in Old Belarusian and was subsequently translated into Polish, and not vice versa. This is proved by the earlier predecessor of the Statute of the Great Duchy of Lithuania – the Sudzebnik of 1468 (Statute of the Grand Duke Casimir) and earlier versions of the Statute of 1529, 1566.

Many researchers believe that early Belarusian Latinographic texts were transliterated from Cyrillic originals. Such transliterations did exist, and they were numerous. There is also a contrary opinion: Latinographic texts in “prosta mova” were not only transliterated from earlier Cyrillic texts, but were also original. Such texts reflect the various authors both in terms of their mastery of the Latin script and in terms of the goals they pursued in using the Latin alphabet. Mastery of the Latin script implied not only knowledge of the alphabet, but also the choice of variant: Polish (most often), Latin, Czech; the concept of uniform transmission of the phonetics of "prosta mova" by means of Latin graphics. The authors aims could also vary: from direct translation (most often into Polish) to “Polish stylisation” or the use of Latin graphics in order to make the text understandable to the inhabitants of the Grand Duchy of Lithuania, who used the Latin alphabet. The latter was important in a multilingual state, where everyone knew the language of their neighbours to some extent and could also understand written speech, provided that the same alphabet was used. The unification of graphics became particularly important after the formation of the Commonwealth Federation, where the official languages of the subjects were the closely related "prosta mova" and Polish. As is well known, this closeness increased during the polonisation of the 17th-18th centuries – the above fragment of the translation of the Statute clearly demonstrates this. Transliteration

was used to make texts understandable to Poles (in Latin) or Ruthenians (in Cyrillic). This method was especially often used for business documents. Often this was a deliberate tactic, both because of the proximity and "comprehensibility" of the languages, and because of the desire to preserve the original as much as possible. The person who wrote such texts was most likely to know both languages and both scripts, and could well choose the method of writing according to the purpose and the communicants.

Latinographic legal documents convey the specific features of “prosta mova” in a very uniform manner, more consistently than Cyrillic ones, where these features were obscured by the morphological and etymological principle of spelling.

The question of the relationship between the Polish and Old Belarusian or Old Ukrainian languages in Latin-script texts has hardly been raised. Historians are more active than linguists in studying old documents of the GDL, but these texts are interesting to them in a factual, not in a linguistic sense. In their works, the language of Latinographic texts is determined on the basis of graphics: written in Latin alphabet means Polish, written in Cyrillic letters means "Russian" (Old Belarusian or Old Ukrainian). All documents can also be called Belarusian or Ukrainian, depending on the place where they were written.

Linguists have studied the Polish influence on the "prosta mova", Belarusianisms in the Polish language, local variants (in our case on the territory of the Grand Duchy of Lithuania) of the Polish language – the so-called "polszczyzna kresowa" (see, for example, (Kurzowa 1993)). However, the "wide spectrum of variants", in the words of Nikita Tolstoy, between the Belarusian and Polish languages has not attracted the attention of researchers, and the "range of gradations" between Polish and "prosta mova" has not been sufficiently studied and described.

REFERENCES

Zhlutka 2005: Жлутка, Алесь. *Міндаў, кароль Літовіі, у дакументах і сведчаннях*. Мінск.

Grusha 2015: Груша, Александр. *Документальная письменность Великого Княжества Литовского конца XIV – первой трети XVI вв*. Минск.

Zoltan 2014: Золтан, Андраш. *Процесс формирования административного языка Великого Княжества Литовского*, Interslavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам. Москва.

Vishnevsky, Yukho 2003: Вішнеўскі, Аляксей, Юхо, Язэп. *Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах*. Мінск.

Gramoty Velikikh kniaziej Litovskikh 1868: *Грамоты Великих князей Литовских с 1390 по 1569 год* 1868. Антонович, В., Козловский, К. (ред.). Киев. URL: http://elib.shpl.ru/ru/ nodes/14531-gramoty-velikih-knyazey-litovskih-s-1390-po-1569-god-kiev-1868; http://litopys.org.ua/gramvkl/gra.htm.

Gramoty XIV st. 1974: *Грамоти XIV ст.* 1974. Київ. URL: http://litopys.org.ua/gramxiv/grb.htm.

Rozov 1928: Розов, Володимір. *Українські грамоти*. Т. 1. XIV- поч. XV ст. Київ.
Suliak 2016: Суляк, Сергей. *О языке славяно-молдавских грамот XIV–XVII вв. (к историографии вопроса)*, Вестник Томского государственного университета. Филология, No 4 (42), 73-96. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/o- yazyke-slavyano-moldavskih-gramot-xiv-xvii-vv-k-istoriografii-voprosa.
Suprun 1983: Супрун, Адам. *Лексическая типология славянских языков*, Минск.
Smolenskie gramoty XIII–XIV vv. 1963; *Смоленские грамоты XIII–XIV вв.* Аванесов, Р. (ред.). Москва.
Polockie gramoty XIII – nachala XVI vv. 1977–1990, 2015. *Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв*. Т. 1, вып. I–V – 1977-1990; Т. 2 – 2015. Москва.
Zhuraŭsky 1993: Жураўскі, Аркадзь. *Беларуская мова,* Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 1. Мінск.
Anichenka 1994: Анічэнка, Уладзімір. *Беларускія граматы*, Беларуская мова. Энцыклапедыя. Мінск.
Uspensky 1994: Успенский, Борис. *Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.)*. Москва.
The Lithuanian Metrica 1903, 1914: *Литовская метрика*, Русская историческая библиотека. Т. XX – СПб., 1903; Т. XXX – Юрьев, 1914.
Histarychny sloŭnik bielaruskaj movy 1982-2017: Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Т. 1-37. Мінск.
Karsky 1921: Карский, Евфимий. *Белорусы. III. Очерки словесности белорусского племени. 2. Старая западнорусская письменность*. Петроград.
Vitebskaja starina 1883: *Витебская старина*. Сост. Сапунов, Алексей. Т. 1. Витебск.
Maleczyńsky 1936: Maleczyński, Karol. *W sprawie autentyczności dokumentów Mendoga z lat 1253–1261*, Ateneum Wileńskie. Czasopismo naukowe poświęcone badaniom przeszłości ziem W. X. Litewskiego. Wilno, r. 11.
Kurzowa 1993: Kurzowa, Zofia. J*ęzyk polski Wileńszczyzny i kresów północno-wschodnich: XVI–XX wiek*. Warszawa.

ТИПОЛОГИЈА СРПСКИХ КЊИЖЕВНИХ ЈЕЗИКА У XVIII И XIX в. У СЛОВЕНСКОМ КОНТЕКСТУ

АЛЕКСАНДАР М. МИЛАНОВИЋ (СРБИЈА)
Универзитет у Београду
Филолошки факултет

1. Типологија српских књижевних идиома у XVIII и XIX в. дуже од века привлачи најзначајније историчаре језика па је могуће анализирати промене појединих мишљења, као и међусобна неслагања. То важи и за периодизацију смена идиома „предвуковске“ епохе (Унбегаун 1995, Толстој 2004). У овом периоду неспоран је статус рускословенског у функцији језика српске цркве, а у почетку и језика књижевности. Не мењајући структуру, он је сузио функционални опсег, везујући се за богослужење. Српски народни језик се и пре Доситејеве појаве сретао у књижевности, али је тек Доситеј манифестом налагао његово увођење у основу књижевног језика. Судбина славеносрпског језика у синтетичкој литератури доминантно је сагледавана изнутра (Младеновић 1989 и 2008, Ивић 1998), анализом некодификованости (орто)графије, граматике и лексике која је условљавала бројне дублетне облике. Судбина овог језика смештана је и у књижевноисторијски контекст, повезивана са слабљењем класицизма и сентиментализма, јачањем предромантизма и победом романтизма (Павић 1985). Процеси у славеносрпској епохи најмање су сагледавани из угла дијахронијске социолингвистике, иако су такви темељи грађени на теренима историја језика (Белић 1998, Кречмер 2000 и 2002), књижевности (Павић 1985, Николић 2019) и друштва (Јовановић 2002). Нова сазнања отварају простор за анализу друштвених утицаја на судбину хибридног језика зачетог у Орфелиново време, а важна сазнања стижу и из области историјске стилистике (Бјелаковић 2019). Неспорно је да је статус славеносрпског језика био тесно повезан с питањима државе, сталежа, цркве, институција, као и контаката са блиским културама.

2. Досадашња истраживања су показала да је славеносрпски језик настао вернакуларизацијом рускословенског у јужној Угарској, те да се постепено ширио и на друге територије (Младеновић 2008). Новија истраживања указала су да се процес хибридизације писаног израза могао пратити и у Црној Гори, али да је тамо стилски смер обрнут: „нижи стил“ подизао се уметањем славенизама (Бјелаковић 2019). Чињеница да се у двема државама одвијају различити процеси, додуше са истим резултатом, указује да се фактори државности и локалне традиције морају наћи у средишту лингвистичке пажње.

2.1. Хабзбуршка монархија је разматрала питање српског књижевног језика углавном из перспективе удаљавања Срба од руског утицаја, тј. разбијања јединства Slavia Orthodoxa (Толстој 1998). Стога је предлог Т. Јанковића Миријевског о славеносрпском као „средњем стилу“ из 1781. могао бити прихватљив као прелазан за крај XVIII в., али се већ почетком XIX в. бечки двор јасније одређивао према народном језику у функцији књижевног. Кодификацијом народног израза одстрањивао се значајан слој *лексичких славенизама* (*русизама* и *рускословенизама*), што је праћено потискивањем рускословенске црквене и модификацијом руске грађанске ћирилице (Белић 1998).

2.2. Почетком XIX в. Карађорђе Петровић подиже Први српски устанак (1804), што је увод у стварање Кнежевине Србије. Писана комуникација међу устаницима подразумевала је народни језик, допуњен неопходним славенизмима. Стварање Кнежевине Србије у време Милоша Обреновића водило је друштво ка питању службеног језика. Мада се у скупштинским беседама обраћао на народном језику, али користећи барокну реченицу и славенизме, Милош је предвиђао развој државе на ученом језику српске културе из јужне Угарске, о чему сведоче крагујевачка издања Књажеско-српске књигопечатње (1833–1835) и потоња београдска. У креирању језичке политике Милош се ослањао на савете Д. Давидовића и других вићенијих Срба „пречана“. Контакти између Милоша и митрополита Стратимировића обезбеђивали су нереформисаном језику и грађаници стабилну позицију, ојачану забранама на Вуков књижевнојезички модел.

2.3. Традиција Црне Горе налагала је веће ослањање на народни језик током XVII, XVIII и XIX в., о чему сведочи и језик цетињских владика и владара Данила, Саве, Василија, Петра I и Петра II (Остојић 1985). Будући да су истовремено били духовни и световни господари, одабрали су диглосију без простора за „средњи стил“: народни језик у световној сфери, рускословенски у духовној. И у Црној Гори задаци језичке политике поверени су кадру школованом у Пешти и Бечу, Д. Милаковићу који је 1838. издао *Србску Грамматику*. Она описује вуковски, а не славеносрпски језик. Срби из Далмације, Лике, Крајине, Кордуна, Босне и Херцеговине, без својих јаких културних центара, нису могли јаче утицати на књижевнојезичке процесе. Писци овог круга (П. Соларић, Ј. Дошеновић, С. Мркаљ) умерени су у језичком ставу, свесни нераспрострањености чак и грађанице.

3. Важну улогу у развоју књижевнојезичких схватања у православним словенским срединама имале су и научно-културне институције. Судбину славеносрпског језика

условила је њихова касна појава. Прву установу Срби из Хабзбуршке монархије добили су 1826. (Матица српска), а у Србије 1841. (Друштво српске словесности).

4. Битно питање за разумевање књижевнојезичке ситуације представља и слабљење традиционалних веза са руском и бугарском културом у оквиру савеза Slavia Orthodoxa. Проблем „средњег стила“ тако није решаван кроз међусобно усклађивање националних решења. Барокна поставка о трима стиловима остављала је Орфелину (*Славено-сербскій магазинъ*, 1768) простор за колебање: да ли прекопирати руску триглосију и оставити руски у средњој позицији или стварати српски модел са славеносрпским наместо руског. Прво решење се због мале комуникативности показало немогућим, па је позицију средњег стила заузео хибридни језик. Овај процес имао је подршку у јачању веза српске културе са западноевропским, што је текло директно или посредно преко Русије.

4.1. Како је процес отварања културе ка западноевропским моделима каснио у Бугарској, до усклађеног развоја идеја о „средњем стилу“ између Срба и Бугара није могло доћи. Овоме је доприносила и просторна удаљеност главних српских и бугарских културних центара. Радови које су објављивале Н. Иванова и Ц. Иванова указују да се славенобугарски период не поклапа са славеносрпским у хронолошким границама, као ни појава централних личности у њима. Тако се типолошки појава Доситеја Обрадовића 1783. може упоредити с појавом Софронија Врачанског, али тек 1806. (Иванова Ц. 1996).

4.2. Док су књижевнојезички процеси у Бугарској каснили у односу на српске, у Русији су ишли испред српских и неретко им били узор. Период формирања руског националног књижевног језика почео је у XVII в. (Виноградов 1978), далеко пре но код Срба. Исто важи за кључне процесе у овом периоду. Стварање руске *грађанске ћирилице* (1708–1710) одразиће се тек у Офелиновим и Доситејевим књигама. Ломоносовљева *Российская грамматика* штампана је 1755, Вукова *Писменица сербскога їезика* тек 1814. Помало хаотично стање мешања руских, рускословенских и страних језичких елемената карактерисало је Петрову епоху, Србима је стигло тек у славеносрпској. Кодификација у Русији отпочиње 30-их година XVIII в. и одвија се при Академији наука, док је код Срба везана за Вуково стваралаштво. Ломоносовљева поставка о трима стиловима, и славеноруским као средњим стилом, из друге половине XVIII в. ипак се може посматрати као еквивалентна српској, са истим нападима на срж руског и српског „средњег стила“.

5. Уколико се директне хронолошке паралеле са бугарском и руском ситуацијом не могу повлачити, динамика процеса и промена у отприлике стогодишњем периоду (1750–1850) мора се усредсредити на српски корпус. Таквим путем пошао је и П. Ивић, мењајући током деценија анализа и синтеза приступ славеносрпском језику. Промена је била коренита не само за Ивићева сагледавања већ и за погледе његових следбеника. Коначан став Ивић формира у периоду 1988–1994, током којег је од *славеносрпског* типолошки раздвојио *доситејевски језик*. Ивићев термин понегде је прецизиран као *народни језик доситејевске традиције* и *доситејевски народни језик* (Ивић 1991а). Ова одређења удаљавала су га од термина *књижевни језик*, иако је у дефинисању *језичких типова* Ивић био прецизан и писао о „ступњевито постављеним етапама: црквенословенски руске редакције, славеносрпски, доситејевски, вуковски – увек уз коегзистенцију бар двају од тих типова“ (Ивић 1991б). Коегзистенцију славеносрпског и доситејевског типа књижевног језика Ивић (1991б) везује за период до 1825. г., а описује је као динамичан процес: „народни језик доситејевске традиције и хибридни славеносрпски били су јаче заступљени, али се њихов међусобни однос постепено мењао у корист народног“ (Ивић 1991а). После 1825. коегзистирају, према Ивићевом мишљењу, само доситејевски и вуковски језик, све до победе другог „поткрај Вуковог живота“ (Ивић 1991а). У Ивићевим описима доситејевски језик краси апстрактна и цивилизацијска лексика преузета из рускословенског и руског. Његове дистинктивне црте утврђују се више према вуковском језику (Ивић 1991а) него према славеносрпском, а међу њима се у оба смера издваја употреба лексичких славенизама махом у сфери апстрактне лексике. И Младеновић (1988), највећи зналац епохе, Доситејев језик у почетку назива „славеносрпским јако србизираним“. Потом од 1995. мења упориште, па пише о србизацији у Доситејевим делима „чији је књижевни језик, доситејевски, служио и као узор другим славеносрпским писцима“ (Младеновић 2008). Ивићеву типологију прихватили су после Младеновића и други новосадски историчари језика, Љ. Суботић, И. Бјелаковић, М. Зорић. Поред промена у структури књижевног језика, главни аргумент за прихватање Ивићеве типологије јесте језичко осећање актера језичких борби, нпр. Г. Магарашевића који 1829. констатује да литература на српском језику, почиње с Доситејем.

6. Упркос оваквим аргументима, низ истраживача (Љ. Стојановић, А. Белић, И. Грицкат и др.) између језичких израза у Орфелиново и Доситејево време утврђивао је

континуитет на основу сличне (орто)графије, неустаљености граматичких облика, честих славенизама и позајмљеница. И код њих се истицала вернакуларизација као доминантна тенденција, али се језик типолошки одређивао као славеносрпски: „Давидовић је као лични пријатељ Вука и Копитара опет наставио издавање Новина Сербских на славеносербском језику који се све више приближавао народном језику“ (Костић 1937). Један од аргумената против прихватања Ивићеве типологије могао би бити да она занемарује територије ван данашње Војводине. Други аргумент може се тражити у малом броју дистинктивних црта између доситејевског и славеносрпског. Кључни Ивићев критеријум, одабир лексичких славенизама само за апстрактне појмове, и до сада је подвргаван умереним критикама (Зорић 2018). Више славенизама који су имали синониме или дублете у народном језику има и у Доситејевом језику: *сојуз*, *жизнь*, *холм*. И Стерија активира славенизме попут *ангел*, *ашче*, *бо*, *в*, *верт*, *вес*, *владатељ*, *воздух*, *далше*, *ден*, и Ј. Суботић: *част*, *чрез*, *љубов*, *точан*, *точка*, *побужден*, *что*, *член*. Будући да је ова слика готово правило, у анализи лексике кључна је ипак улога историјске стилистике.

7. Стога је могуће понудити и компромисни модел, који уједињује традиционалну типологију са Ивићевом. Предложени модел одговара простору са Сремским Карловцима, Новим Садом, Београдом и Крагујевцем као културним центрима и не важи за Црну Гору: а) рускословенски, б) славеносрпски: орфелиновски (1750–1783) и доситејевски (1783–1850), в) вуковски. Критеријум за разликовање орфелиновског од доситејевског подтипа славеносрпског језика мора бити и фреквенција облика у њиховој граматичкој (им. у ДИЛ мн., партиципи барокизација реченице) и лексичкој структури (семантика и функција славенизама), што је на трагу Младеновићевог модела анализе, која подразумева упитник.

ЛИТЕРАТУРА

Белић 1998: А. Белић, *О великим стваоцима*, Београд.

Бјелаковић 2019: И. Бјелаковић, „Језик докумената Архива манастира Савине (18. век)“, у: *Српско језичко и књижевно насљеђе на простору данашње Црне Горе*, Подгорица – Нови Сад – Бања Лука, 515−526.

Виноградов 1978: В. В. Виноградов, *История русского литературного языка*, Москва.

Грицкат 1987: И. Грицкат, „Још нека питања у вези са славеносрпском епохом“, *Јужнословенски филолог*, XLIII, 111–135.

Иванова Ц. 1990: Ц. Иванова, „Концепците на Доситей Обрадович и Софроний Врачански за основата на книжевния език (съпоставителен анализ)“, у: *Софроний Врачански и проблемите на възрожденската ни култура (1739–1989)*, Велико Търново.

Иванова Ц. 1996: Ц. Иванова, „О књижевнојезичким контактима на почетку српске и бугарске стандардизације“, *Научни састанак слависта у Вукове дане*, 25/2, 223–243.
Иванова Н. 1976: Н. Иванова, „Некоторые вопросы исторической типологии балканских и славянских литературных языков, у: *Балканские исследования. Проблеми истории и культуры*, Москва.
Ивић 1990: П. Ивић, „Доситејевски књижевни језик између славеносрпског и вуковског“, *Научни састанак слависта у Вукове дане*, 19/2, 5–14.
Ивић 1991а: П. Ивић, „Вук Караџић и српски књижевни језик“, у: *О Вуку Караџићу*, Сремски Карловци – Нови Сад.
Ивић 1991б: П. Ивић, *Из историје српскохрватског језика*, Ниш.
Ивић 1994: П. Ивић, „Смисао збивања у историји књижевног језика код Срба“, *Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду*, XXIII, 15–30.
Ивић 1998: П. Ивић, *Преглед историје српског језика*, Сремски Карловци – Нови Сад.
Јовановић 2002: М. Јовановић, *Језик и друштвена историја : Друштвеноисторијски оквири полемике о српском књижевном језику*, Београд.
Кречмер 2000: А. Кречмер, „О књижевно-језичкој традицији до 1800. код Срба и Руса /Размишљање о словенској стандардизацији)“, *Јужнословенски филолог*, XLV/1–3, 117–121.
Кречмер 2002: A.Kretschmer, „Уочи стандардизације српског језика“, *Научни састанак слависта у Вукове дане*, 30/1, 11–19.
Куна 1970: H. Kuna, *Jezičke karakteristike književnih djela Dositeja Obradovića*, Sarajevo.
Милановић 2014: А. Милановић, *Језик Јована Суботића*, Београд.
Младеновић 1989: А. Младеновић, *Славеносрпски језик : Студије и чланци*, Нови Сад.
Младеновић 2008: А. Младеновић, *Историја српског језика : одабрани радови*, Београд.
Николић 2019: Н. Николић, *Идентитет српске књижевности*, Београд.
Остојић 1985: В. Ostojić, „Problemi izučavanja jezika cetinjskih vladika u predvukovskom periodu“, у: *O crnogorskom književnojezičkom izrazu*, Nikšić, 26–36.
Павић 1985: М. Павић, *Историја, сталеж, стил*, Нови Сад.
Суботић 1989: Љ. Суботић, *Језик Јована Хаџића*, Нови Сад.
Суботић 2004: Љ. Суботић, „Из историје књижевног језика: ’питање језика’, у: *Предавања из историје језика*, Лингвистичке свеске 4, Нови Сад, 145–191.
Толстој 1998: Н. И. Толстой, *Славянская литературно-языковая ситуация*, Москва.
Толстој 2004: Н. И. Толстој, *Студије и чланци из историје српског књижевног језика*, Београд – Нови Сад.
Унбегаун 1995: Б. Унбегаун, *Почеци књижевног језика код Срба*, Београд – Нови Сад.
Успенски 1997: Б. А. Успенский, *Общее и славянское языкознание*, Москва.

SECTION 1.3
DIALECTOLOGIE DES LANGUES SLAVES

1.3.1 GEOGRAPHIE LINGUISTIQUE ET ETUDES AREALES SUR LES LANGUES SLAVES

1.3.2. SITUATIONS DES DIALECTES SLAVES CONTEMPORAINS

1.3.4. LEXICOGRAPHIE ET LEXICOLOGIE DIALECTALE

1.3.1 Géographie linguistique et études aréales sur les langues slaves

&

1.3.4. Lexicographie et lexicologie dialectale

Dorota Rembiszewska, Janusz Siatkowski Parametry chronologiczne w badaniu leksyki na pograniczu polsko-wschodniosłowiańskim 1

Лучия Стефанова Антонова-Василева Паралелни диалектни явления между някои от езиците от лехитската и южнославянската група 6

Mira Menac-Mihalić, Anita Celinić O refleksima **dj* u hrvatskim govorima 11

Mirosław Jankowiak Słownictwo z zakresu gospodarki rolnej w gwarach białoruskich pogranicza bałtycko-słowiańskiego 16

Сергей Мызников Лексика западнорусского пограничья в севернорусском контексте на восточнославянском фоне 21

1.3.2. Situations des dialectes slaves contemporains

Alexander Krasovitsky, Maria Kyuseva, Matthew Baerman, Greville G. Corbett The decline of case in South Slavic 25

Kenta Sugai The adaptation of russian loan verbs in the bulgarian dialect of parcani, moldova 31

Salvatore Del Gaudio Morphosyntactic and typological tendencies in East polissian border dialects 34

Marina Marinković, Mirjana Crnić Novosel Etnografski rukopisi kao vrijedni izvori u dijakronijskoj dijalektologiji 38

Michal Vašíček Nářečí nejzápadnějších rusínských enkláv v kontaktu se slovenštinou a polštinou. Fonologie a morfologie. 42

Błażej Osowski Sytuacja gwar w opinii polskich i czeskich internautów 46

Martina Bašić, Marija Malnar Jurišić Hrvatska dijalektološka transkripcija – pristupi, izazovi i prijedlozi rješenja 51

Александра Тер-Аванесова, Светлана Дьяченко, Анна Малышева Южнорусские предложно-падежные конструкции на восточнославянском фоне 55

Наталия Ананьева Некоторые дополнительные источники изучения славянских диалектов 60

PARAMETRY CHRONOLOGICZNE W BADANIU LEKSYKI NA POGRANICZU POLSKO-WSCHODNIOSŁOWIAŃSKIM

DOROTA REMBISZEWSKA (POLSKA)
Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk
dorota.rembiszewska@ispan.edu.pl

JANUSZ SIATKOWSKI (POLSKA)
Uniwersytet Warszawski
janusz.siatkowski@wp.pl

Celem artykułu jest wskazanie znaczenia diachronii i synchronii w badaniu leksyki na pograniczu wschodniosłowiańskim. Analiza materiałów współczesnych i dawnych pozwala na interpretację wyrazów o ograniczonej geografii w dużym przedziale czasowym, co umożliwia śledzenie zmian zasięgów rozpatrywanych wyrazów w gwarach.

Tematyka ta podjęta już w trzech tomach monografii *Pogranicze polsko-wschodniosłowiańskie. Studia wyrazowe* pokazuje, że jednoznaczne rozstrzygnięcie (nawet przy uwzględnieniu źródeł pochodzących z różnych okresów), czy mamy do czynienia z archaizmami słowiańskimi, czy zapożyczeniami międzysłowiańskimi, jest często niemożliwe.

Wyraz ***binduga*** ‘miejsce nad rzeką, gdzie składa się drzewo na spław, zbija tratwy i spuszcza się je na wodę’ stanowi wyrazisty przykład, pozwalający na prześledzenie etapów przyjmowania danego leksemu przez polszczyznę z języka niesłowiańskiego, gdzie źródło zapożyczenia nie budzi wątpliwości.

Feliks Czyżewski występujące w gwarach polskich pod Włodawą postaci nazwy *binduga*, np.: *byńduha*, *beńd'uχa*, *byń□uχa*, *byńduga* uznaje za zapożyczenia ukraińskie, przytaczając z ukraińskich gwar włodawskich formy *byńduha*, *byńduχa*. Chodzi tu oczywiście jedynie o wpływ fonetyczny, o obce *h*, przekształcone na gruncie polskim w *χ* oraz o twarde nagłosowe *by-*. Ukrainizmem jest także notowana przez *Słowniku gwar polskich* sporadycznie z Woli Uhruskiej koło Włodawy forma *□ind'uha*. Ukraińskie wpływy językowe zdradzają też notowane do XVIII wieku zapisy fonetyczne *Bindiuha*, *Biendiuga*, *Bindiuga* dawnej wsi *Binduga* w gminie Krasnystaw. Z kolei oddziaływanie języka białoruskiego zaznacza się w nazwie wsi *Bindziuga* w gminie Michałowo w powiecie białostockim, w miejscowej gwarze *□idz'uha*, a w dawnych zapisach też *Biendziucha*, *Бендюга*, *Biendziuga*, *Bindziuha*.

Sam leksem *binduga* stanowi w polszczyźnie dawną pożyczkę z języka niemieckiego, dobrze poświadczoną zarówno w piśmie, jak i w gwarach, która zresztą do języków wschodniosłowiańskich przeszła właśnie za pośrednictwem polskim.

Na źródło niemieckie ze śrdniem. *bindinge* lub też śrwniem. *bindunge* ‘węzeł’, ‘połączenie, powiązanie’ od *binden* ‘łączyć, wiązać’ zwrócił uwagę kilku polskich badaczy.

Bienduga ‘wybrzeże wygodne do wywózki drzewa’ notuje już *Słownik staropolski* znad Biebrzy. Nie ma jej w prawdzie ani w *Słowniku polszczyzny*, ani w *Słowniku języka polskiego*

Samuela Lindego, ale kartoteka Słownika polszczyzny XVII–XVIII notuje z rękopisu 1720 r. *binduga*: „*Bindugi* wdobrym położone porcie". Wskazując na pochodzenie niemieckie podaje Słownik wileński *binduga*, *winduga* 'miejsce nad brzegiem wód spławnych położone, gdzie składają drzewo na spław przeznaczone', *bindużne* 'opłata od składu drzewa na bindudze' i *bindużnik* 'zbijający tratwę' oraz 'pilnujący porządku na bindudze', następnie Słownik warszawski *binduga*, *winduga* i jako gwarowe *bienduga* 'miejsce przy rzece, gdzie składają drzewo przeznaczone na spław' i 'spław drzewa', a *Słownik języka polskiego* pod red. W. Doroszewskiego *binduga* 'miejsce nad rzeką, gdzie się składa drzewo na spław i zbija tratwy'.

Dla języków wschodniosłowiańskich, przynajmniej częściowo, należy przyjąć pośrednictwo polskie. Dotyczy to pożyczki wyrazu *binduga* w znaczeniu 'miejsce nad rzeką do składowania drzewa przeznaczonego na spław'. Poza tym *bi*(*e*)*nduga* występuje w języku ukraińskim i rosyjskim, ale w innych znaczeniach.

Zatem, obecność wyrazu *binduga* już w staropolszczyźnie pozwala wnioskować, że należy on do grupy dawnych zapożyczeń z języka niemieckiego.

Interesującą egzemplifikację na pozorne zapożyczenie jest wyraz ***skowroda*** 'patelnia'. Występuje on powszechnie w językach wschodniosłowiańskich, a w języku polskim stanowi regionalizm północno-wschodni, z zasięgiem charakterystycznym dla pożyczek ruskich.

SGPK podał *skowrodę* 'patelnię' spod Augustowa, z okolic Kolna, z Tykocina, a ponadto postać *skawroda* z terenu Litwy. W *Atlasie gwar mazowieckich skowroda* występuje dosyć często, sporadycznie *skowryda* i zdrobniałe *skowrodka* f., *skowrodek* m., w północno-wschodniej części Mazowsza. Spod spod Włodawy na wschodzie Polski notowana jest postać *skoworda*.

Skowroda znalazła się także w utworach kilku pisarzy związanych z Kresami – w *Pamiętnikach* szlachcica wołyńskiego Jana Duklana Ochockiego (1766–1848), u Juliusza Słowackiego, a także u Adama Mickiewicza: „leją w kotły, ***skowrody***, w rondle, dym wybucha".

Ze względu na przedstawiony wyżej swój północno-wschodni zasięg, charakterystyczny dla pożyczek wschodniosłowiańskich, wyraz *skowroda* 'patelnia' został uznany za przejęty ze Wschodu przez niektórych językoznawców. bez żadnych zastrzeżeń. Jedynie Dorota Rembiszewska zwraca uwagę, że wyraz ten wykazuje regularny polski rozwój grupy **tort* zamiast wschodniosłowiańskiego pełnogłosu. Poza tym formacja **sk*(*o*)*vorda* nie jest ograniczona tylko do języków wschodniosłowiańskich oraz języka polskiego i języków łużyckich. Ma ona poświadczenie w języku starosłowiańskim. Mianowicie w *Kodeksie*

supraskim kilkakrotnie zanotowano formę *skovrada* ‘patelnia’. Wyraz *skowroda* ‘ts.’ został utrwalony w słowniku cerkiewnosłowiańsko-polskim, wydanym w 1722 r. w Supraślu, w haśle *сковрада*.

Słowiańska **skovorda* została też zapożyczona do języka rumuńskiego jeszcze przed metatezą jako *scovardă* w znaczeniu ‘placek’. Zamieszcza ją słownik Tiktina z Biblii z 1688 r. oraz z kilku słowników, poza tym występuje tu pochodny czasownik *scovîrda* ‘przybierać wklęsłą formę’. Świadczy to, że formacja **skovorda* była dobrze znana również na południu Słowiańszczyzny. Nie ma więc podstaw, by negować możliwość jej pojawienia się również w języku polskim.

Obecnie jesteśmy skłonni opowiedzieć się właśnie za tą drugą możliwością, przyjmowaną zresztą powszechnie przez autorów słowników etymologicznych. Mamy tu do czynienia z dawną wspólnotą obejmującą właściwie całą Słowiańszczyznę, sięgającą zapewne dawnych czasów sprzed metatezy grupy *tort*. Za zapożyczone natomiast uznamy tylko obce fonetycznie formy, jak *skawroda* pod Sejnami i na Litwie oraz *skoworoda* u polskich przesiedleńców spod Nowogródka.

O możliwości wpływu wschodniosłowiańskiego na pol. nazwę ***kurdupel*** ‘człowiek niski, niedorostek’, przezwisko ‘smarkacz’ wspominano kilkakrotnie, ale argumentów przemawiających za pożyczką nie przytoczono. Słownik warszawski polskie gwarowe *kurdupel*, *kordupel*, *kurdupeć* ‘człowiek niski, pękaty, niedorostek’, ‘malec, smarkacz’ jedynie zestawia z ukr. *kurdupel*, jednak wyraźnie nie stwierdza, że jest to pożyczka. Aleksander Brückner w haśle *dupło*, *dziupło*, *dupa* pisze: „nasze *kurdupel* zawiera toż słowo, jeśli to nie pożyczka raczej z ruskiego”, ale na s. 283 o zapożyczeniu nie wspomina: „*kurdupel* ‘malec’, pogardliwie, w XVII w. też *kordupel*, to *kur-* wywodzą z cerk. *k□n-* ‘obcięty’, prasłowo, u nas zaginęło”. Polskie gwarowe *kurdupel* ‘ktoś niskiego wzrostu’ spod Sokółki na Podlasiu zdecydowanie uznaje się za pożyczkę ukr. *kurdupel*. Sławski w Słowniku etymologicznym ze względu na szeroki zasięg wyrazu w gwarach polskich możliwość wpływu ruskiego kategorycznie odrzuca.

Przyjmuje się, że **k□no-dupъ*, **k□no-duъpljь* stanowi dialektyzm północnosłowiański. Pol. *kurdupel* zdecydowanych znamion obcości właściwie nie ma. Wprawdzie na miejscu □ zgłoskotwórczego twardego dominuje w języku polskim kontynuant *ar*, ale sporadycznie pojawiają się również formy z *or* i *ur*, a wchodzi też w grę wtórne skojarzenie z wyrazem **kurъ*. Formy z *or*, *ur* mogą więc, ale nie muszą, wskazywać tu na pożyczkę. Nie sposób więc wykluczyć ich rodzimości w języku polskim. By rozstrzygnąć, czy w polszczyźnie można mówić o ewentualnej pożyczce, trzeba zatem przede wszystkim dokładniej przyjrzeć się

historii wyrazu i jego zasięgowi w językach słowiańskich.

Regionalizm ten występuje w całej Słowiańszczyźnie wschodniej, ale ma tu różną frekwencję. W języku rosyjskim jego występowanie ogranicza się tylko do gwar i ma inne znaczenie niż omawiane. Z języka ukraińskiego są potwierdzone postaci: *курдю́пель* ‘człowiek małego wzrostu’ i *курдю́пельный чоловік* ‘człowiek małego wzrostu’. Szczególnie bogate poświadczenia dotyczą wyrazów: *курдю́пель*, *курдю́пяль* ‘człowiek małego wzrostu’, ‘zwierzę z krótkim ogonem’ w języku białoruskim. *Etymologiczny słownik białoruski* notuje go z gwar białoruskich m.in. spod Witebska, Homla, Bobrujska, Grodna i ze słowników bez ściślejszej lokalizacji.

Kurdupel i pochodne mają szeroki zasięg w gwarach polskich. Już w *Słowniku gwar polskich* Jana Karłowicza zapisano *kurdupel* ‘człowiek małego wzrostu’, ‘mały chłopiec’, ‘malec, smarkacz’ z północy Polski i z Litwy, *kurdupeć* ‘ts.’ znad Skawy. Są także potwierdzenia z Domaniewka pod Łodzią, z Wielkopolski i Podkarpacia.

Валерый Лабко przedstawił zasięg słowiańskiego nazwy *kurdupel* ‘człowiek małego wzrostu’, ‘mały, krótki, z krótkim ogonem’ na mapie. Wyraz ten obejmuje duży obszar, obejmujący całą niemal Białoruś (jedynie na wschodzie występuje tylko *kurdupec* i *kurdupyj*), na Ukrainie zaś *kurdupel* tworzy wyspę od Lwowa po Użhorod na Zakarpaciu. W Polsce *kurdupel* pojawia się na mapie w rozproszeniu we wschodniej połowie kraju, sięgając sporadycznie na zachód aż poza Łódź, w zagęszczeniu występuje zaś koło Gdańska i Krakowa. Znany jest m. in. w kaszubszczyźnie. Powszechnie występuje na terenie południowo-wschodniej Litwy. Лабко twierdzi, że tak szeroki zasięg w gwarach polskich wskazuje na zapożyczenie lub archaizm. Ze względu na brak wiarygodnego źródła zapożyczenia i przejrzystą budowę słowotwórczą opowiada się raczej za archaizmem.

Kartoteka *Słownika gwar polskich* przynosi dalsze przykłady obecności tego wyrazu w gwarach polskich: z Wileńszczyzny, z Wielkopolski, ze Śląska, Małopolski i z pogranicza wschodniego.

W piśmie *kurdupel* pojawia się w języku polskim w utworze *Złote jarzmo małżeńskie* w przedruku z 1784 roku – *Hordupel*” ‘rogacz, zdradzany mąż’ (kartoteka SXVII–XVIII), później w Słowniku Bandtkiego z 1806 *kordupel*, *kurdupel* w znaczeniu ‘licha krótka szpada noszona z tyłu pod płaszczem’.

Słownik wileński *kordupel*, *kurdupel* ‘człowiek małego wzrostu, przytem niezgrabny’ uznaje za pospolity, a *Słownik warszawski kurdupel*, *kordupel* ‘człowiek niski, pękaty, niedorostek, malec’ za gwarowy, zestawiając z ukr. *kurdupel*.

Kurdupel znany jest też w polszczyźnie współczesnej. *Słownik* Doroszewskiego jako

pogardliwe i wulgarne ‘o człowieku niskim, pękatym, niepokaźnym’ podaje *kordupel*.

W świetle przedstawionych materiałów sprawa pożyczki jest dosyć jasna. Wprawdzie postać fonetyczna omawianego wyrazu z kontynuantem *or*, *ur* na miejscu *r* zgłoskotwórczego może wskazywać na zapożyczenie, jednak tak szeroki jego zasięg w gwarach polskich, jak przyjmował już Sławski w *Słowniku etymologicznym*, zdecydowanie przemawia za pierwotnym archaizmem. Z analizy przykładowych wyrazów występujących na pograniczu polsko-wschodniosłowiańskim rysuje się dość oczywisty wniosek – trudno tu o jednoznaczne rozstrzygnięcie, czy jest to zapożyczenie w obrębie języków słowiańskich, czy też relikt wspólnoty prasłowiańskiej.

ПАРАЛЕЛНИ ДИАЛЕКТНИ ЯВЛЕНИЯ МЕЖДУ НЯКОИ ОТ ЕЗИЦИТЕ ОТ ЛЕХИТСКАТА И ЮЖНОСЛАВЯНСКАТА ГРУПА

Лучия Стефанова Антонова-Василева (България)
Институт за български език „Проф. Любомир Андрейчин“ (София)
при Българската академия на науките

Докладът си поставя за цел да приведе нови факти към проблема за диалектните успоредици между езиците от лехитската група и южнославянските езици, с особен оглед към съпоставката между полски и български език. Обръща се внимание на възгледите на Б. Цонев, С. Б. Бернщейн, О. Н. Трубачёв и др. за тяхната историческа интерпретация. Разглеждат се публикации, описващи общите диалектни явления на фонетично равнище – широк изговор на мястото на ятовата гласна, назализъм и др., като си привеждат и нови данни за проявата на тези особености за българските говори. Обсъждат се примери за общи диалектни явления в областта акцентната система, на лексиката и семантиката, на морфологията, ексцерпирани от писмени източници и от нов теренен материал.

1. Въпросът за общите явления в езиците от лехитската и южнославянската група е поставен в класическия труд на проф. Б. Цонев *История на българския език*. (Цонев 1984: 37, 38). Той изтъква на първо място особености на фонетично равнище:

1.1. ѣ = *ᵉa* – преглася се пред меки срички, както в български: *wiara – wierzyć, bialy – bielić*.

1.2. Начално ѫ = вѫ – наличие на протетично *в* пред ѫ – стара и свойствена само на полски, български и словенски: *waż – въже, węgiel – въглен, węzeł – възел*.

1.3. Назален изговор – запазен в полски език и в някои български диалекти.

1. 4. Б. Цонев обръща внимание и на особености на акцентно равнище, които са регистрирани в района със запазен остатъчен назализъм – Костурско, където се открива и наличие на назализъм, като пише (Цонев 1984: 37,38; 39).

2. Отношение към възгледите на Б. Цонев взема С. Б. Бернщейн. Той поставя на преразглеждане въпросът за наличието на връзки между диалектите на езиците от лехитската и „българо-македонската“ (според автора) група още в праславянския период, както и предположението за съседство на „предците на българите и македонците“ с балтийците и „предците на поморяните и поляците“. Бернщейн изтъква, че Б. Цонев отделя голямо значение на лексикални и изолирани фонетични явления. Според него проблемът за взаимоотношението между езиците от лехитската и южнославянската група е далече по-сложен. Като използва данни от изследвания на Зенюкова, Илич-Свитич, Голомб и някои други, Бернщейн определя три периода в развитието на тези езикови връзки: 1. Древен период на наличие на лехитско-българска езикова област; 2. Период, свързан с карпатската миграция на славяните; 3. Период, отразяващ влиянието

на славянските езици в овчарската терминология. Тогава южнослав. елементи проникват чрез румънски език и се наблюдават и в южните малополски говори.

3. Към бележките на Бернщейн трябва да се прибавят и редица по-нови изследвания, в които се засяга въпроса за наличието на стари славянски взаимствания от ирански езици. Тук трябва да се посочат изследванията на В. Блажек *Irano-Slavica — к хронологии старых иранских заимствований в славянских языках* (Блажек 2015: 70:100). В. Блажек допуска, че тези заимствания са осъществени още в периода преди разпадането на славянския езиков съюз през 6 в. от н. е. Той изтъква, че етимологичния анализ на местни название и заимствани лексеми особено от тюркски, угро-фински, славянски, се разпространяват от територията на иранските езици в Сибир от горното течение на р. Енисей до Южен Урал, в цяла Централна Азия, поясът на Каспийско – Черноморската степ, включвайки тяхното продължение на запад от Карпатите в Унгарската низина, Банат или Трансилвания. Специфичните славяно-ирански или по-широко погледнато „(балто)-славяно-индоирански“ лексикални и граматични изоглоси се явяват предмет на изследване още в средата на 19 в. На етимологичен и семантичен анализ в този аспект той полага редица широко разпространени в славянските езици лексеми – срв. **bogъ , *divъ , *kotъ / *kotьcь, *město* и мн. др.

4. О. Н. Трубачов също разглежда славяно-иранските лексикални отношения в своя труд *Из славяно-иранских лексических отношений* (Трубачёв 1965: 3-81) и в други изследвания. По материал от лексикалните иранизми в славянските езици той прави изводи за степента на диалектна разчлененост и местоположението на различните части на славянската общност в скитската епоха. Според него от данните за ирано-славянските контакти следва, че най-архаичната част от иранизмите представляват западнославянските езици и специално в полски. Източнославянските езици в контекста на отношенията с ирански се оказват далече не най-източните. Той посочва, че въпреки критиките към неговите теории (Polono-iranica), те намират потвърждение.

Трубачов насочва вниманието към проблема за дунавското разположение на южния дял от славянските езици. В своите трудове *Древние славяне на Дунае (Южний фланг). Лингвистические наблюдения*. I; II; *Этногенез и культура древнейших славян* той публикува карта на движението на славянските племена:

Карта 7. Древние славянские диалекты на Среднем Дунае

5. Във връзка с теорията на Трубачов според мене стои въпросът за езика и културата на Седмиградските българи и българите в Банат. През I-III век в римската област Трансилвания, влизаща в състава на римската провинция Дакия, се настаняват славянски племена. Тук се заселват и прабългари – първата група от състава на аварското ханство, а втората – появила се по-късно с хан Аспарух. Към 805 г. хан Крум присъединява земите южно от Среден Дунав и Трансилвания (Седмиградско) към България. Градът Пещ, изграден от панонските българи, става погранична крепост с Франкската империя. (Милетич 1926; Балкански 1996). В последствие към тази група славянско население, която е част от българската държава, включваща прабългарите като държавотворен елемент, се присъединяват и банатските българи. Те са преселници от Чипровци след разгрома на Чипровското въстание (Милетич 1900), които първоначално пребивават в западната част на Влашко – Олтения. Мястото, на което те се установяват – местността Банат, разположена около селището *Сънниколау Маре* [1] (рум.: *Sânnicolau Mare, Sînnicolau Mare).* Тук се намира с. Ченад, където са локализирани останки от крепостта *Ченад (Морисена)*[2] на река Мурещ от времето на Първата българска държава. Според историците много от чипровските родове Парчевичи, Пеячевичи, Симоровичи от XVII в. са произлизали от средновековната българска градска аристокрация от епохата на независимата българска държава (Димитров 2017: 43). Селището е разполагало с училище, богата библиотека и силно развити традиции в културата и образованието. Тук са работили редици бележити просветители, повечето от които католици. Един от най-ярките им представители е Петър Богдан Бакшев (Бакшич) – Деодат, известен с историческите си трудове – срв. *De antiquitate Paterni soli, et de rebus*

[1] https://bg.wikipedia.org/wiki/ Сънниколау_Маре
[2] https://en.wikipedia.org/wiki/Cenad

Bulgaricis ad suos Compatriotas (*За древността на бащината земя и за българските дела към неговите сънародници*), завършена около 1667 г. – най-ранният известен труд по история на България.

Всички тези исторически препратки потвърждават тезата на редица езиковеди, според които между славяните от лехитската и южнославянската група съществуват контакти от дълбока древност до късното средновековие и през епохата на Възраждането на Балканския полуостров. Според мене тук не се обръща достатъчно внимание на факта, че в състава на славянското население участват и прабългарите, които допринасят за пренасянето на културата от изток – от иранските езици. В рамките на индоевропейски тези езици стоят най-близо до индоарийски – езици, които понастоящем преобладават в Иране, Таджикистане и Афганистане, разпространени са в по-малка степен в Турция, Сирия, Грузия, Армения, Азербайджан, Россия, Пакистан, Туркменистан, Узбекистан и Китай.

6. Из лехитско-южнославянските успоредици

6.1. Успоредици на фонетично равнище – анализ на лексемата *ръж* и някои нейни фонетични облици. Анализ на остатъците от назализъм в Преспанско, Костурско и Солунско.

6.2. Успоредици на лексикално равнище – анализ на лексемата *хубав*; названия за *куче;* названия със значение ‘ръж’ в български език и техните успоредици в диалектите на езиците в Европа.

6. 3. Успоредици на акцентно равнище – акцентният модел в Костурско и възгледите на В. А. Дыбо за акцентните системи в славянските езици (Дыбо 1968; Дыбо 1990).

6. 4. Паралели на морфологично равнище, които може да се присъединят към общите тенденции в езиците от лехитската и южноевропейската група. Посочват се проявите на аналитизъм в езиците от лехитската група в конструкции, изразяващи количествени отношения на партитивност. Според М. Корикговса и др. автори в този тип конструкции се развиват кашубско – „българо-македонски“ успоредици.

Изводи

От прегледа на някои възгледи за близостта между лехитските и южнсославянските езици може да се потвърди изводът, че между тях съществува близост, вероятно наследена от старинно съседство. Утвърждава се тезата, че основна роля в случая играят славянските племена и народи, установили се по средното течение на река Дунав – в областта Трансилвания, Седмиградско и Банат. Не трябва да се пренебрегва фактът, че

така очертаният район се развива в единство с езиковите и културните традиции на Първата българска държава. Не трябва да се пренебрегва и ролята на прабългарския елемент, който играе съществена роля при формирането на българската държавност, култура и книжнина. Твърде вероятно е да се допусне, че иранските заимствания са проникнали именно чрез прабългарския народностен елемент.

ИЗБРАНА БИБЛИОГРАФИЯ

Балкански 1996: Балкански, Т. *Трансилванските (седмиградските) българи. Етнос. Език. Етнонимия. Ономастика. Просопографии*. ИК „Знак ‘94”, Велико Търново, 1996.

Бернщейн 1965: Бернштейн С.Б. *К изучению польско-южнославянских языковыхсвязей* [*K izucheniyu polysko-yuzhnoslavyanskih yazыkovыh svyazey*], „Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej“ 1965, nr. 5, c. 33–36.

Блажек 2015: Блажек, В. Irano-Slavica — к хронологии старых иранских заимствований в славянских языках**.** **–** *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова IV Этимология*. Москва, 70-100.

Димитров 2017: Димитров, Б. *Петър Богдан Бакшев*. София: Изд. „Захарий Стоянов“.

Дыбо 1968: Дыбо, В. А. Акцентология и словообразование в славянском. – В: *Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Прага, август 1968. Доклады советской делегации*. Москва, Наука, с. 148–224.

Дыбо 1990: Дыбо, В. А. *Основы славянской акцентологии*. Москва: „Наука“.

Милетич 1926: Милетич, Л. Седмоградските българи и техният език. – *Списание на Българската академия на науките*. Книга XXXIII. Клон историко-филологически и философско обществен, 18, София.

Милетич 1900/1: Милетич, Л., 1900. Книжнината и езикът на банатските българи. – *Сборник за народни умотворения, наука и книжнина*. кн. XVI и XVII, 339-483.

Милетич 1900/2: Милетич, Л. Към брашовските влахобългарски грамоти. – *Сборник за народни умотворения, наука и книжнина*. кн. XVI и XVII, 496-504.

Милетич 1926: Милетич, Л. 1926, Седмоградските българи и техният език. – *Списание на БАН*. Кн. XXXIII, Клон. Ист.-филологически, 18.

Трубачёв 1965: Трубачёв, О. Н. *Из славяно-иранских лексических отношений*. – Этимология. 1965. М., 1967, с. 3-81.

Трубачёв 1991: Трубачёв, О. Н. *Этногенез и культура древнейших славян (лингвистические исследования;)*. Москва: „Наука“; *Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования*. Российская Академия Наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Издание второе, дополненное Москва: „Наука“ 2003.

Трубачёв 1993: Трубачёв, О. Н. Древние славяне на Дунае (Южний фланг). Лингвистические наблюдения. I. – *XI Международный съезд славистов. Вопросы этногенеза и археологии слявян*. Словакия.

Цонев 1984: Б. Цонев *История на българския език*. Т. 1, София 1984 (фототипно изд. от 1940 г).

Koritkowska 1997: Korytkowska M. O gramatykalizacji kategorii partytywności (paralela roz-wojowa kaszubsko-bułgarska). – *Onomastyka i leksykologia*, red. H. Popowska--Taborska, J. Duma, Warszawa, s. 159–165.

Korytkowska 2023: Korytkowska, M. Gramatykalizacja kategorii partytywności jako efekt interferencji (na przykładach z języków południowosłowiańskich oraz z dialektów kaszubskich) **–** *Rocznik Slawistyczny*, t. LXXII, 105-116.

O REFLEKSIMA **dj* U HRVATSKIM GOVORIMA

MIRA MENAC-MIHALIĆ (HRVATSKA)
Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu
mmenac@ffzg.unizg.hr

ANITA CELINIĆ (HRVATSKA)
Institut za hrvatski jezik
acelinic@ihjj.hr

Odrazi[1] psl. slijeda **dj* jedna su od brojnih suglasničkih pojava po kojima prostor hrvatskoga jezika nije jedinstven.

Iz literature je dobro poznato da u govorima hrvatskoga jezika za **dj* u najvećoj mjeri dolaze sonant *j* te zvučna palatalna afrikata tipa *ʒ́* različitih stupnjeva tvrdoće (odrazi koji su zastupljeni i u susjednim zapadnojužnoslavenskim jezicima) ili, njoj artikulacijski blizak, palatalizirani zvučni dentalni okluziv *d'*.

U radu se analiziraju odrazi samostalnoga slijeda **dj*, pa je skup **zdj*, kao zasebna tema, ostao izvan razmatranja. Karta donosi objedinjen prikaz građe **medja – *medjašь*, **prędja*, **rъdja*, **žędja*[2].

Temeljni izvor građe za ovaj rad bili su rukopisni dijalektološki upitnici za projekte Hrvatski jezični atlas (HJA), Općeslavenski lingvistički atlas (OLA) i Lingvistička geografija Hrvatske u europskome okružju (LinGeH). Dio građe potječe iz objavljenih radova (među kojima posebno ističemo BiH jezični atlas u kojem je kartografirana **medja* [1]). Malen smo dio građe pribavili iz rukopisne građe prikupljene u recentnim istraživanjima kolega dijalektologa[3].

Pri analizi građe i njezinu kartografiranju postojale su teškoće u vezi s transkripcijom afrikate koja se javlja kao odraz **dj*, odnosno odraza koji nije sonant *j* (ne-*j*). Terenski su istraživači taj odraz bilježili različitim transkripcijskim znakovima, pri čem nekada nije jasan točan izgovor glasa o kojem je riječ. Tako su, uz regularne znakove *ʒ́* (za sustave s dvjema zvučnim afrikatama) i *ʒ̑* (za one s jednom), bilježeni i znakovi đ, ʒ, ḍ i sl., za koje je, ipak, moguće pretpostaviti da označuju ili jedinu zvučnu afrikatu u konkretnom fonološkom sustavu ili mekšu od dviju zvučnih afrikata u sustavu. Posebnu dvojbu pri interpretaciji građe predstavljaju odgovori u kojima je odraz **dj* zapisan znakom *d'*. Tim se znakom u transkripcijskom sustavu regularno označuje palataliziran zvučni zubni okluziv, ali nije sigurno je li njime u građi uvijek bilježen upravo taj okluzivni glas, ili ipak afrikata, a postoji i

[1] Rad je nastao u okviru projekta „Bednjanski rječnik“, koji u Institutu za hrvatski jezik financira Europska unija – NextGenerationEU.

[2] Izrađene su i pojedinačne karte za reflekse **dj* u navedenim riječima, ali zbog ograničenoga prostora nisu ušle u ovaj rad. Predviđamo da ćemo ih objaviti u cjelovitoj inačici rada o ovoj temi.

[3] Posebno zahvaljujemo Tomislavi Bošnjak Botica, Dunji Brozović Rončević, Mirjani Crnić Novosel, Anđeli Frančić, Filip Galović, Ivani Kurtović Budja, Mariji Malnar Jurišić, Domagoju Vidoviću, Sanji Vulić, Perini Vukša Nahod.

mogućnost da se takav glas javlja i u još kojem punktu a da transkripcijski nije precizno označen.

U dijelu punktova postoje odgovori na svih pet pitanja, u dijelu jedan ili više odgovora izostaje. Nekoliko je punktova iz kojih imamo odgovor na samo jedno pitanje.

Punktovi u kojima postoje odgovori na sva pitanja na karti su označeni simbolom sunca, oni u kojima neki od odgovora izostaje označeni su trokutom. Crni simboli zastupaju sonantni odraz *j*, crni s bijelim krugom u sredini – palatalizirani okluziv *d'*, bijeli s crnim obrubom zastupaju afrikate (*ʒ́*‖*ǯ*), a bijeli simbol s crvenim obrubom – frikativ *ž*. Na karti su sivom bojom obojeni simboli u punktovima s miješanim odrazima. Omjer broja odgovora s različitim odrazima u pojedinom punktu na karti nije vidljiv. O ostalim, rijetkim simbolima v. legendu.

Razmjerno kompaktno područje s dosljednim odrazom *j* (crni simboli) prostire se na jugu i zapadu hrvatskoga jezika; govori su to koji se svrstavaju u čakavsko i kajkavsko narječje; konkretno, riječ je o nedoseljeničkim, većinom otočnim južnočakavskim (uz kopneno Krilo Jesenice), dijelom srednjočakavskim te sjevernočakavskim govorima, buzetskim govorima, goranskim kajkavskim, plješivičko-prigorskima, žumberačkom Jarušju, gornjosutlanskim, dijelom središnjozagorskim govorima te međimurskom Banfiju. Razmjerno kompaktno područje s dosljednim odrazom *ʒ́*‖*ǯ* nalazi se na u istočnom i sjevernom dijelu Hrvatske; riječ je o većini štokavskih, dijelu istočnih kajkavskih govora te kopnenih čakavskih govora u Dalmaciji.

Palatalizirani zvučni zubni okluziv *d'* zabilježen je u znatnom broju iseljeničkih govora u Mađarskoj, zatim nekima susjednima u Austriji i Slovačkoj, u Rumunjskoj; u Hrvatskoj su to neki govori jugozapadnoga istarskoga dijalekta, kopnu bliži sjeverno- i srednjočakavski otočni govori na Pagu, Ugljanu, Pašmanu, te rijetki kopneni južnočakavski govori (Trogir, Kučište) koji se nalaze na međi čakavštine i štokavštine. Za govore sa zabilježenim *d'* u Mađarskoj i susjednim gradišćanskim govorima moglo bi se nagađati je li to čuvanje starijega stanja ili je svojevrstan utjecaj mađarskoga jezika, u kojem postoji sličan meki glas. S obzirom na činjenicu da je riječ o hrvatskim govorima koji su u Mađarsku doseljeni iz različitih područja, o čakavskim, štokavskim i kajkavskim govorima, druga je pretpostavka izglednija. Međutim, kada je riječ o govorima u Hrvatskoj (mahom je riječ o uzmorskim čakavskim govorima), taj bi se okluziv mogao tumačiti kao čuvanje staroga stanja na omeđenom području, odnosno čuvanje glasa u koji se slilo psl. **dj* prije njegova daljnjega razvoja u *j* odnosno *ʒ́*‖*ǯ* na drugim područjima. S obzirom na to da je *d'* zvučni parnjak s *t'*, koje je u dosta čakavskih govora zastupljeno kao odraz psl. **tj* i koje se također može smatrati čuvanjem staroga stanja,

pretpostavka o postojanju para *d' ~ t'*, odnosno o postojanju područja na kojem se još čuva stanje kakvo se nagađa da je bilo prije arealne diferencijacije – čini se izglednom.

Karta pokazuje da gotovo duž cijeloga područja, od sjevera do juga, između zapadnijega područja s odrazom „samo *j*" (crni simboli) i istočnijega s odrazom „samo *ʒ́*‖*ǯ*" (bijeli simboli) postoji uže ili šire prijelazno područje (sivi simboli) na kojem su zastupljena oba odraza (izostaje samo na podvelebitskom paškom području). To prijelazno područje najproširenije je na sjeverozapadu hrvatskoga jezika, i prostire se na terenu kajkavskoga narječja. Istočni se kajkavski govori prema odrazu **dj* slažu sa susjednim štokavskima. Točne kriterije kojima bi se protumačilo zašto je na tom prijelaznom području u nekojim riječima **dj* dalo *j*, a u nekojim drugim ne-*j* – nije moguće utvrditi. Odrazi ne-*j* najzapadnije su prisutni u riječi **rъdja*, odnosno znatan je broj punktova u kojima se *ʒ́*‖*ǯ* javlja samo u toj riječi, a u drugima je *j* (npr. Mursko Središće, Sveti Martin na Muri, Putjane, Gornja Voća, Lepoglava, Lobor, Zajezda, Šestine, Gornje Vrapče, Mraclin, Marija Gorica, Sveta Nedjelja, Pisarovina, Zdenčina, Stative, Generalski Stol, Ogulin, Oštarije, Lokve). S druge strane, odrazi s *j* najistočnije su prisutni u **medja* i **medjašь* jer je u nizu punktova zastupljeno *j* samo u tim riječima ili jednoj od njih, a u drugima je *ʒ́*‖*ǯ* (npr. Klis, Podgora, Zaostrog, Makarska, Grude).

Područje jugozapadne Istre ističe se odrazom *ž*. Taj se frikativni odraz može protumačiti zamjenom afrikate ili okluziva, koji su vjerojatno postojali u tim doseljeničkim govorima, zvučnim frikativom *ž* zbog toga što suglasnički sustavi istarskih (kao i brojnih drugih čakavskih) govora nemaju zvučnih parnjaka bezvučnim afrikatama i okluzivima.

Na karti se pokazuje u kojim je govorima odraz **dj* izjednačen sa sonantom **j*, u kojima je izjednačen sa zvučnim frikativom *ž*, u kojima je dao zvučni zubni okluziv *đ* ili zvučnu afrikatu *ʒ́*‖*ǯ*. Treba napomenuti da afrikata *ʒ́*‖*ǯ* može biti poseban fonem u suglasničkom sustavu i onih govora u kojima **dj* nije imalo afrikatni razvoj. Afrikata *ʒ́*‖*ǯ*, naime, može nastati i na druge načina: u sekundarnim suglasničkim skupovima sa *ə*, u skupu **zdj*‖**zgj*, unosom posuđenica, u onomatopejama i sl.

Uočava se postojanje dijalektnih otoka, s odrazom drukčijim od okolnih govora. Kada je riječ o govorima u kojima je leksikalizirano, tj. ne kao redovan razvoj, očuvano *j* u pojedinim riječima, to su redom štokavski govori, i to posavski staroštokavski govori Davor (gdje je *prȅja*) i Bebrina (gdje je *prȅjica* u značenju 'spona, kopča'), govor Podlapače u Lici (gdje je *prȅja*), u Bosni i Hercegovini govor Dobretića (*prȅja*), Gruda (*mȅja*‖*mȅʒ́a*). U Kreševu i okolici javljaju se dvostrukosti (u Kreševu *mȅja*‖*mȅʒ́a, r̝ja*‖*r̝ʒ́a ~ prȅja ~ žê:ʒ́*). Štokavsko Račišće na inače južnočakavskoj Korčuli poznaje samo odraz *ʒ́*. Gornja Jelenska, doseljenički goranski

kajkavski govor, ističe se miješanim odrazima u okružju turopoljskih govora s redovitim odrazom ʒ̑.

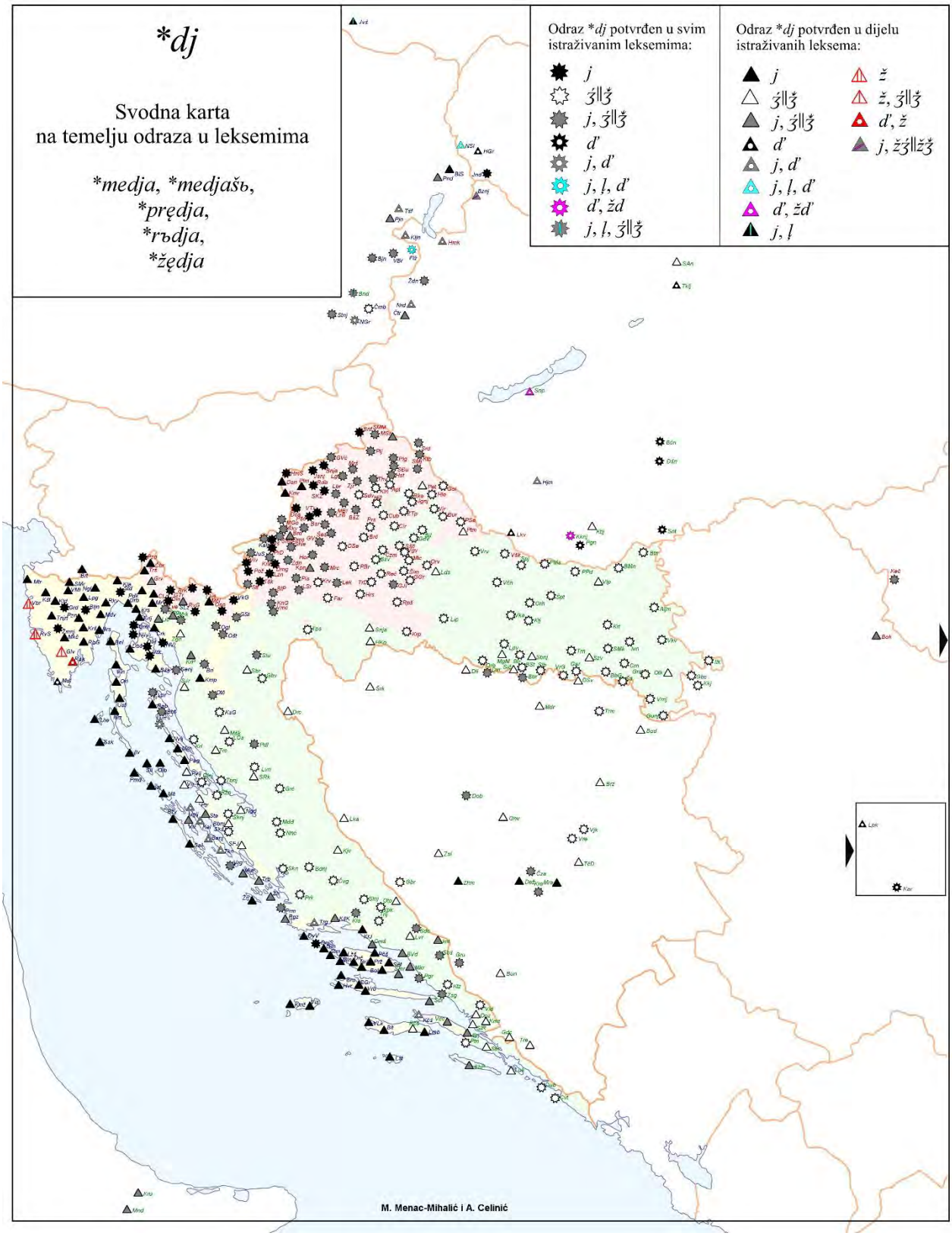
Karta pokazuje kako se izoglose odraza **dj* na području hrvatskoga jezika ne podudaraju s izoglosama njegove tradicionalne podjele na narječja, pa je i ova suglasnička pojava još jedna u nizu onih koje ukazuju na potrebu da se hrvatski jezik promatra izvan i iznad tradicionalnih pojmova čakavštine, kajkavštine i štokavštine. Niti se za jedno od narječja ne može utvrditi postojanje samo jednoga odraza. Sonantni odraz *j* dosljednije je zastupljen u čakavštini, nešto manje dosljedno u kajkavštini, čiji istočni dio sustavno ima odraz ʒ̑‖ʒ́, a najmanje je zastupljen, ali postoji, u štokavštini. Zapadna kajkavština te čakavština čine razmjerno kompaktnu cjelinu s odrazom *j*.

IZVORI

Lingvistička geografija Hrvatske u europskome okružju
Hrvatski jezični atlas
Općeslavenski lingvistički atlas za Hr i BiH
Baza podataka radova studenata Kroatistike na Filozofskom fakultetu u Zagrebu i vlastita terenska istraživanja

CITIRANA LITERATURA

[1] Halilović, Senahid i sur. 2020. *Bosanskohercegovački lingvistički atlas*, *I: Fonetika.* www.slavistickikomitet.ba. Sarajevo: Slavistički komitet.


*dj
Svodna karta
na temelju odraza u leksemima
*medja, *medjašь,
*prędja,
*rъdja,
*žędja
Odraz *dj potvrđen u svim istraživanim leksemima:
j
ʒ́ǁž́
j, ʒ́ǁž́
d'
j, d'
j, ļ, d'
d', žd
j, ļ, ʒ́ǁž́
Odraz *dj potvrđen u dijelu istraživanih leksema:
j
ʒ́ǁž́
j, ʒ́ǁž́
d'
j, d'
j, ļ, d'
d', žd'
j, ļ
š
š, ʒ́ǁž́
d', š
j, žʒ́ǁžž́
M. Menac-Mihalić i A. Celinić

SŁOWNICTWO Z ZAKRESU GOSPODARKI ROLNEJ W GWARACH BIAŁORUSKICH POGRANICZA BAŁTYCKO-SŁOWIAŃSKIEGO

MIROSŁAW JANKOWIAK (POLSKA)
Uniwersytet Warszawski
mirek.jankowiak@gmail.com
https://orcid.org/0000-0001-6212-1463

Wprowadzenie

Dialekty białoruskie pogranicza bałtycko-słowiańskiego charakteryzuje różnorodność leksykalna, gdzie jeden desygnat może być nazywany przy pomocy nawet 4-5 wyrazów, które pochodzą z różnych języków/dialektów (białoruskiego, polskiego, litewskiego, łotewskiego czy rosyjskiego). Leksemy funkcjonujące w analizowanych gwarach mają nie tylko różne pochodzenie, ale również areał ich występowania jest zróżnicowany. Ponadto wyrazy będące zapożyczeniami mają różną chronologię – najstarsze są bałtyzmy, nieco młodsze są polonizmy, a najnowsze rusycyzmy, które nierzadko pojawiły się wraz z przeprowadzaną kolektywizacją wsi po II wojnie światowej. Wieloletnie kontakty doskonale odzwierciedlają się w leksyce, dotyczy to przede wszystkim słownictwa związanego ze światem roślin, zwierząt czy tradycyjną uprawą roli.

Podstawę do analizy stanowią materiały autora zebrane w trakcie ekspedycji dialektologicznych na Litwie i Łotwie (łącznie ok. 450h), zawarte w monografiach (Jankowiak 2018, 2022, 2023, 2024), publikacjach innych autorów, słownikach i atlasach (np. ДАБМ 1963; СПЗБ 1979–1986; ЛАБНГ 1993–1998; СГ 2010).

Wybrane areały występowania leksemów

Wszystkie leksemy tak z zakresu gospodarki rolnej, jak i innych kręgów tematycznych, mają swój areał występowania. W przypadku gwar białoruskich funkcjonujących na Litwie i na Łotwie możemy wydzielić kilka takich obszarów.

Północno-zachodnia strefa dialektalna języka białoruskiego

Obejmuje ona swym zasięgiem gwary północno-zachodniej Białorusi a także częściowo obszar Litwy i Łotwy. Na ziemiach białoruskich pokrywa się w przybliżeniu z zasięgiem języka litewskiego przełomu XV i XVI w. (por. mapy w: Зинкявячюс 1996: 45; Barszczewska, Jankowiak 2012: 232). Charakteryzują ją liczne zapożyczenia z języków i dialektów bałtyckich (głównie litewskiego) oraz polszczyzny.

Z leksemów odnoszących się do tradycyjnej uprawy roli możemy wyliczyć m.in.:

dzirván ‘ugór’ (ДАБМ 1963: Карта 275; СГ 2010: 15; Jankowiak 2022: 247; 2024, w druku), *trapáčka* ‘trzepaczka do lnu’ (СПЗБ V: 16, 17; СГ 2010: 94; Jankowiak 2022: 248; 2024, w druku), *méndaĺ* ‘sposób ustawienia snopów na polu, zazwyczaj po 10-15’ (ДАБМ 1963: Карта 286; СГ 2010: 187; Jankowiak 2022: 248) czy *trasiánka* ‘karma przygotowana z mieszanki słomy i siana’ (СПЗБ V: 122; СГ 2010: 175; Jankowiak 2022: 248). Ze słownictwa odnoszącego się do rybołówstwa i pszczelarstwa możemy wymienić np.: *gégni* ‘sprzęt do połowy ryb z drewnianą podstawą w kształcie płóz’ (СПЗБ I: 439; Jankowiak 2022: 248, 249); *kuréĺ* ‘odymiacz, przyrząd do odymiania pszczół’ (ЛАБНГ I: Карта 318; СПЗБ II: 587; Jankowiak 2022: 249), *luk* ‘obręcz w więcierzy rybackiej’ (ЛАБНГ I: Карта 336; Jankowiak 2022: 249). Liczną kategorię stanowią leksemy nazywające zabudowania gospodarcze i ich części: *stájnia* ‘stajnia’ (СПЗБ IV: 565; СГ 2010: 233; Jankowiak 2022: 251), *stúdnia* ‘studnia’ (ДАБМ 1963: Карта 241; СПЗБ IV: 611; Jankowiak 2022: 251; 2024, w druku).

Na uwagę zasługują liczne zapożyczenia z języków bałtyckich, np.: *asviér* ‘żuraw studzienny’ > lit. *svirtìs* ‘ts.’, *dzirván* ‘ugór’ > lit. *dirvónas* ‘ts.’, *gégni* ‘sprzęt do połowu ryb’ > lit. *gẽgnė* ‘drewniana rama w sprzęcie wędkarskim’, *kuréĺ* ‘odymiacz na pszczoły’ > lit. *kūrénti* ‘palić się’, oraz wiele polonizmów, np.: *trapáčka* ‘trzepaczka do lnu’ > pol. *trzepaczka* (do lnu), *stúdnia* ‘studnia’ > pol. *studnia* ‘ts.’.

Zachodnia strefa dialektalna języka białoruskiego

Strefy zachodnia i wschodnia dzielą ziemie białoruskie z północy na południe a obszar ich występowania w dużej mierze pokrywa się z zasięgiem granic II RP sprzed 1939 r. Strefa zachodnia ukazuje przede wszystkim na kontakty z Polakami i językiem polskim.

Ze słownictwa typowego dla tej strefy możemy wymienić m.in.: *dziálka* ‘działka, kawałek ziemi, na którym sadzono len, buraki lub inne uprawy’ > pol. *działka* ‘działka’ (ЛАБНГ II: Карта 191: СГ 2010: 41; Jankowiak 2022: 253), *lónka* ‘łąka’ > pol. *łąka* ‘ts.’ (СПЗБ II: 671; РС 2001: 346; Jankowiak 2022: 253, 254; 2024), *svíran* ‘spichlerz’ > lit. *svi□nas* ‘ts.’ (ДАБМ 1963: Карта 239; СГ 2010: 218; Jankowiak 2022: 255; 2024).

Zachodnia strefa dialektalna przestała się rozwijać i kształtować wraz z zakończeniem II wojny światowej, kiedy zmieniły się granice państw i zniknęły czynniki sprzyjające powszechnemu kontaktowi białoruszczyzny z językiem polskim (przede wszystkim w sferze administracji i edukacji).

Wschodnia strefa dialektalna języka białoruskiego

Strefę tę ukształtowały kilkusetletnie kontakty z Rosjanami i językiem rosyjskim. Areał ten

obejmuje, poza wschodnią częścią Białorusi, tylko gwary białoruskie na obszarze Łotwy, dlatego też leksemów typowych dla tego areału nie znajdziemy w gwarach na Litwie. W materiale zebranym na Łotwie wynotowałem m.in. następujące słowa: *ambár* ‘chlew’ (СГ 2010: 218; Jankowiak 2024: w druku), *chaziáin* ‘gospodarz’ (ДАБМ 1963; Jankowiak 2024), a z nazewnictwa związanego ze zwierzętami hodowlanymi np.: *chrak* ‘knur’ (ЖС 1999: 34; DABM 1963; Jankowiak 2024), czy *skot* ‘bydło’ (ЖС 1999: 21; ДАБМ 1963: Карта 293; Jankowiak 2024).

Wiele z leksemów typowych dla wschodniej strefy dialektalnej jest tożsama z językiem rosyjskim lub są to rusycyzmy (nierzadko dostosowane do białoruskiej wymowy). Strefa ta, podobnie jak zachodnia, po zmianach granic w 1945 r. nie kształtuje się już w ramach tego areału – powszechna rusyfikacja wszystkich ziem białoruskich powoduje, że wiele leksemów jest używanych coraz częściej i w pozostałych regionach Białorusi.

Strefa przygraniczna

W analizowanych gwarach białoruskich można wyliczyć leksemy, które funkcjonują na obszarze Litwy i / lub Łotwy oraz w przygranicznych regionach po stronie białoruskiej. Jest to obszar intensywnych kontaktów białoruszczyzny z językami i dialektami bałtyckimi a także polszczyzną północnokresową. W odróżnieniu od strefy północno-zachodniej, która kształtowała się od kilkuset lat, strefę pograniczną charakteryzują słowa o węższym areale występowania, a co za tym idzie są to też często zapożyczenia młodsze. W zebranym materiale udało się wyekscerpować stosunkowo liczną grupę takich wyrazów, np.: *barazná* ‘skiba, kawałek zoranej ziemi’ (СПЗБ II: 168; СГ 2010: 46; Jankowiak 2022: 225), *bónda* ‘nadział, kawałek ziemi należący do jednego właściciela’ (СПЗБ I: 204; СГ 2010: 180: Jankowiak 2022: 226), *pásvisko* ‘pastwisko’ > pol. *pastwisko* ‘ts.’ (СПЗБ III: 424; СГ 2010: 43; Jankowiak 2022: 226), *čarašók* ‘nazwa chwytaka (rączki) w różnych narzędziach gospodarczych’ (СПЗБ V: 406, 407; СГ 2010: 49; Jankowiak 2022: 227; 2024), *vídly* ‘widły’ > pol. *widły* ‘ts.’ (СПЗБ I: 308; СГ 2010: 55; Jankowiak 2022: 229) czy *žagíni* / *žégini* ‘drewniana konstrukcja do suszenia bobu, zboża i in.’ > lit. *žagìniai* ‘ts.’ (СПЗБ II: 132; Jankowiak 2022: 229; 2024).

Z uprawą ziemi i ogrodu związane są następujące słowa: *kuliók* ‘wielki snop lnu, związany po leżakowaniu’ > lit. *kūlỹs* ‘ts.’ (СПЗБ II: 654; СГ 2010: 205; Jankowiak 2022: 230; 2024), a z zakresu rybołówstwa m.in.: *bródzień* ‘brodnik, brodnia stosowana przy połowie ryb’ > lit. *bradinỹs* ‘ts.’ (ЛАБНГ II: Карта 332; Jankowiak 2022: 232) oraz *buč* ‘więcierz: sprzęt do połowu ryb zrobiony z wikliny lub siatki nicianej’ > lit. *bùčius* ‘więcierz’,

łot. *bucis* ‘uwite gniazdo’. Wyekscerpowano szereg leksemów nazywających zabudowania wiejskie, np.: *adrýnia* ‘stodoła’ (СПЗБ I: 65; ДАБМ 1963: Карта 236; СГ 2010: 211; Jankowiak 2022: 237), *stadóla* ‘stodoła’ > pol. *stodoła* ‘ts.’ (СГ 2010: 211; Jankowiak 2022: 237), czy *svir* ‘waga w studni z żurawiem’ > lit. *svirtìs* ‘żuraw studzienny’ (СПЗБ IV: 395; Jankowiak 2022: 238).

W analizowanych gwarach można ponadto wyliczyć słownictwo typowe dla dialektu południowo-zachodniego języka białoruskiego, np. *bič* ‘bijak, krótsza część cepa’ (ДАБМ 1963: Карта 258; СГ 2010: 98; Jankowiak 2022: 260), *siédalo* ‘grzęda dla kur’ (Крывіцкі 2003: 174; Jankowiak 2022: 261), dialektu północno-wschodniego: *późnia* ‘sianokos’ (СПЗБ IV: 35; ЛАБНГ II: Карта 223; СГ 2010: 161; Jankowiak 2022: 265; 2024) czy gwar środkowobiałoruskich: *uzréch* ‘mijak, źle zaorany lub opuszczony skrawek ziemi’ (ЛАБНГ II: Карта 141; СГ 2010: 18; Jankowiak 2022: 262).

Podsumowanie

Analizowane gwary charakteryzuje funkcjonowanie licznych leksemów nazywających ten sam desygnat, np.: *býdla*, *žyvióla*, *skot* i *skacína* (ДАБМ 1963: Карта 293). Narzecza tego pogranicza znajdują się na skrzyżowaniu kilku areałów: stref dialektalnych (północno-zachodnia, zachodnia, wschodnia, przygraniczna), jak też masywów dialektalnych: dialekt południowo-zachodni, dialekt północno-wschodni oraz gwary środkowobiałoruskie.

Wiele leksemów zostało zaadaptowanych przez miejscową ludność na przestrzeni setek lat i uznawane są za „swoje”, chociaż pierwotnie mogą pochodzić z różnych języków (białoruskiego, litewskiego, łotewskiego, polskiego). Brak granic na przestrzeni setek lat sprzyjał powstawaniu wspólnoty komunikatywnej, której leksyka jest pierwszym etapem (por. Bednarczuk 2010: 25, 26).

Pojawienie się granic po rozpadzie ZSRR, odmienna sytuacja socjolingwistyczna w poszczególnych krajach, procesy globalizacyjne oraz przemiany cywilizacyjne i techniczne na wsi wraz ze śmiercią najstarszej generacji respondentów przyczyniają się do zaniku wielu leksemów, które są zastępowane nowym słownictwem.

Należy także podkreślić, że szereg leksemów występujących w polszczyźnie północnokresowej pokrywa się arealnie z nazwami tych samych przedmiotów w miejscowych gwarach białoruskich. Kompleksowe badania w tym zakresie nie były jeszcze przeprowadzane przez polonistów i białorutenistów i będą obiektem badań autora niniejszego artykułu w nadchodzących latach.

WYBRANA LITERATURA

Bednarczuk L., 2010, *Językowy obraz Wielkiego Księstwa Litewskiego*, Kraków.

Jankowiak M., 2018, *Współczesne gwary białoruskie na Łotwie. Charakterystyka. Wybór tekstów*, Praha.

Jankowiak M., 2022, *Leksyka gwar białoruskich na Litwie. Dziedzictwo językowe pogranicza bałtycko-słowiańskiego*, Praha.

Jankowiak M., 2023, *Współczesne gwary białoruskie na Litwie. Tom I: rejon orański*, Vilnius.

Jankowiak M., 2024, *Gwary białoruskie na Łotwie jako przykład leksykalnego dziedzictwa pogranicza bałtycko-słowiańskiego*, Praha (w druku).

Зинкявичюс З., 1996, *Восточная Литва в прошлом и настоящем*, Вильнюс.

Крывіцкі А.А., 2003, *Дыялекталогія беларускай мовы*, Мінск.

LEV – K. Karulis, *Latvijas etimoloģijas vārdnīca*, Rīga 2001.

ДАБМ – Р.І. Аванесаў (пад рэд.), *Дыялекталагічны атлас беларускай мовы*, Мінск 1963.

ЛАБНГ – Ю.Ф. Мацкевіч (рэд.), *Лексічны атлас беларускіх народных гаворак*, Мінск 1993–1998.

СГ – Л.П. Кунцэвіч, В.М. Курцова, *Сельскага гаспадарка. Тэматычны слоўнік*, Мінск 2010.

СПЗБ – Ю.Ф. Мацкевіч (пад рэд.), *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча*, Мінск 1979–1986.

ЭСБМ – В.У. Мартынаў / Г.А. Цыхун, М.П. Антропаў (пад рэд.), *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*, Том 1 – , Мінск 1978–.

ЛЕКСИКА ЗАПАДНОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В СЕВЕРНОРУССКОМ КОНТЕКСТЕ НА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ФОНЕ

Сергей Мызников

В ходе работы над изучением русского диалектного лексикона у автора накопились значительные полевые материалы, которые дают возможность детального сопоставительного анализа некоторых единиц с различных точек зрения.

Для сбора диалектных данных был разработан тематический вопросник, включающий в себя 250 вопросов, включающие в себя значимые реалии материальной культуры и понятия, априори, манифестируюшие ареально значимую лексику. Были получены значительные диалектные материалы. Например, в Невельском районе Псковской области были обследованы следующие населенные пункты: Бойдалово - запись 2, 28 ч.; Зуино - 1,52 ч.; Лептюхи - 1,50 ч.; Либичиха - 3,07; Мосеево - 1, 54 ч.; Острилово - 0,36 ч.; Перебоево - 1,02 ч.; Погребище - 1,22 ч.; Стрельниково - 1, 05 ч.; Топоры - 1,11 ч.; Фролово - 0,53 ч.; Чернецово - 5, 17 ч.; Язно 0,58 ч.

В нашем распоряжении имеются лексические данные по западнорусскому пограничью, собранные в Псковской, Смоленской, Брянской областях и на территориях севернорусских говоров.

Говоры пограничных территорий Псковской, Смоленской, Брянской областей в настоящее время постоянно изучаются с различных позиций. Причем сосуществование в этом регионе прибалтийско-финского (эстонского), балтийского (латышского) и восточнославянского (белорусского) языкового континуума при доминировании русского языка отражается на лексической системе данного региона.

Имеются случаи, когда в псковских говорах фиксируются единицы, сопоставимые с латышскими источниками. **Мо'йва** 'жилище, дом': - *Патом на мойву, дамой едем.* Новоржев. Пск.. Ср. латыш. mãja 'дом, жилое место, семья', при сходных прибалтийско-финских данных: фин. maja 'дом, избушка', при композитах havumaja 'сарай для хвои', lehtimaja 'сарай для листьев', yömaja 'спальный домик', majatalo 'дом', ливв. maja 'лесная избушка', люд. maja 'подобие укрытия с двускатной крышей, покрытой еловой корой и лапником или берестой со стенами из елового лапника, часто с костром посередине', водск. majai 'жилище', эст. maja 'дом, жилище, строение', ливск. moi 'избушка' (SKES).

Уже не раз отмечалось, что маргинальные диалектные ареалы довольно часто сохраняют в лексической системе архаизмы, представляющие собой следы восточнославянского единства.

В данной работе предпринимается попытка рассмотреть в этимологическом, ареальном аспектах лексические единицы пограничья, которые также отмечаются на украинской, белорусской почве, а также в севернорусских говорах.

Для сравнительно-сопоставительного анализа источниками послужили восточнославянские диалектные лексикографические труды.

Основной акцент делался на анализ лексических данных неисконного происхождения.

Например, в смоленских говорах присутствует заимствованная лексика, являющаяся, нередко, общей для украинского, белорусского, польского языков. Это относится большей частью к германизмам и некоторым тюркизмам.

Отмечаются единицы, зафиксированные в русских говорах пограничья, связанные с западнославянскими источниками через белорусское посредство, например: **Сви'рна** ‘постройка для хранения зерна, муки и некоторых других сельскохозяйственных продуктов; сооружалась из добротного материала, внутри настилался пол и делались засеки’: *Свирна – слова старая, я в матири слышала, а типерь клеть, ф клитях зирно, сусеки есть*. Невельск. Пск. **Сви'рна** ‘амбар’: *У поляков свирна.* Себеж. Великолукск. Ср. белорусск. **свирон** ‘чулан, кладовая’: *Летом в свирне сплю. Выгони собаку с свирна.* **Свиронок** ‘чуланчик’, польск. диал. *świren* ‘житница’.

Имеется ряд широко распространенных неисконных данных, относящихся к рыболовецкой терминологии, которые отмечаются также в севернорусских, кубанских (с южнорусской и украинской основой), донских говорах и представлены в украинском и белорусском языках.

Анализируя совокупность единиц, имеющих севернорусские фиксации и украинско-белорусские соответствия, можно выделять различные аспекты такого сходства. В первую очередь выявляются единицы, которые репрезентируют былое общевосточнославянское единство. Это относится к финно-угорским заимствованиям, вошедших в общенародный русский язык через периферические говоры и далее ставшими достоянием какой-либо терми-нологической системы. Например: укр. **ке'индя**, ж. чаще во мн. ч. **ке'нди**. 1) Валенки, валеные калоши. 2) В насмешку так называют большие сапоги (Гринченко, 2).

Ср. использование этой обуви в России в XIX веке: Зимой путники и часовые поверх сапог или валенок надевали кеньги — высокие, выше щиколоток, кожаные, меховые или валяные галоши. В сырую непогоду в XIX в. стали носить низкие галоши, сначала кожаные, с конца XIX в – резиновые.

Эти единицы описывались лексикографически, ср., например в САР 1: **Ке'ньга**, употребительнее во множ. **Ке'ньги** «зимняя из телячьей или оленьей кожи с шерстью обувь, которая и внутри подпушена мехом или бпйкою, похожая на коты и надеваемая для тепла сверх башмаков и сапогов»: - Купить кеньги. Надеть кеньги. (САР 1, 3).

В Слов. Акад. 1847 представлены следующие данные: ке'ньга «зимняя обувь, подшитая внутри мехом или байкою, и надеваемая сверх башмаков или сапогов» (Слов. Акад. 1847). Традиция подачи этого слова продолжается в БАС: Ке'ньги, мн. (ед. кеньга, ж.). Обл. Особая зимняя обувь, подшитая внутри мехом или байкой и надеваемая сверх башмаков или сапог. // Сапоги из оленьих шкур, сшитые шерстью наружу (БАС, 5). Белорусские и украинские данные традиционно рассматривались как русизмы: белорусск. кеньгі 'валенки', укр. кенді 'зимние чулки', 'большие сапоги'

В ряде случаев диалектная севернорусская лексика прибалтийско-финского происхождения представленная сходными вариантами на восточнославянской почве, выходит за пределы диалектного континуума и функционирует как терминологическая единица.

Изолированный анализ происхождения севернорусской лексики нередко приводил и приводит к не вполне оправданной уникализации севернорусских данных, тогда как рассмотрение материалов на широком фоне дает возможность включения в их славянский контекст, с возможностью дифференциации, как будто однородный материал, на гетерогенные гнезда.

Некоторые лексические материалы могут служить идентификатором русской основы изучаемых говоров. Они широко фиксируются на территории Северо-Запада России, но не распространяются на говоры с белорусской основой.

Фиксируемые на изучаемой территории неисконные по происхождению лексические данные, довольно часто связаны со сложной этнической историей региона. Так, например, белорусские данные в Себежском и Невельском районах Псковской области свидетельствуют не только о современном адстратном влиянии, но и об ином этническом ландшафте региона в прошлом.

ЛИТЕРАТУРА

Гринченко Б.Д. Словарь української мови. Тт. 1-4. Киев. 1907-1909.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значитель-но умноженное по рукописи автора. М.; СПб., 1880–1882. Т. 1-4.

Миртов А.В. Донской словарь. Материалы к изучении лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929

Словарь Академии Российской. Тт. 1-6. СПб., 1789-1794 (САР 1).

Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Тт. 1-6. СПб., 1806-1822 (САР 2).
Словарь русских народных говоров. М., Л., СПб, 1965-2021. Тт. 1-52 (СРНГ).
Словарь современного русского литературного языка. В 17 тт. М.; Л., 1948-1965 (БАС).
Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. СПб., 1847. Тт. 1-4 (Слов. Акад. 1847).
Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1978-2010. Т. 1-13 (ЭСБМ).
Етимологічний словник української мови. Тт. 1-6. Киев, 1982-2012 (ЭСУМ).
Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1-7. Helsinki, 1955- 1981 (SKES).

THE DECLINE OF CASE IN SOUTH SLAVIC

ALEXANDER KRASOVITSKY, MARIA KYUSEVA, MATTHEW BAERMAN, GREVILLE G. CORBETT
(UNITED KINGDOM)

I. Introduction

The ongoing loss of case marking in Slavic varieties of Central and South-East Serbia, Kosovo, West Bulgaria and northern part of North Macedonia is characterized by variation. In early stages of case loss the original form competes with newly emerging analytical constructions (1). In later stages, the original form competes with a caseless form, historically the nominative (2).

(1) *Zove* *ga* *otac* ***telefon-om*** / ***na*** ***telefon***
call[PRS.3SG] 3SG.M.ACC father[NOM] phone-INS.SG / on phone[ACC](=NOM)
'Father calls him by phone.'

(2) *Vika-m* ***Stojan-a*** / ***Stojan***
call-PRS.1SG Stojan-ACC.SG / Stojan[NOM.SG]
'I call Stojan.'

This variation is sensitive to lexical, syntactic, semantic and pragmatic factors. First, morphological properties of the lexicon affect the rate of case loss. Second, the original forms are replaced more rapidly in some syntactic contexts than in others. Third, some semantic functions favour replacement of the original forms. Finally, in advanced stages of case loss, pragmatic salience plays a key role in the retention or loss of the original case marking. This is in keeping with prior observations made about other languages, but our data also show additional conditioning factors that have not been described before, and in particular, that their influence can vary across different diachronic stages in the loss of case.

II. Data and methodology

Our data come from fieldwork conducted by the authors in Central and South-East Serbia, West Bulgaria and northern regions of North Macedonia, complemented by data from previous fieldwork projects[1]. The data were annotated for morphological, syntactic, semantic and pragmatic phenomena, and subjected to statistical analysis. Statistical significance of the

[1] The fieldwork and the research reported here were funded by the Leverhulme Trust, grant number RPG-2020-078, as part of project "Declining case: inflectional loss in progress" (https://www.smg.surrey.ac.uk/projects/declining-case-inflectional-loss-in-progress). The authors are grateful to Dr. Svetlana Ćirković, Institute for Balkan Studies, Serbian Academy of Sciences and Arts, and to the project consultant Prof. Vladimir Zhobov, University of Sofia, for sharing with us previously collected data.

conditioning factors is reported at 5% level, i. e. the null hypothesis of no effect is rejected if p-value ≤ 0.05.

III. Factors in case variation and case loss

a) Morphological factors: asymmetry across inflection classes

Synchronic variation across the dialects demonstrates the asymmetric pattern of case loss across inflection classes: a relatively uniform loss of case distinctions in the initial stage followed by a highly uneven process affecting different inflection classes of nouns to different degree (c.f. Stojkov 1962: 137). This can be seen in dialects with two case distinctions, where the nominative is used for grammatical subjects, and the accusative is used in all other syntactic positions. Despite their structural identity, these systems differ significantly in how extensively the nominative is replacing the accusative in non-subject positions, and consequently in their proximity to the caseless systems of standard Bulgarian and Macedonian. In more conservative systems, such as the dialect of the Bulgarian population of Dimitrovgrad (Eastern Serbia), replacement of the accusative by the nominative occurs with similar frequency (about 25%) across two inflection classes that still retain case (e.g., Class 1 *brat* 'brother' and Class 2 *sestra* 'sister'). But as this change progresses, the two classes start to deviate from each other: in the dialect of Kumanovo in North Macedonia, Class 1 almost represents a caseless system (92% nominative in place of accusative), while Class 2 largely retains the two-case system (27% nominative in place of accusative).

b) Syntactic factors: type of construction

Construction type is among the most frequently cited influences on case loss. The prevailing view is that case marking is lost more readily in prepositional constructions, where it is semantically redundant, compared to non-prepositional ones (Blake 2004; Hewson & Bubenik 2006; Kulikov 2006). Surprisingly, our data suggest the opposite: prepositional constructions are often more resistant to case loss.

This pattern is evident in the competition between genitive and accusative forms in Serbian dialects located in or near Kosovo, which show various degrees of case loss. The Zeta-South Sandžak dialect (northwest of Kosovo) has a strong six-case system in the early stages of decline; Kosovo-Resava (data from central Kosovo) exhibits a more advanced stage; and finally, Prizren-South Morava (data from southeast Kosovo) has essentially a three-case system (nominative, accusative, dative), with remnants of other cases.

In these three dialects, we calculated the ratio of original genitive vs. innovative accusative forms in three types of syntactic construction: 1) with a quantifier, as in *mal-o trav-*

e (little grass-GEN.SG) vs. *malo trav-u* (little grass-ACC.SG); 2) adnominal, as in *čaš-a vin-a* (cup-NOM.SG wine-GEN.SG) vs. *čaš-a vin-o* (cup-NOM.SG wine-GEN.SG); 3) prepositional, as in *od drv-a* (from wood-GEN.SG) vs. *od drv-o* (from wood-ACC.SG). The overall number of examples in the dataset is 960. The figure below shows the case variation in these constructions across the three dialects:

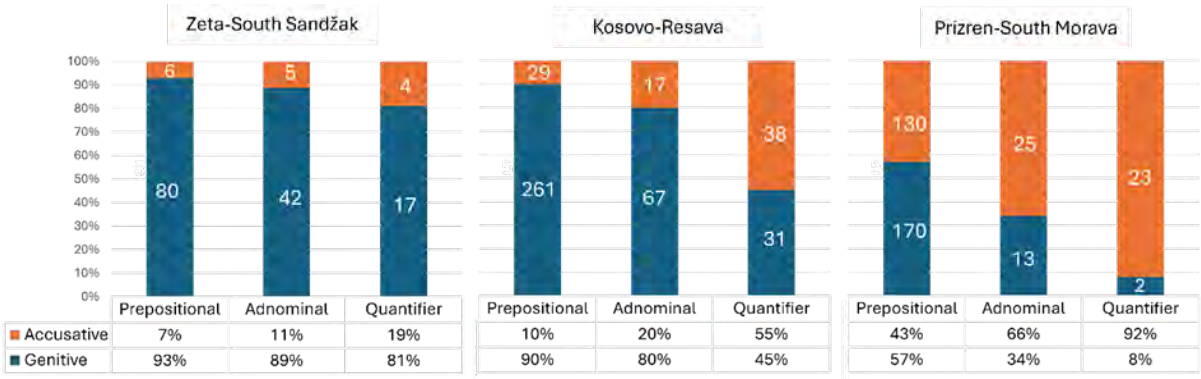


Figure 1. The effect of construction type on the distribution of genitive and accusative forms in Serbian dialects of Kosovo.

The three dialects have different overall ratios of genitive vs. accusative forms, corresponding to different stages of case loss. But irrespective of the stage, prepositional constructions always show the highest proportion of genitive forms, suggesting that semantic redundancy is not the driver of the change, contrary to previous accounts. Rather, the pattern appears to align with a speaker-oriented strategy (Norde 2002), in which inflected forms are preserved in contexts where their use is structurally obligatory — such as with prepositions like *od* 'from', which consistently govern the genitive case.

c) Semantic factors: case functions

The meaning of a construction influences case variation in a subset of the dialects studied (Kyuseva et al. 2025). One example involves the shift from the instrumental to the accusative in the dialects of Central Serbia, particularly in Brus and Varvarin. Here, instrumental forms are gradually being replaced by prepositional constructions with the accusative, conditioned both by the construction and by the meaning. In comitative prepositional constructions (e.g. *idem sa majk-om* 'I'm going with my mother'), the instrumental (*majk-om*) is replaced by the accusative (*majk-u*) without any syntactic restructuring (e.g., *idem sa majk-u*). In contrast, in originally non-prepositional constructions denoting an instrument (e.g. *kopam motik-om* 'I'm digging with a hoe'), the instrumental first shifts to a prepositional construction (*kopam s motik-om*), and only afterward is replaced by the accusative (*kopam s motik-u*).

This shows that the transition from instrumental to accusative is shaped in part by the semantics of the construction. The dialect of Brus represents an earlier stage, while in Varvarin it has progressed further, as illustrated below.

Dialect: meaning	sa 'with' + INS	sa 'with' + ACC	%ACC
BRUS: instrument	6	7	**54**
BRUS: comitative	20	8	**29**
VARVARIN: instrument	2	14	**87.5**
VARVARIN: comitative	21	20	**48**

Table 1. The effect of construction semantics on the distribution of instrumental vs. accusative forms in Central Serbia. Absolute numbers and percentage of accusative forms.

In both municipalities, prepositional constructions are more likely to retain the instrumental when expressing a comitative meaning than when denoting an instrument. This contrast can also be linked to the animacy of the referent: comitative constructions typically involve animate referents, while instrumental meanings usually involve inanimate ones. Animate nouns thus tend to preserve the original case marking more consistently than inanimates.

d) Pragmatic factors in competing case marking

As the historical change progresses, the factors driving variable case marking shift. In Bulgarian border-region dialects at an advanced stage of case loss, structural and semantic factors are no longer decisive. Instead, information structure and pragmatic salience become central. Cross-linguistically, these factors are well documented: in languages with Differential Object Marking (DOM), informationally or pragmatically prominent constituents typically attract specific case marking (Silverstein 1976; Comrie 1977; Iemmolo 2010; Dalrymple & Nikolaeva 2011). Here however, we appear to find the opposite effect: nouns with new or pragmatically salient information tend to lose specific non-subject marking and take the nominative, while backgrounded or less salient nouns retain the accusative.

We have investigated the effect of information structure using a sub-corpus of six sociolinguistic interviews from three dialects in West Bulgaria (Tran, Belogradchik, and Chiprovtsi) featuring 40-62% caseless (nominative) forms in non-subject positions. The resulting dataset contains inflection class II nouns in these positions, either in the nominative (*vod-a*, 'water'-NOM) or accusative (*vod-u*, 'water'-ACC), and annotated with respect to topic, repeated focus, focus, contrastive focus, and contrastive topic. The data were combined in two subsets (i) topic and repeated focus, and for (ii) focus, contrastive focus and contrastive topic.

Our analysis is based on these two subsets. To avoid interference with other potential conditioning factors, i.e. presence/absence of a preposition and word order, we investigated the effect of these pragmatic factors separately for NPs and PPs in preverbal, postverbal and isolated positions. Table 2 shows the percentage of nominative in non-subject positions with respect to these factors. We observe a strong significance of pragmatic factors both across syntactic types (NPs and PPs) and across all word order types: the null hypothesis was rejected for all contexts at p-value < 0.001.

	Postverbal			Preverbal			Isolated		
	ACC	NOM	**%NOM**	ACC	NOM	**%NOM**	ACC	NOM	**%NOM**
NP topic/ repeated focus	44	10	**19**	11	6	**35**	11	3	**21**
NP focus/ contrastive topic	116	93	**44**	16	16	**50**	21	15	**58**
PP topic/ repeated focus	30	8	**21**	49	15	**23**	23	6	**21**
PP focus/ contrastive topic	148	144	**48**	32	24	**57**	59	56	**48**

Table 2. The effect of pragmatic conditions on case marking in non-subject positions by phrase type and word order. Absolute numbers and percentage of nominative forms.

Contrary to earlier studies (Aissen 2003, Malchukov 2008), data from Bulgarian border-region dialects — nearing complete case loss — show that case distinctions are more likely to persist in backgrounded elements of speech than in prominent ones. Importantly, syntactic factors (type of construction, NP vs. PP), which are typically regarded as key triggers of variable case marking and which, as shown above, play a central role in Serbian dialects at earlier stages of case decline, are not evident in the border-region Bulgarian dialects currently undergoing the transition from a two-case system to the complete loss of case inflection (null hypothesis of no significance accepted at $p = 0.35$). Nor is there evidence for word order effect on case variation: while deviation from the neutral object position (Bulgarian is an SVO language, hence postverbal) tends to trigger richer case marking, there is no clear effect of word order on the choice between accusative and nominative on non-subject nouns ($p = 0.18$).

IV. Conclusion

Synchronic variation across Bulgarian, Macedonian, and Serbian dialects reflects different degrees of loss of the Common Slavic case system. Our analysis shows that this variation is shaped by a complex set of factors that affect different parts of the lexicon and grammatical structure, to different degrees. This suggests that the loss of case was not a uniform process. First, variation across the dialect continuum demonstrates that morphological properties of the lexicon — specifically, inflectional class — play a crucial role in determining the rate of case loss. Second, syntactic factors play a role: prepositional phrases tend to preserve case marking more reliably than non-prepositional ones, contrary to what has been observed in other languages. Third, certain semantic functions are more prone than others to lose the original case marking. Finally, information structure becomes a key factor in speakers' choices at advanced stages of case loss, with richer case distinctions confined to pragmatically less salient parts of the utterance. Assessing multiple conditions on variation has enabled us to explain various synchronic states observed in case systems across Bulgarian-Macedonian-Serbian dialect continuum as consecutive stages of case decline, and to contribute to our understanding of case loss more widely.

REFERENCES

Aissen, Judith. 2003. Differential object marking: Iconicity vs. economy. *Natural Language & Linguistic Theory* 21(3). 435-483.

Comrie, Bernard. 1977. Subjects and direct objects in Uralic languages: a functional explanation of case-marking systems. *Études Finno-Ougriennes* 12. 5-17. Budapest: Akadémiai Kiadó.

Dalrymple, Mary & Irina Nikolaeva. 2011. *Object and Information Structure*. Cambridge: Cambridge University Press.

Iemmolo, Giorgio. 2010. Topicality and differential object marking: Evidence from Romance and beyond. *Studies in Language* 34(2). 239-272.

Kyuseva, Masha, Alexander Krasovitsky, Matthew Baerman & Greville G. Corbett. 2025. Semantic factors in case loss: the Serbian-Bulgarian dialectal continuum. In Holly Kennard, Emily Lindsay-Smith, Aditi Lahiri & Martin Maiden (eds) Historical Linguistics 2022. Selected papers from the 25th ICHL, Oxford, 1–5 August 2022, 166–183. Amsterdam: John Benjamins. doi: 10.1075/cilt.369.11kyu.

Malchukov, Andrej. 2008. Animacy and asymmetries in differential case marking. *Lingua* 118(2). 203-221.

Silverstein, Michael. 1976. Hierarchy of features and ergativity. In R. M. W. Dixon (ed.). *Grammatical categories in Australian languages*. 112-171. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies.

Stojkov, Stojko. 1962. *Bâlgarska dialektologija.* Sofia: Nauka i izkustvo.

THE ADAPTATION OF RUSSIAN LOAN VERBS IN THE BULGARIAN DIALECT OF PARCANI, MOLDOVA

KENTA SUGAI (JAPAN)
Hokkaido University

Within the territory of Transnistria lies the village of Parcani, where most of the population is of Bulgarian descent. Since the early 19th-century migration, a Bulgarian dialect, hereafter referred to as the Parcani dialect, has been spoken primarily by the Bulgarian residents of the village. Given several dialectal features, such as the reflexes of the "yat" vowel, it is assumed that the dialect is rooted mainly in the Southeastern Bulgarian dialects. In the interests of language preservation, the Bulgarian standard language has been introduced as a compulsory subject in local schools in recent years. However, compared with other regions of Moldova, the influence of the standard language appears to remain limited. Although certain changes are observed following influence from languages in contact, the original dialectal features are generally well preserved.

In the territory of Transnistria, alongside Russian, both Ukrainian and Moldovan languages hold official status. However, Russian functions as the de facto prestige language in Transnistrian society and continues to serve as a lingua franca among different ethnic groups. As such, speakers of the Parcani dialect are typically multilingual with Russian included in their linguistic repertoire, and features attributable to contact with Russian are observed in the Parcani dialect. Among these, numerous verbs appear to have been borrowed from Russian, which constitute the focus of this study. Special attention must be paid to the selection of lexical items for analysis. Bulgarian and Russian both belong to the Slavic language family and share a large number of cognate words because of their common origin. This requires consideration when determining whether a given word has been borrowed from Russian, or is an existing cognate within the Bulgarian dialect in question. In addition to words that contain roots not attested in Bulgarian, words with shared Slavic roots will also be considered, but only if their phonological and/or morphological characteristics strongly suggest borrowing from Russian.

This study focuses upon verbs borrowed from Russian as observed in the Parcani dialect, and analyzes the processes through which these loan verbs adapt to Bulgarian verbal morphology. In addition, the study pays particular attention to the selection of verb stems in the process of integration. By examining these aspects comprehensively, the research aims to shed light upon the strategies employed by bi-/multilingual speakers to integrate loan verbs, as well as the motivations underlying these strategies. Accordingly, the primary objective of

this study is to provide a descriptive account of verb borrowing in the Parcani dialect and to situate its borrowing strategies within a broader typological framework. The analysis is based upon audio data collected during fieldwork conducted in 2012, 2016, 2017, and 2019. The data used in this study consists of transcribed interviews, recorded using an IC recorder. Therefore, the loan verbs analyzed in this study are drawn only from spontaneous speech.

The analysis of Russian loan verbs in the Parcani dialect reveals that the dialect employs both direct insertion, in which inflectional endings are attached directly to the borrowed stem without any special morphological adaptation, and indirect insertion, in which morphological modifications are applied to the stem prior to integration. In the latter strategy, the loan verb stem is formed by applying the productive Bulgarian suffix *-va* to the borrowed root, after which Bulgarian inflectional affixes are added to create a finite verb form (e.g. *uddyxa-va-m, vystup-va-xm'i, p'ir'iižža-va-m*, etc.). Additionally, in some instances, the stem used for replication is based upon the 1st person singular present form of the verb in Russian (e.g. *pravl'-u-va-xa, m'ič-u-va-xm'i, beg-u-va-xa*, etc.). The author argues that the selection of the 1st person singular present stem is triggered by these verbs taking the 1st person singular ending *-u* in Russian. The Bulgarian suffix *-va* has several variations, one of which is *-uva*, and it appears that the Russian 1st singular ending *-u* led to the choice of the suffix *-uva*. Therefore, bilingual speakers opt to use the 1st person singular present stem to integrate these verbs, identifying the ending *-u* with *-u-* in the suffix *-uva*. This process likely led the 1st person singular present stem to acquire certain productivity in the adaptation process of Russian loan verbs. This argument is further supported by the fact that when the verb stem is formed by the 1st person singular present tense stem, it is always accompanied by the suffix *-va* to form the verb stem.

The second objective of this study is to assess how differences in contact languages influence the borrowing strategies chosen by bilingual speakers, through comparisons of borrowing in other Bulgarian dialects situated in similarly bi-/multilingual environments. Here, the Parcani dialect is compared to the Brăneşti dialect which is in contact with Romanian. This study conducts a comparative analysis of the morphological adaptation strategies employed in verb borrowing, examining the similarities and differences between the two dialects.

The results reveal that in both dialects, selection of the borrowed verb stems commonly involves reanalysis based upon the same phonological shape as other existing morphemes. Further, the Brăneşti dialect employs not only the native Bulgarian suffix *-va*, but also the borrowed suffix *-'askă*, derived from Romanian. This suffix is broadly applied even to

Romanian loan verbs that do not originally contain this morpheme; thus, it functions as a marker of integration for certain Romanian loan verbs in Brăneşti dialect. In contrast, since Russian and Bulgarian share a very similar morphological structure for verbs, both genealogically and typologically, no such innovative processes are observed.

MORPHOSYNTACTIC AND TYPOLOGICAL TENDENCIES IN EAST POLISSIAN BORDER DIALECTS

SALVATORE DEL GAUDIO (ITALY/UKRAINE)

Introductory remarks

The examined dialects are spoken in northeastern Ukrainian Polissia. They border southeastern Belarus in the West, including the districts of Loeŭ and Homel' (region of Homel'), and are not far from the region of Brjansk (Russian Federation) in the East. The core territory of the research coincides with the former district of Ripky (1923–2020), north-west of the city of Černihiv.[1] The northeastern Ukrainian Russian border runs near the former district of Horodnja (presently part of the Černihiv district). This area appears as a geo-dialectal triangle wedged between the Dnipro (Dnepr), Desna, Sož and Snov rivers. These dialects are defined by traditional East Slavic dialectology as "transitional from Ukrainian to Belarusian". Even acknowledging the functional value of the latter definition, we refer to them just as "border dialects" to avoid additional theoretical implications.

Ukrainian dialectology generally subordinates this dialectal area to the broader northeastern Ukrainian dialects, also known as East Polissian (Ukr. *pivnično-sxidni dialekty*).[2] Belarusian dialectology, however, classifies the contiguous Belarusian dialects, spoken on the opposite side of the political border, as part of the central and southwestern Belarusian dialects and subdivides them into: 1) Slucak-Mazyr dialects (Bel. *sluckaja hrupa havorak*) and 2) Mazyr dialects (Bel. *mazyrskaja hrupa havorak*).

Dialectal phonetics and lexis have been more systematically studied than other language levels such as morphology, syntax and phraseology. In our case, for example, notwithstanding the existence of primary and secondary sources such as dialectal Atlases, a few academic manuals and a long series of contributions, often fragmentary, on different dialectal aspects, studies devoted to morphosyntactic and typological characteristics of border dialects are very limited, if not inexistent. Therefore, in this paper we first intend to outline some morphosyntactic characteristics. Successively, we discuss, also from a typological perspective, further dialectal specificities, for example: 1) possessive constructions and the related use of *be* vs *have* in affirmative and negative sentences; 2) the future of imperfective verbs; 3) recurrent modals.

Most of these points, especially in relation to standard languages, have been dealt with in linguistic-typological studies over the last few decades. Nevertheless, these contributions largely

[1] Since the all-Ukrainian administrative reform of July 2020, the district of Ripky has been incorporated into the larger district of Černihiv (cf. Decentralizacija [Децентралізація] 2025).

[2] According to a widely accepted dialectological classification, Polissia is divided into three macro dialectal areas or dialect groups: 1) Eastern Polissian; 2) Central Polissian and 3) Western Polissian. Cf. Del Gaudio (2017: 59–61).

neglect diatopic and diastratic variation. In this sense, the analysis of recently acquired dialect data compared with already available language-typological outcomes can undoubtedly improve existing classifications of (East) Slavic and, more widely, European languages.

In the following we only highlight some recurrent dialectal morphosyntactic features with a hint at possessive constructions, leaving aside other aspects for the oral presentation.

The sample data are derived from recorded materials carried out in this specific dialect area between 2012 and 2018.

1. General morphosyntactic features

Ukrainian and, more at large, East Slavic dialectal syntax seems to display less variation compared to the morphological and, particularly, phonetic levels. The syntactic organisation of the sentence tends to be less organised than the standard languages spoken in this border area (Ukrainian, Russian and Belarusian). Utterances show a lower degree of textual cohesion and coherence. Syntactic pauses and shifts are usually accompanied by prosodic and paralinguistic features. Ellipsis fills informational gaps. There is a wide use of discourse markers (connectors) or "fillers" (Ukr. *vstavne slovo*), which, according to a traditional morphological classification widely used in East Slavic dialectological descriptions, are categorized as adverbs, conjunctions, interjections and particles. Among these, the most frequent and, syntactically, polyfunctional are: *dak* 'but', 'so', 'therefore', 'then'; *šo* 'that'; *nu* 'well', 'then'; *ž(e)* 'therefore', 'instead' etc. These elements, in fact, also depending on the pragmatic-functional context, may express a different morphosyntactic and emphatic function.

The syntactic organisation, like the uncontrolled spontaneous speech of other colloquial varieties, is generally characterised by limited hypotaxis and simple, often short sentences / utterances: elliptical sentences, juxtapositions, paratactic constructions; for example:

1) *zaraz* *uže* *harodu* *tam* *troxi*
[ˈzaraz uˈʒe ɦaˈrodu tam tˈroxˑi]
now-ADV already-ADV garden-GEN.SG.M there-ADV a little-ADV
'Now (there is) already a little garden left (to do)'

This utterance, although decontextualised for the sake of brevity, provides incomplete information and lacks a predicate or a modal. The full meaning of this and similar utterances can be inferred contextually and in the non-verbal communication of the participants in the conversation.
The most common co-ordinating conjunctions are *i … i ...*; *da* 'and' (cf. Russian).

The conjunction *a* (and, sometimes, *no*) ‘but’, ‘yet’, as in the East Slavic standard languages, has an adversative function and regularly replaces the standard Ukrainian *prote* with the same semantic-grammatical function.

The most frequent disjunctive conjunction, as in standard Ukrainian, is expressed by *čy* ‘or’. The alternative (implying a choice between two things) is *čy... čy* ‘or...or’. The construction with *ili* ‘or’, as in Standard Russian, tends to be rarer in the examined dialectal area. Its use, although alternating with *čy*, seems to be more frequent in dialect-based mixed varieties such as, for example, the Ukrainian Russian mixed speech (“Suržyk”).

The most common subordinators are *šo* CONJ ‘that’ and *bo* ‘because’, ‘since’. The latter usually introduces a causal clause; it may occasionally be replaced by *patamu, šo* ‘because’, ‘since’ and *tak jak* ‘so that’. Alternatives to these patterns in relation to both dialects and other non-standard Ukrainian varieties will be commented on during the oral presentation.

A further subject of discussion will concern the possessive constructions. Leaving aside here the philosophical and linguistic notion of possession, we can say that the possessive constructions characterising northeastern Ukrainian (Polissian) dialects as well as the dialects spoken across the Belarusian and Russian borders are, at least in affirmative sentences, of *ESSE* type. They can be schematically represented as *PP* + *possessor* + (AUX) + *possessum*, for example:

2) u mien’e lisaped
[u m˙ĭe'nʲe lisae'pʲed]
at-PREP me-1SG.GEN bike-NOM.SG.M
‘I have a bicycle’

The same structural pattern also occurs in the past tense of both affirmative and negative sentences.

The parallel *HABERE* construction, normative in standard Ukrainian, of the type *maty* have-AUX.INF + *possessum* in the accusative, for example: *ja maju lisaped* “I have a bicycle”, seems to be completely peripheral to these dialects. Thus, unlike Standard Ukrainian and, to some extent, Belarusian, which can express possession with two more or less semantically equal syntactic constructions, these border dialects, as well as the entire East Polissian dialectal area, seem to favour the *ESSE* (with external possessor) pattern which is prevalent in Standard Russian.

Conclusion

Some common morphosyntactic features characterising the Ukrainian-Belarusian border dialects have been succinctly highlighted. In particular, it has emerged that northeastern Ukrainian dialects and, specifically, those spoken on the Ukrainian Belarusian Russian border, in addition to the usual levels of diatopic variation, display certain specific morphosyntactic and typological traits. These

dialects differ primarily from standard Ukrainian, but also from the Ukrainian southwestern and southeastern groups and their respective subgroups.

A similar variation, compared with the respective standard languages, can also be observed in the adjacent Belarusian dialects (region of Homel') and in some Russian dialects spoken in the neighbouring region of Brjansk.

Most of the reported syntactic characteristics (short sentences, ellipses, parataxis, etc.) are equally typical of spontaneous, colloquial speech and other non-standard varieties. Subordination, although less complex than the respective standard languages, tends to follow the Ukrainian-Belarusian pattern with some overlaps that, at a first level of analysis, could be ascribed to Russian influence on Ukrainian and Belarusian varieties. It was finally mentioned that these dialects mainly express their possessive relations through locative constructions of *ESSE* type. This and other related aspects will be the subject of further discussion. Hence, a future and more accurate typological-areal classification of (East) Slavic languages – also in the broader context of European languages – should likewise consider such dialect specificities.

BIBLIOGRAPHY

Del Gaudio, S. (2017). *An Introduction to Ukrainian Dialectology*. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang. https://doi.org/10.3726/b12421

Del Gaudio, S. (2023a). The North Ukrainian Dialect of Vyšneve in the East Slavic Context: Towards a Final Description (part 2). *Dialectologia et Geolinguistica*, *31*(1), 19-40. https://doi.org/10.1515/dialect-2023-0

Del Gaudio, S. (2023b). Alcune peculiarità morfosintattiche dei dialetti ucraini nord-orientali (contesto slavo-orientale). *Europa Orientalis*, 42, 425-439.

Decentralizacija [Децентралізація]. 2025. Retrived May, 20, 2025 from https://decentralization.gov.ua/news/12639

ETNOGRAFSKI RUKOPISI KAO VRIJEDNI IZVORI U DIJAKRONIJSKOJ DIJALEKTOLOGIJI

MARINA MARINKOVIĆ (HRVATSKA)
Filozofski fakultet Sveučilišta u Rijeci
m.marinkovic@uniri.hr

MIRJANA CRNIĆ NOVOSEL (HRVATSKA)
Institut za hrvatski jezik
mcrnic@ihjj.hr

1. Uvod

Dijakronijska dijalektologija u hrvatskoj je filologiji dugo vremena bila opterećena skepsom o relevantnosti starijih tekstova kao predložaka za istraživanja razvoja organskih idioma. Premda se već u programatskim raspravama pisani spomenici izdvajaju kao osnovni izvori podataka povijesne dijalektologije [4], upliv pisareva obrazovanja smatran je glavnom preprekom u usporedbama pisanoga jezika s vernakularom. Novija su istraživanja ukazala na potrebu revidiranja toga rigidnoga uvjerenja, temeljeći svoje zaključke upravo na jezičnim analizama tekstova koje pokazuju da je vernakularna komponenta prisutna u izvorima različita karaktera [3, 5, 12]. Posebno su u tome smislu pouzdani tekstovi nastali prije 16. st., tj. prije formiranja hrvatskih povijesnih književnih jezika [13].

Popisu izvora koji prenose jezičnu sliku kraja u kojem su nastali treba pridružiti etnografske rukopise s kr. 19. i poč. 20. st. Tezu o njihovoj jezičnoj autentičnosti temeljimo ponajviše na istraživačima, koji nose najveći teret prikupljanja građe. Istraživanja su provođena prema načelima Radićeve *Osnove za sabiranje i proučavanje građe o narodnom životu* [9] i njegovoj glavnoj uputi: *Budući da sva grada o narodnom životu treba da bude zabiļežena riječima narodnoga govora, ne će u ovom razdjelu biti posebnih potankih pitańa: kaki je jezik, vidjet će se iz čitave građe. Glavno je, da se narodni govor vjerno bilježi.* Prikupljači etnografskoga blaga i sami su bili izvorni govornici u onom poimanju kakvo je i danas aktualno u postavkama tradicionalne dijalektologije: većinom muškarci, seljaci slabijega obrazovanja i, najvažnije, osviješteni o važnosti bilježenja na mjesnome govoru. Josip Tomec, zapisivač virovske građe, završio je tek trogodišnju pučku školu nakon koje je cijeli život proveo u rodnom Virju baveći se poljoprivredom. Milena Sajvert Pokupska učiteljevala je u Hrnetiću, no unatoč boljemu formalnom obrazovanju, jasno je bila upućena kojim registrom valja bilježiti sve što čuje te zapisala „točno riječ po riječ po seljačkom kazivanju u seljačkih kuća" [2]. Mijo Žuljić, rođen u Varešu, bio je poznati učitelj u svome kraju. Građu o narodnom životu i običajima prema Radićevu naputku zapisao je istočnobosanskim dijalektom, njegovim materinskim vareškim govorom. Fran Novljan, kao prosvjetni radnik, bio je izuzetno nadahnut po pitanju očuvanja narodne kulture pa već kao gimnazijalac započinje zapisivati građu o životu

i običajima svoga rodnog Boljuna, opisavši kmetski život i običaje svoga kraja pouzdano i precizno, na dijalektu i s naglascima[1].

Radeći na predlošcima, uočili smo njihove mnogobrojne prednosti koje mogu pomoći u proučavanju, ali i poučavanju hrvatskih narodnih govora. Prema tomu, odabrali smo četiri monografije različite narječne pripadnosti kako bi se i time pokazala njihova raznovrsnost, ali i značaj uključivanja ove građe u interdisciplinarna područja: kajkavskoga Virja, čakavskoga Boljuna, štokavskoga Vareša te Hrnetića čija se jezična specifičnost ogleda u kajkavsko-čakavskoj interferenciji, s mjestimice štokavskim utjecajima. Sve su izabrane monografije, izuzev Hrnetića koji je još u pripremi, izašle u prvoj četvrtini 21. st. (*Boljun* 2014., *Virje* 2021., *Vareš* 2023.).

2. Jezične značajke odabranih rukopisa

Rukopis iz Virja pokazuje pripadnost kajkavskomu narječju na objema jezičnim razinama: poluglas i jat izjednačuju se u vokalu *e*, a stražnji nazal i samoglasno ◻ u vokalu *o* (*mleko, tesna, otec, dober*; *mož, pot, pož, sonce*). U tekstu nisu bilježene boje vokala, no iz poznavanja današnje situacije u Virju [6] pretpostavljamo da su i početkom 20. st. ovi vokali bili zatvorenije artikulacije. U konsonantizmu razvidno je provođenje depalatalizacije (*klun, pluča*), dočetni je *-l* očuvan (*bil, kotel*), palatalni se **r'* razvio u sekvenciju *rj* (*morje, orješ*), a polazni skupovi **stj, *skj > šč* (*kršćenje, natešče*). Iz morfologije se izdvajaju tipične karakteristike: tvorba komparativa formantom *-š-* (*mlajši*, *gorši*), prisutnost slavonizma (*onda pobrati graha i na pol razdeljiti*), uporaba određenoga lika pridjeva u službi imenskoga predikata (*Futač – to je lepi pisani kukmasti vtič*).

Jezik teksta iz Hrnetića dijalektno je heterogen: zabilježen je ikavsko-ekavski odraz jata prema J-M pravilu, s jekavizmima (*leni, zacepi, diteta*, *odriže, ljepo, čovjek*), čakavska jaka vokalnost (*kadi, vavik*) te odraz **stj, *skj > šć* (*dvorišće, zemljišće*). Vrlo su česti različiti odrazi konsonantskih skupova (*črne, criva; hvala/fala*). Odraz je poluglasa uglavnom tipično kajkavski, dok stražnji nazal i samoglasno ◻ daju *u*: (*megla, jeden, cucek*; *ruku* Ajd, *žut*). U morfologiji imenica dominiraju stariji oblici (*vrlcov* Gmn., *daskami* Imn., *šumah* Lmn.). U uporabi je samo jedan futur (*pak se bu zrušil*) te upitno-odnosna zamjenica *kaj*.

Boljunski predložak bogat je značajkama kojima obiluju čakavski govori središnjega istarskog čakavskog područja. Ekavski se odraz jata očituje dosljedno, primjerice *sused, svedok, seme, živet, beseda,* uz pojedine ikavizme: *dica*, *divuojka*, *sinokoša*, *ditić*. Specifično je za

[1] Prema tumačenju Jakše Primorca (usmeno), to je jedina akcentuirana monografija izašla u *Zborniku za narodni život i običaje.*

boljunski da se dugi glasovi *e* i *o* realiziraju kao diftonzi: *grieda*, *žienska*; *puoć*, *stuol*. Često je i zatvaranje samoglasnika *o* ako je dug ili naglašen (*va škule*, *ureh*, *un*). Dugi *a* može imati zatvorenu artikulaciju ili se realizira kao nazalizirani poluglas *šva*, posebice u okruženju sonanata. Sveprisutna je i zamjena *m* > *n* na dočetku gramatičkih i leksičkih morfema (*z vremenon*, *pišen*, *za njin*; *sedan*, *osan*). Dočetni je *-l* reduciran u pr. r. m. jd., što boljunske govore izdvaja od svih ostalih govora ekavskočakavskoga dijalekta (*zmisle, speka, umr*).

Rukopis Mije Žuljića potvrđuje pripadnost govora Vareša štokavskome istočnobosanskom dijalektu. Vokalizam je peteročlan, uz potvrđene relikte diftonga *uo* (*stuop, žuoč*). Odraz jata je ijekavski zabilježen dvostruko kad je dug (*bijel*//*biel*, *cvijet*//*cviet*, *lijep*//*liep*) te uobičajenim *je* kad je kratak (*mjesto, ljeto, natjerali*), uz prisutnost rijetko potvrđenih ikavskih i ekavskih odraza u kratkome slogu. Šćakavizam je dosljedan (*sirišća*, *šćeta*, *šćap*). Dočetni *-l* vokaliziran je u *o* u svim kategorijama (*bio, čuo*; *veseo, mio*; *so* 'sol', *pepeo*). Status fonema *h* nestabilan je, s time da u većini primjera izostaje, a fonem *f* nerijetko je zamijenjen s *p*, osobito od *hv* (*pala* 'hvala', *upatit* 'uhvatiti'). Specifičnosti su morfološkoga sustava koncentrirane u množinskim padežima, npr. nastavci u G mn. *-ø* i *-a*, raznolikost u DLI mn. (*-ima*, *-ma*, rijetko *-im*), tvorbeni nastavak *-iji* (*diviji*) u komparativu i sl.

3. Zaključak

Izdvojeni fonološki i morfološki primjeri ukazuju na jezičnu izvornost svih četiriju rukopisa. Uz to što sami po sebi predstavljaju vrijedne naslove hrvatske tradicijske baštine, provedena kraća analiza nedvojbeno upućuje i na to da je riječ o relevantnim svjedocima jezičnih stanja onoga vremena u kojem su nastajali. To ih čini nezaobilaznim izvorima u povijesnodijalektološkim proučavanjima hrvatskoga jezika, a ujedno su i potencijalni predlošci za izučavanje dijalekata u nastavi. Sami predlošci, koji baštine tradicijsku kulturu seoskih sredina i manjih gradova, donose obilje podataka o načinu života i rada seoskoga čovjeka s kr. 19. i poč. 20. st. S obzirom na to da su ove monografije pisane svakodnevnim govorom kraja iz kojega potječu, imaju neospornu dokumentarnu vrijednost. Uzimajući u obzir i to da smo svjedoci nestajanja ruralnih kultura i jezika, one su prvorazredan izvor za interdisciplinarna istraživanja svakodnevlja u različitim lokalnim sredinama. S tim u vezi uklopljive su i u nastavno-obrazovni program, kao dio hrvatske tradicijske kulture i govora kao nematerijalnoga kulturnog dobra.

LITERATURA

[1] Batina, Klementina. 2010. Zaštita, obrada i korištenje arhivskog gradiva Odsjeka za etnologiju HAZU. *Zbornik za narodni život i običaje*, 55, 39–44.

[2] Batina, Klementina. 2018. Aspekti ženskog autorstva u ranoj hrvatskoj etnologiji i folkloristici. *Zbornik za narodni život i običaje*, 60, 1–466.

[3] Crnić Novosel, Mirjana; Eterović, Ivana. 2023. *Mirakuli Slavne Deve Marije (Senj, 1508.).* Zagreb: Institut za hrvatski jezik.

[4] Ivić, Pavle. 1955/1956. O nekim problemima naše istoriske dijalektologije. *Južnoslovenski filolog*, 21, 1–4, 97–129.

[5] Lukežić, Iva. 2005. Jezik grobničke brašćinske knjige (16. i 17. stoljeće) kao dijalektološki predložak. *Drugi Hercigonjin zbornik* [ur. Damjanović, Stjepan]. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 223–246.

[6] Maresić, Jela. 2009. Današnji jezični sustavi na križevačko-podravskom dijalekatnom području. *Hrvatski dijalektološki zbornik*, 15, 245–261.

[7] Novljan, Fran. 2014. *Boljun – kmiecki život i už(a)nci 1898. – 1899. i 1950. – 1959. Zbornik za narodni život i običaje*, 58, Zagreb: HAZU.

[8] Primorac, Jakša. 2010. Arhivska građa Odsjeka za etnologiju HAZU. *Zbornik za narodni život i običaje*, 55, 9–37.

[9] Radić, Antun. 1897. Osnova za sabiranje i proučavanje građe o narodnom životu. *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena,* 2, 1–88.

[10] Sajvert-Pokupska, Milena. 1897.–1905. *Hrnetić* (*kraj Karlovca*). Rukopis.

[11] Tomec, Josip. 2021. *Virje 1897. – 1904. Zbornik za narodni život i običaje*, 63. Zagreb–Virje: HAZU.

[12] Vranić, Silvana. 2020. Jezične značajke temporala Drugoga beramskoga (ljubljanskoga) brevijara s gledišta povijesne dijalektologije. *Slovo*, 70, 265–284.

[13] Zubčić, Sanja. 2015. Hrvatskoglagoljski tekstovi kao izvor podataka za povijesnu dijalektologiju hrvatskoga jezika. *Croatica*: *časopis za hrvatski jezik, književnost i kulturu*, 59, 95−106.

[14] Žuljić, Mijo. 2023. *Vareš 1897. – 1911.* Zbornik za narodni život i običaje, 63, Zagreb: HAZU.

NÁŘEČÍ NEJZÁPADNĚJŠÍCH RUSÍNSKÝCH ENKLÁV V KONTAKTU SE SLOVENŠTINOU A POLŠTINOU. FONOLOGIE A MORFOLOGIE.

MICHAL VAŠÍČEK (ČESKÁ REPUBLIKA)

V příspěvku se budeme věnovat fonetickým a morfologickým systémům nářečí nejzápadnějších východoslovanských jazykových ostrovů na území Slovenska. Jedná se o dialekty obcí Osturňa a Ihľany na severu Spiše a skupinu jihospišských enkláv – obce Závadka, Poráč, Slovinky, Helcmanovce, Úhorná, Pača a Hačava (poslední dvě obce již leží za hranicemi historické spišské stolice).[1] Podle tradiční klasifikace patří tyto dialekty do jiholemkovské skupiny jihozápadních ukrajinských nářečí. V mnohých rysech se shodují se sousedními dialekty slovenštiny a polštiny, s nimiž jsou po staletí v kontaktu. Vysoká míra jevů podmíněných jazykovým kontaktem se západoslovanskými jazyky je charakteristická pro všechna lemkovská nářečí, avšak z odborné literatury i současných terénních výzkumů je patrné, že nářečí jazykových ostrovů byla kontaktem ovlivněna nejvýrazněji. Zaměříme se na fonologickou a morfologickou rovinu vybraných dialektů a pokusíme se určit, které změny ve zkoumaných nářečních systémech byly vyvolány kontaktem se západoslovanskými dialekty. Naším cílem bude ozřejmit charakter jazykového kontaktu, zejména zodpovědět otázku, zda se jednalo spíše o postupný dlouhodobý kontakt sousedních nářečních systémů, nebo zda jsou některé přechodové nářeční systémy výsledkem smíšené kolonizace.

Z nářečí vybraných obcí se samostatného zpracování dostalo nářečí Osturni (Víra 1930), Závadky (Pan'kevyč 1936, 1937) a Pači (Vašíček 2018; Rožai 2019), podrobné informace o jejich fonetice a morfologii obsahuje atlas Vasyľa Latty (1991). Poráč, Slovinky a Helcmanovce jsou zahrnuty do opěrné sítě atlasu Zuzany Hanudeľové (Hanudeľ 1981–2010). Pro tento příspěvek bude použit především vlastní materiál z terénního výzkumu, který autor uskutečnil ve všech spišských rusínských enklávách v letech 2016–2021; ukázky nářečních textů ze šesti z nich (Osturňa, Pača, Závadka, Poráč, Slovinky, Helcmanovce) byly publikovány v *Chrestomatii jihokarpatských nářečí* (Vašíček 2020). Kromě těchto textů čerpáme z dalších nepublikovaných rozhovorů s informanty z Úhorné, Hačavy a Ihľan.

Základní metodou výzkumu je srovnání nářečních systémů uvedených obcí se systémy sousedních východoslovenských a malopolských goralských dialektů. Materiál slovenských a

[1] Jihospišské enklávy jako samostatnou nářeční skupinu v tomto rozsahu vymezila Zuzana Hanudeľová (1993). Nářečí Kojšova, které má některé rysy rusínského původu, se ze synchronního hlediska řadí mezi východoslovenská nářečí (srov. Sedláková 2019), proto ho do této studie nezařazujeme. Pro porozumění slovensko-rusínským nářečním kontaktům však považujeme za nezbytné, aby se budoucí výzkum věnoval i stavu v nářečích, která si rusínský charakter neudržela.

polských nářečí je čerpán z dostupných dialektologických zdrojů, zejména *Atlasu slovenského jazyka* (*ASJ I*, *ASJ II*) a nářečních monografií (např. Štolc 1994; Sowa 1990; Dudášová 2016).

Expozice rusínských nářečí cizím jazykovým vlivům byla různá. Osturňa je ze všech stran obklopena obcemi se spišským goralským (geneticky polským) nářečím. Podobně Ihľany (dříve Hodermark) leží v sousedství dvou goralských obcí (Jurské, Krížová Ves), původně německá osada Majerka je dnes součástí Ihľan. Nejbližší rusínskou obcí jsou Jakubany oddělené horským pásmem.

Jihospišské enklávy lze rozdělit na severní a jižní podskupinu. V severní části Slovenského Rudohoří se nacházejí obce Závadka, Poráč a Slovinky. Ze severu sousedí se slovenskými obcemi patřícími do centrálního spišského nářečí. Závadka a Poráč jsou položeny značně vysoko a byly tak ve větší izolaci než Slovinky. Závadka z jihu sousedila s německými obcemi (Nálepkovo, Švedlár), na západě se slovenskou osadou Hnilčík s jihospišským hnileckým nářečím. K severní skupině z jihu přimyká obec Helcmanovce ležící v údolí Hnilce, od katastru Slovinek je oddělena horským hřbetem a jazykově se od nich značně odlišuje. Mnohé rysy ji naopak sbližují s jižní podskupinou. Ze západu sousedí s dříve jazykově německým Mníškem a z východu se slovenskou jihospišskou obcí Prakovce, dále na východ leží opět historicky většinově německé město Gelnica. Do jižní podskupiny zařadíme Paču, Úhornou a Hačavu. Pača patřila k hradu Krásna Hôrka, z jihu se dotýká souvislého maďarského osídlení, ze severu sousedí s Úhornou, na niž navazovalo bývalé německé osídlení. Východněji položená Hačava z jihu rovněž sousedí s maďarským jazykovým územím, ze severu sousedila s německým jazykovým ostrovem, který se táhl od Dobšiné po Gelnici. Z konfesního hlediska patří většina obcí k řeckokatolickému vyznání. Pača a Úhorná jsou římskokatolické, jedná se o jediné dvě římskokatolické obce s rusínským nářečím na Slovensku. V Závadce a Slovinkách jsou vedle řeckokatolických také pravoslavné farnosti.

Jihospišské rusínské ostrovy jsou výsledkem poměrně rané kolonizace, jejímž hlavním východiskem byl s největší pravděpodobností severní Spiš. Poznání těchto nářečních systémů tedy umožňuje nahlédnout do historie nejzápadnější části rusínského jazykového území.

Mezi společné fonologické rysy nářečí jihospišských enkláv patří zejména pětičlenný vokalismus – *a*, *e*, *i*, *o u* –, v konsonantismu pak široké uplatnění měkkostní korelace (zejména díky zachování měkkosti *s'*, *z'*, *r'*), a také zachování měkkých konsonantů na konci slova. Nastala zde tak výrazná redukce vokalického systému, neboť rusínská nářečí na Slovensku mají obvykle sedm až osm vokalických fonémů, na severu Spiše obvykle šest – *a*, *e*, *i*, *o*, *u*, *y* (*ы*, foneticky [ω]) (srov. Latta 1991, m. 1). Vokalismus většiny východoslovenských nářečí je pětičlenný: *a*, *e*, *i*, *o*, *u.* Osturňa a Ihľany sice zachovaly rozdíl mezi etymologickým **i* a **y*,

artikulaci *y* však přizpůsobily výslovnosti v goralských nářečích (přední vokál výškou mezi *i* a *e*). Do vokalického systému přejaly také foném *ů* (označovaný také jako *ǫ*, v IPA [ʊ]). Méně pravděpodobný je předpoklad, že *ů* odráží starou fonetickou realizaci **ō* v zavřené slabice, která se udržela díky sousedství s goralskými nářečími.

V konsonantismu nastalo nejvíce změn v nářečí Osturni, v menší míře jsou tyto změny přítomny i v Ihľanech. Jihospišské ostrovy byly ve vývoji konsonantismu spíše konzervativní. Zachovaly si měkké sykavky *s'*, *z'*, které se na většině území Spiše a Šariše osídleného Rusíny, jakož i na navazujícím území na severní straně Karpat, měnily na *š'* a *ž'* (a případně dále na *š* a *ž*).

Analýza našeho materiálu ukazuje, že neexistuje žádný univerzální rusínský nebo šířeji východoslovanský rys, který by se zachovával vždy, při rozdílné intenzitě a charakteru jazykových kontaktů. Mezi znaky, které obvykle přetrvávají a lze je považovat za nejodolnější, patří zachování *i* z **ě*, tvrdost předopatrových souhlásek před **e*, **i*, **ь* a plnohlasí. Odstraněny však mohou být dokonce i výsledky těchto historických hláskoslovných změn, jak je vidět na příkladě Slovinek, kde byla slova s plnohlasím nahrazena slovy se slovenským reflexem, nebo Osturni, kde byla tvrdost konsonantů před *e*, *i* (kromě skupiny *re*) zcela odstraněna. Na druhou stranu si Osturňa se svou z velké části přejatou fonologií zachovává slova s plnohlasím téměř v plném rozsahu.

V morfologické rovině jsou společnou inovací všech jihospišských rusínských nářečí adjektivní koncovky nominativu sg. *-i* (muž. rod) a *-o* (stř. rod, pouze Hačava má *-e*) a koncovka *-m* v 1. os. všech sloves (kromě Helcmanovců). Společná je také podoba tázacího a vztažného zájmena *čo*, jinde u Rusínů nezaznamenaná. Další inovace v deklinaci substantiv, adjektiv, zájmen a číslovek často diferencují rusínská spišská nářečí mezi sebou. Nejvíce východoslovenských prvků je v morfologickém systému Slovinek.

Všechna zkoumaná nářečí se zformovala v podmínkách intenzivních východoslovansko-západoslovanských jazykových kontaktů. Všude se jednalo o začleňování západoslovanských (slovenských a polských) jazykových prvků do východoslovanského (rusínského, ukrajinského) jazykového základu, přičemž většina obcí si zachovala svůj původní rusínský jazykový charakter. V případě Osturni a Slovinek se v důsledku jazykových kontaktů utvořilo nářečí, které lze označit jako smíšené, goralsko-rusínské, resp. slovensko-rusínské. Kontakt zde jistě probíhal s větší intenzitou a pravděpodobně měl jiný charakter. Rozhodujícím faktorem zřejmě byla smíšená kolonizace těchto obcí v kombinaci s dominantním jinojazyčným okolím (spišsko-goralským, resp. spišsko-slovenským). Tuto hypotézu bude třeba ověřit jak dalším lingvistickým rozborem všech jazykových rovin zkoumaných nářečí (včetně syntaxe a lexika),

tak srovnáním s dostupnými historickými informacemi o osidlování Spiše a sousedních oblastí Slovenska.

LITERATURA

ASJ 1 – ŠTOLC, J. a kol. *Atlas slovenského jazyka I. Vokalizmus a konsonantizmus. Č. 2. Úvod*, *kometáre*, *materiály.* Bratislava 1968.

ASJ 2 – ŠTOLC, J. a kol. *Atlas slovenského jazyka II. Flexia.* Bratislava 1973. *Č. 2. Úvod – komentáre.* Bratislava 1978.

Dudášová-Krišššáková 2016: DUDÁŠOVÁ-KRIŠŠÁKOVÁ, J.: *Goralské nárečia z pohľadu súčasnej slovenskej jazykovedy*. Prešov 2016.

Hanudeľ 1981–2010: ГАНУДЕЛЬ, З.: *Лінгвістичний атлас українських говорів східної Словаччини.* Т. I. *Назви страв*, *посуду і кухонного начиння*. Т. II. *Ткацька лексика*. Т. III. *Назви будівництва і транспорту*; Т. IV. *Анатомічна та експресивна лексика*. Пряшів 1981, 1989, 2001, 2010.

Hanudeľová 1993: HANUDEĽOVÁ, Z. Územné členenie ukrajinských nárečí východného Slovenska. *Slavica Slovaca* 28, 1993, 1–2, 178–184.

Latta 1991: ЛАТТА, В.: *Атлас українських говорів східної Словаччини.* Пряшів 1991.

Pan'kevyč 1936: ПАНЬКЕВИЧ, І.: Фонетика говору села Завадка на південнім Спиші на Словаччині. In: *Sborník Matice Slovenskej. Jazykoveda. XIV*, *1*. Turč. Sv. Martin 1936, 77–86.

Pan'kevyč 1937: ПАНЬКЕВИЧ, І.: З морфології говору села Завадка на південнім Спиші на Словаччині. In: *Sborník Matice Slovenskej. Jazykoveda. XV*, *1-2*. Turč. Sv. Martin 1937, 48–53.

Rožai 2019: ROŽAI, G.: Rusínske nárečie obce Pača v Gemeri v komunikácii rôznych generácií. In: Molnárová, P. – Rožai, G. [edd.]: *Varia 27. Zborník príspevkov z XXVII. kolokvia mladých jazykovedcov*. Banská Bystrica 2019, 174–184.

Sedláková 2019: SEDLÁKOVÁ, M.: Okrajové dialekty ako jazykové laboratórium (na materiáli východoslovenských nárečí). In: Imrichová, M. – Császári, É. [edd.]: *Péter Király 100. Tanulmánykötet Király Péter tiszteletére I.* Budapest 2019, 202–210.

Sowa 1990: SOWA, F.: *System fonologiczny polskich gwar spiskich*. Wrocław – Warszawa – Kraków 1990.

Štolc 1994: ŠTOLC, J.: *Slovenská dialektológia*. Ed. I. Ripka. Bratislava 1994.

Vašíček 2018: VAŠÍČEK, M.: Specifika nářečí obce Pača (okr. Rožňava) v kontextu rusínských dialektů na Slovensku. In: Koporová, K. [ed.]: *Studium Carpatho-Ruthenorum 2018. Штудії з карпаторусиністікы 10.* Prešov 2018, 45–61.

Vašíček 2020: VAŠÍČEK, M.: *Chrestomatie jihokarpatských nářečí.* Praha 2020.

Víra 1930: VÍRA, J.: Hláskosloví osturňského hovoru. In: *Sborník Matice slovenskej 8.* Turč. Sv. Martin 1930, 69–124.

SYTUACJA GWAR W OPINII POLSKICH I CZESKICH INTERNAUTÓW

BŁAŻEJ OSOWSKI (POLSKA)
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu
blazej.osowski@amu.edu.pl
ORCID: 0000-0002-4226-1378

Problematyka zróżnicowania geograficznego języka żywo interesuje użytkowników Internetu i prowadzi do licznych dyskusji, które jednak opierają się na intuicji, cechują się ekspresywnością i wartościowaniem a własne doświadczenie internautów góruje nad podstawą teoretyczną. Celem artykułu jest odtworzenie na podstawie internetowych komentarzy oceny i obrazu polskich i czeskich gwar w Internecie. Praca niniejsza tym samym wpisuje się w nurt opracowań poświęconych badaniom świadomości językowej[1]. Nadrzędnemu zadaniu służą pomocnicze pytania badawcze: Jak internauci oceniają poszczególne odmiany językowe? Jak postrzegają relacje między nimi? Jak widzą ich przyszłość? Wyniki prezentowane są w ujęciu porównawczym.

Materiał do analizy został wyekscerpowany z forów internetowych, na których toczyły się dyskusje poruszające temat gwar. W przypadku polskiego Internetu wybrano dwa fora założone przed rokiem 2020, jednak uwagę skupiono na stronach dyskusyjnych rozwijanych po tym roku, gdyż chodziło zatem o uwzględnienie materiału nowego. W przypadku materiału czeskiego podobne ograniczenie chronologiczne nie było potrzebne. Wykorzystano sześć forów, na których komentarze powstawały w latach 2012–2024. Na materiał polski składają się 204 posty zawierające sądy, opinie i komentarze odnoszące się do rodzimych gwar, na czeski zaś – 149.

Wyniki sondażowego badania sytuacji gwar w Polsce i Czechach pokazały, że internauci z obu tych krajów bardzo pozytywnie oceniają gwary. W Polsce równie pozytywnie oceniany był język literacki, nieco mniej zaś potoczny, w Czechach natomiast wyraźnie mniej odnotowano pozytywnych opinii na temat języka potocznego (Osowski, 2023, s. 267–268). Pomimo tego zgodzić się należy z R. Kucharzyk, że ogólnie gwara wartościowana jest znacznie niżej niż polszczyzna ogólna, co wiąże się z podobną aksjologią kultury wiejskiej i miejskiej (Kucharzyk, 2019, s. 8).

Zebrany materiał ujawnił całe spektrum ocen odnoszących się zarówno do gwar, jak i odmiany literackiej (w przypadku czeskiego również do odmiany potocznej *obecná čeština* – dalej OČ). Za kluczowe dla wartościowania należy uznać pojęcie normy, toteż najprostsze

[1] Przegląd literatury na ten temat zob. Cygan, 2011; Szymańska-Galińska, 2023.

sądy internautów dotyczą odchylenia od niej: *koleżanka z pracy wprowadziła jeszcze słowo KOROMESŁO (zawalidroga) – w jej rodzinie spod Rzeszowa się tego używa i myślała że to* ***normalne*** *słowo a nie gwarowe* [2][2]. Ze względu na szczególną sytuację językową w Czechach i silną pozycję interdialektu *obecná čeština* w tamtejszym Internecie pojawiły się głosy, że dziwacznością jest używanie odmiany literackiej: *V ostatní komunikaci bych se nebránil používat obecnou češtinu. Spisovná čeština v běžné komunikaci mezi lidmi zní již* ***divně*** *- strojeně* [9].

Pojęcie normy przywołuje także cechy typowe dla danego obiektu. Te odnoszone są przede wszystkim do odmiany gwarowej i służą przywoływaniu wyrazów i zwrotów w odczuciu komentujących charakterystycznych dla określonej mowy lokalnej: *byłem z poznaniakami w wojsku,* ***kultowe****: te dej ćmika* [6], *Rožni - to je* ***klasika*** *- rozsviť* [1]. Należy podkreślić subiektywizm internautów w przywoływaniu cech gwarowych (lub regionalnych). Są to wybrane zjawiska leksykalne, rzadziej fonetyczne, wyjątkowo z innych poziomów języka.

Ocena gwary wyrażana jest także przez komentarze wartościujące jej użytkowników – łączenie postrzegania języka z oceną grupy nim się posługującej jest zresztą mechanizmem powszechnym (Sagan-Bielawa, 2017, s. 212). Część internautów przypisuje osobom posługującym się gwarą takie negatywne cechy jak brak wykształcenia, lenistwo, głupotę, zacofanie cywilizacyjne, funkcjonowanie na marginesie społeczeństwa.

Jednym z kluczowych pojęć dyskursu glottofobicznego[3], który przejawia się w zebranym materiale, jest czysty język (*Mój mąż natomiast pochodzi z górnego śląska i choć na co dzień operuje czystą polszczyzną, to gdy rozmawia ze swoimi rodzicami, albo gdy chce mnie rozśmieszyć, zaczyna „śląską godkę”* [5]). Odnoszony jest on do odmiany literackiej postrzeganej jako pozbawionej wpływów obcych. Stanowiska purystyczne są jednak rzadkie w społeczeństwie polskim, toteż często komentarze internautów odnoszące się do tego pojęcia spotykają się z ripostami: *– Lublin – tu mówi się najczystszą polszczyzną w Polsce* [...], *– Bo on pochodzi z okolic Lublina, więc jemu się wydaje, że to czysta, najprawdziwsza polszczyzna.* 😀*A prawda jest taka, że dla mieszkańca Polski zachodniej zaciąga* [...] [3].

W materiale czeskim kategoria czystego języka również się pojawia, lecz w innym kontekście. Internauci podkreślają jej wyjątkowość oraz odmienność od codziennego zwyczaju językowego. W porównaniu z materiałem polskim jest ona mniej pożądana, por.:

[2] Materiał przywołuję w postaci oryginalnej. W nawiasie kwadratowym podaję numer źródła (zob. spis na końcu tekstu). Zaznaczenia w cytatach – B.O. Dla oszczędności miejsca w spisie podano tylko źródła wykorzystane.
[3] Na temat zjawiska glottofobii – por. Blanchet, 2019.

Mel jsem za studii v rocniku dva kolegy z Hranic. Ano, jejich cestina byla dokonale spisovna, ale pri delsim hovoru to neslo vydrzet... [8].

Część internautów przypisuje gwarze wartości pozytywne, takie jak: dziedzictwo, piękno, bogactwo, zróżnicowanie i przejrzystość formy, jasność przekazu. Pozytywnej ocenie gwary towarzyszy niekiedy negatywne wartościowanie języka literackiego, który określany jest jako *mdły*, *nijaki*, *szkolny*, *přehnaně spisovný*.

Wartościowanie kultury wiejskiej i miejskiej (oraz gwary i polszczyzny literackiej) odwołuje się niekiedy do opozycji 'my – oni'. Zależnie od przynależności internauty do jednej z grup ocena gwary jest pozytywna lub negatywna. Język, jak wiadomo, może pełnić funkcję zarówno integrującą (*Akcent nie gańba. Mnie tam cieszy, że poznaję swojego od razu po akcencie* [3]), jak i separującą (*Słyszy taki debil* [hanys]*, że rozmówca NIE ZNA gwary to dalej pier...doli gwarą* [7]).

W analizowanym materiale zgodnie wybrzmiewa opinia, że gwara to język starszych. Internauci kojarzą ją najczęściej z pokoleniem dziadków lub czasem swojej młodości: *Jestem z Poznania, z bardzo tradycyjnej części Jeżyc, moja babcia i starsze sąsiadki mówiły przepiękną gwarą* [5], *Mám v zahrádce starší sousedku, pocházející z Domažlicka. A často slýchám slovo, na které nejsem zvyklý* [8]. Ze względu na silną pozycję OČ pojawiły się także opinie, że czeski język literacki jest nacechowany generacyjnie i używają go osoby starsze: *mluvit v dnešní době o spisovné češtině, je už utopie* [...]. *Je to na škodu, ale můžeme jen k tomuto trendu přihlížet my starší nebo aspoň se snažit mluvit spisovně mezi vnoučaty* [8].

Pochodną wartościowania odmian językowych jest stosunek do ich przekazywania dzieciom. Osobnym wątkiem w ramach dyskusji o akwizycji gwary jest udział nauczycieli w tym procesie. Podobnie jak wcześniej zarysowuje się tu stanowisko liberalne, ([Polonista z Podkarpacia] *Może uczyć obu wersji – jednej, jako regionalizmu (na pole), drugiej - jako formy poprawnej, powszechnie obowiązującej (na dwór)* [4]; *Pokud se nejedná o výuku češtiny, jsem jednoznačně pro. Nářečí patří ke kulturnímu bohatství našich regionů* [...]. *Národní hrdost totiž začíná tam, kde jsme se narodili* [9]) oraz purystyczne, np. *Výuka má být správná, jednoznačná, všem srozumitelná a právě to jsou typické znaky spisovného jazyka, ne nářečí* [9].

Jak już wspominano, w czeskojęzycznejsieci ważnym tematem jest pozycja OČ. Jej rola w dydaktyce widziana jest różnie zależnie od miejsca zamieszkania – mieszkańcy Czech środkowych skłonni są dopuścić tę odmianę w nauczaniu, podczas gdy mieszkańcy innych regionów są temu zdecydowanie przeciwni.

Znajomość dwóch kodów część polskich dyskutujących uważa za zaletę. Z kolei czescy internauci występowanie dwóch kodów widzą raczej jako naturalną sytuację,związaną z występowaniem *spisovné češtiny* (przeznaczonej do używania w sytuacjach oficjalnych) i OČ (sytuacje nieformalne).

W grupie komentarzy o przyszłości odmian językowych wyróżniają się głosy o zaniku gwary, używaniu jej tylko w wyjątkowych sytuacjach, np. *U mnie mówiło sie gwarą, tylko gdy przyjeżdżała babcia. Rozumiem gwarę, ale nie umiem się ną posługiwać (może pojedyncze słówka i powiedzonka) i strasznie nad tym ubolewam* [5]. Na tym tle wyróżniają się zdaniem internautów niektóre regiony, jak Śląsk i Kaszuby, choć i tam docierają tendencje unifikacyjne. Dyskutanci zauważają również, że ich własna mowa zmienia się z upływem czasu a dawniej znane słownictwo odchodzi w zapomnienie.

Słabnięcie międzypokoleniowego przekazu gwary spowodowane jest m.in. wpływem szkoły oraz mediów. Pesymistyczna wizja życia gwar skłania niektórych internautów do formułowania sądów o ich upadku. Niekiedy winą za to obarcza się jej użytkowników, por. *Ślązacy z kolei, już dawno zaniedbali i zubożyli swój etnolekt do poziomu grypsery z niemieckimi zwrotami* [7]. W przypadku czeskojęzycznych internautów natomiast upadek dotyczy języka literackiego; wzory poprawnego i pięknego wysławiania się należą do przeszłości, a o szerzenie złych wzorów językowych oskarża się media, np. *Vždycky si vzpomenu na Radovana Lukavského, Miroslava Horníčka a další, jejichž čeština hladila po duši* [8].

Podsumowując, należy stwierdzić, że diagnoza sytuacji gwar w Polsce i Czechach nie jest jednoznaczna, tak jak ambiwalentne jest ocenianie tej odmiany języka. „Gwara jest zarówno wartością, jak i antywartością” (Pelcowa, 2017, s. 238); może być kojarzona z takimi pojęciami jak dziedzictwo kulturowe, tożsamość regionalna, ekspresywność, bogactwo form lub odstępstwo od normy, brak wykształcenia, głupota, lenistwo, margines społeczny. Wartościowanie odmian językowych jest kluczowe dla ich przetrwania, ponieważ przekłada się na takie zjawiska jak chęć przekazywania danego kodu dzieciom, opieka nad nim, skłonność do używania w codziennej komunikacji. Internauci przyszłość gwar (w Czechach także języka literackiego) rysują w czarnych barwach a winą za niszczenie tych odmian obarczają media.

Im bardziej gwary przestają być środkiem żywej komunikacji, tym bardziej rośnie ich wartość symboliczna jako emblematu tożsamości lokalnej lub regionalnej. Jednocześnie gwary na znacznej części terytorium Polski i Czech przestają mieć charakter systemowy, a ich elementy przenikają do obiegu ogólnokrajowego, m.in. za sprawą wypowiedzi w Internecie

oraz pragmatycznego wykorzystania jako tworzywa artystycznego, w marketingu czy w turystyce kulturowej.

LITERATURA

Blanchet, Ph. (2019). *Discriminations – combattre la glottophobie*. Lambert–Lucas.

Cygan, S. (2011). *Przejawy świadomości językowej mieszkańców wsi końca XX wieku na przykładzie Lasocina na Kielecczyźnie*. Wydawnictwo Uniwersytetu Humanistyczno-Przyrodniczego Jana Kochanowskiego.

Kucharzyk, R. (2019). Gwara – tradycja czy obciach? Spojrzenie młodych kobiet: Na materiale z forów internetowych. *Poradnik Językowy*, 1, 7–19.

Osowski, B. (2023). Wyniki sondażowe badania sytuacji gwar w Polsce i Republice Czeskiej. W B. Osowski, J. Kobus, P. Michalska-Górecka, A. Piotrowska-Wojaczyk (Red.), *Język w regionie, region w języku 5* (263–276). Wydawnictwo „Poznańskie Studia Polonistyczne"

Pelcowa, H. (2017). Gwara w kontakcie – gwara w konflikcie. *Rozprawy Komisji Językowej* ŁTN, 64, 233–245.

Sagan-Bielawa, M. (2017). Język jako element świadomości społecznej (na przykładzie Polski po 1918 roku). *LingVaria*, 24, 211–224.

Szymańska-Galińska, K. (2023). Świadomość językowa a gwara, *Językoznawstwo*, 18, 171–178.

ŹRÓDŁA (dostęp 5.08.2024)

[1] https://www.emimino.cz/diskuse/speciality-vaseho-nareci-103186/

[2] https://forum.gazeta.pl/forum/w,384,119079159,119079159,roznice_jezykowe_ w_Polsce.html

[3] https://forum.gazeta.pl/forum/w,567,170343585,170343585,Gwary_polskie.html

[4] https://forum.gazeta.pl/forum/w,567,173920656,173920656,Regionalizmy_a_bledy_jezykowe_gramatyczne.html

[5] https://forum.gazeta.pl/forum/w,567,39869265,39869265,Czy_uzywacie_w_domu_gwary_albo_chociaz_wyrazow_.html)

[6] https://jerkbait.pl/topic/140030-gwary-dialekty-s%C5%82owa-nasze-ale-jakby-nie-nasze/

[7] https://joemonster.org/phorum/read.php?f=15&t=2858533#2858533

[8] https://www.knife.cz/Default.aspx?tabid=53&g=posts&m=1073556

[9] https://www.vzdelavacisluzby.cz/forum/kategorie-6/podkategorie-1/prispevek-377

HRVATSKA DIJALEKTOLOŠKA TRANSKRIPCIJA – PRISTUPI, IZAZOVI I PRIJEDLOZI RJEŠENJA[1]

MARTINA BAŠIĆ (HRVATSKA)
Zavod za lingvistička istraživanja Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti
mkovacev@hazu.hr

MARIJA MALNAR JURIŠIĆ (HRVATSKA)
Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu
mmalnar@ffzg.unizg.hr

1. Uvod

Transkripcija je ključan metodološki alat u opisu i analizi konkretnih govornih sustava, osobito mjesnih govora. Njezin je cilj sustavno pretvaranje zvučnoga signala u grafički oblik, pomoću dogovorenih znakova koji omogućuju precizno bilježenje fonetskih nijansi i fonoloških osobitosti. Takvi transkribirani podaci čine temelj za daljnju jezičnu analizu na razinama dijalekta, narječja i jezičnoga sustava u cjelini.

Da bi se osigurala cjelovitost, ujednačenost i međusobna usporedivost podataka (kako unutar jednoga istraživanja, tako i u okviru šire znanstvene zajednice) važna je normiranost transkripcijskoga sustava. Uz precizno bilježenje i interpretaciju govorne građe, transkripcija dobiva i dodatnu vrijednost kao instrument dokumentiranja i zaštite jezične baštine što je osobito važno u suvremenome kontekstu ubrzanih jezičnih promjena i nestajanja mjesnih govora.

2. Pristupi i izazovi u hrvatskoj dijalektološkoj transkripciji

Nesumnjivo je kako je slušni dojam pojedinoga glasa subjektivan te uvjetovan ljudskim čimbenikom. Stoga napredak tehnologije, osobito mogućnost zvučnoga snimanja i naknadnoga usmjerenog preslušavanja te računalne obrade govora, uvelike olakšava donošenje zaključaka i doprinosi mogućoj objektivizaciji opisa. Ipak, iznimno vrijedna građa (rukopisni dijalektološki upitnici) koja je na našim prostorima prikupljana prije više desetljeća nije potkrijepljena zvučnim zapisima. Stoga se pri analizi tih jezičnih podataka, ali i podataka iz objavljenih rječnika te opisa govora, moramo osloniti na transkripciju, a često i na istraživačeve usputne opaske o tome kako pojedini glas zvuči.

Međutim, u tradiciji bilježenja glasovnih ostvaraja u hrvatskoj dijalektologiji moguće je uočiti izrazitu neujednačenost. Razlike u grafijskim rješenjima određenih fonetskih pojava proizlaze iz različitih transkripcijskih pristupa, individualnih metodoloških koncepata

[1] Ovaj je rad nastao u okviru znanstvenoistraživačkih projekata *Istraživanje hrvatskih dijalekta* (voditeljica Martina Bašić) koji se provodi u Zavodu za lingvistička istraživanja HAZU i *Dijalektna frazeologija hrvatskoga jezika* (voditeljica Marija Malnar Jurišić) koji se provodi na Filozofskome fakultetu Sveučilišta u Zagrebu.

istraživača te, nerijetko, iz tehničkih i tiskarskih ograničenja. Posljedica je toga da se u hrvatskoj dijalektološkoj građi učestalo pojavljuju različiti grafemi za iste naglaske, foneme ili njihove ostvaraje, odnosno identični grafemi za različite fonološke i fonetske pojave.[2] Takvo stanje nužno vodi prema metodološkim i interpretativnim problemima, osobito u slučajevima kada se u znanstvenim radovima usporedno navode citati iz različitih izvora koji primjenjuju međusobno neusklađene transkripcijske sustave i znakove.

Jasna potreba za usavršavanjem postojećih sustava bilježenja naročito je došla do izražaja u okviru projekta *Općeslavenskoga lingvističkog atlasa*. Projekt je imao za cilj prikupljanje dijalektnih podataka slavenskih jezika te njihovu sinkronijsku i dijakronijsku interpretaciju kroz jezične karte. Kako bi se omogućila usporedba velikoga broja jezičnih pojava relevantnih za obuhvaćeni areal, 1964. godine objavljena je OLA transkripcija – fonetska transkripcija zasnovana „na latiničkoj abecedi, s dodanim znakovima iz grčkoga i ćiriličkoga pisma i iz međunarodne fonetske transkripcije“ [1: 17]. Iako se ta transkripcija djelomično razlikovala od postojeće latiničke transkripcije, ona je bila „bliža navikama većine lingvista“ [2: 9].

Budući da fonetski zapisi i pripadajuće karte sami po sebi nisu omogućavali pouzdano očitavanje fonološki relevantnih obilježja rad na prikupljenome materijalu nadopunjen je izradom detaljnih fonoloških opisa. Tijekom sedamdesetih godina prošloga stoljeća hrvatski su punktovi dobili cjelovite sustavne fonološke opise, čime je, s jedne strane, olakšana interpretacija karata OLA-e, a s druge strane, iscrpno predstavljen sustav određenoga govora.

Svjesni toga da se pri odabiru samo fonetske ili samo fonološke transkripcije pojavljuju nedostatci i ograničenja u pružanju potpunih informacija o inventaru promatranih govora te „smo prisiljeni svaku transkripciju shvaćati kao opću konvenciju i izgrađivati pojedinačne konvencije za njezinu primjenu“ [1: 20], hrvatski su dijalektolozi paralelno nastavili upotrebljavati i tradicionalnu hrvatsku dijalektološku transkripciju koja je fonetski pristup, u manjoj mjeri, kombinirala s fonološkim. Za potrebe projekta *Hrvatskoga jezičnog atlasa*, s obzirom na to da su istraživanja bila usmjerena isključivo na hrvatske govore, dijelom se modificirala i OLA transkripcija, uzimajući u obzir grafemski sustav hrvatskoga jezika.[3] Naime, hrvatski su dijalektolozi uvidjeli da se transkribiranje ne bi trebalo suviše odmaknuti od onoga što je tradicionalno te *lakše* prihvatljivo i čitljivo.

Svojevrsnoj neujednačenosti u transkripciji unutar hrvatske dijalektologije doprinijela su i individualna rješenja transkripcije koje su osmislili autori zbog nedostatka adekvatnih

[2] Npr. oznaka za kratkouzlazni naglasak /à/ na mjestu kratkosilaznoga naglaska /ä/, oznaka za dugouzlazni naglasak /á/ na mjestu neoakuta /ã/; malo labijaliziran fonem /a/ označen je kao /å/, /ºa/ i /ạ/.
[3] Npr. zvučnu laminalno-dorsalnu alveolarno-palatalnu afrikatu OLA bilježi kao [ʒ́], a HJA kao [đ].

grafemskih rješenja u sustavima za unošenje. Trebamo, naime, imati na umu da je transkripcija pojedinoga znaka često zahtijevala kombinaciju konkretnoga grafema s određenim dodatnim znakovima te *stvaranje* novoga grafemskog rješenja. Takva je raznovrsnost bila osobito zamjetna dok sustavi za unošenje nisu postali javno dostupni. Danas se u hrvatskoj dijalektologiji najčešće rabe dijalektološki znakovi pripremljeni pomoću sustava za unošenje ZRCola, koji je u Znanstvenoistraživačkome centru SAZU-a u Ljubljani razvio Peter Weiss. Unaprijeđeni je to sustav koji nudi mogućnost računalnoga bilježenja većeg broja jedinica te tako dijalektolozima omogućuje veći spektar izbora u transkribiranju govornih/glasovnih nijansi.

U hrvatskoj dijalektološkoj tradiciji nije zaživjela *Međunarodna fonetska abeceda* (IPA), međunarodni sustav za bilježenje glasova svih jezika svijeta. Postoji nekoliko mogućih razloga tomu. Hrvatski su dijalektolozi, kao što je već rečeno, tražili grafička rješenja koja se bitno ne razlikuju od uobičajenoga znakovlja latinične abecede. Za razliku od hrvatske dijalektološke i OLA transkripcije, IPA nije nudila posebne znakove za određene pojavnosti ovjerene u hrvatskim govorima.[4] Uvođenje IPA transkripcije, iako bi moglo pridonijeti boljoj povezanosti domaćih istraživanja s međunarodnim fonetskim praksama, potencijalno bi otežalo razumijevanje fonetske vrijednosti glasa u slučajevima kada isti znak prema OLA i IPA transkripciji znači različito[5] ili pak kada se ista zvučna pojavnost bilježi različitim znakovima[6].

Hrvatska dijalektologija, u okviru strukturalističkoga poimanja lingvistike, opisuje potpune realizacije sistema na malome prostoru – mjesne govore. Da bi se građa valjano interpretirala i zabilježila, prije svega treba utvrditi sustav razlikovnih jedinica, fonema. Iako svjesni da su i fonetske osobine vrlo važne zbog što potpunijega prikaza istraživanoga govora, nisu sve izgovorne značajke fonema podjednako važne niti ih je sve potrebno zabilježiti. U tome je kontekstu inovativno rješenje autorica *Ozvučene čitanke iz hrvatske dijalektologije* koje transkripcijske znakove smatraju *poljima* u vokalskome trokutu ili konsonantskoj tablici, a ne *točkama*, kako ih obično doživljavamo. „Odatle proizlazi mogućnost da se polja u jednome dijelu i preklapaju, zbog čega se glas koji se tvori u području preklapanja može bilježiti i jednim i drugim znakom“ [3: 29]. Napominju ipak da je važno da istraživač odabere koji će znak odabrati i dosljedno ga bilježi u transkripciji.

[4] Npr. bezvučna apiko-laminalna alveolarno-palatalna afrikata koja se u OLA i H bilježi kao [ć̡].
[5] Npr. [ã] prema IPA opisuje nosni izgovor glasa /a/, a prema OLA to je oznaka za neoakut.
[6] Npr. zvučni apiko alveolarni frikativ prema IPA bilježi se kao [ʒ̡], a prema OLA kao [ż]; bezvučna laminalno-dorsalna alveolarno-palatalna afrikata prema IPA bilježi se kao [tɕ], a prema OLA kao [ć].

3. Zaključak

Unatoč razvoju digitalnih tehnologija i računalne obrade govora, ljudski faktor u procjeni i interpretaciji fonetskih nijansi i dalje ostaje nezamjenjiv, osobito u kontekstu proučavanja mjesnih govora koje često obilježava izrazita fonetska varijabilnost i interferencija različitih jezičnih sustava. Stoga bi valjalo što prije standardizirati hrvatsku dijalektološku transkripciju u onim dijelovima u kojima još ne postoji suglasje, upotrijebiti standardizirano znakovlje pri analizi opisa već istraženih govora (što će možda zahtijevati i dodatna terenska istraživanja) te potaknuti autore dijalektnih leksikografskih i drugih djela da ju sustavno primjenjuju. U tome smislu, bilo bi korisno razmotriti osnivanje radne skupine za izradu priručnika s preporučenim transkripcijskim znakovljem i primjerima primjene u različitim dijalektima.

LITERATURA

[1] Brozović, Dalibor. 1981. O fonetskoj transkripciji. *Fonološki opisi srpsko-hrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih Opšteslovenskim lingvističkim atlasom* [ur. Ivić, Pavle]. Sarajevo: ANUBiH, 17–25.

[2] Ivić, Pavle. 1981. Uvod. *Fonološki opisi srpskohrvatskih/ hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih Opšteslovenskim lingvističkim atlasom* [ur. Ivić, Pavle]. Sarajevo: ANUBiH, 1–10.

[3] Menac-Mihalić, Mira; Celinić, Anita. 2012. *Ozvučena čitanka iz hrvatske dijalektologije.* Zagreb: Knjigra.

ЮЖНОРУССКИЕ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫЕ КОНСТРУКЦИИ НА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ФОНЕ

Александра Тер-Аванесова, Светлана Дьяченко, Анна Малышева

Доклад посвящен конструкциям с предлогами *в, на, при, о(б), по*, при которых в древнерус. языке употреблялся локатив, и сблизившимся с ними конструкциям «предлог *у* + родительный падеж» в северо-восточных белорусских и в западной части южнорус. говоров. Эти конструкции рассматриваются на примере имен и местоимений м. и ср. рода, у которых в указанных говорах сформировались специфические системы показателей локатива, причем югозападнорус. системы субстантивных показателей выводимы из восточнобелорусской, а рус. говоры на границе со Слобожанщиной испытали влияние украинских. Ряд старых конструкций с локативом утрачивает собственно локативные значения (с предлогами *о(б),* в меньшей степени *при, по,* в малой степени *в, на*), с чем, видимо, связана морфологическая дифференциация конструкций и образование новых падежей на основе праслав. локатива. Преимущественно в восточной («русской») части того же ареала формы локатива проникают в конструкции с предлогом *у*, изначально управлявшим Р. падежом.

Использованы карты ДАРЯ и данные текстовых корпусов нескольких говоров, созданных в Международной лаборатории языковой конвергенции НИУ ВШЭ, это:

восточнобелорус. посожский говор окрестностей с. ***Хисла́вичи*** Рославльского р-на Смоленской обл.; Западная группа южнорус. наречия (Захарова, Орлова 1970) – Хис.;

восточнобелорус. говор с. ***Спиридо́нова Бу́да*** Злынковского р-на Брянской обл., «северско-белорусский» в терминологии П. А. Расторгуева (1927); в классификацию русских говоров (Захарова, Орлова 1970) говоры этой территории не включены как белорусские – СпБ;

югозападнорус. говор д. ***Не́хочи*** Хвастовичского р-на Калужской обл., на восточной границе Верхнедеснинской группы говоров (Захарова, Орлова 1970); переходный говор с белорусской основой (Опыт 1915);

южнорус. говор с. ***Рогова́тое*** Старооскольского р-на Белгородской обл., Оскольской подгруппы (Захарова, Орлова 1970) – Рог.;

юговосточнорус. говор с. ***Мали́нино*** Хлевенского р-на Липецкой обл., Рязанской группы, с особенностями донских говоров, сближающими его с Рог. – Мал.

Материал югозападнорус. говора д. ***Ого́рь*** Жиздринского р-на Калужской обл., Верхнедеснинской группы приводится по (Бромлей, Булатова 1972) – Ог.

1. **Окончания loc. sg. существительных м. и ср. рода ед. числа при предлогах *на, в, при, об.*** У существительных м. и ср. рода в ед. числе при локативных предлогах встречается четыре окончания: *-ê, -и, -ý, -у*. Первые два восходят к рецессивным окончаниям loc. sg. **о-* и **jо-*склонения **-ě* ,**-i* (Дыбо 2000: 55; Зализняк 2019: 31) (диал. *ув акн'ê, на кан'и́*). Окончания *-ý* и *-у,* видимо, восходят к loc. sg. **ŭ*-склонения. Согласно (Дыбо 2000), это окончание было доминантным, его продолжением в слав. языках является окончание *-ý,* ударное в М. ед. существительных м. рода подвижного акцентного типа (а. т.) С (*в лесу́*). Рецессивного окончания *-у* нет в рус. лит. языке и большинстве восточнорус. говоров, однако оно представлено в рус. говорах юго-западной зоны, в укр. и бел. языках (ср. Рог. *на по́езду, об до́му, при му́жу*), где оно, возможно, продолжает рецессивное окончание loc. sg. **ŭ*-склонения, свойственное западным диалектам древнерус. языка и отмеченное в старорус. памятниках XVI-XVII вв. западной локализации как у **u-*, так и у **о-*основ а. п. *с* (Зализняк 2019: 15). В восточнослав. языках и диалектах функции этого окончания и до конца не изучены.

2.1. **При предлогах *в* и *на* у существительных с основами на парный твердый согласный м. и ср. рода в ед. числе** представлены две близкие системы показателей локатива. *Восточнобелорусская* система зафиксирована в Хис. и СпБ, а также в Нех.: словоформы ср. рода имеют показатель *-е* (*-ê* в говорах с различением **е* и **ě, -и* без ударения); он преобладает и у существительных м. рода, но 1) у части слов м. рода с односложным корнем а. т. С выступает доминантное окончание *-ý* или варьирование типа *в лесу́ / в лếсе*, а все слова с неодносложным корнем присоединяют *-ê* и имеют ударение энклиноменного типа (*в го́рад'и*); 2) слова а. т. В независимо от числа слогов основы в трети примеров присоединяют окончание *-ý*, см. таблицу 1.

Таблица 1. Окончания существительных м. рода ед. ч. (основы на парные твердые согласные) при предлогах *в, на* в Нех., Хис., СпБ.

Акцентный тип	Односложные основы	Неодносложные основы
А	*-ê*: *в кла́с'и*	*-ê* : *нъ гаро́д'и*
В	*-ê ~ -ý: нъ стал'е́, на кусту́*	*-ê ~ -ý: у чугун'е́, на къбану́*
С	*-ê ~ -ý : у л'е́с'и, у л'есу́*	*-ê*: *в го́рад'и*

Деснинскую систему в Ог. и Рог. можно описать как развитие восточнобелорусской, с возможностью употребления рецессивной флексии *-у* в тех позициях, в которых в последней представлена рецессивная флексия *-ê*, причем не только у существительных м. рода, но и среднего. В табл. 2 словоформы с таким *-у* выделены жирным шрифтом; они встречаются приблизительно в 15 раз реже, чем словоформы с *–ê.*

Таблица 2. Окончания существительных м. и ср. рода ед. ч. (основы на парные твердые согласные) при предлогах в, на в Рог. и Ог.

Акц. тип	Односложные основы	Неодносложные основы
A	*-ê~ -у: нъ фро́нт'е*, ***на бра́ту***, *-ê* (ср. р.) *в ста́д'е*	*-ê ~ -у: нъ гарốд'е*, ***у нър'а́ду*** *w хъз'а́йств'е, w* ***хъз'а́йству***
B	*-ê ~ -ý: нъ двар'ê, нъ сталбý,* *-ê* (ср. р.) *у с'ал'ê*	*-ê ~ -ý: у рукав'ê, у чугунý,* *у гамн'ê,* ***нъ акнý***
C	*-ê ~ -ý* (м. р.) *у л'ês'е, у л'асý* *-ê ~ -у* (ср. р.) *нъ н'éб'е,* ***нъ н'óбу***	*-ê ~ -у: нъ по́ез'д'е,* ***нъ по́езду***, *на… д'ép'ив'е,* ***у д'ép'еву***

Подобные распределения окончаний при предлогах *в, на* существовали уже в XVI-XVII вв., судя по памятникам южнорус. деловой письменности (Котков 1963). Если формы типа *у л'есý* могли появиться в праславянском, то появление ограниченных пределами данного ареала форм типа *на кустý, на къбанý* – видимо, под влиянием форм типа *у л'есý* – и ограниченных только южнорус. говорами форм типа *у нър'áду, нъ акнý, нъ по́езду, нъ н'óбу* должно относиться к более позднему времени.

Во мн. ч. при предлогах *в, на* выступают словоформы с окончанием ***-ах***; в Рог. у лексемы *лêс* – также *л'ес****о́х*** < *-ъхъ.

2.2. **При предлогах *при, об*** в Хис. и СпБ представлены те же формы существительных м. и ср. рода, что и при предлогах *в, на,* однако скудный материал не позволяет сделать об этом окончательных выводов. В южнорус. говорах встречается четыре вида конструкций с предлогами *при* и *о(б)* с разной семантикой. В трех из них у существительных м. и ср. рода ед. ч. с основами на твердый выступает другой набор окончаний, нежели при предлогах *в, на*: отсутствует показатель *-ê,* односложные основы а. т. С могут иметь как доминантное окончание *-ý,* так и рецессивное *–у* (см. табл. 3).

Таблица 3. Окончания существительных м. и ср. рода ед. ч. (основы на парные твердые согласные) при предлогах *при, об* в Рог., Об., Нех.

Акц. тип	Односложные основы	Неодносложные основы
A	*-у: при бра́ту*	*-у: при калхốзу*
B	*-ý: а дварý, ъб аднôм крылý*	*-у/-ý: ъб аднôм акнý*
C	*-у ~ -ý* (м. р.): *аб до́му, ъб аднôм улазý*	

Во мн. числе в данном контексте варьируют словоформы с окончаниями *–****ах*** (*спа́ли при мухá́х*) и ***-ов, -ей, -0*** (*бы́лъ при матере́й, при ба́бушек*; *карôва аб двýх саскôв*).

2.3. **У существительных с основами на задненебные при предлогах *в, на, при, о(б)*** в большинстве примеров находим окончания *-у* (*на лýку, у жалýтку, у ун'о́здушку, на быкý, в тупикý, ув ухý, на бе́риуу*), а у односложных м. р. с подвижным ударением – также - *ý* (*на токý*); окончания *-ê, -и* встретились у слов с неодносложной основой. Окончания *-у* и *-ý* преобладают в Рог. и Ог., в Нех. и Хис. они встречаются примерно в

половине случаев, в СпБ реже, чем *-ê*. То же у **основ на исконно мягкие** согласные; в Хис. есть односложные формы с *-и* («белорусская» черта: *нъ кан**и́***, ср. Рог., Ог. *нъ кан'ý*).

2.4. В разных по семантике **конструкциях с предлогом *по*** у основ м. рода ед. ч. варьируют окончания *-ý* (М. ед., односложные основы а. т. С: *по полу́*) и *-у* (*по по́лу, по́ полу,* предпочтительно считать окончанием Д. ед., учитывая историю конструкций с *по*). Обращает на себя внимание почти полное отсутствие при *по* форм м. рода с окончанием *-е*, в отличие от архаичных рус. лит. *по сы́не* и др.; исключение составляют единичные смоленск. примеры: *по ле́се* (Расторгуев 1927). Мн. ч. образуется окончанием *-ам* (*пъ ха́там*) в рус. говорах и СпБ, лишь в Хис. у словоформ при *по* варьируют *-ам* и *-ах.*

В конструкциях с *по* перенос ударения на предлог или начало словоформы распространился на некоторые слова а. т. В, в результате чего при *по* словоформы а. т. В и С представлены одинаковыми акцентными контурами:

А. т. В: (Д. ед.) ***пъ сталу́***; *пъ сталбу́*; *пъ сирену́* ‘наст’*, па Фралу́* и т. п. 21х; (Д. ед.) ***па дво́ру***; ***по́ двъру*** 2х;

А. т. С: (М. ед.) ***пъ с'н'ауý,*** *пъ Дану́*; *пъ палу́* и т. п. 41х (Д. ед.) ***пъ бо́ру***; *пъ ро́сту*; *па ду́ху*; *па по́лу*; *пъ го́ръду*; *пă б'ép'ьуу* и т. п. 28х; (Д. ед.) ***по́ лъуу***; *по́ дъжжу* и т. п. 10х.

3. При локативных предлогах встречаются формы **адъективного и местоименного склонений,** совпадающие с **Д.** или **М. ед. м.-ср**. родов.

3.1. **Словоформы местоимений 3 л. ед. ч., местоимения *кто, что, всё*** при всех локативных предлогах во всех говорах имеют окончание М. падежа *-ом* (*-ôм*): Рог., Нех., Мал. *у* (*на, при, па*) ***н'ôм***, ***ч'ôм***, *па* ***кôм***, Рог. *рабôтъл нъ ъwцáх, на* ***ўс'ôм***; *ни пр'и* ***ч'ôм***; Хис. СпБ *на* (*по*) ***н'о́м***, ***ч'о́м***. То же относится к личным местоимениям во **мн. ч.**: *на* (*в, при, по*) *на́с, ва́с, ни́х.*

3.2. У **согласованных с существительными м.-ср. р. ед. ч. прилагательных и местоимений** при предлогах ***в, на*** представлены словоформы М. п. с окончанием *-ом* (*-ôм*), и только в Рог. варьируют показатели М. и Д., вероятно, под влиянием укр. языка: *-ôм* (под ударением), *-ъм*, *-ъму* (без ударения). Прилагательные: *у* ***другôм*** *углу́* 2х, *нъ* ***Йáуъднъм*** *лауý* 12х, *нъ* ***ка́жнъму*** *кустê* 5х; словоформы местоименного склонения: *yw* ***аднôм*** *двар'ê* 3х, *у кл'идо́р'е ув* ***е́тъм*** 10х; *у хл'авý-тъ ув* ***е́тъму*** 7х.

Подобная картина в Рог. при ***при, об*** у прилагательных: *пр'и* ***такôм***, *пр'и* ***харôшъм***, *пр'и* ***ста́ръму*** *д'êду, пр'и* ***ма́лъму***, но у местоимений только М. п.: *пр'и* ***фс'ôм*** *нарôду, ъб* ***аднôм*** *акнý* ‘с одним окном’; *ъб* ***аднôм*** *улазý* ‘с одним глазом’; *ъб* ***э́тъм*** *мышý* ‘об этой мыши’. Единично Д. п. встречается в Мал.: *пр'и* ***ста́ръму*** *изругáлс'и* и Хис.: *пр'и* ***тамý,*** *пр'и цар'é-Гарóхи*. В др. говорах отмечены только формы М. п.

При ***по*** флексии М. и Д. варьируют во всех говорах независимо от семантики конструкции. В Рог. выбор Д. или М. зависит от места ударения, *па* ***wc'ôм*** *с'алу́* 7х; ***пъ е́нтъм*** *кругу́* 7х; *пъ* ***вот е́тъму*** *звôн'ут'* 2х, в др. говорах варьирование свободное.

Из изложенного следует, что в конструкциях с предлогами, в прошлом управлявшими локативом, в южнорус. говорах выступает минимум три разных падежа: «местный» (при предлогах *в, на*), «предложный» (*при, о(б)*) и «распределительный» (*по*).

ЛИТЕРАТУРА

Бромлей С.В., Булатова Л.Н. *Очерки морфологии русских говоров*. Москва: Наука, 1972.

Дыбо В.А. *Славянская акцентология.* Москва: Наука, 1981.

Зализняк А.А. *Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь.* Москва: 2019.

Захарова К.Ф., Орлова В.Г. *Диалектное членение русского языка.* Москва: Просвещение, 1970.

Котков С.И. *Южновеликорусское наречие в XVII столетии.* Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1963.

Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н. *Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, с приложением очерка русской диалектологии.* Москва, 1915.

Расторгуев П.А. *Северско-белорусский говор.* Ленинград, 1927.

НЕКОТОРЫЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ДИАЛЕКТОВ

НАТАЛИЯ АНАНЬЕВА

Основным источником изучения современного состояния славянских диалектов, как известно, является материал, полученный диалектологом «в поле»,т.е. в ходе непосредственного контакта с диалектоносителями во время полевых исследований (сбор материала по определенной программе, записи спонтанной речи носителей говора и их рассказов на предложенную тему и др.). Однако существуют и дополнительные ресурсы изучения диалекта, из которых наиболее традиционными являются произведения художественной литературы с диалектизмами и регионализмами. Авторы таких произведений сознательно (т.е. в определенных художественных целях) или бессознательно употребляют диалектные элементы, как правило, с той территории,с которой они были связаны по рождению или по каким-либо другим причинам. Так, для польских «кресовых» диалектов (функционирующих на Кресах – восточных окраинах бывшей Речи Посполитой) таким источником являются произведения А.Мицкевича и виленских филоматов и филаретов, Л.Кондратовича (В.Сырокомли), Т.Ежа, И.Ходзьки, М.Ваньковича, Т.Конвицкого, Ч.Милоша и мн.др. О языковых особенностях, обусловленных свойствами «польщизны кресовой», существует значительная литература. При этом сопоставление диалектизмов в произведениях писателей-«кресовцев» XIX в. с современным состоянием периферийного диалектного массива позволяет выявить сохранение ряда диалектных признаков (например, несоответствие в распределении o-ó в северо-восточной разновидности «польщизны кресовой» по сравнению с литературным польским языком: типа stoł, głow, stoj, cuś, ktuś, ostróżnie и под. при литер. stół, głów, coś, ktoś, ostrożnie) и утрату других. Таким образом, подобное сопоставление дает возможность выявить некоторые моменты истории периферийных польских диалектов и определенную динамику этих говоров.

Менее традиционным, но активно использующимся в настоящее время источником изучения диалектов являются тексты, созданные самими диалектоносителями: записи автобиографического характера, песенники, письма и под. О возрастании интереса к такого рода источникам свидетельствуют, например, подготовленное О.Г.Ровновой издание воспоминаний проживающего в Аргентине старообрядца Д.Т.Зайцева (Д.Т.Зайцев. Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева.М.,2015), публикация Г.П.Пилипенко дневника с последующим комментарием

проживающего в Аргентине носителя южноволынского диалекта юго-западного наречия украинского языка (Г.П.Пилипенко. Южноволынский диалект украинского языка в Аргентине (Мисьонес): дневник переселенца из межвоенной Польши Кирилла Вознюка. М., 2021), использование материалов частной переписки градищанских хорватов при исследовании их языка и культуры Д.Ю.Ващенко и А.А.Плотниковой (Д.Ю.Ващенко, А.А.Плотникова. Язык и народная культура градищанских хорватов Венгрии (XX – XXI в.в.). М., 2024).

В докладе рассматриваются источники этой второй группы, полученные от носителей польских говоров на Кресах и потомков переселенцев с территории Домбровско угольного бассейна, проживающих в сибирской дер. Вершина Боханского района Иркутской области (записи песен, отражающие диалектные особенности, ошибки из тетрадей по польскому языку школьников, обусловленные влиянием родного говора). Так, в записях польских песен, которые исполняет вершинский фольклорный ансамбль, отражены следующие особенности генетически малопольско-силезского говора: суженный характер континуантов носовых (Цуж я несш**ын**сна ”nieszczęsna” бэндэ робила, за**ин**то ”zajęto”, Седымджьещ**уюн**т ”siedemdziesiąt” седы разы); переход долгого е в і/ у (наж**и**канья ”narzekania”, Там грала щп**и**вала ”śpiewała”); частичное мазурение , или цекание, т.е. произнесение с на месте этимологического cz (**Ц**и ’’czy’’ я свое щиве воы зоба**ц**э ’’zobaczę’’, **Ц**ы ’’czy’’ тэ твое щивэ воы заинто, И ходжи и пла**ц**э ’’płacze’’); на фоне произнесения о на месте а долгого частая замена любого а на о (Сконьтшыл ще юж дла мне к**о**валерски ’’kawalerski’’ тшас); выпадение билабиального ł не только после согласных, но и в интервокальной позиции (Ты быщ Янку в**оы** ’’woły’’ отналас, Погнала в**оы** на буковине, Одналас в**оы** отдал девтшыне, Девтшыно в**оы** маш,Обец**аа**ш ’’obiecałaś’’ дач дзюбака, Пшибег к девтшыне на зав**оа**не ’’zawołanie’’); сужение е в і / у перед носовым согласным (Сед**ы**мджьещуюнт); бифонемное сочетание «гласный + m» для континуанта носового заднего ряда в позиции конца слова (Взина зэ соб**ом** ’’sobą’’); тенденция к упрощению консонантных сочетаний и утрате конечных согласных (Взина зэ собом **сш**ыпцэ ’’skrzypce’’ едынэ, Седымджьещуюнт **седы** ’’siedem’’ разы). Одновременно данный источник отражает определенные социально-культурные условия, в которых функционирует диалект Вершины: использование для передачи на письме польского идиома гражданского варианта кириллицы.

Диалектные особенности польского говора местечка Мейшагола под Вильнюсом, относящегося к одному из трех компактных регионов северо-восточной разновидности

периферийных польских диалектов, являются причиной некоторых ошибок в письменных работах по польскому языку местных школьников. Например, расширенное произношение е отражают формы творит. п. ед. ч. nożam и именит.мн.ч. wesoła, вышеуказанное несовпадение с литературным языком в дистрибуции о –ó является причиной ошибочных cuś и ktuś, а неправильная для литературного языка форма pószedłem объясняется характерным для данного региона так называемым «уканьем» (переходом о в u в безударной позиции и в особенности после губных согласных). Следующим дополнительным источником диалектизмов могут быть надгробные надписи на сельских погостах. Языковые особенности эпитафий, как их постоянной (включающей антропонимы и даты рождения и смерти) части, так и варьирующейся эмоционально-дезидеративной активно исследуются славистами .Особый интерес представляет изучение эпитафий на территории славянского пограничья, в частности восточнославянско-польского. Из последних работ, посвященных надгробным надписям, укажем на серию статей О.В.Беловой и М.В.Ясинской, в которых описывается антропонимика и топонимика, а также аббревиатуры и формулы в мемориальной эпиграфике Подляского воеводства. Эпитафии на могилах поляков на кладбище сибирской деревни Вершина, с одной стороны, отражают специфику функционирования польского говора в контакте с русским идиомом (причем контакт этот вследствие польско-русского билингвизма вершинских поляков является как внешним, так и внутренним), а с другой позволили выявить некоторое (хотя и незначительное) число диалектных особенностей. Специфика функционирования в условиях контакта с русским идиомом проявляется в преимущественном использовании в эпитафиях кириллицы (из 146 польских надгробий только для 17 в эпитафиях представлена латиница), а также в отдельных примерах употребления по отношению к усопшему поляку русской, а не польской формы имени, нестяженных форм фамилий на -ski, /-ska, - cki/-cka (-ский/-ская, -цкий/-цкая), трехчленной антропонимической формулы, включающей наряду с фамилией и именем усопшего его отчество, которое может образовываться не только от польской формы имени отца, но и от его русского соответствия. Примеры: Куцек Антон Степанович, Криважня Иван Станиславович, Калета Екатерина Якубовна, Вуйчицкий Михаил Семенович, Стемплевский Франц Иванович, Зеленская Ванда Осиповсна. Масленг Адам Иванович. При этом возможен и неполный вариант русского имени: Калета Маруся Ивановна.

Диалектные особенности вершинского говора отражены в эпитафиях для следующих антропонимов: З**и**нон (Митренга Зинон Станиславович) и Магдал**и**на (Мычко Магдалина Осиповсна), а также К**о**роль (Садовник Король Францевич).В антропонимах Зинон (польск. Zenon) и Магдалина (польск. Magdalena) отражено сужение е перед носовыми согласными, а в имени Король (польск. Karol) представлена нередкая в говоре субституция лабиализованным о любого а, а не только исторически долгого (в том числе даже в функционирующих в польском говоре русизмах: ср. naz**o**t «назад»). В эпитафиях на кладбище польского села Матьковцы на Украине (Хмельницкий район, Хмельницкая область) отражено влияние украинского языка. Оно проявляется в фамилиях адъективного типа, для которых отмечена восходящая к украинскому идиому оппозиция: нестяженная форма в мужском роде – стяженная в женском и среднем роде (Грабовский – Грабовска, Mruczkowskij– Mruczkowska). Украинское влияние отражено также в антропониме Pietro (Uroda Pietro). Социокультурную ситуацию, в которой функционирует польский говор в Матьковцах, отражает наличие надгробных надписей на кириллице (русский и украинский варианты) и латинице. Дезидеративно-эмоциональная часть (выражения боли и печали по усопшему, пожелания ему и под.), как в Вершине, так и в Матьковцах, представлена фразами на русском языке: от кратких «Помним, скорбим» до пространных высказываний, часто в рифмованной форме. Пример надписи на надгробии Поспеха Романа Ришардовича (погост в Вершине): Наше горе ничем не измерить /И слезами его не излить/ Мы тебя никогда не забудем/Будем помнить, скорбеть и любить.Жена, дети, внуки. Самое длинное произведение такого рода было нами зафиксировано на кладбище в Матьковцах на надгробии Павла Петровича Бондаря 1947–1971 (русифицированная фамилия Bednarz, о чем свидетельствуют находящиеся рядом могилы родных с фамилией Беднаж): Ну разве можем мы забыть тебя, / Когда все дни и ночи, все события/ Глядят, глядят, глядят в твои глаза./ Ты – молодость./ Ты вечно молодел / Ты жизнь любил, стремился…/ Вдруг – предел./ Пашуня, озовись (вместо отзовись – Н.А.)/ Мы ждем тебя./ Очнись…опомнись, оглянись! / .. нельзя! Данные факты, не имеющие непосредственного отношения к отражению диалектных особенностей местного польского говора, являются существенными для характеристики социолингвистической ситуации, выявления условий, в которых функционирует исследуемый говор.

В эпоху интернета появились новые дополнительные источники изучения диалектов и условий их функционирования. Так, создание диалектных корпусов

(например, создание диалектного подкорпуса Национального корпуса русского языка или регионального Томского диалектного корпуса) представляет собой качественно новый этап в развитии славянской диалектологии, позволяющий оптимизировать работу с диалектным материалом, Так, наличие диалектного подкорпуса в Национальном корпусе русского языка создает возможность сопоставлять диалекты с литературном языком , осуществлять междиалектное сопоставление и сравнивать разные тексты. На польском материале под руководством проф. Халины Карась создан фундаментальный труд ‘’ ‘’Gwary polskie. Przewodnik multimedialny’’, который постоянно пополняется диалектными текстами и сведениями культурно-этнографического характера. Расширенная и усовершенствованная версия этого труда получила в 2010 г. название ”Dialekty i gwary polskie. Kompendium multimedialne” [htttp://www.dialektologia.uw.edu.pl]. В этом компендиуме представлены исчерпывающие данные о польском диалектном континууме: приведены термины и понятия польской диалектологии, приложены диалектные карты, предложены описания различных регионов Польши, представлены записанные традиционным путем и звучащие диалектные тексты из разных регионов Польши. Этот компендиум имеет лингвокультурологическое значение, поскольку включает также всевозможные сведения культурологического характера: об особенностях региональной кухни и праздновании тех или иных праздников; здесь представлены видео с исполнением характерных для тех или иных регионов песен и танцев, а также приведены фотографии разнообразных национальных костюмов.

Возможности интернета позволили носителям определенных диалектов создавать интернет-сообщества, в которых коммуниканты общаются на своем родном диалекте, как в письменной, так и в устной форме. Языковой материал этих сообществ становится предметом изучения лингвистов-диалектологов. Источником получения дополнительной информации о славянских диалектах и условиях их функционирования становится также YouTube. Так, для кресовых польских говоров Украины, Белоруссии, Литв, польских говоров Сибири и Казахстана таким источником является канал Studio Wschód. Журналисты этого канала выезжают в восточном направлении в места, где проживают поляки.В репортажах сотрудников данного канала, несмотря на их никак не связанную с исследованием местных говоров культуртрегерскую и харитативную направленность, можно тем не менее найти сведения, полезные для диалектологов, занимающихся периферийными и островными польскими говорами. Это информация о социолингвистической ситуации, о местах сохранения польского идиома, о

«прародине» носителей польского диалекта в случае его переселенческого характера.Чрезвычайно ценными являются записываемые в ходе репортажей высказывания диалектоносителей на местном польском языке. Эти микротексты не только подтверждают данные о языковых особенностях диалекта, полученные в ходе полевых исследований, но могут и расширить информацию о диалектных явлениях (например, установить системный или идиолектный характер заимствования из русского языка и др.).В докладе рассматриваются микротексты, произнесенные полоноязычными жителями дер. Вершина в 12-ти видеороликах канала Studio Wschód. В микротекстах отражены следующие фонетические особенности вершинского говора:

1) Наличие i / y на месте долгого e: dop ’**i**ro, śp**i**fka и др.

2) Наличие o на месте a долгого: j**o** tutaj, jest tak**o** śpifka и др.

3) Наличие u на месте долгого o, o перед носовым согласным n, в итеративном суффиксе -owa, а также нередкое сужение o в u после задненебного согласного: d**u**m, k**u**ń, gut**uva**ć, vypyt**uva**ć и др.

4) Узкие континуанты носовых гласных и наличие бифонемного сочетания «гласный + носовой согласный» на месте континуанта носового заднего ряда в позиции конца слова: m’eś**in**cy, st**un**t, m’eś**un**c, id**on** Kal’ety и др.

5) Мазурение для глухой аффрикаты (цеканье): **c**asy, **c**ekał, v ’e**c**orem и др.

6) Звонкий тип сандхи: ro**g** ji.

7) Выпадение ł после согласных: postav’ili **sup**, **su**p, **su**p (литер. słup), za**ku**dal’i (литер. zakładali).

8) Отсутствие чередования e: o: p’ ivo b’ **e**ro.

9) Наличие лексико-фонетического варианта для прилагательного wielki со звонким g: robota była v’el’**g**a.

Из морфологических особенностей говора в микротекстах диалектоносителей Вершины представлены отсутствие личных окончаний в прошедшем времени глаголов и отсутствие категории мужского лица.Частотным в этих текстах является употребление яркого диалектизма kaj ‘где; куда‘, свидетельствующего о малопольско-силезском происхождении данного говора (ср. na kun’u kaj sadal’i i kaj jexal’i). Высказывание одной и жительниц деревни позволило уточнить место проживания в Польше ее предков, которые переселились в начале XX в. в Сибирь (силезский Сосновец). Микротексты дали п возможность квалифицировать в качестве системных некоторые русизмы (например, stroit’ – польск. budować).

Таким образом, рассмотренные традиционные и появившиеся в новейшее время связанные с развитием электронных технологий средства получения и хранения информации о славянских диалектах не только подтверждают наличие диалектных особенностей того или иного говора, установленных ранее в результате проведенных полевых исследований, но и расширяют сведения о них, а также дают представление о социокультурной ситуации, в которой функционирует данный диалектный идиом. Создание электронных диалектологических компендиумов наподобие польского является не только обобщением информации о польской диалектологии и польских диалектах, но и рассматривает диалектный материал в контексте культуры данного региона.

SECTION 1.4
ONOMASTIQUE

Anđela Frančić Onomastička terminologija u suvremenim gramatikama hrvatskoga jezika 1

Елка Јачева-Улчар Антропономастичката категорија презиме кај македонците (историски преглед, мотивациски основи и структура) 6

Amira Turbić-Hadžagić, Đenita Haverić Interlingual contacts and cultural exchanges in bosnian-herzegovinian and macedonian surnames 11

Maria Trawińska Zanikanie imion staropolskich na przykładzie xivwiecznej księgi sądowej 13

Iveta Valentová The substantive baba and its derivatives in slovak anoikonymy and in the dictionary *Lexis of slovak anoikonyms* 17

Akademik Nenad Vukovic Crnogorska plemena u svjetlu onomastickih opservacija 18

Rafał Zarębski Nazwy własne na pograniczu języków i kultur (na podstawie dawnych egodokumentów francuskopolskich i polsko-francuskich) 23

Јелица Стојановић Именовање жена у паштровским исправама (16–19. вијек) 27

ONOMASTIČKA TERMINOLOGIJA U SUVREMENIM GRAMATIKAMA HRVATSKOGA JEZIKA

ANĐELA FRANČIĆ (HRVATSKA)
Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu
afrancic@m.ffzg.hr

1. Uvod

Imena su neizostavnim dijelom komunikacije standardnim jezikom, a jedna od njegovih bitnih značajki jest normiranost. Standardnojezična je norma kodificirana u normativnim priručnicima – gramatikama, pravopisima i normativnim rječnicima. U svakom od njih pretkaziva je i pojavnost imenā.[1] Pri govoru o odnosu standardnojezične norme i imena valja imati na umu da su imena znakovi *sui generis* te da je imenska norma nadređena neimenskoj [3]. U radu ćemo se usredotočiti na tri suvremene hrvatske gramatike iz kojih smo ekscerpirali termine[2] koje autori rabe u govoru o imenima.

Riječ je o ovim gramatikama:

> 1. Lana Hudeček i Milica Mihaljević. 2023. *Hrvatska školska gramatika*. Treće, dopunjeno izdanje. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje (u daljnjem tekstu HM gramatika).
> 2. Josip Silić i Ivo Pranjković. 2007. *Gramatika hrvatskoga jezika za gimnazije i visoka učilišta*. 2. izdanje. Zagreb: Školska knjiga (u daljnjem tekstu SP gramatika).
> 3. Stjepko Težak i Stjepan Babić. 2016. *Gramatika hrvatskoga jezika: Priručnik za osnovno jezično obrazovanje*. 18. ponovljeno izdanje. Zagreb: Školska knjiga (u daljnjem tekstu TB gramatika).

HM gramatika namijenjena je ponajprije učenicima osnovne i srednje škole, SP gramatika polaznicima gimnazija i visokih učilišta, a TB gramatika jest „priručnik za osnovno jezično obrazovanje“.

2. Onomastička terminologija u suvremenim gramatikama hrvatskoga jezika

Slijedi tablični prikaz onomastičkih termina koji se odnose na imenske primjere u različitim dijelovima (jezičnim razinama) promatranih gramatika.

gramatika / onom. termin	**HM gramatika**	**SP gramatika**	**TB gramatika**
fonologija			
ime			*vlastita imenica*
osobno ime	*osobno ime*	*osobno ime*	
prezime	*prezime*		*prezime*

[1] O osobnim imenima u suvremenim gramatikama hrvatskoga jezika v. [1].

[2] Navodeći imenske primjere, autori kadšto umjesto termina donose njegovu definiciju. I takve smo izraze (definicije) obuhvatili ovim radom. Npr. nijedna gramatika nema termin *ojkonim* iako sve donose primjere „imena/naziva naseljenih mjesta“. U morfološkom dijelu TB gramatike sreće se termin *antroponim*, a u tvorbenom „vlastite imenice koje označuju ljude“.

etnik	*ime stanovnice naselja, područja i država*		
toponim	*ime mjesta*		*mjesno ime (toponim)*
ojkonim			*naziv naseljenoga mjesta*
morfologija			
ime			*vlastito ime* *osobno ime*
antroponim			*antroponim*
osobno ime	*ime*	*ime* *osobno ime* *osobno ime muškoga spola* *osobno ime ženskoga spola* *osobna imenica muškoga spola*	*ime* *vlastito ime* *osobno ime* *muško ime* *muška vlastita imenica* *žensko ime* *žensko osobno ime*
prezime	*prezime*	*prezime*	*prezime*
antroponimijska formula	*ime i prezime*		
etnik		*naziv naroda, država, kontinenata, naseljenih mjesta i područja* *pripadnik naroda, stanovnik zemlje, naseljenoga područja* *etnik*	*etnik* *ženski etnik*
toponim		*zemljopisno ime* *toponim*	*toponim* *zemljopisno ime*
ojkonim		*ime naseljenog mjesta*	
horonim		*imenica naseljenog područja*	
zoonim			*ime životinje*
tvorba			
ime	*ime*		*naziv* *vlastito ime*
antroponim			*vlastite imenice koje označuju ljude*
osobno ime	*ime*		*ime*
prezime	*prezime*		*prezime*
etnik	*ime stanovnika*		*etnik* *ženski etnik* *etnik za žensku osobu* *etnik za mušku osobu* *naziv*
toponim	*toponim*		*ime mjesta* *zemljopisni naziv* *zemljopisno ime*
ojkonim	*ime naseljenoga mjesta* *naseljeno mjesto*		
hidronim			*ime rijeke i planine* *imenica za oznaku rijeke i planine*
horonim			*imenica koja znači kraj*

krematonim			*naziv poduzeća, ustanove, novina, časopisa*
sintaksa			
ime	*ime*		
osobno ime		*vlastito ime*	
antroponimijska formula	*ime* *ime i prezime*	*ime i prezime*	

Iz tablice iščitavamo:

Onomastičkim terminima najzasićenija je TB gramatika.

Onomastički se termini pojavljuju u svim dijelovima HM gramatike i SP gramatike (uz napomenu da se u SP gramatici tvorba obrađuje u morfološkom dijelu). U TB gramatici izostaje onomastička terminologija u sintaktičkom dijelu.

U svim se promatranim gramatikama na onomastičke termine najčešće nailazi u morfološkom i tvorbenom dijelu.

Uz temeljni onomastički termin (hiperonim) *ime* (koji se pojavljuje i u sinonimnim inačicama *naziv, osobno ime, vlastita imenica*, *vlastito ime*), sve gramatike rabe termine iz područja antroponomastike i toponomastike, a samo TB gramatika sadržava po jedan termin iz zoonomastike (*ime životinje*) i krematonomastike (*naziv poduzeća, ustanove, novina, časopisa*).

Od antroponomastičkih termina zastupljeni su:

- *antroponim* (samo u TB gramatici)
- *osobno ime* (u svim gramatikama): ponegdje se precizira je li riječ o osobnom imenu muške ili ženske osobe, pa se rabe termini: *muška vlastita imenica*, *muško ime*, *osobna imenica muškoga spola, osobno ime muškoga spola*; *osobno ime ženskoga spola, žensko ime*, *žensko osobno ime*; za osobnoimenske se primjere rabi i termin *ime* te *vlastito ime*
- *prezime* (u svim gramatikama) – jedini termin koji se pojavljuje uvijek u istom liku u svim gramatikama
- *ime i prezime* (u HM gramatici i SP gramatici)
- *etnik* (u SP gramatici i TB gramatici; u HM gramatici rabi se termin *ime stanovnika* i *ime stanovnice naselja, područja i država*); rabe se i termini *naziv naroda, država kontinenata, naseljenih mjesta i područja*; *pripadnik naroda, stanovnik zemlje, naseljenoga područja*; *ženski etnik*, *etnik za žensku osobu*, *etnik za mušku osobu*; jednom se, uz etnički primjer, rabi termin *naziv*).

Od toponomastičkih termina zastupljeni su:

– *mjesno ime (toponim)*, *toponim*, *zemljopisni naziv*, *zemljopisno ime*

– *ime mjesta*, *ime naseljenog mjesta*, *naziv naseljenoga mjesta*, *naseljeno mjesto*

– *imenica koja znači kraj*, *imenica naseljenog područja*

– *ime rijeke i planine*, *imenica za oznaku rijeke i planine*.

Promatrajući termine ekscerpirane iz svih gramatika, uočavaju se brojni primjeri onomastičke terminološke sinonimije (npr. *mjesno ime (toponim)*, *toponim*, *zemljopisni naziv*, *zemljopisno ime*).

U nastavku donosimo nekoliko činjenica utvrđenih analizom onomastičkih termina koje rabe autori analiziranih gramatika:

– pogrešna uporaba termina *naziv* (bilo kao jednorječnoga termina ili kao sastavnice višerječnoga termina): *naziv*; *naziv naseljenoga mjesta*; *naziv naroda, država kontinenata, naseljenih mjesta i područja*; *zemljopisni naziv; naziv poduzeća, ustanove, novina, časopisa*). Budući da se u onomastici *naziv* odnosi na *apelativ*, pogrešno je rabiti ga kao sastavnicu onomastičkoga termina. U svim navedenim primjerima valja ga zamijeniti s *ime* (npr. *zemljopisni naziv* > *zemljopisno ime*).

– homonimna uporaba termina *ime*. Termin *ime* rabi se u značenju osnovnoga onomastičkog termina (*'nomen proprium*'), a njime se naziva i neprezimenska sastavnica službene antroponimijske formule. Mišljenja smo da, kada se ne pojavljuje u svezi s terminom *prezime*, sastavnicu službene antroponimijske valja nazivati *osobnim imenom*.

– uporaba termina *vlastito ime*. Smatramo da je termin *vlastito ime* pleonastičan izraz (sva su imena vlastita!) te da ga u onomastičkoj terminologiji treba zamijeniti terminom *ime*.

– izrazima poput *naseljeno mjesto*; *pripadnik naroda, stanovnik zemlje, naseljenoga područja* svakako treba predmetnuti odrednicu *ime* (*ime naseljenoga mjesta, ime pripadnika naroda*…); većinom je riječ o svojevrsnim definicijama, pa bi ih trebalo zamijeniti odgovarajućim onomastičkim terminima

– uporaba sinonimnih (hrvatskih i internacionalnih) onomastičkih termina. Primjenjujući terminološka načela [2] na onomastičku terminologiju, prednost bi valjalo dati hrvatskim terminima. No, katkad su hrvatski termini višerječni (npr. *ime naselja*, *vodno ime*, *zemljišno ime*, *zemljopisno ime*) te se od njih teže tvore izvedenice, a neki se u svojoj višerječnoj strukturi i nisu ustalili (npr. umjesto termina *etnik* u hrvatskom se jezikoslovlju nerijetko rabe zapravo varijantne definicije toga termina: „ime stanovnika (kontinenta, države, naselja, pokrajina,

područja, planeta“ // „ime *stanovnika* ili stanovnice naseljenog mjesta, *kraja*, *države*, kontinenta“ // „ime stanovnika određenoga područja, zemlje, grada, sela)“. S obzirom na navedeno, smatramo da bi se u gramatikama prednost mogla dati s komunikacijskoga motrišta funkcionalnijim onomastičkim terminološkim internacionalizmima. Pritom bi bilo dobro pri njihovu prvom spomenu u zagradi navesti hrvatsku istovrijednicu – npr. *antroponim* (*ime osobe*), *toponim* (*zemljopisno ime*). U gramatikama namijenjenim učenicima osnovnih škola poredak bi mogao biti obrnut – hrvatski termini prethodili bi „uzagrađenim“ internacionalnim terminima.[3]

Gramatika nije onomastički priručnik i ne koristi se kao osnovno vrelo za učenje onomastičke terminologije, ali nesumnjivo može pripomoći usvajanju te terminologije i njezinoj pravilnoj uporabi.

3. Zaključak

Pri uporabi onomastičkih termina od gramatičara se očekuje usklađenost s onomastičkom terminologijom, kao i ujednačenost, sustavnost i dosljednost. Neka od uočenih odstupanja od tih očekivanja u promatranim suvremenim gramatikama hrvatskoga jezika mogu se dijelom pripisati i nepostojanju hrvatskoga onomastičkog terminološkog priručnika, čija bi izrada trebala biti jedan od prioriteta hrvatske onomastike, a u širem kontekstu i hrvatskoga jezikoslovlja.

LITERATURA

[1] Frančić, Anđela; Petrović, Bernardina (2016). Osobna imena u suvremenim hrvatskim gramatikama. *Šesti hrvatski slavistički kongres* : *Zbornik radova sa znanstvenoga skupa s međunarodnim sudjelovanjem održanoga u Vukovaru i Vinkovcima od 10. do 13. rujna 2014.* [ur. Botica, Stipe; Nikolić, Davor; Tomašić, Josipa; Vidović Bolt, Ivana]. Prvi svezak. Zagreb: Hrvatsko filološko društvo – Hrvatski slavistički odbor. 289–297.

[2] Hudeček, Lana; Mihaljević, Milica. 2012. *Hrvatski terminološki priručnik*. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.

[3] Šimunović, Petar. 2009. *Uvod u hrvatsko imenoslovlje*. Zagreb: Golden marketing – Tehnička knjiga.

[3] Usp. takav postupak u TB gramatici – *mjesno ime* (*toponim*). Autori TB gramatike često primjenjuju taj postupak pri spomenu općelingvističkih termina, primjerice *pogrdnice* (*pejorativi*), *umanjenice* (*deminutivi*), uvećanice (*augmentativi*).

АНТРОПОНОМАСТИЧКАТА КАТЕГОРИЈА ПРЕЗИМЕ КАЈ МАКЕДОНЦИТЕ (ИСТОРИСКИ ПРЕГЛЕД, МОТИВАЦИСКИ ОСНОВИ И СТРУКТУРА) [1]

ЕЛКА ЈАЧЕВА-УЛЧАР (СЕВЕРНА МАКЕДОНИЈА)

0. Осврнувајќи се врз дефинициите за презимето во словенската ономастика, најпрво ќе ја земеме предвид онаа според која презимето претставува фамилијарно име што се наследува, обично, по машка линија или што се добива (по избор) при стапување во брак (TPMJ IV 2008: 474). Според Петар Шимуновиќ „презимето за разлика од сите други делови на именската формула [2] (...) е постојано, непроменливо и наследно, и со тоа се разликува од патронимите (татково име) кои не се наследни и кои им претходат на презимињата“ (Šimunović 1997: 157). Во духот на претходните две е и дефиницијата од македонската ономастичарка, М. Коробар-Белчева: „Во македонскиот јазик именската формула се состои од лично име и презиме. Таа е правно регулирана и се употребува во јавната комуникација. Презимето како наследна категорија е обележје на целата фамилија, па во тој поглед претставува првично именување на луѓето. Тоа е познато уште пред да се роди детето и пред да се именува со лично име“ (Коробар-Белчева 2002: 449). Заеднички именител на овие три дефиниции се фамилијарноста и наследноста, а при дефиниција на македонското презиме, како една од неговите главни карактеристики треба да се додаде и *родот* кај женските носители на презимиња образувани со суфиксот *-ов/-ев*, односно *-о(в)ски/-е(в)ски*.[3] Со оглед на тоа што во македонскиот антропономастикон сè почесто: 1) е нарушена оваа категорија кај презимињата [4]; 2) во поново време постојат

[1] Истражувањата за оваа статија се правени врз основа на *Речникот на презимињата кај Македонците*, т. I и II, како и врз основа на *Обратниотб речник на презимињата кај Македонците*.

[2] Терминот *именска формула*, според хрватската ономастичарка Анѓела Франчиќ, не е во синонимски однос со терминот *антропонимиска формула*, туку во однос *хипероним* вс. *хипоним*. (Frančić 2024).

[3] За разлика од некои други словенски народи кај кои и презимињата што се образуваат со суфиксот *-ин* имаат парадигма по род, односно добиваат маркер *-а* за ж.р. во финална позиција, сп.: руските женски презимиња *Дороњина, Рандошкина*, *Обрјадина* вс. македонските *Милчин*, *Ружин*, *Ангеличин*, *Масин*, чии носители се лица од женски пол (Јачева-Улчар 2022: 117).

[4] Имено, сè почесто, додаденото презиме при стапување во брак го добива машкиот облик на презимето со што се занемарува категоријата род. Сп.: *Ребека Јанковска-Ристески, Гордана Ѓоргиевска-Неделковски*, *Софче Димов* и др. Оваа тенденција е особено уочлива во последниве две децении, иако не и непозната дотогаш. Во врска со оваа ретка појава (во југословенско време презимиња во машка форма добиваа, главно, оние Македонки што беа родени надвор од Македонија, во некоја од другите шест републики на СФРЈ, Т. Стаматоски вели: „ Презимињата на *-ев/-ов* и *-е(в)ски/-о(в)ски* имаат форма на *-а* за означување на женски лица (...) оваа специфика на

отстапувања и кај наследноста на презимињата според машкиот родител[5]; и не се совпаѓа секое презиме со фамилијарното име, – сметаме дека најдобра дефиниција за тоа што е презимето соопштува српската ономастичарка Милица Грковиќ, која вели: „Презимето е втора детерминација која стои по личното име“ (Грковић 2002: 455). Македонската антропонимиска формула гласи *име + презиме* и тоа токму по овој редослед, освен кога станува збор за некакви административни списоци во кои линеаризацијата во антропонимиската формула се изместува и станува *презиме + име*.

1. Кус историјат. Првите никулци за презиме на македонска територија се среќаваат во Битолскиот триод, ракопис од XII век од македонска црковнословенска редакција, во кој, се среќаваат неколку вида номинации, односно по личното име како втора определба следуваат: а) *занимање* (ivanq kova;q); б) патронимиска дескрипција или посвојна придавка од патроним[6] (nikol5 pirosova sXna, Hodorq ivanovq); в) семејна дескрипција (ivana emnostina z3tq); г) предлог + топоним (popa gewrgi` C v5pi). Во текот на вековите, низ страниците на кодиците и турските пописни дефтери, заради подобра идентификација покрај личното име, се среќаваат истите дескрипции како и во Битолскиот триод, но сите тие не говорат за некаква развиена антропонимиска категорија, каков што е, на пример, случајот со личното име. Презимето кај Македонците се затврдува кај пошироките слоеви на населението дури во деветнаесеттиот век со навлегувањето на европските обичаи и институции, односно со развиената администрација и управа, и тоа како во официјалната употреба така и во

македонскиот антропонимиски систем треба да се чува (...), не треба да се остава, како што е тоа кај некои народи (...) таа улога да ја врши исклучиво личното име (Стаматоски 1990: 177).

[5] Во поново време сè почесто се наследува презимето и по женска линија, особено кога при стапувањето во брак, венчаната жена го задржува своето моминско презиме без додавање на презимето од сопругот, па децата ги добиваат и обете презимиња како официјални. Сп.: *Сековска-Аврамовска*; *Ристеска-Даскаловски, Каневче-Нику* и сл. (Повеќе кај: Јачева-Улчар 2022: 22–23).

[6] Презимиња во чија основа се наоѓа матроним е доста редок, а уште поретки се оние во кои матронимот е рамен на женско лично име, бидејќи женското лично име на маженатa жена во македонската средина до втората половина на минатиот век, особено во руралните краишта е табу-тема, па нејзината идентификација најчесто се врши според личното име на нејзиниот сопруг. Така, онаа што е мажена за *Ристо* станува *Ристо(ј)ица* (: *Ристовица* : *Ристова* (жена) + суф. *-ица*), за *Атанас* – *Атанасица* итн. Од овие причини и женското презиме, сфатено во денешната смисла на зборот, – презимето да претставува посвојна придавка образувана со суфиксот *-ова* за ж. род (: *-ов* м.р.) е мошне ретко и првпат се јавува допрва во XVIII век, преку именувањата на *Ѓурѓа Бонболова во* Трескавечкиот кодик, и *Божна Поповска* во кодикот на манастирот Св. Богордица кај Матка. (Повеќе кај: Јачева-Улчар 2022: 18).

народната јазична свест, при што тоа не е истовремено настанато во сите краишта и кај сите слоеви на населението (Стаматоски 1990: 165, 51).

2. Што лежи во мотивацискатa основа на презимињата кај Македонците?

Во однос на тоа што лежи во мотивацискатa основа за настанувањето на презимето, речиси, во ништо не се разликуваат од другите јужнословенски народи кај кои никулците на категоријата презиме се наоѓаат, пред сè, во патронимискатa дескрипција (Kaleta 1991: 198). Мотивацискитe групи на македонскитe презимиња се создадени како одговори на четиритe прашања, дефинирани од П. Шимуновиќ (Šimunović 1997: 153), кои гласат:

а) *чиј си*? (патронимиски презименски тип: *Милев*, *Радев*, *Иванов* (кога во

основата на презимето се наоѓа лично име *Миле*, *Раде*, *Иван*; или *Миле(в)ски*, *Радев(с)ки*, *Ивано(в)ски* кога во основата се наоѓаат фамилијарните имиња како *Милевци*, *Радевци*, *Ивановци* итн.). Често фамилијарното име е над презимето, односно семејства со различни презимиња можат да се најдат под едно заедничко фамилијарно име, од што произлегува дека фамилијарните имиња претставуваат хипероними во однос на презимињата како хипоними. Вакво несовпаѓање меѓу фамилијарните имиња и презимињата бележиме по целата територија на Македонија. Како пример за несовпаѓање меѓу фамилијарното име и презимето го наведуваме фамилијарното име *Ламевци* на нашиот учител, Блаже Конески кој, пак своето презиме го добил по дедо си Коне (Андреевски 2020: 20).

б) *каков си*? (квалификациски презименски тип, добиен од прекари:

Мургоски, *Ќосев* (Прек. *Ќос/е* (: апел. *ќос/е* < тур. *köse* ‘човек на кој не му растат брада и мустаќи’) + *-ев*), *Црвенов* (л.и. *Црвен* (: прид. *црвен* со значење ‘човек со црвени образи или со црвена кожа’, името е пожелно) + *-ов*) и др.);

в) *од каде си*? (етнички презименски тип, на пример: *Тиквешански* (: Тиквеш), *Локвенец* (с. Локвени, Прилепско), *Лактински* (с. Лактиње, Охридско), *Кадинец* (с. Кадино Село, Прилепско), *Росоклија* (с. Росоки, Дебарско), *Пенушлиски* (с. Пенуш, Штипско) итн.

г) *со што се занимаваш*? (презименски тип според занимањето на првиот сопственик на тоа презиме, на пример: *Бочваров*, *Вретенаров, Доградиев*, *Кадиев, Кујунџиски* и др.).[7]

3. Македонските презимиња од структурен аспект

Презимињата кај Македонците ги делиме во две поголеми групи, на 1. **суфиксни** и 2. **бессуфиксни** презимиња.

1. Суфиксните презимиња се образувани со следниве суфикси:

а) од словенско потекло: ***-ев/-ева***: (Јовев, Шелева*);* ***-евиќ*** (Урошевиќ); ***-евич*** (Јовичевич); ***-ин*** (Аницин); ***-иќ*** (Алексиќ); ***-ич*** (Вукич); ***-евски/-ески// -евска/-еска*** (Цецевски/Динески//Василевска/Цанеска), ***-ов/-ова*** (*Калеников, Битракова*), ***-овиќ*** (Новаковиќ); ***-ович*** (Влахович); ***-овски/-оски//-овска/-оска***: (Палигоровски/Момироски// Блажовска, Мијоска), ***-ски/-ска*:** (Дунавски/, Џамбаска), ***-џки/-џка***: (Каравецки/Синицка), ***-чки/-чка*** (Дудучки/Карадачка); и ***-шки/-шка*** (Мреношки/Кочишка).

б) од туѓо потекло: 1) од романско: ***-и*** (*Лиаку*); ***-escu*** (Талеску); ***-апи*** (*Шкодреану*); 2) од грчко: ***-ις*** (*Андронакис*); ***-ιδις*** (*Ставридис*); ***-ος*** (*Никос*); 3) од ерменско ***-уап*** (*Тавитјан*) и др.

2. Бессуфуксните презимиња се образуваат од: 1) лично име (Таше); 2) прекар пошироко сфатен (Лапе, Касап); 3) *етник*, образуван со суфиксите: ***-ац*** (Посавац), ***-анец*** (Беличанец), ***-анин*** (Корчуланин), ***-ец*** (Мрзенец), ***-јанин*** (Брезјанин); и ***-лија*** (Варошлија); 4. професионално име, образувано со суфиксите: ***-ар*** (Фортомар), ***-ари*** (Маџунари), ***-џи*** (Бојаџи); ***-џија*** (Лулеџија, Пештемалџија, Менканџија, Кафенџија, Сапунџија). Бројот на бесуфиксните во однос на суфиксните презимиња во македонскиот антропономастикон е за 75 пати поголем од оној на бессуфиксните или изразено во бројки 23 360 суфиксни вс. 313. (Иванова 2007: 5–9).

КОРИСТЕНА ЛИТЕРАТУРА

[7] Во македонска средина врз македонски презименски материјал на ова прашање во одделни статии се осврнуваат Т. Стаматоски, *Професијата одразена во македонската онимија*, во кн. *На ономастички теми*, Скопје 2002, 150-168; Л. Гушевска, *Топоними образувани од именки кои означуваат општествени функции и занимања*, Зборник трудови *Македонската лексикологија и лексикографија,* Институт за македонски јазик, Скопје 2001, 239-253; Ј. Мешчерјакова, *Nomina professionalis како основа за македонските и руските презимиња*, Зборник трудови од и др. XXIX научна конференција, Скопје 2002, 405-419 и др.

Андреевски, Ц. 2020. *Разговор со Конески*. Скопје: Матица македонска, 2020
Грковић, Милица. 2002. *12. Антропонимија II - Презимена*, *Słowiańska onomastyka*, enciklopedia tom 1, Warszawa-Kraków.
Десподова, В., Славева, Л. 1988. *Македонски средновековни ракописи I*. Прилеп: Институт за старословенска култура.
Иванова, Олга. 2007. *Обратен речник на презимињата кај Македонците*, Скопје: .
Јачева-Улчар, Елка. 2022. *Презимето кај Македонците.* Скопје: Менора.
Коробар-Белчева, Марија. 2002. *12.Антропонимија II - Презимиња*, *Słowiańska onomastyka*, enciklopedia tom 1, Warszawa-Kraków.
Речник на презимињата кај Македонците, т. I А-Љ. 1994, од обработувачите: М. Коробар-Белчева, М. Митков и Т. Стаматоски. Скопје: Институт за македонски јазик, 1994 г.
Речникот на презимињата кај Македонците, т. II М-Ш. 2001, од обработувачите: О. Иванова, М. Коробар-Белчева, М. Митков и Т. Стаматоски, Скопје: Институт за македонски јазик, 2001 г.
Селищев, М.А. 1933. *Македонские кодики XVI-XVIII веков*, София. Стаматоски, Трајко. 1990. *Македонска ономастика*. Скопје.
Станковска, Љ. 1992. *Речник на личните имиња кај Македонците*. Скопје.
Толковен речник на македонскиот јазик, т. IV. 2008, редактор: Кирил Конески, Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. .
Трајкова, Катица. 2002. *Лексиката на Станиславовиот пролог.* Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“.
Угринова-Скаловска, Р. 1981. За Трескавечкиот кодик. *Споменици за средновековната и поновата историја на Македонија*, т. IV. Скопје: Републички архив на СР Македонија.
Frančić, Anđela. 2024. Iz hrvatske onomastičke terminologije – imenska i(li) antroponimijska formula. *Folia onomastica croatica*, knj. 33, Zagreb, 23–38. Kaleta, Zofja. 1991. *Ewolucija nazwisk słowiańskich*, Kraków.
Šimunović, Petar. 1997. *Die Charakteristika der kroatischen Familiennamen*, сп. *Folia onomastica croatica*, knj. 6, Zagreb.
Skok, Petar. 1971. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, t.1. A-J, Zagreb.

INTERLINGUAL CONTACTS AND CULTURAL EXCHANGES IN BOSNIAN-HERZEGOVINIAN AND MACEDONIAN SURNAMES

AMIRA TURBIĆ-HADŽAGIĆ, ĐENITA HAVERIĆ (BOSNIA AND HERZEGOVINA)

Bosnian-Herzegovinian and Macedonian surnames are based on a well-known creative-motivational model that reduces surname diversity to four basic motivational-semantic groups: personal names, nicknames, occupational names and ethnicities and ethnonyms.

These surnames are inexhaustible sources for cultural history and have extreme value to onomasticians, historians, philologists, legal historians and other scholars.

Many of these surnames are based on lexemes of Slavic origin, and on lexemes of foreign origin that are adapted to the Bosnian and Macedonian language system, while sometimes different variants of the same starting lexeme are confirmed.

The subject of this paper is the research of Bosnian and Macedonian surnames recorded in the registry books (Bosnia and Herzegovina) and in *Dictionary of Macedonian Surnames*/ *Речнику на презимињата кај Македонците*(1994) Volume 1, А-Љ; *Dictionary of Macedonian Surnames/ Речнику на презимињата кај Македонците* (2001) Volume 2, М-Ш (Macedonia).

Due to the cultural borrowing and acceptance of the other culture (s) with understanding and respect for the others and for the different particularly interesting are surnames in which contacts between languages and their coexistence have basically occurred in the following motivational-semantic groups: honorary title of oriental origin and male personal name of Slavic origin (*Hadžibojić*, *Hadžibulić // Аџипроданов, Хаџиздравевски*), ie Christian personal name (*Hadžidamjanović*, *Hadžiristić // Аџиниколов, Хаџиѓеорѓиевски*); male personal name of oriental origin and honorary title of Slavic or Avar origin (*Alibanović // Хаџибанов*); then surnames that basically have the honorary title of oriental origin (the first component), and the second component is Slavic: ethnic or nickname (*Hadžigrahić // Хаџисекировски*) or interest (*Hadžiribić // Хаџипоповски*).

The study of Bosnian and Herzegovinian and Macedonian surnames is important for the study of the historical anthroponymy of the Bosnian and Macedonian languages and their dialects, which are the result of both linguistic contacts (diachronic and synchronic) in a historical framework in which linguistic contact and linguistic interpenetration was a long-term process from the "symbiosis" of Ottoman Turkish and Slavic languages in the 15th century to the present day.

Key words: onomastics, language contacts, anthroponymy, Bosnian and Macedonian surnames

LITERATURA

Akopdžanjan Žana 2010: *Reči persijskog porekla u govoru naroda bivše Jugoslavije*, Društvo srpsko-iranskog prijateljstva, Beograd.

Brozović Rončević Dunja 2013: "Turski jezični sloj u hrvatskim prezimenima", *Od indoeuropeistike do kroatistike: Zbornik u čast Daliboru Brozoviću* (ur. Matasović Ranko). Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti, Zagreb. 67 – 77.

Čaušević Ekrem 2014: *The Turkish Language in the Ottoman Bosnia*, The Isis Press, Istanbul.

Filipović Milenko 1970: "Orijentalna komponenta u narodnoj kulturi Južnih Slavena", *Prilozi za orijentalnu filologiju*, XVI–XVII/1966–1967, Str. 101–116.

Filipović Rudolf 1986: *Teorija jezika u kontaktu* Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti i Školska knjiga: Zagreb.

Frančić Anđela 1989: "Prezimenski mozaik Međimurske Bistrice danas", *Rasprave Zavoda* za *jezik*, Sv. 15. Zavod za jezik Instituta za filologiju i folkloristiku, Zagreb, 93-113.

Frančić Anđela 2002: *Međimurska prezimena*, Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb.

Friedman Victor A. 1996: "Turkish Influence in Modern Macedonian and the Turkish Lexical Element in the Languages of the Republic of Macedonia". *Zeitschrift für Balkanologie* 32,2, 139-150.

Friedman Victor A. 2005: "From Orientalism to Democracy and Back Again". *Developing Cultural Identity in the Balkans: Convergence vs. Divergence*, ed. by Raymond Detrez and Pieter Plas, Peter Lang, Berlin, 25-43.

Friedman Victor A. 2015: *Macedonian studies 2.* Macedonian Academ of sciences and arts, Skoplje.

Haverić Đenita, Šehović Amela 2017: *Riječi perzijskog porijekla u bosanskom jeziku*, Institut za jezik Univerziteta u Sarajevu, Sarajevo.

Јашар-Настева Оливера 2001: *Турските лексички елементи во македонскиот јазик*, Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков" – Скопје, Скопје.

Јашар-Настева Оливера 1987: *Турски елементи во јазикот и стилот на македонската народна поезија*, Македонска академија на науките и уметностите, Скопје.

Јосифовска Мери 2021: Антропонимискиот систем во Крушевско, Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков" – Скопје, Скопје.

Koneski Blaže 1965: *Istoria na makedonskiot jazik*, Kočo Racin, Skopje.

Ladić Zoran 2015: "Hodočašća kao izraz pobožnosti stanovnika kasnosrednjovjekovne porečke komune'', *Histria. Godišnjak Istarskog povijesnog društva,* **5,** Istarsko povijesno društvo, Pula**,** 15-41.

Mihaljević Milan 2002: *Slavenska poredbena gramatika* - 1. dio, Školska knjiga, Zagreb.

Smailović Ismet 1977a: *Muslimanska imena orijentalnog porijekla u Bosni i Hercegovini,* Institut za jezik i književnost u Sarajevu – Odjeljenje za jezik, Sarajevo.

Smailović Ismet 1977b: "Prilagođavanje muslimanskih imena orijentalnog porijekla našem jeziku", *Književni jezik*, VI/3, Odsjek za južnoslovenske jezike Filozofskog fakulteta u Sarajevu i Odjeljenje za jezik Instituta za jezik i književnost u Sarajevu, Sarajevo, 19-30.

Стаматоски Трајко 1982: "За презимето воопшто и за презимињата со професионално име во основата кај Македонците", *Onomastica jugoslavica*, Knjiga 10, Zagreb.

Šehović Amela, Haverić Đenita 2017: *Leksika orijentalnog porijekla u frazemama bosanskoga jezika*, Filozofski fakultet Univerziteta u Sarajevu, Sarajevo.

Turbić-Hadžagić Amira, Musić Elvir 2020: *Bosanskohercegovačka prezimena II. Prezimena od ličnih imena koja potiču sa islamskog orijenta,* Sv. 1, Bošnjačka nacionalna zajednica za grad Zagreb i Zagrebački županiju, Zagreb.

Turbić-Hadžagić Amira, Haverić Đenita, Muratović Admir 2022: *Bosanskohercegovačka prezimena II. Prezimena od ličnih imena koja potiču sa islamskog orijenta*, Sv. 2, Bošnjačka nacionalna zajednica za grad Zagreb i Zagrebački županiju, Zagreb.

Vajzović Hanka 1999: *Orijentalizmi u književnom djelu: lingvistička analiza*, Institut za jezik i Orijentalni institut, Sarajevo.

ZANIKANIE IMION STAROPOLSKICH NA PRZYKŁADZIE XIV-WIECZNEJ KSIĘGI SĄDOWEJ

MARIA TRAWIŃSKA (POLSKA)
Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, Warszawa

Średniowieczne księgi sądowe zawierają bardzo obszerny materiał onimiczny, który pozwala prowadzić wielorakie badania, w tym ustępowanie imion staropolskich. Obfitość nazw wynika z charakteru tych zabytków, które są rejestrem spraw sądowych z lat 1386-1400 zawierającym ponad trzy tysiące dwieście krótkich wpisów, dla przykładu:

Item Sandzivogius de Cozelsko mansit duas penas non comparentes adversus Petrum Costrzinsky, civem Poznaniensem, prout ipsum citaverat pro debitis. (k. 13)[1]

Należy podkreślić, że księga jest zabytkiem łacińsko-polskim, w którym łacina dominuje. W tym języku sporządzono nie tylko informacje procesowe, ale także zapisywano imiona, na przykład *Iohannes*, *Nicolaus*, *Paulus*, z kolei nazwom i imionom staropolskim bardzo często nadawano formy zlatynizowane poprzez dodawanie łacińskich końcówek deklinacyjnych: *Dobrogostius*, *Dobrogostio*, *Dobrogostium*, *Dobrogostii*, a także *Janusius*, *Kuszoni*s.

W każdym wpisie były wymieniane osoby, przy czym większość była przywoływana od kilku do kilkunastu razy, a niekiedy nawet kilkadziesiąt razy, co było związane między innymi z liczbą i przebiegiem procesów, w których one uczestniczyły. Pisarze prowadzący księgę w bardzo zróżnicowany sposób określali wymieniane osoby. Mogli podać jej imię, nazwę miejscowości z której pochodziła, nazwisko[2], pozycję społeczną, sprawowany urząd lub profesję, dla przykładu: *Borzislaus de Sekirky* (k. 83), *Dobesz Zadora* (k. 229), *dominus Dobrogostius Geczky* (k. 182), *Domarathus castellanus Poznaniensis* (k. 137), *Preczslaus, sartor et civis Poznaniensis* (k. 154), *Sandivogio palatino Kalisiensi et capitaneo majoris Polonie* (k. 160), *Msczignew, heres de Brodziszewo* (k. 164).

Tytułowe zagadnienie ukazujemy w relacji do imion chrześcijańskich. W liczbach omawiany materiał przedstawia się to następująco: imiona staropolskie zapisano prawie dwa tysiące razy, natomiast chrześcijańskie ponad sześć tysięcy razy[3]. Jeśli porównamy ich repertuar, to proporcje te wyglądają inaczej.

W księdze odnotowanych jest prawie sto staropolskich imion, są to głównie

[1] Wszystkie przykłady pochodzą z poznańskiej księgi ziemskiej, która znajduje się w Archiwum Państwowym w Poznaniu, syg. PZ 1. Podajemy je w transkrypcji, w nawiasie umieszczony jest numer karty rękopisu.
[2] Termin „nazwisko" stosuję umownie, przyjmując, że jest to nazwa, która identyfikuje osobę
[3] W księdze występują jeszcze imiona żydowskie (na przykład: *Aron*, *Abraham*, *Jordan*, *Szabdaj*) oraz innego pochodzenia, między innymi germańskiego (*Herman*, *Odon*, *Olbracht* i inne).

dwuczłonowe imiona męskie oraz nieliczne imiona żeńskie. Ze względu na liczbę zapisów można je podzielić na trzy grupy. Do pierwszej zaliczamy te, które występują najczęściej, są to: *Sędziwoj* (320)[4], *Stanisław* (230), *Dobiesław* (150), *Przybysław* (120).

Drugą grupę tworzą imiona wymienione kilkadziesiąt razy, takie jak: *Mirosław* (95), *Świętosław* (93), *Borzysław* (80), *Mścigniew* (72), *Jarosław* (69), *Dobrogost* (65), *Dziersław* (65), *Mroczek* (50), *Tomisław* (48), *Przedsław* (45), *Domarat* (44), *Gniewomir* (38), *Bogusław* (36), *Boguchwał* (34), *Włost* (31), *Łękomir* (28), *Włodzimir* (27), *Sławęta* (23), *Świętomir* (22), *Świętopełk* (22), *Czasław* (21), *Wsiegniew* 20, *Drogomir* (18), *Przedpełk* (18), *Bronisław* (17), *Przybigniew* (16), *Krzywosąd* (15), *Wojsław* (15), *Zbylut* (15), *Drogosław* (11), *Pielgrzym* (11), *Chwał* (10), *Więcław* (10).

Do trzeciej i zarazem najobszerniejszej grupy wliczamy imiona poświadczone kilkoma lub tylko jednym zapisem, są to: *Gosław* (9), *Grzymek* (9), *Mrokota* (9), *Trzebiesław* (9), *Ubysław* (9), *Smysław* (8), *Domastryj* (7), *Jarogniew* (7), *Pakosław* (7) *Przezpraw* (7), *Siecsław* (6), *Blizbor* (5), *Warcisław* (5), *Nasław* (4), *Przezdrew* (4), *Wyszemir* (3), *Budziwoj* (2), jednorazowo odnotowane imiona to: *Ciecirad*, *Cieszymir*, *Domasław*, *Mścisław*, *Ninogniew*, *Przedbor*, *Przedwoj*, *Strzesław*, *Sulisław*, *Wyszemir*.

Podane liczby zapisów nie wyczerpują opisywanego zagadnienia. Dla dopełnienia obrazu niezbędne jest wskazanie, ile osób o danym imieniu występuje w zapisach. Innymi słowy, należy dokonać ich identyfikacji w oparciu o analizę wielu wpisów sądowych, skonfrontowanych dodatkowo z ustaleniami historyków. Jednym z przykładów mogą być zapisy imienia *Sędziwoj*, które jest najliczniej poświadczone. Wysoka frekwencja wynika stąd, że w owym czasie dwóch urzędników ziemskich to: Sędziwój Świdwa z Szamotuł wojewoda i kasztelan: *Sandzivogius, capitaneus Majoris Polonie* (k. 59), *dominus Sandzivogius, castellanus Gneznensis* (k. 43) oraz Sędziwój z Szubina również wojewoda i kaszelan: *Sandzivogio castellano Naklensi* (k. 3), *dominus Sandivogius, pallatinus Kalisiensis* (k. 198). Z racji sprawowanych urzędów oraz licznych postępowań, w których byli stronami, zostali odnotowani po kilkadziesiąt razy. Oprócz nich, co ważne, w zapiskach wymienionych jest prawie czterdziestu ziemian o tym imieniu, byli to między innymi *Sędziwojowie*: *Knyszyński*, *Objezierski*, *Mokronoski*, *Uzarzewski*, *Zaborowski*.

Odrębną uwagę poświęcamy imionom, które mimo że są zapisane nawet kilkadziesiąt razy, jak: *Domarat*, *Sławęta*, *Świętopełk* i *Wsiegniew,* to odnoszą się tylko do pojedynczy

[4] W nawiasie podajemy liczbę zapisów ustaloną na podstawie wstępnej wersji opracowywanego indeksu nazw występujących w poznańskiej księdze ziemskiej. Na obecnym etapie prac granica błędu może wynosić kilka procent.

osób. Byli to kolejno: *Domarathus castellanus Poznaniensis* (k. 137), *Slaventha de Clodzeysko* (k. 43), *Swantopelk de Garbi* (k. 45) i *Wszegnew de Sady* (k. 4). Potwierdza to, że liczba zapisów nie zawsze świadczy o popularności danego imienia.

W księdze występują również imiona żeńskie, takie jak: *Bogusława* (12), *Borzysława* (1), *Dobiesława* (6), *Dobrosława* (12), *Dziersław* (7), *Jarosława* (1), *Mirosława* (3), *Przybysława* (6), *Stronisława* (3), *Świętosława* (6), *Tomisława* (4), *Ubysława* (3). Jest ich zaledwie kilkanaście, co wynika przede wszystkim z charakteru zabytku, ponieważ w postępowaniach sądowych kobiety uczestniczyły rzadko.

Jak zatem imiona staropolskie przedstawiają się w relacji do imion chrześcijańskich[5], które pod względem liczby zapisów dominują w księdze, mimo że ich repertuar jest mniejszy i liczy około pięćdziesięciu imion. Do najczęstszych należały: *Jan* (850), *Mikołaj* (800), *Piotr* (720), *Jakub* (330), *Andrzej* (300), *Szczepan* (220), *Wawrzyniec* (200), *Paweł* (160), *Marcin* (130), *Szymon* (110), kolejne są poświadczone od kilku do kilkudziesięciu razy, dla przykładu *Adam* (60), *Klemens* (12), *Marek* (7). W zapisach występuje także około trzydziestu imion żeńskich, do najczęstszych należały: *Katarzyna* (70), *Hanka* (45), *Elżbieta* (40), *Małgorzat* (21), następnie *Agnieszka* (16) i *Zofia* (15). Kolejne to: *Anastazja*, *Anna*, *Barbara*, *Helena*, *Klara* i *Magdalena*, które odnotowano od kilku do kilkunastu razy.

Zapisy jednoznacznie potwierdzają upowszechnianie się imion chrześcijańskich, a wyrazem tej przewagi są nie tylko liczby. W księdze wymienionych jest ponad sto pięćdziesiąt osób o imieniu *Mikołaj*, głównie ziemian, o czym świadczą dość często dodane informacje o pozycji społecznej, takie jak: *heres*, *dominus*, a także nazwiska odmiejscowe. Wśród nich wymieniani są urzędnicy różnego szczebla: *Nicolaus judex Kalisiensis* (k. 9), *Nicolaus advocatus de Buk* (k. 30), także osoby duchowne: *dominus Nicolaus plebanus de Lussowo* (k. 72). W rodach szlacheckich, na przykład *Wielżyńskich*, imiona te współwystępowały ze staropolskimi: *Pavel Welszinski* (k. 183), *Derslaus Welszinski* (k. 88), *Swanthoslaus Velsinski* (k. 88), *Janek Welszinszky* (k. 113).

Uzyskane wyniki jednoznacznie potwierdziły, że pod koniec XIV wieku ustępowanie imion staropolskich było już bardzo zaawansowane. Wniosek ten nie opiera się wyłącznie na danych liczbowych. Został on poprzedzony ustaleniem zasobu imion staropolskich oraz żmudną analizą, której celem była identyfikacja osób wymienionych we wpisach sądowych. Dopiero na tej podstawie można było stwierdzić, jaka była frekwencja poszczególnych imion.

Występowanie w księdze około stu imion staropolskich podkreśla ważność tego źródła

[5] Przez imiona chrześcijańskie rozumiem te, które weszły do polszczyzny za pośrednictwem Rzymu, nie analizując ich greckiej lub hebrajskiej genezy.

dla omawianego zagadnienia. Zestawienie tych danych pokazuje, jak istotny jest to zabytek, także ze względu na obszerny zbiór imion chrześcijańskich. Dodatkowym atutem jest chronologia zapisów, które pochodzą ze stosunkowo krótkiego okresu, pozwalającego ukazać dokonujące się zmiany *in statu nascendi*.

THE SUBSTANTIVE BABA AND ITS DERIVATIVES IN SLOVAK ANOIKONYMY AND IN THE DICTIONARY *LEXIS OF SLOVAK ANOIKONYMS*

IVETA VALENTOVÁ (SLOVAKIA)

Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV, v. v. i., v Bratislave

The paper deals with lexical-semantic and word-formative, respectively name-formative analysis and structural types of Slovak minor place-names (anoikonyms) with the substantive BABA and its derivatives with the basis *-bab-/-báb-* in the context of Slavic, especially West Slavic anoikonymy. The description of anoikonyms with the appellative *baba* was given more attention especially in Polish and Czech onomastics. The author supplemented these characteristics with Slovak anoikonymic material and its analysis with regard to the onymic motivation, that is the motivation of origination of proper names. The anoikonyms with this basis will be processed in the print and digital dictionary *Lexika slovenských terénnych názvov* (*Lexis of Slovak Anoikonyms*). The different possibilities of onymic motivation of individual anoikonyms with the same word-basis also point to complicated problems related to the formation of dictionary headwords and the designing of dictionary entries, especially their explanatory parts.

CRNOGORSKA PLEMENA U SVJETLU ONOMASTICKIH OPSERVACIJA

AKADEMIK NENAD VUKOVIC (CRNA GORA)
Crnogorska akademija nauka i umjetnosti, Podgorica
meil: nenad.vukovic@unimediteran.net

U istoriji Slovena nezaobilazno se govori o plemenima. U Crnoj Gori najduže su se održale plemenske organizacije, tako da su crnogorska plemena temelj ovih opservacija. Posebno nas zanima šta znači odrednica *pleme* u Crnoj Gori, od kog vremena se pominje i u kom značenju se čuva. Nastojali smo da etimološki protumačimo i klasifikujemo po porijeklu nazive crnogorskih plemena u plemenskim semantičkim poljima. Cilj je i da se dođe do obuhvatnijeg sagledavanja doskorašnje crnogorske plemenske stvarnosti.

Izraz *pleme* u Crnoj Gori ima niz značenja: dom, porodica, srodstvo, potomstvo, bratstvo, narod, dio naroda, čak i vrstu životinja i biljaka. Ovaj rad se odnosi na osnovno značenje riječi *pleme*, tj. zajednicu slobodnih bratstava, bez bilo kakvih klasnih razlika. *Pleme*, kao zajednica, često je u Crnoj Gori krvno povezano; posebno kad su u pitanju mala plemena, kao npr. kod Paštrovića, a kod većih plemena nema te veze, tamo jača (veća) bratstva okupljaju oko sebe manja bratstva (bez krvne veze). Povezanost je bila neophodna zbog života i lakše odbrane.

Prvi precizniji podaci koji se odnose na crnogorska plemena potiču s početka XVII vijeka, nalaze se u opisu *Skadarskog sandžakata* Mariana Bolice 1614. godine. Raniji podaci mogu se naći u raznim arhivskim dokumentima, posebno u dubrovačkim. Do danas su sačuvani i poneki tragovi iz XIV vijeka vezani za plemena Ozriniće, Pipere, Njeguše, Banjane i Ćekliće, a Drobnjaci i Kuči pominju se ranije u XIII vijeku.

Većina crnogorskih plemena i danas živi na terenima na kojima se prvi put pominju. Jedino su Drobnjaci i neka paštrovska plemena mijenjala teritoriju. Uglavnom su crnogorska plemena bila malo pokretna.

Proces formiranja plemena bio je dug. O njihovom postojanju prije stvaranja feudalnih država nema tragova. Plemenski život uglavnom se počeo formirati i ustaljivati u planinskim predjelima u vremenu kad već nije bilo feudalne vlasti, ili je bila slaba, a nova turska vlast još nije bila dovoljno jaka.

Jačao je proces plemenske organizacije kad je počela da slabi turska imperija.

Plemena su najčešće nastajala od planinskih naselja, tzv. katuna. Neka plemena se pominju u dubrovačkim dokumentima kao katuni, npr. Banjani, Drobnjaci. Danas katun samo znači pastirsko sezonsko naselje u planinama. Ali, nema sumnje da su nekad značili rodovsku organizaciju. Na katunima su živjela i stara neslovenska plemena.U toponimima ostali su tragovi starih Mataruga na sjeverno-istočnom terenu plemena Banjana, Macure na terenu

Vasojevića, Bokumiri na terenu Pipera i Bratonožića, Kričani u dolini rijeke Tare, zatim Mataruge na terenu sjeverne Crne Gore. Neka od tih plemena su izumrla ili su asimilovana.

Stara Crna Gora bila je podijeljena na četiri nahije: Katunska, Lješanska, Riječka i Crmnička (ili Crmnica). Prve podatke o tome nalazimo kod Bolice iz 1614. godine.

Katunska nahija je imala devet plemena: Cetinjani, Njeguši, Ćeklići, Bjelice, Cuce, Ozrinići (Čevljani), Pješivci, Zagarčani i Komani.

Lješanska nahija nije se dijelila na plemena, nekad je bila podijeljena na tri „plemena“, ali je to bila samo administrativna podjela u XIX vijeku. U Lješanskoj nahiji se nalazilo samo pleme Lješnjani.

Riječka nahija je imala pet plemena: Kosijeri, Dobrskoseljani, Ceklinjani, Ljubotinjani i Građani.

Crmnička nahija je imala sedam plemena: Podgorani, Dupiljani, Brčeljani (Brčeli), Sotonići, Gluhodoljani, Limljani i Boljevići.

Sedmoro Brda: Bjelopavlići, Piperi, Rovčani, Moračani, Bratonožići, Kuči, Vasojevići.

Jugozapadna i zapadna Crna Gora (Crnogorska Hercegovina): Drobnjaci, Pivljani, Nikšici, Banjani, Golijani, Grahovljani.

aštrovići: Bečići, Kalađurđevići, Dabkovići, Mitrovići, Ljubiše, Baroči, Reževići, Srzentići, Davidovići, Sudići, Midžori i Armenci.

Pored navedenih većih plemenskih cjelina postojao je izvjestan broj plemena koja su bila izdvojena: Krivošijani (Krivošije) iznad Bokokotorskog zaliva; zatim tri mala plemena između Stare Crne Gore i Paštrovića: Mahine, Brajići i Pobori; na jugu od Paštrovića Spičani; između Jadranskog mora i Skadarskog jezera dobro organilovano pleme Mrkojevići; iznad Skadarskog jezera Šestani; zatim tri izumrla plemena: Lužani i Malonšići u Zeti i Riđani između Nikšića i Risna.

Terenska istraživanja, upoređivanja tradicije, razne literature i arhivske građe pokazala su da je na terenu Crne Gore bilo formirano 57 plemena, koja su uglavnom sačuvana do danas. Jedino su tri izumrla ranije: Lužani i Malonšići u XVI vijeku i Riđani u XVII vijeku, a ona su pripadala najstarijem periodu formiranja plemena. Tek pred kraj XIX vijeka izumrlo je pleme Baroči, jedno od 12 paštrovskih plemena.

Vidljive su razlike u formiranju pojedinih plemenskih grupa i nastanku njihovih naziva. Sva paštrovska plemena (12) razvila su se iz bratstava s tim imenom: Ljubiše, Mitrovići, Srzentići ... Ali, starocrnogorska plemena dobijala su imena prema prostoru koji su naseljavala, na kom su formirana: Cetinjani, Gluhodoljani (predio na kome žive Gluhodoljani, kažu zapisivači, da liči na polovinu od ogromnog lijevka i u svome donjem, ujedno srednjem, dijelu

čini utisak veoma velike, gluhe doline i utonulosti), Podgorani (od Cetinjsko polje, Gluhi Do, Podgor) itd. Plemenska orgazizacija je bila daleko čvršća kod starocrnogorskih i brdskih plemena nego kod Paštrovića.

Sačuvana su predanja o zajedničkom pretku, ne samo kod nekih starocrnogorskih nego i kod brdskih plemena. Poznata je, i dalje se prenosi, legenda o pet brata koji su bili začetnici plemena: Ozrinića, Pipera, Vasojevića i dva plemena u sjevernoj Albaniji: Hota i Krasnića.

Skoro sva plemena su zapisana u pojedinim izvorima, a većina i u rječnicima. Ali, treba istaći i primjedbe: neka su imena plemena nepravilno zapisivana zato što su se u XIX vijeku preplitala dva značenja riječi *pleme*: *pleme* kao teritorijalno-administrativna jedinica i *pleme* kao zajednica slobodnih bratstava. Zato u nekim izvorima nalazimo, na primjer: Piva (rijeka, predio) u značenju *pleme*, umjesto Pivljani; Grahovo, umjesto Grahovljani itd. Neka paštrovska plemena u toku vijekova mijenjala su imena zavisno od bratstva koja su s vremenom postajala vodeća, npr. Midžori, na početku su se zvali Butaci, zatim Nikolićevići i na kraju Midžori; ili Dabkovići koji su se najprije zvali Crnci itd.

Zavisno od nastajanja, nazive crnogorskih plemena podijelili smo u dvije grupe i nekoliko podgrupa: 1. Nazivi plemena od vlastitih imenica: A. Nazivi plemena jednaki vlastitim imenicama: a) nazivi plemena jednaki ličnim imenima; b) nazivi plemena jednaki nazivima mjesta. B. Nazivi plemena nastali derivacijom od vlastitih imenica: a) nazivi plemena nastalih derivacijom od ličnih imena; b) nazivi plemena nastalih derivacijom od naziva mjesta. 2. Nazivi plemena od apelativa: A. Nazivi plemena jednaki apelativima. B. Nazivi plemena nastalih derivacijom od apelativa. Ovdje je važno, i imati stalno na umu, da u grupu 1. podgrupa A-a spadaju nazivi plemena jednaki ličnim imenima da se uvijek javljaju u nom. mn. Što je i shvatljino jer se odnose na grupu ljudi (Armenci, Ljubiše). Isti je slučaj i sa podgrupom A-b gdje su nazivi plemena jednaki nazivima mjesta, takođe se javljaju u nom. mn. (Pobori, Mahine). Podgrupa B-a obuhvata nazive formirane isključivo pomoću sufiksa –ići. Podgrupa B-b obuhvata nazive plemena koji su nastali od naziva terena na kome je dato pleme nastanjeno, nazivi su formirani pomoću sufiksa –jani. Postoji izvjesna grupa plemena koja je dobila ime od apelativa, ona spadaju u grupu 2-B (nazivi nastali derivacijom od apelativa pomoću sufiksa -e i -i: Bjelive, Drobnjaci, Kosijeri; pomoću sufiksa –ići i –evići: Sotonići, Suđići, Boljevići, Reževići; pomoću sufiksa –jani: Građani, Limljani, Riđani).

Mali je broj imena od apelativa, samo 13 od 57. Znači da su nazivi nastajali pretežno od ličnih imena (21) i od naziva mjesta (22). Izgleda čudno da su neki nazivi plemena jednaki ličnim imenima i nazivima mjesta. Jednaki su zato što se nazivi izvode iz imena roda, a koja su jednaka ličnim imenima, što je česta pojava na širim prostorima: prezime Ljubiša, ime Ljubiša;

prezime Budimir, ime Budimir itd. Nazivi plemena jednaki su nazivima mjesta samo u slučajevima kad se ti nazivi javljaju u pluralu, a događa se da se samo u akcentu vidi razlika između naziva plemena i naziva mjesta, npr. Komani pleme i Kamani toponim itd.

Pri tvorbi naziva plemena od ličnih imena pored punog imena susreću se nazivi od deminutiva ličnih imena (7 od ukupno 21). Kod naziva plemena formiranih od ličnih imena gdje je osnova deminutiv, sufiks –ić pretežno se veže za osnovu, tj. nijesu stvarani prisvojni pridjevi na –ov, -ev za koje bi se vezao sufiks –ić.

Osnovni sufiksi pri formiranju naziva plemena su –jani i –ić. Oba su gotovo jednako produktivna (-jani 22, -ići 19). O nekoj specifičnoj produktivnosti nekog od sufiksa na teritoriji Crne Gore ne može biti riječi, oba se sufiksa prepliću, jedino na teritoriji Stare Crne Gore primjećuje se prevaga sufiksa –jani, pošto su tamo u većem broju nazivi plemena nastali od toponima (13). Pada u oči da je na terenu Stare Crne Gore sufiks –ići slabije produktivan (javlja se u četiri slučaja). Postoji relativno više naziva plemena (12) gdje je naziv jednak ličnom imenu i toponimu u nom. sing. Oni imaju samo dva sufiksa –i i –e. Karakteristično je da su u tom slučaju imenice muškog roda (-i) a ženskog (-e). U tim primjerima sufiksi vrše onomastičku funkciju.

Ključne riječi: Crna Gora, pleme, porijeklo, katun, srodstvo, podjela, plemenska zajednica, nahija, brda

IZVORI I LITERATURA

Bogišić, V: *Razredi i slojevi naroda u Crnoj Gori*, Zapisi, god. XII, knj. XII, Cetinje, 1939.

Bolica, M: *Relatione et descrittione del sangiacato di Skutari*, Mleci, 1614. godine; preštampano: Starine JANZU, knj. XII, Zagreb 1880. godina.

Bošković, R: *Razvitak sufiksa u južnoslovenskoj jezičkoj zajednici*, /Biblioteka Južnoslovenskog Filologa VI/, Beograd, 1936. godine.

Bubak, J: *Klasyfikacja nazwisk polskich na materiale z terenu dawnego Starostwa Nowotarskiego*, KN Oddział PAN w Krakowie, lipiec – grudzień 1967. roku.

Čubrilović, V: *Terminologija plemenskog društva u Crnoj Gori*, SAN, posebno izdanje, Beograd, 1959. godine.

Daničić, Đ: *Rječnik iz književnih starina srpskih*, I – III, Beograd, 1863 – '64.

Dragović, M: *Prilozi za istoriju Crne Gore iz vremena vladika iz različitih plemena*, Starine XIX, JAZU, Zagreb, 1887, str. 251–261.

Dučić, S: *Život i običaji plemena Kuča*, Srpski Etnografski Zbornik XLVII, Beograd, 1931. godine.

Đurđev, B: *Turska vlast u Crnoj Gori u XVI i XVII veku*, Sarajevo, 1953. godine.

Erdeljanivić, J: *Bratonožići pleme u crnogorskim Brdima*, Srpski Etnografski Zbornik XII, Beograd, 1909. godine.

Erdeljanović, J: *Stara Crna Gora*, Srpski Etnografski Zbornik XXXIX, Beograd, 1926. godine.

Franck, O: *Studien zur serbokroatischen Ortsnamenkunde*, Veröffentlichungen des Slav. Inst. an der Univ. Berlin, Laipzig, 1932.

Görner, F: *Die Bildung der Ethnika von Ortsnamen im serbokroatischen Sprachaun*, Berlin, 1963.
Jovićević, A: *Riječka nahija*, Srpski Etnografski zbornik XV, Beograd, 1911.
Jovićević, A: *Zeta i Lješkopolje*, Srpski Etnografski zbornik XXXVIII, Beograd, 1926. godine.
Karaś, M: *Nazwy miejscowe typu Podgóra, Zalas w języku polskim i w innych językach słowiańskich*, PAN, Prace Onomastyczne 1, Wrocław, 1955. roku.
Karadžić, V: *Srpski rječnik*, Wien, 1852. godine.
Luburić, A: *Drobnjaci*, Beograd, 1930. godine.
Maretić, T: *O narodnim imenima i prezimenima u Hrvata i Srba*, Rad JAZU LXXXI – LXXXII, str. 81 – 146 i 69 – 154, Zagreb, 1886. godine.
Miklosich, F: *Etymologisches wörterbuch der slaviscgen sprachen*, Wien, 1886.
Rospond, S: *Słownik nazwisk śląskich*, Onomastica I, Wrocław, 1955, str. 158–212.
Skok, P: *Prilozi k ispitivawu srpskohrvatskih imena mjesta*, Rad JAZU 224, Zagreb, 1921, str. 98–168.
Šimunović, P: *Današnje stanje proučavanja jugoslavenske toponomastike*, Onomastica XII, Wrocław – Warszawa – Kraków, 1967, str. 389–400.
Taszycki, W: *Polskie nazwy osobowe*, Biblioteka Tow. Mołośn. Jęz. Pol, nr. 5, Kraków, 1924.
Taszycki, W: *Patronimiczne nazwy miejscowena Mazowszu*, Prace Onomastyczne PAU, nr. 3, Kraków, 1951.
Tomić, S: *Banjani*, Srpski Etnografski Zbornik LIX, Beograd, 1940. godine.
Tomić, S: *Piva i Pivljani*, Srpski Etnografski Zbornik LIX, Beograd, 1949. godine.
Vasmer,M: *Russisches etymologisches wörterbuch* I – III, Heidelberg, 1953 – 1958.
Vukmanović, J: *Paštrovići*, Cetinje, 1960. godine.
Vukosavljević, V.S: *Organizacija dinarskih plemena*, SANU, posebna izdanja, CCLXX, Beograd, 1957. godine.
Vuković, N: *Nazwy plemion czarnogórskich*, Sprawozdania z posiedzeń komisji naukowych PAN (Kraków), 1969, str. 52–54.
Vuković, N: *Srpskohrvatsko Njeguši, Njegoš, Njeguš, poljsko Niegusz*, Studia lingvistica Polono-Jugoslavica 1, str. 167–170.
Vuković, N: *Transcription und Adaptation Fremder Namen im Serbokroatischen*, Sprachen und Literaturen Jugoslaviens: Beitrage vonersten Deutsch-jugoslavischen Seminar in Göttingen, 9 – 14. November 1981 – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1985, str. 54–63.

NAZWY WŁASNE NA POGRANICZU JĘZYKÓW I KULTUR (NA PODSTAWIE DAWNYCH EGODOKUMENTÓW FRANCUSKO-POLSKICH I POLSKO-FRANCUSKICH)

RAFAŁ ZARĘBSKI (POLSKA)
Uniwersytet Łódzki
rafal.zarebski@uni.lodz.pl
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1918-2169

Artykuł dotyczy zagadnienia kontaktów językowych polsko-francuskich w perspektywie diachronicznej. Kontakty te były zdeterminowane takimi czynnikami, jak: wiek przyswojenia danego języka, stan kompetencji w zakresie używanych języków, a także otoczenie językowe czy wreszcie prestiż języków. Celem opracowania jest opis nazw własnych w kontekstach bilingwalnych. Materiał badawczy pozyskano w drodze ekscerpcji egodokumentów bilingwalnych (korespondencja, pamiętniki, biografie) tworzonych w bazowym języku pierwszym (J1) – polskim lub francuskim przy jednoczesnym posiłkowaniu się językiem drugim (J2) – francuskim lub polskim. Odwołano się do następujących metod badawczych z kręgu lingwistyki międzykulturowej: onomastyka, socjolingwistyka i lingwistyka kontaktu.

Kontekst translatoryczny. Nazwy własne w wypowiedziach bilingwalnych mogą być rozpatrywane jako znaki funkcjonujące na zasadach podobnych, jak to się dzieje w przekładzie. Nadawca, włączając onim w tekst, staje wobec decyzji, jakiej formy użyć (oryginalnej vs. przyswojonej), przy czym zewnętrzna postać nazwy może – choć nie musi – być obciążona różnymi funkcjami. *Nomina propria* w analizowanym korpusie pojawiają się w następujących odsłonach:

- translokacja, np. **1) J1-F : J2-P**[1]: *Gniezno* (MD), *Potocki* (AD), *ukochany Jachniczku* (MS), *mon très cher Olinku* (MS), *madame Stolnikowa* (MS), *w Paryszu* (MS), *le poczasze Fredro* (MS), **2) J1-P : J2-F**: *Varsovie* 'Warszawa' (JS), *la Vistule* 'Wisła' (JS), *Marie* (AB), *les Polonais* 'Polacy' (IJ), *Cercle des Intellectuels Révolutionnaires* 'Koło Rewolucyjnych Intelektualistów' (GJ), *Pologne* 'Polska' (AB), *la France* 'Francja' (AB),

- adaptacja, np. **1) J1-F : J2-P** (wersja polska[2] > wersja francuska): *Czenstokova* 'Częstochowa' (AD), *Le Dniestre* 'Dniestr' (MD), *Sapia* 'Sapieha' (MS), *a Leopol* 'Lwów' (MS), *Co-bic-qui* 'Sobieski' (MS), **2) J1-P : J2-F** (wersja polska > wersja francuska): *w Paryżu* (JS), *Wersal* (AB),

[1] J1-F: tekst w J1 – francuskim, J2-P: tekst w J2-P – polskim, J1-P: tekst w J1 – polskim, J2-F: tekst w J2 – francuskim. Wszystkie pogrubienia moje.
[2] Także nazwy innojęzyczne, ale przepuszczone przez filtr języka polskiego.

- tłumaczenie, np. **1) J1-F : J2-P** (wersja polska > wersja francuska): *Nowe-Zamki, Nowi Zamek > un Château neuf* (AD), **2) J1-P : J2-F** (wersja francuska > wersja polska): *Comédie-Française > Komedia Francuska* (AB).

Żonglowanie nazwami w rozmaitych – bliższych i odleglejszych od postaci wyjściowej – formach nie jest przypadkowe i zależy od kilku czynników: **(a)** użycie odmianki translokowanej buduje koloryt lokalny i wpływa na egzotyzację języka, a także przede wszystkim na autentyzm tekstu. Z tą praktyką wiąże się stosowanie onimów w postaci funkcjonującej w J2 (np. *Jachniczku, Olinku*), które obarczone są ładunkiem emocjonalnym, jak ma to miejsce w listach Marysieńki i Jana Sobieskich. Nazwy translokowane prymarnie identyfikujące pełnią funkcję ekspresywną, wynikającą z ekspresji fonicznej; **(b)** wykorzystanie w tym samym tekście różnych wariantów danej nazwy może być wskaźnikiem świadomości językowej nadawcy. Sytuację tę ilustruje taktyka F.P. Dalairaca, który odnotowywał oryginalną postać nazwy zazwyczaj wraz z jej zapisem fonetycznym na marginesach, zaś wariant przyswojony do języka francuskiego zamieszczał w tekście zasadniczym; **(c)** odpowiednia forma nazwy wynika z różnorakich wyborów, jakie podejmuje nadawca w chwili powstawania wypowiedzi. Ma to swoje konsekwencje w planie stylistycznym i pragmatycznym. Określony wariant może konotować stosunek (pozytywny, neutralny, negatywny) nadawcy wobec odbiorcy czy referentów, o których się wspomina w tekście, a także za pośrednictwem różnych asocjacji, metafor czy deformacji stawać się przyczyną żartu słownego, czasem aluzji itd.

Kontekst bilingwalny. *Nomina propria* w tekstach bilingwalnych mogą być sygnałem przełączenia kodu (ang. *code-switching*). Nazwy własne w J2 ujmowane jako wykładniki transkodowe (fr. *marque transcodique*) podobnie jak inne segmenty w J2 mogą pełnić rozmaite funkcje gramatyczne, stylistyczne i pragmatyczne. Stają się również ważnym sygnałem komunikacji międzykulturowej. Warto tu wspomnieć o takich zjawiskach, jak: transfer kulturowy (dotyczy zjawiska translokacji nazw z J2 do J1 wyposażonych w różnego rodzaju konotacje kulturowe), wymiana elementów (sięganie przez nadawcę po liczne różnojęzyczne warianty nazwy), użycie ekwiwalentu tłumaczeniowego oraz różnego typu przeformułowania w celu wprowadzenia nowej jakości znaczeniowej.

Kontekst dyskursywny. Nazwy własne odgrywają ważną rolę w kształtowaniu dyskursu tożsamościowego i memorialnego oraz dawnego pejzażu językowego. Użycie w wypowiedzi w J1 onimu w wersji oryginalnej, znamiennej dla J2 bądź sięgnięcie po jego ekwiwalent zaadaptowany, czy przetłumaczony może być oznaką przynależności nadawcy do

określonego kręgu językowo-kulturowego. Onimy w egodokumentach funkcjonują także jako obciążone różnego rodzaju ładunkiem symboliczno-kulturowym znaki upamiętniające przeszłość (por. różne warianty nazw obiektów geograficznych znajdujących się niegdyś na terytorium Polski, a dziś będących poza jej granicami). Funkcję upamiętniającą pełnią nazwy wchodzące w skład ciągów synonimicznych złożonych z różnojęzycznych wariantów. Nazwy – mnemotoposy mogą upamiętniać etniczne, kulturowe i polityczne zmiany, jakich były świadkami.

Nazwy własne wywodzące się z różnych języków, funkcjonując w obrębie jednej wypowiedzi na zasadzie punktu przełączania kodu, to ważne zjawisko z zakresu lingwistyki kontaktu. Zaproponowane podejście badawcze, odwołujące się do wielu kontekstów z udziałem nazw własnych w wypowiedziach bi- i plurilingwalnych wychodzą naprzeciw postulatom nowoczesnej socjolingwistyki historycznej, która powinna korzystać z popularnych dziś ustaleń analizy dyskursu.

LITERATURA

Ballard M., 2001, *Le nom propre en traduction*, Paris.

Belani R., Flanigan J., 2023, *Automatic Identification of Code-Switching Functions in Speech Transcripts,* [w:] *Findings of the Association for Computational Linguistics: ACL 2023*, 7438–7448, Toronto, Canada. Association for Computational Linguistics (online).

Branca-Rosoff S., 2007, *Sociolinguistique historique et analyse du discours du côté de l'histoire : un chantier commun?*, „Langage et société", vol. 121-122, no. 3-4, s. 163-176.

Calvet J.-L., 2017, *La sociolinguistique*, Presses Universitaire de France.

Cenoz J., Gorter D., 2008, *The linguistic landscape as an additional source of input in second language acquisition*, „International Review of Applied Linguistics in Language Teaching", 46, s. 257-276.

Czachur W., 2018, *Lingwistyka pamięci. Założenia, zakres badań i metody analizy*, [w:] *Pamięć w ujęciu lingwistycznym. Zagadnienia teoretyczne i metodyczne*, red. W. Czachur, Warszawa, s. 7-55.

Ligara B., 2015, *Une vie dans deux langues, le bilinguisme polonais-français de Zygmunt Krasiński à la lumière de son œuvre épistolaire et littéraire*, „Revue des Études Slaves" 86 (4), s. 427–445.

Ligara B., 2018, *Badania bilingwizmu i wielojęzyczności wybitnych nosicieli języka w przestrzeni języka polskiego: nowa subdomena historii języka?*, [w:] *Historia języka w XXI wieku. Stan i perspektywy,* red. M. Pastuch, M. Siuciak, Katowice, s. 97-108.

Lüdi G., Py B., 2013, *Etre bilingue*, Berne, Peter Lang.

Niewiara A., 2009, *Kształty polskiej tożsamości: potoczny dyskurs narodowy w perspektywie etnolingwistycznej (XVI–XX w.)*, Katowice.

Sanz Espinar G., 2006, *La traduction des noms propres (français–espagnol)*, s. 475-486 (online).

Weinreich U., 1953, *Languages in contact: Findings and problems*, The Hague: Mouton.

Witalisz A., 2021, *Ewolucja badań nad wynikami kontaktu językowego w czasie i przestrzeni: wybrane zagadnienia*, [w:] *Język(i) w czasie i przestrzeni*, red. P. Stalmaszczyk, Łódź, s. 159-185.

Zarębski R., 2021, *Nazwy geograficzne z obszaru siedemnastowiecznej Polski i terenów ościennych w pamiętniku Franciszka Daleraca pt. „Les anecdotes de Pologne ou memoires secrets du regne*

de Jean Sobieski III du nom”, „Onomastica” LXV, s. 151-164.

WYKAZ EKSCERPOWANYCH ŹRÓDEŁ

AB: Bobkowski A., 2011*, Szkice piórkiem*, Warszawa (wydanie 1. Paryż 1957).
AD: *Les anecdotes de Pologne ou memoires secrets du regne de Jeans Sobieski III du nom,* 1699, t. 1-2, Amsterdam, Henry Desbordes (autor F. P. Dalairac).
GB: *Jerzy Giedroyc. Andrzej Bobkowski. Listy 1946-1961*, 1997, oprac. J. Zieliński, Warszawa.
GG: *Jerzy Giedroyc. Witold Gomborowicz. Listy 1950-1969*, 1993, oprac. A. Kowalczyk, Warszawa.
GJ: *Jerzy Giedroyc. Konstanty A. Jeleński. Listy 1950-1987*, 1995, oprac. W. Karpiński, Warszawa 1995.
IJ: *Jarosław Iwaszkiewicz, Teresa Jeleńska, Konstanty A. Jeleński, Korespondencja*, 2008, oprac. R. Romaniuk, Warszawa.
JG: Giedroyc J., 1999, *Autobiografia na cztery ręce*, oprac. K. Pomian, Warszawa (wydanie 1. 1994).
MD: *Memoires du Chevalier de Beaujeu* (…), 1698, Paris, Claude Barbin.
MS: Maria Kazimiera d’Arquien de la Grange. Listy do Jana Sobieskiego, 1966, oprac. L. Kukulski, Warszawa; Listy Marii Kazimiery z Archiwum Sobieskich w Oławie, t. 1: Listy do synów z lat 1696-1704, 2019, red. A. Leyk, J. J. Sowa, Wilanów; Listy Marii Kazimiery z archiwum Sobieskich w Oławie, t. 2: Listy do synów z lat 1697-1704, 2021, red. A. Czarniecka, R. Zaborowski, Wilanów.
SJ: Jan III Sobieski, 1973, *Listy do Marysieńki*, t. 1-2, Warszawa.

ИМЕНОВАЊЕ ЖЕНА У ПАШТРОВСКИМ ИСПРАВАМА (16–19. ВИЈЕК)

Јелица Стојановић (Црна Гора)
Универзитет Црне Горе
Филолошки факултет, Никшић
jelicast@yahoo.com

Паштровске исправе представљају значајну карику за употпуњавање историјске и територијалне слике српског језика и културе, те развоја и распростирања одређених језичких изоглоса. *Паштровске исправе* садрже изузетно занимљив материјал за језичка, филолошка и културолошта проучевања. Наиме, исправе посједују можда најзначајнију грађу у српском језичком насљеђу у периоду 16–17/18. вијека. Посједују можда најзначајнију грађу у српском језичком насљеђу у периоду 16–17/18. вијека јер је из овог периода најмање сачуваних споменика писаних српским народним језиком. Настале су на подручју језички занимљивим, подручју које је било доста одвојено од околних простора, историјски под управом или утицајем различитих држава: Млетачке републике (најдуже, од 1423. до 1797. године), Аустрије, Француске, Русије. Највише докумената писано је и чувано у познатим паштровским манастирима (Градиште, Прасквица, Режевићи и Дуљево), али је доста тога сачувано и у породичним збиркама. Најбогатија збирка докумената чува се у манастиру Прасквице, према нашој евиденцији исправа 16–19. вијека је око 350. Извршили смо фотографисање ове збирке, а, како смо извршили фотографисање и *Паштровских исправа* из ДА Цетиње и Будва, то смо корпус проширили и овим документима.

Из 16. вијека за овај рад рашчитали смо, ексцерпирали и описали грађу 58 исправа, из 17 вијека 160, из 18. вијека 225, а из 19. вијека 143, дакле близу 590 исправа 16–19. вијека, што представља веома репрезентативан корпус за сагледавање дате проблематике.

Представљају изузетно драгоцјен извор за проучавање и антропонимског система једног микроареала у дијахроној перспективи. Особито је занимљиво именовање лица женског пола.

Према проучавањима, жена је у Паштровићима, на основу народног правног схватања, имала већа права него у сусједним обласима. Имала је право на сопствено насљеђе (Вукмановић 338), као и мушкарац, што није било често у сусједним областима у којима се сматрало да сестра не треба да односи имовину у другу породицу, него да имовина остаје у оквиру истог презимена. Према обичају, у Паштровићима се очинство, очинство се дијели на једнаке дјелове, мушким и женским

насљедницима, а то насљеђе не губи ни удата сестра, иако јој приликом удаје отац и браћа дају богату прћију (мираз). Приликом удаје, браћа питају сестру да ли се одриче насљедства. Ријетко ће се тога дјевојка одрећи, него чека да ли че браћа имати мушко насљеђе па се у складу са тим одреди. Ако браћа имају мушких насљедника, обично се сестра одрекне свог дијела, али ако браћа имају само женску дјецу, сестра ће послије њихове смрти узети свој дио. Насљедство преко жене зове се женско насљеђе (исто 338–339).

Шта нам о свему овоме говори именовање жена у паштровским исправама. Женска имена нијесу честа. Преовладавају двосложна женска имена на *-е* у Нј., потом имена на *-ица*. Остала су ријетка.

Најчешћа су двосложна женска имена која се у Нј завржавају на *-е*, што је по поријеклу стари Вј. (из једнакости НА палаталних основа): КАТЕ, СТАНЕ, МАРЕ, АНЂЕ, ПАВЕ, ЈОКЕ.

Имена на *-е* су особеност Паштровића (уз још нека подручја говора зетског типа). Нијесмо забиљежили ни један примјер у којима се ова имена завршавају на *-а* у Нј. у исправаам 16/17. вијека: *баба Кате* (П/1609,бр.81), *Кате Степца Марова* (П/1632,бр.239), *Кате Вучева* (П/1637, бр.42), *Стане Вука Перова* (П/1646,бр. 117), *Маре Франова* (П/1649), *Стане Стипчева* (П. пр.зб./16.4), *Анђе Вука Лушина* (ДАБ.Суђ./1656,бр.1-3.а.2), *Стане кћи покојнога Франа Ивова* (П/1672), *Маре, кћи покојнога Вука Милошева* (ДАЦ. Грег./1674), *Анђе кћи покојнога Вуца Петрова* (Грег.,пр.зб./1676), *Кате Вукићева* (П/1680,бр.78), *Анђе мати Јована Марова*, *Анђе жена покојнога*, *Мара Вукова*, *Паве Лушина* (П. пр.зб./1681), *Маре жена покојнога Никца* (П. пр.зб./1682).

Сљедећа категорија женских личних имена, с обзиром на феквенцију, јесу она изведена суфиксом *-ица* (СТАНИЦА, МАРИЦА, МИЛИЦА, РОЗИЦА, ЈЕЛИЦА, КАТИЦА, 6 имена којима је именовано 25 различитих лица): *Станица Стјепанова* (ДАЦ.Дав./1567,бр.1), *Марица, жена покојнога Ника Иванова* (Грег.,пр.зб./1592), *Јелица Маркова* (П/1593,бр.13), *Станица, кћи покојнога Вулета Дамјанова* (П/1594), *кћер Марица* (ДАЦ.Грег./1597, 20.јун, бр.2, Станица стјепова, Марица (Грег.,пр.зб./1598), *Милица Дабкова* (ДАЦ.Грег./15.., бр.8), *Станица кћери покојнога Ника Иванчева* (Грег.,пр.зб./1601), *Милица Стијепова* (П.Див./1603), *Розица Каикова* (П/1604,бр.72), *Станица жена покојнога Рада Алексина* (ДАЦ.Дав./1604), *Марица жена покојнога Ивана Жинтлице* (П/1621,бр. 92), *Марица канцелијерова*

(П/1622,бр.185), *матер моја Луци (Луџија)* (П/1643,бр.180), *Станица Ничева, свекрва речене Стане, Стане Вука Перова* (П/1646,бр. 117).

Остала лична женска имена забиљежена су у појединачним примјерима.

Мали број женских имена условљен је сљедећим: 1) *Паштровске исправе* односе се, прије свега, на правна и судска акта у којима жене најчешће нијесу учествовале, односно нијесу имале доминантну улогу. 2) Жене се често представљају према мужу, оцу, брату – без именовања (*жена Вука Перова*, П. пр.зб./1632; *за перћију кћери Иванове а жене Лукине*, П/1652,бр.127; *сигура добри својијема за себе и своје жене Илија Андров*), 3) Жене се именују углавном у случају да је онај у односу на кога се одређују покојник (*Стане кћи покојнога Франа Ивова* (П/1672), *Маре, кћи покојнога Вука Милошева* (ДАЦ. Грег./1674), *Маре жена покојнога Никца* (П. пр.зб./1682).

ЛИТЕРАТУРА

Вукмановић 1960: Јован Вукмановић, *Паштровићи. Антропогеографско-етнолошка испитивања*, Цетиње.

Јовановић 2005: Миодраг Јовановић: *Говор Паштровића*, Универзитет Црне Горе.

Марojевић 1984: Радмило Марojевић, Словенски антропоними, *Ономатолошки прилози V*, САНУ, Београд 183–195.

Стојановић 2019: Јелица Стојановић, Антропонимијски систем и антропонимијске категорије у паштровским исправама (16–19. вијек), *Научни састанак слависта у Вукове дане*, Београд, 75–89.

SECTION 1.5

GRAMMAIRE, SÉMANTIQUE ET PRAGMATIQUE DES LANGUES SLAVES MODERNES NORMÉES

1.5.1. CARACTERISTIQUES PHONETIQUES, PHONOLOGIQUES ET PROSODIQUES DES LANGUES SLAVES

1.5.3. FLEXION DANS LES LANGUES SLAVES

1.5.4. FORMATION DES MOTS

1.5.5. SEMANTIQUE GRAMMATICALE DES LANGUES SLAVES. ASPECTOLOGIE

1.5.6. SYNTAXE FORMELLE ET FONCTIONNELLE DES LANGUES SLAVES

1.5.7. LA PRAGMATIQUE DANS L'ETUDE DES LANGUES SLAVES

1.5.8. ANALYSE DE DISCOURS

1.5.9. ASPECTS THEORIQUES ET METHODOLOGIQUES DES RECHERCHES EN GRAMMAIRE DES LANGUES SLAVES

1.5.10. RECHERCHES TYPOLOGIQUES ET CONTRASTIVES EN GRAMMAIRE DES LANGUES SLAVES.

1.5.1. Caractéristiques phonétiques, phonologiques et prosodiques des langues slaves

Daniel Bunčić [ʃ], not [ʂ]: There are no retroflex sibilants in Slavic languages 1

Nikolay Hakimov Preschoolers' intuitions shed light on the seemingly variable syllable structure in Russian 8

Веселинка Лаброска, Лилјана Гушевска Фонемите /в/ и /ф/ во македонскиот и во српскиот јазик 11

Hotimir Tivadar Structural-systemic definition of the phoneme /ɾ/ in present-day Slovene in relation to other Slavic languages 16

Jadranka Gvozdanović Methodological considerations about phonological reconstruction: lenition and related phenomena in old Czech historical phonology 18

Markéta Ziková, Martin Březina, Radek Čech, Pavel Kosek Phonology meets philology: extrasyllabic sonorants in old Czech 25

1.5.3. Flexion dans les langues slaves &1.5.4. Formation des mots

Бернхард Бремер, Оля Блахер, Татьяна Курбангулова, Чингиз Полетаев, Анастасия Теняева Категория грамматического рода у представителей разных поколений русско-немецких билингвов в Германии 27

Tomislava Bošnjak Botica Preobilje u hrvatskoj morfologiji 34

Цветанка Аврамова За границите на словообразуването 38

Сања Ж. Ђуровић Морфематика у српском и другим словенским језицима 42

Iwona Burkacka On the linguistic picture of the world (on the example of the nests *milczeć, mlčat', молчать, молкнуть*) 47

Martina Björklund Словообразование русских существительных на *-инг* 48

Ольга Биберсон Семантическая двойственность, высказывание и салиентность: глагольные образования на раз-…-ива-/-а- в современном русском языке 51

Boris Kern, Irena Stramljič Breznik Combinatorics of the initial formant *-ati*

in Slovenian 57

Драгана М. Ратковић Сраслице у српском, руском и пољском језику 60

Лидија Аризанковска, Лидија Тантуровска Македонскиот јазик низ иновативните процеси на збогатување на лексичкиот фонд 65

Sanda Ham Hrvatski padežni sustav 70

Rémi Camus Singularite et variation du suffixe -k- en russe contemporain 329

1.5.5. Sémantique grammaticale des langues slaves. Aspectologie

Tilman Berger The emergence of new periphrastic constructions in Czech and Slovak 74

Björn Wiemer, Peter Arkadiev, Jana Kocková, Mladen Uhlik, Piotr Wyroślak Функциональные пересечения настоящего и будущего времен глаголов совершенного вида в славянских языках 77

Alexander Letuchiy Animacy of coordinate NPS in Russian 83

Вальтер Брой Первичная и вторичная имперфективизация в условиях языкового контакта: случай молизско-славянского языка в Италии 89

Oleg Chinkarouk Функционирование плюсквамперфекта в современном украинском языке 96

Екатерина Мишина Изменение сферы функционирования совершенного вида в истории русского языка (от конкуренции к нейтрализации) 101

Petr Biskup Iterativity and verb classes 105

Mirko Sacchini Russian verbs of final result: what aktionsarten to teach and to whom? 108

Људмила Поповић Плусквамперфекат и претерити у словенским језицима из дијахронијске и синхронијске перспективе* (на примеру еволуције плусквамперфекта и перфекта у староукрајинском и старопољском језику у периоду од 16. До 18. века) 112

Bastien Poreau Formal representation and analysis of the modal predicates *надо* and *нужно* in Russian 119

Nadezjda Zorikhina Nilsson Деепричастия совершенного вида в русском языке и временной порядок нарратива 123

Simone Mellquist Complementary coincidence: division of labour between expressions denoting means and end 126

Володимир Труб Семантичні особливості функціонування різних видових форм українських і російських дієслів 130

1.5.6. Syntaxe formelle et fonctionnelle des langues slaves

Branimir Belaj O kriterijima razgraničenja medijalnih i pasivnih *se*-konstrukcija 136

Peter Kosta Sur l'utilisation et la fonction de « sobie » en polonais familier par rapport au tchèque « si » 140

Valentina Apresyan, Mikhail Kopotev Distributive phrasemes with interrogative pronouns i n east Slavic languages 143

Dejan Gabrovšek, Domen Krvina Supplementary clauses with emphasis on the conjunction *ki* and criteria for their determination 151

Сильвия Сабарине Валентности движения 154

Михаил Копотев Конструкции с лексическим повтором как специфическая особенность восточнославянского синтаксиса 158

Antonina Bondarenko Verbless sentences in Russian: semantico-pragmatic insights from a contrastive corpus study 164

1.5.6. Syntaxe formelle et fonctionnelle des langues slaves & 1.5.7. La pragmatique dans l'étude des langues slaves

Zdeňka Vychodilová Синтаксический эллипсис как полифункциональное средство компрессии выражения в разговорной речи (на материале русского, чешского и словацкого языков) 168

Даниэль Вайс Какой (не)приятный сюрприз! Мирaтивные русские конструкции типа "отец взял да (и) умер": их грамматикализация в XIX и XX веках (на основе данных из национального корпуса русского языка) 173

Eleonora Yovkova-Shii Information structure of the Bulgarian sentence and focus types 180

Vesna Mikolič Language intensity and (non)violent communication in south Slavic languages 185

Оксана Канерва Взаимосвязь между синтаксической обособленностью и морфологической и интонационной выразительностью звукоподражательных глагольных междометий русского языка 188

1.5.7. La pragmatique dans l'étude des langues slaves

Ludmila Pöppel The pragmaticalization of constructions: the Russian discourse *items kak by to/tam ni bylo* and *čto by to/tam ni bylo* 195

Елена Граф Дискурсивные маркеры как средство организации коммуникации (на примере восточнославянских языков) 198

Svetlana Slavkova Семантика и прагматические особенности местоимения неизвестности *какой-то* 200

Anastasia Bauer, Tobias-Alexander Herrmann, Anna Kuder Measuring multimodal expressivity: a cross-linguistic comparison of articulator involvement in the production of feedback in Russian, Polish, and German dyadic interaction 205

Irina Thomières-Shakhovskaya Les verbes de perception auditive en russe. Le cas de « slyšat'sja » (se faire entendre) 209

Valentina Benigni, Maria Luisa Ruvoletto *Dič', čuš' i vsjakaja domašnost'*: low-referentiality, vagueness, and evaluation in Russian 214

Карой Бибок Как понимаются заголовки новостей? К вопросу кликбейта 218

Tora Hedin Discourse markers and registers, a corpus-based analysis 224

Bernardina Petrović Komplimenti u pozdravnim obrascima hrvatskoga jezika 227

1.5.8. Analyse de discours

Julia Mazurkiewicz-Sułkowska Językowe wykładniki rezerwy prawdziwościowej w teczkach służb bezpieczeństwa polskiej rzeczpospolitej ludowej i ludowej republiki bułgarii 231

Monica Perotto Коммуникативный анализ политического дискурса А.А.Навального 236

Alexander Smoljanski War in the mirror of sociolinguistics. Frequency analysis of the Russian mass media, 1994–2024 239

Нава Ванда Шахвердова «Свой» против «чужого» — базовые концепты пропаганды 248

Виктория Макарова Лингвориторические особенности медиадискурса как отображение ценностных ориентиров общества (на материале выборов 2024 г. в Хорватии и Литве) 254

1.5.8. Analyse de discours & 1.6.7. Études typologiques et contrastives en lexicologie et sémantique

Jana Hoffmannová Ke stylu vědecké komunikace v některých slovanských jazycích (srovnávací analýza článků českých, slovenských, polských a ruských) 258

Iga Monika Kościołek Function of the impersonal -no/-to construction in discourse: the semantics of the implicit subject and its referential properties 262

Tatjana Balažic Bulc, Vesna Požgaj Hadži Verbs as rhetorical elements for expressing authorial presence in Slovenian and Croatian research abstracts 264

Милена М. Јакић Шимшић Међујезичке разлике у заступљености антонимије у пет индоевропских језика 267

Виктория Ушинскене Семантика белизны в русском, польском и литовском языках: сопоставительный анализ 273

Нина Ћеклић Лингвостилистичке одлике драма Александра Поповића 277

1.5.9. Aspects théoriques et méthodologiques des recherches en grammaire des langues slaves & 1.5.10. Recherches typologiques et contrastives en grammaire des langues slaves

Mladen Uhlik, Andreja Žele Конструкции с собирательными числительными в словенском языке: контрастивный анализ со стокавским и русским языками 282

Красимира Чакърова Българското приглаголно отрицание в общославянски контекст 285

Aleksander Kiklewicz, Dorota Szumska Polish school of semantic syntax and Moscow semantic school: theoretical assumptions, methodologies, achievements 292

Jana Kocková Reflexive non-finite verb forms with passive meaning in Czech and Russian 2 98

Karolína Skwarska Tranzitivita bezpředponových sloves pohybu ve vybraných slovanských jazycích 302

Thomas Menzel Typologija roda w serbskimaj rěčomaj 304

Andreea Radu-Bejenaru Clitic doubling in Bulgarian and Romanian. A comparative analysis 312

Малинка Пила Употребление глагольного вида при выражении многократных действий в резьянском микроязыке (в сопоставлении с другими славянскими языками) 317

Sandra Birzer Ai-based applications as a means for conducting linguistic research 323

Maria Kholodilova Locative relativization in Slavic languages 325

[ʃ], NOT [ʂ]:
THERE ARE NO RETROFLEX SIBILANTS IN SLAVIC LANGUAGES

DANIEL BUNČIĆ (GERMANY)

1. Introduction

More and more often, in various contexts, one finds IPA transcriptions of Russian words containing the symbols ⟨ʂ⟩ and ⟨ʐ⟩ where we would expect ⟨ʃ⟩ and ⟨ʒ⟩, respectively. For example, the respective English Wikipedia articles transcribe the town names "Nizhny Novgorod" and "Voronezh" as "[ˈnʲiʐnʲɪj ˈnovgərət]" and "[vɐˈronʲɪʂ]". Similarly, for Polish you can find the transcriptions "[varˈʂava]" for *Warszawa* (e.g. in the French Wikipedia article "Varsovie") and "[t͡ʂɛ̃stɔˈxɔva]" for *Częstochowa*. However, this does not apply to all Slavic languages. For Ukrainian "Zhytomyr", we see "[ʒɪˈtɔmɪr]" (alongside the Russian name of the town, "[ʐiˈtomʲɪr]"), as well as "[nîːʃ]" for Serbian *Niš*.

This trend was initiated in 2002 by Silke Hamann (then at the Leibniz-Centre General Linguistics, ZAS, in Berlin, now a professor at the University of Amsterdam) in a series of articles (Hamann 2002a, 2002b, 2004, 2013; Boersma & Hamann 2005) and her PhD thesis *The phonetics and phonology of retroflexes* (Hamann 2003a), whose main hypothesis is that the postalveolar sibilants /ʃ/, /ʒ/, /t͡ʃ/, and /d͡ʒ/ in some Slavic languages are actually retroflexes: [ʂ], [ʐ], [t͡ʂ], and [d͡ʐ]. Another main proponent of this idea is her colleague at the ZAS (who still works there), Marzena Żygis, who published articles on the subject from 2003 on (Żygis 2003, 2005, 2006, 2010, 2011; Żygis & Padgett 2010; Żygis et al. 2012; Lorenc et al. 2023). Since then, the idea has become more and more widespread, at some point being accepted as a given in *Wikipedia* and from there spreading to more and more non-phonetic publications. Retroflexes have been postulated for Russian, Western Ukrainian, Polish, Lower Sorbian, but not for Eastern Ukrainian, Upper Sorbian, Czech, Slovak, and Bulgarian (Żygis 2003: 176–192; Hamann 2004: 63). For Serbo-Croatian, both Żygis (2003: 185–188) and Hamann (2004: 63) are unsure about the existence of retroflexes, whereas Ćavar & Hamann (2008) have no doubt about retroflexes in Croatian.

However, the trend does not seem to have caught on in Slavic linguistics yet. Should we follow it?

2. Phonetics of sibilants

The word *sibilant* is a cover term for coronal fricatives and affricates. The IPA distinguishes between dental [θ] and [ð], alveolar [s] and [z], postalveolar [ʃ] and [ʒ], and retroflex [ʂ] and [ʐ] (plus the corresponding affricates). The first three are obviously named after the places of articulation, the last one is named after the tongue shape (from Latin *retroflexus* 'bent backwards'). In reality, however, all four groups of consonants can be distinguished by their tongue shape: [θ] and [ð] (called *ploskoščelevye* in Russian phonetic terminology) are pronounced with a flat tongue, [s] and [z] *(krugloščelevye)* with a grooved one, and [ʃ] and [ʒ] *(dlinnoščelevye)* with a domed one. This is why the use of diacritics as in [s̪], [ʃ̟], or [z̪] makes sense: a dental [s̪] is not identical to [θ] but is a grooved dental fricative; fronted [ʃ̟] is not identical to [s] but is a domed alveolar fricative; and retracted [z̪] is not [ʒ] but a grooved postalveolar fricative.

This was the tongue shape in a frontal section. In a sagittal section, three more tongue shapes can be distinguished: a pronunciation with the front of the tongue blade is called laminal, e.g. [s̻]; a pronunciation with the tongue tip turned upwards is called apical, e.g. [s̺]; and a pronunciation with the tongue tip turned backwards, so that the underside of the tongue tip points upwards, is called retroflex (or subapical), e.g. [ʂ].

Apart from that, all these coronal consonants can be modified by secondary articulations: while the primary articulation involves the front part of the tongue (the corona), they can be palatalized if the middle section of the tongue is lifted up, e.g. [sʲ]; they can be velarized if the back of the tongue is lifted up, e.g. [sˠ]; they can be pharyngealized if the tongue root is pulled backwards, e.g. [sˤ]; and they can be labialized if the lips are rounded, e.g. [sʷ].

3. Articulation of "retroflexes" in Slavic languages

The International Phonetic Association (1999: 8) defines retroflexes as follows: "In retroflex sounds, the tip of the tongue is curled back from its normal position to a point behind the alveolar ridge." Hamann (2003a), however, gives four features that define "retroflexes":

1. Apicality, which Hamann (2003a: 33) assumes whenever "the tongue tip is not in resting position, i.e. behind the lower teeth". This is a redefinition of apicality, which has so far been defined as an articulation with the tongue tip, i.e. the tip had to be raised towards the alveolae or palate to actively create the constriction, not just not be lowered.
2. Posteriority, which Hamann (ibid.) defines as "an articulation behind the alveolar region, usually described as 'post-alveolar' or sometimes 'palatal'". Consequently, the postalveolars [ʃ] and [ʒ] are posterior, just like [ʂ] and [ʐ].

3. The existence of a cavity beneath the tongue. However, Hamann (2003a: 34) assumes that "All sounds articulated with the tongue tip or blade on or behind the alveolar ridge evince a cavity beneath the tongue". Consequently, "Posteriority implies the presence of a sublingual cavity, which means that a posterior articulation always cooccurs with a sublingual cavity" (ibid. 39). In other words, this is not an independent criterion.
4. Retraction, which Hamann (2003a: 35) defines as a cover term for "pharyngealization or velarization". The argues "that all retroflexes – but also other sounds – show retraction" (ibid.). These other sounds include the velarized postalveolar [ʃˠ], but also the velarized dental [sˠ], which are very common in Russian, Polish, and other languages that have palatalized or alveolo-palatal counterparts like [sʲ] or [ɕ].

Note that the tongue being "curled back", which is the main characteristic of retroflexes according to the IPA, does not figure here at all. Consequently, by Hamann's definition a velarized apical postalveolar [ʃ̺ˠ] is a retroflex. Even a velarized postalveolar [ʃˠ] that would otherwise not have been categorized as apical but in which the tongue tip is not lowered behind the lower front teeth is a retroflex according to this definition. In fact, according to Hamann (2003a: 39), a velarized (i.e. retracted) postalveolar (i.e. posterior) consonant cannot even be non-apical because "posteriority and retraction imply apicality".

4. Acoustics of "retroflexes" in Slavic languages

Fricatives are characterized by noise, i.e. by a random, instable mix of frequencies (represented as broad gray areas on the spectrogram). However, for any noise incident, one can calculate the so-called center of gravity, and fricatives differ in this measurement. Thus, the center of gravity of the noise in palatalized fricatives like Russian [sʲ], [zʲ], or [ʃʲː] is higher than that in their non-palatalized counterparts [s], [z], and [ʃ]. Also, the center of gravity is lower the further back the fricative is, i.e. there is a scale [sʲ] > [s] > [ʃʲ]/[ɕ] > [ʃ] > [ʂ].

When the centers of gravity of the Russian and Polish postalveolar fricatives are measured, they are lower than for English or Czech postalveolars. According to Żygis (2003: 202), "The results confirm the retroflex status of the Polish ş because retroflexation is associated with the lowering of frequency noise concentration". However, this is a classical fallacy, a *non sequitur*, because there are other articulatory phenomena that also cause a reduction in frequency. Among these is velarization, i.e. the center of gravity of the noise frequency of velarized [ʃˠ] is lower than that of non-velarized [ʃ], and it is a well-known fact that Russian /ʃ/ and /ʒ/ are velarized (Ščerba & Matusevič 1960: 64–65, Wiede 1987: 80 f., Cubberley 2002: 66). Further

factors that reduce the frequency of the noise are apical articulation, retraction, pharyngealization, and labialization; i.e., an apical postalveolar fricative, [ʃ̺], a post-postalveolar fricative [ʃ̻], a pharyngealized postalveolar fricative [ʃˤ], and a labialized postalveolar fricative [ʃʷ] are also characterized by lower frequencies than a postalveolar fricative without these features [ʃ], and any combination of these features reduces the frequency even further.

Furthermore, Kochetov (2017: 341) judges the differences measured between /s/ and /ʃ/ in Russian to be "fairly small (e.g. 200 Hz for the /ʂ/ – /s/ pair), in comparison to the robust differences found for the true retroflex/non-retroflex contrasts as in Toda (Gordon et al. 2002). This suggests that the Russian /ʂ/ is relatively weakly retroflexed, comparable to apical postalveolar fricatives in other Slavic and Finno-Ugric languages (Hamann 2004, Kochetov & Lobanova 2007). Given this, an alternative IPA transcription for the Russian non-palatalized posterior fricative would be /ʃ̺/ (apical post-alveolar; see Lee & Zee 2003 for Standard Chinese)." Even Żygis (2003: 177) admits that the Polish postalveolar sibilant is "from a perceptual point of view [...] much more similar to a postalveolar ʃ (as in English or German) [...] than to a true retroflex ʂ (as in Tamil)".

5. "Retroflexes" in other languages

Hamann's (2002b: 13) original argument for classifying sounds without a subapical articulation as retroflexes was that "The retroflex stops and nasals in Hindi, for example, do not show a bending backwards of the tongue tip but these sounds are still considered to be phonetically and phonologically retroflex." This is not true, however. Even Franz Bopp (1827: 14) described /ʈ/ and /ɖ/ in Hindi as being pronounced "by bending the tip of the tongue far back and placing it against the palate" ("indem man die Spitze der Zunge weit zurückbiegt und an den Gaumen ansetzt"), but said about Hindi /ʃ/ that it "has the pronunciation of a German *sch*" ("hat die Aussprache eines deutschen *sch*"), i.e. of a regular postalveolar fricative. Modern phoneticians like Manjari Ohala (1994: 35) also classify [ʈ ɖ ʈʰ ɖʰ ɽ ɽʰ] as retroflexes but [ʧ ʤ ʧʰ ʤʰ ʃ] as postalveolars. Dixit & Hoffman (2004) have confirmed the non-retroflex nature of the latter by electropalatography. The fact that classical Indian grammar places retroflexes and postalveolars together in one category called *mūrdhanya* 'cerebral consonants' does not mean that /ʃ/ is a retroflex.

Similarly, Tamil only has a non-retroflex [ʧ] next to retroflex [ʈ ɳ ɻ ɭ] (Keane 2004: 111) and Punjabi has "palatal" [ʧ ʧʰ ʤ ʃ j] alongside retroflex [ʈ ʈʰ ɖ ɳ ɽ ɭ] (Hussain et al. 2020: 284). For Standard Chinese, Lee & Zee (2003: 109) classify [ʧ̺ ʧ̺ʰ ʃ̺ ɻ̺] as apical postalveolars,

and Ladefoged & Maddieson (1996: 153) explicitly state that "Standard Chinese ʂ is a (laminal) flat post-alveolar sibilant. The traditional description of this sound as a retroflex is inappropriate as a description of its articulation."

Two languages much closer to home that actually do have a retroflex fricative are Swedish and Norwegian. Engstrand's (1990: 44) IPA illustration for Swedish contains the words *först* [ˈfœʂt] 'at first' and *försöket* [fœˌˈʂøːkət] 'the attempt', and Hamann (2003b, 2005) even investigated Norwegian retroflexes. However, the articulation and acoustics of Scandinavian [ʂ] are never compared with the Slavic sibilants by the proponents of their retroflexivity.

6. Conclusion

Hamann and Żygis's classification of the Russian and Polish postalveolars as retroflexes has had a wider impact. In languages like Komi-Permyak (Kochetov & Lobanova 2007: 53) or Anong (Thurgood 2009: 65), postalveolars are classified as retroflexes not because of their tongue shape but because of their similarity with Russian or Polish postalveolars. Kokkelmans (2021: 3) distinguishes "two retroflex series, consisting of plain retroflexes such as [ʂ] in Polish, Mandarin Chinese or Sanskrit versus the more posterior subapical or sublaminal retroflex [ʂ] in Toda". He equates "apical palatoalveolar i.e. plain retroflex [ʃ̺/ʂ]" (ibid. 83).

With the traditional definitions of phonetic features we can distinguish a laminal postalveolar [ʃ] from an apical postalveolar [ʃ̺], a retracted postalveolar [ʃ̠], a velarized postalveolar [ʃˠ], a pharyngealized postalveolar [ʃˤ], an apical velarized postalveolar [ʃ̺ˠ], an apical velarized and pharyngealized postalveolar [ʃ̺ˠˤ] (plus other possible combinations), and a (subapical) retroflex [ʂ]. Hamann and Żygis smooth over all these differences by calling [ʃ̺], [ʃ̠], [ʃˠ], [ʃˤ], [ʃ̺ˠ], and [ʃ̺ˠˤ] as well as [ʂ] "retroflexes". This is a loss of information we cannot tolerate. If we want to be able to describe the sounds of the world's languages, including the Slavic languages, accurately, we need more attention to tongue shape, not less.

The alleged similarities between Russian and Polish postalveolars with South Asian and Chinese "retroflexes" are based on sound not classified as retroflexes by phoneticians. Even the proponents of Slavic retroflexes admit that these are more similar to English [ʃ] than to real retroflex [ʂ] in Toda (or, we might add, in Swedish). Therefore, it makes neither phonetic nor didactic sense to treat them as a kind of retroflex rather than as a kind of postalveolar.

We can conclude, therefore, that transcriptions such as [ˈnʲiʐnʲɪj] for Russian *nižnij* or [varˈʂava] for Polish *Warszawa* are simply wrong. We should continue to write [ˈnʲiʒnʲɪj] and [varˈʃava].

REFERENCES

Boersma, Paul & Hamann, Silke. 2005. *Rutgers Optimality Archive* 713. https://roa.rutgers.edu/article/view/723.html (accessed 21 Apr 2025).

Bopp, Franz. 1827. *Ausführliches Lehrgebäude der Sanskrita-Sprache.* Berlin: Königliche Akademie der Wissenschaften.

Cubberley, Paul V. 2002. *Russian: A linguistic introduction.* Cambridge: Cambridge University Press.

Dixit, R. Prakash & Hoffman, Paul R. 2004. Articulatory characteristics of fricatives and affricates in Hindi: An electropalatographic study. *JIPA* [= *Journal of the International Phonetic Association*] 34(2). 141–159.

Engstrand, Olle. 1990. Illustrations of the IPA: Swedish. *JIPA* 20(1). 42–44.

Gordon, Matthew & Barthmaier, Paul & Sands, Kathy. 2002. A cross-linguistic acoustic study of fricatives. *JIPA* 32. 141–174.

Hamann, Silke. 2002a. Postalveolar fricatives in Slavic languages as retroflexes. In Baauw, Sergio & Huiskes, Mike & Schoorlemmer, Maaike (eds.), *Fourth European Conference on Formal Description of Slavic Languages (FDSL-4) in Potsdam*, 105–126. Utrecht: Utrecht Institute of Linguistics.

Hamann, Silke. 2002b. Retroflexion and retraction revised. *ZAS Papers in Linguistics* 28. 13–25.

Hamann, Silke. 2003a. *The phonetics and phonology of retroflexes.* Utrecht: LOT.

Hamann, Silke. 2003b. Norwegian retroflexion – licensing by cue or prosody? *Nordlyd* 31(1). 63–77.

Hamann, Silke. 2004. Retroflex fricatives in Slavic languages. *JIPA* 34(1). 53–67.

Hamann, Silke. 2005. The diachronic emergence of retroflex segments in three languages. *LINK: Tijdschrift voor linguistiek te Utrecht* 15(1). 29–48.

Hamann, Silke. 2013. Retroflex. In Schierholz, Stefan J. & Giacomini, Laura (eds.), *Wörterbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft (WSK) online.* https://www.degruyterbrill.com/database/WSK/entry/wsk_id08c7bb53-8028-43a4-bb21-44e7a98e123d/html (accessed 21 Apr 2025).

Hussain, Qandeel & Proctor, Michael & Harvey, Mark & Demuth, Katherine. 2020. Illustrations of the IPA: Punjabi (Lyallpuri variety). *JIPA* 50(2). 282–297.

International Phonetic Association (ed.). 1999. *Handbook of the International Phonetic Association: A guide to the use of the International Phonetic Alphabet.* Cambridge (UK); New York (NY): Cambridge University Press. DOI: 10.1017/9780511807954.

Keane, Elinor. 2004. Illustrations of the IPA: Tamil. *JIPA* 34(1). 111–116.

Kochetov, Alexei. 2017. Acoustics of Russian voiceless sibilant fricatives. *JIPA* 47(3). 321–348.

Kochetov, Alexei & Lobanova, Alevtina. 2007. Komi-Permyak coronal obstruents: Acoustic contrasts and positional variation. *JIPA* 37(1). 51–82.

Kokkelmans, Joachim. 2021. *The phonetics and phonology of sibilants: A synchronic and diachronic OT typology of sibilant inventories. Verona.* (PhD thesis.) http://roa.rutgers.edu/article/view/1864.

Ladefoged, Peter & Maddieson, Ian. 1996. *The sounds of the world's languages*. Cambridge (MA): Blackwell.

Lee, Wai-Sum & Zee, Eric. 2003. Illustrations of the IPA: Standard Chinese (Beijing). *JIPA* 33(1). 109–112.

Lorenc, Anita & Żygis, Marzena & Mik, Łukasz & Pape, Daniel & Sóskuthy, Márton. 2023. Articulatory and acoustic variation in Polish palatalised retroflexes compared with plain ones. *Journal of Phonetics* 96. 101181.

Ohala, Manjari. 1994. Illustrations of the IPA: Hindi. *JIPA* 24(1). 35–38.

Ščerba, Lev V. & Matusevič, Margarita I. 1960. Fonetika. In Vinogradov, Viktor V. (ed.), *Grammatika russkogo jazyka*, vol. 1, 45–98. Moskva: Izdatel′stvo Akademii Nauk SSSR.

Thurgood, Ela. 2009. Coronal contrasts in Anong. *JIPA* 39(1). 53–66.

Wiede, Erwin (ed.). 1987. *Phonetik und Phonologie* (Russische Sprache der Gegenwart, ed. by Kurt Gabka, 1). Leipzig: Enzyklopädie.

Zygis, Marzena. 2003. Phonetic and phonological aspects of Slavic sibilant fricatives. *ZAS Papers in Linguistics* 3. 175–213.

Żygis, Marzena. 2005. (Non)Retroflexivity of Slavic affricates and its motivation: Evidence from Polish and Czech ⟨č⟩. *ZAS Papers in Linguistics* 42. 69–115.

Żygis, Marzena. 2006. *Contrast optimization in Slavic sibilant systems*. Unpublished habilitation thesis. Berlin: Humboldt-Universität zu Berlin.
Żygis, Marzena. 2010. On changes in Slavic sibilant systems and their perceptual motivation. In Recasens, Daniel & Sánchez Miret, Fernando & Wireback, Kenneth J. (eds.), *Experimental phonetics and sound change*, 115–138. München: Lincom.
Żygis, Marzena. 2011. Why is Slavic ⟨č⟩ not always /t͡ʃ/? *International Congress of Phonetic Sciences* 17. 2340–2343.
Żygis, Marzena & Padgett, Jaye. 2010. A perceptual study of Polish fricatives, and its implications for historical sound change. *Journal of Phonetics* 38. 207–226.
Żygis, Marzena & Pape, Daniel & Jesus, Luis M. T. 2012. (Non-)retroflex Slavic affricates and their motivation: Evidence from Czech and Polish. *JIPA* 42(3). 281–329.

PRESCHOOLERS' INTUITIONS SHED LIGHT ON THE SEEMINGLY VARIABLE SYLLABLE STRUCTURE IN RUSSIAN

NIKOLAY HAKIMOV (GERMANY)

In Russian, words containing intervocalic consonant sequences have been argued to permit variable syllable segmentation. According to Kodzasov (1990: 470), syllable boundaries in such words are indeterminate due to a weak association between consonants and specific sub-syllabic components, as illustrated by the three possible syllabifications of *ostryj* 'sharp' that he suggests: *o.stryj*, *os.tryj*, and *ost.ryj*. Variable syllable divisions are already attested in the earliest account of Russian syllabification, proposed by Trediakovkij (1849 [1748]), who illustrates this with *vo.plem* and *vop.lem* (instrumental singular of *vopl'* 'wail'). Alternative segmentations are typically linked to distinct theoretical frameworks. For instance, Avanesov's (1954) sonority-based model and Kempgen's (2003) proposal rooted in word-edge phonotactics yield *u.tka* 'duck', whereas Ščerba's (1957) analysis, which draws on word stress position, as well as Knjazev's (1999) optimality-theoretic approach assume the parse *ut.ka*. Crucially, while syllabic segmentation is inherently variable, studies based on elicitation tasks have reported stable tendencies in segmentation judgements across speakers (Rubach & Booji, 1990; Goslin & Frauenfelder, 2001).

Following insights from the phonological literature, the present study investigated the sonority profiles of consonant sequences and their relation to word-initial phonotactics and stress position as determinants of Russian syllabification. Since elicited syllabification judgments may be influenced by participants' literacy experience (e.g., Treiman et al., 2002; Goslin & Floccia, 2007) the metalinguistic task used to elicit such judgements was administered to both literate adults and preliterate preschoolers in Russia.

The stimuli consisted of words containing intervocalic biconsonantal sequences varying in sonority profiles as well as in stress placement. To assess the influence of word-edge phonotactics on syllabification judgements, the stimuli included words with intervocalic consonants that occur in word-initial position, such as /zr/, as well as words with sequences not permitted in that position, such as /rz/; e.g., *prizrak* 'ghost' versus *ërzat'* 'to fidget'.

The results indicate that literate adults predominantly produced the (C)VC.CV(C) pattern, regardless of the status of the sequence as permissible or impermissible, its sonority profile, or the word's stress position, confirming earlier findings by Côté & Kharlamov (2011). Crucially, my *ex post facto* analysis of syllabification in Russian reading primers suggests that this (C)VC.CV(C) pattern results from explicit instruction in a culturally adopted syllabification strategy and does not reflect intuitions that arise naturally during language acquisition.

Kindergarteners' responses, by contrast, were consistently guided by sonority: heterosyllabic segmentation, i.e., (C)VC.CV(C), was preferred for sonorant-obstruent sequences that violate the sonority sequencing principle, while tautosyllabic segmentation, i.e., (C)V.CCV(C) occurred for all other sequences. These generalizations concur with the syllable segmentations proposed by Avanesov (1954) and aligns with the findings by Rubach & Booij (1990) for adult Polish speakers.

While word-initial phonotactics appeared to play some role in shaping syllabification judgements in both adults and child, no similar effect was observed for stress position.

A key finding of this study is that literate Russian-speaking adults adhere to an invariant syllabification strategy learned during literacy instruction when asked to divide polysyllabic words in a metalinguistic task. An important implication is that theoretical and empirical studies of syllable structure that rely on the judgements of literate language users should be approached with caution, as such judgments may not always reflect generalizations that emerge through implicit learning during early language acquisition. Examining the teaching materials used in literacy instruction across languages may thus prove valuable, as their treatment of syllable structure could help explain differences in syllabification judgements between preliterate children and literate adults reported in other studies.

REFERENCES

Avanesov, R. I. (1954). Slogovaja struktura russkogo sloga. *Voprosy jazykoznanija* 6, 88–101, https://vja.ruslang.ru/archive/1954-6.pdf

Rubach, J. & G. Booij. 1990. Syllable structure assignment in Polish. *Phonology* 7(1): 121–158. https://doi.org/10.1017/S0952675700001135

Côté, M.-H., & Kharlamov, V. (2011). The impact of experimental tasks on syllabification judgments: A case study of Russian. In C. E. Cairns & E. Raimy (eds.), *Handbook of the syllable*, 271–294. Leiden: BRILL. https://doi.org/10.1163/ej.9789004187405.i-464.77

Goslin, J., & Floccia, C. (2007). Comparing French syllabification in preliterate children and adults. *Applied Psycholinguistics* 28(2), 341–367. https://doi.org/10.1017/S0142716407070178

Goslin, J. & Frauenfelder, U. H. (2001). A comparison of theoretical and human syllabification. *Language and Speech* 44(4), 409-436. https://doi.org/10.1177/00238309010440040101

Kempgen, S. (2003). Phonologische Silbentrennung im Russischen. In S. Kempgen, U. Schweier, & T. Berger (eds.), *Rusistika - Slavistika - Lingvistika: Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag*, 195–211. München: Sagner. https://fis.uni-bamberg.de/entities/publication/4d284243-56c1-458a-98c5-b8b73277a58a/details

Knjazev, S. V. (1999). O kriterijax slogodelenija v sovremennom russkom jazyke: teorija volny sonornosti i teorija optimalnosti. *Voprosy jazykoznanija* 1, 84–102. https://vja.ruslang.ru/ru/archive/1999-1/84-102

Kodzasov, S. V. (1990). Slog. In Jarceva, V. N. (ed.), *Lingvističeskij ènciklopedičeskij slovar'*. Moscow: Sovetskaja ènciklopedija.

Ščerba, L. V. (1957). Teorija russkogo pis'ma. In M. I. Matusevič (ed.), *Akademik Lev Vladimirovič Ščerba. Izbrannye raboty po russkomu jazyku*, 144–179. Moscow: Učpedgiz.

Trediakovskij, V. K. (1849 [1748]). Razgovor meždu čužestrannym čelověkom ï rossïjskïm ob ortografïï starïnnoj ï novoj ï o vsem čto prïnadležït k sej materiï. In *Sočinenija Tred'jakovskogo*. St.-Peterburg: A. Smirdin. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003862878/

Treiman, R., Bowey, J. A., & Bourassa, D. (2002). Segmentation of spoken words into syllables by English-speaking children as compared to adults. *Journal of Experimental Child Psychology* 83(3), 213–238. https://doi.org/10.1016/S0022-0965(02)00134-0

ФОНЕМИТЕ /В/ И /Ф/ ВО МАКЕДОНСКИОТ И ВО СРПСКИОТ ЈАЗИК

ВЕСЕЛИНКА ЛАБРОСКА, ЛИЛЈАНА ГУШЕВСКА (СЕВЕРНА МАКЕДОНИЈА)

Македонскиот јазик од фонетско-фонолошки аспект припаѓа на групата наречена „јазици на југ од Карпатите“ заедно со словенечкиот, чешкиот, словачкиот, хрватскиот и српскиот јазик. Оваа поделба е направена врз база на основните фонетски разлики меѓу двете групи што условно се наречени: 1) „јазици на север од Карпатите“ (полски, лужички, руски, белоруски и украински) со следниве особености: развиена корелација по мекост кај согласките, поседување двоврвни слогови, акомодација, и др., и 2) „јазици на југ од Карпатите“ со следниве особености: губење на меките согласки, неакомодирачки, губење на двоврвните слогови, акцентска политонија и др[1]. Македонскиот јазик, наоѓајќи се на Балканскиот Полуостров, со специфично јазично опкружување, претрпел промени и на фонетско-фонолошко рамниште и претставува централен ареал на Балканскиот јазичен сојуз погледнато од фонетски аспект (Савицка 2014: 51–53). Со ваквата своја позиција, македонскиот јазик има уникатно место во словенскиот јазичен свет во поглед на фонетско-фонолошките особености.

Од друга страна, погледнато од аспект на промените во санди позиција, под кои главно се мисли на едначење по звучност во словенските јазици, македонскиот и српскиот јазик се наоѓаат во различни групи: македонскиот спаѓа во групата со умерено санди (Коритовска 2012) заедно со украинскиот јазик, додека српскиот јазик спаѓа во групата без санди промени (Sawicka 2007: 175–182) заедно со хрватскиот, босанскиот и црногорскиот (иако во хрватскиот, во кајкавското наречје и во дел од штокавското има обезвучувања на границите меѓу зборовите). Другите словенски јазици се со регуларно санди при што има две групи, едната група со обезвучувачко санди: рускиот, белорускиот, чешкиот, горнолужичкиот и североисточниот полски, словенечкиот и бугарскиот; и втората група со озвучувачко санди: југозападниот полски, долнолужичкиот и словачкиот. Од оваа класификација може да се заклучи дека македонскиот јазик е во зона на различни влијанија со оглед на фактот што од една страна граничи со српскиот кој нема санди, а од друга страна граничи со бугарскиот кој има регуларно санди. Со оглед на фактот дека гласот /в/

[1] Бугарскиот и кашупскиот јазик се надвор од двете групи бидејќи не можат да се класифицираат според погоре наведените критериуми. Види повеќе за поделбата во: *Fonetyka, fonologia, Komparacja współczesnych języków słowiańskich*, Redaktor naukowy, Irena Sawicka, Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej: Opole, 2007, стр. 15.

порано бил сонант и со голема веројатност се изговарал билабијално, а гласот /ф/ е подоцна вклучен во гласовниот систем, прво преку заемки, а потоа и преку автохтони гласовни промени, овие два гласа имаат мошне специфичен историски развој (Конески 1982: 60–61). Токму затоа во овој труд ќе се осврнеме на разликите во гласовната вредност на гласот /в/ во македонскиот и во српскиот јазик, потоа на неговата дистрибуција во гласовната низа и на неговата фреквенција во домашни зборови, т.е. од словенско потекло, но и во заемки што ги има и во двата јазика. Посебно е значајно да се види во кои позиции потоа се појавува безвучното /ф/, како самостојна фонема или како безвучен парник на /в/ во санди позиција.

Фонемата /в/, којашто во минатото била сонант и во македонскиот и во српскиот јазик, денес е официјално опструент во македонскиот, а сонант во српскиот јазик. Таа во современиот македонски стандарден јазик се класифицира како звучен уснен (Конески 1981: 102; Бојковска и др. 1997: 76), т.е. забно-уснен односно лабиодентален опструент чиј безвучен парник е фонемата /ф/ (Савицка, Спасов 1997: 90). Но, фонемата /в/ се однесува поинаку од сите други звучни опструенти кога ќе се најде во гласовната низа во соседство со опструент или со сонант во т.н. санди позиција[2], а што е последица на нејзината сонантска структура во минатото, а во некои македонски дијалекти и денес (Савицка и др. 2022: 239; Лаброска, Гушевска 2025: 251–253).

Во српскиот јазик фонемата *в* е сонант, иако во Српската фонетика (Петровић, Гудурић 2010: 223) таа се анализира заедно со безвучниот парник *ф*, под наслов „Сугласници *в ф*“. Според *Нормативната граматика на српскиот јазик*, во редот на забно-усните согласки е ставен и гласот (**в)**, но во заграда и со забелешка дека „(…) мада је по мјесту изговора (уснено-зубни) једнак гласу *ф*, он се не понаша као звучни парњак гласа *ф*, него као сонант“ (Пипер, Клајн 2015: 23). Токму оттука произлегуваат следниве правила во поглед на пишувањето и изговорот на /в/ во српскиот јазик: гласот /в/ е неутрален во поглед на звучноста, па пред безвучните согласки останува *в,* а не преминува во *ф*: *овца, овсен, чупавко*, додека пред звучното *в* можат да се појават како звучни така и безвучни согласки: *твоје, двоје, свекар, звека* (Пипер, Клајн 2015: 25).

[2] Санди во современиот македонскиот јазик, како и во другите словенски јазици (Fonetyka, fonologia 2007) ги опфаќа главно позициите во кои се асимилираат гласовите според звучноста.

Фонемата /в/, денеска, во македонскиот стандарден јазик ја определуваме како консонат, односно како звучен консонант којшто како свој безвучен парник ја има фонемата /ф/. Меѓутоа треба да кажеме дека /в/ не се владее целосно како консонант, туку дека има и некои особини коишто се својствени за сонантите. Таа се одделува од другите сонанти со тоа што ја губи звучноста на крајот на зборот и пред безвучен консонант, а во тие позиции се јавува безвучен глас (/ф/, или близок до /ф/). Така со овие промени е создаден уште еден пар во корелацијата на звучни и безвучни консонанти, тоа е парот (в : ф). Но и покрај овие промени во карактерот на фонемата /в/, сè уште немаме чиста ситуација во определувањето на нејзиното место во консонантскиот систем. Ваквата констатација посебно наоѓа своја поткрепа во состојбата што ја имаме во нашите дијалекти во однос на ова прашање. Имено, во некои од нашите дијалекти, фонемата /в/ сè уште се однесува како сонант. Поинаку кажано, во тие говори фонемата /в/ кога се наоѓа во санди, односно кога граничи со друга фонема (звучен консонант, безвучен консонант, сонант или вокал), во најголем број случаи (иако не секогаш) не се обезвучува или се изговара полузвучно – обично кога се наоѓа пред безвучен консонант. Истото се однесува и кога се наоѓа во финална позиција. Ваквата состојба главно се однесува за говорите во селски средини, каде што фонемата /ф/ воопшто не е позната, ниту во туѓите зборови (па се вели *вабрика, вес* и сл.), или пак, каде што нејзината употреба е редуцирана.

Наспроти ваквото однесување на фонемата /в/ како сонант во споменатите говори, во други наши дијалекти, *в* според своите особини се јавува како звучен консонант, кој во позиција пред безвучен консонант, сонант, вокал како и во финална позиција, се обезвучува, а се обезвучува и во позиција по безвучен консонант. Исто така имаме и говори во кои фонемата /в/ се обезвучува пред безвучен консонант, вокал и во финална позиција, но пред сонант се изговара како звучно [в]. Ваквата ситуација ја компликува работата со усвојување на правописот во македонскиот јазик, бидејќи во него не се бележи едначење по звучност во соседство со /в/, без разлика дали се работи за регресивна или за прогресивна асимилација, ниту пак се бележи обезвучување на крајот на зборот (*овца, сват, сваќа, бевме, бевте, тиква, жетва, клетва, блитва, љубов, таков, милослив* и др.).

Во српскиот јазик на морфонолошко рамниште една од гласовните промени е исто така едначење по звучност, но тука не е никаде спомнат гласот /в/, којшто фактички и не подлежи на никакво обезвучување, барем не во стандардниот српски јазик (Пипер, Клајн

2015: 32; *Правопис српскога језика* 2017: 35–38). Во јужните српски дијалекти се регистрираат такви ситуации, поради влијанието на македонскиот јазик врз изговорот, па имаме: 1) примери од јужнокосовското село Гатње: док бу̏ја *живф*, има́ла *ч'е́вф*, *во́ликавф* пора́са; *су́ф* је́ч'ам, и та́ј *бра́ф*, на зу́дт *Ми́летоф* (Младеновић 2013: 100–101); 2) примери од Долна Пчиња: …и *св'арef* ч'орбу (Т), *сл'аев* Свети Ник'олу (Шп), *спр'аев* све што тр'еба (Шп), и он'и ће *тураф* п'арчики на к'рпуту (Р); сăс ов'ăј *афт'обус* из Вр'ање (Ш), *др'ажефци* ги в'икашеву (Т) (Јуришић 2009: 84) и др. (в. повеќе во: Лаброска, Гушевска 2025: 253–255).

Ако се осврнеме на фреквенцијата на гласот /ф/ во двата јазика, во пишана форма, само со поглед на лексемите што во основната форма го имаат овој глас, може да се заклучи дека во македонскиот јазик тој е малку пофреквентен од две причини: како прво, заради различните состојби со старата консонантска група *хв,* која е зачувана во српскиот јазик, а во македонскиот јазик дала *ф,* и како второ, заради поголемиот број заемки во македонскиот јазик од грчкиот (делумно и од ароманскиот) јазик. Во следниве примери, во македонски се слуша *ф*, а во српски се слуша *хв*: *фати, фаќа, фат, зафати, потфати, фала, фали, пофали* (и сите изведенки од нив), наспроти српските: *ухватити, дохватити, хвала, хвалити, захвалити* итн. Се разбира лексемите со префиксоиди од грчкиот јазик, како *фото-*, *фоно-*, *физио-, феро-, фито-* и сл. се појавуваат со иста фреквентност во двата јазика (в. *Правопис на македонскиот јазик 2017*: 61–61; *Правопис српскога језика* 2017: 79). Она што сакаме овде да го истакнеме, тоа е фактот дека во правоговорот фреквенцијата на појава на /ф/ е значително поголема во македонскиот јазик од онаа во српскиот јазик поради позициите каде што гласот /в/ се обезвучува, па се слуша /ф/ наместо /в/, ситуација што ја нема во српскиот јазик. Оттука, можеме да ја констатираме следнава состојба со лабиоденталните фонеми /в/ и /ф/ во македонскиот и во српскиот јазик:

1. Фонемата /в/ е опструент во македонскиот, а сонант во српскиот јазик;
2. Фонемата /в/ во македонскиот јазик е подложна и на прогресивна и на регресивна асимилација по звучност и нејзина замена со /ф/ во гласовната низа (во санди позиција), додека во српскиот не подлежи на промени во поглед на звучноста;
3. Фонемата /ф/ е опструент во двата јазика, но со поголема фреквенција во македонскиот писмен стандард, а уште повеќе во говорениот македонски јазичен стандард

заради нејзиното појавување и на своето место и на местото на обезвученото /в/, ситуација што не ја познава српскиот јазик, освен во своите јужни дијалекти кои во овој поглед имаат влијание од соседните македонски говори (Лаброска, Гушевска 2025: 253–256).

КОРИСТЕНА ЛИТЕРАТУРА

Бојковска С., Минова-Ѓуркова Л., Пандев Д., Цветковски Ж, 1997. *Македонски јазик за средното образование*, „Просветно дело“, Скопје.

Јуришић Марина 2009: *Говор Горње Пчиње, гласови и облици,* монографије 6, Институт за српски језик, САНУ, Београд.

Конески Блаже. 1981. *Граматика на македонскиот литературен јазик,* Култура, Македонска книга и др., Скопје.

Конески Блаже. 1982. *Историја на македонскиот јазик*, Култура, Скопје.

Коритовска Ана 2011. *Централнобалкански тип на санди,* MJ LXII, Скопје, 75–86.

Лаброска Веселинка, Гушевска Лилјана 2025. *Српски језик и српска књижевност од средњег века до данас,* Државни универзитет у Новом Пазару, Нови Пазар, стр. 249–259.

Младеновић Радивоје 2013. *Говор јужнокосовског села Гатње.* Монографије 18. Институт за српски језик САНУ, Београд.

Пипер Предраг, Клајн Иван 2015. *Нормативна граматика српског језика* (ијекавско издање, измијењено и допуњено), Матица српска, Нови Сад.

Савицка Ирена. Спасов Људмил. 1997: *Фонологија на современиот македонски стандарден јазик*. Детска радост, Скопје.

Савицка Ирена 2014. *Фонетските проблеми во ареалната лингвистика* (*врз основа на јазичната ситуација во Југоисточна Европа*), Скопје: МАНУ.

Правопис на македонскиот јазик 2017. (уредници: Институт за македонски јазик, Култура, Скопје.

Правопис српскога језика, треће издање 2017. (Пешикан М., Јерковић Ј., Пижурица М.) Матица српска, Нови Сад.

Fonetyka, fonologia, Komparacja współczesnych języków słowiańskich, 2007. Redaktor naukowy, Irena Sawicka, Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, Opole.

Korytowska Anna. 2012. *Sandhi w standardzie języka macedońskiego,* Widawnictwo naukove Univerzitetu Mikołaja Kopernika, Toruń.

A STRUCTURAL-SYSTEMIC DEFINITION OF THE PHONEME /ɾ/ IN PRESENT-DAY SLOVENE IN RELATION TO OTHER SLAVIC LANGUAGES

HOTIMIR TIVADAR (SLOVENIA)
Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani
hotimir.tivadar@ff.uni-lj.si

The phoneme /ɾ/ has historically been considered as a trill in the Slovenian language due to three factors: a) the description of Slovenian phonology in relation to the written language (the letter in Slovenian orthography corresponds to the phonetic symbol for the trill /r/ in IPA transcription), b) the description of Slovenian phonetics based on the historical development of the language and in comparison with other Slavic languages, c) the dependence of Slovenian culture and linguistics on the dominant South Slavic language and Slavic culture.

In past grammatical descriptions, the phoneme /r/ has therefore predominantly been described as a trill, for example, even in Toporišič's *Slovenska slovnica* (Slovenian Grammar) after the year 2000. Influenced by the letter ?, some describe the syllabic /ṛ/ (прст/prst in Serbian, Macedonian, and Croatian) for Slovenian, which is not characteristic of Slovenian.

In this paper, we describe the Slovenian /ɾ/ articulatorily and acoustically in comparison with other Slavic languages from both a phonetic and a logopedic perspective. Based on auditory and acoustic analysis (PRAAT) of texts in Slovenian phonetic textbooks from 1961 and 2019, we define the pronunciation of the phoneme /ɾ/. The necessary apical tap for the phoneme /ɾ/ in Slovenian does not mean prolonged vibration, but only a tap behind the alveolar ridge. The analysis was conducted based on self-observation of the pronunciation by several speakers, experts in articulation. Additionally, a phonetic-phonological instrumental analysis was performed using the PRAAT program, where we added sonogram images showing the interruption, i.e., vibration, at the sonorant /ɾ/. However, the vibration is generally not multiple as in many other Slavic languages. The sonorant /ɾ/ was also placed in a revised table of Slovene consonants according to the manner and place of articulation. This revision of the description of Slovenian consonants will serve as a basis for further measurements – ultrasound and sonogram.

REFERENCES

Zdravko OMERZA, 1972: *Govorne napake*. Državna založba Slovenije.
Zdravko OMERZA, 1970: *Uporabna fonetika*. Državna založba Slovenije.
Irena HOČEVAR-BOLTEŽAR, 2008: *Patologija glasu ter izbrana poglavja iz patologije govora*. Ljubljana: Pedagoška fakulteta Univerze v Ljubljani

International Phonetic Association, (1999). Handbook of the International Phonetic Association: A guide to the use of the International Phonetic Alphabet. Cambridge University Press.
Hotimir TIVADAR, H. and Urban BATISTA. 2019: *Fonetika 1*. Znanstvena založba FF UL.
Jože Toporišič, 1961: *Slovenski jezik na pločama: izgovor i intonacija s recitacijama* (Let. 9, str. 136). Jugoton.
Jože Toporišič, 1976, 1991, [4]2000, [5]2004: *Slovenska slovnica.* Založba Obzorja Maribor.

METHODOLOGICAL CONSIDERATIONS ABOUT PHONOLOGICAL RECONSTRUCTION: LENITION AND RELATED PHENOMENA IN OLD CZECH HISTORICAL PHONOLOGY

JADRANKA GVOZDANOVIĆ (GERMANY)

0. Introduction

When discussing language histories, historical grammars traditionally tend to assume presence of sound change when it surfaces in texts, sometimes without questioning (a) systematicity within the sound system and intersection with morphosyntax, (b) systematicity of distribution across the language area in time and space and in relation to register, and (c) systematicity relative to the writing system. This paper takes up the much discussed but never resolved history of the *g > *γ (> *h*) lenition in Czech, reconsiders critically the proposed arguments, proposes a new way to approach the sparse data set, and draws concrete and principled methodological conclusions applicable to other instances of reconstruction. Spatial analysis of the attestations and different kinds of distributional phenomena are performed digitally and discussed relative to their time depth and in the context of linguistic and extralinguistic evidence from the same periods.

In the context of Czech historical phonology, this paper offers methodological considerations for evaluating inner-linguistic and extra-linguistic distribution in reconstruction.

1. The early post-migration period in Bohemia

The Slavic migrations into Central Europe of the middle of the first millennium AD can be traced linguistically and archeologically. This paper discusses the data and methodological possibilities of combining linguistic and archeological evidence in an attempt to elucidate the post-migration linguistic history (mainly of the second half of the first millennium AD) in Bohemia and the neighboring northeastern Bavaria, with additional evidence from Moravia. The case in point archeologically is the distribution of the Prague-type pottery (henceforth PTP), and linguistically the emerging lenition of *g > *γ (> *h*). The linguistic data originate to a significant extent from toponymic evidence collected in the course of the WEAVE transnational research project between Germany and the Czech Republic, DFG Project „Linguistic and cultural dynamics in a frontier society: New perspectives on northeastern Bavaria and western Bohemia in the Early Middle Ages".[1]

[1] Czech Science Foundation (WEAVE Lead Agency, reg. n. 22-23741K), German Science Foundation (DFG Project 490754677).

In Bohemia, the earliest Slavic settlement of the late sixth and the turn to the seventh century was associated with the Prague-type pottery; this pottery exhibited clear similarity with the Prague-Korchak culture of the Slavic homeland approximately in western Ukraine, which, however, remained in the initial stages, whereas this culture in Bohemia developed further in the sense of decoration (cf. Profantová and Profant 2020). Neighboring Bohemia, the Prague-type pottery was also attested in Moravia in the south and in northeastern Bavaria in the west.[2] In northeastern Bavaria, the Prague-type pottery was found next to names of localities in *Winden-,* not in the Slavic settlements neighboring on Bohemia (cf. Klír 2020: 249). Who were the Winden? For the Merovingian tradition this was clear, as shown by the Chronicle of the Merovingian times.

In the middle of the seventh century (probably between 658 and 661), the Chronicle of the Merovingian times was (presumably) composed by Fredegarius Scholasticus. This chronicle refers repeatedly to *Winidi* (the pronunciation of *Veneti* in the seventh century), concerning their encounters with the (allegedly Frankish) leader Samo.[3] For the year 623 there are three references to Slavs, twice explained as *Sclavi cognomento Winidi*, and the third reference mentions Slavic war activities against the Avars, immediately following the first explanation of Slavs *cognomento Winidi*. At the same time, not a single reference to *Winidi* (between reports about the years 623 and 640 mentioned 15 times, in the entire manuscript mentioned 29 times) characterizes them as **cognomento Sclavi*.[4] This asymmetry is a clear indication of the fact that the Slavs and the Winidi were distinct and hierarchically different: the Winidi were perceived as superordinate (cf. also Gvozdanović 2009).

Toponymy with reference to *Winidi*, in German(ic) *Winden,* occurs at the forefront of Slavic toponymy in northeastern Bavaria. This comes as no surprise as a century earlier, East Roman historiographers (Iordanes, Prokopios etc.) of the 6th century AD reported about Veneti (called by their name known from antiquity) and Antes migrating with Slavs.

2. Lenition in Bohemia and beyond

The mentioned data provide historically attested information adding to the discussion of Slavic language changes in focus here. The most striking was lenition of *g > *γ (> *h)*, that occurred

[2] In Moravia, there were traces of Merovingian influences in the seventh century as well, cf. Jelínková, Dagmar. 2015. On_the_problem_of_Prague-type_pottery_culture_in_Moravia_The_origins_and_specifics. https://www.researchgate.net/publication/286468563_

[3] Fredegar's chronicle writes *Samo natione Franco, de pago Senonago*; if Samo's place of origin, *Senonago,* is to be equated with Sens, southeast of Paris, then Samo may have been of Gaulish or Gallo-Romance origin.

[4] Source: http://www.intratext.com/IXT/LAT0785/_P2.HTM. Including the preface, the text contains 11 references to *Winidi*, 4 to *Winidis*, 9 to *Winidos* and 5 to *Winidorum*.

exactly along the migration route. The velar consonant /g/ was lenited to a fricative (*ɣ > *h*) in parts of Ukrainian, Belorussian, southern Russian, Slovak, Czech, Upper Sorbian, northern and western dialects of Slovene, and in some north-western Čakavian dialects of Croatian (yielding e.g. *noha* 'foot' in the mentioned languages, but *noga* elsewhere). This area of attestation follows exactly the western line of the Slavic migrations from western Ukraine into Central Europe (ending along the northern and western fringes of South Slavic) starting in the 6th century.

The *g > *ɣ (> *h)* change surfaces in the earliest Czech texts that are themselves rather late, starting from the late 12th century. Earlier writings, such as the Cosmas chronicle written in Latin in the 12th century, usually render Czech names without this lenition. Old and Middle Czech glosses in Hebrew texts written in Prague between the 10th and the 14th ct. (cf. Bláha et al. 2015) offer hardly any notation of this lenition (characteristic of the spoken language) due to their general conservative attitude preferring the high code of Biblical language(s) and the Hebrew orthographic peculiarities by which Hebrew graphemes for obstruents could denote either plosive or spirant allophones (cf. Bláha et al. 2015: 278).

The standard historical grammar of Czech by Lamprecht, Šlosar and Bauer (1984: 82f.) dates the lenition of /g/ to the late 12th century, and this has become the standard approach in the Czech lands. These authors analyze this change in a structuralist way as restoring the inner symmetry by turning /g/ into a velar fricative on one line with palatal fricatives, and do not discuss it in terms of the lenition process.

Andersen (1969) insightfully discussed this change in the context of simplifications of voiced palatal outcomes of the palatalizations (he refers to *ʒ́ > ž from the first palatalization and *ʒ > z from the second and third palatalizations as 'lenitions'). He also paid attention to the relation of the *g > *ɣ (> *h)* change and the *-zg-* sequence (an allowed sequence in Slavic when the rule of open syllables was operative during a major part of the first millennium AD) and wrote that /g/ remained as a plosive in *-zg-* sequences in those languages in which the *g >*ɣ (> *h)* change preceded the yer loss (e.g. Ukrainian *mizk*a, Slovak *miazga ‚pulp'*), but if the lenition followed the yer loss, more variation occurred (e.g. Upper Sorbian *mjezha*, cf. Andersen 1969: 559).[5] According to Andersen, the lenition began in western Ukraine probably in the ninth century and spread to eastern Slovakia and further (circumventing Poland).

Concerning the data, in fact only Upper Sorbian offers consistent examples of lenition in the *-zg-* sequence, whereas the /g/ in this sequence remained a plosive elsewhere (cf. e.g.

[5] The yers were (super) short front vs. back high centralized vowels. The yer loss was a combined process of apocope and syncope, by which the yers were lost in uneven neighboring syllables counting from the end of the word, with exceptions preceding tautosyllabic resonants and in accented initial syllables.

Ukrainian *mozok*, Upper Sorbian *mozy* ‘brain‘ vs. Lower Sorbian *morzgi*, Old Czech *mozg*, contemporary Czech *mozok*, Moravian dialect of Czech *mozg*, Croatian *mozak*, cf. also Derksen 2008: 328). This means that the development of the *-zg-* sequence is in fact not a reliable indicator for the lenition process starting in the Ukraine; by the criterion that /g/ remained a plosive in *-zg-* sequences in those languages in which the *g > *ɣ (> *h)* change preceded the yer loss, all the Slavic languages except Upper Sorbian count as such. Moreover, if this process were to happen in Ukraine before the yer loss, it could have happened at any time between the 6th and the 12th century (as the yer loss was attested in the Dobrilo Gospel of 1164 in Galicia). But in the Czech lands the yer loss started earlier, by the 9th century, and the beginning of this lenition (by the presented examples) should then have been closer to the migration and early post-migration periods.

In an early proposal, Šaxmatov (1915, para 62, 71) assumed that lenition (by him called ‘spirantization’) of /g/ in Ukrainian, Belorussian, Southern Great Russian, Czech, Slovak, Upper Sorbian and northern Slovene took place shortly after the second palatalization. Also Trubetzkoy (1924: 292) dated the lenition early in the affected areas, in Czech before the yer loss because [g] < /k/ due to voice assimilation after the yer loss did not undergo lenition, in contrast to original /g/: cf. Czech *kŭde* > *kde* [gde], but *(tŭ-)gŭd- > *tehdy.* This line of reasoning was followed by Jakobson (1971: 621).

By the criterion proposed by Trubetzkoy, Ukrainian exhibits the situation opposite to Czech: in Ukrainian, the new [g] from voice assimilation did undergo the lenition, i.e. *kŭde* > *kde* > *gde* > *hde* > *de.* Shevelov (1977: 138) therefore concluded that the lenition in Ukrainian must have occurred after the yer loss.

Given this amount of discrepancy among the researchers, we should review the data on the *g > *ɣ (> *h)* change and the spatial distribution anew. Here Bohemian (Czech) territories spilling over into the Germanic area play a crucial role as the end-point of migrations into Central Europe.

Concerning Czech manuscripts, according to Lamprecht, Šlosar, Bauer (1984: 83 etc.), Cosmas‘s *Chronica Boemorum* (1119-1125), written in Latin, has *g* in Czech names (*Dragomir, Spytignev*) and so do later Latin texts, even beyond the 13th ct., but the first certain attestation is according to these authors *Bohuslaus* (1169). Here we should be reminded that Latin *h* was used for later Czech *ch*, and there was no other choice for *ɣ but *g*.

Bláha et al. (2015: 256-8) discussed the uncertain dating of the change *g > *γ (> *h*) and assumed that the first stage of this change (i.e. *g > *ɣ), although not rendered in writing, may

have been a fact by the 11th century; the writing as *g* still occurred in the 13th century, when *h* already prevailed.

In search of additional evidence, we may turn to toponymy. At first sight, toponymy does not seem to help much. After a series of minute studies of Czech toponymy, Čornejová (2009: 30) stated that until the 13th century both *g* and *h* could denote in writing the intermediate stage *g > *γ, cf. *Gobšovici* (1233) vs. *Hobšovici* (1185), now *Hobšovice* (Čornejová 2009: 20). There was non-unified orthography and probably also language variation, and the emergence of the new laxed voiced fricative /h/ can be assumed with certainty only if rendered in writing by means of *h*. Toponymy containing the result of the *g > *γ (> *h)* lenition written by means of *h* will be an important starting point for our further investigation.

Now we should ask the crucial question: what is in fact lenition? Lenition is phonetic laxing (also called 'softening') of consonants in intervocalic position (between vowels or sonorants) well-known from Celtic and Western Romance (cf. Martinet 1952, Thurneysen 1909). It starts as a phonetic process on the sub-phonemic level. During this stage, the speakers are mostly unaware of the automatic adjustments. When the conditioning context gets lost (e.g. due to apocope and syncope in Old Irish), phonologization is the usual outcome.

For lenition, the *-zg-* sequence, with a sibilant preceding /g/, was not a prototypical, not even the appropriate environment. The appropriate environments for the lenition of /g/ occurred intervocalically (exceptionally involving a sonorant) or at the beginning of the word preceding a vocalic segment (or a sonorant).

For the lenition as a phonetic process, the Common Slavic rule of open syllables, valid until the yer loss (that started in the 9th century AD in the west of Slavic and spread to the east) was essential, i.e. the phonetic phase of this lenition must have occurred before the yer loss. Based on this line of reasoning, the lenition must have started before the 9th century AD. This brings it closer to the Slavic migrations, covering exactly the territories in which the lenition of /g/ occurred.

So, why not assume that the lenition of /g/ as a phonetic process began shortly after the Slavic migrations, and became phonologized after the loss of the conditioning environment, i.e. after the yer loss in Slavic?

The earliest written attestation of the lenition in fact dates from the tenth century AD. It comes from a manuscript dated to the year 981 AD, by which Ottokar II gave to the monastery of Memleben the castles in the Slavonic parts *Doblin* and *Hwoznie.*[6]

[6] *castella quaedam et loca in partibus Slavoniae Doblin et Hwoznie nuncupate, in pago Dalemince seu Zlomekin*

Hwoznie, with initial lenition, was thus attested in the tenth century in *Germania Slavica*, populated in the course of the Slavic migrations probably in the 7th/8th century. *Germania Slavica* was so to say an extension of the Sorbian and (Czech) Bohemian territories, and the lenition *g > *γ (> *h)* must have been brought to *Germania Slavica* (and northeastern Bavaria) in the course of the Slavic migrations as a phonetic process, phonologized after the yer loss.

Lenition developed in parallel to palatalizations.[7] Especially the second and third palatalization,[8] that occurred in Slavic in the 7th and 8th centuries, offer an important insight because they affected the (reconstructed) **γ* as /g/ (e.g. *Praha* yielded by the second palatalization (*Praʒe >) *Praze*, not *Praše). This can be reconciled with the assumption that there was a prolonged phonetic part of the lenition. Generally speaking, during the phonetic part of a change, a contextually conditioned variant pertains to its original phonological unit as long as the conditioning context is in place. In this case, [γ] between vowels or sonorants or in initial position before a vowel or a sonorant, was a variant of /g/ as long as the rule of open syllables was in place in Slavic. When weak yers were lost, a rephonologization took place, yielding *g > *γ = /h/ (i.e. a voiced velar fricative opposed to voiceless /x/, written *ch*). This is attested in *Hwoznie.*

As already mentioned, the earliest Slavic settlement in the contact zone between Slavic and Germanic, is connected with toponymy referring to *Winidi*. The *Winidi* in due course came to denote Slavic population, but we cannot exclude the possibility that they were truly the *Winidi* of the Chronicle of the Merovingian times who switched to Slavic. The linguistic identity of the Winidi, ascertained by Fredegarius, can only partly and indirectly be reconstructed, as no direct attestations are available. If related to the attested northern Adriatic Veneti of the turn of the

---

vocata, juxta fluvium Multha dictum 'certain castles and places in the parts of Slavonia called Doblin and Hwoznie, in the village called Dalemince or Zlomekin, near the river Multha' *Neues Archiv für Sächsische Geschichte und Altertumskunde* 34 (1913): 17-31.

[7] The Slavic migrations reached Bohemia and Moravia in the 6th century, at the time of the ongoing first palatalization of velars preceding front vowels. This is attested by exclusively West Slavic *šata* 'cloth' that emerged as a loanword from Germanic (i.e. *hetaz > *šäta > *šata*). Subsequently, Slavic *šata* was borrowed back into Bavarian *Schater* (with a similar pronunciation, cf. also Riecke 1998), as Slavs had to pay customs for trade in cloth (by the ruling called *ostarstuopha* mentioned by Losert 2012).

[8] The first palatalization, in the 6th century, caused fronting of velars to palatals preceding a front vowel (i.e. *k > č, g > ǯ/dž, x > š* before *e, ę̄, i, ī, j*, e.g. *wilke > wilče* 'wolf, voc.sg.') with similar outcomes across Slavic; it was operative in the sixth century. The second palatalization, in the seventh and eighth century, fronted velars preceding front vowels resulting from monophthongized diphthongs (i.e. *aį > ę̄ (ě), eį > ę̄/ī (ě/ī)*), yielding *k > ć, g > ʒ'/dz', x > s';* it was not operative in k^w, g^w, x^w sequences in West Slavic and the southern East Slavic Kiev-Poles'e dialects (cf. Shevelov 1964: 301). By the third palatalization, at least partly contemporaneous with the second, velars became palatalized (i.e. *k > ć, g > ʒ'/dz', x > s'*) immediately following a high (not high or mid, as with the other palatalizations) front vowel (i.e. *i, ī, į/ę < iN*) of the preceding syllable nucleus (e.g. *atik- > otĭc-* 'father'), unless followed by another consonant or an *u*-type vowel (*u, ū, uN*).

first millennium AD, their language may have been characterized by lenition, emerging palatalization, and other properties that emerged in migration Slavic (cf. 1974, Gvozdanović 2009). If true, this would imply that the Winidi with their pronunciation of Slavic (and higher social status) may have caused the lenition. A comparable phenomenon may have occurred in the history of Old High German, when the remaining Celts in southern Germany presumably triggered the Old High German consonant shift by their foreign pronunciation of the Germanic stops in the given environments (cf. Schrijver 2011).

4. Conclusion

The lenition of *g > *γ (< h) in the post-migration Slavic emerged in the proper environment for lenition and persisted as a phonetic variation for several centuries, until the fall of yers partially eliminated the proper environment and caused rephonologization. This lenition, restricted to the migration areas, probably arose in the effect of language contacts.

REFERENCES

Andersen, Henning 1969. Lenition in Common Slavic. *Language* 45/3, 554-575.

Bláha, Ondřej, Robert Dittmann, Karel Komárek, Daniel Polakovič, Lenka Uličná. 2015. *Kenaanské glosy ve středověkých hebrejských rukopisech s vazbou na české země*. Praha: Academia.

Čornejová, Michaela. 2009: *Tvoření nejstarších českých místních jmen: Bohemika z 11.–13. století*. Brno: MU.

Gvozdanović, Jadranka. 2009. *Celtic and Slavic and the Great Migrations*. Heidelberg: Winter.

Gvozdanović, Jadranka. 2025. Modelling combined linguistic and non-linguistic evidence in language reconstruction. In: Lahiri, Aditi et al. (eds.) *Historical Linguistics 2022. Proceedings of the 25th International Conference on Historical Linguistics*, 94-109. Amsterdam: Benjamins.

Jakobson, Roman. 1971. Contributions to the study of Czech accent. In: *Selected Writings I*, 614-625.

Klír, Tomáš. 2020. Language, material culture and ethnifying on the Carolingian border: Slavs in Northeast Bavaria. In: Klír, Tomáš et al (eds.) Vít Boček and Nicolas Jansens (eds.), *New Perspectives on the Early Slavs and the Rise of Slavic*, 193-274. Heidelberg: Winter.

Lamprecht, Arnošt, Dušan Šlosar, Jaroslav Bauer. 1984. *Historická mluvnice češtiny*. Praha: Státní Pedagogické Nakladatelstvi.

Lejeune, Michel. 1974. *Manuel de la langue vénète*. Heidelberg: Winter.

Losert, Hans. 2012. Die Slawen in Nordostbayern. *Fines Transire* 21: 139-168.

Martinet, André. 1952. Celtic lenition and Western Romance consonants. *Language* 28, 2: 192-217.

Profantová, Nad'a & Martin Profant. 2020. Ethnicity and the Culture with ceramics of the Prague type. In: Klír et al. (eds.), *New Perspectives on the Early Slavs and the Rise of Slavic*, 301-340. Heidelberg: Winter..

Schrijver, Peter (2011) The High German Consonant Shift and Language Contact. *Studies in Slavic and General Linguistics* 38: 217-249.

Shevelov, George. 1964. *A Prehistory of Slavic. The Historical Phonology of Common Slavic.* Heidelberg: Winter.

Shevelov, George. 1977. On the chronology of *H* and the new *G* in Ukrainian. *Harvard Ukrainian Studies* 1, 2:137-152.

Thurneysen, Rudolf. 1909. *Handbuch des Alt-Irischen*. Heidelberg: Winter.

PHONOLOGY MEETS PHILOLOGY: EXTRASYLLABIC SONORANTS IN OLD CZECH

MARKÉTA ZIKOVÁ, MARTIN BŘEZINA, RADEK ČECH, PAVEL KOSEK (CZECH REPUBLIC)

Extrasyllabic sonorants (R) are a specific prosodic category of consonants: although they form sonority peaks, they do not project syllable nuclei (Rubach & Booij 1990, 1992). Typologically, this prosodic type of sonorants is marked, as it violates the general principle of syllable structure organization known as the Sonority Sequencing Principle (Selkirk 1984; Clemens 1990; Zec 1995).

In Slavic languages, extrasyllabic sonorants are a consequence of the loss of weak Proto-Slavic vowels, the so-called *jers* (ь/ъ), which originally formed regular syllable nuclei, with the sonorant forming part of their onset: CRь/ъC > CRC. Modern Slavic languages differ in the extent to which they preserve these original extrasyllabic sonorants and in which positions. For example, Polish retains extrasyllabic sonorants in all positions: word-finally (*bób**r*** 'beaver'), word-initially (***r**wać* 'to tear'), and word-medially (*t**r**wać* 'to last'). Other modern West Slavic languages, Czech and Slovak, preserve them only word-initially, whereas in medial and final positions these marked prosodic sonorant types were eliminated; see Scheer (2007) for an overview. Czech and Slovak employ various repair strategies, including: (i) vowel epenthesis (e.g. in Slovak *bobrъ* > *bobr* > *bob**o**r* 'beaver'), (ii) cluster simplification (e.g. in Czech *sedlъka* > *sedlka* > *se**lk**a* 'woman farmer'), or (iii) change of the extrasyllabic sonorant into a syllabic consonant, where the sonority peak is syllabified like a vowel, i.e., as a syllable nucleus (N); e.g. in Czech *slьza* > *slza* > *s**l**ᴺza* 'tear').

In this paper, we focus on Old Czech, which is interesting in that both extrasyllabic and syllabic sonorants existed in the word-medial position (Gebauer 1894:§481; Komárek 1969:128; Lamprecht et al. 1986:77f.). These syllabic sonorants developed from Proto-Slavic falling diphthongs that contained a pre-liquid jer, which later disappeared (Jakobson 1952; Feldstein 1976). This means that at a certain stage of Czech development, there were CRC strings with different prosodic structures: they were either extrasyllabic, as in *slza* (**slьz*) 'tear' and *krvavý* (**krъv*) 'bloody', or syllabic, as in *plný* (**pьln*) 'full' and *první* (**pьrv*) 'first'.

The goal of this paper is twofold: first, to identify the prosodic structure of CRC clusters, and second, to examine in detail the diachronic change in which originally extrasyllabic CRC sequences transformed into less marked syllabic structures. Since prosodic status cannot be inferred from orthographic representation (there is no standardized orthographic convention for distinguishing extrasyllabic from syllabic CRC clusters), we have to adopt a different method

for identifying these two prosodic types. Our method is based on observing how words like *slza* and *plný* behave in regular syllable-based verse. To this end, we compiled a corpus of nearly 30,000 octosyllabic lines from texts dating from the 14th to the 17th century. We annotated this corpus using an automatic sonority parser, which allowed us to extract all tokens in which the sonorant forms a sonority peak—that is, all word forms containing a CRC string. If the string counts as a syllable in the octosyllabic verse, it signals that the sonorant is syllabic; if it does not count, it indicates an extrasyllabic sonorant that does not form an independent syllable nucleus. A detailed description of our method can be found in Ziková et al. (2023).

Analysis of the annotated Old Czech data shows that the change from extrasyllabic to syllabic CRC clusters was significantly influenced by morphological structure (Ziková et al. 2025). While root-based clusters such as *slz-a* underwent regular syllabification by the end of the 15th century, in clusters spanning a morpheme boundary, such as *smysl-ný* 'wise', extrasyllabic sonorants persisted until the late 16th century. We interpret this two-step change in terms of cluster licensing hierarchies (Cyran 2012) and cyclic derivation (Kaye 1995; Newell 2021).

BIBLIOGRAPHY

Clements, George Nickerson. 1990. The role of the sonority cycle in core syllabification. In Kingston, John & Beckman, Mary E. (eds.), *Papers in laboratory phonology 1: between the grammar and physics of speech*. 283–333. Cambridge: Cambridge University Press.

Cyran, Eugeniusz. 2010. *Complexity scales and licensing in phonology*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.

Feldstein, Ronald. 1976. Another look at Slavic liquid diphthongs. *Lingua* 38(3-4), 313–334.

Gebauer, Jan. 1894. *Historická mluvnice jazyka českého I. Hláskosloví*. [Historical grammar of Czech Language I. Phonology] Praha.

Jakobson, Roman. 1952. On Slavic Diphthongs Ending in a Liquid. *Word* 8(4), 306–310.

Kaye, Jonathan. 1995. Derivations and interfaces. In Durand, Jacques & Katamba, Francis (eds.), *Frontiers of phonology*. 289–332. London: Routledge.

Komárek, Miroslav. 1969. Historická mluvnice česká I. Hláskosloví [Historical grammar of Czech I. Phonology]. Praha: SPN.

Lamprecht, Arnošt & Šlosar, Dušan & Bauer, Jaroslav. 1986. *Historická mluvnice češtiny* [Historical grammar of Czech]. Praha: SPN.

Newell, Heather. 2021. Deriving Level 1/Level 2 affix classes in English: Floating vowels, cyclic syntax. *Acta Linguistica Academica* 68(1-2). 31–76.

Rubach, Jerzy & Booij, Geert. 1990. Edge of constituent effects in Polish. *Natural Language and Linguistic Theory* 8. 427–463.

Rubach, Jerzy & Booij, Geert. 1992. Resolutions of extrasyllabicity in Slovak. *Linguistics* 30. 699–729.

Scheer, Tobias. 2007. On the Status of Word-Initial Clusters in Slavic (And Elsewhere). In Compton, Richard et al. (eds.), *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics. The Toronto Meeting 2006*. 346–364. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications.

Selkirk, Elisabeth. 1984. On the major class features and syllable theory. In Aronoff, Mark & Oehrle, Richard T. (eds.), *Language sound structure*. 107–136. Cambridge, MA: MIT Press.

Zec, Draga. 1995. Sonority constraints on syllable structure. *Phonology* 12. 85–129.

Ziková, Markéta, Březina, Martin, Čech, Radek & Kosek, Pavel. 2025. The shift away from the marked: Syllabic consonants in historical Czech. *Glossa: a journal of general linguistics*10(1), 1–24.

Ziková, Markéta, Březina, Martin, Čech, Radek & Kosek, Pavel. 2023. Syllabic Consonants in Historical Czech and How to Identify Them. *Jazykovedný časopis* 74(1), 391–400.

КАТЕГОРИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО РОДА У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ РУССКО-НЕМЕЦКИХ БИЛИНГВОВ В ГЕРМАНИИ

Бернхард Бремер, Оля Блахер, Татьяна Курбангулова,
Чингиз Полетаев, Анастасия Теняева (Германия)

Предыдущие исследования показали, что грамматический род является нестабильной категорией при усвоении языка билингвами (см., среди прочих, Eichler et al. 2013, Kaltsa et al. 2019). Проблемы с усвоением грамматического рода в многоязычной среде обусловлены (i) сниженной функциональной нагрузкой грамматического рода (ср. преимущественно произвольное присвоение рода существительным независимо от их лексического значения, не считая контекстов, в которых биологический пол играет решающую роль в присвоении рода); (ii) различиями в степени прозрачности формальных показателей, например, фонологических, морфологических, семантических или синтаксических, которые можно использовать для определения рода существительного; (iii) различиями в количестве или распределении грамматических родов в языках, с которыми сталкивается билингв; и (iv) межъязыковыми различиями в составе частей речи, выражающих грамматическую категорию рода (напр., прилагательных, местоимений, числительных, глагольных форм) (ср. Corbett 1991). Последний пункт также связан с тем, что часто невозможно избежать указания грамматического рода в предложении, потому что он должен быть обязательно отмечен у отдельных частей речи в предложении.

Эти проблемы особенно актуальны для носителей унаследованных языков, то есть тех, кто родился и вырос за пределами (в нашем случае) русскоязычных стран в русскоязычных семьях и имеет ограниченный доступ к инпуту на русском языке. Несмотря на большое количество исследований, посвящённых усвоению рода носителями русского языка как унаследованного, среди учёных есть значительные разногласия по поводу того, какие факторы объясняют наблюдаемые различия в определении рода существительных у одноязычных и двуязычных носителей русского языка. В то время как одни учёные считают важным фактором влияние языка окружения (см. Schwartz et al. 2015, Lemmerth & Hopp 2019), другие считают решающими внешние по отношению к языку факторы, такие как (ограниченный) объём и качество инпута на русском языке (см. Rodina & Westergaard 2017, Mitrofanova et al. 2018, Rodina et al. 2020). Полински (Polinsky 2008) объясняет утрату среднего рода некоторыми носителями русского языка в США как эффект взаимодействия внутренних языковых факторов (редукция безударных /o/ и /e/ в окончаниях, затрудняющая разграничение соответствующих существительных от

прототипических существительных женского рода) и внешних (отсутствие категории рода в английском языке). В целом структурные сходства (напр., наличие категории грамматического рода в обоих языках) могут привести к эффекту ускорения в усвоении рода, в то время как различия между двумя языками могут привести к задержке в усвоении (Dieser 2009, Schwartz et al. 2015).

Что касается русского и немецкого, оба языка различают три грамматических рода (мужской, женский, средний), хотя в немецком отсутствует разграничение субклассов по семантическому признаку одушевлённости/неодушевлённости. Другое сходство заключается в том, что родовые различия размываются во множественном числе благодаря широко распространённому формальному синкретизму грамматических форм определений (согласующихся прилагательных или местоимений, в немецком также и артиклей) для всех трёх родов. Основное различие между русским и немецким языками в области грамматического рода заключается в различной степени прозрачности формальных признаков, указывающих на род существительных. В русском языке в большинстве случаев окончания существительных в именительном падеже единственного числа можно использовать для предварительного определения рода существительного. Большинство существительных мужского рода оканчиваются на твёрдый (т. е. непалатализованный) согласный (Masc-C, напр., *стол*), в то время как большинство существительных женского рода оканчиваются на /a/ (Fem-a, напр., *река́*). В случае существительных женского рода с ударением на основе, окончание реализуется как шва [ə] (Fem-ə, например, *бу́ква*). Как Masc-C, так и Fem-a (в ударном и неударном вариантах) являются надёжными показателями рода, поскольку соответствующие классы существительных усваиваются русскими монолингвальными детьми рано, примерно в два года (Гвоздев 1961, Цейтлин 2005). Однако показатели, указывающие на существительные среднего рода, а именно окончания /o/ (Neut-o, напр., *ведро́*) и /e/ (Neut-e, напр., *пла́тье*), представляют собой более проблематичные случаи для усвоения рода, поскольку (i) они довольно редки по сравнению с первыми двумя упомянутыми классами, и (ii) редукция гласных в неударных окончаниях приводит к совпадению с существительными женского рода, оканчивающимися на шва (Neut-ə, напр., *мя́со*), что создаёт дополнительные трудности для различения существительных среднего и женского рода (ср. ранее упомянутый пример американских носителей русского языка как унаследованного). Последние два класса, т.е. существительные мужского рода, оканчивающиеся на мягкий (палатализованный) согласный (Masc-C', напр., *день*), и существительные женского рода, также оканчивающиеся на палатализованный согласный (Fem-C', напр., *кость*), труднее различать детям. Следовательно, эти

четыре неоднозначных и/или менее надёжных показателя (Neut-o, Neut-ə, Masc-C‘ и Fem-C‘) обычно усваиваются монолингвами в более позднем возрасте: примерно с 3-4 лет (в случае с Neut-o) и до дошкольного или до младшего школьного возраста (Гвоздев 1961, Цейтлин 2005). В немецком языке показатели рода гораздо менее прозрачны: существующие фонологические, морфологические и семантические признаки отражают скорее вероятностные тенденции, чем строгие правила (см., например, Köpcke 1982). Кроме того, перечень частей речи, маркированных по грамматическому роду, более ограничен, чем в русском языке, где, например, глагольные формы прошедшего времени и сослагательного наклонения также маркированы по родовому признаку, чего нет в немецком языке.

На этой основе наше исследование ставит следующие два исследовательских вопроса: **ИВ1:** Все ли группы, различающиеся по возрасту начала овладения языком окружения (немецким), демонстрируют нормативное определение рода, или между этими группами существуют качественные и/или количественные различия в освоении или сохранении грамматического рода в русском языке? **ИВ 2**: Существуют ли доказательства межъязыкового влияния в присвоении грамматического рода в русском языке как унаследованном в Германии?

ИВ1 затрагивает важный вопрос в исследованиях по овладению унаследованным языком, а именно то, являются ли возможные различия между монолингвами и билингвами в результатах усвоения рода следствием (i) недостаточного количества инпута на унаследованном языке, поскольку дети овладевают этим языком в основном в семейной обстановке, в то время как язык окружения поддерживается как большинством населения, так и системой образования; и/или (ii) качественно отличающимся инпутом, т. е. если расхождения в присвоении рода обнаруживаются уже в инпуте, получаемом детьми от иммигрантов первого поколения (родителей, бабушек и дедушек), эти зарождающиеся изменения могут привести к более фундаментальной перестройке системы рода у детей (напр., к полной утрате того или иного рода).

В ИВ2 исследуется специфика межъязыкового влияния на усвоение рода путём сопоставления существительных, совпадающих по роду в обоих языках (напр., русское *платье* и его немецкий эквивалент *Kleid*, оба среднего рода) и не совпадающих (напр., русское *осень* — женского рода, в отличие от его немецкого эквивалента *Herbst* — мужского рода). Нашей целью было проверить, труднее ли усвоить существительные с не совпадающим грамматическим родом в контексте межъязыкового влияния, или же формальные морфофонологические показатели являются основным фактором, на основе

которого билингвы определяют род существительного. В последнем случае мы ожидаем различий в точности определения рода в зависимости от степени прозрачности и надёжности соответствующих показателей, причём более прозрачные показатели, такие как Masc-C и Fem-a, приводят к более высоким показателям точности, чем неоднозначные или более редкие показатели, такие как Masc-C‘, Fem-C‘, Neut-o или Neut-ə. Следовательно, усвоение рода русско-немецкими билингвами в данном случае должно быть качественно аналогично усвоению рода монолингвами.

В исследовании приняли участие 64 русско-немецких билингва, представляющих три разных поколения: 16 бабушек и дедушек (11 женщин, 5 мужчин, возраст на момент тестирования: 59-78 лет), 29 родителей (17 женщин, 12 мужчин, возраст: 37-56 лет) и 19 детей (9 девочек, 10 мальчиков, возраст: 7-17 лет). Сбор данных проводился в семьях, где все члены семьи русскоязычные Всего в нашем проекте приняло участие 16 семей. Представители поколения бабушек и дедушек иммигрировали в Германию из стран бывшего СССР в возрасте от 35 до 53 лет, а представители родительского поколения (= дети бабушек и дедушек) на момент приезда в Германию были подростками или молодыми взрослыми (возрастной диапазон на момент иммиграции: 10-33 года, средний возраст: 19 лет), таким образом представляя 1,5 поколение иммигрантов. Дети являются типичными носителями унаследованного языка, т.е. все они родились в Германии. Все три поколения различаются по языковому профилю: у бабушек и дедушек русский является первым языком (L1), а немецкий язык они начали учить в основном после иммиграции. Родители на момент переезда в Германию ещё продолжали получатьобразование и должны были быстро адаптироваться к немецкому языку как языку обучения. Они начали овладевать немецким языком в подростковом возрасте, то есть в значительно более раннем возрасте по сравнению с их родителями. Дети изначально приобрели русский язык в семье как L1, но совсем скоро столкнулись с немецким, поэтому их можно классифицировать как одновременных или ранних последовательных русско-немецких билингвов.

Для сбора данных мы использовали задание на описание картинок. В отличие от предыдущих исследований, мы сосредоточились не на вызывании атрибутивных прилагательных как носителей маркирования рода, а на анафорических личных местоимениях, которые практически не изучались в предыдущих исследованиях в качестве показателей рода существительных. Сначала участникам эксперимента показывали картинку с каким-либо объектом и просили его назвать. После этого им показывали вторую картинку с тем же объектом, но на этот раз — в определённом окружении (напр., дерево, стоящее перед домом, причём дерево было ключевым словом), и просили описать картинку, начав

предложение с подходящего анафорического личного местоимения: он (мужск.), она (женск.) и оно (сред.). Например, «Он/она/он [= дерево] ... стоит перед домом». Порядок местоимений на картинках варьировался, чтобы избежать предвзятого выбора первого личного местоимения. Существительные были разделены на восемь групп (по десять в каждой группе): существительные женского, мужского и среднего рода с прозрачными (Masc-C, Fem-á, Neut-ó, Neut-e), а также неоднозначными показателями (Masc-C‘, Fem-C‘, Fem-ə, Neut-ə). Кроме того, у половины существительных род совпадал с родом их эквивалентов в немецком (конгруэнтное условие), а у половины — нет (неконгруэнтное условие).

Результаты по ИВ1 показали, что на групповом уровне носители унаследованного языка, родившиеся в Германии, значительно отличаются от двух других билингвальных групп: В то время как бабушки, дедушки и родители выбирали нормативный грамматический род в среднем в 99% случаев, дети показали худшие результаты и выбирали нормативный грамматический род в среднем только в 86% случаев. Таким образом, дети получают нормативный инпут со стороны старших членов семьи, принявших участие в исследовании. Лишь у немногих представителей старшего поколения возникло больше отклонений при определении рода: среди бабушек и дедушек половина всех неправильных ответов (n=14) была дана всего одним участником. Среди родителей также один участник совершил почти половину всех ошибок (16 из 34 случаев ненормативного присвоения рода). При этом 20 из 29 родителей не допустили ни одной ошибки. Среди детей также наблюдается концентрация случаев ненормативного определения рода у ограниченного числа участников: на долю трёх человек пришлось более половины ошибок (118 из 217 ошибок, в сумме 54,4%). Если к этой группе добавить ещё четверых детей, то их результаты составят 81% всех отклонений. Следовательно, присвоение рода анафорическим местоимениям представляет собой проблему лишь для некоторых из протестированных нами детей. Что касается роли морфофонологических показателей при определении рода у носителей унаследованного языка, здесь наблюдается картина, аналогичная описанной для монолингвальных детей: существительные с прозрачными показателями Masc-C (92%), Fem-a (90%) и Fem-ə (93%) были определены почти безошибочно, в то время как самые низкие показатели правильности были у сушествительных с неоднозначными показателями: Fem-C‘ (76%) и Masc-C‘ (86%). Существительные среднего рода оказались сложными независимо от отдельных показателей: Neut-o (84%), Neut-e (80%) и Neut-ə (84%).

Что касается ИВ2, то мы не нашли никаких доказательств существенного межъязыкового влияния на определение рода. В данных детей 57% ошибок в определении рода приходятся на существительные, имеющие разный род в двух языках, в то время как на конгруэнтные существительные пришлось 43% ошибок. Однако даже в случае с неконгруэнтными существительными не наблюдалось чёткой тенденции к переносу грамматического рода из немецкого: только в 33% случаев (41 из 123 ошибок) существительное принимало род своего немецкого эквивалента. Чаще всего в случае неуверенности дети прибегали к стратегии обобщения одного грамматического рода (в основном с существительными с неоднозначными показателями), которая не была связана с грамматическим родом немецкого эквивалента.

В целом наши результаты подтверждают итоги предыдущих исследований в том, что усвоение рода у носителей унаследованного языка напоминает путь развития, отмеченный для русских монолингвальных детей, и не подвержено межъязыковому влиянию языка окружения, по крайней мере, на групповом уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Corbett, G. (1991). *Gender*. Cambridge: Cambridge University Press.

Dieser, E. (2009). *Genuserwerb im Russischen und Deutschen: Korpusgestützte Studie zu ein- und zweisprachigen Kindern und Erwachsenen*. München: Sagner.

Eichler, N., Jansen, V., & N. Müller (2013). Gender acquisition in bilingual children: French-German, Italian-German, Spanish-German and Italian-French. *International Journal of Bilingualism* 17, 550–570. doi: 10.1111/mono.12348

Kaltsa, M., Tsimpli, I. M., & F. Argyri (2019). The development of gender assignment and agreement in English-Greek and German-Greek bilingual children. *Linguistic Approaches to Bilingualism* 9, 253–288. doi: 10.1075/lab.16033.kal

Köpcke, K. M. (1982). *Zum Genussystem der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen: Niemeyer.

Lemmerth, N., & H. Hopp (2019). Gender processing in simultaneous and successive bilingual children: Cross-linguistic lexical and syntactic differences. *Language Acquisition* 26(1), 21–45. doi: 10.1080/10489223.2017.1391815

Mitrofanova, N., Rodina, Y., Urek, O., & M. Westergaard (2018). Bilinguals' sensitivity to grammatical gender cues in Russian: the role of cumulative input, proficiency, and dominance. *Frontiers in Psychology* 9:1894. doi: 10.3389/fpsyg.2018.01894

Polinsky, M. (2008). Gender under incomplete acquisition: heritage speakers' knowledge of noun categorization. *Heritage Language Journal* 6, 40–71.

Rodina, Y., Kupisch, T., Meir, N., Mitrofanova, N., Urek, O. & M. Westergaard (2020). Internal and external factors in heritage language acquisition: Evidence from Heritage Russian in Israel, Germany, Norway, Latvia and the United Kingdom. *Frontiers in Education* 5: 20. doi: 10.3389/feduc.2020.00020.

Rodina, Y., & M. Westergaard (2012). A cue-based approach to the acquisition of grammatical gender in Russian. *Journal of Child Language* 39, 1077–1106. doi: 10.1017/ S0305000911000419

Rodina, Y., & M. Westergaard (2017). Grammatical gender in bilingual Norwegian-Russian acquisition: the role of input and transparency. *Bilingualism: Language & Cognition* 20(1), 197–214. doi: 10.1017/s1366728915000668

Schwartz, M., Minkov, M., Dieser, E., Protassova, E., Moin, V., & M. Polinsky (2015). Acquisition of Russian gender agreement by monolingual and bilingual children. *International Journal of Bilingualism* 19(6), 726–752. doi: 10.3389/fpsyg.2018.01894

Гвоздев, А. Н. (1961). *Формирование у ребенка грамматического строя русского языка*. Москва: АПН РСФСР.

Цейтлин, С. Н. (2005). Категория рода в детской речи. В: А. В. Бондаренко & С. А. Шубик (ред.): *Проблемы функциональной грамматики*. Санкт-Петербург: Российская Академия Наук, 346–375.

PREOBILJE U HRVATSKOJ MORFOLOGIJI

TOMISLAVA BOŠNJAK BOTICA (HRVATSKA)
Institut za hrvatski jezik
tbosnjak@ihjj.hr

1. Uvod

Pojam *preobilja* relativno je nov u morfologiji (engl. *overabundance*, usp. Thornton [9]), a povezuje se s prekomjernom količinom fleksijskoga materijala istih morfosintaktičkih značajka, odnosno situacijom u kojoj postoji više dostupnih oblika za jedno mjesto u deklinacijskoj ili konjugacijskoj paradigmi. Možemo govoriti i o morfološkom *dubletizmu*, morfološkoj *sinonimiji* ili morfološkoj *varijantnosti*. Na primjer, dva oblika instrumentala jednine imenice *mast* (*masti* i *mašću*) ili tri oblika genitiva množine imenice *crkva* (*crkava*, *crkva* i *crkvi*) mogu se pojaviti u istom kontekstu. Takva je pojava načelno u suprotnosti s uvriježenim shvaćanjem jezika kao ekonomičnoga sustava koji se temelji na načelima zapreke i kontrasta (usp. [1], [7], [6]) te podrazumijeva uravnotežen odnos izraza i sadržaja gdje jedan oblik u načelu sprječava postojanje drugoga ako među njima nema značenjske razlike. Tako u hrvatskome množina imenice *konj* glasi *konji* premda bi se od jednosložnih imenica očekivala duga množina *konjevi*. Međutim, taj se oblik nije ostvario zbog načela zapreke i ukorijenjenosti oblika *konji*. Sličan je primjer prezentska osnova glagola *vikati* s jotiranim oblikom *viče-* koja je spriječila da se ukorijeni nejotirana osnova *vika-* itd. Odrasli izvorni govornici hrvatskoga jezika u pravilu neće pogriješiti u navedenim primjerima, dok djeca u ranom jezičnom razvoju ili inojezični govornici hrvatskoga često proizvode oblike prema općim pravilima, kasnije usvajajući njihove iznimke. Dakle, sukladno navedenim načelima nužnoga kontrasta, kad se na istom mjestu u jeziku nađu dva ili više oblika, oni bi se trebali razlikovati po značenju ili funkciji. Primjer je imenica *sat*, čija množina može biti *sati* (u značenju mjerne jedinice za vrijeme) ili *satovi* (u značenju naprave ili uređaja za mjerenje vremena), a još se obje rabe i u drugim značenjima. Slično tomu množina imenice *snijeg* može glasiti *snjegovi* (neutralni oblik) ili *snijezi* (stilski obilježen). Katkad je razlika među oblicima odraz aktivne u odnosu na pasivnu upotrebu, što možemo vidjeti na primjeru prezentske osnove glagola *gibati* ili *uzimati* (*giba-* i *uzima-* nasuprot zastarjelomu *giblje-* i *uzimlje-*). Dijalektalne razlike također mogu igrati ulogu, primjerice, u nekim štokavskim govorima množina imenice *miš* glasi *miši*, dok je standardnojezični oblik *miševi*. Razlike među oblicima mogu se temeljiti i na normativnom statusu, pa će od dvaju ili triju mogućih oblika, samo jedan biti normativno preporučen, odnosno naveden u jezičnim priručnicima. Takvi su na primjer genitiv množine imenice *gošća* (*gošćā* u standardu nasuprot češćemu *gošći*) ili prezentska osnova glagola *obećavati* (*obećava-*

u standardu nasuprot razgovornomu *obećaje*-). Stilske i pragmatičke vrijednosti također mogu utjecati na izbor oblika. U navedenim se primjerima višak oblika može opravdati funkcionalnom razlikom po načelu jezičnoga kontrasta, no u stanovitom broju slučajeva to ne vrijedi, drugim riječima, među višestrukim oblicima ne možemo sa sigurnošću uspostaviti kriterij koji bi uvjetovao upotrebu jednoga od njih te govorimo o preobilju. Počnimo od idućih primjera:

1. Na stolu je nekoliko _____ (Gmn. *kruška*).
2. Volim gledati emisije s ovim _____ (Ijd. *kuhar*).
3. Slikar je na zidu naslikao pet _____ (Gmn. *pauk*).
4. Vaš je stol dug, ali ovaj je još _____ (komparativ *dug*).
5. U mravinjaku ima mnogo _____ (Gmn. *mrav*).
6. Ljudi _____ (3. l. mn. prez. *šetati se*) sa psom.

Na praznim mjestima u svakoj od navedenih rečenica može se upotrijebiti više oblika, no govornik hrvatskoga jezika obično bira onaj koji mu je „najprirodniji", kojim se služi u svakodnevnom govoru, osim, dakako, ako unaprijed znade da je taj oblik po nekom kriteriju neprihvatljiv (npr. u rečenici na standardnom jeziku zacijelo neće upotrijebiti genitiv množine u obliku *hrušek* ili *hruških*). Tako bismo s velikom vjerojatnošću očekivali oblike *šetamo se*, *kuharom* i *krušaka*. Ako se od govornika zatraži da razmisli o drugim mogućim oblicima, vjerojatno bi naveo i *šećemo se*, *kuharem* i *kruški*, dok bi drugi govornik možda odabrao suprotne ili kombinirane oblike. U svakom slučaju, svi su ti oblici poznati većini izvornih govornika, ali se u konkretnim situacijama odlučuju za jedan od njih. Zbog toga se u korpusima pojavljuju različiti omjeri upotrebe pojedinih oblika. Primjeri iz spontanoga govora pokazuju pak da je u jednoga govornika moguće ostvarivanje dvaju morfosintaktički jednakih oblika.

Istraživanja posljednjih petnaestak godina (npr. [9], [10], [2], [8]; [3], [11]) preispituju uvriježeno gledište da je postojanje funkcionalne razlike preduvjet morfološke dubletnosti te iznose primjere koji potvrđuju da je stanje složenije nego što se pretpostavljalo.

U istraživanjima koja su u tijeku ili se tek planiraju nastoji se odgovoriti na nekoliko ključnih pitanja: Je li preobilje rezultat isključivo unutarjezičnih procesa ili na njega utječu kontakti s drugim bliskim jezičnim sustavima? Kako pojedini oblici nestaju iz jezika, a drugi u nj ulaze? Stvara li se preobilje spontano i što utječe na njegovo održavanje? Jesu li dublete prolazna pojava ili trajna značajka jezičnoga sustava? Posebno je zanimljiv normativni aspekt preobilja. Naime, neizostavno je pitanje treba li uopće i u kojoj mjeri norma intervenirati u postojeći status paralelnih oblika – bilo suzbijanjem oblika koji su prisutni u svakodnevnom govoru, ali s različitih razloga nisu normativno prihvatljivi, bilo zadržavanjem u normativnim priručnicima oblika koji više nisu u stvarnoj uporabi [5].

2. Kategorije preobilja u hrvatskome i Baza hrvatskih morfoloških dubleta

Zasad smo u deklinacijskom i konjugacijskom sustavu hrvatskoga standardnoga jezika izdvojili oko 60 kategorija preobilja. Kategorije su razvrstane po vrstama riječi te obuhvaćaju imenice (29), zamjenice (6), pridjeve (posljedično i priloge) (5) te glagole (18). Taj broj zacijelo nije konačan i podložan je smanjivanju odnosno povećavanju. Podrobniji popis i opis pojedinih kategorija, za što u ovom radu nema mjesta, može se naći u najnovijoj knjizi o morfološkom preobilju (Bošnjak Botica 2024), a ovdje donosimo tablicu s po tri kategorije za svaku vrstu riječi s nekoliko istaknutih primjera.

Razvoj Baze hrvatskih morfoloških dubleta – DvojBa [4] bitan je korak u proučavanju i razumijevanju morfološke varijantnosti u hrvatskom jeziku. Glavna je svrha baze pružiti stručnjacima resurs za proučavanje ove jezične pojave u hrvatskom standardnom jeziku, ali i nestandardnim idiomima (potvrde iz dijalekata i razgovornoga jezika), a široj javnosti mjesto na kojem će pronaći odgovore o dvojbenim oblicima i njihovoj učestalosti, odnosno provjeriti podudara li se njihov jezični izbor s općim trendovima u jeziku. Važan aspekt baze bit će njezina povezanost s drugim mrežnim jezičnim resursima, poput mrežnog rječnika hrvatskoga jezika. To će korisnicima omogućiti sveobuhvatan pristup jezičnim podatcima, što će posredno utjecati na budući gramatički i leksikografski opis hrvatskoga jezika koji se odnosi na morfološku varijantnost. Naime, vjerujemo da će baza, kad zaživi u punom opsegu, omogućiti dublji uvid u dinamiku razvoja preobilja u hrvatskom jeziku, omogućiti izradu preciznijih normativnih preporuka temeljenih na stvarnoj uporabi te doprinijeti smanjenju nesigurnosti u odabiru jezičnih oblika među izvornim i neizvornim govornicima.

3. Zaključak

Morfološko preobilje u hrvatskom jeziku, iako ograničeno na određene lekseme i kategorije, izazovno je područje istraživanja. To je ponajprije stoga što je malo toga dovoljno istraženo i mnogi su smjerovi tek otvoreni. Iz dosadašnjih istraživanja znamo da je riječ o dinamičnoj pojavi. Naime, dok u nekim kategorijama preobilje nestaje, u drugima nastaje novo. S vremenom i dobi govornika mijenja se i zastupljenost pojedinih oblika pa će tako na primjer u genitivu množine imenica ženskoga roda s višesuglasničkim završetkom osnove prevladavati nastavak -i (*breskvi*, *tajni*, *vožnji*) i među govornicima za koje se očekuje da imaju nastavak -a na tom mjestu. Uz jezičnu uporabu ključnu ulogu u razumijevanju preobilja ima i jezična norma. Normativni priručnici naime često isključuju varijante koje drže dijalektnima ili razgovornima, dok neki oblici navedeni u rječnicima nemaju potvrde među govornicima. Upravo je određivanje granice između prihvatljivih i neprihvatljivih oblika vrlo osjetljiv posao

suvremene leksikografije. Vjerujemo da će razvijanje novih resursa poput baze dubleta doprinijeti još preciznijem određenju njihova statusa.

Zahvala: Ovaj je rad nastao u okviru projekta Morfološko preobilje u hrvatskom jeziku, koji financira Europska unija programom Next Generation. Za iznesene stavove i mišljenja odgovorni su samo autori te ti stavovi ne odražavaju nužno službena stajališta Europske unije ili Europske komisije. Istraživanje za potrebe rada također je potpomognuto projektom Feast and Famine: Confronting Overabundance and Defectivity in language (AH/T002859/1).

LITERATURA

[1] Aronoff, Mark. 1976. *Word formation in generative grammar*. Cambridge, MA: MIT Press.
[2] Bermel, Neil; Knittl, Luděk; Russell, Jean. 2015. Morphological variation and sensitivity to frequency of forms among native speakers of Czech. *Russian Linguistics*, 39, 3, 283–308.
[3] Bošnjak Botica, Tomislava; Hržica, Gordana. 2016. Overabundance in Croatian dual-class verbs. *Fluminensia*, 28, 1, 83–106.
[4] Bošnjak Botica, Tomislava; Lečić, Dario; Hržica, Gordana; Budja Jurica. 2019. Baza hrvatskih morfoloških dubleta (DvojBa). *Suvremena lingvistika*, 45, 95–108.
[5] Bošnjak Botica, Tomislava. 2024. Preobilje u hrvatskoj morfologiji. Zagreb: Institut za hrvatski jezik.
[6] Carstairs-McCarthy, Andrew. 2010. *The evolution of morphology*. Oxford: Oxford University Press.
[7] Clark, Eve. 1987. The principle of contrast: A constraint on language acquisition. *Mechanisms of language acquisition* [ur. MacWhinney, Brian]. London: Lawrence Erlbaum, 1–33.
[8] Lečić, Dario. 2015. Morphological doublets in Croatian: the case of the instrumental singular. Russian Linguistics, 39, 3, 375–393.
[9] Thornton, Anna Maria. 2011. Overabundance (multiple forms realizing the same cell): A non-canonical phenomenon in Italian verb morphology. *Morphological autonomy: Perspectives from romance inflectional morphology* [ur. Maiden, Martin; Smith, John Charles; Goldbach, Maria, Hinzelin, Marc-Olivier]. Oxford: Oxford University Press, 358–381.
[10] Thornton, Anna Maria. 2019. Overabundance: A canonical typology. *Competition in Morphology* [ur. Rainer Franz; Gardani, Francesco; Luschütsky, Hans Chistian; Dressler, Wolfgang U]. Dordrecht: Springer, 223–258.
[11] Vihman, Virve; Aigro, Mari. 2023. Realised overabundance in Estonian noun paradigms: A corpus study. *Word Structure*, 16, 2–3, 154–175.

ЗА ГРАНИЦИТЕ НА СЛОВООБРАЗУВАНЕТО

Цветанка Аврамова (България)
Софийски университет „Св. Климент Охридски“
Факултет по славянски филологии
avramova.cv@slav.uni-sofia.bg

Докладът е посветен на един от фундаменталните въпроси в дериватологията – въпросът за производността (разбирана като изводимост на една дума от друга на формално равнище) и мотивацията (разбирана като семантична обусловеност на дадена дума от друга) на производните/мотивираните думи. Вниманието се фокусира върху принципите за установяване на производност и мотивация на синхронно равнище, като се набляга върху два основни въпроса: 1) Може ли да има разминаване между производността и мотивацията, т.е. може ли по форма даден дериват да се извежда от една дума, а по семантика – от друга? 2) Може ли към производните/мотивираните думи да се включват и такива заети единици, чиито особености във формалния им строеж трудно могат да бъдат обяснени със законите на домашната словообразувателна система?

1.0. Въпреки някои нюанси във формулировките си, всички известни ми дефиниции на производността и мотивацията в славистиката съдържат изискването производната / мотивираната дума да се извежда както по форма, така и по значение от друга дума (други думи), свободнофункциониращи в даден език в определен етап от неговото развитие (Dokulil 1962: 11; Улуханов 1977: 7; МČ 1986: 206–208; DSZ 1989: 28; Dokulil 1996: 80; Gramatyka 1998[2]: 361; Лопатин, Улуханов 2016: 22 и др.). Обикновено в изследванията или се предпочита един от двата термина (производност или мотивация), или терминът производност, съотв. производна дума (= дериват в широк смисъл) се използва, когато се представя формалната страна на деривационния процес, а когато се описва семантиката, се предпочита терминът мотивация, съотв. мотивирана дума, или двата термина се употребяват паралелно, като синоними на синхронно равнище.

В славянската дериватология отдавна са описани принципите (правилата) за установяване на посоките на производност и мотивация (напр. Dokulil 1962: 103–117; ГСРЛЯ 1970: 37–38; Улуханов 1977: 7; Русская грамматика 1980: 131–132; МČ 1986: 208 – 209; Furdík 1994: 26–28; Gramatyka 1998[2]: 361–362; Земская 2011[3]: 7–11 и др.). Въпреки това съществуват трудности, свързани не само с определянето на посоката на производност / мотивация, но и с определянето на произвеждащата / мотивиращата

дума. В някои случаи се допуска т. нар. „разцепване на формалната и семантична мотивация“ („разщепление формальной и семантической мотивации“) – определение на О.П. Ермакова (Ермакова 1972а: 68; Ермакова 1972б: 102; Buzássyová 2018) и дори „разцепване на формалната и семантична производност“ („расхождение отношений формальной и смысловой производности“) (Земская 2011[3]: 71–75).

По мое мнение формалното съотнасяне на даден дериват с една дума, а семантичното – с друга е в противоречие със съществуващите дефиниции на производната / мотивираната дума като дума, която по форма и значение се съотнася с *една и съща дума*. Всяко изключение от това правило би размило критериите за установяване на производност и мотивация между еднокоренните думи, би довело до определянето на производността / мотивацията като съотнасяне не между две (или повече) еднокоренни думи (лексеми), свободнофункциониращи в езика, а между дума и корен.

2.0. В доклада се коментират и трудностите при установяването на производност / мотивация при заетите думи с т.нар. прозрачна словообразувателна структура, които се съотнасят формално и семантично с други свободнофункциониращи (също заети) лексикални единици в заемащия ги език. В синхронните дериватологични изследвания на такива думи обикновено се приписва статут на производни, мотивирани думи (TSČ 1967; ГСРЛЯ 1970; Лопатин 1977; Русская грамматика 1980; Граматика 1983; MČ 1986; DSZ 1989; Dokulil 1996; Waszakowa 1988; 1992; 2005; Gramatyka 1998[2]; Ševčíková 2024 и др.). В много случаи заетите думи навлизат в езика реципиент не изолирано, а заедно с други думи, с които са в мотивационни отношения, поради което е трудно да се определи кога е налице същински словообразувателен процес и кога става дума за *адаптиране* на чуждата формация към домашната словообразувателна система. Много често към проявите на словообразувателна адаптация биват отнасяни и същински деривати, образувани на домашна почва от заети основи (вж. подобни примери у Ološtiak, ed. 2021).

От една страна, заетите думи с прозрачна словообразувателна структура биват разглеждани като част от домашната словообразувателна система, от друга обаче, се признава, че при заетите думи се срещат специфични морфонологични редувания, които не са характерни за домашната лексика (Waszakowa 1988), поради което заетите думи според някои автори съставят специфична словообразувателна подсистема (Waszakowa 1992). Освен нетипичните редувания, могат да бъдат открити и други

показатели за чуждостта на тези единици (напр. нетипични групи фонеми в езика реципиент).

Достатъчна ли е в такъв случай формално-семантичната съотносимост на дадена заета дума с друга / други (също заети) думи, за да ѝ бъде приписан статут на производна / мотивирана дума в заемащия език? Не се ли размиват по този начин границите на словообразуването?

В доклада се застъпва мнението, че и в синхронните (както в диахронните) изследвания би трябвало да се отчита фактът на заемане – особено, когато това става пред нашите очи, т.е. когато се отнася до новозаета лексика, и че към производните / мотивираните думи би трябвало да се причисляват само тези, които могат да бъдат обяснени със словообразувателните механизми, валидни при образуването на домашна лексика (от домашни или заети основи, с помощта на домашни или заети форманти). В противен случай има опасност за производна / мотивирана да бъде обявена всяка дума, съдържаща общ корен с друга дума (други думи) и следователно имаща формална и семантична връзка с тази дума (тези думи), т.е. има опасност да се излезе извън границите на словообразувателните отношения производност и мотивация – такива, както са дефинирани в научната литература.

ЛИТЕРАТУРА

Граматика 1983: *Граматика на съвременния български книжовен език. Том 2. Морфология*. Гл. ред. Д. Тилков, Ст. Стоянов, К. Попов. София: Изд. на БАН, 1983.

ГСРЛЯ 1970: *Грамматика современного русского литературного языка*. Ред. Н. Ю. Шведова. Москва: Наука, 1970.

Ермакова 1972а: О. П. Ермакова. О некоторых закономерностях в расщеплении структурной и семантической мотивации производного слова. – В: *Актуальные проблемы русского словообразования*. Ред. А. Н. Тихонов. Самарканд: Самаркандский государственный университет им. А. Навои, 1972: 68–72.

Ермакова 1972б: О. П. Ермакова. Выступление О. П. Ермаковой. – В: *Актуальные проблемы русского словообразования*. Ред. А. Н. Тихонов. Самарканд: Самаркандский государственный университет им. А. Навои, 1972: 102–106.

Земская 2011[3]: Земская Е. А. *Современный русский язык. Словообразование. Учебное пособие*. Москва: Наука, 2011. Третье издание, исправленное и дополненное.

Лопатин, Улуханов 2016: В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. *Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка*. Москва: Азбуковник, 2016.

Русская грамматика 1980: *Русская грамматика*. Т. I. Ред. Н. Ю. Шведова. Москва: Наука, 1980.

Улуханов 1977: И. С. Улуханов. *Словообразовательная семантика в русском языке*. Москва: Наука, 1977.

Buzássyová 2018: K. Buzássyová. O rozštiepení štruktúrnej a sémantickej motivácie slov s formantom *-stvo*. – In: *Ako sa rodia a žijú slová. II. Výber z diela Kláry Buzássyovej*. Eds. B. Chocholová, N. Janočková. Bratislava: Veda, 2018: 33–36.

Dokulil 1962: M. Dokulil. *Tvoření slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov*. Praha: Academia, 1962.

Dokulil 1996: M. Dokulil. Tvoření slov. – In: *Čeština – řeč a jazyk*. M. Čechová a kol. Praha: ISV nakladtatelství, 1996: 76–132.
DSZ 1989: J. Horecký, K. Buzássyová, J. Bosák a kol. *Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny*. Bratislava: Veda, 1989.
Furdík 1994: J. Furdík. *Slovenská slovotvorba (Teória, opis, cvičenia)*. Ed. M. Ološtiak. Prešov: Náuka, 2004.
Gramatyka 1998[2]: *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia.* Red. R. Grzegorczykowa, R. Laskowski, H. Wróbl. Wydanie drugie, zmienione. Warszawa, 1998.
MČ 1986: *Mluvnice češtiny. 1. Fonetika. Fonologie. Morfonologie a morfemika. Tvoření slov*. Red. J. Petr. Praha: Academia, 1986.
TSČ 1967: *Tvoření slov v češtině. 2. Odvozování podstatných jmen*. Red. B. Havránek. Praha: Academia, 1967.
Waszakowa 1988: K. Waszakowa. Słowotwórstwo rzeczowników obcych – synchroniczne znamiona obcości derywatów sufiksalnych. – *Polonica*, XIII, 1988, 131–140.
Waszakowa 1992: K. Waszakowa. Zapożyczenia jako pryedmiot badań słowotwórstwa synchronicznego. – In: *Z polskich studiów slawistycznych, seria VIII. Językoznawstwo. Prace na XI Międzynarodowy kongres slawistów w Bratysławie 1993*. Warszawa, 1992, 255–261.
Waszakowa 2005: K. Waszakowa. *Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny*. Warszawa: WUW, 2005.
Ševčíková 2024: M. Ševčíková. Slovesa s cizími kořeny ve slovotvorném systému češtiny. – In: *Česká slovotvorná koncepce v kontextu slovanské jazykovědy*. Eds I. Bozděchová, B. Niševa, K. Skwarska. Praha: Academia, 2024.
Ološtiak, ed. 2021: M. Ološtiak, ed. *Kapitoly zo slovotvornej adaptácie prevzatých slov v slovenčine*. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, 2021.

МОРФЕМАТИКА У СРПСКОМ И ДРУГИМ СЛОВЕНСКИМ ЈЕЗИЦИМА

САЊА Ж. ЂУРОВИЋ (СРБИЈА)
Универзитет у Крагујевцу
Филолошко-уметнички факултет
Одсек за филологију Катедра за српски језик
sanja.djurovic@filum.kg.ac.rs, sdjurovic74@gmail.com

Предмет рада јесте разматрање статуса морфематике/морфемике као самосталне дисциплине и приступа у области морфематике у српском, руском, словачком и чешком језику. Ови словенски језици изабрани су јер се морфематика у овим језицима издвојила као посебна дисциплина унутар морфологије и творбе речи[1]. Морфематика се дефинише као самостална лингвистичка дисциплина која се бави проучавањем морфема, а које су предмет изучавања и других лингвистичких дисциплина. У србистици се појам морфеме уводио и објашњавао у оквиру морфологије и то само указивањем на најосновније типове морфема и њихову поделу. У оквиру творбе речи обрађене су творбене морфеме, али ни ту не постоји шири теоријски оквир у вези са морфемама и морфематиком. Један од циљева рада био је и списак доступне литературе из ове области у руском, чешком и словачком језику, која је дата у делу цитиране литературе, која би олакшала будућа истраживања из морфематике. Није могуће у оквиру једног рада представити све оно што је написано у вези са морфематиком до сада па је изабрани корпус из словенских језика ограничен само на монографије и речнике и ретко научне радове, јер су радови бројни. Циљ рада био је да се покаже статус морфематике у српском и у изабраним словенским језицима и докле се у истраживањима стигло.

Увидом у доступну славистичку литературу из изабраних језика уочено је да се морфематика издвојила као посебна дисциплина изван оквира морфологије и творбе речи. Констатовано је да постоје и уџбеници где је више дисциплина обједињено и који се баве морфологијом, морфематиком и творбом речи. У свим монографијама са насловом *Морфологија* значајно уводно поглавље посвећује се морфематици и свуда се издваја управо под насловом морфематика или морфемика. Даје се теоријски оквир, терминолошка апаратура, дефинишу се основни појмови и на примерима се показују морфемска, морфолошка и творбена анализа. Класификације морфема су већим делом подударне, али имамо и специфичких класификација (нпр. у словачком). Подела морфема

[1] Важно је напоменути да ово нису једини језици где се морфематика издвојила као самостална дисциплина.

према различитим критеријумима и прилагођеност структури сваког од језика изузетно је корисна за конкретне анализе.

Поредећи ситуацију у српском језику у односу на издвојене словенске језике јасно је да је морфематика у српском језику посматрана маргинално и више у контексту творбе речи. У српском језику морфематика се не издваја као самостална дисциплина. У граматикама српског језика морфемама се посвећује мало простора. Класификације морфема су недовољно систематизоване и критеријално неуједначене. Неопходно је да србистика у скоријој будућности добије синтетизовану морфологију српског језика у оквиру које ће бар уводно поглавље бити морфематика и где ће се попунити све празнине које тренутно постоје. Морфологија се може у ширем смислу дефинисати као део граматике који се састоји од три поддисциплине: 1) морфологије у ужем смислу (изучава однос морфолошке основе и морфолошких наставака), 2) творбе речи (изучава однос творбене основе и творбеног наставка) и 3) морфематике (изучава морфемски састав односно морфематску структуру речи).

На основу проведене анализе закључујемо да се намеће потреба за даљим развојем терминолошке, теоријске и методолошке апаратуре морфематике српског језика, као и унапређење критеријума у морфемским и творбеним анализама. Свеукупно, то би допринело бољем сагледавању сложене морфематске структуре српског језика.

Кључне речи: морфематика, морфологија, морфема, српски језик, руски језик, словачки језик, чешки језик.

ЛИТЕРАТУРА

Бутакова Л. О. *Морфемика и словообразование современного русского языка*. Москва: Флинта, Издательство „Наука”, 2012.

Вардуль, И. Ф. (ред.). *Морфема и проблемы типологии*. Зборник радова. Москва: Наука, 1991.

Винокур, Г. О. „Заметки по русскому словообразованију”, 1946. У: Г. О. Винокур. *Избраннуе работу по русскому јазуки*. Москва: Учпедгиз (1959): 419−442.

Герд , А. С. *Морфемика*. Издательство С. - Петербургского университета, 2024.

Драгићевић, Р. *Придеви са значењем људских особина у савременом српском језику*. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2001.

Драгићевић, Р. (ур.) *Творба речи и њени ресурси у словенским језицима*: зборник радова са четрнаесте међународне научне конференције Комисије за творбу речи при Међународном комитету слависта. Београд: Филолошки факултет –Чигоја штампа, 2012.

Драгићевић, Р. „Неке тенденције у творби речи у савременом српском језику.” У: *Језици и културе у времену и простору*, VII/2. С. Гудурић, Б. Радић Бојанић (ур.). Нови Сад: Филозофски факултет (2018): 63−70.

Ђуровић, С. „Основни појмови морфематике српског језика.” У: *Словенска терминологија данас.* П. Пипер, В. Јовановић (ур.). Српска академија наука и уметности – Институт за српски језик САНУ (2017): 213–229.
Ђуровић, С. „Проблеми у морфемским анализама речи у српском језику.” *Српски језик*, XXIV (2019): 575−583.
Ђуровић, С. *Основи морфематике српског језика*. Крагујевац: Филолошко-уметнички факултет, 2020.
Ђуровић, С. „Однос префиксације, композиције и комбиноване творбе у савременом српском језику.” У: *Наслеђе*: *часопис за књижевност, језик, културу и уметност*, 57. Тематски број: „Србистика 21. века: Наслеђе и континуитет”. Ј. Петковић, М. Николић (ур.). Крагујевац: ФИЛУМ (2024а): 171−181.
Ђуровић, С. „Дијахроно и синхроно у творби речи на примеру деривационог гнезда лексеме ловити.”, *Научни састанак слависта у Вукове дане*, 53/1 (2024б): 251−260.
Земская, Е. А. *Современный русскийязык*, *Словообразование*. Москва: Флинта – Издательство „Наука”, 2011.
Јовић, Д. „Методолошке претпоставке изучавања морфонематике.” *Јужнословенски филолог*, 30/1–2 (1973): 347–351.
Казак, М. Ю. *Морфемика и словообразование современного русского языка. Теория*, Белгород, 2012.
Клајн, И. *Творба речи у савременом српском језику. Први део: Слагање и префиксација*. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2002.
Клајн, И. *Творба речи у савременом српском језику. Други део: Суфиксација и конверзија*. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2003.
Климов, Г. А. *Фонема и морфема*. Москва: Академия наук СССР, Институт языкознания, 1967.
Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. *Словарь морфем русского языка*: около 52 000 слов, Москва, 1986.
Лобачева, Н. А. *Русский язык. Морфемика. Словообразование. Морфология*. Учебник. – 2-е издание. Москва: Юрайт, 2017.
Матијашевић, Ј. „Афиксоиди и морфемизација.” У: *Дескриптивна лексикографија стандардног језика и њене теоријске основе*. Нови Сад – Београд: САНУ – Матица српска – Институт за српски језик (2002): 167−173.
Николић, М. „Морфонолошке алтернације и морфолошка анализа (на примерима из српског књижевног језика).”, *Наш језик*, XXXV, св. 1–4 (2004): 6−12.
Николић, М. „Основе и наставци личних заменица.” *Књижевност и језик*, 54/1−2 (2007): 119−126.
Николић, М. „Именице које у српском књижевном језику проширују основу морфемом *-ов-* у множини.” *Јужнословенски филолог*, LXIX (2013): 277−318.
Пипер П., Клајн, И. *Нормативна граматика српског језика*. Нови Сад: Матица српска, 2013.
Радић, П. *Творба речи и миксоглотија*. Прилози о суфиксацији у српском језику. Библиотека књижевност и језик, књига 54. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије, 2018.
Радовић Тешић, М. *Именице с префиксима у српском језику*. Библиотека ЈФ, н.с., књ.20. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2002.
Радовић Тешић М., Ломпар В. „Библиографија радова из морфологије и творбе речи (1950−2000).” *Наш језик*, 33/3−4 2020): 345−379.
Радоје, С. „Методолошки приступ морфематици именичких речи.” *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику*, XVII, св. 2 (1974): 83–109.
Симић, Р. „Прилог теорији морфеме.” *Анали Филолошког факултета*, 12 (1976): 518−590.
Симић Р., Јовановић Ј. *Српска граматика*, Београд: Јасен, 2007.
Симић, Р. „Неке недоумице око морфологије глагола.” *Српски језик*, 10/1−2 (2005): 75−132.
Стакић, М. „Придеви изведени суфиксом -ив и -љив у српском језику.” *Српски језик*, 29/1 (2024): 135−176.

Соколовић 2001: Далибор Соколовић, Д. „'Morfematický slovník slovenčiny.' M. Sokolová, G. Moško, F. Šimon, V. Benko. Náuka: Prešov, 1999. 530 str." У: *Лингвистичке актуелности*, 5, 2001. [приказ]
Станојчић Ж., Поповић Љ. *Граматика српскога језика за гимназије и средње школе*. – 11. издање. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2008.
Тихонов, А. Н. *Морфемно-орфографический словарь: около 100 000 слов*. Москва: Астрель – АСТ, 2002.
Тихонов, А. Н. *Современный русский язык*, *морфемика*, *словообразование*, *морфология*, Москва, 2003.
Ћорић, Б. *Моциони суфикси у српском језику*, Београд: Филолошки факултет, 1982.
Ћорић, Б. „Кратка верзија термина.", у: *Стандардизација терминологије*. Б. Шћепановић (ур.). Београд: САНУ (1996): 53−55.
Ћорић, Б. „Деривациони појмовни апарат у српском језику." *Српски језик*, VII/1−2 (2002): 195−204.
Ћорић, Б. „Комплексне јединице творбеног система." *Научни састанак слависта у Вукове дане*, 33/3 (2004): 55–60.
Ћорић, Б. *Творба именица у српском језику* (*Одабране теме*). Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије, 2008а.
Ћорић, Б. „Нека теоријско-методолошка и практична питања творбе речи." *Књижевност и језик*, LV/3−4 (2008б): 265−278.
Ћорић 2008в: Ћорић, Б. „Традиционално и ново у творбеној терминологији." *Гласник ЦАНУ*, XXVI (2008в): 13−39.
Ћорић, Б. „Постфикс у српској творби речи." *Српски језик*, XV/1–2 (2010): 549–553.

Dokulil, M. *Tvoreni slov v češtině I. Teorie odvozováni slov*. Praha: Nakladatelstvi Československé akademie věd, 1962.
Ološtiak, M. „To the relations between morphemic and word-formation structure of a word in Slovak." *Jazykovedný časopis (Journal of Linguistics)*, Vol. 70, No 3 (2019): 545–572.
Kristal, D. *Enciklopedijski rečnik moderne lingvistike*. Prev. I. Klajn, B. Hlebec, predg. R. Bugarski, Beograd: Nolit, 1999.
Laskowski, R. „Morfemika w opisie struktury jezyka (uwagi o kategorii liczby ryeczownikow)." Отисак из посебног издања *Реферати са заседања Међународне комисије за изучавање граматичке структуре словенских језика Српске академије наука и уметности*, Београд (1974): 99−107.
Mel'čuk, I. A. *Kurs obščej morfologii I.* Moskva – Wien: Progress – Wiener Slavistischer Almanach, 1997.
Dokulil, M. (red.). *Mluvnice češtiny* (1), *Fonetika*, *Fonologie*, *Morfonologie a morfematika*, *Tvoreni slov*. Praha: Academia – Československa akademie ved ustav pro jazyk česky čsav, 1986.
Mrazović, P. *Gramatika srpskog jezika za strance*. – 2. prerađeno i dopunjeno izdanje. Sremski Karlovci – Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, 2009,.
Ološtiak M., Genči J., Rešovská S. *Retrográdny morfematický slovník slovenčiny*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2015.
Ološtiak, M. „Z dejín modernej slovenskej derivatológie." *Јужнословенски филолог*, LXXVII, св. 2 (2021): 75−104.
Plungjan, V. A. *Opća morfologija i gramatička semantika*, *uvod u problematiku*. Prevod: Petar Vuković. Zagreb: Srednja Europa, 2016.
Slavičkova, E. *Retrogradni morfematicky slovnik češtiny*: *s pripojenymi inventarnimi slovniky českych morfemu korenovych, prefixalnich a sufixalnich*. Praha: Academia, 1975.
Sokolova M., Moško G., Šimon F., Benko V. *Morfematicky slovnik slovenčiny*. Prešov: Nauka, 1999.
Sokolová, M. „Morfematika vo vyučovaní slovenského jazyka na vysokých školách." V: *Morfematický výskum slovenčiny (možnosti jeho štatistického, elektronického a didaktického spracovania)*.

Jazykovedný zborník 21 (AFPh UP). M. Sokolová, M. Ivanová, M. Ološtiak (eds.). Prešov (2006): 177–234. <http://olostiak.webz.cz/Publikovane/morfematika-2006.pdf>
Furdík, J. *Slovenská slovotvorba (teoria, opis, cvičenia)*. M. Ološtiak (ed.). Prešov: Nauka, 2004.
Horecky, J. *Slovotvorná sústava slovenčiny. Podstatne meno. Prídavné meno. Sloveso.* Bratislava: Vydavatel'stvo SAV, 1959.
Horecky, J. *Morfematicka štruktura slovenčiny*. Bratislava: Slovenska akademia vied, 1964.
Čermak, F. *Morfématika a slovotvorba češtiny*. Praha: NLN, 2010.

IS SILENCE GOLDEN? NEST WORD-FORMATION IN RESEARCH ON THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD (ON THE EXAMPLE OF THE NESTS *MILCZEĆ, MLČAT'*, *МОЛЧАТЬ, МОЛКНУТЬ*)

IWONA BURKACKA (POLAND)
Uniwersytet Warszawski
i.burkacka@uw.edu.pl

The text contains an analysis of the word-formation nests of the Polish verb MILCZEĆ, the Slovak MLČAT' and the Russian МОЛЧАТЬ and МОЛКНУТЬ 'be silent', which occupy central positions in the lexical-semantic field of silence. The structural-semantic characteristics of derivatives from these nests are presented against the background of the properties of verbal nests and supplemented with derivatives derived from negated forms and with elements *bez-/без-*, *mało-/мало-*, from the nests MÓWIĆ 1. Suppl. POWIEDZIEĆ 1., ROZPRÁVAT' (SA), HOVORIT', ГОВОРИТЬ 'to talk, to say', and data from the Russian НЕМОЙ and Slovak NEM-Ý (NEM-Á) 'mute' nests. The analysis revealed the existence of many similarities which concern the above-average word-formation activity of nests of verbs of silence (significantly larger than the average size of deverbal nests) and the occurrence of formally and semantically similar groups of derivatives, e.g. nomina agentis (names of people who are mute), names of diseases or disabilities, verbs denoting the process of permanent or temporary loss of the ability to speak or express oneself, which may indicate a similar conceptualization of silence and speaking in the three languages. Differences are visible in the larger number of nomina agentis in the Polish-language material and a slightly different distribution of derivatives with respect to their part of speech.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ РУССКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НА *-ИНГ*

MARTINA BJÖRKLUND (FINLAND)

Русский язык давно начал заимствовать английские слова на *-инг*. Однако большинство русских существительных на *-инг* представляют собой постперестроечные и более поздние заимствования. С 90-ых годов XX века «инговые» слова вызывают оживленный интерес исследователей. Предпринимаются подсчеты «инговых» слов по словарям, корпусным и другим материалам (Ермачкова 2020; Vardøy & Post 2013; Дьяков & Скворецкая 2013; Дьяков 2015: 235), обсуждается статус суффикса *-инг* в русском языке (Ефремова 1996:198; Сэшан 1996; Сологуб 2002; Дьяков & Скворецкая 2013; Дьяков 2015:241; Николина, Рацибургская, Фатхутдинова 2020; Левина 2023; Romanik 2023). Также исследователей интересуют слова, образованные от русских основ при помощи суффикса *-инг*, их семантические, стилистические, прагматические характеристики (Дьяков & Скворецкая 2013; Vardøy & Post 2013; Дьяков 2015; Ермачкова 2020; Левина 2023; Romanik 2023). Еще обсуждаются этапы заимствования и история появления «инговых» слов, образованных от основ русских слов (Боброва 2018). Так, *-инг* уже считается адаптированным и интегрированным словообразовательным формантом русского языка. Другим критерием интеграции отдельных существительных на *-инг* можно считать дальнейшее образование от них прилагательных, глаголов и т. д. – чем больше словообразовательное гнездо, тем лучше интегрировано слово (Дьяков 2015: 219, 231). В работах такие возможности отмечаются (Сэшан 1996; Vardøy & Post 2013; Дьяков 2015; Косырева 2017; Боброва 2018), но систематических исследований конкретных материалов не удалось найти. Цель настоящей работы – изучить дальнейшее образование от основ «инговых» слов как при помощи суффиксации и префиксации, так и сложения.

В докладе приводятся результаты анализа словообразования «инговых» слов из газетного корпуса центральных СМИ НКРЯ за 2010–2021 гг. (на сегодня это материалы последних десяти лет). Во-первых, был проведен поиск леммы *инг в подкорпусе за 2020–2021гг., чтобы найти «инговые» существительные. Среди 27 043 вхождений было найдено около 680 разных слов на *-инг*. И среди них оказались только два слова, образованные от русских слов или по русской модели (*зацепинг* ’проезд на транспорте с внешней стороны’ и *псакинг* ’речь человека (высокопоставленного госслужащего), в которой часто встречаются фактические и смысловые ошибки’ от фамилии Джен Псаки, США). Количество вхождений отдельных слов за эти два года варьируется от одного

(напр. *тейлоринг, барефутинг*) до более 4 тысяч (*рейтинг, мониторинг*). Абсолютное большинство слов – композиты (напр. *нефтетрейдинг, риск-рейтинг, рейтинг-лист, РИА-рейтинг*), сложносокращенные слова (напр. *госмониторинг, нацрейтинг, Мосэкономониторинг*), реже – префиксальные дериваты (*антирейтинг*). Самым интегрированным словом по величине словообразовательного гнезда для обсуждаемых выше словообразовательных способов является слово *холдинг* (46 разных образований, в том числе много названий предприятий и организаций).

Во-вторых, были проведены поиски суффиксальных и суффиксально-постфиксальных дериватов по следующим леммам: *инговый, *инговать, *инговаться, *ингование, *инговость, *ингизация, *ингизм, *инговщина, *ингист, *ингистка, *инговщик. Больше всего было найдено прилагательных на *-овый* (около 230 разных). Кроме прямых дериватов от «инговых» слов (напр. *консалтинговый, нефтетрейдинговый*), нашлись и префиксальные (напр. *сверхрейтинговый, надхолдинговый*) и композиты (напр. *низкорейтинговый, статистическо-рейтинговый*). От слова *зацепинг* было найдено только прилагательное *антизацепинговый* (прил. *зацепинговый* в материале не оказалось). Глаголов было намного меньше: глаголы на *-овать* встречаются от 20 разных существительных (напр. *прессинговать / запрессинговать, лизинговать*), на *-оваться* от 6 (напр. *спарринговться, рейтинговаться*). На *-ист/ка* вместе взятых было найдено всего 13 слов (напр. *серфингист/ка, рейтингист*), а с остальными суффиксами оказалось только от одного до четырёх дериватов. Самим интегрированным словом по величине суффиксального словообразовательного гнезда было слово *митинг*, от которого были найдены следующие дериваты: *митинговый, антимитинговый, немитинговый, домитинговый, митинговать / помитинговать / отмитинговать / промитинговать / намитинговать, митинговаться, митингование, митинговость, митингизм, митинговщина*.

Итак, анализ показал, что в центральных СМИ (по 2021 г.) «инговые» слова, образованные от русских основ, редко употребляются – в материале нашлось только одно: *зацепинг*. Это слово находится в коротком списке слов, о которых Левина (2023) пишет, что они существуют уже более 10 лет и выполняют номинативную функцию, а не экспрессивную, как большинство новообразований на *-инг*. Далее анализ показал, что от «инговых» слов свободнее всего образуются композиты, сложносокращенные слова и прилагательные. Величина словообразовательных гнезд, видимо, коррелирует с

«возрастом» слова в русском языке: по материалам основного корпуса НКРЯ первое вхождение слова *митинг* относится к 1839 г., а слова *холдинг* к 1946 г.

ЛИТЕРАТУРА

Беляева, И.В. & Куликова, Э.Г. (2019). Заимствование морфем как илиминирование лакун: «инговые» формы в русском языке. *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки* 6(822), 108–121.

Боброва, А.В. (2018). Суффиксы – иноязычный, освоенный, заимствованный (на примере истории группы слов на *-инг,* заимствованных из английского языка). *Stephanos* 2(28), 248–255.

Дьяков, А.И. (2015). *Статика и динамика англицизмов в системе русского языка: многоаспектное лингвистическое моделирование*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского.

Дьяков, А.И., Скворецкая, Е.В. (2013). Суффикс *-инг* завоевывает свои позиции в русском словообразовании. *Сибирский филологический журнал, Новосибирск* 2013 (4), 180–186.

Ефремова, Т.Ф. (1996). *Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка*. Москва: Русский язык.

Ермачкова, О. (2020). Англицизмы на *-инг* в русском и словацком языках. *Филологический класс* 25(1), 51–61.

Косырева, М.С. (2017). Реализация деривационного потенциала глобализмов в современном русском языке. *Международный научно-исследовательский журнал* 4(58), 50–52.

Левина, С.Д. (2023). Грамматические последствия обновления лексикона. Адаптация иноязычной морфемы *-инг* в русском языке начала XXI в. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал* 1(6), 34–47.

Николина, Н.А., Рацибургская, Л.В., Фатхутдинова, В.Г. (2019). Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словообразовательной системы русского языка. *Вестник Волгоградского государственного университета.* Серия 2. Языкознание 19(2), 5–19.

Сологуб, О.П. (2002). Усвоение иноязычных структурных элементов в русском языке. *Наука. Университет: материалы Третьей научной конференции*. Новосибирск, 130–134.

Сэшан, Ш. (1996). Существительные на *-инг* – символ американской языковой экспансии? *Русская речь*, 1996 (3), 46–49.

Romanik, A. (2023). Существительные на *-инг* в современном русском языке. *Linguodidactica* 27, 187–198.

Vardøj, B. & Post, M. (2013). A corpus-based study of English loanwords on *-ing* in Russian (2000-2011). *Bergen Language and Linguistics* (3)1, 179–194.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДВОЙСТВЕННОСТЬ, ВЫСКАЗЫВАНИЕ И САЛИЕНТНОСТЬ: ГЛАГОЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА *РАЗ-…-ИВА-/-А-* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ОЛЬГА БИБЕРСОН (ФРАНЦИЯ)

В современном русском языке приставка *раз-*, наряду с другими глагольными префиксами, а также глагольные суффиксы *-ива-*[1]/*-а-*[2] являются центральными элементами аспектуальной морфологии. Присоединение приставки *раз-* к глагольным основам несовершенного вида (НСВ) позволяет образовывать глаголы совершенного вида (СВ): *таять*$_{\text{НСВ}}$ ⇒ *рас-таять*$_{\text{СВ}}$[3]. Добавление суффиксов *-ива-/-а-* к глаголу СВ позволяет производить глаголы НСВ: *раздуть*$_{\text{СВ}}$ ⇒ *разду-ва-ть*$_{\text{НСВ}}$.

Объектном исследования в предлагаемом выступлении являются образования, мотивированные глагольными основами НСВ, присоединение к которым префикса *раз-* обязательно сопровождается одновременным прибавлением суффикса *-ива-* или *-а-*: *лежать*$_{\text{НСВ}}$ ⇒ **разлежать*[4]/*разлеживать*$_{\text{НСВ}}$; *петь*$_{\text{НСВ}}$ ⇒ **распеть* (в непереходном значении)/*распевать*$_{\text{НСВ}}$. Предмет исследования — семантическая двойственность образований на *раз-…-ива-/-а-* (далее — *раз-…-ива-/-а-*глаголы), не отраженная в существующих описаниях значения глаголов данного типа.

Высказывается гипотеза о причине этой двойственности, которую предлагается связывать с возможной семантической контаминацией некоторых полностью лексикализованных форм с глагольным префиксом *раз-*, происходящим от праславянского этимона **orz-* «разъединение», семантикой салиентности ряда производных существительного *раз*, восходящего к этимону **разъ* «удар».

Структура выступления включает четыре части: вступление, два аналитических раздела и заключение.

---

[1] Графически *-ива-* или *-ыва-*: форма *-ива-* употребляется после мягкой, велярной или шипящей согласной, а форма *-ыва-* — после парно-твердой согласной.

[2] Графически *-а-/-я-/-ва-*: форма *-а-* употребляется после твердой согласной, форма *-я-* — после парно-мягкой согласной, а форма *-ва-* — после гласной.

[3] Форма *рас-* употребляется перед глухими согласными, тогда как форма *раз-* — перед гласными, сонорными и звонкими согласными.

[4] В данном резюме знак астериск (*) используется в двух функциях:
– для обозначения форм реконструируемого языка — в диахроническом описании;
– для маркировки неприемлемости форм — как в изолированном виде, так и в конкретном контексте — в синхроническом описании.

1. Глагольные образования на *раз-…-ива-/-а-*: особенности и открытые вопросы

В первой части рассматриваются особенности *раз-…-ива-/-а*-глаголов, ещё не получившие удовлетворительного объяснения в существующих описаниях.

Указывается, что с позиции словообразовательной модели остается неясным, почему сочетание префикса *раз-* с глаголами типа *лежать* автоматически требует появления суффикса *-ива-/-а-*, тогда как с глаголами типа *таять* — нет.

Открытым остается и вопрос о трудностях распространения глаголов данного типа: несмотря на их способность проявлять продуктивность в разговорной речи и просторечии (РГ 1980: 380), анализ данных словарей (БАСРЯ, СРНГ), а также языкового материала из НКРЯ, печатных изданий, СМИ и интернет-ресурсов показывает, что число *раз-…-ива-/-а*-глаголов не превышает двадцати и может быть задано списком.

С точки зрения семантики, данные образования рассматриваются как группа с «длительно-дистрибутивным» способом действия[5] и описываются через такие смысловые компоненты, как «длительность», «неторопливость», «беззаботность» и, в случае глаголов движения, «разнонаправленность» действия, названного мотивирующим глаголом[6].

Анализ языкового материала в широких ситуативных контекстах показывает, что подобные дефиниции приемлемы для описания ситуаций, представленных примером типа (1).

(1) (Заглавие и начало статьи, опубликованной на сайте *svoboda.org* 25.02.2025.)
Достучаться до Трампа. О чём **разговаривали** президенты США и Франции
В понедельник в Белом доме прошла встреча президента США Дональда Трампа и президента Франции Эммануэля Макрона. […] Главной целью президента Франции, по мнению наблюдателей, был поиск общего языка с президентом Соединенных Штатов.

Однако они не охватывают ситуации, в которых в фокусе оказывается не характер реализации самого действия и/или его оценка, а восприятие говорящим грамматического субъекта действия либо его поведения (см. пример 2).

(2) (Заглавие и начало статьи, опубликованной на сайте pravda.ru 30.04.2021.)
Почему Вы так со мной **разговариваете**? — Елена Ваенга отчитала водителя за непочтительное отношение
Елена Ваенга опубликовала в своём Instagram видео, на котором критикует водителя такси — женщину по имени Марина. Исполнительнице хита "Снова стою одна" не понравилось, что та обратилась к ней не на Вы.

[5] См. Авилова (1976: 272, 298), РГ (1980: 598) среди прочих.
[6] См. (Виноградов 1947: 512), Авилова (1976: 298), РГ (1980: 598), Guiraud-Weber (2004: 84), Зализняк (2013: 223-224), Улуханов (2017: 293).

Это ставит под сомнение релевантность существующих интерпретаций *раз-…-ива-/-а*-глаголов их реальному употреблению и позволяет выдвинуть гипотезу об их возможной семантической двойственности.

2. Семантика салиентности и глагольные образования на *раз-…-ива-/-а-*

Во второй части выступления представлены результаты анализа[7], проведенного с целью проверки предложенной гипотезы и выявления причин обнаруженной семантической двойственности *раз-…-ива-/-а*-глаголов; анализ предваряется обоснованием присутствия в их структуре имперфективного суффикса.

Показывается, что обязательное появление суффикса *-ива-* или *-а-* при присоединении *раз-* к основам типа *лежать* связано с семантикой самого префикса (*раз-* < **orz-* «разъединение»), предполагающей трансформацию субъекта действия (увеличение объема, деление, распад), с отсутствием какой-либо трансформации субъекта действия в семантике мотивирующей основы, а также с семантикой суффиксов *-ива-/-а-*, реализующих свое исходное, итеративное значение, позволяющее членить состояние или действие на тождественные дискретные составляющие.

Далее на конкретных примерах употреблений *раз-…-ива-/-а*-глаголов показывается, что связь с семантикой «разъединения» проявляется в контекстах, подобных примеру (1), где процесс, в данном случае выраженный основой *говорить*, разделяется на реплики собеседников и обсуждаемые в ходе встречи вопросы.

После этого рассматриваются контексты, представленные примером (2). Показывается, что, в отличие от ситуаций, иллюстрируемых примером (1), значение *раз-…-ива-/-а*-глаголов в примерах типа (2) отходит от семантики «разъединения», унаследованной от этимона **orz-*. Констатируемое в них событие оказывается противоположным ожиданиям говорящего — наблюдателя или свидетеля — и приписывается внешней, не зависящей от него силе обстоятельств (ситуации), провоцирующей это действие. В подобных контекстах *раз-…-ива-/-а*-глаголы не оценивают объективные характеристики действия, выраженного мотивирующей основой, а подчеркивают неожиданное, нестандартное или неуместное поведение грамматического субъекта данного действия, которое воспринимается как салиентное

[7] Анализ опирается на общую модель построения смысла и референции, разработанную в рамках теории операций предикации и высказывания, основанной на работах Антуана Кюльоли. Он учитывает ограничения, обусловливающие использование исследуемой единицы (ситуацию высказывания, непосредственный и более широкий контекст), которая рассматривается как языковой оператор со своей собственной инвариантной функцией.

(бросающееся в глаза). Отсюда — его частая негативная оценка или, по крайней мере, оценка с оттенком удивления.

Что касается типов текстов, показывается, что *раз-…-ива-/-а*-глаголы с семантическим эффектом салиентности неприемлемы в отстраненных констатациях и нейтрально-информативных высказываниях, а, напротив, характерны для контекстов с выраженной оценочной нагрузкой — в частности, апостериорных комментариев, в которых говорящий оценивает собственное поведение или поведение грамматического субъекта в пересматриваемой им ситуации.

3. Семантика салиентности и производные *раз* < **разъ* «удар»

В третьей части доклада представлен анализ междометия *раз* в ситуациях, представленных примером (3), с целью демонстрации его функциональной аналогии с *раз-…-ива-/-а*-глаголами, проявляющими семантический эффект салиентности.

> (3) […] Один мой знакомый, который сумел прорваться не только на концерт, но и за кулисы, рассказывал: «Представляешь, первый концерт Бернстайна в Москве, все стоят в очереди к нему в артистическую — и Хачатурян, и Кабалевский, а он все не выходит, не выходит, и вдруг — **раз**! Дверь открывается, он стоит на пороге, шикарно улыбающийся и… по пояс голый! Все, конечно, в шоке. А он приветливо машет — заходите, мол…» (Александр Журбин. Главный маэстро Нью-Йорка // «Общая газета», 1998, www.ruscorpora.ru)

Показывается, что междометие *раз* всегда появляется в контекстах, в которых ситуация высказывания эксплицитно конструируется как происходящая после описываемых событий. Это порождает удвоение позиции нарратора: он одновременно занимает ретроспективную позицию (говорящего, обращающегося к реальному или вымышленному адресату с комментарием к уже случившимся событиям) и проспективную позицию синхронного рассказчика-наблюдателя, описывающего события по мере их возникновения и развития. Такое удвоение нарративной инстанции соответствует функции междометия *раз*, заключающейся в подчеркивании хиатуса (источника салиентности) между характером неожиданного события, актуализированного[8] в описываемой ситуации, и несбывшимися ожиданиями наблюдающего это событие субъекта — будь то говорящий в дискурсивном контексте или рассказчик в нарративном.

[8] Вслед за Bally [1948 [1944]: 77], под актуализацией понимается превращение абстрактного понятия (предмета, действия, признака), рассматриваемого вне конкретной ситуации или контекста, в конкретный референт путём его включения в определённую (реальную или вымышленную) ситуацию или контекст.

Далее демострируется, что семантика салиентности является определяющей не только для междометия *раз*, но и для номинальной приставки *раз-*, восходящих к одному этимону — *раз* < **разъ* «удар»[9]. Это представляет собой дополнительный аргумент в пользу гипотезы о связи между *раз-…-ива-/-а*-глаголами с эффектом салиентности и салиентной природой производных раз < **разъ*.

4. Образования на *раз-…-ива-/-а-*, этимон **разъ* и бесприставочные итеративы

Рассматриваются данные о первых письменных фиксациях *раз-…-ива-/-а*-глаголов, восходящих к этимону **orz-* «разъединение», а также глаголов с семантическим эффектом салиентности. Отмечается, что основы, участвующие в образовании этих глаголов, совпадают с теми, что лежат в основе бесприставочных итеративов типа *леживать*, для которых характерна интересная особенность — неупотребляемость в настоящем времени.

Анализ показал, что *раз-…-ива-/-а*-глаголы демонстрируют семантическую двойственность, которая не отражена в существующих лексикографических описаниях. Наряду с образованиями, восходящими к этимону **orz-* «разъединение», выделяется группа глаголов с эффектом салиентности (выделенности). Эти глаголы появляются в субъективно нагруженных, оценочных контекстах и проявляют функциональное сходство с междометием *раз* и номинальной приставкой *раз-*, восходящими к **разъ* «удар».

На этом основании выдвигается гипотеза о том, что *раз-…-ива-/-а*-глаголы с эффектом салиентности являются сравнительно новыми образованиями, наложившимися на уже существующие, лексикализованные глаголы с приставкой *раз-* (< *orz- «разъединение»). Их появление могло быть обусловлено взаимодействием салиентных номинальных форм *раз/раз-* (< **разъ* «удар») и бесприставочных итеративов типа *хаживать*, что привело к формированию омонимичной, но семантически отличной группы глаголов.

Функционирование подобных образований подлежит анализу только в привязке к конкретным коммуникативным ситуациям, поскольку их глубинная семантика не поддается исчерпывающему толкованию вне дискурсивного контекста и обращения к высказыванию.

ЛИТЕРАТУРА

Авилова Н. С., 1976, Вид глагола и семантика глагольного слова, М.: Наука.

[9] Kravchenko-Biberson (2017).

БАСРЯ − Большой академический словарь русского языка, 2013, Т. 22, М., СПб.: Наука.
БАСРЯ − Большой академический словарь русского языка, 2014, Т. 23, М., СПб.: Наука.
БАСРЯ − Большой академический словарь русского языка, 2017, Т. 24, М., СПб.: Наука.
Виноградов В. В., 1947, Русский язык. Грамматическое учение о слове, М., Л.: УЧПЕДГИЗ.
Зализняк А. А., 2013, Русская семантика в типологической перспективе, М.: Языка славянской культуры.
НКРЯ – Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru).
РГ – Русская грамматика, 1980, Шведова Н. Ю., Арутюнова Н. Д., Бондарко А. В. (ред.), М.: Наука.
СРНГ − Словарь русских народных говоров, 1999, Т. 33, Спб.: Наука.
СРНГ − Словарь русских народных говоров, 2000, Т. 34, Спб.: Наука.
Улуханов И. С., 2017, Глагольное словообразование современного русского языка. Т. 2. Глаголы, мотивированные глаголами, Москва: Издательский центр «Азбуковник».
Bally Ch., 1948 [1944], Linguistique générale et linguistique française, 2 éd., Berne : A. Francke S. A.
Guiraud-Weber M., 2004, Le verbe russe : temps et aspect, Aix-en-Provence : Publications de l'Université de Provence.
Kravchenko-Biberson O., 2017, Actualisation, intensité et saillance : RAZ mot autonome et préfixe en russe contemporain, thèse de doctorat, Paris, Inalco. (https://theses.hal.science/tel-01529854)

COMBINATORICS OF THE INITIAL FORMANT -*ATI* IN SLOVENIAN

BORIS KERN (SLOVENIA)
ZRC SAZU, Inštitut za slovenski jezik
Frana Ramovša / Univerza v Novi Gorici,
Fakulteta za humanistiko
boris.kern@zrc-sazu.si

IRENA STRAMLJIČ BREZNIK (SLOVENIA)
Univerza v Mariboru, Filozofska fakulteta
irena.stramljic@um.si

Multistage word formation, especially in Slavic languages, allows morphotactic analyses focusing on research into the combinability of suffixal formants, where multistage derivatives are delimited according to the part-of-speech categorisation of the word-formation base. Extensive research on Slovenian, conducted within the KOBOS project, has shown that the suffix -ati appears at the beginning of suffix chains in denominal, deadjectival, and deadverbial multistage derivatives. The analyzed material revealed an exceptionally complex branching of suffixal chains. In denominal multistage derivatives with the initial suffix *-ati*, 53 distinct suffixal chains were identified, while 25 were found in deadjectival derivatives and 8 in deadverbial derivatives. The study also confirmed that word-formation productivity and the resulting combinability of suffixal formants are often influenced by prefixes, as demonstrated by sequences such as PRID + -ati + -ek. The longest suffixal chains were observed in denominal multistage derivatives, where two chains consisting of six suffixes were identified: NOUN + *-ati* + *-ka* + *-ati* + *-ova-* + *-alec* + *-ev* and NOUN + *-ati* + *-ka* + *-ati* + *-ova-* + *-alec* + *-ski*. Although denominal, deadjectival, and deadverbial multistage derivatives confirm the role of *ati* as an initial suffixal formant, further analysis of these groups highlights the necessity of treating them separately based on the part-of-speech categorization of the word-formation base. Despite significant overlap in suffixal chains—both in suffix distribution and word-formation meaning—a substantial proportion of suffixal chains and suffix distribution patterns remain specific to each group.

The longest suffixal chains were observed in the group of denominal multistage derivatives, where two chains consisted with 6 suffixes were identified: *NOUN* + *-ati* + *-ka* + *-ati* + *-ova-* + *-alec* + *-ev* and *NOUN* + *-ati* + *-ka* + *-ati* + *-ova-* + *-alec* + *-ski*. Although denominal, deadjectival and deadverbial multistage derivatives confirm the initial suffixal formnt *-ati*, further analysis of these three groups confirmed the necessity of separate treatment according to the part-of-speech categorisation of the word-formation base. Despite material displaying overlapping (and largely predictable) suffixal chains at both the suffix distiribution and word-formation meaning levels, a significant proportion of suffixal chains and the distribution of suffixes remain group-specific.

REFERENCES

Iwona BURKACKA, 2012: *Kombinatoryka sufiksalna w polskiej derywacji odrzeczownikowej*. Warszawa: Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego.

Tomaž ERJAVEC, Marko PRANJIĆ, Andraž PELICON, Boris KERN, Irena STRAMLJIČ BREZNIK, Senja POLLAK, 2023: Automating derivational morphology for Slovenian. *eLex 2023: electronic lexicography in the 21st century (eLex 2023): proceedings of the eLex 2023 conference*. Ur. Marek Medveď idr. Brno: Lexical Computing CZ. 449–65. Tudi na spletu.

Boris KERN, 2017: *Stopenjsko besedotvorje (Na primeru glagolov čutnega zaznavanja)*. Ljubljana: Založba ZRC SAZU, ZRC SAZU. Tudi na spletu.

Boris KERN, 2020: Kombinatorika priponskih obrazil v besedotvornih sestavih glagolov čutnega zaznavanja. *Pogled v jezik in iz jezika: Adi Vidovič Muha ob jubileju*. Ur. Mira Krajnc Ivič, Andreja Žele. Maribor: Univerzitetna založba. 67–79.

Boris KERN, 2023: Feminativi v izsamostalniških besedotvornih nizih. *Naslavljanje raznolikosti v jeziku in književnosti*. Ur. Jožic Jožef-Beg idr. Ljubljana: Zveza društev Slavistično društvo Slovenije (Zbornik Slavističnega društva Slovenije 33). 197–205. Tudi na spletu.

Boris KERN, 2024: Priponski nizi izsamostalniških stopenjskih tvorjenk z izhodiščnim obrazilom *-iti* v slovenščini. *Južnoslovenski filolog* 80/2. 127–39.

Boris KERN, 2024: *Considering word formation in compiling dictionaries*. *Lexicography and Semantics : proceedings of the XXI EURALEX International Congress*. Ur. Kristina Štrkalj Despot. Zagreb: Institut za hrvatski jezik. 438–48. Tudi na spletu.

Boris KERN, Nina LEDINEK, 2025: Izprislovne stopenjske tvorjenke. *Škrabčevi dnevi 13: zbornik prispevkov s simpozija 2023*. Ur. Franc Marušič idr. Nova Gorica: Založba Univerze v Novi Gorici 2025. 16–28. Na spletu.

Boris KERN, 2025: Izsamostalniški besedotvorni nizi v slovenščini z vidika morfotaktike. *Stopenjsko besedotvorje v slovanskih jezikih*. Ur. Boris Kern. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU. V tisku.

SSKJ2 = *Slovar slovenskega knjižnega jezika, druga, dopolnjena in deloma prenovljena izdaja*, 2014 (1970–1991). Na spletu.

Senja POLLAK, Ines VORŠIČ, Boris KERN, Matej ULČAR, 2023: Novel Slovenian COVID-19 vocabulary from the perspective of naming possibilities and word formation. *eLex 2023: electronic lexicography in the 21st century (eLex 2023): proceedings of the eLex 2023 conference*. Ur. Marek Medveď idr. Brno: Lexical Computing CZ. 429–48. Na spletu.

Marko PRANJIĆ, Senja POLLAK, 2025: Advancements in automatic morphological segmentation for Slovene. *Stopenjsko besedotvorje v slovanskih jezikih*. Ur. Boris Kern. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU. V tisku.

Mirosław SKARŻYŃSKI 2003: Słowotwórzce gniazda odczasownikowe (charakterystika wstępna). *Słowotwórstwo gniazdowe. Historia – metoda – zastosowania*. Ur. Mirosław Skarżyński. Kraków: Księgarnia Akademicka.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 1994: *Prvostopenjske izpridevniške tvorjenke: Doktorska disertacija*. Ljubljana: Filozofska fakulteta.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2004: *Besednodružinski slovar slovenskega jezika: poskusni zvezek za iztočnice na B*. Maribor: Slavistično društvo.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2004: Struktura besednodružinskega slovarja slovenskega jezika za črko B. *Jezikoslovni zapiski* 10/1. 71–91. https://doi.org/10.3986/jz.v10i1.2582.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2005: Kvantitativne lastnosti slovenskega tvorjenega besedja v poskusnem besednodružinskem slovarju za črko B. *Slavistična revija* 53/4. 505–20.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, Nina LEDINEK, 2024: Kvantitativni podatki o besedotvornih modelih in priponskih nizih izmedmetnih tvorjenk v Besednodružinskem slovarju slovenskega jezika za iztočnice na b. *Slovenski jezik – Slovene Linguistic Studies* 16. 59–85. https://doi.org/10.3986/16.1.03.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2024a: Značilnosti izmedmetih priponskih nizov v Besednodružinskem slovarju slovenskega jezika za iztočnice na b. *Slavia Centralis*. 17/1. 1–17.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2024b: Izmedmetna tvorba glagolov – tvorbene značilnosti skupine s pomenom ‘oglašati se’ in ‘govoriti’. *Tendencii vo zboroobrazuvanjeto na glagolite vo slovenskite jazici*. Ur. Lidija Arizankovska. Skopje: Filološki fakultet "Blaže Koneski". 327–43.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2025: *Značilnosti prvostopenjskih izpridevniških samostalniških izpeljank in tvorbena kombinatorika obrazil* -ica *ter* -ec *v slovenščini*. *Stopenjsko besedotvorje v slovanskih jezikih*. Ur. Boris Kern. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU. V tisku.

Ines VORŠIČ, Andreja ŽELE, Nina LEDINEK, 2024: Od skladenjskega do stopenjskega besedotvorja pri prikazu tvorbenih zmožnosti izbranih glagolov in prislovov. *Slavistična revija* 72/4. 369–88. https://doi.org/10.57589/srl.v72i4.4221.

Ada VIDOVIČ MUHA, 1992: Besedotvorna tipologija »novoslovenskega« gradiva pri Miklošiču. *Miklošičev zbornik*. Ur: Jože Toporišič idr. Ljubljana: SAZU, Filozofska fakulteta, Odsek za slovanske jezike in književnosti, Seminar slovenskega jezika, literature in kulture, Znanstveni inštitut; Maribor: Univerza. 173–91.

Ada VIDOVIČ MUHA, 1983: *Zloženke v slovenskem knjižnem jeziku: Doktorska disertacija*. Ljubljana.

Ada VIDOVIČ MUHA, 1988: *Slovensko skladenjsko besedotvorje ob primerih zloženk*. Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, Partizanska knjiga.

Ada VIDOVIČ MUHA, 1993: Glagolske sestavljenke – njihova skladenjska podstava in vezljivostne lastnosti (Z normativnim slovensko-nemškim vidikom). *Slavistična revija* 41/1. 161–92.

Ada VIDOVIČ MUHA, 1997: Prvine družbene prepoznavnosti ženske prek poimenovalne tipologije njenih dejavnosti, lastnosti. *Zbornik predavanj*. Ur. Aleksandra Derganc. Ljubljana: Filozofska fakulteta, Oddelek za slovanske jezike in književnosti. 69–79.

Ada VIDOVIČ MUHA, 2011: *Slovensko skladenjsko besedotvorje*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete.

Andreja ŽELE, 2003: *Glagolska vezljivost: iz teorije v slovar*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.

Andreja ŽELE, Nina LEDINEK, Ines VORŠIČ, 2025: Med besedotvorjem in skladnjo: Kolokabilnost slovenskih glagolskih zvez tipa GlagPrisl in njihova sistemska pretvorba v zveze tipa PridSam. *Stopenjsko besedotvorje v slovanskih jezikih*. Ur. Boris Kern. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU. V tisku.

СРАСЛИЦЕ У СРПСКОМ, РУСКОМ И ПОЉСКОМ ЈЕЗИКУ

ДРАГАНА М. РАТКОВИЋ (СРБИЈА)
Институт за српски језик САНУ, Београд
Dragana.Ratkovic@isj.sanu.ac.rs / ratkovic1977@yahoo.com

Типолошка компаративна анализа речи насталих синтаксичком творбом речи (срастањем/сраШћивањем) у српском, руском и пољском језику с творбено-семантичког аспекта показује да ову категорију речи чине: *чисте сраслице*, *срасло-изведене*, *префиксално-срасле*, *срасло-сложено-изведене речи* и *полусраслице*.

Сраслица (рус. *сращение*, пољ. *zrost*) представља двотематску лексичку јединицу насталу синтаксичком творбом – лексикализованим сраШћивањем/срастањем (спајањем) најмање двеју самосталних пуноЗначних речи које изворно могу чинити синтагму (срп. *назлобрз*, *многопоштовани*; рус. *сумасбродный*, *глубокоуважаемый*; пољ. *wniebowzięty*, *dobranoc*) или реченицу (срп. *дабогда*; рус. *спасибо* ← *спаси Бо(г)* ’нека спаси Бог’; пољ. *dalibóg* ← *da li Bóg* ’нека да Бог’). У потоњу групу спадају властита имена прасловенског порекла с првом глаголском компонентом у императивној форми (нпр. срп./рус. *Владислав*; пољ. *Władisław*). Везници у творбеној бази не морају улазити у твореницу, а у творбеном значењу редослед компонената може бити и обрнут (срп. *стармали* ’стар а мали’ / ’мали а стар’, *мање-више* ’мање или више’, *рекла-казала* ’рекла и/или казала’, *дангубити* ’дан губити’ / губити дан’; рус. *генерал-губернатор* ’генерал и губернатор’, *сумасшедший* ’с ума сишавши’ / ’сишавши с ума’; пољ. *baba-chłop* ’жена а/као мушкарац’, *wniebogłosy* ’у небо гласан’ / ’гласан у небо’). Елидиране могу бити и неке речи (нпр. срп. *тридесет* ← *три (пута) десет*, пољ. *trzydzieści* ← *trzy* (razy) *dziesięć*), као и неки гласови, који се редукују из фонетских разлога (срп. *помозбог* ← *помози бог*, *будзашто* ← *буди зашто*, *зимзелен* ← *зими зелен*, *Шар-планина* ← планина Шара; *шездесет* ← *шест* (пута) *десет*, *врстелези* ← *врзи те лези*; рус. *двадцать* ← *два десять*; рус. *спасибо* ← *спаси Бо(г)*).

Сраслице могу настати:

I) *чистим срастањем* (срп. *дангубити*; рус. *глубокоуважаемый*; пољ. *dobranoc*) и

II) комбинацијом синтаксичке и морфемске творбе (афиксације):

- суфиксације (срп. *пунолетан*; рус. *совершеннолетний*; пољ. *pełnoletni*),
- префиксације (срп. *одуговлачити*);
- суфиксације и префиксације (срп. *омаловажити*);

• интерфиксације и суфиксације (срп. *тридесеттрогодишњи*; пољ. *trzydziestotrzyletni*).

Комбинацијом чистог срастања добија се *чиста сраслица* (аналогно терминима *чисто слагање* / *чиста сложеница*), комбинацијом срастања и суфиксације / префиксације – *срасло-изведена / префиксално-срасла реч* (аналогно терминима *сложено-изведена / префиксално-сложена реч*), а комбинацијом срастања, интерфиксације и суфиксације – *срасло-сложено-изведена реч*.

Твореница може имати један акценат (срп. *дангубити*; рус. *спасибо*; пољ. *krótkotrwały*) или више акцената, које су задржали делови творенице (нпр. срп. *бог-те-пита*; рус. *иван-да-марья*; пољ. *koszałki-opałki*).

Лексикализација (прелазак синтаксичке конструкције у лексему) неких јединица није потпуно завршена, због чега се оне лексикографски и правописно двоструко интерпретирају: и као синтагме и као сраслице (*Бања Лука* и *Бањалука*, *Ђурђев дан* и *Ђурђевдан*, *Свисвети* и *Сви свети*), у складу с чим је и њихова деклинација (*Бање Луке* и *Бањалуке*, *Ђурђева дана/дне* и *Ђурђевдана*, *Свисвета* и *Свих (Свију) светих*). Недовршен процес срашћивања карактерише и друге словенске језике, нпр. пољски, где је синтагма лексикализована, али се деклинирају обе речи (нпр. *Zławieś, Złejwsi*) или се сраслица деклинира и као лексема и као синтагма (нпр. *Wielkanoc*, Wielkanocy/Wielkiejnocy).

Сраслице се од сложеница (композита) разликују по следећим особинама:

I) сложенице су настале морфемском творбом, помоћу интерфикса, који спаја њихове творбене основе (нпр. срп. *богочовек*, *црвено-бели* дрес), док сраслице немају интерфикс;

II) творбене основе сложеница веома често не могу самостално да стоје (нпр. лексеме срп. *сунцокрет* и *риболов* препознатљиве су само као сложенице);

III) сложенице нису лексикализоване синтаксичке јединице (нпр. срп. *рођендан*, *веш-корпа* и *радијум-терапија* спадају у категорију сложеница с нултим интерфиксом (*-ø-*) јер не значе *’рођен и дан’, *’веш и корпа’, *’радијум и терапија’, него ’дан када је неко рођен’, ’корпа за веш’, ’терапија радијумом / помоћу радијума’).

С аспекта семантичке усмерености, сраслице могу бити ендоцентричне (срп. *стармали*; рус. *глубокоуважаемый*; пољ. *baba-chłop*) или егзоцентричне (срп. *семевод* ← *семе* и *водити* / рус. *семяпровод* ← *семя* и *проводить* у творбеном значењу ’оно што семе

(про)води’; пољ. *darmozjad* ← *darmo* и *zjadać* – ’онај који бадава, на туђ рачун једе’). Неке сраслице у лексичку семантику уносе значења мотивних речи (нпр. срп. *семевод*, *бубамара* ’врста бубе’), неке не (срп. *дабо(г)ме* ← *да Бог ме* / пољ. *dalibóg* ’наравно, свакако, сигурно’; рус. *спасибо* ’хвала’; ботанички називи са метафоричном, описном номинацијом: рус. *мать-и-мечеха / мать-мачеха*; пољ. *krwiściąg*, чије је творбено значење ’оно што је у вези с радњама, изгледом и сл. именовањима том конструкцијом’). У групу десемантизованих сраслица спадају и разноврсни оними (нпр. срп. *Хранислав*, *Миодраг*, презиме *Милеуснић*, *Београд*, *Житорађа* ’варошица код Прокупља’, *Триглав* ’планина у Словенији’; рус. *Мстислав*, *Белгород*; пољ. *Stanisław*, *Trzygłów* ’село у Пољској’).

У посебну врсту сраслица спада *полусраслица* (аналогно термину *полусложеница*). То је сраслица састављена од два дела која су одвојена цртицом, као правописним знаком.

Код такве сраслице обе речи уласком у твореницу задржавају акценат, при чему има изузетака – нпр. *баба-марта* (Николић 2000). Код неких таквих твореница деклинирају се обе речи (срп. *асистент-приправник*, рус. *ванька-встанька*; пољ. *chłop-robotnik*), код неких само последња реч (срп. *генерал-мајор*; рус. *генерал-губернатор*; пољ. *general-gubernator*). Вид деклинације одговарајуће лексеме или типа лексеме у другом словенском језику може бити исти (срп. *нацак-баба*, нацак-бабе; пољ. *herod-baba*, herod-babie) или другачији (нпр. срп. *вагон-ресторан*, вагон-ресторана, рус. *вагон-ресторан*, вагона-ресторана; срп. *бабадевојка*, бабадевојке; пољ. *baba-chłop*, babie-chłopu).

Полусраслице се по синтаксичком односу међу компонентама деле на:

I) речи настале од апозитивних синтагми, где један део одређује други (нпр. срп. *дете-борац*, *баба-тетка*, *асистент-приправник*, *Смаил-ага*, *Шар-планина*; срп./рус. *вагон-ресторан*, *жар-птица*; пољ. *baba-chłop*, *herod-baba*);

II) речи настале од координираних синтагми (срп. *збрда-здола*, *рекла-казала*, *колики-толики*, *натријум-сулфат*, *Салтиков-Шчедрин*; рус. *ёлки-палки*; пољ. *koszałki-opałki*, *mowa-trawa*).

Будући да је статус одређене јединице као синтагме, сраслице или полусраслице правописно одређен, он је променљив – нпр. *баба-девојка* (РСАНУ 1959–2019) према *бабадевојка* (РМС(–МХ) 1967–1976; Николић 2000; РСЈ 2007; Пешикан, Јерковић и др. 2011, у речнику); *Котор-Варош* (РСАНУ 1959–2019) према *Котор Варош* (Пешикан, Јерковић и др. 2011, у речнику); *акобогда* ’надам се; по свој прилици, вероватно’; нар. ’куда, камо’;

(PCJ 2007) према *ако бог да* ’надам се’ (Пешикан, Јерковић и др. 2011, у речнику); *будибокснама*, фитоними: *даниноћ*, *двабратакрв*, *крстикумедете*, *пусти-баба-коњу-крв* (Николић 2000) према *буди бог с нама*, *дан и ноћ*, *два брата крв*, *крсти куме дете*, *пусти баба коњу крв* (Пешикан, Јерковић и др. 2011, у речнику). Променљивост тог статуса сведочи, између осталог, писање двојних женских презимена – Аница *Савић-Ребац* (Пешикан, Јерковић и др. 1993: 123) према Аница *Савић Ребац* (Пешикан, Јерковић и др. 2011, у речнику).

Правописно, разлика у творбеном статусу исте јединице одражава разлику и у граматичком статусу – нпр. у српском су синтагме *помози бог* (и *помоз’ бог*), *добро дошао*, *добро јутро* колокације у значењу поздрава, а *помозбог* (у изр. ни род ни *помозбог*), *добројутро* и *добродошао* именице односно придев. Конструкције *ако бог да* и *не дај боже* су модални изрази (Ако би *не дај боже* избио пожар!; Ма не рече: *ако бог да*!), док су *акобогда* и *недајбоже* прилози, у значењу ’куда, камо’ односно ’јадно, никако, да бог сачува’ (Пешикан, Јерковић и др. 2011, у речнику). Исто тако, важећи правопис српског језика налаже: *богами* / *богме* ’за појачавање тврдње, за придавање веће важности исказу; баш, вала, заиста’, али *бога ти*, *бога му*, *бога вам* и сл.; *богзна* ’нарочито, особито’, али *бог зна* где, *бог зна* зашто и сл. (Пешикан, Јерковић и др. 2011, у речнику).

Сраслице се деле према граматичком и појмовном критеријуму. Граматичка подела подразумева класификацију према врстама речи, у оквиру тога према синтаксичком односу компонената, а затим према врстама речи које чине творбене базе.

Са становишта врсте речи, сраслице могу бити: именице (срп. *бабарога*; рус. *громкоговоритель*; пољ. *herod-baba*), придеви (срп. *малолетан*; рус. *малолетний*; пољ. *małoletni*), заменице (срп. *гдекоји*; рус. *кое-кто*; пољ. *tamten*), бројеви (срп. *петсто*; рус. *восемьдесят*; пољ. *pięćdziesiąt*), прилози (срп. *сутрадан*; рус. *тотчас*; пољ. *znikądinąd*), глаголи (срп. *дангубити*; рус. *благоухать*; пољ. *zmartwichwsta(wa)ć*), речце (срп. *свакако*; рус. *всё-таки*; пољ. *dalibóg*), узвици (срп. *којевитез!*).

Најпродуктивнији је модел којим се творе срасло-изведене, а затим чисте сраслице. Најбројнији су придеви, затим именице, прилози, бројеви, речце и заменице, док је најмање глагола, а један узвик у српском језику, који се, као покрајинска реч и хапакс, налази на периферији лексичког система, не може се сматрати репрезентативним за ову

категорију речи. Обиље језичке грађе демантује тврдњу С. Бабића: „Srašćivanje je rjeđi način tvorbe“, те да су сраслице „kao pojava česte u tvorbi priloga“ (Babić 2002: 47).

Посматрано компаративно (компаративно-историјски и синхроно-поредбено), речи из ове категорије одликују се бројним творбено-семантичким и лексичко-семантичким еквивалентима у сва три анализирана језика, нарочито међу придевима. Исто тако, у овим језицима сраслице обухватају исте или приближно исте појмовне категорије, што сведочи о словенској повезаности на нивоу језичке концептуализације стварности помоћу двотематских речи. Све то може бити предмет даљих, специјализованих истраживања.

Кључне речи: сраслица, синтаксичка творба, српски језик, руски језик, пољски језик.

ЛИТЕРАТУРА И ИЗВОРИ

Babić S. *Tvorba riječi u hrvatskome književnome jeziku*. Treće, poboljšano izdanje. Zagreb: Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti – Nakladni zavod Globus, 2002.

Николић, М. *Обратни речник српског језика*. Београд: Институт за српски језик САНУ – Матица српска – Палчић, 2000.

Пешикан, Митар, Јерковић Јован, Пижурица Мато. *Правопис српскога језика*. I. Правила и њихови односи. II. Речник уз правопис. Нови Сад: Матица српска, 1993.

Пешикан, Митар, Јерковић Јован, Пижурица Мато. *Правопис српскога језика*. 2. изд. Нови Сад: Матица српска, 2011.

РМС–(МХ). *Речник српскохрватскога књижевног језика*. Књ. 1–3. Нови Сад: Матица српска – Загреб: Матица хрватска, 1967–1969. Књ. 4–6. Нови Сад: Матица српска, 1971–1976.

РСАНУ. *Речник српскохрватског књижевног и народног језика*. Књ. I–XXI. Београд: Српска академија наука и уметности – Институт за српски језик САНУ, 1959–2019.

РСЈ. *Речник српскога језика*. Нови Сад: Матица српска, 2007.

МАКЕДОНСКИОТ ЈАЗИК НИЗ ИНОВАТИВНИТЕ ПРОЦЕСИ НА ЗБОГАТУВАЊЕ НА ЛЕКСИЧКИОТ ФОНД

Лидија Аризанковска, Лидија Тантуровска (Северна Македонија)

Со овој труд се зафаќаме со анализа на некои иновативни процеси на современиот македонски јазик како одраз на развојните процеси во 21 век, поставувајќи го јазикот меѓу потребите и можностите.

Преку анализа на два зборообразувачки процеси низ текстовите (од различни функционални стилови) ќе се обидеме да прикажеме дел од актуелната состојба во македонскиот јазик од зборообразувачки и од лексички аспект и притоа да укажеме како на можностите, поттикнати од креативноста и од иновативноста во јазикот, главно поради остварување на комуникациската функција и нагласување на неговата експресивност, така и на појавата на еден вид регресија во интерес на нормата на македонскиот јазик.

1. Познато е дека зборообразувањето како одделна лингвистичка дисциплина својот развој во македонската наука за јазикот го доживува на крајот на деведесеттите години на дваесеттиот век (Конески 1995), издвојувајќи се како нова лингвистичка дисциплина.

1.1. Како основни начини на зборообразување (Конески 1995: 11–12), врз основа на тоа какви промени се настанати, какви зборообразувачки постапки или средства се избрани при процесот на зборообразувањето, како што е познато, се изделуваат следните: лексичко-семантички (или семантичко зборообразување); лексичко-синтаксички (или срастување); морфолошко-синтаксички начин на зборообразување (или синтаксичка конверзија); морфолошки (афиксален) начин на зборообразување, а тука спаѓа и образувањето на сложени зборови, како и образувањето скратеници. Морфолошкиот (афиксалниот) начин на зборообразување е најкарактеристичен и најпродуктивен за македонскиот јазик.

2. Како модел за образување нови зборови, изразени преку соодветни форманти, се понудените зборообразувачки типови, од една страна, а од друга страна е современата состојба поттикната од задоволувањето на потребите за брзо пренесување на информацијата, што значи и резултат на економијата во јазикот. Економијата до некаде ја налага и продуктивноста или непродуктивноста на одделни зборообразувачки типови, која, пак, значи „...способност на зборообразувачкиот тип да служи на синхрониски план како модел за образување нови зборови “ (Конески 1995: 31). Сепак, продуктивноста или непродуктивноста не значат постојана категорија. Тие се менуваат

со промените низ кои под влијание на многубројните фактори поминува во својот развој самиот јазик.

3. Се задржуваме на две појави од иновативните процеси, кои влијаат на лексичкиот фонд во македонскиот јазик, а анализата е направена низ различни текстови (од функционалните стилови) на македонскиот јазик. Од тие причини тука потсетуваме дека како и секој друг современ јазик, така и македонскиот е повеќефункционален. Во таа насока зборуваме за раслојување на јазикот, па според стилистичките истражувања во македонистиката, обично, во македонскиот јазик се разгледуваат: разговорниот функционален стил (разговорниот јазик), уметничколитературниот функционален стил (јазикот на уметничката литература), публицистичкиот функционален стил (јазикот на средствата за јавно информирање и на публицистиката), административниот/ официјално-деловниот функционален стил (јазикот на администрацијата и на политиката) и научниот функционален стил (јазикот на науката), како и нивните потстилови. Ова ни е потребно да го наведеме за да покажеме со какви видови текстови можеме да се сретнеме во нашата анализа.

3.1. Нашата анализа најпрвин ја започнуваме со **еднопоимските сложени именки** со прва компонента со туѓојазична основа (*анти-, контра-, супер-, ултра-* итн.) што го дополнува значењето атрибутски на втората компонента (која исто така може да биде со туѓојазична основа). Анализата е правена врз примерите на еднопоимските сложени именки (главно преземени од Правописот на македонскиот јазик 2017), како на пример: *авиопревозник, автопат, видеоигра, радиоврска, телеуправување* итн., односно и со туѓојазична основа во втората компонента: *галванокаустика*, *евроинтеграција; супермаркет* итн. Разбирливо е што ваквите еднопоимски сложени именки (само со првата комомпонента или и двете компоненти со туѓа основа, пред сè се од латинска или од грчка основа) се среќаваат во текстовите од научниот функционален стил од различни научни (природни, општествени итн.) области. Причини за тоа има повеќе, меѓу кои ќе ги споменеме: развојот на науката и на техниката, од една страна, потоа различните општествени случувања, од друга страна итн. Меѓутоа, ако се побараат споменативе еднопоимски сложени именки и низ други текстови/контексти, може да се забележи дека се среќаваат во различни текстови и од други функционални стилови во македонскиот јазик. Така, на пример, еднопоимските сложенки од типот: радио2- (‘што се однесува на радијација, на зрачење’): *радиоактивност*, *радиобиологија*, *радиогенетика*, *радиографија, радиоизотоп*, *радиоекологија, радиотерапија*, пред сè,

се среќаваат во научниот стил (во областа од природните науки: хемија, биологија, медицинските науки итн.):

- Дигиталната радиографија во стоматологијата се однесува на употребата на технологија за дигитално снимање за снимање и складирање на снимки на забите со Х-зраци (https://denticija.mk/digitalna-rentgenografija/; пристапено на: 28.3.2025).

Меѓутоа, истите сложенки ги читаме и во различни други текстови, како на пример во новинарскиот потстил од публицистичкиот стил:

- Француската агенција за нуклеарна безбедност (ИРСН) на 10 ноември соопшти дека облак со ниско ниво на радиоактивност поминал над дел од Европа и Балканот, што предизвика вознемиреност кај европската јавност и стана една од главните вести во светските медиуми (https://www.radiomof.mk/i-vo-makedonskiot-vozduh-registirano-prisustvo-na-rutenium-no-bezopasno/; пристапено на: 28.3.2025) итн.

Очигледно е дека сложенките радиоекологија и радиолинија, наведени погоре во низата, не се регистрирани во Правописниот речник на македонскиот јазик, но првите компоненти: радио-[2] и авио- отвораат можност за нови сложени зборови. Со ова сакаме да покажеме дека некои од овие (први) компоненти, во поново време, покажуваат поголема продуктивност.

Наспроти ова стои фрекветноста/бројноста на примерите со дадена еднопоимска сложенка, која се препознава, на пример, по тоа што има поголема фрекветност во текстови од еден функционален стил, односно има поголема фрекветност воопшто во сите текстови, што секако зависи од околностите, од развојот (на техниката, науката итн.), од потребата за нејзина употреба итн. На пример, наспроти фрекветноста на еднопоимските сложенки со прва компонента: психо-, морфо-, хемо- итн., кои, пред сè, се среќаваат во текстовите од научниот функционален стил (а потоа и во друг стил), е фрекветноста на еднопоимските сложенки со прва компонента, на пример, од типот: супер-, кои се среќаваат во сите функционални стилови.

3.2. Втората појава се гледа во осумдесет и двата примери **со придавки со суфиксот -ионен** во Правописниот речник на македонскиот јазик, при што, од нашата анализа забележавме дека сите вакви придавки немаат регистриран пар на -ски.

Веднаш треба да се каже дека придавките со суфиксот -ионен во македонскиот, па и во други словенски јазици, биле предмет на анализа и на научни согледувања повеќепати[1], кои опширно ги претставуваме во нашиот труд.

Она што можеме да го констатираме е дека сите досегашни анализи (од наведените и од ненаведените автори) водат кон:

[1]Борис Марков 1988; Благоја Корубин 1990; Маријана Киш 1990 (испечатено во 2005); Симон Саздов 1993; Кирил Конески 1995; Славица Велева 2006.

–тенденцијата на системска адаптација кон синонимскиот зборообразувачки модел со суфиксот -ски;

–значенско изеданчување на паралелните форми и системско наметнување на попродуктивниот модел на -ски.

Во таа насока, ако се разгледаат придавките што се посочени како „непостоечки“ или како „чудни“ (на суфиксот -ски) во периодот кај секој автор одделно кога ја пишувал својата статија, во современата состојба може да се забележи:

- голем број од нив (на суфискот -ски) се актуелни наспроти нивните парови (на -ионен);
- регресија на нови придавски форми на -ионен.

Според нашата анализа може да се заклучи дека иако станува збор за системска регресија, во различни текстови/контести се среќаваат придавките на -ионен, што зборува за постепеноста во напуштањето на оваа појава во практиката. Причината, меѓу другото, ја бараме и во постоењето на голем број придавки на -ионен, регистрирани во Толковениот речник на македонскиот јазик (оправдано, пред сè, поради фактот што станува збор за ваков вид речник[2]).

4. Со овој труд сака(в)ме да покажеме дека и со две јазични појави може да се согледа во која насока одат иновативните процеси во зборообразувањето во македонскиот јазик. Тоа го илустиравме со два процеси, од кои првиот се карактеризира со продуктивност, во кој ги анализиравме еднопоимските сложени именки со прва компонента со туѓа основа, а вториот – со регресија, во кој се опфатени 82 примери од Правописниот речник на македонскиот јазик и за кои, во прагматски рамки, се гледа дека сè уште постојат придавки со суфиксот -ионен иако се забележува системска адаптација на суфиксот -ски во истоимените придавки. Впрочем, овие две јазични појави можат да се генерализираат како општоприфатливи зборообразувачки иновативни процеси во македонскиот јазик, па и во зборообразувачки системи од други јазици.

[2] Во Толковниот речник на македонскиот јазик, како на пример: *апелационен*, *верификационен*, *дезинфекционен*, *демаркационен*, *евакуационен*, *евалуционен*, *експедиционен*, *изолационен*, *инвестиционен*, *индукционен*, *инкубационен*, *интеграционен*, *иригационен*, *канализационен*, *кандидационен*, *касационен*, *квалификационен*, *класификационен*, *коалиционен*, *комисионен*, *кондиционен*, *концентрационен*, *координационен*, *кохезионен*, *кулминационен*, *мобилизационен*, *обдукционен*, *облигационен*, *окупационен*, *опозиционен*, *опсервационен*, *организационен*, *пензионен*, *проекционен*, *реакционен*, *редукционен*, *релационен*, *репарационен*, *репетиционен*, *стабилизационен*, *транзиционен*, *фисионен* итн.

КОРИСТЕНА ЛИТЕРАТУРА

Аризанковска Лидија. 2019. Македонскиот јазик низ процесот на глобализацијата од зборообразувачки аспект, *Глобализацыя і славянскае словаўтварэнне/ Globalization and Slavic word formation.* Мінск: Нацыяналная Акадеэмія навук Беларусі, „Права і эканомика“, 34–49.

Аризанковска, Лидија. 2022. Македонскиот јазик меѓу креативноста и нормата како дел од јазичната иновативност и неологизација, *Slovanská slovotvorba: synchrónia, inovácie, neologizácia.* (*Zbornik)*. Prešove: Prešovská univerzita v Prešove, Filozofická fakulta, Pedagogická fakulta, 71–84.

Велева, Славица. 2006. *Тенденции во зборообразувањето во македонскиот јазик.* Скопје: „2-ри Август С“-Штип.

Конески, Кирил. 1995. *Зборообразувањето во современиот македонски јазик*. Скопје: Бона.

Конески, Кирил. 1999. *Правописен речник на македонскиот литературен јазик*. Скопје: Просветно дело.

Корубин, Благоја. 1990. *На македонско-граматички теми*. Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“.

Минова-Ѓуркова, Лилјана. 2003. *Стилистика на современиот македонски јазик.* Скопје: Магор.

Правопис на македонскиот јазик. 2017. Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“.

Тантуровска, Лидија. 2008. *Законодавно-правниот потстил на административниот функционален стил врз примери од македонскиот јазик*. Посебни изданија, кн. 58. Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“.

Толковен речник на македонскиот јазик. Ред. Кирил Конески. Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Достапно на: https://makedonski.gov.mk/.

HRVATSKI PADEŽNI SUSTAV

SANDA HAM (HRVATSKA)
Filozofski fakultet Josipa Jurja Strossmayera u Osijeku
sanda.ham@gmail.com

Rad je dijakronijski opis padežnoga sustava u hrvatskim gramatikama od prve naše gramatika iz 1604. do posljednje iz 2017., a u obzir se uzimaju i štokavske i kajkavske gramatike,[1] ali samo tiskane, rukopisne se izostavljaju iz opisa – riječ je o trima štokavskim [1] i jednoj kajkavskoj. [8]

Kada je riječ **o padežnom modelu u štokavskih gramatika**, valja poći od prve hrvatske gramatike jer je bila temelj onima koje su dolazile poslije nje. Bartol Kašić (1604.) prihvaća latinski model od šest padeža u kojem je hrvatskomu jeziku nepripadajući ablativ; u jednini dodaje i sedmi padež; u množini i osmi; sedmi padež odgovara suvremenom instrumentalu, a osmi lokativu. [2], [3], [5]. Budući da dativ i lokativ u jednini imaju isti nastavak, Kašić ih ne razdvaja, nego bilježi samo dativ. U množini ih je morao zabilježiti kao dva padeža jer su im nastavci različiti. Takav su model nasljedovali Della Bella (1728.) i Marijan Lanosović (1778., 1789.), Jurin (1793.), Appendini [2]. Ablativ se zadržava u hrvatskim gramatikama sve do 19. st. Nejednak broj padeža prvi ujednačuje B. Tadijanović 1766., ali tako da za oba broja ima samo šest padeža (s ablativom, bez lokativa i instrumentala). Reljković (1767.) propisuje sedam padeža, ali ne uočava lokativ; bilježi ablativ i instrumental. Lanosović u trećem izdanju svoje gramatike 1795. izjednačuje broj padeža u oba broja, ali jednini dodajući osmi padež. Šime Starčević (1812.) ima šest padeža u jednini i šest u množini. Vrijedno je upozoriti da Starčević u popisu padeža nema ablativa, ali nije uočio lokativ pa mu je šesti padež instrumental [2], [3].

Padežni se sustav suvremenom smislu potvrđuje tek u I. A. Brlića 1833., a 1836. sedam hrvatskih padeža učvršćuje V. Babukić [10]. Poslije Babukićeve slovnice od takvoga će modela odstupiti A. Stazić (1850.) koji ne bilježi lokativ, nego lokativ i dativ spaja u jedan padež i u jednini i množini.

Sastavnica padežnoga modela jest i razdioba imenica na vrste. Od Kašića pa do Maretića (1899.), imenice se dijele u tri vrste, prema nastavku u G mn. Maretićevci imenice dijele prema rodu i nastavku za rod. Maretićevska tradicija prekinuta je Priručnom gramatikom (1979.) kada je vraćena razdioba imenica prem G mn. Danas razdiobu imenica prema rodu slijedi samo Silić-Pranjkovićeva gramatika (2005.). [2]

[1] Budući da popis hrvatskih gramatika obasiže poprilici 11 000 znakova s prazninama, ovdje se ne će, zbog ograničene duljine rada, pojedinačne navoditi u popisu literature, nego se upućuje na [2], [3], [10] gdje je popis hrvatskih gramatika ili na http://ihjj.hr/stranica/gramatike-hrvatskoga-jezika/11/. I popis je literature sveden na osnovnu literaturu.

Dvojinu prva naša gramatika ne bilježi. Međutim, pojam je dvojine Kašiću poznat [6], opisujući brojeve 2 – 4, Kašić izrijekom spominje dvojinu, ipak ju ne smatrajući ju gramatičkim brojem u hrvatskom jeziku, tako da posebne sklonidbe dvojine nema. Prvi gramatičar koji dvojinu smatra živućom gramatičkom kategorijom i koji navodi sklonidbu dvojine jest V. Babukić (1836.) [10]. Dvojina se propisuje u svim gramatikama zagrebačke škole, a nestaje tek samim krajem 19. st., u hrvatskim vukovskim gramatikama. Od Maretićeve gramatike pa do danas dvojina se ne opisuje kao treći broj. Naravno, opisuje se uz brojeve 2 – 4 gdje se u N, A, V govori o „ostatcima dvojine“ koji su danas izjednačeni s G jd.

Padežni su nastavci za množinu od prve su hrvatske gramatike pa do kraja 19. st. bitno različiti od suvremenih – D, L, I mn. nemaju sinkretizirane nastavke. Imenicom *zlato* oprimjerujem Kašićevu sklonidbu: N – *zlato*; G – *zlatov, zlata, zlati*; D – *zlatom*; A – *zlata*; V *o zlata*; Abl. – *od zlatov* itd. kao u genitivu; sedmi – *sa zlatima, zlatimi, zlati*; osmi – *u zlatih ili zlati*.[2] Padežni nastavci navedenoga sklonidbenoga uzorka (a-vrsta, o-promjena) za množinu odgovaraju svim imeničkim vrstama, pa valja upozoriti da uz stari G mn. *-ø* (*vrimen* ili *vrimena*, *sladost* ili *sladosti*...) Kašić normira i novi s novoštokavskim nastavkom *-a*, a isto je tako, uz starije nastavke u I mn. (*-imi*, *-i*), i novoštokavski nastavak (*-ima*). [3], [5]. Važno je napomenuti da se D, L i I mn. međusobno razlikuju padežnim nastavcima, što se normativno zadržava do Maretićeve gramatike jer su od tada normirani sinkretizirani nastavci u tim trima padežima. Kašićev Gmn. na *-ø* potvrdit će se samo u Babukićevoj Osnovi slovnice, ali će ga Babukić već u Ilirskoj slovnici napustiti u korist *-ah* koje se kao stalna sastavnica padežnoga sustava potvrđuje od Tadijanovićeve gramatike (1761.) pa do kraja 19. st. D mn. nije se od Kašićeva doba mijenjao, imaju ga sve gramatike; dvostrukosti (i trostrukosti) u L i I mn. ostaju u 18. st., ali ih slovnice zagrebačke škole uklanjaju u korist starijih nastavaka. Tako će biti u cijelom 19. st. sve do nastupa hrvatskih vukovaca u kojoj se poslije tri stoljeća upotrebe nesinkretiziranih nastavaka prelazi na sinkretizirane, naše suvremene.

Kajkavska književnojezična stilizacija iznjedrila je samo šest gramatika. [4], [7]. [9]. U padežnom modelu zajedničko je sa štokavskim gramatikama što se imenice dijele prema nastavku u G jd., ne bilježi se dvojina, gramatike do Kristijanovićeve bilježe ablativ.

Rajspova gramatika iz 1772. gramatika je njemačkoga jezika pisana kajkavskom književnojezičnom stilizacijom. Uz njemačka gramatička pravila navodi i hrvatska. U opisu se padežnoga sustava Rajsp razlikuje od svih gramatika, bilo štokavskih, bilo kajkavskih. Rasjp je opisao padežni sustav u kojem je šest padeža, zabilježio je ablativ, ali instrumentala i lokativa

[2] Kašić ima tronaglasni sustav, a kako je suvremeni četveronaglasni, ovdje se ne bilježe Kašićevi naglasci jer bi to tražilo dodatna tumačenja.

nema. [3]. Szentmártonyjeva gramatika (1783.) prva je tiskana kajkavska gramatika. U Szentmártonyja u jednini i množini jednak je broj padeža, šest. U jednini ne razdvaja dativ i lokativ, a u množini genitiv i lokativ svrstava u 2. padež. [2], [7]. Padežni je sustav u Kornigovoj gramatici (1790.) isti kao u Szentmártonyja [2], [3], [7]. Matijević (1810.) bilježi šest padeža u jednini i množini, nedostaje lokativ, ali nema ablativa [7]. U Đurkovečkoga (1826.) sedam je padeža, ali ne u suvremenom smislu [7]. Lokativa nema, šesti je padež ablativ, a sedmi instrumental. Kristijanovićeva gramatika (1837.) izlazi poslije Babukićeve i ima model od sedam padeža [7]. Dakle, posljednja kajkavska gramatika približila se u padežnom modelu prvoj suvremenoj štokavskoj hrvatskoj gramatici.

Rajsp bilježi samo četiri različita padežna nastavka u imeničkoj množini. Genitivno/ablativna nastavka su dva: *-ov* za m. r i *-ah* za ž. r. Iste je nastavke zabilježio i Kašić, a potvrdit će se u svih kajkavskih gramatičara, ali i štokavskih. Naravno da Rajsp u tekstu gramatike upotrebljava i instrumental i lokativ (u množini s nesinkretiziranim nastavcima), bez obzira što ih ne opisuje posebice. Szentmártonyjev G mn. na *-ø*, nastavak *-ov* i s nastavkom *-ah* (*-eh, -ih*), Kašićevski su – ne znači to da se Szentmártony ugledao na Kašića (dobro je napomenuti da su obojica isusovci), ali Kašić je jedini od štokavskih gramatičara u kojega je G mn. na *-ø* (*vojvod*). U I. mn. nema dvostrukosti (uz napomenu da se često govori taj padež i na *-i*: *med znanci i med znancmi*, ali su nastavaci *-ami* (*vod-ami*) ili *-mi* (*kolen-mi*) zajednički štokavskoj i kajkavskoj književnojezičnoj stilizaciji. [3], [7].U Matijevića G mn. ima nastavke kao u Szentmártonyja, a tako je i s I mn. Đurkovečki u G i Abl. mn. ima *-ø*, D mn. *-om* ili *-am,* a I mn. ima nastavak *-i* ili *ami* (u obama padežima ovisno o imeničkoj vrsti) [7]. Naprijed je rečeno da se posljednja kajkavska gramatika, Kristijanovićeva, u padežnom modelu ugleda na Babukića, a tako je i s nastavcima za množinu.

Zaključno se može reći da je hrvatski padežni model i u štokavskim i u kajkavskim gramatikama dva stoljeća bio opterećen ablativom. I mn. jedini je padež koji je u štokavskim gramatikama mogao imati i novoštokavsko *-ama, -ima.* Normiranje dvojine u gramatikama zagrebačke škole odvojilo je sinkretizirane nastavke od nesinkretiziranih tako što su sinkretizirani bili uvršteni u dvojinu. Drugim riječima, i jedni su i drugi nastavci bili poznati hrvatskom padežnom sustavu, tako da hrvatske vukovske gramatike nisu donijele nove i nepoznate nastavke, nego su stari i poznati drugačije raspoređeni. Padežne nastavke za množinu u štokavskim i kajkavskim gramatikama povezuju nesinkretizirani nastavci, ali posljednja je kajkavska gramatika objavljena pola stoljeća prije nego što su hrvatske gramatike prihvatile sinkretizirane nastavke. Hrvatski je padežni sustav stabilan glede broja, redoslijeda i naziva

padeža od 1833. (od Brlićeve gramatike), a učvršćen u Babukićevoj 1836.; tri stoljeća bilježili su se nesinkretizirani nastavci, a tek nešto više od stoljeća bilježe se sinkretizirani.

LITERATURA

[1] Bezina, Petar. 1994. *Kulturni djelatnici Franjevačke provincije presvetoga Otkupitelja*. Zagreb : KS.

[2] Ham, Sanda. 2006. *Povijest hrvatskih gramatika.* Zagreb: NZ Globus

[3] Ham, Sanda. Hrvatske gramatike u 17. i 18. st. *Povijest hrvatskoga jezika, 17. i 18. stoljeće*, ur. Ante Bičanić, 371-427. Zagreb : Croatica.

[4] Jembrih, Alojz. 1997. *Na izvorima Hrvatske kajkavske književne riječi*. Čakovec : Zrinski

[5] Katičić, Radoslav. 1981. Gramatika Bartola Kašića. *Rad JAZU 388* : 6-106.

[6] Katičić, Radoslav. 1981. Dual u gramatici Bartola Kašića. *Filologija 10* : 243-244.

[7] Štebih Golub, Barbara. 2018. Mali uvid u bogatu kajkavsku gramatikografiju. *Fluminensia* 30 : 127-151.

[8] Štebih, Barbara. 2005. Kajkavska gramatika Ivana Vitkovića. *Rasprave IHJJ*. 31: 329- 353.

[9] Stolac, Dijana. 1995. Standardizacijski procesi u kajkavskom književnom jeziku. *Filologija* 24. – 25: 331 – 337.

[10] Tafra, Branka. 1993. *Gramatika u Hrvata i Vjekoslav Babukić*. Zagreb : MH

THE EMERGENCE OF NEW PERIPHRASTIC CONSTRUCTIONS IN CZECH AND SLOVAK

TILMAN BERGER (GERMANY)

It is typical of Czech and Slovak that a large number of tenses are formed periphrastically, i.e. by combining an auxiliary verb with an infinitive or a participle, as in the following examples:

(1) Byl jsem tam. – Bol som tam. (past tense)
(2) Budeme zpívat. – Budeme spievať. (future tense of imperfective verb)
(3) Rád bych přišli. – Rád by som prišiel. (conditional mood)

These constructions originate from Proto-Slavic or Old Czech / Old Slovak and are fully grammaticalized. Unlike in some other Slavic languages (e.g. Russian and Polish), the components of the periphrastic constructions are still clearly recognizable and have not merged. The only exception to this is the transformation of the auxiliary of the 2nd Ps. Sg. *jsi* into a suffix *-s*, which is restricted to Czech, but has never become established and is in decline today. A contrary development is the splitting of the plural forms of the conditional auxiliary into two components in Slovak: **bychom > *bysme > by sme, *byste > *byste > by ste.*

In addition to these old periphrastic constructions, which have been documented since the beginning of the historical tradition, other constructions have emerged in Czech and Slovak over the course of time. I will not go into the constructions from the field of diathesis (such as the passive voice) but concentrate entirely on those related to the aspect-tempus system.

First of all, I would like to mention resultative constructions, which are formed with the verb *mít* and a passive participle:

(4) Mám uklizen byt. – Mám upratený byt.
(5) Máme zavřeno. – Máme zatvorené.

This construction was first described by Mathesius (1925), who saw it as the beginning of the development of new perfect tenses. After much discussion and the work of Hausenblas (1962) and Giger (2003), it is now generally agreed that this construction is not a tense in the strict sense, but a resultative. In the sense of Wiemer (Wiemer/Giger 2005, Wiemer 2017), I understand a resultative here as a form that denotes the after-state of a completed action. As a rule, it can only be formed by perfective verbs, but can be freely combined with all tenses.

Related to the resultative is another similar phenomenon that Wiemer and I described in 2018, namely the so-called prepositional resultative. This has the same meaning, but is

expressed by other forms, namely the combination of the auxiliary verb with the preposition *po* ‘after’ and a noun that has a verbal meaning:

(6) Byli jsme po obědě. – Boli sme po obede.

(7) Bylo po bitvě. – Bolo po bitke.

After providing an overview of the resultative constructions, my presentation will focus on two further constructions, that have received little attention in the literature so far, namely the prospective and the so-called absentive.

The prospective is mainly known from Slovak, where it was first described by Kálal (1924). It has been described in more detail in several articles by Giger (2006a, 2008). The prospective consists of a form of the verb *ísť* 'to go' and the infinitive and denotes an event or process that is imminent:

(8) Idem mu napísať.

(9) Ide pršať.

This construction has not yet been described for Czech, but it exists nonetheless. However, not all possible cases in Slovak are also documented in Czech. Cf. for example:

(10) Jdu mu napsat.

(11) *jde pršet.

The second construction I want to look at is the so-called absentive. It was first described for Czech by Dokulil in 1952 and is mentioned in descriptions of Czech and Slovak syntax (cf. Grepl/Karlík 1998; Orlovský 1971) without being described in detail. This construction consists of a past tense form of the verb *být* 'to be' with the infinitive. It is traditionally attributed the function that the speaker reports on an action that has taken place elsewhere, but as I already argued in my 2009 paper, the so-called absentive is rather a new type of progressive.

(12) Byl jsem se tam podívat. – Bol som sa tam pozrieť.

In my presentation I will describe both constructions in more detail on the basis of corpus data from different Czech and Slovak corpora. I will focus on the following points:

- frequency of the constructions;
- competing homonymous constructions
- the semantic class of the embedded verb;
- the aspect of the embedded verb.

I will show that both constructions have similar frequencies in Czech and Slovak and that they are restricted to a rather small group of verbs. Some verbs are blocked by homonymous

constructions (e.g. verba sentiendi), other verbs are excluded because of their semantics (e.g. states).

Unlike the resultative, both constructions can be combined with both aspects, but only with one tense. Therefore, they can be considered as candidates for new periphrastic tenses, even if there is still a long way to go before they are finally grammaticalized.

REFERENCES

Berger, Tilman 2009. Einige Bemerkungen zum tschechischen Absentiv. In Berger, Tilman et al. (eds.), Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern – Die Slavia von der Sprachgeschichte bis zur Politsprache. Festschrift für Daniel Weiss zum 60. Geburtstag. Munich, 9–28.

Berger, Tilman / Wiemer, Björn 2018. Predložnyj rezul′tativ v pol′skom I češskom jazykax. Slavistika 22, 21–64.

Dokulil, Miloš 1949. Byl jsem se koupat, naši byli vázat. (Osobní vazby slovesa býti s infinitivem). Naše řeč 33, 81–92.

Giger, Markus 2003. Resultativa im modernen Tschechischen. Berlin, Bern.

Giger, Markus 2006. Prospektná konštrukcia ísť + infinitív. Sokolová, Miloslava / Ivanova Martina (eds.), Sondy do morfosyntaktického výskumu slovenčiny na korpusovom materiáli, Prešov, 103–113.

Giger, Markus 2008. Der ‘gehen’-Prospektiv im Slovakischen. Semantik und Grammatikalisierung. In: Kosta, Peter (ed.), Slavistische Linguistik 2006/2007, München, 103-124.

Miroslav Grepl / Petr Karlik 1998. Skladba češtiny. Olomouc.

Hausenblas, Karel 1962. Slovesná kategorie výsledného stavu v dnešní češtině. Naše řeč 48, 13–28.

Kálal, Miroslav 1924. Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Banská Bystrica.

Mathesius, Vilém 1925. Slovesné tvary typu perfektního v hovorové češtině. Naše řeč 9, 200–202.

Orlovský, Jozef 1971. Slovenská syntax. Bratislava.

Wiemer, Björn 2017. Slavic Resultatives and Their Extensions: Integration into the Aspect System and the Role of Telicity. Slavia 86, 124–168.

Wiemer, Björn / Giger, Markus 2005. Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen. Bestandsaufnahme unter arealen und grammatikalisierungstheoretischen Gesichtspunkten. München.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО ВРЕМЕН ГЛАГОЛОВ СОВЕРШЕННОГО ВИДА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Björn Wiemer, Peter Arkadiev (Германия), Jana Kocková (Чехия), Mladen Uhlik (Словения), Piotr Wyroślak (Польша)

1. Введение

Для всех славянских языков характерно различие между совершенным и несовершенным видом (PFV, IPFV), пронизывающее всю систему финитных и нефинитных форм глагола. Тем не менее, их глагольные системы различаются по многим параметрам, в том числе в области непрошедшего времени, где наблюдается разделение между южнославянскими и севернославянскими языками. В южнославянских языках формы настоящего и будущего времени морфологически различаются для основ как IPFV, так и PFV вида, поскольку вспомогательные глаголы будущего времени сочетаются с основами обоих видов (напр., слвн. *bom pisal* ‘я буду писать’, *bom napisal* ‘я напишу’).

В севернославянских же языках вспомогательные глаголы сочетаются лишь с основами несовершенного вида (напр., чеш. *bude psát*, рус. *он будет писать*), тогда как в случае основ совершенного вида значение будущего кодируется, как правило, формами непрошедшего времени, обозначаемыми как PFV.PRS (напр., чеш. *napíše,* рус. *он напишет)*.

2. Задачи

В настоящем докладе мы рассмотрим, влечёт ли за собой этот базовый контраст в морфологическом (не)различении форм настоящего и будущего времен совершенного вида какие-либо последствия для распределения функций, закреплённых за соответствующими аспектуально-временными комбинациями.

Подход к данному вопросу требует: (а) учета данных об употреблении грамматических форм в текстах; (б) опоры на четкие разграничения, касающиеся ключевых понятий (ср. Wiemer 2022); и (в) принятия определённых общепризнанных выводов.

Что касается пункта (б), мы определяем «будущее время» как способность регулярно образующейся формы предиката отсылать к, как правило, единичной («эпизодической») ситуации, расположенной во времени после соответствующей точки отсчёта — либо момента речи, при использовании дейктического времени, либо иной точки отсчета, например, в повествованиях в прошедшем времени.

Кроме того, представляется необходимым разграничивать нарративное употребление грамматических форм и их использование в пропозициях со снятой

утвердительностью. В нарративном употреблении привязка к моменту речи устраняется, в то время как в случаях снятой утвердительности эта привязка ослабляется. В нарративном употреблении часто выделяется цепочка единичных событий (Fleischman 1990: §4, Wiemer 1997), тогда как пропозиции со снятой утвердительностью реализуются в ограниченном ряде контекстов, а именно:

(i) при выражении хабитуальности,

(ii) в контекстах недеонтической модальности,

(iii) в отдельных условных предложениях.

Для этих трех контекстов характерна сниженная ассертивность (Weinreich 1963, Падучева 2016, 2018), поскольку подобные пропозиции недоступны для проверки на истинность.

Относительно пункта (в), независимо от типа маркирования будущего времени, PFV.PRS во всех славянских языках — как северных, так и южных — сохраняет возможность выражения снятой утвердительности. Видимо, возможность использования PFV.PRS для обозначения (нерегулярной или регулярной) повторяемости либо гномических ситуаций снижается по направлению с запада на восток (Stunová 1993, Dickey 2000; 2003, Derganc 2003, Benacchio & Pila 2015, Dübbers 2015). Важно понимать, что указанное разделение пересекает вышеупомянутый разрыв между югом и севером в маркировке будущего, т.е. эти два типа межславняских различий проходят перпендикулярно друг к другу.

Кроме того, в соответствии с различием по направлению запад—восток в западной части славянского ареала (например, в чешском и словенском языках) возможно нарративное использование PFV.PRS, тогда как в восточной части (например, в русском и болгарском) оно отсутствует (Ницолова 2008: 274–278)[1]:

> (1) слв. *Nenadoma **obmolkne**[PFV.PRS], se sunkovito **obrne**[PF.PRS] in predirno **zazre**[PVF.PRS] v sogovornika*.
> ‘Внезапно он **замолкает**, резко **поворачивается** и **смотрит** на собеседника пронзительным взглядом.’

> (2) рус. И вот на следующий день он **входит**[IPFV.PRS] в дом, **поднимается**[IPFV.PRS] по лестнице, **открывает**[IPFV.PRS] окно, **ставит**[IPFV.PRS] чемодан, **зажигает**[IPFV] свет [...]. (Derganc 2003: 72)

[1] Если не указано иное, приведенные ниже примеры взяты из соответствующих национальных корпусов (см. список литературы).

Отсюда следует следующая импликация: если PFV.PRS может использоваться в нарративной функции, то он применяется и для пропозиций со снятой утвердительностью; обратное, однако, неверно (см. табл. 1).

Кроме того, PFV.PRS и PFV.FUT используются в директивных (а также других неассертивных) речевых актах. В северославянских языках PFV.PRS нередко колеблется между значениями будущего, хабитуалиса и модальности; аналогичная ситуация наблюдается и с формами PFV.FUT в южнославянских языках.

(3) условное значение:
чеш. *Navíc, když se dítě o rybičky starat* ***přestane***$^{PFV.PRS}$, ***zvládne***$^{PFV.PRS}$ *to i rodič* [...].
'Более того, если ребенок **перестанет** ухаживать за рыбкой, родитель тоже **справится** [...].'

(4) недеонтическая модальность:
рус. Стоит как неживая, в комок сжалась, такую выпусти на публику — с трех шагов **споткнется**$^{PFV.PRS}$!

	PFV.PRS		
	отличается ли от PFV. FUT?	используется ли в качестве нарративного презенса?	используется ли в пропозициях со снятой утвердительностью?
север			
русский язык (восток)	нет	нет	да
чешский язык (запад)	нет	да	да
юг			
словенский язык (запад)	да	да	да
болгарский язык (восток)	да	нет	да

Таблица 1: Различия между глаголами pfv. основы в непрошедших контекстах

Из Таблицы 1 вытекает, что сопоставление русского, болгарского, словенского и чешского языков предоставляет оптимальную основу для исследования функционального распределения PFV.PRS в указанных функциональных зонах с учётом морфологического (не)различения с PFV.FUT. Мы подходим к этим вопросам на основе случайных выборок употреблений PFV.PRS из современных корпусов (см. ссылки) с дополнительными выборками PFV.FUT для словенского и болгарского языков. В анализе применяется единая аннотационная схема, включающая десять критериев, охватывающих синтаксические параметры (например, тип клаузы), иллокутивную силу, полярность и семантические признаки (например, последовательность событий), что позволяет различать хабитуальное, модальное и строго футуральное прочтения, как это было определено выше.

Все данные были тщательно перепроверены двумя аннотаторами, а затем проанализированы с использованием многомерного моделирования (логистическая регрессия, деревья условного вывода, метод случайного леса) и многомерного шкалирования (MDS).

3. Результаты

Мы поставили три основных ключевых исследовательских вопроса и на основе проведенного анализа сформулировали следующие выводы.

(а) В какой мере различаются наборы функций форм PFV.PRS между чешским и русским (севернославянские) и соответствуют ли эти наборы комбинации функций форм PFV.PRS и PFV.FUT в словенском и/или болгарском (южнославянские)?

Прежде всего, необходимо отметить, что форма болг. PFV.PRS была исключена из анализа, поскольку эта форма систематически используется (в основном с коннектором *да*) в контекстах «замен инфинитива» (сложные предикаты и конструкции контроля). Чешский отличается от других языков меньшей долей сентенциальных актантов среди употреблений PFV.PRS, однако эта разница оказалась статистически незначимой.

Второй интересный момент - это более высокая доля значения будущего в придаточных изъяснительных в болгарском и словенском языках[2]. Возможно, это связано с большей долей придаточных изъяснительных в выборке. Тем не менее, мы можем констатировать, по крайней мере, определенную близость между южнославянскими языками. Другим значимым фактором является тип иллокуции: болгарский, словенский, и также чешский языки имеют низкую долю PFV.FUT в ассертивных речевых актах.

(б) Является ли разграничение между футуральной интерпретацией форм PFV.FUT, с одной стороны, и модальными, хабитуальными и директивными прочтениями данных форм, с другой, более чётким в южнославянских языках по сравнению с формой PFV.PRS в севернославянских?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы изучили случаи, когда данному употреблению анализируемой формы затруднительно приписать единственную (футуральную, хабитуальную или модальную) интерпретацию. В этом отношении словенский язык отличается от других языков, однако наш анализ не показал достаточно значительных различий, чтобы сделать более далеко идущие выводы.

[2] Объединённые данные по словенскому языку (PFV.FUT и PFV.PRS) свидетельствуют о более высокой доле употребления будущего в изъяснительных придаточных предложениях по сравнению с чешским и русским языками.

(в) Проявляют ли словенский и чешский языки бóльшую склонность к использованию PFV.PRS в хабитуальных контекстах, чем болгарский и русский языки?

Ответ на данный вопрос демонстрирует более сложную картину. Словенская форма PFV.PRS в большей степени ориентирована на выражение хабитуальных ситуаций по сравнению с чешской. В целом, согласно результатам корпусного исследования, словенские формы PFV.PRS и PFV.FUT демонстрируют дополнительное распределение. Чешский язык занимает промежуточное положение между русским и словенским. Болгарские данные по PFV.PRS были из анализа исключены по причинам, указанным выше. Таким образом, с точки зрения хабитуальных контекстов мы не наблюдаем чёткого разделения между северными и южными, а также восточными и западными славянскими языками. Разделение, скорее, прослеживается между словенским языком и остальными языками.

ЛИТЕРАТУРА

Benacchio, Rosanna & Malinka Pila. 2015. Глагольный вид в контекстах неограниченной кратности в словенском языке в сопоставлении с русским. In: Benacchio [Bennak'o], Rosanna (ред.): *Глагольный вид: грамматическое значение и контекст. / Verbal aspect: Grammatical meaning and context. (Сборник докалдов III Конференции Аспектологической Комиссии, состоявшейся в Падуе с 30.9. по 4.10.2011)*. München: Sagner, 79-91.

Derganc, Aleksandra. 2003. Nekatere razlike v rabi dovršnega oz. nedovršnega vida v ruščini in slovenščini. *Slavistična revija* 51, 67-79.

Dickey, Stephen M. 2000. *Parameters of Slavic Aspect (A Cognitive Approach)*. Stanford, CA: CSLI Publications.

Dickey, Stephen M. 2003. Verbal aspect in Slovene. *STUF* 56-3, 182-207.

Dübbers, Valentin. 2015. Factors for Aspect Choice in Contexts of Open Iteration in Czech. In: Benacchio [Bennak'o], Rosanna (ред.): *Глагольный вид: грамматическое значение и контекст. / Verbal aspect: Grammatical meaning and context. (Сборник докалдов III Конференции Аспектологической Комиссии, состоявшейся в Падуе с 30.9. по 4.10.2011)*. München: Sagner, 79-91.

Fleischman, Suzanne. 1990. *Tense and Narrativity (From Medieval Performance to Modern Fiction)*. Austin: University of Texas Press.

Ницолова, Руселина. 2008. *Българска граматика: Морфология*.**.** София: Университетско издателство "Св. Климент Охридски".

Падучева, Елена В. 2016. Модальность. *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*, http://rusgram.ru/ (дата обращения: 12. 4. 2025).

Падучева, Елена В. 2018. Снятая утвердительность и невериликативность. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2018»*. https://dialogue-conf.org/media/4323/paduchevaev.pdf (дата обращения: 12. 4. 2025).

Stunová, Eva. 1993. *A contrastive study of Russian and Czech aspect: Invariance vs. discourse*. Amsterdam (PhD thesis).

Weinreich, Uriel. 1963. On the semantic structure of language. In: Greenberg, Joseph (ed.), *Universals of Language.* Cambridge, MA: MIT Press, 114–171.

Wiemer, Björn. 1997. *Diskursreferenz im Polnischen und Deutschen - aufgezeigt an der narrativen Rede ein- und zweisprachiger Schüler.* München: Sagner.

Wiemer, Björn. 2021. Zum Verhältnis zwischen Präsens und Futur im Litauischen: Präliminaria im Bereich sprechzeitenthobener Propositionen. In: Arkadiev, Peter, Jurgis Pakerys, Inesa Šeškauskienė

& Vaiva Žeimantienė (eds.): *Studies in Baltic and other Languages. A Festschrift for Axel Holvoet on the occasion of his 65th birthday*. Vilnius: Vilnius University Press, 387-415.
Wiemer, Björn. 2022. Delimitation problems in the non-past domain. *Slavistika* XXVI/1, 63-89.

КОРПУСА

Национальный корпус русского языка: https://ruscorpora.ru/new/
Чешский национальный корпус: https://www.korpus.cz/
Gigafida (Словенский корпус): http://www.gigafida.net/
BNC: Болгарский национальный корпус: https://app.sketchengine.eu/#dashboard?corpname=preloaded%2FbulgarianNC_web

ANIMACY OF COORDINATE NPS IN RUSSIAN

ALEXANDER LETUCHIY
alexander.letuchiy@gmail.com

1. Introduction

Animacy is a semantic feature that is relevant for many language processes. For instance, animate vs. inanimate participants have different discourse properties, including those related to pronominal reference (see Kibrik 2011, and, in a wider perspective, Silverstein 1976 for the detailed account of the animacy hierarchy). At the same time, in some languages animacy is also grammaticalized. This is the case in Russian, where the accusative case form of some nouns in singular (nouns ending with consonant, such as *byk* 'bull' or *stol* 'table') and all nouns in plural depends on the animacy of the noun.

(1) *My* *uvide-l-i* *dom-Ø* */kot-a* */dom-a* */kot-ov.*
we.NOM see-PST-PL house-ACC.SG cat-ACC.SG house-ACC.SG cat-ACC.SG
'We saw a house / a cat / houses / cats.'

By contrast, feminine nouns with a stem on a vowel always have a non-syncretic singular accusative form on *-u*, not homonymous to any other case form (cf. animate *svin'ja* 'pig' and inanimate *stena* 'wall' in (2)):

(2) *On* *uvide-l-Ø* *sten-u* / *svin'j-u.*
He.NOM see-PST-SG.M wall-SG.ACC pig-SG.ACC
'He saw a door / a mouse.'

The lexical animacy in Russian are described by Shvedova (1970), Klenin (1983), Frarie (1992, a comparative account of Russian and Czech data) and many others. The history of the animacy category is analyzed, besides these studies, by Krys'ko (1994) For most nouns, animacy is semantically motivated. However, some lexemes demonstrate a nonstandard behavior.

There are interesting cases when the morphological animacy characteristics does not coincide with the semantic one. The most widely known is the case of the Russian nouns *trup* 'corpse', *mertvec* 'dead man' and *pokojnik* 'dead man'. All of them denote a dead person, who is no longer alive. However, only *trup* is morphologically inanimate, the other two nouns are animate. Thus, the morphological animacy characteristics is not always predictable from semantics. Yet, the feature is rather lexically stabile. An average speaker of Russian knows if a word is animate or inanimate and has no difficulties in the choice of the paradigm type in singular and plural, as well as of the pattern of adjective agreement.

(3) *On* *uvide-l-Ø* *trup-Ø* / *pokojnik-a.*

he.NOM see-PST-SG.M corpse-SG.ACC dead.man-SG.ACC
'He saw a corpse / a dead man.'

2.Problem: agreement with coordinate constructions

I pass now to the phenomenon, central for the talk. It turns out that inanimate nouns behave in a nonstandard way in coordinate constructions. The point is that in coordinate constructions, the behavior of animacy features differs from the standard pattern in non-coordinate NPs. The animacy of conjuncts does not predict the animacy of the whole coordinate constructions. To show this, I use constructions where the relative pronoun *kotoryj* in the direct object position agrees with a coordinate phrase that includes two noun phrases referring to groups of people: sport teams in (4) and professional groups in (5).

[We can easily understand that]

(4) "*Alanij-a"* *ne* *"Zenit"ili* *"Spartak",* *kotor-yx*
Alania-NOM.SG NEG Zenit-SG.NOM or Spartak-SG.NOM which-PL.ACC.**ANIM**
/??kotor-ye *my* *proš-l-i* *na* *predyduščix* *etap-ax.*
which-ACC.PL.**INAN** we.NOM pass-PST-PL on previous-PL.LOC stage-PL.LOC
'"Alania" is not "Zenit" or "Spartak", which we knocked out on the previous stages.'
(https://www.sport-express.ru/football/rus_cup/reviews/796400/)

(5) *policij-a* *i* *služb-a* *spasenij-a* *kotor-yx*
police-NOM.SG and service-NOM.SG rescue-GEN.SG which-ACC.PL.**ANIM**
??kotor-ye *direktor-Ø* *vyzva-l-Ø* *na* *mest-o* *proisšestvij-a*
which-ACC.PL.**INAN** director-NOM.SG call-PST-SG.M to place-ACC.SG accident-GEN.SG
'The police and the rescue service that the director called to the place of accident.'

In (4) and (5), both nouns are grammatically inanimate (cf. (6), where the noun *Spartak* itself controls the inanimate accusative form of *kotoryj*), which makes use expect that the resulting coordinate NP will also behave as inanimate and control inanimate agreement: in this case, the inanimate accusative form *kotorye* would be expected. However, this is not the case: the relative pronoun *kotoryj* takes the animate accusative form.

(6) "*Spartak-Ø",* *kotor-yj* */??kotor-ogo* *my* *obygra-l-i.*
Spartak-NOM.SG which-ACC.SG.**INAN** which-ACC.SG.**ANIM** we.NOM beat -PST-PL
'"Spartak", which we beat'

My intuition is confirmed by the fact that in my survey, 65,5% prefer the animate variant *kotoryx* for (5), 17,2% prefer the inanimate variant *kotorye*, and 17,2% allow both variants, as well as by the data from the internet, where in examples like (4) and (5), mostly animate marking of *kotoryj* is found. One possible explanation could be that in coordinate constructions, the animacy opposition is not valid or reduced. This, however, is not confirmed by other data: for instance, both canonical animate nouns (7) and canonical inanimate nouns (8) behave in the

expected way: the resulting coordinate construction assigns the animate and the inanimate form, respectively, to the relative pronoun:

(7) *Vot* *stol-Ø* *i* *stul-Ø,* *kotor-ye* *ja* *kupi-l-Ø.*
PART table-NOM.SG and chair-NOM.SG which-ACC.PL.**INAN** I.NOM buy-PST-SG.M
'These are a table and a chair that I have bought.'

(8) *Vot* *kot-Ø* *i* *sobak-a,* *kotor-yx* *ja* *pokormi-l-Ø.*
PART cat-NOM.SG and dog-NOM.SG which-ACC.PL.**ANIM** I.NOM feed-PST-SG.M
'These are a cat and a dog that I fed.'

More appropriate is another explanation. In coordinate constructions, grammatical values are assigned to the whole construction, rather than to each conjunct separately. This is the case not only with animacy, but also with person and number. Even if each conjunct is singular, agreement with coordinate phrases can be in plural. The person marking works in a more complicated fashion: the value is chosen according to the hierarchy 1>2>3 (the speaker is higher than the addressee, and the addressee is higher than a referent, not taking part in the speech act).

(9) *Petj-a* *i* *ja* *pojd-em* *na* *mor-e.*
Petja-NOM.SG and I.NOM go-FUT.1PL to sea-ACC.SG
'Petja and me will go to the sea.'

(10) *Ty* *i* *Polin-a* *ob* *ėt-om* *pogovor-ite.*
you.NOM and Polina-NOM.SG about this-LOC.SG speak-FUT.2PL
'You and Polina will speak about it.'

The same is true for grammatical animacy. While each noun in Russian (including names of collectives like *policija* 'police' and *skoraja* 'ambulance', which are inanimate) have a lexical animacy characteristics, the whole coordinate construction does not have lexical properties. This is why semantics become relevant for the choice of accusative form: and semantically, the collectives *policija* and *skoraja* are animate. Note that no semantic animacy marking is possible in non-coordinate constructions, where the direct object is a collective noun in plural.

(11) *Komandy* *kotor-ye* / *??kotor-yx* *my* *obygra-l-i.*
team-NOM.SG which-ACC.PL.**INAN** which-ACC.PL.**ANIM** we.NOM beat -PST-PL
'Teams which we beat.'

The noun *komanda* 'team', as well as names of teams in (4) and (5), though referring to a group of people, is grammatically inanimate. This feature does not change in plural, this is why the inanimate accusative form *kotorye* is chosen in (11). Similarly, the inanimate accusative marking is chosen in (12), for which, in the native speaker survey, 82,8% native speakers prefer the inanimate variant *kotorye*, 6,9% prefer the animate variant *kotoryx*, and 10,3% allow both variants.

(12) *Služb-y,* *kotor-ye* */??kotor-yx* *my* *vyzyva-l-i,*
service-NOM.PL which-ACC.PL.**INAN** which-ACC.PL.**ANIM** we.NOM call-PST-PL

tak *i* *ne* *smog-l-i* *reši-t'* *problem-u.*
PART and NEG can-PST-PL solve-INF problem-ACC.SG
'The services that we called did not manage to solve the problem.'

The same problem related to animacy arises in constructions (impossible in standard literary Russian, but possible in colloquial speech), where singular collective nouns (such as team and company names) control plural agreement (13). Examples like (13) show that the plural forms function as animate plural, the inanimate plural being ungrammatical.

(13) *A* *v* *final-e* *my* *snova* *vstreti-l-i-s'*
and in final-LOC.SG we.NOM again meet-PST-PL-REFL
s *Toljatti,* *kotor-yx* */*kotor-ye* *uže* *obygryva-l-i.*
withToljatti.INS.SG which-ACC.PL.**ANIM** which-ACC.PL.INAN already beat-PST-PL
'And in the final match, we played again with Tolyatti, which we had already once beaten.'
(https://riavrn.ru/news/s-kubka-rossii-po-peyntbolu-voronezhtsy-privezli-tri-medali-/)

Why, at the same time, animate agreement is impossible in (7) and (8)? In these examples, we observe no mismatch between semantic and grammatical animacy: *stul* 'chair' and *stol* 'table' are semantically and grammatically inanimate, while *kot* 'cat' and *sobaka* 'dog' are semantically and grammatically animate. This is why semantic agreement with the coordinate constructions leads to the same result as grammatical one.

3. Parallels among other categories?

The nonstandard situation in the animacy domain calls for a question if there is a situation of the same sort in other categories assignment: is it possible that the grammatical value of the whole coordinate construction is different from the value of each conjunct? The situation with the number, illustrated by (14), is virtually similar to the situation with animacy, but in fact different: the plural marking is trivial here, because any coordinate construction includes more than one referents, and this is why it can control plural agreement.

(14) *Tolj-a* *i* *Varj-a,* ***kotor-ye*** ***zabole-l-i,*** *ne* ***priš-l-i.***
Tolja-NOM.SG and Varja-NOM.SG which-NOM.PL fall.ill-PST-PL NEG come-PST-PL
'Tolja and Varja, who fell ill, did not come.'

It should be noted, however, that for number, as well as for animacy, semantic marking is sometimes obligatory. This regards, again, collective nouns, but mainly pronominal reference to those nouns. Although singular nouns like "*Zenit"* are normally singular, in some typically animate contexts, plural is preferable, while singular is dubious.

(15) "*Zenit-Ø"* *skaza-l-Ø,* *čto* ***oni*** ***oplatj-at*** *dorog-u*
Zenit-NOM.SG say-PST-SG.M COMP they.NOM pay-FUT.3PL way-ACC.SG
i *proživani-e* *"Volg-e".*
and accomodation-ACC.SG Volga-DAT.SG

‘“Zenit” said that they will pay “Volga”’s travel expenses and accommodation.’ (https://www.spartakworld.ru/fc-spartak/18798-sergey-rodionov-volga-sereznyy-sopernik-spartaka-v-kubke-rossii.html)

Theoretically, this grammatical pattern could be observed for other agreement categories, including case, gender, and person. However, this is not the case. Although the coordinate construction does not have an inherent person property, the person value assigned to the construction is based on the hierarchy of persons, thus, the person agreement always coincides with one of conjuncts. Gender is even more different from animacy, because in Russian, plural forms (including past tense plural forms of verbs and plural paradigms of adjectives and participles) do not distinguish gender at all – thus, if a coordinate construction controls plural agreement, gender is unmarked.

4.Conclusions

In my talk I analyzed contexts where the choice of the animacy value is complicated. The reason is that animacy assignment to coordinate constructions is not supported by lexical animacy – by contrast, the accusative case form is chosen on semantic grounds.

This semantic choice creates a special situation where the grammatical value of the whole coordinate construction is different from the value of each conjunct. No parallels are found among other grammatical categories in Russian.

This nonstandard choice of the animacy value reflect peculiar properties that distinguish animacy from other categories. On the one hand, animacy manifests in the choice of the accusative form. In this regard, it behaves similar to the morphological inflection type, which is also assigned to each lexeme and does not change. On the other hand, animacy correlates with semantics, while the inflection type is not isomorphic to semantics. This is why the presence in the same sentence of various nominations of the same referent with different animacy creates a problem, while the same referent can be described using nominations with different inflectional types.

In a more general perspective, the case that I analyzed is special in that the semantic marking is obligatory, not just one of variants of marking. This situation occurs than some context creates a problem for grammatical marking – in particular, the type of phrase controlling the agreement does not have a lexical animacy characteristics. The situation finds parallels in the pronominal animacy marking and in the number domain. For number, however, the semantically-oriented marking does not result from the type of the phrase – it rather follows from the fact that some contexts force or favor the plural animate marking. In this sense, for

collective nouns, the semantic plural is tightly linked to semantic animate makring, both presuppose that the referent of a collective noun like *Zenit* or *policija* are interpreted as a group of persons, rather than a single collective.

Our case is also relevant for the typology of coordination. It points to the fact that the values of grammatical categories in coordinate phrases are not automatically counted from the grammatical values of each conjunct. It is sometimes also the case that the grammatical value of the whole is marked on grounds, different from grounds for grammatical marking of each conjunct. A possible analogy can be gender marking in those languages that distinguish genders in plural, because coordinate phrases do not have a lexical gender, as well as lexical animacy. Generalization of our results to the data of those languages is planned for our future studies.

REFERENCES

Frarie, Susan E. 1992. *Animacy in Czech and Russian*. University of North Carolina at Chapel Hill.

Grannes, Alf. 1984. Impersonal Animacy in 18th Century Russian. *Russian Linguistics* 8 (3). 295-311.

Klenin, Emily 1983. *Animacy in Russian: a new interpretation*. Columbus, OH: Slavica Publishers.

Krys'ko, Vadim B. 1994. *Razvitie kategorii oduevlennosti v istorii russkogo jazyka*. Moscow.

Shvedova, Natalia Yu. (ed.). 1970. *Akademičeskaja grammatika russkogo jazyka* [The Academic grammar of Russian]. Moscow: Nauka.

Silverstein, Michael. 1976. Hierarchy of features and ergativity. In: Dixon, R.M.W. (Ed.), *Grammatical Categories in Australian Languages.* Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies. 112–171

ПЕРВИЧНАЯ И ВТОРИЧНАЯ ИМПЕРФЕКТИВИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА: СЛУЧАЙ МОЛИЗСКО-СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА В ИТАЛИИ

Вальтер Брой (Германия)

Молизско-славянский язык (МСЯ) – это южнославянский микроязык на юге Италии, принадлежащий к штокавско-икавской диалектной группе сербохорватского языкового континуума. Он находится в языковом контакте с итальянским языком и его диалектами с момента иммиграции предков нынешних молизских славян в XVI веке, о чем свидетельствуют исторические документы (Rešetar 1911, 49–90) и диахронические характеристики языка, как, например, полное отсутствие образования род. падежа мн. числа с помощью окончания *-ā* в качестве термина *ante quem*, с одной стороны, и присутствие в МСЯ результатов всех языковых развитий в сербохорватском континууме, осуществившихся до XV века в качестве термина *post quem*, с другой. В ситуации абсолютного языкового контакта, основывающегося на всеобщем билингвизме носителей, романские разновидности оказали глубокое влияние на МСЯ в разнообразных отношениях, вызвав появление новых грамматических категорий (например, системы артиклей), слияние существовавших оппозиций, например, синкретизм местного с винительным падежом, а также исчезновение унаследованных граммем (например, среднего рода существительных).

Сегодня в регионе Молизе есть три деревни, в которых люди старших поколений все еще говорят на МСЯ, хотя и на разных уровнях: *Acquaviva Collecroce* (МСЯ *Kruč*), *Montemitro* (*Mundimitar*) и *San Felice del Molise* (*Filič*). Их говоры различаются особенно в лексике, но также и в фонологической и грамматической структурах. Если не отмечено иначе, приведенные ниже данные относятся к говору самой большой деревни *Acquaviva*.

МСЯ сохранил традиционную двойную видовую систему, с грамматически-деривационной оппозицией целостности (перфективности) славянского типа, выражающейся грамматическими аффиксами, и морфосинтаксической оппозицией синтетического имперфекта и аналитического *L*-перфекта. Обе категории свободно сочетаются друг с другом в сложных формах перфекта НСВ и имперфекта СВ (Брой 2016), взаимодействующих в выражении особенных видовых функций, а также в сфере таксисных функций глагольного вида (Брой 2024). В отличие от сербохорватских стандартов, молизско-славянский имперфект никогда не может быть заменен перфектом. С другой стороны, перфект полностью поглотил функции бывшего аориста. Все изменения в области

морфосинтаксической оппозиции, частично нарушающие диахронические константы славянской семьи языков, являются калькированием по романской модели (Брой 2006).

Деривационная оппозиция славянского типа, с образованием видовых пар глаголов, сохранилась, несмотря на ее отсутствие в итальянском языке. В принципе сохранились все способы выражения видовых пар, а именно, образование глаголов СВ путем префиксации симплексов НСВ с помощью лексически «пустых» приставок, напр. *krest* НСВ / ***u****krest* СВ ‘(у)красть’ и *teplit* НСВ / ***s****teplit* СВ ‘согре(ва)ть’, посредством суффикса *-n*, напр. *ničat* НСВ / *nik****n****it* СВ ‘рождаться / родиться’, или, наоборот, образование производных глаголов НСВ на основе глаголов СВ с помощью имперфективирующих суффиксов. Встречаются также более редкие типы образования видовых пар, как путём мены тематических суффиксов (*hit****a****t* НСВ / *hit****i****t* СВ ‘бросать / бросить’) или с помощью супплетивных глаголов (*mečat* НСВ / *vrč* СВ ‘класть / положить’) и т. д. В докладе речь пойдет преимущественно о роли имперфективирующих суффиксов в видовой морфологии МСЯ.

В унаследованной славянской лексике продолжают существовать видовые пары из глаголов СВ и имперфективированных с помощью суффиксов *-iva, -ova, -va* глаголов НСВ. При этом видовые пары типа *potepst* СВ */ potepovat* НСВ ‘споткнуться / спотыкаться’, *dodat* СВ */ dodavat* НСВ ‘переда(ва)ть’, *ubost* СВ */ ubodat* НСВ ‘(у)жалить’, *sa domislit* СВ */ sa domisljat* НСВ ‘заметить, замечать’ и *ureč* СВ */ urečivat* НСВ ‘околдов(ыв)ать’ являются примерами вторичной имперфективизации префиксальных глаголов СВ. О вторичной имперфективизации можно говорить также в случае видовых пар, содержащих глагол СВ, образованный суффиксом *-n*, таких как *seknit / seknjivat* ‘(вы)сморкаться’, частично имеющих также дополнительный префикс: *zvrnit / zvrnjivat* ‘опрокидывать, опрокинуть’. Первичная имперфективизация симплексов СВ довольно редка, напр. *dat* СВ / *davat* НСВ ‘да(ва)ть, *prosit* СВ / *prosivat* НСВ ‘выпросить, выпрашивать’.

Интересно, что производные глаголы НСВ с суффиксом *-iva* соединяются с глаголами СВ не только в видовых парах, но относительно часто также в видовых тройках как *budit* $НСВ_1$ */ probudit* СВ */ probudivat* $НСВ_2$ ‘(раз)будить’. Отчасти в таких видовых тройках вторичный глагол НСВ употребляется гораздо чаще симплекса НСВ, как напр. *skratnjivat* в случае тройки *kratnit* $НСВ_1$ */ skratnit* СВ */ skratnjivat* $НСВ_2$, ‘сократить / сокращать’, где *kratnit* по мнению некоторых носителей стал даже устаревшим. Напротив, симплекс НСВ *buč* ‘оде(ва)ть’, находящийся в прямой видовой корреляции с префиксальным глаголом СВ *obuč*, встречается гораздо чаще, чем его суффиксальный конкурент *bučivat* НСВ. Насчет формы глагола *buč* НСВ речь идет, кроме того, о депрефиксации, нередкой в случае производных префиксом *o-* глаголов СВ; см. также более сложный случай пары *otvorit* СВ

/ *tvorivat* НСВ ‘откры(ва)ть’, с депрефиксацией совместно с суффиксом *-iva* в глаголе НСВ. В то время как в присутствии суффикса *-iva* нет производного глагола НСВ с префиксом *-o* (**otvarivat*), он , однако, сохраняется в более редких вариантах НСВ *otvorat ~ otvarat* НСВ с имперфективирующим суффиксом *-a*.

Морфологическая интеграция заимствованных глагол из итальянского языка и его диалектов зависит от инфинитивного класса данного глагола в языке-источнике: Романский класс с окончанием *-are* входит в МСЯ в класс на *-at*, в то время как романские глаголы всех других классов (*-ēre*, *-ĕre, -ire*) входят исключительно в инфинитивный класса на *-it.*

Заимствованные глаголы вступают в существующую систему видовых пар: В отличие от других славянских языков, включая русский и хорватский, предельные глаголы языка-источника, как правило, интегрируются в МСЯ немедленно как глаголы СВ и автоматически образуют партнера НСВ с помощью имперфективирующего суффикса *-iva* (отчасти с чередованием согласного в основе), напр. ит. *permettere* ‘позволить / позволять’ → *primitit* СВ / *primičivat* НСВ, ит. *fermare* ‘остановить / останавливать’ → *fermat* СВ / *fermivat* НСВ, ит. диал. *incaricare* ‘(на)грузить’ → *ngargat* СВ / *ngargivat* НСВ. Здесь речь идет, конечно, о первичной имперфективизации.

С другой стороны, непредельные заимствованные глаголы вступают в МСЯ как несоотносительные глаголы НСВ, напр., *costare* ‘стоить’ → *koštat* НСВ, *possedere* ‘иметь, владеть’ → *posedit* НСВ*, servire* ‘служить’ → *servit* НСВ. Такие заимствованные романские глаголы НСВ не образуют производных, лексически независимых глаголов СВ с помощью префиксов. Поэтому вторичная имперфективизация префиксальных глаголов СВ ограничивается унаследованной лексикой. Однако и у исконно-славянских глаголов можно наблюдать исчезновение некоторых приставочных видовых пар. Например, симплекс *gledat* ‘(по)смостреть’ стал двувидовым, в то время как *pogledat* СВ выражает однократный способ глагольного действия, в смысле ‘бросить взгляд’. Другой пример: *pisat* ‘(на)писать’ – двувидовой, в то время как *napisat* СВ выражает способ глагольного действия в значении ‘написать слишком много’. Но и в некоторых префиксальных видовых парах наблюдается тенденция к двувидовости симплекса НСВ, так что в этих случаях речь идет скорее об «асимметричных по виду парах», к примеру, относительно вышеупомянутой пары *krest* Н/СВ / *ukrest* СВ. О всеобщей зависимости роли префиксальных видовых пар в славянских микроязыках от модели доминирующего романского или германского контактного языка, см. Брой, Пила, Шольце (2017).

Некоторые суффиксальные глаголы НСВ не имеют явного партнера СВ, в качестве возможной основы образования. Примеры таких «сиротских» дериваций, имеющих только виртуальных партнеров, по-видимому, относятся исключительно к области заимствований, например, *badivat* НСВ ‘заботиться’ ← ит. *badare*, *notivat*$_1$ НСВ ‘плавать’ ← ит. *nuotare*, *kumbinivat*$_1$ НСВ ‘граничить’ ← ит. *confinare*. В подобных случаях причиной отсутствия заимствованного глагола СВ, по всей вероятности, является конфликт омонимии с глаголами других лексических значений, либо несовершенными, например, *badat* НСВ ‘трогать’, либо совершенными, как *notat* СВ ‘записать’ ← ит. *notare*, *kumbinat* СВ ‘соединить’ ← ит. *combinare*. Во втором случае глаголы СВ образуют пару с производными глаголами НСВ, здесь *notivat*$_2$, *kumbinivat*$_2$, которые, на самом деле, не были заблокированы, несмотря на возникающую таким образом омонимию. Есть и такие сиротские суффиксальные глаголы как *rospivat* НСВ ‘терпеть обиды’, буквально «глотать жабу», в которых *-iva* используется непосредственно как словообразовательный суффикс. Этот глагол даже не обладает исходной глагольной формой в итальянском. Можно сказать, что он был образован «межъязыковым» способом от итальянского существительного *rospo* ‘жаба’ (которое само по себе не было заимствовано). Псевдо-образованием с *-iva* является, в прочем, *gorivat* НСВ ‘говорить (что-л.)’, супплетивный партнер глагола СВ *reč* ‘сказать’. Речь здесь идет скорее о «деформации» его менее частотного варианта НСВ *govorat*.

Также в МСЯ, для видовых функций как имперфективированных, так и непроизводных глаголов НСВ играет роль акциональный класс, характеризующийся наличием внутреннего предела данного действия. Например, для глаголов НСВ градуально-терминативного класса (*accomplishments*) характерно многократное и процессуальное значение, тогда как тотально-терминативная лексика (*achievements*) исключает процессуальную функцию. Особую роль играют двухфазные (инкорпоративные) лексемы. Например, в паре *hranit* СВ / *hranjivat* НСВ ‘(с)прятаться’ имперфективированный глагол с суффиксом *-iva* выражает как процесс «бегства в укрытие», так и состояние «нахождения в укрытии» (помимо итерации). Однако, в МСЯ, в отличие от русского языка, к этому классу относятся также позиционные лексемы, например, видовая пара *sist* СВ / *sidit* НСВ ‘сесть, сидеть’, соотносительный глагол НСВ которого выражает как состояние «сидеть», так и процесс «садиться». Кроме того, наблюдаются даже видовые тройки со статическим симплексом НСВ и динамическим суффиксальным глаголом НСВ, например, *klečat* НСВ$_1$ / *kleknit* СВ / *kleknjivat* НСВ$_2$ ‘стоять, стать, становиться на колени’.

К классу инцептивно-статических (начинательных) лексем принадлежат глаголы НСВ, выражающие начало состояния вследствие взаимодействия с лимитативной

функцией аналитического перфекта. Здесь важную роль играет языковой контакт. Например, глагол *jimat* ‘иметь’ несовершенного (или скорее нейтрального) вида приобретает значение ‘получил’ в перфекте *je jima*, в прямой оппозиции с имперфектом *jimaša* ‘он имел’, точно так же, как в итальянском глаголе *avere* ‘иметь’ существует оппозиция перфекта *ha avuto* ‘он получил’ с имперфектом *aveva* ‘он имел’. В МСЯ от этого интеракционного значения ‘получил’ образовался даже суффиксальный многократный глагол НСВ *jimivat* ‘получать (обычно)’, который показывает даже тенденцию к процессуальному значению. Другие инцептивно-статические лексемы с интеракционным значением «начала состояния» в перфекте являются *znat* ‘знать, узнать’ (по модели ит. *sapere*), а также сложная форма *bit draga* ‘(по)нравиться’ (по модели ит. *piacere*). В сфере заимствованных глаголов можно привести в качестве примера этого класса ит. *capire* → *kapit* ‘понимать, понять’. Но в составе инцептивно-статических лексем все еще встречаются также и видовые пары суффиксального типа, как напр. *poznat* СВ / *poznavat* НСВ ‘знать (кого-л.), (по)знакомиться (с кем-л.)’

Случаи деривации недвусмысленно одновидового глагола НСВ от двувидового глагола с помощью *-iva* редки, к примеру, *činjivat* НСВ ‘делать (обычно)’ от *čit* Н/СВ ‘(с)делать’, таким образом образующие асимметрическую видовую пару.

Как и в русском, но в отличие от хорватского, в МСЯ суффиксальные глаголы НСВ на *-iva* не образуют пассивных причастий прошедшего времени. О том, что это действительно свойство самого суффикса *-iva*, свидетельствуют, например, конкурирующие производные варианты НСВ в лексеме *kupit* СВ / *kupivat* НСВ ~ *kupovat* НСВ ‘купить, покупать’. Здесь возможен вариант *kupovljen*, тогда как **kupivan* исключен. Это ограничение для производных глаголов НСВ с суффиксом *-iva* имеет серьезные последствия для категории залога, поскольку оно исключает не только вторичные суффиксальные глаголы НСВ унаследованной лексики из событийного пассива, характерного для других глаголов НСВ в молизско-славянском, но и весьма продуктивный класс (первично) имперфективированных заимствований (Breu & Makarova 2019).

Подводя итог роли видовой аффиксации в МСЯ, можно заключить в первую очередь, что префиксация потеряла большую часть своей релевантности для морфологии глагольного вида, а именно, вследствие языкового контакта с романскими разновидностями, в которых словообразовательные функции префиксов, в общем и целом, сильно ограничены. В унаследованной славянской лексике эта потеря вытекает из тенденций к двувидовости симплексов в префиксальных парах и к преобразованию префиксальных видовых пар в видовые тройки при помощи добавления суффиксального глагола НСВ, в

то время как в области заимствований бросается в глаза исключительная продуктивность образования видовых пар при помощи суффиксации. Среди специфических имперфективирующих суффиксов явно преобладает уже в традиционной лексике суффикс *-iva*, как при первичной, так и при вторичной имперфективизации. В иноязычной лексике он является даже единственным продуктивным средством образования видовых пар, а именно путем первичной имперфективизации заимствованных предельных глаголов, которые всегда интегрируются как глаголы совершенного вида. Кроме того, *-iva* играет роль и в интеграции «сиротских» глаголов НСВ, а в двухфазных лексемах глагол НСВ с суффиксом *-iva* может выполнять процессуальную функцию в противопоставлении статическому симплексу. Ввиду важнейшей роли суффикса *-iva* для образования глаголов НСВ, бросается в глаза полное исключение глаголов НСВ с этим суффиксом из образования пассивных причастий прошедшего времени и таким образом из страдательного залога.

В докладе коротко рассматриваются еще и другие ситуации преимущественно романско-славянского контакта с целью сравнения роли имперфективизации, напр., в резьянском микроязыке в северной Италии, принадлежащем к словенскому языковому континууму. Интересно в том числе, что в резьянском предельные заимствования из романского класса на *–ĕre* превращаются в двувидовые глаголы, в то время как предельные глаголы других классов, точно также как в МСЯ, интегрируются как глаголы СВ, от которых образовываются соотносительные глаголы НСВ при помощи первичной имперфективизации. Имперфективирующим суффиксом здесь служит *-(w)a*, из чего следует, что в резьянском даже форма имперфективированного глагола зависит от инфинитивного класса романского глагола-источника, в противоположность молизско-славянскому говору деревни *Aquaviva*, где они совпадают из-за унифицирующего суффикса *-iva*, напр. ит. *prov**a**re* → рез. *prov**a**t* СВ / *prov**a**wat* НСВ ‘(по)пытаться’ (ср. МСЯ *prov**i**vat* НСВ), ит. *soffr**i**re* → рез. *sufr**y**t* СВ / *sufr**ï**wat* НСВ ‘(по)страдать’(Benacchio 2023).

Интересно, что в молизско-славянском употребляется также и другой имперфективирующий суффикс, а именно в разновидностях деревней *Montemitro* и *San Felice*, в которых встречается наряду с *-iva*, с теми же самыми функциями и ограничениями, совсем незнакомый другим славянским языкам суффикс *-ilja*, употребляемый особенно после лабиальной основы, к примеру, в истинно-славянской видовой паре *zaspat* СВ / *zasp**ilj**at* НСВ (*Montemitro*) ≠ *zasp**iva**t* (*Acquaviva*) ‘заснуть / засыпать’. Кроме того, этот имперфективирующий суффикс употребляется и в случае гласной основы на *-i*, например, в истинно-славянской паре *razbit* СВ / *razbiljat* НСВ (*Montemitro*) ≠ *razbivat* НСВ (*Acquaviva*) ‘раз(би)вать’. Таким же образом *-(i)lja* добавляется к заимствованным глаголам СВ

инфинитивного *i*-класса, напр. ит. *tradire* ‘преда(ва)ть’ → *tradit* СВ / *tradiljat* НСВ (*Montemitro*) ≠ *tradivat* (*Acquaviva*). Из этого, кроме прочего, следует что в молизско-славянском говоре *Montemitro*, в противоположность говору деревни *Acquaviva*, форма имперфективированного заимствованного глагола, в принципе, действительно зависит от инфинитивных классов романского глагола-источника, точно так же как в резьянском, а именно, в качестве оппозиции суффиксов *-iva* (ит. *are*-класс) : *-ilja*. Но исключением является, конечно, лабиальная основа, которая требует суффикс *-ilja* также и в имперфективированных заимствованиях глаголах *a*-класса, к примеру ит. *arrivare* ‘прибы(ва)ть’→ *rivat* СВ / *riv**ilja**t* НСВ (*Montemitro*) ≠ *riv**iva**t* (*Acquaviva*). Необходимы дальнейшие исследования в этой области, особенно в области вариаций имперфективирующих суффиксов.

ЛИТЕРАТУРА

Брой, В. 2006. Флективный и деривационный глагольный вид в молизско-славянском языке // *Вопросы Языкознания* 2006/3, 70–87.

Брой, В. 2014. Функции настоящего и имперфекта совершенного вида и перфекта несовершенного вида в молизско-славянском микроязыке // *Scando-Slavica* 60/2, 321–350.

Брой, В. 2024. Категория таксиса в молизско-славянском языке // А. Барентсен, В. С. Храковский (отв. ред.), *Таксис в славянских языках. Типологический анализ. Коллективная монография. Том II*. Москва: Яск, 389–472.

Брой, В., Пила, М., Шольце, Л. 2017. Видовые приставки в языковом контакте (на материале молизско-славянского, резьянского и верхнелужицкого микроязыков). // R. Benacchio, A. Muro, S. Slavkova (eds.), *The role of prefixes in the formation of aspectuality:issues of grammaticalization*. Firenze : FUP, 59–84.

Benacchio, R. 2023. I prestiti verbali nei dialetti sloveni del Friuli: tra integrazione aspettuale e biaspettualità. // W. Breu, M. Pila (ред.), *L’aspettualità nel contatto linguistico: lingue slave e oltre*. Firenze, FUP, 3–18.

Breu, W. 2017. *Slavische Mikrosprachen im absoluten Sprachkontakt. Glossierte und interpretierte Sprachaufnahmen. Teil I. Moliseslavische Texte aus Acquaviva Collecroce, Montemitro und San Felice del Molise.* Wiesbaden: Harrassowitz.

Breu, W., Makarova A. 2019. Typologie des Passivs im Moliseslavischen: Bewahrung, Umbau und Innovation im totalen slavisch-romanischen Sprachkontakt // *Wiener Slawistischer Almanach* 83, 7–60.

Rešetar, M. 1911. *Die serbokroatischen Kolonien Süditaliens.* Wien: Hölder.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА В СОВРЕМЕННОМ УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

OLEG CHINKAROUK (FRANCE)

Последние несколько десятилетий ознаменовались интересом и, как следствие, появлением исследований, полностью или частично посвященных украинскому плюсквамперфекту. Прежде всего следует отметить работы О. Крыжановской [Ольги Крижанівської], В. Ярмак [Вероніки Ярмак], Л. Попович [Людмили Попович], Д. В. Сичинавы, В. С. Храковского, Я. Мовчан [Яни Мовчан], О. Андреев [Ольги Андріїв]. Наш скромный вклад в изучение данной проблемы выразился в публикации двух статей в 1998-ом и 2023-ем годах.

Сам термин *плюсквамперфект* (ср. фр. *plus-que-parfait*) употребляется в современных украинских университетских грамматиках[1] очень редко. Все издания используют на первом месте *давноминулий час* (*давнопрошедшее время*), а на втором или в скобках – *передминулий час* (*предпрошедшее время*), и только два из них прибавляют к двум первым *плюсквамперфект*. Перечисленные термины кажутся нам не очень удачными, так как не отражают (как будет показано далее) специфику употребления данной глагольной формы. Поэтому здесь будет использоваться термин *прошедшее предшествующее время*, далее ППВ (ср. укр. *минулий попередній час*, фр. *prétérit antérieur*).

Что же касается собственно значения этой глагольной формы, то две грамматики обходят этот вопрос молчанием, а две другие просто упоминают о прошедшем действии. Указание на действие, имевшее место перед другим прошедшим действием, фигурирует в четырех изданиях, а в остальных говорится, что эта форма обозначает либо действие, предшествующее другому действию в прошлом, либо действие, прерванное другим прошедшим действием.

Легко убедиться в недостаточности предлагаемых употреблений на следующих примерах:

(1) Хлопчик ***зіграв*** (ПВ[2] СВ[3]) вальс, а потім ***пішов*** (ПВ СВ) на вулицю.
Мальчик ***сыграл*** вальс, а потом ***пошел*** на улицу.

Употребление ППВ здесь невозможно, ср.:

(1а) *Хлопчик ***зіграв був*** (ППВ СВ) вальс, а потім ***пішов*** (ПВ СВ) на вулицю.

[1] Было просмотрено 14 грамматик, вышедших между 1965-ым и 2017-ым годами.
[2] Прошедшее время.
[3] Совершенный вид.

(2) Він ***дивився*** (ПВ НСВ[4]) футбол, коли у двері ***подзвонила*** (ПВ СВ) поліція. Його попрохали проїхати до відділку.
Он ***смотрел*** футбол, когда в дверь ***позвонила*** полиция. Его попросили проехать в отделение.

Здесь замена на ППВ также невозможна, ср.:

(2а) *Він ***дивився був*** (ППВ НСВ) футбол, коли у двері ***подзвонила*** (ПВ СВ) поліція. Його попрохали проїхати до відділку.

Как можно видеть, понятий предшествующего или прерванного действия явно недостаточно, чтобы охарактеризовать употребление ППВ.

А сейчас рассмотрим два примера, где ППВ употреблен:

(3) Андрій уже ***був звівся*** (ППВ СВ), щоб підійти […], але Охріменко ***стяг*** (ПВ СВ) його назад на підлогу (І. Багряний, *Гетсиманський сад*, 1948-1950).
Андрей уже ***встал***, чтобы подойти […], но Охрименко ***стянул*** его назад на пол.

(4) Я пам'ятаю, відкривався тоді ще географічний інститут. Я й туди ***хотів був*** (ППВ НСВ) вступити, та ***перешкодили*** (ПВ СВ) якісь події (О. Довженко, *Автобіографія*, 1939).
Я помню, открывался тогда еще географический факультет. Я и туда ***хотел*** поступить, но ***помешали*** какие-то события.

Эти примеры представляют собой наиболее типичный случай использования ППВ: оно фигурирует в одной из двух частей сложносочиненного предложения, связанных между собой противительными союзами ***але*** и ***та*** (рус. ***но*** или ***да***). С временно́й точки зрения действие, обозначенное ППВ (действие 1 или Д1), действительно предшествует действию, обозначенному ПВ (действие 2 или Д2), как это и указывается в грамматиках. Однако, на наш взгляд, причина использования ППВ кроется в другом. Предлагается следующая гипотеза: в приведенных примерах, кроме простого временно́го предшествования Д1 по отношению к Д2 (в этом случае ППВ не только не нужен, но и делает предложение аграмматичным, как это было видно в примерах (1а) и (2а)), между Д1 и Д2 существует *отношение зависимости*, где ППВ выступает как *семантически зависимая или неавтономная форма*.

Точнее, отношение семантической зависимости интерпретируется как отношение *контраста* между Д1 (ППВ) и Д2 (ПВ): ситуация СИТ1, установленная Д1, отменяется или прерывается возникновением СИТ2, установленной Д2, ср. : «встать (с пола)» / «быть стянутым назад на пол» (пример 3), «хотеть поступить» / «не поступить из-за помешавших событий» (пример 4). Другими словами, неавтономный характер ППВ заключается в том, что именно потому, что имело место Д2 (СИТ2), отменяющее или прерывающее Д1 (СИТ1), эта глагольная форма используется для обозначения Д1.

[4] Несовершенный вид.

Учитывая сказанное, становится понятно, почему нет необходимости прибегать к ППВ в примерах 1 и 2, поскольку между действиями «играть» и «идти», а также между «смотреть» и «позвонить» нет никакого отношения контраста. Для того, чтобы имелась причина использовать ППВ, необходимо, чтобы другое действие (Д2) было взято в качестве реперной точки в коммуникативном плане и чтобы оно поддерживало отношение контраста с Д1. И именно по отношению к этому реперному действию Д2 и будет рассматриваться Д1, обозначенное ППВ.

Текстуальные последовательности, в которых ППВ может появляться в контексте контраста между двумя ситуациями, чрезвычайно разнообразны с синтаксической точки зрения. Вот их перечень, составленный на базе нашего корпуса примеров:

I. Сложное предложение.

I.1. Сложносочиненное предложение.

I.1.А. С противительными союзами *але* и *та* (*но* или *да*), и намного реже с *проте* и *однак* (*однако*).

I.1.Б. ППВ в отрицательной форме в сложносочиненном предложении с противительными союзами.

I.1.В. С соединительным союзом *і* (*и*).

I.2. Бессоюзное сложное предложение.

I.3. Сложноподчиненное предложение.

I.3.А. С придаточной частью с ППВ (Д1).

I.3.А.1. С придаточной определительной частью.

I.3.А.2. С придаточной изъяснительной частью.

I.3.Б. С придаточной частью с ПВ (Д2).

I.3.Б.1. С придаточной определительной частью.

I.3.Б.2. С придаточной временнОй частью.

I.4. В сложноподчиненном и бессоюзном сложных предложениях, где вместо ПВ (Д2) употребляется либо деепричастие, либо настоящее время (НСВ).

II. Два простых (независимых) предложения.

Очень часто только принимая во внимание широкий контекст, выходящий за рамки двух соседних частей или предложений, можно понять использование ППВ в той или иной ситуации. Бывает даже так, что Д2 явно не присутствует в тексте, и СИТ2 должна быть установлена на основе имплицитных элементов, которые, кроме того, могут появляться как в левом (предыдущем), так и в правом (последующем) контексте.

ППВ очень широко используется в повседневном языке.

Оно также встречается в СМИ и на интернет-форумах.

Кроме того, эта глагольная форма очень широко представлена в литературных произведениях. За многие годы нами был собран корпус примеров из произведений ведущих авторов 19-го, начала и конца 20-го и начала 21-го веков. Что касается 19-го и начала 20-го века, было собрано более 80-ти примеров. ППВ СВ составляют 81,4%, а ППВ НСВ – 18,6%. Если же анализировать конец 20-го и начало 21-го веков, то в нашем корпусе насчитывается более 150 примеров, 82,6% ППВ СВ и 17,4% ППВ НСВ. Таким образом, с точки употребления вида ППВ на протяжении двух столетий тенденция практически не изменилась.

С другой стороны, ППВ полностью отсутствует в научном, юридическом и административном языке. В этой связи можно предположить, что в этих языковых регистрах нет необходимости представлять контрастные ситуации, и что там просто ограничиваются констатацией фактов и определением понятий, не прибегая к оценкам и сравнениям с личной точки зрения. Однако есть одно исключение, и оно весьма существенное. Акт провозглашения независимости Украины от 24 августа 1991-го года, одобренный Верховной Радой через три дня после провала государственного переворота в Москве, начинается с ППВ:

> (5) Виходячи із смертельної небезпеки, яка ***нависла була*** (ППВ) над Україною в зв'язку з державним переворотом в СРСР 19 серпня 1991 року…
> Исходя из смертельной опасности, которая ***нависла*** над Украиной в связи с государственным переворотом в СССР 19 августа 1991 года…

Это прошедшее предшествующее время, отличительная черта украинского языка, несомненно, имеет в этом тексте, провозглашающем беспрецедентный поворотный момент в истории современной Украины, весьма символическое значение.

ЛИТЕРАТУРА

Андріїв О. Б., « Семантико-стилістичні функції давноминулого часу (на матеріалі роману Ліни Костенко « Записки українського самашедшого ») », *Наукові записки Національного університету «Острозька академія», Серія «Філологічна»*, 2015, вип. 52, с. 30-32.

Андріїв О. Б., *Функціонування плюсквамперфекта у німецькій і давноминулого часу в українській мовах, дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук*, Прикарпатський національний університет імені Василя Стефаника, 2016, 186 с.

Андріїв О., Пушик Н., «Ретроспективність форм давноминулого часу у романі О. Забужко «Музей покинутих секретів», *Актуальні питання гуманітарних наук*, вип. 62, т. 1, 2023, с. 140-144.

Крижанівська О., «Спостереження за вживанням форм давноминулого часу в розмовно-побутовому мовленні», *Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбинського. Серія «Філологія»*, Вінниця, Видавничий відділ ВДПУ, вип. 3, 2001, с. 98-101.

Крижанівська О., «Давноминулий час в українській мові : статус, особливості функціонування», *Наукові записки Кіровоградського державного педагогічного університету імені В. К. Винниченка, Серія «Філологічні науки»*, Кіровоград, КДПУ, вип. 80, 2008, с. 144-149.

Мовчан Я., « Плюсквамперфект в современных славянских языках: на примере болгарского и украинского языков », *Trends in Slavic Studies*, Москва, 2015, с. 813-827.

Поповић Л., « Функције плусквамперфекта у савременом српском и украјинском језику », *Јужнословенски филолог*, n°LXVIII, 2012, с. 113-145.

Попович Л., « Граматичні та семантичні функції плюсквамперфекта в сучасній українській мові », *Акцентологія. Етимологія. Семантика. До 75-річчя В. Г. Скляренка*, Київ, Наукова думка, 2012, с. 653-673.

Сичинава Д. В.., *Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект*, Москва, АСТ-ПРЕСС, 2013, 383 p.

Храковский В. С., «Плюсквамперфект и конструкция с частицей *было* в восточнославянских языках», *Ватрослав Ягич і проблеми слов'янознавства*, Київ, Видавничий дім Дмитра Бураго, 2015, с. 287-298.

Ярмак В., *Семантичний діапазон плюсквамперфекта в романі Драгослава Михаїловича « Коли цвіли гарбузи » та в його перекладі українською мовою.* 2010, [Електронний ресурс], http://rastko.rs/rastko/delo/13698.

Chinkarouk O., « Le Plus-que-parfait dans la phrase complexe (coordination et juxtaposition) en ukrainien moderne », *Le Langage et l'Homme. Temps, aspect et modalité d'action dans les langues slaves*, Leuven, Peeters, 1998, p. 39-53.

Chinkarouk O., « Le contraste entre deux situations et le Plus-que-parfait en ukrainien », *Revue des études slaves*, t. XCIV, fasc. 1-2, 2023, p. 37-51.

ИЗМЕНЕНИЕ СФЕРЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОВЕРШЕННОГО ВИДА В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА (ОТ КОНКУРЕНЦИИ К НЕЙТРАЛИЗАЦИИ)

Екатерина Мишина

По сравнению с другими славянскими языками в современном русском языке чаще наблюдается нейтрализация видового противопоставления и в целом имеет место экспансия несовершенного вида (НСВ). Речь идет прежде всего о литературном языке, в котором данные явления связаны с тенденцией к универсализации, стандартизации и стремлением к стилистической нейтральности. В разговорном же и диалектном узусах совершенный вид (СВ) употребляется шире. Ограничения на функционирование СВ касаются в современном русском языке следующих языковых конструкций:

– В составе аналитической формы будущего времени нормативно употребляются только глаголы НСВ.

– Основным временным значением формы презенса СВ является будущее. В сфере же неактуального настоящего господствующей формой является презенс НСВ, а формы СВ употребляются существенно реже и имеют довольно много синтаксических и семантических ограничений: формы презенса СВ во многих контекстах (напр., контексты многократности, прескрептивные контексты) ограничены кратно-парными конструкциями, часто не являются стилистически нейтральными (напр., имеют наглядно-примерный оттенок значения), могут требовать дополнительной контекстной поддержки (*Бывает дурная мысль залезет в голову сама, и всё испортит; Он никак не отдаст мне долг; Он всегда вам поможет*), бывают осложнены модальной семантикой (*он любой чемодан поднимет*) и др.

– В настоящем историческом в современном русском литературном языке возможны формы только НСВ (*Вчера иду по улице и вижу*); «настоящее историческое» выступает в качестве диагностического контекста для установления видовой парности (критерий Маслова [Маслов 1948/2004: 76]).

– Отрицательный императив образуется чаще от глаголов НСВ; императив СВ практически не употребляется для выражения прохибитивного значения, а имеет превентивное значение, образуясь преимущественно от глаголов с неконтролируемой семантикой (*Не упади! Не подскользнись!*).

– В норме от глаголов СВ образуются только причастия прошедшего времени и не образуются причастия на *-уш/-ящ-*.

– В пассивных конструкциях с презентными формами от глаголов на *-ся*, как правило, возможны формы презенса только НСВ (*Грязное белье кладется* (**положится*) *в корзину; Эти книги отдаются* (**отдадутся*) *даром*).

и некоторые др.

В древнерусском языке функционирование форм СВ, хотя и было уже во многих конструкциях ограничено по сравнению с НСВ, тем не менее было существенно шире, чем в современном русском, о чем свидетельствует более широкая сфера употребления, меньшее количество ограничений и требований по сочетаемости в контексте, а также более свободная конкуренция с формами НСВ в одном контексте. Однако на протяжении исторического периода СВ сузил свой функциональный диапазон и стал употребляться реже на фоне постепенной экспансии НСВ. Этот постепенный процесс в диахронической перспективе и будет прослежен в докладе.

В ряде случаев, сокращение функционирования было связано с исчезновением самих грамматических форм, в которых был возможен СВ: из языка исчезли формы имперфекта (*егда же подопьѧхутьсѧ и начаху роптати на кнѧзѧ* Повесть временных лет), прохибитический императив (*не мозѣте погубити русьскыѣ земли, не моги и подумать*), инфинитивные конструкция *имѣти* + inf, *хотѣти* + inf с референцией к будущему, допускавшие употребление СВ (Повесть временных лет: *ащє не пришлеши брашна предатисѧ имамы*; *се оуже хочемъ померети отъ глада*). Однако еще в период бытования этих конструкциях НСВ начал рано вытеснять в них СВ. Так, формы имперфекта СВ уже в древнерусский период были малочисленны и ограничены синтаксически кратно-парными и кратно-цепными конструкциями, а в текстах старорусского периода уже практически не встречаются. Исследование употребления перифрастического прохибитива в диахронической перспективе также показывает, что в истории русского языка в данной конструкции имела место ожидаемая тенденция к сужению функционирования форм СВ и постепенной экспансии НСВ. В древнерусский и старорусский периоды формы инфинитива СВ преобладали над инфинитивом НСВ. Однако в текстах XIX в., когда данная конструкция была еще вполне живой, ситуация поменялась: формы с инфинитивом НСВ встречаются уже намного чаще СВ.

Кроме того, сократилось количество грамматических форм и типов контекстов (значений), допускавших СВ, соответственно сократилось число позиций, где СВ свободно конкурировал с НСВ. В то же время НСВ, наоборот, в ряде случаев проник в конструкции, в которых изначально не употреблялся или же употреблялся намного реже. Так, с исчезновением перфективного имперфекта формы прошедшего времени СВ

перестали использоваться в русском языке для выражения значения многократности. СВ был полностью вытеснен НСВ из «настоящего исторического», хотя в текстах XVII в. настоящее историческое от глаголов СВ еще встречается [Бондарко 1958; Новикова 2015]: *Ерема ушел, а Фома убежал. Отбегши они да оглянутся и сами они друг другу говорят* (Повесть о Фоме и Ереме, XVII в.). Пассивные конструкции с формами презенса от глаголов СВ на *-ся* (*положитьсѧ, оставитьсѧ, отъдастьсѧ*) окказионально еще встречаются в текстах древнерусского периода (*по обѣдѣ оуглиѥ горѧще въ поварьници на огнищи оставѧтьсѧ* (‘будут оставлены’) Студийский устав), однако в современном языке такие формы уже не образуются. Процесс потери презентными формами СВ способности участвовать в образовании форм страдательного залога часто коррелирует с их вытеснением из сферы настоящего в сферу будущего [Вимер 2015: 589], что находит подтверждение и в истории русского языка. СВ существенно сократил свое функционирование в формах действительного причастия настоящего времени (д.прич.н.вр.). Так, напр., в древнерусских оригинальных текстах встречаются формы д.прич.н.вр. от глаголов СВ со значением предшествования (*возьмѧ, вкусѧ, сложа, сотворѧ, сопустѧ* и др.). В современном русском языке такие образования тоже возможны. Нормативными считаются образования от глаголов на *-ти* (*приведя, выйдя, принеся, приобретя*), возможны образования от глаголов 2-го спряжения (*возвратясь, наклонясь*) и некоторые др., см. [Добрушина 2009], однако в древнерусском языке формы д.прич.н.вр. в значении предшествования образовывались более свободно от большего числа основ. Значение «напрасного ожидания» (*а нынѣ водѧ новоую женоу а мънѣ не въдасть ничьто же* НБГ N9) [Зализняк 1993], выражаемое в древнерусском языке формами презенса, имперфекта и д.прич.н.вр.от глаголов СВ [Мишина 2020], сохранилось в современном языке только в формах презенса, причем наряду с СВ стал возможен и НСВ (*Он всё никак не отдаст/отдает мне долг*). СВ сильно сократил свое функционирование в сфере неактуального настоящего, хотя следует отметить, что уже в древнерусском языке это была сфера преимущественного функционирования презентных форм НСВ. Тем не менее, презентные формы СВ употреблялись шире, чем в современном русском языке, не были ограничены кратно-парными конструкциями, могли более свободно конкурировать и чередоваться с формами НСВ в одном контексте. Императив СВ был почти полностью вытеснен формами НСВ из прохибитивного значения. При этом следует подчеркнуть, что в древнерусском языке различия в употреблении форм императива разного вида (в том числе при отрицании) объясняются прежде всего аспектуальной семантикой (событийность vs процессуальность /

многократность), на которые накладывались дополнительные семантические и прагматические значения. Семантика контролируемости / неконтролируемости (играющая основополагающую роль при выборе вида в отрицательном императиве в современном русском языке) в древнерусском выступала в качестве вторичного фактора. В современном же русском языке произошел сдвиг в сторону прагматики. Выбор формы императива СВ/НСВ в современном языке может быть обусловлен желанием звучать вежливо: *Сядьте!* СВ (невежливо) vs *Садитесь!* НСВ (вежливо), а в случае отрицательного императива основополагающей стала прагматическая оппозиции: превентив СВ *Не упади!* (нечаянно) vs прохибитив НСВ *Не падай!* (нарочно), что согласуется с гипотезой, высказанной в [Вимер 2015] о том, что историческое развитие оппозиции СВ : НСВ развивалось в направлении от более объективных функций (напр., акциональные свойства или кратность) к более субъективным (прагматическим).

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко А.В. Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в языке русских памятников XV–XVIII вв. // Уч. за-п. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. 173. Л., 1958. С. 55–71.

Вимер Б. О роли вида в области кратности и прагматических функций (эскиз с точки зрения хронотопии) // Глагольный вид: грамматическое значение и контекст = Verbal aspect: Grammatical meaning and context. München, 2015. С. 586–609.

Добрушина Е.Р. Видев и увидя: жизнь и смерть нестандартных деепричастий // Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009. С. 15-33

Зализняк А.А. Презенс совершенного вида в значении «презенса напрасного ожидания» // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 275–279.

Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. С. 71–90.

Мишина Е.А. О варьировании презентных форм совершенного и несовершенного видов в тексте уставного типа (на примере Студийского устава) // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности. Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована. М. –СПб, 2021. С. 73–98.

Мишина Е.А. Влияние отрицания на функционирование видо-временных форм в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. № 1. 2020. С. 109–135.

Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. История причастий // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982. С. 280–411.

Новикова М.В. К вопросу о значении настоящего исторического совершенного вида в севернорусских былинах // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2015, № 4, С. 209–218.

ITERATIVITY AND VERB CLASSES

PETR BISKUP (GERMANY)

1. Introduction

This paper is concerned with the interaction between iterativity (pluractionality and aspect more generally) and verb classes (verbal argument structure), mainly in Czech. It investigates three phenomena – participial adjectives, motion verbs and impersonal constructions – and there, two puzzles: unaccusative participial adjectives with the "transitive" *-n*/*-t* suffix and unaccusative impersonal constructions. The three phenomena have the iterative interpretation; display specific changes in the argument structure behavior and crucially, they contain the verbal theme *-a*. The article addresses the question of what role the theme vowel *-a* plays in derivations of these phenomena.

2. Participial adjectives

Slavic uses two specific types of participial adjectives: resultative, with -l, and past passive, with *-n*/*-t* (Schoorlemmer 1995, Kosta & Frasek 2004, Veselovská & Karlík 2004, Biskup 2019). Participial adjectives with *-l* are derived from unaccusative predicates and participial adjectives with *-n*/*-t* are formed from transitive predicates. Surprisingly, there are certain participial adjectives with *-n*/*-t* that are based on unaccusative predicates, as in (1a). The adjective contains the theme *-a* and has the iterative interpretation (glossed ITER), as shown by the contrast between the singular and the plural noun with the patient thematic role.

(1) a. vy-pad-a-n-é vlas-y
out-fall-ITER-n/t-pl hair-pl
'hair loss'

b. # vy-pad-a-n-ý vlas
out-fall-ITER-n/t-sg hair.sg
intended: 'one hair that fell out'

3. Motion verbs

It has been argued for Russian that directed motion verbs are unaccusative, whereas non-directed motion verbs are unergative (i.e., have the agent). It was tested with the cumulative prefix *na-*; see e.g. Romanova (2004). An analogous test for Czech shows that the directed verb in (2a) behaves like an unaccusative predicate (is grammatical) and the ungrammatical non-directed verb in (2b), with the theme *-a*, behaves like an unergative predicate.

(2) Tolik lidí tam a. na-běh-l-o / b. * na-běh-a-l-o!
so.many people there on-run-l-sg.n on-run-ITER-l-sg.n
'So many people ran there!'

In addition, the directed motion verb *běží* has an ongoing reading, whereas the non-directed verb *běhá* – with the lengthened theme *-a* – has the iterative (or generic) meaning, as illustrated by the contrast in (3).

(3) a. Jirka běž-í do školy.
Jirka run-TH to school
'Jirka is running to school.'

b. Jirka běh-á do školy.
Jirka run-TH to school
'Jirka runs to school.'

4. Impersonal constructions

Contrary to transitive and unergative predicates, the formation of impersonal constructions from unaccusative predicates is very restricted; consider the contrast between (4a-b) and (5a) (see also Fehrmann *et al*. 2010).

(4) a. Už se (do-)četlo.
already self to-read.l.sg.n
'People already finished reading.'

b. (Do-)pracovalo se.
to-work.l.sg.n self
'People finished working.'

(5) a. * Umře-l-o se na covid.
at.die-l-sg.n self on covid
'People died of covid.'

b. Umír-a-lo se na covid.
at.die-ITER-l-sg.n self on covid

b'. # Ale nikdo nezemřel.
'But nobody died.'

What is important here is that the secondary imperfective in (5b), which again has the vowel *-a-* is grammatical. In addition, (5b) can only have the iterative (habitual) interpretation; it cannot have the ongoing reading, as shown by the contradictory continuation in (5b').

5. Analysis

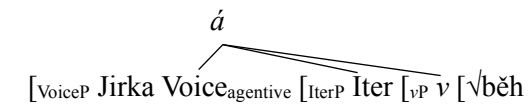
The analysis is couched in a formal morphosyntactic framework. All three phenomena, discussed in sections 2, 3 and 4, display an unexpected argument structure behavior and an iterative (pluractional) interpretation. It is the theme *-a* that marks iterativity (as in examples (1a), (3b), (5b)) and changes in the verb class behavior. For instance, in (5b), *a-* licenses *se* (introduced by Voice) and in (3b) *-a* verbalizes the root *běh* 'the run' and licenses the agentive argument. It is argued that the theme *-a* is a multifunctional marker that can realize more projections in predicates. Among other things, it realizes the iterative head, which has the meaning in (6), with the iteration set *E*.

(6) $[[\text{ITER}]] = \lambda P \lambda E \exists e.P(e) \wedge e \in E \wedge |E| > 1 \wedge \forall e'.e' \in E \rightarrow P(e')$

As to the puzzling argument structure behavior, it is based on the fact that the theme *-a* can realize not only the agentive Voice but also the expletive Voice, as in (5b) (cf. Alexiadou

et al. 2015). The relevant part of the agentive verb *běhá* from (3b) is shown in (7), with the verbalizing *v*, Iter(ative) and the agentive Voice realized as the theme *-á*.

(7)



The expletive Voice – realized by *-a* – is present in unaccusative participial adjectives with *-n*/*-t*, as in (1a). That means that the suffix *-n*/*-t* present in participial adjectives is not a marker of semantic transitivity (there is no agent in cases like (1a)); it is only sensitive to morphosyntactic transitivity (to the presence of Voice in structure generally, irrespective of whether agentive or expletive).

REFERENCES

Alexiadou, Artemis, Elena Anagnostopoulou & Florian Schäfer. 2015. *External Arguments in Transitivity Alternations: A Layering Approach*. Oxford: Oxford University Press.

Biskup, Petr. 2019. *Prepositions, Case and Verbal Prefixes: The Case of Slavic*. Amsterdam: John Benjamins.

Fehrmann, Dorothee, Uwe Junghanns & Denisa Lenertová. 2010. Two reflexive markers in Slavic. *Russian Linguistics* 34, 203–238.

Kosta, Peter & Jens Frasek. 2004. Neakuzativita (ergativita) vs. neergativita v češtině, polštině a jiných slovanských jazycích na rozhraní morfologie a syntaxe. In: Z. Hladká & P. Karlík (eds.), *Čeština -univerzália a specifika 5*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 189-212.

Romanova, Eugenia. 2004. Superlexical vs. lexical prefixes. *Nordlyd* 32(2), 255–278.

Schoorlemmer, Maaike. 1995. *Participial Passive and Aspect in Russian*. (Ots dissertation series.) Utrecht: LEd.

Veselovská, Ludmila & Karlík, Petr. 2004. Analytic Passives in Czech. *Zeitschrift für Slawistik* 49, 163-235.

RUSSIAN VERBS OF FINAL RESULT: WHAT AKTIONSARTEN TO TEACH AND TO WHOM?

MIRKO SACCHINI (ITALY)
University of Tyumen'
sacchini.mirko@gmail.com, m.sakkini@utmn.ru

Šeljakin (1983) classifies all the Russian verbal lexicon in semantic-actional classes, the so called Aktionsarten (or *Sposoby dejstvija*) verbal classes. Here we find the heterogeneous group of (un-)paired simple and affixed Perfective verbs referring to a resultative meaning (*Rezul'tativnye glagoly*), i.e., a **Final Result.** Šeljakin (1983: 180) calls Final Result the new state for the Subject or the Object of a verb (and the rise of that new state as well) occurring at the end of the temporal existence of that verb (*pročitati/čitati knigu* ('to have read a book'); *nadelat' ošibok* ('to have done a lot of mistakes'). Our research will focus only on its subgroup of the so-called affixed verbs of **Specific Final Result** (*Special'no-rezul'tativye glagoly*, from now on SFR) like *pere*s*olit'* ('to salt too much') and *na*e*st'sja* ('to be satisfied after eating') and *na*d*elat' ošibok* ('to have done a lot of mistakes'). As the examples show, the affix (prefix, suffix, circumfix) of SFR verbs besides the concept of Final Result bring to the verbal base act a further **temporal-quantitative seme** with positive and negative connotations. This allows these verbs to be largely attested to in films and in Russian literature as a means to convey expressiveness, emotions and informality to speech (Avilova 1976, Isačenko 1960, Anna Zaliznjak et al. 2015).

Despite this, textbooks and grammars of Russian as a Second language (from now on, Russian as L2) tend to skip the description of SFR verbs, and linguistic works may as well (see the study of Anna Zaliznjak et al. 2015). Nevertheless, SFR affixed verbs appear often in grammatical tests (for example: «Ja *dolgo* (_) *v ob"javlenie, poka nakonec ne ponjal ego smysl*.»: (A) *včityvalsja* (B) *pročityval* (C) *začityvalsja* (G) *perečityval*) and comprehension tests of TRKI exams. Moreover, in a natural communication with Russian native speakers, learners of Russian as L2 who do not (or do not fully) know the semantic-pragmatic content and the morphological structure (especially, if the native speaker's imagination creates neologisms from prefixed bases as *nadoperepisyvat' kuču diskov*, *uperepisyvat'sja* or *pozakryvati*; see Tatevosov 2013, Tatevosov&Kisileva 2019; Romanova 2004) of the SFR verbs, their reciprocal understanding in the dialogue can be severely hindered.

For this and other reasons, the main aim of our work is to propose a motivated and gradual presentation of the classes of SFR affixed verbs to students of Russian L2 already starting from the Intermediate level. But this requires to distinguish the SFR classes (and their verbal bases

too) that can be taught already for the Intermediate level of Russian as L2 from those required by the Advanced level only.

By looking also to the study of Šeljakin (1983), it appears that in all the SFR verbs the **temporal-quantitative seme** carried by their affix to their verbal base act must be qualified as:

- **1.** An **increment** in terms of (1A) **quantity (of Subjects or Objects involved)** added to the Final result (state) of the verbal base act. Here we find: the unpaired **distributive** verbs with the prefix *pere-* and *po-* (*vse deti pereboleli* 'all the children got sick one after another'), **cumulative** verbs (*nalovit' ryby* 'to catch a lot of fish') with the prefix *na-*; the sometimes paired **saturative** verbs with the circumfix *na-..-sja* (*nakupit'sja* 'to shop at sufficiency'). (1B) **intensity** applied to the effort to make its act reach the Final result (state): the very often paired **intensive-resultative** verbs with the circumfix: *do-...-sja* (*dozvonit'sja* 'to have succeed in contacting s.o by phone') referring to a reached result after an effort; *za-…-sja* referring a too long duration, (*začitat'sja* 'to be taken away by reading'*)*; *raz-…-sja* (*razvolnovat'sja* 'to become very worried') referring to an evolving increment. Besides them there are other far less known intensive-resultative groups with the prefixes (sometimes in form of circumfix) *vy-/iz, za-, raz-, u-, pro-* and *pere-* (*peregoret'* 'to make something out of work by heating).
- **2.** A **Decrement** in the **quantity** or in the **intensity** of the effort needed to reach the Final result (state): Perfective **attenuative (un-)paired** verbs, whose prefix can be also added to perfective bases (*podsoktrati't statju)*; the unpaired imperfective **attenuative-iterative** verbs, whose prefix is added to the verbal base contemporary to an iterative suffix **(***pobleskivat')*.

Having defined the main characteristics of the Russian SFR verbs, in order to reach the aim of our work, our research is organized as follows:

First phase: analysis of didactic materials for teaching Russian as L2.

We collected the SFR verbs from 11 didactic materials (for the Intermediate level: five textbooks (*Let's improve 2, Let's improve 3, Živem i učim v Rossii, Verbo e sintassi russa in pratica, Učim s A do Ja*) and a grammar (*Intermediate Russian. A Grammar and Workbook*); for the Advanced level: two grammars (*Grammatika russkogo jazyka*, *Čistaja grammatika*) and two textbooks (*Ultimate, Progulki po russkoj leksike*)). In all of them a clear and structured explanation of the SFR verbs is missing (a partial exception is *Čistaja grammatika*). In spite of this, our SFR affixed verbs are found in their exercises. And this allows us to use them as a corpus from which to find answers to the following questions:

- **Question 1:** What are the most numerous classes of SFR verbs in the materials for the B1-B2 and the C1-C2 level?
- **Question 2:** What are the most numerous semantic classes found in the verbal bases of the SFR verbs found in the materials for the B1-B2 and the C1-C2 level?
- **Question 3:** What is the percentage of SFR verbs in the didactic materials for the B1-B2 and C1-C2 levels respect to the overall quantity of Final result (resultative) verbs found in such materials?
- **Question 4:** Should we present the SFR verbs with a double prefixation (Tatevosov 2013, 2019) to students of Russian as L2 with an Intermediate level?

Phase 2: In search of the active SFR verbs

But the exposition of the SFR verbs in a didactic material for the Intermediate and Advanced levels of Russian L2 should consider also, if the SFR groups and their derivation models found in our didactic materials do really belong to the active vocabulary (see Apresjan 2014) of the Russian native speakers. This leads us to the following questions:

- **Question 5:** how to collect SFR verbs that belong to the active vocabulary of the Russian native speakers, discerning them from the ones belonging to the Russian literature classics of the XIX century only?
- **Question 6:** Following also O. Kagan (2013, 2016) and Yu. Zinova (2021) studies, could it be possible to ordinate the SFR groups on different points along a semantic scale abscissa, which indicates the range from a minimal (for quantity or intensity) Final result to a maximus (for quantity or intensity) Final result?
- **Question 7:** What are the most numerous semantic classes in the verbal bases of the active SFR verbs?

To solve partially Questions 5 and 6, a questionnaire with Intensive-Resultative verbs with the circumfixed *za-…-sja, do-…-sja, raz-…-sja, vy-…-sja, iz-…-sja* and *u-….-sja* (see Anna Zaliznjak et al. 2015: 123-125) was given to 35 students of the University of Tyumen'. The questionnaire presented them SFR lemmas derived by these circumfixes from five verbal bases (*begat'* 'to run', *sidet'* 'to sit'*, smejat'jsa* 'to smile', *rabotat'* to work and *parit'(sja)* 'to boil'). The respondents were asked to determine for the usage of these lemmas in predefined contexts: 1) the meaning by words; 2) how frequently such usage of these lemmas enter to their speech; 3) the degree/measure of quantity or intensity established in their Final result. Finally, to answer to Question 7, the most frequent types of verbal classes for the abovementioned

Intensive-Resultative models will be searched in internet resources. But as Gorbova et al.'s research show (2021), the active linguistic use of Russian native speaker cannot be limited to the corpus of the dictionary of Russian language MAS. That's why, we will search for and quantify them in multimedia resources with the program MAXDA.

LITERATURE

Apresjan Ju., 2014, Aktivnyj slovar' russkogo jazyka. Tom 1 A-B. Otv red. Akademik RAN Ju. D. Apresjan. Moscow, Jazyki slavjanskoj kult'ury.

Avilova N. S. (1976). "Vid glagola i semantika glagol'nogo slova". Moskva, Nauka.

Gorbova E.V., Žujkova O.Ju, Šarygina S.S., 2021, "Imperfektivnost' russkoj pristavočnych perfektivov: reguljarnost' i specifika", in *Voprosy Jazykoznanija*, N.4., pp. 91-130.

Isačenko A. V. (1960). "Grammatičeskoj stroj russkogo jazyka. Morfologija", Vol.2. Bratislava: Izdatel'stvo Slovackoj Akademii Nauk.

Kagan O., 2013. "Scalarity in the domain of verbal prefixes". *Natural Language&Linguistic Theory*, N. 31, pp. 483–516.

Kagan O., 2016. "Scalarity in the verbal domain". Cambrigde: Cambridge University Press.

Petrukhina E.V., 2000, Aspektual'nye kategorii glagola v russkom jazyke (v sopostavlenii s slovackim, pol'skim i bolgarskim jazykami), Moskva, Izd. Moskovskogo Universiteta.

Romanova E. , 2004, "Superlexical vs. lexical prefixes". *Nordlyd 32–2*. *Special issue on Slavic prefixes*: 255-278.

Šeljakin M.A., 1983, Kategorija vida i sposoby dejstvija russkogo glagola (teoretičeskie osnovy). Tallin, Valgus.

Tatevosov S. G., 2013, "Množestvennaja prefiksacija i ee sledstvija (zametki o fiziologii russkogo glagola)". Voprosy jazykoznanija, 3, 42-89.

Tatevosov S. G., Kiseleva K.L., 2019, Identifikacija sobytij v prefiksal'no-postsuffiksal'no slovoobrazovanii. Vestnik Moskovskogo universiteta, serija 9, Filologia, N°1, 7-35.

Zaliznjak Anna A., Michaèijan I.L., Šmelëv A.D., 2015, *Russkaja aspektologija. V zašity vidovoj pary.* Moscow, Jazyki slavjanskoj kult'ury.

Zinova Y., 2021, Russian verbal prefixation. A frame semantic analysis, Berlin, Language Science.

ПЛУСКВАМПЕРФЕКАТ И ПРЕТЕРИТИ У СЛОВЕНСКИМ ЈЕЗИЦИМА ИЗ ДИЈАХРОНИЈСКЕ И СИНХРОНИЈСКЕ ПЕРСПЕКТИВЕ*
(на примеру еволуције плусквамперфекта и перфекта у староукрајинском и старопољском језику у периоду од 16. до 18. века)

Људмила Поповић (Србија)
Филолошки факултет
Универзитет у Београду

Изложена анализа текстова на староукрајинском и старопољском језику из периода од 16. до 18. века илуструје еволуцију перфекта и плусквамперфекта, у смислу напуштања старих и развоја нових значења у њиховој семантици. У раду се образлаже теза да у периоду трансформације темпоралног система, због губитка презента глаголске копуле, која се користила уз l-облике на ранијој етапи развоја разматраних словенских језика, долази до потискивања функције симултане локализације ситуације у односу на профилисано топикално време коју је та копула вршила, као и до десемантизације глаголске копуле у прошлом времену. Прати се еволуција аналитичког перфекта у староукрајинском језику, где се тај облик у прелазном периоду користи паралелно с личним претеритом и притом развија нове функције, док се за исказивање актуелне релевантности користе синтаксичке формуле с л-претеритом и презентом. На бројним примерима показано је како „нови" плусквамперфекат (ППФ), који функционише у наведеном периоду у оба језика, постепено почиње да исказује различита антирезултативна значења (упућује на неактуелни, поништени, остварени али оспоравани, програмирани али неостварени резултат), а у случају староукрајинског језика врши и неке дискурзивне и евиденцијалне функције. У старопољском језику, у 17. веку, доминира контрафактивни плусквамперфекат који се временом све више модализује.

У нашој грађи на староукрајинском језику из 16. и 17. века бележимо поједине примере употребе класичног двосложног перфекта (нпр. писалъ єсми), који се много ређе среће у овом периоду у односу на синтетички облик с формантом за лице и род (нпр. писалемъ). С обзиром да се ти облици у наведеном периоду употребљавају паралелно, долази до њихове делимичне специјализације. Тако у случају перфекта бележимо употребу која није карактеристична за то глаголско време у претходном периоду развоја источнословенских језика. У том смислу издвајамо две нове функције, од којих се прва може сматрати граматичком иновацијом када је у питању перфекат:

а) исказивање конфирмативности у ренаративном контексту;

б) указивање на неуспелу, осујећену радњу.

Облик перфекта са копулом у презенту устаљено се користи да би се означио исказ у 1. лицу када сведок тврди да је био на месту злочина и видео својим очима, односно чуо својим ушима, оно о чему саопштава судском бележнику, док се у осталим случајевима претежно користи лични претерит. Тиме је условљена чињеница да је већина забележених облика перфекта заступљена у нашој грађи примерима был єсми, νидєл єсми и слышал єсми. Учесталост наведених примера је толика да се на први поглед може закључити да се ради о специфичним канцеларизмима, али се и други глаголи срећу у облику перфекта ако се ради о исказивању посведчености, као у следећем примеру:

(1) А так я, νозныи, што єсми, слышал, νидєл и спрανονал сєє прανдивоє сознанє моє до записаня до книг подаю и ωчєνисто созναваю (Акти 1635: 177).

У текстовима из 17. века, скоро се у свим случајевима саопштење судског позивара о томе да је испоручио тужбу и лично обавестио туженог или његове слуге о томе преноси помоћу перфекта у 1. л. једн. Тако смо на 300 страница судских записа из 1611. забележили око 200 примера тог облика, од којих већину износе устаљене формуле, попут бы(л) ε(с)ми ’био сам [лично]’; ω(т)не(с)лъ и положи(л) ε(с)ми позо(в)ъ ’однео сам и испоручио тужбу [лично]’; ωказа(л) и ωповеда(л) ε(с)ми ’обавестио сам и рекао [лично]’; да(л) ε(с)ми ωчеви(с)то в руки ’предао сам лично у руке’; зложи(л) и на(з)начи(л) ε(с)ми им рокъ ку праву становити се пєрєд судо(м) ’одредио сам им [лично] рочиште да се по закону појаве пред судом’ (АК 1611), којима започиње или се завршава сваки исказ судског позивара о испоручивању тужбе, а што указује на настојање писара да на неки начин истакне речи тог службеног лица као веродостојне и уверљиве.

Други тип специфичне употребе перфекта у староукрајинском језику илуструје следећи пример:

(2)...пан Сєбєстијан Сєцинскии жаловал и оповєдал, штож, дєи, року тисяча пятсот дєвєтдєсятого, єдучи я на службу жолнєрскую, зоставив єсми московку свою у пана Крыштофа Винарского и у пани малжонки єго в дому их [...] и купивши волов три по три копы грошеи литонских, ωдослал єсми ку тои жє жонци до того ж приятеля своєго пана Винарского. И кгдыи, дєи, приєхалъ з слу жбы жолнєрскоє, забавился єсми службою у єго мл мл пана Фрыдриха Тишкєвича Логонского [...] и тую жонку московку з вєликою трудностю от пана Винарского ωдыискал єсми (Акти 1590: 71).

Наведени пример (2) представља у шеснаестом веку устаљени образац исказа кад писар почиње нарацију у трећем лицу да би накнадно, после указивања на свој извор (Сєбєстијан Сєцинскии жаловал и оповєдал), увео приповедање у 1. лицу. Притом између та два тока нема видљивог прелаза, већ се само увођењем личне заменице я и перфекта

указује на промену перспективе приповедања. Облик перфекта се овде употребљава као граматичко средство истицања исказа сведока у односу на писарову дескрипцију. Перфекат се користи као средство апострофирања чињенице да се исказ наводи онако како га је писар чуо и записао, што се чини с циљем уверавања у његову веродостојност. У бројним случајевима таквом перфекту претходи лексички маркер ренаративности деи (наводно/каже) — оповѣдал, штож, дѣи […], ѣдучи я на службу жолнѣрскую, зоставив ѣсми московку свою... Таква реченица из савремене перспективе делује аграматично (*испричао је да, наводно, одлазећи ја у војску, оставио сам своју слушкињу...), али у наведеном корпусу из 16. и 17. века представља устаљену синтаксичку конструкцију.

Издвојено значење перфекта у староукрајинском језику из 16. века одређујемо као конфирмативно, с обзиром да конфирмативност у бити означава способност глагола да искаже потврђену информацију о ситуацији којој говорник није обавезно присуствовао (Поповић 2023: 169—190). Пошто се поред перфекта у таквом контексту редовно користе маркери ренаративности (деи, якобы и сл.), ту његову функцију одређујемо као исказивање конфирмативности у ренаративном контексту, што чини основну одлику перфекта у периоду трансформације темпоралног система у староукрајинском језику.

Након анализе функција „новог” (двосложног) ППФ-а у текстовима на староукрајинском језику од 16. до 18. века можемо закључити да се његова семантика постепено мењала у смислу удаљавања од исказивања антериорне локализације у односу на другу радњу у прошлости у правцу све веће модализације и означавања ситуације која одступа од програмираног тока. Притом се могу уочити одређене тенденције у еволуцији тог облика. У староукрајинском језику из 16. века бележимо следеће функције ППФ-а: означавање планиране али неостварене ситуације (сличне примере се могу наћи и у текстовима из 17. века); исказивање неактуелне прошле резултативности; дигресивну функцију, која, међутим, проистиче из функције антериорне локализације радње у односу на неку прошлу ситуацију, јер се успутна напомена означена ППФ-ом по правилу односи на ситуацију пре друге прошле ситуације која је у фокусу исказа.

У текстовима с почетка 17. века у први план избијају нешто друкчије функције ППФ-а у односу на потоње. Међу њима се посебно издвајају: антирезултативна — указивање на поништен резултат претходне радње; топикална — указивање на почетак и крај одређеног тематског фрагмента; контрафактивна функција; дубитативна употреба у ренаративном контексту, као и функција маркирања дигресије.

У 18. веку функције ППФ-а се и даље шире у правцу изражавања програмиране али неостварене ситуације. ППФ се најчешће у овом периоду користи за означавање

планиране али незапочете ситуације, или започете али осујећене, међутим и даље врши антирезултативне функције, као и неке дискурзивне — топикалну и дигресивну. Занимљиво да се у овом периоду јавља и ППФ за означавање актуелног резултата, тј. овај сложени облик се практично користи у служби перфекта. Међутим, тај резултат на неки начин је оспораван или сумњив, што опет маркира ППФ као облик који тежи ка изражавању „маргиналног" резултата. Функционални обухват ППФ-а у 18. веку показује максималну сличност са савременим, с тим што нисмо успели да забележимо контрафактивну употребу тог облика у наведеном периоду.

У консултованим изворима на старопољском језику из 16. и почетка 17. века нови ППФ се још увек јавља у таксисној функцији, међутим употреба ППФ-а у старопољском језику 16. века ипак претежно носи печат упућивања на неактуелни резултат.

На изразиту антирезултативну употребу ППФ-а наилазимо у рукописним Градским књигама Книшина из 1553—1580. Анализирајући те примере у наведеном споменику посебно издвајамо следеће функције:

– исказивање неактуелног резултата (iż którym był plac kupił z ogrodem tylnem na ul Grodzieńskiej między domy, z jednej strony Simana Kalaka, a z drugiej Michała Golssika mieszczan knyszyńskich; którego konia był zostawił w Kamieńcu u kowalia);

– изражавање поништеног резултата (testament, który był uczynił ... kasował wykupił tegoż Pawła ogród u Mikołaja Bajki, który był zastawił);

– негирање оспораваног резултата (odpór uczyniła przed urzędem mieszkiem, iżby sobie tego nie kazała była zapisać);

– указивање на неостварени резултат, односно исказивање започете, али недовршене радње (iż już począł był jednać, a nie przejednał).

Из наведеног следи да је ППФ у градским књигама на старопољском језику из 16. века имао употребу сличну оној која је типична за тај облик у градским књигама на староукрајинском језику из одговарајућег периода.

У старопољским споменицима из 17. века ППФ испољава значење резултата који је актуелан, дакле, једно од дистинктивних обележја перфекта, међутим саме ситуације које се исказују на тај начин носе печат нерегуларности, с обзиром да би у складу с логиком требало да дође до друкчијег расплета у вези с њима, на пример кад се описује погрешно поступање старатеља младе жене, које је открио њен супруг након што је прегледао финансијске књиге. Те ситуације, чији су резултати означени облицима резултативног ППФ-а, одступају од устаљених правила и законске регулативе, уп.:

(3) Z których błędów ten był pierwszy o summę 300 koron opuszcznych, którą sumę od niektórego człowieka na pożytek tej sieroty był wziął, ale jej do regestrów i rachunków swoich nie wpisał (Groicki 1605: 125).

Антирезултативност није једина одлика ППФ-а у периоду трансформације темпоралног система у старопољском језику. У 17. веку бележимо употребу контрафактивног ППФ-а у староукрајинском језику, док у исто време ова функција чини основну одлику новог ППФ-а у старопољском језику. У оба анализирана пољска споменика с почетка 17. века — из 1605. и 1614, ППФ се користи у условним конструкцијама управо са контрафактивном функцијом — у протази, а често и у протази и у аподози, чиме се истиче контрафактивност услова и ирealност моделиране ситуације која би се могла десити да је стварност кренула другим током, на пример:

(4) Aleksander Wielki nigdy by był do takiej perfekcjej nie przyszedł i sławy, gdyby był w naukach i w ludziach uczonych nie kochał się i stagiryckiemu Filozofowi tak dalece nie deserował (Proces 1614: 9).

Анализа различитих функција ППФ-а у староукрајинском и старопољском језику од 16. до 18. века показује да је овај облик прошао сличан пут семантичког развоја — од функције исказивања претпрошлог временског плана, преко оне, коју развија крајем 16. и почетком 17. века, а коју смо условно назвали указивање на „маргинални" резултат, тј. неактуелан, анулиран, поништен, програмиран али неостварен, остварен али оспораван, до контрафактивне функције и потпуне модализације тог облика у 17. веку. У 18. веку ППФ претежно указује на програмирану али нереализовану ситуацију у документима на украјинском језику, док у пољским споменицима тај облик скоро сасвим нестаје из употребе кад је разматрани дискурс у питању — забележили смо само један пример у књизи с краја 18. века (Ostrowski 1787).

Разматрање постепене модализације новог ППФ-а захтева посебно објашњење уз осврт на развојни пут старог ППФ-а. В. Чернов је приметио да је ППФ у староруском и старочешком језику, кад се није користио у таксисном значењу, указивао на ситуацију која би се темпорално могла одредити помоћу конструкције а у међувремену, тј. означавао је радњу која се десила за време трајања ситуације која је најчешће описивана помоћу аориста (Чернов 1961: 167—180).

Претпостављамо да је управо ова карактеристика ППФ-а — способност да означи радњу која је измештена на „паралелни колосек" у оквиру једног темпоралног фона, послужила као основа за развијање код тог облика функције указивања на могућност остваривања ситуације која би се могла десити у оквиру задатог темпоралног оквира, али се није десила јер је дошло до преокрета у њеном развоју. Тај преокрет је могао настати

пре настанка саме успутне ситуације, те до ње није дошло, односно до ње би могло доћи да је субјекат изабрао друкчије решење,

Релативно касно, али регуларно, ППФ је почео да се користи у супротним конструкцијама уз негацију. Употреба ППФ-а чак и без негације, али у супротној реченици, по мишљењу Чернова, маркирала је негативно целу конструкцију (Чернов 1961: 190). Притом ППФ губи своју функцију темпоралне локализације, што допушта да се користи у оба дела супротне реченице.

У оба дела конструкције, ван таксисне функције, користи се и нови ППФ у контрафактивним конструкцијама у старопољском и староукрајинском језику у 17. веку, притом у пољском много више него у украјинском.

Дакле, од појављивања у супротним реченицама уз негацију, преко употребе у конструкцијама, где овај облик указује на неку врсту маргиналног резултата, до негираног ППФ-а у контрафактивним конструкцијама, па и потпуног преласка у погодбени начин у условним реченицама без негације — тако би се условно могао оцртати развој семантике новог ППФ-а на путу његовог удаљавања од таксисног значења и приближавања модалном у украјинском и пољском језику. Истраживање по истом принципу грађе из других словенских језика могло би потврдити да и у њима нови ППФ пролази пут сличне еволуције.

Кључне речи: плусквамперфекат, перфекат, староукрајински језик, старопољски језик, антирезултативност, контрафактивност.

ЛИТЕРАТУРА (СЕЛЕКТИВНО)

Ермолова М. В. „О генезисе антирезультативного значения у плюсквамперфекта в истории русского языка.” Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова 2/40 (2024): стр. 94–111.

Петрухин П. В. „Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку.” Russian Linguistics, 28 (2004): стр. 73–107.

Петрухин П. В. „Дискурсивные функции древнерусского книжного плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей).” В: Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Дискурсивные категории. В. А. Плунгян, В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева (ред.). Москва: Гнозис (2008): 213–240.

Петрухин П. В. „Дискурсивные функции древнерусского книжного плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей).” В: Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Дискурсивные категории. В. А. Плунгян, В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева (ред.). Москва: Гнозис (2008): 213–240.

Петрухин П. В., Сичинава Д. В. „‘Русский плюсквамперфект’ в типологической перспективе.” В: Вереница литер: к 60-летию В. М. Живова. А. М. Молдован (ред.). Москва: Языки славянской культуры (2006): 193–214.

Плунгян В. А. „Плюсквамперфект и показатели ‘ретроспективного сдвига’.” В: Язык. Африка. Фульбе: сборник статей в честь Антонины Ивановны Коваль. В. Ф. Выдрин, А. А. Кибрик (ред.). Санкт-Петербург: Европейский дом (1998): 106–115.

Плунгян В. А. „О контрафактических употреблениях плюсквамперфекта.” В: Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Москва: Гнозис (2004): 273–291.

Попович Л. Граматика интеракције у слоивенским језицима. Београд: СДС, 2023.

Сичинава Д. В. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, АСТ-ПРЕСС, 2013.

Сичинава Д. В. „Славянский плюсквамперфект: пространства возможностей.” Вопросы языкознания 1 (2019): стр. 30–57.

Чернов В. И. Плюсквамперфект в истории русского языка сравнительно с чешским и старославянским языками: Дис. ... канд. филол. наук. Ленинград: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1961.

Шевелева М. Н. „Еще раз о истории древнерусского плюсквамперфекта.“ Русский язык в научном освещении 2/16 (2008): стр. 218–246.

Słoboda A. „Składnia Kazań gnieźnieńskich.” W: Staropolskie Spotkania Językoznawcze 4. Język staropolskich tekstów. Nowe odczytania, analizy, interpretacje. A. Słoboda, M. Kuźmicki (red.). Poznań: Wydawnictwo Rys (2022): 221–235.

ИЗВОРИ

Акти Житомирського гродського уряду 1590 р., 1635 р. Житомир: Інститут української мови НАНУ, 2004.

Актова книга Житомирського гродського уряду 1611 року. Житомир: Інститут української мови НАНУ, 2002.

Ділова і народно-розмовно мова XVIII ст. (Матеріали сотенних канцелярій і ратуш Лівобережної України). Київ: АНУРСР, Наукова думка, 1976.

Groicki, B. Tytuły Prawa Maydeburskiego, do Porządku y do Artykułów piérwéy po Polsku wydanych. Kraków: Ł. Andrysowicz, 1567. Opr. A. Piskorz, W. Barabasz. Red. M. Mikuła. Kraków: IURA. Źródła prawa dawnego, 2022.

Groicki, B. Obrona sierot, 1605. Opr. I. Wasik. Red. Maciej Mikuła. Kraków: IURA. Źródła prawa dawnego, 2022.

Kazania gnieźnieńskie. Biblioteka zabytków polskiego piśmiennictwa średniowiecznego. Edycja elektroniczna, red. W. Twardzik i in. Kraków: Instytut Języka Polskiego PAN, 200

Ostrowski, Ks. T. SP. Prawo cywilne Narodu Polskiego. Tom I. 1787. Opr. D. Klimczak, red. Maciej Mikuła. Kraków: IURA. Źródła prawa dawnego, 2022.

FORMAL REPRESENTATION AND ANALYSIS OF THE MODAL PREDICATES *НАДО* AND *НУЖНО* IN RUSSIAN

BASTIEN POREAU (FRANCE)

In this talk will be presented the differences existing between the two impersonal modals *надо* and *нужно*. To do so, we shall analyze them in utterances, and try to represent their relation to the context.

"Impersonal" means that the modal will govern a dative case (sometimes called a "quirky subject"), and is opposed to personal modals (such as *должен*), that agree with a nominative (a "real" syntactic subject):

1) Он должен работать
2) Ему надо/нужно работать.

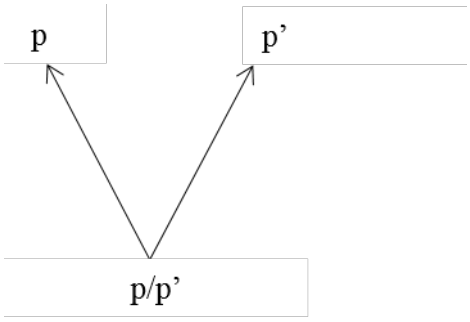
Надо and *нужно* are presented as synonyms, both by native speakers and by dictionaries. This is the case, for instance, in the *Большой академический словарь русского языка* in which the entry надо is equivalent to нужно, and vice versa.

A first criteria that hints to their difference is found in their etymology. The roots from which *надо* and *нужно* are constructed (as suggested by W. Honselaar (1992) at the end of his article) shed light on how they work. The respective meanings of the roots <DOB>, referring to convenience, and <NUD>, initially referring to a constraint, continue to have a significant influence on the meaning of *надо* and *нужно* in Russian.

However, this is insufficient to fully explain their current functioning. We argue that a discursive analysis could effectively show on which level these two modals differ, and also explain why, in so many cases, they tend to seem interchangeable.

To make this description clearer, we'll use the "bifurcation diagram" developed by A. Culioli to represent the predicative relation.

A simplified version of this diagram should look like this:



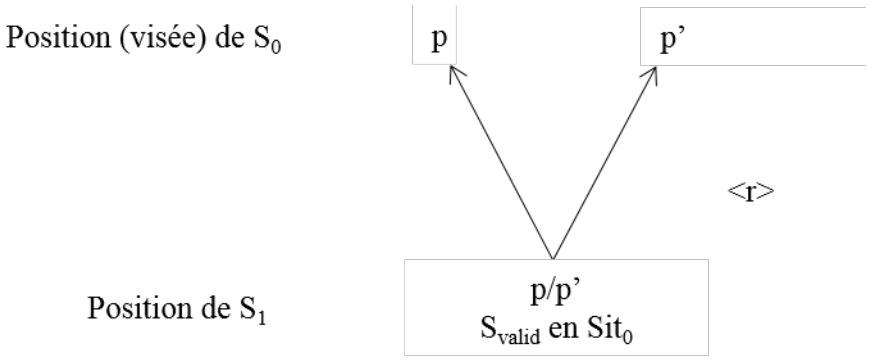
The representation given here is simplified and does not correspond to an analysis of a predicative relation in context. This bifurcation represents a target constructed by the

predicative relation. At the tip of the bifurcation lies the point at which the targeted goal/action is “accomplishable” (noted p/p'), and this tip divides into two branches, one on the left representing the path leading to an accomplished goal -action- (p), the other branch on the right leading to the non-accomplished goal (noted p').

For instance, in the simple proposition given in 2): it means that the goal/action “to work” is a necessity to “him” (we stand at the *p/p'* point), and “he” could either end up “working” (that is, reach *p*), or not (reach *p'*).

To further explain this representation and how it will be useful to analyze modality and its context, we will first briefly read a research by Antoine Culioli and D. Paillard (1987) about the imperative in Russian.

They used this diagram to represent the imperative in Russian. The authors represent the imperative (injunctive) as follow[1] :



[S1 is the addressee; S0, the speaker; and SValid, the one having to accomplish the action.]

Their goal was to explain the variation of aspect: the imperative can be expressed by an imperfective or a perfective :

> 3) Включайте телевизор, уже семь часов. (Cited by the A. Culioli and D. Paillard (1987), taken from O. Rassudova (1982))
> 4) Включите телевизор, сегодня интересная передача. (ibid.)

Here, we will discuss why is the imperfective used in 3), and the perfective in 4) : the answer is to find in the utterance itself. It is a question of *time*. In 3), the phrase « уже семь часов » makes it clear that the action « turn on the tv » was already programed, and time has come to do it. In 4), the action « turn on the tv », is completely new to the addressee.

But *time* is not the only reason behind the presence of the imperfective. The reason can

[1] Every diagram presented will be translated in English, and every symbol explained.

also be subjective:

5) Алёса, ты забыл ? Тебе нужно звонить. Звони скорее. (ibid.)

In this example, the addressee is "the support of p'": he has forgotten to accomplish the goal (calling) and the speaker believes he should already have done it (called). *p* (to call) is thus reintroduced in opposition to the current p' (not called)[2].

Then, we will ask us the same question, not about the aspect, but about the modal itself with надо and нужно, based on different utterances in context. This will allow us to see how they differ, when it seems that a same pragmatic position is expressed by the speaker (some form of injunction: a necessity), as it seems to be the case in the following four utterances[3], where the subject (second person) and the addressee are a same person, as it is the case with the imperative shown above:

6) – Да, – повторил врач громким голосом. – Вам нечего лечиться. Вас надо кормить и мыть. Вам надо лежать, лежать и есть.
[В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954-1961)]

7) С тех пор он и ездит: был в Ленинграде, в Твери, в Москве и Торжке, а теперь – тут. Нигде ему не дают работы [...]
– Что ж ты будешь делать теперь? – спрашивал его Пётр Евсеевич.
– Тебе надо жить и ожидать,
пока государство на тебя оглянется.
– Ждать нельзя, – ответил мальчик. – Скоро зима настанет, я боюсь тогда умереть.
[А. Платонов. Государственный житель (1929)]

8) – Как говорится, финита ля комедия. Это вы со своими собутыльниками впадайте в подобную истерику. Пьянство не украшает мужчину. Вам нужно меньше пить. Не пейте, если не умеете.
[О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», № 8, 2001]

9) В июле начинался предсезонный сбор. [...] «Езжай в отпуск, ни о чём не думай. Тебе нужно отдохнуть , сезон был тяжёлый, олимпийский, ты перенёс большие нагрузки».
[В. Фетисов. Овертайм (1997)]

Other examples will be shown, and we will find that one main difference between надо and нужно is that the modality of necessity they express differs depending on the subjective relation between the speaker and the addressee, and the contextual situation. For each different case, a corresponding diagram showing what contextual element plays a role in the presence of надо or нужно will be provided.

[2] It's also interesting to note that this example also includes an utterance with the modal predicate нужно: Тебе нужно звонить. The infinitive governed by нужно is also imperfective. It would therefore seem that the choice of aspect for this infinitive follows the same rules as for the aspect of the imperative.
[3] These examples were found using ruscorpora.ru

BIBLIOGRAPHY

CULIOLI, A. & PAILLARD, D. 1987. À propos de l'alternance imperfectif/perfectif dans les énoncés impératifs. *En hommage à Jacques Veyrenc : Études de linguistique slave.* ed. P. Garde. *Revue des études slaves 59 (3)*. Paris : Institut d'études slaves. 527-534.

HONSELAAR, W. 1992. The Russian modals *prihodit'sja/prijtis'*, *nužno* and *nado*: Semantics and pragmatics *Studies in Slavic and General Linguistics*, 17. Amsterdam : Rodopi. 125-149.

POREAU, B. 2015. Expression de l'obligation et énonciation en russe contemporain : analyse de deux prédicats régissant un datif. *Elis, 3.2*. Paris.

SAKHNO, S. 2005. *100 racines essentielles du russe*. Paris : Ellipses.

БАС. 2004. Большой академический словарь русского языка. Наука.

ОЖЕГОВ, С.И. 2009. Толковый словарь русского языка, 26-е издание, Москва.

ДЕЕПРИЧАСТИЯ СОВЕРШЕННОГО ВИДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ВРЕМЕННОЙ ПОРЯДОК НАРРАТИВА

NADEZJDA ZORIKHINA NILSSON (SWEDEN)

Функции деепричастий хорошо проанализированы с точки зрения выполнения ими таксисных функций предшествования, одновременности и следования в рамках различных теоретических подходов (Акимова, Козинцева 1987; Birzer 2010; Барентсен, Зорихина-Нильссон 2024). Анализ в данном случае проводился внутри одного высказывания. В настоящем исследовании анализируется функционирование деепричастий в более широком окружении: в отдельном абзаце или в прозаической строфе и – шире – в художественном тексте.

Основной тезис данной работы состоит в том, что использование глагола в форме деепричастия, а не в личной форме, а также место деепричастия в высказывании могут обусловливаться не только его функциями внутри высказывания, но и особенностями более широкого контекста, в частности его структурой. Наряду с личными формами глагола деепричастия принимают участие в формировании видо-временной структуры текста, в выражении его «временного порядка». Под временным порядком здесь вслед за А. В. Бондарко понимается «языковое представление ”времени в событиях”» (Бондарко 1999: 204).

В фокусе внимания данного исследования стоят два основных типа связи между предложениями в тексте: цепная и параллельная синтаксическая связь, а также текстовые функции деепричастия совершенного вида (далее – СВ) и их позиция в высказывании по отношению к синтаксическому субъекту. Как показало наше исследование (Зорихина-Нильссон, Пупынин 2002), в котором были сделаны первые предварительные наблюдения функционирования деепричастия СВ в текстах с цепной связью, эта форма может в различной степени выражать поступательный ход событий: регресс и/или прогресс в повествовании.

При цепной синтаксической связи рематические элементы, содержащиеся в предшествующем контексте, превращаются в тематические в последующем. Когда деепричастие или деепричастный оборот стоит в начале предложения, т. е. стоит перед субъектом, прототипическим случаем является обозначение действий одного субъекта: $\mathbf{S_1}\ P_1\ [\ldots]\ Ger_1\ \mathbf{S_1}\ P_2$ и т.д., как в примере (1):

> (1) Так рассуждая, господин Голядкин (**S_1**) поднялся до второго этажа и **остановился** (P_1) перед квартирою пятого нумера, на дверях которого помещена была красивая медная дощечка с надписью:
> Крестьян Иванович Рутеншпиц, доктор медицины и хирургии.

Остановившись (Ger_1)**,** герой наш (**S_1**) поспешил придать своей физиономии приличный, развязный, не без некоторой любезности вид и **приготовился** (P_2) дернуть за шнурок колокольчика. ***Приготовившись*** (Ger_2) дернуть за шнурок колокольчика, он (**S_1**) немедленно и довольно кстати рассудил, что не лучше ли завтра и что теперь покамест надобности большой не имеется. (Достоевский. Двойник)

Цепная синтаксическая связь в примере (1) помимо повторной номинации субъекта обеспечивается повторной лексической номинацией одного и того же события, однако это событие оформляется другой грамматической формой – деепричастием СВ, которое в данном случае выражает некоторую задержку в повествовании, делая дополнительный акцент на завершенности события и своей формой лишь подготавливая к следующему действию. Такие конструкции мы относим к так называемым «мостовым конструкциям повторения» (ср. англ. термин bridging construction with recapitulative linkage (Guérin, (Aiton 2019:1)).

Первый субъект может быть гиперонимом последующего: $S_n\ P_1\ […]\ Ger_{1/2}\ S_1\ P_3$, а деепричастие может лишь частично пересекаться в своем лексическом значении с глаголом предшествующего контекста, как в примере (2):

(2) Не оставшись ужинать, Ростовы **(S_n) уехали** (P_1). ***Вернувшись*** ($Ger_{1/2}$) домой, Наташа **(S_1)** не спала всю ночь: ее мучил неразрешимый вопрос, кого она любила, Анатоля или князя Андрея. (Л. Н. Толстой. Война и мир. Том второй (1867-1869) – НКРЯ)

Если при цепной связи деепричастия СВ участвуют в поступательном развертывании временного порядка текста, то при параллельной синтаксической связи они лишь дополняют основные действия различных субъектов новыми деталями внутри одного промежутка времени, внутри одной сцены. Деепричастие СВ занимает позицию непосредственно после субъектов действия, как в примере (3): $S_1\ S_{2,}S_3\ Ger_{1,2,3}\ P_{1,2,3}\ […]\ S_4\ P_4.\ S_5\ Ger_5\ P_5\ […]$ и т.д.

(3) Всеобщее смятение. Коровы (**S_1**), овцы (**S_2**) и лошади **(S_3)**, ***задрав*** ($Ger_{1,2,3}$) хвосты и ревя, в страхе носились ($P_{1,2,3}$) по полю. Собаки (**S_4**) выли (P_4). Клопы (**S_5**), ***вообразив*** (Ger_5), что настала ночь, вылезли (P_5) из щелей и начали кусать тех, кто спал. Дьякон (**S_6**), который в это время вез к себе из огорода огурцы, ***ужаснувшись***, выскочил из телеги и спрятался под мост, а его лошадь (**S_7**) въехала с телегой в чужой двор, где огурцы (**S_8**) были съедены свиньями. (А. П. Чехов. Из записок вспыльчивого человека (1887) – НКРЯ)

В работе выделяются несколько тема-рематических типов, в которых деепричастие СВ в той или иной степени выражает регресс, остановку или прогресс в повествовании. Исследование подкрепляется квантитативным анализом данных на

уровне абзаца, полученных в результате поиска в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ).

ЛИТЕРАТУРА

Акимова, Т. Г., Козинцева Н. А. (1987). Аспектуально-таксисные ситуации. Зависимый таксис (на материале деепричастных конструкций). В: А. В. Бондарко (отв. ред.), *Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*, 256–274. Ленинград: Наука.

Барентсен, А., Зорихина-Нильссон, Н. В. (2024). Таксис в русском языке. В: Храковский В. С., Барентсен, А. (отв. ред.), *Таксис в славянских языках. Типологический анализ*. Том 1, 23–253. Москва: Издательский Дом ЯСК.

Бондарко, А. В. (1999). *Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени.* Петербург: Изд-во С. Петербургского университета.

Зорихина-Нильссон, Н. В., Пупынин, Ю. А. (2002). О текстовой функции деепричастий совершенного вида в русском языке. *Исследования по славянским языкам* 7. Корейская ассоциация славистов, 307–324.

Birzer, S. (2010). *Русское деепричастие: процессы грамматикализации и лексикализации* (Slavolinguistica 11). München: Otto Sagner.

Guérin, V., Aiton, G. (2019). Bridging constructions in typological perspective. In Valérie Guérin (ed.), *Bridging constructions*, 1–44. Berlin: Language Science Press. DOI:10.5281/zenodo.2563678

Национальный корпус русского языка. https://ruscorpora.ru

COMPLEMENTARY COINCIDENCE: DIVISION OF LABOUR BETWEEN EXPRESSIONS DENOTING MEANS AND END

SIMONE MELLQUIST (SWEDEN)

The phenomenon of 'complementary coincidence' involves pseudo-simultaneity (one event with two descriptions, see Anscombe (2000[1957]) and the convertibility between these descriptions, this is observed for Russian converbs (*deepričastija*):

(1) Russian, Boguslavskij (1977), English translation Rappaport (1984: 184), italics added

a.Он сыграл на руку правым, ***перенеся*** *срок обсуждения законопроекта*
'He played right into the hands of the right-wingers, delaying the discussion of the legislation.'
b.*Он перенес срок обсуждения законопроекта,* ***сыграв*** *на руку правым*.
'He delayed the discussion of the legislation, playing into the hands of the right-wingers.'

In both examples, the same situation occurs: delaying the discussion benefits the right-wingers. The convertibility is due to the method-neutrality of the expression *igrat' komu-nibud' na ruku* ('playing into the hands of somebody'). This feature lacks specification on how the effect is achieved, often filled by converb forms describing the method, such as delaying a discussion.

In other languages, different constructions are needed. For example, Swedish uses an infinitive preceded by *genom* ('through'), and English uses the *ing*-form with *by*. Italian, like Russian, uses the converb (*gerundio*) without explicit expressions, see Pusch (1980). These instrumental usages of converbs can be seen as instances of semantic valence and informational deficit, as discussed by Apresjan (1980) and Sæbø (2016).

The insights from studies on 'purpose' and 'instrumental action' (Mellquist 2024, in preparation, respectively) have enabled the preliminary systematisation of the field of 'complementary coincidence', a term coined by Růžička (1980). The overarching principle is a division of labour between predicates, expressing either means or ends. This is similar to the manner/result complementarity described by Rappaport-Hovav and Levin (2016). Result verbs denote scalar changes, while manner verbs denote non-scalar changes. Method-neutral predicates denote results, while method-specified predicates denote the manner (means/method) of change. In complementary coincidence, Russian converb clauses complement their matrix clauses, with either method-neutral predicates representing the end-pole or method-specified verbs representing the means-pole. Sæbø (2016) notes that method-neutral predicates may be described as 'abstract', referring to event types rather than tokens, a feature also noted by Poljanskij (1987) in relation to Russian converbs. Birzer (2010: 104)

refers to similar phenomena as ‘concretisation of action’ (*konkretizatcija dejstvija*). Sæbø (2016: 3182) notes a cline, such that the predicates may vary in abstractness.

The types of Russian converb usages relevant to ‘complementary coincidence’ are summarised in the table below. The method-neutral abstract predicates are found in the shaded areas. Each of the types will be briefly described below with examples and references for further reading.

Meaning	Matrix clause	Converb clause	Converb aspect
Purpose/ Intended consequence	**Concrete means** *оперся о дверь*, ‘leaned against the door	**Abstract end** *удерживая равновесие* ‘to hold/holding his balance’	ipfv
Consequence	**Concrete means** *задел лапой мое правое плечо* ‘touched my right shoulder with its paw’	**Abstract end** *разодрав комбинезон* tearing my overall’	(ipfv) pfv
Interpreted consequence	**Concrete means** *слегла в постель и умерла* ‘became seriously ill and died’	**Abstract end** *принеся свою жизнь в жертву* ‘sacrificing her life’	(ipfv) pfv
Instrumental action	**Abstract end** *Свалил* ‘pulled me over’	**Concrete means** *подставив подножку* ‘tripping me’	ipfv/pfv
Correlate to interpretative predicate	**Abstract end** *Она меня оскорбила* ‘She offended me’	**Concrete means** *пригласив моего соперника* ‘inviting my rival’	ipfv/pfv

In the following descriptions, the examples come from Akimova and Kozinceva (1987), English is added by me [S.M.].

Purpose/intended consequence

An imperfective converb describes the intended outcome of the matrix predicate. The converb may be pre-posed as well as post-posed. If the converb has a conative feature, the purposive nuance is stronger. Since the purposive nuance involves mental states, they are not directly observable and hence often provided with evidentiality markers, emphasising the character of guesses of intent.

(2)(…) *но вдруг Федя обратился к Илюше и, как бы* ***возобновляя*** *прерванный разговор, спросил его* (…) (И. Тур
генев)
‘but suddenly Fedya turned to Ilya and, as if to resume the interrupted conversation, asked him’

(3)Павел (…) ***спасаясь*** *от полной деградации, приполз сюда* (Ю. Нагибин)
‘Pavel, saving/to save himself from complete degradation, crawled here.’

See Akimova and Kozinceva (1987) Rjabova (1992) and Mellquist (2024) for further refence.

Consequence

A perfective converb clause denotes the result or consequence of the matrix predicate. The converb is always post-posed, (pre-position of perfective converbs results in anteriority interpretations). Also imperfective converbs may have this interpretation, mostly in the instance of inanimate subjects

(4) (…) *женщина* (...) *встала, в дверях,* ***загородив*** *собой выход* (И. Друцэ)
'the woman stood up in the doorway, blocking the exit.'.

See Mixeev (1977), Rappaport (1984) and Rjabova (1992) for further refence.

Interpreted consequence

A perfective, or imperfective converb denotes a consequence which is subjectively interpreted rather than readily observable. If perfective, post-position is necessary to avoid anteriority interpretations of the converb.

(5) *Она постоянно ворчала и курила трубку,* ***напоминая*** *старого солдата* (В. Каверин)
'She was constantly grumbling and smoking a pipe, resembling an old soldier.'

See Mixeev (1974), Rjabova (1992) for further refence.

Instrumental action

A converb of either aspect denotes an action that functions as the means or method of obtaining a result denoted by a method-neutral matrix predicate. Both pre-position and post-position of the converbs are possible. The converbs may be focused.

(6) ***Производя*** *в уме сложное арифметическое действие, я вычислил, что каждый час моего пребывания на посту содержит в себе 3600 секунд* (В. Катаев)
'By performing a complex arithmetical operation in my mind, I calculated that each hour of my tenure contains 3,600 seconds.'

See Rappaport (1984), Mellquist (in preparation) for further reference.

Correlate to interpretative predicate

A converb of either aspect denotes an action that functions as the means or method of obtaining a result denoted by a method-neutral matrix predicate. The eventualities denoted by the matrix often have a subjective nuance and are seldom readily observable. The converb may have background intonation (detachment) and are generally presupposed.

(7) *Я был неправ,* ***рассказав*** *ей об этом*
'I was wrong to tell her that.'

See Boguslavskij (1977) Apresjan (1980) for further refence.

The means-manner complementarity enables pairs of converses like (1). Like for converse pairs like *buy* and *sell*, *give* and *take* or negative — positive, translations transformations occur between for example purpose (*in order to*) and instrumental action (*by*) meanings.

REFERENCES

Akimova, T.G. and Kozinceva, N.A, (1987). Zavisimyj taksis (na materiale deepričastnyx konstrukcij). In: Bondarko, V.A., (ed.) Teorija Funkcional′noj Grammatiki: Vvedenie Aspektual′nost′ Vremennaja lokalizovannost′ Taksis. 257–74. Leningrad: Nauka

Anscombe, G.E.M. (2000 [1957]). Intention. Second edition. Cambridge, Massachusetts; London, England: Harvard University Press.

Apresjan, Ju.D. (1980). Tipy informacii dlja poverxnostno-semantičeskogo komponenta modeli smysl–tekst. (Wiener slawistischer Almanach, Sonderband I). Vienna: University of Vienna.

Boguslavskij I. M. (1977) O semantičeskom opisanii russkix deepričastij: neopredelennost' ili mnogoznačnost? Serija literatury i jazyka.;36(3).

Levin, B., and Rappaport Hovav, M. (2013). Lexicalized meaning and manner/result complementarity. In B. Arsenijević, B. Gehrke, and R. Marín (eds.). Studies in the composition and decomposition of event predicates. Studies in Linguistics and Philosophy Volume 93. 49–70. Dordrecht, Heidelberg, New York, London: Springer.

Mixeev, A.F. (1974). Deepričastnyj oborot kak osobaja forma vyraženija sledstvennyx otnošenij v sovremennom russkom literaturnom jazyke. In E.Ja. Bolgova (ed.) Teoretičeskie i metodičeskie problemy grammatiki i stilistiki russkogo jazyka: Doklady i soobšenija mežvuzovskaja seminara kafedr russkogo jazyka vysšix učebnyx zavedenij Zapadnoj Sibiri. Barnaul. 108–128.

Mellquist, S. (2024). Russian converb constructions corresponding to Swedish purposive för att 'in order to' + infinitive constructions. Poljarnyj vestnik, 27, 1–37.

Poljanskij, S.M. (1987). Odnovremennost′, raznovremennost′ i drugie tipy taksisnyx otnošenij. In V.A. Bondarko, (ed.). Teorija funkcional′noj grammatiki Vvedenie Aspektual′nost′ Vremennaja lokalizovannost′ Taksis, pp. 243–250. Leningrad: Nauka.

Pusch, L. (1980). Kontrastive Untersuchungen zum italienischen, gerundio': Instrumental- und Modalsätze und das Problem der Individuierung von Ereignissen. (Linguistische Arbeiten 69). Berlin, New York: Niemeyer.

Sæbø, Kjell Johan (2016). "How" questions and the manner–method distinction. Synthese 193 (10) 3169–3194.

Rappaport, G. (1984). Grammatical Function and Syntactic Structure: The Adverbial Participle of Russian. Ohio: Slavica Publishers Inc. Columbus.

Rjabova, A.I. (1992). Russkoe deepričastie v funkcional′nom aspekte. In M.V. Vsevolodova (ed.) Strukturnye i semantičeskie tipy oslożnenija russkogo predloženija. 6–78. Moscow: Izdatel′stvo Moskovskogo Universiteta.

Růžička, R. (1980). Studien zum Verhältnis von Syntax und Semantik im modernen Russischen. Berlin, Boston: De Gruyter.

СЕМАНТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ФУНКЦІОНУВАННЯ РІЗНИХ ВИДОВИХ ФОРМ УКРАЇНСЬКИХ І РОСІЙСЬКИХ ДІЄСЛІВ

ВОЛОДИМИР ТРУБ (УКРАЇНА)

Для досліджень з проблематики слов'янської аспектології є важливим врахування нестрогої ієрархії семантичних типів предикатів [Булигіна 1982, Падучева 1986, Апресян 2009], які позначаються видовими формами українських та російських дієслів. У цій ієрархії розрізнюються, зокрема, такі предикати як **дії** (*атакувати, йти, писати, рубати*). Дії є головним та найчисленнішим класом предикатів. До інших семантичних типів відносяться **діяльності** – дієслова, які позначають сукупності різнорідних та різночасних дій, що мають одну кінцеву мету (*торгувати, воювати, викладати, виховувати*). До семантичного типу **впливу** належать дієслова, першим актантом яких є не агенс, наділений волею, а якась нежива сила, яка стає причиною зміни світу, не переслідуючи при цьому жодної мети – пор. *Сонце прогріває повітря*; *Дощі розмивають залізничне полотно.* До інших семантичних типів входять процеси (*збільшуватися, зменшуватися, гнити, горіти, текти*) – зміни, що відбуваються з учасником, який не є суб'єктом (агенсом) у строгому сенсі, **стани** – ситуації, незмінні протягом усього часу свого існування, що позначаються дієсловами *бачити, чути, хворіти знати, пам'ятати, сподіватися, потребувати*, **властивості** (*кульгати, заїкатися, гаркавити* і т.ін.), що вказують на вроджені дефекти, **інтерпретації**, тобто. дієслова, які самі по собі не позначають жодної конкретної дії, а слугують лише для оцінної інтерпретації іншого, вже здійсненої кимось цілком конкретного дії (*заважати, сприяти, рятувати, потурати, помилятися, обманювати*), **існування** (*бувати, існувати, водитися*…) та інші.

У роботі [Апресян 1986], присвяченій проблематиці дейксису, було, зокрема, введено поняття часу мовця (**ЧМ**), яке також є важливим для аспектологічних досліджень. ЧМ сприймається як певний часовий інтервал, всередині якого розташований момент мовленнєвого акту (**МА**). Отже, частина цього інтервалу передує моменту МА, а інша його частина співвідноситься з певним часом після МА, тобто з найближчим майбутнім. Розмір інтервалу ЧМ визначається суб'єктивним уявленням мовця про час, в якому він себе мислить у момент МА. Кожному семантичному типу відповідає та чи інша канонічна видова форма. Наприклад, канонічними формами позначення моментальної дії є дієслівні форми доконаного виду (**ДОК**), тоді як діяльності та стани можуть бути виражені лише дієсловами недоконаного виду (**НДК**).

Однак у реальних дискурсах подібні відповідності не завжди є жорсткими. У доповіді будуть розглянуті випадки вживання дієслів у видових формах, які не є для них канонічними.

Класичним значенням форм ДОК є вказівка на одноразове досягнення будь-якої межі – порівн. *вилити* як досягнення мети дії *виливати* та *вилитися* як досягнення межі процесу *виливатись* (на відміну від дієслів, які позначають нескінченні процеси і не мають форм ДВ: (1) *Дніпро впадає в Чорне море*). Порівн. також форму ДОК *розмити* як позначення одноразового досягнення результату впливу розмивати: (2) *Дощі розмили залізничне полотно.*

Інші важливі значення форм ДОК зручно демонструвати на прикладах значень ДОК-дієслів, кожне з яких утворює видову пару з НДК-дієсловом *працювати* [Апресян 1995, 226]: Інцептивне – *запрацювати* (тобто 'почати працювати'); Делімітативне – *попрацювати (2 години)*); Дуративне (Процесне) – *попрацювати (2 роки)*; Фінітивне – *допрацювати (до вечора)*; Завершальне – *відпрацювати*.

Серед величезної кількості дієслів, які позначають дії, виділяється група дієслів руху, що утворюють особливу аспектуальну підсистему у слов'янських мовах [Зализняк Анна А., Микаэлян, Шмелёв 2015]. Ці дієслова у свою чергу поділяються на дієслова визначеного руху (інакше – моторно-некратні – порівн. *йти, бігти, летіти…*) і дієслова невизначеного руху (моторно-кратні – порівн. *ходити, бігати, літати…*). На відміну від дієслів першої групи, дієслова другої групи позначають неодноразове пересування з довільною періодичністю.

В конкретних текстах дієслова руху можуть реалізовувати валентність своєї кінцевої точки. За цих умов дієслова обох типів інтерпретуються по-різному. Дієслова першої групи описують актуальний цілеспрямований рух «зсередини», констатуючи, що суб'єкт перебуває на шляху до кінцевої точки. Дієслова другої групи вказують на багаторазове двоспрямоване пересування, тобто що кожного разу після досягнення кінцевої точки та перебування в ній суб'єкт повертався до точки відправлення.

У видових парах, утворюваних дієсловами першої групи, форми ДОК вказують на початок одноразового пересування суб'єкта – порівн. *іти – піти, бігти – побігти, летіти – полетіти…*

Залежно від реалізації або нереалізації валентності кінцевої точки пересування дієслова другої групи утворюють два типи видових пар з різними значеннями форм ДОК:

а) *ходити (в село, до клубу…) – сходити (в село, до клубу…), бігати (до магазину, на річку…) – збігати (до магазину, на річку…), літати (у Тбілісі) – злітати (у Тбілісі)*, де форми ДОК вказують на одноразове двоспрямоване переміщення (до кінцевої точки і назад);

б) *ходити – походити, бігати – побігати, літати – політати*, де форми ДОК мають делімітативне значення, вказуючи на "порцію" або квант пересування, метою якого є воно само по собі.

Ще одним важливим підкласом дієслів дії є моментальні дієслова, що позначають дії, зосереджені в одній точці часу. До двох основних видів миттєвих дієслів відносяться дієслова типу *спалахувати, здригатися, вибухати*, що позначають моментальні дії, які відбуваються миттєво без будь-яких підготовчих фаз, а також дієслова на зразок *приходити, стріляти, стрибати, досягати*, що позначають дії з підготовчою фазою, у яких тільки кінцева фаза зосереджена в одній точці часу і саме цю фазу описує моментальне дієслово.

Для миттєвих дієслів найбільш характерним і частотним є вживання у формі ДОК. Навіть їх вживання у формі НДК насправді часто приховує значення ДОК – порівн. приклади, наведені Ю.Д. Апресяном: *Ви приходите до мене за порадою, хоча ми ледве знайомі* (‘…вже прийшли’); *Я помічаю, що ти став обережнішим* (‘…вже помітив’); *Я згадую, що ти обіцяв прийти* (‘…вже згадав’).

Як відомо, в російській та українській мовах розрізняються лише дві особові форми доконаного виду: ДОК МИН (*пришёл /прийшов*) та ДОК МАЙБ (*придёт / прийде*). У той же час існують три особові форми недоконаного виду: НДК МИН (*приходил / приходив*), НДК ТЕП (*приходит / приходить*) та НДК МАЙБ (*будет приходить / буде приходити*, а також українська синтетична форма *приходитиме*).

Форми ДОК МИН нормативно описують ситуації, що входять до ЧМ. Порівн:

> (3) *Кілька тижнів тому на Одещині знайшли людину, підозрювану в підпалі автомобілів;*
> *(4) Кілька тижнів тому на Одещині знайшли людей, підозрюваних у підпалі автомобілів.*

В (3) та (4) протиставлення однини та множини додатків при дієслівній формі ДОК МИН (людину / людей) маркує відповідно одноразові дії з одиничним (3) та множинним (4) об'єктом, які входять у ЧМ.

Для позначення неодноразових ситуацій, що входять до ЧМ, можуть також використовуватися одновидові дієслова ДОК МИН *повадитися, зачастити*.

Різноманітні ситуації, які входять до ЧМ, також широко позначаються особовими формами дієслів НДК ТЕП: *Він буває в Парижі; Він пописує вірші.*

Непоширені речення, утворювані дієслівними присудками НДК ТЕП, часто виявляються багатозначними – порівн. приклад з [Апресян 2009]: (5) *Ріхтер грає Бетховена*.

Розв'язання багатозначності стає можливим у складі поширених речень, що містять різноманітні темпоральні обставини. Так, у (6) *Ріхтер зараз грає Бетховена* (порівн. також *Чуєш, Ріхтер грає Бетховена!*) реалізується актуально-тривале значення НДК ТЕП, яке вказує, що дія відбувається безпосередньо в момент МА.

У прикладі (7) *Ріхтер часто (зрідка, як правило, іноді, час від часу ...) грає Бетховена*, форма НВ ТЕП *грає* набуває значення багаторазовості, а фреквентативні обставини відображають відмінності в періодичності повторюваних дій, які входять до ЧМ.

У (8) *Завтра (наступного тижня…) Ріхтер грає Бетховена* дієслівний присудок вжито у значенні «теперішній наступної дії» (профетичному), тобто йдеться про майбутню дію, яка розглядається як така, що входить до ЧМ.

А в (9) *У ті роки Ріхтер переважно грає Бетховена* форма НДК ТЕП має значення «теперішній історичний», тобто позначає однотипні неодноразові дії, які відбувалися в минулому, але подає їх так, ніби вони входять до ЧМ. Порівн. також (10) *Влітку 1904 р. Чехов лікує туберкульозний кашель на німецькому курорті Баденвайзер,* де минула дія розглядається «зсередини», в процесі її виконання.

Розглянемо далі різноманітні ситуації, які описуються із залученням дієслівних форм НДК МИН.

(11) *Кілька тижнів тому на Одещині знаходили людину, підозрювану в підпалі автомобілів*, де йдеться про одноразову миттєву дію, що відбулася у минулому за межами ЧМ. Порівн. також (12) *І навіщо я тільки купувала цю сукню?!*

А в (13) *Кілька тижнів тому на Одещині знаходили людей, підозрюваних у підпалі автомобілів*, на відміну від (4), мова йде про неодноразові однотипні дії, що виходять за межі ЧМ з боку минулого.

В (14) *Коли я увійшов, він грав на фортепіано* реалізовано актуально-тривале значення форми НДК МИН *грав*. Прикметно, що якщо це значення позначити формою НДК ТЕП (як в (6)), то відповідну ситуацію (тут – дію) буде подано як таку, що входить до ЧМ і є синхронною МА, тобто фіксується самим мовцем. Натомість форма НДК

МИН *грав* в (14) відносить позначену нею дію за межі ЧМ у минуле, в якому воно фіксується моментом здійснення іншої (моментальної) дії (тут – *увійшов*).

Як зазначав Ю.Д. Апресян, «процесне, процесуальне чи дуративне значення – це видове значення форми НДК, коли вона називає дію, діяльність, процес…, які заповнюють собою певний часовий відрізок» [Апресян 2009]. Таким чином, для реалізації цього значення формою НДК МИН у реченні обов'язково має фігурувати позначення часового інтервалу, що охоплює всю завершену чи зупинену дію, процес, діяльність, які мали місце за межами ЧМ у минулому: *З двох до трьох він працював (спав); Він довго сидів за письмовим столом; Весь день йшов дощ.* Як ми бачили, процесне (дуративне) значення може позначатися і формами ДОК МИН, вказуючи на завершену роботу або процес, що входить до ЧМ. У цих випадках номінація охоплюючого часового інтервалу заповнює обов'язкову валентність дієслівної форми ДОК: *Двигун пропрацював **70 годин**; Він **майже весь день** простояв у черзі; Очікуючи на виклик, він просидів у приймальні **2 години**.* Якщо ж дуративне значення виражається формою НДК ТЕП, то відбувається його поєднання з актуально-тривалим значенням, яке вказує не на завершену дію, діяльність або процес, а на ситуацію, що триває у ЧМ: *Він уже більше години вовтузиться зі своїм мобільником.*

За аналогією з формами НДК ТЕП дієслівні форми НДК МИН можуть позначати неодноразові дії, процеси, стани в реченнях, які містять різноманітні фреквентативні обставини, вказуючи при цьому на неодноразові ситуації, що мали місце поза межами ВГ:

(15) *Вона часто (нерідко, іноді, неодноразово, не раз, іноді, зазвичай) писала мені з Петербурга.*

Слід зазначити, що для опису багаторазових ситуацій у минулому, теперішньому та майбутньому не можуть бути використані абсолютно ідентичні набори фреквентативів. Так, прислівники *неодноразово, не раз*, цілком доречні для вказівки на множинність однотипних подій у минулому та майбутньому, стають непридатними для характеристики повторюваних подій у теперішньому часі: (16) **Він неодноразово (не раз) до нас приходить*. А на прислівник *зазвичай* накладається обмеження на його вживання в майбутньому:

(17) *Він зазвичай приходив (приходить) вчасно*, але **Він зазвичай буде приходити вчасно*.

Розглянемо далі наступні приклади: (18) *Маршала Нея* **розстрілювали** *біля стіни*; (19) *Іван бачив, як **розстрілювали** графа;* (20) *Ось згадала: перш ніж*

заарештовувати *на них оподаткування зробили;* (21) *У день перевороту Шепарді в санях з російськими гвардійцями* ***заарештовувати*** *представників колишньої влади справді не їздив…*

У цих прикладах форми НДК МИН та НДК реалізують анафоричне значення НДК, яке утворює прагматичну презумпцію. Таким чином, йдеться не тільки про те, що події, які позначаються цими формами, мали місце в минулому за межами ЧМ, але також і про те, що про них було вже відомо мовцю і його адресатові до моменту МА. А в асертивній частині прикладів повідомляється відповідно про локалізацію маршала Нея в момент його розстрілу (18), про те, що розстріл графа проходив на очах у Івана (19), про те, що передувало арешту осіб, про які йшлося в (20), а також про неучасть Шепарді в арешті представників колишньої влади (21).

ЛІТЕРАТУРА

Апресян, Ю.Д. (1986) Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. *Семиотика и информатика.* М. – Вып. 28 – С. 5-33.

Апресян, Ю.Д. 2009. *Исследования по семантике и лексикографии. Том 1.Парадигматика.* Языки славянских культур. Москва.

Булыгина Т.В. 1982 К построению типологии предикатов в русском языке // С*емантические типы предикатов. – М., 1982.*

Зализняк Анна А., Микаэлян И.Л., Шмелёв А.Д. (2015) *Русская аспектология: В защиту видовой пары*. М.: Языки славянской культуры (Studia philologica) – 350 с.

Падучева, Е.В. 1996а. *Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива.* – М.: Языки русской культуры. 1996. – 464 с.

O KRITERIJIMA RAZGRANIČENJA MEDIJALNIH I PASIVNIH *SE*-KONSTRUKCIJA

BRANIMIR BELAJ (HRVATSKA)
Filozofski fakultet Sveučilišta Josipa Jurja Strossmayera u Osijeku
bbelaj@ffos.hr

Unatoč činjenici što je hrvatski jezik jedan od jezika s izrazito razvijenim sustavom medijalnih značenja, pogotovo onih s česticom *se* kao prototipnim medijalnim označivačem [3], u hrvatskim se gramatikama (osim u [2]: 292) medijal odnosno medijalno stanje uopće ne spominje. Rijetko se spominje i u znanstvenim raspravama, a kada se to i čini (npr. [9]: 175–177, [1] : 64–65), medijalnim se konstrukcijama smatraju isključivo prototipne generičke ili habitualizirane konstrukcije tipa *Krumpir se kuha pola sata*, *Nafta se prevozi tankerima* i sl. S druge strane *se*-pasiv ili refleksivni pasiv nezaobilazna je kategorija u svim našim gramatikama i znanstvenim raspravama posvećenima pitanjima dijateze. Razloge tomu treba prije svega tražiti u interkategorijalnom statusu medijala kao 'srednjega' stanja različitoga i od prijelaznih dvosudioničkih i od prototipnih neprijelaznih jednosudioničkih ili apsolutnih konstrukcija, a koje proizlazi iz njegova shematičnog značenja *niskoga stupnja elaboracije događaja* kao posljedice *niskoga stupnja razdvojivosti sudionika* ([5], a za hrvatski jezik usp. [3]) i na temelju kojega se medijalno značenje isprepliće s nizom različitih morfosintaktičkih *se*-konstrukcija (medijalnim glagolima, bezličnim i obezličenim konstrukcijama, pasivom), kod kojih je u većoj ili manjoj mjeri to značenje pristutno. O toj interkategorijalnoj i shematičnoj naravi medijala govori i [8]: 373 preopćenit pokušaj njegova definiranja kao stanja u kojem „the 'action or 'state' affects the subject of the verb or his interests“, a problematičan status medijala dobro uočava i [7]: 385:

> „Since the term applies to diverse constructions, and in some cases to elaborate families of constructions, any single characterization is bound to be oversimplified.“

U nastavku ćemo se ukratko posvetiti temeljnim kriterijima na osnovi kojih se na temelju nižega kod medijala i nešto višega stupnja razdvojivosti sudionika kod pasiva ta dva tipa konstrukcija u hrvatskom jeziku mogu razlikovati.

Osim spomenutih prototipnih generičkih konstrukcija tipa *Krumpir se kuha pola sata* i *Nafta se prevozi tankerima* medijalnima se mogu smatrati i *semigeneričke konstrukcije* obilježene ograničenim trajanjem radnje tipa *Ove se godine jabuke dobro prodaju*, kao i detematizirani *agentivni generički medijali* ili *agentivni apsoluti* tipa *On se stalno tuče*, kojima je zajedničko obilježje postojanje visokoshematičnoga aktanta u vidu agentivnoga argumenta

ili pak tematskoga kod agentivnih apsoluta, a čime se omogućuje topikalizacija čistoga procesa [3].

Kao i spomenute prototipne medijalne i pasivne *se*-konstrukcije obilježene su topikalizacijom procesa, što je posljedica već spomenutoga shematičnoga značenja prisutnoga kod svih *se*-konstrukcija. Dobro se to vidi usporedi li se značenje *se*-pasiva sa značenjem prototipnoga perifrastičnog pasiva. Naime kod perifrastičnoga pasiva kudikamo su češće konstrukcije sa svršenim glagolima, a svršenost i teličnost događaja jedno su od važnih obilježja prototipnih prijelaznih scenarija [4], [10], [2], koji su pak ili izravno profilacijom u aktivu ili neizravno detopikalizacijom u pasivu obilježeni sviješću o postojanju agensa ili nekoga drugog tipa makrouloge vršitelja [11] kao pokretača radnje.[1] S druge strane *se*-pasivu imanentniji su glagoli nesvršenoga vida, čime se preko trajanja uz tematskoga aktanta topikalizira i sam proces. Niži stupanj razdvojivosti sudionika i posljedično viši stupanj topikaliziranosti samoga procesa kod *se*-pasiva u odnosu na perifrastični pasiv potvrđuje se i nemogućnošću kodiranja agensa jer je agens kao voljni ljudski vršitelj kognitivno dostupniji, čime se pak povećava stupanj razvedenosti događajne strukture.[2]

Dakle osim na prototipne konstrukcije obilježene habitualnim značenjem s visokoshematičnim vršiteljem koji uvjetuje topikalizaciju čistoga procesa medijalno se značenje proteže i na različite druge konstrukcije s reduciranom događajnom strukturom, a neke su od njih bliske pasivnima. No iako su i jedne i druge obilježene topikalizacijom procesa kao posljedicom niskoga stupnja razdvojivosti sudionika, topikalizacija je procesa u pasivu ipak nižega stupnja jer *se*-pasiv kao i druge pasivne konstrukcije ujedno jače topikalizira tematski aktant, čime se nedvosmisleno uspostavlja i odnos prema agentivnom aktantu odgovornom za radnju provedenu nad tematskim aktantom, a posljedično se i povećava stupanj razdvojivosti sudionika.

Temeljnim se dakle kriterijem razlikovanja medijalnih i pasivnih *se*-konstrukcija treba smatrati stupanj kognitivne dostupnosti agentivnoga aktanta. Što je on dostupniji odnosno u svijesti istaknutiji, konstrukcija će biti bliža pasivnoj interpretaciji i obrnuto. Prvi je čimbenik o kojem to ovisi izbor glagola. Tako će konstrukcije s glagolima tipa *popraviti*, *graditi* i sl., koji

[1] Ključno je ovdje razlikovati svijest o postojanju agentivnoga aktanta od njegove detopikalizacije kao komunikacijski nebitnoga.

[2] Kod *se*-pasiva moguće je kodirati samo ne-voljni agens (npr. *Stadion se puni* ***gledateljima***), efektor (npr. *Bunari se pune* ***podzemnim vodama***) ili pak sredstvo s podrazumijevanim, ali neizrečenim agensom (npr. *Čaše se pune* ***vinom***).

ni pod kojim uvjetima ne dopuštaju samouzročnu[3] interpretaciju, nedvojbeno biti pasivne zbog obvezne aktivacije agentivnoga aktanta, usp. (1–2):

(1) *Vrata su se brzo **popravila***.
(2) *Most se **gradi** već dvije godine*.

S druge strane konstrukcije s glagolima koji dopuštaju samouzročnu interpretaciju mogu varirati u rasponu od apsolutnih preko mediopasivnih do pasivnih, čime se opet potvrđuje narav medijala kao srednjega stanja i u samoj kategoriji neprijelaznih konstrukcija, usp. (3–5):

(3) *Vrata su se **otvorila***.
(4) *Vrata su se **naglo otvorila***.
(5) *Vrata su se **otvorila ključem***.

U (3) je riječ o apsolutnoj samouzročnoj konstrukciji; u (5) nedvojbeno o pasivnoj zbog kodiranoga sredstva koje podrazumijeva kognitivnu prisutnost agensa, dok (4) predstavlja interkategorijalno medijalno značenje jer adverbijalni modifikator u izvornoj domeni lanca radnje utječe na realnost i razvedenost događaja [2], čime se povećava svijest o potencijalnom vršitelju. Tada se značenje konstrukcije približava pasivu, odnosno najpreciznije je reći da se radi o prijelaznoj kategoriji *mediopasivnih* konstrukcija. Da je riječ o značenju izrazito bliskom pasivu, vidi se po tome što takve konstrukcije rijetko dolaze samostalno; one naprosto često zahtijevaju širi kontekst,[4] tipa *Vrata su se naglo otvorila i pas je ušao u sobu*, iz kojega je vidljivo da je za provođenje radnje odgovoran neki agentivni aktant.[5]

Osim glagola na razlikovanje apsolutnih, mediopasivnih i pasivnih konstrukcija utječe i izbor subjekta, o kojem također ovisi hoće li konstrukcija biti interpretirana kao samouzročna (6), mediopasivna (7) ili pasivna (8) jer i neki subjekti uz određene glagole licenciraju samouzročnu interpretaciju, a neki pak ne.

(6) ***Čaša** se razbila.*
(7) ***Čaša** se lako razbila*.
(8) *Razbila se **teroristička mreža***.

[3] Samouzročnost se ovdje shvaća u kontekstu komunikacijski relevantnije autonomne konceptualizacije. Zavisnom konceptualizacijom uvijek se i u apsolutnim konstrukcijama tipa *Vrata su se otvorila* može pretpostaviti neki apstraktniji uzročnik (npr. *propuh*, *kvar* i sl.). Ta je distinkcija u kognitivnoj gramatici poznata pod nazivom *A/D alignment* [6]: 289.

[4] Širi kontekst, razumije se, i konstrukcije tipa (5) može iz domene apsolutnih pomaknuti u domenu pasivnih, npr. *Vrata su se otvorila i u kuću su ušli lopovi*.

[5] Mogu se takve konstrukcije smatrati i čistim medijalima, kako to čini [7]:385, no zbog navedenih razloga smatram da je preciznije govoriti o mediopasivu.

Medijalna značenja dakle svoju narav srednjega stanja u hijerarhiji neprijelaznih konstrukcija potvrđuju svojim statusom između apsolutnih neprijelaznih i pasivnih konstrukcija, a koje su pak s obzirom na visok stupanj kognitivne prisutnosti vršitelja najbliže prijelaznim aktivnim konstrukcijama [3]:

[[INTR. *apsolut/tematski proces* > ***generički medijal*** > ***agentivni generički medijal*** > ***semigenerički medijal*** > ***mediopasiv*** > *pasiv*] > [TRAN. *aktiv*]]

LITERATURA

[1] Batinić Angster, Mia. 2020. *Rečenična anafora: Morfologija i sintaksa povratnih imenskih izraza u hrvatskom i talijanskom jeziku*. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.

[2] Belaj, Branimir; Tanacković Faletar, Goran. 2017. *Kognitivna gramatika hrvatskoga jezika,* Knjiga druga. *Sintaksa jednostavne rečenice*. Zagreb: Disput.

[3] Belaj, Branimir 2024. Croatian middle *se*-constructions. U: *The verbal kaleidoscope: Perspectives on the syntax and semantics of verbs.* [ur. Batinić Angster, Mia; Angster,vMarco] Zadar: Sveučilište u Zadru / Morepress, 93–132.

[4] Hopper, Paul J.; Thompson, Sandra A. 1980. Transitivity in Grammar and Discourse. *Language*, 56(2), 251−299.

[5] Kemmer, Suzanne 1993. *The Middle Voice*. (Typological Studies in Language 23). Amsterdam: John Benjamins.

[6] Langacker, Ronald W. 1991. *Foundations of Cognitive Grammar, vol. II*. Stanford, California: Stanford University Press.

[7] Langacker, Ronald W. 2008. *Cognitive Grammar*. *A Basic Introduction*. Oxford: Oxford University Press.

[8] Lyons, John. 1969. *Introduction to theoretical linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.

[9] Oraić Rabušić, Ivana. 2018. *Struktura povratnih glagola i konstrukcije sa se u hrvatskome jeziku*. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.

[10] Rice, Sally. A. 1987. *Towards a cognitive model of transitivity*. PH.D. dissertation, San Diego: University of California.

[11] Van Valin, Robert D. Jr.; LaPolla, Randy J. 1997. *Syntax, structure, meaning and function*. Cambridge: Cambridge University Press.

SUR L'UTILISATION ET LA FONCTION DE « SOBIE » EN POLONAIS FAMILIER PAR RAPPORT AU TCHEQUE « SI »

PETER KOSTA (ALLEMAGNE)

Dans le cadre d'une description générative fonctionnelle, cet exposé aborde la question des actants obligatoires et des déclarations facultatives d'arguments et de quasi-arguments dans les langues polonaise et tchèque courantes. En contraste avec les nombreuses fonctions attribuées aux pronoms en polonais et en tchèque, notamment les fonctions discursives, grammaticales et systématiques, le pronom datif « sobie » en polonais et « si » en tchèque ne remplit pas uniquement ces fonctions bien connues. Parmi ces fonctions, on peut citer l'utilisation réfléchie.

(1) *Koncentrując się, zacisnął z wysitku powieki, a potem uświadomił **sobie**, że musi mieć oczy otwarte, żeby ocenić efekt.*
'Se concentrant, il serra les paupières, puis **se** rendit compte qu'il devait garder les yeux ouverts pour évaluer l'effet.'
(2) *Soustředil se tak usilovně, že zamhouril oči, ale pak **si** uvědomil, že pokud chce posoudit výsledek, bude je muset otevřít.*
'Il se concentra si fort qu'il ferma les yeux, mais il **se** rendit compte que s'il voulait evaluer le resultat, il allait devoir les rouvrir.'

Il est fréquent que les pronoms datifs complets ne se manifestent pas de manière réflexive, mais plutôt dans le cadre d'un énoncé facultatif. Selon la terminologie de Fillmore (1971) et Chomsky (1981), comme l'ont démontré Kosta (2020, 2021, 2023), ces pronoms jouent un rôle thématique, à savoir celui de bienfaiteur.

(3) *Richard wziął głęboki oddech i spokojnie wrócił do Londynu, spokojnie wszedł do domu, spokojnie wspiął się na górę, usiadł na sofie, pociągnął **sobie** solidną dawkę brandy i trząsł się jak głaz.*
'Richard prit une profonde inspiration et retourna calmement à Londres, entra tranquillement dans la maison, monta calmement à l'étage, s'assit sur le canapé, but une bonne gorgée de brandy **pour lui** remettre les idées en place et trembla comme un os.'
(4) *Richard se zhluboka nadechl a v klidu se vrátil do Londýna, v klidu vešel do domu, v klidu přelezl pohovku, posadil se nalil **si** pořádnou dávku brandy a roztřásl se jako osika.*

'Richard prit une profonde inspiration et retourna calmement à Londres, entra tranquillement dans la maison, enjamba calmement le canapé, s'assit, **se** servit une bonne dose de brandy et se mit à trembler comme une feuille.'

En outre, leur prévalence s'accroît dans l'usage quotidien de la langue polonaise, où ils assument une fonction pragmatique et communicationnelle, en tant que vecteurs de préoccupation émotionnelle et d'intérêt particulier. En outre, il convient de mentionner l'existence de fonctions discursives, parmi lesquelles le marquage en relief par Figure-Ground se distingue.

Dans une récente publication, Piotr Wyroślak (2022) a mis en exergue que les datifs pronominaux ne sauraient être réduits à leur rôle thématique de bienfaiteur. Son approche

cognitivo-linguistique (fondée sur les travaux de Lakoff et Langacker) met en exergue la fonction de l'arrière-plan et du premier plan, ainsi que de nombreuses autres propriétés discursives, que nous aborderons également dans le présent exposé.

Il sera fourni des preuves issues des plus grands corpus de langues vernaculaires polonaises et tchèques. Cette contribution s'appuie sur une multitude d'exemples tirés du corpus NKJP (Narodowy korpus języka polskiego) et du ČNK (Český národní korpus ORAL), y compris les textes parallèles. Cette étude s'attache à démontrer la grande productivité du pronom datif dans la syntaxe émotionnelle et expressive des dialogues parlés polonais, signalant ainsi l'implication émotionnelle du locuteur. D'un point de vue linguistique, il est devenu clair que de tels datifs sont généralement omis dans les traductions vers une langue telle que l'allemand, le français ou l'anglais, ou sont compensés par d'autres méthodes de traduction (comme la compensation linéaire au sens de Kosta 1986).

> (5) *AGNIESZKA Wiesz… Przypomniało mi się… jak to było w redakcji…. Byłam* ***sobie*** *takim śmiesznym gońcem… I kiedy Kamińska mnie poprosiła o nagranie rozmowy z Jolką… Wiesz, jaka byłam dumna. A potem Elżbieta mnie pochwaliła, że zadawałam otwarte pytania. uśmiecha się I jak Paweł mi tłumaczył, że najważniejsze, to…*
> 'AGNIESZKA Tu sais… Ça m'a rappelé… comment c'était à la rédaction… J'étais **une sorte de** coursier ridicule… Et quand Kamińska m'a demandé d'enregistrer une conversation avec Jolka… Tu sais, j'étais tellement fière. Et puis Elżbieta m'a félicitée d'avoir posé des questions ouvertes. Elle sourit. Et Paweł m'a expliqué que le plus important, c'était…'
> (https://nkjp.pl/poliqarp/nkjp300/query/8/https://nkjp.pl/poliqarp/nkjp300/query/8/)

Dans le cadre de nos recherches, nous nous penchons sur les perspectives offertes par l'étude de la syntaxe de la conversation parlée. Une récente étude a porté sur la syntaxe du langage quotidien spontané, avec un focus sur les tours de parole dans la prise de parole et le rôle des éléments initiateurs de tour (voir Kosta, 2023) dans la conversation quotidienne. Il ressort de cette analyse que le domaine de la syntaxe parlée représente une lacune dans les recherches actuelles. Comme le souligne l'un des théoriciens les plus éminents du dialogue dans la quatrième de couverture de l'ouvrage, l'exploration d'éléments syntaxiquement apparemment superflus, insignifiants, voire facultatifs, est donc indispensable.

SOURCES ET LITTERATURE

ČNK = Český národni korpus ORAL, https://ucnk.ff.cuni.cz/cs/

NKJP = Narodowy korpus języka polskiego, https://nkjp.pl

Kosta, Peter (1986) Probleme der Švejk-Übersetzungen in den west- und südslavischen Sprachen. Linguistische Studien zur Translation literarischer Texte. München: Sagner (Doktordissertation) (SPS Supplementband 13).

Kosta, Peter (2023) Turn Initiating Elements in Everyday Conversations: Conversational Analysis and Radical Minimalism at the Syntax-Semantic Interface. Lexington, Maryland, USA: Rowman & Littlefield, 2023 Lexington Books.

Szupryczyńska, Maria (1992) Le datif du pronom réfléchi en polonais contemporain. In: Revue des Études Slaves 64(4). 651–664.
Wyroślak, Piotr (2022) No big deal: Situation-backgrounding uses of the Polish dative reflexive pronoun sobie/se. In: GCLA 2022; 10: 77–98. https://doi.org/10.1515/gcla-2022-0005.

DISTRIBUTIVE PHRASEMES WITH INTERROGATIVE PRONOUNS IN EAST SLAVIC LANGUAGES

VALENTINA APRESYAN (USA)
Dartmouth College

MIKHAIL KOPOTEV (FINLAND)
University of Helsinki / Stockholm University

1. Structure of pronominal distributives

This study presents a corpus-based analysis of pronominal distributive constructions in Belarusian, Russian, and Ukrainian. The data come from the Russian National Corpus, including the Main Corpus and the parallel Ukrainian and Belarusian corpora (ruscorpora.ru), as well as the Ukrainian corpus GRAC (uacorpus.org), the National Corpus of the Belarusian Language (bnkorpus.info), and three Sketch Engine corpora: ruTenTen2017, ukTenTen22, and beTenTen2020[1].

Constructions such as Belarusian *хто куды*, *калі як*, *хто пра што*; Russian *кто куда*, *когда как*, *кто о чём*; and Ukrainian *хто куди*, *коли як*, *хто про що* are composed of two interrogative pronouns and convey the meaning 'different Xs are characterized by different Ys.' In terms of their syntactic, semantic, and pragmatic properties, these constructions are distinct from indirect questions, e.g., Bel. *Я многіх ведаю і бачу, хто як будуе*; Rus. *Не знаю, кто куда поедет*; Ukr. *І вже знає, хто чим займається, хто про що думає, хто чого хоче*. They are also different from quasi-relatives, such as Bel. *Скідваліся, хто колькі мог*; Rus. *Скидывались, кто сколько мог*; Ukr. *Здавали, хто скільки міг*.

Russian distributive constructions have been described in detail in the works of Kustova (2016), Dobrovolskij & Kustova (2021), and V. Apresyan & Kopotev (2022). Close counterparts exist in Belarusian and Ukrainian, though they have not yet received sufficient linguistic attention.

A notable syntactic feature of Russian distributives is that, in neutral word order, the predicate precedes the pronominal phrase. For instance, one can say *Разбежались кто куда*, but not **Кто куда разбежались*. The latter is acceptable only in colloquial speech when supported by appropriate context, such as *—Куда разбежались? —Да кто куда разбежались*. In contrast, indirect questions permit a postposed predicate, e.g., *Я не знаю, что где* or *Я не знаю, что где лежит*. To the contrary, quasi-relatives require it: *Берите мороженое кто сколько хочет*, but not **Берите мороженое кто сколько*.

Interestingly, this constraint is much stricter in Russian than in Belarusian and Ukrainian. Although in Belarusian and Ukrainian distributives, the predicate typically

[1] In all cases, the original spelling has been preserved.

precedes the pronouns, there are quite a few examples where it is located in the postposition: Bel. *Хто як называе гэту смачную страву*, Ukr. *Хто про що дбає*. Since Russian distributives with fixed word order became fully established only in the 19th century, it is reasonable to assume that similar processes unfolded in Ukrainian and Belarusian in a somewhat different and less rigid manner.

Intonationally, distributives differ from indirect questions and quasi-relatives in that the second pronoun bears the primary stress (e.g., *Разбежались кто КУДА*). In indirect questions and quasi-relatives, both pronouns tend to share equal prosodic status, and the entire verb phrase is typically stressed: *Я не знаю, КТО КУДА ПОЕДЕТ* (indirect question), *Подайте КТО СКОЛЬКО МОЖЕТ* (quasi-relative).

While indirect questions and quasi-relatives can involve a wide range of pronoun combinations, distributives exhibit limited combinatorial patterns. The most frequent distributive constructions in Russian are *кто куда*, *кто где*, *кому что*, *кто о чём*, *кому как*, and *когда как*.

Typically, the first pronoun (*кто*) indicates the subject of the situation, while the second pronoun represents a key parameter such as direction (*куда*), location (*где*), object of transfer (*что*), topic (*о чём*), or opinion (*как*). These patterns align with standard Russian word order (Subject—Predicate) and common predicate classes such as motion, location, transfer, speech, and mental verbs. The sole idiomatic exception is *когда как*, which functions adverbially with the meaning ‘It varies, it depends, sometimes’.

Reversed word order is rare, not only in distributives, but also in indirect questions and quasi-relatives. For example, in ruTenTen2017, *кто куда* appears 5,714 times, compared to just 5 instances of *куда кто*.

In Belarusian and Ukrainian, bipronominals demonstrate similar syntactic and semantic preferences; compare the frequencies of *хто кудысь* vs. *кудысь хто* in the Belarusian corpus beTenTen2020 (101 vs. 1), or *хто куди* vs. *куди хто* in the Ukrainian corpus ukTenTen2022 (540 vs. 4).

Nevertheless, Belarusian and Ukrainian distributives show less rigidity and greater variability than their Russian counterparts. Consider the expression *кому как* (‘depends on one’s point of view, different people have different opinions and tastes’): in Russian, *кому как* is far more frequent than *как кому* (19,306 vs. 3,816 in ruTenTen2017).

In contrast, the Ukrainian corpus ukTenTen2022 shows a more balanced distribution between *кому як* and *як кому* (5,222 vs. 3,402). The phrase *як кому* appears to be lexicalized with a distributive meaning of ‘depends on one’s point of view, different people have

different opinions and tastes' as in: *Наша група молоді побувала в Львівській опері, де ми подивилися балет "Білосніжка і сім гномів", не знаю як кому, але я дивилася з захватом*. Meanwhile, *кому як* more often appears as a realization of other constructions—such as indirect questions, quasi-relatives, or contrastives: *Кому як не вам знати, що краще для вашої дитини*. This usage also exists in Russian (*Кому как не вам знать, что лучше для вашего ребенка*). Only a few instances of *кому як* function as true distributives: *Кому як, а мені запах полину, як і піжми, подобається*.

The same tendency holds in Belarusian. The sequence *каму як* occurs 51 times in the beTenTen2020 corpus, while *як каму* occurs 39 times. However, the distributive meaning 'depends on one's point of view, different people have different opinions and tastes' is typically realized through *як каму*, whereas *каму як* tends to appear in other constructions: *Ня ведаю, як каму, а мне нязручна чытаць нашы білінгвістычныя газэты, у якіх тэксты па-руску перамяжаюцца з тэкстамі па-беларуску* (bipronominal distributive) but *Каму як не капітану адказваць за вынік у матчы* (contrastive). Only isolated examples of *каму як* exhibit distributive usage, such as: *Каму як, а мой Лаўрэн, каб і дзесяць меў хлопцаў, усіх выправіў бы на службу*.

2. Semantics of pronominal distributives

Pronominal distributives are predicative syntactic phrasemes in which a pair of pronouns expresses a distributive relationship—that is, the idea that different participants in a situation differ along some parameter of that situation. For example, *кто куда* means that different subjects are heading to different places; *кому что* indicates that different people are receiving different objects; *кто о чём* means that different people are talking about different topics, and so on. At the same time, the meaning of the construction includes a component of indeterminacy: the speaker does not specify exactly which parameter is realized in the actions of each participant. The absence of specific information in the utterance may be due either to the speaker's lack of knowledge, arising from the difficulty of tracking numerous participants, or to an unwillingness to share this information. See examples below:

(1) Bel.
Начальнік той Ярашэвіч адразу кінуўся на тэлефон, а мы памалу змыліся, хто куды (Васіль Быкаў. *У тумане* (1988))
(2) Rus.
В то время многие студенты брали на лето какую-нибудь работу и уезжали кто куда (Михаил Зощенко. *Находка (Лёля и Минька)* (1939))
(3) Ukr.
На березі зіб'ємо кайдани — і хто куди! (Володимир Малик. *Фірман султана* (1969))

A general semantic explication for all distributives is proposed as follows: ‘Different Xs are characterized by different Ys; the speaker either does not know or does not wish to specify which particular Xs are associated with which particular Ys.’

3. Syntactic and communicative properties of pronominal distributives

Syntactically, distributives function in three different ways. They can occur as post-verbal adverbials or as independent predicates: Bel. *У Мікашэвічах тут хто як*, *хто за Сьвятлану, хто не*; Rus. *Рабочие разошлись кто куда*; Ukr. *Члени редакції розійшлися хто куди*. They can form standalone utterances: Bel. *Для каго як!*; Rus. *Кому как!*; Ukr. *Хто як!* Finally, they can function as the first part of concessive-contrastive constructions: Bel. *Хто пра што, а я пра творчы складнік бібліятэкарскай прафесіі*; Rus. *Кто куда, а я домой*; Ukr. *Хто про що, а я про авторські права*.

Their communicative properties depend on their syntactic realization. When functioning as an independent predicate or a post-verbal adverbial modifier, distributives form the focus, e.g., they convey new information. In the sentences such as Bel. *Разышліся хто куды*; Rus. *Разошлись кто куда*; and Ukr. *Розійшлися хто куди*, the verb functions as the topic (given information), while the pronominal group specifies the new information.

As standalone replies, distributives follow a slightly different communicative pattern: new information is concentrated in the second element of the distributive, while the first element echoes the topic of the preceding utterance, which is often a question. Compare, for example, the Russian dialogue *Куда они разошлись? — Кто* (topic) *куда* (focus). Belarusian and Ukrainian constructions of this type function analogously.

As the first part of a concessive-contrastive sentence, the distributive serves as a kind of cleft-like construction, with the contrastive topic and focus moved to the front, anticipating the contrast in the second clause: Bel. *Хто куды, а я — у бібліятэку*, Rus. *Кто куда, а я домой*, Ukr. *Хто куди, але я в сільпо*. Fronting the distributive in this way performs an important discursive function: it signals the contrastive meaning of the main statement and highlights its informational structure.

As mentioned earlier, distributive constructions are possible with different pronouns, but in practice their frequency is restricted by both semantic and pragmatic constraints. Only a limited number of realizations occur frequently in usage, and these have undergone a degree of idiomatization, becoming lexicalized markers of specific situations. These more frequent, salient realizations are shared across the languages studied, confirming that their idiomatization is not accidental.

4. Most frequent realizations according to corpus data

This section presents usage patterns for all possible variants of the constructions in the three East Slavic languages. We automatically extracted all possible combinations of pronominal pairs from the three largest corpora: Belarusian National corpus, Russian ruTenTen, and Ukrainian GRAC. The search query included pronominal lemmas in both adjacent and distant positions (as in cases like Rus. *кто за кем*) positions. The retrieved material contained many irrelevant examples and therefore required manual verification, which is also done[2].

Heatmaps based on this data allow us to generalize some key observations. First, the relative frequency of these constructions, measured in instances per million (ipm), differs across the three languages: they appear most frequently in Belarusian, slightly less often in Russian, and even less in Ukrainian.

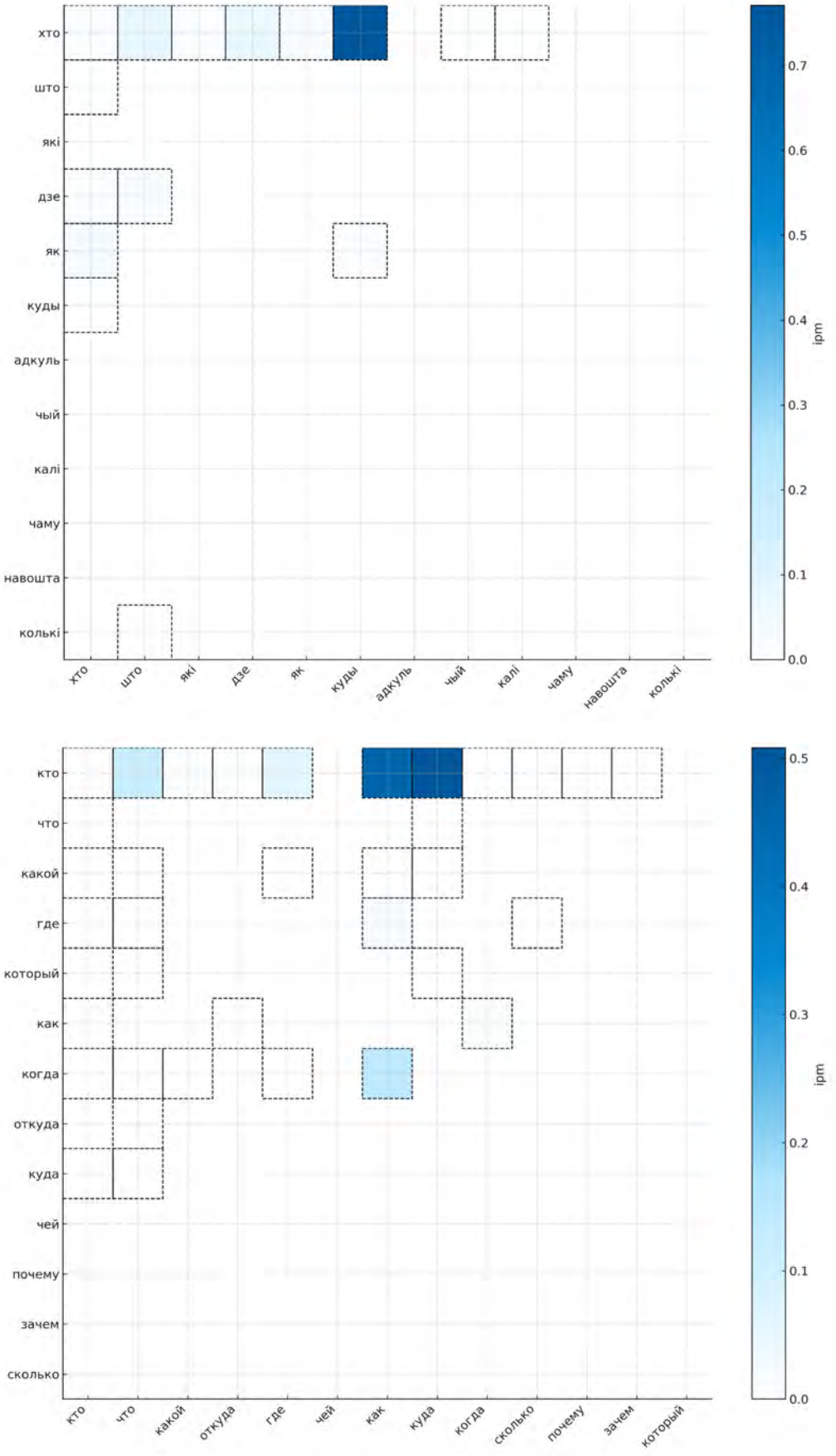
Second, despite differences in the choice of the pronoun, the most frequent constructions in each language are cognates: *хто кудыˊ*, *кто куда*, and *хто куди* in Belarusian, Russian, and Ukrainian, respectively. Additionally, the Russian language features a highly frequent lexical idiom *кому как*, which does not show the same degree of idiomatization in the other two languages.

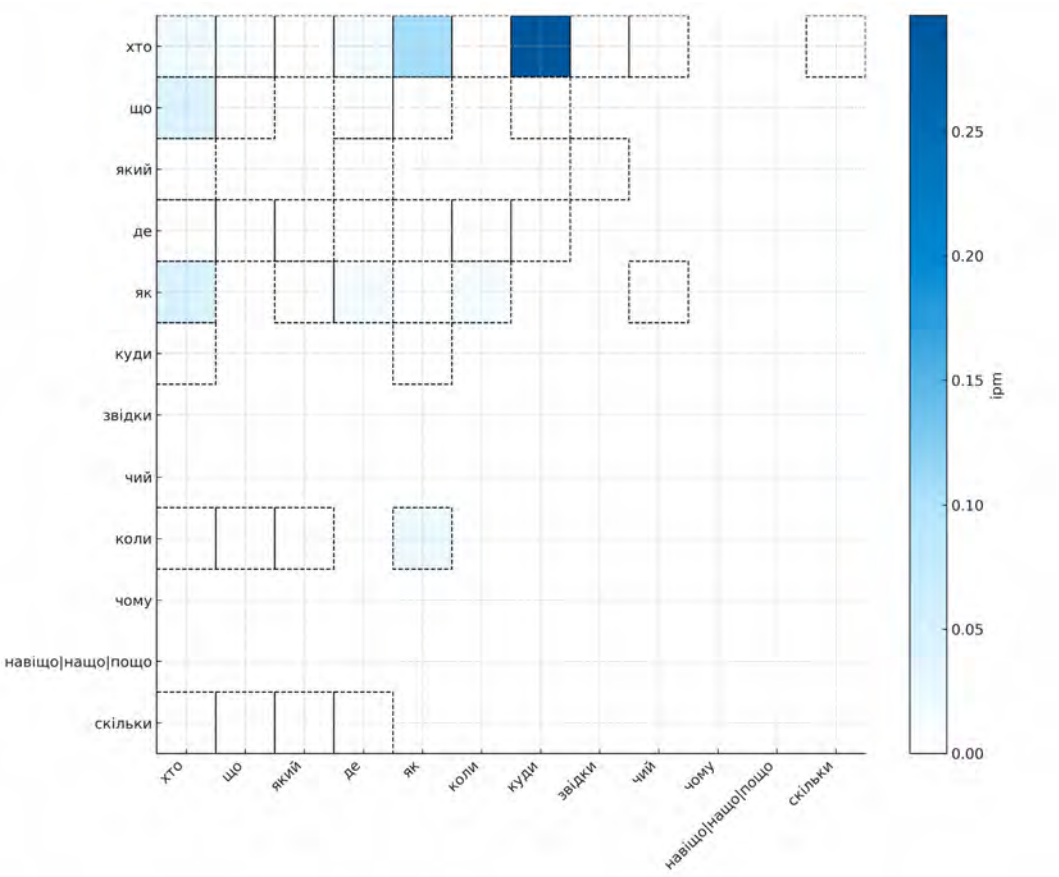
Finally, the range of variation is greatest in Ukrainian (39 variants) and Russian (34 variants). Belarusian exhibits only 15 variants of the construction. In Belarusian, the most frequent combinations of pronominal lemmas are *хто кудыˊ*, *хто што*, *як хто*, *дзе што*; in Russian: *кто куда*, *кто как*, *когда как*, *кто что*, *кто где*; in Ukrainian: *хто куди*, *хто де*, *як хто*, *коли як*, *хто хто*. Naturally, pronouns can occur in various case forms, and certain case variants are more frequent than others; cf., for example, *як каму*, *кому як, як кому*.

.

[2] All tables and heatmaps in higher resolution are available at the following link: https://zenodo.org/record/6563270

Figure 1. Relative frequency of Belarusian, Russian, and Ukrainian distributive phrasemes (ipm; non-zero values are marked with dashed lines)





5. Conclusion

The analysis of distributive bi-pronominal constructions in Belarusian, Russian, and Ukrainian shows that they form a stable family of constructions with both shared features and language-specific characteristics. At the core of all such constructions lies the semantics of distributing the parameters of a situation across different participants, expressed through a pair of interrogative pronouns. Structurally, these constructions exhibit a strong preference for a fixed pronoun order, especially in Russian. Both the rigidity of this order and the difficulty of placing the predicate after the pronominal phrase without contextual support point to a high degree of idiomatization. In Belarusian and Ukrainian, distributives show greater syntactic flexibility: postposed predicates are possible, as is inverted predicate-pronoun order. The syntactic behavior of distributives varies: they can function as independent utterances, components of a predicative phrase, or parts of concessive-contrastive constructions, fulfilling different communicative roles depending on their syntactic realization. Corpus data confirm the limited set of pronominal pairs that form stable distributives. This limitation stems less from the semantics of the pronouns themselves and more from the overall set of situations that these constructions tend to describe. The frequency of specific realizations varies across

languages and individual corpora. However, even given these frequency differences, there is a clear trend toward lexical idiomatization of certain combinations—most notably, constructions such as *кто куда* / *хто куди* / *хто куды*.

REFERENCES

Apresyan & Kopotev (2022): Апресян В. Ю., Копотев М. В. (2022). Автономные дистрибутивные конструкции в русском языке. *Вопросы языкознания*, 4: 115–142.
Kustova (2016): Кустова Г. И. (2016). Дистрибутивные биместоименные конструкции типа *кто куда*. *Диалог: Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*, 15(22): 355–369.

Dobrovolskij & Kustova (2021): Добровольский Д. О., Кустова Г. И. (2021). Русские дистрибутивные конструкции типа *кто куда*: когнитивные стереотипы и межъязыковые соответствия. *Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности: Сборник статей к 70-летию академика А.М. Молдована*, Москва — Санкт-Петербург: Нестор-История, 2021, 357–378.

SUPPLEMENTARY CLAUSES WITH EMPHASIS ON THE CONJUNCTION *KI* AND CRITERIA FOR THEIR DETERMINATION

DEJAN GABROVŠEK, DOMEN KRVINA (SLOVENIA)
ZRC SAZU, Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša
dejan.gabrovsek@zrc-sazu.si, DKrvina@zrc-sazu.si

The article focuses on supplementary clauses (non-restrictive relative clauses) in Slovene introduced by the conjunction *ki*. It outlines their distinguishing features, such as facultativity, non-restrictiveness, not being part of the matrix clause, which means these clauses contrast with subordinate clauses in their structure and meaning. The article tries to differentiate supplementary clauses through criteria like the absence of pronominal correlative, sufficient determination with proper nouns and seemingly doubling of syntactic functions. All the conclusions are drawn from the corpus data (the corpora Gigafida 2.0, KAS, Gos), which highlight different shares of supplementary clauses with the conjunction *ki*: from about half in Gigafida to a maximum 10% in KAS and Gos.

REFERENCES

Portal Fran. Na spletu.
Korpus Gigafida 2.0 v orodju NoSketch Engine. Na spletu.
Referenčni korpus govorjene slovenščine Gos 2.1 v orodju NoSketch Engine. Na spletu.
Korpus KAS v orodju NoSketch Engine. Na spletu.
Korpus KDSP v orodju NoSketch Engine. Na spletu.
Korpus KZB v orodju NoSketch Engine. Na spletu.
Primož TRUBAR, 1557: *TA PERVI DEIL TIGA NOVIGA TESTAMENTA*. Tübingen. Na spletu.
Fran WIESTHALER, 2024: *Latinsko-slovenski slovar*. Na spletu.

Carl BACHE, Leif KVISTGAARD JAKOBSEN, 1980: On the distinction between restrictive and non-restrictive relative clauses in modern English. *Lingua* 52/3–4. 243–67. https://doi.org/10.1016/0024-3841(80)90036-4.
Branimir BELAJ, Goran TANACKOVIĆ FALETAR, 2020: *Kognitivna gramatika hrvatskoga jezika. Sintaksa složene rečenice*. Zagreb: Disput.
Mislav BENIĆ, 2024: Odnosna rečenica: semantički pristup. *Jezikoslovlje* 25/1. 1–68. https://doi.org/10.29162/jez.2024.1.
Mislav BENIĆ, 2025: *Entitetske odnosne rečenice u osječkom govoru*. Zagreb: Institut za hrvatski jezik.
Wayles BROWNE, 1986: *Relative Clauses in Serbo-Croatian in Comparison with English*. Zagreb: Institute of Linguistics.
Robert CAZINKIĆ, 2000: Oziralni prilastkovi odvisniki. *Jezik in slovstvo* 46/1–2. 29–40.
Nigel FABB, 1990: The difference between English restrictive and nonrestrictive relative clauses. *Journal of linguistics* 26/1. 57–77. https://doi.org/10.1017/S0022226700014420.
Dejan GABROVŠEK, 2018: Podredno izraženi protivnost in pojasnjevalnost. *Jezik in slovstvo* 63/2–3. 50–7.
Dejan GABROVŠEK, 2019: Tipologija nestavčnočlenskih nematičnih dopolnil. *Jezikoslovni zapiski* 25/2. 83–96. https://doi.org/10.3986/JZ.25.2.5.
Dejan GABROVŠEK, 2023a: *Slovenska zložena poved z vidika stopenj odvisnosti: Doktorsko delo*. Ljubljana.
Dejan GABROVŠEK, 2023b: Vloga odnosnice v slovenski podredno zloženi povedi. *Jezik in slovstvo* 68/3. 43–55. https://doi.org/10.4312/jis.68.3.43-55.

Dejan GABROVŠEK, 2024a: Criteria for Subordination in Slovenian Multi-Clause Sentences. *Jezikoslovlje* 25/1. 69–95. https://doi.org/10.29162/jez.2024.2.
Dejan GABROVŠEK, 2024b: Backwards Anaphora and Backwards Ellipsis in Slovenian Multi-Clause Sentences. *Slovenski jezik – Slovene Linguistic Studies* 16. 111–37. https://doi.org/10.3986/16.1.05.
Dejan GABROVŠEK, 2024c: Criteria for Coordination in Slovenian Multiclause Sentences. *Slavistica Vilnensis* 67/1. 67–86. https://doi.org/10.15388/SlavViln.2024.69(1).5.
Dejan GABROVŠEK, 2025: Vrstni red stavkov v slovenski večstavčni povedi. *Jezik in slovstvo* 70/2. V tisku.
Dejan GABROVŠEK, Andreja ŽELE, 2019: Tipologija stavčnočlenskih odvisnikov v slovenščini. *Slavistična revija* 67/3. 487–507.
Jožica GELB, 1969: Podredje v vlogi priredja. *Jezik in slovstvo* 14/5. 137–9.
Giorgio GRAFFI, 2017: What are 'Pseudo-Relatives'? *Di tutti i colori Studi linguistici per Maria Grossmann*. Ur. Roberta d'Alessandro et al. Utrecht University Repository. 115–31.
Rodney HUDDLESTON et al., 2002: *The Cambridge grammar of the English language*. Cambridge: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/9781316423530.
Silvo KOPRIVA, 1989: *Latinska slovnica*. Maribor: Obzorja.
Snježana KORDIĆ, 1995: *Relativna rečenica*. Zagreb: Hrvatsko filološko društvo, Matica hrvatska.
Domen KRVINA, Andreja ŽELE, 2018: Vezniki: poskus opredelitve njihove vloge v slovenskih zloženih povedih. *Jezikoslovni zapiski* 24/1. 7–25. https://doi.org/10.3986/JZ.24.1.6929.
Domen KRVINA, Špela PETRIC ŽIŽIĆ, 2024: The Relation Between the Composition of Corpora (Genre Balance and Representativeness) and Their Reliability in Compiling General Explanatory Dictionary. *Slovenski jezik / Slovene Linguistic Studies* 16. 149–76. https://doi.org/10.3986/16.1.07.
Qi LIAO, Chenguang CHANG, 2024: Unraveling the logical status of sentential relative clauses in English: Constructing a multifunctional framework. *Lingua* 308. https://doi.org/10.1016/j.lingua.2024.103775.
Rudy LOOCK, 2010: *Appositive relative clauses in English: discourse functions and competing structures*. Amsterdam: John Benjamins B.V.
Dafne MARKO, Damjan POPIČ, 2015: Restriktivnost in oziralni relativniki v slovenskem jeziku. *Pravopisna razpotja: razprave o pravopisnih vprašanjih*. Ur. Helena Dobrovoljc, Tina Lengar Verovnik. Ljubljana: Založba ZRC. 317–30. https://doi.org/10.3986/9789610504429_25.
Janez OREŠNIK, 1992: *Udeleženske vloge v slovenščini*. Ljubljana: SAZU.
Jan PETR et al., 1987: *Mluvnice češtiny 3*. Praga: Academia.
Предраг ПИПЕР et al., 2018: *Синтакса сложене реченице у савременом српском језику*. Нови Сад, Београд: Матица српска, Институт за српски језик САНУ.
[Predrag PIPER et al., 2018: *Sintaksa složene rečenice u savremenom srpskom jeziku*. Novi Sad, Beograd: Matica srpska, Institut za srpski jezik SANU.]
Breda POGORELEC, 2021: *Veznik v slovenščini*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU. https://doi.org/10.3986/9789610505280.
Anna POMPEI, 2011: Relative clauses. *Volume 4 Complex Sentences, Grammaticalization, Typology*. Ur. Philip Baldi, Pierluigi Cuzzolin. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton. 427–548. https://doi.org/10.1515/9783110253412.427.
Randolph QUIRK et al., 1985: *A Comprehensive Grammar of the English Language*. New York: Longman.
Mojca SMOLEJ, 2018: Skladenjske konstrukcije med podredjem in priredjem. *Slovenščina 2.0* 6/2. 186–205. http://dx.doi.org/10.4312/slo2.0.2018.2.186-205.
Barbara SONNENHAUSER, 2013: Relative clauses in Slovene: diachronic puzzles, synchronic patterns. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. Ur. Stefan Michael Newerkla, Fedor B. Poljakov. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 150–87.
Anton SOVRÈ, 1939: Oziralni odvisnik – sintaktični omnibus. *Slovenski jezik* 2. 88–102.
Jože TOPORIŠIČ, 1982: *Nova slovenska skladnja*. Ljubljana: DZS.
Jože TOPORIŠIČ, [4]2004: *Slovenska slovnica*. Maribor: Obzorja.
Andreja ŽELE, 2001: *Vezljivost v slovenskem jeziku*. Ljubljana: ZRC SAZU. https://doi.org/10.3986/9616358359.

Andreja ŽELE, 2013: *Slovenska besedilna skladnja z jezikovnosistemskega vidika – temeljni pojmi*. Samozaložba.
Andreja ŽELE, 2016a: Odvisniki v slovenščini: vsebinski odvisniki in nepravi prislovnodoločilni odvisniki. *Slavistična revija* 64/2. 81–94.
Andreja ŽELE, 2016b: O razlikah med priredno in podredno izraženim razmerjem. *Jezikoslovni zapiski* 22/2. 31–43. https://doi.org/10.3986/JZ.22.2.6972.

ВАЛЕНТНОСТИ ДВИЖЕНИЯ

Сильвия Сабарине (Венгрия)
Сегедский университет

Введение

В настоящей работе изучаются глаголы, выражающие движение в широком смысле[1]. Исследуемый корпус собран по материалу словаря МАС (Словарь русского языка в четырёх томах А.П. Евгеньевой (гл. ред.), 1981-1984). Важно отметить, что из этого материала выбраны не все глаголы, выражающие движение. В состав этого корпуса входят непереходные глаголы, без приставок. Собранный корпус насчитывает 100 глаголов. Эта совокупность представляется с точки зрения двух валентностей.

Валентность

В связи с понятием валентности обязательно упомянуть имя Л. Теньера (1988). Он считал глаголы подобными молекулам, которые имеют способности к связыванию. Относительно глаголов это значит систему обязательных дополнений.

На основе этого Л. Теньер выделил следующие группы глаголов:

- авалентные, например глаголы типа «*Идет дождь*». (фр. Il pleut.)
- моновалентные (или непереходные), например *путешествовать*;
- двухвалентные (или переходные), например *читать что-л.* ;
- трехвалентные, например *дать кому-л. что-л.*

По этой классификации глаголы движения можно считать моновалентными.

В русской лингвистике принято употреблять термин «валентность».

Первая валентность

Первая валентность означает семантические роли.

Что такое семантическая роль? Семантические роли выражают исполнителя или исполнителей движения. Они изучаются в разных областях лингвистики. Следует говорить о составе семантических ролей, определенном Ю.Д. Апресяным (2010). Он выделяет например следующие: *агенс, пациенс, бенефактив, экспериенцер, стимул, адресат, источник, цель*.

Однако, в собрании глагольного корпуса выявилось, что некоторые глаголы указывают на природную силу. Поэтому в данной работе учитывается набор

[1] В ходе нынешней работы, лексико-грамматический класс, состоящий из 14 пар глаголов типа *идти-ходить* не принимается во внимание.

семантических ролей, определенный в рамках структурной лингвистики (Komlósy 2015:327-328). Ниже даются определения 3 семантических ролей, которые являются необходимыми для характеристики первой валентности:

- *агенс*: активный, живой участник, используя свои собственные энергии;

- *природная сила*: участник данной ситуации, имея свою деятельность, на которую он не может повлиять;

- *пациенс*: участник, претерпевающий некоторые изменения в ходе действия.

Движение агенса

В движение агенса входит движение человека и животных. Формы их движений во многом совпадают, но имеются и некоторые различия между ними. Поэтому движение человека и животных представляются отдельно.

Движение человека

Отличительной чертой для человеческого движения является сознательность. Это не присуще движению животных. Поэтому следующие глаголы указывают исключительно на движение человека: *гулять*, *путешествовать*, *танцевать*.

Движение животных

Некоторые породы животных характеризуются движением по воздуху. Эта форма движения не присуща человеку (по крайней мере самостоятельно). Сюда относятся глаголы как например *кружиться*, *парить*, *порхать*.

Движение природной силы

Глагольный корпус свидетельствует о том, что следует учитывать и движение природной силы[2]. Природная сила как особая форма движения характеризуется внутренней силой. Сюда перечисляются с одной стороны, глаголы, выражающие движение осадок: *крапать*, *кропить*, *моросить*, с другой стороны глаголы, указывающие на движение ветра: *веять*, *вихриться*, *дуть*.

Движение пациенса

Пациенс - это пассивный субъект движения. В этом отношении предполагается «внешняя каузация». На это указывают глаголы с постфиксом -ся, как например *виться*, *волочься*, *вонзиться*, *дёрнуться*, *сочиться*, *сыпаться*. Человек также может быть пациенсом, к примеру, пользуясь транспортом (иногда и животным): *гарцевать*, *рысить*, *скользить*.

[2] Важно отметить, что при изучении уже упомянутого лексико-грамматического класса глаголов движения, природная сила как исполнитель движения не фигурирует.

Вторая валентность

В пределах второй валентности указывается на конечную точку, на маршрут и на место движения.

Указание на конечную точку движения

Под конечной точкой движения подразумевается, что движение совершается в одном направлении и что оно имеет конкретную цель. В связи с этим важно отметить, что в специальной литературе предполагается предвзятость к цели (goal-bias) глаголов движения (Stefanowitsch, 2018). Значит, глаголы движения чаще указывают на конечную точку, чем на исходную точку. На конечную точку движения указывают глаголы с предлогами как например *кидаться во что-л.*, *стремиться во что-л. / к чему-л.*

Указание на маршрут движения

Маршрут обозначает трассу, по которой происходит движение. Для выражения этого глаголы также употребляются с предлогами: *двигаться вдоль чего-л.*, *сочиться сквозь что-л.*

Указание на место движения

В вышеупомянутых формах выражения второй валентности указывалось на движение с направлением. В этом случае это не так. В качестве примеров представляются следующие глаголы с предлогами: *кишеть над чем-л.*, *роиться в чём-л.*

Итоги

В нынешней работе был представлен корпус глаголов, выражающих движение в широком смысле, значит за пределами глаголов типа *идти-ходить*. Глаголы были собраны по четырём томам словаря МАС (Словарь русского языка в четырёх томах А.П. Евгеньевой (гл. ред.), 1981-1984)).

После представления понятия валентности, собранный материал был исследован по двум типам валентности. В рамках первой валентности глаголы были охарактеризованы с помощью семантических ролей. Таким образом были выделены агенс, природная сила и пациенс. В пределах второй валентности были представлены глаголы движения, указывающие на конечную точку, на маршрут и на место движения.

Результаты показали, что стоит исследовать глаголы движения на более широком диапазоне, потому что они имеют разнообразные значения. Более того, разные формы группировок способствуют лучшему пониманию этих глаголов.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян, Ю.Д. (отв. ред.) (2010): *Теоретические проблемы русского синтаксиса*: Взаимодействие грамматики и словаря. М.: ЯСЛ.

Евгеньева, А.П. (гл. ред.) (1981-1984): *Словарь русского языка в четырёх томах*. Москва:« Русский язык»

Теньер, Л. (1988). *Основы структурного синтаксиса*. Москва

Komlósy A. (2015): Régensek és vonzatok. In: Kiefer F.(szerk.): *Strukturális magyar nyelvtan.1 Mondattan.* 274-486. http://www.nytud.hu/publ/smny/ mondattan.pdf

Stefanowitsch, A. 2018. The goal bias revisited: A collostructional approach. *Yearbook of the German Cognitive Linguistics Association* 6. 143–166.

КОНСТРУКЦИИ С ЛЕКСИЧЕСКИМ ПОВТОРОМ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ОСОБЕННОСТЬ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО СИНТАКСИСА

Михаил Копотев (Финляндия)
University of Helsinki / Stockholm University

1. Вступление

Повтор языковых элементов распространён во многих языках мира, особенно часто он встречается в словообразовании и морфологии. На синтаксическом уровне существуют конструкции с лексическим повтором (КЛП), в которых повторяющиеся лексемы занимают определенные позиции в пределах одного предложения. Их можно разделить на два основных типа: тавтологические и редупликативные. В **тавтологических** конструкциях используются разные компоненты значения одного и того же слова, между ними часто находится вспомогательный элемент, обычно глагольная связка, например укр. *Держава є держава;* англ. *Boys will be boys*. Обычно эти конструкции имеют субъектно-предикатную структуру. В **редупликативных** КЛП повторяется значение лексемы, например бел. *Сніг усё падаў і падаў;* англ. *He was climbing up and up*. Основное семантическое различие между двумя типами заключается в том, что тавтологические КЛП опираются, в терминах Ч. Пирса (Peirce, 1998), на символизм языкового знака, тогда как редуплицирующие — на его иконичность.

2. Постановка проблемы и исследуемый материал

Настоящий доклад опирается на уже опубликованную статью (Kopotev et al. 2024) и ставит своей целью объяснить появление таких конструкций в XVII веке в трех восточнославянских языках. Исследование основано на следующих видах источников: риторические и богословские тексты, просмотренные *de visu*, и электронные коллекции текстов, проанализированные с помощью корпусных методов.

В первую группу источников входят сочинения, написанные или переведённые на территории Восточной Европы в XVII–XVIII веках, такие как риторические трактаты псевдо-Макария, Михаила Усачева, Софрония Лихуда, Стефана Яворского, Феофана Прокоповича, Космы Афонского, Иоанникия Лихуда, Георгия Даниловского. Кроме этого просмотрены богословские тексты: «Зерцало богословия» (1618), «Евангелие учительное» Кирилла Транквиллиона Ставровецкого (1619), «Ключ разумения» Иоанникия Галятовского (1659), лекции по логике Феофана Прокоповича (1707), «Розыск о раскольнической Брынской вере» Димитрия Ростовского (Туптало) (1709), «Камень веры» Стефана Яворского (1718), «Поморские ответы» братьев Денисовых (1723),

«Наставления старообрядцам» (1734), «Увещание к раскольнику» (1734) и «Обличение на предисловие не правых и лжесловесных ответов раскольнических» (1745) Арсения Мацеевича. Вторую группу составляют данные Национального корпуса русского языка, корпуса фольклорных текстов (feb-web.ru), а также специально собранные коллекции староукраинских и старобелорусских текстов.

3. Анализ собранного материала

В средневековых текстах Древней Руси КЛП практически не встречаются ни в церковнославянских, ни в собственно древнерусских источниках. Отдельные примеры включают калькированные лексические клише типа: *Азъ есмь еже есмь* (Исход 3:14); *Еже писахъ писахъ* (Иоанн 19:22) и тому подобные. Единственным собственно древнерусским примером можно считать плохо сохранившийся фрагмент новгородской берестяной грамоты XII века:

(1)…*мы шьли шьли же*… (Берестяная грамота №837, XII век).

Как нам удалось установить, резкий рост числа таких конструкций в восточнославянских текстах начиная с XVII века объясняется двумя разными тенденциями: а) языковой инновацией, связанной с развитием риторической традиции и аналитическим подходом к языку; б) внешнеязыковыми факторами, связанными с проникновением устного синтаксиса в письменные тексты.

3.1 Тавтологические КЛП и риторическая традиция раннего Нового времени

Начиная с XVII века под влиянием западной риторической традиции в культурных центрах восточных славян формируется новый, аналитический, подход к языку (Живов, 2017). Активно переводятся, усваиваются и создаются различные риторические пособия и гомилетические сочинения на их основе (Маркасова 2002). Однако риторические фигуры, унаследованные из античности, сохраняли терминологическую неопределённость: в частности, различные виды повторов обозначались десятками терминов, при этом термин «тавтология» не использовался. В риторических трактатах, известных в то время, можно выделить две группы фигур с повтором элементов:

— усилительное повторение одинаковых элементов, например лат. ***Occidi, occidi*** *non Spurium Maelium* (Quintilian, *Institutio Oratoria*, IX.3.28). К таким фигурам можно отнести анафору, эпифору, симплоку, анадиплосис.
— повторение элементов с различием в значении, например: лат. *Qui nihil habet* ***in vita*** *iucundius* ***vita****, is cum virtute* ***vitam*** *non potest colere* (Rhetorica ad Herennium,

IV.14.20). К таким фигурам можно отнести антанаклазис, полиптотон, плоку, эпимон.

Хотя риторические фигуры и синтаксические конструкции далеко не всегда совпадают, риторические пособия содержат множество примеров тавтологических КЛП в строгом синтаксическом смысле. Две из них находят аналоги в синтаксисе восточнославянских языков: плосис соответствует тавтологической КЛП, где первое вхождение лексемы обозначает референт, второе — референцию (2); и антанакласис, тавтологическая КЛП с отрицанием (3).

> ***(2) Вълкъ есть вълкъ**, аще и овчею кожею облеченъ.* (М. Усачёв, Риторика, 1699, л. 128об.)
> *(3) Въ безрассудномъ бою и **храбрость не есть храбрость**, паче же безумная смѣлость.* (М. Усачёв, Риторика, 1699, л. 128об.)

Следует отметить, что риторические пособия, в том числе *Риторика* Михаила Усачёва, были тесно связаны с западной традицией и зачастую написаны на латыни или церковнославянском языке. Тем не менее, языковая прозрачность таких конструкций способствовала их усвоению и в восточнославянских текстах. Восточнославянская инновация поддерживалась и тем, что сама глагольная связка тоже была объектом лингвистического анализа. Яркий пример такого рода находим в «Камне веры» Стефана Яворского с реминисценцией из Аристотеля (Aristot. Met. 7.1028):

> (4) *Во многихъ текстахъ Писанія слово есть употребляется вместо значитъ* («Камень веры», 1729, л. 488об.).

Таким образом, на фоне дефолтного употребления нулевой связки возникли новые конструкции с выраженной связкой. Сходство латинского *est* и церковнославянского *есть* с белорусским *ёсць*, русским *есть* и украинским *є* создало условия для заимствования, или как минимум ревитализации, связки и возникновения тавтологических КЛП. В восточнославянских текстах XVII–XVIII веков такие конструкции использовались преимущественно в книжных жанрах и преимущественно авторами, связанными с западным образованием.

> (1)Укр.
> *Дондеже **Богъ есть Богомъ**, адъ безсмертный адомъ*. (Димитрий Ростовский (Туптало), Рождественская драма, 1702)
> (2)Укр./рус.
> *Безъ сего и **званіе есть не званіе***. (Г. Сковорода, Разговор, называемый Алфавит, или Букварь мира, 1760–1775)
> (3)Рус.
> *Предложенная мною **юриспруденція есть не юриспруденція***. (Я. П. Козельский, Философические предложения, 1768)

3.2 Редупликативные КЛП и стремление к «простоте языка»

Противоположной тенденцией в языке раннего Нового времени стало стремление к «простому языку», проявлявшееся прежде всего в проникновении устных форм в письменные тексты (Живов, 2017). Именно она сделала возможным появление редупликативных КЛП в текстах раннего Нового времени, однако совсем в других типах текстов. Во-первых, такие конструкции не встречаются в риторических и богословских текстах XVII–XVIII веков. С натяжкой к ним можно отнести некоторые фигуры речи, типа анадиплосиса и эпизевксиса, часто объединяемые в восточнославянских риториках под термином «усугубление». Однако они не формируют синтаксическую конструкцию в собственно лингвистическом смысле.

(1) ***Благо же, благо же*** *васъ васъ храбрые ратоборцы столпами государства именую.* (М. Усачёв, Риторика, 1699, л. 104)

Все найденные редупликативные КЛП относятся к светским текстам, не связанным напрямую с западной риторической и богословской традицией:

(2) Укр.
[Щ]астє з собою отъ міра не уволокъ але єго, ***радъ не радъ*** *въ міру оставити мусел?* (И. Вишенский, Книжка, 1599)
(3) Бел.
Калі гуляць, дык гуляць*, хоць бы за маскі* (Магілёўская хроніка, 1701)

Характерно, что в текстах русских старообрядцев (то есть противников западного богословия) мы не нашли ни одного примера тавтологических КЛП, зато редупликативные конструкции встречаются, например, в текстах протопопа Аввакума:

(4) Рус.
Все бояре после его ***челомъ да челомъ****: «Протопопъ, благослови и молись о насъ!»* (Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, около 1670-х гг.)

Дополнительно привлеченные фольклорные данные позволяют предположить, что редупликативные КЛП существовали в устной речи задолго до их появления в письменных текстах. В корпусе фольклорных текстов широко представлены разнообразные конструкции, выражающие множественность, повторяемость, интенсивность действия — в целом, использующие иконический механизм семантического сдвига. Они демонстрируют довольно высокую частотность и богатую вариативность, что свидетельствует о формировании этого типа конструкций задолго до их письменной фиксации[1]. Тав-

[1] Можно осторожно предположить, что фрагмент новгородской грамоты №837 сохранил именно этот тип КЛП.

тологические КЛП с выраженной связкой в фольклорных текстах, естественно, отсутствуют.

(5) Бел.
Парсючок ***ідзе ды ідзе****, сустракае яго лісіца.* (Лісіца і дрозд, народная сказка)
(6) Рус.
Едет домой, а лошадёнка была такая, знаешь, неудачная, ***везёт — не везёт*** (Иванушка-дурачок, народная сказка)
(7) Рус./Укр.
Дружба дружбою*, а* ***служба службою***. (Пословица)
(8) Укр.
Дівчина як дівчина*, а черево як діжчина.* (Пословица)

4. Заключение

Конструкции с лексическим повтором являются одной из ярких черт славянского и особенно восточнославянского синтаксиса. Их разнообразие в современных языках объясняется множеством факторов, из которых в настоящем докладе были представлены только те, которые относятся к появлению этих конструкций в текстах раннего Нового времени.

Тавтологические конструкции возникли под влиянием западной риторической культуры, стремления к языковому анализу и рациональному построению текста. В то время как в разговорной речи восточнославянских языков преобладала нулевая связка, это влияние фактически привело к ревитализации *ёсць/есть/є* и заимствованию тавтологических конструкций, основанных на тонкой нюансировке значений повторяющихся лексем. Они появляются в текстах на церковно-славянском и латинском языках и постепенно проникают в восточнославянские языки, расширяя как сферу употребления, так и репертуар связочных элементов. **Редупликативные** конструкции, с другой стороны, опирались на более простые, иконические, механизмы создания значения. Их разнообразие и связь с текстами, ориентированными на живую речь, в том числе с фольклором, позволяет предположить, что они существовали в устной речи задолго до их проникновения в письменные источники. Таким образом, они не возникли в раннее Новое время, а лишь расширили сферу своего употребления в рамках общего стремления к «простой речи».

Итак, появление конструкций с лексическим повтором в восточнославянских текстах было обусловлено не столько внутренними языковыми причинами, сколько изменением языкового существования. Именно культурные факторы, роль прецедентных текстов, изменения системы жанров стали ключевыми факторами, которые поддержали и межязыковой трансфер, и внутриязыковое расширение узуса. Языки, естественно,

должны были располагать ресурсами для таких изменений, однако подлинным стимулом стало функционирование языка и культуры в конкретных исторических условиях.

ЛИТЕРАТУРА

Kopotev, M., E. Markasova, and G. Gurin. 'Predicative Constructions with Lexical Repetitions in East Slavic: Roots and Causes.' In *Constructions with Lexical Repetitions in East Slavic*. Berlin: Mouton de Gruyter. 2024. 35–70.

Peirce, Charles. What is a sign? In *The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings.* Volume 2 (1893–1913). 4–10. Bloomington: Indiana University Press. 1998.

Живов. В. М. *История языка русской письменности*. Том. I. Москва: Университет Дмитрия Пожарского. 2017.

Маркасова, Е. В. *Представления о фигурах речи в русских риториках XVII — начала XVIII века*. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета. 2002.

VERBLESS SENTENCES IN RUSSIAN: SEMANTICO-PRAGMATIC INSIGHTS FROM A CONTRASTIVE CORPUS STUDY

ANTONINA BONDARENKO (FRANCE)

Focusing on structures in which the typical marker of sentential status – the verbal predicate – is absent, the present paper takes an interdisciplinary approach that combines contrastive linguistics, corpus methods and enunciative analysis in order to explore the semantic and pragmatic characteristics of verbless sentences.

Contrastive results concerning the Russian and English use of syntactic ellipsis show that the verbless sentence – a phenomenon which distinguishes Russian among Indo-European languages and which we show to occur twice as frequently in Russian compared to English – is not explained by the syntactic productivity of Russian. As tempting as syntactic explanations may be (no doubt the Russian highly developed case system and flexibility of word order give immense advantages for unambiguous ellipsis), they do not explain the high frequency of verbless sentences in Russian: syntactic antecedent-based ellipses (including stripping, sluicing, and gapping) were found to match in translation, e.g. (1), and, even more surprisingly, to occur more frequently in English than in Russian, e.g. (2). Furthermore, most verbless sentences were not based on a syntactic antecedent, e.g. (3).

(1) Syntactic ellipses in Russian were matched by an ellipsis in English translation[1]

a. *Russian: Stripping ellipsis in 'Soveršenno kak doma?' (verbal antecedent 'bud'te')*
– Не стесняйтесь, *будьте совершенно как дома*. А главное, не стыдитесь столь самого себя, ибо от сего лишь всё и выходит. – **Совершенно как дома?** То-есть в натуральном-то виде?

English: Stripping ellipsis in 'Completely at home?' (verbal antecedent 'feel')
"Be at ease, and *feel completely at home*. And above all do not be so ashamed of yourself, for that is the cause of everything." "**Completely at home?** You mean in my natural state?

b. *Russian: Sluicing ellipses in 'Kak?' and in 'Čem?', stripping ellipsis in 'Opytom dejatel'noj ljubvi.' (verbal antecedent 'ubedit'sja vozmožno')*
– Но доказать тут нельзя ничего, *убедиться же возможно*. – **Как? Чем? – Опытом деятельной любви.** Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того, как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души вашей.

[1] The examples in (1) through (3) come from the BK (*Brothers Karamazov*) sub-corpus, a part of the Bondarenko (2021) parallel and comparable corpus of 19th–21st century fiction. Analysis of the verbless sentences of this 121,062-word sub-corpus for the presence or absence of syntactic antecedent-based ellipsis in Bondarenko (2021: 333-335) showed that English was able to successfully match 94% of Russian ellipses despite having a reduced syntactic capacity for ellipses compared to Russian.

English: Sluicing ellipsis in 'How?' and in 'By what?', stripping ellipsis in 'By the experience of active love' (verbal antecedent 'is possible to be convinced')
"One cannot prove anything here, but *it is possible to be convinced*." "**How? By what?**" "**By the experience of active love.** Try to love your neighbors actively and tirelessly. The more you succeed in loving, the more you'll be convinced of the existence of God and the immortality of your soul."

(2) Syntactic ellipses were more frequent in English than in Russian[2]

a. *Russian: Non-elliptical verbless utterance 'a u drugogo kak u sobački Fidel'ki' (no verbal antecedent)*
Увлекся, простите, господа, увлекся! $ И кроме того потрясен! Да и стыдно. Господа, у иного сердце как у Александра Македонского, **а у другого как у собачки Фидельки.** У меня как у собачки Фидельки. Обробел!

English: Gapping ellipsis in 'and another like little Fido the lapdog' (verbal antecedent 'has')
I got carried away, forgive me, gentlemen, I got carried away! And besides, I'm shaken! And ashamed, too! Gentlemen, *one man has a heart like Alexander of Macedon* **and another like little Fido the lapdog.** Mine is like little Fido the lapdog's. I turned timid!

b. *Russian: Non-elliptical verbless sentence 'Za pjat'sot verst otseleva.' (no verbal antecedent)*
– Издалека? – **За пятьсот верст отселева.**

English: Stripping ellipsis in 'Over three hundred miles from here.' (verbal antecedent 'have come')
"***Have you come from far away***?" "**Over three hundred miles from here."**

(3) Syntactically non-elliptical verbless utterances dominate[3]

a. *Russian: Non-elliptical verbless sentence 'Ax ty, devstvennik!' (no verbal antecedent)*
Ты это нечаянно брякнул, это вырвалось. Тем драгоценнее признание: стало быть, тебе уж знакомая тема, об этом уж думал, о сладострастьи-то! **Ах ты, девственник!**

English: Non-elliptical verbless sentence 'Ah, you virgin!' (no verbal antecedent)
It escaped you, you just blurted it out inadvertently - which makes the confession all the more valuable. So for you it's already a familiar theme, you've already thought about it - sensuality, I mean. **Ah, you virgin!**

b. *Russian: Non-elliptical verbless sentence 'Čto stydno?' (no verbal antecedent)*
– Вот ответ на ваше «стыдно»! **Что стыдно?** Эта «тварь», эта «скверного поведения женщина» может быть святее вас самих, господа спасающиеся иеромонахи!
English: Non-elliptical verbless sentence 'What shame?' (no verbal antecedent)
"There is the answer to your 'shame'! **What shame?** This 'creature', this 'woman of bad behavior' is perhaps holier than all of you, gentlemen soul-saving hieromonks!

[2] Analysis of the verbless sentences of the BK sub-corpus in Bondarenko (2021: 330-334) showed that, contrary to expectations, syntactic antecedent-based ellipses were significantly over-represented in English rather than in Russian (Chi-squared $p<2.2e-16$). Occurring on average three times more frequently in English than in Russian, syntactic antecedent-based ellipsis accounted for 6% of the Russian verbless utterances and 38% of the English verbless utterances.
[3] In the BK sub-corpus, 94% of the Russian verbless utterances and 62% of the English verbless utterances were not explained by syntactic antecedent-based ellipsis (Bondarenko 2021: 335-336).

c. *Russian: Non-elliptical verbless utterance 'kakie smelye I vyssˇie slova' (no verbal antecedent)*
– О, как вы говорите, **какие смелые и высшие слова, -** $ вскричала мамаша.

English: Non-elliptical verbless sentence 'What brave and lofty words!' (no verbal antecedent)
"Oh, how you speak! **What brave and lofty words!"** the mama exclaimed.

d. *Russian: Non-elliptical verbless sentence 'Na duèl'!' (no verbal antecedent)*
– **На дуэль!** – завопил опять старикашка, задыхаясь и брызгаясь с каждым словом слюной.

English: Non-elliptical verbless sentence 'To a duel!' (no verbal antecedent)
"**To a duel!**" the old fool screamed again, breathless and spraying saliva with each word.

e. *Russian: Non-elliptical verbless sentence 'K slovu o Fedore Pavloviče.' (no verbal antecedent)*
Федор Павлович не мог указать ему, где похоронил свою вторую супругу, потому что никогда и не бывал на ее могиле […] **К слову о Федоре Павловиче.** Он долгое время пред тем прожил не в нашем городе.

English: Non-elliptical verbless sentence 'By the way, about Fyodor Pavlovich.' (no verbal antecedent)
Fyodor Pavlovich could not show him where he had buried his second wife, because he had never visited her grave […] **By the way, about Fyodor Pavlovich.** For a long time before then, he had not been living in our town.

We show that the frequency of the absence of the verb is an issue for semantico-pragmatic analysis, rather than for the syntactic domain.

Furthermore, semantico-pragmatic classification of nearly 20,000 verbless sentences in terms of the constituents that statistically distinguish them from verbal sentences (key words and n-grams computed against a reference corpus) reveals the characteristic functions of the structures. These include: (dis)agreement, expressiveness, quantification, (in)formality, deixis, questioning and emphasis of intensity.

Using a new method for the automatic retrieval of verbless sentences and a 1,4-million-word parallel and comparable corpus of 19th–21st century literature specially built for the task (Bondarenko 2021, 2019, 2018; Bondarenko & Celle 2018, 2020), we are able to propose a semantico-pragmatic portrait of the prototypical Russian verbless sentence.

BIBLIOGRAPHY

Bondarenko, Antonina. (2018). Predication transformation: A parallel corpus-based study of Russian verbless sentences and their English translations. *Annales Universitatis Mariae Curie-Sklodowska Philologiae: La Linguistique Contrastive*, *36*(1), 43–54. https://doi.org/10.17951/ff.2018.36.1.43-54

Bondarenko, Antonina. (2019). A corpus-based contrastive study of verbless sentences: Quantitative and qualitative perspectives. *Studia Neophilologica*, *91*(2), 175–198. https://doi.org/10.1080/00393274.2019.1616221

Bondarenko, Antonina. (2021). *Verbless and Zero-Predicate Sentences: An English and Russian Contrastive Corpus Study* [Doctoral Dissertation, Université Paris Cité]. https://theses.hal.science/tel-03706573

Bondarenko, Antonina, & Celle, Agnès. (2018). Traduire l'absence: Les questions à prédicat zéro dans un corpus parallèle russe et anglais [Translating absence : Zero predicate questions in Russian and English parallel corpora]. *Des Mots Aux Actes: Sémantique, Sémiotique et Traductologie*, *7*, 341–364. https://doi.org/10.15122/isbn.978-2-406-08745-8.p.0341

Bondarenko, Antonina, & Celle, Agnès. (2020). Verbless sentences in L'Étranger: A French-Russian-English contrastive study. In Eric Corre, Danh-Thành Do-Hurinville, & Huy-Linh Dao (Eds.), *The Expression of Tense, Aspect, Modality and Evidentiality in Albert Camus's "L'Étranger" and Its Translations* (Vol. 35, pp. 325–352). John Benjamins. https://doi.org/10.1075/lis.35.17bon

СИНТАКСИЧЕСКИЙ ЭЛЛИПСИС КАК ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СРЕДСТВО КОМПРЕССИИ ВЫРАЖЕНИЯ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, ЧЕШСКОГО И СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКОВ)

ZDEŇKA VYCHODILOVÁ (ČESKÁ REPUBLIKA)

Явление синтаксического эллипсиса тесно связано с применением в речи одной из языковых универсалий, а именно с принципом экономии – одним из господствующих принципов речевого поведения. Принцип экономии речевого выражения можно считать универсальным принципом, характеризующим все европейские языки; различия между отдельными языками мы находим в степени его использования, в способах и конкретных формах его проявления. Этот принцип затрагивает все языковые планы, в частности, синтаксический, гиперсинтаксический и уровень текста. Предметом настоячего исследования является разносторонний анализ синтаксического эллипсиса на фоне аналогичных средств неэксплицитного выражения смысла в тексте. Цель данной статьи – попытаться определить и характеризовать синтаксический эллипсис как центральное средство неэксплицитного выражения в языке и отличить его от смежных явлений, особенно от так называемой нулевой формы синтаксического знака, как в плане теоретического описания, так и в плане применения теоретических начал к конкретному языковому материалу современного русского, чешского и отчасти также словацкого языков.

Методологические начала исследования

Наше понимание проблемы базируется на структуралистском, соссюровском понимании языкового знака как континуума формы и содержания, на дихотомии langue/parole, на оппозиции глубинная/поверхностная структура. Взаимоотношение элементов глубинной и поверхностной структур понимается нами в соответствии с уже традиционной сегодня трактовкой как асимметрическое в интенциях учения Сергея Карцевского об асимметрическом дуализме, причем обычно под асимметричностью понимают отношение, которое символически можно обозначить как X : 1 (x форм обладает одним более-менее общим значением) – это суть синонимии, или наоборот – 1 : X (одна форма обладает x значениями) – суть омонимии и полисемии. Нас интересуют экстремальные случаи, которые можно символически выразить как 0 : X (эллипсис) или 0 : 1 (синтаксический нуль), что значит, что не все содержательные элементы высказывания всегда имеют свою репрезентацию в поверхностной структуре.

Теоретическое определение эллипса и синтаксического нуля

Синтаксический эллипсис и синтаксический нуль – два очень близких, в поверхностной структуре даже тождественных явления. Мы попытались разграничить их используя теорию трех уровней языка пражских лингвистов-структуралистов Милоша Докулила и Франтишека Данеша (уровень языковой формы, уровень языковых значений и уровень мыслительных содержаний).

Если мы рассматриваем предложение как сложный языковой знак (символически выраженный т. н. комплексной схемой предложения), обладающий стороной значения (воплощенной в т. н. семантической схеме предложения) и стороной формы (грамматическая схема предложения), то мы должны понимать **эллипсис** как отсутствие знака в целом, как пропуск целостного комплекса. Как на уровне грамматической схемы, так и на уровне семантической схемы предложения после него остается пустое место, которое, однако, соотносится с определенным элементом содержания в глубинной мысленно-содержательной структуре. Определенную роль здесь играют разные типы коннотаций.

И, напротив, **нулевой знак** (точнее – нулевая форма знака) имеет свою материальную реализацию не только на уровне грамматической схемы предложения, значение присутствует также на уровне семантической схемы предложения, о чем свидетельствует и относительно однозначная возможность его определения. Итак, ни опущенный, ни нулевой член предложения не присутствуют на уровне языковой формы; на уровне языкового значения присутствует только нулевой член, на уровне содержания присутствуют оба члена (эллипсис и нулевой член). Другими словами – противопоставление эллипсис : синтаксический нуль нами понимается как оппозиция не-знак : знак с материально не выраженной формальной стороной (с нулевым десигнатором).

Из сказанного вытекает наше определение синтаксического эллипсиса и синтаксического нуля:

Эллипсис – это контекстуально или ситуативно обусловленная нереализация конститутивного члена схемы предложения.

Нулевая форма синтаксического знака – это системно обусловленная нулевая реализация одного или нескольких членов морфолого-синтаксической парадигмы с однозначной семантической определимостью.

Применение теоретических начал к лингвистическому материалу русского, чешского и словацкого языков

В соответствии с концепцией предложения и высказывания Франтишека Данеша мы будем постепенно отмечать различные случаи неэксплицитно выраженных высказываний в позиции левосторонних партиципантов в двусоставных предложениях, правовалентных партиципантов, а также в позиции предикатора или части составного предикатора.

Определяя лингвистический статус и функционирование этих средств выражения в конкретных коммуникативных ситуациях, в русском языке необходимо последовательно различать кодифицированный литературный язык (КЛЯ) и так называемую русскую разговорную речь (РРР), для которой характерны особые закономерности функционирования и развития.

Сложные отношения в межъязыковом различении эллипсиса и нулевого знака существуют именно в области неэксплицитно выраженных местоименных партиципантов в левовалентной позиции, т.е. в позиции **местоименного подлежащего** в двучленных личных предложениях, невыраженность которого встречается в обоих рассматриваемых языках. Эллипсисом в терминологическом смысле мы считаем лишь те случаи невыражения (опущения) конститутивных членов предложения, у которых вследствие незаполнения синтаксической позиции нарушается реализация схемы предложения, причем при определенных условиях это нарушение можно считать нормативным. **В обоих языках нулевой статус** приписывается нами неэксплицитно выраженным личным местоимениям 1-го и 2-го лица в повествовательных высказываниях **настоящего времени с глагольным предикатом**, тогда как **в русских высказываниях с именным сказуемым и нулевой формой связки** неэксплицитно выраженные субъектные местоимения 1-го и 2-го лица в настоящем и будущем времени рассматриваются как **эллипсис**, поскольку маркер лица отсутствует в формальной структуре высказывания (*Рад? – спросил шофер, - „Seš rád?“ zeptal se řidič.*) Неэксплицитное выражение прономинального субъекта 1-го и 2-го лица **в прошедшем времени** мы рассматриваем **в чешском языке** как **нулевую форму местоименного субъекта**, которая встроена в языковую систему (*Možná jsi to jen tak trochu popletl.*). **В русском языке**, напротив, системный фон предполагает, что местоимение будет эксплицировано, и неэксплицированное выражение прономинального субъекта 1-го и 2-го лица, таким образом, должно оцениваться как **эллипсис** левостороннего члена. (*Дала телефон свой рабочий, стали встречаться каждый вечер.*) Для **императивных форм**

первичным, нормативным и немаркированным **в обоих языках** является неэксплицитное выражение личного местоимения. Лицо адресата обозначается окончанием повелительной формы глагола; и в русском, и в чешском языках мы оцениваем эти случаи как **нулевую форму подлежащего** (*Идите домой!; Slez z toho žebříku!*).

Незаполнение **правовалентной позиции** следует квалифицировать, на наш взгляд, как **эллипсис облигаторного члена**. Этот способ выражения типичен для русской разговорной речи и для стилистически сниженных высказываний, придает речи определенную меру лаконичности (*Хоронили Сеню ночью, чтобы другие дети не увидели*.)

Структурная асимметричность между русским и чешским языками в этой области эллиптического выражения очень заметна. Чешская речевая система позволяет невыражение облигаторного дополнения в условиях монологического текста, как правило, лишь тогда, когда не повторяется комплемент, эксплицитно выраженный непосредственно в предыдущем контексте. В противном случае облигаторный правовалентный член в формальной структуре высказывания должен присутствовать, по крайней мере, в ослабленной местоименной форме.(*Seňu pohřbili v noci, aby **to** ostatní děti neviděly.)*. Интересно, что словацкий язык может не выражать облигаторное дополнение, так же как и русский (*Chcela som byť herečkou, otec mi zakázal.)*.

Еще одна область, в которой в использовании эллипсиса русский язык явно преобладает над чешским – это **функциональная позиция предикатора**.

В русской разговорной речи, как известно, чаще всего опускаются глаголы, определенным способом связанные с деятельностью или характеристикой человека. Разговорный словацкий язык в области глаголов также располагает более широким диапазоном эллиптических способов выражения, чем чешский язык (*Domov? A syn kedy? /sa vracia/; Musíš sa šetriť. – Veď sa.*).

В области предикатных глаголов однозначно нулевой характер как в РРР, так и в КЛЯ, носит лишь неэксплицитно выраженная форма связки и бытийного глагола *быть*; в РРР к нулевому характеру тяготеют, по нашему мнению, еще и невыраженные глаголы перемещения и говорения. (*Куда ты?; Он серьезно, что ли?)* Все остальные мы считаем разными типами синтаксического эллипсиса.

Заключение

Сопоставление явлений синтаксической неэксплицитности в русском, чешском и отчасти также в словацком языках, подтвердило нашу гипотезу о том, что явления, кажущиеся идентичными в поверхностной структуре, могут иметь разный лингвистический статус и разные функции даже в близкородственных языках.

Качественные отличия заключаются в том, что явления обоих языков, выступающие в поверхностной структуре как одинаковые, то есть невыраженность некоторого из компонентов высказывания, следует оценивать по-разному с точки зрения языковой системы. Чешский язык не обладает нулевой формой глагола быть, более последовательно требует наличия зависимых правовалентных членов, по крайней мере в ослабленной местоименной форме. Чешский язык также редко допускает опущение личных форм глагола ввиду своего более ярко выраженного глагольного характера.

В количественном отношении выявляется заметный перевес русского языка над чешским в мере использования эллипсиса; словацкий язык стоит в этом отношении ближе к русскому языку. В отличие от чешского языка для русского языка характерно частое опущение облигаторного дополнения, в частности, местоименного характера, опущение предикатных глаголов определенных семантических групп, главным образом глаголов движения и глаголов направления в широком смысле, глаголов со значением попадания в объект и глаголов говорения. Кажется, что этот недостаток в плане выражения компенсируется обилием средств выражения другого характера, главным образом частиц. Точные причины большей меры эллиптичности русского языка мы пока не осмеливаемся точно сформулировать. Их можно искать в большем тяготении русского языка к номинальности, в большей эмоциональности в процессе коммуникации. Может быть, роль играет также разное историческое развитие языковых систем сравниваемых языков. Немалую роль играет также системная склонность русского языка к невыражению предикатных глаголов – а именно существование т. н. нулевой формы связки.

КАКОЙ (НЕ)ПРИЯТНЫЙ СЮРПРИЗ! МИРАТИВНЫЕ РУССКИЕ КОНСТРУКЦИИ ТИПА "*ОТЕЦ ВЗЯЛ ДА (И) УМЕР*": ИХ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ В XIX и XX ВЕКАХ
(на основе данных из Национального корпуса русского языка)

ДАНИЭЛЬ ВАЙС (ШВЕЙЦАРИЯ)
Цюрихский университет

Наш доклад посвящен разбору четырех разговорных конструкций с первым глаголом *взять* и вторым присоединенным к нему псевдо-сочинительной или бессоюзной связью глаголом, ср.

X V_1 [= взял] (и/да/да и/ø) V_2 [= сделал]

1. Оба глагола представлены в той же грамматической форме (за возможным исключением времени и вида) и согласованы с X-ом, т.е. субъектом.
2. Событие, обозначаемое V_2 и касающееся субъекта X, было быстро и неожиданно для X-а, говорящего, собеседника или рассказчика.

Термин «событие» понимается в самом широком смысле, охватывая не только самые частотные точечные *achievements*, но и *accomplishments* или *activities*, по известной классификации Вендлера; тем самым, лишь стативы (*generic states*) не входят в этот класс (о трех исключениях см. раздел о воздействии отрицания, 3.1).

2. Этапы грамматикализации в XIX веке

Начиная с первого засвидетельствованного примера (1827 г.), на материале данных НКРЯ в работе Weiss 2022b иллюстрируются a) переменное количественное распределение указанных четырех конструкций, b) постепенная утрата валентностных и семантических свойств глагола *взять,* c) возникающие при этом двузначности, d) хронология отдельных этапов грамматикализаии, и e) взаимодействие мирaтивных конструкций с другими мирaтивными маркерами. В предмет анализа также входят разные прагматические эффекты, вызванные отдельными употреблениями.

Исторический разрез выявляет как сдвиги, так и константу в распределении четырех конструкций. Если в XIX веке преобладал вариант *взять да и X-овать* (65% всего массива), то в XX веке он почти полностью вытесняется конструкцией с *и*. Это отражает общую тенденцию к максимальному насыщению мирaтивных показателей, характерную для начального этапа развития: в отличие от других соперников, союз *да и* уже сам собой выражает неожиданность, т.е. дублирует мирaтивное значение. К тому же

вся конструкция часто выступает в *imperativus dramaticus*, который опять же подчеркивает неожиданность данного события. И наконец, мирративное предложение может еще содержать наречие вроде *вдруг* или *ни с того, ни с сего* как четвертый маркер.

Таблица 1. Развитие всех мирративных конструкций в XIX-ом веке по данным НКРЯ, из (Weiss 2022b).

	Первый пример	n	*Imperativus dramaticus*	Двузначные случаи	Дополнительные маркеры неожиданности
взять да V_2	1827	81	7	18	7
взять да и V_2	1839	**416**	47	26	29
взять и V_2	1851	147	9	12	12
взять (,) V_2	1844	39	–	6	1
Итого		**685**	63	64	49

Хронология этапов грамматикализации по НКРЯ выглядит следующим образом (везде отмечены первые вхождения):

1827 утрата дополнения глагола *взять*
1837 *imperativus dramaticus*
1847 неканонический субъект: *собака взяла да и шмыгнула…*
1849 неконтролируемое V_2: *взять да удавиться*
1869 отрицание V_2: *как вдруг этот Повилянский возьмет да и не придет*
1897 нсв вид V_1: *… берет и бросает это купание*

Из этих критериев заслуживают нашего внимания неодушевленные субъекты и предикаты (V_2), обозначающие неконтролируемые события. В обоих случаях значение данного члена несовместимо с глаголом *взять* в своем первоначальном, физическом значении. Оба эффекта могут сочетаться.

3. Дальнейшая грамматикализация в XX веке

Ввиду представленного в таблице 1 массива вхождений из XIX века, число примеров с отрицанием при втором глаголе выглядит весьма скромно, как показывается в (Weiss 2022a): начиная с 1869 года до сегодняшнего дня набралось 83 вхождения, причем львиная доля (53) приходится на конструкцию с *и*. Сериальные примеры отсутствуют полностью, что лишний раз свидетельствует об общем отставании этой конструкции в процессе грамматикализации. *Imperativus dramaticus* представлен в 9 примерах, из дополнительных маркеров неожиданности встречается только *вдруг*. Неканонические субъекты попадаются довольно часто, ср. *вечер*, *железная дорога*, *лужа*, *Святой Дух*, *наркоз*, *КГБ* и *сердце.* У неконтролируемых событий, обозначаемых вторым глаголом,

семантика смерти значительно ослабла (3 примера): здесь мы находим, например, глаголы *заснуть*, *проснуться*, *родиться*, *высохнуть*, *знать*, *с ума сойти*, *получиться.* Зато наблюдается известная монотонность в наборе отрицаемых глаголов: 28% всего количества составляют глаголы движения типа *пойти*, *поехать*. То же самое верно для грамматического числа: 31 вхождение представлены в 1ед и 33 – в 3ед. Кроме того, будущее время также выступает в необычном объеме (26 примеров). Предпочтение 1ед и будущего времени взаимосвязаны и обусловлены прагматическим эффектом «назло».

В связи с этим следует еще указать на появление аспектуально несогласованных пар вроде *возьму и не буду делать*, вслед за которыми становятся возможными и утвердительные соответствия типа *возьму и буду делать*. Кроме того, впервые появляются раньше «запретные» стативные глаголы *знать* или *любить* и один утвердительный пример с императивом («странный рецепт: Возьми и люби!»).

Последний этап грамматикализации миративных конструкций (Weiss 2023), заключается в введении несовершенного вида глагола *брать* в качестве V_1. Происходит это в XX веке, причем в медленном темпе: в НКРЯ нашлись лишь 64 вхождения презенса и 4 вхождения претерита, к тому же 35 вхождений императива и 7 – деонтического инфинитива со словом *надо*. Подавляющее большинство (57) примеров приходится на конструкции с союзом *и*. Встречаются и сериальные цепочки, зато *imperativus dramaticus* отсутствует, поскольку он выступает лишь в совершенном виде. Смысловой потенциал новой конструкции в несовершенном виде лучше всего ухватывается ее аспектуальной характеристикой. Актуально-длительное значение по определению невозможно (пунктуальное событие). Преобладает неактуальная временная соотнесенность: она представлена либо в многократных действиях, либо в генеричных высказываниях (отметим, что адресатом здесь является генеричное [неадресатное] *ты*$_2$). К этому примыкает третий тип, назовем его условно фиктивным, ср. «допустим, беру и продаю тебя за копейку». Кроме этих неактуальных употреблений встречается исторический презенс.

Удивляет крайне низкая частотность примеров в претерите. Они все относятся к неактуальному плану. Маргинальная позиция объясняется тем, что большинство характерных для презенса употреблений в претерите отпадает: это верно не только для исторического настоящего, но и для генеричных высказываний. Исключено также общефактическое значение.

4. Тенденции развития за последние пятьдесят лет

Описанные процессы продолжаются и в последние десятилетия, но с неравномерной интенсивностью. Если в грамматическом плане не наблюдается резких изменений, то в семантике вырисовывается новый фокус: значение **конца** данного явления все более выходит на передний план, и добавляются новые средства для выражения **начала**.

4.1. Общая характеристика

Данные НКРЯ показывают, что по-прежнему встречаются отдельные употребления с не десемантизированным значением глагола *взять*. Состав соединяющих средств в принципе не изменился: доминирует союз *и*, но варианты *да* и *да и* пока еще держатся. Сериальная конструкция типа *взяла сделала* все занимает маргинальную позицию: в рассмотренном периоде нашлось лишь одно мирaтивное употребление.

Аспектуальная несогласованность мирaтивных конструкций типа *взять делать* может иметь двоякую структуру: второй глагол в несовершенном виде может совпадать или не совпадать с глаголом *взять* по времени.

4.2. Семантические инновации

В дальнейшем рассматривается только период последних 50 лет. Объектом сравнения служит вторая половина XIX-ого века, когда произошли решающие семантические изменения, продвигающие процесс грамматикализации вперед. Выше уже указывалось на появление стативных глаголов при отрицании; они маркируют самое далекое семантическое расстояние от исходной точки грамматикализации. Возникает вопрос, приведет ли это развитие к следующему этапу процесса, когда стативы также сочетаются с утвердительными мирaтивами и станут возможными, например, сочетания вроде «*Петя взял и знал ответ». Пока, однако, никакие данные не говорят в пользу такой гипотезы. Более надежную перспективу открывают предикаты, описывающие неконтролируемые события.

4.2.1. Семантика конца и начала

Значительный вес имеет semantika, которая уже во второй половине XIX века доминировала в рождающейся тогда группе примеров с неконтролируемыми предикатами: 39 вхождений относится к смерти субъекта, отмеченной в конструкциях *взять и умереть* и синонимах вроде *помереть*, *отдать концы*, *подохнуть*. В материале XIX века доля таких примеров составляла 28 из 51 примеров всего массива неконтролируемых событий (Weiss 2022b: 43).

Семантика смерти может интерпретироваться метафорически, охватывая и такие существа, как растения или ткань. Расширяя рамки анализа, можно сюда включить и неодушевленные референты (артефакты, предметы и вещества), которые испортились или вышли из строя. Таким образом, поле смерти («перестать существовать») переходит в семантику «перестать функционировать». Любопытный случай представляет собой полисемия глагола *сгинуть*, который допускает и значение «умереть», и «исчезнуть»

Наряду с семантикой смерти растет и число вхождений с близким смыслом *исчезнуть*, иначе *«перестать находиться»*. Так, кроме 44 примеров типа *взять и умереть*, НКРЯ за последние 50 лет содержит и 16 примеров на *взять и исчезнуть*, и 8 на глаголы-синонимы *прекратиться* и *перестать*, и гипонимы *улетучиться, испариться*, *спрятаться*, *скрыться*, *оборваться*. Их число значительно увеличилось за последние 20 лет: на *умереть* и др. приходится 15 примеров, на *исчезнуть* и др. – 18. Небезынтересно, что НКРЯ кроме вышеуказанных случаев содержит всего лишь один пример из 1953 г. Иными словами, перед нами инновация именно последнего полувека. От рассмотренных случаев со «смертной» семантикой новая группа отличается более широкой сочетаемостью: ведь *исчезают* не только люди и животные, но и предметы или абстрактные существа. Кроме того, у одушевленных субъектов контролируемость события открыта, поскольку иногда они исчезают и намеренно. И наконец, *исчезнуть* можно не только навсегда, но и временно. Подлежащими, которые согласуются с этими предикатами, часто бывают и названия абстрактных понятий, такие как *слова*, *вера*, *достоинства*, *белиберда*, *всякое такое*, или собирательные имена (*семья*, *весь город*).

В качестве общего знаменателя всех примеров типа *перестать существовать*, *перестать функционировать* и *перестать находиться* напрашивается теперь семантика **конца субъектного референта.** В случае значения «исчезнуть» эта семантика ослаблена, поскольку относится лишь к апперцепционному полю наблюдателя. Ввиду этого стоит включить в разбор круг контролируемых событий (т.е. действий), описываемых каузативами от *умереть*, т.е. *убить* и его синонимы вроде *прихлопнуть*, *уничтожить*, и гипонимы, такие как *застрелить*, *расстрелять*, *зарезать*, *задушить*. Во всех них проявляется значение «конец существования объекта». Таких примеров обнаружилось в НКРЯ в XIX веке всего два примера. За последние 50 лет их число возросло до 20.

Возникает вопрос, является ли антонимичное поле **начала** таким же мощным стимулом для грамматикализации миративных *взять*-конструкций. Таких глаголов совсем немного: в основном это антонимы глаголов *умереть* и *исчезнуть*, т.е. *родиться*

(3) и *появиться* (4), а кроме того *возникнуть* (1) и «гибрид» *воскреснуть*, совмещающий в себе семантику начала и конца (1). На фоне всех 91 примера семантики конца это, безусловно, скромное число. Все глаголы типа «начать существовать» в НКРЯ отмечены впервые, т.е., мы сталкиваемся здесь с инновацией еще более свежей даты, чем в случае *взять и исчезнуть*.

Таким образом, оказалось, что мираттивы с семантикой начала не только куда менее частотны чем мираттивы с семантикой конца, но и все возникли позднее. Остается еще проверить сочетания с глаголом-каузативом *родить*: они в НКРЯ представлены 7 раз. Один пример с союзом *и* восходит к 1878 году

Таблица 2 представляет итоги раздела 4.2.1 в большом ракурсе, абстрагируя от интерпретации спорных случаев:

Семантика конца	n	Первый пример	Семантика начала	n	Первый пример
Перестать существовать	44	(1846)	начать существовать	5	1969
каузативы	20	(1889)	каузатив	8	(1878)
Перестать находиться	22	1968	начать находиться	5	1968
Перестать функци-нировать	5	(1846)			
Итого	91			16	

Таблица 2. Мираттивные конструкции со значением конца и начала по данным НКРЯ (1964-2016).

Подведем итоги. Для семантического развития мираттивных конструкций с глаголом *взять* в течение последних 50 лет семантика конца играет решающую роль. Так, можно констатировать, что

1. Процесс усиливается и поглощает новые пласты лексики: наряду с группой со значением «*перестать существовать*» (типичный представитель: *умереть*), которая характерна уже для языка XIX века, появляется группа «*перестать находиться*» (типичный представитель: *исчезнуть*). Тем самым становятся возможны субъекты, обозначающие неодушевленные референты.
2. В более скромном объеме возрастает группа сочетаний с каузативами от *умереть*, которые обозначают намеренный и насильственный конец жизни человека или животного.
3. Еще позднее возникает группа с глаголами-антонимами «начать существовать» и «начать находиться» типа *взять и родиться* и *взять и появиться*.

4. Параллельно развивается малочисленная группа каузативов с антонимом *взять и родить*.
5. Незначительно возрастает и группа миративных конструкций со значением *перестать функционировать*, допускающих только неодушевленные референты.
6. В качестве возможных стимулов для возникновения этих инноваций можно рассматривать по крайней мере два фактора:

   a) отдельные глаголы диффузны, допуская как интерпретацию намеренных действий, так и неконтролируемых событий. Это частично связано с их широкой сочетаемостью как в случае *исчезнуть*. Другие – такие, как *разбиться*, нейтральные к признаку ±одушевленность.

   b) Шуточное переосмысление неконтролируемого события в намеренное действие дает мощный импульс для сочетаний типа *взять и умереть* или *взять и родить / родиться.* Таким образом усиливается и эффект неожиданности.

ЛИТЕРАТУРА

Weiss D. 2022a. Russian construction with ‘take’ expressing an unexpected event: their historical origin and development in the 19th century. In A. Andrason, A. Aikhenvald (guest eds.), The rise and fall of serial verb construction. *Stellenbosch Papers in Linguistics* (special volume), *Plus* 65, 37-54

Weiss D. 2022a. Mirative ‘take and do’ constructions in Russian. The impact of negation. In: L. Iomdin, J. Milićević, & A. Polguère, eds. (2022). Lifetime linguistic inspirations: To Igor Mel'čuk from colleagues and friends for his 90th birthday. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 101, Peter Lang Verlag. 443-453.

Weiss D. 2023. Zur Grammatikalisierung der russischen Mirativ-Konstruktionen mit *vzjat’:* neue IPFV Verben mit *brat’,* in: H.Bartels, Th.Menzel, J.P. Zeller (Hrsg.), Einheit(en) in der Vielfalt von Slavistik und Osteuropakunde. Festschrift für Gerd Hentschel aus Anlass seines 70. Geburtstags. Peter Lang, Lausanne etc. 2023, 497-512.

INFORMATION STRUCTURE OF THE BULGARIAN SENTENCE AND FOCUS TYPES

ELEONORA YOVKOVA-SHII (JAPAN)
University of Toyama

1.Introduction

The problem of the information structure of the Bulgarian sentence has been a subject of disputes for a long time and many works deal with this problem. However, some questions still stay open and need further examination. One such question concerns the problem of the pragmatic realization of the subject in regard to the focus types. The questions which need further examination are: 1) What factors determine the structural realization of the subject in the information structure of the sentence? 2) Is there a canonical position in the sentence for the focal subject? 3) Is it possible to distinguish information and contrastive (identification) focus in Bulgarian?

2. Word order and information structure

Bulgarian has free word order and various linearizations of the sentence constituents are possible. Georgieva (1974: 66-67) states that communicative intent, functional perspective and logical stress are the factors which might influence the linearization of the constituents in the Bulgarian sentence. However, traditionally, the structure of the basic (simple, declarative) sentence favors a description in which the grammatical relations as *subject, object, verb* and the ordering of the constituents in accordance to their syntactic role play a major role, and the SVO word order is considered to be the canonical one.

Since Bulgarian has lost its declension, word order became the primary mechanism for distinguishing the pragmatic roles of the sentence constituents and in the normal situation, the linearization of the elements goes from 'old' (known information/topic) to 'new' (unknown information/focus). Ivanchev (1957) calls such word order 'objective word order' and says that the objective word order, which usually coincides with the canonical word order, is much more prevalently found in the written language where there can be no recourse to logical stress or intonation for the signaling of 'rheme'.

After the declension loss, Bulgarian developed the morphological category of definiteness (the article). The development of the category of definiteness in languages is related to the fact that because information values (i. e., higher and lower degrees of 'givenness') cannot be invariably signaled by the word order, articles distinguishing definite and indefinite referents may help to identify given and new information. That is why articles prevail in subject prominent ([+Sp, -Tp]) languages.

In some recent studies (Krapova 2004), Bulgarian has been classified as a discourse-configurational language which has developed a subset of syntactic means to encode discourse functions such as topic and focus.

In Bulgarian, topic and focus can be found both at sentence-initial and sentence-final position (Ivanchev 1975, 1968; Tisheva 2007). Thus, initial subjects need not to be topic. Again, subjects need not occupy initial position. The non-canonical word orders are derived from the basic one by means of movement operations triggered by information-structural features. The movement of the elements whose typical position is before the verb to a post-verbal position is generally viewed as focalization, while the opposite movement, i.e., the movement of the elements whose typical position is post-verbal to a pre-verbal position is regarded as topicalization (Tisheva 2013: 19). Since the canonical position of the subject is pre-verbal, focalizing subjects is usually related to the movement of the subject to a post-verbal position (Tisheva&Dzhonova 2006).

Although the information structuring of the Bulgarian sentence displays relative freedom, as Krapova (2004: 1) claims, the word order, at least in the preverbal field (left periphery of the sentence), is largely shaped by information structure requirements. Thus, the initial definite subject is usually interpreted as topic. Ivanchev (1957) points out that the basic requirements for a subject to be a topic are initial position and determinedness. This is the default realization of the information packaging of the Bulgarian sentence and the preferred interpretation in case of syntactic ambiguity (ex. 1).

(1) *[Lăvitzata* FEM*] napadna [tigritzata* FEM*]*.[1]

female lion attacked female tiger

Initial topical subjects are usually definite[2]. The article plays an important role in the information structuring of the Bulgarian sentence; however, it cannot be viewed as an

[1] When the subject and the object are masculine nouns, the distinction of the nominative (subject=actor) and non-nominative (object=patient) is possible on the base of the long and short forms of the article. Thus, the only possible interpretation for the sentence *Uchitel**jat** poxvali uchenik**a**.* is "The teacher praised the student.", where the initial definite NP marked by the long form of the article (*uchitel**jat***) is invariably the actor=nominative (subject), and the final definite NP marked by the short form of the article (*uchenik**a***) is invariably the patient=non-nominative (object). However, such distinction exists only in masculine, while in feminine, neuter, and plural one and the same form is used in nominative and non-nominative (ex.1). Without any context, and especially in the written language where the prosodic factors (logical stress) are ineffective, example (1) can be interpreted in two ways: "The female lion attacked the female tiger", or (*lit*.) "It was the female lion whom the female tiger attacked." However, Bulgarian has developed syntactic means to eliminate such ambiguity. Thus, when the initial NP (*lăvitzata*) needs the interpretation of non-nominative (object), Bulgarian requires an obligatory clitic doubling (enclitic accusative of the personal noun co-referring with the noun) for the object topicalization, i.e., *[Lăvitza**ta**]*O *[ja]*O *napadna [tigritza**ta**]*S. (*lit*.) "The female lion, it was attacked by the female tiger."

[2] The opposite claim, i.e., initial definite subjects are necessarily topics, however, is not true.

absolute criterion for the distinction of the pragmatic roles since foci can also be initial and definite.

3. Focus and focus types

Following Krifka (2008) and Erteschik-Shir (2007), we will define focus as follows: focus is that pragmatic component which "expresses the most important and salient information in the proposition which is usually new or, if not new, re-emphisizes already available information". Different types of focus (information focus, regular focus, contrastive focus, identification(al) focus, closed focus, open focus, emphatic focus, exhaustive focus, broad focus, narrow focus, etc.) have been discussed in the literature. In this study we deal with 2 types of focus, i.e., information focus and contrastive (identification) focus. There is a general tendency to distinguish between information focus and contrastive (identification) focus in the following way. Information focus is commonly thought of as that part of the utterance that introduces new (non-presupposed) information into the discourse, namely by providing an answer to a *wh*-question. A single constituent of the sentence or the whole sentence can be in the scope of the information focus. Contrastive (identification) focus, on the other hand, "is necessarily associated with a contextually determined set of alternatives, for which the predicate holds potentially" (Zubizarreta 1998: 6). Krapova (2004: 3) argues that contrastive focus "conveys new information only indirectly: by emphasizing the information the speaker typically brings forward a (potentially) novel quality or property of what is being talked about". While information focus is present in every sentence, since every sentence has some update potential, not every sentence contains a contrastive (identification) focus. Again, contrastive (identification) focus is not uniform across languages and in the languages where it exists this type of focus is associated with a distinct structural position (Kiss 1998).

4. Research questions and analysis

1) What factors determine the structural realization of the subject in the information structure of the sentence?

Said in briefly, the realization of the subject in the information structure of the Bulgarian sentence is related to its pragmatic function, topic or focus.

> (2) *V toja grozen chas djado Koleda izleze iz poslednoto selo.[...]*[***Staretzăt***]T *(=djado Koleda) zachuden sprja pred kăshtata.* "In this ugly time Santa Claus went out of the final village. The old man [=Santa Claus] suprised stopped infront of the house."
> [https://chitanka.info/authors]
> (3) *Chakashe ni* [***dălăg păt***]F. "A long journey was waiting for us."
> (4) A: [***Koj***]F *živee v taja kăshta?* "Who is living in this house?"
> B: *Tuk živee* [***advokatăt Leshchinski***]F. "Lawyer Leshchinski is living here."

[https://chitanka.info/authors]

2) Is there a cannonical position in the sentence for the focal subject?

The normal position for the information focus is final (post-verbal), but initial (pre-verbal) information foci, especially when they express already available information and the noun (phrase) is definite, are also possible (5). Again, when the whole sentence expresses new information (all-new, answering the question "*What happened*"), the focal (indefinite) subject more often occupies initial position (6).

(5) A: [***Koj***]InfF *plashta za ekskurzijata?* "Who pays for the trip?"
B: [***Firmata***] InfF *plashta*. "The company pays."
(6) [***Shofjor blăsna 13 godishno momiche i izbjaga***]All-newF. "A driver hit a 13 years-old girl and ran away." (Darik News 20.12.2024)

3) Is it possible to distinguish information and contrastive (identification) focus in Bulgarian?

Contrastive (identification) focus expresses not new but already available information. For that reason, contrastive (identification) focal subjects are normally definite and occupy initial position (7).

(7) [***Deteto na săsedite*** *(e tova, koeto)*] Contr/IdentF *igrae na dvora*. "It is the child of the neighbors who is playing in the yard."

Information focus, however, can also express already available information, be definite, and occupy initial position (5). Thus, sentence position, definiteness, and type of information cannot be absolute criteria for the distinction of information and contrastive (identification) focus.

In some previous works (cf. Yovkova-Shii 2024), we discussed another factor on the base of which the two types of focus can be distinguished, namely, 'set of alternatives'. According to Krifka (2008), information focus works within an 'open set' of alternatives while contrastive (identification) focus works within a 'closed set' of alternatives. We will correct a little bit this claim, stating that the contrastive (identification) focus always presupposes the existance of some set (closed or open) of alternatives (8,9), while the information focus is not associated with any set of alternatives (4,5).

(8) A: [***Koja ot vsichkite***]Contr/IdentF [3] (=set of alternatives) *e Maria?* "Who of all is Marija. "
B: [***Momicheto s dălga kosa***]Contr/IdentF. "(It is) the girl with long hair. "
(9) [***Bashtata na Petăr***]Contr/IdentF[4] *e uchiteljat*. "It is Petar's father who is the teacher. "

[3] ***Vsichkite*** functions as an indicator for a closed set of alternatives.
[4] Here the set of alternatives is open (one possible example {***bashtata na Petăr, bashtata na Ivan, Dimitrov...***}) since there does not exist any explicit formal indicator on the base of which the set can be determined as closed.

5. Summary

In this study we discussed the information structure of the Bulgarian sentence from the point of view of the structural realization of the subject in the information structure and the mapping of the pragmatic roles topic and focus on the subject, paying special attention to focus and the distinction of the two types of focus, information focus and contrastive (identification) focus.

REFERENCES

Erteschik-Shir, N. 2007. *Information structure*. Oxford: University Press.

Georgieva, E. 1974. *Slovored na prostoto izrechenie v bălgarskiya knižoven ezik* [The word order of the simple sentence in the Bulgarian written language]. Sofija: Bulgarian Academy of Sciences.

Ivanchev, S. 1957. Nablyudenija vărhu upotrebata na chlena v bălgarskiya ezik [Observations of the usage of the article in the Bulgarian language]. *Bălgarski ezik*, VII, No.6, 499-524.

Ivanchev, S. 1968. Problemi na aktualnoto chlenenie na izrechenieto [Problems of the actual division of the sentence]. S*lavjanska filologija*, vol.10, 39-53.

Kiss, K. 1998. Identificational focus versus information focus. *Language* 74, 245–273.

Krapova, I. 2004. Word order in topic-focus structures in the Balkan languages. *L'Europa d'oltremare. Contributi iitaliani al* IX *congress internazionale dell' association intaernationalle d'etudes du sud-est Europeen*, Tirana, 30 agosto-3 settebre 2004. Romania Orientale 7 XVII, 139-161.

Krifka, M. 2008. Basic notions of information structure. *Acta linguistica hungarica* 55, 243–276.

Tisheva, Y. 2007. On right dislocation and marginalization in bulgarian. In: *Linguistic investigations into formal description of slavic languages.* Frankfurt am Main: Peter Lang International Verlag der Wissenschaften, 389-397.

Tisheva, Y. 2013. *Pragmatichni aspecti na ustnata Rech* [Pragmatic aspects of the speech]. E-izdanie na tsentăr za semiotični i kulturni izsledvanija.

Tisheva, Y., M. Dzhonova 2006. Starijat "nov" topik [The old "new" topic]. In: *Slavistika i obshtestvo* [Slavic studies and society], comp. M. Mladenova, I. Monova. Sofija: Heron press, 231-237.

Yovkova-Shii, E. 2024. Yovkova-Shii, E. Identificational focus in the written bulgarian language.*Journal of research institute*. Kobe city University of Foreign Studies. 2024, vol.65, 197-214.

Zubizarreta 1998: Zubizarreta M. L. *Prosody, focus and word order*. MIT Press: Cambridge, Mass, 1998.

LANGUAGE INTENSITY AND (NON)VIOLENT COMMUNICATION IN SOUTH SLAVIC LANGUAGES

VESNA MIKOLIČ (SLOVENIA)
Science and Research Centre Koper (SI)
University of Trieste (IT)
Vesna.Mikolic@zrs-kp.si

This article analyzes the linguistic modality and intensity of the Slovene language in comparison to the languages Bosnian, Croatian, Montenegrin and Serbian (BCMS), based on the communication styles characteristic of these language communities. The study draws on the theoretical framework of pragmatics and intercultural pragmatics and applies a corpus-based methodology. Using corpora of internet texts of the above-mentioned languages from the CLARIN Knowledge Centre for South Slavic Languages (CLASSLA), a comparative linguistic analysis was carried out to identify linguistic devices and their role in the expression of language intensity. The corpus analysis of intensity modifiers shows a tendency for intensifiers to occur more frequently and mitigators less frequently in the BCMS languages than in Slovene. The notable exception is the Slovene intensifier *zelo* 'very', which occurs more frequently than its counterparts in the BCMS languages. Furthermore, the linguistic analysis shows that the BCMS languages have a wider range of synonymous expressions for intensifiers and mitigators, while in Slovene typically only one or two exist for a given meaning. Of these Slovene expressions, usually only one is used regularly in different language genres, while the other occurs mainly in written or literary contexts. This limited lexical variation of intensity modifiers is one reason for the frequent use of *zelo* in Slovene, while the second reason is to be found in the text domains of the individual corpora, since the Slovene corpus contains a significantly larger proportion of advertising texts than other corpora. The findings suggest that online discourse in all the analyzed South Slavic languages is marked by a high degree of linguistic intensity, particularly in contexts of evaluative expression, thereby carrying increased potential for eliciting strong affective responses in digital communication.

DATA SOURCES

BSR – Senahid HALILOVIĆ, Amra HALILOVIĆ, 2014: *Bosansko-slovenski rječnik*. Sarajevo: Slavistički komitet, Ljubljana: Kulturno-obrazovni zavod Averroes.

Kontekst.io – *Kontekst.io. Sorodni izrazi in sinonimi v sodobni slovenščini, hrvaščini in srbščini.* Spletni portal: https://www.kontekst.io/.

Nikola LJUBEŠIĆ, Filip MARKOSKI, Elena MARKOSKA, Tomaž ERJAVEC, 2021: *Comparable corpora of South-Slavic Wikipedias CLASSLA-Wikipedia 1.0, Slovenian language resource repository CLARIN.SI*. ISSN 2820-4042. http://hdl.handle.net/11356/1427.

Nikola LJUBEŠIĆ, Peter RUPNIK, Taja KUZMAN, 2024a: *Bosnian web corpus CLASSLA-web.bs 1.0, Slovenian language resource repository CLARIN.SI*. ISSN 2820-4042. http://hdl.handle.net/11356/1927.
Nikola LJUBEŠIĆ, Peter RUPNIK, Taja KUZMAN, 2024b*: Croatian web corpus CLASSLA-web.hr 1.0, Slovenian language resource repository CLARIN.SI*. ISSN 2820-4042,.http://hdl.handle.net/11356/1929.
Nikola LJUBEŠIĆ, Peter RUPNIK, Taja KUZMAN, 2024c: *Montenegrin web corpus CLASSLA-web.cnr 1.0, Slovenian language resource repository CLARIN.SI*. ISSN 2820-4042. http://hdl.handle.net/11356/1930.
Nikola LJUBEŠIĆ, Peter RUPNIK, Taja KUZMAN, 2024č: *Serbian web corpus CLASSLA-web.sr 1.0, Slovenian language resource repository CLARIN.SI*. ISSN 2820-4042. http://hdl.handle.net/11356/1931.
Nikola LJUBEŠIĆ, Peter RUPNIK, Taja KUZMAN, 2024d: *Slovenian web corpus CLASSLA-web.sl 1.0, Slovenian language resource repository CLARIN.SI*. ISSN 2820-4042. http://hdl.handle.net/11356/1882.
Simon RIGAČ, 2005: *Mali srbsko-slovenski in slovensko-srbski slovar. Mali srpsko-slovenački i slovenačko-srpski rečnik.* Ljubljana: DZS.
Simon RIGAČ, 2009: *Mali hrvaško-slovenski in slovensko-hrvaški slovar. Mali hrvatsko slovenski i slovensko hrvatski rječnik*. Ljubljana: DZS.
Jerica SNOJ, Martin AHLIN, Branka LAZAR, Zvonka Praznik, 2016: *Sinonimni slovar slovenskega jezika*. Ljubljana: Založba ZRC.
Slovar sopomenk sodobne slovenščine. Spletni portal: https://viri.cjvt.si/sopomenke/slv/.

REFERENCES

Neil BERMEL, 2015: Corpora and quantitative data in Slavic languages. *Russian Linguistics* 39. 275–282.
John WAITE BOWERS, 1963: Language intensity, social introversion, and attitude change. *Speech Monographs* 30. 345–352.
Penelope BROWN, Stephen C. LEVINSON, 1987: *Politeness: Some Universals in Language Use*. Cambridge: Cambridge University Press.
Christian BURGERS, Anneke DE GRAAF, 2013: Language intensity as a sensationalistic new feature: The influence of style on sensationalism perceptions and effects. *Communications* 38. 167–188.
Marcella COSTA, 2013: Morfologia valutativa. *Italiano e tedesco: questioni di linguistica contrastiva*. Ur. Sandra Bosco Coletsos in Marcella Costa. Alessandria: Edizioni dell'Orso. 157–187.
Nikola DOBRIĆ, 2012: Savremeni jezički korpusi na zapadnom Balkanu – istorijat, trenutno stanje i budućnost. *Slavistična revija* 60/4. 677–692.
Tomaž ERJAVEC, 2012: MULTEXT-East: morphosyntactic resources for Central and Eastern European languages. *Language Resources and Evaluation* 46. 131–142.
Bradley S. GREENBERG, 1976: The effects of language intensity modifications on perceived verbal aggressiveness. *Communication Monographs* 43/2. 130–139.
Paul GRICE, 1975: Logic and conversation. *Studies in Syntax and Semantics III: Speech Acts*. Ur. Peter Cole in Jerry L. Morgan. New York: Academic Press. 183–198.
Mark A. HAMILTON, 2012: Verbal aggression: Understanding the psychological antecedents and social consequences. *Journal of Language and Social Psychology* 31. 5–12.
Tomo KOROŠEC, 1998: *Stilistika slovenskega poročevalstva.* Ljubljana: Kmečki glas.
Geoffrey LEECH, 1983: *Principles of Pragmatics.* London: Longman
Timothy R. LEVINE, Michael J. Beatty, Sean Limon, Mark A. Hamilton, Ross Buck, Rebecca M. Chory-Assad, 2004. The dimensionality of the verbal aggressiveness scale. *Communication Monographs* 71. 245–268.
Christine LIEBRECHT, Lettica HUSTINX, Margot Van MULKEN, 2019: The Relative Power of Negativity: The Influence of Language Intensity on Perceived Strength. *Journal of Language and Social Psychology* 38/2. 170–193.
Christine LIEBRECHT, Lettica HUSTINX, Margot van MULKEN in Peter Jan SCHELLENS, 2018: Two dimensions of language intensity in evaluative discourse: Contextuality and semantic richness.

The Construction of Discourse as Verbal Interaction. Ur. María de los Ángeles Gómez González in J. Lachlan Mackenzie. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 273–296.

Nikola LJUBEŠIĆ, Taja KUZMAN, 2024: CLASSLA-web: Comparable Web Corpora of South Slavic Languages Enriched with Linguistic and Genre Annotation. *Proceedings of the 2024 Joint International Conference on Computational Linguistics, Language Resources and Evaluation (LREC-COLING 2024).* Torino: ELRA and ICCL. 3271–3282.

Vesna MIKOLIČ, 2005: Izrazi moči argumenta v znanstvenih besedilih. *Knjižno in narečno besedoslovje slovenskega jezika*. Ur. Marko Jesenšek. Maribor: Slavistično društvo. 278–291.

Vesna MIKOLIČ, 2007: How to express the power of arguments in academic discourse. *Wissenschaftliches Schreiben abseits des englischen Mainstreams = Academic writing in languages other than English. Sprache im Kontext, 25.* Ur. Ursula Doleschal in Helmut Gruber. Frankurt am Main: Peter Lang. 105–125.

Vesna MIKOLIČ, 2012: Teaching Slovenian and Italian communication style. *Speech acts and politeness across languages*. Ur. Leyre Ruiz de Zarobe in Yolanda Ruiz de Zarobe. Bern: Peter Lang. 337–366.

Vesna MIKOLIČ, 2017: TILKA Educational Model and Nonviolent Communication. *Croatian Journal of Education* 19/ 2. 49–60.

Vesna MIKOLIČ, 2019: O modifikatorima moći ili intenziteta u bosanskom i slovenskom jeziku. *Bosanskohercegovački slavistički kongres II: Zbornik radova (knjiga 1)*. Ur. Senahid Halilović, Mehmed Kardaš, Emira Mešanović-Meša. 63–71.

Vesna MIKOLIČ, 2020: *Izrazi moči slovenskega jezika*. Koper: Založba Annales ZRS, Ljubljana: Slovenska matica.

Ismail PALIĆ, 2014: Mogući okvir za opis epistemičkomodalnih iskaza u bosanskome jeziku. *Sarajevski filološki susreti 2: zbornik radova, knjiga 1*. Sarajevo: Bosansko filološko društvo. 153–181.

Agnes PISANSKI PETERLIN, 2015: So prevedena poljudnoznanstvena besedila v slovenščini drugačna od izvirnih? Korpusna študija na primeru izražanja epistemične naklonskosti. *Slavistična revija* 63/1. 29–43.

Mojca SMOLEJ, 2004: Obvezni in neobvezni členki. *Slavistična revija* 52/2. 144–55.

Elija VENTOLA, Anna MAURANEN (Ed.), 1996: *Academic writing: intercultural and textual issues.* Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Pubishing Company.

Anna WIERZBICKA, 1997: *Understanding Cultures Through Their Key Words*. Oxford: Oxford University Press.

Anna WIERZBICKA, 2003: *Crosscultural Pragmatics*. The Semantics of Human Interaction. Berlin: Mouton de Gruyter.

Dušanka ZVEKIĆ-DUŠANOVIĆ, 2011: *Modalnost. Motivaciona modalnost u srpskom i mađarskom jeziku.* Novi Sad: Filozofski fakultet Novi Sad.

Andreja ŽELE, 2000: Komunikacijska (naklonska) vloga sklopov v časopisnem jeziku (z vidika aktualizacije slovarske reference). *Kultura, identiteta in jezik v procesih evropske integracije.* Ur. Inka Štrukelj. Ljubljana: Društvo za uporabno jezikoslovje Slovenije. 299–314.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОБОСОБЛЕННОСТЬЮ И МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ И ИНТОНАЦИОННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬЮ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ МЕЖДОМЕТИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Оксана Канерва (Финляндия)

Аннотация
Доклад посвящен взаимосвязи между морфосинтаксической и интонационной выразительностью звукоподражательных глагольных междометий. Анализ данных из устного корпуса НКРЯ показал, какие языковые единицы из полученной выборки были синтаксически обособленными, морфологически и интонационно выразительными, а какие — нет. Логлинейная модель обнаружила высокую взаимосвязь между этими тремя признаками, но при этом морфологическая выразительность не всегда была сопряжена с синтаксической обособленностью.
Ключевые слова: интонационная выразительность, морфологическая выразительность, синтаксическая независимость, звукоподражательные глагольные междометия

1. Вступление

1.1. Слова типа *бац, хлоп* и *щелк* как выразительные единицы языка

В русском языке слова типа *бац, хлоп* и *щелк* традиционно причисляются либо к звукоподражательным междометиям, воспроизводящим звуки (Шведова 1980 (I); Карцевский 1984; Viimaranta & Vihervä 2020), либо к глагольным междометиям или глагольно-междометным формам, обозначающим резкие движения или действие (Шведова 1980 (I); Кор Шаин 2008; Мхитарьян 2016). Эти слова также характеризируются как звукоподражательные глагольные междометия, совмещающие способность отображать звуки, указывать на действие или эмоциональные реакции говорящего (Канерва, 2023). Ясно то, что они представляют собой особую категорию слов, которые обладают высокой экспрессивность и могут компактно предоставлять информацию о разнообразных событиях, связанных со звуками.

В классической интерпретации экспрессивная функция междометий проявляется в их способности эффективно выражать различные эмоциональные реакции и чувства, а также отображать отношение к ситуации (Виноградов 1947: 568; Исаченко 1960: 508). Как междометия, так и звукоподражания относятся к экспрессивной лексике (Hinton et al. 1994; Foolen 2012; Dingemanse, Akita 2017) в том плане, что междометия выражают реакцию говорящего на внешний раздражитель, отображая активный стимул, вызывающий переживание, а звукоподражания выражают сам звук или отсылают к объекту, его породившим (Bloomfield 1933: 156–157).

Следует подчеркнуть, что слова типа *бац, хлоп* и *щелк* могут не только отображать звуки, действие или эмоции, но обладают уникальной способностью концентрировать в себе всю смысловую нагрузку, которую традиционно передают целые высказывания (Kanerva 2020), а иногда случается и так, что ни звук, ни действие в них не подразумевается совсем, а основной акцент делается на восприятие ситуации говорящим (Viimaranta & Kanerva 2025).

1.2. Грамматическая независимость звукоподражаний и междометий

В типологическом аспекте одной из отличительных черт как междометий, так и звукоподражаний является их грамматическая независимость (Meinard 2015). С точки зрения синтаксиса, междометия в русском языке могут представлять собой отдельные предложения или обособленные синтаксические конструкции (Шведова 1980: I). Другие исследователи также отмечают способность междометий образовывать либо самостоятельные междометные предложения (Валгина и Светлышева 1993: §2.9.2), либо используются в составе вводных и вставных конструкций (Германович 1966: 93).

Слова типа *бац, хлоп* и *щелк* часто не связаны с остальной частью предложения, что делает их синтаксически обособленными. Интересной является особенность глагольных междометий русского языка встраиваться в структуру предложения, выступая его членом, зачастую подлежащим (Шведова 1980: I). По мнению Виймаранта и Вихервя (Viimaranta & Vihervä 2019), предикативная функция слов типа *бац, хлоп* и *звяк* представляет собой характерную особенность русского языка.

Суммируя выщесказанное, эти единицы могут быть как синтаксически интегрированными в структуру предложения, так и полностью синтаксически обособленными. Они способны входить в состав предложения, выполняя функцию глагольного сказуемого, тем самым становясь синтаксическим ядром предложения. В то же время эти слова могут быть синтаксически автономными: выступать в роли отдельного предложения или формировать обособленные конструкции, такие как вводные или вставные элементы.

Отсутствие словообразовательных и словоизменительных аффиксов, а также лаконичность формы придают этим единицам синтаксическую гибкость, а наличие глагольного корня позволяет им выполнять предикативную функцию и синтаксически интегрироваться в структуру предложения. Примечательным является то, что они обладают значительной подвижностью: могут располагаться в начале, в середине или в конце предложения.

1.3. Морфологическая выразительность слов типа *бац, хлоп* и *щелк*

Морфологическая структура междометий также играет важную роль в их выразительности. Междометия и звукоподражания, как правило, имеют простую морфологическую структуру — состоят из корневых морфем (Meinard 2015). Многие междометия имеют редуплицированные или повторяющиеся морфемы, например, *бабах, трах-бах, тарарах, буль-буль, кап-кап-кап*. Повторение звуков или слогов может придавать этим словам дополнительную эмоциональную окраску, акцентировать внимание на силе звука или его влиянии на наблюдателя. Повторение и редупликация морфем также может использоваться как прием морфологической выразительности, которая помогает выдвигать слова на передний план на фоне остальной части высказывания (Zwicky & Pullum 1987). Морфологическая выразительность междометий позволяют выделять их в потоке речи, оказывая значительное влияние на восприятие информации. Эта особенность может быть использована для подчеркивания их значимости в отображении особенностей звукового события. Также, морфологическая форма междометий может быть связана с их прагматическим значением, играя важную роль в контексте общения.

1.4. Интонация и выразительность слов типа *бац, хлоп* и *щелк*

Интонация — это важный элемент, который усиливает выразительность слов. В русском языке интонация играет ключевую роль в выделении смысловых частей высказывания, а также в выделении экспрессивных единиц, таких как междометия и звукоподражания. Элементы, маркированные интонационно, выделяются среди остальных и привлекают больше внимания (Havránek 1964: 10). Интонационная выразительность может быть определена как степень выделения одних элементов на фоне других (Dingemanse & Akita 2017: 505). Интонационно выделенные элементы отличаются от других, которые встроены в интонационную структуру высказывания и не имеют такой маркировки. В русском языке к основным средствам интонационного выделения относятся фокусное ударение, восходящая интонация и паузы (Chernov et al. 2004: 151). В рамках исследования, проведенного Канерва (Kanerva 2018), которое будет описываться ниже, акцент был сделан на паузах в речи как одном из способов интонационного выделения.

Целью данного доклада является продемонстрировать взаимосвязь между синтаксической обособленностью и морфологической и интонационной выразительностью звукоподражательных глагольных междометий русского языка. Пример высказывания с использованием *тук* из НКРЯ иллюстрирует случай, в котором

все три признака встречаются вместе: *И вдруг… я услышала тот самый тихий свист и осторожное постукивание: /* ***тук, / тук, / тук-тук*** (И. Масленников, Ю. Дунский и В. Фрид «Шерлок Холмс и доктор Ватсон», к/ф1979). Этот пример в свою очередь показывает, что все три признака могут и отсутствовать в высказывании со звукоподражательными междометиями: *В холодную реку лезть надо не понемногу, а так…* ***бух*** *каштан в воду, и дело с концом.* (А.И. Куприн. «Гоголь-моголь». Текст читает Б.Н. Ливанов).

2. Материал

Материал для анализа был собран в 2018 году из устного корпуса НКРЯ, включающего публичные речи, диалоги и стенограммы фильмов. Корпус содержит просодическую разметку и информацию о паузах, что стало ключевым фактором его выбора. Из-за меньшего объема по сравнению с основным корпусом был произведён полный поиск междометий, в результате чего получено 3 272 документа с 490 018 вхождениями. На основе словарей Зализняка (1977) и Кузнецова (1998) была выделена выборка из 15 звукоподражательных глагольных междометий: *бах, бац, бряк, бух, кап, скрип, топ, трах, тук, тяп, хлоп, хлюп, чик, чмок, щелк.* Поиск по каждому междометию из списка дал выборку из 203 примеров с использованием 12 ЗГМ (*бах, бац, бряк, бух, топ, трах, тук, хлоп, хлюп, чик, чмок, щелк*), так как некоторые слова из первоначального списка из 15 ЗГМ не функционируют в Корпусе как междометия и были исключены в итоге. Также в 203 примерах из Корпуса, составляющих материал исследования, были расставлены отсутствующие знаки препинания (см. Kanerva 2018).

3. Метод

3.1. Таблица кросс-табуляции

Для анализа возможной взаимосвязи между морфологической и просодической выразительностью ЗГМ и их синтаксической обособленностью на основе собранных 203 примеров из Корпуса была составлена таблицы кросс-табуляции. Обработка данных проводилась в программе SPSS Statistics 24. Каждое высказывание оценивалось по трём параметрам (наличие или отсутствие признака), что дало восемь возможных комбинаций (0:0:0 – 1:1:1), где «0» обозначает отсутствие признака, а «1» — его наличие. Кросс-табуляция позволила установить количественное распределение примеров по этим комбинациям. Таблица кросс-табуляции (см. Таблица 1) отражает частоту появления

каждой из восьми комбинаций, то есть количество случаев в Корпусе с разными сочетаниями трёх признаков.

		Отсутствие морфологической выразительности	Присутствие морфологической выразительности	Всего
Синтаксическая интеграция	Отсутствие интонационной выразительности	43 (21,2%)	7 (3,4%)	50 (24,6%)
	Присутствие интонационной выразительности	1 (0,5%)	1 (0,5%)	2 (1,0%)
Синтаксическая обособленность	Отсутствие интонационной выразительности	28 (13,8%)	6 (3,0%)	34 (16,7%)
	Присутствие интонационной выразительности	56 (27,6%)	61 (30,0%)	117 (57,6%)
Всего		128 (63,1%)	75 (36,9%)	203 (100%)

Таблица 1. Интонационная выразительность, морфологическая выразительность и синтаксической независимость слов типа *бац, хлоп* и *щелк* в русском языке (на материале из Kanerva 2018, а также Канерва 2023).

3.2. Логлинейная статистическая модель

Для анализа зависимостей между тремя категориальными переменными была использована логлинейная статистическая модель. Для ее построения была использована программа SPSS Statistics 24. Результаты показали высокую степень зависимости между тремя переменными p=0,901. При этом корреляция между синтаксической независимостью и экспрессивной морфологией была значимо ниже p=0,662. Стандартизированные остатки колебались между -0,265 и +0,322, что свидетельствует о корректной работе модели.

4. Обсуждение результатов

Из логлинейной модели видно, что между интонационным выдвижением на первый план, синтаксической независимостью и экспрессивной морфологией существует высокая взаимосвязь. Все эти три параметра часто встречаются вместе в предложениях со словами типа *бац, хлоп* и *щелк*. Несмотря на это, синтаксическая обособленность не очень хорошо сочеталась с морфологической выразительностью.

Из таблицы кросс-табуляции видно, что 21,2% примеров с синтаксической интеграцией не имеют ни интонационной, ни морфологической выразительности, а

30,0% примеров с синтаксической обособленностью являются как интонационно, так и морфологически выразительными. Эти случаи вместе составляют больше половины, а именно 51,2%, из нашей выборки. Примечательным является то, что 27,6% всех примеров имели интонационно выразительные и синтаксически обособленные единицы, которые при этом были морфологически невыразительными, 13,8% всех примеров содержали синтаксически обособленные единицы, которые не были ни интонационно, ни морфологически выразительными (более детально см. Kanerva 2018).

5. Выводы

Результаты говорят о том, что взаимосвязь между интонационной и морфологической выразительностью, а также синтаксической независимостью слов типа *бац, хлоп* и *щелк* является многогранной. Эти характеристики не существуют отдельно друг от друга, а тесно взаимодействуют в рамках одного высказывания. Например, интонационная и морфологическая выразительность часто совпадают с синтаксической обособленностью, создавая особый тип экспрессивности в языке. При этом синтаксически независимые звукоподражательные междометия не обязательно должны содержать повторяющиеся или редуплицированные морфемы, а слова с повторяющимися или редуплицированными морфемами не всегда бывают отделены знаками препинания от остальной части предложения.

Очевидным является то, что слов типа *бац, хлоп* и *щелк* занимают особое место в грамматической и экспрессивной структуре русского языка. Их выразительность не ограничивается только лексическим значением, но также включает интонационные и морфосинтаксические характеристики, что делает их важными инструментами для передачи эмоций и реакций говорящего, я также воздействия на слушателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина, Н.С., и Светлышева, В.Н. (2001). *Орфография и пунктуация: справочник.* Москва: Неолит.
2. Виноградов, В.В. (1947). *Русский язык: Грамматическое учение о слове.* Москва; Ленинград: Государственное учебно-педагогическое издательство.
3. Германович, А.И. (1966). *Междометия русского языка: пособие для учителя.* Киев: Радянська школа.
4. Зализняк, А.А. (1977). *Грамматический словарь русского языка. Словоизменение.* Москва: Русский язык.
5. Исаченко, А.В. (1960). *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология: часть 2.* Братислава: Издательство Словацкой академии наук.

6. Канерва (2023). *Русские звукоподражательные глагольные междометия в свете экспериментальных и корпусных данных.* Дис. доктора философии. Helsinki: Slavica Helsingiensia, 56.
7. Карцевский, С.О. (1984). Введение в изучение междометий. *Вопросы языкознания, 6*, 127–137.
8. Кор Шаин, И. (2008). Плюх! — плюх — плюхнуть(ся). К вопросу об эволюции нарративных предикатов в свете корпусных данных. В кн.: А. Мустайоки, М.В. Копотев, Л.А. Бирюлин, Е.Ю. Протасова (ред.). *Инструментарий русистики: корпусные подходы*. Хельсинки: Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures, 152–162.
9. Кузнецов, С.А. (1998). *Большой толковый словарь русского языка: А-Я*. Санкт-Петербург: Норинт.
10. Мхитарьян, Г.С. (2016) *Грамматический статус и функционирование глагольно-междометных форм в современном русском языке.* Дис. кандидата филологических наук. Пятигорск.
11. Шведова, Н.Ю. (1980). *Русская грамматика.* Москва: Наука.
12. Bloomfield, L. (1933). *Language.* London: George, Allen & Unwin.
13. Chernov, G.V., Setton, R. & Hild, A. (2004). *Inference and anticipation in simultaneous interpreting: A probability-prediction model.* John Benjamins.
14. Dingemanse, M., & Akita, K. (2017). An Inverse Relation between Expressiveness and Grammatical Integration: On the Morphosyntactic Typology of Ideophones, with Special Reference to Japanese. *Journal of Linguistics, 53*(3), 501–532. https://doi.org/10.1017/S002222671600030X
15. Foolen, A. (2012). The relevance of emotion for language and linguistics. In A. Foolen, U.M. Lüdke, T.P. Racine & J. Zlatev (Eds.), *Moving ourselves, moving others: motion and emotion in intersubjectivity, consciousness and language* (pp. 349–368). Amsterdam, Netherlands: John Benjamins.
16. Havránek, B. (1964). The functional differentiation of the standard language. In P.L. Garvin (Ed.), *A Prague School reader on aesthetics, literary structure, and style* (pp. 3–16). Washington, DC: Georgetown University Press.
17. Hinton, L., Nichols, J., & Ohala, J.J. (1994). *Sound Symbolism.* Cambridge: Cambridge University Press.
18. Kanerva, O. (2018). Correlation between expressiveness and syntactic independence of Russian onomatopoeic verbal interjections. *Poljarnyj Vestnik: Norwegian Journal of Slavic Studies, 21*, 15–30. https://doi.org/10.7557/6.4435
19. Kanerva, O.A. (2020). Russian onomatopoeic verbal interjections. Why use 'non-words' instead of ordinary ones? *RSUH/RGGU Bulletin. 'Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies' Series 7*, 130-146. https://doi.org/10.28995/2686-7249-2020-7-130-146
20. Meinard, M.E.M. (2015). Distinguishing onomatopoeias from interjections. *Journal of Pragmatics, 76*, 150–168. https://doi.org/10.1016/j.pragma.2014.11.011
21. Viimaranta, J. & Vihervä, M. (2019). The Use of Onomatopoeic Interjections in Predicate Function in Russian and Other Languages: A Perspective from the Corpus of Parallel Texts of the Russian National Corpus. *Scando-Slavica, 65*(2), 239–262. https://doi.org/10.1080/00806765.2019.1672092
22. Viimaranta, J., & Kanerva, O. (2025). The Uses of the Russian Onomatopoeic Interjection bats 'bam, bang.' *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, *59*. https://doi.org/10.11649/sfps.3278
23. Zwicky, A.M., & Pullum, G.K. (1987). Plain morphology and expressive morphology. In *Proceedings of the Thirteenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society* (pp. 330–340), Berkeley, CA: Berkeley Linguistics Society.

THE PRAGMATICALIZATION OF CONSTRUCTIONS: THE RUSSIAN DISCOURSE ITEMS *KAK BY TO/TAM NI BYLO* AND *ČTO BY TO/TAM NI BYLO*

LUDMILA PÖPPEL (SWEDEN

The present study examines the transition of regular lexical and syntactic structures into discourse markers, focusing on the concept of pragmaticalization. This term is used to describe the process by which lexical and syntactic structures acquire discourse functions such as modal modification or discourse structuring. The evolution of discourse markers is regarded as a type of pragmaticalization, since their meaning often includes elements of the speaker's attitude toward the described situation. The status of pragmaticalization in linguistic theory remains a subject of debate, and no unified criteria exist for distinguishing it from grammaticalization and lexicalization. Brinton (2010: 64), for example, argues that "[p]ragmaticalization, it seems to me, is just a subspecies of grammaticalization, not a distinct process," thus treating pragmaticalization as a subclass of grammaticalization. Many studies of discourse item development place the process within the broader framework of grammaticalization (Traugott 1995; Brinton 1996), making the notion of pragmaticalization appear redundant. However, it is obvious that the development of a discourse function by linguistic expressions, that is, the function of modal modification of the proposition, is a process in its own right, calling for a dedicated study. It is convenient to have a separate term to describe the process. However, the development of discourse functions follows its own path and deserves separate attention. A separate term is therefore useful, which is why this study adopts the term "pragmaticalization."

The process of pragmaticalization, as defined here, involves the acquisition of discourse functions alongside a loss of the original semantic and syntactic relations. The analysis centers on two near-synonymous constructions – *kak by to/tam ni bylo* and *čto by to/tam ni bylo* – with the aim of identifying principles underlying their pragmaticalization. The empirical data are drawn from the spoken, main, and parallel corpora of the Russian National Corpus (RNC), as well as the Russian section of the Open Parallel Corpus (OPUS) in Sketch Engine.

The discourse markers under investigation have emerged from the regular concessive paradigm [k-pronoun by P], resulting in shifts in both meaning and function. Earlier concessive constructions such as *kak ni/kak by ni* and *čto ni/čto by ni* have been examined in detail in Xrakovskij (1999: 103–122) in his study of the category of concession in Russian.

Unlike regular constructions introduced by *kak by ni* and described by Xrakovskij, the discourse marker *kak by to/tam ni bylo* is always non-factive. The pragmaticalization of this

discourse marker manifests the loss of the possibility of factive interpretations the discourse markers are not part of the proposition. Cf. (1) and (2).

(1) *Kak by to ni bylo,* no problemy u nas s nim budut.
'I'm afraid we'll have some trouble with him.' [Sketch Engine, 3436761]

(2) *Kak by tam ni bylo*, kino inogda nas "cepljaet". 'However it may be, cinema sometimes "hooks" us.' [RNC main corpus: O. G. Rogov. Kino, kotoroe možet izmenit' žizn'. Vašu? "Volga"]

The present analysis has shown that the construction *čto by to/tam ni bylo* retains some features of regular concessive constructions. It denotes a situation that occurred in the past, but unlike regular constructions introduced by *čto by ni, čto by to/tam ni bylo* loses its iterativity. Cf. (3) and (4).

(3) *Čto by tam ni bylo – vse ravno vse nadejalis' na lučšee. [*RNC main corpus: *V. Mixal'skij. Vesna v Karfagene*]
'Whatever happened, everyone still hoped for the best.'
(4) *Čto by to ni bylo*, ja pozabočus' o tebe.
'Whatever it is, I'll take care of you.' [Sketch Engine, 5919531]

The constructions *kak by to/tam ni bylo* and *čto by to/tam ni bylo* are further discussed in V. Apresjan (2015). Her analysis primarily focuses on the semantic parameters themselves, rather than the aspectual and temporal characteristics of the verb forms in both the main and subordinate clauses. *Kak by to ni bylo* is analyzed as one realization of the [k-pronoun (*by)* + *ni]* construction. V. Apresjan (2015: 65–73) identifies two meanings of the construction: a general sense (5) and a concessive sense (6). Cf. (5) and (6).

(5) *Kak by to ni bylo, gostinicy "Leningrad" na segodnjašnij moment bol'še ne suščestvuet. [*RNC main corpus: *M. Loktjuxov. Vasilij Ivanovič*]
'At any rate, the Leningrad Hotel no longer exists today.'
(6) *Kak by to ni bylo, vsemu prixodit konec. [*RNC main corpus: *A. Sogomonov. Sovremennyj gorod: strategija identičnosti*]
'However it may be, everything comes to an end.'

In the general sense, this construction is more idiomatic; it is more strongly lexicalized and pragmaticalized, but in the concessive sense it retains its close tie to the regular pattern *kak by ni* P. *Čto by to ni bylo* has only one concessive sense. Cf. (7)

(7) Obidy, sožalenija, – mama skazala mne na ėto odnaždy: "*Čto by to ni bylo*, ėto tvoj papa i ty ego edinstvennyj rebenok, nado ljubit' i prinimat' ego takim, kakoj on est'". [RNC main corpus: I. Virabov. Andrej Voznesenskij]
'Grievances, regrets, Mom told me about this once: "Either way, he's your Dad and you're his only child; you have to love him and accept him as he is".'

V. Apresjan's analysis (2015) confirms conclusions made in the present study based on Xrakovskij (1999) on the difference in level of pragmaticalization between the constructions *kak by to/tam ni bylo and čto by to/tam ni bylo.* The conclusions of Xrakovskij and V. Apresjan,

along with data from phraseological dictionaries, indicate that *čto by to/tam ni bylo*, unlike *kak by to/tam ni bylo*, has not yet become a fully lexicalized item. The present analysis confirms the difference in the level of pragmaticalization between the constructions *kak by to/tam ni bylo* and *čto by to/tam ni bylo* and further highlights new functional developments.

A key indicator of lexicalization and pragmaticalization is structural stability, assessed here through statistical analysis. Only *kak by to/tam ni bylo* was included, as the high degree of homonymy in *čto by to/tam ni bylo* made it unsuitable for this purpose. The results indicate that *kak by to/tam ni bylo* displays a high degree of structural stability.

The constructions under study have moved away from regular concessive syntax toward use as independent lexical items. In this respect, their current status can be described as the result of lexicalization. These expressions have exited the category of subordinate concessive clauses and entered the class of parentheticals with specific discourse functions. This shift involves not merely a change in syntactic role but a transition from freely generated grammatical structures to fixed lexical units. Notably, *čto by to/tam ni bylo* remains only partially lexicalized. This is because the main function of these items in speech – the modal modification of a proposition – is to identify the proposition within these items' scope as true despite potential doubts or contradicting circumstances.

In the case of *kak by to/tam ni bylo* and *čto by to/tam ni bylo,* it seems best to speak not only of lexicalization, but also of pragmaticalization. This is because the main function of these items in speech – the modal modification of a proposition – is to identify the proposition within these items' scope as true despite potential doubts or contradicting circumstances.

Keywords: pragmaticalization, construction, concessive clause, Russian

REFERENCES

Apresjan, Valentina. 2015. *Ustupitel'nost': mexanizmy obrazovanija i vzaimodejstvija složnyx značenij v jazyke* [Concessivity: mechanisms of formation and interaction of complex meanings in language]. Moskva: Jazyki russkoj kul'tury.

Brinton, *Laurel*. 1996. *Pragmatic markers in English*. Berlin/New York: de Gruyter.

Brinton, *Laurel*. 2010. The development of *I mean*: implications for the study of historical pragmatics. In Susan Fitzmaurice & Irma Taavitsainen (eds), *Methods in historical pragmatics*, 37–80. Berlin: Mouton de Gruyter.

Traugott, Elizabeth Closs. 1999. The rhetoric of counterexpectation in semantic change: A study in subjectification. In Andreas Blank & Peter Koch (eds.), *Historical semantics and cognition* (Cognitive Linguistics Research 13), 177–196. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.

Xrakovskij, Viktor. 1999. Universal'nye ustupitel'nye konstrukcii [Universal concessive constructions]. *Voprosy jazykoznanija* 1, 103–122

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ КАК СРЕДСТВО ОРГАНИЗАЦИИ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)

Елена Граф (Германия)

В докладе рассматриваются особенности дискурсивных маркеров как средства управления коммуникацией. Особое внимание уделяется дискурсивным маркерам, восходящим к глаголам речи (verba dicendi). В исследовании прослеживается их развитие и особенности употребления в украинском языке по сравнению с русским, а также с учетом влияния польского языка на украинский в ходе языковых контактов.

В славянских языках глаголы речи являются чрезвычайно продуктивным источником прагматикализации дискурсивных маркеров. Их функции в современных славянских языках варьируются от выражения отношений между отдельными репликами в структуре устного диалога или между составными частями текста (напр., маркеры передачи прямой речи, маркеры цитирования или маркеры достоверности высказывания), до метакоммуникативной функции (представленной, в частности, многочисленными конструкциями с деепричастиями, ср. русс. *мягко говоря*, укр. *короче кажучи* и др.), а также функции маркирования вежливости (например, смягчение так называемых «ликоугрожающих» актов *face-threatening acts*) или функции так называемых хеджей (ср. русс. *так сказать*, укр. *так би мовити* и др.).

Что касается влияния языковых контактов на прагматикализацию дискурсивных маркеров, то корпусные данные подтверждают интересную особенность, в частности, в украинском языке, который на разных этапах своего культурно-исторического развития находился как под влиянием русского, так и под влиянием польского языков. Так, в украинском языке существует как параллельный русскому глаголу „говорить“ глагол *говорити*, так и глагол *казати* (параллельный польскому глаголу kazać – который, однако, в настоящее время используется в польском языке в значении русск. „приказывать“).

Согласно корпусным данным частота употребления обоих глаголов в их исконном значении „говорить/сказать“ в современном украинском языке сравнительно одинакова. Примечательно, однако, что именно в функции дискурсивного маркера в украинском языке украинский глагол *казати* (например, в его прагматикализованной перформативной форме 1.PSG *кажу тобі* „говорю тебе“) встречается намного чаще, чем параллельный русскому глагол *говорити*. Поскольку польский глагол *kazać* (согласно историко-этимологическим данным), претерпел свою специализацию значения (в смысле «приказывать», «повелевать») только в XIV веке, а до этого использовался в старопольском как

глагол говорения, то можно предположить, что украинский дискурсивный маркер *кажу тобі* утвердился в этом своем употреблении уже во времена включения украинских поселений в состав Королевства Польского и Речи Посполитой, – а гораздо менее частотный (и параллельный русскому языку) украинский дискурсивный маркер *говорю тобі*, по-видимому, появился в украинском языке гораздо позже, по аналогии с русским языком. Таким образом, языковые контакты играют особую роль в процессе прагматикализации дискурсивных маркеров, восходящих к глаголам речи.

Корпусные данные также показывают, что – помимо языковых контактов – также аспектуальные характеристики глаголов речи оказывают влияние на прагматикализацию той или иной функции дискурсивного маркера. Так, в русском языке существует дискурсивная конструкция в функции категорического императива, как например, *я сказала!* – причем функционирует она исключительно с глаголом совершенного вида. Интересно также отметить, что в украинском и польском языках таких параллельных дискурсивных конструкций не наблюдается.

Таким образом, становится очевидным взаимодействие различных экстралингвистических и внутриязыковых факторов при прагматикализации дискурсивных маркеров от глаголов речи.

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕСТОИМЕНИЯ НЕИЗВЕСТНОСТИ *КАКОЙ-ТО*

SVETLANA SLAVKOVA (ITALIA)
Università di Bologna, Campus di Forlì

1. Вступление

В статье рассматриваются семантические особенности и прагматические функции неопределенных местоимений с частицей *-то*, относящихся к классу местоимений неизвестности – то есть таких, при которых обозначаемый объект не известен ни говорящему, ни адресату (Падучева 2001, 2016). Эти местоимения выражают специфически неопределенную референцию (*specific indefinite* в терминологии Haspelmath 1997). Согласно (Падучева 2001: 211), неизвестность может иметь различные разновидности – например, отсутствие знакомства (приходили какие-то люди), невозможность вспомнить (подарил мне какую-то книгу), отсутствие визуального контакта (кто-то стучит). Неопределенность рассматривалась и в работах Н.Д. Арутюновой (1998), прежде всего, как маркер отклонения от нормы и невыраженной семантики признака.

Согласно определению Е.В. Падучевой, неопределенное местоимение *какой-то* «оформляет именную группу с конкретно-референтным статусом» (Падучева 2016). Ниже мы кратко перечислим основные значения приименного *какой-то* (какой-то + NOM), представленные в Проекте корпусного описания русской грамматики (http://rusgram.ru), после чего перейдем к анализу местоимения *какой-то* во всех его формах, употребляемого в приатрибутивной (*какой-то* + A + N) и припредикативной (*быть* + *какой-то* + A) позициях.

2. Основные значения приименного *какой-то*

2.1. Значение ‘говорящему неизвестно, какой’

В атрибутивной функции местоимение *какой-то* в значении ‘говорящему неизвестно, какой’ (Падучева 2016) определяет общее имя с конкретно-референтным статусом (1), допускается также наличие приименного определения[1] (2).

[1] Такие номинации, предполагающие некоторую двусмысленность: «И для определения степени деформации существует ***какая-то простая формула***». (О. Гладов. Любовь стратегического назначения). В приведенном примере возможна интерпретация 'неизвестно какая простая формула' [какая-то [простая формула]], но также 'формула, против ожиданий, простая' [[какая-то простая] формула].

(1) В этот момент бригадира остановила ***какая-то женщина*** *с портфелем*… (НКРЯ)[2]
(2) Как я и предполагала, он уже давно познакомился с ***какой-то*** *высокоморальной* ***девицей***: до свадьбы ни-ни, мурыжила его под своими окнами и требовала походов в музей.

Значение неизвестности – а вместе с ним неясности и неконкретности обозначаемого понятия – предполагает неоднозначность интерпретации и может служить основой для прагматически нагруженных употреблений. Так, например, базовое значение неизвестности в сочетании с конкретным денотативным значением имени собственного может приводить к эффекту пренебрежительности, как в примерах (3) и (4):

(3) Секретарша говорит: Все в порядке. С этой резолюцией идите к товарищу Мишулину! Я удивляюсь: При чем здесь ***какой-то Мишулин***
(4) Странная люминесцентная пальма при входе напомнит не Париж, а ***какой-то Лас-Вегас***.

2.2. Значение ‘неважно, какой’

Во втором значении ‘неважно, какой’ *какой-то* не указывает на неизвестность объекта, а подчеркивает несущественность номинации (Падучева 2016), которая может быть объективной или субъективной.

(5) Рядом с ним лежит кошка Мадлен, на плече сидит попугай, а рядом стоит ***какая-то баланда***, называемая супом из овощей.

В этом примере *баланда* выступает как родовое наименование, синонимичное *похлебке, вареву*; говорящий как бы показывает, что конкретный «вид» блюда не имеет значения. Существенны лишь базовые признаки: 'жидкая (горячая) еда', которая должна быть супом, но таковым не является.

2.3. Значение ‘незначительный’

Близким к предыдущему Е.В. Падучева (2016) считает третье значение, в котором *какой-то* передает значения ‘небольшой’, ‘не заслуживающий внимания’ и которое как правило, относится к количественным параметрам и к их оценке. Это могут быть временные отрезки, расстояния, единицы измерения – см. примеры (6) и (7):

(6) Посмотрите на Европу: цены на бензин повышаются на ***какие-то проценты*** – и сразу массовый протест.

[2] Все примеры в данной работе взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ): www.ruscorpora.ru.

(7) Представляете, как заманчиво: протопал ***каких-то четверть*** тысячи километров – и из твоего «личного дела» стирается вся негативная карма.

2.4. Значение ‘похожий’, ‘в каком-то смысле’

Четвертое значение *какой-то* (‘похожий’, ‘в каком-то смысле’) отражает неточность номинации (Падучева 2016) , в которой говорящий отдает себе отчет.

(8) ***anutikmor:*** А ведь фильм-то не новый (снят уже 15 лет назад), но смотрится всегда с удовольствием, всегда с ***каким-то трепетом*** в душе.

Отмеченные выше неточность, неясность и неоднозначность интерпретации становятся основой для прагматически мотивированных употреблений. Особенно это проявляется в тех случаях, когда говорящий сознательно стремится к размытости выражения. Такая стратегия позволяет ему использовать местоимение *какой-то*, прежде всего в сочетании с прилагательными – как в составе атрибутивной, так и предикатной именной группы.

3. Приадъективное употребление *какой-то*

Ниже мы рассмотрим сочетания с *какой-то*, исходя из предположения, что неясность или нечеткость признака может быть связана с градуируемостью качественных прилагательных,[3] а значит – с категорией интенсивности. Как известно, градуируемый признак соотносится с определенной шкалой, что предполагает возможность как соответствия норме, так и отклонения от нее. Это, в свою очередь, создает основу для прагматической оценки признака. Иными словами, если говорящий при помощи неопределенного местоимения *какой-то* подчеркивает релевантность признака и тем самым выдвигает его на первый план, это неизбежно порождает специфический прагматический эффект.

(9) Машина пришла вовремя, и там сидел человек в штатском с ***каким-то серым*** лицом.

(10) По воспоминанию современника «торжественное оправдание Веры Засулич происходило как будто в ***каком-то ужасном***, кошмарическом сне.

[3] Здесь уместно напомнить высказывание Н.Д. Арутюновой о том, что, если «признак не допускает варьирования […], НМ (неопределенной местоимение – С.С.) не может быть употреблено», и поэтому можно сказать *Юбка была какая-то грязно-белая*, но нельзя сказать **Юбка была какая-то черная* (Арутюнова 1998: 820).

Как видно из примеров (9) и (10), прилагательные *серый* и *ужасный* обладают отрицательной коннотацией, которая однако смягчается за счет коммуникативной стратегии: добавляя *какой-то*, говорящий тем самым ослабляет категоричность оценки.

Другой вариант этого употребления наблюдается, когда *какой-то* входит в состав предикатной именной группы в позиции ремы. В подобных случаях говорящий, осознавая, что признак звучит слишком резко или некомплементарно, стремится смягчить оценку, лежащую в основе предикации, не изменяя при этом лексического наполнения, как в примерах (11)–(14). Функцию такого смягчающего или размывающего характеристику средства вновь выполняет неопределенное местоимение *какой-то*:

(11) ***Perfect Enemy:*** Да, сцена с дневной встречей довольно надуманна, а **замес** с охранниками перед финальной схваткой и вовсе ***какой-то сумбурный***.
(12) ***Маринка:*** Что-то у нас лето не заладилось, **погода *какая-то странная***.
(13) Вообще, и сама дорога, и концерт – **все** было ***каким-то размытым***.
(14) А по льду, на канале, катаются на коньках люди. […] И люди ***какие-то некрасивые***, и одеты во что-то коричневое. И домики некрасивые, грязные. Картина прекрасная – а люди и домики некрасивые, и деревья некрасивые.

Тем не менее, хотя подобные случаи встречаются значительно реже, предицируемый признак может быть и положительным – см. примеры (15)–(16). При этом, с семантической точки зрения, сохраняется ключевое условие – градуируемость признака и нечеткость его границ. Что касается прагматической составляющей, можно допустить, что прилагательные с положительной коннотацией чаще всего называют неожиданное (неуместное) в описываемой ситуации качество. В таких случаях добавление *какой-то* создает эффект смыслового оксюморона.

(15) Все-таки это неприятно, то, что вы говорите… Почему? А по-моему, у Мастакова ярко выраженная индивидуальность… **Протест *какой-то красивый***. Не хочу чистить ногти, не хочу быть как все. Анархист. В этом есть ***какой-то благородный*** **протест**.
(16) Он закрепил и дом с землей и деревней за обеими сестрами, за что обе они опять по-своему благодарили его. Бабушка хмурилась, косилась, ворчала, потом не выдержала и обняла его. Совсем необыкновенный ты, Борюшка, – сказала она – ***какой-то хороший*** **урод**! Бог тебя ведает, кто ты есть!

4. Заключение

Таким образом, неопределенное местоимение *какой-то* функционирует не только как маркер неизвестности, но и как инструмент речевой стратегии, позволяющий говорящему варьировать степень определенности и выражать, помимо семантической нечеткости, также свое отношение к номинации или признаку. Особую прагматическую нагрузку приобретает местоимение *какой-то* в приадъективных позициях, где он участвует в моделировании субъективной интерпретации признака – от смягчения

категоричности оценки до смысловой амбивалентности. Прослеживается также связь приадъективного *какой-то* с градуируемостью качественных прилагательных, к которым оно относится, в частности с феноменом отклонения от нормы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Арутюнова (1998) Арутюнова Н.Д. *Язык и мир человека*. Москва: Языки русской культуры.

Кузмина (1989) Кузмина С.М. Семантика и стилистика неопределенных местоимений. – В: Грамматические исследования: функционально-стилистический аспект. М.: Наука. С. 158–231.

Падучева (2001) Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука.

Падучева (2016) Падучева Е.В. Местоимения неизвестности (http://rusgram.ru). На правах рукописи. М.

Haspelmath (1997) Haspelmath M. Indefinite pronouns. Oxford: Clarendon press.

MEASURING MULTIMODAL EXPRESSIVITY: A CROSS-LINGUISTIC COMPARISON OF ARTICULATOR INVOLVEMENT IN THE PRODUCTION OF FEEDBACK IN RUSSIAN, POLISH, AND GERMAN DYADIC INTERACTION

ANASTASIA BAUER, TOBIAS-ALEXANDER HERRMANN, ANNA KUDER (GERMANY)

Any conversation among humans is rife with feedback, interactional moves that display some kind of stance towards another interlocutor's utterance (Allwood, Nivre, et al. 1992). Feedback serves various conversational functions: it can indicate passive recipiency to signal that the speaker can continue (continuer), acknowledge or agree with a claim (acknowledgment), mark information as new (newsmarker), or evaluate information (assessment) (Gardner 2001).

Recent research studying naturalistic conversational data unveiled feedback as a fundamentally multimodal phenomenon involving the coordination of different articulators (Allwood and Cerrato 2003; Allwood, Kopp, et al. 2007; Truong et al. 2011; Navarretta et al. 2010; Malisz et al. 2016). While previous research has highlighted the crucial role of multimodal feedback in human interaction, it remains an understudied phenomenon – particularly in the visual domain. Feedback may take the form of lexical signals (words like *da* 'yes'), non-lexical signals (vocalizations like 'mm'), manual (gestures such as palm-up) and non-manual signals such as head nods, eyebrow raise, smiles, laughter and most importantly the combination thereof. It is known that feedback is often multilayered, as various feedback signals are combined into larger feedback events (Bauer et al. 2023). Previous research has shown, for instance, that the head is the most frequently used articulator in the production of feedback (Bauer et al. 2023; Lutzenberger et al. 2024). However, it is not yet known whether there is cross-linguistic variation in the multilayeredness of feedback, or whether feedback categories differ in the number of articulators involved in the production of a feedback event. With this study, we contribute to a deeper understanding of how vocal, visual, manual, and non-manual signals combine into complex feedback events in everyday conversation across three different languages.

The combination of different articulators enables feedback events to be conveyed with varying degrees of expressivity. Expressivity is a concept that is used in semantics and pragmatics (cf. Lang 1983; Potts 2007; Gutzmann 2015), the formal semantics perspective (cf. Potts 2007), semiotics and functionally oriented concepts (cf. Bühler 1999; Jakobson 1979). However, the type of expressivity we operationalize here does not refer to "the property of a language to deliver sensory information about an event, an entity, or other culturally determined category through a set of grammatical resources" (Williams 2023: 2). Instead, we focus on the

(degree of) emphasis a speaker uses for a given feedback event (Tanaka 2010). This expressivity in language is achieved through various mechanisms, including the use of multiple articulators in sign languages and prosodic features in spoken languages. In sign languages, expressivity relies on multiple articulators, including manual (hands) and non-manual (facial expressions, head, and upper body) components, which work together to convey meaning, prosody, and grammatical functions through simultaneous and coordinated movements (Dachkovsky 2004; Slonimska et al. 2020).

In this study, we extend the notion of expressivity to spoken languages – specifically, to the production of feedback. We conceptualize *multimodal expressivity* as the degree to which multiple articulators are engaged during feedback production. The more articulators involved in a feedback event, the more expressive the event is considered to be. Using a quantitative approach, we code articulator involvement – such as head, eyebrow, shoulders movements, facial expressions, manual gesture and vocal signals – as a proxy for expressivity in each of the three languages under investigation. By comparing articulatory complexity across languages, we aim to measure multimodal expressivity and identify systematic variation in how feedback is realized, thereby revealing typological tendencies in multimodal interactional practices. Our research question is: Do Russian, Polish and German differ in their multimodal expressivity in the production of feedback?

This study presents a cross-linguistic analysis of feedback behavior in dyadic spoken interaction, focusing on three languages: Russian, Polish, and German. By using recently collected multimodal data (Bauer 2023; Kuder et al. 2023), we analyzed approximately 30–45 minutes of spontaneous, face-to-face conversation per language, yielding a total of around 2 hours of free interaction. For each language, we recorded three dyads (six participants total): one consisting of interlocutors who were already familiar with each other, and two consisting of unfamiliar dyads. All conversations were video- and audio-recorded in a controlled but naturalistic setting, using a multi-camera setup that enabled high-resolution capture of a wide range of visual signals. In addition to facial expressions and head movements, the recordings allowed for the fine-grained analysis of hand gestures, gaze behavior, upper body posture shifts, and mouth activity beyond articulated speech (e.g., mouth gestures which can accompany or substitute vocal feedback). In total, we annotated approximately 1,000 feedback events comprising 2,500 individual feedback signals, categorized according to their articulatory modality (vocal, manual, non-manual). The multimodal datasets were annotated using ELAN (Bauer 2025) and analyzed quantitatively to assess the degree of articulatory complexity and co-occurrence patterns across the three languages.

Based on the described multimodal datasets, we propose an expressivity score that integrates the frequency and diversity of articulator signals as well as their co-occurrences. The score reflects how expressively feedback is conveyed by accounting for both the rarity and intensity of individual signals, the duration of their articulation, and their combination across modalities. Signals that are infrequent across the dataset or rarely used by a given interactant are weighted more heavily, while frequently used, less marked signals contribute less to the overall expressivity score. This approach enables cross-linguistic and individual comparisons of feedback behavior within and across interactional contexts.

Although one might assume that languages differ in their multimodal expressivity – and some previous studies have reported that individuals from Eastern Europe exhibit greater reservation in smiling compared to Western Europeans and Americans (Arapova 2017; Szarota 2010) – our preliminary findings show no substantial differences in the multimodal expressivity of feedback across the three languages studied. However, the data reveal cross-linguistic differences between categories of feedback. Specifically, continuers tend to be less expressive than assessments. Continuers are typically one-layered, produced either through head movements (particularly head nods) or vocalizations such as *mm*. In contrast, assessments tend to engage a larger number of articulators (e.g., smiles, body leans, manual gesture, vocalizations or words) during feedback events. These findings underscore the importance of cross-linguistic research in understanding how multimodal signals shape face-to-face interaction.

REFERENCES

Allwood, Jens and Loredana Cerrato (2003). "A study of gestural feedback expressions". In: *First Nordic Symposium on Multimodal Communication.* Copenhagen: Gothenburg University Publications, pp. 7–22.

Allwood, Jens, Stefan Kopp, et al. (2007). "The analysis of embodied communicative feedback in multimodal corpora: a prerequisite for behavior simulation". In: *Language Resources and Evaluation* 41.3-4, pp. 255–272.

Allwood, Jens, Joakim Nivre, et al. (1992). "On the Semantics and Pragmatics of Linguistic Feedback". In: *Journal of Semantics* 9.1, pp. 1–26.

Arapova, Maria A. (2017). "Cultural differences in Russian and Western smiling". In: *Russian Journal of Communication* 9.1, pp. 34–52.

Bauer, Anastasia (2023). *Russian multimodal conversational data*.

– (2025). *ELAN Coding Manual_Multimodal Feedback*.

Bauer, Anastasia et al. (2023). *Multimodal feedback signals: Comparing response tokens in co-speech gesture and sign language.* Barcelona.

Bühler, Karl (1999). *Sprachtheorie: Die Darstellungsfunktion der Sprache*. Stuttgart: UTB.

Dachkovsky, Svetlana (2004). "Facial expression as intonation in Israeli Sign Language: the case of neutral and counterfactual conditionals". In: *Signs of the time. Selected papers from TISLR*, pp. 61– 82.

Gardner, Rod (2001). *When listeners talk: Response tokens and listener stance*. Vol. 92. Pragmatics & Beyond New Series. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.

Gutzmann, Daniel (2015). *Use-conditional meaning: Studies in multidimensional semantics*. Oxford: Oxford University Press.
Jakobson, Roman (1979). "Linguistik und Poetik". In: *Poetik. Ausgewählte Aufsätze 1921–1971*. Ed. by Elmar Holenstein. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, pp. 83–121.
Kuder, Anna et al. (2023). *Polish multimodal conversational data*. en. Artwork Size: 11 GB.
Lang, Ewald (1983). "Einstellungsausdrücke und ausgedrückte Einstellungen". In: *Untersuchungen zur Semantik*. Ed. by Rudolf Růžička et al. Berlin: Akademie, pp. 305–341.
Lutzenberger, Hannah et al. (2024). "Interactional infrastructure across modalities: A comparison of repair initiators and continuers in British Sign Language and British English". In: *Sign Language Studies* 24.3, pp. 548–581.
Malisz, Zofia et al. (2016). "The ALICO corpus: Analysing the active listener". In: *Language Resources and Evaluation* 50.2, pp. 411–442.
Navarretta, Costanza et al. (2010). "Classification of feedback expressions in multimodal data". In: *Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics, 48th ACL*. Uppsala, Sweden: Association for Computational Linguistics, pp. 318–324.
Potts, Christopher (2007). "The expressive dimension". In: *Theoretical Linguistics* 33.2.
Slonimska, Anita et al. (2020). "The role of iconicity and simultaneity for efficient communication: The case of Italian Sign Language (LIS)". en. In: *Cognition* 200, p. 104246.
Szarota, Piotr (2010). "The Mystery of the European Smile: A Comparison Based on Individual Photographs Provided by Internet Users". In: *Journal of Nonverbal Behavior* 34.4, pp. 249–256.
Tanaka, Hiroko (2010). "Multimodal expressivity of the Japanese response particle Huun: Displaying involvement without topical engagement". In: *Studies in Discourse and Grammar*. Ed. by Dagmar Barth-Weingarten et al. Vol. 23. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, pp. 303–332.
Truong, Khiet P. et al. (Aug. 2011). "A multimodal analysis of vocal and visual backchannels in spontaneous dialogs". In: *Proc. Interspeech 2011*, pp. 2973–2976.
Williams, Jeffrey P. (2023). "Introduction". In: *Expressivity in European Languages*. Ed. by Jeffrey P. Williams. Cambridge University Press, pp. 1–10.

LES VERBES DE PERCEPTION AUDITIVE EN RUSSE. LE CAS DE « SLYŠAT'SJA » (SE FAIRE ENTENDRE)

IRINA THOMIERES-SHAKHOVSKAYA (FRANCE)

Le but de l'exposé est de mettre en lumière divers emplois du verbe de perception *slyšat'sja* en utilisant l'approche formelle de Zellig Harris (1976), sans pour autant se cantonner au cadre théorique de ce linguiste.

Si les verbes de perception sonore en particulier, et de perception, d'une manière plus générale, est l'un des sujets peut-être les plus débattus pour ce qui est de la sémantique lexicale, et pas exclusivement, notre exposé vise à enrichir les descriptions existantes.

Il s'agit de passer en revue le nombre et la nature sémantique des arguments dudit verbe spécifiques à chaque emploi verbal donné. Le sens strict, les emplois métaphoriques et la synesthésie seront trois grands axes du travail. Les notions d'« observateur » et de prototype permettront de dresser un tableau lexical complexe et détaillé du verbe *slyšat'sja.*

Conformément à Harris (1976): une phrase donnée est l'ensemble du prédicat sémantique, ici *slyšat'sja*, et de ses arguments, le cas échéant. Chaque emploi prédicatif (Gross, G., diverses dates) de *slyšat'sja* sera décrit en indiquant le nombre maximum des arguments et leur nature sémantique.

1. *Slyšat'sja* et ses arguments.

Dans la majorité des cas, avec un seul (N0) se rapporte à un événement sonore : *slyšat'sja* + *N0perception.* Par exemple : *Слышится шум сражения, войско бежит на стены..*Verbe pronominal, *slyšat'sja* pris isolément (sans argument au datif) n'indique pas l'observateur du phénomène perceptif [au sens large].

Souvent, la phrase comprend également un localisateur : nom de lieu, d'un adverbe ou d'un embrayeur : *Везде слышались весёлые песни.*

Pour décrire les arguments du verbe, nous allons utiliser la classification sémantique des substantifs telle qu'elle figure dans les travaux de Maurice et de Gaston Gross. Ainsi, dans *Везде слышались весёлые песни*, on a affaire à un adverbe de type statif [Lakoff]. Or, mis à part les adverbes, on relève des cas où le narrateur -observateur situe le phénomène « observé » au moyen d'un substantif avec la préposition : *В подвальчике слышался смех*. Il arrive même que le nom de lieu (Nloc) est en réalité un objet concret (Ninc): .. *всегда слышался в трубке мягкий, но грустный голос*.

Le localisateur « dynamique » indique la source du son « s (de, depuis)/iz (de, depuis), sa

provenance et/ou son point d'arrivée : *Снизу, с Волги, слышались негромкие голоса, звуки гитары*. Ces marqueurs sont également admis avec d'autres verbes, à savoir de déplacement, de mesure, etc. Ce qui est en revanche exceptionnel c'est la diffusion du « son » rendu au moyen d'un nom de lieu (terre ou eau), cette fois précédée de la préposition *po* (ici : à travers).

Il n'existe cependant pas de de rapport biunivoque entre l'emploi de *po* et le verbe « dynamique » : *по Неве слышались тихие всплески торговых барок.* Or, la plupart du temps, *po + datif* assure une autre valeur, à condition de décrire un « sons » : *Часто по телефону слышалось: — Эй, Залегаллер !*

La notion d'« observateur » [capitale en aspectologie] attire une attention particulière. Ainsi, lorsque le narrateur insiste sur le fait qu'une personne donnée (lui-même ou pas) perçoit un « son » donné, c'est le « nom humain » (Nh) qui va apparaître : *В ушах уже слышался грохот орудий и разрыв снарядов*. Les oreilles, organe de perception sonore par exception, sont présentées comme le conteneur des « sons ».

À ce niveau, on ouvre une double piste d'exploration. D'un côté, le rôle des adverbes combinés à *slyšat'sja.* D'autre part, la métaphore.

Considérons d'abord les adverbes. Selon nos calculs, ceux-ci sont nombreux et ils se laissent diviser en classes sémantiques en fonction de leur valeur : précision : (*otčëtlivo*, *jasno*), fréquence (*často, besprestanno*), puissance(*gromko*), etc. : *Но мне ясно и отчётливо слышится их совсем тихий и удивительный звон*. Le percepteur *mne* nous place face à la structure : *Nperception slyšat'sja N2percepteur.* Or, il arrive plus souvent que le percepteur soit présupposé, c'est le narrateur lui-même.

Notons que l'adverbe au comparatif peut aussi apparaître : *В гулкой коридорной пустоте всё отчётливей слышался сдержанный голос начальника госпиталя*. Le comparatif peut être analytique ou synthétique.

2. Les emplois métaphoriques.

Passons, comme nous l'avons annoncé, aux emplois métaphoriques de *slyšat'sja.* La bibliographie sur ce sujet est plus qu'abondante. Ceux-ci se laissent regrouper en deux ensembles : la représentation des « sons » en tant que conteneurs d'autres « sons » et la synesthésie « son » - « odeur ». Ainsi, dans l'exemple *В стрёкоте отчётливо слышались слова: «Прочь бежать »,* le verbe de perception « passive », *slyšat'sja* possède 2 arguments : *v N0perception slyšalis' N1perception.* Si le schéma similaire est déjà apparu ci-dessus, il en va autrement du second paramètre de description des schémas prédicatifs qu'on avait annoncé dans notre introduction : les arguments. Dans l'exemple cité, un « son » sert de conteneur à un

autre. Ce phénomène est relativement fréquent même si le rapport « son1 » - « son2 » n'est pas toujours du type locatif : *Среди ровного гудения троллейбуса слышались слова …:*

La localisation du « son » est parfois donnée au moyen d'un point de repère, comme ci-dessus, mais cette fois, le repère est « perceptif » : le murmure et ce repère est « traversé » par le « son » : *Сквозь шорохи причудливых растений отчётливо слышались .. удары.* S'il n'y a pas de relation biunivoque entre l'idée du « conteneur – contenu » et le « son », cette représentation « localiste » s'étend à l'absence du « son » : *Казалось, мир поёт; в тишине отчётливо слышалась мерная, торжественная мелодия.* Tout rappelle la structure *slyšat'sja + N0 v N1*.

« Le silence est le signe zéro du son », avait affirmé Cage (*Op. cit.*). Le vrai « son » *melodija* (mélodie) y est opposé à *tišina.* C'est grâce à l'absence totale de son, le contexte le dit, que la mélodie se laisse entendre *otčëtlivo* (nettement). En continuant l'analyse, on relève des exemples où *tišina* lui-même se trouve coordonnée *slyšat'sja* ou encore à d'autres verbes spécifiques des « sons » (*donosit'sja* - parvenir*, stojat'* – litt. être, se trouver) : *Издалека доносилась тишина, а изредка какое-то дружное тоскливое пение*.. Ainsi, *tišina* se laisse placer sur le même registre que *le chant.*

Les exemples cités avec *silence,* au même titre que les « sons » prototypiques, sont représentés tantôt comme le conteneur d'un « son » (*v tišine slyšalis' sokrušënnye vozdyxanija vdov*) mais aussi comme un obstacle : *skvoz' tišinu slyšitsja inogda golos*.

Nous revenons maintenant vers notre exemple avec le nom de « son » *molčanie,* proche sans coïncider avec *тишина,* on note que son fonctionnement est absolument spécifique : *За молчанием его слышалось нам невероятное.* En termes sémantiques, *molčanie,* un nom d'action cette fois (à la différence du *silence*), une action volontaire de la part du sujet humain volontaire, ne peut pas servir de conteneur d'un événement perceptif.

3. La synesthésie

La suite de notre exposé explore un autre cas de type de la métaphore, la synesthésie. Celle-ci est complexe : du verbe de « son » -> à l'olfaction (*aromat*), au tact (*dyxanie*), au goût et à la vue. Les mots de la sphère des « odeurs » sont en effet les plus fréquents dans le corpus : *В комнате было свежо от распахнутой форточки, и всё же в воздухе отчётливо слышался запах табака.* Le localisateur est ici *vozdux* (l'air)*,* mais, d'après nos observations, les noms de lieux, noms propres ou noms communs, sont également admis : *po derevne* (à travers tout le village)*,* etc.

Mais la similitude avec les « sons » ne s'arrête pas là. Voyons la liste des noms

d'« odeurs » susceptibles de se combiner avec *slyšat'sja* . Tous sont pratiquement admis [si la liste est courte en soi, c'est pour les raisons notées par Georges Kleiber, divers travaux] : nom simples (*blagouxanie, aromat, smrad*) et noms composés (*zapax duxov, zapax dyma, ladana,* etc.). Ces noms, simples ou composés (cf. Kleiber) sont illustrés par les exemples suivants : .. *сквозь этот сильный запах отчётливо слышался аромат и весенней травы, и горячих камней,*

Si *aromat* oriente vers la connotation positive (odeur agréable), ou vue comme telle par le narrateur, son origine est précisée par les substantifs au génitif : *trava, kamni,* etc. La nature précise de l'odeur n'est pas exprimée au niveau adjectival, seule l'appréciation générale, agréable au récepteur, est présente.

Notons à ce propos un fait intéressant. Ce sont souvent les noms des substances odorantes en soi (odeur « prototypique ») qui se combinent avec *slyšat'sja* : *Вещи в комнате были расставлены в беспорядке, слышался запах лекарств.* L'existence d'un parangon commun, ou prototype, ressort ici.

Les exemples cités n'utilisent pas le nom de récepteur. En voici d'autres, cette fois avec la mention du « récepteur » : *То ему чудился прилавок буфета, то.. ему слышался запах мастики*. Le schéma est ici à deux arguments, mais ce N1 est non pas locatif mais Nhumain (nom de sujet humain). Le schéma à deux arguments, mais c'est un autre emploi prédicatif.

Enfin, des cas de synesthésie « son – vue », bien que rares, ont été relevés : *Вместе со светом слышится неразборчивый говор, смех.* Ici, le N1 est un nom de « vue ». Et même, un rapprochement semble se profiler entre un phénomène, même deux, sonores et un phénomène visuel. Linguistiquement, *svet* et *zvuk* se trouvent coordonnés avec les mêmes verbes : *Вместе со светом вылетал из закрытых дверей смех и говор посетителей.* La lumière est associée au son ou à son absence (au silence), selon le cas.

La dernière catégorie que nous allons aborder a pour fondement le paradoxe suivant : même si la même structure est locative, le N1 utilisé est d'une nature spécifique, à savoir, un nom de sentiment (Anscombre, communication personnelle). Un « son » peut donc peut aussi, linguistiquement, être vu comme le conteneur d'une émotion. La condition *sine qua non* est alors spécifique : l'emploi des préposition *v* (à, en dans) : *В голосе губернатора отчётливо слышалось недовольство.* Si le « conteneur », le N qui apparaît dans la stucture « v + N » est souvent *golos* (la voix), nom d'un phénomène sonore « artefact », comme manifestation extériorisée des sentiments*,* Nsent (noms de sentiment) sont nombreux : *radost', neterpenie,* etc. Par exemple : *В крике женщины слышались следы паники*. Notons que, mis à part *golos,* d'autres noms sont des prétendants au rôle du « conteneur » du sentiment, tel *pesnja* : *В этой*

песне слышалась смертельная тоска.

Enfin, il est à noter que *tišina* et *molčanie* peuvent aussi servir de conteneurs de « sons » : *V glubokom molcanii slyšalsja skrip pera komendanta.*

Conclusion

Les propriétés combinatoires de *slyšat'sja* que nous venons d'illustrer permettent de construire un certain prototype des phénomènes sonores en russe. Un phénomène sonore est en effet conceptualisé comme une entité abstraite, n'ayant pas de contours précis, qui peut se déplacer dans l'espace, coexister avec d'autres entités ou, au contraire, s'y opposer. Un phénomène sonore peut localiser mais aussi servir de conteneur pour un autre phénomène sonore ou émotionnel. Il ne peut être appréhendé par le toucher mais peut être décrit. L'interprétation des exemples tirés depuis le corpus www.ruscorpora.ru se base, dans cet exposé sur les notions de prototype et du principe du « rasoir d'Occam », autrement dit, de pertinence.

BIBLIOGRAPHIE

Cage, G., *Silences. Conférences et écrits.* (consulté le 8/5/25, www.bldd.fr/ProductDocumentation/9782940358939_0.pdf)

Felser, C., 1995, *The syntax of verbal complements : a study of perception verbs in English,* Göttingen, Dottorato di ricerca.

Gross, G., 2022, *Manuel d'analyse linguistique. Approche sémantico-syntaxique du lexique,* Villeneuve d'Ascq, Presses Universitaires du Septentrion.

Harris, Z., 1976, *Notes de cours de syntaxe,* Paris, Minuit.

Lakoff, G., Johnson, M., 1980, *Metaphors we live by,* Chicago, London, The university of Chicago press.

Rosch, E., 1975, « Cognitive representations of semantic categories », *Journal of Experimental Psychology: General*, 104-3, pp. 192-233.

Ruchot, T., 2008, *Une grammaire des verbes de perception en russe moderne,* Thèse de doctorat sous la direction de M. Guiraud-Weber, Université de Provence.

Thomières, I., 2023, « *Perception* et *Causation* : le cas des verbes causatifs avec un argument « nom de perception » en russe », *La causativité dans les prédicats, Syntaxe et Sémantique,* N°23, pp. 67-90

Апресян, Ю., 1967, *Экспериментальное исследование семантики русского глагола*, Москва, Наука.

Урысон Е., 2003, *Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике*, Москва, Языки славянской культуры.

DIČ', ČUŠ' I VSJAKAJA DOMAŠNOST': LOW-REFERENTIALITY, VAGUENESS, AND EVALUATION IN RUSSIAN

VALENTINA BENIGNI, MARIA LUISA RUVOLETTO (ITALY)

Building on the pragmatic notions of vagueness and ambiguity (Wasow 2015: 32), this study adopts a usage-based approach to explore the morphological patterns and discursive strategies used in Russian to refer to vague or general concepts.

The central hypothesis of this work is that vagueness and low referentiality are not simply accidental byproducts of lexical gaps or lack of information, but rather deliberate strategies consciously employed by speakers in the process of meaning construction.

In discourse, vague expressions fulfill crucial cognitive and interactional functions: they help speakers manage uncertainty, construct flexible ad hoc categories, express attitudes, and activate shared knowledge. This study pays particular attention to the discursive strategies typically associated with the use of vague and general nouns, such as listing, reformulation, generalization, and ad hoc categorization. On the basis of these discursive contexts, a dataset of referentially vague and ambiguous nouns—both stable and occasional—is compiled and analyzed to investigate their interaction with linguistic and extralinguistic context in meaning construction. A representative example is provided in (1) (Benigni 2018):

(1) *Mne ne nravitsja škol'naja* ***bumagotnja****: otčëty, pisul'ki, programmy, plany i t.d.*
'I do not like school paperwork: reports, scribbles, programs, plans, and so on.'

Here, the occasionalism *bumagotnja*—a feminine noun formed with the suffix *-otnja*—serves not only to generalize a heterogeneous group of school-related documents, but also to negatively evaluate them as a burdensome whole, conveying the sense of 'tedious paper-based documents'. The form recalls the established noun *begotnja* 'running around', a resemblance that supports the acceptability of the neologism and aligns it with the derivational nominal pattern [X-*otnja*]. Within this pattern, the suffix *-otnja* conveys both a collective meaning and a negative speaker stance toward the referent or situation, thereby highlighting the morphopragmatic function of this derivational suffix. The example also illustrates how morphological patterns may intersect with discursive strategies—such as the list *otčëty, pisul'ki, programmy, plany* 'reports, scribbles, programs, plans' and the general extender *i t.d.* 'and so on' (Overstreet 1999)—to produce vague reference.

Beyond *-otnja*, the analysis also considers occasional and evaluative nouns formed with the inherently vague suffixes *-ščina* and *-ucha*, as shown in examples (2) and (3). For a detailed treatment of these generalizing suffixes, see Benigni & Ruvoletto (2022).

(2) *Est' eščë bossing – travlja ot načal'nika, voobšče togo, kto vyšše po činu. Tut bylo predloženo* ***načal'ščina****, po podobiju s* ***dedovščinoj****.* (vk.com/wall-171739823_45018)
'There is also "bossing" – bullying from a supervisor, or in general, from someone of higher rank. Here, *načal'ščina* was proposed, by analogy with *dedovščina*.'

Example (2) illustrates how occasionalisms formed with the suffix *-ščina* are coined to label socially salient yet non-lexicalized phenomena. The form *načal'ščina*, derived from *načal'nik* 'boss', is modeled on *dedovščina*, a well-established term denoting the abusive system of informal hierarchy in the Russian military, in which senior conscripts (*dedy*, lit. 'grandfathers') exert dominance over newer recruits. In this analogy, *načal'ščina* functions as a stylistically marked reformulation of *travlja ot načal'nika* 'bullying by a superior', carrying a distinctly critical connotation.

(3) *Mašin očen' mnogo […] Vstrečajutsja v tom čisle i starye* ***razvaljuchi****.* (RuTenTen11, bcam.spb.ru)
'There are a lot of cars […] You can see also old *clunkers*.'

In (3), the stable noun *razvaljucha*, derived from the verb *razvalit'sja* 'to fall apart' or 'to collapse', refers to an old, dilapidated car. The suffix *-ucha* introduces an element of evaluative generality, allowing the term to be extended to any decrepit object and thus making it particularly apt for contexts of low referentiality.

These examples demonstrate a strong correlation between vague referentiality and specific derivational suffixes that encode not only the indeterminate or composite nature of the referent but also the speaker's evaluative stance. In accordance with the notions of "covert" (Cruse 1986: 148) or "non-lexicalized" categories (Overstreet 1999: 42), such forms act as lexical tools for referring to vaguely bounded or context-dependent entities.

Finally, special attention is given to feminine nouns belonging to the third declensional class, ending in a soft consonant. This class includes many lexemes that appear "open-ended" in meaning—less anchored to discrete entities and more prone to express abstract, collective, or evaluative concepts. A distinction is drawn between non-suffixed and suffixed nouns within this class.

Among the non-suffixed forms, the dataset includes nouns such as *čuš'* 'nonsense; something foolish' and *dič'* 'wild stuff; absurdity', often used for inanimate entities or situations; and *mraz'* 'worthless, contemptible people; losers', *duren'* 'foolish, stupid person', *čern'* 'rabble', or *šelupon'* 'riffraff, , worthless people', typically referring to animate beings. Some nouns exhibit animate/inanimate ambiguity, *nečist'*, which can refer both to 'despicable, vile people; degenerates' and to 'something undesirable, harmful' or *pridur'*, referring to 'idiot, freak' and to 'something stupid'.

(4) *Roza prosit konkurs pro i dlja životnych. Ego možno nazvat' "**Dič', čuš'** i vsjakaja **domašnost'**" (nazvanie – genial'noe predloženie Oma))).* (RuTenTen17, reshetoria.ru)
'Roza is asking for a contest about and for animals. It can be called "*Wild animals*, *nonsense*, and all sorts of *domesticity*" (the title is Oma's brilliant suggestion))).'

The contest title—*Dič', čuš' i vsjakaja domašnost'*—exemplifies the playful and creative use of vague nouns for humorous effect. The name combines three semantically ambiguous nouns into a rhythmically balanced triad. *Dič'*, used here in its literal sense of 'wild animals', simultaneously evokes its figurative meaning of 'absurdity'. *Čuš'* ('nonsense; something foolish') reinforces this interpretation, and, at the same time, subtly recalls the animal theme through its phonetic resemblance to *čuška* 'piglet'. Finally, *vsjakaja domašnost'* 'all sorts of domesticity' introduces a shift in register, evoking images of familiar, homely settings, possibly involving pets and domestic life. Together, these three elements construct a playful conceptual field encompassing the wild, the absurd, and the domestic. This demonstrates how vague or low-referential expressions can simultaneously encode a thematic frame and speaker stance. In particular, *dič'* may oscillate between literal and metaphorical readings—ranging from 'wild nature' to 'nonsensical behavior'—with both interpretations remaining accessible to the speaker and the audience.

The final element of this triad introduces the case of third-declension nouns suffixed with *-ost'*. In this subclass of nouns, the suffix serves to generalize and abstract the meaning of the base, extending it to a quality, a set of properties, or even an abstract concept. Example (5) offers an additional illustration, including an occasional *-ost'* derivative.

(5) *Mne pokazalos', čto derevni tut vygljadjat lučše gorodov […] K primeru, èta Tul'ča – zacholust'e, sovok, uspokaivajuščij **domašnost'ju**, **kurinost'ju**, esli možno tak vyrazit'sja.* (RuTenTen17, vzagranke.ru)
'It seemed to me that the villages here look better than the towns […] Take Tul′ča –, for example—it's a backwater, a pure soviet village, soothing in its *domesticity* and "*chickenness*", if one may put it that way.'

This passage highlights the expressive function of the suffix in conveying subjective evaluation. The noun *domašnost'* 'domesticity' < *domašnij* 'domestic' abstracts a set of qualities associated with comfort and the familiarity of a modest, home-centered lifestyle—implicitly contrasted with urban existence. The occasionalism *kurinost'*, derived from *kurica* 'chicken', humorously conjures a rustic rural atmosphere, suggesting both simplicity and disorder. Both nouns exhibit low referential specificity but carry a high evaluative load, making them particularly effective for expressing speaker stance.

More broadly, the third declension class appears to be a productive source of low-referential and evaluative expressions. In particular, non-suffixed forms seem to constitute a

construction in the sense of Construction Grammar—that is, an abstract schema associated with vague referential meaning and a generalizing function.

The widespread use of strategies for encoding vagueness and low referentiality suggests that speakers employ nominal forms not only to denote concrete referents, but also to compactly "package" subjective attitudes. These strategies often function at the margins of lexicalization and are particularly well-suited to nonce formations—spontaneous coinages that arise in discourse to convey stance or subjectivity.

Methodologically**,** this study adopts a usage-based mixed approach that integrates both corpus-based and corpus-driven methods. In the first phase, following a corpus-based strategy, large-scale corpora such as *RuTenTen17* and *Araneum Russicum Maius* are queried for specific nominal forms and schematic syntactic-discursive patterns (e.g., listings, reformulations) in order to compile a dataset of vague and general nouns. These nouns are then analyzed and classified according to their morphological, semantic, and pragmatic properties, with particular attention to derivational suffixes that signal collectivity, indeterminacy, or evaluation. In parallel, a corpus-driven analysis of the contexts in which these forms occur enables the discovery of additional lexical items and discursive strategies that emerge from the data itself, expanding the inventory of relevant expressions beyond initial expectations.

This study contributes to our understanding of how both peripheral derivational processes and well-established lexical-morphological patterns participate in the encoding of referential vagueness, indeterminacy, and subjectivity. Vague nouns—ranging from occasional derivatives marked by expressive suffixes to entrenched feminine nouns of the third declension—offer valuable insight into the cognitive and communicative strategies speakers use to navigate indeterminacy and to generalize over complex experiences. Crucially, these forms demonstrate that vagueness and ambiguity are not impediments to communication, but rather resources for expressing affective and epistemic stances toward a referent or topic.

REFERENCES

Benigni, V. 2018. Ad hoc categorization in Russian and multifunctional general extenders. In C. Mauri & A. Sansò (eds), *Special Issue: Linguistic strategies for the construction of ad hoc categories: synchronic and diachronic perspectives*, *Folia Linguistica*, 39: 97–123.

Benigni, V. & Ruvoletto, L. 2022. The role of collective suffixation in ad hoc categorization: evidence from Russian. In H. Vassiliadou & M. Lammert (eds), *A Crosslinguistic Perspective on Clear and Approximate Categorization*, 153–176. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.

Cruse, D. A. 1986. *Lexical Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Overstreet, M. 1999. *Whales, Candlelight, and Stuff Like That: General Extenders in English Discourse*. New York/Oxford: Oxford University Press.

Wasow, Th. 2015. Ambiguity Avoidance is Overrated. In S. Winkler (ed.), *Ambiguity: Language and Communication*, 29–48. Berlin/Boston: De Gruyter.

КАК ПОНИМАЮТСЯ ЗАГОЛОВКИ НОВОСТЕЙ? К ВОПРОСУ КЛИКБЕЙТА[1]

КАРОЙ БИБОК (ВЕНГРИЯ)
Сегедский университет
kbibok@lit.u-szeged.hu

1. Введение

В настоящей работе исследуются заголовки новостей в рамках прагматического подхода, который заметно вырисовывается в последнее время и идет на смену более традиционным подходам лингвистики текста, стилистики и семиотики (Finkbeiner 2024). Пересматривая ранее общепринятое положение о том, что заголовок указывает на содержание текста или суммирует его, я демонстрирую тезис о том, что понимание заголовка происходит с учетом самого текста, даже при интерпретации заголовка остальная часть текста является собственно контекстом.

Настоящая работа является продолжением моего прежнего квалификативного анализа заголовков русских и венгерских новостей (Bibok 2024a, 2024b), в котором была построена типология способов их интерпретации, а также была выдвинута гипотеза об их многообразии в сопоставлении с истинным положением дел. Что касается типологии, то она включает в себя очень широкий диапазон интерпретационных возможностей от т.н. обрамления (framing), обусловленного лексическими особенностями разных стилей, через трактовку неоднозначности до экспликатур (в случае недоспецифицированных заголовков) и импликатур (их подтверждение или отмена). А с точки зрения аксиологической оценки мы можем иметь дело с заголовками не только фейковых и/или манипулятивных, но и уговаривающих, оценочных новостей, даже с заголовками, свидетельствующими просто о чрезмерной креативности.

Используя некоторые примеры специальной литературы последних лет, в остальной части этой работы я занимаюсь альтернативными интерпретациями заголовков новостей, которые могут быть предложены в соответствии с разными коммуникативными стратегиями.

[1] Работа над настоящей статьей поддержана подпрограммой «Лингвистическая идентификация фейковых новостей и псевдонаучных воззрений» (*Subprogram for Linguistic Identification of Fake News and Pseudo-scientific Views*), являющейся частью национальной программы «Наука за венгерский язык» (*Science for the Hungarian Language National Program*) под эгидой Венгерской академии наук (MTA). – Выражаю искреннюю благодарность за коррективы, внесенные в русскоязычное оформление текста, сотруднику Института славистики Сегедского университета (Венгрия) Марии Крапивиной.

2. Подходы к нахождению актанта

Сначала рассмотрим заголовок (1):

(1) Путин наградил кричавшего «Слава Украине» хорвата.[2]

В отличие от агенса (= Путин) и паценса (= хорват) глагола *наградить* **о причине награждения как о семантической валентности эксплицитно** не сказано (1). Тем не менее можно думать, что она подсказывается причастным оборотом *кричавшего «Слава Украине»*. Не обращая внимания на бессмысленность результирующего значения, явно противоречащего его фоновым знаниям, (русский) читатель выводит (2):

(2) 'Причина того, что Путин наградил хорвата –, это то, что хорват кричал: «Слава Украине!».'

В. Апресян и А. Орлов (Apresjan–Orlov 2022: 95) считают, что значение (2) является коммуникативной (конверсационной) импликатурой, полученной посредством грайсовской максимы количества: «Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется» (Grice 1975/1985: 222). Если заголовок (1) заинтересует читателя своим сенсационным характером, отраженным в (2), стараясь удовлетворить любопытство, он нажмет на него, но обманется в своих ожиданиях. Ведь выявляя неверность данной импликатуры, дальнейший текст новости и отменяет ее: он рассказывает о том, что после финала чемпионата мира по футболу в 2018 г. хорваты (даже не один хорват!) получили серебряную медаль от президента организующей страны В.В. Путина.

Другой читатель может относиться более осторожно к заголовку (1). Хотя он также начинает поиск причины награждения в непосредственном контексте глагола *наградить*, т.е. в самом заголовке. Первым кандидатом, на основе которого можно надеяться найти причину, считается причастие *кричащий*. Тем не менее, понимание не тождественно принятию пропозиции. Понимание одновременно является принятием пропозиции лишь в том случае, если эпистемическая бдительность не сталкивается с сомнениями (ни по отношению к источнику информации, ни по отношению к содержанию информации) (Sperber et al. 2010: 368–369). Эпистемическая бдительность предупреждает его, что в данном случае крик *Слава Украине* неприемлем как причина

[2] lenta.ru, 15.07.2018 – Apresjan–Orlov 2022: 95.

награждения, а именно награждения В.В. Путиным хорвата. Таким образом, в непосредственном контексте глагола *наградить* поиск релевантной интерпретации, обеспечивающей для читателя наибольший когнитивный эффект за цену наименьшего когнитивного усилия (Sperber–Wilson 1986/1995), сочетается с обнаружением непоследовательностей, влияющих на эпистемическую оценку (оценку с точки зрения истинности/ложности) (Sperber et al. 2010: 376). Следовательно, чтобы восполнить информационный пробел, читатель должен нажать на заголовок. В последующих за заголовком высказываниях, в т.н. расширенном контексте, он так и найдет релевантную и одновременно несомнительную с точки зрения эпистемической бдительности интерпретацию, хотя не такую сенсационную, какую можно было ожидать по оформлению заголовка. Доставая нужную информаию, он сможет построить полную пропозицию с агенсом, пациенцом и причиной награждения. Говоря в терминах теории релевантности (Sperber–Wilson 1986/1995), **причина** (наряду с объектом награды) принадлежит к **эксплицитной** части значения, т.е. к экспликатуре, а не к импликатуре, как это было положено выше по теории Грайса (Grice 1975/1985).

3. Подходы к снятию неоднозначности

Теперь возьмем пример (3):

(3) Франция рассказала об отмене санкций ЕС против России.[3]

В своей статье В. Апресян и А. Орлова (Apresjan–Orlov 2022: 95–96) указывают, что у многих глаголов речи, в том числе *рассказать*, дополнение может соотноситься с **разными семантическими валентностями**, а именно либо с темой (Topic), либо с содержанием (Content). Они могут оформляться по-разному: тема – предложно-падежной формой неотглагольного существительного, напр.: *о Маше*, а содержание – пояснительным придаточным предложением с союзом *что*. В случае же отглагольного существительного (девербатива) возможны обе интерпретации: и с темой, и с содержанием. Такая неоднозначность встречается в (3) – с тем различием между двумя интерпретациями, что сообщение о событии отмены санкций ЕС против России представляло бы намного более весомую, даже сенсационную информацию, чем сообщение темы рассказа. То, как читатель сможет разрешить неоднозначность,

[3] lenta.ru, 26.06.2019 – Apresjan–Orlov 2022: 95.

объяснимо в духе теории Грайса («нарушение одной из максим ведет к соответствующей импликатуре») либо теории релевантности («разрешение неоднозначности ведет к соответствующей экспликатуре») (подробнее см.: Bibok 2024b).

Может иметь место неоднозначность девербатива при глаголах речи еще по линии **модальности** (Онипенко–Никитина 2024: 260–261). В качестве примера рассмотрим заголовок (4), в котором означается реальная или потенциальная модальность (ср.: ’развод уже состоялся’ или ’обсуждается возможность развода’):

(4) Татьяна Навка заговорила о разводе с Дмитрием Песковым.

Модальная неоднозначность зависит от семантических особенностей речевого глагола. По сравнению с *заговорить* ’начать говорить’ и *высказаться* ’сообщить мнение’ конструкции *рассказать о* + предл. п. и *сообщить о* + предл. п. вероятнее тяготеют к значению состоявшегося события, потому что в их лексическое значение не входит оттенок (ирреальной) модальности. Ирреальная модальность номинализованного события у глагола *заговорить* в (4) и ему подобных однозначно выражается лексически. См. следующие заголовки из статьи Н.К. Онипенко и Е.Н. Никитина (2024: 261):

(5) Главный тренер «Слована» высказался о возможном переходе Чаврича в «Рубин».
(6) Премьер-министр Финляндии заявила о возможности вступления страны в НАТО.
(7) Финляндия заявила о готовности закрыть все КПП на границе с Россией.

Третий случай неоднозначности, связанной с девербативом, встречается в неопределенно-личном предложении, в конце которого стоит **локатив** (Онипенко–Никитина 2024: 262–263). Напр.:

(8) Кандидата в депутаты задержали за убийство жены в Тверской области.
(9) Основателя ресторанных сетей «Тануки» и «Ёрш» объявили в розыск в России.

(8) и (9) прочитываются двояко: локативная конкретизация может относиться либо к субъектам действия, в том числе речевого, либо к предложно-падежным словосочетаниям. При этом локативная валентность в (8) обусловлена финитным глаголом, а в (9) – девербативом.

Проанализировав примеры (3)–(9), можно сделать два вывода. Во-первых, (3)–(9) делятся на две группы. В отличие от (8) и (9), представляющих собой случай ненамеренной неоднозначности (продукт языковой небрежности), (3)–(7) принадлежат к

типу намеренной неоднозначности (Онипенко–Никитина 2024: 262). Во-вторых, можно подчеркнуть и другое различие, а именно различие между нажатием на заголовок с целью достижения информации, необходимой для снятия неоднозначности, и кликбейтом, состоящим в том, что одна из возможных интерпретаций имеет гораздо более сенсационный характер.

4. Манипуляция информацией и коммуникацией

В предыдущих разделах настоящей работы заголовки новостей были рассмотрены со стороны читателя (адресата). Поскольку кликбейтные заголовки часто оформлены с целью манипуляции (манипулирования),[4] стоит подвергнуть их анализу со стороны другого участника коммуникативного акта, а именно пишущего (отправителя). В ситуации манипуляции имеет место скрытое и нечестное намерение воздействовать на понимание сообщения. В грайсовских терминах (Grice 1975/1985) это означает несодействующую коммуникацию, при которой отправитель не придерживается общего принципа кооперации и злоупотребляет некоторой максимой, подпадающей под категории качества, количества, отношения или способа. Теория релевантности (Sperber–Wilson 1986/1995) представляет собой более сложную модель коммуникации, поскольку в ней выделяется два намерения: информативное и коммуникативное. О коммуникации в полном смысле можно говорить при наличии обоих намерений. Следовательно, манипулирование возможно, с одной стороны, в случае передачи **верной** информации **без** коммуникативного намерения, а с другой, в случае передачи **искаженной** информации **с** коммуникативным намерением. Искажение информации состоит, например, в злоупотреблении языковыми средствами, в том числе пресуппозициями. Более того, если манипулирование направлено на эпистемическую бдительность (Bartashova–Polyakova 2018), то и такая интерпретация заголовки легче воспринимается релевантной, которая оказывается фальшивой и нерелевантной в свете остальной части текста.

[4] Неманипулятивными, но кликбейтными заголовками считаются те, в которых фигурируют катафорические единицы, напр. указательные местоимения, отсылающие к референтам в последующей части текста.

5. Заключение

Продолжая свое прежнее исследование заголовков новостей о типологии способов их интерпретации и их многообразия в сопоставлении с истинным положением дел, в настоящей работе я рассмотрел возможные интерпретации т.н. кликбейтных и манипулятивных заголовков с отсутствующей валентностью и неоднозначностью отглагольного существительного в рамках грайсовской прагматики и теории релевантности.

ЛИТЕРАТУРА

Онипенко, Н.К. – Никитина, Е.Н. 2024, Языковая небрежность или коммуникативный прием? (Семантико-синтаксический анализ новостных интернет-заголовков). Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова № 3 (41): 258–268.

Apresjan, V. – Orlov, A. 2022, Pragmatic mechanisms of manipulation in Russian online media: How clickbait works (or does not). Journal of Pragmatics 195: 91–108.

Bartashova, O.A. – Polyakova, S.E. 2018, Manipulating the mechanism of epistemiv vigilance in political and legal discourses. Joural of Siberian Federal University: Humanities and Social Sciences 5, № 11: 707–715.

Bibok, K. 2024a, Újságcikkek címeinek (újra)értelmezése a szövegtest kontextusában [(Пере)интерпретация заголовков газетных статей в контексте самого текста]. Újdonságok a szemantikai és pragmatikai kutatásokban c. konferencia [Что нового в семантических и прагматических исследованиях?] Сегед: Сегедский универси-тет, Венгрия, 26. 04. 2024.

Bibok, K. 2024b, Как понимаются заголовки новостей? К вопросу кликбейта. SlavVaria 4, № 1: 13–22.

Finkbeiner, R. 2024, The pragmatics of headlines: Central issues and future research avenues. Journal of Pragmatics 222: 17–22.

Grice, H.P. 1975/1985, Logic and conversation. In: Cole, P. – Morgan, J.L. (eds.), Syntax and semantics, vol. 3. New York: Academic Press, 1975: 41–58. Русский перевод: Грайс, Г.П. Логика и речевое общение. В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVI (общ. ред. Е.В. Падучевой). Москва: Прогресс, 1985: 217–237.

Sperber, D. – Clément, F. – Heintz, C. – Mascaro, O. – Mercier, H. – Origgi, G. – Wilson, D. 2010, Epistemic vigilance. Mind and Language 25, № 4: 359–393.

Sperber, D. –Wilson, D. 1986/1995, Relevance: Communication and cognition. Cambridge (MA) – Oxford: Blackwell. 1st ed. / 2nd ed.

DISCOURSE MARKERS AND REGISTERS, A CORPUS-BASED ANALYSIS

TORA HEDIN (SWEDEN)
Stockholm University

Discourse particles are difficult to describe as they operate at the level of interaction and discourse organization, rather than within the core syntactic and semantic structure of the sentence. They do not contribute directly to propositional meaning but instead express the speaker's stance or attitude, structure the discourse, or signal how an utterance should be understood in context – for example, as a confirmation, contrast, or softening. Their context-dependent meanings, syntactic independence, and multifunctionality make them hard to classify within traditional grammatical frameworks. Lexicographic description often falls short as well: dictionary entries tend to offer limited semantic glosses and rarely reflect the full range of discourse functions or pragmatic subtleties. These factors make it challenging to define particles clearly or account for their roles across languages and registers. In the Swedish grammatical tradition, the particle is not recognized as a separate part of speech, even though its function is acknowledged and described. Instead, such elements are distributed across existing categories such as adverbs, interjections, and subjunctions (Teleman et al. 1999:207), which further complicates their systematic treatment.

This paper presents a contrastive study of a Czech discourse particle[1], *právě* (*just, right, exactly, precisely*), and its Swedish equivalents in three different registers in Czech and Swedish: fictional texts, transcripts of European Parliament proceedings, and legislative EU texts. Contrastive analysis using parallel corpora is a well-established field of research, including extensive studies on both Czech and Swedish particles. For Swedish, Aijmer has published several works on equivalents between Swedish and English (Aijmer 2002, 2007; Aijmer & Simon-Vandenbergen 2004). In the Czech context, Šebestová and Malá (2016), using InterCorp, found that the postfix *-pak* often corresponds to interrogative sentences in English. Martinková and Janebová (2017) observed virtually no register-based differences when analyzing the particle *prý* and its English translations. Šindlerová and Štěpánková (2021) used monolingual corpora to study Czech intensifiers. More recent studies include a pilot analysis of the particle *určitě* (Štěpánková, Šindlerová & Poláková 2023) and a contrastive study of *zřejmě* across Czech, English, and Swedish (Šindlerová, Štěpánková & Andrén Lindgren 2023).

[1] Thanks to Irene Elmerot for valuable insights and ideas in an earlier version of this paper.

The primary aim of this paper is to explore functional differences of the discourse marker *právě* across registers, which allows for the elucidation of pragmatic features that have not been described before. The study employs both quantitative and qualitative methodologies. The empirical data is drawn from the InterCorp parallel corpus of the Czech National Corpus, the InterCorp16 Czech[2] and InterCorp16 Swedish: texts of fiction (Core), transcripts from proceedings from the European parliament (EUROPARL) and legislative EU texts (ACQUIS) (Rosen & Zasina 2022, European Parliament 2021). This enables a detailed examination of the semantic structures and discourse functions of particles in both languages.

The findings show that *právě* displays varied functions across registers, with its predominant Swedish translation equivalent being *just* in fictional texts as in examples (1) and (2)[3]:

> (1) Ostatně na absurdním divadle si nejvíc cením *právě* toho, že dokázalo zachytit to, co je „ ve vzduchu“ .
> Det jag skattar högst hos den absurda teatern är för övrigt *just* att den kunde fånga upp det som låg "i luften". (Core, Václav Havel: Dálkový výslech/Fjärrförhör)
> [What I value most about the absurd theatre is *precisely* that it could capture what was "in the air."]
>
> (2) A *právě* kvůli těm zavřeným očím Sabina zhasla lampičku.
> Det var *just* på grund av hans slutna ögon, som Sabina hade släckt ner.
> (Core, Milan Kundera: Nesnesitelná lehkost bytí/Varats olidliga lätthet)
> [It was *precisely* because of his closed eyes that Sabina had turned off the light.]

However, in the context of European Parliament proceedings, *právě* functions as an intensifier but lacks a direct counterpart in the Swedish text, resulting in shifts in meaning between the two languages, as in examples (3) and (4):

> (3) *Právě* minimální standardy by měly jejich bezpečnost zajistit.
> Minimistandarder bör garantera säkerheten för konsumenterna.
> (EUROPARL)
> [Minimum standards should ensure consumer safety.]
>
> (4) *Právě* k tématu budoucnosti politiky soudržnosti formuloval EHSV za poslední 4 roky více než 70 návrhů obsažených v nejméně 12 stanoviscích.
> När det gäller sammanhållningspolitikens framtid har EESK under de senaste fyra åren utarbetat över 70 förslag i inte mindre än 12 yttranden.
> (EUROPARL)
> [On the topic of the future of cohesion policy, the EESC formulated more than 70 proposals contained in at least 12 statements over the past 4 years.]

[2] korpus.cz: https://wiki.korpus.cz/doku.php/cnk:intercorp:verze16ud
[3] The English translations are made by the author.

To summarize, the results of this study show that the Czech discourse marker *právě* mainly expresses focus and intensification, but the function varies between registers. The Swedish equivalents are numerous in Core (fiction), but has zero equivalence in the European parliament transcripts. This confirms the hypothesis of register-specific use of discourse particles, and the results may offer some valuable insights for researchers, lexicographers, translators, and second-language learners.

REFERENCES

Aijmer, Karin. 2002. ´Contrastive Pragmatics and Corpora´. In *Contrastive Pragmatics* 1 (2020), 1–30.

Aijmer, Karin. 2007. 'The Meaning and Functions of the Swedish Discourse Marker Alltså – Evidence from Translation Corpora.' Catalan Journal of Linguistics, no. 6: 31–59.

Aijmer, Karin, and Anne-Marie Simon-Vandenbergen. 2004. A model and a methodology for the study of pragmatic markers: the semantic field of expectation. *Journal of Pragmatics*, 36(10), 1781–1805.

European, Parliament. 2021. 'Rules of Procedure of the European Parliament'. European Parliament. https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/lastrules/RULE-167_EN.html.

Martinková, Michaela, and Markéta Janebová. 2017. 'What English Translation Equivalents Can Reveal about the Czech "Modal" Particle Prý: A Cross-Register Study'. In Contrastive Analysis of Discourse-Pragmatic Aspects of Linguistic Genres, edited by Karin Aijmer and Diana Lewis, 5:63–90. Yearbook of Corpus Linguistics and Pragmatics. Cham: Springer International Publishing.

Rosen, Alexandr, Martin Vavřín, and Adrian Jan Zasina. 2022. 'The InterCorp Corpus – Czech'. InterCorp. Prague: Institute of the Czech National Corpus, Charles University. https://kontext.korpus.cz/.

Šebestová, Denisa, and Markéta Malá. 2016. 'Anglické Překladové Protějšky Českých Vět s Částicemi Copak a Jestlipak'. Časopis pro Moderní Filologii 98 (2): 228–37.

Šindlerová, Jana, and Barbora Štěpánková. 2021. 'Between Adverbs and Particles: A Corpus Study of Selected Intensifiers'. Journal of Linguistics/Jazykovedný Casopis 72 (2): 444–53.

Šindlerová, Jana, Barbora Štěpánková and Ingrid Andrén Lindgren. 2023. Epistemická částice zřejmě pohledem paralelního korpusu. *Korpus - Gramatika - Axiologie*, 27(2023), 37–52.

Štěpánková, Barbora, Jana Šindlerová and Lucie Poláková. 2023. The epistemic marker určitě in the light of corpus data. Jazykovedný Časopis, 74(1), 130–139.

Teleman, Ulf, Staffan Hellberg, and Erik Andersson. 1999. *Svenska Akademiens grammatik.* Stockholm: Svenska Akademien (4 vols.).

KOMPLIMENTI U POZDRAVNIM OBRASCIMA HRVATSKOGA JEZIKA

BERNARDINA PETROVIĆ (HRVATSKA)
Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu
bernardina.petrovic@m.ffzg.hr

Kompliment je dio strategije uljudnosti, izraz pozitivne ocjene i konvencionalni govorni čin kojim govornik eksplicitno ili implicitno upućuje pohvalu sugovorniku. Interakcija podrazumijeva kompliment i reakciju na kompliment kao dijelove govornoga čina. Premda se na prvi pogled doimaju jednostavnima jer omogućuju govornicima poticanje i razvoj komunikacije, komplimenti su složene višedimenzijske jezične strukture s važnim pragmatičkim implikacijama. Prema teoriji govornih činova, komplimenti se klasificiraju kao ekspresivi jer izražavaju govornikove emocije i stavove prema određenoj osobi ili situaciji. U komunikacijskoj se situaciji kompliment kao dio konverzacijske rutine pojavljuje pri uspostavi komunikacije, tijekom komunikacije ili na kraju komunikacije. Komplimenti se u većini jezika ostvaruju ustaljenim gramatičkim, semantičkim i pragmatičkim obrascima i posebno su važni za proučavanje nacionalnih kulturnih specifičnosti [1]. Vrste reakcija na komplimente također su kulturno specifične. S funkcionalnoga aspekta komplimenti obuhvaćaju tri temeljne funkcije: afektivnu (jer izražavaju osjećaje i potvrđuju bliskost), društvenu (jer odražavaju društvenu ravnotežu i hijerarhiju) i interakcijsku (jer potiču, održavaju i završavaju konverzaciju). Često uključuju implicitna značenja u govornikovu iskazu zahtijevajući prikladne sugovornikove odgovore. Stoga ih se razmatra kao pomno osmišljen obrazac u svakodnevnoj komunikaciji koji s jedne strane uključuje minimalan napor govornika, a s druge strane odobravajući komentar sugovornika [2].

Komplimenti u pozdravnim obrascima obogaćuju komunikaciju omogućujući izražavanje pozitivnih stavova i emocija prema sugovorniku. U hrvatskom jeziku, kao i u mnogim drugim jezicima, komplimenti su važnom i čestom sastavnicom pozdravnih obrazaca, što je razumljivo jer pozdravni obrasci kao temeljni elementi verbalne komunikacije služe kao sredstva za uspostavljanje kontakta i izražavanje društvenih norma. Valja uzeti u obzir da su pozdravni obrasci stereotipni izrazi s konvencionalnim sadržajem i da su kao ritualizirani sociološki i kulturno utemeljeni verbalno-neverbalni oblici u komunikacijskoj situaciji privremenoga susreta najmanje dviju osoba. Kako pozdravni obrasci signaliziraju početak ili kraj komunikacijskog čina, invokacija i eksvokacija simetrični su okviri pozdravnih obrazaca koji se provode u dvjema etapama: 1. verbalnim i/ili neverbalnim invokacijskim pozdravom i odzdravom i 2. verbalnim i/ili neverbalnim eksvokacijskim pozdravom i odzdravom [3]. U hrvatskome jeziku pozdravni obrasci uključuju invokacijske i eksvokacijske elemente pričem

invokacijski pozdravi često sadrže komplimente kao sredstvo izražavanja poštovanja i uljudnosti. Unutar širokoga spektra pozdravnih obrazaca, komplimenti zauzimaju posebno mjesto jer pridonose pozitivnom međuljudskom interakcijskom iskustvu, jačanju socijalnih veza i unapređenju društvene harmonije.

Istraživanje se komplimenata u pozdravnim obrascima hrvatskoga jezika temelji na dvama korpusima prikupljenih praćenjem i bilježenjem u svakodnevnoj komunikaciji i obrađenima u sustavu *Lexonomy*. Prvi korpus čine 1483 zapisa pozdravnih obrazaca [4], dok drugi korpus čine zapisi komunikacijskih situacija s 886 komplimenata i 1149 odgovora na komplimente (877 sugovornikovih odgovora na komplinente i 272 odgovora na komplimente ostalih sudionika komunikacije). Analiza je komplimenata u pozdravnim obrascima u tim korpusima potvrdila status komplimenata kao visoko strukturiranih formula koje se uz minimalan napor mogu primijeniti u različitim komunikacijskim situacijama i koje zahtijevaju odobravajući komentar [2]. Zapaža se da su primatelji komplimenata reagirali na primljene komplimente u gotovo 80 % slučajeva, dok su ostali sudionici reagirali u svega 40 % slučajeva. Najčešće su komplimenti upućivani kao invokacijski pozdrav s pozitivnom notom u međusobnoj komunikaciji, osobito u situacijama u kojima su sudionici komunikacije u bliskom odnosu ili se radi o slučajnome susretu. Rjeđe se pojavljuju u eksvokacijskom pozdravu. Sadržajno se komplimenti u pozdravima najviše tiču vanjskoga izgleda (kosa, frizura, odjeća, obuća, modni dodaci) ili isticanja vještina i sposobnosti (najčešće kulinarskih). Komplimenti na račun vanjskoga izgleda najčešće se razmjenjuju između sudionika koji se površno poznaju, dok su se komplimenti koji se odnose na osobine, vrline, vještine i raspoloženje čessto upućuju članovima obitelji i bliskim prijateljima. Što se tiče komunikacijske funkcije, najčešći su spontani komplimenti, potom komplimenti odobravanja, dok su izmamljeni i ironični komplimenti nešto rjeđi. Najčešća su gramatička sredstva pridjevi, a vrlo česta prilozi. Rjeđe se pojavljuju glagoli i imenice, a vrlo rijetko uzvici, frazemi i čestice. Uz najveći se broj prikupljenih komplimenta kao neverbalno sredstvo javlja osmijeh, potom kimanje glavom i tapšanje po ramenu. Rjeđe se pojavljivalo podizanje obrva, grljenje, pružanje ruke i smijeh, a vrlo rijetko pusa u zraku, odmahivanje rukom i širenje očiju.

Primijećeno je da reakcija onoga komu je kompliment upućen nikada ne izostaje, da komplimenti vrlo često izazivaju pozitivne emocije i da se izostanak reakcije pojavljuje izuzetno rijetko. Najčešća je reakcija primatelja zahvala uz popratnu neverbalnu reakciju. Vrlo je česta reakcija i komentar na dobiveni kompliment. Rjeđe se pojavljuje slaganje ili neslaganje s komplimentom te izražavanje zadovoljstva dobivenim komplimentom. Najčešća neverbalna reakcija na dobiveni kompliment jest osmijeh. Često se pojavljivao smijeh, a rjeđe mrštenje lica

i odmahivanje rukom. U manjem broju komplimenata nije došlo do neverbalne reakcije drugog sudionika. Najčešća neverbalna reakcija ostalih primatelja bio je smijeh. Često se javljao osmijeh, a rijetko kolutanje očima i kimanje glavom.

Komplimente kao sastavnice verbalnog čina pozdravljanja izvorni govornici hrvatskoga jezika prepoznaju kao izvrstan uvod u komunikacijski proces. Odnos se sudionika komunikacije očituje u različitim tipovima vokativa kojima se koristi govornik. Pri obraćanju sugovorniku najčešće se koristi njegovim osobnim imenom. U tom kontekstu govornik pozdravlja sugovornika komplimentom kao verbalnim sredstvom emocionalne podrške. Očito je da je kompliment na početku komunikacije sredstvo izražavanja uljudnosti i ljubaznosti.

Obrati li se pozornost na osnovne komunikacijske uvjete između govornika i sugovornika, treba napomenuti da semantička pretpostavka vrijednosnih sudova mora biti istinita. Zapravo, ako je kompliment usmjeren na nepostojeću kvalitetu primatelja, pretvorit će se u laskanje. Podudarnost prethodnoga znanja govornika i sugovornika omogućit će govorniku ostvarivanje ilokucijskih ciljeva i neće natjerati sugovornika da posumnja u njegovu iskrenost.

Komplimenti, kao verbalni i/ili neverbalni izrazi priznanja i pohvale, imaju značajnu ulogu u ljudskoj komunikaciji. Govornici se njima koriste za izražavanje simpatije, poštovanja, divljenja ili jednostavno za održavanje društvenih norma. Komplimenti odražavaju kulturne vrijednosti i govorniku služe kao verbalno sredstvo otvorenoga izražavanja odobravanja ili divljenja postupcima, izgledu i načinu ponašanja sugovornika. Uz pomoć komplimenta primatelj ili, što je još važnije, društvo u cjelini ,može postići željeno ponašanje primatelja. U hrvatskoj kulturi, izražavanje komplimenata u pozdravima često je povezano s normama uljudnosti i društvenim očekivanjima. Njihova upotreba odražava kulturne norme i vrijednosti, te doprinosi izražavanju uljudnosti i poštovanja u svakodnevnoj komunikaciji.

Komplimenti unutar pozdravnih obrazaca igraju ključnu ulogu u uspostavljanju i održavanju pozitivnih društvenih odnosa u hrvatskom jeziku pa su najčešće spontani (kad se sudionici komunikacije nisu dugo vidjeli) ili formalni (kad se ne očekuje reakcija, sugovornika). Kako nadilaze osnovnu funkciju pozdrava, često služe kao sredstvo za prijelaz iz pozdrava na središnji dio komunikacijske situacije, odnosno konkretnu temu razgovora. Komplimenti u pozdravnim obrascima (i ne samo u pozdravnim obrascima) svakako su raširena strategija uljudnosti kao specifične komunikacijske kategorije, čiji je sadržaj sustav ritualiziranih strategija komunikacijskog ponašanja (verbalnog i neverbalnog), usmjerena skladnoj komunikaciji i poštivanju društveno prihvaćenih normi u uspostavljanju, održavanju i dovršavanju međuljudskih kontakata.

LITERATURA

[1] Manes, Joan. 1983. Compliments: a mirror of cultural values. U: *Sociolinguistics and language acquisition* (ur. N. Wolfson i E. Judss], London : Rowley, MA: Newbury House Publishers, 96–102.

[2] Manes, Joan; Wolfson, Nessa. 1981. The Compliment Formula. U: *Rasmus Rask Studies in Pragmatic Linguistics*, vol. 2, *Conversational Routine* [ur. Florian Coulmas], The Hague, 115–132

[3] Petrović, Bernardina; Matijević, Maja; Filipić, Lobel (2023). Leksikografski opis pozdravnih obrazaca u hrvatskome jeziku. U: *O jeziku zboriti* : *Zbornik radova u čast prof. dr. sc. Nedi Pintarić Kujundžić* [ur. Ivana Vidović Bolt, Ivana Čagalj i Miroslav Hrdlička], Zagreb : FF-press, 355–362.

[4] Pozdravi me. Leksikografski opis pozdravnih obrazaca u hrvatskome jeziku (zadnji pristup: 16. travnja 2025.).

JĘZYKOWE WYKŁADNIKI REZERWY PRAWDZIWOŚCIOWEJ W TECZKACH SŁUŻB BEZPIECZEŃSTWA POLSKIEJ RZECZPOSPOLITEJ LUDOWEJ I LUDOWEJ REPUBLIKI BUŁGARII

JULIA MAZURKIEWICZ-SUŁKOWSKA (POLSKA)
Uniwersytet Łódzki

Referat jest częścią projektu pt. „Język pracowników służb bezpieczeństwa Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej oraz Ludowej Republiki Bułgarii, na podstawie analizy dokumentów archiwalnych dotyczących inwigilacji środowiska inteligenckiego". Celem całego projektu jest wielopłaszczyznowa analiza języka służb bezpieczeństwa w dwóch byłych krajach socjalistycznych. Język funkcjonariuszy SB przez lata nie mógł być badany ze względu na brak dostępu do tzw. teczek. Po odtajnieniu archiwów prace podjęli historycy i archiwiści. Cały czas jednak brakuje prowadzonych na szeroką skalę badań lingwistycznych, bez których nie możemy mówić o kompleksowej analizie dokumentów archiwalnych. Nie sposób objąć analizą wszystkich dostępnych materiałów, więc koniecznym okazało się ograniczenie ich zakresu. Zdecydowano więc, że badaniem zostaną objęte materiały archiwalne dotyczące środowiska inteligenckiego z lat 1945-1989.

Z przeprowadzonej analizy wynika, że język funkcjonariuszy charakteryzuje styl, który można z jednej strony określić jako administracyjno-urzędowy, z właściwymi językowi urzędów państwowych formami szablonowością i standartowością. Z drugiej strony ma on szereg cech obcych stylowi administracyjno-urzędowemu. Do takich należy między innymi duże nasycenie epitetami, metaforami, zwrotami nacechowanymi emocjonalnie, co zbliża język funkcjonariuszy do języka propagandy. Można w uproszczeniu stwierdzić, że analizowane teksty są hybrydą języka administracyjno-urzędowego i języka propagandy.

Jednym z najbardziej nieoczekiwanych wyników badań była konstatacja wyjątkowo wysokiej częstotliwości występowania w teczkach form, wyrażających rezerwę funkcjonariuszy do prawdziwości przekazywanej im informacji. Takie zabiegi są typowe dla tzw. prasy brukowej, ale nie dla tekstów prawnych, administracyjnych i urzędowych, w których powinny one występować sporadycznie. Nie można zapominać, że spisywane w dokumentach SB treści najczęściej są wtórnymi komunikatami, a jak wiadomo renarracja zawsze pociąga za sobą rezerwę prawdziwościową. W literaturze przedmiotu rozpatruje się te dwa pojęcia w obrębie takich kategorii jak modalność epistemiczna oraz ewidencjalność. W swoich badaniach korzystam z używanego w slawistycznej literaturze terminu *imperceptywność*, ponieważ pozwala on na syntetyczne wyrażenie obydwu istotnych dla badania składników struktury głębokiej (wtórność komunikatu oraz rezerwa

prawdziwościowa). W języku polskim modalność imperceptywna realizowana jest przede wszystkim za pomocą wykładników leksykalnych typu *podobno, rzekomo, jakoby* lub konstrukcji *mieć* + *bezokolicznik*, którą można uznać za paramorfologiczny wykładnik tej modalności. Język bułgarski z kolei do jednoczesnego wyrażania renarracji i rezerwy prawdziwościowej korzysta, podobnie do polskiego, z markerów leksykalnych, np. *вероятно, може би, сигурно*, ale wykształcił on również odrębną kategorię morfologiczną, wyrażającą zgramatykalizowaną modalność imperceptywną, czyli formy narratywne (tak zwany tryb nieświadka). Formy te pozwalają również wyrazić gradację stopnia nasilenia rezerwy prawdziwościowej (zwykła forma narratywna – wzmocniona forma narratywna – dodatkowo wzmocniona forma z elementem *уж*). Wszystkie wymienione językowe środki wyrażania modalności imperceptywnej (leksykalne, morfologiczne i paramorfologiczne) zostały odnotowane w analizowanym materiale.

Bułgarskie dokumenty zaskakują tym, że bardzo często są one pisane w tzw. trybie nieświadka[1]. Właśnie te formy często dominują w notatkach służbowych. Powstaje pytanie, czy pracownicy bułgarskich służb nie używali form narratywnych wyłącznie ze względu na ich funkcję renarracyjną, tj. czy nie zależało im głownie na podkreśleniu wtórności komunikatu, a nie rezerwy prawdziwościowej? Analiza materiału bułgarskiego nie potwierdza jednak tej tezy, ponieważ w momentach braku rezerwy prawdziwościowej, przy jednoczesnym zachowaniu renarracji, funkcjonariusz najczęściej decydował się na formy rezultatywnego czasu perfectum w indykatywie, który daje właśnie możliwość renarracji bez jednoczesnej rezerwy prawdziwościowej, por.:

> - *Вили Цанков* ***е написал*** *пиесата преди три-четири години ...[…] Съдържанието на пиесата* ***е било*** *от любовен характер.*

Formy perfectu często są poprzedzone informacją, o wiarygodności przekazu, por.:

> - *На източника <u>е известно</u> че* ***са били поканени*** *видни обществеици.*
> - *<u>Установено е</u>, че* ***е изпаднал*** *под влияние на идеологическата диверсия на противника*

Wszystkie odnotowane przypadki użycia form wyrażających modalność imperceptywną można podzielić na dwie grupy. Pierwszą stanowią przykłady, w których funkcjonariusz przekazuje zdobytą informację, ale nie jest do końca pewien co do jej prawdziwości. Przykłady takie można sparafrazować ‘Dowiedziałem się, że X, ale nie jestem tego pewien’. Drugą grupą stanowią przykłady, w których autor notatek chce podkreślić, że nie wierzy informatorowi i się z nim nie zgadza. Tu można przyjąć parafrazę ‘Dowiedziałem się, że X,

[1] Nieprzypadkowy nazywanym potocznie trybem plotkarskim.

ale wiem, że to nie jest prawda'.

Wykładniki rezerwy prawdziwościowej użyte w związku z brakiem pewności co do prawdziwości przekazywanej treści

Jak już wspomniano wyżej, formy narratywne dominują w wielu bułgarskich raportach, notatkach służbowych. Często prawie cała informacja jest pisana w tzw. trybie nieświadka:

> - *Лием* ***бил много близък*** *с Арагон и чрез него* ***навлязъл*** *във френските литературни среди.* ***Знаел*** *добре френски език и добре* ***бил лансиран.***

W wielu dokumentach autorzy wykorzystują zarówno modalność indykatywną (do wyrażania informacji pewnej), jak i imperceptywną, por.:

> - *Обектите са известни писатели […] По различни поводи* ***са посещавали*** *западно посолство и* ***водили*** *разговори с дипломати […]* ***Подчертавали*** *своето преклонение пред културата на тази страна и* ***изразявали*** *нихилистично отношение към постиженията на НРБ […]*

Z przytoczonego wyżej przykładu wynika, że funkcjonariusz nie poddawał w wątpliwość tego, że osoby inwigilowane odwiedzały ambasadę kraju zachodniego, natomiast nie jest już pewien informacji co do tematów rozmów, poruszanych podczas tych wizyt.

Poza formami narratywnymi bułgarscy funkcjonariusze (raczej sporadycznie) używali także leksykalnych wykładników imperceptywności, por. ***Вероятно*** *искат да заминат за САЩ.*

Analiza polskich dokumentów prowadzi do podobnych wniosków. W aktach są bardzo często używane zarówno markery leksykalne, jak i paramorfologiczna konstrukcja *mieć + bezokolicznik*.

Markery leksykalne

> - *[…] uzyskano informację,* ***jakoby*** *po mszy św. […] przewidziane jest śniadanie […]*
> - *Działacze gdańskiego MKZ mają* ***ponoć*** *już przygotowane ulotki[…]*
> - *Alkohol* ***podobno*** *został załatwiony przez GS w Żukowie.*
> - ***Rzekomo*** *nie uwierzy, aż sam naocznie nie zobaczy zeznań […]*

Bardzo często jest wykorzystywana również wspomniana **konstrukcja paramorfologiczna** mieć+bezokolicznik, por.:

> - *Kolportażu* ***miano dokonać*** *wśród delegatów […]*
> - *[…], który* ***ma być*** *według nich pracownikiem SB.*
> - *[…]* ***miał stwierdzić****, że w tych organach większość zatrudnionych to ludzie na poziomie.*

Czasami można w jednym zdaniu spotkać się z oboma opisanymi wyżej sposobami wyrażania rezerwy prawdziwościowej, por.:

> - *[…]* ***rzekomo*** *powzięła ten krok tylko dlatego, aby mieć dom i środki utrzymania, o czym* ***miała go powiadomić*** *listownie.*

Jak już wspomniano, język bułgarski posiada środki morfologiczne i leksykalne do wyrażania gradacji rezerwy prawdziwościowej, którą w wielkim uproszczeniu można ująć w następujący sposób (niewzmocnione formy narratywne – wykładnik leksykalny – wzmocnione formy narratywne – formy narratywne dodatkowo wzmocnione leksemem *уж*).

Analiza pokazała, że polscy funkcjonariusze również często czuli potrzebę wzmocnienia rezerwy prawdziwościowej. W tym celu wykorzystywali jednocześnie wykładnik leksykalny i konstrukcję *mieć* + *Infinitiv*, podkreślając w taki sposób dwukrotnie swoją wątpliwość w prawdziwość otrzymanego komunikatu:

> - *Rząd federalny **jakoby miał wydać** zarządzenie […]*
> - *Jagodzińska **miała rzekomo narzekać**, że musiała tyle osób zapraszać do Polski […]*

Zdarza się, że na początku zdań, zawierających formy wyrażające modalność imperceptywną, pojawia się expressis verbis informacja o tym, że funkcjonariusz poddaje w wątpliwość prawdziwość przekazu, por.:

> - *[Posiadamy] niepotwierdzone dane, że Zachwatowicz Krystyna **pracować ma** w Piwnicy „Pod Jaszczurami" względnie w piwnicy „Pod Baranami" […] **ma tam występować** jako tancerka lub śpiewaczka*. W dalszej części dokumentu jest zlecenie sprawdzenia, czy faktycznie artystka jest zatrudniona w jednej z „piwnic".

Wykładniki rezerwy prawdziwościowej użyte w związku z brakiem wiary w prawdziwość przekazywanej treści.

Drugą grupę tworzą przykłady, w których funkcjonariusz nie wierzy informatorowi i zależy mu na podkreśleniu tego faktu. Najczęściej w zdaniach takich jest mowa o poglądach, wartościach i przekonaniach nadawcy pierwszego komunikatu. Bardzo często pojawia się też informacja o renarracji (np. *według niego*) oraz podkreślenie, że przekazywana informacja jest plotką, por.:

> - *Според тях, социалистическата система **била претърпяла** «пълен провал» […]*
> - *Клеветил, че в България **имало** «нови каторги», които **били** много страшни […]*
> - *Kłamstwem była wypowiedź […] **jakoby** związki zawodowe krajów socjalistycznych nie zostały na zjazd zaproszone.*
> - *[…] krąży plotka, **jakoby** ściągnięto do Gdańska znaczne siły MO.*

W tej kategorii często pojawiają się w materiale bułgarskim zdania ze wzmocnionym narratywem, a w polskim z użyciem cudzysłowu:

> - *Други писатели […] повтаряха клеветите […], че **уж в СССР господствували** «бюрократични, помешчически методи» […]*
> - *Wymieniony uważa się za **„ofiarę szykan politycznych".***
> - *[…] **jakoby** w województwie kieleckim przygotowywany był **„obóz koncentracyjny".***

Deprecjonowanie pracy i twórczości osób inwigilowanych.

Pracownicy służb bezpieczeństwa, pracując z przedstawicielami inteligencji, musieli sprawozdawać również obserwacje dotyczące pracy i twórczości obiektów inwigilacji. Pisząc raporty dotyczące osób uznawanych za wrogi element socjalistycznego społeczeństwa, funkcjonariusze często zaznaczali, że poddają w wątpliwość prawdziwość osiągnięć zawodowych i artystycznych swoich „podopiecznych". Efekt zaprzeczenia prawdziwości wartości pracy przedstawicieli inteligencji w obydwu zbiorach osiągano za pomocą częstego wykorzystania cudzysłowu:

- *[…]са изпратили «произведенията» си по поща, да докажат «таланта» си.*
- *Демонстрират им «високите» си научни постижения.*
- *[…] wzrost aktywności „artystycznej" w kabarecie […]*
- *[…] finałowy koncert piosenki „prawdziwej".*

Ten sam efekt osiągano również za pomocą wykorzystania zwrotu pl. *tak zwany*, bg. *така наречен* (w bułgarskim dodatkowo z cudzysłowem, w polskim – bez), np.: *т.н. борба за «правата на човека»*; *tzw. intelektualiści.*

W jednym i drugim zbiorze prawdziwość wartości osiągnięć oraz aktywności zawodowej negowano również za pomocą użycia form deminutywnych, np. pl. *jego wierszyki*, bg. *злобливите фейлетончета,* por. *Jego wierszyki o panach w skórzanych płaszczach i kapeluszach były kwitowane brawami.*

Mimo że teczki służb bezpieczeństwa są tekstami administracyjnymi, które powinny w minimalnym stopniu zawierać markery rezerwy prawdziwościowej, przeprowadzona analiza pokazuje, że ich autorzy dokładali wszelkich starań i używali wszystkich możliwych środków językowych, żeby wyrazić swój dystans do prawdziwości otrzymywanych i przekazywanych dalej informacji. Konieczność podkreślenia rezerwy była tak duża, że nieraz w raportach, pisanych maszynowo, odręcznie był dopisywany marker rezerwy prawdziwościowej, jak np. w zdaniu *Zjazd ma się skończyć* ***rzekomo*** *w dn. 5 X 81.* („rzekomo" dopisano odręcznie).

КОММУНИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА А. А. НАВАЛЬНОГО

MONICA PEROTTO (ITALY)
University of Bologna
Department of Modern Languages, Literatures and Cultures
monica.perotto@unibo.it; https://www.unibo.it/sitoweb/monica.perotto

Изначально юрист, блогер и активист, А. А. Навальный стал одним из лидеров российской оппозиции и массового протестного движения в России и наверно самым популярным оппонентом президента России В.В. Путина последних лет.

В сентябре 2011 года А. А. Навальный основал знаменитый «Фонд борьбы с коррупцией» под лозунгом: «Не врать и не воровать», и в том же году в одном интервью[1] сильно критиковал партию Президента РФ, используя слоган «Единая Россия – партия жуликов и воров», ставший потом очень популярным выражением и предметом судебных разбирательств.

Политический успех Навального основан на его неоспоримых ораторских способностях, очень часто основанных на шокирующем эффекте, производимом на аудиторию. Анализируя митинговые речи Навального, А.Потсар говорит о том, что они «построены по манипулятивной схеме, которую, судя по реакции толпы, можно счесть эффективной» (Потсар online). Она говорит о склонности к «кукловодству» и еще, что «Навальный способен к диалогу и импровизации, не теряет нить рассуждения и не дает сбить себя с мысли в полемике, его речь понятна и наглядна, в ней много метафор и сравнений, которые проясняют какие-то тезисы и рождаются сами собой. Он не взвешивает каждое слово и не прячется за канцелярскими клише, напротив, демонстративно резок в оценках, как и положено внесистемному оппозиционеру.» Однако, самое интересное в риторике Навального то, что она во многом схожа с риторикой его заклятого врага, президента РФ В. В.Путина.

Материалы и методы анализа

В данной работе предлагается коммуникативный анализ политического дискурса А. А. Навального, принимая во внимание не столько его публичные речи, произнесенные на митингах протеста, сколько его «последние слова», сказанные в суде в ожидании

[1] Лентапедия. Навальный, Алексей. Российский общественный деятель https://lenta.ru/lib/14159595/#70 (просмотрено 18.04.2025)

вынесения ему многочисленных приговоров, и еще посты его Instagram страницы, иногда написанные во время заключения. В первом случае речь идет об устных, официальных текстах, произнесенных непосредственно перед прямой, авторитетной аудиторией, во втором – о письменных текстах для косвенной, но широкой аудитории, которая свободно читает его страницу в Instagram. Тип целевой аудитории существенно отличается, поэтому и языковые стратегии разные, хотя аргументация и содержание (словосочетания и фразеологизмы, ключевые слова) очень похожи. В этих текстах формируется двойной канал легитимации фигуры Навального, как народная политическая и харизматическая легитимация (Балацкий 2017), которая естественным образом контрастирует с официальной легитимацией власти. Все материалы речи Навального представляют собой оригинальную модель политической коммуникации.
Исходя из растущего в настоящее время интереса к языку политической коммуникации в России, будет предпринята попытка очертить коммуникативные характеристики политического дискурса Навального, реализуемого с использованием особых дискурсивных стратегий и тактик (самопрезентации, дискредитации и нападения, самозащиты, формирования эмоционального настроя адресата, Паршина 2004, Заикина 2011), как риторических, так и аргументативных и персуазивных. Особенно посты его Instagram страницы выходят за рамки строгих стилистических норм и показывают элементы языковой диалогичности и перформативности, а также агрессии и невежливости.

Анализ речи Навального выполняется по схеме, уже представленной в проекте по анализу выступлений президента В. В.. Путина (Перотто 2023), проводя их риторическое и содержательное сравнение.

ЛИТЕРАТУРА

Балацкий А. М. (2017). Легитимность и технологии легитимации системных и оппозиционных политиков в странах постсоветского пространства (например В. Путина и А. Навального). *Вестник Омского университета*. Серия «Исторические науки», № 3 (15), С. 422–428.

Гаврилова М.В. (2017) Лингвистический анализ выступлений главы государтсва: тематика, направления и методы исследования, *Политическая наука* 2, 54-72.

Заикина Ю.А. (2011) Речевые средства реализации стратегии самопрезентации в современных политических текстах. *Вестник ВолГУ*. Серия 9. Вып. 9, 10-12.

Нуруллаева, Т. Г. (2021). Речь президента с позиций речевых стратегий и тактик преодоления вербальной конфронтации. *Наука, технологии, общество*, 159–164

Паршина, О. Н. (2004) Приемы реализации стратегии самопрезентации в речи административно-политической элиты. *Проблемы речевой коммуникации* (под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой). Вып. 4. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 25–34.

Перотто М. (2023) Коммуникативный анализ выступлений В.В. Путина**,** *Cross-Cultural Studies: Education and Science,* Vol. 8, Issue 2 (2023), 33-52.

Потсар А. (222012) Политический текст: Алексей Навальный на митинге и в блоге, Forbes 28.02.2012: https://www.forbes.ru/sobytiya-column/lyudi/79586-politicheskii-tekst-aleksei-navalnyi-na-mitinge-i-v-bloge (просмотрено 18.04.2025)

Шейгал Е.И. (2000), *Семиотика политического дискурса*, Волгоград, Перемена.

WAR IN THE MIRROR OF SOCIOLINGUISTICS. FREQUENCY ANALYSIS OF THE RUSSIAN MASS MEDIA, 1994–2024

ALEXANDER SMOLJANSKI (GERMANY)

"War refreshes people. Humaneness develops in them more than anything else. It is even a curious fact that war provokes less malice than peace."
F. M. Dostoevsky, *A Writer's Diary*, June 1876.

Brief description of the study

- **Objective:** to analyze how the ideological concept of "WAR" is reflected in Russian media after the collapse of the USSR (1993–2024).
- **Methodology:** sociolinguistic analysis of the frequency of mentions of the word "WAR" in ten influential Russian newspapers and magazines.
- **Study period:** 1994–2024.
- **Research tool:** the Integrum Worldwide information-agency databases.

Integrum worldwide research tools

- The world's largest archive of Russian and post-Soviet media
- 120,000 databases
- Media archives beginning in the early 1990s
- Total number of documents – 3 billion

This study analyzes two metrics:

- **Absolute mentions** – the number of documents in a given publication in a given year in which the concept "WAR" is mentioned at least once
- **Relative mentions** – the share of documents that mention the concept: number of relevant documents (absolut mentions) / total number of documents in the database of a given publication a given year

Publications analyzed

Moskovsky Komsomolets, Izvestia, Kommersant, Nezavisimaya Gazeta, Rossiyskaya Gazeta, Krasnaya Zvezda, Novaya Gazeta, Argumenty i Fakty (Moscow edition), Literaturnaya Gazeta.

Historical context of the concept "war"

Since the time of Peter I, Russia has evolved as an empire in which war served not only foreign-policy goals but also the internal stabilization of power:

- Territorial expansion is framed as "gathering the lands";
- Victories abroad are used to consolidate the elites and suppress domestic dissent;
- The idea of national greatness is linked to military power.

War in Soviet and Russian media

Soviet press:

- The concept "WAR" was used in mobilizing and heroic rhetoric;
- Most popular contexts: defense of the Motherland, valor, loyalty to the Party, military necessity;
- The Civil War, Finnish (Winter) war, and Afghan war were presented without ethical discussion;
- Victims, suffering, and psychological trauma were most often hushed up.
- During the late-Soviet stagnation the theme became canonical, jubilee-style, living in parade reports and veterans' stories**.**

Yeltsin Period

For the first time the press began to rethink the concept "WAR":

- criticism of the Afghan campaign;
- coverage of the horrors of the Chechen war;
- stories about returning disabled veterans and PTSD;

During this period war is a trauma, not a source of pride. This is the only time an anti-war discourse dominates the public sphere.

Putin Period

War is presented as:

- an inevitable means of restoring national greatness;
- an instrument of protection from the outside world (USA, NATO, Ukraine);
- a symbol of national rebirth.

After 2014 and especially since 2022:

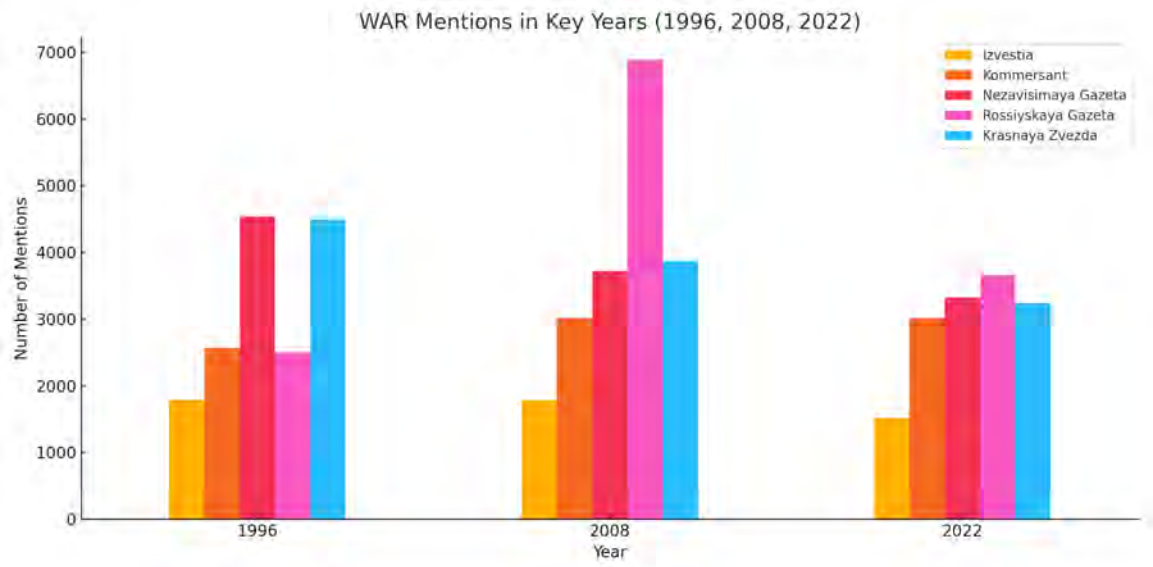
- the word "war" is displaced or replaced by euphemisms;
- at the same time the concept "WAR" becomes all-embracing: it seeps into education, culture, journalism;

- propaganda works not to comprehend but to repeat and glorify violence.

Dynamics of Absolute Frequency of the Concept "WAR" in the Ten Publications, 1993–2024

Search query: война или военный

Absolute Frequency of WAR in Key Years (1996, 2008, 2022)



Commentary:

1996 marks a point of abrupt militarization of the media—probably the most significant of the 1990s.

2008 and 2022 show the legitimization and normalization of war through loyal media (Rossiyskaya Gazeta, Krasnaya Zvezda).

Izvestia is the only publication where war does not dominate even long-term, which is important as an indicator of a cautious editorial policy.

Dynamics of Relative Frequency of the Concept "WAR" in the Ten Outlets, 1993–2024

Search query: война или военный

Московский комсомолец

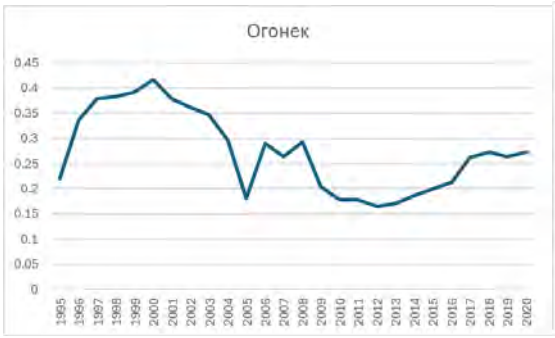
Известия

Коммерсант

Независимая газета

Российская газета

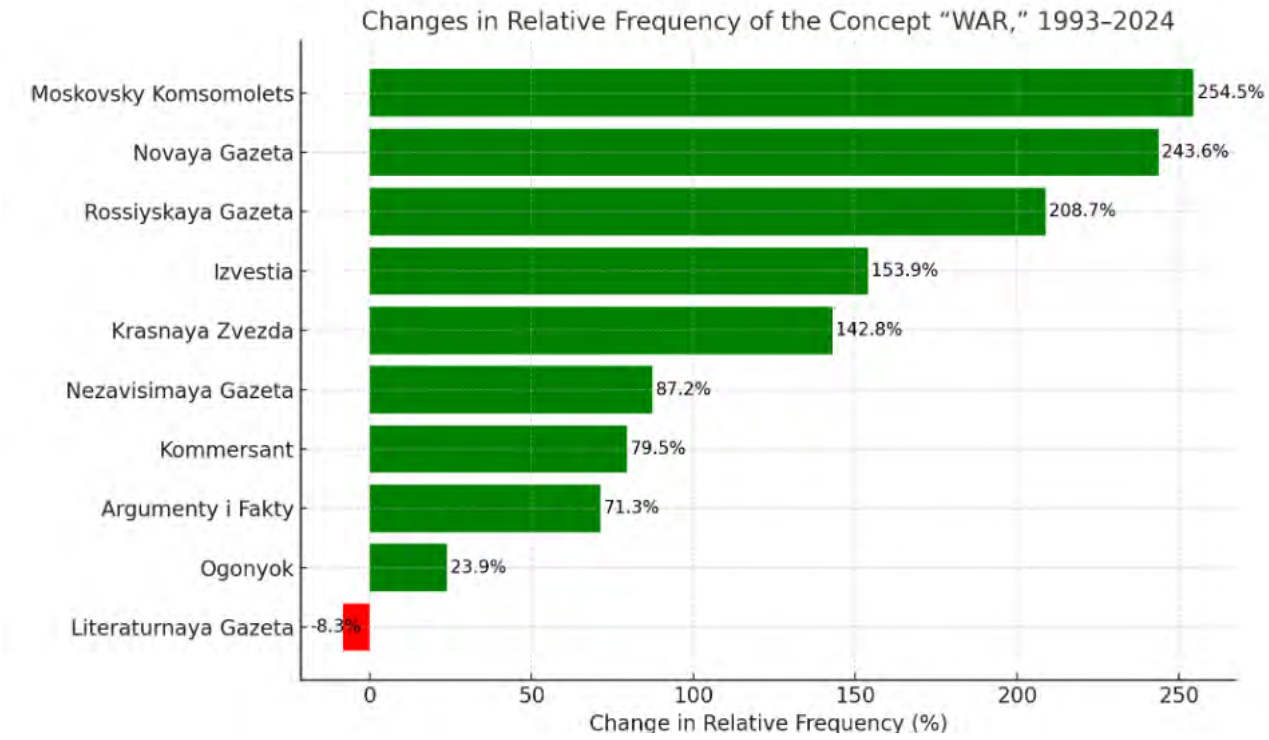
Красная звезда


Огонек

Новая газета

Аргументы и Факты, Москва

Литературная газета



Average Dynamics of Relative Mentions of the Concept "WAR" Across All Outlets Over the Entire Period

Analysis of the Average Dynamics of Relative Mentions of the Concept "WAR" Across All Outlets

An examination of the averaged relative frequency of the concept "WAR" reflects both Russia's domestic politics and key socio-political events.

1993 – 1999: Rapidly growing frequency.

The initial post-Soviet period is characterized by high and fast-growing frequency of the word "war": from 0.13 in 1993 to 0.28 in 1999.

Political events:

- the political crisis following the dissolution of the USSR;

- the shelling of the Parliament;
- the First Chechen War.

2000 – 2007: Decline in the frequency of war mentions

A gradual decline from an average value of 0.25 in 2000 to 0.16 in 2007.

This occurs despite the Second Chechen War and the continuing counter-terrorist-operation regime (in force until 2009); the Dubrovka theater hostage crisis (2002) and the Beslan school siege (2004); NATO's eastward enlargement (2002–2004, with the Baltic states, Romania, and Bulgaria joining the Alliance), proclaimed an existential threat to Russia; the "color" revolutions of 2003–2005 (Georgia, Ukraine, Kyrgyzstan); and Putin's Munich speech (2007).

Possible reasons for the decline in the frequency of war mentions:

1. Replacement of the word "WAR" with euphemisms:
   - "counter-terrorist operation" (instead of the war in Chechnya)
   - "fight against extremism"
   - "restoration of constitutional order"
   - "peace-keeping mission" (in Georgia, South Ossetia)
2. Cleansing of the media field: pressure on independent outlets (Novaya Gazeta, Kommersant, Izvestia), self-censorship.
3. A shift in discursive focus: from war to stabilization and the proclaimed end of the "chaos of the 1990s."
4. A decrease in the share of political news across the total corpus of articles.
5. After 2002 – 2003 the number of entertainment publications soared, reducing the share of all political discussion, including war.
6. An attempt to hide war in everyday life, to normalize it. War exists but is unseen which means that everything is "going according to plan."

2008 – 2015: Growth in the frequency of war mentions

Political events:

- the war in Georgia (2008), where the media for the first time played the role of an information front rather than observers;
- the annexation of Crimea and the war in Donbas;

- an escalation of rhetoric depicting NATO as a threat to Russia's existence;
- the beginning of Russia's military operation in Syria.

2016 – 2021: Frequency in 2016 declines compared with 2015 and remains almost unchanged until 2021

Political events:

- the Syrian campaign as a symbol of Russia's global presence (2016 – 2021);
- a new wave of anti-NATO hysteria around the "Zapad-2021" military exercises and the massing of Russian troops on Ukraine's border;
- information and hybrid warfare (increased cyber-attacks, the Skripal case);
- February 2021: publication of Putin's article on "the unity of the Russian and Ukrainian people" as ideological preparation for war;
- late 2021: an ultimatum to NATO demanding a "return to the borders of 1997."

Possible reasons for the reduced frequency of the concept "WAR," despite the avalanche-like expansion of militarist rhetoric:

1. After the shock of Crimea and Donbas comes the normalization of war: the front ceases to be headline news, burnout sets in;

2. Lexical substitution. The word "war" is replaced by terms with neutral or heroic overtones. Instead of:

- "war in Syria" → "VKS operation" (Russian Aerospace Forces)
- "war in Donbas" → "humanitarian catastrophe in the DNR and LNR";
- "preparation for war" → "exercises," "strengthening defense," "military cooperation."

3. The regime shifts from real discussion of war to "symbolic mobilization." The media begin to employ metaphorical frames:

- "battle for values" («битва за ценности»)
- "information interference" («информационное вмешательство»)
- "defense of sovereignty" («защита суверенитета»)
- "hostile encirclement" («враждебное окружение»)

4. Tightening control over the media.
5. War is presented as “service,” “duty,” “protection.”

2022 – 2024: Sharp growth in the relative frequency of the concept WAR

Political events:

- full-scale invasion of Ukraine;
- mobilization (September 2022);
- mass emigration;
- Western sanctions;
- military-political rapprochement with China, Iran, and North Korea;
- the Russian Orthodox Church becomes fully integrated into the war discourse, finally merging the ideas of the Motherland, Orthodoxy, and imperialism as the basis of the national myth;
- Symbols: Z, V, “Russian World.”
- Putin’s 2024 election, Navalny’s death, arrests of oppositionists.

Thus 2022-2024 is a time when war becomes total: it is not always named, but it is always used as a tool of governance and mobilization.

Conclusion

Analysis of the absolute and relative frequencies of the concept “WAR” shows the evolution of Russian political discourse from the transformation of the 1990s to a totalitarian state by 2024.

If in the 1990s “war” was a trauma and a topic for debate, by 2024 it has become an element of everyday life, the foundation of the regime’s legitimacy and the justification of repression.

The concept “WAR” proves to be a sociolinguistic mirror of this path: **Russia has become a country where speaking of peace is more dangerous than waging war.**

«СВОЙ» ПРОТИВ «ЧУЖОГО» — БАЗОВЫЕ КОНЦЕПТЫ ПРОПАГАНДЫ

НАВА ВАНДА ШАХВЕРДОВА (ВЕНГРИЯ)
Дебреценский университет, Институт славистики
sahverdova.vanda@arts.unideb.hu, sahverdova@gmail.com

Введение

Целью данного исследования является описание способов концептуализации бинарной оппозиции «свой – чужой» в медиатекстах российской пропаганды, формирующей коллективные представления о «своих» и «чужих», которые ложатся в основу механизмов манипуляции общественным мнением и легитимации политических действий. Особое внимание уделяется анализу фреймов, при помощи которых выстраивается идеологическая дихотомия и создается образ «чужого» как угрозы, а «своего» — как носителя единственно истинных ценностей, которые нуждаются в защите.

Материалом для исследования послужили тексты ряда политических программ с ярко выраженной пропагандистской направленностью, такие как программы М. Симоньян, «Право знать» Д. Куликова, «60 минут» с О. Скабеевой, «Уроки русского» с З. Прилепиным и интервью с упомянутыми. В процессе анализа были рассмотрены 7 медиатекстов. Общий объём материала составил около 250 000 знаков (более 35 000 слов). Транскрипция текстов не отображает характеристик звучащей речи. Тексты характеризуется высокой степенью тематической однородности и риторической согласованности, что представляет возможность интерпретировать полученные результаты как обоснованную модель в рамках ограниченного медиакорпуса, на основе которой представляется возможность проследить конструирование концептов своего и чужого в российской пропаганде.

Методом сплошной выборки были выделены примеры концептуализации «своего» и «чужого», составлена картотека примеров и проведена их интерпретация, основные результаты которой представлены ниже, при этом многие аспекты исследования (оценка, наложение своего и чужого, метафоры, лингвистические стратегии «разоблачения», «эффект правдоподобия» и др.) в данной работе остались незатронутыми или не раскрытыми подробно из-за установленных пределов объёма статьи.

Бинарные категориальные концепты «свое» и «чужое»

Концепты «свое» и «чужое» являются бинарными концептами, определяющимися в противопоставлении друг другу. Данную оппозицию можно воспринимать как

семантико-прагматическую структуру в широком смысле (Сахно, 1991; Пеньковский, 2004), связанную с универсальным принципом категориального бинарного деления мира на «свой» и «чужой». При этом концепт «чужой» как правило, хотя и не обязательно, сопровождается негативной оценкой. Как отмечает Лотман: «Аксиологическая дифференцировка: опасно — безопасно, полезно — вредно, своё — чужое лежит в основе человеческой жизнедеятельности.» (Лотман, 1969: 464; Пеньковский, 2004: 13, Серебряникова, 2004: 19–20). Стоянова определяет дихотомию «свой — чужой» как онтологическую бинарность устройства мира. Языковая личность в процессе интерпретации ориентируется на эту оппозицию, что составляет основу её ориентации в мире и влияет на концептуализацию окружающей действительности (Стоянова, 2015: 195–196, см. также Шахвердова – Уразбекова 2022).

Шипилов (2008: 9–151) описывают оппозицию свое – чужое как фундаментальную, исторически и биологически укорененную сущность социальной идентичности, данную пару концептов исследователь рассматривает на пяти уровнях: этологическом, психологическом, социологическом, этноисторическом и политологическом уровне. Личность в процессе формирования противопоставляет себе других, концепт «мы» включает в себя чувства близости, основными компонентами которого являются причастность и защищенность. Групповая идентичность, в свою очередь, строится на социальном сплочении, таким образом Шипилов считает коллективное самосознание первичным по отношению к индивидуальному. Политическая идентичность, гражданство и государственная принадлежность проистекают из разделения на своих и чужих, а государственная пропаганда активно использует данные категории для легитимации власти.

В языковой картине мира пропаганды эта пара концептов становится основополагающей, пропаганда нацелена на защиту своих ценностей от враждебных реальных или вымышленных атак сферы «чужого» и это противостояние, защита, нападение (или отражение нападения) и связанная с этим аргументация и размышления становятся организующей силой дискурса.

«Свой» против «чужого» в российской пропаганде

В рассмотреных нами текстах категории «свое» и «чужое» включает в себя следующие тематические группы:

«свое»	«чужое»
Россия, русские, наш народ, мы; русская армия, СВО; Советский Союз, советская журналистика, память, история, идеология; культура, язык, литература, поэзия, новая поэзия СВО;	*США/ Америка; Европа, страны Европы, Запад; Украина, Зеленский; западные медиа; новая этика; Израиль*
распространенное «свое»	**свое «чужое»**
наши партнёры, союзники, Брикс;	*российские / наши либералы;*

Анализ рассмотренных текстов показал, что оппозиция организована нередко в виде параллельных смысловых блоков в котором образ своего сопровождается контрастным образом чужого. Кроме этого наблюдается переход между категориями свое и чужое, в «теле» своего могут появляться и инородные элементы, всё же они классифицируются как принадлежащий к сфере «свое», например, «наши либералы, российские либералы»[1] (6, 7), а также в сфере чужого появляются элементы, в связи с которыми авторы текстов подчёркнуто выделяют их однородность, родство со сферой своего, это, например, дружественные страны-партнёры, сходные по своей идеологии, историческим предпосылкам и целям.

Анализ медиадискурса, структурированного вокруг концепта «чужой», выявляет следующие устойчивые структуры, реализующиеся посредством дискурсивных фреймов, предикативных схем и оценочных стратегий, применяемых к топонимам, обозначающим геополитические субъекты (Америка, Запад, Европа, Украина), а также к их репрезентантам (например, президент Украины Владимир Зеленский).

Фрейм «Америка» формирует образ внешнего и идеологического другого через совокупность предикатов, указывающих на агрессивное экспансионистское поведение (*насаждает* (свою идеологию), *поджигает* (конфликты), *пренебрегает* (безопасностью других), экспансия за счет пожирания: *жрет*, *съест, подъедает*), а также через метафоры разрушения и болезни самого названного (*рушится* (Америка, благосостояние, армия), *больное общество*, *обуяла* (религия WOKE), *безумие*). Концептуализация США как «больного организма» сопровождается идеей потери ценностей (в типичной американской семье «Ни одной книги — вообще» (5), *религия комиксов*, *комиксы отучили от чтения*).

Фрейм «Запад» и «Европа» (на данный момент исследования воспринимается как одно единство) в рассмотренных медиатекстах появляется как подчинённый, зависимый

[1] В дальнейшем после цитат фигурирует номер медиатекста из списка в конце статьи.

от США объект экспансии, («…когда Европа хоть одним краем выползет из-под каменной задницы США?» 7). Предикаты *боится* (русских), *лжёт*, *выращивает* (радикально правых уродов), *выносила* (Гитлеровский фашизм), *навязывает* (нам/ русским коллективное помешательство). Предикаты *обманывает*, *ненавидит*, *голосует* (за санкции против России), *вбрасывает* (яд, фейки, раздор) подчеркивают эмоционально-негативное отношение, сопровождаемое обвинениями в предательстве и историческом лицемерии. Таким образом, концепт «чужого» здесь маркируется через моральную девиацию и искажение исторической правды.

Фрейм «Украина» строится на стратегиях дегуманизации и редукции субъектности. Атрибуции *бедность*, *коррупция*, *концлагерь* сопровождаются утверждением о том, что украинцы живут в условиях принудительной пропаганды ненависти. Украина лишена самостоятельной политической воли, её население описывается как объект манипуляции и принуждения. Данный фрейм сложен с точки зрения классификации в терминах своего и чужого и требует отдельного рассмотрения на большем количестве материала, высказывания пропагандистов тут противоречивы.

Составляющей концепта «чужое» являются и лидеры, знаковые личности, так достаточно частотно упоминание президента Зеленского, в дискурсе пропаганды он конструируется как «ненастоящий лидер». Пропагандисты употребляют в связи с ним характеристики, которые можно суммировать как невесомость, незначимость, фальшивость (*пустая оболочка*, *воздушный шарик*, *страшный клоун*, *скоморох*, *маленький человек*, *исполнен пустоты*), временность его мандата (*руководит пока что*) и предикаты (*надулся*, *говорит*, *ничего не решает*, *исчезнуть*) — оформляют стратегию иронического обесценивания, в которой субъектность замещается нарративом о внешнем управлении и симуляции самостоятельного принятия решений, создают эффект отсутствия легитимности.

Рассматривая концепт «свой», была выявлена устойчивая система репрезентации положительно маркированной идентичности, оформляемой через фреймы национальной субъектности, исторической преемственности, культурного лидерства и идеологического союза.

Фрейм «Россия» формирует образ государства, обладающего исторической и моральной правотой, но часто обманутого: *обманули*, *заставили отказаться* (от советской идеологии), «*нас кормили безвизом*», (мы) *прошли через многое*, (страна) *восстала из пепла*, *всех спасла* (во Второй мировой войне), (мы) *загубили свою страну* (подразумевается СССР). Формирование коллективного опыта конструируется через

жертву, преодоление препятствий/борьбу и национальную стойкость: русские привыкли к жертвам, воспринимают их как необходимость, должны «вырывать свое с кровью» (5), знают, что значит «идти до конца». Необходимость жертвы нормализована, включена в идею исторической миссии.

Фрейм «Россия носитель культуры и нравственной нормы» закрепляет за русской культурой статус образцовых форм поведения, одним из репрезентатнтов которой является сдержанность и отсутствие шума. Так, например, о русской дипломатии и России в связи с отстаиванием интересов или правоты применяются предикат: *не кричим*, дипломатия характеризуется как *филигранная* (кажется, говорящий хотел сказать, *деликатная*, это следует из контекста). Характеристики: *филигранность/деликатность*, *скромность*, *великодушие* раскрываются через эмоциональные реакции: «читаешь — и диву даешься степени благородства», «у нас душа такая», с дальнейшим уточнением в контексте — сочувствующая, не желающая обидеть и через сопоставление с «чужим» («мы живём в мире постправды, значит, правда на стороне того, кто громче кричит» (1), они (либералы, Запад) *кричат*, *визжат*, *вопят*) формируется оппозиция: сдержанность, тишина — шум, крик.

Фрейм «Идеология и историческая преемственность» формируется вокруг отсутствующей, но необходимой идеологии, с отсылками к советскому наследию, к которому следует вернуться, ведь оно было утеряно, но Запад не предложил ничего приемлемого взамен. Ряд знаковых предметов (мавзолей, День Победы, красное знамя и многие другие) закрепляет легитимацию современной России через символы прошлого.

Фрейм «Союзники: расширенное свое» включает в совокупность «своего» геополитических партнёров России, маркированных как дружественные страны, идеологические партнёры, члены «красного пояса». В данный фрейм входят такие номинации, как страны БРИКС, Китай, КНДР, Венесуэла, Вьетнам, подчеркивается схожесть идеологий, общие стремления (соцализм, общие враги «буржуинство», общая символика). В отношении стран-идеологических партнеров наблюдается инклюзивное расширение концепта «свое».

Таким образом, концепт «свое» оформляется в проанализированных нами текстах через ряд устойчивых предикатов и фреймовых структур, маркирующих национальную принадлежность, моральную легитимность, историческую правоту и образцовость русской культуры, формируя положительную оценку в оппозиции с образом «чужого».

Итоги

Проведённое исследование показало, что бинарная оппозиция «свое – чужое» является структурообразующим элементом пропагандистского медиадискурса, а анализ некоторых предикативных структур и дискурсивных стратегий позволил выявить речевые средства, направленные на создание, поддерживание и воссоздание коллективной идентичности. Таким образом картина мира, которую конструирует пропаганда закрепляется в сознании адресата как нормативная модель восприятия действительности.

ЛИТЕРАТУРА

Лотман, Ю. М. (1969). О языке типологических описаний культуры. // Труды по знаковым системам. Тарту, т. IV, с. 460–478.

Пеньковский, А. Б. (2004). О семантической категории чуждости в русском языке. // Очерки по русской семантике. Москва: Языки славянской культуры, с. 13–49.

Сахно, С. Л. (1991). «Свое – чужое» в концептуальных структурах. // Логический анализ языка: культурные концепты. Москва, с. 95–101.

Серебренникова, А. Н. (2004). Диалектное слово с семантикой «свойственности» – «чуждости» коммуникации: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Томск. (Дата обращения: 10.01.2022).

Стоянова, Е. (2015). Языковая личность и восприятие мира в терминах дихотомии «свой – чужой» (на материале русской и болгарской фразеологии с компонентом «дом / структурные элементы дома»). Verbum, 50, с. 195–204.

Шахвердова, Н. В., Уразбекова, А. (2022). Лингвистические средства конструирования своего и «чужого» в романе Б. Акунина «Алмазная колесница». Slavica, 51, 18–32.

Шипилов, А. В. (2008). «Свои», «чужие» и «другие». Москва: Прогресс-Традиция. 568 с.

СПИСОК МЕДИАТЕКСТОВ

«60 минут»: с Ольгой Скабеевой и Евгением Поповым, Россия 1,
https://www.youtube.com/watch?v=Z__cMS8V_Dk

«Воскресный вечер с Владимиром Соловьёвым». Выпуск с участием Маргариты Симоньян. Россия 1, https://rutube.ru/video/a82725dcefbb738a4f83fab1f2546b5a/

«Воскресный вечер с Владимиром Соловьёвым». Выпуск с участием Маргариты Симоньян. Россия 1, https://rutube.ru/video/e948644751bd9ea52d1a97bfb76cd91b/

«Метаметрика» с Ольгой Скабеевой и Евгением Поповым.
https://rutube.ru/video/d4fc6669e6d79fdf382c77094cb281a7/(доступ по ссылке: апрель 2024)

«Право знать!» с Дмитрием Куликовым, ТВЦ
https://rutube.ru/video/f084bf6825b9ccd47d3e88497a53813c/

«Уроки русского» с Захаром Прилепины. Урок №250. НТВ
https://rutube.ru/video/8b7e24faa58199e152883666307f1c21/

«Уроки русского» с Захаром Прилепиным. Урок №274. НТВ
https://rutube.ru/video/198fd68404bbdfe3186366fe846c6999/

ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДИАДИСКУРСА КАК ОТОБРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ ОБЩЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫБОРОВ 2024 Г. В ХОРВАТИИ И ЛИТВЕ)

ВИКТОРИЯ МАКАРОВА (ЛИТВА)
Вильнюсский университет
https://orcid.org/0000-0002-4226-4755
viktorija.makarova@flf.vu.lt

Гипотеза исследования заключалась в мысли о том, что изучение особенностей предвыборного дискурса позволяет установить характерные черты политической культуры той или иной страны: ее ценностные ориентиры и «болевые точки», способы предоставления информации и формирование политической повестки дня.

Материалом исследования послужили тексты, посвященные теме президентских выборов, проходивших в Литве и Хорватии в 2024 году. В Литве I тур президентских выборов состоялся 12 мая 2024 г., в Хорватии I тур состоялся 29 декабря 2024 г. (Любопытное совпадение: в Литве и Хорватии совпал не только год выборов, но и количество кандидатов в избирательном списке – 8 в литовском и 8 в хорватском списке, а также то, что как в Литве, так и в Хорватии победили кандидаты-действующие президенты страны на тот момент, претендовавшие на второй срок.)

Для составления выборки исследования мы обратилась к текстам, опубликованным на информационных порталах Литвы LRT.lt и Respublika.lt; для составления хорватской выборки мы исследовали тексты, опубликованные на порталах Index.hr и Vecernji.hr („Večernji list“). Мы исходили из мысли о том, что избранные для анализа источники репрезентативны для иллюстрации господствующих в литовском и хорватском обществах взглядов. Поиск текстов осуществлялся по ключевым словам *rinkimai* (лит. ‘выборы’) и *izbori* (хорв. ‘выборы’), а также по фамилиям всех кандидатов. В литовскую выборку таким образом было включено 86 текстов, в хорватскую – 87 текстов (цифры разнятся, потому что некоторые отобранные тексты оказались дубликатами и были исключены из выборки).

Одним из основных понятий в настоящей работе является **термин «медиадискурс»**, производный от «дискурс». Под дискурсом мы вслед за Тён ван Дейком понимаем языковую деятельность в социальном контексте, которая характеризует знания и мнения как субъекта дискурса, так и социума, которому принадлежит субъект (Дейк 1989). Соответственно, под медиадискурсом мы понимаем языковую деятельность в социальном контексте, конструируемом в пространстве медиа.

Отличительными чертами медиадискурса являются «конвертация информации в смыслы (конструирование знания), перевод знания с одного уровня (например, институционального) на другой (например, обыденный), сращение информации различного типа (например, политической и развлекательной, событийной и рекламной)» (Кожемякин 2010). Такой признак медиадискурса, как сращение информации различного типа, позволил нам при создании выборки для анализа рассматривать материалы разных жанров и разных авторов как единый континуум. Иными словами, мы стремились исследовать не отдельные тексты и их формальную структуру, а **дискурс как «совокупность высказываний, за которым стоит единое сознание и единая социальная позиция»** (Лассан 2011).

Процедура анализа заключалась в поиске ответов на вопросы, о чем говорил субъект дискурса? Что он сказал? Как он это сказал? Почему он это сказал? Мы также обращали внимание на частотность тех или иных поднимаемых тем, исследовали типы аргументов, использование оценочной лексики, сопровождающие тексты изображения. После проведенного независимо друг от друга анализа литовской и хорватской выборки мы составили перечень критериев, по которым сравнили литовский и хорватский дискурсы, т.е. сконструировали третье для сравнения.

Третье для сравнения составили следующие позиции: фавориты редколлегии, право кандидата на прямую речь, подбор фотографий, оценка деятельности действующего президента, тема войны, проблема эмиграции населения, ценность семьи.

Фавориты редколлегии. В литовском предвыборном дискурсе конструировались диаметрально противоположные образы двух кандидатов – И.Ш. и И.В.. Если составляющими конструируемого LRT образа И.Ш. являются харизма, решительность и чувство юмора, то образ И.Ш. на портале “Respublika” – это нефотогеничный политик-неудачник. Составляющими конструируемого “Respublika” образа И.В. являются принципиальность, профессионализм, честность и бесстрашие, а образ И.В. на портале LRT – это политик-популист, лидер бедняков (несмотря на то, что сам И.В. – миллионер).

Из сообщений хорватских медиапорталов “Index” и “Večernji list” нельзя сделать выводов о том, кто являлся фаворитом или, наоборот, аутсайдером предвыборной гонки. Каждому из кандидатов досталась немалая доля критики, при этом нужно отметить, что чаще всего критика исходила не от лица журналиста-автора статьи, а из уст конкурентов, каждый из которых имел возможность выступить лично или быть обширно процитированным на обоих порталах. Лишь в случае с кандидатом Н.Т. можно узреть ироничное отношение автора (-ов) “Večernji list”, отметивших, что Н.Т. останется в

народной памяти как самый забавный кандидат, потому что пустил слезу в эфире, собрал меньше всего голосов, но тем не менее «пел и танцевал» с соратниками в своем штабе в вечер подведения итогов первого тура выборов.

Право кандидата на прямую речь. Сопоставление литовской и хорватской выборки свидетельствуют о различном статусе медиапортала как посредника в отношениях кандидатов и их избирателей. Литовские пользователи порталов LRT и “Respublika” с гражданской позицией кандидатов в основном знакомятся опосредованно – сквозь призму осмысления фактов действительности и их описания журналистами. В литовских текстах кандидаты в президенты, конечно, цитировались, но в хорватском корпусе текстов цитирование кандидатов гораздо обширнее. Кроме этого, портал “Index” публиковал (с пометой, что текст редактированию не подвергался) монологи кандидатов с изложением их взглядов на мир, а портал “Večernji list” публиковал стенограммы дебатов (отредактированные, по-видимому, лишь в той степени, в которой это требуется для передачи устного текста в письменной форме).

Подбор фотографий. В литовском предвыборном медиадискурсе примечателен такой ход редакторов “Respublika”, как подбор на удивление неудачных фотографий кандидата И.Ш. для иллюстрации текстов о ней. Иногда даже используется фотомонтаж, однако он выполнен, по-видимому, намеренно непрофессионально, чтобы с первого взгляда было заметно, что изображение не претендует на статус документальной фотографии. Проанализированные нами хорватские статьи тоже сопровождались фотографиями, но их выбор, на наш взгляд, не ронял достоинство ни одного из изображенных на них людей.

Оценка деятельности действующего президента. По этому параметру также разительно отличаются литовский и хорватский предвыборные дискурсы. В литовских текстах, попавших в нашу выборку, практически не встречается оценок деятельности действующего президента (кандидата Г.Н.), тогда как в хорватском корпусе о кандидате-президенте З.М. содержится множество негативных оценочных суждений о его работе, высказанных как кандидатами-конкурентами, так и другими политиками и политическими обозревателями.

Тема войны звучит и в литовском, и в хорватском предвыборных дискурсах. В литовском медиадискурсе речь идет о военном конфликте России-Украины в настоящее время, кандидаты выражают свое отношение к этому конфликту, к политике России, к степени готовности подключить литовские ресурсы для установления мира в регионе, методах предотвращения (или, наоборот, подготовке к нему) потенциального военного

конфликта Литвы с Россией в будущем. Лейтмотивом хорватского медиадискурса является *Domovinski rat* – Отечественная война за независимость Хорватии в 90-е г.г. XX в. В связи с чем кандидаты выражают свое отношение к выстраиванию отношений со своими соседями – БиГ и Сербией. Например, кандидатам во время дебатов задают вопрос о возможном вступлении Сербии в ЕС, и, предлагая блокировать эту идею, субъекты дискурса оперируют такими понятиями, как агрессивная политика сербского мира, великосербский империализм и проч. О том, что *Domovinski rat* является одной из важнейших тем для осмысления в современной Хорватии, кстати, свидетельствует и тот факт, что содержание многих художественных произведений, получающих литературные премии, связано с этим трагичным периодом в истории Хорватии.

Проблема эмиграции населения актуальна для обеих стран, но в литовском предвыборном дискурсе, в отличие от хорватского, этот вопрос на заострен, не говорится о том, что нужно найти способы удержать молодежь от эмиграции и попытаться вернуть эмигрантов домой.

Приверженность семейным ценностям, несомненно, объединяет народы Литвы и Хорватии. Но если во время литовской предвыборной кампании семейные связи кандидатов практически не демонстрировались ими и не анализировались журналистами, то из хорватских предвыборных текстов можно узнать о происхождении родителей кандидатов, имена детей, увидеть фотографии кандидатов в дошкольном возрасте и вместе с супругами и детьми.

Таковы некоторые наблюдения об отличиях и сходствах литовского и хорватского взглядов на мир сквозь призму предвыборных текстов.

ЛИТЕРАТУРА

Дейк ван, Т. А. (1989) *Язык. Познание. Коммуникация*. Москва: Прогресс.

Кожемякин, Е. А. (2010) Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования. *Вопросы журналистики*, № 12 (83), https://cyberleninka.ru/article/n/massovaya-kommunikatsiya-i-mediadiskurs-k-metodologii-issledovaniya (доступ: 10.05.2024).

Лассан, Э. Р. (2011) *Лингвистика ставит диагноз*... Вильнюс: Изд-во Вильнюсского ун-та.

Макарова, В. В. (In Print) О конструировании медиаобраза кандидата на пост президента Литвы посредством контекстуальной аргументации. // *Perswazia jezykowa w roznygh dyskursach = Речевое воздействие в разных дискурсах*. Коллективная монография. Под ред. Ж. Сладкевич, А. Климкевич. Gdansk: Wydawnictwo Universytetu Gdanskiego.

ИСТОЧНИКИ

“Index” – www.index.hr (доступ: 24.04.2025).

LRT – www.lrt.lt (доступ: 10.05.2024).

“Respublika” – www.respublika.lt (доступ: 10.05.2024).

“Večernji list” – www.vecernji.hr (доступ: 24.04.2025).

KE STYLU VĚDECKÉ KOMUNIKACE V NĚKTERÝCH SLOVANSKÝCH JAZYCÍCH (SROVNÁVACÍ ANALÝZA ČLÁNKŮ ČESKÝCH, SLOVENSKÝCH, POLSKÝCH A RUSKÝCH)

JANA HOFFMANNOVÁ (ČESKÁ REPUBLIKA)

1. Úvod

Příspěvek se zabývá stylem vědecké komunikace v některých slovanských jazycích a proměnami odborného diskurzu v posledních desetiletích. Vycházíme-li z Galtungova (1981) rozlišení intelektuálních stylů, lze předpokládat, že odborné texty psané ve slovanských (zejména západoslovanských) jazycích sdílejí ve větší či menší míře styl „teutonský“, tj. příznačné rysy německého vědeckého vyjadřování; přitom jsou ale v období po roce 1989 silně ovlivňovány vědeckým diskurzem anglosaským, zejména v oblasti kompoziční výstavby a projekce autorských subjektů do textu. V tomto příspěvku mohu provést pouze sondu, zaměřenou na články (tedy centrální žánr vědeckých textů) lingvistické a založenou na komparativní metodologii. Pokusím se porovnat vzorek článků z lingvistických časopisů českých, slovenských, polských a ruských z počátku 90. let 20. století a z počátku 20. let 21. století. Cílem je zjistit, jak se jejich kompoziční a stylistická výstavba vzájemně shoduje či liší a jak se případně proměnila během třiceti let, v době globalizace vědy, kdy mohlo dojít, resp. dochází k hybridizaci stylu „slovanského“ (blízkého spíše „německému“) a anglosaského.

Při přípravě příspěvku jsem pracovala s články českých, slovenských, polských a ruských lingvistů, které byly uveřejněny v reprezentativních časopisech *Slovo a slovesnost, Jazykovedný časopis, Stylistyka* a *Вопросы языкознания*. Porovnávala jsem studie publikované v letech 1990–1994 (kdy teprve začínaly působit „globalizační“ vlivy) a studie z let 2019–2023. Jako minimální počet příspěvků v každém jazyce a z každého období jsem si stanovila soubor třiceti článků, výsledný počet by byl tedy 240 analyzovaných statí (30 x 2 x 4). U nejlépe přístupných studií českých a slovenských jsem tento počet ještě podstatně rozšířila, a nakonec jsem prošla celkem více než 350 příspěvků.

2. Projekce autorských subjektů ve sledovaných textech

Ke srovnávání stylistických vlastností slovanských odborných textů přistupuji s hypotézou, že se během tří desetiletí aspoň do jisté míry proměnil spíše neosobní styl lingvistických studií směrem k výraznější projekci autorských subjektů do textu. Zabývám se využíváním autorského plurálu, který odedávna (a pro mnohé autory dodnes) představoval závaznou konvenci. Přihlížím i k zastoupení plurálu inkluzivního (viz rozlišení V. Mathesia, 1943), kterým autor zahrnuje sebe a čtenáře do společné skupiny, resp. přibírá čtenáře ke svým

textovým činnostem a postupům. Proti neosobním, „skromným“ plurálovým formulacím pak stavím autorský singulár, který už dlouho převažuje v anglosaském prostředí. Distribuci autorského plurálu a singuláru věnovala pozornost řada autorů, z českých a slovenských např. S. Čmejrková (2008), O. Dontcheva-Navrátilová (2013), J. Kozubíková Šandová (2019), M. Walková (2020), M. Ferenčík (2021) nebo P. Sojka (2022); nikdo z nich se ovšem nezaměřil na širší prostředí slovanské, takže asi stojí za to vnést do tohoto kontextu i slavistický akcent.

2.1 Texty českých autorů

2.1.1 Analýze bylo podrobeno 58 českých studií z počátku 90. let. V těchto textech zcela převažuje autorský plurál; někdy je na něm založen celý článek, jindy se střídá s plurálem inkluzivním. Najdou se ovšem i texty s výrazným zastoupením autorského singuláru (je jich 12, tedy asi 21 %) – nikoli však stati, které by při projekci autora do textu využívaly výhradně jednotné číslo. Příznačné jsou tu různé kombinace.

2.1.2 Dále bylo analyzováno 40 českých textů z posledních let. Kozubíková Šandová (2019) konstatuje pro toto období zvýšenou dialogičnost a přiblížení autorů ke čtenářům. Podle mých zjištění tu stoupá počet autorů, kteří vydatně využívají singulárovou projekci, na 38 % (15 článků); objevují se články založené výhradně na singuláru i články, které singulár a plurál vyváženě střídají. Autorů trvajících důsledně na autorském plurálu už není mnoho.

2.2 Texty slovenských autorů

2.2.1 Zastoupení autorského, resp. inkluzivního plurálu ve starších, ale i novějších slovenských textech se značně liší od popsaných poměrů v článcích českých. Staršímu období jasně dominuje autorský plurál; téměř v 50 % statí (20 článků ze 41) nenacházíme nic jiného (kromě případných neosobních tvarů); připojíme-li ještě 12 statí, kde se autorský plurál střídá s plurálem inkluzivním, je výhradně „plurálových“ textů už 78 %. V ostatních se sice (většinou sporadicky) objevuje i 1. osoba singuláru, ale např. jen v poznámkách pod čarou (technického rázu), nebo jen v úvodu apod. Na rozdíl od českých textů slovenští autoři více užívají inkluzivní plurál, mj. imperativy s funkcí textových orientátorů. Hojné je i využívání formulací neosobních.

2.2.2 V novějším souboru slovenských článků (od r. 2019, 52 článků) jsem na rozdíl od textů českých nezaznamenala nijak markantní proměnu. Frekvence autorského singuláru výrazně nevzrostla, je zastoupen nanejvýš v technických poznámkách pod čarou nebo v poděkování.

2.3 Texty polských autorů

2.3.1 Polské texty se ani ve starším období (32 statí) úplně nevyhýbají autorskému singuláru. V 50 % starších textů (16 článků) sice naprosto převažuje plurál autorský, kombinovaný s tvary neosobními; ale v dalších 50 % článků je singulár zastoupen buď výrazně (11 článků, 34 %), nebo aspoň tu a tam (5 článků, 16 %). Pokud jde o plurálové tvary, téměř všichni autoři hojně využívají imperativy – autorské nebo inkluzivní, některé s funkcí orientátorů.

2.3.2 Polské studie z nedávného období (56 textů) se ve sledovaných aspektech nijak markantně neliší od textů starších. I zde (co do kvantity) převládá užívání autorského plurálu; hojné jsou imperativy (autorské i inkluzivní); obdobně zastoupeny jsou textové orientátory. Autorský singulár ovšem nebyl výjimkou ani u starších textů; v článcích novějších ho ještě přibývá, celkem v 75 % (42 textů) je zastoupen buď výrazně, nebo aspoň občas; pouze 25 % (14 článků) je založeno pouze na plurálu, především autorském.

2.4 Texty ruských autorů

2.4.1 Autoři ruských studií se stylem svého akademického psaní odlišují od ostatních (zde sledovaných) slovanských autorů; jejich texty jsou založeny takřka výlučně na využití autorského plurálu v kombinaci s formulacemi neosobními. Starší a novější texty se tu liší minimálně. U starších (36 článků) jsem zaznamenala 28 % (10 článků) pojatých vyloženě neosobně (!) a 64 % (23 statí), kde převažuje autorský plurál. Autorský singulár se zde nevyskytuje vůbec a inkluzivní plurál jen stopově.

2.4.2 U studií z novějšího období je opět asi 23 % ze 40 textů (tj. 9 článků) založeno pouze na formulacích neosobních. „Plurálových“ textů je 24, tj. 60 %, poněkud přibývá inkluzivních plurálů. Výjimečně se objevuje autorský singulár – ale pouze v děkovných poznámkách apod.

3. Členění textu

Ve starším období jasně převládaly kratší články s minimální textovou segmentací, rozčleněné pouze do odstavců. Většinou nebyly dále členěny do oddílů opatřených nadpisy (názvy, titulky); jen někdy bylo členění naznačeno číslováním odstavců, resp. tzv. desetinným tříděním (2; 2.1; 2.1.1; atd.). Tady došlo během třiceti let k výrazné změně: v novějším období převažují články bohatě rozčleněné do kratších či delších úseků (oddílů) číslovanými nadpisy. Během třiceti let se ovšem nezměnil pouze přístup autorů, ale i redakční politika. U všech respektovaných časopisů redakce jistě v současné době uplatňují požadavek na standardní a přehledné členění textů přijímaných k publikaci. Souvisí to i s rozsahem článků, který se stále zvětšuje; vývoj směřuje od dříve běžně publikovaných několikastránkových článků

k rozsáhlým studiím, jejichž recepce by bez promyšleného a výrazného členění byla pro čtenáře nesmírně obtížná.

4. Závěr

Analýza vybraných slovanských lingvistických studií zaměřená na jejich kompoziční a stylistickou výstavbu ukazuje zřetelné změny, ke kterým došlo v průběhu posledních tří desetiletí – nepochybně do značné míry pod vlivem odborného diskurzu anglosaského. Členění článků všude postoupilo směrem k několikastupňovému členění textů číslovanými nadpisy, jistě i pod vlivem stabilizovaného úzu a redakční politiky periodik z anglosaské oblasti. Naproti tomu u projekce autorských subjektů do textu není vývoj tak jednoznačný. Např. ruské studie zůstávají u poměrně „konzervativního“, značně uniformního stylu s převahou autorského plurálu a neosobních formulací; této poloze nejsou příliš vzdáleny ani články slovenské. V textech českých a polských se v různé míře (i když ne nijak enormně) prosazuje autorský singulár, nepochybně rovněž pod vlivem jeho dominance v odborných textech anglosaských (srov. o tom Ferenčík 2021).

LITERATURA

Čmejrková, S.: Lingvista a jeho diskurzní komunita. In: Mislovičová, S. [ed.]: *Jazyk a jazykoveda v pohybe. Na počesť Slavomíra Ondrejoviča*. Bratislava 2008.

Dontcheva-Navrátilová, O.: Authorial presence in academic discourse: Cross-cultural analysis of the use of author-reference pronouns. *Linguistica Pragensia* 23, 2013, 9–30.

Ferenčík, M.: Komunikácia v globalizovanej vede: Porovnávacia analýza domáceho a anglosaského štýlu vedeckého písania v lingvistike. *Jazykovedný časopis* 72, 2021, 739–768.

Galtung, J.: Structure, culture and intellectual style. An essay comparing saxonic, teutonic, gallic and nipponic approaches. *Social Science Formation* 20, 1981, 817–856.

Kozubíková Šandová, J.: Proměny českého akademického diskurzu během posledních padesáti let. *Časopis pro moderní filologii* 101, 2019, 54–71.

Mathesius, V.: Jazykozpytné poznámky k řečnické výstavbě souvislého výkladu. *Slovo a slovesnost* 9, 1943, 114–129.

Sojka, P.: Autorský plurál v současné češtině – na příkladu závěrečných studentských prací. *Korpus – gramatika – axiologie* 25, 2022, 36–51.

Walková, M.: Diachrónia používania prvej osoby singuláru v slovenských jazykovedných štúdiách a článkoch. *Slovenská reč* 85, 2020, 82–95.

FUNCTION OF THE IMPERSONAL *-NO/-TO* CONSTRUCTION IN DISCOURSE: THE SEMANTICS OF THE IMPLICIT SUBJECT AND ITS REFERENTIAL PROPERTIES

IGA MONIKA KOŚCIOŁEK (GERMANY)

This talk presents a section of the research conducted within the CRC 1252 Project B01 *Prominence Phenomena in Slavic Languages*. More precisely, it focuses on the results of the empirical study conducted for my doctoral dissertation, examining the behavior of the impersonal Polish *-no/-to* construction in textual context. Special attention is given to the relationship between the semantics and the referential properties of the implicit subject.

The object of the study, the *-no/-to* construction, is an impersonal construction that lacks an explicitly expressed grammatical subject on the surface (cf. Siewierska 2008). It primarily consists of a specific, uninflected verbal form that denotes an action or event. Unlike other relevant Polish impersonal constructions—such as the third-person plural impersonal and the reflexive impersonal—it is restricted to the past tense. Although it does not co-occur with an overt grammatical subject, it retains an active interpretation and involves a semantically [+human] implicit subject. This indefinite human reading is a core, default feature of the construction that cannot be overridden—even in contexts suggesting a non-human agent (cf. Kibort 2008: 267). The active nature of the construction is also evident in its ability to govern accusative objects with transitive verbs.

The construction is illustrated in the following example:

(1) Wybi-to szyb-ę (Saloni 1986: 21)
break.PFV-PST.IMPRS window.F-ACC.SG
'[They] broke the window.'

The first part of the talk outlines the syntactic and semantic features of the construction, showing that the morphosyntactically suppressed subject behaves syntactically in a way similar to overt subjects. Based on its semantic properties, it can be characterized as functioning like an indefinite pronoun. At the discourse level, the talk then explores various types of linguistic expressions found in anaphoric reference to the *-no/-to* construction. These expressions provide insights into the nature of the implicit subject and the role of the construction within larger discourse units, as opposed to the sentence level. The corpus research and analysis are based on a random sample of 300 entries excerpted from the National Corpus of Polish (NKJP).

In the further course of the talk, I show how the semantic features inherent to the *-no/-to* construction influence its discourse behavior, with particular attention to the interaction between semantics and pragmatics. Building on its core semantic profile, I propose the term

agentive narration to describe its discourse function. I then present corpus data revealing a correlation between the degree of individuation (cf. Hopper & Thompson 1980) of the implicit subject and the construction's positioning and role in discourse.

Consequently, the data show that the construction can serve both backgrounding and foregrounding functions. When used for backgrounding, it contributes to maintaining the current discourse topic; when foregrounded, it shifts the focus onto the event itself. Additionally, the analysis highlights the importance of perspectivization in the topicalization of impersonal events. In the case of this construction, perspectivization is linked to the degree of affectedness of the patient argument. This mechanism plays a crucial role in rendering an impersonal event prominent within the narrative structure.

The role of the *-no/-to* construction is examined within the framework of prominence theory as developed by von Heusinger & Schumacher (2019), with particular attention to the interaction between textual context and the semantic properties of the implicit subject. Under certain conditions, these properties allow an event without an overt agent to be presented as discourse-prominent.

This research contributes to a broader understanding of the interface between semantics, pragmatics, and discourse structure. It offers new insights into the narrative and agentive potential of the *-no/-to* construction in Polish.

REFERENCES

Hopper, Paul J. (1979). Aspect and Foregrounding in Discourse. In *Syntax and Semantics: Vol. 12. Discourse and Syntax* (pp. 213–241). Academic Press.

Hopper, Paul & Thompson, Sandra A. (1980). Transitivity in Grammar and Discourse. *Language*, 56(2), 251–300.

Kibort, Anna. (2008). Impersonals in Polish: An LFG Perspective. *Transactions of the Philological Society*, 106(2), 246–289.

Saloni, Zbigniew. (1976). *Cechy składniowe polskiego czasownika*. Wrocław: Ossolineum.

Sansò, Andrea. (2006). 'Agent defocusing' revisited. Passive and impersonal constructions in some European languages. In W. Abraham & L. Leisiö (Eds.), *Passivization and Typology: Form and Function* (pp. 232–273). Amsterdam.

Siewierska, Anna. (2008). Introduction: Impersonalization from a subject-centred vs. agent-centred perspective. *Transactions of the Philological Society*, 106(2), 115.

von Heusinger, Klaus & Schumacher, Petra B. (2019). Discourse prominence: Definition and application. *Journal of Pragmatics*, 154, 117–127.

Zeman, Sonja. (2017). What is Narration – and why does it matter? In Markus Steinbach & Annika Hübl (Eds.), *Linguistic Foundations of Narration in Spoken and Sign Language*. Amsterdam.

VERBS AS RHETORICAL ELEMENTS FOR EXPRESSING AUTHORIAL PRESENCE IN SLOVENIAN AND CROATIAN RESEARCH ABSTRACTS

TATJANA BALAŽIC BULC, VESNA POŽGAJ HADŽI (SLOVENIA)
Univerza v Ljubljani, Filozofska fakulteta
tatjana.balazicbulc@ff.uni-lj.si, vesna.pozgajhadzi@ff.uni-lj.si

One of the main tasks of a research paper is to establish communication with the reader, which is achieved through various rhetorical strategies—e.g., through authorial presence in the text. This means that the author appears explicitly or implicitly in the text through self-presentation. In the case of Slavic languages, this also includes verbs. In this sense, explicit or implicit personal communication with the reader is expressed through personal or impersonal verb forms. The article deals with verbs as rhetorical elements to express authorial presence in Slovenian and Croatian research article abstracts. In the first part of the research, the type and frequency of different verb forms are determined using the corpus analysis method. We focus on the typical strategies related to personal and impersonal verb forms. To this end, we analyse active and passive verb forms and verb tenses. Using the contrastive method, we try to identify similarities and differences between the Slovenian (SLAB) and Croatian (CRAB) corpora of research article abstracts. Although the two languages are closely related and have similar cultural traditions, the results point to different strategies in academic writing. While personal verb forms dominate in the SLAB corpus, especially the first-person plural, such forms are rare in the CRAB corpus, where passive structures dominate, most frequently the participial passive. However, when the author is explicitly present in the text, the most common form is the third-person singular or plural verb. The research also shows that the authors generally opt for one strategy—i.e., for active or passive verb forms, or participial or reflexive verb forms. There are also differences in the use of tense. In the SLAB corpus, both the present and the past tense occur in the extracts, whereas in the CRAB corpus, the present tense predominates. Although both corpora show differences between the scientific fields, it can be concluded that the strategies identified are typical for the discourse community. Thus, the differences between the two languages can be attributed to cultural specificities in the languages analysed.

REFERENCES

Tatjana BALAŽIC BULC, 2020: Self-mentions as interactional metadiscourse strategies in Slovene and Croatian research article abstracts. *Academic writing from cross-cultural perspectives: exploring the synergies and interactions*. Ur. Agnes Pisanski Peterlin, Tamara Mikolič Južnič. Ljubljana: Filozofska fakulteta. 55–74.

Tatjana BALAŽIC BULC, 2023: Avtorjeva prezenca v izvlečkih humanističnih znanstvenih člankov v slovenščini in hrvaščini. *Jezik in slovstvo* 68/4. 215–25. https://doi.org/10.4312/jis.68.4.215-225.
Tatjana BALAŽIC BULC, Vesna POŽGAJ HADŽI, 2016: Metadiskursni elementi u znanstvenim člancima Ljiljane Subotić. *Teme jezikoslovne u srbistici kroz dijahroniju i sinhroniju. Zbornik u čast Ljiljani Subotić*. Ur. Jasmina Dražić idr. Novi Sad: Filozofski fakultet Univerziteta u Novom Sadu. 591–608.
Tatjana BALAŽIC BULC, Vesna POŽGAJ HADŽI, 2017: Interakcijske retoričke strategije u znanstvenome diskursu (na primjeru znanstvenoga jezika Ivana Ivasa). *Govor* 34/2. 127–51.
Ivana BAŠIĆ, Snježana VESELICA-MAJHUT, 2016: Explicit author reference in research articles in linguistics in English and Croatian. *Linguistics and literature studies* 4/4. 233–42.
Vijay Kumar BHATIA, 1993: *Analyzing genre: language use in professional settings*. London: Longman Publishing.
Savka BLAGOJEVIĆ, 2007: Autorovo ograđivanje kao retorička strategija u akademskom diskursu: kontrastivna analiza. *Zbornik radova Filozofskog fakulteta u Prištini* 37. Priština: Filozofski fakultet. 125–33.
Savka BLAGOJEVIĆ, 2014: Konferencijski sažeci autora sa anglofonog i srpskog govornog područja – kontrastivna analiza. *Engleski jezik i anglofone književnosti u teoriji i praksi.* Ur. Tvrtko Prćić, Maja Marković. Novi Sad: Filozofski fakultet; Orfelin izdavaštvo. 65–81.
Savka BLAGOJEVIĆ, 2015: Pisanje sažetka naučnog članka u okviru nastave engleskog jezika za akademske potrebe. *Jezik i književnost u kontaktu i diskontaktu.* Ur. Bojana Dimitrijević. Niš: Univerzitet u Nišu, Filozofski fakultet. 357–68.
Marina BONDI, 2006: ′A case in point′: Signals of Narrative in Development in Business and Economics. *Academic discourse across disciplines*. Ur. Ken Hyland, Marina Bondi. Bern: Peter Lang. 49–74.
Ines BUSCH-LAUER, 2014: Abstract: Cross-linguistic, Disciplinary and Intercultural Perspective. *Abstracts in Academic Discourse: Variation and Change*. Ur. Marina Bondi, Rosa Lorès Sanz. Bern: Peter Lang AG. 43–64.
Marija GOLDEN, 2001: *O jeziku in jezikoslovju*. Ljubljana: Filozofska fakulteta.
Martin GRAD, 2017: Izražanje osebnosti v akademskem diskurzu: primerjava rojenih in tujih govorcev angleščine. *Slovenske korpusne raziskave*. Ur. Špela Vintar. Ljubljana: Znanstvena založba FF UL. 71–87.
Nigel HARWOOD, 2005: Nowhere Has Anyone Attempted … In This Article I Aim to Do Just That: A Corpus-Based Study of Self-Promotional I and We in Academic Writing across Four Disciplines. *Journal of Pragmatics* 37. 1207–31.
Susan HUNSTON, 1994: Evaluation and organization in a sample of written academic discourse. *Advances in written text analysis*. Ur. Malcolm Coulthard. London, New York: Routledge. 191–218.
Ken HYLAND, 2000: *Disciplinary Discourses. Social Interaction in Academic Writing*. London: Longman.
Ken HYLAND, 2001: Humble servants of the discipline? Self-mention in research articles. *English for specific purposes* 21. 207–26.
Ken HYLAND, 2004: *Genre and Second Language Writing*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
Ken HYLAND, 2005: *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing*. London, New York: Continuum.
Roz IVANIČ, 1998: *Writing and identity: The discoursal construction of identity in academic writing*. Amsterdam: John Benjamins.
Marina KATNIĆ-BAKARŠIĆ, 2012: *Između diskursa moći i moći diskursa*. Zagreb: Naklada Zoro.
David LIMON, 2007: Writing across cultures. *Towards a dialogic anglistics*. Ur. Werner Delanoy idr. Münster: LIT Verlag.
Nataša LOGAR, 2019: *Medbesedilnost in stil slovenskih strokovno-znanstvenih besedil*. Ljubljana: Fakulteta za družbene vede.
Mihaela MATEŠIĆ, 2010: O sažetku opširno. *Riječki filološki dani 8*. Ur. Lada Badurina, Danijela Bačić-Karković. Rijeka: Filozofski fakultet Sveučilišta u Rijeci. 465–76.
Alessandra MOLINO, 2010: Personal and impersonal authorial references: A contrastive study of English and Italian Linguistics research articles. *Journal of English for Academic Purposes* 9. 86–101.
Cesar M. ORNATOWSKI, 2007: Rhetoric of Science: Oxymoron or Tautology? *The Writing Instructor*. 1–15. Na spletu.

Agnes PISANSKI, 2002: Analiza nekaterih metabesedilnih elementov v slovenskih znanstvenih člankih v dveh časovnih obdobjih. *Slavistična revija* 50/2. 183–97.
Agnes PISANSKI PETERLIN, 2007: Raziskave metabesedilnosti v uporabnem jezikoslovju: pregled področja in predstavitev raziskovalnega dela za slovenščino. *Jezik in slovstvo* 52/3–4. 7–19.
Agnes PISANSKI PETERLIN, 2016: Engagement markers in translated academic texts. *English Text Construction* 9/2. 268–91.
Agnes PISANSKI PETERLIN, 2017a: *Metabesedilo med dvema kulturama*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete Univerze v Ljubljani.
Agnes PISANSKI PETERLIN, 2017b: Nagovor bralca v angleških, slovenskih in prevedenih poljudnoznanstvenih člankih: medkulturna retorična primerjava. *Prevodoslovno usmerjene kontrastivne študije*. Ur. Agnes Pisanski Peterlin, Mojca Schlamberger Brezar. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete Univerze v Ljubljani. 172–87.
Agnes PISANSKI PETERLIN, Tamara MIKOLIČ JUŽNIČ, 2018. Osebni zaimki v funkciji osebka: pragmatični vidiki slovnične kategorije. *Slovenščina 2.0* 6/2. 127–53. https://doi.org/10.4312/slo2.0.2018.2.127-153.
Breda POGORELEC, 1986: Znanstveno besedilo, njegove jezikoslovne prvine in slog. *Slovenski jezik v znanosti* 1. Ur. Ada Vidovič Muha. Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete. 11–22.
John M. SINCLAIR, 1981: Planes of discourse. *The two-fold voice. Essays in honour of Ramesh Mohan*. Ur. S. N. A. Rizvi. Salzburg: Salzburg University Press. 70–89.
Josip SILIĆ, 2006: *Funkcionalni stilovi hrvatskoga jezika*. Zagreb: Disput.
Josip SILIĆ, Ivo PRANJKOVIĆ, 2005: *Gramatika hrvatskoga jezika: za gimnazije i visoka učilišta*. Zagreb: Školska knjiga.
Andrej SKUBIC, 2005: *Obrazi jezika*. Ljubljana: Študentska založba.
John SWALES, 1990: *Genre Analysis. English in Academic and Research Settings*. Cambridge: Cambridge University Press.
Jože TOPORIŠIČ, 2004: *Slovenska slovnica*. Maribor: Obzorja.
Mirna VARGA, 2016: *Epistemic Modality in Academic Discourse in the Croatian and English Language: Doktorska disertacija*. Osijek: Filozofski fakultet, Sveučilište u Osijeku.
Ines ZRNEC, 2016: *Avtorjeve samoomembe v izbranih znanstvenih člankih iz zbornikov Obdobja in Kształcenie Polonistyczne Cudzoziemców: Diplomsko delo*. Mentorici Simona Kranjc, Maria Zofia Wtorkowska. Ljubljana: Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani. Na spletu.

МЕЂУЈЕЗИЧКЕ РАЗЛИКЕ У ЗАСТУПЉЕНОСТИ АНТОНИМИЈЕ У ПЕТ ИНДОЕВРОПСКИХ ЈЕЗИКА[**1]

Милена М. Јакић Шимшић (Србија)
Институт за српски језик САНУ, Београд
mmjakic@gmail.com

Антонимија, као однос у који ступају речи супротне по значењу, сматра се једним од најзначајнијих лексичких односа, и о њему је доста писано и у домаћој и у међународној литератури, из различитих углова и везано за различите језичке нивое. Међутим, највећи број студија бавио се антонимијом у појединачним језицима, док се далеко мањи број студија бави међујезичким поређењима антонима и то пре свега поређењем дискурсних функција, обрасцима заједничког појављивања антонима у језицима, усвајањем антонима код деце и творбеним аспектима антонимије (Kostić 2005; Murphy et al. 2009; Strati, Bezhani 2023; Koptjevskaja-Tamm et al. 2024; Tribushinina et al. 2013). До сада не постоје јасни налази о томе колико антонима у језику постоји, и да ли се заступљеност у језицима разликује. Уколико се одговор на ово питање потражи у речницима, долазимо до тога да број антонима у различитим речницима веома варира, тј. да се креће између неколико стотина и неколико хиљада антонима (Јакић Шимшић 2022: 216–223). Имајући у виду налазе ранијих истраживања о томе да антоними у речницима често нису обрађени на систематски начин, пре свега јер се антонимија не бележи симетрично (тј. код оба члана пара), често недостаје информација о антонимима речи општег лексичког фонда (а приписана је терминолошкој лексици), зависи од функције антонима у датом речнику, бележи се само код неких речи из творбеног гнезда, а не код свих и сл. (Šarić 1994; Paradis, Willners 2007; Јакић 2016: 76–81; Јакић Шимшић 2025), окренули смо се алтернативном начину прикупљања података о антонимији, који је до сада коришћен у мањем броју студија. У тим студијама подаци о антонимији прикупљају се од изворних говорника тако што се од њих тражи да наведу антониме понуђених стимулуса (Paradis et al. 2009, Willners, Paradis 2010). У засебној студији показали смо да је то валидан начин

** Истраживање је финансирано од стране Министарства науке, технолошког развоја и иновација Републике Србије у оквиру финансирања научно-истраживачког рада Института за српски језик САНУ (евиденциони број пројекта: 451-03-136/2025-03/200174).
[1] Аутор се искрено захваљује великом броју пријатеља, а посебно колегама и њиховим породицама које су помогле у прикупљању испитаника, као и у преводу стимулуса: Ивани Давитков, Олги Савеској, Тијани Весић Павловић, Бранislаву Николићу, Санди Јоксић, Наташи Вуловић Емонтс, Ани Миленковић, Ружици Левушкиној, Милици Божић Синчук.

прикупљања података у лексиколошким истраживањима, будући да су на основу знања језичких лаика и стручњака добијени готово исти резултати (Јакић Шимшић и Весић Павловић 2022; Весић Павловић и Јакић Шимшић 2022).

Циљ овог рада јесте међујезичко истраживање антонимије на пет индоевропских језика (руски, српски, бугарски, енглески и немачки), које се састоји из две фазе. Прва фаза истраживања подразумевала је да се за преводне еквиваленте придева општег лексичког фонда пет језика (између 54 и 56 придева-стимулуса по језику) истом методологијом прикупе одговори 50 изворних говорника у тесту контролисаних асоцијација.[2] Задатак испитаника је био да наведу антоним задатог стимулуса, те су на основу њихових одговора формирана асоцијативна антонимска поља (Табела 1), а потом је хомогеност добијених поља упоређена помоћу мере уређености система, под називом Шенонова ентропија, која се користи у великом броју психолингвистичких истраживања (Moscoso del Prado Martin et al. 2004; Baayen et al. 2006).[3]

Стимулус - српски	**Асоцијат-антоним**
богат	сиромашан (98%) сиромашки (2%)
болестан	здрав (100%)
вертикалан	хоризонталан (94%) водораван, усправан, лежећи (2%)

Табела 1. Изглед три асоцијативна-антонимска поља за придеве српског језика.

Најпре нас је интересовало у којој мери се испитаници слажу око тога шта је антоним дате речи, а потом да ли су преводни еквиваленти слични у погледу хомогености асоцијативних антонимских поља. Након тога интересовало нас је који би били евентуални разлози хетерогености поља у сваком од језика, као и разлика у антонимским пољима за преводне еквиваленте пет језика. Друга фаза тицала се поређења података добијених од изворних говорника са подацима који су забележени у речнику антонима[4] одговарајућег језика. Вредности Шенонове ентропије у овом истраживању крећу се

[2] До броја од 50 испитаника дошли смо емпиријским путем, на основу истраживања које смо спровели (Јакић 2016: 189–198; Јакић Шимшић, Шева 2021: 892–894), будући да се у овој врсти истраживања узорак на том броју испитаника стабилизује. Потпуни списак задаваних стимулуса доступан је у Јакић Шимшић: 2025).

[3] Формула за израчунавање Шенонове ентропије: $H(X)=-\sum p(x_i)*\log_b p(x_i)$.

[4] Списак коришћених речника наведен је на крају рада под одељком: Извори. Будући да речник антонима за српски језик још увек не постоји, коришћен је описни речник.

између 0 и 3,19 и на основу њих поделили смо сва асоцијативна антонимска поља у пет категорија, што је приказано у Табели 2.

Категорија	Вредност ШЕ	Бр.разл. ант. у пољу	АФ доминантног антонима %	Бр. стим. српски	Бр. стим. руски	Бр. стим. бугарски	Бр. стим. енглески	Бр. стим. немачки
I	0	1	100%	18	12	18	12	16
II	0,1–0,55	2–4	x>90%	35	31	28	21	23
III	0,56–1,2	2–8	50–92%	3	11	7	14	6
IV	1,21–1,89	4–8	48–80%	0	2	1	5	9
V	1,9–3,19	12	22–56%	0	0	1	3	0

Табела 2. Приказ броја стимулуса по језицима, према категоријама вредности Шенонове ентропије

Резултати су показали да се за највећи број стимулуса испитаници у великој мери слажу шта је антоним, али да је релативно редак случај да је хомогеност преводних еквивалената иста у свих пет језика. Чешћи је случај да један или два језика делимично одступају у погледу хомогености поља у односу на одговарајуће преводне еквиваленте у другим језицима, а има и случајева када се хомогеност у великој мери разликује за све језике (в. Табелу 3).

Језик и стимулус	срп. ЧЕСТ	рус. ЧАСТЫЙ	буг. ЧЕСТ	енг. FREQUENT	нем. HÄUFIG
антоними асоц. фрек. (%)	редак (92%), повремен (4%), ретко, повремени (2%)	редкий (92%), редкый, общий, грязный, государственный (2%)	рядък (56%), безчестие (12%), подлост, / (6%), лъжа (4%), слава, позор, нечестен, мързост, мерзост, злочест, достойнство, безчест (2%)	infrequent (40%), rare (24%), rarely (12%), seldom, irregular, few (4%), tempermental, sparse, regular, often, occasional, late (2%)	selten (92%), wenig, seltsam, oft, manchmal (2%)

Табела 3. Приказ асоцијативних антонимских поља преводних еквивалената придева *чест*.

До хетерогености антонимских поља долази из различитих разлога, неких техничке природе, као што су словне грешке (нпр. енг. *horizontal – vertical*, *verticle*, *vertical?*, *verical*), али и као последица уобичајених феномена језичког система, као што су навођење антонима који су међусобно синоними (нпр. за енг. придев *small* антоними *large* и *big*; *smart – dumb* и *stupid*; нем. *dumm – klug*, *schlau*, *intelligent*), полисемија (нпр. рус. *старый – молодой* и *новый*; *полный – пустой* наспрам *худой*, *худощавый, тощий, стройный*, *полый*; буг. *пълен – празен* и *слаб;* енг. *busy – slow*, *quiet*, *idle*, *bored*, *relaxed*,

calm, *lazy*; нем. *tief – hoch*, *flach*, *oberflachlich*, *niedrig*), колокацијска спојивост (нпр. рус. придев *глубокий* може се односити на воду или на особу, па то показују и наведени антоними: *мелкий*, *поверхностный*, *неглубокий*, *мелководный*, *пологий*, *ограниченный*; енг. *healthy – sick* и *unhealthy*, у зависности од тога да ли се мисли на особу или на храну), континуум димензије својства, где се као супротност могу навести различите лексикализоване позиције дате димензије (нпр. за енг. придев *warm* испитаници су наводили антониме *cold*, *cool*, *chilly*), творбена варијантност (нпр. за нем. придев *nackt* испитаници су наводили лексичко-творбене варијанте *bekleidet*, *gekleidet*, *angekleidet*) или разумевање супротности датог појма на различите начине (нпр. за нем. придев *böse* испитаници су наводили антониме *gut*, *lieb*, *nett*). Коректура словних грешака и лематизација одговора омогућиле би реалнију слику хомогености антонимских поља, а темељнија квалитативна анализа помогла би да се утврди да ли се хомогеност групише у некој од лексичко-семантичких група.

У другој фази истраживања, у којој смо поредили најчешће наведен антоним сваког од стимулуса са антонимом који је забележен у речнику, показало се да се одговори испитаника у великој мери поклапају са лексикографским одлукама о бележењу антонима, али да постоје и извесне разлике. Највећи број полазних испитиваних придева успостављен је као одредница у консултованим речницима (в. Табелу 3). У четири испитивана речника антонима највећем броју успостављених одредница приписан је баш антоним који је највећи број испитаника навео у истраживању, док је у описном речнику српског језика мањем броју испитиваних одредница уопште приписан било који антоним.

Језик	**Бр. придева који су успостављени у речнику као одредница**	**Бр. придева којима је приписан било који антоним**	**Бр. придева код којих се доминантни антоним из теста поклапа са антонимом наведеним у речнику**
руски	52/56	52	52
бугарски	49/55[5]	49	48
енглески	49/55	41	35
немачки	54/54	54	54
српски	56/56	9	9

Табела 3. Поређење антонима наведених у испитиваним речницима, са одговорима изворних говорника у тесту контролисаних асоцијација.

[5] Полазних 56 придева са листе стимулуса српског језик, преведено је у осталим језицима понекада мањим бројим придева: у бугарском и енглеском са по 55, а у немачком са 54 придева.

Детаљна анализа показала је да одлука о бележењу антонима у речнику није увек повезана са хомогеношћу асооцијативног антонимског поља. Нпр. за придеве **рус.** *голый*, *закрытый*, *занятый*, **срп.** *дођи*, *касни*, *јак*, *брз*, *јефтин*, **буг.** *мъжки*, *зимен*, *източен*, **енг.** *white*, *long*, *young*, испитаници су се сложили око тога шта је антоним у преко 92%, док у речницима те одреднице нису успостављене или јесу али тим придевима није приписан ниједан антоним. Будући да се ради о изузетно фреквентним придевима, не можемо говорити о обиму речника, већ или о лексикографском пропусту или о лексикографској одлуци. Сматрамо да је веома корисно у речницима навести антониме који постоје у језику, а уколико се неки од антонима издваја као лексички антоним, то нагласити одгвоарајућим лексикографским поступком, као и да је упутно успоставити однос антонимије код свих чланова творбене породице.

На крају, можемо рећи да разлике међу језицима у погледу антонимије нису онолике као што се чини на основу прегледа речника, већ су у питању пре свега различите лексикографске методологије.

Кључне речи: речник антонима, описни речник, компаративно квантитативно истраживање, тест контролисаних асоцијација, Шенонова ентропија, руски језик, српски језик, бугарски језик, енглески језик, немачки језик.

ЛИТЕРАТУРА

Весић Павловић Т., Јакић Шимшић М. „Испитивање значењске супротности придева српског језика у контексту синтагми и реченица.” У: *Језици и културе у времену и простору*, X/2. С. Гудурић, Ј. Дражић, М. Стефановић (ур.). Нови Сад: Филозофски факултет (2022): 65–76.

Јакић, М. *Придевска антонимија у речнику, контексту и когнитивном систему,* докторска дисертација одбрањена на Филолошком факултету у Београду, 5. јула 2016. године.

Јакић Шимшић, М. „Утицај дефиниције и истраживачке и лексикографске методологије на процену заступљености језичких феномена. Пример антонимије.” У: *Актуелна питања лексикологије и лексикографије српскога језика*. М. Ковачевић (ур.) Андрићград: Андрићев институт (2022): 213–233.

Јакић Шимшић, М. „Обрада антонима у описним речницима савременог српског језика.” У: *Будућност српске описне лексикографије* колективна монографија. Р. Драгићевић (ур.). Београд: Филолошки факултет (2025): 27–39.

Јакић Шимшић, М. „Међујезичке разлике у заступљености антонимије.” (2025, у штампи).

Јакић Шимшић М., Весић Павловић Т. „Семантичка интуиција лексикографа и језичких лаика на примеру придевске антонимије српског језика у реченичном контексту.” *Српски језик*, XXVII (2022): 437–457.

Јакић Шимшић М., Шева Н. „Методолошки аспекти израде асоцијативног речника придевских антонима и супротности српског језика.” У: *Лексикографија и лексикологија у светлу актуелних проблема*. С. Ристић, И. Лазић Коњик, Н. Ивановић (ур.). Београд: Институт за српски језик САНУ (2021): 895–905.

*
Baayen R. H., Feldman L. B., Schreuder R. „Morphological influences on the recognition of monosyllabic monomorphemic words.” *Journal of Memory and Language*, 53 (2006): 496–512.
Koptjevskaja-Tamm M., Miestamo M., Borstell C. „A cross-linguistic study of lexical and derived antonymy.” *Linguistics, 62/6 (2024):* 1417–1472.
Kostić, N. *Antonimija u engleskom i srpskom jeziku: Semantičko-pragmatička analiza*, neobjavljen doktorski rad odbranjen na Filološkom fakultetu u Beogradu, 2005.
Moscoso del Prado Martin F., Kostić A., Baayen R. H. „Putting the Bits together: An Information Theoretical Perspective on Morphological Processing.”, *Cognition*, 94 (2004): 1–18.
Murphy M. L., Paradis C., Willners C., Jones S. „Discourse functions of antonymy: A cross-linguistic investigation of Swedish and English.” *Journal of pragmatics* 41(11) (2009): 2159–2184.
Paradis C., Willners C. „Antonyms in dictionary entries: methodological aspects.” *Studia Linguistica*, 61(3) (2007): 261–277.
Paradis C., Willners C., Jones S. „Good and bad opposites. Using textual and experimental techniques to measure antonym canonicity.” *The mental lexicon*, 4(3) (2009): 380–429.
Strati E., Bezhani, E. „A cross-linguistic study of the discourse functions, of antonymy in Albanian and English.” *Studies about Languages*, 43 (2023): 106–120.
Šarić, Lj. „Antonimija u strukturi jednojeziĉnih rjeĉnika.” *Filologija*, 22–23 (1994): 269–274.
Tribushinina E., Van den Bergh H., Kilani-Schoch M., Aksu-Koc A., Dabašinskiene I., Hrzica G., Korecky-Kroll K., Noccetti S., Dressler W. „The role of explicit contrast in adjective acquisition: A cross-linguistic longitudinal study of adjective production in spontaneous child speech and parental input.” *First language* 33(6) (2013): 594–616.
Willners C., Paradis C. „Swedish Opposites: a Multi-method Approach to Antonym Canonicity.” In: *Lexical-semantic relations: theoretical and practical perspectives*. P. Storjohann (ed.). Amsterdam: Benjamins (2010): 15–47.

ИЗВОРИ

Львов, М. Р. *Словарь антонимов русского языка*. Москва: Русский язык, 1978.
Пернишка Е., Василева С. *Речник на антонимите в българския език*. София: „Петър Берон”, 1997.
Речник српскога језика. Нови Сад: Матица српска, 2007.
*
Bulitta E., Bulitta H. *Wörterbuch der Synonyme und Antonyme*. Frankfurt am Mein: Wolfgang Krüger Verlag, 1985.
Spooner, A. *A Dictionary of Synonyms and Antonyms*. Oxford – New York: Oxford University Press, 1999.

СЕМАНТИКА **БЕЛИЗНЫ** В РУССКОМ, ПОЛЬСКОМ И ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

ВИКТОРИЯ УШИНСКЕНЕ (ЛИТВА) / VIKTORIJA UŠINSKIENĖ (LITHUANIA)
Вильнюсский университет / Vilnius University

1. В докладе представлены результаты когнитивно-сопоставительного анализа семантики рус. *белый,* пол. *biały* и лит. *baltas*. Анализ, основанный на методологии Р. Токарского (Tokarski 1995) и К. Вашаковой (Waszakowa 2000a), был направлен на изучение особенностей сочетаемости отмеченных наименований с определенными классами объектов с целью установления типичных для данных языков культурных прототипов белизны, а также – семантических коннотаций, развиваемых прототипическими значениями. В ходе анализа учитывались как свободные, так и связанные словосочетания и фразеологизмы. В качестве источников послужили словари, а также национальные корпусы русского, польского и литовского языков.

2. Изучение словарных дефиниций позволяет выделить в семантике наименований белого два важных аспекта — *квалитативный* (хроматическое особенности) и *квантитативный* (степень интенсивности оттенка). Во всех трех языках квантитативная интерпретация белого цвета как наиболее светлого находит отражение в описаниях наиболее светлого времени суток: рус. *белый день, белый свет, белая заря //* пол. *biały świt*, *biała zorza, w biały dzień* // лит. *balta aušra*, *baltą dieną* (ФСРЛЯэ, USJPe, DLKŽe, LKŽe). Это позволяет рассматривать в качестве квантитавного прототипа *белый/ biały/ baltas* СВЕТ (СВЕЧЕНИЕ). Внутренняя семантическая связь наименований белизны со светом и свечением (блеском) находит подтверждение и в этимологии: прилагательные *белый / biały / baltas* восходят к и.-е. **bhel-*/**bhol-* ‘блестящий, сияющий, светлый’(Boryś 2005, 26; ЭССЯ 2, 79).

3. Квалитативное понимание прилагательных *белый/ biały/ baltas* подразумевает качественную, т.е. хроматическую характеристику данного тона по отношению к другим цветам — черному, красному и т.д. Словарные дефиниции и корпусные данные показывают, что в этом отношении основным прототипом *белизны* можно считать СНЕГ — исходя из частотности употребления коллокаций типа *белизна снега, белый как снег*, ср.: пол. *biały jak śnieg, od śniegu* (Sk); лит. *baltas kaip sniegas* / *sniego baltumas* (LKŽe). Другие возможные прототипы в квалитативном аспекте — МОЛОКО, МЕЛ, БУМАГА и под., характерные для

трех языков, присутствуют в многочисленных сравнительных конструкциях, ср.: *белый как молоко/ мел/ бумага/ полотно/ алебастр* и т. п. Корпусные данные, кроме общих моментов, позволяют отметить и некоторые различия. Так, для русского языка более характерным является сравнение с белизной мела, нежели молока: коллокации *белый (-ая, -ое; -ые) как мел* составляют почти 20% от общего количества сравнительных конструкций в НКРЯ, а *белый (-ая, -ое; -ые) как молоко* — 13%. Обратная картина наблюдается в польском: *biały (-a, -e; biali/ białe) jak mleko* — 15,4% всех употреблений, *biały (-a, -e; biali/ białe) jak kreda* — около 8% (NKJP). Литовский же материал демонстрирует одинаковую частотность сравнений с белизной молока или мела — ок. 16% (ср.: *dantys baltesni nei pienas* ‘зубы белее молока’ — *veidas baltas kaip kreida* ‘лицо белое как мел’ — DLKT). Однако, ни одно из приведенных словосочетаний не может сравниться по стабильности и частотности употреблений с коллокациями со словом *снег*.

4. Наименования *белый/ biały/ baltas* могут сочетаться с разнообразными классами объектов. Кроме свободных словосочетаний, для которых белизна не является постоянным признаком, существуют коллокации, где прилагательное *белый* выступает как элемент типичный или обязательный, напр.: *белый флаг — biała flaga* (SMITK 96) — *balta vėliava* (DLKŽe) и др. Ряд коллокаций вскрывает определенные культурные различия: так, в польской католической традиции словосочетание *biały tydzień* обозначает неделю после первого причастия, тогда как в русской православной традиции *Белая неделя* предшествует Великому посту перед Пасхой. В свою очередь в литовском присутствует фразеологизм *balta diena,* означающий ‘праздничный день, когда все одеты в белое’ (DLKT).

5. Лексемы *белый/ biały/ baltas* широко используются при описаниях не только артефактов и явлений природы, но и в контексте физического и психологического состояния, в частности, оттенка зубов, кожи, волос, ресниц и бровей, ср.: рус. *белые зубы* — пол. *białe zęby* — лит. *balti dantys*. В этом случае *белый* используется как квантитативная характеристика, подчеркивающая интенсивность оттенка. И напротив, при описании кожи европеоидной расы прилагательное *белый* следует, скорее, рассматривать как квалитативное определение (ср.: рус. *белая раса* — пол. *rasa biała* — лит. *baltoji rasė*). Подобные сочетания находят метафорическое развитие во фразеологизмах рус. *белый негр* — пол. *biały murzyn* ‘о бесправном, выполняющем непосильную работу человеке’.

6. Изучаемые прилагательные могут развивать значение ‘бледный’, чаще всего при описании психосоматических состояний человека, вызывающих изменения оттенка кожных покровов, ср.: рус. *белый (бледный) как бумага* — пол. *biały (blady) jak papier* — лит. *baltas* (*išbalęs) kaip popierėlis* и под. В этом случае прилагательные *белый/ biały/ baltas* развивают скорее негативные коннотации, сигнализируя состояние ярости, страха, слабости или болезни. Во всех трех языках широко используются производные от *белый/ biały/ baltas* глаголы *побелеть/ pobielać/ išbalti, pabalti* (НКРЯ; NKJP; LKŽe).

7. Цветообозначения развивают коннотации в соответствии с прототипическими референциями. Так, прототипическая белизна снега ассоциируется с его чистотой, находя выражение в прилагательных рус. *белоснежный* — пол. *śnieżnobiały,* которые не только передают высшую степень белизны, но и коннотируют безупречную чистоту: рус. *белоснежная рубашка* — пол. *śnieżnobiała koszula* — лит. *sniego baltumo marškiniai.* Понятие физической чистоты развивает метафорическое значение чистоты нравственной. Среди культурных различий в этой семантической группе можно назвать польскую коллокацию *białe małżeństwo* ‘брачный союз без сексуальных отношений’, не имеющую соответствий в русском и литовском.

8. Понятийная связь белизны со световым днем, а следовательно, и с хорошим видением позволяет развивать положительные коннотации ‘открытости’, ‘законности, легальности’. Однако иногда выражения типа *среди бела дня — w biały dzień — baltą dieną* приобретают негативное значение ‘не скрываясь, нагло, бесстыдно’, ср.: рус. *разбой среди бела дня* — пол. *rozbój w biały dzień*. Противопоставление *белый — черный* приобретает значение ‘хороший’ — ‘плохой’. На уровне коннотации это проявляется в таких фразеологизмах, как рус. *белая магия — черная магия,* пол. *biała magia — czarna magia,* лит. *baltoji magija — juodoji magija* и т.п.

9. Таким образом, сопоставление особенностей функционирования и сочетаемости лексем *белый/ biały/ baltas* выявило значительное сходство их семантической структуры. Прототипические значения развивают сходные ряды коннотаций:

- ‘белый как снег’ > ‘чистый’ > ‘невинный’ > ‘порядочный’ > ‘хороший’;
- ‘белый как день’ > ‘светлый’ > ‘ясный/ прозрачный’ > ‘легальный’ > ‘хороший’.

Из этого следует, что коннотация ‘хороший’ является производной обеих прототипических референций. Неотъемлемым элементом восприятия белого цвета является его противопоставление черному (темному), отмечаемое также на уровне коннотаций, ср.: ‘черный/ темный’ > ‘грязный’ > ‘непрозрачный’ > ‘неморальный’ > ‘нелегальный’ > ‘нехороший’.

Семантические различия рус. *белый,* пол. *biały* и лит. *baltas* прослеживаются в основном на уровне отдельных коллокаций и фразеологизмов (ср. рус. *белый и пушистый,* пол. *białe małżeństwo,* лит. *iki balto kaulo*).

Ключевые слова: цветообозначения, белый цвет, семантика цвета, сопоставительный анализ.

СОКРАЩЕНИЯ

НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* 2003–2021, Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, https://www.ruscorpora.ru [2025–04–15].

ФСРЛЯэ — Федоров Александр Ильич 2008, Фразеологический словарь русского литературного языка, Москва: Астрель, http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm [2025–04–15].

ЭССЯэ — Трубачев Олег Николаевич (ред.) 1975, *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд,* Выпуск 2, Москва: Наука, http://etymolog.ruslang.ru/doc/essja02.pdf [2025–04–15].

Boryś — Boryś Wiesław 2005, *Słownik etymologiczny języka polskiego,* Kraków: Wydawnictwo Literackie.

DLKT — *Dabartinės lietuvių kalbos tekstynas*, http://tekstynas.vdu.lt/tekstynas/ [2025–04–15].

DLKŽe — Keinys Stasys (red.) 2012, *Dabartinės lietuvių kalbos žodynas,* t. I–VI, Vilnius: Lietuvių kalbos instituto leidykla, http://lkiis.lki.lt/dabartinis/ [2025–04–15].

LKŽe — Balčikonis Juozas ir kt. (red.) 1941–2002, *Lietuvių kalbos žodynas*, t. I–XX, http://www.lkz.lt/ [2025–04–15].

NKJP — Bańko Mirosław i in. (red.), *Narodowy Korpus Języka Polskiego*, http://nkjp.pl/ [2025–04–15].

Sk — Skorupka Stanisław 1993, *Słownik frazeologiczny języka polskiego,* t. I–II, Warszawa: Wiedza Powszechna.

SMITK — Kopaliński Władysław 1985, *Słownik mitów i tradycji kultury,* Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.

Tokarski 1995 — Tokarski Ryszard 1995, *Semantyka barw we współczesnej polszczyźnie,* Lublin: Wydawnictwo UMSC.

USJPe — Dubisz Stanisław (red.) 2003, *Uniwersalny słownik języka polskiego, t. 1–4, Warszawa: PWN,* https://sjp.pwn.pl/oferta/haslo/Uniwersalny-slownik-jezyka-polskiego-serwis-on-line;5725041.html [2025–04–15].

Waszakowa 2000a — Waszakowa Krystyna 2000a, Podstawowe nazwy barw i ich prototypowe odniesienia. Metodologia opisu porównawczego, In: R. Grzegorczykowa, K. Waszakowa (red.). *Studia z semantyki porównawczej. Nazwy barw. Nazwy wymiarów. Predykaty mentalne. Część I*, Warszawa: Wyd. Uniwersytetu Warszawskiego, 17–28.

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧКЕ ОДЛИКЕ ДРАМА АЛЕКСАНДРА ПОПОВИЋА

Нина Ћеклић (Босна и Херцеговина)

У раду се бавимо доминантним лингвостилистичким обиљежјима драмског стваралаштва Александра Поповића, проучаваним са аспекта стилематичности – структурног ткања – и стилогености – експресивне и емфатичке вриједности њихове. Језичко-стилска анализа проведена је на цјелокупном драмском опусу овога писца који обухвата 32 драме и преко 3000 страница текста. Посебну пажњу смо посветили драмама – *Развојни пут Боре Шнајдера*, *Мрешћење шарана*, *Бела кафа*, *Мрављи метеж*.

У основи драмског поступка Александра Поповића јесу двосмјерне интерференције између ликова и њиховог језика – ликови су саткани од језика, урођени у њега, а он их истовремено разоткрива и сакрива. Поповићеве реченице су набијене, понекад и претрпане језичким јединицама и симболима, оне су преломљене и расуте, пуне ретиценција и врло експресивне и екстензивне. И прије свега, конструкције које употребљава су установљене на синонимији, истозначној и блискозначној. Све се у његовом језику у исти час сабира и ломи. Па није ни чудо да је баш језик „оно што прво приметимо у Поповићевој драми“. Језик у *драмолетима* и драмама Александра Поповића не карактерише ликове већ они из њега настају. Он их обликује, спонтано, играјући се њима. То је језик лимара, шнајдера, бирократа, директора, врачара, јунака које Поповић своди на „размере човечуљка скученог увида у сопствену ситуацију и малог разумевања сопствене друштвености“ (Селенић 1977: 62).

О Поповићевом богатом драмском стваралаштву писано је, и ти радови најчешће припадају театролошким и истраживањима из области теорије књижевности. У свима се посебно наглашава Поповићев језик, те се он описује као разигран, оштар, загонетан, итд. Међутим, ни један од аутора тих текстова посвећених Поповићевом стваралаштву не објашњава зашто је његов језик управо такав, на чему почива његова зачудност и како се реализује поетска функција језика. У овом раду ћемо покушати то и расвијетлити.

Од доминантних стилистички структурисаних форми у драмама Аце Поповића издвајају се кумулација, градација, фигура супстантиватика, синонимија – фразеолошка и афористичка, литота, еуфемизми, итд. Кумулација и градација су неријетко у садејству са синонимијом, односно јединице у низовима, кумулацијским и градацијским, су синонимни, односно блискозначни. Ове двије најдоминантније

стилске фигуре у драмама Аце Поповића најчешће произлазе из синонимије као реторичке фигуре. Синонимија се у нашем корпусу реализује, дакле, као таутолошка, уколико су контактни и/или координирани синоними апсолутни, не и блискозначни. Потом као кумулација чије су опетоване хомофункционалне јединице блискозначне. За њом слиједе примјери који припадају структурном типу градације настале појачавањем значења блискозначних елемената у низу. Кориговањем садржаја једне јединице у низу двије или више њих са заједничким денотатом настаје стилска фигура епанортоза. Корпус је изњедрио и фигуре које представљају нелексичку синонимију, односно синонимију јединица које припадају различитим језичким нивоима. То су епимона и метабола, гдје епимона представља синонимију нпр. синтагми и лексема, реченица и синтагмии сл., а метабола довођење у синонимијске односе двије или више реченица.

На неколико ексцерпираних примјера показаћемо како неке од наведених фигура творе врло експресивна онеобичајења у драмама Александра Поповића.

Мултипликација хомофункционалних координираних јединица – кумулација – прва је стилска фигура са којом се срећемо у драми *Развојни пут Боре Шнајдера*.

Буџо, дангаро, папуло, јазијо,
џибро, мотико, кубуро, чивијо,
геџо, ложино, колевко, Србијо,
дивља – питома, мрачна – пресветла,
ропска – пркосна, као девојка!...
Ти си силно прегазила време,
волим да ти чујем глас!...
Грбачу ти не поломи бреме,
остаде ти прави стас!...
Дивља – питома, мрачна – пресветла,
ропска – пркосна, као девојка!... (БШ, 300).

Одликује је ексклaмативно, нагомилавање лексема у вокативу. Нижу се тако значењски разнородне лексеме – *буџо*, *дангаро*, *кубуро*, *џибро*, *колевко* – и обједињује их, напосљетку, лексема *Србија*, која је све то у карактеристичним појединостима, али не и у цјелости.

Градација је семантичко-стилистичка категорија „реализирана низањем трију или више ријечи, синтагми или реченица које имају најмање једну заједничку сему – најчешће архисему – чији се квантитет или интензитет у сваком наредном члану појачава или смањује“ (Катнић-Бакаршић 1996: 129). Имајући у виду да је дијалошка форма основ сваког драмског књижевноумјетничког текста, па тако и драма која су наш

корпус за лингвостилистичко истраживање, градација се у њој реализује најчешће поступно у оквиру реплика, па с тим у вези ексцерпирани примјери ове стилске фигуре припадају дискурсној градацији. Навешћемо примјер из драме *Мрешћење шарана*:

БОРКО: Не врдај, ако си ми кум, преклињем те, ти знаш, како ја...

СВЕТА: *Сјајно*, само престани!

БОРКО: Не могу да престанем, куме. То ме жеже. А ти знаш, како ја...

СВЕТА: *Генијално*, куме, рекох ли ти већ.

БОРКО: Понови, куме! Исправи гнусну клетву. Реци, како ја!

СВЕТА: *Кô фурија*!

БОРКО: Ти знаш, куме, реци!

СВЕТА: *Суновратно*!

БОРКО: Реци, куме, реци!

СВЕТА: *Колосално*!

БОРКО: Реци, куме, дрекни!

СВЕТА: *Убитачно*!

БОРКО: Рукни, нека се заори! Како ја?

СВЕТА: *Топовски*!

БОРКО: Куме, ти знаш. Заурлај! Како ја?

СВЕТА: *Грандиозно*!

БОРКО: Понови, куме, позлатило ти се, ти знаш. Како ја?

СВЕТА: *Баражно*, куме, *баражно*! (МШ, 815)

У наведеном примјеру наизмјенично се градацијски нижу два климаксна низа, један који изговара Борко, други, његов кум Света. Први је сачињен од прилога и једног поређења – *сјајно, генијално, кô фурија, суновратно, колосално, убитачно, топовски, грандиозно, баражно, баражно*. Други низ чине глаголске лексеме у другом лицу једнине императива – *реци, дрекни, рукни, заурлај*. Радња ове драме смјештена је у вријеме Другог свјетског рата, па је и лексика ратна, борбена и тожарствена, са обрисима ироније.

Епимонска и метаболска синонимија у Поповићевим драмама конструисане су на три начина. Први подразумијева синонимски однос двије или више компоненти од којих прва има дословно значење а друга је фразеолошка. Други је оформљен тако што су у синонимски однос доведене двије компоненте (реченице) од којих је прва фразеолошки израз, а друга, иако је блискозначна, на неки начин је и објашњава и допуњује. Најстилогенији је трећи тип који је заснован на синонимији двије

компоненте (реченице) које су обје настале транспозицијом значења, али не увијек и фразеолошким код обје јединице. На примјер:

МИЦА: Ал' *кад ми је човек у затвору*, на правди бога, ништа ми се не мили.

БОСА: *Борко је лишен слободе*?

МИЦА: Пре месец дана *склептали га*, а нико неће да ми каже ни због чега, ни где га држе.

БОСА: То је он нешто опасно забрљао, *јер другови никога бадава не одводе*. Широкогруда је наша народна власт. (МШ, 793)

Синонимија у драмама Александра Поповића има функцију ироничног, подсмјешљивог приказивања комунистичке стварности за вријеме и послије Другог свјетског рата. Њоме су у везу доведене лексеме, изрази, најчешће фразеолошки, и искази који су одлика тога доба. Синонимијом се, такође, доводе у контакт блискозначни појмови који припадају различитим социјалним и политичким категоријама. Иако је заснована на истозначности или блискозначности лексема, синтагми и реченица доведених у везу, она уједно, гле чуда, твори и контрасте, па тако и наглашава и супротности између различитих идеолошких скупина. Занимљиво је да је Поповић употребљава и у случајевима промјене идеолошке перспективе код истог драмског лика.

Све укратко наведено показује да је језик драма Александра Поповића заиста аутентичан, оригиналан, сукладан времену које описује, али уједно и свевремен. Сагласан је утолико што пластично и прагматично показује сву бесмисленост бирократских израза комунистичог и социјалистичког доба у Југославији, а свевремен утолико што је огледало свих бесмислених идеолошких конструкта, и језичких и политичких. Нагомилавања језичких јединица, довођење у везу синонимних јединица, њихово степеновање по интензитету у градацијским структурама, игре ријечи, супстантиватизација и све стилеме о којима ће опширније бити ријечи у раду јесу преслика једног брложног времена, *мрављег метежа*, у коме неуки постају истакнути, угледни и мислећи људи бивају затварани, покондирене тикве цвјетају, али их језик одаје. Поповићев језик који се са њима игра, као и са значењима и смислом, а поиграва са бесмислом тога времена.

КОРПУС

(БШ) у: Александар Поповић, *Драме*, Београд: Verzal press, Војноиздавачки завод, 2001.

(МШ) у: Александар Поповић, *Драме*, Београд: Verzal press, Војноиздавачки завод, 2001.

ЛИТЕРАТУРА

Катнић-Бакаршић 1996: M. Katnić-Bakaršić, *Gradacija*, Sarajevo: Međunarodni centar za mir.

Ковачевић 1998: М. Ковачевић, *Стилске фигуре и књижевни текст*, Београд: Требник.

Ковачевић 2000: М. Ковачевић, *Стилистика и граматика стилских фигура*, Крагујевац: Кантакузин.

Милановић 2017: Н. Милановић, *Огледи из синтаксостилистике*, Источно Ново Сарајево: Завод за уџбенике и наставна средства.

Мршевић-Радовић 1987: Д. Мршевић-Радовић, *Фразеолошке глаголско-именичке синтагме у савременом српскохрватском језику*, Београд: Филолошки факултет.

Селенић 1977: С. Селенић, „Предговор: Савремена српска драма“ у: *Антологија савремене српске драме*, Београд: Српска књижевна задруга.

Ћеклић 2021: Н. Ћеклић, *Списи стилистички*, Београд: „Филип Вишњић“.

Ћеклић 2023: Н. Ћеклић, *Стил српске прозе и драме*, Андрићград: Андрићев институт.

КОНСТРУКЦИИ С СОБИРАТЕЛЬНЫМИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫМИ В СЛОВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ: КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ СО СТОКАВСКИМ И РУССКИМ ЯЗЫКАМИ

MLADEN UHLIK, ANDREJA ŽELE (SLOVENIJA)
Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani
ZRC SAZU, Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša
Mladen.Uhlik@ff.uni-lj.si, andreja.zele@ff.uni-lj.si

В статье рассматриваются конструкции с собирательно-разделительными числительными в словенском, русском и штокавских языках (то есть литературных сербском, хорватском, боснийском и черногорском языках), например: в словенском — *dvoje ljudi*, в русском — *двоей детей*.

В данных языках собирательно-разделительные числительные используются реже, чем количественные, а целью статьи является анализ контекстов и конструкций, в которых они употребляются.

Что касается синтаксических отношений, то в словенском и штокавских языках анализируемые числительные могут употребляться в конструкциях, где они определяют форму существительного в родительном падеже, например: в словенском — *dvoje vrat* ʻдве двери’, в штокавском — *dvoje ljudi* ʻдвое людей’. При этом такие конструкции употребляются преимущественно в именительном или винительном падежах, а в остальных падежах либо используются реже (в штокавских языках), либо заменяются конструкциями с количественными числительными.

В словенском и штокавских языках также встречаются согласовательные конструкции с формами множественного числа, в которых форму числительного определяет существительное, например: *dvoja vrata* ʻдва типа дверей’ и шток. *dvoje rukavice* ʻдве пары перчаток, двое перчаток’.

В русском языке используется лишь одна конструкция, при этом тип синтаксического отношения зависит от падежа: в именительном и винительном падежах применяется управление, например, *двое людей*, а в остальных косвенных падежах – согласование, например, *двоих людей*, *двоим людям*.

Во всех анализируемых языках собирательно-разделительные числительные могут использоваться в качестве квантификаторов предметов, обозначаемых существительными, которые употребляются исключительно во множественном числе или обозначают парные предметы. Словенский язык отличается возможностью употребления числительных данного класса в сочетании с существительными, обозначающими парные органы, например: *dvoje oči* ʻдва глаза’ и *dvoje rok* ʻдве руки’.

Что касается сочетания с существительными, обозначающими одушевленных референтов, то в этих языках анализируемые числительные используются для квантификации групп лиц неопределённого пола, например, рус. *трое людей*, при этом такое употребление встречается редко в словенском языке. В русском и штокавских языках основное применение собирательно-разделительных числительных связано с квантификацией количества лиц в группах, причем оно может содержать дополнительную информацию о половой принадлежности группы. В штокавских языках конструкции типа *dvoje prijatelja* выражают информацию о том, что речь идет о референтах разных полов, в русском языке данные конструкции чаще всего обозначают групп референтов мужского пола.

В отличие от словенского, в русском и штокавских языках собирательные числительные могут употребляться в случаях квантификации групп, включающих личные местоимения, нпр. шток. *Organizatori su pisali nama troma*, рус. *Организаторы писали нам троим* вс. слвн. *Organizatroji so pisali nam trem*.

В словенском языке собирательно-разделительные числительные преимущественно используются для квантификации неодушевлённых референтов. Наряду с квантификацией парных предметов, парных органов или объектов, выражаемых с помощью pluralia tantum, анализируемые числительные могут также обозначать число типов или видов, например: *dvoja vina*/*dvoje vin* ʻдва сорта винаʼ.

Такое видовое значение может быть одной из причин, почему в словенских конструкциях с собирательно-разделительными существительными допускается использование исчисляемых существительных, например: *troje vprašanj* ʻ*три вопроса*ʼ, *dvoje vrst* ʻ*два muna*ʼ, чего не наблюдается в аналогичных конструкциях в русском или штокавских языках.

REFERENCES

Korpus Gigafida 2.0. Na spletu.
Korpus hrWaC v orodju NoSketch Engine. Na spletu.
Korpus srWaC v orodju NoSketch Engine. Na spletu.
Slovar slovenskega knjižnega jezika, 2. izdaja, 2014 (1970–1991). Na spletu.
Национальный корпус русского языка. Na spletu.
[Nacional’nyj korpus russkogo jazyka. Na spletu.]

Eugenija BARIĆ, Mijo LONČARIĆ idr., 1990: *Gramatika hrvatskoga književnog jezika*. *Drugo izdanje*. Zagreb: Školska knjiga.

Bernard COMRIE, 1992: Balto-Slavonic. *Indo-European Numerals*. Ur. Jadranka Gvozdanović. De Gruyter Mouton (Volume 57). 717–883. https://doi.org/10.1515/9783110858464.

Magdalena DERWOJEDOWA, v tisku: Constructions with Numerals. *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online*. Ur. Marc L. Greenberg. Brill.

Peter HERRITY, 1996: *Slovene, A Comprehensive Grammar*, London – New York: Routledge (Routledge Comprehensive Grammars).
Lana HUDEČEK, Milica MIHALJEVIĆ, 2023: *Hrvatska školska gramatika. 3. izdanje*. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje. Na spletu.
Aleksandar STEFANOVIĆ, 2017: Deklinacija zbirnih brojeva i brojnih prideva. *Naučni sastanak slavista u Vukove dane* 46/1. 213–24.
Aleksandar STEFANOVIĆ, 2019: *Les numéraux en bosniaque, croate, monténégrin, serbe*. Paris: Institut d'études slaves.
Jože TOPORIŠIČ, [4]2002: *Slovenska slovnica*. Maribor: Obzorja.
Mladen UHLIK, Andreja ŽELE, 2023: Ujemanje v zgradbah z glavnimi števniki. *Slavistična revija* 71/4. 337–54. https://doi.org/10.57589/srl.v71i4.4130.
Mladen UHLIK, Andreja ŽELE, 2024: Raba števniških zgradb z dvoj- v slovenščini. *Jezikoslovni Zapiski* 30/2. 7–24. https://doi.org/10.3986/JZ.30.2.01.
Mladen UHLIK, Andreja ŽELE, 2024: Zgradbe z glavnimi števniki od pet naprej: sopostavitev slovenščine z drugimi južnoslovanskimi jeziki in ruščino. *Slovenski Jezik / Slovene Linguistic Studies* 16. 3–26. https://doi.org/10.3986/16.1.01.
Нина Р. ДОБРУШИНА, Светлана. А. ПАНТЕЛЕЕВА, 2008: Собирательные числительные: коллектив как индивидуализация множественности. *Slavica Helsingiensia* 34. 107–24.]
[Nina R. DOBRUŠINA, Svetlana. A. PANTELEEVA, 2008: Sobiratel'nye čislitel'nye: kollektiv kak individualizacija množestvennosti. *Slavica Helsingiensia* 34. 107–24.]
Андрей. А. ЗАЛИЗНЯК, 1964: К вопросу о грамматических категориях рода и одушевленности в современном русском языке. *Вопросы языкознания* 13/4. 25–40.
[Andrej. A. ZALIZNJAK, 1964: K voprosu o grammatičeskih kategorijah roda i oduševlennosti v sovremennom russkom jazyke. *Voprosy jazykoznanija* 13/4. 25–40.]
Дмитрий В. СИЧИНАВА, 2012: Числительные. *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. Москва. Na spletu.
[Dmitrij V. SIČINAVA, 2012: Čislitel'nye. Materialy dlja proekta korpusnogo opisanija russkoj grammatiki. Moskva. Na spletu.]
Адам Е. СУПРУН, 1961: *Старославянские числительные*. Фрунзе: Киргизский государственный университет.
[Adam E. SUPRUN, 1961: *Staroslavjanskie čislitel'nye*. Frunze: Kirgizskij gosudarstvennyj universitet.]
Адам Е. СУПРУН, 1969: *Славянские числительные. Становление числительных как особых частей речи*. Минск: Издательство БГУ им. В. И. Ленина.
[Adam E. SUPRUN, 1969: *Slavjanskie čislitel'nye. Stanovlenie čislitel'nyh kak osobyh častej reči*. Minsk: Izdatel'stvo BGU im. V. I. Lenina.]

БЪЛГАРСКОТО ПРИГЛАГОЛНО ОТРИЦАНИЕ В ОБЩОСЛАВЯНСКИ КОНТЕКСТ

КРАСИМИРА ЧАКЪРОВА (БЪЛГАРИЯ)

Обект на анализ в настоящото изследване е т.нар. приглаголно (предикативно) отрицание в съвременния български език, което се разглежда в контекста на съпоставката с негацията при глагола в останалите славянски езици. Основната цел е, от една страна, да се представят доказателства за типологическо сходство между сравняваните езици при изразяването на понятийната категория *отрицание*, а от друга – да се открoят някои формални и функционални особености на българския език при вербализацията на това значение.

В началната част на изложението са представени накратко основните концепции за същността и семантиката на славянското приглаголното отрицание (по-често наричано общо отрицание). Най-популярна сред тях е т.нар. синтактична концепция, привържениците на която отбелязват, че при общото отрицание се отрича самото сказуемо, т.е. изцяло се отрича приписваният на подлога признак или действие – напр. *В момента **не** чета, защото се уморих* (бълг.[1]), *Зараз **не** читаю, бо втомився* (укр.), *W tej chwili **nie** czytam, ponieważ jestem zmęczony/a* (пол.), *Сейчас **не** читаю, так как устал/а* (рус.), – докато при т.нар. частно отрицание се отрича друга част на изречението, напр. *Мисля, че **не** той е допуснал грешката* (бълг.), *Zdá se mi, že to **není** on, kdo se dopustil chyby* (чеш.), *Мислим да **не** он је направио ову грешку* (ср.), *Думаю, што **не** ён зрабіў гэту памылку* (белар.) и др. В светлината на подобно разбиране се говори за общоотрицателни изречения, които се противопоставят на частичноотрицателните; въпросително-отрицателните, подбудително-отрицателните и възклицателно-отрицателните изречения. Няма да е пресилено да се каже, че това становище се споделя от повечето автори на системни граматични трудове и специализирани публикации по темата за негацията в славянските езици.

Съвършено различна е трактовката на приглаголното отрицание в изследванията на И. Куцаров, според когото в съвременния български език може да се говори за отрицателни глаголни форми (т.е. маркирана грамема) в рамките на самостоятелна глаголна категория, наречена статус. Срв.: „Семантичното съдържание на морфологичната категория статус се основава на отношението на действието (или

[1] Тук и по-нататък в текста са използвани следните съкращения: бълг. – български език, рус. – руски, чеш. – чешки, ср. – сръбски, хърв. – хърватски, макед. – македонски, сл. – словенски, слов. – словашки, пол. – полски, горнолуж. – горнолужишки, белар. – беларуски, укр. – украински.

резултата от действието) към реалността, т.е. [...] то се характеризира само за себе си, независимо от говорещото лице, глаголното лице и изказването" (Куцаров 2007: 372 – 373). Идеята за съществуване на морфологична категория, в рамките на която се противопоставят отрицателните и неотрицателните глаголни форми, се споделя и от В. Маровска (Маровска 2007). М. Лакова също говори за наличие на категория статус в българския език, но уточнява, че тя е синтактична, а не морфологична, „тъй като отречени или неотречени могат да бъдат различни части на изречението" (Лакова 2002: 138). Ако съдим по предложената дефиниция обаче, изследователката има предвид семантична категория.

Както сме посочвали в предишни публикации, нашата позиция е сходна със становището на И. Куцаров. Смятаме, че специфичната категория, в която се включва редът отрицателни форми, може да бъде наречена екзистенциален статус на действието (резултата от действието) или състоянието (вм. статус) поради факта, че този термин по-точно изразява семантичното ѝ съдържание[2]. Тя се основава на привативната опозиция отрицателност – неотрицателност (с главно значение положителен статус). Маркиран член в категорията е грамемата отрицателен статус, изразяваща отсъствие (отрицание) на действие (резултат от действие) или състояние. Формални показатели на тази грамема са неударената частица морфема ***не*** и негаторите ***няма и недей*** (които включват в състава си ***не***). Те могат да се определят като *ядрени оператори* (у И. Куцаров – „модификатори") на вербалната негация.

Морфологичната природа на статусното отрицание се потвърждава убедително в случаите, когато в изречението са употребени съставни или сложни съставни сказуеми. Оказва се, че с негиращия граматичен формант ***не*** може да бъде „отречен" всеки от глаголните компоненти, а не само сказуемото като синтактична цялост – срв. ***не*** *мога да дойда, мога да* ***не*** *дойда,* ***не*** *мога да* ***не*** *дойда* (= мога да дойда, ще дойда); *Иван* ***не*** *може да* ***не*** *знае* (= *Иван положително знае*); ***не*** *трябва да говоря, трябва да* ***не*** *говоря*, ***не*** *трябва да* ***не*** *говоря* (= трябва да говоря) и др. под.

Поначало трябва да се прави разлика между понятията отрицание (негация) (като логическа и езикова категория) и отрицателност (като название на маркираната грамема в рамките на морфологичната категория статус). Ако първото

[2] Понятието „екзистенция" в случая се тълкува в широк смисъл и включва в семантичния си обсег както идеята за реални действия и състояния, така и за ирреални (хипотетични) – срв.: *чета – не чета; бих чел – не бих чел* и др.

от тях може да бъде отнесено към сферата на синтаксиса, то второто е морфологичен феномен.

В хода на научния анализ се обръща внимание върху факта, че независимо от различията между отделните становища за същността на езиковата негация в славянските езици, изследователите са категорични, че при вербализацията на тази категория (и в частност – на приглаголното отрицание) се забелязват няколко характерни прояви на междуезикова симетрия:

1. Универсален маркер на приглаголното отрицание във всички славянски езици е формантът ***не/ne/nie***, който функционира като граматична частица или като префиксоид (в чешки, словашки, горнолужишки). Омографът на този негиращ оператор (акцентуваният лексикален модификатор ***не/ne/nie***) се използва при изразяването на частно отрицание – срв.: *Убеден съм, че ще му каже, но* ***не*** *днес* (бълг.), *Jsem přesvědčen, že mu to řekne, ale* ***ne*** *dnes* (чеш.), *Убеден сум дека ќе му каже, ама* ***не*** *денес* (макед.), *Jestem pewien/pewna, że mu powie, ale* ***nie*** *dzisiaj* (пол.)*; Я впевнений, що він/вона йому скаже, але* ***не*** *сьогодні* (укр.) и др.

2. Всички славянски езици са от полинегативен тип – при употребата на отрицателно местоимение или наречие в дадено изказване задължително се изисква наличие на приглаголно отрицание – срв.: *В стаята* ***не*** *видях* ***никого*** (бълг.), но: (**В стаята видях* ***никого***; **В стаята* ***не*** *видях някого*). С други думи, налице е склонност към „натрупване на отрицания“, т.е. употреба на два и повече отрицателни компонента в границите на едно изречение – срв.: *На* ***никого*** *от семейството* ***нищо не*** *казах –* ***нито*** *на майка ми,* ***нито*** *на баща ми,* ***нито*** *на сестра ми* (бълг.), ***Nikomu*** *z rodziny* ***nic*** *(****niczego****)* ***nie*** *powiedziałem/łam –* ***ani*** *matce,* ***ani*** *ojcu,* ***ani*** *siostrze* (пол.), ***Nje****jsym to* ***nikomu*** *w swójbje ničo powědał –* ***nic*** *mojej maćeri,* ***nic*** *mojemu nanej,* ***nic*** *mojej sotře* (горнолуж.); ***Nikomu*** *od obitelji* ***ni****sam* ***ništa*** *rekao/rekla –* ***ni*** *majci,* ***ni*** *ocu,* ***ni*** *sestri* (хърв.), ***Никому*** *из родных* ***ничего не*** *сказал –* ***ни*** *матери,* ***ни*** *отцу,* ***ни*** *сестре* (рус.) и др.

3. Практически няма славянски език, в който да не се наблюдават случаи на *квазиотрицание* (т.е. плеонастично отрицание) – асиметричен лингвистичен феномен, при който формата не съответства на съдържанието, напр.: *Стой тук, докато* ***не*** *се върна, Кой ли* ***не*** *се изказа за ваксините!,* ***Не*** *искаш ли да ми кажеш какво се случи?, Страхувам се да* ***не*** *сгреша* и др. (бълг.); *Stůj tady, dokud se* ***ne****vrátím!, Kdo jenom* ***ne****mluvil o vakcínách!,* ***Ne****chceš mi říct, co se stalo?, Bojím se, abych* ***ne****udělal chybu* (чеш); *Сиди здесь, пока* ***не*** *вернусь, Кто только* ***не*** *высказался о вакцинах!, А* ***не*** *поделишься (ли), что произошло?, Боюсь , как бы* ***не*** *ошибиться!* (рус.); *Чекај овде док се* ***не*** *будем*

*вратио, Ко ли се **није** изјаснио о вакцинама!, **Не** желиш ли да ми кажеш шта је било?, Бојим се да **не** погрешим* (ср.) и др.

Опитвайки се да тълкуват това интересно явление, учените стигат до различни изводи: а) частицата ***не*** може да се прехвърля от главното към подчиненото изречение, за да отбележи края на дадено действие и замяната му с обратното (според Е. Търпоманова такъв е случаят с подчинените изречения със съюза ***докато***); б) частицата ***не*** може да се употребява преносно като модален маркер и да изразява хипотетичност, апрехенсивност (нежелана възможност) – срв.: *Едва **не** му повярвах* (= *Щях да му повярвам*); *Страх ме е да **не** полудея* (= *Страх ме е, че ще полудея, а това не е желателно*). За подобни примери Л. Илиева употребява термина „магично отрицание“ – „граматикализирана проява на архаично отношение към езика“ (Илиева 1995: 24 – 25); в) в част от примерите частицата ***не*** функционира като словообразувателен елемент (напр. в конструкции от типа *кой ли **не,** едва ли **не,** да **не** би да* и др.).

4. За всички славянски езици е характерна употребата на двойно отрицание с утвърдителна семантика (т.нар. отрицание на отрицанието) – срв. напр.: *Точно ти **не** може да **не** знаеш* (= Точно ти знаеш) (бълг.); *Właśnie ty **nie** możesz **nie** wiedzieć* (= Akurat ty wiesz) (пол.); ***Ne** možeš da **ne** znaš točno* (= Točno znaš) (хърв.); *Točno ti **ne** moreš ne vedeti* (= *Točno ti veš*) (сл.); *Менавіта ты **не** можаш **не** ведаць* (белар.) и др. под.

В заключителната част на статията са коментирани най-съществените специфики на българското статусно отрицание, които го отличават от функционалните му еквиваленти в други славянски езици.

На първо място сред тях се посочва унификацията на модела, по който се образуват отрицателните форми за следходност в съвременния български език. За целта се използва специалният безличен спомагателен глагол ***няма*** (наред с формалните му варианти ***нямаше, нямало***), получен от контрахиране на старото аналитично отрицание ***не имэти*** – срв.: „българският е постигнал пълна унификация на всички глаголи чрез специфичната отрицателна конструкция *няма да* + сегашно време на спрегаемия глагол (*няма да пиша*)“ (Младенова 2004: 161). В съвременната езикова практика е широко разпространена и употребата на ***няма*** като самостоятелен глагол сказуемо със значение ‘не съществува, не е в наличие, отсъства’ (напр. *В стаята **няма** хора; **Нямаше** на кого да кажа* и др.), но в тези случаи той не функционира като граматичен, а като лексикален негиращ показател. Прави впечатление, че за разлика от образуванията с граматичната частица ***не***, чийто статут

(морфологични словоформи или синтактични конструкции) е все още спорен в лингвистиката, отрицателните корелати на следходните форми в съвременния български език, образувани със спомагателния глагол ***няма***, се смятат безусловно за морфологични словоформи[3].

Съпоставката с останалите славянски езици показва, че точен еквивалент на глагола ***няма*** като маркер за отрицателна следходност се открива единствено в македонския език – срв.: *Утре* ***нема*** *да одам во универзитетот, Ти* ***немаше*** *да ми простиш; По два часа продавницата* ***немало*** *да работи* и др. В останалите славянски езици като маркер за отрицание на следходните форми се използва предимно частицата ***ne***/***nie*** – срв.: *Nic ti* ***ne****řeknu* (чеш.); ***Nič*** *ti* ***ne*** *bom povedal* (сл.), ***Ничего*** *тебе* ***не*** *скажу* (рус.) и др. Срещат се и случаи, в които тази частица се включва в състава на спомагателния формант за бъдеще време, напр. ***neћy***/***neći*** (в сръбски и хърватски), ***nje****budu* (в горнолуж.), ***ne****budu* (чеш.), ***ne****budem* (слов.) – срв.: ***Neћy*** *ти ништа неће* (ср.); ***Nje****budu ći ničo prajić* (горнолуж.) и др.

При реализация на екзистенциалното значение на ***няма*** обаче, се наблюдават повече сходства, отколкото различия – срв.: *Okazuje się, że* ***nie ma*** *świadków tego zajścia (wypadku)* (пол.), *Ispostavilo se da* ***nema*** *svjedoka tog incidenta* (хърв.), *Виявилося, що свідків випадку* ***немає*** (укр.), *Аказалася, што* ***няма*** *сведкаў выпадка* (белар.), *Се покажа дека* ***нема*** *сведоци на настанот* (макед.) и др., но: *Выяснилось, что* ***нет*** *свидетелей произошедшего* (рус.), *Ukázalo se, že* ***nejsou*** *svědkové toho příběhu* (чеш.), *Wukopa so, zo* ***njebě*** *žanych swědkow za podawk* (горнолуж.).

Наред с отрицателната частица ***не*** българският език притежава и специален прохибитивен маркер, който се използва единствено за образуване на второлични повелителни форми в ед и мн.ч. – ***недей/недейте.*** На практика това са стари прохибитивни форми на старобългарския глагол дэяти (дэти) (‘правя, извършвам нещо’) – срв.: ***недей***(***те)*** = ***не*** + **дэи(те)*. Тенямат преки формални аналози в нито един от останалите славянски езици. Срв.: ***Недей*** *да говориш!* (бълг.), ***Ne****mluv!* (чеш.), ***Nie*** *mów, proszę* (пол.), ***Ne****rozprávaj!* (слов.), ***Nic*** *rěčeć!* (горнолуж.), ***Ne****moj govoriti!* (хърв.), ***Немој*** *говорити /да говориш/!* (ср.), ***Ne*** *govori!* (сл.), ***Не*** *зборувај! (****Немој*** *да зборуваш!)* (макед.), ***Не*** *говори!* (рус.) и др.

Специфична особеност на съвременния български език е фактът, че при употреба на еднородни конструкции със съотносителни отрицателни съюзи ***нито-нито, ни-ни*** в

[3] Вж. обзора на становищата за отрицателните форми у И. Куцаров (Куцаров 2007, 364 – 367).

начална изреченска позиция следходният глагол сказуемо може да се употреби в положителна форма – срв.: ***Нито*** *Мария,* ***нито*** *Стефан* ***не*** *познават добре*. Според някои изследователи (напр. Р. Ницолова) това се дължи на голямата сила на повтарящия се знак за отрицание. В останалите славянски езици обаче (с изключение на македонски) в същите синтактични условия използването на приглаголно отрицание е задължително – срв.: ***Ani*** *Marie,* ***ani*** *Stefan mě* ***neznají*** *dobře* (чеш.), ***Ani*** *Maria,* ***ani*** *Stefan* ***nie*** *znają mnie dobrze* (пол.), ***Нити*** *Марија,* ***нити*** *Стефан* ***не*** *познају добро* (ср.), ***Ни*** *Мария,* ***ни*** *Стефан меня близко* ***не*** *знают* (рус.); ***Ані*** *Марія,* ***ані*** *Стефан* ***не*** *знають мене добре* (укр.) и др.

Различен е случаят, при който споменатите еднородни конструкции със съотносителни отрицателни съюзи са в постпозиция спрямо сказуемото. Тук употребата на приглаголно отрицание е абсолютно задължителна във всички славянски езици – срв.: *Той* ***не*** *разбра* ***нито*** *къде да отиде,* ***нито*** *кого да повика* (а не **Той разбра* ***нито*** *къде да отиде,* ***нито*** *кого да повика*), *On* ***nie*** *zrozumiał* ***ani*** *dokąd ma iść,* ***ani*** *kogo zawołać* (пол.), *Wón* ***nje****wědźeše,* ***ani*** *dokal hić,* ***ani*** *koho zazwonić* (горнолуж.), *Он* ***није*** *схватио* ***нити*** *куде да оде,* ***нити*** *кога да зове* (ср.), ***Ni*** *razumel* ***niti*** *kam naj gre,* ***niti*** *koga naj pokliče* (сл.), *Он* ***не*** *понял* ***ни*** *куда идти,* ***ни*** *кого позвать* (рус.)**,** *Ён* ***не*** *зразумеў,* ***ні*** *куды пайсці,* ***ні*** *каго паклікаць* (белар.) и др.

Характерно за някои от синтетичните славянски езици е обвързването на експлицитното отрицание с употребата на генитив, който става „чисто формално-граматическо средство, включва се в състава на синтактичната категория „отрицание“ като компонент, свързан изключително с лингвистичната интерпретация на изречението“ (Лашкова 1972: 106) – срв.: ***Nie*** *zwróciła uwag****i*** *na ten fakt* (пол.), *Она* ***не*** *обратила внимани****я*** *на этот факт* (рус.), *У твом срцу* ***нема*** *места за мене* (ср.) и др. В съвременния български език подобна обвързаност не съществува поради разпадането на категорията падеж. Този факт потвърждава още веднъж спецификата на българското отрицание, чиято реализация почти изцяло зависи от наличието или отсъствието на статусно (приглаголно) отрицание.

Като отличителна черта на българския език някои автори отбелязват т.нар. „преместване на отрицанието“, т.е. представяне на частното отрицание като общо (предикативно) – срв.: *Искам* ***не*** *кафе, а чай =* ***Не*** *искам кафе, а чай.* Е. Ю. Иванова и А. А. Градинарова отбелязват, че това е „най-характерната особеност на българското

отрицателно изречение в съпоставка с руското“ (вж. Иванова, Градинарова 2015: 82)[4]. Нашите наблюдения обаче показват, че аналогично явление се среща и в други славянски езици – срв. напр.: *Chcem piť* ***nie*** *kávu, ale čaj* = ***Nechcem*** *kávu, ale ča* (слов.), *Хоћу* ***не*** *кафу, него чај* = ***Не*** *желим кафу, него чај* (ср.), *Chcem piť* ***nie*** *kávu, ale čaj* = ***Nechcem*** *kávu, ale čaj* (сл.), *Сакам* ***не*** *кафе, туку чај* = ***Не*** *сакам кафе, туку чај* (макед.) и др.

След обобщаване на резултатите от проведения анализ се достига до извода, че най-съществената особеност на българското приглаголно отрицание е свързана с унифицирането на формалните му експликатори: граматичната (формообразуваща) частица ***не*** и спомагателните глаголни форманти ***няма*** и ***недей***, последните два от които са се специализирали във функционално отношение: ***няма (нямаше, нямало)*** се използва последователно във формите за следходност, а ***недей (недейте)*** – при изразяване на забрана.

Наблюденията ни върху съвременното функциониране на трите негиращи маркера показват, че те се отличават с фиксираност на словореда, моносемантичност, максимална специализация и системност на изразяването – съществени аргументи в подкрепа на концепцията за граматикализация на статусното отрицание в езиковата система.

ЦИТИРАНИ ИЗТОЧНИЦИ

Иванова, Градинарова 2015: Иванова, Е. Ю., А. А. Градинарова**.** *Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского*. Москва: Языки славянской культуры, 2015.

Илиева 1995: Илиева, Л. Отрицанието и езиковата структура. Grammatica contra logicam. // *Съпоставително езикознание*, 1995, кн. 1, 19 – 28.

Куцаров 2007: Куцаров, И. *Теоретична граматика на българския език*. Морфология. Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2007.

Лакова 2002: Лакова, М. *Принципът на конструктивизма в граматичната семантика на българското просто изречение*. София: АИ „Проф. Марин Дринов”, 2002.

Лашкова 1972: Лашкова, Л. За някои проблеми на отрицанието в славянските езици. // *Български език*, 1974, кн. 1 – 2, 105 – 108.

Маровска 2007: Маровска, В. *Стилистика на българския език*. Пловдив: „КОТА Принт” ООД, 2007.

Младенова 2004: Младенова, М. *Чешка граматика*. София: Наука и изкуство, 2004.

[4] „Явлението изместване на частното отрицание се състои в това, че отрицателната частица *не* се премества от своето синтактично място при непредикатното отрицание и се придвижва към сказуемото, макар в сферата на действие на отрицанието да се намира друга част на изречението“ (Иванова, Градинарова 2015: 82 – 83).

POLISH SCHOOL OF SEMANTIC SYNTAX AND MOSCOW SEMANTIC SCHOOL: THEORETICAL ASSUMPTIONS, METHODOLOGIES, ACHIEVEMENTS

ALEKSANDER KIKLEWICZ (POLSKA)
Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

DOROTA SZUMSKA (POLSKA)
Uniwersytet Jagielloński w Krakowie

This paper discusses a comparative analysis of the conceptual-methodological assumptions and research practices of two formations of contemporary Slavic linguistics: the Moscow Semantic School (hereinafter – MSS) and the Polish School of Semantic Syntax (hereinafter – PSSS), which have consolidated their research position over the last decades, achieving the status of influential directions of semantic-syntactic research both within Slavic linguistics and far beyond.

Although the main goal of MSS research is to develop a general theory of semantics based on a broad source foundation (Apresjan 2005, 4), syntax also occupies an important place in the achievements of Moscow scholars. The syntactic aspect is taken into account as a functional criterion in defining and delimiting meanings. Since lexical-semantic information in the "meaning ↔ text" theory is integrated with syntactic information, MSS researchers have also extensively developed issues of syntactic analysis. It is based on the government model, although it also goes beyond its boundaries. Thus, one of the MSS research directions, the so-called "small syntax", refers to construction grammar.

In PSSS publications, although they are syntactically-oriented, a lexicographic element – a dictionary description of the valence properties of verbs – also occupies an important place (Kiklewicz & Korytkowska 2010; Papierz 2013; Kiklewicz, Korytkowska & Ma-zurkiewicz-Sułkowska et al. 2019a; 2019b). There are thus similarities between both schools, including theoretical and methodological correspondences which provide a basis for their comparison.

Both directions are based on the assumption about the functional essence of language, whose description cannot be limited to a set of language forms and paradigmatic relations among them, but should be directed at the functions of language units in information processing and transmission. This issue refers to structural functionalism, i.e. a description of a plan of expressing compositional units (i.e. structurally derived) in terms of its compliance with the content plan.

One of the basic categories in the "meaning ↔ text" theory is the concept of representation. As the introduction to the *Explanatory Combinatorial Dictionary* (Mel'čuk & Zholkovsky 1984, 39) states, using language consists – on the one hand (in the sender's activity)

– in assigning appropriate formal-linguistic representations to concepts, and – on the other hand (in the recipient's activity) – in assigning appropriate meanings to linguistic representations (words, word groups, sentences and texts). As can be seen, the "meaning ↔ text" relation is assumed to be bidirectional, although the linguistic description in the MSS model is usually focused on the "meaning ↔ text" relation. This is the idea of an active dictionary, which contains – apart from a description of a lexical meaning of a word – information that is helpful in the process of constructing sentences, i.e. information concerning all the possible ways of expressing concepts and the ways of combining selected means into structures, confirmed by language usage (Mel'čuk 1995, 5). It is exactly such an ("active") approach, as Mel'čuk writes, that the essence of the "meaning ↔ text" theory consists in.

The semantic-explicational syntax applied by Polish linguists is also founded on the "from meaning to form" principle. In the Introduction to the first volume of the *Grammar of the Contemporary Polish Language*, Z. Topolińska (1984, 6) writes about the primacy of the social function of language, which is the consolidation and transfer of information, and the general focus on description, for which the semantic structure of language expressions is the starting point. Such a hierarchy, according to Polish researchers, allows for the most adequate description of the mechanisms of language functioning.

In both models, the description of a lexical unit is subject to higher requirements than those proposed in classical approaches to structural semantics, consisting in the necessity of indicating the unit of paradigmatic and syntagmatic information programmed in the conceptual structure. In other words, defining meaning in both MSS and PSSS should lead to indicating a matrix deep (semantic-syntactic, propositional) structure for a given lexical unit, determined by the immanent properties of the concept whose exponent this unit is. In addition, it should lead to assigning possible surface-syntactic realizations in a given language to this structure.

Despite the common theoretical and methodological bases (i.e. the assumptions of functional linguistics and integral linguistics), it is not possible to accept the full compatibility of both schools' concepts, their goals, and, above all, the applied methods and descriptive procedures. The reasons for this state of affairs should be sought in a different distribution of the balance point between the surface-syntactic properties of lexical units and the implication requirements of the concepts corresponding to them. This results from the differences in the chosen research perspectives. In the case of MSS, it is the construction of a text-creative lexicographic definition, in which the syntactic information is focused on the surface-combinatorial properties of the defined units and is aimed at differentiating the meanings of

polysemantemes. In the case of PSSS, on the other hand, it is the determination of a repertoire of possible syntactic constructions for a given lexical unit, taking into account the differentiation of the correspondence between the propositional structure founded on a given relational concept (predicate) and its surface (formal-grammatical) realization.

The fundamental difference is that, while in the PSSS model the structure of the valency class of a lexical unit, i.e. the hierarchy in the set of alternative representations of its propositional-semantic characteristics, is based on the degree of isomorphism between the type of semantic information and the type of its explication, in MSS research the issue of the hierarchy of individual syntactic alternants is secondary: the order of individual exponents of argument positions opened by the unit is arbitrary, and if it depends on any factor, this factor is usage, i.e. the most typical language form in spoken utterances. Thus, for example, in the *Explanatory Combinatorial Dictionary*, as a rule, the first to be taken into account are the forms of propositional argument realization that result from nominalization, while some expressions containing sentential actants in this position are not attested. For example, the forms of realization of the second argument in sentences with the verb *бороться* 'to fight' are considered to be: Prep (*с*) + N-instr and Prep (*против*) + N-gen; however, the dictionary authors ignore sentences with a sentential actant in this position attested in texts, e.g.:

Как бороться с тем, что я очень впечатлительный?
'How can I fight with the fact that I am very impressionable?'

Но все это время я боролся с тем, что я гей.
'But all this time I struggled with the fact that I was gay.'

Он боролся против того, что в районе активно начали вырубать леса.
'He fought against the fact that forests were being actively cut down in the area.'

The model of semantic-explicational syntax considers a verb sentence to be the most complete, discrete and proper form of realization of a propositional argument, in which, as S. Karolak writes (2002, 38), the predicate corresponds to a predicate expression in the form of a personal verb. All other forms of representation of the propositional argument are treated as modifications. Three types of such modifications are distinguished: 1) implicitation (including full zeroing of the argument position); 2) splitting; 3) cumulation, i.e. integration of two arguments in one syntactic position at the matrix predicate, cf.:

Kętrzyn	zdecydował	się	na	elektrobusy.
x	P			p
N	V			N

‘Kętrzyn has decided to use electric buses’.

Pomyślała	o	ogródku	–	jak	będzie	go uprawiać.
x		P				p
∅		V		N		S
<	Pomyślała,		jak	będzie	uprawiać	ogródek.

‘She thought about the garden – how she would cultivate it’.

< ‘She thought about how she would garden’.

Król	nagrodził	bohaterskiego	sołtysa.
x	P	y=q	p
N	V	Adj-N	∅

‘The king rewarded the heroic village headman’.

In both models, the problem of the relation between the lexical meaning (as a correspondence of a word to its referent) and its syntactic distribution (as a relation of a word to other words in the construction) is solved differently. There are no unambiguous correlations between the former and the latter. Some distributional properties of lexemes are conditioned by their belonging to specific semantic classes; for example, most mental verbs realize the propositional scheme *P* (*x, q*) in constructions according to which the predicate has two actants:

Dziewczyna	pomyślała,	że	chciałaby	to	mieć.
x	P				p
N	V				S

‘The girl thought she would like to have it’.

However, many constructions are irregular, or even individual – their structure depends on the lexical composition. E. V. Rakhilina and V. A. Plungyan point out that the concept of MSS is largely focused on describing phenomena of the latter kind. Taking into account Apresjan’s (1967) monograph, the aforementioned authors write:

In the process of searching for the general principles that the book aimed at, too many exceptions were found. [...] Each time – contrary to the general strategy of the book – attention is drawn to the singular, exceptional character of such differences, and to new facts that deny the direct, literal, systematic connection between syntax and semantics (2011, 552).

In the MSS model, when delimiting the meanings of lexical units, a great, even decisive, importance is attached to its distributional characteristics. For example, in sentences with the verb *будить* ‘to wake up’, the subject position may be occupied by a noun naming a person or phenomenon, cf.:

Жена	разбудила	меня	своим	криком.

‘My wife woke me up with her scream’.

Вой ветра разбудил нас среди ночи.
‘The howling wind woke us up in the middle of the night’.

On this basis, the authors of the *Active Dictionary of the Russian Language* (Apresjan 2014, 371) distinguish two meanings of this verb:

будить ‘to wake up’ 1.1

MEANING: A1 wakes A2 up by A3 = Having the goal of causing person A2 to wake up, person A1 does A3, and A3 causes person A2 to wake up

будить ‘to wake up’ 1.2.

MEANING: A1 wakes A2 up = Factor A1 is the cause of A2 being woken up’

This problem is solved differently in the PSSS model. The description of the meaning of a lexical unit is correlated with its propositional-semantic (generally speaking – relational) structure. The semantic information contained in the meaning of the verb *to wake up* is of a causative nature: a certain event causes a person or another living entity to stop sleeping. Therefore, the definition of this verb reads: ‘something affects someone in such a way that this person stops sleeping’. This verb corresponds to the propositional scheme *P* (*p, y*), where *P* is the symbol of the predicate, *p* is the symbol of the propositional argument (something, some event), and *y* is the symbol of the objective argument, cf.:

Obudziło	mnie	to,	że	komar	na	mnie	siedział.
P		y					p
V		N					S

‘I was woken up by the fact that a mosquito was sitting on me’.

The propositional scheme *P* (*p, y*) can be realized in several ways, and regardless of the syntactic form, the verb realizes the same meaning:

Obudziło	mnie	ugryzienie	komara.
P	y		p
V	N		NV

‘A mosquito bite woke me up’.

Obudził	mnie	komar.
P	y	p
V	N	N

‘A mosquito woke me up’.

Obudził	mnie	Krzysztof	swoim	barytonem.
P	(y)			p

V N N NS

'Krzysztof woke me up with his baritone voice'.

This type of discussion is necessary to improve the theoretical and methodological background, as well as the linguistic apparatus of further explorations in this direction. In this situation, it is difficult to predict the possibilities of integrating both models. Linguistics in the era of postmodernism is characterized by multiple conceptual stances, which tend to turn into interpretative chaos, and the so-called holistic approaches to the studied phenomena are often undesirable shortcuts in science taken along the paths of eclectic solutions. Therefore, an "at all costs" integration is out of the question here, but it is enough for researchers representing different formations to notice and configure the benefits that each concept offers in their own way, so as to verify and/or improve the explication procedures they use, and, in a broader perspective, strive to improve the linguistic model with modern research tools taken into account.

REFERENCES

Apresjan, J. D. (1967), Eksperimental'noje issledovanije semantiki russkogo glagola. Moskva.

Apresjan, J. D. (2005), O Moskovskoj semantičeskoj škole. In: Voprosy jazykoznanija. 1, 1-28.

Apresjan, J. D. (red.) (2014a), Aktivnyj slovar' russkogo jazyka. A-B. Moskva.

Karolak, S. (1984), Składnia wyrażeń predykatywnych. In: Topolińska, Z. (red.), Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia. Warszawa, 11-212.

Karolak, S. (2002), Podstawowe struktury składniowe języka polskiego. Warszawa.

Kiklewicz, A. & Korytkowska, M. (red.) (2010), Podstawowe struktury zdaniowe współczesnych języków słowiańskich: białoruski, bułgarski, polski. Olsztyn.

Kiklewicz, A., Korytkowska, M. & Mazurkiewicz-Sułkowska, J. et al. (2019a), Zintegrowany opis semantyczno-syntaktyczny czasowników bułgarskich, polskich i rosyjskich (verba cogitandi i verba sentiendi). Część II.1. Verba Cogitandi. Warszawa. https://ispan.waw.pl/ireteslaw/handle/20.500.12528/1087/

Kiklewicz, A., Korytkowska, M. & Mazurkiewicz-Sułkowska, J. et al. (2019b), Zintegrowany opis semantyczno-syntaktyczny czasowników bułgarskich, polskich i rosyjskich (verba cogitandi i verba sentiendi). Część II.2. Verba Sentiendi. Warszawa. https://ispan.waw.pl/ireteslaw/handle/20.500.12528/1087/

Mel'čuk, I. A. & Žolkovskij, A. K. (1984), *Tolkovo-kombinatornyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka. Vien.*

Mel'čuk, I. A. (1995), Russkij jazyk v modeli „smysl – tekst". Moskva | Vena.

Papierz, M. (2013), Podstawowe struktury składniowe współczesnego języka słowackiego. Kraków.

Rakhilina, E. V. & Plungyan, V. A. (2011), J. D. Apresjan kak teoretik grammatiki konstrukcij. In: Boguslavskij, I., Iomdin, L. & Krysin, L. (eds.), Slovo i jazyk. Sbornik statej k vos'midesjatiletiju akademika J. D. Apresjana. Moskva, 548-555.

Topolińska, Z. (red.) (1984, Gramatyka współczesnego języka polskiego. I. Składnia. Warszawa.

REFLEXIVE NON-FINITE VERB FORMS WITH PASSIVE MEANING IN CZECH AND RUSSIAN

JANA KOCKOVÁ (CZECH REPUBLIC)

1. Introduction

Despite numerous similarities, the voice system in Czech and Russian differs. Furthermore, the traditional approaches of Russian and Czech linguistics are fundamentally different, which results in disparate classifications and terminology (Петрухина 2015). In addition, codification norms influence the description of the system. The paper focuses on non-finite verb forms and their ability to express passive meaning with reflexive forms. The reflexive passive typically occurs only in the third person sg. and pl. (for the rule and exceptions, see *PG* 80, 614; *MČ 2*, 421). In addition, the reflexive forms with passive meaning occur in all non-finite verb forms except for the participles ending in *-nyj/-tyj*. Thus, in both languages there is a system of non-finite reflexive forms with passive meaning, namely infinitives, adverbial participles (přechodníky, деепричастия), adjectival participles:[1]

	Czech	**Russian**
infinitive	*namalovat se / malovat se*	*покраситься / краситься*
present adv. participle	*- / maluje (malujíc, malujíce) se*	*- / красясь*
past adv. participle	*namalovav (namalovavši, namalovavše) se / -*	*покрасившись / красившись*
present adj. participle	*namalující se / malující se*	*- / красящийся*
past adj. participle	*namalovavší se / -*	*покрасившийся / красившийся*
SE/СЯ excluded		
past pass. participle	*(na)malovaný*	*(по)крашенный*

Table 1: Reflexive non-finite forms with passive meaning

2. Reflexive non-finite forms with passsive meaning

Reflexive **participles** with passive meaning (*budující se infrastruktura – строящаяся инфраструктура*) have been described in Russian (Weiss 1995; Дюрович 1974; Изотов 1993, 14; Исаченко 1960, 552, 568; Сай 2016), and more recently in Czech (Kocková 2024).

[1] Verbal nouns are also classified as non-finite verb forms in Czech; they can be connected facultatively with the reflexive marker SE (cf. *namalování se*). The question of whether they can also express passive meanings has not been comprehensively investigated yet.

The occurrence of reflexive participles with passive meaning is attributed to various gaps in Russian. However, the reflexive participles with passive meaning also occur in Czech, where the reasons given for Russian are absent. In Russian, the forms of the passive participles (*рассматриваемый, изданный*) and the reflexive participles with passive meaning

(*рассматривающийся, издававшийся*) enter into a relationship of competition. In Czech, the system of passive (non-reflexive) participles is quite different: there are forms ending in *-ný/-tý*, which are formed from both verbal aspects, and forms ending in *-lý*, which exhibit limited productivity in formation and only some of them express passive meaning (passive *rozmáčklý*, versus active *zkrachovalý*). Due to the very low frequency and limited possibilities of formation and the literary character of the form of the past active participles ending in *-vší* in Czech, the present participle forms (*dědící se)* predominate among the reflexive participles with passive meaning, however, reflexive past participles with passive meaning (*utvořivší se*, *zřídivší se*) are not excluded in principle.

Both Czech and Russian have passive forms of the **infinitive**. Unlike some other languages, the distinction of genus verbi for the infinitive is less consistent, and passive forms are less frequent. In certain cases, it is possible to use the active form of the infinitive, the so-called retroactive infinitive or "hidden passive", to express the passive meaning (e.g. Šimík 2013; Panevová 2023)[2]:

1) *Ten plot potřebuje natřít. / Забор требуется покрасить.*

In some cases, the active or passive meaning of the infinitive is inferred merely from the context:

2) *Viděl jsem ho bít.* (= I saw that he was beaten (passive)/ that he was beating (active))

In Czech, there are periphrastic and reflexive infinitives for both aspect forms. In Russian there is the same aspectual restriction as for finite forms, i.e. the periphrastic passive is usually formed from perfective, and the reflexive form from imperfective verbs.

3) *Nikdo neotvíral, dveře* ***se*** *musely nakonec* ***otevřít*** *paklíčem.*
4) *Замок может легко* ***открыться*** *отмычкой.* (Internet)

The reflexive constructions of **adverbial participles** with the passive meaning are mentioned by the *Russian Corpus Grammar* ("synthetic form of the passive"; Биккулова 2011)

[2] Unless otherwise stated, the Czech examples come from the corpus SYN v12 and the Russian examples from the corpus NKRJA (НКРЯ).

and in *Русская грамматика* (Barnetová 1979, 210). The aspectual restrictions apply also with Russian adverbial participles. The reflexive forms are primarily formed from verbs with the meaning of creation. In Czech, adverbial participles have a very low frequency. Reflexive adverbial participles with the passive meaning can be found very sporadically*:*

> 5) […] *kvalitě ega, která se objevuje v následujících stádiích života a závisí od kvalit, vytvořených v předcházejících stádiích,* ***budujíce se*** *na nich.* (Internet)
> 6) *Однако,* ***употребляясь*** *в таких контекстах, как подверг сомнению или сомнения подтвердились, оно выступает не как имя состояния.*

The **verbal noun** generally has a different status in Czech and in Russian. In Russian, deverbatives ending in *-ние/-тие* are not formed from every verb, often do not preserve verbal meaning. For these reasons, they are not included in the broader verbal paradigm. In opposition to Polish, Czech nouns are very marginally associated with the reflexive element SE (Damborský 1967, 20) and its occurrence seems to be rather limited to specific lemmas where distinguishing reflexive and non-reflexive meanings is crucial (*obětování se, odevzdání se, držení se*). When interpreting some examples, it is obvious that the primary interpretation of verbal nouns with SE is the reflexive interpretation:

> 7) *....péči a do jisté míry i* ***obětování se*** *ve prospěch druhých ...*

Nevertheless, there are also examples where a passive interpretation may be theoretically possible, yet even in these cases the primary, i.e. reflexive, interpretation prevails:

> 8) *Prudce se ochladily po* ***připojení se*** *poloostrova Krymu k Rusku na základě právoplatného referenda v roce 2014.* (~ was attached/attached itself)

3. Conclusion

The possibilities of forming the reflexive passive differ in the two languages: In Russian, its formation is more or less limited to imperfectives, while in Czech this limitation is absent. Furthermore, it is possible to express an agent in Russian, although this possibility is seldom employed. In Czech, however, these are deagentive constructions; the agent cannot be expressed. In both languages, there are reflexive participles, reflexive infinitives and adverbial participles with passive meaning. The analogy between the finite and non-finite reflexive forms with passive meaning is partly confirmed by their use in similar contexts: when the personal agent is unspecified or is deliberately omitted. Since the expression of the passive by means of reflexive form is generally inherent in Slavic languages, this may indicate a deeper tendency in the languages.

REFERENCES

Barnetová et al. 1979: BARNETOVÁ , V. et al.: *Русская грамматика, 1.* Academia, Praha 1979.

Damborský 1967: DAMBORSKÝ, J.: *Neurčité a jmenné tvary slovesné v polštině*. SPN, Praha 1967.

Kocková 2024: KOCKOVÁ, J.: Budující dálnice: Zvratná participia s pasivním významem v češtině. In: Bozděchová, I. – Niševa, B. – Skwarska, K: *Česká slovotvorná koncepce v kontextu slovanské jazykovědy.* Monografie věnovaná 110. výročí narození a 20. výročí úmrtí Miloše Dokulila. Academia, Slovanský ústav AV ČR, Praha 2024.

MČ 2: Petr, J. et al.: *Mluvnice češtiny: vysokoškolská učebnice pro studenty filozofických a pedagogických fakult, aprobace český jazyk. 2, Tvarosloví*. Academia, Praha 1986.

Panevová 2023: PANEVOVÁ, J.: Rozpor mezi formou a funkcí: specifika infinitivu ve vybraných valenčních pozicích. *Slovo a slovesnost* 84, 2023, 4, 263–272.

SYN v12: Korpus SYN, verze 12 ze 29. 12. 2023 [on-line] <https://www.korpus.cz> [cit. 31-08-2024].

Šimík 2013: ŠIMÍK, R.: Peeling, structural Case, and Czech retroactive infinitives. In: Pitsch, H. – Lenertová, D. – Fehrmann, D. – Junghanns, U. [edd.]: *Formal Description of Slavic Languages: The Ninth Conference: Proceedings of FDSL* 9, 2013, 105–123.

Weiss 1995: WEISS, D.: Russian converbs: A typological outline. In: Haspelmath, M. – König, E. [edd.]: *Converbs in cross-linguistic perspective*. De Gruyter, Berlin – New York 1995, 239 –282.

Биккулова 2011: БИККУЛОВА, О. С.: Деепричастие. In: *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. (http://rusgram.ru). На правах рукописи. Москва 2011.

Дюрович 1974: ДЮРОВИЧ, Л.: Система причастных и деепричастных форм современного русского дитературного языка. *Russian Linguistics* 1, 1974, 1, 3–14.

Изотов 1993: ИЗОТОВ, А. И.: *Чешские атрибутивные причастия на фоне русских*. МГУ, Москва 1993.

Исаченко 1960: ИСАЧЕНКО, А. В.: *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким II.* Из. Словацкой академии наук, Братислава 2016.

НКРЯ: Национальный корпус русского языка [on-line] <https://ruscorpora.ru/> [cit. 06-10-2023].

Петрухина 2015: ПЕТРУХИНА, Е. В.: Вид в грамматическом контексте пассива. In: Бенаккьо, Р. [ed.]: Глагольный вид: грамматическое значение и контекст = Verbal aspect: grammatical meaning and context. Verlag Otto Sagner, München – Berlin – Washington D.C. 2015, 404–420.

РГ 80: Шведова, Н. Ю. [ed.]: *Русская грамматика.* Москва 1980.

Сай 2016: САЙ, С. С.: Причастие. In: Плунгян, В. А. – Добрушина, Е. Р. – Рахилина, Е. В. – Стойнова, Н. М. [edd.]: *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. Часть *I.* Нестор-История, Санкт-Петербург 2016, 341–388.

TRANZITIVITA BEZPŘEDPONOVÝCH SLOVES POHYBU VE VYBRANÝCH SLOVANSKÝCH JAZYCÍCH

KAROLÍNA SKWARSKA (ČESKÁ REPUBLIKA)

Slovesa pohybu vykazují ve slovanských jazycích specifické gramatické vlastnosti (srov. Mrhačová 1993; Saicová Římalová 2010 a dal.). V našem příspěvku se zaměříme na bezpředponová slovesa pohybu typu *chodit*, *jít*, *běhat*, *běžet*, *jezdit*, *jet* a jejich polské, ruské, slovenské a slovinské protějšky. Cílem je ukázat, v jakých případech mohou vyžadovat komplement v akuzativu, jaké jsou sémantické rysy takových doplnění i jak vypadá lexikografické zachycení těchto struktur v jednotlivých sledovaných jazycích.

Sloveso *běhat* má ve významu ‚ze zájmu nebo profesionálně se věnovat běhu' možná doplnění označující typy závodů (štafetu, sprinty… ASSČ, 2. význam hesla *běhat*). Taková doplnění zaznamenává i slovenský valenční slovník (Ivanová et al. 2014), sémantickou roli komplementu označuje jako COG (cognate) – sémantika daného doplnění je již obsažena v sémantice pohybového slovesa. Ve slovanských jazycích může mít takové spojení různé stylové zabarvení, např. v ISJP je konstrukce typu *biegać dystans* charakterizována jako hovorová. Zdá se, že skupina potenciálních lexikálních obsazení daného komplementu by měla být značně omezena, materiál z národních korpusů však poskytuje příklady, které jsou již za hranicemi daného sémantického vymezení, srov.:

(1) Je jasné, že tyto dvě reprezentantky nemají v týmu nikoho třetího, kdo by **jezdil** srovnatelné **výsledky** a bojoval o stupně vítězů. (ČNK – syn v13)
(2) Tam musím být v pohodě a vyrovnaný, abych podal co nejlepší výkony pro všechny majitele, co jim budu **jezdit koně**. (ČNK – syn v13)

V příkladu (3) má jiný význam samo sloveso *jezdit*, návazně pak komplement v akuzativu.

(3) Kluci doteď **jezdili** spíš **vesnické zábavy**, tohle jsou první samostatné koncerty, bereme je jako průzkum trhu, " řekl Volek. (ČNK – syn v13)

Z těchto příkladů je zřejmé, že je potřeba lépe sémanticky vymezit množinu potenciálních doplnění v akuzativu v jednotlivých jazycích. V úvahu je třeba vzít tendenci expanze akuzativu v adverbální pozici, která v různých slovanských jazycích pokročila do různého stupně.

LITERATURA

ASSČ: Akademický slovník současné češtiny. [on-line] <https://slovnikcestiny.cz/heslo/b%C4%9Bhat/0/1592>

ČNK – syn v13: Křen, M. – Cvrček, V. – Čapka, T. – Hnátková, M. – Jelínek, T. – Kocek, J. – Kováříková, D. – Křivan, J. – Milička, J. – Petkevič, V. – Skoumalová, H. – Šindlerová, J. – Škrabal, M.: Korpus SYN, verze 13 z 27. 12. 2024. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha 2024. https://www.korpus.cz.

ISJP: Bańko, M. et al.: *Inny słownik języka polskiego*. Warszawa 2000.

Ivanová, M. et al.: *Valenčný slovník slovenských slovies na korpusovom základe*. Prešov 2014.

Mrhačová, E.: *Korelativní slovesa pohybu ve slovanských jazycích, zvláště v ruštině.* Ostrava 1993.

Saicová Římalová, L.: *Vybraná slovesa pohybu v češtině: studie z kognitivní lingvistiky.* Praha 2010.

TYPOLOGIJA RODA W SERBSKIMAJ RĚČOMAJ

THOMAS MENZEL (NĚMSKA)

1. Ród jako indikator na splah referenta a jako gramatiska kategorija

We wjele přirodnych rěčach rjaduja so substantiwy po powšitkownych gramatiskich abo semantiskich systemach leksikaliskeje klasifikacije. Substantiwy słowjanskich, kaž tež wjetšiny germaniskich a romaniskich rěčow přirjaduja so po swojich syntagmatiskich a fleksiskich kajkosćach třom klasam, kotrež mjenuja so w filologiskej tradiciji r o d y: „maskulinum“, „femininum“ a „neutrum“. Byrnjež su rody proste etikety za gramatiske rjady substantiwow, poćahuja so wone semantisce tež na splahi a genderowe róle. Mjena tutych etiketow su z perspektiwy genderowych wědomosćow cyły rjad njedorozumjenjow zawinowali. Z jedneje strony njehodźa so gramatiske rody jako zakładny rěčny wotpowědnik struktury biologiskich rodow abo přez kulturne poměry definowanych genderowych rólow zrozumić. Z druheje strony pak wobsedźa rody bjezdwěla wěste kategorialne srjedźišćo, kotrež wotwisuje wot binarneje koncepcije biologiskich splahow. Tuka so samo na to, zo njewobsteji žadyn rodowy system, kotryž by bjez leksikaliskeho srjedźišća z korelaciju mjez gramatiskim rodom a biologiskim splahom fungować móhł (CORBETT 1991: 307). Tuta korelacija płaći pak jenož za substantiwy, kotrež pomjenuja žiwe wosoby. Jako obligatoriska gramatiska kategorija wšitkich substantiwow, potajkim tež tajkich, kotrež zmóžnjeja jenož referencu na nježiwe předmjety a kotrež njedopušćuja zwuraznjenje splahowych kontrastow, je kategorija roda swoju prěnjotnu semantisku motiwaciju překročiła. Pola substantiwow z nježiwymi referentami rozsudźeja wo rodźe formalne (fonologiske) kajkosće a nic metaforiske poćahi k splahej.

W słowjanskich rěčach njeje kontrast mjez semantiskimi kriterijemi za přisłušnosć k wěstemu rodej pola wosobowych/žiwostnych substantiwow a fonologiskimi kriterijemi, kotrež móža za přisłušnosć wšitkich substantiwow (tež tajkimi z nježiwymi referentami) k wěstemu rodej płaćiwe być, přez formalne srědki postajeny. Tohodla może samsna gramatiska kategorija z jedneje strony substantiwy z muskimi a žónskimi referentami konfrontować a z druheje strony wšitke substantiwy po swojich gramatiskich kajkosćach klasifikować. FASSKE (1981: 397–406) wopisuje podrobnje korelaciju roda a splaha za jednotliwe klasy domoródnych a požčenych substantiwow w hornjoserbšćinje. W strukturalistiskim zmysle předstaja wón ekwipolentne a asymetriske kontrasty kaž tež neutralizaciju poćahow roda a splaha (MENZEL 2023a: 10).

Jenož w kategorialnym srjedźišću roda, pola žiwostnych a wosobowych substantiwow, może semantiski zwisk mjez biologiskej kajkosću referenta (splahaj „muski“, „žónski“) a gramatiskim etiketom referowaceho substantiwa (rodaj „maskulinum“, „femininum“) wobstać.

Tajka korelacija rěka „referowacy ród“ („ród wusměrjeny na referenta“; WÄLCHLI/DI GARBO 2019: 212). W diachroniskej perspektiwje wšak hodźi so wobkedźbować, zo ród substantiwow w přiběracej měrje so kruće z wěstymi leksikaliskimi zdónkami spleće. Přez tutu leksikalizaciju pozhubja so swobodny zwisk ze splahom referenta. Kategorija roda so koncepcionelnje rozšěrja: wot funkcije „referowaceho roda“ k funkciji „leksikaliskeho roda“. Posledni płaći jako fenomen gramatiskeje maturity, kotryž nastupuje w „starych“, přez lětstotki stabilnych fleksiskich systemach (WÄLCHLI/DI GARBO 2019: 221). W typologiskim stawje spowšitkownjeneho leksikaliskeho roda móžetaj so ród wěsteho substantiwa a splah mjenowaneho referenta samo spřećiwjeć: Přikładaj za to stej gramatiskej neutrumaj *das Weib*, *das Mädchen* z referencu na žónske wosoby w němskej rěči – abo serbski wotpowědnik dsb. *žowćo*$_{\text{ntr.}}$ a hsb. (stilistisce wysoke) *holičo*$_{\text{ntr.}}$.

W běhu wutworjowanja leksikalisce fiksěrowaneje kategorije roda so „referowacy ród“ substantiwow dospołnje njezhubja. Wulka ličba wosobowych abo žiwostnych substantiwow woznamjenjuje jenož referentow jednoho splaha, na přikład dsb./hsb. *muž* jako maskulinum steji za muske wosoby, dsb. *maś* / hsb. *mać* jako femininum za žónske wosoby, dsb. *póbratš*$_{\text{mask.}}$ / hsb. *braška*$_{\text{mask.}}$ za muske wosoby atd. Pola tajkich substantiwow njewobsteji žadyn kontrast mjez referowacym a leksikaliskim rodom (WÄLCHLI/DI GARBO 2019: 225).

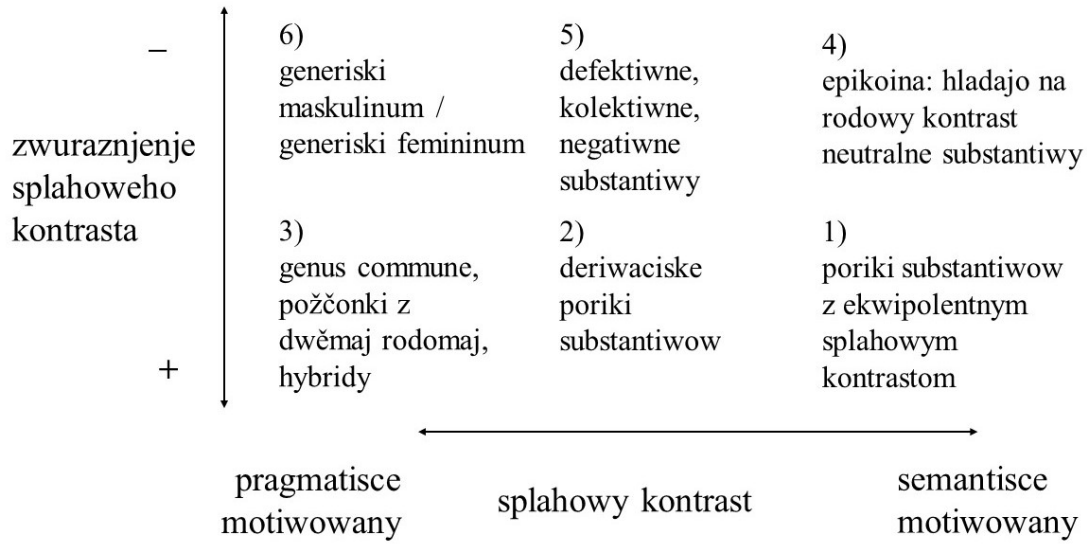
W sćěhowacym wopisuje so zwiski mjez rodom substantiwa a splahom jeho referenta za rozdźělne leksikaliske skupiny substantiwow pod typologiskim aspektom. Typologiske polo ma dwě dimensiji: 1) Opozicija semantisce abo pragmatisce motiwowaneho zwuraznjenja splahoweho kontrasta. Tomu wotpowěduje rozdźěl mjez „leksikaliskim“ a „referowacym“ rodom. 2) Opozicija realizacije abo neutralizacije splahowych kontrastow. To rěka, zo motiwuja pragmatiske abo semantiske kriterije, hač wěste semantiske skupiny wosobowych substantiwow splahowe kontrasty zwuraznjeja abo nic.

Prěnja dimensija „(leksikaliska) semantika abo pragmatika“ wuchadźa z koncepcije rodoweho systema jako fenomena rěčneje maturity. Při tym je so spočatnje semantisko-pragmatiska kategorija zwuraznjenja splahoweho kontrasta změniła na leksikaliski system formalneje klasifikacije substantiwow. Druha dimensija je funkcionalno-strukturalistiska, kotraž organizuje eficientne wužiwanje gramatiskich kategorijow w rěči. W swětle ekonomiskeho (zlutniweho) wužiwanja rěčnych srědkow poskićuje wona formalnu strukturu, kotraž zwuraznja splahowe kontrasty, ale zmóžnja zdobom jich wuwostajenje w komunikatiwnych situacijach, w kotrychž je splahowy kontrast njerelewantny.

Spytamy pokazać, z kajkich leksikaliskich skupin substantiwow typologiske polo zwiskow mjez rodom a splahom wobsteji. Za to přewjedźemy leksikalisku analyzu delnjo- a

hornjoserbšćiny. Wobě słowjanskej mjeńšinowej rěči buštej w poslednich lětach intensiwnje leksikografisce wopisanej (tež na digitalnej runinje). Tak nasta móžnosć, za wjetšu ličbu leksikalisko-semantiskich skupin substantiwow korelaciju roda a splaha wotkryć.

2. Polo korelacije mjez rodom a splahom a leksikalisko-semantiske skupiny substantiwow



2.1 Poriki substantiwow z ekwipolentnym splahowym kontrastom

Za wulku ličbu wosobowych substantiwow je splahowa identita referentow konstitutiwny wobstatk słowneho wuznama. To płaći na př. za přiwuzniske pomjenowanja (kaž dsb. *maś*$_{\text{fem.}}$ vs. *nan*$_{\text{mask.}}$; hsb. *mać*$_{\text{fem.}}$ vs. *nan*$_{\text{mask.}}$) abo za druhe substantiwy, kotrež woznamjenjeja splahowu rólu (kaž dsb. *njewjesta*$_{\text{fem.}}$ vs. *nawóžeń*/*nawóženja*$_{\text{mask.}}$; hsb. *njewjesta*$_{\text{fem.}}$ vs. *nawoženja*$_{\text{mask.}}$). Powšitkownje zwuraznja so kontrast splahoweju konceptow w tej skupinje substantiwow z pomocu rozdźělnych leksikaliskich zdónkow. Móžnosć mocije splahoweho wuznama přez słowotwórbne rěčne srědki so njeposkićuje. Ekwipolentny kontrast mjez splahomaj njehodźi so tež neutralizować.

2.2 Deriwaciske substantiwiske poriki

Je-li leksikaliski zdónk identiski, zwuraznjuje so splahowy kontrast přez dodawanje słowotwórbneho sufiksa a přirjadowanje k rozdźělnym deklinacijam. Zwjetša twori so při tym feminatiwum z pomocu deriwaciskich srědkow wot maskulinumowych wosobowych pomjenowanjow (na př. dsb./hsb. *profesor*-Ø$_{\text{mask.}}$ => *profesor-k-a*$_{\text{fem.}}$). We wuwzaćnych padach wotběži deriwaciski proces nawopak (dsb./hsb. *wudow-a*$_{\text{fem.}}$ => dsb. *wudoj-c*-Ø$_{\text{mask.}}$ / hsb.

wudow-c-Ø$_{mask.}$; hl. MENZEL 2023a: 13). Směr deriwaciskeho poćaha pokazuje wěstu pragmatisku relewancu: Wuchadźišćo za deriwaciju je typiska, njemarkěrowana instanca splahoweho porika, cil je wotwodźena, sekundarna abo markěrowana instanca.[1] Nimo toho móže kontrast splahow pragmatiskich přičin dla neutralizowany być (hl. 2.6 wo „generiskim“ wužiwanju gramatiskeho roda).

Minimalne formalne koděrowanje splahowych kontrastow z morfologiskimi srědkami wobsteji w „diferencialnym rodźe“ (MENZEL 2024). Při tym jedna so wo poriki substantiwiskich adjektiwow a participow z kontrastiwnym rodom a splahom wosobowych referentow (na př. dsb. *pśistajona*$_{fem.}$ / hsb. *přistajena*$_{fem.}$ vs. dsb. *pśistajony*$_{mask.}$ / hsb. *přistajeny*$_{mask.}$). Rodowy kontrast zwuraznja so tu bjez słowotwórbnych afiksow, jeničce přez fleksiske kóncowki, kotrež njehodźa so neutralizować. Leksikalisce samostatne maskulinumy a femininumy wužiwaja so po směrnicy „referowaceho roda“ stajnje za muske abo za žónske wosoby. Pragmatiski přistup je wosebje jasny w zwisku z genderowej rěču. Tam wobhladuja so formy z diferencialnym rodom jako rěčne srědki za wutworjenje „genderoweje symetrije“, kotraž podrjadowanju femininuma pod maskulinum přez deriwacisku strukturu so wuhibuje (hl. *student*$_{mask.}$ > *studentka*$_{fem.}$, ale hsb. *studowaca*$_{fem.}$ / *studowacy*$_{mask.}$; dsb. *studěrujuca*$_{fem.}$ / *studěrujucy*$_{mask.}$).

2.3 Substantiwy z wariabelnym referowacym rodom: Genus commune, njeflektujomne pożčene pomjenowanja wosobow, hybridy

Tute tři skupiny substantiwow móža konsekwentnje muske kaž tež žónske wosoby woznamjenjować. Wone pokazuja wotpowědny muski abo žónski ród přez kongruentne zwiski a su potajkim přikłady za ryzy pragmatiske přidźělenje gramatiskeho roda.

Eksistenca substantiwow z genusom commune kaž *sirota*$_{fem./mask.}$ ‘syrota’, *ubijca*$_{fem./mask.}$ ‘mordar’, *p'janica*$_{fem./mask.}$ ‘pijak’ w rušćinje so za serbšćinu faktisce wotpokazuje (JENČ 1966: 71). Wobsteja pak podobne rěčne struktury, kotrež wšak wustupuja rědko a su w słownikach njekonsekwentnje wopisane. Z jedneje strony su to wudma, kotrež wužiwaja so po podaćach słownikow eksplicitnje z muskej abo žónskej kongruencu (MENZEL 2023a: 18–24) – pak wariabelnje, pak po zasadach referowaceho roda. W dwurěčnych słownikach hornjoserbskeje rěče je to hač do 12 substantiwow – na př. *lidora*/*lidwora* ‘liederlicher Mensch (wobeju splahow)’, *bambora* ‘Schwätzer(in), Fasler(in) (muski abo žónski)’, *žwamla*/*žwantora* ‘to samsne’, w delnjoserbskich słownikach jenož tři: *lidera* ‘liederlicher Mensch (wobeju

[1] Wuchadźamy z toho, zo su w tradicionalnym, za stworjenje genderowych stereotypow rozsudźacym swěće muscy profesorojo časćiši hač žónske profesorki, ale muscy zawostajeni su rědši hač žónske zawostajene.

splahow)’, jenož w historiskich słownikach też *liderka* ‘kleiner Lidrian, Verschwender (wobeju splahow)’, *nara* ‘Narr, Närrin (muski abo žónski)’. Mjeztym wobmjezuje so wjetšina tutych substantiwow na wužiwanje w žónskim rodźe (MENZEL 2023a: 20). Za hornjoserbsku wobchadnu rěč płaći, zo wustupuje referowacy ród z rozdźělnymaj kongruencomaj jenož w formach nominatiwa, to rěka w syntaktiskej poziciji subjekta a substantiwiskeho predikata (SCHOLZE 2008: 102 f.).

W serbskim słownistwje namakamy też mału ličbu požčenych njeflektujomnych substantiwow z referowacym rodom. To su pomjenowanja narodow, wobydlerjow abo druhich skupin, kotrež njehodźa so po formalnych kriterijach do fleksiskeho systema zarjadować: dsb. *Fidźi*, *Hindu*, *Israeli*, *Pakistani*, *Suaheli*, *Swasi*, *šupo*, *Thai*, *Zulu*; hsb. *Aborigine*, *Hindu*, *Israeli*, *Pakistani*, *Suaheli*, *Swasi*, *Thai*, *Zulu*. Rozšěrjena je metoda adaptacije tajkich požčonkow z pomocu deriwacije (dsb. *Pakistanaŕ*$_{\text{mask.}}$, *Pakistanaŕka*$_{\text{fem.}}$) abo kompozicije (dsb. *hindužeńska*$_{\text{fem.}}$, hsb. *hindužona*$_{\text{fem.}}$).

Za hybridy maja so substantiwy, kotrež pokazuja musku abo žónsku kongruencu po referowacym rodźe, ale jenož fakultatiwnje abo we wěstych syntaktiskich konstrukcijach (hl. horjeka k hornjoserbskej wobchadnej rěči; přir. też CORBETT 1991: 181–184; 226–236). Přikład z hornjoserbšćiny su zestarjene substantiwy naréčenskeje etikety za knježich a duchownych kaž *majestosć*, *wysokosć*, *swjatočnosć*. Jedna so wo hladajo na splahowy kontrast neutralne substantiwy („epikoina“; hl. 2.4), kotrež wužiwaja so z femininowej kongruencu też pola muskich referentow. Predikat w perfekće pak móže fakultatiwnje też w maskulinumje stać (hl. deleka: *hódnosćiła*$_{\text{fem.}}$ vs. *připósłał*$_{\text{mask.}}$). Posesiwne pronomeny třećeje wosoby a rodowe formy predikata w pódlanskich sadach z anaforiskimi konstrukcijemi maja po wšěm zdaću obligatorisce referowacy muski ród. Hl. sćěhowacy starši tekst, w kotrymž su relewantne rodowe markery wuzběhnjene:

> Knježe$_{\text{mask.}}$ kardinalo$_{\text{mask.}}$! Waša$_{\text{fem.}}$ Eminenca$_{\text{fem.}}$ Sće lubosćiwje Joho$_{\text{mask.}}$ kejžorowej$_{\text{fem.}}$ a kralowej$_{\text{fem.}}$ Majestosći$_{\text{fem.}}$, mojomu najhnadnišomu knjezej, z wopismom z 2. t. m. wozjewjenjo Joho$_{\text{mask.}}$ Swjatosće$_{\text{fem.}}$ bamža$_{\text{mask.}}$ Benedikta$_{\text{mask.}}$ připósłał$_{\text{mask.}}$ […] Joho$_{\text{mask.}}$ kejžorska$_{\text{fem.}}$ a kralowska$_{\text{fem.}}$ Majestosć$_{\text{fem.}}$ je so hódnosćiła$_{\text{fem.}}$, mi wo wopismje wědźeć dać […]. Hižo dlějši čas sćěhuje Joho$_{\text{mask.}}$ Majestosć$_{\text{fem.}}$ […] wšě prócowanja Joho$_{\text{mask.}}$ Swjatosće$_{\text{fem.}}$, kak by we woprawdźe njestroniskim duchu hubjenstwo tejele wójny wosłabjał$_{\text{mask.}}$ a kónc wšoho njepřećelstwa spěchował$_{\text{mask.}}$. (Katholski Posoł 1917/39, 29.09.1917, str. 240)

2.4 Epikoina

W hornjej lince tabulki steja skupiny substantiwow, kotrež njepokazuja splahowe rozdźěle přez swoje rodowe přirjadowanje. Też tu stawa so to ze semantiskich abo pragmatiskich přičin.

Na semantiskej kromje tabulki stejace epikoina (CORBETT 1991: 67 f.) su wosobowe substantiwy, kotrež so na muži abo žony poćahuja, njezwuraznjeja pak splahowy kontrast. To móža leksemy wšitkich gramatiskich rodow być, dokelž stej jich rodowa přisłušnosć a deklinacija arbitrarnej, wonej postajatej so po fonologiskich kajkosćach. Semantisce rozeznawamy skupiny powšitkownych pomjenowanjow ludźi (na př. mask. dsb. *luź*, *cłowjek* / hsb. *čłowjek*, fem. dsb. *wósoba* / hsb. *wosoba*), kajkostne woznamjenjenja wosobow (mask. dsb. *gósć* / hsb. *hósć*, fem. dsb./hsb. *syrota*), ale też emocionalne abo pejoratiwnje konotěrowane pomjenowanja (mask. dsb. *głupjeńc* / hsb. *hłupak*; fem. dsb. *drapa*, hsb. *dřěmotka*; neutr. dsb. *njaborje*, hsb. *njebožatko*; MENZEL 2023a: 15). Epikoina pola neutrumow su też pomjenowanja młodych žiwych stworjenjow (na př. dsb. *góle/źiśe*, hsb. *dźěćo*).

2.5 Defektiwne, kolektiwne, negatiwne substantiwy

Pola druhich substantiwiskich skupin hodźi so falowanje rěčnych pokazkow na splahowu porowosć referentow motiwować. Wobmjezowanje na jedyn ród je tuž znajmjeńša zdźěla přez pragmatiske přičiny zawinowane. Tworjenje ekwiwalenta z přećiwnym rodom móže na přikład přez leksikalisku homonymiju blokěrowane być (hl. hsb. *sywc*$_{\text{mask.}}$ ‘Sämann’ vs. *sywka*$_{\text{fem.}}$ ‘Sätuch’, nic ‘žónski sywc’). Też genderowe róle so w leksikografiskich dźěłach wotbłyšćuja: tak steji w słownikach serbskeju rěčow jeničce słowo dsb. *piwowaŕ*$_{\text{mask.}}$ / hsb. *piwarc*$_{\text{mask.}}$. Faluje pak substantiw za žony, kotrež piwo warja – prawdźepodobnje, dokelž njejsu so žony tradicionelnje z tym powołanjom zaběrali. Dalši, leksikografiski problem wobsteji w tym, zo faluja předewšěm w hornjoserbskich słownikach femininowe wotpowědniki terminow z negatiwnej konotaciju kaž *diktator*$_{\text{mask.}}$, *demagog*(*a*)$_{\text{mask.}}$, kotrychž semantika bě tradicionelnje njezjednoćomna z pozitiwnje konotěrowanym konceptom žony a žónskosće (MENZEL 2023b: 10–12).

2.6 „Generiske“ maskulinumy a femininumy

Ryzy pragmatisce wujasnić hodźi so spušćenje rěčneho zwuraznjenja splahoweho kontrasta w padach, hdźež fokusěruje so přez wužiwanje substantiwa w swojej rodowej formje jenož jedyn splah, a druhi splah je pódla „sobu měnjeny“. Za datu komunikacisku situaciju je splahowe přirjadowanje měnjenych referentow irelewantne. Formalnje a semantisce njemarkěrowany maskulinum (dsb. *wucabnik*$_{\text{mask.}}$ / hsb. *wučer*$_{\text{mask.}}$) móže w tajkich konstelacijach specifiski femininumowy substantiw (*wucabnica*/*wučerka*$_{\text{fem.}}$) jako markěrowanu formu zastupować. Dalša skupinka substantiwow móže so jako „generiski femininum“ wobhladować: Jedna so předewšěm wo substantiwy z negatiwnej konotaciju, kotrež móža so jako feminina na wosoby žónskeho a muskeho splaha poćahować. Wone maja pak specifiski ekwiwalent muskeho roda

za referencu na muske wosoby. To slěduje z wopisanja woznamow tutych słowow w dwuréčnych słownikach; přir. hsb. *bachtawa*$_{\text{fem.}}$ ‘Plaud(e)rer, Plaud(r)erin [za muske a žónske wosoby]’, ale *bachtak*$_{\text{mask.}}$ ‘Plaud(e)rer [po wšěm zdaću preferowane za muske wosoby]’ (sob-lexx.de [21.01.2025]). Wosebitosć je tu, zo matej wobaj ekwiwalentaj deriwaciski sufiks; tohodla njeeksistuje w tym słownym poriku njemarkěrowana forma.

3. Zjeće

Ród wosobowych substantiwow funguje w serbšćinje w polu napjeća mjez pragmatiskim poćahom na splah konkretnych referentow a leksikaliskim fiksěrowanjom. Poslednje móže přez fonologiske kajkosće abo woznam słowa motiwowane być. Poriki ekwipolentnych substantiwow, kotrež woznamjenjuja wosoby rozdźělnych splahow a njejsu mjez sobu etymologisce zwjazane, steja na „semantiskej kromje“ typologiskeho pola. Na „pragmatiskej kromje“ wobsteji „genus commune“: Tajke substantiwy maja maskulinowu abo femininowu kongruencu wotwisnje wot splaha referenta. Wone su w serbšćinje skerje słabje zastupjene. Mjez tymaj kromomaj namakaja so poriki substantiwow, kotrež zwuraznjeja splahowy kontrast přez deriwaciske rozdźěle a specifisku rodowu deklinaciju, hdyž eksistuje w datej komunikaciskej situaciji pragmatiska potrjeba za fokusěrowanjom splahoweho rozdźěla. Analogiski podźěl typologiskeho pola pak wobsteji tež, hdyž so splahowy kontrast njezwuraznja. Epikoina su substantiwy, kotrež njemóža po swojej leksikaliskej strukturje kontrast mjez žónskimi a muskimi referentami formalnje pokazać. Generisce wužiwane substantiwy bychu zasadnje wony kontrast zwuraznjeć móhli, po měnjenju rěčaceho pak je wón pragmatisce za komunikacisku situaciju irelewantny a so tohodla zanjechuje. Mjez tymaj kromomaj wustupuja jednotliwe skupiny defektiwnych substantiwow z wobmjezowanymi možnosćemi zwuraznjenja splahoweho kontrasta.

BIBLIOGRAFIJA

CORBETT, Greville G. 1991: Gender. Cambridge UK.

FASSKE, Helmut 1981: Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Morphologie. Bautzen.

MENZEL, Thomas 2023a: Die Ausdrucksmittel für Genus und Geschlecht im Sorbischen: Grammatik und Lexik, w: *Lětopis* 70 (2023). 29 s. https://doi.org/10.59195/lp.2023.70-19 [= ćišćane wudaće s. 83–111].

MENZEL, Thomas 2023b: Geschlecht und Wortbildung. Zur Motion im Sorbischen, w: *Lětopis* 70 (2023). 22 s. https://doi.org/10.59195/lp.2023.70-28 [= ćišćane wudaće s. 113–134].

MENZEL, Thomas 2024: Differentialgenus. Substantivierte Adjektive und Partizipien im Sorbischen unter dem Aspekt genderlinguistischer Präferenzen, w: *Lětopis* 71 (2024). 31 s. https://doi.org/10.59195/lp.2024.71-32 [= ćišćane wudaće s. 59–89].

SCHOLZE, Lenka 2008: Das grammatische System der obersorbischen Umgangssprache im Sprachkontakt. Bautzen.
WÄLCHLI, Bernhard; DI GARBO, Francesca 2019: The Dynamics of Gender Complexity, w: DI GARBO, Francesca; OLSSON, Bruno; WÄLCHLI, Bernhard (red.), Grammatical Gender and Linguistic Complexity. Volume II: World-Wide Comparative Studies. Berlin, s. 201–364.

CLITIC DOUBLING IN BULGARIAN AND ROMANIAN. A COMPARATIVE ANALYSIS

ANDREEA RADU-BEJENARU (ROMANIA)

1. Introduction

This paper aims to analyze the syntactic process of clitic doubling in Bulgarian and Romanian language. The main purpose of this research is to describe from a typological point of view the converging and diverging aspects of the phenomenon in the two languages. In the final presentation we will try to cover both accusative and genitive clitics that are coreferential with a DP fulfilling the syntactic role of direct and indirect objects (henceforth DO and IO). However, for the purpose of this abstract we will analyze only DOs, as a preliminary overview for the forthcoming study. In the extended version of the paper, we will thoroughly discuss the distribution, theta roles, and constraints of the clitic doubling in both languages.

2. Theoretical considerations

Clitic doubling (CD) refers to the co-occurrence of a clitic and a full DP in an argument position, functioning together as a split constituent (Anagnostopoulou 2014: 2). CD has been attested across several language families, including Romance, Semitic, Slavic, Albanian and Greek (Anagnostopoulou 2014: 2). Among the Balkan languages, it is found in Romanian and Bulgarian, while within the Romance family, it is attested in languages such as Spanish.[1] Other Romance languages, such as French and Italian, display similar patterns that may be mistaken for CD.[2] Clitic Left Dislocation (CLLD) and Clitic Right Dislocation (CLRD) are discourse-driven constructions, where the dislocated DP is not in an argument position, but appears in the left or right periphery of the clause. A clitic pronoun within the clause core is used to resume the DP (Anagnostopoulou 2014: 3-9).

However, the phenomenon of CD is governed by different rules and displays language-specific features across languages. In Modern Greek, for example, CD consists of doubling of the

[1] CD is very common in Rioplatense Spanish (the language spoken in the Río de la Plata basin, in Argentina and Uruguay), but not exclusively. There are also other varieties of Spanish (Peninsular Spanish included) in which this structure can be found.

[2] CLLD and CLRD occur not only in the two above mentioned languages (the focus here was on the Romance language family), but is also possible in Romanian, Bulgarian, Greek, Spanish.

definite article (*ο*, *η*, *το*) in accusative or genitive and it is highly dependent on the definiteness, animacy and word order (Argyropoulos 2019: 1063). In Bulgarian, CD is limited to clauses that contain psychological and physical perception predicates and it becomes mandatory in context of doubling of quantifiers, wh-phrases and focus phrases (Krapova & Cinque 2008: 257). In Spanish dialects, for instance, CD is more prevalent with indirect objects (compulsory with a strong pronoun, in constructions introducing a benefactive or an experiencer, and in the ones involving inalienable possession), while doubling of the DO is obligatory when the DP consists of a strong pronoun (Belloro 2007: 14-15). In both cases we observe the use of the preposition *a*. In Romanian we can find comparable patterns when it comes to the DO marked with *pe* (the presence of the preposition being compulsory for the realization of the DO) (Croitor 2016: 1). In (1a) – (1d) are shown examples of DOD in some of these languages.

(1a) **Ton** vlepo ton Gianni. (Argyropoulos 2019: 1062)
"him" "I see" "the Gianni"
CL.ACC.M see.1SG the.ACC Gianni

(1b) **Îl** văd pe Ion.
"him" "I see" "on" "Ion"
CL.ACC.M see.1SG DOM Ion

(1c) Ivan **go** vizhdam.
"Ivan" "him" "I see"
Ivan CL.ACC.M see.1SG

(1d) **Lo** veo a Juan. (Argyropoulos 2019: 1062)
"him" "I see" "to" "Juan"
CL.ACC.M see.1SG DOM Juan

In (2a) – (2d) the sentences illustrate cases of IOD in the previously discussed languages. Each example demonstrates how a clitic co-occurs with a full indirect object DP, highlighting language-specific patterns. These sentences are intended for illustrative purposes only, and we will not focus on the specific features of each individual language.

(2a) (**Tis**) (ta) edhos-a **tis** Marias ta ghlika.
"I gave" "Maria" "the sweets"
CL.F.SG.GEN CL.N.PL.ACC give.PST.1SG DET.F.SG.GEN Maria.GEN DET.N.PL.ACC sweets.ACC

(Kouneli & Kushnir 2021)

(2b) Lui Ion **i**-a plăcut filmul.
"to Ion" "him" "liked" "movie.the"
DP.DAT.M CL.DAT.M like.PST.3SG movie.DEF

(2c) Filmyt **mu** haresa na Ivan. (Krapova & Cinque 2008: 269)
"movie.the" "him" "liked" "to Ivan"
movie.DEF CL.DAT.M like.PST.3SG DP.DAT.M

(2d) El libro (**les**) fue dado a los niños por Juan. (Marchis 2012: 26)
"the.book" "them" "was given" "to the children" "by Juan"
Book.DEF CL.DAT.PL give.PASS.PST.3SG DP.DAT.PL PP.AGENT

However, the above sentences illustrate only a limited number of CD cases. It should be noted that, cross-linguistically, these constructions are not completely equivalent in terms of pragmatics and functionality. Moreover, not all of them are possible in the languages under comparison, hence the lack of symmetry in the examples.

3. Clitic pronouns in Romanian and Bulgarian

Although both Romanian and Bulgarian are Balkan languages, they belong to different language families, namely Romance and Slavic. The theory of the so-called *Balkan Sprachbund* is based precisely on the similarities that these languages share, one of which is clitic doubling. Among the Slavic languages, CD is productive only in Bulgarian and Macedonian. Our goal here is to see how CD of DO and IO differ in Romanian and Bulgarian.

Due to its analyticism, Bulgarian lacks nominal inflection (case declension), therefore the nouns in DO and IO position have the same form as the ones in subject position. However, the IO is marked by the preposition *na*.[3] This is not the case with personal pronouns, which have distinct forms for nominative, accusative and dative, including a set of clitic forms for each. The clitics cannot bear word-level stress, they often attach to other words, and they have fixed or restricted position in sentences. On the other hand, Romanian has a well-developed case system for both nouns and pronouns, with a clitic scheme similar to Bulgarian. The clitic pronouns are also subject to reduplication when co-occurring with a full DP argument.

The main difference regarding CD between the two languages is that in Bulgarian the phenomenon is discourse-driven, while in Romanian is more frequently grammatically required.

[3] (3a) *Ivan* govori s Ana. "Ivan talks to Ana." (S)
(3b) Vizhdam *Ivan*. "I see Ivan." (DO)
(3c) Davam knigata *na Ivan*. "I give the book to Ivan." (IO)

4. Direct Object Doubling in Romanian and Bulgarian

In Romanian, DOD can be compulsory, optional or not allowed (every case will be examined in detail in the extensive presentation). Romanian distinguishes between different types of DO through differential object marking,[4] while Bulgarian does not have any DOM system.

In Romanian, the CD is obligatory when the DO is expressed through a strong DPs (i.e., names, pronouns and quantified nouns) or a specific human DP without definite articles, specific human DP with indefinite articles, or a specific bare human DP (Tomić 2023: 118-119).

(4a) **L**-am văzut pe Petru / el. (Tomić 2023: 118)
"him-have" "seen" "on" "Petru / him"
CL.ACC.M-have.AUX.1SG seen.PART DOM Petru / him

(4b) **Îl** caut pe profesor. (Tomić 2023: 118)
"him" "search" "on" "teacher"
CL.ACC.M search.1SG DOM teacher

CD is not allowed when in co-occurrence with human DPs with definite articles and non-topicalized, non-human DPs (Tomić 2023: 119).

(5a) ***L**-am văzut profesorul.
"him-have" "seen" "teacher-the"
CL.ACC.M-have.AUX.1SG seen.PART teacher.DEF

In Bulgarian, the DP is usually left-dislocated and the DOs are doubled by the clitics when topicalized, as in (6a); in clauses with experiencer predicates, the direct definite objects are also often doubled by clitics, even in the absence of topicalization, as in (6b) (Tomić 2023: 124-125).

(6a) Uchitelkata **ja** vidjah vchera.
"teacher-the" "her" "saw" "yesterday"
teacher.DEF.F CL.ACC.F see.PST.1SG yesterday

(6b) Ivan **go** boli gărloto. (Tomić 2023: 125)
"Ivan" "him" "hurt" "throat"
Ivan CL.ACC.M hurt.PRES.3SG yesterday

Other cases, such as the ones where DOD is not allowed in Bulgarian, will be addressed in the main presentation.

[4] In some cases, the DOM with *pe* in Romanian co-occurs with the CD of the DP. There is evidence based on data extracted from diachronic studies (Tigău 2010, 2014) that demonstrates that the *pe* marking and the CD are two different phenomena, and that the clitic is not required to check the case feature on the DP.

6. Conclusions

Due to space constraints, we limited ourselves to presenting only a few cases of DOD. This study is not intended to be exhaustive, but rather aims to clarify certain discrepancies between the two Balkan languages. It represents the starting point for more detailed and in-depth future analysis of the phenomenon.

At the end of our brief analysis, we can conclude that we have found more differences than similarities in terms of distribution, placement and CD obligatoriness. DOD is more restricted in Romanian (where it is compulsory with specific and animate DPs marked by preposition), than it is in Bulgarian, where it occurs mainly with definite DPs and it is syntactically more flexible. In addition, unlike Romanian, where the preposition *pe* is used, in Bulgarian there is no DOM and the CD is mandatory for left-dislocated DOs.

BIBLIOGRAPHY

Anagnostopoulou, E., 2014, "Clitic doubling. Updated version for the Blackwell Companion to Syntax", retrieved from www.academia.edu.

Argyropoulos, S., 2019, "Exploring Clitic Doubling in Romanian and Modern Greek: Correlation with DOM", in *Proceedings of the 39th Annual Meeting of the Department of Linguistics, AUTH*, 1061–1077.

Belloro, V. A., 2007, *Spanish Clitic Doubling: A Study of the Syntax-Pragmatics Interface*, unpublished PhD dissertation, State University of New York at Buffalo.

Croitor, B., 2016, "On Clitic Doubling in Romanian", presented at *52nd International Prof. Arturs Ozols Conference „Grammatical and lexical variance in language system"*, University of Riga.

Kouneli, M., Y. Kushnir, 2021, "Failed clitic doubling of indirect objects in Greek", retrieved from osf.io/f5b32.

Krapova, I., G. Cinque, 2008, "Clitic reduplications constructions in Bulgarian", in D. Kallulli, L. Tasmowski (eds), *Clitic doubling in the Balkan languages*, Amsterdam, John Benjamins, 257–287.

Marchis, M. A., 2012, "Move vs. Agree: The Case of Clitic Doubling", in *Bucharest Working Papers in Linguistics*, vol. XIV, no. 1, 23–38.

Tigău, A. M., 2010, "Toward an account of different object marking in Romanian", in *Bucharest Working Papers in Linguistics*, vol. XII, no. 1, 137–158.

Tigău, A. M., 2014, "Specificity effects with clitic doubling and pe marking", in *Bucharest Working Papers in Linguistics*, vol. XVI, no. 1, 43–62.

Tomić, O. M., 2023, "Specificities in Object Clitic Doubling in Balkan Romance and Balkan Slavic", in *Revue roumaine de linguistique*, LXVIII, 1–2, 117–128.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА ПРИ ВЫРАЖЕНИИ МНОГОКРАТНЫХ ДЕЙСТВИЙ В РЕЗЬЯНСКОМ МИКРОЯЗЫКЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С ДРУГИМИ СЛАВЯНСКИМИ ЯЗЫКАМИ)

Малинка Пила (Германия)

1. Введение

Резьянский микроязык является славянской разновидностью словенского происхождения, на которой говорят в альпийской долине в бывшей провинции Удине северной Италии, в районе Фриули-Венеция-Юлия, граничащем с территорией Республики Словения. В эту долину предки сегодняшних резьян переселились, по крайней мере, уже тысячу лет тому назад, придя из Каринтии. Сегодня на резьянском языке говорят менее тысячи носителей. Все они являются двуязычными, так как наряду с резьянским владеют также и итальянским. Романское влияние, однако, не ограничивается контактом с итальянским языком. Со времени переселения резьянский язык контактирует с фриульским, а в период венецианского правления (с XV до начала XIX века) он оказался, кроме того, под влиянием венецианского. Помимо романского, резьянский также испытал влияние южнонемецких разновидностей (в Каринтии, до переселения, и под главенством Австро-Венгерской Империи, в XIX веке). Контакты со словенским языком, наоборот, были и остаются очень ограниченными. Итак, резьянский уже столетиями находится в ситуации тесного языкового контакта, особенно с романскими языками. В результате этой ситуации резьянский приобрёл некоторые романские черты, сказывающиеся на всех уровнях языка – от лексики до грамматики.

2. Употребление вида в контексте многократности в резьянском микроязыке (в сопоставлении с другими славянскими языками)

Видовая оппозиция резьянского микроязыка, которая является сегодня исключительно деривационной, достаточно хорошо сохранилась, несмотря на влияние немецких говоров с одной стороны, которые вообще лишены этой категории, и романских идиомов, с другой, обладающих флективной, не деривационной, аспектуальной оппозиции, употребляющейся, при этом, только в прошедшем времени изъявительного наклонения.

В моем докладе анализируется употребление вида в резьянском при повторяющихся действиях, т. е. в контекстах хабитуальности, а также неограниченной или ограниченной кратности (включая суммарное значение). Анализ проводится преимущественно в сопоставлении со словенским и русским языками на материале позитивных высказываний настоящего и прошедшего времени изъявительного наклонения.

Употребление видов глагола в будущем времени в резьянском микроязыке было уже описано в работах Breu & Pila (2021) и Pila (2022).

Теоретическую рамку данного анализа представляет собой теория Dickey (2000), в частности его разделение славянских языков на две группы: восточную (включающую кроме русского, украинского и белорусского также болгарский язык) и западнуную (в которую, наряду с чешским, словацким и лужицскими языками, входит и словенский язык). Польский и сербо-хорватский являются промежуточными зонами. Эти две группы различаются в употреблении вида на основе инвариантного значения СВ, которым является временная локализованность (temporal definiteness) в восточной группе и целостность (totality) - в западной. Это приводит к тому, что западно-славянские языки прибегают к СВ гораздо чаще восточно-славянских, что было доказано и в работе Benacchio & Pila (2015), посвященной выражению неограниченной кратности в русском и в словенском языках. Частотное употребление СВ в контекстах многократности обнаруживается и в чешском языке и было объяснено Stunová (1993: 20-21) с помощью понятий «макроуровень» и «микроуровень». Stunová определяет «макроуровень» как способность представить повторяющиеся действия как совокупность событий, используя НСВ, а «микроуровень», как представление с помощью СВ итерирующих ситуаций с фокусом на каждом единичном событии. Stunová подчеркивает, что чешский язык часто прибегает к СВ, например, представляя повторяемые ситуации на основе одного типичного события, т.е. фокусируя внимание на микроуровне повторения. Таким образом с одной стороны чешский язык приближается к словенскому, который среди славянских языков позволяет СВ в большей степени и не только в области кратности; а с другой он отличается от русского, в котором по правилам используется НСВ, т.е. повторяемость описывается на основе макроуровня. Однако в русском языке при выражении многократности СВ не полностью исключен. Совершенный вид может проявляется в наглядно-примерной или с суммарной функции, но контекст должен лексически поддерживать оба эти частные значения.

В контекстах многократности в резьянском микроязыке непредельные глаголы встречаются, естественно, только в НСВ, между тем как предельные глаголы противоположного вида могут конкурировать. Эта ситуация соответствует видовому поведению западно-славянских языков, в том числе и словенского. Однако, резьянский микроязык допускает СВ гораздо меньше словенского, особенно в настоящем времени.

2.1 Хабитуальность

Настоящий анализ показывает, что в резьянском микроязыке в контекстах хабитуальности, т.е. характеризующих подлежащее или некую ситуацию, в простых предложениях обычно употребляется НСВ и в настоящем (1) и в прошедшем времени (2).

(1) *Tuca* ***löve***^{НСВ} *míši.* (Matičetov 1973: 61)
'Кошка ловит мышей.'
(2) *Tadi* ***so pläćali***^{НСВ} *sïnavi, perke hćëri nïso mëli gölfarjuw*. (Steenwijk 1992: 208)
'В то время платили мальчики, потому что у девушек не было денег.'

Однако в резьянском микроязыке СВ не полностью исключен при выражении хабитуальности. См. следующие примеры, в которых он встречается и без поддержки от контекста (3) и с поддержкой в форме итеративной рамки, состоящей из глаголов НСВ (4):

(3) *Tö ki* ***sni***^{СВ} *kartüfule ni snada*^{НСВ} *sirak* (Negro & Quaglia 2009: 102)
'То, что картошка берет (из почвы), не берет кукуруза (букв. «**съест** ... не ест»)'
(4) *Jüdi so löpu je ričavawali*^{НСВ}*, dne so fïs čakali*^{НСВ} *kuškrïte anu ni so radë* ***dali***^{СВ}. (*Näš Glas*)
'Люди их хорошо принимали (в своих домах), некоторые действительно ждали призывников[1] и им с удовольствием (что-то) дарили (буквально «**дали**»)'.

Важно заметить, что в прошедшем времени СВ встречается чаще чем в настоящем.

Однако в резьянском микроязыке СВ используется далеко не так часто, как в словенском языке, в котором он появляется свободно и в настоящем, и в прошедшем времени не только без каких-либо контекстуальных обоснований, но и, в отличие от наглядно-примерного употребления СВ в русском языке, даже без стилистической окраски (Dickey 2003: 192).

К значению повторяемости причисляется в какой-то мере и значение потенциальности осуществления какого-то действия, которое в настоящем времени и в русском и в словенском языках может быть выражено посредством СВ. Резьянский микроязык отличается в этом плане от обоих упомянутых языков, поскольку в нем значение потенциальности как правило передается с помощью НСВ.

2.2 Неограниченная кратность

Под неограниченной кратностью в настоящей статье понимаются контексты, в которых повторения действия выражено такими наречиями как «всегда», «обычно», «иногда», «редко» и т.п. В резьянском микроязыке при неограниченной кратности обычно прибегают к НСВ и в настоящем, и в прошедшем временах (5-6). Однако употребление СВ не

[1] *Kuškrït* – это человек, которому исполняется 20 лет.

исключается (7). Как было отмечено по поводу хабитуальности, и в этих контекстах СВ также частотнее в прошедшем времени.

(5) *Onjatə̀t sa* ***nalá̋ža***[нсв] *pa injə̀n krepánaga kŕča* (Matičetov 1973: 55)
'Время от времени находится и сейчас мертвый крот.'
(6) *Itako an jë se* ***nalažel***[нсв] *po ostin ziz brüsarji, ki so mëli pa butëo.*(*Näš Glas*)
'Итак, он часто **встречался** с точильщиками, у которых был также магазин.'
(7) *Ja si čas se* ***napïla***[св] */ na tvëj prësni wodë.* (Paletti 2003: 40)
'Я часто утоляла жажду (букв. «**утолила**») / в твоей прохладной воде.'

С точки зрения русского и словенского языков разделение между контекстами хабитуальности и неограниченной кратности не является особенно значимым. В русском языке в обоих случаях преобладает НСВ, между тем как в словенском в обоих контекстах обнаруживается конкуренция видов. На самом деле, разделение сразу же оказывается релевантным если учесть, что в верхнелужицком разговорном языке в контекстах хабитуальности используют исключительно глаголы НСВ, но, если контекст содержит наречие частоты, при предельных глаголах обязательно выбирается СВ (Breu 2000: 45).

2.3 Ограниченная кратность

В области ограниченной кратности, по нашим актуальным данным, в резьянском микроязыке при предельных глаголах возможен только СВ, см. (8) в настоящем времени и (9) в прошедшем времени.

(8) *Vjäč ë nu maju dulg, però ti sa* ***wstavjäš***[св] *po pote, na par čas*. (MP)
'Путь немного долгий, но ты останавливаешься (букв. «**остановишься**») по дороге пару раз'.
(9) *Si mëla trï, trï, trïkrat* ***si zübila***[св]. (Negro & Quaglia 2009: 61)
'У меня были три, три, три раза потеряла.'

Это отличает резьянский особенно от русского, в котором конкуренция видов в этих высказываниях значительна (Barentsen *et al.* 2015: 65).

2.4 «Многократный» способ глагольного действия

В русском языке можно выражать многократность не только используя грамматические средства (= видовую оппозицию), но и лексические. Под лексическими средствами понимаются не наречия, которые указывают на частотность реализации действия, а т.н. многократный способ глагольного действия, который представлен в русском языке такими глаголами как *сиживать*, *хаживать* и т.п. Этот тип глагола встречается и в чешском языке, при этом в гораздо чаще, чем в русском. В словенском же он стал, начиная с

XIX века весьма редким (Toporišič 2000: 352). В резьянском микроязыке такого типа способ глагольного действия отсутствует.

3. Заключение

Итак настоящий анализ показывает, что при повторяемости в резьянском микроязыке СВ возможен в настоящем и прошедшем временах. Иными словами, по своему аспектуальному поведению, резьянский, как и словенский, входит в западную группу славянских языков. Однако в отличие от словенского, резьянский прибегает к СВ в меньшей степени, особенно в настоящем времени. Если учесть, что в словенском в настоящем времени СВ употребляется довольно свободно и часто, то его редкое употребление в резьянском может быть отражением асимметрии аспектуальной оппозиции в контактных романских языках, которая там выражается только в прошедшем времени. Однако, с другой стороны, частое использование СВ в словенском языке может быть прямым следствием контакта с немецким языком через интерпретацию префиксальных (=предельных) глаголов как эквивалентов словенских глаголов СВ.

Сокращения

МР = из полевых исследований автора доклада
НСВ = несовершенный вид
СВ = совершенный вид

БИБЛИОГРАФИЯ

Barentsen, A. , Genis, R., Duijkeren-Hrabova, M., Kalsbeek, J., Lučić, R. 2015. В поисках сходств и различий между русским, польским, чешским и сербохорватским языками при выборе вида в случаях ограниченной кратности. In: Р. Бенаккьо, *Глагольный вид: грамматическое значение и контекст*. München/Berlin/Washington/D.C., 55-78.

Benacchio, R., Pila, M. 2015. Глагольный вид в контекстах неограниченной кратности в словенском языке в сопоставлении с русским. In: R. Benacchio (ed.), *Глагольный вид: грамматическое значение и контекст*. München: Otto Sagner, 79-92.

Breu, W. 2000. Zur Position des Slavischen in einer Typologie des Verbalaspekts (Form, Funktion, Ebenenhierarchie und lexikalische Interaktion). In: W. Breu (ed.), *Probleme der Interaktion von Lexik und Aspekt (ILA)*. (= Linguistische Arbeiten 412). Tübingen, 21-54.

Breu, W., Pila, M. 2021. Будущее время и глагольный вид под влиянием языкового контакта в славянских микроязыках в Италии. *Revue des études slaves* 91/4 (2020), 455-470.

Dickey, S. 2000. *Parameters of Slavic Aspect*. Stanford.

Dickey, S. 2003. Verbal Aspect in Slovene, *Sprachtypologie und Universalienforschung* 56/3, 182-207.

Matičetov, M. 1973. *Zverinice iz Rezije.* Ljubljana/Trst.

Näš Glas. Периодическое издание резьянского кружка «Rozajanski Dum».

Negro, L., Quaglia, S., 2009. *Biside ta-na traku.* Paluzza.

Paletti, S. 2003. *Rozajanski serčni romonenj*. Ljubljana.

Pila, M. 2022. L'espressione del futuro in resiano, tersko e nadiško: un caso di contatto linguistico? In: M. Pila (ed.), *Slavische Varietäten im Sprachkontakt. Gegenwart und Geschichte, Lexikon und Grammatik* (= Slavistische Beiträge 513). Wiesbaden, 69–96.
Steenwijk, H., 1992. *The Slovene dialect of Resia. San Giorgio.* Rodopi.
Stunová, A. 1993. *A Contrastive Analysis of Russian and Czech Aspect: Invariance vs. Discourse*. Amsterdam.
Toporišič, J. 2000. *Slovenska slovnica*, Maribor.

AI-BASED APPLICATIONS AS A MEANS FOR CONDUCTING LINGUISTIC RESEARCH

SANDRA BIRZER (GERMANY)

This experiment aims at a better understanding of how ChatGPT processes syntactic ambiguity.

Syntactic ambiguity is based on morphosyntactic structures that provide two possible readings. These structures can be regarded as constructions in the sense of Construction Grammar (cf. e.g. Goldberg 1995, Fried & Östman 2006). Constructions are understood as form-function-pairing, i.e. a certain form, in our case a morphosyntactic form, is ascribed a certain function.

As object language we chose Russian. To obtain ambiguous Russian sentences, we referred to the literature on morphosyntactic ambiguity in Russian (*Криночкина et al. 2023*) and to the stimuli from experiments on morphosyntactic ambiguity that had been conducted with human respondents (Чернова 2016; Birzer & Mayer 2023). This has the advantage that the results of our experiment can be triangulated with the data from the experiments with human respondents. If the data distribution of the results is similar in both experiments and if it is known which factors influenced the decisions of the human respondents, this may provide clues as to which factors ChatGPT uses for its decisions.

This resulted in a list with a total of 123 stimulus pairs representing the following types of syntactic ambiguity: 1) ambiguous scope of a modifying PP; 2) 1) ambiguous scope of a modifying NP in the genitive; 3) ambiguous reference of the Russian adverbial participle; 4) ambiguous binding of the possessive pronoun; 5) ambiguous reference of the attributive participle.

In the next step, prompt engineering was used to develop a sequence of prompts building on each other. The prompts provide information on the data set and instructions for processing the ambiguous stimuli (from two possible answers, ChatGPT has to select the one it considers most likely, taking into account the context) and on the output format of the results. It was also made sure that the prompts work reliably on different user accounts.

For the experiment proper, we will use the HAWKI interface, which provides access to ChatGPT for the members of several German universities without the need to create a personal account. This means that unintentional training of the model related to specific queries can only take place during one session, but not across multiple sessions, as prompts are not linked and saved with a specific user account. Therefore, we will make only one query (consisting of several prompts) per session.

As LLMs are a rapidly developing field, we are not yet presenting any results in this thesis, as we will conduct the experiment shortly before the congress in order to be able to present the most up-to-date results possible.

REFERENCES

Birzer, Sandra (2024): Some Aspects of Stimulus Choice for a Cross-Linguistic Experiment on the Processing of Syntactic Ambiguity by AI-Based Chatbots, in: *Problems of Modern Philology and Translation Studies in the Historical-Cultural, Psycholinguistic, Sociolinguistic and Didactic Dimensions: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. March 28-29, 2024*, S. 14–16.

Fried, Mirjam, and Jan-Ola Östman. Construction Grammar: a thumbnail sketch. In: Mirjam Fried, and Jan-Ola Östman (eds.), Construction Grammar in a Cross-language Perspective. Amsterdam, 2004. John Benjamins. 11−86.

Birzer, S. & Mayer, H. 2023. Just Syntax?: On the co-referential ambiguity of Adverbial Participles in Russian as Primary and Secondary Language. // *Zeitschrift für Slawistik*, *68*(2), 338-361.

Goldberg, Adele E. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago, 1995. Chicago University Press.

Криночкина Д. С., Курнакова И. Е., Таланина Л. И. 2023. Как неоднозначность влияет на жизнь человека и как сложно ничего не понимать. URL: https://nnov.hse.ru/ba/ling/news/807394377.html last access on March 27, 2024.

Чернова, Д. А. Процесс обработки синтаксически неоднозначных предложений: психолингвистическое исследование. Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. Санкт-Петербург, 2016.

LOCATIVE RELATIVIZATION IN SLAVIC LANGUAGES

MARIA KHOLODILOVA

Slavic languages employ two main strategies of locative relativization. One strategy involves the use of specialized adverbial relativizers such as Bulgarian *където* 'where', Czech *kde* 'where', and Russian *где* 'where' (1a). This relativization strategy is addressed in various studies, see, e.g., (Ганева 2011) for Bulgarian and (Дмитриев 1969; Kordić 2004; Пипер 2010) for Serbian. The second strategy relies on the use of declinable relative pronouns commonly used in non-locative relativization, such as Bulgarian *който* 'which', Czech *který*, *jenž* 'which', and Russian *который* 'which' (1b).

(1) Paulo Coelho. *O Alquimista* (RNC[1])

a. *...на пейката, **където** бе разговаряло със стареца…* BULGARIAN
*Na lavičku, **kde** předtím rozmlouval se starcem…* CZECH
*na lavičku, **kde** sa rozprával so starcom…* SLOVAK
*на той скамейке, **где** он разговаривал со стариком…* RUSSIAN
b. *A na ławce, **na której** niedawno rozmawiał ze starcem…* POLISH
*na klupi **na kojoj** je on razgovarao sa starcem…* SERBIAN
'…on the bench where he had talked with the old man…'

The adverbial relativization strategy provides less explicit encoding of the relativized item in terms of (Cristofaro, Ramat 2007), because the relativizer does not indicate the gender or number of the head and neutralizes the distinction between various spatial relations, cf. the use of Bulgarian *където* 'where' in both adessive (1a) and inessive contexts (2a). On the contrary, the relative pronoun in the latter construction agrees with the head in number and gender and is accompanied by prepositions that specify the spatial relation, cf. Serbian *na kojoj* 'on which' (adessive) in (1b) and *u kojoj* 'in which' (inessive) in (2b).

(2) Paulo Coelho. *O Alquimista* (RNC)

a.*...разрушена църква, **където** пастирите обикновено нощували с овцете си...* BULGARIAN
*...polozbořený kostel, **kde** se svými stády nocují pastýři…* CZECH
*...разрушенную церковь, **где** останавливаются на ночлег пастухи со своими овцами* RUSSIAN
b.*…ruiny nejakého kostola, **v ktorom** prespávajú pastieri s ovcami* SLOVAK
*...jednu crkvu u ruševinama **u kojoj** pastiri imaju običaj da noće sa svojim ovcama* SERBIAN
'a ruined church where shepherds and their sheep slept'

The two strategies largely overlap in their distribution both cross-linguistically and language-internally. As often noted in descriptions, adverbial relativizers are restricted in their use to inanimate heads and specific spatial relations (see Machačková 1989 for Czech, Холодилова 2014 for Russian). However, apart from such constraints, the strategies often appear interchangeable, cf. Russian examples in (3).

[1] The examples (1)–(2) and their English translations are taken from the parallel subcorpus of the Russian National Corpus.

(3) a. Andrey Bitov. *Dom poeta*, 1975

...мой друг хотел показать город, ***где*** *он родился.* RUSSIAN

my friend wanted to.show city where he was.born

b.^{OK}*Мой друг хотел показать город,* ***в котором*** *он родился.*

my friend wanted to.show city in which he was.born

'My friend wanted to show me the city where he was born'.

The distribution of adverbial and non-adverbial strategies of locative relativization has been studied in detail for several languages, both Slavic and non-Slavic, see (Дмитриев 1964) for Serbo-Croatian, (Machačková 1989) for Czech, (Холодилова, 2014, Пучкова 2016) for Russian, (Quirk at al. 1985: 1253–1257) for English, and (Hagemeijer et al. 2024) for Portuguese. Among the factors that have been described as favoring adverbial relativizers at least in one language are non-restrictivity (Dmitriev 1964; Puchkova 2016), definiteness of the head (Hagemeijer et al. 2024), locative marking of the head (Dmitriev 1964: 184; Puchkova 2016: 23, type of spatial relation (locative vs. essive/elative) (Пучкова 2016; Hagemeijer et al. 2024), and preposition and case matching between the head and the relativized position (Дмитриев 1964).

Of particular interest to the present study is the suggestion that adverbial relativizers are more frequent with heads denoting physical locations, see (Холодилова 2014, Пучкова 2016) for Russian, and (Hagemeijer et al. 2024) for Portuguese. This study tests whether this factor is typologically relevant by looking into the distribution of the strategies across Slavic languages. To avoid potential confounds, the dataset only includes non-locative heads for all the languages.

A pilot study of the distribution is presented in Tables 1 and 2. Table 1 lists the corpora and search parameters used in the study. Table 2 summarizes the preliminary results.

Table 1. Sources used in the study

Branch		Corpus
West Slavic	Czech	Araneum Bohemicum IV Maius
	Polish	Araneum Polonicum Maius
	Slovak	Araneum Slovacum VII Maius
South Slavic	Bulgarian	Araneum Bulgaricum Maius
	Macedonian	CLASSLA-web.mk
	Croatian	CLASSLA-web.hr
	Serbian	CLASSLA-web.sr
	Bosnian	CLASSLA-web.bs
	Slovene	CLASSLA-web.sl
East Slavic	Belarusian	Araneum Albaruthenicum Novum MMXXI
	Russian	Araneum Russicum Russicum Maius
	Ukrainian	Araneum Ucrainicum Beta Maius

Table 2. The percent of adverbial-based locative relativization in Slavic languages, depending on the head noun[2]

Branch	Language	'house'		'book'		Statistically significant difference[3]
West Slavic	Czech	52%	(1135 / 2193)	43%	(383 / 883)	+
	Polish	19%	(300 / 1613)	14%	(78 / 546)	+
	Slovak	44%	(1038 / 2381)	43%	(558 / 1285)	–
South Slavic	Bulgarian	21%	(143 / 666)	15%	(179 / 1232)	+
	Macedonian	31%	(106 / 344)	14%	(29 / 213)	+
	Croatian	24%	(1068 / 4379)	10%	(263 / 2710)	+
	Serbian	22%	(1286 / 5796)	14%	(437 / 3059)	+
	Bosnian	20%	(397 / 1985)	9%	(84 / 888)	+
	Slovene	42%	(1399 / 3317)	30%	(608 / 2005)	+
East Slavic	Belarusian	60%	(512 / 854)	42%	(114 / 270)	+
	Russian	43%	(947 / 2224)	34%	(202 / 592)	+
	Ukrainian	46%	(1286 / 2823)	33%	(286 / 858)	+

The preliminary results suggest that the tendency for nouns with locative semantics to favor adverbial relativization holds across Slavic languages. This finding is in line with previous observations that the information that is easier to recover tends to get less explicit grammatical marking both in relative clauses (Keenan, Comrie 1977; Fox, Thompson 2007; Cristofaro, Ramat 2007) and in non-relative locative expressions (Stolz & al. 2014; Haspelmath 2019).

In the talk, I will present a more detailed analysis of strategy distribution across Slavic languages and further test the hypothesis using an additional convenience sample of non-Slavic languages, based on available web-corpora.

REFERENCES

Ганева, В. Ж. 2011. Структурно-семантична характеристика на сложните изречения с пространствени съюзи в съвременния български език. Дипломна работа. Шумен: Шуменски университет «Епископ Константин Преславски».

Дмитриев, П. А. 1964. Присубстантивные *коjи* и *где* у И. Андрича // Исследования по эстетике слова и стилистике художественной литературы. Л.: ЛГУ. 177–185.

Дмитриев, П. А. 1969. Сербохорватские относительные *где*, *камо*, *куда* // Славянская филология. 102–106.

Пипер, Предраг. 2010. О реченицама са спацијалном клаузом у српском језику // *Јужнословенски филолог* LXVI. 388–406.

Пучкова, А. И. 2016. Стратегии релятивизации обстоятельств места и времени в русском языке (корпусное исследование). Курсовая работа. СПб.: СПбГУ.

Холодилова, М. А. 2014. Финитные относительные клаузы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (rusgram.ru). На правах рукописи.

Cristofaro, Sonia & Anna Giacalone Ramat. 2007. Relativization strategies in the languages of Europe. In Paolo Ramat & Elisa Roma (eds.). *Europe and the Mediterranean as linguistic areas: Convergences from a historical and typological perspective*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. 63–93.

Fox, Barbara A. & Sandra A. Thompson. Relative clauses in English conversation. In *Studies in Language 31* (2). 293–326.

[2] In all cases, both relative strategies were included within a single sample, and two negative filters were applied to the data. First, the occurences with prepositions in the close left context were excluded. Second, only the first instance per text was included in the sample.

[3] The statistical significance was tested using the chi-squared test, with the significance level set at .05.

Hagemeijer, Tjerk, Rita Gonçalves & Nélia Alexandre. 2024. Spatial locative relativization in three African varieties of Portuguese: Unity in diversity and diversity in unity. In *Languages* 9 (3).
Haspelmath, Martin. 2019. Differential place marking and differential object marking. In *Language Typology and Universals* 72 (3). 313–334.
Kordić, Snježana. 2004. Prilozi *gd*(*j*)*e*, *kamo*, *kuda*. In Okuka, Miloš & Ulrich Schweier (Hrsg.). *Germano-Slavistische Beitrage: Festschrift für Peter Rehder zum 65. Geburtstag*. München.
Machačková, Eva. 1989. Přívlastkové věty uvozené místními a časovými vztažnými příslovci. In Naše řeč 72 (3). 113–119.
Quirk, Randolph, Sidney Greenbaum, Geoffrey Leech & Jan Svartvik. 1985. *A Comprehensive Grammar of the English Language.* London / New York: Longman.
Stolz, Thomas, Sander Lestrade & Cristel Stolz. 2014. *The Crossliguistics of Zero-Marking of Spatial Relations*. Berlin/Boston: Walter de Gruyter.

SINGULARITE ET VARIATION DU SUFFIXE -K- EN RUSSE CONTEMPORAIN

REMI CAMUS (FRANCE)
INALCO / SEDYL, UMR 8202 du CNRS

Cette contribution dresse le bilan actuel d'un programme de recherche sur la suffixation en russe (Camus 2009, 2024, en cours de publ. ; Desmulie 2023). Ce programme vise à articuler la description morphologique à une approche sémasiologique de chacun des procédés de dérivation suffixale identifiés. Il sera illustré sur l'exemple de *-k-* (*pilka* « sciage ; scie ; lame de scie… »). Il s'agit du représentant le plus fréquent d'un système possédant des variantes à voyelle pleine (/*-ik-*, *-ak-*, *-uk*/ et, rarissime, /*ok*/-), ainsi que des variantes d'articulation antérieures (/*-c-*, *-ic-*/).

Variations de forme et de sens y sont articulées *via* deux paramètres :

1) Relations nouées entre les trois constituants du mot suffixé : (1) une base **B** simple ou complexe ; (2) le suffixe **S** ; (3) une classe désinentielle **Fl** : *strelk-a* "flèche", *strelok* "tireur", *pivk-o* "bière". Elles définissent trois configurations **(B•Fl)•S**, **B•(Fl•S)**, **(B•S)•Fl**

2) Statut accordé au référent **X**. La thèse soutenue est que le suffixe *-k-* interpose entre **B** et **X** un espace de nomination : **X** n'est un **B** que dans la mesure où **B** est le nom donné à **X**. S'ensuit une typologie des cas de non-coïncidence entre **X** et **B**. Cette thèse, cohérente avec la prédilection de *-k-* pour la dérivation nominale, permet également de décrire les emplois de ce suffixe dans d'autres catégories de mots.

Camus R. (2009). Raphaëlois – *rafaèlâne* : Raphaëloise *rafaèlânka*, Raphaëlois *rafaèlânin*. Contribution à l'étude de la suffixation en russe moderne. Exposé à l'École d'été du Centre de Linguistique de l'INALCO, Saint-Raphaël Agay (08-14 juin 2009).

Camus, R. (2024). Le suffixe -k- en russe moderne : singularité et variation. *RES* [En ligne], XCIV-1-2 | 2023, mis en ligne le 01 juillet 2023, consulté le 02 juin 2025. DOI : https://doi.org/10.4000/res.5859

Camus, R. (en cours de publication). Quand dire, c'est nommer. Suffixation en-k- en russe contemporain. *Actes du 1e colloque international TOPÉ (23-24 juin 2022)*. Lambert Lucas.

Desmulie, R. (2023). *Le suffixe -#c- en russe contemporain*. Mémoire de Master (dir. R. Camus). INaLCO.

SECTION 1.6

LEXICOLOGIE, SÉMANTIQUE ET STYLISTIQUE DES LANGUES SLAVES MODERNES

1.6.1. LEXIQUE DES LANGUES SLAVES ET RELATIONS SYSTEMIQUES DANS LE LEXIQUE

1.6.2. LEXICOGRAPHIE DES LANGUES SLAVES. DICTIONNAIRES DES LANGUES SLAVES EN LIGNE

1.6.3. PHRASEOLOGIE DES LANGUES SLAVES

1.6.6. TERMINOLOGIE ET TERMINOGRAPHIE SLAVES

1.6.1. Lexique des langues slaves et relations systémiques dans le lexique

Renata Bura Dziedzictwo leksykalne epoki Pfula we współczesnym języku górnołużyckim – na przykładzie propozycji leksykalnych słownikarza 1

Ivana Dobrotová Idiomatykon jako typ słownika i jego praktyczna realizacja trójjęzyczny idiomatykon ludzie-media komunikacja 5

Маргарита Младенова Структура семантического поля бытия в болгарском, чешском и руссском языках 10

Amela Šehović Neologisms in the Bosnian language motivated by proper names 15

Станислава Сташа Тофоска Предикати што изразуваат ментални состојби и процеси во македонскиот јазик (семантичко-синтаксички карактеристики) 17

1.6.2. Lexicographie des lagues slaves. Dictionnaires des langues slaves en ligne

Владан З. Јовановић Описна лексикографија савременог српског језика у светлу славистичких приступа типологији речникâ 23

Наташа Миланов, Милица Стојановић Ка семантичком речнику српских глагола (у контексту семантичких речника глагола у другим словенским језицима) 28

Vladimir Neumann The lexicon of the Old Church Slavonic text corpus as reflected in the digital historical dictionaries of Slavic languages 34

1.6.3. Phraséologie des langues slaves

Dana Baláková, Viera Kováčová From the results of Slavic (Slovak-Czech-Russian) research on Biblical Phraseology 37

Ivana Filipović Petrović, Jelena Parizoska Frazeološke modifikacije u hrvatskome: od književnih velikana do suvremenog jezika 40

Елена Коницкая Библейская фразеология в русском и словенском языках: функциональный, семантический, лингвокультурологический аспекты 44

Barbara Kovačević, Ivana Vidović Bolt Klasifikacija hrvatskih fitoloških frazema 49

Малика Аймагамбетова Функционирование трансформированных фразеологических единиц в заголовках русскоязычных газет и новостных сайтов 53

Биљана Мирчевска-Бошева, Лидија Танушевска Етнонимите во културолошки дијалог (македонско-полско-руски паралели) 58

1.6.6. Terminologie et terminographie slaves

Nina Ledinek, Mija Michelizza The range of degrees in the determinologization of lexemes in the most recent general explanatory dictionaries of Slovene, Czech and Slovak 63

Mitja Trojar Slovenian Metalanguage and Linguistic Terminology in Context 65

Olja Perišić Могућности употребе корпуса у дидактици језика струке за италијанске студенте на примеру превођења правне терминологије 67

Исидора Бјелаковић Позајмљенице у историјском терминолошком регистру српских књижевних језика 18. и 19. Века 71

Aleksandar Stefanovic Réflexions sur la traduction de la terminologie militaire du français vers le serbe 74

Katarzyna Dziwirek From ours to alien: The journey of Polish *obcy* 76

DZIEDZICTWO LEKSYKALNE EPOKI PFULA WE WSPÓŁCZESNYM JĘZYKU GÓRNOŁUŻYCKIM – NA PRZYKŁADZIE PROPOZYCJI LEKSYKALNYCH SŁOWNIKARZA

RENATA BURA (POLSKA)
Uniwersytet Jagielloński, Kraków
renata.bura@uj.edu.pl
ORCID: 0000-0003-3714-0595

Wprowadzenie

Wydany w 1866 roku „Łužiski serbski słownik" Křesćana Bohuwěra Pfula powstał pod wpływem idei łużyckiego odrodzenia narodowego. Na jego ostateczny kształt miała wpływ odrodzeniowa teoria języka literackiego stworzona przez Josefa Jungmanna. Polegała ona na dążeniu do stworzenia takiego języka literackiego, w którym znalazłyby odbicie wszelkie przejawy życia społecznego, głównie zaś rozwój nauki i sztuki, co wymagało szybkiego ożywienia słownictwa, m. in. za pomocą takich środków językowych jak zapożyczenia z języków słowiańskich czy neologizmy (przy jednoczesnym usuwaniu germanizmów). Odpowiedzią na konieczność nadrobienia zaległości w zakresie leksyki było m.in. powstanie słownika Pfula, który w dużym stopniu odzwierciedla rozwój słownictwa górnołużyckiego w pierwszych dziesięcioleciach odrodzenia narodowego (por. Bura 2017). Ponadto zawiera propozycje leksykalne autora słownika, które są przedmiotem niniejszego opracowania.

Zakres i charakterystyka materiału

Zgromadzony materiał to hasła słownikowe opatrzone kwalifikatorami *Pl.* i *Pf.*, które oznaczają wyrazy utworzone przez leksykografa na podstawie analogii. W rzeczywistości jednak Pful stosuje znacznie bardziej rozbudowany system kwalifikatorów. Odnosi się to do wyrazów utworzonych przez niego pod wpływem innych języków słowiańskich, np. czeskiego lub polskiego. Wówczas dodatkowo pojawiają się skróty tych języków, por. *P. Pl.*, *Č. Pl.* lub *Pl. po P.*, *Pl. po Č.*

Łącznie odnotowano 730 tak oznaczonych haseł, w tym 167 przymiotników, 95 czasowników i aż 455 haseł rzeczownikowych (z uwzględnieniem form dubletywnych – 466, por. *čołmišćo*/*čołmnišćo* 'Gondelhafen, -Platz'), 10 liczebników, 2 przysłówki oraz 1 zaimek. Dotychczas zanalizowano przymiotniki (Bura 2013a) i czasowniki (Bura 2013b). Przedmiotem niniejszego opracowania są zaproponowane przez Pfula rzeczowniki.

Losy propozycji leksykalnych Pfula

Dotychczasowe opracowania materiału pokazują, że sporo wprowadzonych przez Pfula

jednostek leksykalnych spotkało się z akceptacją użytkowników języka górnołużyckiego. Otóż w wyniku porównania zebranego materiału z zawartością najnowszych słowników górnołużyckich (Jenč, Michałk, Šěrakowa 1989–1991, Völkel 1981, Völkel 2005) i górnołużyckiego korpusu tekstowego HOTKO stwierdzono, że ze 167 przymiotników do dziś zachowało się 30, co stanowi prawie 18% (por. Bura 2013a: 54–55), natomiast z 95 czasowników używanych jest 18, czyli blisko 19% (por. Bura 2013b: 69). Ponadto niektóre nieobecne dziś w górnołużycczyźnie propozycje Pfula funkcjonowały przez krótszy czas. W jakimś zakresie obecne były jeszcze na początku XX wieku, co poświadczają dwa słowniki z lat dwudziestych XX wieku (Rězak 1920, Kral 1927). Dotyczy to aż 91 przymiotników (Bura 2013a: 55) i 25 czasowników (Bura 2013b: 71).

Podobnie jest przypadku proponowanych formacji rzeczownikowych – zdecydowana większość z nich weszła na krótszy lub dłuższy czas do praktyki językowej. Zaledwie 60 z 455 rzeczowników rejestruje wyłącznie słownik Pfula. Przyczyny odrzucenia tych propozycji mogą być różne, m.in. chodzi o jednostki, które powstały w wyniku tendencji purystycznych i miały zastąpić internacjonalizmy (np. *časownica* ‘Conjugation’).

Wiele zaproponowanych przez Pfula rzeczowników funkcjonowało w górnołużycczyźnie jeszcze na początku XX wieku. Dwa wspomniane wyżej słowniki Rězaka i Krala rejestrują 171 rzeczowników, z których 19 ma swoje poświadczenie w korpusie tekstowym, w piśmiennictwie tego okresu lub starszym. Ponadto Rězak odnotował 29 dalszych rzeczowników, a Kral 16 innych jednostek. W sumie więc w słownikach Rězaka i/lub Krala zarejestrowanych zostało 216, czyli blisko połowa wszystkich zaproponowanych przez Pfula jednostek. Jak pokazuje jednak korpus, zaledwie część z nich (łącznie 23 rzeczowniki) poświadczona została w piśmiennictwie, co może oznaczać, że praktycznie używanych było znacznie mniej propozycji niż odnotowują to słowniki. Z drugiej jednak strony kilka rzeczowników zarejestrowanych w słownikach Rězaka i/lub Krala, mimo że nie notują ich późniejsze źródła leksykograficzne, ma swoje potwierdzenie w nowszym piśmiennictwie.

W połowie XX wieku w jakimś stopniu używanych jest kilkadziesiąt dalszych rzeczowników, które rejestrują dwa słowniki wydane w tym czasie – ogólny *Hornjoserbsko-němski słownik* Filipa Jakubaša (1954) oraz *Pomocny terminologiski słownik němsko-serbski* (1957). Odnotowują one łącznie 47 rzeczowników (np. *cynowka* ‘zinnerne Kanne’), z których użycie 10 poświadcza górnołużycki korpus tekstowy. Wszystkie jednak są potwierdzone wyłącznie w starszym piśmiennictwie. Pozostałych 5 poświadczonych jest w piśmiennictwie tego okresu lub nowszym (np. *wonjadło* ‘Riechessenz; Riechfläschchen;

Parfüm'). Korpus potwierdza ich użycie przede wszystkim w literaturze pięknej. Wydaje się, że pisarze, szukając środków artystycznego wyrazu, sięgają po starsze słownictwo.

Porównanie zebranego materiału z zawartością najnowszych słowników górnołużyckich skłania do wniosku, że zaproponowane przez Pfula formacje rzeczownikowe nie były zbędne (do podobnego wniosku doszedł również Tadeusz Lewaszkiewicz, który zbadał występujące w słowniku Pfula formacje *nomina loci*; por. Lewaszkiewicz 1986). Do dziś bowiem zachowało się łącznie 117 rzeczowników, z czego 70 znajduje swoje potwierdzenie w korpusie tekstowym. Liczba ta wydaje się duża. Jeśli doliczymy do tego 15 rzeczowników zarejestrowanych w słownikach z lat 50., a poświadczonych w piśmiennictwie z połowy XX wieku i nowszym, to okazuje się, że na 455 zaproponowanych przez Pfula rzeczowników do dziś przetrwały 132, co stanowi blisko 30%. Część z nich notowana jest jednak jako przestarzała bądź rzadko używana (np. *twórbosłow* 'Formenlehre'; *wićina* 'Windung; Gewinde, Guirlande').

Jest rzeczą naturalną, że na przestrzeni tak wielu lat zaproponowane przez Pfula słownictwo uległo rozwojowi. Zmieniły się między innymi zasady pisowni, np. obecnie brak oznaczenia miękkiego *ŕ* (por. *blidařstwo* 'Tischler-Handwerk, Tischlerei' – dziś *blidarstwo*). Doszło też do rozwoju semantyki tej leksyki, choć wiele rzeczowników zachowało się w tym samym bądź synonimicznym znaczeniu. W kilku przypadkach mamy jednak do czynienia z zawężeniem znaczenia (por. *čorń* 'etwas Schwarzes: schwarze Farbe, Kleidung' – dziś 'schwarze Farbe') lub jego poszerzeniem (por. *nabožina* 'Religion' – dziś także pot. 'Religionsunterricht' i 'Religionskunde'). Niekiedy towarzyszy temu proces terminologizacji wyrazu (por. *zakop* 'Verscharrung; Verschanzung' – dziś też sport. 'Anstoß (Fußball))'. Zachować tu jednak należy pewną ostrożność, ponieważ w przypadku terminologii Pful rzadko używa kwalifikatora wskazującego dziedzinę wiedzy (por. BURA 2015: 36). Wśród zachowanych do dzisiaj jednostek znajdują się też takie, które zdają się wskazywać na przeniesie znaczenia na podobne zjawisko bądź desygnat (por. *płatownja* 'Tuchhalle' – dziś 'Tuchladen; Tuchlager').

Podsumowanie

Odnotowane w słowniku Pfula jednostki (najczęściej rzeczowniki, przymiotniki i czasowniki), będące propozycjami leksykalnymi autora słownika, to wyrazy przez niego utworzone bądź adaptowane zapożyczenia i kalki wyrazów z innych języków słowiańskich, przede wszystkim z czeszczyzny. Na ich oznaczenie Pful stworzył system kwalifikatorów, które oddać mają charakter wprowadzonej do języka jednostki.

Z analizy materiału wynika, że część zaproponowanych wyrazów weszła do praktyki językowej tylko na pewien czas. Wiele z nich notują słowniki wydane w latach 20. XX wieku; niestety korpus tekstowy rzadko poświadcza ich pozasłownikowe użycie. Do dziś zachowały się blisko 30% rzeczowników, prawie 18% przymiotników i blisko 19% czasowników. Okazuje się więc, że świadome wzbogacanie przez Pfula słownictwa górnołużyckiego nie było zbyteczne, a zaproponowane przez niego formacje wyłącznie „sztuczne".

LITERATURA

Bura R., 2013a, *Propozycje leksykalne w „Łużiskim serbskim słowniku" K. B. Pfula – przymiotnik*, [w:] *Leksikologiske přinoški II. IV. seminar serbskeje słowotwórby a leksyki, 31. 5. – 1. 6. 2012. Budyšin*, red. M. Milewska-Stawiany, S. Wölkowa, seria „Mały rjad Serbskeho instituta" t. 17, s. 45–57.

Bura R., 2013b, *Propozycje leksykalne w „Łużiskim serbskim słowniku" K. B. Pfula – czasownik*, „Slavia Occidentalis (Linguistica)", t. 70/1, s. 63–74.

Bura R., 2015, *Zapożyczenia czeskie w słowniku Pfula. Terminologia naukowa*, Kraków.

Bura R., 2017, *Słownik K. B. Pfula jako źródło wiedzy na temat rozwoju dziewiętnastowiecznej leksyki górnołużyckiej*, „Pro Lusatia. Opolskie studia łużycoznawcze", t. 15–16, s. 34–49.

Lewaszkiewicz T., 1986, *Dziedzictwo leksykalne epoki Pfula i Smolera we współczesnej górnołużycczyźnie (na przykładzie formacji z zakresu apelatywnych nazw miejsc)*, „Lětopis" A, s. 20–24.

WYKAZ EKSCERPOWANYCH ŹRÓDEŁ

HOTKO – górnołużycki korpus tekstowy, online: https://www.korpus.cz/kontext/query?corpname=hotko_v2 [dostęp: 30.06. 2024].

Jakubaš F., 1954, *Hornjoserbsko-němski słownik*, Budyšin.

Jenč H., Michałk F., Šěrakowa I., 1989–1991, *Deutsch-obersorbisches Wörterbuch*, Bautzen.

Kral J., 1927, *Serbsko-němski słownik hornjołužiskeje rěče*, Budyšin.

Pful K.B., 1866, *Łużiski serbski słownik*, Budyšin.

Pomocny terminologiski słownik němsko-serbski, 1957, Berlin.

Rězak F., 1920, *Deutsch-wendisches encyklopädisches Wörterbuch der oberlausitzer Sprache*, Bautzen.

Völkel P., 1981, *Prawopisny słownik hornjoserbskeje rěče*, wyd. IV poprawione i uzupełnione, Budyšin.

Völkel P., 2005, *Prawopisny słownik hornjoserbskeje rěče*, oprac. T. Meškank, Budyšin.

IDIOMATYKON JAKO TYP SŁOWNIKA I JEGO PRAKTYCZNA REALIZACJA:TRÓJJĘZYCZNY IDIOMATYKON LUDZIE-MEDIA-KOMUNIKACJA

IVANA DOBROTOVÁ (REPUBLIKA CZESKA)

1.Czym jest idiomatykon – ogólna charakterystyka

Termin *idiomatykon* kojarzy się – głównie rusycystom i polonistom – z *idiomatykonem opolskim*, czyli z wielotomowym *Podręcznym idiomatykonem polsko-rosyjskim* wydanym w Opolu pod red. Wojciecha Chlebdy, a dopiero wtórnie z pewnym typem słownika. Obserwujemy ciekawe zjawisko specyficznej deonimizacji czy apelatywizacji: pierwotnie nazwa *idiomatykon* miała charakter nazwy własnej i odnosiła się do konkretnych obiektów (*Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski*[1], 10-tomowy frazeologiczny słownik przekładowy oraz *Polsko-rosyjski słownik par przekładowych*[2] wydawane w Opolu w latach 2006-2023). W trakcie tych 17 lat nazwa upowszechniła się w polskim obiegu naukowym (w skróconej postaci: *idiomatykon* lub *idiomatykon opolski*, zapisywanej już z użyciem małych liter), zaczęła być używana w liczbie mnogiej (*idiomatykony, idiomatykony opolskie* – chociaż mowa była cały czas o jednym i tym samym słowniku), wreszcie zaczęła być odnoszona (przez samych twórców *Idiomatykonu*) do klasycznych słowników tematycznych, niezbyt wielkich objętościowo, za to trójjęzycznych i opublikowanych siłami wydawniczymi dwóch krajów – Polski i Czech[3]. Można by powiedzieć, że nazwa, by tak rzec, demokratyzuje się, i że idiomatykon (już jako pojęcie rodzajowe, a nie nazwa własna) jest typem słownika, który cały czas się jeszcze kształtuje, szuka swego optymalnego kształtu, formuje swoje możliwości. Gdyby na pytanie „co to jest idiomatykon" chcieć odpowiedzieć najzwięźlej, trzeba by powiedzieć, że jest to pewien typ słownika, specyficzna odmiana opracowania leksykograficznego, która z innymi typami słowników wchodzi w następującą relację: każdy idiomatykon jest słownikiem, ale nie każdy słownik jest idiomatykonem. O byciu idiomatykonem decyduje bowiem przede wszystkim – w sensie praktycznym – rodzaj materiału językowego, który tworzy jego siatkę hasłową, w sensie teoretycznym zaś – wybór koncepcji, sposobu rozumienia frazeologii, na której to koncepcji dany idiomatykon jest oparty.

[1] *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski,* red. W. Chlebda*,* Opole 2006-2019.
[2] *Polsko-rosyjski słownik par przekładowych,* red. W. Chlebda*,* Opole 2014, 2023.
[3] Chodzi o *Tematyczny czesko-polsko-rosyjski i polsko-czesko-rosyjski słownik pogranicza/Tematický česko-polsko- ruský, polsko- česko- ruský slovník pohraničí,* red.: W. Chlebda, I. Dobrotová, Opole 2015 oraz *Ludzie-Media-Komunikacja. Czesko-polsko-rosyjski i polsko-czesko-rosyjski idiomatykon,* red. D. Borysowski, I. Danecka, I. Dobrotová, Opole 2023.

Konstytutywne dla idiomatykonu rozumienie frazeologii w kategoriach frazematyki wiele zawdzięcza ogłoszonej w latach 70. XX wieku przez Andrzeja Bogusławskiego koncepcji „jednostek języka" i „produktów językowych" (Bogusławski 1978b:17-30). Takie rozumienie frazeologii opiera się tylko na jednym kryterium: jest nim odtwarzalność (reprodukowalność), ściślej odtwarzalność danej formy językowej w konkretnej sytuacji zwracania się kogoś do kogoś z jakichś przyczyn i w jakimś celu. Forma językowa, która w konkretnej sytuacji zwracania się kogoś do kogoś jest regularnie odtwarzana (reprodukowana), nierzadko będąc w tej sytuacji wręcz jedyną możliwą formą wyrażania pojęć, sądów, intencji czy emocji, została przez twórcę pojęcia W. Chlebdę nazwana frazemem, a frazeologia pojmowana jako zbiór frazemów – frazematyką[4] (W. Chlebda, 1991). Ponieważ stosowany dla nazwania takich regularnych całostek termin „frazem" okazał się już „zajęty", bo jest stosowany w kilku koncepcjach frazeologicznych dla nazwania dalece niejednakowych pojęć, mniej więcej od roku 2005 w polskiej lingwistyce upowszechnia się i utrwala termin „*reprodukt*"[5] (bliski, choć nietożsamy znaczeniowo terminom „frazem", „wielowyrazowa jednostka języka", „wielowyrazowiec odtwarzalny") (Chlebda 2010). Najprościej mówiąc, reprodukty to rzeczy dane, gotowe, „przygotowane" przez system języka dla obsługiwania określonych sytuacji w interakcjach międzyludzkich, rzeczy odtwarzane w komunikacji werbalnej bez namysłu, niemal na zasadzie odruchu bezwarunkowego.

Tak rozumiany idiomatykon powinien utrwalać i opisywać na równych prawach zarówno frazeologizmy tradycyjne, jak też frazeologizmy nietradycyjne, niestandardowe, nieprototypowe: formuły etykietalne, złożone nazwy własne, złożone terminy, stałe repliki dialogowe, formuły różnych gatunków mowy, niezliczone formuły, dla których nie mamy nawet jeszcze nazw gatunkowych, których wspólnym mianownikiem jest, oprócz definicyjnej wielowyrazowości, kryterialna funkcja: bycie w konkretnych sytuacjach mówienia regularną, odtwarzaną, reprodukowaną, a czasem wręcz jedyną językową formą wyrażania określonego „potencjału treściowego": jakiegoś pojęcia, sądu, oceny, wartości, emocji itp. Idiomatykon w swym wydaniu idealnym powinien więc być t e z a u r u s e m frazeologicznym, obejmującym niepoliczalny ilościowo i niesłychanie zróżnicowany formalnie, znaczeniowo i funkcjonalnie zbiór wielowyrazowców odtwarzalnych jednymi i tymi samymi kategoriami zapisu i opisu, jednorodnymi kategoriami metajęzykowymi.

[4] W. Chlebda, *Elementy frazematyki. Wprowadzenie do frazeologii nadawcy*, Opole 1991.
[5] W. Chlebda, *Reprodukty na warsztacie* (I), [w:] *Na tropach reproduktów. W poszukiwaniu wielowyrazowych jednostek języka*, red. W. Chlebda, Opole, s. 7–13.

2. Idiomatyka opolska – nurt badań frazeologicznych

W latach 70/80 XX wieku zaczął się w Polsce kształtować nurt badań znanych jako *idiomatyka opolska.* Twórca tej koncepcji, Wojciech Chlebda, swoje rozważania na temat frazematyki sformułował w zasadniczym dziele pt. *Elementy frazematyki. Wprowadzenie do frazeologii nadawcy* (Chlebda 2010). W. Chlebda wraz z zespołem słownikarzy opolskich (których on sam nazywał „idiomatykarzami") są autorami łącznie 12 pozycji leksykograficznych wydawanych od roku 2006 do 2023, mianowicie 10 zeszytów *Podręcznego idiomatykonu polsko-rosyjskiego* (dalej jako PIPR) oraz 2 tomów zbiorczych *Polsko-rosyjskiego słownika par przekładowych* (dalej jako PRSPP). W 2013 roku zespół opolski nawiązał współpracę z zespołem ołomunieckich słownikarzy, która w 2015 roku zaowocowała wydaniem wspólnego – bazującego na koncepcji PIPR oraz PRSPP – trójjęzycznego słownika pt. *Tematyczny czesko-polsko-rosyjski i polsko-czesko-rosyjski słownik pogranicza* (red. W. Chlebda, I. Dobrotová, Opole 2015). W latach 2021-2023 oba zespoły pracowały nad projektem badawczym, wynikiem którego powstał następny słownik/idiomatykon nazwany *Ludzie-Media-Komunikacja. Czesko-polsko-rosyjski i polsko-czesko-rosyjski idiomatykon,* (red. D. Borysowski, I. Danecka, I. Dobrotová, Opole 2023). Słownik ten jest ostatnim projektem badawczym, w którym brał udział twórca koncepcji idiomatykonu, śp. prof. Wojciech Chlebda. To właśnie jego nazwisko będzie na zawsze kojarzone z tym nurtem leksykograficznym.

3. Struktura słownika *Ludzie-Media-Komunikacja* (dalej LMK)

Wydany w 2023 roku i zawierający ponad 8500 jednostek trójjęzyczny idiomatykon jest wynikiem wspólnego projektu opolskich i czeskich słownikarzy. Słownik oparty na koncepcji opolskich idiomatykonów poszerza rodzinę tego typu pozycji leksykograficznych, prezentując innowacyjny sposób rejestracji jednostek wielowyrazowych oraz ustalania ich ekwiwalentów obcojęzycznych. Trójjęzyczny frazeologiczny słownik przekładowy został zaplanowany jako tematyczne opracowanie leksykograficzne o charakterze idiomatykonu. Składa się z pięciu obszarów tematycznych, z których każdy ma dwa układy językowe: czesko-polsko-rosyjski oraz polsko-czesko-rosyjski. Tematycznie obejmuje zasygnalizowane w nazwie tematy, a mianowicie szeroko rozumiany język mediów, komunikację międzyludzką oraz interakcje społeczne[6]. Każdy obszar tematyczny składa się z określonej liczby uszczegółowiających go pól. Na przykład obszar Komunikacja międzyludzka w dzisiejszych mediach składa się z czterech pól, mianowicie:

[6] Poszczególne obszary tematyczne to: Dzisiejsze media analogowe i cyfrowe, Komunikacja międzyludzka w dzisiejszych mediach, Media jako pośrednik w interesach między ludźmi, Zagrożenia i bezpieczeństwo w Sieci

POLE 1. RODZAJE WSPÓLNOT SIECIOWYCH ORAZ ICH TWORZENIE

POLE 2. UCZESTNICTWO WE WSPÓLNOTACH SIECIOWYCH ORAZ ZARZĄDZANIE NIMI

POLE 3. TOŻSAMOŚCI SIECIOWE

POLE 4. ETYKIETA W KOMUNIKACJI REALNEJ I WIRTUALNEJ

Pola wypełnione są konkretnymi jednostkami posegregowanymi na tematyczne działki, na przykład:

POLE 1. RODZAJE WSPÓLNOT SIECIOWYCH ORAZ ICH TWORZENIE

- **komunikatory**: Facebook, Viber, Skype, WhatsApp, Instagram, Snapchat, Twitter, Google Teams, Google Meet, Star Leaf, platforma Zoom [+ związane z nimi zwroty czasownikowe]
- **wspólnoty sieciowe**: globalna wspólnota, forum ogólne, grupa użytkowników, grupa gamingowa, patostreamerzy, aktywni użytkownicy *czego*, wikipedyści, Second Life, milenialsi, pokolenie Google, internetowi tubylcy, cyfrowi imigranci, dzieci sieci,
- **tworzenie wspólnoty:** dobór użytkowników, dodawać uczestnika, przyjąć do społeczności, dodać do znajomych, usunąć z grupy, edytować post, profil fikcyjny/realny, hasło dostępu, zarządzać blogiem, lista kontaktów, spotkać się na Zoomie, udostępnić komu link do grupy, wysłać komu zaproszenie do grupy.
-

Wersja papierowa słownika ma układ działowy (rozdziały tematyczne) z tabelarycznym układem pionów językowych.

Podstawowymi wytycznymi dla realizatorów LMK w początkowym etapie pracy było przestrzeganie następujących siedmiu reguł:

1. zarówno jednostki hasłowe, jak i ich ekwiwalenty przekładowe muszą być autentycznymi jednostkami odnośnych języków, a nie konstruktami wymyślanymi przez leksykografów. Każda jednostka słownika musi mieć oparcie w systemie lub którymś z podsystemów danego języka; tym samym ekwiwalenty przekładowe nie mogą być dosłownymi tłumaczeniami jednostek wyjściowych, lecz jednostkami już istniejącymi w danym języku docelowym.

2. Jednostki słownika – zarówno jednostki wyjściowe danego języka, jak i ich ekwiwalenty przekładowe – powinny być ekscerpowane z autentycznych tekstów w danym języku.

3. Słownik utrwala przede wszystkim jednostki wielowyrazowe (zwane „wielowyrazowcami odtwarzalnymi", „frazemami", „reproduktami"). Pojedyncze wyrazy (jednostki jednowyrazowe) są traktowane jako materiał uzupełniający. Jednostki wielowyrazowe obejmują wyrażenia imienne, zwroty czasownikowe i frazy.

4. Bezwyjątkową zasadą zapisu jednostek słownika jest graficzne odróżnianie części stałych jednostki i jej części zmiennych. Części stałe zapisywane są boldem, części zmienne – kursywą:

rzeczywistość rozszerzona

kto **przekazał** *komu jaką* **wiadomość**

kto **odebrał od** *kogo* **wiadomość**

5. Zwroty czasownikowe mają swój dodatkowy sposób zapisu, który ułatwia ich porządkowanie alfabetyczne: przed danym zwrotem w słowniku pojawia się tzw. wyraz naprowadzający (w bezokoliczniku), zapisywany jasnym drukiem prostym:

odebrać: *kto* **odebrał od** *kogo* **wiadomość**

nawiązać: *kto* **nawiązał z** *kim* **kontakt**

6. Słownik utrwala jednostki bezwariantowe. Jeżeli jednostka ma swój wariant leksykalny, oba warianty zapisywane są jako odrębne hasła.

wykluczenie cyfrowe

wykluczenie sieciowe

Wyjątkiem są fonetyczne, ortograficzne czy gramatyczne (fleksyjne) warianty jednego z komponentów jednostki, umieszczane w tym samym zapisie i przedzielane ukośnikiem:

nałożyć: *kto* **nałożył ban** / **bana na** *kogo*

7. Reguła „jedna jednostka języka – jedna pozycja hasłowa" obejmuje także pary aspektowe w zwrotach czasownikowych. Oznacza to, że każda forma aspektowa zwrotu czasownikowego zapisywana jest pod własną literą alfabetu jako odrębna jednostka hasłowa, np.:

emitować: *kto* **emituje program**

wyemitować: *kto* **wyemitował program**

Pod koniec warto wymienić cechy, które odróżniają *idiomatykon opolski* od innych słowników tematycznych, takie jak niespotykana w innych słownikach różnorodność gatunkowa tworzących siatkę hasłową frazemów, oddanie tego słownika użytkownikom w dwóch równoległych postaciach: tematycznej i alfabetycznej oraz zaprojektowanie dla tego słownika nowatorskiego metajęzyka (sposobu notacji materiału językowego). Słownik dostępny jest w formie e-książki (https://bg.uni.opole.pl/wp-content/uploads/sites/131/LMK-ISBN-978-83-8332-051-9.pdf) oraz w wersji elektronicznej z wyszukiwarką na stronie https://idiomatykon.eu. Szczegółowe omówienie zawartości i koncepcji słownika przedstawione jest w wystąpieniu na konferencji.

СТРУКТУРА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ БЫТИЯ В БОЛГАРСКОМ, ЧЕШСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

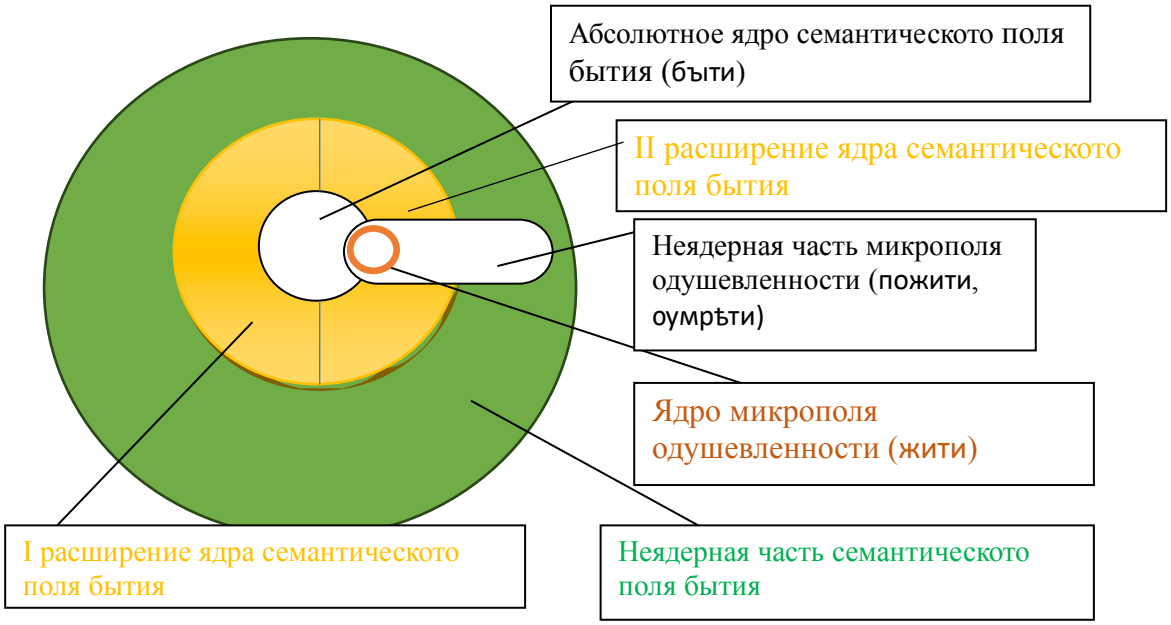
Маргарита Младенова (Болгария)
Софийский университет им. св. Климента Охридского
margo@slav.uni-sofia.bg

1. В этом докладе я бы хотела представить результаты работы над семантикой предикатов и прежде всего глаголов семантического поля бытия в трех славянских языках. Методика анализа была разработана в предыдущей работе, которая посвящена семантическому полю притяжания (посессивности) с учетом словоупотреблений глаголов в первой очереди на основе компонентного анализа их собственной семантики (Младенова 2018). Оказывается, что организацию глагольной лексики можно рассматривать таким образом по крайней мере в двух семантических полях (притяжательного и бытийного), где представлены не только основные глаголы, выражающие притяжательное / бытийное значение, но и большое количество глаголов, которые употребляются с таким значением, обогащая его разными обстоятельствами. Некоторые обстоятельства присущи основному лексическому значению глагола, другие возникают в рамках синтактических сочетаний. На основе такого анализа мы пришли к выводу, что количество глаголов, входящих в каждое из двух семантических полей, довольно велико (в зависимости от объема и стилизации текста от 53–265 разных глаголов с неодинаковым числом словоупотреблений). При этом структура поля может быть подобной в нескольких славянских языках, хотя разные позиции в структуре занимают разные (и этимологически весьма несхожие) глаголы.

2. Один из главных выводов нашего анализа связан с выбором основного ядерного глагола семантического поля бытия. Компонентный анализ показал, что ядерным глаголом может быть прежде всего глагол, у которого только одна составляющая сема – у бытийного поля это бытийная сема – в дрболг. глагола бъıти, которая в качестве основной для семантического поля самым выразительным образом проявляется там, где она единственна. Это доказывает рассмотренный нами языковой материал из Супрасльской рукописи (Супр.), где он употребляется в 1123 случаях, из которых значение бытия без выражения дополнительных обстоятельств (абсолютное ядро поля) появляется в 132 словоупотреблениях (10,79 %). Кроме того, бытие можно выразить и вообще без использования глагола, но количество таких употреблений гораздо меньше, чем у глагола бъıти (в нашем материале представлено лишь 35 случаев). Что касается глагола бъıти, в древнеболгарском у него проявляется большой набор функций, которые

рассматриваются как лексико-семантические варианты – бытийные, притяжательные, модальные, грамматикализованные и фразеологические. Большинство случаев употребления данного глагола – это грамматикализованные случаи – 64,51% всех в нашем материале, что свидетельствует об интенсивном развитии грамматических функций быти именно как вспомогательного глагола. Мы придерживаемся мнения К. Лемана (2002: 11), согласно которому грамматикализация представляет собой развитие новых значений, причем в прямой зависимости от прагматических условий и обусловленной ими частотности.

3. Подобную ситуацию можно наблюдать и в чешском языке, где абсолютное ядро семантического поля бытия целиком занято глаголом ч. *být*. В современном русском языке также обнаруживается большое сходство с древнеболгарским (старославянским), т.к. выражение бытия осуществляется прежде всего при помощи глагола р. *быть*, а в наст. вр. – посредством опущения глагола. Сложнее обстоят дела в современном болгарском, где абсолютное ядро семантического поля бытия прошло через продолжительный процесс развития, и в современном болгарском языке оно занято прежде всего глаголом *има* (только в форме 3 л. ед. ч.), но в нем представлен и глагол *съм*. Эта специфическая черта болгарского проявляется в первом расширении ядра семантического поля бытия, где находятся предикаты, выражающие бытие вместе с локализацией, причем дистрибуция глаголов б. *съм* и б. *има* проводится на основе прагматического фактора определенности (при определенных объектах употребляется *съм*, при неопределенных – *има*). На Фиг. 1 можно проследить обе части расширения ядра семантического поля бытия – в них представлены предикаты с двумя составляющими семемы – бытие и его локализация (I расширение) или бытие и вторая сема любого характера (II расширение), кроме локализации, часто каузативная, временнàя и др. В рассматриваемых трех славянских языках, в т.ч. в древнеболгарском, сама структура семантического поля бытия выглядит почти одинаково, но выделенные части поля заняты разными глаголами или предикатными выражениями.



Фиг. 1. Схема структуры семантического поля бытия (без периферии) в Супр.

Приведенная на фиг. 1 схема структуры семантического поля бытия в Супр. демонстрирует элементы основных частей этого поля, кроме периферийной зоны, где появляется большое количество глаголов из разных других семантических полей – таких как семантическое поле глаголов движения, положения в пространстве, притяжания, заполнения пространства, сенсорных восприятий и др. (ср. также Иванова 1978). У некоторых из них появляется большое число составляющих сем, а бытийная сема актуализируется главным образом благодаря синтаксическим сочетаниям.

4. На схеме можно заметить и самостоятельное микрополе одушевленности, к которому мы относим глаголы с семантико-синтаксически ограниченной сочетаемостью – только с подлежащим, обозначающим живое существо. Самостоятельным ядром микрополя одушевленности является глагол жити, который входит в синонимические отношения с ядерным для всего поля бытия глаголом бъти, равно как и другие глаголы, которые следует определить как специализированные: например, в современном болгарском языке случаи ядерного бытийного значения обычно уточняются синонимом – б. *има* (*съществува*) – в абсолютном ядре семантического поля бытия; б. *има* (*намира се*) в первом расширении ядра, где выражена и локализация. Вообще можно сказать, что синонимия представлена во всех семантических полях, т. к. она характерна для всех лексических средств с самых древних времен. Кроме того, в исследуемых семантических полях (притяжательном и бытийном) четко выделяются микрополя, характеризующиеся наличием специфической семы (у бытийного поля это сема одушевленности), которая

присуща целой группе глаголов и выделяет их как относительно обособленная часть поля. У притяжательного семантического поля выделяются даже два микрополя – торговых операции (*торговать, купить, продать* и т.д.) и посягательств на чужую собственность (*красть/украсть, похитить* и т.д.).

5. Интерес представляет проявление дифференциации при появлении нового лексико-семантического варианта (в другом семантическом поле) – формальное отличие, которое возникло, например, у глагола б. *имам* (притяжательного) в процессе обособления нового бытийного значения – начинает употребляться только форма 3л. ед. ч. независимо от лица и числа подлежащего (ср. б. *Там <u>има</u> много хора.* – ‘Там много людей’), но сохраняется темпоральная характеристика (б. *Там имаше/имало/ще има много хора*. – ‘Там было/будет много людей’). Подобное формальное ограничение характерно и для р. *есть*: *есть такие люди*, но *были/будут такие люди*, а также для р. *иметь*, где употребляется возвратная форма 3л. ед.ч. от данного притяжательного глагола – *имеется*. Здесь нет возможности остановиться на различиях во взаимных переводах этих форм, поэтому лишь отметим, что взаимодействие ядерных глаголов семантических полей притяжания и бытия протекает схожим образом, хотя в стилистическом отношении они значительно отличаются.

Однако формальное различие между притяжательными и бытийными употреблениями не обязательно. Так, в чешском бытийное значение глагола ч. *mít* ‘иметь’ не отличается от обычных притяжательных употреблений глагола (ср. ч. *Dnes máme pěkné počasí*. – ‘Сегодня (стоит) хорошая погода’, и *On má nové auto*. – ‘У него новая машина’).

6. В заключение можно сказать, что компонентный анализ глаголов бытия выявляет значительное количество глаголов, способных выражать бытийное значение, но в качестве ядра бытийного семантического поля выступает глагол *быть*, у которого семема состоит из единственной семы бытия. В каждом из трех языков также проявляется взаимодействие семантических полей притяжания и бытия. Положение в трех славянских языках показывает, что это взаимодействие исторически обусловлено и продолжается в самостоятельном развитии славянских языков.

Ключевые слова: бытие, притяжание, семантическое поле предикатной лексики, болгарский язык, чешский язык, русский язык

БИБЛИОГРАФИЯ

Георгиев, 1983: Георгиев, Игнат. Изреченията с екзистенциално значение в българския и руския език. – *Съпоставително езикознание* VIII (1983), № 1, 4–14.

Иванова 1978: Иванова, Калина. Българските глаголни лексеми с екзистенциална семантика и тяхното отношение към граматиката. – *Български език* 1978, № 3, 224–228.

Леман 2002: Lehmann, Christian. *Thoughts on grammaticalisation*. Second, revised edition. Erfurt: ASSidUE, 2002, 171 p.
Младенова 2018: Младенова, Маргарита. *Семантика на притежателните глаголи в българския, чешкия и руския език*. София, УИ „Св. Климент Охридски“, 2018.

NEOLOGISMS IN THE BOSNIAN LANGUAGE MOTIVATED BY PROPER NAMES

AMELA ŠEHOVIĆ (BOSNIA AND HERZEGOVINA)

The subject of this research paper is neologisms motivated by proper names. Broadly speaking, neologisms arise from the societal necessity to label emerging phenomena and concepts, as well as to reframe existing ones using more expressive or otherwise differentiated lexical forms. The research aims to determine their presence in the Bosnian language, the context of their usage and their formation methods, as well as the sociolinguistic factors that affect their occurrence and potential disappearance. The analysis was conducted on a corpus extracted from printed media and their electronic editions, as well as from Bosnian-Herzegovinian portals. It has therefore been concluded that many of these neologisms are lexemes motivated by surnames, and somewhat fewer by personal names, names of countries, cities, regions, political parties and organizations. In this context, the most frequent word formation basis consists of personal names and surnames of politicians, both global and regional, as well as abbreviated names of political parties. Personal names, surnames, and pseudonyms of individuals from the entertainment industry serve as bases to a significantly lesser extent. The findings underscore the considerable derivational potential inherent in proper names for the creation of new lexemes, which predominantly carry negative connotations and refer to individuals and processes.

These neologisms are typically formed according to established and productive morphological patterns, utilizing suffixes such as *-ov(a)c*/*-ev(a)c*, *-izacij(a)*, *-iz(a)m*, *-ist(a)*, as well as two Greek-derived suffixoids, *-manij(a)* and *-fil*. The numerous derivation of neologisms from a single formative base, most often the proper name of a political figure, attests to the influence and societal prominence of these figures, thereby illustrating the significant impact of sociopolitical dynamics on a language's lexicon.

Furthermore, neologisms motivated by proper names often appear in headlines, subheadings, and captions of newspaper articles, while their instability in general usage is indicated by placing them in quotation marks. The paper also points to their uncertain fate regarding their survival in the lexical corpus of the Bosnian language, as this depends on external, extralinguistic factors.

Keywords: neologisms; Bosnian language; proper names; formations; suffixes; suffixoids

LITERATURA

Avramova, Cvetanka (2012), "Sobstvenite imena kato resurs za obrazuvane na novi dumi v sъvremennija bъlgarski knižoven ezik", u: Božo Ćorić, Rajna Dragićević (ur.), *Tvorba reči i njeni resursi u slovenskim jezicima*, zbornik radova sa četrnaeste međunarodne naučne konferencije Komisije za tvorbu reči pri Međunarodnom komitetu slavista, Filološki fakultet Univerziteta u Beogradu, Beograd, 21–33.

Babić, Stjepan (1986), *Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku*, Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, Globus, Zagreb

Ćorić, Božo (2008), *Tvorba imenica u srpskom jeziku*, Društvo za srpski jezik i književnost Srbije, Beograd

Dragićević, Rajna (2018), *Srpska leksika u prošlosti i danas*, Matica srpska, Novi Sad

Džananović Miraščija, Nedžma (2018), *Uvod u vanjsku politiku Europske unije*, Fakultet političkih nauka, Sarajevo

Frančić, Anđela (2006). "Što je osobno ime?", *Folia onomastica croatica*, 16, 71–80.

Horvat, Marijana, Barbara Štebih Golub (2016), "Tvorenice motivirane osobnim imenom u jeziku hrvatskih medija", u: Vlasta Rišner (ur.), *Jezik medija nekada i sada*, Hrvatska sveučilišna naklada i Filozofski fakultet u Osijeku, Osijek, 217–236.

Jahić, Dževad, Senahid Halilović, Ismail Palić (2000), *Gramatika bosanskoga jezika*, Dom štampe, Zenica

Klajn, Ivan (2002), *Tvorba reči u savremenom srpskom jeziku. Deo 1, Slaganje i prefiksacija*, Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, Beograd, Institut za srpski jezik SANU, Beograd, Matica srpska, Novi Sad

Klajn, Ivan (2003), *Tvorba reči u savremenom srpskom jeziku. Deo 2, Sufiksacija i konverzija*, Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, Beograd, Institut za srpski jezik SANU, Beograd, Matica srpska, Novi Sad

Marković, Ivan (2010), "O uporabi i značenju imenā u hrvatskome", *Folia onomastica croatica*, 19, 175–202.

Mikić Čolić, Ana (2021), *Neologizmi u hrvatskome jeziku*, Filozofski fakultet, Osijek

Nenezić, Sonja (2016), "Vlastita imena kao motivatori nekih novotvorenica u jeziku crnogorskih online medija", u: Branko Tošović, Arno Wonisch (Hg.), *Wortbildung und Internet*, zbornik radova sa sedamnaeste međunarodne naučne konferencije Komisije za tvorbu reči pri Međunarodnom komitetu slavista, Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz, Kommission für Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee, Graz, 289–300.

Otašević, Đorđe (2008), *Nove reči i značenja u savremenom standardnom srpskom jeziku: lingvistički aspekt*, Alma, Beograd

Ristić, Stana (2009), "Tvorba novih reči od vlastitih imenica", *Slavistika*, XIII, 307–315.

Silić, Josip, Ivo Pranjković (2005), *Hrvatska gimnazija za gimnazije i visoka učilišta*, Školska knjiga, Zagreb

Šehović, Amela (2007), "Leksičke promjene – pokazatelj društvenih promjena", *Pismo*, V/1, 48–58.

Šehović, Amela (2022), "Okazionalizmi na bosanskohercegovačkim internetskim portalima", u: Martin Ološtiak, L'udmila Liptáková, Klaudia Bednárová-Gibová (ur.), *Slovanská slovotvorba: synchrónia, inovácie, neologizácia*, Prešovská univerzita v Prešove, Prešov, 357–365.

Šehović, Amela, Elma Durmišević (2023), "Deantroponimni neologizmi kao ključne riječi epohe u bosanskom jeziku", *Novorečje*, god V, br. 8, 61–75.

Šivic-Dular, Alenka (1998), "Lingvistička definicija vlastite imenice (na osnovi imeničkih veza u nominativu)", *Folia onomastica croatica*, 7, 281–293.

Trask, Robert Lawrence (2005), *Temeljni lingvistički pojmovi*, Školska knjiga, Zagreb

Vodanović, Barbara (2006), "Imenovanje", *Folia onomastica croatica*, 16, 217–240.

Waszakowa, Krystyna (1994), *Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego, Rzeczowniki sufiksalne obce*, Rozprawy uniwersytetu warszawskiego, Uniwersytet Warszawski, Warszawa

Zgusta, Ladislav (1991), *Priručnik leksikografije*, Svjetlost, Sarajevo

ПРЕДИКАТИ ШТО ИЗРАЗУВААТ МЕНТАЛНИ СОСТОЈБИ И ПРОЦЕСИ ВО МАКЕДОНСКИОТ ЈАЗИК (СЕМАНТИЧКО-СИНТАКСИЧКИ КАРАКТЕРИСТИКИ)

СТАНИСЛАВА-СТАША ТОФОСКА (СЕВЕРНА МАКЕДОНИЈА)

Менталните предикати се голема семантичка класа глаголи кои информираат за внатрешните ментални состојби, ставови и процеси преку кои човекот го спознава и го оценува светот околу себе. Нехомогеноста на оваа класа предизвикува тешкотии во класификувањето на одделните групи ментални глаголи, а таквата класификација е потребна за да може да се опише значењето на секој глагол преку споредбата на заедничките и различните својства на лексичките членови од истото поле. Многу истражувачи (филозофи, логичари, семантичари, синтаксичари, лексикографи итн.) тргнуваат од различни критериуми во диференцирањето на овие глаголи и сите се согласни дека нехомогеноста на класата доведува до тешкотии во определување на подгрупи со јасно изделени граници меѓу нив. Прашање е дали воопшто може да се дојде до една класификација во која нема да има преклопувања или пресекувања.

Според семантичката класификација на предикатите на четири класи на Тополињска (Тополињска 2017), *менталните предикати* се предикати од втор ред и со нив се информира за внатрешните ментални ставови на човекот (интелектуални, емоционални, волитивни) со кои тој го оценува светот што го опкружува и / или информира за неговата сетилна перцепција на тој свет. Во македонскиот јазик, такви се глаголските предикати како *знае, разбира, мисли, смета, верува, оценува, тврди, анализира, се радува, се плаши, сака* итн. Во понатамошното класифицирање, тие може да се изделат во повеќе класи како: глаголи на *зборување* (verba dicendi), глаголи на *емоција* (verba affectum), глаголи на *спознавање* (verba cogitandi), глаголи на *перцепција* (verba sentiendi), глаголи на *волиција / волитивни* глаголи (verba volendi) итн.

Како прв критериум за изделување на типовите ментални предикати го земаме фактот дали ситуацијата изразена со нив е статична или динамична, па така разликуваме ментални *состојби* (статични ситуации) и ментални *дејства* (со терминот *дејство* ги опфаќаме сите динамични ситуации во кои субјектот свесно извршува интелектуална активност). Менталните дејства понатаму може да се издиференцираат на ментални *активности* и ментални *процеси,* вторите се одликуваат со тоа што именуваат активност насочена кон некоја цел, односно постигнување резултат (Тофоска 2021). И други лингвисти анализирајќи ја семантиката на овие предикати и обидувајќи се да ги класификуваат, тргнуваат токму од овој критериум, како Даниелевичова која ги разликува глаголите што

означуваат ментални *состојби, процеси и операции* (Danielewiczowa 2002: 21). И Киклевич (Kiklewicz 2017: 12) руските ментални глаголи ги супкатегоризира во неколку групи, употребувајќи појдовно два критериуми: од кои едниот е токму временската организација на ситуацијата што ја означуваат ("*time schemata, i.e. type of activity*"), а другиот природата на менталната функција.

Според првиот критериум, во македонскиот јазик ги изделувам следните глаголи како претставници на трите типа:

1. ментални **состојби**: *знае, познава, разбира, сфаќа; мисли1, смета, верува, оценува, претпоставува, се сомнева* и сл.

2. ментални **активности:** *мисли2, размислува, проучува, анализира,истражува* и сл.

3**.** ментални **процеси:** *проценува, решава, обмислува, проектира* и сл.

Глаголите што означуваат ментални состојби може да се поделат на (1) такви што изразуваат став на субјектот за некоја ситуација или за некого заснован на знаење и факти (*знае, познава, разбира, сфаќа и др.*), (в. Bužarovska 2013); и (2) такви што изразуваат личен став, однос кон пропозицијата заснован на убедување, верување, проценка, претпоставка (*мисли1, смета, верува, оценува, претпоставува, се сомнева и сл.*). Во предметната литература, за глаголите од втората група се среќаваат различни термини, како на пример: *епистемични состојби* (stany epistemyczne) кај Даниелевичова (Danielewiczowa 2002: 28-29), *пунативни глаголи* кај Апресјан (Апресјан 1995)*, verbs of propositional attitude* во англофонската литература (в. Noonan 2007). Предмет на подетален интерес во овој труд ќе бидат глаголите од втората група во македонскиот јазик какви што се: ***знае, мисли, смета, цени, оценува, верува, претпоставува, се сомнева, се надева, се плаши*** итн.

Повеќето од овие глаголи се полисемични, а нивната полисемија се одразува и во синтаксата: формата на нивниот втор аргумент зависи од нивното значење. Според семантичката класификација на предикатите од Каролак (2002) и Тополињска (2017, 2018), тие припаѓаат на групата на предикати од втор степен, имаат два аргументи, и семантички нивниот прв аргумент е лице (или друг персонифициран објект), додека референтот на вториот пропозициски аргумент е ситуација. Синтаксички, вториот аргумент може да има различни реализации: најчесто се изразува со комплементарна дел-реченица со ***дека.*** Кај повеќето од нив, на реченично ниво можни се и реализации на вториот аргумент како предметен и во тој случај тие претставуваат кондензирани, семантички (и формално) осиромашени пропозиции (Тополињска 2017:113), како на пр. *Верувам **во тебе*** (дека ти ќе успееш, ќе постигнеш многу итн.). *Се надеваме **на** победа* (дека ќе победиме), *Се сомневам **во** неговата искреност* (дека е искрен). Кај некои од нив како кај *мисли и знае*, реализацијата на предметниот аргумент е „извлечена" *тема* на мислењето, ставот, оценката

(т.н. психолошка тема, според Вјежбицка, Wierzbicka 1996[1]) којашто синтаксички се реализира со предлогот ***за*** + именска група. (на пр. *Што мислиш **за** него/ за книгата? **За** него мислам сè најдобро.*)

[1] In addition to the complements some mental predicates open a slot for what we might call a "psychological topics" for ex. "to think ABOUT something and to know ABOUT something. These psychological topics co-occur with the psychological complements to *think* stg ABOUT *stg*, respectively to know stg ABOUT *stg*…(Wierzbicka 1996: 120)

Од гледна точка на **фактивноста**, овие глаголи се сметаат за нефактивни (в. Апресян 1995), односно искажуваат пропозиции чија фактивност не е потврдена, не е докажана. Она што се соопштува не е објективен факт туку субјективен став на зборувачот кон пропозицијата, па така таа може да е вистинита, но не мора да е така. Тие изразуваат став, верување, желба, надеж, сомнеж, мислење и сл.

Пр. *Мисли дека тој ќе дојде* (ама не е сигурно). *Смета дека тоа е добра работа* (само тој, но не и другите). *Верува дека ќе успее* (иако тоа не е реално). *Се надева дека неговиот тим ќе победи* (има желба тоа да се случи и мисли дека тоа ќе се случи). *Марија се сомневаше дека тој е искрен* (мисли дека не е вистина, иако не е сигурна). *Претпоставувам дека Марко е таму, на концертот* (моја логична претпоставка врз основа на претходно знаење за Марко и за настанот).

Понатаму, оваа изделена група на ментални предикати може да се супкласификува според повеќе параметри, како што се: степенот на убеденост, сигурност на субјектот во вистинитоста на пропозицијата; дали содржат информација како субјектот доаѓа до ставот, мислењето што го искажува; дали во нивната содржина има присуство и на емотивна компонента или се неутрални во тој однос итн.

Во однос на **степенот на сигурност** во вистинитоста на пропозицијата, ***мисли*** и ***смета*** се неутрални, ***цени*** и ***оценува*** даваат поголем степен на убеденост на зборувачот во вистинитоста или остварливоста на пропозицијата, како резултат на согледување на повеќе информации, кај ***верува*** и ***се надева*****,** исто така има поголем степен на сигурност, но присутна е и позитивна емотивна компонента (желба) за вистинитост или остварување на пропозицијата (Бужаровска и Митковска, 2014). Кај глаголските предикати ***претпоставува*** и ***се сомнева*** има помал степен на сигурност во вистинитоста или остварливоста. Кај ***претпоставува*** таа се заснова на логичко размислување и поврзување на индиректни знаци и/или претходно познати информации за субјектот, но е со неутрална конотација, додека кај ***се сомнева*** постои негативна емотивна компонента во ставот на субјектот**,** поконкретно субјектот смета дека е голема можноста пропозицијата да не е вистинита, односно остварлива. Како илустрација ќе ги наведам примерите што претставуваат

варијанта со иста пропозиција: ***Мислам*** *дека ќе дојде.* ***Сметам*** *дека ќе дојде.* ***Верувам*** *дека ќе дојде.* ***Се надевам*** *дека ќе дојде.* ***Се сомневам*** *дека ќе дојде.* ***Претпоставувам*** *дека ќе дојде*

Во македонскиот јазик, степенот на сигурност (несигурност) во вистинитоста на некоја пропозиција што се однесува на минат настан / ситуација се сигнализира и со граматички показатели на категоријата конфирмативност (дистанца, прекажаност и сл.), односно со употребата на сум-перфектот со чии форми се зголемува степенот на несигурност во вистинитоста. Па така, со сите овие глаголи немаркирана, т.е. неутрална е употребата на ова време кога се изразува став за минат настан. Пр. *Мислам/ сметам/ верувам/ претпоставувам/ се надевам дека тој* ***бил*** *таму.* Додека употребата на конфирмативно време (аорист и имперфект) во комплементарната дел-реченица е маркирана и е во насока на искажување на поголем степен на сигурност дека пропозицијата е вистинита: *Мислам дека тој* ***беше*** *таму* (како да го видов).; *Верувам дека тој* ***беше*** *таму* (би очекувала поради тоа што знам дека е одговорен и не би го пропуштил настанот, ми кажаа не знам со сигурност, но познавајќи го би требало да бил).

Во однос на **присуство на емотивна компонента** во значењето се изделуваат глаголите: ***се надева*** и ***верува*** со присуство на позитивни емоции и желба пропозицијата да стане вистинита, да се оствари (‘сака тоа да се случи затоа што му предизвикува позитивни емоции’) и со присуство на негативни емоции кај ***се сомнева*** (има негативни, непријатни емоции во врска со вистинитоста на пропозицијата, не верува) и ***се плаши*** **(**вистинитоста на пропозицијата му предизвикува негативни емоции).

Се надевам *дека утре ќе биде подобро.* ***Верувам*** *дека утре ќе биде подобро.*

Се сомневам *дека ќе дојде* ***Се плашам*** *дека ќе дојде*

(мислам дека нема да дојде) (мислам дека ќе дојде и тоа нема да ми биде пријатно)

И на крајот би можела да се коментира употребата на овие глаголи во однос на **функционалните стилови.** За изразување на личен став во сите стилови, и во неформалниот разговорен јазик се употребуваат *мисли, верува*, *се надева, се плаши* додека *смета**,*** иако неутрален од гледна точка на увереноста во пропозицијата, повеќе се користи во формалниот стил. Глаголите *оценува* и *цени* се покарактеристични за научниот и административниот стил (се употребуваат во извештаи, проценки, службена комуникација) итн.

Примери: ***Мислам*** *дека не требаше така да постапиш.* ***Сметам*** *дека неговата постапка не беше добра.* ***Оценувам*** *дека не постапи добро во дадената ситуација.* ***Ценам*** *дека неговата реакција во врска со ситуацијата беше несоодветна.*

КОРИСТЕНА ЛИТЕРАТУРА

Апресян, Ю. Д. 1995. Проблемы фактивности: *знать* и его синонимы. *Интегральное описание языка и системная лексикография.* Москва: Школа Языки русской культуры, 405-433.

Апресян, Ю.Д. 2000. Структура словарной статьи словаря. Лингвистическая терминология статьи словаря. In: Апресян, Ю.Д. и др. (ред.): *Новый обяснительный словарь синонимов русского языка*. Moskva, VIII-XLV.

Бужаровска Е., Митковска Л. 2014. „Семантиката на глаголот *се надева*: изразување емоција или став?“. *Македонски јазик*, LXV. Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“, 203–218.

Тофоска, С. 2021. „За семантиката и синтаксата на глаголот *мисли* во македонскиот јазик“. *Прилози на ОЛЛН,* Македонска академија на науките и уметностите, Скопје 2021, 325-340.

Тополињска, З. 2018. „Основна поделба на предикатите во функција на конститутивни членови на пропозиции (семантика > форма), *Folia Philologica Macedono-Polonica,* т. *9-10*, Скопје: Филолошки факултет „Блаже Конески“, 29-33.

Bužarovska, E. 2013. Полисемијата на глаголот *знае*. *Studia Linguistica Polono-Meridianoslavica*. 14/15. 15–33.

Danielewiczowa, M. 2002. *Wiedza i niewiedza. Studium polskich czasowników epistemicznych.* Warszawa: Uniwersytet Warszawski, Katedra lingwistyki formalnej.

Karolak S. 2002. *Podstawowe struktyry skladniowe, jezyka polskiego*. Warszawa: Slawistyczny osrodek wydawnyczy.

Kiklewicz, A. 2017. “Russian mental verbs as a semantic class”. *Јужнословенски филолог*, LXXIII, св.3-4, 7-26, Београд.

Noonan, Michael. 2007. “Complementation”. Shopen, T. *Language Typology and Syntactic Description: Complex constructions*. Vol 2. Cambridge: CUP, 52-150.

Topolińska, Z. 2015. *Zmiana perspektywy*. Krakow: PAU.

Topolińska, Z. 2017. „Predykat vs argument (semantyka i forma)“, *Rocznik Slawistyczny LXVI*, 109-115. Wroclaw.

Wierzbicka, Anna. 1996. *Semantics: Primes and Universals*. Oxford: Oxford University Press.

Користена литература:

Апресян, Ю. Д. 1995. Проблемы фактивности: *знать* и его синонимы. *Интегральное описание языка и системная лексикография.* Москва: Школа Языки русской культуры, 405-433.

Апресян, Ю.Д. 2000. Структура словарной статьи словаря. Лингвистическая терминология статьи словаря. In: Апресян, Ю.Д. и др. (ред.): *Новый обяснительный словарь синонимов русского языка*. Moskva, VIII-XLV.

Бужаровска Е., Митковска Л. 2014. „Семантиката на глаголот *се надева*: изразување емоција или став?“. *Македонски јазик*, LXV. Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“, 203–218.

Тофоска, С. 2021. „За семантиката и синтаксата на глаголот *мисли* во македонскиот јазик“. *Прилози на ОЛЛН,* Македонска академија на науките и уметностите, Скопје 2021, 325-340.

Тополињска, З. 2018. „Основна поделба на предикатите во функција на конститутивни членови на пропозиции (семантика > форма), *Folia Philologica Macedono-Polonica,* т. *9-10*, Скопје: Филолошки факултет „Блаже Конески“, 29-33.

Bužarovska, E. 2013. Полисемијата на глаголот *знае*. *Studia Linguistica Polono-Meridianoslavica*. 14/15. 15–33.

Danielewiczowa, M. 2002. *Wiedza i niewiedza. Studium polskich czasowników epistemicznych.* Warszawa: Uniwersytet Warszawski, Katedra lingwistyki formalnej.

Karolak S. 2002. *Podstawowe struktyry skladniowe, jezyka polskiego*. Warszawa: Slawistyczny osrodek wydawnyczy.

Kiklewicz, A. 2017. “Russian mental verbs as a semantic class”. *Јужнословенски филолог*, LXXIII, св.3-4, 7-26, Београд.

Noonan, Michael. 2007. “Complementation”. Shopen, T. *Language Typology and Syntactic Description: Complex constructions*. Vol 2. Cambridge: CUP, 52-150.

Topolińska, Z. 2015. *Zmiana perspektywy*. Krakow: PAU.
Topolińska, Z. 2017. „Predykat vs argument (semantyka i forma)“, *Rocznik Slawistyczny LXVI*, 109-115. Wroclaw.
Wierzbicka, Anna. 1996. *Semantics: Primes and Universals*. Oxford: Oxford University Press..

ОПИСНА ЛЕКСИКОГРАФИЈА СРПСКОГ ЈЕЗИКА У СВЕТЛУ СЛАВИСТИЧКИХ ПРИСТУПА ТИПОЛОГИЈИ РЕЧНИКÂ

ВЛАДАН З. ЈОВАНОВИЋ (СРБИЈА)
Институт за српски језик САНУ, Београд

Описна лексикографија српског књижевног језика до данас је остварила нешто више од два века континуираног развоја. Иако су замеци тога развоја постављени у још дубљој прошлости, прави почетак у погледу изражених домета у пуноћи језичког описа и утицаја на потоњи развој речника и лексикографских школа везује се за рад Вука Стефановића Караџића (1787–1864), истакнутог српског филолога и реформатора српског књижевног језика и правописа. Вуков *Српски рјечник* (прво издање 1818. године) представља прекретничку књигу не само у српској описној лексикографији и науци о српском језику већ у историји српске културе, јер је то дело „разграничило епохе у историји нашег језика као инструмента културе“ (П. Ивић).

У науци о језику речник се посматра из научне лингвистичке перспективе, а то значи да се пред истраживаче постављају питања која се односе на репертоар речи и њихово порекло, граматичку обраду и одређивање стилистичке вредности речи, структуру описа значења речи, заступљеност извора, затим присуство значајних одељака у речнику као што су његов увод или предговор, у којем се обично наводе обавештења о језику и намени речника, броју обрађених речи, речничкој структури, као и упутства за његово коришћење. Под типологијом речника у домаћој лексикографији подразумева се, пре свега, класификација речника заснована на различитим критеријумима успостављеним према обухвату језичког материјала, представљања језичких информација у описивању речи (нпр. акценатска, граматичка, семантичка и др. лексикографска обрада), аспекта језичког описа (нпр. нормативни, историјски, дијалекатски, језика писца итд.) итд.

Најчешће употребљен критеријум у класификацији речника у српској и шире словенској лингвистици јесте ХРОНОЛОШКИ ОКВИР ИЗВОРА узетих за речник у одсечку времена или у његовом дужем трајању, уз давање информација о изменама у језичкој структури и семантици. Примена овог критеријума дели речнике на синхронијске и дијахронијске. Ови други се најчешће односе на историјске и етимолошке речнике, који садрже податке о пореклу речи. У српској лексикографији под синхронијским речницима најчешће се сматрају речници савременог српског језика, као што су шестотомни и једнотомни речник у издању Матице српске. Речник САНУ, који је по основној сврси предвиђен да буде синхронијски речник савременог језика, због дужине

његове израде и ширења временске перспективе која је грађом обухваћена, те чињенице да сам назив језика у његовом наслову представља историјску категорију, у одређеним сегментима овај речник добија и одређене карактеристике синхронијског историјског речника.

Немали број лингвистичких речника припада неком од СПЕЦИЈАЛНИХ РЕЧНИКА у оквиру одређене дисциплине: речнику синонима, антонима, фразеолошком, дијалекатском, ортографском, ортоепском, граматичком, морфемском, речнику творбених морфема итд. Уколико је лексикографска специјалност повезана с предметом речника, најчешће се говори о следећим типовима речника: граматичком, ортоепском, дијалекатском, речнику одређеног писца, речнику нових речи, речнику страних речи итд.

Потрага за моделом целовитог описа језика, у којем ће речник и граматика бити подједнако лексикографски третирани и представљени односи се на концепцију универзалног или интегралног речника савременог језика. Интегрални опис језика, према Ј. Апресјану, подразумева такав опис у коме су речник и граматика усаглашени по типовима лингвистичких информација које су у њима дате и по начинима њиховог записивања. Многе од елемената интегралног речника садржи концепција израде великог Академијиног речника Београдске лексикографске школе, познатог као Речник САНУ.

Лингвистички речници могу се разликовати према избору извора и исцрпности њиховог коришћења. Тезауруси у начелу обухватају читав језички материјал, при чему се искључује било какава могућност избора лексичких јединица. Типу тезауруса блиски су академијски речници националних језика, нпр. у српској лексикографији Речник САНУ, а у руској *Словарь русского языка* под редакцијом А. А. Шахматова. Е. Шимчук, међутим, примећује да наведена идеја тезауруса може бити у потпуности спроведена само у случајевима тзв. мртвих језика из разлога што се живи језици непрестано развијају и богате.

Поред познатијих општих типологија изнесених у књигама и радовима домаћих и страних слависта, постоје и специјализоване типологије у оквиру ширих или ужих речничких класа, као што су типологије школских речника, терминолошких речника, речника номенклатура, речника језика писаца и др.

У описним речницима језички материјал подлеже нарочитом одабиру у погледу презентације грађе, као и представљања форме речи која се описује. Они се најчешће сматрају нормативним речницима будући да се у њима дају кодификоване лексичко-

фразеолошке јединице, као и опис помоћу језичких средстава карактеристичних за општејезичку употребу. Због тога такви речници, на првом месту, пружају инвентар општеупотребне лексике, а тек потом архаичне, нове, те територијално и функционалностилски маркиране. Сходно томе, нормативним се сматрају академијски речници савременог језика, с тим што нормативност није њихова типична особина будући да се израђују у дужем времену и на широко заснованом корпусу.

Критеријум СТРУКТУРЕ РЕЧНИЧКИХ ОДРЕДНИЦА И ЧЛАНАКА такође може бити значајан из аспекта типологије. Тако се лексичке јединице могу представити у алфабетном (формалном) поретку, а могу и у идеографском (садржинском). Даље, према алфабетски устројеним речницима разликујемо оне код којих је целокупна лексичка презентација одредница уређена алфабетски од оних код којих су одреднице такође устројене алфабетски, али према простим, неизведеним речима, у оквиру којих су се издвајале пододреднице изведеница и других типова твореница – такав тип називамо гнездовним (уп. нем. Ableitungsgruppe). У српској лексикографији такав је *Семантичко-деривациони речник српског језика* (2003. и 2006).

На крају, према обиму речника и количини пружених речничких информација, речници се деле на речнике великог, средњег и малог обима. Речници савременог српског језика описног типа према обиму и количини лексикографских информација у речничком чланку могу се поделити на речнике великог обима, какав је Речник САНУ, на речнике средњег обима, какав је шестотомни речник Матице српске, и на речнике мањег обима, какав је једнотомни речник српског језика у издању Матице српске.

Поглед на теоријске приступе у савременим типологијама речника показује мање-више истоветне главне критеријуме у класификацији речника засноване на броју језика, временској димензији, пореклу лексике, редоследу представљања лексичког материјала, обиму речника, исцрпности речничког описа, употребљеним изворима итд. Постојеће класификације у српској теоријској лексикографији иду у корак са савременим типологијама речника у словенској лингвистици. У њима једнојезични речници описног типа заузимају централно место будући да се њима репрезентује, пре свега, актуелна грађа националних језика, а њихова израда представља најважнији задатак који се у пуном капацитету остварује под окриљем водећих националних установа. У српској средини по значају који поклањају лексикографском раду истичу се Српска академија наука и уметности и Матица српска.

ЛИТЕРАТУРА

Бјелетић, Марта, Јасна Влајић-Поповић, Александар Лома, Снежана Петровић. *Приручни етимолошки речник српског језика* (том 1: A–J). Београд: Институт за српски језик САНУ, 2023.

Гортан-Премк, Даринка. *Полисемија и организација лексичког система у српскоме језику*, Београд: Институт за српски језик САНУ, 1997.

Грковић-Мејџор, Јасмина и др. (ур.). *Историјска лексикографија српског језика.* Нови Сад: Огранак САНУ и Матица српска, 2021.

Драгићевић, Рајна. *Лексикологија српског језика*. Београд: Завод за уџбенике, 2007.

Драгићевић, Рајна (ур.). *Савремена српска лексикографија у теорији и пракси*. Београд: Филолошки факултет Универзитета у Београду, 2014.

Ђинђић, Марија. *Семантичко-деривациона анализа турцизама у савременом српском језику*. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2023.

Дескриптивна лексикографија стандардног језика и њене теоријске основе. Београд – Нови Сад: Српска академија наука и уметности, Матица српска, Институт за српски језик САНУ, 2002.

Јовановић, Владан. *Језик и речник светог владике Николаја Велимировића (диференцијални приступ)*. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2022.

Јошић, Нађо. *Развојни лук српске описне лексикографије*. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2024.

Караџић, Вук Стефановић. *Српски рјечник (истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима)*, у Биограду 1898.

Лексикографија и лексикологија: *зборник радова*. Београд: Српска академија наука и уметности, Институт за српскохрватски језик, Филолошки факултет Универзитета у Београду; Нови Сад: Институт за јужнословенске језике Филозофског факултета, Матица српска, 1982.

Лексикографија и лексикологија: *зборник радова*. Београд – Нови Сад: Институт за српскохрвтаски језик, Матица српска, 1984.

Мацановић, Ана. Рјечник хрватскога или српскога језика Југославенске академије знаности и умјетности. У: Милосав Тешић, Рајна Драгићевић, Ненад Ивановић (ур.). *Српска лексикографија од Вука до данас*. Београд: Српска академија наука и уметности, Савез славистичких друштава Србије, 2018, 51–63.

Миланов, Наташа. *Српски лексички фонд из угла полисемије.* Београд: Институт за српски језик САНУ, 2021.

Милановић, Александар. Историјски речници. У: Милосав Тешић, Рајна Драгићевић, Ненад Ивановић (ур.). *Српска лексикографија од Вука до данас*. Београд: Српска академија наука и уметности, Савез славистичких друштава Србије, 2018, 129–139.

Николић, Весна. Деривациони речници. У: Милосав Тешић, Рајна Драгићевић, Ненад Ивановић (ур.). *Српска лексикографија од Вука до данас*, Београд: Српска академија наука и уметности, Савез славистичких друштава Србије, 2018, 155–167.

Николић, Мирослав. *Обратни речник српскога језика*. Београд: Матица српска, Институт за српски језик САНУ, Палчић, 2000.

Ожегов, С. И. *Толковый словарь русского языка*. 28. изд. под ред. Л. И. Скворцова. Москва: Мир и образование, 2017.

Оташевић, Ђорђе. Типологија речника српског језика I. *Наш језик* XLV/1–2 (2014): 29–48.

Оташевић, Ђорђе. Типологија речника српског језика I. *Наш језик* XLVI/1–2 (2015): 17–33.

Петровић, Снежана. *Турцизми у српском призренском говору (на материјалу из рукописне збирке речи Димитрија Чемерикића)*. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2012.

Петровић, Снежана. Етимолошки речници. У: Милосав Тешић, Рајна Драгићевић, Ненад Ивановић (ур.). *Српска лексикографија од Вука до данас*. Београд: Српска академија наука и уметности, Савез славистичких друштава Србије, 2018, 141–151.

Пешикан, Митар. *Наш књижевни језик на сто година послије Вука*. Београд: Друштво за српскохрватски језик и књижевност СР Србије, 1970.

Пипер, Предраг, Рајна Драгићевић, Марија Стефановић. *Асоцијативни речник српскога језика* (I део; од стимулуса ка реакцији). Београд: Београдска књига, Филолошки факултет Универзитета у Београду, 2005.
Пипер, Предраг. О српској лингвистичкој славистици друге половине XX века. У: Рајна Драгићевић, Вељко Брборић (ур.). *Српска славистика I*. Београд: Савез славистичких друштава Србије, 2018, 7–36.
Попова, З. Д., И. А. Стернин. *Лексическая система языка. Внутренняяорганизация, категориальный аппарат и приемы описания*. Москва: Либроком, 2011.
Радовић-Тешић, Милица. *С речима и речником. Београд*: Учитељски факултет, 2009.
Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд: Српска академија наука и уметности, Институт за српскохрватски језик, 1959–.
Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад – Загреб: Матица српска – Матица хрватска, I–III, 1967–1969; Нови Сад: Матица српска, IV–VI, 1971–1976.
Речник српскога језика. Нови Сад: Матица српска, 2007.
Ристић, Стана, Милена Радић-Дугоњић. *Реч. Смисао. Сазнање (студија из лексичке семантике)*. Београд: Филолошки факултет Универзитета у Београду, 1999.
Ристић, Стана, Ивана Лазић Коњик, Ненад Ивановић. *Лексикологија и лексикографија у светлу савремених приступа*. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2016.
Ристић, Стана, Ивана Лазић Коњик, Ненад Ивановић. *Лексикографија и лексикологија у светлу актуелних проблема*. Београд: Институт за српски језик САНУ.
Савић, Виктор. Рјечник из књижевних старина српских. Написао Ђ. Даничић. У: Милосав Тешић, Рајна Драгићевић, Ненад Ивановић (ур.). *Српска лексикографија од Вука до данас*. Београд: Српска академија наука и уметности, Савез славистичких друштава Србије, 2018, 35–49.
Тешић, Милосав, Рајна Драгићевић, Ненад Ивановић (ур.). *Српска лексикографија од Вука до данас*, Београд: Српска академија наука и уметности, Савез славистичких друштава Србије, 2018,
Шимчук, Э. Г. *Русская лексикография*. Москва: Издательство Московского университета, 2003.
Шипка, Данко. *Српски граматички речник (са скицом флексијских параметара српског језика)*. Нови Сад: Прометеј, 2016.
Шпановић, Ана. *Романизми Старе Црне Горе и Брда (етимолошка студија)*. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2024.

*

Klejnowska-Borowska, M. Typologia Słowników terminologicynych dia celów dydaktycznych. *Linguodidactica* XX (2016): 163–175.
Peco, Asim (ur.). *Leksikografija i leksikologija: zbornik radova*. Sarajevo: Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine, 1988.
Słownik języka polskiego PAN. < https://wsjp.pl> 20. 11. 2024.
Šipka, Danko. *Osnovi leksikologije i srodnih disciplina*. Novi Sad: Matica srpska, 1998.
Šipka, Danko. *Rečnik tvorbenih formanata*. Beograd: Alma, 2003.
Zgusta, Ladislav. *Priručnik leksikografije.* Sarajevo: Svjetlost, Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 1991.

КА СЕМАНТИЧКОМ РЕЧНИКУ СРПСКИХ ГЛАГОЛА (У КОНТЕКСТУ СЕМАНТИЧКИХ РЕЧНИКА ГЛАГОЛА У ДРУГИМ СЛОВЕНСКИМ ЈЕЗИЦИМА)[**]

НАТАША М. МИЛАНОВ, МИЛИЦА Љ. СТОЈАНОВИЋ (СРБИЈА)
Институт за српски језик САНУ, Београд

Српска лексикографија, упркос дугој традицији и великом броју штампаних лексикографских издања, још увек нема заокружен систем речникâ којима би се покриле све потребе корисника. У раду ћемо представити научну и практичну потребу израде семантичког речника глагола у српском језику (даље: СРГ) и указати на значај оваквог дела за србистику, али и за славистику уопште. У циљу конципирања његове форме, поставили смо неколико задатака: анализа структуре, концепције и метајезика постојећих публикација овог типа у словенском свету и остварљивост примене њихове методологије; формирање корпуса и критеријума за одабир одредница; дефинисање семантичке групе глагола и мерила за припајање одређеног глаголског значења датој групи; успостављање одреднице и изглед лексикографског чланка.

Семантички речници описују структурно-семантичку организацију лексема у једном језику, заснивају се на дубинској анализи значења лексеме и њеног односа са одговарајућим значењима других лексема, који се потом апстрахује и хијерархизује (Белоусова 2013: 482). Семантички речник глагола стога представља систематизацију глагола према лексичко-семантичким групама и садржи њихов лексикографски опис, информације о парадигматским односима у које ступају, затим о њиховој употребној вредности и, евентуално, преводне еквиваленте. У речнику лексикографије Хартмана и Џејмса (1998) наглашава се важност повезивања у смеру од концепта или појма до речи, а не од речи ка објашњењу, те се због тога у њему примењује тематски редослед одредница, а не абецедни (Hartmann, James 1998, s.v. onomasiological dictionary).

Семантички речници глагола, према нашим сазнањима, израђени су само за руски језик и доносе различите типове информација о овој врсти речи (нпр. *Русский семантический словарь: Опыт автоматического построения тезауруса от понятия к слову*, под редакцијом С. Г. Бархударова (1982), *Лексико-семантические группы русских глаголов*, под редакцијом Т. М. Матвејеве (1988), *Русский семантический словарь.* Глагол

[**] Рад је финансирало Министарство науке, технолошког развоја и иновација Републике Србије према Уговору број 451-03-136/2025-03/ 200174, који је склопљен са Институтом за српски језик САНУ.

Т. IV–V (2007–2012), *Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы*, под редакцијом Л. Г. Бабенко (1999), *Большой толковый словарь русских глаголов*, под редакцијом Л. Г. Бабенко (2008)). Иако по основним принципима обраде информација не спада у семантичке речнике, при сагледавању класификационих група глагола не може се заобићи студија Б. Левин *English Verb Classes and Alternations* (1993).

Будући да се у новијим србистичким радовима семантици глагола поклања већа пажња, важно теоријско полазиште за израду оваквог речника чиниће ранија истраживања појединачних семантичких група глагола у српском језику (истраживања Ј. Влајић Поповић, Д. Вујовић итд.). Теоријска основа предложеног речника биће заснована на досадашњим истраживањима семантичких поља, као и на резултатима анализе системске организације лексике и структуре значења речи у словенском свету (где се имају у виду истраживања Ј. Д. Апресјана, Л. М. Васиљева, Ј. Н. Караулова итд.), а затим и на достигнућима англосаксонске лингвистике семантичког усмерења (истраживања Б. Левин, А. Вјежбицке, К. Годарда итд.).

Концепција семантичког поља датира из 20-их година прошлог века, од учења В. Хумболта о унутрашњој форми језика (Уфимцева 1961: 30). У литератури налазимо различита тумачења појма семантичко поље (даље: СП), која су, према Уфимцевој, зависила од тога шта су истраживачи подразумевали под унутрашњом формом. Семантичко поље неки аутори схватају веома широко (нпр. Ј. Н. Караулов), а неки уже, као групу речи које припадају истој врсти и које имају заједничку архисему (нпр. П. Н. Денисов). У српској лингвистици се за тематски на различитим нивоима повезане групе речи наводе термини семантичко поље, лексичко поље, тематска група, лексички скуп, лексичко-семантичка група итд. Р. Драгићевић (2007: 239) под СП подразумева скуп лексема које припадају различитим граматичким врстама, а које су системски повезане, док су лексичко-семантичка група и тематска група ужи појмови.

Општа дефиниција која чини суштину СП, без обзира на погледе истраживача, јесте да оно представља хијерархијски устројену структуру лексичких јединица обједињених општим значењем које одражава одређену појмовну сферу у језику (в. Караулов 2003: 458; Geeraerts 2010: 52). Као основне карактеристике СП издвајају се постојање једног општег значења које повезује групу речи, присуство центра и периферије, хијерархијски принцип

конструисања поља (са надређеним чланом и хипонимима), одсуство јасних граница међу појединачним пољима (поједине лексеме могу у исто време припадати центру једног и периферији другог поља), отвореност, интеракција са другим пољима итд. (в. Караулов 1976: 111; Арнольд 1984: 3–11; Strauss 1985: 575; Вердиева 1986: 4).

У планираном речнику СП ћемо посматрати на исти начин као у ТСРГ. Први корак у изради речника представљало би издвајање базичних СП („радња и активност", „постојање, стање, квалитет", „односи" (в. ТСРГ)), након којих ће се према семантичкој сродности глагола формирати семантичка потпоља (в. Слику 1), те се тако, нпр., у оквиру СП „радња и активност", између осталих, могу издвојити потпоља: 'кретање', 'физичко деловање', 'премештање у простору' итд.

Слика 1. Илустрација основног хијерархијског представљања глагола

Као заједничка компонента која обједињује све чланове једног семантичког потпоља јавља се базични глагол, нпр. за семантичко потпоље кретање то је *кретати се*. За одређивање базичног глагола при обликовању садржаја семантичког потпоља као најпогоднији примењен је индуктивни метод фазне идентификације (ЛСГРГ: 7–8), који подразумева свођење сваког глагола на најопштији смисао. На пример, код лексеме *излити* тај поступак би изгледао овако: *излити* → „проузроковати истицање (течности)" → *истицати* „тећи у млазу или капљући" → *ћи* „кретати се (о течности, гасу, пари, електричној струји)" → *кретати се* „ићи ходајући, корачајући" → *ићи* „кретати се". Последњи сегмент рашчлањивања доводи до узајамне идентификације глагола, што говори да је процедура завршена. Добијени скупови јединица послужили су потом као материјал за идентификацију и лексикографски опис семантичких група. Разлагањем семантичког

садржаја, тј. издвајањем архисеме у оквиру сваког потпоља формираће се ЛСГ као ниже јединице класификације – нпр. потпоље ’физичко деловање на објекат’ обухватиће глаголе наношења ударца, глаголе додиривања, глаголе оштећења објекта итд. Када постоји више глагола не само са истом архисемом, већ и заједничком интегришућом диференицијалном семом[1], може се формирати и сегмент ниже хијерархије, нпр. тако ће се у оквиру СП „радња и активност”, потпољу ’изградња’, ЛСГ креативни глаголи, јавити подгрупе: глаголи изградње објекта као резултат физичког рада (нпр. *извајати*, *монтирати*, *плести* итд.) и глаголи изградње објекта као резултат умног рада (нпр. *компоновати*, *програмирати* итд.). Глаголи сваке ЛСГ биће поређани азбучним редом, а њихов број може да варира. Будући да ће речник представљати семантичку класификацију глагола, полазна тачка анализе је глагол, а примарна јединица описа јесте његово значење.

Пошто се у семантичким речницима лексикографске информације приказују на посебан начин и заснован је на специфичним теоријским учењима, одликују га нарочита макроструктура и микроструктура. Према критеријумима које је поставио Л. Згуста (1991: 190–210), семантички речник какав описујемо био би првенствено синхронијски једнојезични речник који садржи глаголе савременог српског језика, те ограничени речник мањег обима, близак систематским речницима.

Планирано је да се прва верзија СРГ заснива на глаголима који припадају најужем делу општег лексичког фонда, те ће прелиминарни списак глагола као потенцијалних одредница бити састављен на основу јединица забележених у једнотомном *Речнику српскога књижевног језика Матице српске*. Корпус ће чинити глаголи свршеног и несвршеног вида, као и двовидски глаголи, у нерефлексивној и рефлексивној форми. Сам избор поменутог дела као извора грађе значи да неће бити лексике обележене било каквим квалификатором који ограничава њену употребну вредност. Што се тиче творбене структуре изабраних јединица, речник ће обухватити основне глаголе, али и оне добијене различитим творбеним начинима. На основу прелиминарног прегледа грађе речник би имао око 3.000 одредница. Труд аутора у доцнијем раду на речнику био би усмерен на додавање нових елемената, пре свега на укључивање секундарних значења и даље ширење корпуса и израду дигиталне верзије текста.

[1] Под овим термином (који смо преузели из Vujović 2019) подразумеваћемо семе које су према функцији сличне архисеми, а заједничке су за мање скупине речи, тј. подгрупе унутар једне лексичко-семантичке групе.

Када су у питању додатна поглавља речника, неопходно је да на почетку стоје теоријски увод, као и разрешења коришћених скраћеница и симбола. Важно је нагласити да овакав речник мора имати дводелну структуру. Први сегмент чинио би описно-идеографски део у ком би глаголи били распоређени према описаном хијерархијском принципу у групе у оквиру којих су дати азбучним редом, а затим лексикографски обрађени. Други део чинио би азбучни списак глагола, са упућивањем на број групе, што би олакшало саму употребу речника.

Што се тиче микроструктуре, СРГ захтева посебну формалну структуру лексикографског чланка и различите типове информација, па би, стога, његову микроструктуру осим одреднице (1) чинили следећи елементи (в. Слику 2): обележје вида (2), видски парњак (3), рекција (4), семантичка дефиниција (5), пример (6).

Слика 2. Пример лексикографске обраде глагола *избацити*

Глагол ће бити наведен као граматичка јединица, тј. у облику инфинитива, у акцентованој форми и, уколико постоје, приказаће се и морфолошке дублетне и ијекавске варијанте. Облици исте семантике, а различитог вида, даваће се под једном одредницом, док ће рефлексивни облик бити посебна одредница. Као основни, наводиће се глагол свршеног вида, а у загради његов несвршени парњак, уколико припадају истој ЛСГ. Дефиниција ће бити прилагођена типу речника, те би она требало да потврди припадност глагола одређеној групи. Састојаће се из описног и синонимског дела, уколико синоним постоји, али ће се са́мо дефинисање синонимима избегавати. На крају чланка наводиће се сажети ауторски примери употребе као допуна дефиниције и илустрација значења.

Дакле, СРГ представљао би мешавину лексикографског и семантичког истраживања. Кроз њега се може сагледати системска организација глагола, могу се уочити сложене везе

и односи који код глагола постоје на различитим нивоима. Планирани речник би требало да представи семантичке категорије глагола, да их систематизује и на тај начин прикаже одређени поредак у језику и омогући увид у његово функционисање.

Резултат нашег подухвата биће речник какав недостаје српској лексикографији, а који може задовољити разноврсне потребе корисника, пре свега оних који се баве науком, првенствено лексикографијом и лексикологијом, затим компаративним и контрастивним анализама, наставом српског језика, превођењем итд.

Кључне речи: семантички речник глагола, глагол, семантичко поље, семантичко потпоље, лексичко-семантичка група, семантичка категоризација, српски језик.

ЛИТЕРАТУРА И ИЗВОРИ

Арнольд И.В. „Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста.” Арнольд И.В. (отв. ред.). *Текст как объект комплексного анализа в ВУЗе*. Ленинград: ЛГПИ, 1984, стр. 3–11.

Белоусова А.С. „О новых жанрах словарей русского языка под редакцией академика Н.Ю. Шведовой.” Чернышева М.И. (отв. ред.). *Славянская лексикография*. Москва: Международный комитет славистов, Комиссия по лексикологии и лексикографии – Национальный комитет славистов Российской Федерации – Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2013, 481–496.

Вердиева З.Н. *Семантические поля в современном английском языке*. Москва: Высш. школа, 1986.

Драгићевић Р. *Лексикологија српског језика*. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2007.

Караулов Ю.Н. *Общая и русская идеография*. Москва: Наука, 1976.

Караулов Ю.Н. *Русский язык и языковая личность*. Москва: Едиториал УРСС, 2003.

ЛСГРГ: *Лексико-семантические группы русских глаголов*. Матвеева Т.М. (ред.). Свердловск: Издательство Уральского университета, 1988.

Речник српскога језика. Нови Сад: Матица српска, 2007.

РСРГ: *Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы*. Бабенко Л.Г. (ред.). Москва: Аст-пресс, 1999.

Уфимцева А.А. „Теорији «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка.” Уфимцева А.А. (ред.). *Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике*. Москва: Изд-во АН СССР, 1961, стр. 30–68.

Geeraerts D. *Theories of Lexical Semantics*. New York: Oxford University Press Inc., 2010.

Hartmann R.R.K., James G. *Dictionary of Lexicography*. London – New York: Routledge,1998.

Strauss J. „The lexicological analysis of older stages of languages.” Fisiak J. (ed.). *Historical Semantics. Historical Word-Formation*. Berlin – New York – Amsterdam: Mouton Publishers, 1985, pp. 573–582.

Vujović D. *Glagoli kretanja u savremenom srpskom jeziku – semantika i derivacija*. <https://digitalna.ff.uns.ac.rs/sadrzaj/2019/978-86-6065-562-4> 03.10.2024.

Zgusta L. *Priručnik leksikografije*. Sarajevo: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 1991.

THE LEXICON OF THE OLD CHURCH SLAVONIC TEXT CORPUS AS REFLECTED IN THE DIGITAL HISTORICAL DICTIONARIES OF SLAVIC LANGUAGES

VLADIMIR NEUMANN (GERMANY)

This paper analyzes the lexicographical documentation of Old Church Slavonic vocabulary by comparing digitized historical dictionaries with authentic textual transmission. The starting point is the observation that the lexical documentation of Old Church Slavonic and later Church Slavonic texts is largely shaped by editorial decisions, while a systematic evaluation of the actual coverage is still lacking. The aim, therefore, is to compare the lexical entries in classical dictionaries with the actual occurrences in the digital corpus, identify divergences, and draw conclusions about the current state and limitations of traditional lexicography.

At the center of this analysis is the *MultiSlavDict* project (hosted by Slavistik-Portal, Berlin State Library), which provides a structured digital framework for major dictionaries of early Church Slavonic. The examined works include Miklosich's *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum* (PGL, 1862–65), Vostokov's *Slovar' cerkovno-slavjanskago jazyka* (1858–61), Sreznevskij's *Materialy dlja slovarja drevne-russkago jazyka* (MDS, 1893–1912), the *Handwörterbuch zu den altkirchenslawischen Texten* by Sadnik and Aitzetmüller (1955/²1989), and the *Slovník jazyka staroslověnského* (SJS, 1958–2015) – the most comprehensive lexicographic project on Old Church Slavonic to date. The latter is based on a decades-long card index compiled by the Czech Academy of Sciences, some of which remains unpublished but is accessible in digitized form online. Lexicographic access to the vocabulary is not neutral but reflects philological and editorial choices, source selection, and often inconsistent lemmatization practices.

The dictionaries are integrated into a unified data model using *Natural Language Processing*-supported methods (lemmatization, normalization, source encoding). Their lemmas and attestations can then be analyzed and compared along various dimensions – such as geographic region, text type, or chronological layer. Particularly revealing is the dominance of specific sources in individual dictionaries. In Miklosich's PGL case, for instance, a database-driven analysis of all source references shows that approximately 70% of the attested vocabulary derives from his own edition of the *Codex Suprasliensis*. This finding is based on original quantitative analysis of the data structure, supplemented by comparison with Miklosich's earlier *Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti* (1850). While the centrality of the Codex Suprasliensis in Miklosich's work had already been noted in earlier research (cf. Cejtlin 1986), a systematic study of source distribution had not previously been conducted.

Such dependence on single sources inevitably shapes the lexicographic perspective and results in lexical gaps elsewhere.

To make these tendencies empirically visible, the project employs various forms of quantitative analysis and data visualization. Frequency distributions of source references are calculated for each dictionary, allowing for a comparative view of textual dependencies. Visual tools such as bar charts, source composition diagrams, and interactive dashboards make it possible to identify overrepresented and underrepresented texts at a glance. In addition, lexical overlap and divergence between dictionaries (e.g., Miklosich, SJS, and Sadnik) are explored through Venn diagrams and clustering techniques. These visual analyses reveal structural imbalances in the selection of sources and expose editorial biases that may otherwise remain hidden in the printed entries. This approach is grounded in the systematic comparison between the lexical inventories of the dictionaries and a curated reference corpus consisting of digitally processed and, where available, morphosyntactically annotated Old Church Slavonic and later Church Slavonic texts. These include, in particular, the Gospels and the *Codex Suprasliensis*, which provide a representative textual base for empirical validation (cf. Cleminson 2012, Eckhoff & Berdičevskis 2015).

Findings include, among other things: a clearly visible reliance of older dictionaries on a narrow canon of texts, selective representation of peripheral vocabulary, and differences in lemmatization conventions. Lexical "gaps" also become apparent – that is, words attested in the corpus which lack any lexicographical representation. These often concern *hapax legomena*, lexically opaque forms, or textually problematic attestations. Visualizations in the form of source distribution charts, Venn diagrams, and diachronic scatter plots make these tendencies visible – for instance, in comparing the distribution of sources in Miklosich (PGL), SJS, and Sadnik (1955), where clear editorial biases and omissions of specific genres can be identified.

Despite their enduring relevance and scholarly reputation (cf. Fuchsbauer 2013, Voß 1997), many of these dictionaries have not yet been sufficiently analyzed with respect to their internal structure and source basis. For decades, researchers have used them as unquestioned authorities, without scrutinizing their lexicographic composition in detail. A systematic evaluation and reclassification of the available material is, however, essential for ensuring scholarly reuse in digital form. Clustering the lexicon according to textual, functional, and diatopic criteria using modern methods opens new perspectives – both for assessing existing entries and for expanding the lexical base.

One particular research desideratum concerns the integration of marginal lexical fields: specialized vocabulary (e.g., theological, administrative, or medical terminology) as well as

regional or dialectal material are only incompletely represented in the classical dictionaries. Existing word lists – such as those compiled by Christian Voß based on the Paranesis of Ephraim the Syrian – offer significant potential for such enrichment (cf. Voß 1997). The theoretical foundation for this is provided by Keipert's concept of a "functional lexicon", which does not derive from idealized literary standards but from the actual diversity of attested vocabulary (cf. Keipert 1993). A digitally supported expansion in this direction represents a logical and necessary step in the further development of Old Church Slavonic lexicography.

This paper thus advocates for a methodologically informed, data-driven, and text-based rereading of the Old Church Slavonic lexicographic tradition. Lexicographic authority is not treated as a fixed canon, but as a historically contingent product of editorial practice – and therefore a legitimate object of critical analysis.

REFERENCES

Cejtlin 1986: Cejtlin, Ralja Michajlovna: Leksika drevnebolgarskich rukopisej X-XI vv. Sofia 1986.

Cleminson 2012: Cleminson, Ralph. „‚Codex Suprasliensis' and the Principles of Digital Editing". Preotkrivane: Suprasălski sbornik, starobălgarski pametnik ot X vek / Rediscovery: Bulgarian Codex Suprasliensis of 10th Century. Ed. Anissava Miltenova. Sofija 2012, 25–34.

Eckhoff and Berdičevskis 2015: Eckhoff, Hanne Martine; Berdičevskis, Aleksandrs. „Linguistics vs. digital editions: The Tromsø Old Russian and OCS Treebank". SeS 14–15 (2015), 9–25.

Fuchsbauer 2013: Fuchsbauer, Jürgen: „The Dioptra as a source of Miklosich's Lexicon Palaeoslovenico--Graeco--Latinum". In: Miklosichiana bicentennalia. Zbornik u čast dvestote godišnjice rođenja Franca Miklošiča. Ed. Jasmina Grković-Mejdžor. Beograd 2013, 33–61

Keipert 1993: Keipert, Helmut: „Die Christianisierung der Kiever Rus' als lexikologisches Problem". In: Millenium Russiae Christianae. Tausend Jahre Christliches Rußland 988-1988. Vorträge des Symposiums anläßlich der Tausendjahrfeier der Christianisierung Rußlands in Münster vom 5. bis 9. Juli 1988. Ed. Gerhard Birkfellner. Köln-Weimar-Wien 1993.

Miklosich PGL: Miklosich, Franz von: Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum emendatum auctum. Vindobonae 1862–1865.

Miklosich 1850: Miklosich, Franz von: Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti. Vindobonae 1850.

Pilát 2016: Pilát, Štefan: „Projekt GORAZD: digitální portál staroslovenštiny. Slovník jazyka staroslověnského: historie, osobnosti a perspektivy". František Čajka et al. Vydání první. Praha 2016, 117–125.

Sadnik/Aitzetmüller 1955: Sadnik, Linda und Aitzetmüller, Rudolf: Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Unveränderter Nachdruck der Ausgabe von 1955. Heidelberg 1989.

SJS: Slovník jazyka staroslověnského. Ed. Josef Kurz, Zoe Hauptová. Praha: ČSAV 1958–2015.

Sreznevskij MDS: Sreznevskij, Izmail Ivanovič: Materialy dlja slovarja drevne-russkago jazyka po pis'mennym pamjatnikam. 3 vols. Vol. 1 (1893): A–K; Vol. 2 (1902): L–P; Vol. 3 (1912): R–Ja i dopolnenija. Sanktpeterburg 1893–1912.

Voß 1997: Voß, Christian: Die Paränesis Ephraims des Syrers in südslavischen Handschriften des 14.-16. Jahrhunderts: zur Lexik der altbulgarischen Erstübersetzung und ihrer Überlieferung. Freiburg i. Br. 1997.

Vostokov 1861: Vostokov, Aleksander Christoforovič: Slovar' cerkovno-slavjanskago jazyka. Sanktpeterburg 2 vols. 1858–1861.

FROM THE RESULTS OF SLAVIC (SLOVAK-CZECH-RUSSIAN) RESEARCH ON BIBLICAL PHRASEOLOGY

DANA BALÁKOVÁ, VIERA KOVÁČOVÁ (SLOVAKIA)
Filozofická fakulta Katolíckej univerzity v Ružomberku

The paper presents the results of a research focused on the cultural heritage of the Bible in the phraseological fund of selected Slavic languages. The transnational Slavic framework refers to units of international character – biblical phrasemes of Slovak, Czech and Russian languages.

With respect to the range of different opinions on the definition of biblical phraseology, it should be noted that the authors prefer its broader understanding – the examined set includes phrasemes connected with biblical texts both directly and indirectly. The units are:

(a) those with a direct expressive counterpart in the Bible, i.e. more or less quotational character in Slovak, Czech and Russian languages [e.g. *hlas volajúceho volajúceho na púšti // hlas volajícího na poušti // глас вопиющего в пустыне,* En. a voice [crying] in the wilderness; a [lone] voice in the wilderness; *padnúť na úrodnú pôdu // padnout na úrodnou půdu, упасть на добрую почву* – En. equivalent: to fall into (on) good ground (soil)*; Kto nepracuje, nech neje // Kdo nepracuje, ať nejí // Кто не работает, тот [да] не ест* – En. If any would not work, neither should he eat];

b) biblically motivated, arising as allusions to biblical images or parables [e.g. *návrat márnotratného (strateného) syna // návrat marnotratného (ztraceného) syna // возвращение блудного сына* – En. the return of the prodigal son];

c) those disseminated by the Bible but also known from other sources [e.g. *Oko za oko, zub za zub // Око за око, зуб за зуб* – En. Eye for eye, tooth for tooth]; *Kto druhému jamu kope, sám do nej (s)padne // Kdo druhému jámu kopá, sám do ní padá // Не рой (не копай) другому яму, сам в неё попадёшь* – En. He who digs a pit for others may fall himself therein].

The sociolinguistic approach made it possible to obtain valuable empirical material. Its analysis provided a picture of the current state of knowledge and application of biblical phraseology both in Slovak cultural-linguistic relations (generational comparison: young generation – middle generation – seniors) and in the interlinguistic framework (Slovak-Czech comparison with subsequent reflection on the situation in the Russian community). Thus, the research probe of the questionnaire type is characterized by the cross-generational and intergenerational dimension, intra- and inter-linguistic approach. One of the aims of the research was to perceive the dynamics in the current state of knowledge and use of biblical phraseology in comparison: vitality in the transgenerational continuum versus retreat in communicative application.

The authors seek answers to the following questions concerning the vitality of the 80 phrasemes in the contemporary language: (1) Which of these units are known and which are not known to the contemporary language user (phrasemes with high/low level of familiarity)? (2) Which of the phrasemes with a high level of familiarity are also actively used?

However, they reflect not only on the knowledge and use but also on the understanding of biblical phrasemes – deciphering the semantic properties of the phrasemes by the respondents and determining the factors that condition this interpretation of the meaning of the phrasemes. In certain cases, the phraseosemantic interpretive dimension enables researchers to notice also such semantic shifts in perception that acquire a wider interindividual validity, become generalized, and thus are heading towards the cementing of another meaning of the phraseme, towards creation of a new phraseological lexis.

The paper also takes into account the aspect of the source of the phrasemes – the search for an answer to the question to what extent the language users are aware of, feel the connection of a given set of phrasemes with the Bible (analysis of the differentiated ability to identify the biblical origin). From the respondents' point of view, specific attention is paid to phrasemes from opposite poles, i.e. biblical filiations clearly felt and realized – versus phrasemes where the awareness of the connection with biblical texts is insignificant or nonexistent.

The research focus of the paper is primarily on:

- The current state of knowledge and application of biblical phraseology in intergenerational and interlinguistic comparison,

- registration and interpretation of cognitive-pragmatic shifts in the semantic aspect of selected phrasemes,

- the relationship of phrasemes to the source, including its reflection in the awareness/consciousness of language users (intuiting/awareness of the filiation of idioms with a biblical source).

REFERENCES

BALÁKOVÁ, D.: Biblická frazeológia v intra-/interjazykovom slovenskom a českom kontexte I. [Biblical Phraseology in Intra/Interlinguistic Slovak and Czech Continuum I.].
In: Jazykovedný časopis, 2017, 68/3, 459-472.

BALÁKOVÁ, D. – KOVÁČOVÁ, V.: K výskumu biblickej frazeológie. [On Research of Biblical Phraseology]. Ružomberok: Verbum 2017.

BALÁKOVÁ, D. – KOVÁČOVÁ, V.: Parémie biblického pôvodu v interjazykových slovanských reláciách (na materiáli výsledkov medzinárodného sociolingvistického výskumu). [Paroemias of Biblical Origin in Interlinguistic Slavic Context (Based on the Material from the Results of International Sociolinguistic Research)]. In: Slavica Slovaca, 2020, 55/2, 223-237.

BALÁKOVÁ, D. – KOVÁČOVÁ, V. – MOKIJENKO, V. M.: Nasledije Biblii vo frazeologii. [Bible Heritage in Phraseology]. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität 2013.

BALÁKOVÁ, D. – KOVÁČOVÁ, V. – TYROL, A.: Zo života biblickej frazeológie. [From the Life of Biblical Phrasemes]. Ružomberok: Verbum 2024.
BALÁKOVÁ, D. – MOKIJENKO, V. M.: Nič nové pod slnkom. [There is nothing new under the sun]. In: Slavistična revija, 2016, 64/2, 113-124.
BALÁKOVÁ, D. – KOVÁČOVÁ, V. – MOKIJENKO, V. M.: Biblijska frazeologija z vidika jezikovnih uporabnikov Ruščine (iz izsledkov sociolingvistične raziskave. [Biblical Phraseology Through the Lens of Russian Language Users (From the Results of Sociolinguistic Research)]. In: Slavistična revija, 2020, 68/2, 299-310.
IVANOV, Je. Je. – MOKIJENKO, V. M. (eds.): Lepta biblejskoj mudrosti. A – O. P – Ja. [A Pinch of Biblical Wisdom]. Mogilev: MGUI A. A. Kulešova 2019.
KOVÁČOVÁ, V.: Biblická frazeológia v intra-/interjazykovom slovenskom a českom kontexte II. [Biblical Phraseology in Intra/Interlinguistic Slovak and Czech Continuum II.]. In: Jazykovedný časopis, 2017, 68/3, 473-490.
MLACEK, J.: Cez poznávanie k používaniu biblických frazém v súčasnej komunikácii. [Through Knowledge to the Usage of Biblical Phrasemes in Contemporary Communication] In: Walter, H. et. al. (eds.): Die slawische Phraseologie und die Bibel. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität 2013, 138-144.
MOKIJENKO, V. M.: Bibleizmy v jevropejskoj frazeologii i paremiologii. [Biblical Expressions in European Phraseology and Paremiology] In: Walter, H. et. al. (eds.): Die slawische Phraseologie und die Bibel. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität 2013, 144-153.
SKLADANÁ, J.: Biblia ako prameň slovenskej frazeológie. [The Bible as a Source of Slovak Phraseology] In: Habrajska, G. (ed.): Tekst sakralny. Tekst inspirowany liturgią. Łódź: WUŁ 1997, 289-294.
STĚPANOVA, L.: Frazémy biblického původu (na materiále slovenštiny, češtiny a ruštiny). [Phrasemes of Biblical Origin: On the Slovak, Czech and Russian Material] In: Kováčová, V. et al. (eds.): Aspekty literárnovedné a jazykovedné II. Ružomberok: KU 2009, 107-119.
ŠINDELÁŘOVÁ, J.: Biblická frazeologie v povědomí mladé a střední generace učitelů primárních škol. [Biblical Phraseology in the Knowledge of the Young and the Middle Generation of Primary School Teachers]. In: Janovec, L. et al. (eds.): Svět v obrazech a ve frazeologii. Praha: UK 2017, 187-205.

FRAZEOLOŠKE MODIFIKACIJE U HRVATSKOME: OD KNJIŽEVNIH VELIKANA DO SUVREMENOG JEZIKA

IVANA FILIPOVIĆ PETROVIĆ (HRVATSKA)
Zavod za lingvistička istraživanja
Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti
ifilipovic@hazu.hr

JELENA PARIZOSKA (HRVATSKA)
Učiteljski fakultet Sveučilišta u Zagrebu
jelena.parizoska@ufzg.unizg.hr

Među temeljnim obilježjima frazema u frazeološkoj teoriji važno mjesto zauzima njihova promjenjivost. Sustavnija istraživanja obrazaca po kojima se promjene u frazemima događaju omogućena su pojavom velikih računalnih korpusa, zahvaljujući primjerima upotrebe i statističkim podacima. Pionirski radovi korpusne frazeologije [9], [13] pokazali su da mnogi frazemi dopuštaju veću fleksibilnost nego što se isprva mislilo, pa čak i pokazuju vlastitu pravilnost i produktivnost. Uz to, istraživanja modifikacija pokazala su da iza bogate jezične kreativnosti postoji određena logika, pri čemu važnu ulogu mogu imati i doslovna značenja sastavnica [11], [14].

Odmak od konvencionalnog oblika frazema u govornom i pisanom jeziku može biti znatan, a nastaje zamjenom frazeoloških sastavnica drugim riječima, ubacivanjem novih elemenata u sastav frazema, izmjenom uobičajenog redoslijeda sastavnica, promjenom gramatičkih odnosa ili ponovnim aktiviranjem leksičkih značenja riječi u sastavu frazema. Na taj način govornici frazeme prilagođavaju za specifičnu upotrebu u diskursu, stvarajući frazeološke modifikacije. Riječ je o namjernim i svjesnim preinakama izvorne forme i značenja frazema zbog komunikacijske svrhe, često ironije, humora, pojačane slikovitosti i ekspresivnosti. U literaturi ih se naziva ad hoc neologizmima (engl. *nonce use*) [1], kreativnim modifikacijama [4], eksploatacijama [9], frazeološkim igrama [3] i drugo. U ovome radu koristimo termin modifikacija kao najraširenij u radovima na hrvatskome jeziku.

Frazeološke modifikacije kao fenomen jezika u upotrebi nije posve jednostavno istraživati, osobito bez alata za pretragu zbirki tekstova i bez statističke obrade podataka. Malobrojni radovi na hrvatskome istraživali su modifikacije u novinskim tekstovima [5], [10], a u novije vrijeme i u suvremenim mrežnim korpusima hrvatskog jezika [2], [12]. Ta su istraživanja pokazala da je varijabilnost frazema sustavna, čak i kada govornici mijenjaju frazeme u kreativne svrhe, izmjene u leksiku i strukturi slijede određene obrasce i unutarnju logiku. Cilj je ovoga rada pokazati da je sustavnost u tim promjenama stabilna i kroz vrijeme. Stoga se u radu frazeološke modifikacije promatraju iz dijakronijske i sinkronijske perspektive, usporedbom književnih izvora iz 19. i 20. stoljeća s primjerima iz suvremenih računalnih korpusa hrvatskoga jezika. Pritom se teorijski oslanjamo na kognitivnolingvistički pristup,

prema kojem su inovativne frazeološke strukture utemeljene na postojećim konceptualnim preslikavanjima [6], [7], što znači da se one ne događaju samo na jezičnoj, već i na konceptualnoj razini. Drugim riječima, isti kognitivni mehanizmi koji motiviraju promjene frazema mogu se prepoznati i u književnim tekstovima iz 19. stoljeća i u suvremenom jeziku.

U nedostatku dijakronijskog korpusa hrvatskog jezika koji bi omogućio sustavnu analizu promjena u upotrebi frazema i njihovih varijanata kroz vrijeme, za istraživanje koristili smo korpus Benešićeva *Rječnika hrvatskoga književnoga jezika od preporoda do I. G. Kovačića* koji je sastavljen od 460 književnih djela nastalih tijekom stotinu godina između polovice 19. i polovice 20. stoljeća, a nalazi se u sustavu Indigo Digitalne zbirke Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti, koja objavljuje taj rječnik.[1] Za suvremeni jezik, koristili smo najnoviji i najveći računalni korpus hrvatskoga jezika CLASSLA.web-hr [8].

Na sljedećim primjerima frazeoloških modifikacija koje pokazuju stabilnost u vremenu, pokazujemo strategije koje govornici primjenjuju kad modificiraju frazeme. Primjeri se mogu podijeliti u dvije skupine: u prvoj su pokazane modifikacije na razini jednog frazema, pri čemu se zadržava njegova osnovna struktura i značenje, ali se leksičke sastavnice mogu kreativno mijenjati ovisno o diskursnoj namjeri, a pritom prepoznatljivost izvornog izraza ostaje ključna za interpretaciju. U drugoj skupini primjera riječ je o ponavljajućem obrascu koji se javlja u više različitih frazema. Govornici primjenjuju strategiju intenzifikacije – pojačavanja značenja zamjenom sastavnica izraženijim elementima. Takve su modifikacije prepoznatljive po kognitivnom i pragmatičkom mehanizmu koji ih povezuje.

U književnom djelu *Slike iz života hrvatskoga naroda po Slavoniji i Sriemu* Mijata Stojanovića iz 1881. javlja se frazem *tko o čemu, kurjak o kvaru*, a u djelu *Šala i satira* Stjepana Ilijaševića iz 1892. varijanta *tko o čem, a baba o uštipcih*. Taj frazem ima stabilnu binarnu strukturu, a izražava stereotip da svatko stalno govori o nečemu što ga najviše zanima ili ga na neki način definira. Tako se vuk povezuje s prijetnjom i štetom, a žena (baba) s pripremom hrane, što su stereotipizirane i kulturološki kodirane slike pomoću kojih se razumije značenje tih izraza. U suvremenom korpusu hrvatskog jezika najčešći je oblik toga frazema *tko o čemu, kurva o poštenju*. Umjesto sastavnice *kurva* javljaju se još i: *sudci, lopovi, Dinamo, Hajduk, dame noći i tovari.* Tu je vidljiva aktualizacija i pomak prema ironiji i osudi. Zadržava se struktura i značenje frazema, ali se prva sastavnica mijenja radi kritike: uloga se dovodi u pitanje jer se osoba/grupa percipira kao nekompetentna ili neautentična u vezi s temom o kojoj govori, pa se pojmu *poštenja* suprotstavljaju različiti članovi društvene zajednice, ovisno o

[1] https://benesic.hazu.hr/

perspektivi govornika. Frekventni su i primjeri u kojima je leksički sastav drugog dijela frazema posve izmijenjen: *tko o čemu, Amerikanci o zdravom životu; tko o čemu, katolici o seksu; tko o čemu, ja o gemištu.* Ovdje se frazem kreativno aktualizira, koristeći poznatu strukturu za komentar na društvene stereotipe, globalne teme i kontradikcije. Govornik se oslanja na prepoznatljiv frazeološki okvir, ali ga namjerno puni neočekivanim sadržajem.

Drugi tip strategije koju govornici primjenjuju kad mijenjaju frazeme odnosi se na naglašavanje značenja dodavanjem, odnosno stupnjevanjem, najčešće brojevnim ili evaluativnim leksemima. To je primjerom *Knez Fran nije mislio na drugo, nego kako da vrati tri šila za jedno ognjilo* iz romana *Urota zrinsko-frankopanska* iz 1916. već učinio Eugen Kumičić, modificirajući frazem *vratiti šilo za ognjilo* koji u konvencionalnom obliku znači *osvetiti se*, dok u citiranom primjeru znači *višestruko se osvetiti*. Takav obrazac dodavanja elemenata kako bi se naglasilo značenje vidljiv je i u modifikacijama frazema u suvremenom jeziku. Frazem *fali komu daska u glavi* govornici često modificiraju kako bi stupnjevali značenje i dodatno naglasili obilježje ludosti, često do razine hiperbole: *ne fali komu daska, nego cijela baraka / pilana / 15 kvadrata*. Također, frazem *dva/tri koplja iznad/ispred* u značenju 'puno bolji' često se modificira tako što se sastavnice dva i tri zamjenjuju drugim riječima kako bi se istaknulo da je netko daleko bolji:

> *Pivo je po meni definitivno sto kopalja ispred kave.*
> *Uvjerljivo najbolji nastup festivala, tristo kopalja iznad svega drugoga.*

Korpusna analiza frazeoloških modifikacija pokazuje da se jezična kreativnost temelji na sustavnim obrascima koji ostaju prepoznatljivi kroz vrijeme. Unatoč leksičkim i stilskim promjenama, govornici zadržavaju strukturalnu i konceptualnu jezgru frazema, što osigurava njihovu funkcionalnost. Istraživanje je pokazalo da se isti kognitivni mehanizmi, koji motiviraju promjene frazema, mogu prepoznati kako u književnim tekstovima 19. i 20. stoljeća, tako i u suvremenom jeziku. Iako se razlikuju leksičke sastavnice koje se u modifikacijama pojavljuju, motivacija u pozadini tih preoblikovanja ostaje ista.

Frazemi su u tom smislu prostor jezične kreativnosti: njihova upotreba i mijenjanje njihova sastava ili forme odraz su komunikacijske potrebe za prilagođavanjem jezika različitim konceptualizacijama socijalnog i fizičkog iskustva. Pritom jezične promjene nisu slučajne, već sustavne, pa razvoj jezika, uključujući i njegov frazeološki sloj, predstavlja kontinuiran i univerzalan proces.

LITERATURA

[1] Cowie, Anthony; Mackin, Ronald; McCaig, Isabel. 1983. *Oxford dictionary of current idiomatic English 2: Phrase, clause and sentence idioms.* Oxford University Press.

[2] Filipović Petrović, Ivana. 2020. Kako Iggyju reći pop, a Dylanu bob: iz korpusnih istraživanja frazema. *Filologija*, 75, 147–164.

[3] Fink, Željka. 1997. Frazeološke igre u reklamama ili misli li četkica za zube svojom glavom. *Tekst i diskurs. Zbornik Hrvatskoga društva za primijenjenu lingvistiku* [ur. Andrijašević, Marin; Zergollern-Miletić, Lovorka]. Zagreb: HDPL, 325–330.

[4] Gläser, Rosemarie. 1998. The stylistic potential of phraseological units in the light of genre analysis. *Phraseology*: *theory, analysis, and applications* [ur. Cowie, Anthony]. Oxford: Clarendon Press, 125–143.

[5] Kovačević, Barbara. 2012. Frazeološke modifikacije u novinskim naslovima. *Učenye zapiski Tavričeskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo*, 25 (64), 141–145.

[6] Kövecses, Zoltán. 2005. *Metaphor in culture: universality and variation*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.

[7] Lakoff, George; Turner, Mark. 1989. *More than cool reason: a field guide to poetic metaphor.* Chicago – London: University of Chicago Press.

[8] Ljubešić, Nikola; Rupnik, Peter; Kuzman, Taja. 2024. *Croatian web corpus CLASSLA-web.hr 1.0.* http://hdl.handle.net/11356/1929

[9] Moon, Rosamund. 1998. *Fixed expressions and idioms in English. A corpus-based approach.* Oxford: Clarendon Press.

[10] Parizoska, Jelena. 2006. Semantičke modifikacije frazema u novinskim naslovima. *Jezik i mediji. Jedan jezik: više svjetova.* Zagreb – Split: HDPL, 533–540.

[11] Parizoska, Jelena. 2022a. Idiom modifications: What grammar reveals about conceptual structure. *Lexis*, 19, 6293.

[12] Parizoska, Jelena. 2022b. *Frazeologija i kognitivna lingvistika*. Zagreb: Srednja Europa.

[13] Sinclair, John. 1991. *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford: Oxford University Press.

[14] Steyer, Kathrin. 2020. Multi-word patterns and networks How corpus-driven approaches have changed our description of language use. *Computational Phraseology* [ur. Corpas Pastor, Gloria; Colson, Jean-Pierre]. Amsterdam: John Benjamins, 274–295.

БИБЛЕЙСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В РУССКОМ И СЛОВЕНСКОМ ЯЗЫКАХ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ, СЕМАНТИЧЕСКИЙ, ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

Елена Коницкая (Литва)
Вильнюсский университет
jelena.konickaja@flf.vu.lt

Библейские тексты, обладающие неоспоримым общественным авторитетом, на протяжении двух тысячелетий формировали культурные традиции народов Европы, являясь мерилом духовности и нравственности. Каждый народ, принимая христианство в его текстах, включил библейские выражения, сюжеты, образы в свою культуру, формируя особый пласт лексики и фразеологии в языке.

Библейские фразеологизмы (БФ) – устойчивые, воспроизводимые в речи, раздельнооформленные единицы, как правило, обладающие экспрессивностью и имеющие переносные значения (метафорические, символические, аллегорические, обобщенно-образные), представляющие собой «свернутый микротекст», прямо или косвенно связывающие БФ с первичным источником – Священным Писанием (далее СП). Функционирование БФ в разных языках и культурах характеризуется как общими, так и специфическими чертами, отражая не только наднациональные, универсально-христианские, но и национально-окрашенные представления, что свидетельствуется различиями в корпусах БФ разных языков и выявляется на разных уровнях анализа.

Русские и словенские БФ выполняют все функции, присущие фразеологизмам других групп. Их использование в разных дискурсивных типах и жанрах обеспечивается самой частотной функцией БФ в художественном и массмедийном дискурсах, а именно экспрессивно-образной и экспрессивно-эмоциональной.

Сопоставление БФ в двух славянских языках в разных аспектах (Коницкая 2012; Коницкая 2015; Коницкая 2019) на материале около 350 русских и 280 словенских БФ (цитатных и ситуативных, первичных и вторичных) из фразеологических словарей двух языков показало, что эквивалентные БФ могут характеризоваться различной частотностью, ср. данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и словенского корпуса GigaFida 2.0 (показаны абсолютные числа, без учета повторяющихся контекстов, прямых обращений к текстам СП и под.):

	НКРЯ		GigaFida 2.0
Вавилонская башня	363	Babilonski stolp	393
отделить плевелы от пшеницы	26	ločiti ljuljke od pšenice	22

Лотова жена	5	Lotova žena	5
волк в овечьей шкуре	122	volk v ovčji koži/ kožuhu/obleki	85
соль земли	172	sol zemlje	83
тьма египетская	105	Egiptovska tema	10
золотой телец	138	zlato tele	262
око за око	226	oko za oko	386
голос вопиющего в пустыне	19	glas vpijočega v puščavi	221
Фома неверный/неверующий	69	Tomaž nejeverni	564
альфа и омега	250	alfa in omega	1790

Корпусы БФ в двух языках различаются по составу. К специфически русским относятся, напр.: *Аредовы веки, устами младенцев глаголет истина, бесплодная смоковница, власти предержащие, ничтоже сумняшеся, во многоглаголании несть спасения, имя им легион, питаться акридами, бразды правления, страха ради Иудейска* и мн. др. Специфически словенскими являются: *Abrahamova leta, srečati Abrahama*, *gadja zalega*, *živeti kot lilija na polju*, *sedem suhih let*, *nebo se je zaprlo*, *zbirati komu žerjavico na glavo*, *božja njiva*, *zganjati hudiča z belcebubom* и др. Уникальные БФ могут носить междометный характер: слвн. *Križana gora!*, *Za pet kristusovih ran!* и др. Отбор выражений из СП, образов, сюжетов составляет национальную специфику языков.

Отмечены различия в лексическом наполнении БФ (ср.: рус. *Соринку в чужом глазу видеть, а бревна в своем не замечать,* слвн: *pezdir / iver v očesu svojega bližnjega vidi, bruna v svojem pa ne opazi*), а также дополнение либо отсутствие компонентов соотносимых БФ, обычно не влияющие на их общее значение. В русских БФ может использоваться архаичная лексика (дань длительной церковнославянской традиции), в словенских БФ, как правило, представлена лексика с прозрачной семантикой: ср. рус. *хлеб насущный* и слвн. *vsakdanji kruh*, где *vsakdanji* ‘ежедневный’, рус. *довлеет дневи злоба его* и слвн. *dovolj je dnevu njegova (lastna) teža* и др.

Отмечены также различия в значениях и употреблении некоторых русских и словенских БФ, что может объяснять и количественные различия. Так, БФ слвн. *alfa in omega* используется в более широком круге контекстов, чем рус. *альфа и омега*, ср. *Zmago Sagadin, alfa in omega tivolskega košarkarskega kluba*; *Pravilno popečeno meso je alfa in omega za dobro omako* (GF); рус. *Интеллигенция в то же время видела в политике альфу и омегу всего бытия своего и народного* (НКРЯ). Различия значений данных БФ

фиксируются словарями: рус. *альфа и омега*: *1. Начало и конец чего-либо; 2. Самое главное, основное в чём-либо* (ФСРЛЯ); слвн. *alfa in omega*: *kdor vse ve, je absolutna avtoriteta na kakem področju; kar je temeljna, glavna stran* (SSF).

Различия в значениях соотносимых БФ могут быть вызваны культурно-историческими причинами: ср. рус. БФ *вавилонская блудница* ‘бессовестная, распутная женщина’ (ФСРЛЯ), слвн. *vlačuga babilonska* «star., kot luteranska psovka za katoličane», (SSKJ); рус. *меньшие братья* ‘животные’ (ФСРЛЯ; исходно ‘люди невысокого общественного положения, обездоленные’) и слвн. БФ *manjši brat* ‘монах-францисканец или миннорит’ (SSKJ).

Интересно появление аналогичных новых значений БФ в двух языках: слвн. *volk v ovčji koži,* наряду со значением ‘лицемер, скрывающий дурные намерения под маской добродетели’, развил новое – ‘техническое устройство с непритязательной оболочкой и мощными техническими возможностями’, напр.: *Imenuje se Omnibook 800CT in je izjemen dosežek najsodobnejše tehnologije. Pravi volk v ovčji koži* (GF), ср. то же у рус. *Волк в овечьей шкуре* (в единичных примерах): *Кто-то уже успел окрестить этот автомобиль «волком в овечьей шкуре»* (НКРЯ).

Отдельную группу составляют БФ, содержащие имена библейских персонажей. Заметные различия в этой группе могут быть связаны с конфессиональной спецификой двух славянских культур – православием (русская культура) и католичеством (словенская культура), ср. ФБ с именем *Пилата* в БФ, отсылающих к евангельскому рассказу о суде над Иисусом (Лк. 23:1-12): слвн. *kakor Pilat v kredo, Pilat v veri*, *hoditi (iti) od Poncija do Pilata, oprati si roke (kot Pilat)* и рус. *посылать от Понтия к Пилату* (БСРП), книжн. ‘о волоките в делах, когда просителя, не давая ему ответа, направляют от одного чиновника к другому’. Имя ап. Петра встречается в единичном русском БФ *отречься как Петр от Христа* (Дубровина), имя ап. Павла неизвестно в русских БФ, но представлено в слвн: *Peter ali Pavel* и *Peter in Pavel* ‘любой человек’ (SSF).

Анализ БФ двух языков демонстрирует различия в переводах текстов СП, лежащих в основе БФ, в лексических связях компонентов БФ; эти факторы определяют возможности модификаций БФ в их функционировании в текстах. Ср. рус. *дух веет, где хочет* (< Ин 3:8), слвн. *Veter veje, koder hoče* (< Jan 3:8). В переводах в качестве опорной лексемы выступают слова разных сфер – рус. *дух* и слвн. *veter*, это ведет к разным объемам значений и способам трансформаций, влияя также на частотность, ср. рус. БФ – более 600 примеров (НКРЯ), слов. БФ – 6 (GF). Рус. БФ положительно окрашен и соотносится с полем *свободы, широты, вдохновения, творчества, любви*; модификации

содержат широкий спектр глагольных окказиональных синонимов: *Дух самовольничает/поет/ витает, где хочет*. Слвн. БФ с опорным словом *veter* (указывающим на атмосферное явление) связан с полем *путешествий, территориального распространения;* возможно появление негативной окраски: *Resnica je veter, ki veje koder hoče, in njegovo rezilo ti razreže dušo* (GF). С многозначностью опорного компонента связаны различия в функционировании БФ рус. *египетская тьма* и слвн. *egiptovska tema.* Рус. *тьма* отличается более широким спектром значений (‘темнота, мрак’; ‘о чем-то недоступном сознанию’; ‘безвестность’, ‘слепота’, ‘невежество’), что дополняется также экспрессивным употреблением на основе *тьма*[2] ‘множество’, а также переносом значения из сферы синонимичной лексемы *мрак* ‘о безобразном, безнадёжном состоянии кого-, чего-л’ (БТСРЯ): *Все равно какой-нибудь буддизм получится, неразбериха, мезальянс, тьма египетская и вообще – Африка* (НКРЯ); слвн. *tema* имеет значение ‘отсутствие света’, книж. ‘состояние отчаяния’, книж.‘отсталость’, устар. ‘множество’ (SSKJ), при этом в слвн. БФ учитывается лишь первое значение.

Исследование русских и словенских БФ, проводимое в разных аспектах – функциональном, сематическом, лингвокультурологическом, с учетом использования БФ в текстах, демонстрирует значительные различия в одной из групп так называемых интернациональных фразеологизмов, восходящей к одному источнику – Священному Писанию.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

БСРП - Мокиенко В.М., Никитина Т. Г. *Большой словарь русских поговорок.* Москва: Олма Медиа Групп. 2007.

БТСРЯ = Кузнецов С. А. (общ. ред.). *Большой толковый словарь русского языка*. М.: Астрель: АСТ, 2000. https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar (доступ 10.04.2025).

НКРЯ = *Национальный корпус русского языка* [электронный ресурс]. URL: http://ruscorpora.ru Дата последнего обращения: 13.04.2025.

ФСРЛЯ = Федоров А.И. *Фразеологический словарь современного русского литературного языка*. Москва: Астрель, АСТ. 2004.

GF = *Gigafida 2.0.* URL: http://www.gigafida.net/. Дата обращения: 12.04.2025.

SSF = Keber J., *Slovar slovenskih frazemov*. www.fran.si. Dostop 12. 03. 2025.

SSKJ = *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. Druga, dopolnjena in deloma prenovljena izdaja. URL: www.fran.si. Dostop 12. 03. 2025.

Дубровина К.Н., *Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре.* Москва: Флинта, 2012.

Коницкая Е., 2012. Библейские фразеологизмы в русском и словенском языках. In: *Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве: Материалы Международной научной конференции (26–28 апреля 2012 г., Псков)*: в 2-х частях. Часть 2. 192-201.

Коницкая Е., 2015. Библейские имена в русской и литовской фразеологии: лингвокультурологический аспект. In: *Rojena v narečje. Akademkinji prof. dr. Zinki Zorko ob 80-letnici* (Zora 114). 584-599.

Коницкая Е., 2019. Русские и словенские библейские фразеологизмы как интерпретации библейского текста. In: *Девятые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы конференции*. Москва: Индрик. 107-112.

KLASIFIKACIJA FITOLOŠKIH FRAZEMA[1]

BARBARA KOVAČEVIĆ (HRVATSKA)
Institut za hrvatski jezik
bkova@ihjj.hr

IVANA VIDOVIĆ BOLT (HRVATSKA)
Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu
ividovic@m.ffzg.unizg.hr

Hrvatska frazeografska riznica obogaćena je 2017. godine još jednim ukoričenim jednojezičnim rječnikom. *Rječnik hrvatskih animalističkih frazema* [9] prvi je i zasad jedini tematski hrvatski frazeološki rječnik s metaforičkim višerječnim izrazima koji u svojemu sastavu imaju naziv za životinju ili pak životinjsku pridjevnu izvedenicu (npr. **skupljati kao hrčak** *što* 'skupljati i čuvati potrebne i nepotrebne stvari', **ponašati se kao slon u staklani (staklarnici, staklarni, trgovini porculana)** '1. biti izrazito nespretan, nanositi štetu svojom nespretnošću; 2. neadekvatno se ponašati', **lavlja griva** 'bujna i razbarušena kosa', **svračje noge** 'loš (ružan) rukopis'), naziv za dio životinjskoga tijela (npr. **biti (naći se) u** *čijim* **kandžama** 'biti (naći se) u čijoj nemilosrdnoj vlasti (moći), postati potpuno ovisan *o kome*', **imati pileći mozak** 'biti intelektualno potkapacitiran', **disati na škrge** '1. teško disati, jedva dolaziti do daha; 2. jedva preživljavati'), te frazeološke sveze čije su sastavnice vezane uz životinjski svijet (npr. **držati uzde** 'vladati, gospodariti, zapovijedati', **žedan kao deva <u pustinji>** 'vrlo žedan', **živjeti <kao> u brlogu** 'živjeti u neurednom (prljavom) prostoru', **kao muhe (muha) na med** [lijepiti se, letjeti i sl.] 'oduševljeno, s pomamom [lijepiti se, letjeti i sl.]', **glodati golu kost** 'otimati se oko nevažnih stvari', **gugutati kao golubovi** 'zaljubljeno razgovarati, izražavati nježne osjećaje /o ljubavnom paru/)'.

Osim animalističkih (ili uže gledano zoonimnih) frazema u hrvatskome su jeziku najzastupljeniji somatski frazemi te frazemi motivirani biljnim svijetom. Upravo stoga je u pripremi *Rječnik hrvatskih fitoloških frazema* koji obuhvaća fitološke frazeme, ustaljene višerječne izraze/jedinice metaforičkoga karaktera, čija je nosiva sastavnica i/ili ukupna pozadinska slika povezana s biljnim svijetom. Frazemi su ekscerpirani iz ukoričenih i mrežnih frazeoloških i općih jednojezičnih i višejezičnih rječnika, *Bibliografije hrvatske frazeologije s frazeobibliografskim rječnikom* [1], ovjerene u nacionalnim korpusima (*Hrvatski mrežni korpus* (hrWaC), *Hrvatski nacionalni korpus*, *Hrvatska jezična riznica*), putem mrežnoga pretraživača *Google*, u književnim djelima i raznim tiskovinama te prikupljene anketiranjem izvornih govornika hrvatskoga jezika.

[1] Ovaj je rad nastao u okviru istraživačkoga projekta *Hrvatska somatska frazeologija (frazeografski pristup)* koji financira Europska unija – NextGenerationEU. Za iznesene stavove i mišljenja odgovoran je samo autor, te ti stavovi ne odražavaju nužno službena stajališta Europske unije ili Europske komisije. Ni Europska unija ni Europska komisija ne mogu se smatrati odgovornima za njih.

Fitološki se frazemi mogu podijeliti na tri osnovne skupine:

1. Frazemi s fitonimnim sastavnicama, tj. nazivom za kojega pripadnika biljnoga carstva bez bez obzira je li došlo do metonimijskoga prijenosa na neki anatomski dio biljke, npr. **osjetljiv kao mimoza** 'jako osjetljiv', **za kikiriki** 'za sitan novac'; **biti (naći se) u nebranome (neobranome) grožđu** 'biti (naći se) u neprilici'**, jabuka razdora** 'predmet sukoba', **vrući krumpir** 'velik (osjetljiv) problem, neugodnost koja se želi prebaciti na drugoga', **tako je pao grah** *komu* 'tako je moralo biti', **jesti (najesti se) bunike** 'izgubiti razum, praviti ludosti', **pobrati/brati lovorike** 'ostvariti/ostvarivati uspjeh, postati/postajati slavan', **<to je> na vrbi svirala** '<to je> nedostižno (neostvarivo)'.

2. Frazemi s fitosomatskim sastavnicama, tj. općim anatomskim nazivom za dio biljke, npr. **doći (stići) na zelenu granu** 'popraviti svoj položaj, oporaviti se od gubitaka', **mlad kao pupoljak** 'veoma mlad', **presjeći (sasjeći** i sl.**) u korijenu** *što* 'uništiti *što*, onemogućiti *što* u samom početku', **tresti se (drhtati) kao list na vjetru** 'tresti se, drhtati /od straha/', **urodilo je (urodit će) plodom** *što* 'postignut je uspjeh, uspješno je završeno *što*', **čuvati (ostaviti) za sjeme** *koga, što* 'držati (ne bacati) nešto što više nije potrebno', **proći/prolaziti (provesti se) kao bos po trnju** 'doživjeti velike neugodnosti'.

3. Frazemi s fitonimnim i/ili fitosomatskim pridjevnim izvedenicama, npr. **stajati kao lipov (drveni) svetac** 'ukočiti se, ukočeno (usiljeno) se držati', **trnovit put** 'mukotrpan put do cilja'; **cvjetno doba** 'najbolje doba, doba napretka', **smokvin list** 'prikrivanje negativnih pojava', **zabiti glogov kolac** *komu, čemu* 'uništiti *koga, što*; zadati smrtni udarac *komu, čemu*', **mahati maslinovom grančicom** '1. nuditi mir, 2. nastojati se prikazati kao mirotvorac' i

4. Frazemi s ostalim fitološkim sastavnicama vezanim uz biljni svijet (**od drveća ne vidjeti šume (šumu)** 'od malih stvari ne vidjeti velike, ne shvaćati (ne vidjeti) najvažnije', **otići na bunjište** <*čega*> 'biti odbačen kao nesposoban', **u punom cvatu je** *što* 'na vrhuncu je *što*, u najvišem stupnju razvitka je *što*', **debela hladovina** 'dobro plaćeno radno mjesto, posao bez mnogo rada', **obrati <zelen> bostan** 'loše proći, nastradati, pretrpjeti neuspjeh', **paziti** *na koga* **kao na cvijeće u pitaru** 'brižno čuvati *koga*, biti pažljiv *prema komu*', (usp. [4], [5]). U tu skupinu pripadaju i „frazemi koji nemaju fitonimne ni fitosomatske sastavnice, ali su svojom motivacijom i pozadinskom slikom vezani uz biljni svijet" (usp. [3]): **imati zelene prste** 'biti uspješan u uzgoju <ukrasnog> bilja', **kruh bez motike** 'život bez naporna rada, lagodan (bezbrižan) život, život bez naprezanja', **široko *ti* polje!** '1. radi što hoćeš<!>, 2. odlazi<!>', **ni orao ni kopao** 'ne radi (ne poduzima) ništa, nego uživa u plodovima tuđeg rada *tko*', **imati slamu (piljevinu) u glavi** 'biti priglup (neinteligentan)', **sijati u vlažno tlo** 'raditi ono što donosi sigurnu korist'.

Najbrojniju skupinu čine frazemi u kojima se za sastavnicu pojavljuje neki fitonim, tj. konkretni naziv za kojega pripadnika biljnoga carstva, a posebno razgranatu skupinu pak frazemi s dijelovima biljke uz osnovne anatomske organe biljke, a to su prema anatomiji bilja – korijen, stabljika, list, cvijet i plod. Naziv biljke može se u frazemu realizirati kao fitonimna ili kao fitosomatska. Tako je u frazemu **nije** *tko* **s kruške pao** 'nije naivan *tko*, nije lud *tko* <da učini *što*>' u pozadinskoj slici stablo, dok je u frazemu **pasti kao zrela kruška** 'nespretno pasti, tresnuti' u pozadinskoj slici plod stabla.

Pojedini fitološki frazemi mogu na formalnome planu sadržavati više fitonimnih sastavnica (npr. **kad na vrbi rodi grožđe** 'nikad, to se neće nikad dogoditi', **zbrajati kruške i jabuke** 'spajati nespojivo, ne razlikovati nejednake stvari (pojmove)') ili kombinaciju fitonimnih i fitosomatskih sastavnica (npr. **pun kao šipak <koštica>** 'prepun; nabijen'; **princeza na zrnu graška** 'razmažena osoba, ona kojoj sve smeta'). Fitološku frazeologiju čine i frazemi koji se prema sastavnicama mogu ubrojiti i u neku drugu tematsku skupinu – somatsku ili animalističku (npr. **trn u oku (peti)** *komu* 'velika smetnja *komu*, ono što je odbojno *komu*', **grlom u jagode** [ići, srljati i sl.] 'olako, nespremno, nepromišljeno [ići, srljati i sl.]', ali i frazemi s fitonimnom komponentom (npr. **istući/tući (prebiti** i sl.) **kao vola <u kupusu>** *koga* 'istući (prebiti i sl.) žestoko i nemilosrdno *koga*', **slobodan kao ptica <na grani>** 'potpuno slobodan, bez ikakvih obveza').

Predstavljena klasifikacija frazema ključna je za izbor korpusa i izradu rječnika koji obuhvaća frazeologizirane višerječne jedinice s komponentom koja je dio biljnoga svijeta ili su pak motivirani slikama i zbivanjima u svijetu flore. Podjela je rezultat rada na *Rječniku hrvatskih fitoloških frazema* kao jednom u nizu specijaliziranih tematskih rječnika, a na tragu zagrebačke frazeološke škole koja se posebno skrbi za frazeografsku djelatnost. Time se ovaj rječnik koncepcijski naslanja na objavljeni *Rječnik hrvatskih animalističkih frazema*, ali i na veliki somatski frazeološki rječnik koji se izrađuje na projektu *Hrvatska somatska frazeologija – frazeografski pristup* (SOMA) koji pri Institutu za hrvatski jezik od 2024. do 2028. godine financira Europska unija iz paketa za gospodarski oporavak Next Generation EU. Finaliziranjem tih triju rječnika hrvatska će frazeologija dobiti na jedinstven način odabrane i obrađene tri najveće tematski zatvorene skupine frazema.

LITERATURA

[1] Fink Arsovski, Željka; Kovačević, Barbara; Hrnjak, Anita. 2023. *Bibliografija hrvatske frazeologije s frazeobibliografskim rječnikom*. Zagreb: Knjigra, https://www.knjigra.hr/wp-content/uploads/2023/10/Bibliografija-hrvatske-frazeologije-25-10-2023.pdf .

[2] Kovačević, Barbara. 2012. Hrvatski frazemi od glave do pete. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.
[3] Kovačević, Barbara. 2021. Kruške, jabuke, šljive, mene voli Ive… *Hrvatski jezik*, 8/4, 24–26.
[4] Kovačević, Barbara; Vidović Bolt, Ivana. 2023. „From head to hoof – Croatian idioms with a somatic component". U: *Europhras 2021. Phraseology, constructions and translation. Corpus-based, computional and cultural aspects* [ur. Jean-Pier Colson]. Louvain: Presses universitaries de Louvain, 111–118.
[5] Kovačević, Barbara, Vidović Bolt Ivana. 2025. Flora i fauna u hrvatskoj frazeologiji i frazeografiji. U: *Sarajevski filološki susreti 7: zbornik radova* [ur. Sarajkić, Mirza; Kodrić, Sanjin; Spahić, Elmir]. Sarajevo: Bosansko filološko društvo. 170–179.
[6] Matešić, Josip. 1982., *Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika*. Zagreb: Školska knjiga.
[7] Menac, Antica; Fink Arsovski, Željka; Venturin, Radomir. 2014. Hrvatski frazeološki rječnik. Zagreb: Naklada Ljevak.
[8] Vidović Bolt, Ivana. 2011. Životinjski svijet u hrvatskoj i poljskoj frazeologiji I. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada.
[9] Vidović Bolt, Ivana, Barčot, Branka; Fink-Arsovski, Željka; Kovačević, Barbara; Pintarić, Neda; Vasung, Ana. 2017. Rječnik hrvatskih animalističkih frazema. Zagreb: Školska knjiga.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЗАГОЛОВКАХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТ И НОВОСТНЫХ САЙТОВ

МАЛИКА АЙМАГАМБЕТОВА (КАЗАХСТАН)

Фразеология как раздел языкознания традиционно привлекает внимание исследователей, однако в последние годы особый интерес вызывает функционирование фразеологических единиц в медиапространстве. Современные журналистские тексты нередко апеллируют к устойчивым выражениям, особенно в заголовках, которые должны быть яркими, запоминающимися и, одновременно, информативными. Использование фразеологизмов позволяют достичь этих целей, но требует точного расчета со стороны автора – трансформация выражения должна быть понятной и уместной.

В современной журналистике проблемы повышения читательского спроса, читательской активности и качественного освещения тех или иных событий приобретают актуальное звучание. Во многом это связано с тем, что в последние десятилетие в связи с распространением электронных масс-медиа, Интернета и электронных средств коммуникации, потребность в печатных изданиях претерпевает период снижения, а те издания, которые присутствуют на рынке печатных масс-медиа, далеко не всегда соответствуют таким критериям качества, как истинность интерпретации фактов и явлений, доступность и интерес для читательской аудитории и соответствие материала лингвистическим нормам того языка, на котором он публикуется [1].

Однако в то же время не следует отрицать, что качественное печатное издание, в котором наличествует информация, побуждающая читателей к анализу, размышлению, составлению собственного мнения, существенно повышает интеллектуальный и духовный уровень развития человека, обогащает его речь, представления о современных фактах и явлениях, а также дает возможность не только составить личное мнение о чем-либо, но и совершить те или иные действия, поступки, сформировать определенные убеждения. Однако все это возможно лишь при условии, что печатный материал отвечает описанным выше критериям качества, с одной стороны, и представляет для читателя интерес – с другой.

В данной статье рассматриваются типы трансформаций фразеологических единиц в заголовках, анализируются цели их употребления и приводятся конкретные примеры. Исследование основано на анализе публикаций русскоязычных газет и интернет-

изданий. Под трансформацией фразеологических единиц понимается их частичное изменение при сохранении общего смыслового ядра. К основным видам трансформации относятся: лексическая замена, грамматическая модификация, контаминация, усечение или расширение фразеологизма, ироническая инверсия.

Трансформация преследует как стилистические, так и прагматические цели: усиление выразительности, провокация читательского интереса, придание тексту индивидуальности. Именно здесь заголовок играет важную роль: сообщает о сути текста (информативная), привлекает внимание (экспрессивная), мотивирует к прочтению (апеллятивная), формирует отношение к событию (оценочную).

В условиях информационной конкуренции задача заголовка – выделиться на фоне других публикаций. Именно поэтому журналисты активно прибегают к фразеологизмам, особенно в трансформированной форме [2]. Понимание фразеологизмов зависит от ряда факторов: возраста, образования, культурного контекста, профессиональной принадлежности. Молодежь быстрее интерпретирует неологизмы и сленг, тогда как старшее поколение предпочитает традиционные выражения. Профессиональные сообщества имеют свои собственные устойчивые обороты, непонятные посторонним. Например, «Когда клава залилась слезами» понятен ИТ-специалисту , но требует пояснения для широкого читателя.

Типы современных трансформаций:

1. Ироничная игра

Звезда сошла с небес на пресс-конференцию (Время, 2024) – трансформация «сойти с небес на землю»;

Погода диктует свои сапоги (Караван, 2023) – играно основе устойчивого выражения «Диктовать условия».

Цель – вызвать эмоциональный отклик, сделать заголовок метафоричным, создать эффект неожиданности.

2. Актуализация через реалии цифровой эпохи

Не в своем вайфае (Вечерний Алматы, 2025) – трансформация «не в своей тарелке».

Как вода на клаве: почему техника нас подводит (Караван, 2025). Такие примеры характеризуются игрой слов, ассоциативным мышлением и цифровой метафорикой.

3. Цитатные трансформации

Часто фразеологические единицы берутся из кино, песен, литературной классики и т.д. Это формирует дополнительную интертекстуальность и вызывает культурные ассоциации.

Они сражались за лайки (Zakon.kz) – фильм «Они сражались за Родину».

По ком звонит Telegram (переосмысление "по ком звонит колокол").

Социолингвистическая составляющая важна при анализе фразеологических трансформаций. Каждая социальная группа (по возрасту, профессии, образования, региону проживания) обладает специфическим фразеологическим фондом и ожиданиями в медиадискурсе. Для СМИ важно учитывать портрет читателя, контекст публикации (новость, аналитика, развлекательный контент), уровень языковой компетенции аудитории [3]. Ошибочное применение фразеологизмов или их непонимание может привести к искажению сообщения, ироническому эффекту вместо серьезного восприятия или полному непониманию заголовка.

Наше исследование проводилось на базе русскоязычных интернет-ресурсов и печатных изданий (*Казахстанская правда*, *Время*, *Литер*, *Caravan.kz*, *Informburo.kz*, *Zakon.kz*, *Lada.kz*, *Tengrinews*). Примеры трансформации фразеологизмов в казахстанских СМИ

Примеры трансформации фразеологизмов в казахстанских СМИ

Заголовок	**Источник**	**Исходный фразеологизм**	**Тип трансформации**
Ученье – свет, но не всем по карману	*Caravan.kz*	«Ученье — свет, а неученье — тьма»	Усечение + ироничная концовка
Без труда и нефти не вытащишь экономику из ямы	*Lada.kz*	«Без труда не вытащишь и рыбку из пруда»	Лексическая замена
От сумы и пандемии не зарекайся	*Zakon.kz*	«От сумы и тюрьмы не зарекайся»	Контекстуальная подмена
И волки сыты, и АПК при деле	*Казахстанская правда*	«И волки сыты, и овцы целы»	Лексико-семантическая адаптация
Как аким в проруби: и туда не плывёт, и обратно нельзя	*Informburo.kz*	«Как щука в проруби» / «В омут с головой»	Комбинированная метафора
Кому кочевье — мать родная, а кому — угроза стабильности	*Время*	«Мать родная» (общенародное выражение)	Контаминация

Зарплата ушла, но обещание осталось	*Tengrinews.kz*	«Сапоги остались, но нога ушла» (авторская ирония)	Семантическое преобразование
Семь бед — один ОФП	*Lada.kz*	«Семь бед — один ответ»	Лексическая игра, аллюзия

Приведённые заголовки демонстрируют ряд характерных особенностей:

1. Актуализация локальных реалий: встраивание в фразеологизмы лексем, отражающих казахстанский социум: нефть, АПК, акимы, ОФП, пандемия.

2. Смешение жанров: даже в серьёзных новостях используется ироничная стилистика, что сближает официальную информацию с публицистическим дискурсом.

3. Идентичность аудитории: многие выражения рассчитаны на массового читателя, знакомого с реалиями постсоветского пространства, включая отсылки к бытовому и политическому опыту 1990–2000-х годов.

4. Метафорическая многослойность: например, выражение *«Как аким в проруби»* отсылает одновременно к региональной специфике и классической метафоре о «пропавшей щуке».

5. Формирование культурной самоиронии: трансформация фразеологизмов в казахстанских заголовках нередко имеет оттенок саморефлексии, что сближает журналистский стиль с сатирической традицией [4].

Статистика трансформаций: лексические замены – 42%; ироничные инверсии – 18%; контаминации – 15%; классические фразеологизмы без изменений – 25% [4]. Отсюда следует вывод, что журналисты чаще прибегают к мягкой трансформации выражений, стараясь сохранить узнаваемость конструкции, но придать ей современный оттенок.

Функции фразеологизмов в заголовках:

1. Стилистическая: усиление выразительности, метафоричности, эмоционального окраса;
2. Информативная: краткое обозначение сути события;
3. Идентификационная: отсылка к определённому культурному коду;
4. Маркетинговая: побуждение к чтению, кликабельность;
5. Оценочная: выражение позиции автора или редакции.

Потенциальными рисками и ограничениями являются: неоднозначность интерпретации: фразеологизм может быть воспринят буквально; культурный барьер: аудитория может не знать исходное выражение; снижение доверия: при несоответствии

фразеологизма содержанию статьи [5]. Поэтому журналист обязан тщательно подбирать языковые средства в зависимости от жанра, формата и целевой аудитории.

Рекомендации для медиапрактики:

1. Оценивать культурный и возрастной профиль аудитории.
2. Избегать чрезмерной креативности при трансформации.
3. Соблюдать баланс между оригинальностью и понятностью.
4. Использовать фразеологизмы по назначению, не искажая их базовое значение без необходимости.
5. Применять трансформации только при наличии контекстуальной поддержки в тексте.

Фразеологические единицы, особенно в трансформированном виде, становятся неотъемлемой частью современного медиадискурса. Они позволяют журналисту решать сразу несколько задач: привлечь внимание, выразить отношение к событию, выстроить эмоциональный контакт с читателем. Однако эффективность их использования напрямую зависит от уместности и понятности для целевой аудитории.

Проведённый анализ подтвердил гипотезу о том, что трансформированные фразеологизмы уместны лишь при уверенности в том, что читатель их понимает. Именно это понимание делает их выразительным, функциональным и безопасным инструментом в медиапрактике.

БИБЛИОГРАФИЯ

Cowie A.P. Phraseology: Theory, Analysis and Application. – Oxford: Clarendon Press, 1998. – 258 p.

Мокиенко В.М. Функции фразем в современных СМИ. – СПб., 2016. □□№3. □ С. 7-19

Лазарева Э.А. Заголовок в газете. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989. – 82 с.

Костомаров В.Г. Из наблюдений за языком газеты: газетные заголовки//Из опыта преподавания русского языка нерусским. – М.: Мысль, 1965. – С. 163-181

Аймагамбетова М.М. Фразеологизмы в медийных заголовках: манипуляции, образность и экспрессия. – Алматы, Қазақ университет, 2025. – 224 с.

Shakenova M., Kusse H. Манипуляция как нетрансакционная перлокуция //Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2024. – Т. 194. – №. 2. – С. 47-58.

ЕТНОНИМИТЕ ВО КУЛТУРОЛОШКИ ДИЈАЛОГ (МАКЕДОНСКО-ПОЛСКО-РУСКИ ПАРАЛЕЛИ)

БИЉАНА МИРЧЕВСКА-БОШЕВА, ЛИДИЈА ТАНУШЕВСКА (СЕВЕРНА МАКЕДОНИЈА)

Предмет на интерес на овој труд се фраземите коишто содржат етнонимска[1] компонента која може да биде официјално именување (пр. Турчин, Грк, Англичанец), разговорна варијанта со пејоративно значење (пр. Циган, Ѓуптин, Енглез) или придавка изведена од етноним.

Главниот мотив за анализа на овој сегмент од фразеолошкиот фонд е нивната посебност. Имено, додека останатите оними при употреба во фразеолошки единици потполно се десемантизираат, етнонимите често задржуваат барем дел од своето значење, односно претставуваат семантички талог кој го мотивира значењето на фраземите. Покрај тоа, етнонимите се носители на стереотипи[2] кои ги откриваат наследените претстави и наталожените искуства на една заедница во однос на потеклото, јазикот, надворешниот изглед, менталитетот, карактерните особини на претставниците на други култури. Според Березович (2002) причините за појавата на одредена конотација кај етнонимите се екстралингвистички: тие се поврзани со историскиот, политичкиот, религиозниот и психолошкиот контекст на постоењето на една лексема и на нејзиниот референт. Тие екстралингвистички причини даваат поттик за формирање на конотации на етнонимите, кои потоа можат да се фиксираат во нив и да станат семантичко јадро на фразеолошкото значење.

Овој труд нема за цел да потврдува или оправдува некои стереотипи, туку да се фокусира на нивната културолошка мотивација и на нивната улога и функција во трите јазици посебно фокусирајќи се на опозицијата ние : тие / свое : туѓо.

Како извори на материјал за анализа користени се: Фразеолошкиот речник на македонскиот јазик (2003-2009), Толковниот речник на македонскиот јазик (https://makedonski.gov.mk/), Дигиталниот речник на македонскиот јазик (https://makedonski.info.mk) и Толковниот речник на современиот македонски јазик (https://zoze.mk) за македонски јазик; фразеолошките речници на А. Молотков (1968), В.

[1] Под поимот етноним во македонскиот јазик се подразбира номинација што означува племенска, односно национална или државна припадност. Тоа се имиња на жители на градови (скопјанец), на села (врбјанец) или на области (малешевци). Тие може да се изведуваат и од типографски апелативи (горани, речани) (Коробар 2019: 53).

[2] Според Људмила Поповиќ (2008) стереотипот претставува асоцијативен прототип (т.е. туѓо искуство во врска со фрагмент од вонјазичната реалност), со чие преземање говорителот стекнува фрагмент од колективната традиционална јазична слика на светот.

Жуков (1994), В. Мокиенко и Н. Никитина (2008), В.Телија (1995), А. Федоров (2008), И. Федосов, В. Лапицки (2003), О. Трофимкина (2005), Менац (2005), Баранов (2020) како и речникот на арго на В. Елистратов (2000) за рускиот јазик, а полските примери се ексцерпирани од фразеолошките речници на Скорупка (1993) и Флиќињски (2012). Покрај ова, вклучени се и единици што се регистрирани во статии и монографии посветени на оваа тематика, а кои не се регистрирани во речниците.

Поради разликите меѓу различните фразеолошки школи во однос на границите и предметот на фразеологијата, на материјалот му пристапуваме во поширока смисла на разбирање на терминот.

Јазичната слика за светот на секој народ содржи не само норми, традиции, обичаи и правила на однесување, туку и стереотипи за себе и за другите етнички групи. Ваквите стереотипи потекнуваат од античката идеја за поделба на простор на свој и на туѓ. Според Авагјан (2017: 1) за да се одвојат од другите, луѓето прибегнуваат кон означување на оние што не ги сметаат за слични на себе, истакнувајќи ги разликите во однесувањето, изгледот, јазикот, обичаите итн. Колку послични се народите, толку е поголема потребата за разграничување и обележување. Етноцентризмот на еден народ неизбежно ќе ја обои сликата на другите врз основа на неговата национална ментална структура и национално искуство. Колективната свест на еден народ за друг често зависи од условите во кои се наоѓаат овие народи, дали се работи за народи кои живеат во соседството, или за народи со кои се дошло до контакт или конфликт.

Етничкиот стереотип подразбира крајно поедноставени, воспоставени и широко распространети позитивни или негативни перцепции за припадниците на етничката група или национално малцинство типични за одредена социјална средина. Карактерните црти на етничкото стереотипизирање се врежани во јазичната свест на говорителот, кој ги отсликува во јазикот. Народот кој е еднаш лингвистички означен, засекогаш ќе остане во свеста на потомците таков каков што го претставувале нивните предци, иако овие потомци можеби никогаш во својот живот нема да сретнат претставници на етничката група за кои веќе имаат однапред изградена слика што ќе ја пренесат на своите потомци. Таквата поставка го прави стереотипот долготраен и нефлексибилен за промени. Овде треба да се напомене дека „кога станува збор за наследени претстави, на прв план излегуваат еталоните или сликовитите претстави кои често се засновани на претерување, на претпоставки кои не може да се проверат...“ (Мршевиќ-Радовиќ 2008: VII). Карактеристиките на одредена нација кои се предмет на стереотипизација и кои се најчесто негативни, не може да се објаснат со логични

аргументи, но со честото повторување добиваат призвук на познатост без оглед на нивната веродостојност.

Бројноста на примерите што беа ексцерпирани за ова истражување покажа дека станува збор за значаен сегмент од фразеолошкиот фонд којшто се одликува со продуктивност и честа употреба. Дел од единиците се мотивирани од конкретен историски настан или историски факт, дел произлегуваат од уметничката литература, а голем дел се должат исклучиво на стереотипната претстава на носителите на конкретниот јазик за себе и за другите.

Најголемиот дел од етнонимските фраземи се однесуваат на етноси со кои се дели иста заедница, се живее заедно на една територија (Власи, Роми, Евреи), а помал дел се однесуваат на други европски или азиски етноси.

Во оценката на „другиот“ во трите анализирани јазици доминира негативната конотација и тие се користат со значење на скржавост, алчност, неукост, нечесност, неискреност, користољубивост и сл. Поретки се примерите во коишто се изразуваат позитивни, пријателски чувства кон некој друг етнос. На пример, во полската поговорка *Polak Węgier, dwa bratanki, i do szabli, i do szklanki* Унгарецот е прикажан во позитивно светло. Ова потекнува од историските збратимени релации што Полјаците и Унгарците ги имале уште од средновековието, кога за полски крал бил избран претставник на унгарската династија Андегавенди, а подоцна во бројни воени конфликти Унгарците им доаѓале на помош на Полјаците и се бореле рамо до рамо, па затоа и поговорката вели „браќа по сабја и по чашка“. Во македонскиот јазик позитивно конотирана е на пример фраземата *како швајцарски часовник <саат> е* со којашто се изразува и пофалува нечија точност, додека во рускиот јазик Германците се тие што се издвојуваа по својата точност, педантност и дисциплина во примерите: *немецкая педантичность, немецкая точность, дисциплинированный немец*, *немецкая аккуратность*.

Во поглед на оценатa за себе, забележлив е дисбаланс помеѓу полскиот и рускиот јазик од една страна и македонскиот јазик од друга страна. Од издвоените фраземи може да се изведе заклучок дека Полјаците имаат поразвиена свест за себството, за сопствените морални и етички вредности во споредба со Македонците, на пример. Од полските фраземи произлегува дека Полјаците најдобро се разбираат и живеат со Полјаците (*pogadać (dogadać się, napić się) jak Polak z Polakiem*). Иако поретко, се среќаваат и изрази со негативна конотација, како на пример во поговорката *Gdzie dwóch Polaków, tam trzy zdania*, што ја изразува историската неслога внатре, во самиот народ. Русите преку различни споредби со други народи (*что русскому хорошо, – то немцу*

смерть; француз боек, а русский стоек; немец с шумом идет, русский – сметкой берет) ги потенцираат позитивните страни, додека во македонскиот јазик, пак, етнонимот Македонец обично се среќава во негативен контекст, со погрдно значење и со самокритичка определба (*Македонецот секогаш страдал од Македонецот*).

Особено се интересни за анализа фраземите коишто во трите разгледувани јазици имаат исто значење, идентична структура, но во својот состав имаат различен етноним. На пример, *udaje Greka,* одговара на македонската фразема *се прави Англез* (преземено од српскиот јазик и никогаш не се сретнува со лексемата „Англичанец“) и на руската *строить из себя китайца.* Веројатно во време на настанувањето на оваа фразема, Гркот бил исто толку туѓ и далечен, колку и Кинезот за Русите и Англичанецот за балканските народи.

Од анализата на собраниот материјал може да се заклучи дека јазикот, а пред сѐ фразеологијата е одличен извор за проучување на културните, политичките и идеолошките претстави за одредени етнички заедници. Некои од овие фраземи се мотивирани од непосредниот контакт и искуство на човекот, но може да се должат на конкретен историско-политички контекст. Најголем дел од собраните единици имаат негативна конотација што е, всушност, и честа појава во фразеологијата.

КОРИСТЕНА ЛИТЕРАТУРА

Авагјан, К.К. 2017. *Стереотип странца у језичкој слици стварности Руса и Срба*: докторска дисертација. http://phaidrabg.bg.ac.rs/o:16882

Березович, Е.Л. 2002. „Ономасиологический портрет «человека этнического»: принципы построения и интерпретации“. *Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингвокультурологическом аспекте* (ред. Е.Л. Березович. Д.П. Гулик). Москва: Наука.

Велјановска, К. Мирчевска-Бошева, Б. 2021. „Етнонимите во македонската фразеологија“. *Имињата во македонската фразеологија*. Скопје: Антолог, 51-60.

Мршевић-Радовић, Д. 2008. *Фразеологија и национална култура*. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије.

Szczepańska, E. 2006. „Etnonimy deprecjonujące a stereotypy językowe w czeszczyźnie i polszczyźnie”. *Bohemistyka,* 4, Racibórz, 265-272.

Skomner, G. 2011. „Baba jak Szwed, czyli o ksenofobii we frazeologii”. *Folia Scandinavica, 12*, Poznań, 289-297.

Речници

Академический словарь русской фразеологии. ред. Баранов А.Н., Вознесенская М.М., Добровольский Д.О., Киселева К.Л., Козеренко А.Д. Москва: ЛЕКСРУС, 2020.

Дигитален речник на македонскиот јазик (http://makedonski.info/)

Елистратов В.С. *Словарь русского арго*. Москва: Русские словари, 2000.

Жуков В. П., *Словарь русских пословиц и поговорок*. Москва: Русский язык, 2000.

Михельсон М.И. *Большой толково-фразеологический словарь русского языка*: в 3 т. – Москва: ЭТС, 2005.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. *Большой словарь русских поговорок*. Москва: Олма Медиа Групп, 2007.

Молотков А.И. *Фразеологический словарь русского языка*. Москва: Советская энциклопедия, 1968.
Телия В.Н. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингво-культурологический аспекты*. Москва, 1996.
Толковен речник на македонскиот јазик. Ред. Кирил Конески, I–VI. Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“, 2003–2014.
Толковниот речник на современиот македонски јазик (http://zoze.mk)
Трофимкина О.И. *Сербохорватско-русский фразеологический словарь*. Москва: Восток-Запад, 2005.
Федоров А. И., *Фразеологический словарь русского литературного языка*. Новосибирск, 1995.
Федосов И.В., Лапицкий А.Н. *Фразеологический словарь русского языка.* Москва: ЮНВЕС, 2003.
Фразеолошки речник на македонскиот јазик. ред. Димитровски, Т. Ширилов, Т., I-III. Скопје: Огледало, 2003-2009.
Fliciński, P. *Wielki słownik frazeologiczny*, Poznań, 2012.
Menac A. *Rusko-hrvatski ili srpski frazeološki rječnik*. Zagreb: Školska knjiga, 1979.
Skorupka, S. *Słownik frazeologiczny języka Polskiego*, Warszawa, 1993.

THE RANGE OF DEGREES IN THE DETERMINOLOGIZATION OF LEXEMES IN THE MOST RECENT GENERAL EXPLANATORY DICTIONARIES OF SLOVENE, CZECH AND SLOVAK

NINA LEDINEK, MIJA MICHELIZZA (SLOVENIA)
ZRC SAZU, Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša
nina.ledinek@zrc-sazu.si, mija.michelizza@zrc-sazu.si

In this article, we address the treatment of determinologized lexemes in the *Slovar slovenskega knjižnega jezika* (Dictionary of the Slovene standard language, *eSSKJ, 3rd ed*) while briefly highlighting the similarities and differences in the description of determinologized lexis in comparable dictionaries of the Czech and Slovak languages—namely, the *Akademický slovník současné češtiny* (Academy dictionary of contemporary Czech) and the *Slovník súčasného slovenského jazyka* (Dictionary of the contemporary Czech language). In the main part of the article, we explain that the greatest challenges in editing determinologized lexemes arise from the fact that determinologization is a distinctly gradual process. While theoretical models mostly focus on two key degrees of determinologization—partial and complete—analysis of the material for *eSSKJ* and other dictionaries shows that the range of determinologization degrees is much broader. It ranges from partial determinologization through the blurring of meaning and usage in non-terminological contexts to various metaphorical shifts and phraseologization. A systematic and consistent lexicographical description of the lexicon in question is demanding but editorially meaningful, as it contributes to easier use of the dictionary and is important for utilizing dictionary data for natural language processing purposes. It also contributes to the development of more accurate theoretical models of determinologization.

REFERENCES

Kozma AHAČIČ, Nina LEDINEK, Andrej PERDIH, 2015: Portal Fran – nastanek in trenutno stanje. *Slovnica in slovar – aktualni jezikovni opis*. Ur. Mojca Smolej. Ljubljana: FF (Obdobja 34). 57–66.

ASSČ – Akademický slovník současné češtiny. Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR, v. v. i. Na spletu.

Uroš BONŠEK, 2024: Slovarska in zunajjezikovna merila za ugotavljanje reterminologizacije kot poimenovalnega načina v terminologiji: primer računalniške terminologije. *Jezikoslovni zapiski*. 30/2. 71–82. https://doi.org/10.3986/JZ.30.2.05.

eSSKJ – Slovar slovenskega knjižnega jezika, 3. izdaja. Na spletu.

Helmut FELBER, 1984: *Terminology manual*. Paris: UNESCO, Infoterm.

Nataša GLIHA KOMAC, Nataša JAKOP, Janoš JEŽOVNIK, Simona KLEMENČIČ, Domen KRVINA, Nina LEDINEK, Tanja MIRTIČ, Andrej PERDIH, Špela PETRIC, Marko SNOJ, Andreja ŽELE, 2015: *Koncept novega razlagalnega slovarja slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana: Založba ZRC. Na spletu.

Václava HOLUBOVÁ, 2001: K pojetí determinologizace. *Termina 2000, Sborník příspěvků z II. konference 1996 a III. konference 2000*. Ur. Milan Žemlička. Praha, Liberec: Galén, Technická univerzita v Liberci. 157–60.

Ján HORECKÝ, 1956: *Základy slovenskej terminológie*. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.

Alois JEDLIČKA, 1978: *Spisovný jazyk v současné komunikaci*. Praha: Univerzita Karlova.

Pavla KOCHOVÁ, Zdeňka OPAVSKÁ (ur.), 2016: *Kapitoly z koncepce Akademického slovníku současné češtiny*. Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR, v. v. i.

Domen KRVINA, Špela PETRIC ŽIŽIĆ, 2024: The Relation Between the Composition of Corpora (Genre Balance and Representativeness) and Their Reliability in Compiling General Explanatory Dictionary. *Slovenski jezik / Slovene Linguistic Studies* 16. 149–76. https://doi.org/10.3986/16.1.07.

Nina LEDINEK, 2009: Determinologizacija geografske terminologije. *Terminologija in sodobna terminografija*. Ur. Nina Ledinek, Mojca Žagar Karer, Marjeta Humar. Ljubljana: Založba ZRC. 247–58.

Nina LEDINEK, 2015: Obravnava izhodiščno terminološke leksike v novem slovarju slovenskega knjižnega jezika. *Slovnica in slovar – aktualni jezikovni opis*. Ur. Mojca Smolej. Ljubljana: FF (Obdobja 34). 441–8.

Nina LEDINEK, Mija MICHELIZZA, 2023: Issues in Treating Determinologized Lexemes in the eSSKJ General Explanatory Dictionary of Slovenian. *Collegium antropologicum* 47/2. 101–10. https://doi.org/10.5671/ca.47.2.2.

Andreja LEGAN RAVNIKAR, 2023: Med termini in determinologiziranimi leksemi v splošnem razlagalnem Slovarju slovenskega knjižnega jezika 16. stoletja (SSKJ16). *Slavistična revija* 71/4. 519–31. https://doi.org/10.57589/srl.v71i4.4139.

Sidney I. LANDAU, [2]2001: *Dictionaries: The Art and Craft of Lexicography*. Cambridge University Press.

Ingrid MEYER, Kristen MACKINTOSH, 2000: When Terms Move into Our Everyday Lives: An Overwiev of Determinologization. *Terminology* 6/1. 111–38.

Hana MŽOURKOVÁ, Jana NOVÁ, Jana PERNICOVÁ, 2017: Proměny lékařské terminologie v jednojazyčných výkladových slovnících. *Naše řeč* 100. 215–24.

Jana NOVÁ, 2018: Terms Embraced by the General Public: How to Cope with Determinologization in the Dictionary? *Proceedings of the XVIII EURALEX International Congress: Lexicography in Global Contexts*. Ur. Jaka Čibej idr. Ljubljana: Ljubljana University Press. 387–98.

Andrej PERDIH, 2020: Portal Fran: Od začetkov do danes. *Rasprave: Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje* 46/2. 997–1018. https://doi.org/10.31724/rihjj.46.2.28.

Špela PETRIC, 2020: Tipologija razlag v Šolskem slovarju slovenskega jezika. *Slavistična revija* 68/3. 391–409. Tudi na spletu.

Běla POŠTOLKOVÁ, 1984: *Odborná a běžná slovní zásoba současně češtiny*. Praha: Academia.

SSSJ – Slovník súčasného slovenského jazyka. Bratislava: Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.

Gašper TONIN, 2022: Kratični termini in priporočila za njihovo uporabo. *Jezik in slovstvo* 67/1–2. 209–21. https://doi.org/10.4312/jis.67.1-2.209-221.

Mitja TROJAR, 2023: Prepoznavanje terminov in determinologizirane leksike v izbranih starejših slovenskih slovarjih. *Slavistična revija* 71/4. 505–18. https://doi.org/10.57589/srl.v71i4.4141.

Mojca ŽAGAR, 2007: Determinologizacija v splošnih in terminoloških slovarjih. *Razvoj slovenskega strokovnega jezika*. Ur. Irena Orel. Ljubljana: FF (Obdobja 24). 599–609.

Mojca ŽAGAR KARER, 2011: *Terminologija med slovarjem in besedilom: analiza elektrotehniške terminologije*. Ljubljana: Založba ZRC.

Mojca ŽAGAR KARER, Nina LEDINEK, 2021: Med terminologijo in splošno leksiko: determinologizacija in z njo povezane slovaropisne ter uporabniške dileme. *Slovenski Jezik / Slovene Linguistic Studies* 13. 41–60. https://doi.org/10.3986/sjsls.13.1.03.

Andreja ŽELE, 2004: Stopnje terminologizacije v leksiki (na primerih glagolov). *Terminologija v času globalizacije*. Ur. Marjeta Humar. Ljubljana: Založba ZRC. 77–93.

SLOVENIAN METALANGUAGE AND LINGUISTIC TERMINOLOGY IN CONTEXT

MITJA TROJAR (SLOVENIAN)
ZRC SAZU, Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša
mitja.trojar@zrc-sazu.si

Linguistics occupies a unique position among scientific disciplines due to its capacity to directly cite the objects of its study. A central role in the characterization of metalanguage and linguistic terminology is played by autonyms or quoted elements of the primary language within the metalanguage. The semantic properties of linguistic concepts are also of particular interest: an analysis of the concept of *noun* in *Slovenska slovnica* (A Slovene grammar, Bajec et al. 1964) demonstrates that only the totality of asserted statements throughout the grammar provides a comprehensive representation of the concept. This highlights the crucial role of co-text, which is equally essential in the disambiguation of terms—i.e., in determining their specific textual meanings. It is therefore incorrect to assert that (linguistic) terminology is independent of context; on the contrary, context influences the activation of conceptual properties in a given instance and facilitates the determination of a term's meaning as relevant within the co-text.

REFERENCES

Kozma AHAČIČ (ur.), 2015: *Slovenske slovnice in pravopisi*. Na spletu.

Reiner ARNTZ, Heribert PICHT, Klaus-Dirk SCHMITZ, [7]2014: *Einführung in die Terminologiearbeit*. Hildesheim, Zürich, New York: Georg Olms Verlag.

Sylvain AUROUX, 1993: *La logique des idées*. Montréal, Paris: Bellarmin, Vrin.

Vanda BABIČ, 2003: *Učbenik stare cerkvene slovanščine*. Ljubljana: Filozofska fakulteta, Oddelek za slavistiko; Oddelek za slovenistiko.

Alan D. CRUSE, 1986: *Lexical semantics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Tanja FAJFAR, 2017: *Terminologija v Evropski uniji*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.

Helmut FELBER, 1984: *Terminology manual*. Paris: Unesco, Infoterm.

Helmut FELBER, [2]1995: *Allgemeine Terminologielehre und Wissenstechnik. Theoretische Grundlagen*. Dunaj: TermNet.

Robert GROŠELJ, 2015: Besedne vrste v slovenskem jeziku. *Slovar sodobne slovenščine: problemi in rešitve.* Ur. Vojko Gorjanc idr. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete. 498–513. Na spletu.

Reinhard Rudolf Karl HARTMANN, Gregory JAMES, 1998: *Dictionary of lexicography*. London; New York: Routledge.

Alenka JELOVŠEK, 2022: Besednovrstnost nedoločnih količinskih izrazov v novejši slovenski leksikografiji. *Slavistična revija* 70/4. 545–56. https://doi.org/10.57589/srl.v70i4.4081.

Andreja LEGAN RAVNIKAR, 2021: Konverzija v slovnici in slovarju: izhodišča za prepoznavanje konverzije v leksikografski praksi, *Slavia Centralis* 14/2. 177–94. https://doi.org/10.18690/scn.14.2.177–194.2021.

Jennifer PEARSON, 1998: *Terms in Context*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.

Josette REY-DEBOVE, [2]1997: *Le métalangage : étude linguistique du discours sur le langage*. Pariz: Armand Colin.

SIST ISO 1087:2021 *Terminološko delo in terminološka znanost – Slovar*. Ljubljana: Slovenski inštitut za standardizacijo.
Jože TOPORIŠIČ, 1982: *Nova slovenska skladnja*. Ljubljana: Državna založba Slovenije.
Jože TOPORIŠIČ, 1992: *Enciklopedija slovenskega jezika*. Ljubljana: Cankarjeva založba.
Jože TOPORIŠIČ, [4]2000: *Slovenska slovnica*. Maribor: Založba Obzorja.
Mitja TROJAR, 2015: Pregled definicij pojma "samostalnik" v izbranih slovenskih slovnicah. *Slovnica in slovar – aktualni jezikovni opis*. Ur. Mojca Smolej. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete (Obdobja 34). 767–74. Na spletu.
Mitja TROJAR, 2017a: *Development of Slovenian linguistic terminology in Slovenian grammars in the 18th and 19th centuries: Doktorska disertacija*. Nova Gorica: Univerza v Novi Gorici, Fakulteta za podiplomski študij.
Mitja TROJAR, 2017b: Wüster's view of terminology. *Slovenski jezik – Slovene linguistic studies* 11. 55–85. Na spletu.
Mitja TROJAR, 2023: Teorija metajezika in opis avtonimije v slovenščini. *Jezikoslovni zapiski* 29/2. 163–88. https://doi.org/10.3986/JZ.29.2.06.
Mitja TROJAR, 2025: Wüster's Ideas on Language, Linguistics and Terminology. *Terminology throughout History: a discipline in the making*. Ur. Kara Warburton, John Humbley. Amsterdam: John Benjamins. V tisku.
Mladen UHLIK, Andreja ŽELE, 2023: Ujemanje v zgradbah z glavnimi števniki: slovenščina v sopostavitvi z drugimi zahodnimi južnoslovanskimi jeziki. *Slavistična revija* 71/4. 337–54. https://doi.org/10.57589/srl.v71i4.4130.
Mladen UHLIK, Andreja ŽELE, 2024: Zgradbe z glavnimi števniki od pet naprej: sopostavitev slovenščine z drugimi južnoslovanskimi jeziki in ruščino. *Slovenski jezik – Slovene linguistic studies* 16. 3–26. https://doi.org/10.3986/16.1.01.
Ada VIDOVIČ MUHA, [2]2013: *Slovensko leksikalno pomenoslovje*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete Univerze v Ljubljani.
Eugen WÜSTER, 1931: *Internationale Sprachnormung in der Technik besonders in der Elektrotechnik*. Berlin: VDI-Verlag.
Eugen WÜSTER, [3]1991: *Einführung in die allgemeine Terminologielehre und terminologische Lexikographie*. Bonn: Romanistischer Verlag.
Mojca ŽAGAR KARER, 2011: *Terminologija med slovarjem in besedilom*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.
Andreja ŽELE, 2022: Posamostaljenje oz. substantivizacija v slovenščini: v razmerju do konverzije in poenobesedenja. *Slovenski jezik – Slovene linguistic studies* 14. 97–117. https://doi.org/10.3986/sjsls.14.1.04.

МОГУЋНОСТИ УПОТРЕБЕ КОРПУСА У ДИДАКТИЦИ ЈЕЗИКА СТРУКЕ ЗА ИТАЛИЈАНСКЕ СТУДЕНТЕ НА ПРИМЕРУ ПРЕВОЂЕЊА ПРАВНЕ ТЕРМИНОЛОГИЈЕ

ОЛЈА ПЕРИШИЋ (ИТАЛИЈА)

У раду се разматра могућност примене корпуса у настави српског као страног језика, с посебним освртом на дидактику правног превођења за италофоне студенте. Током шездесетих и седамдесетих година двадесетог века интралингвистичка истраживања из области језика струке била су усмерена на терминолошка питања и фреквенцијску анализу, односно на препознавање граматичких и лексичких структура карактеристичних за ову врсту текстова (Borić, 2023). Под утицајем функционалистичког приступа, фокус се постепено померао на друштвени, когнитивни и комуникативни аспект термина (Biel, 2014), нарочито на нивоу колокација и фразеологије (*lexical approach*, Lewis, 1993). Овај аспект постаје важан у пољу правног превођења где један од главних изазова представљају не само терминолошки еквиваленти, већ и различитост или потпуно одсуство појединих концепата у језицима различитих правних система (Longinotti, 2009). Зато се може рећи да је у правном превођењу од фундаменталног значаја оријентација ка изворном тексту, дакле стратегија отуђивања, а не одомаћивања текста. Са друге стране правни текстови често имају карактеристике не само стручног већ и књижевног језика што се најбоље уочава у случају културолошки обојених термина (реалија) везаних за правне системе различитих држава. Поред тога, закони обично одражавају дух одређене епохе и носе у себи читав низ позитивних или негативних конотација и друштвених интерпретација, те је на дијахронијском нивоу веома важно приближити ову врсту информација циљном читаоцу[1]. Приступ *Legal Translation Studies* (LTS) који се заснива на интердисциплинарном повезивању права, лингвистике, преводилачких студија и културологије, полази управо од ових премеса да би истражио могућност преношења правних концепата из једног правног система у други (Pontrandolfo, 2019).

Један од примера правног превођења, на који ће овај рад бити усмерен, односи се на документацију Европске уније, коју карактерише политика вишејезичности, с обзиром на то да се сви законски акти усвајају на 28 званичних језика, при чему свака

[1] Неки од примера су италијански закон о имигрантима Bossi-Fini (2002) који се често помиње у негативном контексту, док је закон Basaglia (1978) везан за позитиван контекст јер је њиме уведен нови, хуманији систем психијатријског лечења. У Србији је Тијанин закон (2019), изгласан након свирепог убиства девојчице, изазвао бројне емоције и полемике услед увођења доживотног затвора за тешка кривична дела.

језичка варијанта има једнаку правну снагу. У циљу олакшавања процеса превођења текстови се прилагођавају већ у фази нацрта, што доводи до настанка неке врсте хибридног језика, који омогућава висок степен стандардизације образаца и терминологије, као и њихово семантичко и синтаксно поједностављивање (Biel, 2014). Основни циљ оваквог приступа јесте постизање транспарентности и кохерентности садржаја у оквиру правних система свих земаља чланица, као и обезбеђивање њихове паралелне примене у односу на национална законодавства (Šarčević, 2016). Све наведено треба имати у виду када се говори о дидактици превођења правних текстова Европске уније који се не могу интерпретирати ван националних оквира сваке од чланица. Постојање корпуса и алата за претраживање текстова на хрватском језику на једној од најважнијих платформи за претраживање корпуса, *Sketch Engine*, је полазна тачка наставе базиране на корпусима. Ова платформа садржи једнојезичне и вишејезичне, паралелне правне текстове преведене на све језике Европске уније (EUR-Lex Judgments 12/2016 e DGT Croatian) који се могу користити у хрватској варијанти, уз могућност креирања српских упоредних корпуса (*comparable corpus*) на основу кључних речи (*keywords*) и аутоматске екстракције правне терминологије (*Term extractors*). На тај начин студенти могу учествовати у постепеном интегрисању правне терминологије за српски језик у већ постојеће глосаре који у овој области постоје на свим језицима чланица Европске уније[2].

На дидактичком нивоу бројне студије показале су успешност методе *DDL* (*Data driven learning*) која се заснива на употреби корпуса у настави страних језика и њену успешну интеграцију са традиционалним наставним материјалима и методама, између осталог и у дидактици језика струке (Moratto, Li, 2023, Boulton, 2016), не само већих светских језика, већи и српског као страног (Perišić, 2023). Ради се о *bottom-up* методи, која омогућава студентима да прегледањем и анализом аутентичних података самостално дођу до закључака о функционисању језика (Cobb, 1999). На пољу правног превођења методологија CAL² (*Computer-Assisted Legal Linguistics*) користи рачунарску лингвистику и правну анализу у циљу систематског проучавања правног дискурса (Vogel, 2017) чиме се омогућава идентификација образаца правног језика и истраживање лексикализације правних концепата у различитим контекстима[3]. Ова врста анализе врши

[2] https://eur-lex.europa.eu/summary/glossary.html?locale=hr

[3] Значај контекста препознат је у истраживањима терминологије још тридесетих година прошлог века почев од Вустерове теорије (Wüster, 1991, GTT *General Theory of Terminology*) која у први план ставља концепт (ономазиолошки приступ).

се захваљујући софтверима који омогућавају не само консултацију великог броја текстова и могућност њиховог процесуирања већ и статистичке анализе и визуализацију резултата на начин који омогућава уочавање учесталих образаца (*patterns*) и њиховог бољег разумевања на семантичком и синтаксичком нивоу[4]. Фокус се на тај начин помера са изоловане лексике на колокацијски, лексичко-граматички аспект речи и међусобно повезивање и „привлачење“ речи у контексту (L'Homme, 2000)[5].

Циљ овог рада је да се представе алати и методе који омогућавају креирање и анализу корпуса и њихову употребу у настави правног превођења са српског на италијански језик и на тај начин укаже на предност корпусне методе у односу на традиционалне алате у настави српског језика као страног.

Кључне речи: језик струке, правно превођење, италофони, паралелни корпуси, српски језик

ЛИТЕРАТУРА

Biel, Ł. (2014). Phraseology in Legal Translation: A Corpus-based Analysis of Textual Mapping in EU Law. In L. Cheng, K. K. Sin, & A. Wagner (Eds.), *The Ashgate Handbook of Legal Translation* (pp. 177–192). Burlington: Ashgate Publishing Company.

Borić, N. (2023). Teorijsko-metodološki okviri suvremenoga pristupa nastavi stranoga jezika struke. *Strani jezici*, 52, 239–261.

Boulton, A. (2016). Integrating corpus tools and techniques in ESP courses. *ASp – La revue du GERAS*, 69, 111–135.

Cobb, T. (1999). Applying constructivism: A test for the learner-as-scientist. *ETR&D*, 47, 15–31. https://doi.org/10.1007/BF02299631

Hoey, M. (2005). *Lexical priming: a new theory of words and language*. London & New York: Routledge.

Hunston, S. (2002). Pattern grammar, language teaching, and linguistic variation: Applications of a corpus-driven grammar. In R. Reppen, D. Biber, & S. Fitzmaurice (Eds.), *Using corpora to explore linguistic variation* (pp. 167–186). Amsterdam: John Benjamins.

Hunston, S., & Francis, G. (2000). *Pattern grammar: A corpus-driven approach to the lexical grammar of English*. Amsterdam: John Benjamins.

Lewis, M. (1993). *The Lexical Approach: The State of ELT and a Way Forward*. Hove, England: Language Teaching Publications.

L'Homme, M.-C. (2000). Understanding Specialized Lexical Combinations. *Terminology*, 6(1), 89–110.

Longinotti, D. (2009). Problemi specifici della traduzione giuridica: traduzione di sentenze dal tedesco e dall'inglese. *Quaderni di Palazzo Serra, 17, Rivista del Dipartimento di Scienze della Comunicazione linguistica e culturale dell'Università di Genova*, 256-299.

Moratto, R., & Li, D. (2023). *Advances in Corpus Applications in Literary and Translation Studies*. New York-London: Routledge.

Perišić, O. (2023). *Il corpus per imparare il serbo. Il futuro dell'apprendimento linguistico*. Alessandria: Edizioni dell'Orso.

[4] У основи се налази модел *Pattern Grammar* (Hunston & Francis, 2000), граматичко-семантички оквир који омогућава систематизацију и опис фреквентних лингвистичких образаца ексцерпираних из језичких корпуса (Hunston, 2002).

[5] У литератури посвећеној корпусној лингвистици за ову врсту повезивања речи у контексту чије је истраживање започело захваљујући корпусима користе се термини *lexical grammar* (Sinclair, 2000), *idiom principle* (Sinclair, 2001), *lexical priming* (Hoey, 2005).

Pontrandolfo, G. (2019). Corpus methods in legal translation studies. In Ł. Biel, J. Engberg, M. R. Martín Ruano, & V. Sosoni (Eds.), *Research Methods in Legal Translation and Interpreting* (pp. 13–26). New York-London: Routledge.

Sinclair, J. McH. (1991). *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford: Oxford University Press.

Sinclair, J. McH. (2000). Lexical Grammar. *Naujoji Metodologija*, *24*, 191-203.

Šarčević, S. (2016). Basic Principles of Term Formation in the Multilingual and Multicultural Context of EU Law. In *Language and Culture in EU Law: Multidisciplinary Perspectives* (pp. 183–205). London: Routledge.

Vogel, F. (2017). Calculating legal meanings? Drawbacks and opportunities of corpus-assisted legal linguistics to make the law (more) explicit. In D. Stein & J. Giltrow (Eds.), *The Pragmatic Turn in Law. Inference and Interpretation*. New York, Boston: Mouton de Gruyter.

Wüster, E. (1991). *Einführung in die allgemeine Terminologielehre und terminologische Lexikographie* (3rd ed.). Bonn: Romanistischer Verlag.

ПОЗАЈМЉЕНИЦЕ У ИСТОРИЈСКОМ ТЕРМИНОЛОШКОМ РЕГИСТРУ СРПСКИХ КЊИЖЕВНИХ ЈЕЗИКА 18. И 19. ВЕКА

Исидора Г. Бјелаковић (Србија)
Одсек за српски језик и лингвистику
Филозофски факултет у Новом Саду
isidora.bjelakovic@gmail.com

Полазећи од чињенице да се темељи историје као модерне научне дисциплине у српском културном кругу постављају у 18. и 19. веку, а имајући у виду улогу коју је интеркултурални лексички трансфер имао приликом формирања термино-система српског књижевног језика, у овом истраживању пажња је усмерена на терминолошке позајмљенице, регистроване у одабраним публикацијама о светској и националној историји, објављеним током 18. и 19. века на једном од српских књижевних језика овог периода, како би се утврдило њихово порекло, као и повезаност са одговарајућим тематским пољима и културно-историјским контекстом описаним у анализираној грађи. Посебна пажња посвећена је изменама у термино-апарату на хронолошкој оси, као и идентификацији периода (уколико то грађа омогућује) у којем је дошло до стабилизовања оног сегмента посведоченог терминолошког фонда страног порекла који је активан и данас у српском језику.

Иако су историографска дела током 18. века писана у основи на славенизираном руском књижевном језику, са већим или мањим степеном србизације, у њима је регистрован незанемарљив број стране интернационалне лексике (нпр. монархија, историја, политика, привилегија, конфирмација, секретар, команда, армија, официр, капитан и др.), која ће након адаптационих процеса, мање или више изражених, стабилизовати своју употребу у српском књижевном језику и бити активни део савременог лексикона. У питању су термини засновани на грчким и латинским основама, те галицизми и италијанизми. С обзиром на то да су дате форме често први пут посведочене управо у 18. веку, може се закључити да су наведене публикације, веома популарне и међу српским становништвом, одиграле извесну улогу у њиховом пласирању и инкорпорирању у српски лексички систем.

Већина забележених грецизама показује високу фреквенцију и стабилност у систему у читавом анализираном периоду, а живи и данас у српском језику. Оваква је ситуација и очекивана будући да се дати термини односе или на хришћанство, које се у српском духовном кругу од самих почетака развијало под окриљем византијске културе и грчког

језика, или на државно и друштвено уређење, при чему дате форме често имају статус интернационализама.

Немали број посведочених германизама, нарочито оних који се односе на војно уређење, нису се одржали у систему савременог српског језика (нпр. обрстер, оберстер, обрист-лајтнант, фрајкор, форпоста и сл.), на шта упућује и податак да је њихов број већи у текстовима из 18. века, када је учешће српског становништва у војним снагама Хабзбуршке монархије било далеко израженије. Како је овај утицај слабио, и лексика се повлачила.

Већина турцизама и оријентализама посведочених у анализираној грађи данас у српском језику има статус застареле лексике. Изузетак представљају термини из тематског поља религије.

Славенизми су у честој употреби до средине 19. века, да би се у тексту из 1864. г. појављивали у занемарљивом броју. Овакав развој статуса славенизама међу историјским терминима одлично илуструју два превода Л. Ранкеа (из 1830. и 1864). С обзиром на то да је дело *О Сербской буны* (1830) писано доситејевским типом језика, појава славенизама и хибрида у њему сасвим је очекивана. С друге стране, у *Историји српске револуције* (прев. С. Новаковића из 1864) јавља се занемарљив број славенизама и хибрида (нпр. попечитељ, совјетник, столица), што не изненађује, јер је ово дело писано народним језиком вуковског типа. Бројни славенизми временом су доживели већи или мањи степен србизације, што публикација из 1864. г. и показује: нпр. нападјеније (1754, 1795, 1826, 1827, 1830, 1833, 1847) / нападање (1864). Овај процес приметан је и у тексту из 1852, у којем су, поред ређих славенизама, уочене и форме попут: војевање, борење, заповест, освојавање, а уочена је и коегзистенција славенизама и домаћих речи или турцизама: нпр. сраженије : битка, јуриш : нападеније и сл. Поред тога, књижевнојезичка поставка у *Првој години српскога војевања на даије* В. Караџића (1828) утицала је на то да славенизми у овом тексту нису забележени.

Имајући све наведено у виду, може се закључити да је основни терминолошки слој који је активан и данас у српском језику стабилизован од шездесетих година 19. века. Ипак, формирање српског књижевнојезичког лексикона у домену историјске терминологије, те однос домаће и стране лексике у њој моћи ће јасније да се анализира тек након увида у ширу грађу, која ће подразумевати и публицистику и архивску документацију.

Кључне речи: историјска терминологија, позајмљенице, 18. и 19. век, српски језик.

ЛИТЕРАТУРА

Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. *Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века*. Языковые контакты и заимствования. Ленинград: Академия наук СССР Институт русского языка, 1972.

Бјелаковић И., Зорић М. „Лексички славенизми и питање жанра у славеносрпском језику.” *Зборник Матице српске за књижевност и језик*, LXIX/2 (2021): 389−404.

Јовановић, В. *Српска војна лексика и терминологија*. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2016.

Зорић, М. С. „Неколико речи о статусу и идентификацији славенизама.” *Зборник Матице српске за књижевност и језик*, 61/3 (2013): 811–818.

Ивић, П. „Домаћи и страни елементи у терминологији друштвеног, економског и правног живота у средњовековној Србији.” *Научни састанак слависта у Вукове дане*, 6/1 (1977): 253−264.

Ивић, П. „Развој терминологије у језику средњовековних Срба.” *Глас САНУ*, CCCXXV, књ. 11 (1980): 63−70.

ВМ: Михајловић, В. *Грађа за речник страних речи у предвуковском периоду*. I−II. Нови Сад: Матица српска, 1972−1974.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. Москва: Росийскаа академия наук, 1997.

ПЕРСЈ: Лома, А. (ур.). *Приручни етимолошки речник српског језика*. Том 1. Београд: Институт за српски језик САНУ, Етимолошки одсек, 2023.

РКСС: Даничић, Ђ. *Рјечник из књижевних старина српских*. I–III. Биоград: Државна штампарија, 1863–1864.

РМС: *Речник српскохрватског књижевног језика I–VI*. Нови Сад – Загреб: Матица српска – Матица хрватска. 1969−1976.

Сорокин Ю. С., Биржакова Е. Э. и Кутина Л. Л. *Словарь русского языка XVIII века*. I−XIV. Ленинград: Наука, 1984−2005.

Babić, S. „Njemačke prevedenice u hrvatskom ili srpskom jeziku.” Београд − Нови Сад*: Лексикографија и лексикологија*. *Зборник радова*, 1984, 9−14.

Filipović, R. *Teorija jezika u kontaktu.* Zagreb: JAZU, 1986.

MZ: *Enciklopedijski leksikon. Mozaik znanja. Istorija.* Beograd: Inter pres, 1970.

OED: Simpson J., Weiner E. (eds.) *The Oxford English Dictionary*. – Second Edition. Clarendon Press, 1989.

RJAZU: *Rječnik hrvatskoga ili srpkog jezika.* I−XXIII. Zagreb: JAZU, 1880−1976.

Skok, P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika.* 1–4. Zagreb, 1971−1974.

Teich, E. *Text*, *Translation*, *Computational Processing*. De Gruyter Mouton, 2003.

Thomason S. G. *Language contact. An Introduction*. Washington: Georgetown University Press, 2001.

Thomason S. G., Kaufman T. *Language contact*, *creolization and genetic linguistics*. Berkeley: University of California Press, 1988.

Tomović, N. *Jezici u kontaktu*: *engleski i srpski*. Beograd: Filološki fakultet, 2024.

Turk M., Opašić M. „Kulturno-povijesni kontekst kalkiranja u hrvatskome jeziku.” *Kroatologija*, 1 (2010): 300−315.

Šipka, D. *Osnovi leksikologije i srodnih disciplina*. Novi Sad: Matica srpska, 1998.

Winford, D. *An Introduction to Contact Linguistics.* Blackell Publishing Ltd., 2003.

Wytalisz, A. „Linguistic Globalization as a Reflection of Cultural Changes.” *Journal of Global Awareness,* Vol. 11/1 (2011): 1−11.

Zgusta, L. *Priručnik leksikografije*. Sarajevo: Svjetlost, 1991.

RÉFLEXIONS SUR LA TRADUCTION DE LA TERMINOLOGIE MILITAIRE DU FRANÇAIS VERS LE SERBE

ALEKSANDAR STEFANOVIC (FRANCE)
Sorbonne-Université
Centre de Linguistique en Sorbonne (CELISO)

Dans le cadre de la traduction de textes militaires contemporains, nous avons pu identifier de nombreux problèmes auxquels se heurtent les traducteurs lorsqu'ils traduisent du français vers le serbe. De cette constatation, nous essairons, dans la mesure du possible, de tirer des conclusions de portée générale. La traduction de textes du domaine militaire ne constitue pas, en effet, une prestation courante et requiert l'intervention de spécialistes. Ces derniers sont en premier lieu confrontés au manque de publications spécialisées solides, plus précisément de dictionnaires et de lexiques militaires dans le sens français-serbe et serbe-français. Les principaux problèmes traductologiques dont il est question se posent lorsqu'il faut choisir des équivalents en standard serbe de certaines notions militaires françaises : appellations des structures et des armements militaires, appellations et/ou grades du personnel ou encore termes propres au jargon militaire se manifestant notamment sous la forme de sigles ou d'acronymes. Afin de mettre en lumière non seulement les difficultés mentionnées mais également les cas de traductions inappropriées proposées dans certaines rares publications, nous nous appuierons sur différents textes spécialisés traitant des trois branches des forces armées françaises (armée de terre, marine, armée de l'air). Cette étude, en se fondant sur quelques exemples, a aussi pour but de proposer différentes solutions potentielles et d'encourager ainsi traducteurs et chercheurs à se pencher sur cette épineuse question, importante, nous semble-t-il, sur la voie de l'intégration de la Serbie à l'Union européenne.

BIBLIOGRAPHIE

GROIZELEAU V., « Le porte-aeronefs italien prêt pour le F 35B », Site Mer et Marine, https://www.meretmarine.com/fr/defense/le-porte-aeronefs-italien-pret-pour-le-f-35b, 2022.

LEBASTARD D., « La traduction de qualité », *Bulletin de l'ANOLIR 2021/04*, site de l'ANOLIR, http://www.anolir.org/pages/publications-et-articles/articles-et-recensions/col-orqle-lebastard-la-traduction-de-qualite.html, 2021.

LEBASTARD D., STEFANOVIC A., « Fonctions opérationnelles françaises et warfighting functions américaines ; le point de vue du traducteur français/anglais », *Lettre du RETEX-Recherche n° 28*, Centre de doctrine d'emploi des forces, Paris, 2016, 12 p.

LEBASTARD D., STEFANOVIC A., « La formation des officiers de l'armée de terre en France, au Royaume-Uni et aux États-Unis : Approche comparative et traductologique », Les études françaises aujourd'hui, Faculté de philologie de l'Université de Belgrade, pp. 131-148.

MAMULA B., *Savremeni svet i naša odbrana* [Le monde contemporain et notre défense], Vojni-izdavački zavod, Beograd, 1985.

OBRADOVIC O., *Francusko-srpski vojni rečnik* [Dictionnaire militaire français-serbe], Štamparija Drag. Gregorić, Beograd, 1938.
PERISIC M., *Francusko-srpsko-hrvatski vojni rečnik* [Dictionnaire militaire français-serbo-croate], Državni sekreterijat za narodnu odbranu, Beograd, 1967.
Rouanet O., Ponjan S., *Glossaire militaire franco-croate et croato-français*, GSOSRH, ZZIO "Petar Zrinski", Škola Stranih Jezika "Katarina Zrinska", Zagreb, 2006 (non publié).
Site internet ScienceAlerte, « Podledni vodotokovi ; glaciolozi otkrili ogromnu reku skrivenu ispod antarktika » [Cours d'eau sousglaciers ; des glaciologues découvrent une énorme rivière sous l'Antarctique], https://zavera.rs/podledni-vodotokovi-glaciolozi-otkrili-ogromnu-reku-skrivenu-ispod-antarktika, 2022 (traduction d'un article en anglais, auteur inconnu).
STEFANOVIC A., « Upotreba i mesto „franglais" u francuskoj vojnoj terminologiji » [L'emploi et la place du « franglais » dans la terminologie militaire française], Sarajevski filološki susreti IV, Zbornik radova (knjiga I), Bosansko filološko društvo, Sarajevo, 2018, pp. 198-209.
STEFANOVIC A., « Strategija εκvivalencije u pravnom prevodu ili κακο prevesti neprevodljivo između francuskog i srpskog jezika » [Stratégie de l'équivalence dans la traduction juridique ou comment traduire l'intraduisible entre français et serbe], Naučni sastanak slavista u Vukove dane 50/1, Beograd, 2021, pp. 223-233.
Vojna enciklopedija [Encyclopédie militaire], Redakcija vojne enciklopedije, Beograd, publiée deux fois, de 1958 à 1969 et de 1970 à 1976 (réimprimée en 1985).
Vojni leksikon [Lexique militaire], Vojni-izdavački zavod, Beograd, 1981.

FROM OURS TO ALIEN: THE JOURNEY OF POLISH *OBCY*

KATARZYNA DZIWIREK (USA)
University of Washington, Seattle
https://orcid.org/0000-0001-9401-2421
dziwirek@uw.edu.pl

Abstract: The paper traces the history of *obcy*, whose original meaning of common, mutual, commu- nal, has changed to mean alien, foreign. In other Slavic languages, the reflexes of the Common Slavic

******obьtjъ* tend to retain its original meaning: Czech *obec* "community," Russian, *obščestvo* "community, society," *obščenije* "contact," etc. I show how the original dichotomy between *swój* "one's own" and *cudzy* "some else's" becomes a trichotomy, whereby *swój* is contrasted with *cudzy* vis-à-vis property and with *obcy* vis-à-vis people, places, ideas, etc., belonging to the out group. The emergence, in the baroque period, of a new word *wspólny* "common" further facilitates *obcy'*s spectacular shift. I argue that the semantic shift of *obcy* was motivated to a large degree by the rise of the *szlachta* social class and its ethos of *sobiepaństwo* "self-mastery." As *szlachcice* grew more powerful over time they came to view things that were communal as things which were not theirs and therefore alien.

Key words: historical linguistics, corpus linguistics, semantic change, etymology

SECTION 1.7
RECHERCHES INTERDISCIPLIANIRES EN LANGUES SLAVES

1.7.1. SOCIOLINGUISTIQUE

1.7.2.3. PLURILINGUISME

1.7.3. PSYCHO- ET NEUROLINGUISTIQUE

1.7.4. CULTUROLOGIE LINGUISTIQUE

1.7.5. ETHNOLINGUISTIQUE

1.7.7. LINGUISTIQUE DE CORPUS

1.7.8. RESSOURCES NUMERIQUES ET DOCUMENTAIRES DES LANGUES SLAVES

1.7.1. Sociolinguistique

Капитолина Федорова, Наталья Чуйкина, Инна Адамсон Многоязычие и онлайн-коммуникация: на примере русскоязычных Facebook-сообществ Эстонии 1

Александр Грищенко Использования еврейской графики для записи восточнославянских текстов (от Средневековья до XIX столетия) 9

Marína Hríbová *The Speech of Slovaks in the Former Yugoslavia* after more than Half a Century of Research by Jozef **S**tolc 11

Марион Краузе Славянские акценты как социолингвистический феномен 15

Tanja Anstatt, Lenka Scholze The sociolinguistic situation of Polish and Upper Sorbian as two types of minority languages in Germany: "Much in common" or "radically different"? 18

Ganna Pletnyova Langue maternelle, langue native ou langue natale: le concept de "рідна мова/родной язык" dans les opinions des Ukrainiens russophones suite à la guerre russo-ukrainienne 21

Monika Wingender Types of language conflicts : multifactoral model and case studies from the language situations in Ukraine and Russie 28

Yevhenija Lytvyshko, Jan Patrick Zeller Language biographies of surzhyk speakers : linguistic experiences during education 30

Alexandra Arkhipova NecroSpeak: the Special Language of the Special Military Operation 35

Првослав Радић О термину „штокавско наречје" као петом точку у дијалектологији српског језика и о још понечему 40

Људмил Спасов, Елена Јованова Грујовска, Борче Арсов Јазици и идентитети на просторот на Југоисточна Европа 46

Karl Katrin B. Narrative Strukturen mono- und bilingualer Sprecher des Russischen und Deutschen in Abhängigkeit von Sprache und Adressat 51

Jacopo Saturno Cognate recognition in Slavic intercomprehension: the role of interlingual sound correspondences 56

Heinrich Pfandl Razglednice slovenskega ozemlja v Avstro-ogrski jezikovni vidik Ljubljana in Maribor 168

1.7.2.3. Plurilinguisme

Katharina Tyran, Lisa Rieger, Ursula Doleschal Commodifying minority languages: Slovene and (Burgenland) Croatian in Austria 61

Olga Nenonen Lexical Gap-filling Strategies in Heritage Speakers of Russian in Finland 67

Natalia Ringblom Красивая любимость: on Lexical Innovations of Russian Heritage Children 74

Veronika Stranz-Nikitina Просьба о помощи и переход на другой язык как воплощение компенсаторных стратегий в чешской устной речи носителей русского языка 78

Natalia Długosz Typy reduplikacji w etnolekcie gorańskim 79

Martin Henzelmann Le bulgare bessarabien en République de Moldavie et en Transnistrie 82

Helena Lehečková Slavistika a afázie: Měl Jakobson pravdu? 86

Christina Clasmeier, Jan Patrick Zeller Verbal aspect and event processing in Russian 90

1.7.3. Psycho-et neurolinguistique et 1.7.4. Culturologie linguistique

Anna Ginter Obraz i słowo: werbalno-wizualne metafory synestezyjne w polskich i rosyjskich reklamach internetowych 92

Тања Милосављевић Концепт злато у језичкој свести словенских народа 98

Димитрина Хамзе Стереотипизация на мъжко-женските отношения (с примери от полския и българския паремиен фонд) 104

Lucie Saicová Římalová *Mit radost* a *být šťastný* : konceptualizace pozitivních emocí v konstrukcích se slovesy *být* a *mít* 109

1.7.5. Ethnolinguistique

Zofia Sawaniewska-Mochowa Egodokumenty kobiece jako źródła do badań etnolingwistycznych 112

Стана Ристић, Ивана Лазић Коњик Српска концептографија у контексту словенске концептологије 115

Дијана Црњак Српски божићни обичаји у Републици Српској: етнолингвистички аспекти 120

Јасминка Делова-Силјанова Денот и ноќта во македонската јазична слика на Светот 125

1.7.7. Linguistique de corpus

Ольга Бурдакова, Елена Нымм К проблеме разработки лингвистической разметки результатов языкового контактирования (на примере корпуса русской речи детей Эстонии RusLAPSED) 129

Владимир Поломац Теоријско-методолошки оквир за изградњу електронског корпуса српских средњовековних повеља и писама 135

Miroslav Vepřek, Radek Čech Stylometric analysis of the Church Slavonic Texts of Czech Origin 142

Роман Фисун Еще раз о лицензировании славянских неопределенных местоимений: корпусное исследование 144

1.7.8. Ressources numériques et documentaires des langues slaves

Sylvie Archaimbault, Olga Artyushkina Scientific networks of slavists in the 20th century: the NUMERISLAV project 149

Lukáš Babka From the middle ages to the present making the written heritage available. In the Manuscriptorium and Kramerius digital libraries 151

Olaf Hamann Information Services for Slavic Studies in the 21st Century : German Experience on the Way from Printed Collections to Artificial Intelligence 155

Stephan-Immanuel Teichgräber Twenty-five years of the Documentation Center for Eastern and Central European Literature 162

Vladimir Alexey von Tsurikov Russia abroad Digital Collection at the Hoover Institution, Stanford University 165

МНОГОЯЗЫЧИЕ И ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИЯ: НА ПРИМЕРЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ FACEBOOK-СООБЩЕСТВ ЭСТОНИИ

КАПИТОЛИНА ФЕДОРОВА, НАТАЛИЯ ЧУЙКИНА, ИННА АДАМСОН (ЭСТОНИЯ)
Таллиннский университет
kapitolina.fedorova@tlu.ee, natalia.tshuikina@tlu.ee, inna.adamson@tlu.ee

Современная социолингвистическая ситуация в Эстонии

Современная языковая ситуация в Эстонии в значительной степени сформировалась под влиянием исторических событий XX века, включая Вторую мировую войну и периоды советской и немецкой оккупации, которые привели к радикальным изменениям в этническом составе страны (Tammaru, Kulu 2003, 106). Массовый приток мигрантов из разных регионов СССР привел к значительному росту русскоязычного населения. Русские составляли около 80% неэстонского населения, а остальные 20% приходились в основном на украинцев и беларусов. Русский язык стал не только официальным, но и основным средством межнационального общения (см. детальный анализ в Fedorova, Tšuikina 2024). После восстановления независимости Эстонии в 1991 г. численность этнических меньшинств постепенно сокращалась, однако процессы глобализации в XXI веке вновь изменили этнический и языковой ландшафт страны.

Согласно последней переписи 2021 г., в Эстонии проживают представители 211 национальностей. Эстонцы остаются крупнейшей группой (69,1%), за ними следуют русские (23,7%) и украинцы (2,1%). При этом после 2022 г. число украинцев могло вырасти примерно на 50 тыс. из-за притока беженцев, спасающихся от российской агрессии.

Языковая ситуация в Эстонии также претерпела значительные изменения. В 2021 г. было зарегистрировано 243 родных языка по сравнению со 109 в 2000 г. и 157 в 2011-м. Основными языками остаются эстонский (895493 чел.), русский (379210) и украинский (12431). При этом около 35 тысяч этнических эстонцев назвали своим родным языком не эстонский, а среди других национальностей 64 тысячи человек считают русский родным. Около 2% населения заявили, что имеют два родных языка. Кроме того, 76% населения Эстонии владеют хотя бы одним иностранным языком, причем английский (48%) впервые обогнал русский (39%) по степени распространенности. Эстонский как второй язык знают 17% жителей страны.

Изучение онлайн коммуникации: данные и методология

Способность человека пользоваться интернетом и социальными сетями, в определенной степени ограниченная его языковым репертуаром, влияет на возможности участия в виртуальных сообществах, а также на доступ к информации и её создание. Более того, последние тенденции идиолингвизма в сети, характеризующиеся «растущей персонализацией языкового контента», создают своеобразные «языковые пузыри» (Kelly-Holmes 2019, 34), в которых оказываются пользователи. Это делает языковой выбор ещё более значимым для цифровой повседневности. Кроме того, люди (как индивидуально, так и в группах) склонны активнее вовлекаться в онлайн-общение, связанное с местами их проживания и актуальными для их жизни темами.

Чтобы описать многоязычные практики и выявить ключевые идеологические концепции и механизмы формирования групповой и индивидуальной идентичности русскоязычных жителей стран Балтии, в течение четырех лет (2021–2025) мы собирали и анализировали данные из локальных русскоязычных (или преимущественно русскоязычных) онлайн-групп. Всего мы отслеживали 19 сообществ: 7 эстонских, 4 латвийских и 8 литовских. Здесь рассматриваются только эстонские группы.

Группа Facebook «Таллиннцы» в своем описании декларирует открытость к самым разным темам, связанным с Таллинном: истории, легендам, людям. Администрация заявляет о стремлении поддерживать позитивную атмосферу, запрещая враждебность и недостоверную информацию. Подчеркивается, что группа открыта для участия и дискуссий в рамках установленных правил. Группа «Русскоязычная Эстония» схожа по описанию с «Таллиннцами», но допускает также коммерческий контент. Созданная 9 февраля 2021 г. под названием «Русская Эстония», 3 апреля 2023 г. она была переименована. Особняком стоит группа «Советская Эстония – Eesti NSV», существующая с 2 мая 2020 г. и посвященная ностальгическим образам прошлого (подробнее см. в Fedorova, Tšuikina 2023). Другие крупные группы ориентированы в основном на украинцев (хотя общение ведется преимущественно на русском). Они не были в фокусе исследования, но предоставили полезные сравнительные данные.

Для выявления моделей коммуникации и дискурсивных стратегий конструирования идентичности мы собирали данные следующим образом:

- Регулярно отслеживали активность в изучаемых группах, отбирая самые популярные посты (по количеству реакций и комментариев) и сохраняя их для анализа.

- Изучали ветки комментариев, фиксируя обсуждения, связанные с ключевыми темами: положение русскоязычных меньшинств; отношение к носителям титульных языков; отношение к России; отношение к Украине и украинским беженцам (после 24 февраля 2022 года); языковая идеология и политика; многоязычные практики (использование нескольких языков или алфавитов).

Сохраненные посты и комментарии анализировались с помощью двух методологических подходов: конверсационного анализа (организация обсуждений, мультимодальная коммуникация – Giles, Stommel, Paulus 2017) и критического дискурс-анализа (текстовые элементы, несущие социальные смыслы, интертекстуальные связи – Fairclough 2002).

Многоязычная коммуникация

Можно было бы предположить, что в исследуемых группах, созданных русскоговорящими для таких же русскоговорящих людей, страдающих от потери прежнего статуса, общение будет вестись исключительно на русском языке. Однако реальность оказывается намного сложнее. Анализ языкового выбора активных участников, как в рамках сообщества, так и в их публикациях на Facebook в целом показывает, что как минимум 10–15% не являются носителями русского языка. Большинство из них – эстонцы, но есть и выходцы из других постсоветских республик, живущие или когда-то жившие в Эстонии.

Хотя основным языком общения в группах действительно остаётся русский, иногда встречаются посты и комментарии на самых разных языках (см. рис. 1), но больше всего на эстонском, как оригинальный контент, так и репосты из внешних источников. Более того, иногда можно наблюдать феномен «парадоксальной вежливости»: эстоноговорящие участники пишут комментарии на русском в ответ русскоговорящим, а те, в свою очередь, отвечают им на эстонском. Например, в одном из обсуждений (рис. 2) эстонец (GG) отвечает на первоначальный комментарий по-русски, но латиницей, а автор комментария (FF) в ответ переключается на эстонский.

Рис. 1. Примеры комментариев на разных языках (грузинский, белорусский, латышский)

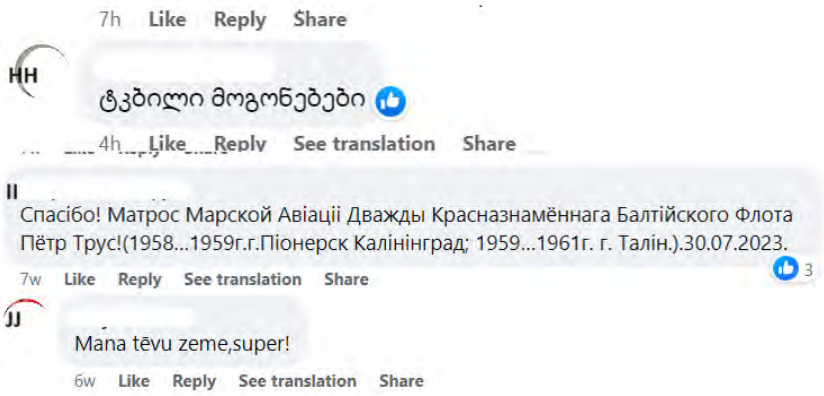
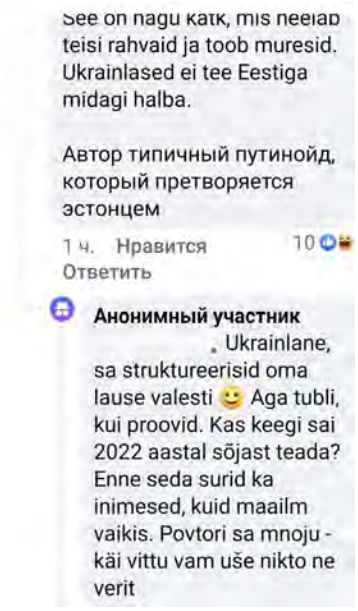


Рис. 2. Пример «парадоксальной вежливости» в комментариях

FF
А мы жили на улице слева от "утюга", которая называлась в начале Lauristini, а потом переименовали в Roosikrantsi
7w Like Reply Share
GG
FF ..., a pered Lauristini nazõvalas Roosikrantsi!!!

В ситуации же, когда позиции участников диалога оказываются конфликтными, выбор языка нагружается дополнительными смыслами. На рис. 3 в разгаре политической дискуссии попытка одного участника писать на эстонском «изобличается» другим как доказательство его украинского происхождения и проукраинской позиции, причем с использованием лингвистических аргументов и также (частично) на эстонском языке.

Рис. 3. Пример “изобличения” проукраинской позиции



Таким образом, групповая идентичность формируется не (только) на основе языка (русского), а скорее на общих представлениях и дискурсивных практиках, связанных с прошлым или отношением к нынешнему положению вещей. Многоязычие, как способность преодолевать языковые и культурные различия, отражает убеждение, которое многие участники групп выражают открыто: в СССР якобы не было серьезных этнических и языковых конфликтов, «все жили в мире и согласии». Хотя это утверждение явно ложно, оно становится важной частью идентичности для тех, чья ностальгия по советскому прошлому превращается в опору самоощущения.

Работа над материалом осуществлялась в рамках проекта Multilingual virtual space of Estonia (TF924) при финансовой поддержке научного фонда Таллиннского университета.

ЛИТЕРАТУРА

Fairclough N. 1995. *Media Discourse*. Edward Arnold.
Farina M. 2018. *Facebook and Conversation Analysis. The Structure and Organization of Comment Threads*. Bloomsbury Academic.

Fedorova K., Tšuikina N. 2023. Nostalgia for Soviet Estonia: discursive elements of shared memory in the Facebook group “«Sovetskaia Estoniia - Eesti NSV”. *Acta Universitatis Carolinae. Studia Territorialia* 23(2), 73-100.

Fedorova K., Tšuikina N. 2024. From “oppressors” to “oppressed”: Baltic Russian post-Soviet speakers in search of a new identity through social networking. *Region: Regional Studies of Russia Eastern Europe and Central Asia* 13(1), 29-53.

Giles D., Stommel W., Paulus T. 2017. The microanalysis of online data: the next stage. *Journal of Pragmatics* 115, 37-41.

Jørgensen M., Phillips L. 2002. *Discourse Analysis as Theory and Method*. Sage.

Kelly-Holmes H. 2019. Multilingualism and technology: a review of developments in digital communication from monolingualism to idiolingualism. *Annual Review of Applied Linguistics* 39, 34-39.

Tammaru T., Kulu H. 2003. The ethnic minorities of Estonia: changing size, location, and composition. *Eurasian Geography and Economics 44*(2), 105-120.

Адамсон И. (2024). Материалы для словаря «Русский язык в Эстонии». (Materials for the dictionary "Russian language in Estonia") Славянские чтения, XXVI. Daugavpils Universuty [ilmumas].

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ ГРАФИКИ ДЛЯ ЗАПИСИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ТЕКСТОВ (ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДО XIX ВЕКА)

Александр Грищенко (Германия)

Диаспоральные еврейские языки по большей части, основываясь на языках местного населения, в письменном виде использовали еврейскую графику, особенно это было характерно для эпохи средневековья: см. широкий спектр примеров в справочнике (Kahn, Rubin 2017). Гипотетический иудео-славянский язык (или группа иудео-славянских диалектов), известный в средние века в еврейских источниках как «ханаанский», не должен был быть здесь исключением. Однако лишь отдельные славянские слова в числе нескольких сотен глосс дошли в книгах, переписанных на чешских землях (Bláha et al. 2015). Кроме того, в XVIII веке известны привилеи польских королей еврейскому населению Речи Посполитой, которые переписывались еврейскими буквами на польском языке (Goldberg 1985).

В восточнославянском ареале ситуация на удивление не изобилует источниками, особенно средневековыми, тогда как именно на рутенских землях в XV веке имело место еврейско-славянское сотрудничество в создании новых переводов ветхозаветных книг (Taube 2012). Гипотеза об использовании в это время еврейской буквы «алеф» в церковнославянском Пятикнижии не выдерживает критики (Грищенко 2019). Первый наиболее ранний случай соседства еврейской и кириллической графики в одной рукописи — это маргиналии Плача Иеремии в Библейском сборнике Матфея Десятого 1502–1507 гг. (Алексеев 2020, 216–221). Впоследствии еврейские названия и начертания букв несколько раз копировались, по крайней мере известны соответствующие рукописи XVII века (например, Российской государственной библиотеке в Москве, ф. 726, № 2, л. 348об.). Однако традиционная церковнославянская книжность оказалась в целом совершенно равнодушна к еврейской графике, в отличие от западноевропейских гебраистов той же эпохи.

Менее равнодушными к записи славянской речи еврейскими буквами оказались новые еврейские подданые Московского царя и, позднее, Российского императора. Самые ранние известные случаи фиксации русской речи в еврейской графике связаны с Самойлом Вистицким, крещённым евреем из Смоленска, который служил в 1670–80-е гг. на Верхотурье в Зауралье (Гольдштейн 1902). В XIX веке Авраам Фиркович, известный караимский деятель, записывает русский перевод «Триязычной молитвы» еврейскими

буквами (Grishchenko, Shapira 2021), равно как и черновик договора с типографскими рабочими с Волыни (Российская национальный библиотека в С.-Петербурге, Личный архив А. С. Фирковича (ф. 946, оп. 1), № 564). Отдельные вкрапления русских слов и фраз в еврейской графике встречаются с начала XIX века и у других еврейских авторов, в том числе в печатных изданиях. Однако могут ли эти поздние примеры служить хотя бы типологической параллелью для гипотетического восточнославянского «ханаанского языка»? Случай Фирковича — особенно находящиеся в его черновых материалах названия нечистых птиц, возможно, связанные с Правленым восточнославянским Пятикнижием XV в. (Грищенко 2018, 129–134), — даёт основания считать, что это так.

Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного стипендией Фонда Александра фон Гумбольдта / Funding: The research is supported by Alexander von Humboldt Foundation.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, Анатолий А. (отв. ред.); Жуков, Артём Е.; Панченко, Флорентина В. (подгот. изд. и исслед.). 2020. Библия Матфея Десятого 1507 года. Из собрания Библиотеки Российской академии наук. Т. 1: Факсимильное воспроизведение рукописи БАН, собр. И. И. Срезневского, II. 75 (24.4.28). С.-Петербург: Издательство Пушкинского Дома.

Гольдштейн, Сальвиан М. 1902. “Евреи — дети боярские XVII века.” Еврейский ежегодник на 5662 (1902–1903) год, 338–346. С.-Петербург: Издание Иосифа Лурье.

Грищенко, Александр И. 2018. Правленое славяно-русское Пятикнижие XV века: предварительные итоги лингвотекстологического изучения. Москва: Древлехранилище.

Грищенко, Александр И. 2019. “ Ещё раз о происхождении кириллической буквы «Э»: кириллица, глаголица или еврейское письмо?” Slovo: časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu 69: 35–69.

Bláha, Ondřej; Dittmann, Robert; Komárek, Karel; Polakovič, Daniel; Uličná, Lenka. 2015. Kenaanské glosy ve středověkých hebrejských rukopisech s vazbou na české země. Praha: Academia.

Goldberg, Jacob. 1985. Jewish Privileges in the Polish Commonwealth: Charters of Rights Granted to Jewish Communities in Poland-Lithuania in the Sixteenth to Eighteenth Centuries. Jerusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities.

Grishchenko, Alexander; Shapira, Dan. 2021. “The Trilingual Prayer Copied by Avraham Firkowicz: The First Hebrew, Judeo-Slavic, and Crimean Judeo-Turkic Trilingual Text.” Journal of Jewish Languages 9.1: 100–149.

Kahn, Lily; Rubin, Aaron D. (eds). 2017. Handbook of Jewish Languages. Revised and Updated Edition. Leiden: Brill.

Taube, Moshe. 2012. “Jewish-Christian Collaboration in Slavic Translations from Hebrew.” In Valentina Izmirlieva; Boris Gasparov (eds). Translation and Tradition in “Slavia Orthodoxa”, 26–45. München: LIT.

THE SPEECH OF SLOVAKS IN THE FORMER YUGOSLAVIA AFTER MORE THAN HALF A CENTURY OF RESEARCH BY JOZEF ŠTOLC

MARÍNA HRÍBOVÁ (SLOVAKIA)
Ekonomická univerzita v Bratislave

After World War II, under the leadership of the Slovak Academy of Sciences, systematic research on Slovak dialects outside the mother country began. The culmination of extensive field research on Slovak dialects in the former Yugoslavia was Jozef Štolc's monograph *The Speech of Slovaks in Yugoslavia*. This work remains a milestone in Slovak dialectological research in the region. However, the author's further research in this field did not continue to the planned or desired extent.

More than half a century has passed since the publication of this monograph. Jozef Štolc emphasized the need for broader linguistic research and highlighted the vast potential for in-depth studies of the Slovak language's dialectal forms within the South Slavic environment. Unfortunately, over the past few decades, neither Slovak nor Serbian or Croatian scholars have undertaken similarly extensive, nationwide research on Slovak dialects in the former Yugoslavia. It can be said that Štolc was the only linguist to carry out a comprehensive study and thoroughly examine the dialectal system across the entire region.

The value of Štolc's monograph lies primarily in the fact that much of the material was recorded at a time when the dialects in this linguistic area had not yet been significantly influenced by the state language. Since then, the situation of these dialects has undergone irreversible change. This highlights the immense research contribution of this prominent linguist to Slovak and Slavic dialectology, underscoring the importance and necessity of conducting a renewed and expanded study. It is undeniable that these dialects, which offer deeper insight into the history of the Slovak language and the convergent development of language in a foreign environment, deserve comprehensive research from multiple perspectives.

In this paper, we present the results of current research on Slovak dialects in the countries of the former Yugoslavia—nearly six decades after the publication of Jozef Štolc's monograph and almost eight decades after the first comprehensive research was conducted in the South Slavic environment. By examining the development and present state of these dialects not only from a linguistic perspective but also through historical, cultural, and religious lenses, we aim to contribute to the body of knowledge on Slovak-Serbian and Slovak-Croatian relations. These

insights are valuable not only for Slovak linguistics but also for contemporary Slavic studies in a broader context.

We aim to understand the internal structure of the studied dialects while also examining how and to what extent they reflect contact with other languages—both Slavic and non-Slavic—as well as other cultures and religions. The primary source of our research is dialect material collected in the field, in localities where speakers of these dialects reside.

The study of Slovak dialects in Serbia and Croatia is particularly interesting due to their development and functioning in two culturally, linguistically, and geographically close, yet confessionally distinct, environments. The history of Yugoslav Slovaks highlights the significant role that religion played in both the colonization of the area and the establishment of contacts and ongoing coexistence in the new environment. For this reason, our work also focuses on interconfessional relations in the region.

The first Slovak immigrants arrived in what is now Serbia and Croatia approximately three centuries ago. In the mid-18th century, colonists settled in the southernmost Hungarian regions, such as Bačka, Banat, and Srem in Vojvodina, primarily from the Novohrad and Hont regions, and to a lesser extent from Gemer and Zvolen areas. However, it is important to note that not all of them originally came from these regions, which served as a gateway to the south. Some settlers had previously migrated from northern regions before moving again. The Slovak colonization of Vojvodina also included a much smaller number of people from western and eastern Slovakia.

To the west of Vojvodina, between the Sava River in the south, the Drava River in the north, and the Daruvar region inhabited by Czechs in the west, Slovaks colonized Slavonia, including the peripheral areas of western Srem. Aside from the relatively small Srem area, which was settled by Slovaks from neighboring Vojvodina, the rest of the region was colonized in the late 18th and early 19th centuries by Slovaks from Kysuce and Orava, who came directly from Slovakia.

The settlers gradually became an integral part of their new environment, which differed from their original homeland in various historical, socio-economic, and cultural aspects. During the long process of migration and later ethnic, religious, and cultural symbiosis, their dialects—brought at different times from various areas of their homeland—underwent numerous changes that made the language variety distinct from its original forms. The further development of these dialects, which played a crucial role in maintaining the community in a non-ethnic environment, followed a specific path, differing from the conditions in their native linguistic and ethnic territory.

As they settled, immigrants began to establish contacts with other ethnic groups living nearby, as well as with other Slovaks from different regional and dialectal backgrounds. This led to irreversible changes. The increasing interactions between speakers of various Slovak dialects resulted in processes of mixing, merging, and the subsequent leveling of regional differences.

The formation of new dialect systems within the Slovak ethnic group was also influenced by numerous extralinguistic factors. The necessity of cooperation between speakers of different dialectal systems significantly shaped their interactions and communication in their own language. Religious affiliation played a particularly important role in fostering mutual connections, as demonstrated in several localities in this area. Belonging to a specific denomination was a crucial factor in the founding and settlement of individual locations.

Most Slovaks who moved to Vojvodina were of the Evangelical Augsburg faith. Slovak settlers of non-Protestant denominations faced greater challenges in resisting assimilation due to their smaller numbers, isolation, or geographical distance from compact Slovak Protestant settlements. While the organized Evangelical Church actively supported the preservation of Slovak identity among its members in this multiethnic environment, Roman Catholic Slovaks often integrated into existing, predominantly Hungarian church congregations in Vojvodina. Archival sources indicate that Eastern Slovak Greek Catholics also settled in Vojvodina, but due to their differing faith, they faced isolation, which eventually led to their identification with a confessionally similar entity. Overall, due to these processes, some localities experienced complete ethnic assimilation or the transformation of the Slovak-origin population.

In Croatia, the Slovak ethnic group was religiously polarized from the beginning. A smaller number of Slovaks of the Evangelical faith moved to eastern Slavonia from Vojvodina, while other regions were primarily settled by Roman Catholics. Slovak Evangelicals in Croatia maintained continuous contact with Slovaks in Serbia, which helped them better resist assimilation. The integration of Roman Catholic Slovaks with the majority Croatian population was facilitated by their shared faith and the absence of church services in Slovak. Due to the genetic and typological similarity between Slovak and Croatian, these Slovaks did not demand liturgy in their own language. In contrast, Evangelicals, following the example of Slovaks in Serbia, established their own Evangelical church organization.

Slovak dialects in the former Yugoslavia have undergone complex development, shaped by long-term interlingual and intralingual contact. Over the centuries, the influence of their linguistic, cultural, and ethnic environment has evolved. This paper aims to highlight not only interconfessional but also interethnic, ethnolinguistic, and other factors that have influenced the

diverse development of these dialects in Serbia and Croatia—two geographically close countries. Understanding these relationships provides deeper insight into the connection that speakers of these dialects maintain with both their mother country and the South Slavic ethnic groups, languages, and cultures, while also drawing conclusions about their integration into the societies in which they live.

LIST OF REFERENCES

HRÍBOVÁ, Marína: Historické a kultúrne kontexty slovenských nárečí v Srbsku I. In *Slavica Slovaca*, 2017, roč. 52, č. 2, s. 133-149.

ŠTOLC, Jozef: *Reč Slovákov v Juhoslávii I. Zvuková a gramatická stavba*. Bratislava: SAV 1968. 356 s.

ŽEŇUCH, Peter: Vojvodinskí Rusnáci a slovenskí rusnáci: Jazyková, konfesionálna a etnická identita v komparácii. In: *Slavica Slovaca*, 2018, roč. 53, č. 3 – 4, s. 75 – 85.

СЛАВЯНСКИЕ АКЦЕНТЫ КАК СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Марион Краузе (Германия)

Доклад посвящен феномену акцента в речи с точки зрения его носителей. Этот подход отличается от большинства имеющихся исследований, которые сосредотачиваются на восприятии „чужого“ акцента то ли с социолингвистической перспективы (напр., Giles, Powesland 1975; Andrews 1995; Krause et al. 2003; Garrett 2010; Giles, Watson 2013; Krause 2013; Prikhodkine 2021), то ли с фокусом на психолингвистические аспекты (напр., Anderson-Hsieh, Johnson, Koehler 1992; Flege 1984; Flege 1995; Best, Tyler 2007; Hanulíková, Weber (2012); Derwing, Munro 2015; Goltsev 2019).

Новизна представляемых исследований заключается изучении установок по отношению к „своему“, польскому или русскому акценту в немецкой речи людьми, которые сами являются носителями этих языков, но при этом живут в тесном повседневном контакте с немецким языком. В то же время они не билингвы в узком понимании, т. е. они не выросли двуязычно (Montrul 2015).

Акцент при этом рассматривается как целый набор характеристик произношения на сегментном и супрасегментном уровне, включая просодические свойства интонации, темпа и ритма речи, голосового диапазона и тембра голоса (Spencer 1957). Однако по сути своей, феномен акцента трактуется как перцептивная и индексирующая категория. Он относится к *воспринимающему* (там же). Обладая своим акцентом, люди обычно чувствительны к «чужим акцентам», которые возникают в силу языкового контакта и пробуждают сложный комплекс знаний, стереотипов, предубеждений и связанных с ними установок (см., напр., Lippi-Green (1998); Gluszek, Dovidio 2010; Moyer 2013).

Доклад обобщает результаты ряда исследований. В центре их внимания находятся установки, которые, по определению, заключаются в склонности реагировать положительно или отрицательно на некий класс объектов (ср. Garrett 2010). Вслед за Альпорт (Allport 1954), установки моделируются тремя компонентами – когнитивным, эмоциональным и поведенческим (ср. Garrett 2010; Haddok, Maio 2014).

В исследованиях сочетаются квантитативные и квалитативные методы: опрос, интервью и эксперимент. Экспериментальным путем исследуются все три аспекты установок с учетом категории статуса, солидарности и динамизма (Zahn, Hopper 1985) как реакцию на звучащую речь. В сущности, эти категории направлены на оценку носителя акцента. К ним добавляются категории, выработанные для раскрытия установок к

самому языку (Schoel et al. 2013). В экспериментах используется преимущественно метод биполярных шкал. Кроме того, учитываются когнитивные установки к акцентам как таковым (Hansen 2020) и языковая биография участников.

Эмпирические данные сопоставляются с результатами, полученными при анализе установок немцев относительно польского или русского акцентов в немецкой речи. Таким образом, анализ акцента поднимает проблему авто- и гетеростереотипа, внутри- и внегрупповых концептуализаций.

ЛИТЕРАТУРА

Allport, George W. (1954) The historical background of modern social psychology. In: Lindzey, G. (ed.) Handbook of Social Psychology. Cambridge, Mass.: Cambridge, Mass.: Addison-Wesley, 3–56.

Anderson-Hsieh, Janet, Johnson, Ruth & Koehler, Kenneth (1992). The relationship between native speaker judgments of nonnative pronunciation and deviance in segmentals, prosody, and syllable structure. Language Learning, 42, 529-555.

Andrews, David R. (1995) Subjective reactions to two regional pronunciations of Great Russian: A matched-guise study. In: Canadian Slavonic Papers XXXVII/1-2, 89-103.

Andrews, David R. (2003) Gender effects in a Russian and American matched-guise study: a sociolinguistic comparison. In: Russian Linguistics 27/3, 287-311.

Best, Catherine. T., Tyler, Michael D. (2007) Nonnative and second-language speech perception: Commonalities and complementarities. In Bohn, O.-S., Munro, M.J. (eds.) Language Experience in Second Language Speech Learning: In honor of James Emil Flege. Amsterdam: John Benjamins, 13–34.

Derwing, Tracey M. & Munro, Murray J. (2015) Pronunciation Fundamentals: Evidence-based Perspectives for L2 Teaching and Research (Vol. 42). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.

Flege, John . E. (1995) Second language speech learning: Theory, findings, and problems. In W. Strange (Ed.), Speech perception and linguistic experience: Issues in cross-language research. Timonium MD: York Press, 233–277

Flege, John. E. (1984) The detection of French accent by American listeners. The Journal of the Acoustical Society of America 76, 692-707. DOI: 10.1121/1.391256

Garrett, Peter (2010) Attitudes to Language. Cambridge: Cambridge University Press.

Giles, Howard, Watson, Bernadette (eds.) (2013) The Social Meanings of Language, Dialect and Accent. New York: Peter Lang, 2013.

Giles, Howard, Powesland, Peter F. (1975) Speech style and social evaluation. Oxford: Academic Oxford University Press

Gluszek, Agata, & Dovidio, John F. (2010) The way they speak: Stigma of non-native accents in communication. Personality and Social Psychology Review, 14, 214–237.

Goltsev E. (2019) Typen und Frequenzen von L2-Merkmalen im Deutschen als Zweitsprache. Berlin: De Gruyter Mouton.

Haddok, Geoffrey, Maio Gregory .R. (2014) Einstellungen. In: Jonas, K., Stroebe, W., Hewsatone, M. (eds.) Sozialpsychologie. Berlin, Heidelberg: Springer.

Hansen, Karolina (2020) Accent Beliefs Scale (ABS): Scale Development and Validation. Journal of Language and Social Psychology 39(1), 148–171.

Hanulíková, A., Weber, A. (2012). Sink positive: Linguistic experience with th substitutions influences nonnative word recognition. Attention, Perception & Psychophysics 74, 613–629.

Krause, Marion (2013) Das Image regionaler Varietäten als Indikator soziolinguistischer Kompetenz und metalinguistischer Bewusstheit: HerkunftssprecherInnen und monolinguale MuttersprachlerInnen im Vergleich. In: Kempgen, S., Wingender, M., Franz, Jakiša, M. (eds.): Deutsche Beiträge 15. Internat. Slavistenkongress Minsk 2013. München; Sagner, 175–185.

Krause, Marion, Ljublinskaja, Valentina., Sappok, Christian, Evdokimov, Evgenij, Kopylova, Anna, Moškina, Elena, Podrušnjak, Vera (2003) Mentale Dialektkarten und Dialektimages in Russland: metasprachliches Wissen und linguistische Determinanten der Bewertung von Dialekten. Zeitschrift für Slavistik 48, 2, 188–211.
Lippi-Green, Rosina (1998) English with an Accent: Language, Ideology, and Discrimination in the United States. 2nd ed. London: Routledge.
Montrul, Silvana (2015) The acquisition of heritage languages. Cambridge: Cambridge University Press.
Moyer, Alene (2013) Foreign accent: The Phenomenon of Non-native Speech. Cambridge: Cambridge University Press.
Prikhodkine, Alexei (2021) Attitudes to accents. Planchenault, G., Poljak, L. (eds.) Pragmatics of Accents. Amsterdam: John Benjamins, 1–44.
Schoel, C., Roessel, J., Eck, J., Janssen, J., Petrovic, B., Rothe, A., Rudert, S. C., Stahlberg, D. (2013). Attitudes Towards Languages (AToL) Scale: A Global Instrument. Journal of Language and Social Psychology 32, 1, 21–45.
Spencer, John (1957) Received Pronunciation: Some Problems of Interpretation. *Lingua* 7, 7–29.
Zahn, Christopher, Hopper, Robert (1985) Measuring Language Attitudes: The Speech Evaluation Instrument. Journal of Language and Social Psychology 4, 113–123.

THE SOCIOLINGUISTIC SITUATION OF POLISH AND UPPER SORBIAN AS TWO TYPES OF MINORITY LANGUAGES IN GERMANY: "MUCH IN COMMON" OR "RADICALLY DIFFERENT"?

TANJA ANSTATT, LENKA SCHOLZE (GERMANY)

Polish as an immigrant (or allochthonous) minority language in Germany and Upper Sorbian as a regional (or autochthonous) minority language represent two different types of minority languages and have traditionally been considered separately. While Radatz (2019) states that the situation of immigrant minority languages is "radically different from real minority languages" (our emphasis), Extra & Gorter (2006) conclude that both types "have much in common, much more than is usually thought". We aim to resolve these contradictory views by treating both types of languages as so-called heritage languages. The conceptual integration of both types under this label has been mentioned in the research literature on several occasions, e.g., "Heritage languages […] include languages in diaspora spoken by immigrants and their children, aboriginal or indigenous languages whose role has been diminished by colonizing languages, and historical minority languages that coexist with other standard languages in diverse territories" (Montrul & Polinsky 2021; similarly also Fishman 2001 and many other works). However, to our knowledge, this perspective has rarely been applied in a systematic comparative manner to both regional and immigrant minority languages.

One of the strengths of this approach is that the definition of a heritage language is not tied to the historical or legal status of the language, but is based solely on its position in competition with a societally dominant language—a competition that has specific consequences for language acquisition and use. According to one of the most widely accepted definitions, "a language qualifies as a heritage language if it is a language spoken at home or otherwise readily available to young children, and crucially this language is not a dominant language of the larger (national) society" (Rothman 2009: 156). This perspective highlights the fundamental commonalities between the two types, particularly the pressure that ongoing competition with the societally dominant language exerts on language maintenance. However, the most significant impact concerns the process of language acquisition in childhood. Research in the now extensive field of bilingual language acquisition has shown that heritage languages are acquired to varying degrees and that cross-linguistic influence from the dominant societal language is a typical feature.

Polish in Germany and Upper Sorbian offer a particularly insightful case study due to the fundamental features they share. Both are in contact with the same majority language and culture—namely, German—and are genetically closely related, exhibiting substantial structural

similarities. In addition, both cultures are strongly shaped by the Catholic faith, which provides a further layer of internal cultural cohesion. The heritage language approach allows us to analyze how the existing differences in the sociolinguistic situation affect language acquisition, language attitudes, and language maintenance. Fundamental differences between Polish as an immigrant heritage language and Upper Sorbian as a regional heritage language lie in their overall sociolinguistic conditions. They have distinct legal statuses, which, for example, result in different levels of institutional language support within the education system. Immigrant heritage languages such as Polish can rely on the existence of a corresponding nation-state, where the language is spoken as the official national language. In contrast, regional minority languages such as Upper Sorbian are largely left to maintain and develop their language independently. As a consequence, the emergence of colloquial varieties shaped by intense language contact carries different sociolinguistic and ideological implications. For immigrant heritage languages, the appearance of new forms may be unsettling to some speakers, but it does not generally threaten the existence of the language as a whole. In the case of regional heritage languages, however, the development of such contact-influenced colloquial forms is often perceived by a larger proportion of speakers as a threat to the continued existence of the language itself.

This paper discusses the sociolinguistic similarities and differences between these two languages as experienced by younger speakers. Particular attention is given to the conditions of first language acquisition and to patterns of language loyalty with regard to both of the heritage languages. We examine how young speakers of Upper Sorbian and Polish in Germany perceive their language acquisition, their use of their respective heritage languages, and their attitudes toward them. This analysis draws on data from a 2022 pilot study, conducted in preparation for the larger project *Comparing Types of Heritage Languages: Upper Sorbian and Polish in Germany (*HOsPoD)[1], which was launched at the end of 2024. As part of this pilot study, we conducted a questionnaire-based survey with 26 young speakers of Upper Sorbian (aged 15–35, *M* = 20.3) and 21 speakers of Polish living in North Rhine-Westphalia (aged 14–30, *M* = 21.7). Participants completed a questionnaire consisting of approximately 50 closed-ended questions (often with several sub-questions), covering the following topics: use of the heritage language within the family and in everyday life more generally, acquisition and use of the

[1] Cf. https://www.ruhr-uni-bochum.de/hospod/. For the analysis of grammatical data from the same pilot study cf. Scholze & Anstatt, this volume.

heritage language in childhood, self-assessed proficiency in the heritage language, and language attitudes toward the heritage language.

The data reveal notable similarities between the two groups. These are particularly evident in the perceived importance of the family for language use, the high value placed on the benefits of knowing the heritage language, and a strong emotional attachment to it.

At the same time, clear differences emerge. Most notably, the use of the heritage language in the Polish group is largely restricted to communication with older generations, whereas Upper Sorbian is also used with peers. Furthermore, the Upper Sorbian group demonstrates a much stronger awareness of their minority language situation. This is reflected, for instance, in parental language strategies as well as in the participants' own language choices. It is also noteworthy that individuals in the Polish group often regard both languages as mother tongues and tend to express a more bicultural identity, whereas the Upper Sorbian group primarily considers Sorbian their native language and identifies strongly with the Sorbian community.

REFERENCES

Extra, Guus & Gorter, Durk (2006). Linguistic and Ethnic Minorities. In Ulrich Ammon et al. (Eds.), *Sociolinguistics / Soziolinguistik. An International Handbook of the Science of Language and Society, vol. 2* (pp. 1506-1521). Berlin & New York: de Gruyter.

Fishman, Joshua (2001). 300-plus years of heritage language education in the United States. In J. K. Peyton et al. (Eds.), *Heritage languages in America: Preserving a national resource* (pp. 81-89). Washington, DC & McHenry, IL: Center for Applied Linguistics & Delta Systems.

Montrul, Silvina & Polinsky, Maria (2021). Introduction: Heritage Languages, Heritage Speakers, Heritage Linguistics. In Silvina Montrul & Maria Polinsky (Eds.), *The Cambridge Handbook of Heritage Languages and Linguistics*. *Cambridge Handbooks in Language and Linguistics* (pp. 1-10). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Radatz, Hans-Ingo (2019). State, national, regional, ethnic and pseudo-dialectalised sister languages: a socio-linguistic typology of language-characterising discourses. *Humanista / IVITRA - Journal of Iberian Studies,* 15, 514-529.

Rothman, Jason (2009). Understanding the nature and outcomes of early bilingualism: Romance languages as heritage languages. *International Journal of Bilingualism* 13/2, 155-163.

LANGUE MATERNELLE, LANGUE NATIVE OU LANGUE NATALE: LE CONCEPT DE “РІДНА МОВА/РОДНОЙ ЯЗЫК” DANS LES OPINIONS DES UKRAINIENS RUSSOPHONES SUITE À LA GUERRE RUSSO-UKRAINIENNE

GANNA (ANNA) PLETNYOVA (CANADA)
University of Calgary
School of Languages, Linguistics, Literatures and Cultures
ganna.pletnyova@ucalgary.ca

1 Introduction et contexte

Cet article a pour but de combler un vide terminologique auquel je me suis heurtée en effectuant une enquête de terrain en Ukraine de l’Est en été 2018 et une autre étude en 2023.

Chaque entretien commençait par une série de questions générales sur les compétences linguistiques des participants ainsi que sur le milieu langagier dans lequel ils ont grandi. Bien que ce processus ait l’air typique pour tous les entretiens sociolinguistiques, des difficultés sont survenues dès la première question sur la langue maternelle ou première des participants, car à cause des attitudes polarisées envers les langues russe ou ukrainienne, ils déclaraient comme « maternelle » la langue qui n’était pas leur première langue du point de vue de compétence linguistique. Lors des entretiens, je parlais aux participants à l’enquête en ukrainien ou en russe, et, donc, ma tâche était exacerbée par la difficulté de traduction de l’expression slave « ridna mova/rodnoi iazyk » utilisée pour signifier « langue maternelle » ainsi que par l’ambiguïté semblable de cette dernière notion en français.

Du point de vue linguistique, l’Ukraine est un pays officiellement monolingue avec l’ukrainien comme seule langue officielle d’État, mais où les russophones constituent entre 30 et 40 % de la population (« All-Ukrainian population census », s.d.; Khmelko, 2004, p. 4). En 2012, le gouvernement du président pro-russe Ianoukovitch a signé la loi surnommée Kivalov-Kolesnitchenko d’après les noms de ses auteurs, permettant l’utilisation d’une « langue régionale » ou « langue minoritaire » dans les régions où les minorités ethniques dépassent les 10% de la population, après quoi 13 sur 27 régions ukrainiennes sont devenus officiellement bilingues, surtout ukrainien-russe à l’Est et au Sud du pays. Cette loi était jugée comme anti-constitutionnelle par certains experts en langues, car elle ne protège pas suffisamment l’ukrainien, la langue d’État, en dispensant les russophones, locuteurs de la langue ancienne impérialiste de l’URSS, de l’exigence d’apprendre l’ukrainien (Riabchuk, 2012).

En 2014, le refus du président Ianoukovitch de signer l’accord d’association avec l’Union européenne en faveur de l’alliance avec la Russie a provoqué une révolution pro-européenne

en Ukraine, surnommée le Euromaidan, qui a fini en victoire des forces pro-occidentales. Leur décision d'annuler la loi Kivalov-Kolesnitchenko, autorisant le statut régional de la langue russe, a donné au président de la Russie Vladimir Poutine, mécontent du nouveau gouvernement pro-occidental de l'Ukraine, l'excuse de « protéger » la population russophone de l'Ukraine, ce qui a déclenché le conflit. Ce discours a provoqué des réactions polarisées chez les russophones ukrainiens, qui soit protestaient contre cette démarche de la Russie, soit l'acceptaient à mains ouvertes selon le choix politique pro-ukrainien ou pro-russe qu'ils faisaient. Il est à noter également que les « russophones » en question sont en fait des bilingues avec la langue dominante russe qui comprennent l'ukrainien mais utilisent le russe dans un nombre significatif de contextes sociaux (Søvik, 2010, pp. 10-11, p. 21).

En 2022, le début de la guerre russe à grande échelle contre l'Ukraine a exacerbé les humeurs pro-ukrainiennes chez les Ukrainiens russophones, les poussant à repenser leur identité et répertoire linguistiques. Cette présentation incluera également de nouvelles données obtenues des russophones ukrainiens en 2023.

2 Cadre théorique

2.1 La théorie de l'identité sociale et l'identité linguistique

Selon la théorie de l'identité sociale de Tajfel et Turner (1986, pp. 13-17), en cherchant leur rôle social, les individus se divisent en groupes selon des critères religieux, régionaux, ethniques, nationaux, etc. Les groupes ethniques ou nationaux peuvent accentuer leurs langues, coutumes et traditions pour renforcer leurs unicité et distinction.

Ainsi, la langue rassure le « principe spirituel » et identitaire d'un groupe basé sur des valeurs communes telles que l'héritage ancestral, la compréhension partagée de l'histoire, les ouvrages littéraires et d'autres produits culturels (Fishman, 1999, p. 115). La langue remplit l'existence d'un groupe du sens parce qu'elle décrit le passé, le présent et le futur et les lie dans un nœud définitif d'une culture commune distincte. Selon Mufwene (1997), c'est particulièrement important « si les traits physiques des locuteurs ne permettent pas de déterminer dès le premier abord leur affiliation ethnique ou leur région d'origine » (p. 162), comme c'est le cas des Russes et des Ukrainiens. C'est pourquoi le discours officiel de l'Ukraine assure que la langue nationale du pays doit être préservée, sinon leur identité nationale disparaîtra (Connor, 1994, p. 105). Ici, l'identité nationale est liée étroitement à l'identité linguistique, le choix de langue étant un « acte d'identité » (Le Page et Tabouret-Keller, 1985) et une prise de position par rapport à son propre groupe et celui des autres.

Par conséquent, la question d'identité linguistique d'un groupe peut devenir très politisée, idéalisée et mobilisée par l'idéologie de ce groupe (Mufwene, 1997, p. 16), surtout dans une situation de conflit. Plus le conflit est intense, plus l'identification et l'attachement positif des individus à leur groupe sont forts, mais, en outre, plus il y a d'antagonisme envers l'exogroupe (*outgroup*) (Tajfel et Turner, 1986, p. 8). Si dans la compétition avec le groupe adversaire, l'endogroupe identitaire d'un individu perd son importance et sa valeur positive, il/elle peut essayer de se déplacer vers un autre groupe social (pp. 9-10). Ainsi, pendant le conflit, certains russophones pro-ukrainiens faisaient le choix de renoncer à leur identité linguistique russophone et s'identifier plutôt à la langue ukrainienne, ce qui a affecté leur positionnement par rapport à leur langue « maternelle » ou plutôt « native language ».

2.2 « Ridna mova »/« rodnoi iazyk » et « langue maternelle »

2.2.1. « Ridna mova/rodnoi iazyk » : source de l'ambiguïté

Le problème initial rencontré durant les entretiens de l'enquête actuelle réside dans l'ambiguïté de l'expression « ridna mova » (en ukrainien) et « rodnoi iazyk » (en russe). Dans les langues slaves, les adjectifs « ridna » et « rodnoi» signifient « natal » ou « natif ». La traduction la plus proche au sens de cette phrase sera l'expression anglaise « native language » (Sériot, 2017-18, p. 171). Cependant, cette traduction reste de toute façon très approximative, car ce terme ne signifie pas nécessairement la première langue acquise par un locuteur (Olszanski, 2012, p. 14).

L'ambiguïté de la notion de « ridna mova/rodnoi iazyk » remonte à la politique de korénizatsiia (indigénisation) de Lénine qui visait à reconnaître les diverses ethnicités faisant partie de l'Union soviétique nouvellement créée pour apaiser les tensions nationalitaires (Arel, 2009, p. 21). C'est pourquoi les divisions en unités administratives se faisait selon le critère de l'ethnie dominante, dite titulaire, dont la langue éponyme était considérée comme sa « ridna mova/rodnoi iazyk » (native language). Ainsi, les Ukrainiens étaient reconnus comme une ethnicité et un peuple parce qu'ils parlaient une langue distincte (Arel, 2006, p. 28). Sériot (2017-18) appelle cette pratique de l'État "linguistique politique", où la langue devient une identité collective, remplissant une fonction symbolique aux dépens de la fonction communicative (p. 181).

Ce principe était appliqué dans la politique nationalitaire à travers toute la période soviétique, où l'identité ethnonationale des peuples autochtones était présumée satisfaite par la promotion de leurs culture et langue, comme symboles folkloriques (Kulyk, 2015, p. 208). Cependant, paradoxalement, en réalité, la russification de la société en Ukraine rendait les Ukrainiens ethniques « russophones », créant des disparités entre la langue déclarée comme «

ridna » (« native language ») et la langue utilisée dans la communication quotidienne. La divergence entre l'identité ethnique et les pratiques langagières persiste également en Ukraine indépendante et reste aussi large qu'à la fin de l'époque soviétique (Kulyk, 2015, p. 205), car la politique ethnoculturelle de l'État ukrainien continue la glorification de la nation titulaire (p. 217), dont l'une des caractéristiques principales est la langue, dite « ridna mova », que chaque citoyen de l'Ukraine doit connaître (Polese et Wylegala, 2008, p. 789).

Aujourd'hui, les sociolinguistes slaves définissent « ridna mova/rodnoi iazyk » comme : 1) une langue parlée par la mère d'un.e locut.eur (trice), c'est-à-dire la « langue maternelle » proprement dite ; 2) une langue qu'un.e locut.eur (rice) entendait dès la petite enfance ; 3) la première langue qu'un locuteur a commencé lui-même à parler dans son enfance; 4) la langue qu'un locuteur utilise actuellement le plus souvent ; 5) la langue de l'ethnie à laquelle un locuteur appartient (Maiboroda et Panchuk, 2008, p. 38).

La nature équivoque de cette notion remet en cause la justesse des études où elle est utilisée pour signifier la « langue maternelle », notamment le recensement national ukrainien de 2001 (Olszanski, 2012, p. 15). Pour cette raison, l'Institut international de sociologie de Kyiv (KIIS) a élaboré un protocole pour ses interviews pour déterminer la langue de confort des participants du sondage afin d'éviter l'utilisation de la notion de « ridna mova » (Khmelko, 2004, p. 4).

2.2.2. « Langue maternelle »

D'ailleurs, la clarté et la stabilité de la notion de « langue maternelle » en français est également remise en question par plusieurs auteurs (Urbain, 1982; Khomsi, 1982; Boutan, 2003). « Langue maternelle » pourrait être la langue que l'on a acquise de sa mère dès la petite enfance. Dans cette définition, la question qui se pose touche à la relation entre mère et enfant, car la mère peut être n'apporte quelle personne qui s'occupe de l'enfant et lui transmet sa langue (Khomsi, 1982, pp. 93-94). Suivant cette logique, s'il existe une « langue maternelle », il peut y exister également une « langue paternelle », celle de son père. Pour généraliser, l'UNESCO définit « langue maternelle » (mother tongue/mother language) comme « première langue qu'un/une enfant a appris(e) à la maison des membres plus âgés de la famille », en admettant quand même que parfois ce terme acquiert un sens culturellement symbolique au point qu'un individu peut dire qu'il ne parle pas sa langue maternelle (UNESCO, 2007, p. 6).

Cela signifie qu'une « langue maternelle » peut être également la langue du pays natal, c'est-à-dire de la mère-patrie, ou bien du pays où on a commencé à parler. D'ailleurs, à l'époque de la mondialisation et de l'immigration, ces deux derniers pays peuvent être des pays différents

(Boutan, 2003, pp. 138-139). En outre, la « langue maternelle » peut vouloir dire la « langue des origines » (Urbain, 1982, p. 7).

Donc, si la notion de « langue maternelle » et celle de « ridna mova/rodnoi iazyk » sont toutes les deux si ambiguës et ne coïncident pas, quel(s) terme(s) les slavistes travaillant en français doivent-ils utiliser pour décrire le phénomène en question?

2.3 Tentatives de traduction en français

Pour expliquer la logique par laquelle, les participants des sondages répondaient systématiquement que leur langue « ridna/rodnoi » était l'ukrainien tandis qu'en réalité ils parlaient russe, Arel (2006) propose de traduire « ridna mova/rodnoi iazyk » en français comme « langue d'origine », car cette notion possède une « connotation de descendance » (p. 28).

Par contre, Shevchenko (2015) remarque que « ridna mova » peut être également la « langue de la nation » à laquelle les locuteurs sont fidèles, c'est-à dire il s'agit d'une loyauté linguistique des locuteurs à une communauté donnée (p. 218). Elle ne propose toutefois aucun terme pour remplacer le concept problématique français de « langue maternelle » pour traduire la notion ukrainienne aussi épineuse de « ridna mova ».

En 2014, l'identification nationale et les idées sur le rôle de(s) langue(s) dans une nation sont devenues extrêmement saillantes pour les russophones Ukrainiens. Leur similarité linguistique aux Russes de Russie, à qui certains d'entre eux s'opposaient avec le début du conflit, a ajouté de l'importance à la distinction linguistique. Comme démontreront les extraits des entretiens de l'enquête plus loin dans cet article, la notion de « ridna mova » a reçu une connotation identitaire qui va au-delà de l'identification ethnique. Il s'agit ici du positionnement politique plutôt que de la descendance. Ces deux idées peuvent également se chevaucher. En outre, l'ethnicité ou descendance déclarée peut résulter également du positionnement politique, surtout pour les individus d'ethnies mixtes.

Je propose, donc, d'introduire le terme de « langue natale » en français pour décrire le phénomène d'une langue à laquelle les locuteurs s'identifient du point de vue politique, national ou ethnique, mais qu'ils ne parlent pas ou qu'ils n'utilisent pas souvent au quotidien. L'adjectif « natal », malgré son étymologie remontant à la radicale latine « nat- » signifiant « born », ferait référence à une langue qu'un.e locut.eur.rice tient à cœur plutôt qu'à la compétence linguistique native ou à la langue de ses parents ou ses origines. Symboliquement, le mot « nation », venant également du verbe latin *nasci* (être né(e)), véhiculait au début l'idée des liens du sang communs, devenant seulement plus tard le substitut pour les catégories de « peuple », de

« population » et de « citoyens » (Connor, 1994, pp. 94-95). La « langue natale » sera, donc, la langue d'identification nationale et de prise de position politique.

La langue de compétence linguistique d'un.e locut.eur.rice sera considérée comme sa « première langue », où « première » ne signifiera pas nécessairement « première à être acquise » mais plutôt « première en aisance d'usage actuelle ».

Ayant écrit cette définition, par curiosité, j'ai ouvert une page définissant la « langue maternelle » sur Wikipédia française où j'ai vu l'explication suivante :

La **langue maternelle**, par extension comprise comme **langue natale,** désigne la **première langue** qu'un enfant apprend (« Langue maternelle », 2019).

Donc, par pure coïncidence, les trois termes que j'ai proposés pour trois concepts différents se trouvent inclus dans la même définition. Bien évidemment, Wikipédia n'est pas une source scientifique fiable, mais cette entrée est révélatrice d'une pagaille terminologique autour de la question de « langue maternelle ». À mon avis, la répartition des tâches entre « langue natale » et « première langue » pourrait être une solution terminologique, au moins pour les études comme l'actuelle, où la prise de position joue un rôle essentiel dans la déclaration d'une « langue maternelle ».

La présentation au Congrès comprendra l'évidence empirique de la problématique ci-dessus sur la base de l'enquête de terrain de 2018 et de la pré-étude menée en 2023.

RÉFÉRENCES BIBLIOGRAPHIQUES

"All-Ukrainian population census 2001". (s.d.) State Statistics Committee of Ukraine. Repéré à http://2001.ukrcensus.gov.ua/eng/results/general/language/.

Arel, D. (2006). La face cachée de la Révolution orange : l'Ukraine et le déni de son problème régional. *Revue d'études comparatives Est-Ouest*, 37 (4), 11-48.

Arel, D. (2009). Recensement et légitimation nationale en Russie et dans la zone post-soviétique, *Critique internationale*, 4 (45), 19-36.

Bilaniuk, L. (2016). Ideologies of language in wartime. In Olga Bertelsen (Ed.), *Revolution and war in contemporary Ukraine: The challenge of change*. Ibidem Press.

Boutan, P. (2003). Langue(s) maternelle(s) : De la mère ou de la patrie ? *Éla. Études de linguistique appliquée, 2 (130),* 137-151.

Boyer H. (2003). *De l'autre côté du discours : Recherches sur les représentations communautaires*. Paris : L'Harmattan.

Calvet, L.-J.& Dumont, P. (dir.). (1999). *L'Enquête sociolinguistique.* Paris : L'Harmattan.

Connor, W. (1994). *Ethnonationalism: The quest for understanding*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

Fishman, J. A. (1999). Concluding comments. In J. A. Fishman (Ed.), *Handbook of language and ethnic identity.* New York, Oxford: Oxford University Press.

Heller, M. (2011). *Paths to postnationalism: A critical ethnography of language and identity*. Oxford: Oxford University Press.

Khmelko, V.E. (2004). Lingvo-etnichna struktura Ukrainy: Regional'ni osoblyvosti ta tendentsii zmin za roky nezalezhnosti. *Kyiv International Institute of Sociology*. Repéré à https://www.kiis.com.ua/materials/articles_HVE/16_linguaethnical.pdf.

Khomsi A. (1982). Langue maternelle et langage adressé à l'enfant. *Langue française, 54. Langue maternelle et communauté linguistique*, 93-107.

Kulyk, V. (2014). What is Russian in Ukraine? Popular Beliefs Regarding the Social Roles of the Language". In Lara Ryazanova-Clarke (Ed.), *The Russian Language outside the Nation*, Edinburgh University Press, pp. 117-143.

Kulyk, V. (2015). Soviet nationalities policies and the discrepancy between ethnocultural identification and language practice in Ukraine. In M. Beissinger, & S. Korkin (Eds.), *Historical legacies of communism in Russia and Eastern Europe*, pp. 202-221.

« Langue maternelle ». (2019, 5 août). Wikipédia. Repéré à https://fr.wikipedia.org/wiki/Langue_maternelle.

Maiboroda, O. M., & Panchuk, M. I. (2008). Movne ta polityko-politychne protystoyannya v Ukraini: prychyny, chynnyky, proyavy. In O.M. Maiboroda *Movna sytuatsiya v Ukraini mizh konfliktom ta konsensusom*. Instytut politychnykh i etnonatsionalnykh doslidzhen' imeni I. F. Kurasa, pp. 205-234.

Mufwene, S. (1997). Identité. In M.-L. Moreau (Ed.), *Sociolinguistique : Concepts de base*. Rosny-sous-Bois : Bréal.

Olszanski, T. A. (2012). The language issue in Ukraine: An attempt at a new perspective. *OSW Studies, 40*. Warsaw: Osrodek Studiow Wschodnich im. Marka Karpia/Centre for Eastern Studies.

Polese, A. & Wylegala, A. (2008). Odessa and Lvov or Odesa and Lviv: How important is a letter? Reflections on the "Other" in Two Ukrainian Cities. *Nationalities Papers*, 36 (5), 787-814.

Riabchuk, M. (2012, 28 juin). Playing with Ambiguities: Ukraine's Language Law. *Open Democracy*. Repéré à www.opendemocracy.net/en/odr/playing-with-ambiguities-ukraines-language-law/.

Sériot, P. (2017-18). Language Policy as a Political Linguistics: The Implicit Model of Linguistics in the Discussion of the Norms of Ukrainian and Belarusian in the 1930s. *Harvard Ukrainian Studies, 35 (1-4)*, 169-85.

Shevchenko, N. (2015). Le rôle de la langue dans la crise ukrainienne d'aujourd'hui. Le problème du bilinguisme. Dans V. Dymytrova & B. Lamizet (Eds.), *Penser l'Ukraine après Maidan* (pp. 203-225). Lyon : Cahiers Sens Public.

Søvik, M. B. (2010). Language practices and the language situation in Kharkiv: Examining the concept of legitimate language in relation to identification and utility". *International Journal of the Sociology of Language*, *201*, 5-28.

Tabouret-Keller, A. (1969). Plurilinguisme et interférences. In A. Martinet (Ed.), *La linguistique, guide alphabétique* (pp. 305-310). Paris : Denöel-Gonthier.

Tajfel, H., & Turner, J. C. (1986). The social identity theory of intergroup behavior. In S. Worshel & W. S. Austin (Eds.), *Psychology of intergroup relations* (pp. 7-24). Chicago: Nelson-Hall Publishers.

UNESCO. (2007). *Mother tongue matters: Local language as a key to effective learning*. Repéré à https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000161121.

Urbain, J.-D. (1982). La langue maternelle, part maudite de la linguistique? *Langue française, 54. Langue maternelle et communauté linguistique*, 7-28.

Wald, P. (1997). Choix de code. In M.-L. Moreau (Ed.) *Sociolinguistique: concepts de base* (pp. 71-76). Bruxelles: Pierre Mardaga.

TYPES OF LANGUAGE CONFLICTS: MULTIFACTORIAL MODEL AND CASE STUDIES FROM THE LANGUAGE SITUATIONS IN UKRAINE AND RUSSIA

MONIKA WINGENDER (GERMANY)

Although the first milestones in the analysis of language conflicts appeared already in the middle of the last century and language conflicts have since been intensely researched in various disciplines of linguistics, a separate language conflict research or a broader linguistic conflict research has only been developed to a limited extent. Peter Nelde's dictum "there can be no language contact without language conflict" (Nelde 2005, 1350) reveals that language conflicts have so far been the subject of language *contact* research (see the overview article by Darquennes 2015). Furthermore, language conflict research was treated in the frame of different disciplines and terms: besides contact linguistics and sociolinguistics, it is also dealt with comprehensively in the framework of research on language policy and language planning. Furthermore, the term *conflict linguistics* was introduced into research. In this context, contact linguistics is given a lot of space again (Bochmann et al. 2003).

Further research areas in language conflict research focus on language ideology research. Studies on rhetoric and language use or language as a medium, instrument or catalyst in conflicts also contribute a broad spectrum of terms and approaches (see the comprehensive handbooks of Kelly et al. 2019, Evans et al. 2019). Terms and notions like political or propaganda language are related to politolinguistics, pragmatics, and cultural linguistics (Kuße 2012). The role of language in (de-)escalating conflicts is the focus of the concept of "New Peace Linguistics" (Curtis 2022) as part of applied linguistics.

Overall, a broader linguistic conflict research (as a branch of general, so far mainly social science, conflict research) has only begun to emerge (for the state of research and first steps towards further development, see Wingender 2021).

Research gaps arise in particular in relation to a stronger connection between conflict research in social sciences and linguistics. This particularly applies to methodological approaches. Thus, the systematic analysis of the interrelationship of language and conflict should take into account the entire spectrum of the functions of languages. Among them are symbolic functions, the role as mother tongue, a means of communication, an instrument of othering. Moreover, languages take on the role of substitutes for societal conflicts, since it is not the languages that are in conflict, but the speakers.

Furthermore, typological approaches should be given more prominent consideration. A systematic analysis of the link between language and conflict can only be carried out in this way.

Against this background, the aim of the talk is to contribute further steps in the development of a broader linguistic conflict research. Accordingly, Wingender (2021, 31) developed a multifactorial language conflict model with four types (languages in conflict, language(s) as object in conflicts, conflicts about language(s), language(s) of conflict). This model covers the broad spectrum of functions that languages perform in conflicts. Furthermore, it includes different areas of linguistics such as language contact, language culture, language policy, and language of politics. The four types of language conflicts are characterized by multifaceted overlaps and correlations that are analyzed.

The second part of the talk encompasses case studies from the language situations in Ukraine and Russia. Concerning Ukraine, the focus will be on language laws and current developments of the language situation in wartime Ukraine (Kiss / Wingender 2025).

With regard to Russia, we analyze language questions with focus on bi- and multilingualism. The year 2018 with the amendment on the Federal Law on Education marks a turning point in Russia's language policy. Furthermore, language questions are also analyzed with regard to the Russkij-mir-ideology (Wingender 2024).

REFERENCES

Bochmann, Klaus, Peter N. Nelde, and Wolfgang Wölck (eds.) (2003), *Methodologie der Konfliktlinguistik*. St. Augustin.

Curtis, Andy (2022), *The new peace linguistics and the role of language in conflict*. Charlotte, NC.

Darquennes, Jeroen (2015), Language conflict research: a state of the art. In: *International Journal of the Sociology of Language* 235, 7–32.

Evans, Matthew, Lesley Jeffries, and Jim O'Driscoll (eds.) (2019), *The Routledge handbook of Language in Conflict*. London.

Kelly, Michael, Hilary Footitt, and Myriam Salama-Carr (eds.) (2019), *The Palgrave Handbook of Languages and Conflict*. Cham.

Kiss, Nadiya and Monika Wingender (2025), *Contested Language Diversity in Wartime Ukraine. National Minorities, Language Biographies, and Linguistic Landscape*. Ibidem.

Kuße, Holger (2012), *Kulturwissenschaftliche Linguistik*. Göttingen.

Wingender, Monika (2021), From Contact and Conflict Linguistics towards Linguistic Conflict Research: Developing a Multifactorial Language Conflict Model. In: *Language Politics, Language Situations and Conflicts in Multilingual Societies. Case Studies from Contemporary Russia, Ukraine and Belarus,* edited by Daniel Müller and Monika Wingender, 15–35. Wiesbaden.

Wingender, Monika (2024), Am Beispiel Tatarstans. Sprachpolitik in der Russländischen Föderation. In: *Osteuropa*, 1-3, S. 285-298.

LANGUAGE BIOGRAPHIES OF SURZHYK SPEAKERS: LINGUISTIC EXPERIENCES DURING EDUCATION

YEVHENIIA LYTVYSHKO, JAN PATRICK ZELLER (GERMANY)

1. Introduction

Ukraine is a multilingual country with Ukrainian as the state language, but Russian also spoken by large parts of the population. Both languages have coexisted for centuries, with their prestige changing based on political circumstances. As a result of the close contact between Ukrainian and Russian, a mixed Ukrainian-Russian vernacular speech has developed, which is commonly known as *Surzhyk.* It is primarily used in oral, everyday communication. The term *Surzhyk* "originally stood for a mixture of wheat and rye or flour of inferior quality. This designation was meant to imply that it was impure and less valuable" (Kostiučenko, 2023).

The present study explores the linguistic experiences of Ukrainians, and in particular Surzhyk speakers, while they were studying at school. Firstly, sociological survey data are compared to official data on school languages, considering the relevant language policies. Then, the results of in-depth interviews are presented and discussed, focusing on urban-rural dichotomies.

2. Situating the Study: Language in Education

The role of language in school contexts extends far beyond mere communication, as it plays a pivotal role in shaping perceptions, attributions and social hierarchies. As Steigler-Herms (2024: 72) emphasises, educational language is not merely a functional register; it also exerts a substantial influence on the credibility and prestige of speakers.

2.1 Languages of Instruction in Soviet Ukraine

In the mid-20th century, the language of instruction in the Ukrainian SSR was still predominantly Ukrainian, though Russian-language schools gradually increased in number. From 1953 to 1970, the number of Ukrainian-language schools consistently surpassed that of Russian-language schools. In the early 1950s, around 85% of schools used Ukrainian as the language of instruction, with Russian-language schools comprising only 13-14%. By 1969-1970, the percentage of schools using Russian had increased to 19.3%, while Ukrainian-language schools had decreased to 80.7% (Solchanyk, 1985: 77).

However, the proportion of pupils studying in Russian was significantly higher than the number of such schools would suggest. According to data from 1967-1968, the total number of pupils enrolled in Russian-language education reached nearly 40% across all grades, despite

Russian-language schools making up only 20% of the overall school population (Solchanyk, 1985: 78). This discrepancy can be attributed to the larger size of Russian-language schools, which were more commonly found in urban areas with larger populations, compared to the smaller, rural Ukrainian-language schools.

2.2 Language of Instruction in Independent Ukraine

Following the collapse of the Soviet Union in 1991, there was a shift in language policies, with regard to the language of instruction in schools. As a result, curricula were adapted to align with national priorities, and the language of instruction was altered, resulting in the diminution of the Russian language's previous role in education. As a result, the school statistics changed accordingly: "during the period from 1991–2000 there was a 25% growth of Ukrainian-medium pre-schools (from 51% to 76%). Schools followed the same shifting pattern in the same period of time, with an increase by 21% (from 49% to 70%)" (Polese 2010: 48). However, according to Danylevs'ka (2019), in 2017 still 51% of pupils perceived the linguistic environment within schools to be bilingual, encompassing both Ukrainian and Russian. Although, in accordance with the 2019 language legislation (VRU 2019-2024), instruction is mandated to be exclusively in Ukrainian, the Russian language has not yet disappeared entirely.

Previous research has extensively examined shifts in language policies and their impact on educational institutions in Ukraine, particularly in terms of the transition from Russian to Ukrainian as the primary language of instruction. However, a research gap remains in understanding how these policy changes intersect with individual linguistic experiences and identity formation, specifically in relation to the urban-rural divide mentioned in Section 2.1. The present study aims to address this lacuna by employing the methodology of language biographies to explore how individuals perceive and navigate language use in different contexts.

3. Data

As part of the project "Hybridization from Two Sides: Ukrainian-Russian and Russian-Ukrainian Code Mixing" (DFG / FWF, Hentschel & Reuther 2020), data were collected in two stages between June, 2020 and December, 2021 in the Odesa (without the city of Odesa), Kherson, and Mykolayiv regions. Sociodemographic data was collected by means of a closed survey (n=1200) followed by in-depth interviews with speakers of Surzhyk (n=100).

4. Methodology

The present study employs a qualitative framework, complemented by statistical analysis, to examine how linguistic identity is shaped through personal experiences. For this purpose we firstly analyze the answers in the sociodemographic survey concerning the language of instruction in elementary and secondary school. Secondly, semi-structured interviews focusing on the language biographies of the respondents are analyzed since they offer an alternative perspective, giving respondents the opportunity to link their linguistic experiences with both their own biography and their knowledge about the linguistic situation in Ukraine.

5. Analysis: Languages of Instruction at School

5.1 Sociodemographic Survey Data

The 1200 respondents were grouped into four cohorts based on their years of schooling.

- Group A: respondents born before 1973, who attended school completely during the Soviet era, where language policies were shaped by Soviet linguistic priorities (n = 596).
- Group B: respondents born between 1974 and 1984, who experienced the transition from Soviet rule to independent Ukraine, a period of gradual policy shifts (n = 245).
- Group C: the 1985–1996 cohort studied in independent Ukraine; however, language policies continued to be influenced by the Soviet legacy (n = 278).
- Group D: respondents born in 1997 and later, who officially should have been educated in Ukrainian (n = 81).

As illustrated in Figure 1a/b, language use patterns remain rather consistent between primary and secondary education across all groups. In Group A, Ukrainian was the dominant (exclusive or predominant) language of instruction at both educational stages (62%), while Russian was dominant for 35% in both elementary and secondary schools. Group B exhibits a slightly lower proportion of Ukrainian-medium instruction, with 56% in elementary school and 55% in secondary school, whereas 42% received education (mainly) in Russian at both levels. In Group C, Ukrainian as the (primary) language of instruction increased to 68% in elementary school and 69% in secondary school, with 29% and 28% studying in Russian, respectively. In Group D, the majority received instruction (mainly) in Ukrainian (72% in elementary school and 74% in secondary school), while 27% studied (mainly) in Russian at the elementary level and 25% at the secondary level. The use of both Ukrainian and Russian as languages of instruction (at the same level or with dominance of one of the two languages) remains rather marginal, ranging from 14% to 16% across all groups.

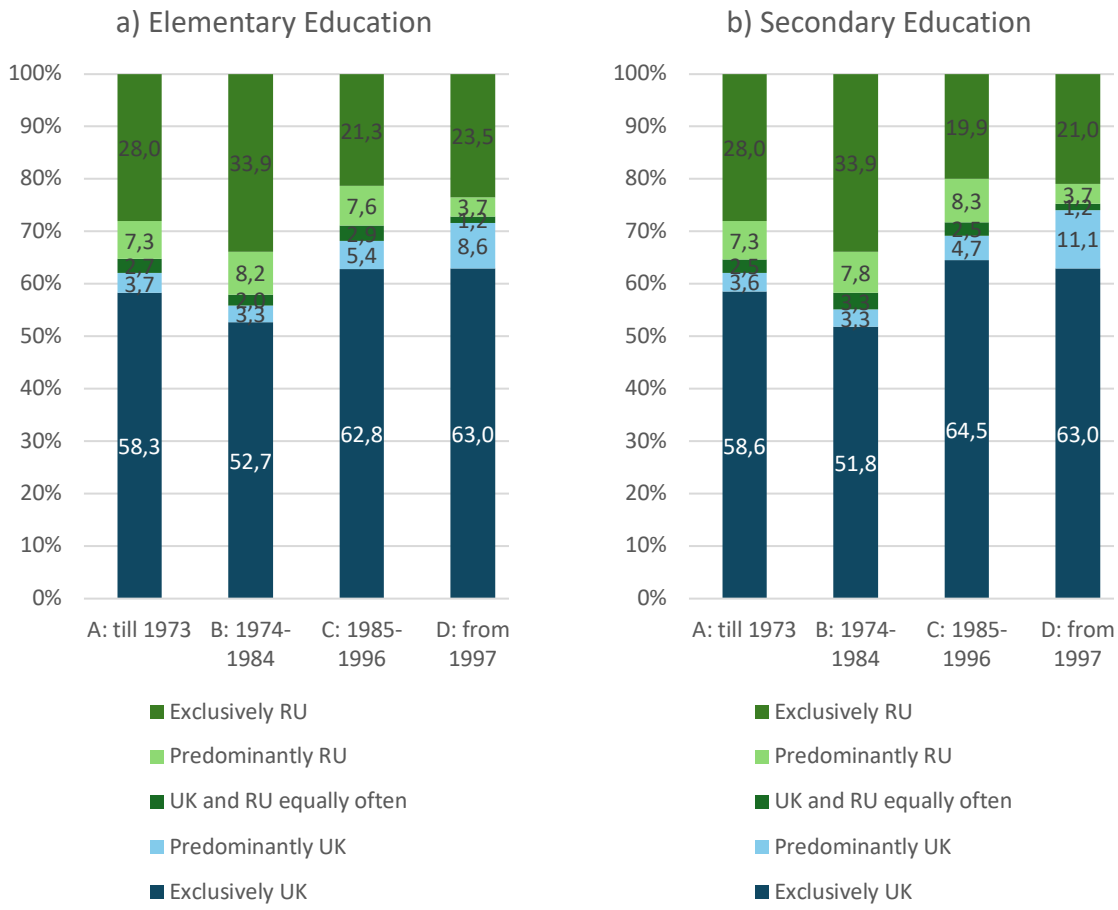


Figure 1 a/b. Language of instruction at elementary / secondary school

The presence of Russian remained stable in schools, with an increase in Group B (1974–1984), reflecting Soviet linguistic priorities. Groups C (1985–1996) and D (born after 1997) saw a gradual rise in Ukrainian instruction and a decline in Russian due to policy changes favoring Ukrainian. Despite this shift, a minority still opted for Russian. In all age groups, Ukrainian was the dominant language of instruction.

These results must be viewed with some caution since it is unclear whether the respondents always distinguished between the official side – the declaration of a given school – and the actual practice of teachers. This is a question to be clarified by means of the in-depth interviews, but beyond the scope of the present paper. However, the strong presence of Ukrainian in our data could also be due to the fact that the majority of our respondents resided in either villages or small towns during their school years. Urban-rural differences thus might play a key role, with larger urban schools reinforcing Russian and rural schools favoring Ukrainian. In the following, we will examine the question of whether the respondents refer to the rural-urban distinction when they talk about their school language biography and thus link their own biography with their knowledge of the linguistic situation in Ukraine.

5.2 Interview Analysis

The in-depth interviews provide evidence that the respondents are aware of the linguistic difference between urban and rural contexts and understand it as common knowledge. They present a Ukrainian-language school in a village as something natural that needs no further explanation and can be used to explain one's own school biography.

> 90 (51 y.o.): My xodili **v sel'skoy mjesnosti v školu**, i my obščalis' **na ukrainskom**.
> 1231 (49 y.o.): Visim rokiv navčavsja **v sil'skij školi**, tam vykladalys predmety **ukraïns'koju movoju**.
> 1443 (42 y.o.): Škola ukraïnomovna, da. Nu jak, rajonnyj centr, **ce ž v nas ne gorod**, to ukraïnomovna. 941 (29 y.o.): Ukraïns'ka škola bula? - Tak. **Tam odna škola, šo može v seli buty**.

A telling example is respondent 1310 who indicates that the primary language of instruction at school was Ukrainian. The presence of Russian was introduced by an instructor who is depicted as an external entity from the city. The fact that the teacher was Russian-speaking is taken for granted by the respondent in view of the fact that he came from the city.

> 1310 (33 y.o.): V školi, **v seli** […], nam prepodavali na ukraïns'kim jazykje […]. Šče bula taka sytuacija, koly v nas buv včytel', jakyj pryïzdyv **z mista**, […]. I **vin rozgovaryvav na ruskom tože, tomu ščo vin z mista** i pryvyk tak razgovarjuvat'.

These findings support the notion that Russian is understood by the respondents as connected with education in urban settings, while Ukrainian is seen as dominant in education in rural settings.

REFERENCES

Danylevs'ka, O. (2019): Ukraïns'ka mova v ukraïns'kij školi na počatku XXI stolittja: sociolinhvistyčni narysy. Kyïv.

Hentschel, G., Reuther, T. (2020): Ukrainisch-russisches und russisch-ukrainisches Code-Mixing. Untersuchungen in drei Regionen im Süden der Ukraine. Colloquium: New Philologies 5(2), 105-132. [https://doi.org/10.23963/cnp.2020.5.2.5].

Kostiučenko, A. (2023): Surzhyk in Ukraine: Between Language Ideology and Usage. Ukrainian Analytical Digest 1, 15-17. [https://doi.org/10.3929/ethz-b-000623475].

Polese, A. (2010): The Formal and the Informal: Exploring 'Ukrainian' Education in Ukraine, Scenes from Odessa. Comparative Education 46(1), 47-62. [https://doi.org/10.1080/03050060903538673].

Solchanyk, R. (1985): Language Politics in the Ukraine. In: Kreindler, I. T. (ed.): Sociolinguistic Perspectives on Soviet National Languages: Their Past, Present and Future. Berlin etc., 57-105. [https://doi.org/10.1515/9783110864380-005].

Steigler-Herms, J. (2024): Sprachprestige und Glaubwürdigkeitsattribution. Zum Einfluss bildungssprachlicher Merkmale auf die Aussagenbeurteilung bei der Vernehmung auf dem Schriftweg Berlin etc.

VRU 2019-2024 = Verxovna Rada Ukraïny (2019-2024): Zakon Ukraïny Pro zabezpečennja funkcionuvannja ukraïnskoï movy jak deržavnoï. zakon.rada.gov.ua. [https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2704-19#Text, Last access: 19.02.2025].

NECROSPEAK:
THE SPECIAL LANGUAGE OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION

ALEXANDRA ARKHIPOVA (FRANCE)
École normale supérieure, Paris

This paper examines NecroSpeak, a ritualized register of euphemistic and neutralizing language that emerged in Russian public discourse and whose aim (among others) is to justify Russian aggression against Ukraine. It can be seen as a form of doublespeak, as defined by William Lutz (1989): a type of language that distorts, disguises, and reverses meaning to serve political ends. Like doublespeak, NecroSpeak systematically manipulates connotations to neutralize emotional responses and obscure unpleasant realities. However, while doublespeak typically refers to a broad category of deceptive political language, NecroSpeak is a ritualized performative register that signals loyalty to the state through highly codified lexical and pragmatic choices. The term itself (Nekroyaz) reflects this semantic and emotional neutralization: the register works to "deaden" the meaning of words, discourage moral reflection, and foster political disengagement.

NecroSpeak as Discourse and Performance of Obedience

NecroSpeak is both a discursive formation and a performative spectacle of loyalty, functioning as a public transcript (Scott, 1990) in which speakers are compelled to display outward allegiance.
After February 24, 2022, Russian public spaces were rapidly filled with the Latin letters Z and V, and the abbreviation SMO ("Special Military Operation"). Though their meaning was initially undefined—even to supporters—their presence functioned as a semantic void that demanded public engagement. NecroSpeak here evolved from a linguistic register into a visual and performative spectacle of obedience: the display of Z and V signified loyalty regardless of their actual meaning. Citizens, institutions, and even bodies were mobilized to produce this spectacle—giant installations of Z and V appeared on buildings, people and vehicles were arranged into these shapes.

Through linguistic play, state propaganda constructed an imagined loyal majority. The combination of Z and V into ZoV ("call") and the embedding of the abbreviation SVO into *svoi* ("one's own") generated slogans that invoked a unified collective—*"our own"*—without specifying its boundaries. NecroSpeak is both a discursive formation and a performative spectacle of loyalty, functioning as a public transcript (Scott, 1990) in which speakers are compelled to display outward allegiance.Officials and activists further reinforced this performance by renaming

cities, events, and personal names to incorporate Z and V (e.g. KuZbass, KisloVodsk, RaZVojaev). Through these acts, NecroSpeak transformed public space into a continuous ritual of loyalty, creating the impression of a broad, unquestioning, and homogeneous consensus that ordinary citizens were compelled to enact and witness.

Necrospeak as a discourse was actively institutionalized through internal editorial directives (*metodichki*). These documents, distributed via the Presidential Administration, specify not only which topics to cover or avoid, but also precise lexical choices for politically sensitive content. Journalists and editors understand that adherence to these linguistic instructions demonstrates loyalty to state narratives; deviations may result in sanctions or dismissal. A metodichka from February 24, 2022, explicitly instructed: *"Do not use the word 'war'. The correct formulation is 'special military operation'."* A later metodichka from September 2022, issued during the announcement of mobilization, required that media refer exclusively to "partial mobilization", and explicitly prohibited discussion of difficulties, public discontent, or protests connected to this policy. It instructed editorial teams to avoid any language suggesting social instability or panic.

How to Speak NecroSpeak

The core mechanism of NecroSpeak is systematic lexical substitution aimed at managing public affect and controlling the framing of political reality. In linguistic terms, it operates through what Allan and Burridge (2006) describe as cross-varietal synonymy: speakers replace dispreferred expressions with semantically or pragmatically modified alternatives, altering the audience's perception of events.

NecroSpeak employs three primary lexical strategies: super-euphemisms, neutonyms, and dysphemisms. These mechanisms work not in isolation but as a coordinated system of connotational management.

Super-euphemisms function to replace neutral or negatively connoted terms with highly positive, valorizing expressions. The goal is not merely to reframe state actions but to invert the evaluative frame of the event or object being described. For example, the term "occupied territories" is replaced with "liberated territories", transforming the negative frame of occupation into a positive narrative of liberation. Similarly, "military offensive" becomes "peacekeeping measures", suggesting moral righteousness and humanitarian intent.

A particularly original and distinctive feature of NecroSpeak is its use of a special type of

euphemisms —**neutonyms**. They are designed not to evoke positive or negative emotion, but rather to produce an effective vacuum. Neutonyms function as a form of semantic anesthesia: they strip events of their emotional salience and frame them as technical phenomena or bureaucratic processes. These substitutions imply that the situation is under technical control, minimizing the perception of danger or chaos. However, they encompass three distinct types of neutonyms, differentiated by their origins.

(a) Originally technical terms taken from engineering, scientific, or military jargon:

"Explosion" "muffled pop" (*khlopok*)

"Fire" "thermal anomaly" (*termalnaya anomalya*)

"Front" → "line of contact" (*linia coprikosnovenia*)

(b) Invented bureaucratic phrases: these are terms that did not previously exist as part of any specialized professional jargon. Rather, they were deliberately coined to describe large-scale public events in a neutralized and depersonalized manner.

"restrictions" → "special procedure for withdrawals" in financial reporting

"lockdown" → "self-isolation regime" during COVID-19

"war" → "special military operation"

(c) **Occasional neutonyms** have been emerging gradually as NecroSpeak evolves, from 2022 to 2025. Typically, these terms do not originate from direct instructions issued by the Presidential Administration. Instead, they result from half-spontaneous linguistic invention by journalists or local officials and subsequently spread through the media. For example, the governor of Belgorod, Vyacheslav Gladkov began referring to missile strikes as "loud sounds" (*gromkie zvuki*). This substitution quickly gained traction and was adopted across various media outlets. In late spring and summer of 2022, as the Russian army began to retreat, the Ministry of Defense referred to "withdrawal" as a "maneuver for tactical regrouping".

Dysphemisms in NecroSpeak target **e**nemy actors, reinforcing ideological polarization. Editorial directives instructed the media to replace "Armed Forces of Ukraine" with "neo-Nazis", "criminal gangs", or "militants". Importantly, dysphemisms in NecroSpeak are typically reserved for external actors and inner enemies ("foreign agents"). While the domestic state and its agents are protected by super-euphemisms and neutonyms.

These three categories are consolidated in Table 1. All examples are drawn from my collection of *metodichki* issued in 2022.

Table 1. Main Types of Substitutions and Examples of Military Cross-Varietal Synonyms in NecroSpeak

Orthophemism	**Super-Euphemism**	**Neutonym**	**Dysphemism**
war	liberation operation	special military operation	—
front	—	line of (combat) contact	—
mobilization	defense of the Motherland	partial mobilization	—
mobilized [for war]	our fighters, our boys	recently conscripted servicemen	—
explosion	—	muffled pop, loud sound	—
AFU (Armed Forces of Ukraine)	—	—	national battalions, Nazis, Ukrainian nationalists
AFU counteroffensive	—	movement of troop groups	desperate thrust, reckless attack

The Regime of Informational Favorability: The Background of NecroSpeak

NecroSpeak did not emerge spontaneously in 2022. It is rooted in a longer-standing discursive practice in Russian media and political communication known internally as the "regime of informational favorability" (*rezhim informatsionnogo blagopriyatstvovaniya*). This is not an academic term but a colloquial expression used by officials from the Presidential Administation to describe the systematic connotational management of public discourse.

The regime of informational favorability began to take shape in the early 2000s and was fully consolidated by the 2010s. Its primary objective was to ensure that public representations of state actors—especially the president—were consistently positive or, at minimum, neutral. This was accomplished through two main techniques: **lexical substitution** (replacing negative terms with neutral or positive equivalents) and **omission**, strategically avoiding any association of top state figures with negative events.

A striking example of the last practice is the systematic erasure of President Putin's name from any negative context. By the mid-2010s, it had become standard editorial policy in major Russian media not to mention Putin in stories about scandals, crises, or public dissatisfaction. In televised reports on regional corruption cases, for instance, official portraits of Putin were

sometimes blurred or omitted to prevent any visual association with wrongdoing. In subtitled translations of foreign films or interviews, unflattering references to Putin were routinely excised.

When the war began in 2022, this discursive infrastructure enabled the rapid intensification of such practices. The transition to NecroSpeak did not represent a rupture but rather a radicalization of existing techniques.

Conclusion

Necrospeak did not emerge spontaneously in March 2022. Its origins lie in the regime of informational favorability (*rezhim informatsionnogo blagopriyatstvovaniya*), which was gradually established throughout the years of Putin's rule—most intensively over the past decade. By 2022, these mechanisms had been significantly intensified. The control over language became more centralized and systematic, and failure to adhere to NecroSpeak norms began to incur legal and extralegal consequences.

Yet the NecroSpeak of 2022–2025 was not merely a set of stylistic conventions drawn from bureaucratic or propagandistic language. It constituted a ritualised performance of civic loyalty expected of Russian citizens, operating simultaneously on semantic and performative levels.

NecroSpeak, as a discursive strategy employed in Russian media, helps render Russia's aggression against Ukraine more acceptable to domestic audiences. To achieve this, language that might trigger undesirable emotional reactions—references to the Russian army and its actions, to mobilisation, to death—is replaced with synonyms carrying "emotionally appropriate" connotations. Super-euphemisms are used when writing about Russia, neutral terms (*neutronyms*) for mobilisation and sanctions, and political dysphemisms for the adversary.

LITERATURE

Allan, K., & Burridge, K. (2006). *Forbidden Words: Taboo and the Censoring of Language*. Cambridge University Press.

Lutz, W. (1989). *Doublespeak: From Revenue Enhancement to Terminal Living*. Harper & Row.

Scott, J. C. (1990). *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. Yale University Press.

Sériot, P. (1985). *Le discours communiste: langue de bois, discours de vérité*. Presses Universitaires de France.

О ТЕРМИНУ „ШТОКАВСКО НАРЕЧЈЕ” КАО ПЕТОМ ТОЧКУ У ДИЈАЛЕКТОЛОГИЈИ СРПСКОГ ЈЕЗИКА И О ЈОШ ПОНЕЧЕМУ

ПРВОСЛАВ РАДИЋ (СРБИЈА)
Универзитет у Београду Филолошки факултет
Катедра за српски језик са јужнословенским језицима

1. Тзв. штокавско наречје (/штокавски дијалекат, штокавски дијасистем, штокавица, штокавштина) као главни чинилац лингвополитичкога конструкта „српско(-)хрватски језик”

Средином XIX столећа друштвенополитички услови на западном Балкану* погодовали су обликовању, а крајем тог и почетком XX столећа и јачању лингвополитичкога конструкта познатог под именом „српско(-)хрватски” (/„хрватско(-)српски”, одн. „хрватски или српски” и сл.) језик. Овај пројекат је настао у појединим европским центрима (Ј. Грим, Ј. Копитар) из политичких и идеолошких разлога, и поред тамошње научне спознаје о широкој распрострањености српског народа и(ли) његовог језика на средњојужнословенским просторима. Покренут је с циљем да српски језик, преименован у „штокавско наречје” и обједињен с још два по пространству далеко ужа јужнословенска језика (с „чакавским” и „кајкавским наречјем” као тадашњим језичким репрезентантима Хрвата и словеначког говорног становништва из тзв. хрватске цивилне области), буде претопљен у „српскохрватски”. Тиме се покушала трасирати заједничка културна и политичка будућност западној половини јужнословенских народа, што је унеколико нашло потпору у домаћој прозападној елити. Оперативна претходница овим процесима било је стварање заједничкога књижевног језика за ове народе. Такво културно уланчавање ових простора учинило би се добром основом за стварање једног макар и аморфног, но свакако убудуће још боље контролисаног политичког идентитета на Балкану, и иначе „достојном само за колонију”, како ће то П. Скок својевремено иронично запазити. Овакав приступ је посебно био део политике Аустријске царевине (у садејству с немачким ратним планом *Drang nach Osten*), што није случајно нашло своје одразе и у Књижевном договору бечком (1850), за чије је спровођење непосредно био задужен Србин В. Караџић, као аустријски поданик.

Са стварањем „српскохрватског” књижевног језика у непосредној је вези и питање самога постања и развоја дијалектолошког термина „штокавски” (: „чакавски” и „кајкавски”) у научној литератури, па се може поћи од претпоставке да је он, као

* Термин „западни Балкан” користим у изворном географском, а не у савременом политичком и геополитичком смислу.

уосталом и сам илирски покрет 30-их година XIX столећа, заметнут на јужнословенском западу Аустријске царевине управо за потребе овог политичког пројекта. Термин „штокавица", као *национално неутралан* (вероватно створен аналошки према народским изразима „чакавци" и „кајкавци"), дејствоваће као средство прикривене логистичке подршке у процесима стварања и јачања нових нација на српским етничким и језичким просторима, посебно западно од реке Дрине. Таква врста заокруженог „српскохрватског" лингвополитичкога конструкта, састављеног од три „наречја", са чврстом загребачком „кајкавском" повезницом према Љубљани (такође „кај-кавској"), требало је да надаље у науци и култури буде представљана као *органски јединствен*, – односно један народни језик. Идеја о будућем недељивом и братском заједништву (илирство/југословенство), које би, сматрало се у делу домаће националне елите, могло бити и брана страном подјармљивању ових простора, потхрањивана је не само лингвистичким и културним већ понекад и расним представама о наводном овдашњем народном јединству. Преузимајући у основи туђи културолошки приступ намењен западном Балкану, те постепено правећи отклон од онога дела Караџићева (заправо Миклошич-Караџићева) лингвистичког учења које сведочи о природи и територијалним дометима српског језика (исп. Караџићево *Срби сви и свуда*, 1849), српска је филолошка елита у језичким питањима тада прихватила два у основи погрешна, а по будућност свога народа и штетна лингвистичка става, која ни у потоњим периодима неће бити довољно критички сагледавана:

а) Први став је да територијална заступљеност заједничког „српскохрватског" *књижевног* језика диктира и исти такав територијални обухват *народног* „српскохрватског" језика. Дакле, различити народни језици с овога простора, српски и хрватски, као и словеначки у границама тзв. хрватске цивилне области (тј. „штокавски" и „чакавски", те и „кајкавски" са Загребом као центром), по основи овдашње заступљености истог књижевног језика, сврстани су и у један народни (над)језик, „српскохрватски". (Чињеница да је овај књижевни језик створен на основи једног српског дијалекта и радом једног српског реформатора, за овакав контекст дешавања биће надаље све чешће заобилажена у дубоко исполитизованом југословенском научном и културном саобраћају.)

б) Други је став да три „српскохрватска наречја" не могу оличавати нити представљати какве етничке целине, тј. да се границе ових језичких ентитета не поклапају с националним, отуда ни етничким границама, што је нарочито имало важити за „штокавицу". На томе су из разумљивих геостратешких разлога пре свега инсистирали хрватски прваци и њихови заштитници, чиме су заправо хтели оправдати свој најпре

културни поход на широке просторе западне „штокавице”, али ће и србојугословенски лингвисти бити подстакнути да ту тезу и сами потврђују и доказују. Тако је и овим последњима било битније истицати то што се и међу „штокавцима” налазе (тачније почињу заметати) „Хрвати”, него то што српски идентитет „штокавице” потврђује и сама чињеница да Срба међу „чакавцима” и „кајкавцима” нема.

Тако је грађена лингвистичка теорија о наводном јединству „српскохрватског” народног језика, базираном на мање-више политичкој уградњи заједничког књижевног језика, у којој је кључну улогу имао управо термин „штокавски”, и поред сазнања да је реч о српском језичком простору (исп. чак и код Љ. Гаја: „srbski ili štokavski jezik”). Ова је теорија званично устоличена почетком XX столећа у Краљевина Срба, Хрвата и Словенаца, потоњој Краљевини Југославији, где је књижевни језик именован као „српско-хрватско-словеначки” (Устав из 1921. год.). А у њој је требало и формом (терминолошки) и садржајем (теоријским конструктима) чвршће повезати неповезиво и спојити неспојиво (Ј. Скерлић, А. Белић и др.). Упркос томе, у исто време је у различитим друштвеним наукама уочавано нејединство овога простора, и то често управо према границама овдашњих „наречја” (нпр. у области народне психологије и културологије у радовима В. Дворниковића).

2. Између употребе термина „штокавско наречје“ као анахронизма у савременој србистичкој научној и дидактичкој литератури и покушаја повратка српске филологије научној парадигми о српском језику

Осим релативно брзог, но мање-више тек формалног враћања лингвониму *српски језик* крајем XX столећа (исп. Устав из 1992. год. СР Југославије, тада састављене од Р. Србије и Р. Црне Горе), у србистици ће многи базични елементи прећашње парадигме, укључујући и термине „штокавско”, „чакавско” и „кајкавско наречје”, наставити да живе. Отуда ће и хибридни и противречни суживот терминâ „српски језик”, из једне темељне лингвистичке парадигме, и „штокавско наречје” (/„штокавски дијалекат”), из друге, идеолошке, наставити да паралелно истрајава у србистици још деценијама након коначног распада СФР Југославије и тзв. српскохрватског језика. Ово и поред тога што ће се ова два термина сада наћи у међусобно прилично магловитом појмовном односу на различитим стручним нивоима (нпр. дијалектологија, лексикографија, нормативистика), укључујући и дидактичку литературу (уџбеници, приручници и др.). Овим је приступом, наиме, сада остао неразјашњен однос између појмова „српски језик” и „штокавско наречје”, па је, штавише, остављен утисак да је „штокавски” у исто време и подређен

српском језику, јер му је, наводно, „у основи", али и њему надређен, пошто представља и неку врсту надјезика, тј. архијезика („дијасистем") из којег проистичу и други „језици", тј. језички изданци, који заправо представљају (одн. треба да представљају) само нове/подновљене стандардизацијске моделе. Недовољно јасно постављени садржаји у врху србистичке науке, где се српски језик и данас добрано препознаје кроз иживели „србокроатистички" идеолошки контекст, постали су још магловитији писцима школских уџбеника и, наравно, наставницима и ученицима. Тако, у једној основношколској граматици српског језика аутор (С. Рудњанин) у дефинисању „наречја" објашњава да је то већа говорна целина *у оквиру једног језика*, да би на истом месту устврдио и како српски језик *припада штокавском наречју*, одузимајући му тиме, заправо, статус језика.

Завређује, међутим, пажњу то да је српска дијалектологија и у време југословенства, посебно титоизма, у домену лингвогеографије имала високостручан кадар, који је на један или други начин, у мањој или већој мери, знао одолевати идеологизацији науке о српском језику (исп. *Српски народ и његов језик* П. Ивића, 1971). Ови научници ће с падом комунистичке диктатуре и непосредније наставити да указују на изворно српску етничку и језичку природу тзв. штокавице. Коначни слом последње, СР Југославије (2003), а с њим и тзв. „распад српскохрватске језичке заједнице", изнедриће у србистици и отворен став да схватање о овој језичкој заједници никад није ни почивало на правим дијалектолошким мерилима, *него на политичким*. Указано је и на то да порицање једнакости „српскохрватског" књижевног језика одузима разлоге Србима да у свом језичком корпусу надаље спомињу несрпска „наречја" – „кајкавско" и „чакавско". И, напокон, то је и време када излазак ова два „наречја" из србистике чини ирелевантним за њу и сам појам „штокавског наречја", јер сви су српски говори „штокавски" (П. Ивић). У том светлу поједини аутори ће потом, у складу с традиционалним учењем о српском језику, и недвосмислено оспорити хрватски етнички удео у „штокавици" (Д. Петровић).

У последњим су се деценијама у српској филологији, и поред извесних врлудања у прећашњим временима, условљених различитим, углавном политичким приликама, обновиле главне нити караџићевске научне парадигме о српском језичком (па и етничком) карактеру „штокавице". Друштвенополитички и идеолошки оквири, суживот с другим истојезичним скупинама у југословенској заједници и наметнута јој лингвополитичка парадигма „српскохрватског" народног и књижевног језика, спречавали су Србе да се овој теми слободније посвете. Но, ово ће се стање добрано

наставити и у постјугословенском периоду, углавном по инерцији идеологије југословенства, али не и без трагова деловања тзв. дубоке државе, која је и након распада Брозове СФР Југославије (1992) наставила да пресушује српско национално и језичко биће. Зато је термин „штокавица" у србистици данас тек терминолошки прежитак југословенске идеологије, заглављен у времену и простору, научно неупотребљив и надасве штетан по српску науку и струку, те и српске националне интересе. Савремена српска лингвистичка наука може само из екстралингвистичких и идеолошких разлога наставити да користи овај и иначе поодавно компромитован лингвистички термин, што, додуше, за њу не би представљало посебну новину. За србистику *као науку* и данас би морало бити неспорно да је реч о термину из иживелих политичких времена, као и да је та „штокавица", која се простире на широким јужнословенским просторима, примарно српски језички репрезентант, заправо друго име за српски језик. Уосталом, одавно је познато да језике у лингвистичком смислу много више одређује питање *који* него *чији* језик (С. Куленовић).

Кључне речи: српски језик, србистика, „српскохрватски језик", „штокавско наречје", дијалектологија, лингвополитика, идеологија југословенства.

ЛИТЕРАТУРА

Дворниковић В. *Карактерологија Југословена*. Београд, 1939. Београд: Просвета, 2000.

„Декларација о границама српскога језика". У: *Трећа интеркатедарска србистичка конференција. Границе српског језика*. А. Милановић (ур.). Београд: Завод за унапређивање образовања и васпитања (2023): 243–246.

Дешић М. Шћепановић М. „О (не)уједначености дијалектолошке терминологије." *Научни састанак слависта у Вукове дане*, 33/3 (2004): стр. 229–234.

Дурново Н. *Државе и народи балканскога полуострва. Њихова прошлост, садашњост и будућност и бугарска неправда*. Београд: Издање академског певачког друштва „Обилић", 1891.

Дыбо А. В. „Тюркские и славянские языки: контактные явления." У: *Тюркское языкознание XXI века: Лексикология и лексикография*. Э. И. Сафина (ур.). Казань: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова (2019): 77–86. <https://scholar.google.com/scholar?cites=14945780199104541651&as_sdt=2005&sciodt=0,5&hl=en> 12.02.2024.

Екмечић М. *Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у новом веку (1492–1992)*. – 4. изд. Београд: Evro–Giunti, 2011.

Ивић П. *Српски народ и његов језик*. Београд: Српска књижевна задруга, 1971.

Ивић П. *Српски дијалекти и њихова класификација*. Прир. С. Реметић. Сремски Карловци – Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2009.

Ивић П. *Полемички и други сродни списи*, IX/1. Сремски Карловци – Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2014.

Крестић В. Ђ. *Грађа о српскохрватским односима и Србима у Хрватској, 1848–1914*, Београд: САНУ – Архив Србије, 2019.

Ломпар В. *Граматика. Српски језик и књижевност за први разред гимназија и средњих стручних школа*. Београд: Klett, 2012.

Миклошић Ф. „Српски и хрватски." (1879): 201–202, в. Милосављевић 2002.

Милићевић Д. Ракоњац Николов С. *Граматика. Српски језик и књижевност за осми разред основне школе*. – 3. изд. Београд: Вулкан знање, 2022.
Милосављевић П. *Срби и њихов језик (Хрестоматија)*. Београд: Требник, 2002.
Милосављевић П. Суботић М. (прир.). *О идентитету српског језика – О шездесетогодишњици Новосадског договора*. Београд: Матица српска у Дубровнику, 2014.
Пипер П. Клајн И. *Нормативна граматика српског језика*. – 2. изд. Матица српска: Нови Сад, 2014.
Петровић Д. *Српски језички заперци*. Београд: Мирослав, 2018.
Петровић Д. *Прасрби*. Београд: Мирослав, 2021.
Петровић Д. *Границе српског језика*. Нови Сад: Прометеј, 2025.
Радић Ј. „Рјечник лингвистичких назива Р. Симеона и српски језик.” У: *Српски језик, књижевност, уметност*. *Књига I: Српски језик у (кон)тексту*. Крагујевац: Филолошко-уметнички факултет (2008): 19–32.
Радић П. „О тзв. Великом речнику САНУ и неким другим питањима.” *Књижевност и језик*, LXIV/1–2 (2017): стр. 25–37.
Радић П. „Белешке о југоисточним србијанским говорима и још понечему. Социолингвистичко и културолошко гледиште.” *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику*, LXI/2 (2018), стр. 69–88.
Радић П. „О србистичким међама и размеђама и нашој савременој збиљи. Од В. Караџића до А. Белића и назад.” У: *Вуковим трагом на Косову и Метохији*. Г. Јашовић (ур.). Косовска Митровица: Универзитет у Приштини, Филозофски факултет – Градска библиотека Вук Караџић (2019): 133–147.
Радић П. „Филолошка парадигма Вука Караџића о српском језику и југословенска идеологија.” У: *Крај рата, Срби и стварање Југославије*. М. Војводић (ур.). Београд: Српска академија наука и уметности (2021), 537–552.
Речник лингвистичких термина (одредн. „Штокавско наречје”). Београд: Институт за српски језик САНУ – Одсек за стандардни језик <https://www.lingvistickitermini.rs/pojmovnik/stokavsko-narecje/> 27.09.2024.
Ристић С. „Штокавске збирке речи.” <https://www.politika.rs/scc/clanak/368166/Stokavske-zbirke-reci> 20.11.2016.
Рудњанин С. *Српски језик и језичка култура за осми разред основне школе*. Београд: Завод за уџбенике, 2021.
Ћећез Иљукић Д. Срдић Ј. Савовић С. Вулић С. *Дар речи*. *Граматика за осми разред основне школе*. – 9. изд. Београд: Логос, 2018.
Ћупић Д. „Дијалекти”. У: *Српски језик на крају века*. М. Радовановић (ред.). Београд: Институт за српски језик САНУ – Службени гласник (1996): 159–170.

Hamm J. „Vatroslav Jagić i Poljaci”. *RAD Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti*, knjiga 282 (1951): стр. 75–222.
Okuka M. *Srpski dijalekti*. Zagreb: SKD Prosvjeta, 2008.
Simeon R. *Enciklopedijski rječnik lingvističkih naziva*. I (A-O), II (P-Ž). Ур. V. Pavletić. Zagreb: Matica hrvatska,1969.
Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. II (K–poni[1]). Ур. M. Deanović i Lj. Jonke. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1972.
Šulek B. „Srbi i Hrvati.” (1856): 205–227, в. Милосављевић 2002.

ЈАЗИЦИ И ИДЕНТИТЕТИ НА ПРОСТОРОТ НА ЈУГОИСТОЧНА ЕВРОПА

Људмил Спасов, Елена Јованова Грујовска, Борче Арсов (Северна Македонија)

Општопознато е дека политиката во Европа, почнувајќи од времето на романтизмот (in sensu largo), покрај процесот на создавање поголем број држави, онакви какви што се денес, значи и создавање литературни/стандардни јазици со свои норми на сите јазични рамништа. Таквиот јазик (стандардниот) има повеќе цели, освен основната – да биде јазик на нацијата и, соодветно, на државата, а тоа накусо се: јазична хомогенизација на населението што го зборува тој јазик, јазично обединување, олеснување на комуникацијата меѓу разнодијалектните зборувачи, а кон надвор – создавање единствена јазична претстава за јазикот на нацијата. Целиот процес треба да се разгледа во регионален, но и во поширок геостратегиски контекст, односно да се разбере дали тоа што се случувало во развојот и во кодификацијата на македонскиот јазик, може да го забележиме и кај другите јазици во регионот, пред сè кај соседните.

Ако се согласиме дека постојат разлики, но и сличности во процесот на стандардизацијата на јазиците, од прв интерес е да се проследат разликите и сличностите на процесот на стандардизацијата меѓу бугарскиот, српскиот и македонскиот јазик. Кај овие три јужнословенски јазици процесот на стандардизацијата, разбран како нормализација на правописната, фонолошката, граматичката и, делумно, лексичката норма во писмениот јазик, се одвива, грубо кажано во текот на 19 в., па сè до почетокот на 20 в., кога почнува стандардизацијата на македонскиот јазик.

Првиот обид за реформирање на српскиот јазик и напуштање на неговото именување како *славеносрпски* бил направен од страна на српскиот преродбенски деец Доситеј Обрадовиќ (*Доситеј Обрадовић*). Според него, говорниот народен јазик е средство што му дава можност на целиот српски народ да чита и да ги разбира книгите (Попович 2003: 335). Неговиот пат го продолжил Вук Караџиќ. Кога зборуваме за Караџиќ како наследник и продолжувач на реформите на Обрадовиќ, треба да се истакне дека во неговата идна работа на полето на стандардизација на српскиот јазик, на извесен начин, му помогнале и идеите на Сава Мркаљ (*Сава Мркаљ*), кој се залагал за фонетскиот правопис и за начелото на Аделунг – *пишувај како што зборуваш* (Đorđević 2018: 165).

Слично било и во Бугарија. Како и кај Србите, и меѓу Бугарите било присутно именувањето на јазикот како *славјанобугарски*. Така, претставниците на т.н.

славјанобугарска школа сметале дека писмениот јазик треба да биде приближен со народниот, но да биде и во согласност со црковнословенската традиција (Захариева 2008: 243). Во текот на 20-тите години на 19 век има еден обид за нова стандардизација на бугарскиот јазик – позната како *стандардизација на Омарчевски*, која била одбиена од научната јавност во земјата. Но, тоа не било сè. Со законот од 27 февруари 1945 година се врши нова реформа на бугарскиот јазик, поточно на правописот, кој се употребува и денес (Стоилов 2018: 97).

Илустративен е примерот и со однесувањето на романскиот елемент на Балканот: Дакороманците (современите Романци) постепено си го пробиваат патот кон својата национална и државна еманципација, додека еден дел од Ароманците и Мегленороманците се борат за своја културна автономија, а друг дел се приклонуваат или кон Словените (денешните: Бугари, Срби, Македонци, но и Хрвати) или кон Грците или кон Албанците или кон Турците (и пошироко – кон муслиманското нетурско население). Имено, романската наука и држава, каде што сè до 1860 година се пишувало со кирилско писмо, додека латиницата е воведена со државен закон (Boia 2001: 32), дури и денес одбиваат да го признаат ароманскиот (влашкиот) јазик како посебен и тврдат дека тој е дијалект на романскиот јазик, соочувајќи се со отпор на дел од Ароманците, кој датира уште од крајот на 19 век (Минов 2013: 267–277).

Кога се во прашање Грците и нивниот обид за наметнување на своето културно влијание врз другите православни народни заедници во Турската Империја, треба да се истакне фактот дека до создавањето на современата грчка држава не постоел кодифициран грчки јазик. А, тоа воопшто не е чудно, ако се има предвид дека литературните јазици, најчесто, настануваат кога еден народ ќе се здобие со држава. За разлика од другите региони на Балканот, па и во Европа, јазичното прашање во Грција и поделбата на два табора, едниот кој бил за употреба на катаревуса и другиот кој бил за димотики, довела и до сериозни судири, дури и со човечки жртви. Во ноември 1901 година, еден превод на Евангелието на димотики, од страна на Александрос Палис (*Αλέξανδρος Πάλλης*) со поддршка на кралицата Олга, довел да немири и демонстрации во Атина при што осуммина го загубиле животот (Carabott 1993: 117). Конечно, ова прашање е решено со Уставот, напишан на катаревуса, на Грчката република (Република Грција) од 1975 година, кога димотики, односно народниот

говор/јазик, е прогласен за службен во државата (Mackridge 2009: 319). И покрај тоа, јазичното прашање во Грција и денес можеме да го сметаме само за делумно решено.

Меѓу Албанците, постоењето на повеќе азбуки (и правописи) го довело во прашање нивното користење, а се јавила и потребата за една заедничка албанска азбука и правопис. Таков обид бил направен на Конгресот во Битола по Младотурската револуција, значи во време на добри политички околности. Како што забележал Душан Фундиќ (*Душан Фундић*), со решението на Битолскиот конгрес, одржан меѓу 14. и 22 ноември 1908 година, Албанците станале првата мнозинска муслиманска заедница, дури и пред Законот на Мустафа Кемал Ататурк (*Mustafa Kemal Atatürk*) во Турција, која ја усвоила латинската абецеда за свое писмо (Фундић 2021: 181). Конечно во 1972 година бил одржан конгрес во Тирана посветен на јазичните и на правописните прашања за албанскиот јазик, на кој биле донесени конечните решенија за целосна стандардизација на албанскиот јазик (Kryeziu 2018: 111–112). Прашањето, сепак, и денес не е целосно затворено.

Во однос на македонската јазична еволуција во 20 век заклучуваме дека сите посветени проучувачи на македонската национална мисла се сложуваат дека Мисирков и Конески се двата меѓника врзани за стандардизацијата на современиот македонски јазик.

Важен е податокот дека и двајцата ги земаат централните говори на западното наречје како основа за современиот стандард. Важно дека и двајцата избираат фонолошки правопис, со извесни разлики во нивниот пристап кон претходната писмена традиција.

Конески истакнува дека Мисирков прави еден антитрадициски обид во однос на современиот писмен јазик (неговата стандардизација на македонскиот јазик), бидејќи до крајна можна мера го избира синхронискиот пристап, односно ги избира јазичните форми што ги одликуваат современите граматички состојби на западномакедонските дијалекти. Тој, Конески, смета дека тоа се прави за во максимална можна мера да се издели новиот македонски стандарден јазик од другите јужнословенски јазици. Од друга страна, Конески се залага за еден поумерен пристап во однос на почитувањето на факторот на традицијата во писмениот јазик, т.е. тој заклучува дека делумното почитување на факторот на писмената традиција доведува и до проширување на дијалектната основа на современиот јазичен стандард.

На Првото заседание на АСНОМ (2 август 1944 г.) македонскиот јазик се воведува со решение за службен (официјален) јазик во македонската држава, односно во ДФМ, НРМ,

СРМ, РМ, РСМ. На 5 мај 1945 г. е усвоена македонската азбука, а на 7 јуни 1945 г. е озаконет македонскиот правопис. Со ова е конечно извршена **стандардизацијата** на македонскиот јазик. Процесот е крунисан со појавата на трите книги, основни за стандардизацијата на македонскиот јазик: *Македонскиот правопис со правописен речник* (1950 г.) од Блаже Конески и Крум Тошев, *Граматика на македонскиот литературен јазик* (дел прв 1952 г., дел втор 1954 г.) од Блаже Конески и *Речникот на македонскиот јазик* (во три тома: 1960–1965 г.) под редакција на Блаже Конески.

Од претходно кажаното се гледа дека **процесот на стандардизација на современиот македонски стандарден јазик (СМСЈ) е започнат во 1903 г. со дејноста на Крсте Мисирков, а е завршен во 1945 г. со дејноста на Блаже Конески**. (в., на пр., Спасов 2005: 13). Во оваа насока, со трудов се покажува дека стандардизацијата на македонскиот јазик претставува единствен процес кој трае од 1903 г. до 1945 г., кој, и покрај сите двоумења, се одвива релативно едноставно во споредба со контролниот пункт на другите јазици во регионот.

КОРИСТЕНА ЛИТЕРАТУРА[1]

Захариева, Й. 2008. *Абевето на езиковата култура*. София: Авангард Прима.

Минов, Н. 2013. *Влашкото прашање и романската пропаганда во Македонија 1860–1913*. Скопје: Ламина.

Попович, Л. 2003. Два идеологически подхода към вернакуларизацията на книжовния сръбски език в краяна XVIII и през първата половина на XIX век, Во: Аретов, Н. (ур.).

Спасов, Љ. 2005. *Избрани поглавја од историјата на македонскиот јазик/Бојата на јазикот. Прв дел*. Скопје: Култура.

Стоилов, А. 2018. Две правописни реформи от 1945 г. – една политическа цел. Во: *Orbis linguarum, v. 16/2*, сс. 97–104. Wrocław: Uniwersytet Wrocławski (Instytut Filologii Germańskiej).

Фундиќ, Д. 2021. *Аустроугарска и настанак Албаније (1896–1914)*. Београд: САНУ, КЛИО.

***

Boia, L. 2001. *History and myth in Romanian consciousness*. Budapest: CEU.

Brozović, D., Ivić, P. 1988. *Jezik, srpskohrvatski/hrvatskosrpski, hrvatski ili srpski*. Zagreb: JLZ „Miroslav Krleža“.

Carabott, P. 1993. Politics, orthodoxy and the language question in Greece. The Gospel riots of November 1901, *Journal of Mediterranean Studies, v.3/1,* pp. 117–138. University of Malta, Mediterranean Institute.

[1] Целосната библиографија е во состав на интегралниот труд. Овде ги даваме само оние библиографски единици користени за апстрактов.

Đorđević, K. 2018. Jezička reforma Vuka Karađića i stvaranje srpskog književnog jezika (istorijski pogled i aktuelno stanje), v. 53/2, pp. 164–173. *Slavica Slovaca*, Slovenská akadémia vied. Bratislava: Vydavatel'stvo SAV.

Kryeziu Dolli, S. 2018. The path of Standard Albanian language formation, *European Journal of Social Science, v. 5/2*, pp. 106–115. Seychelles: European Journal of Social Sciences.

Mackridge, P. 2009. *Language and national identity in Greece 1776–1976*. Oxford: Oxford University Press.

NARRATIVE STRUKTUREN MONO- UND BILINGUALER SPRECHER DES RUSSISCHEN UND DEUTSCHEN IN ABHÄNGIGKEIT VON SPRACHE UND ADRESSAT

KATRIN B. KARL (SCHWEIZ)
Universität Bern

Das Erzählen von Geschichten erfüllt wichtige soziale Funktionen (vgl. die *narrative identity* bei McAdams & McLean, 2013). Zugleich gilt eine Erzählung als eine komplexe sprachliche Tätigkeit, die kognitive (wie Arbeitsgedächtnis und Verarbeitungskapazität), pragmatische (*theory of mind*, Empathie) und sprachliche (Beherrschung sprachlicher Strukturen) Fähigkeiten voraussetzt (Dannerer, 2012; Pfeffer, 2015). Diese Kombination macht die Erforschung von Erzählungen für viele Disziplinen attraktiv (Aumüller, 2012; Herman et al., 2010), in der Linguistik ist sie traditionell mit soziolinguistischen Fragestellungen (zurückgehend auf Labov & Waletzky, 1967) und mit der Erforschung von narrativen Strukturen und deren systematischer Beschreibung (vgl. hierfür die *story grammar*, wie u.a. bei Stein & Glenn, 1979) verbunden.

Diese Vorstellung der komplexen sprachlichen Tätigkeit des Erzählens, in der sich pragmatische Besonderheiten, narrative Strukturen und linguistische Phänomene zeigen, liegt diesem Vortrag zugrunde. Als weitere Prämisse wird davon ausgegangen, dass Variation ein fester Bestandteil von Sprache (verstanden sowohl auf der Systemebene als auch auf individueller Sprecherebene) ist und sich u.a. in einer Adaptation sprachlicher Mittel an den jeweiligen Kommunikationskontext zeigt (Dürscheid & Schneider 2019). Ein prominentes Beispiel dafür ist die Fähigkeit von Sprecher*innen sich in der Kommunikation mit (kleinen) Kindern an deren kognitive Fähigkeiten anzupassen und sprachliche Mittel zu verwenden, die einfacher zu verarbeiten sind (vgl. *Kindgerichtete Sprache*, Soderstrom 2014). Es ist somit evident, dass bestimmte Faktoren der Kommunikationssituation eine sprachliche Anpassung (also damit individuelle sprachliche Variation) auslösen können, Aufgabe der Forschung bleibt es zu beschreiben, welche konkreten Faktoren dies sein können.

In eben dieser Verbindung der Charakteristika von Erzählungen und der Frage danach, wodurch Variation ausgelöst werden und wie sich diese sprachlich zeigen kann liegt das Forschungsinteresse dieses Vortrags. In ihm steht die Frage danach im Zentrum, in welcher Weise sich bestimmte Aspekte der Kommunikationssituation und die Sprache, in der erzählt wird, auf die Ausgestaltung von Erzählungen erwachsener Sprecher*innen auswirken und damit eine Veränderung dieser Faktoren (Kommunikationssituation resp. Sprache) zu einer sprachlichen Variation führt. Dabei wird im Bereich der Kommunikationssituation die Rolle

des Adressaten genauer betrachtet, für die Frage nach der Relevanz der Sprache wird im Vortrag primär auf Erzählungen von Sprecher*innen fokussiert, die als Herkunftssprecher*innen des Russischen mit Deutsch als Umgebungssprache über zwei Sprachen (und damit einhergehender Sprachrepertoires in spezifischen Domänen) verfügen.

Die Datenbasis stellen mündliche Narrative (hier synonym verwendet mit *Erzählung* im Sinne der erfolgten Versprachlichung einer Abfolge von temporal und kausal miteinander zusammenhängenden Ereignissen) dar, die mithilfe des *Multilingual Assessment for Narratives* (= MAIN, vgl. Gagarina et al. 2019) erhoben wurden. Diese Narrative basieren damit auf einer Bildergeschichte, die ursprünglich für die Testung mit bilingualen Kindern entwickelt wurde. Nach einer Anpassung der Methode für den Kontext der Testung mit Erwachsenen (vgl. Karl 2023 & 2024) wird MAIN als Erhebungsinstrument in einer laufenden kontrastiven Studie mit aktuell 130 monolingualen Sprecher*innen des Russischen, Deutschen und Polnischen in drei unterschiedlichen Altersgruppen (vgl. Karl in Begutachtung) erfolgreich eingesetzt. Das methodische Design sieht dabei vor, dass jede*r Proband*in im Rahmen eines Treffens mit einer/m Versuchsleiter*in zu unterschiedlichen Zeitpunkten (Beginn und Ende) und unterbrochen von diversen anderen sprachlichen Aufgaben je eine Bildergeschichte gezeigt bekommt (damit also zwei unterschiedliche), von denen die erste dem/der Versuchsleiter*in und die zweite einem Kind erzählt werden soll. Entsprechend liegen für jede monolinguale teilnehmende Person zwei Narrative vor, die sich in der Art der Bildergeschichte (hier wurden die sog. „Baby-stories“ der MAIN-Serie eingesetzt) und dem Adressaten unterscheiden.

Dieses Design wurde für eine Erhebung mit bilingualen Personen mit Russisch als Herkunftssprache in Deutschland (und damit Deutsch als Umgebungssprache) übernommen und um die Testung in beiden Sprachen ausgedehnt. Dafür konnte auf alle vier unterschiedlichen MAIN-Bildergeschichten zurückgegriffen werden, sodass jede Person in diesem Fall vier Geschichten erzählt, zwei in jeder Sprache, jeweils unterteilt nach dem Adressaten.

Konkret gehen in die Auswertung für diesen Vortrag 170 Narrative von 65 Personen ein, die aus diesen beiden Erhebungen stammen und sich drei Sprecher*innengruppen zuordnen lassen: den beiden monolingualen Gruppen für Russisch und Deutsch und der Gruppe an bilingualen Personen mit Russisch als Herkunfts- und Deutsch als Umgebungssprache. Für die Auswertung wird die Ebene der Makro- und der Mikrostruktur berücksichtigt.

Unter der Makrostruktur wird hier die chronologische und kausale Anordnung der zugrunde liegenden Ereignisse (oft als *Kohärenz* bezeichnet, vgl. Musan 2022) verstanden, die sich sprachlich im Narrativ manifestiert (oft *Kohäsion*, vgl. ebd.). Die versprachlichten

Komponenten repräsentieren die innere Struktur der Erzählung. Nach dem Framework von MAIN (basierend auf Stein & Glenn 1979) besteht die Makrostruktur aus einem allgemeinen Setting (Ort und Zeit der Handlung) und mind. einer Episode, die ihrerseits fünf Komponenten aufweist (zwei sog. *Internal States (initiating & closing)* und je ein *Goal, Attempt* und *Outcome*). Diese Theorie lässt sich – ebenfalls dem MAIN-Framework folgend – in die quantitative Analyse überführen: Mithilfe eines Punktesystems (je ein Punkt wird für die Versprachlichung einer Komponente vergeben) kann ermittelt werden, welche und wie viele der makrostrukturellen Komponenten in jeder einzelnen Erzählung realisiert werden. Die maximal zu erreichende Gesamtpunktzahl ist dabei für alle MAIN-Geschichten gleich (= 17 Punkte), was wiederum als Ausgangspunkt für Vergleiche zwischen Geschichten und Proband*innen dient. Dies stellt für die vorliegende Studie einen idealen Ausgangspunkt dar und erlaubt den interindividuellen Abgleich zwischen den Narrativen gruppiert nach den Faktoren Sprache und Adressat.

Ergänzend dazu wird auf der Ebene der sprachspezifischen Mikrostruktur (= die Ebene der Realisierung konkreter einzelsprachlicher Sprachformen) die Verwendung des Tempus sprach- und kontextvergleichend betrachtet und zusätzlich für die russischsprachigen Narrative die Verwendung von Diminutivformen. Für letztere stellt sich besonders die Frage danach, wie sich der kindliche Adressat auf die Frequenz der Verwendung auswirkt und ob es hier Unterschiede zwischen den monolingualen Sprecher*innen des Russischen und den Herkunftssprecher*innen gibt. Aus der existenten Forschung zu monolingualen Sprecher*innen lässt sich die Hypothese formulieren, dass ein kindlicher Adressat die Frequenz ansteigen lässt (vgl. Protasova 2001), mit Blick auf Herkunftssprecher*innen ist es von Interesse, ob diese einen solche sprachliche Adaptation an den Kommunikationskontext in gleicher Weise vollziehen wie monolinguale Sprecher*innen.

Die Ergebnisse zeigen dabei, dass sich sprachliche Variation, hervorgerufen durch den Wechsel im Adressaten als ein grundsätzlich nachweisbares und in vielen Fällen übergreifendes Merkmal der untersuchten Narrative zeigt. Damit zeigt sich die vorgenommene Analyse als geeignetes Mittel um der Fähigkeit von Sprecher*innen nachzugehen, Narrative an den jeweils erforderlichen kommunikativen Kontext anzupassen. Bei der genauen Betrachtung der Realisierung der Variation haben sich auf den unterschiedlichen Ebenen (Makro- und Mikrostruktur) und in den unterschiedlichen sprachlichen Kontexten (monolingual vs. bilingual) jeweils spezifische Ausprägungen ergeben. Hinsichtlich der Analyse der Makrostruktur zeigte sich, dass durch den Wechsel im Adressaten eine Differenz in den erzielten Mittelwerten der beiden Narrative ausgelöst wurde. Dabei erzielten in allen Sprachen

und beiden sprachlichen Kontexten (mono- und bilingual) die Geschichten, die an Kinder adressiert wurden im Mittel höhere Werte. Ein detaillierter Vergleich offenbarte dabei, dass die deutschsprachigen Erzählungen der bilingualen Proband*innen diese Differenz am stärksten aufweisen, während zugleich ihre russischsprachigen Narrative adressiert an Kinder die niedrigsten Werte erzielten.

Auf Ebene der Mikrostruktur zeigte sich hinsichtlich der verwendeten Tempusformen ein allgemeiner und sprach- und kontextunabhängiger Anstieg von präteritalen Formen in Narrativen adressiert an Kinder. Im Detail zeigte sich auch hier, dass die deutschsprachigen Narrative der bilingualen Personen die Muster der monolingualen deutschsprachigen Personen verstärken, während sich in ihren russischsprachigen Narrativen (wiederum verstärkt in den Narrativen an Kinder) eine nicht so stark ausgeprägte Präferenz für das Präteritum im Vergleich zu den monolingualen russischsprachigen Personen finden ließ.

Die Auswertung der Vorkommen von russischen Diminutivformen bestätigte die Hypothese, dass bei monolingualen Personen die Frequenz in Abhängigkeit vom Adressaten variiert (mehr Vorkommen in Kindernarrativen), während im bilingualen Kontext bereits die Narrative adressiert an Erwachsene ein erhöhtes Vorkommen von Diminutiven aufweisen und insgesamt mit jenen aus dem monolingualen Kontext adressiert an Kinder zu vergleichen sind. Der Unterschied zu den Narrativen an Kinder fällt gering (bis fast gar nicht) aus.

Insgesamt zeigen sich die russischsprachigen Narrative von bilingualen Personen adressiert an Kinder als diejenigen, in denen alle hier untersuchten Formen von Variation nicht so ausgeprägt, in anderer Form oder sogar gar nicht vorhanden sind.

Diese Ergebnisse lassen Interpretationen zu, die den soziolinguistischen Kontext von Herkunftssprecher*innen des Russischen in Deutschland und die spezielle Situation der Testung miteinbeziehen. So ist die vermehrte Verwendung von Diminutiven in einem Kommunikationskontext, der eigentlich keinen kindlichen Adressaten enthält wie folgt zu erklären: Herkunftssprecher*innen hören und verwenden Russisch vermehrt im familiären Kontext und haben wenig Kontakt zu anderen sprachlichen Registern. Im familiären Kontext ist die Verwendungsfrequenz von Diminutiva höher – daraus lässt sich folgern, dass sich in den Daten ein Transfer der Verwendungsfrequenz von Diminutiva aus einer sprachlichen Domäne in eine andere zeigt. Auf ähnlicher Grundlage kann hergleitet werden, warum speziell die Herkunftssprecher*innen eine geringer ausgeprägte Variation (in dem Fall einer weniger starke Adaptation an den Adressaten) zeigen: Diese Personen sind es weniger gewohnt, in einem formalen Setting (wie das während einer Testung) Russisch zu sprechen. Es ist eine

Kommunikationssituation, an die sie nicht gewohnt sind, sich sprachlich zu adaptieren und sie entsprechend weniger über die Mittel der Variation verfügen.

BIBLIOGRAFIE

Aumüller, M. (2012). *Narrativität als Begriff: Analysen und Anwendungsbeispiele zwischen philologischer und anthropologischer Orientierung*. De Gruyter.

Dannerer, M. (2012). *Narrative Fähigkeiten und Individualität. Mündlicher und schriftlicher Erzählerwerb im Längsschnitt von der 5. bis zur 12. Schulstufe*. Stauffenburg.

Dürscheid, C., Schneider, J.G. (2019). *Standardsprache und Variation*. Narr Francke Attempto Verlag.

Gagarina, N., Klop, D., Kunnari, S., Tantele, K., Välimaa, T., Bohnacker, U., & Walters, J. (2019). MAIN: Multilingual assessment instrument for narratives–Revised. *ZAS Papers in Linguistics, 63*. https://doi.org/10.21248/zaspil.63.2019.516

Herman, D., Jahn, M., & Ryan, M. L. (2010). *Routledge encyclopedia of narrative theory*. Routledge.

Karl, K. B. (2023). Adapting MAIN to eliciting stories from adults and in a remote context: What do we have to consider, and what do we know? *ZAS Papers in Linguistics*, *65*, 91–109. https://doi.org/10.21248/zaspil.65.2023.622

Karl, K. B. (2024). Instructions for eliciting picture-based narratives from adults (using the Multilingual Assessment Instrument for Narratives – MAIN). Zenodo. https://doi.org/10.5281/zenodo.14580836

Karl, K.B. (unter Begutachtung). Exploring the macrostructure in picture-based narratives by adults in three languages (Arbeitstitel).

Labov, W., & Waletzky, J. (1967). Narrative Analysis: Oral versions of personal experience. In J. Helm (Ed.), *Essays on the Verbal and Visual Arts* (pp. 12–44). University of Washington Press.

McAdams, D. P., & McLean, K. C. (2013). Narrative Identity. *Current Directions in Psychological Science, 22*(3), 233-238. https://doi.org/10.1177/0963721413475622

Musan R. (2022). Kohäsion und Kohärenz. In: Klabunde R., Mihatsch W., Dipper, S. (eds.), *Linguistik im Sprachvergleich*. J.B. Metzler, 577–593. https://doi.org/10.1007/978-3-662-62806-5_30

Pfeffer, K. (2015). *Selektieren, verknüpfen, sprachlich umsetzen: Zu viel für Kinder mit einer Sprachentwicklungsstörung? Narrative Fähigkeiten bei Kindern mit und ohne Sprachentwicklungsstörung im Grundschulalter*. Schulz-Kirchner Verlag.

Protasova, E.Ju. (2001). Rol' diminutivov v sovremennom russkom jazyke. In: Kjulmoja I.P. (otv. red.), *Russkij jazyk: sistema i funkcionirovanie*. Izdatel'stvo Tartuskogo universiteta, 72–88.

Soderstrom M. (2014). Child-directed speech (features of). In: Brooks P.J., Kempe V. (eds.), *Encyclopedia of language development*. SAGE Publications, 83–86. doi: http://dx.doi.org/10.4135/9781483346441.n26

Stein, N. L., & Glenn, C. G. (1979). An Analysis of Story Comprehension in Elementary School Children: A Test of a Schema. In R. Freedle (Ed.), *Discourse processing: Multidisciplinary perspectives* (pp. 53–120). Ablex.

COGNATE RECOGNITION IN SLAVIC INTERCOMPREHENSION: THE ROLE OF INTERLINGUAL SOUND CORRESPONDENCES.

JACOPO SATURNO (ITALY)
Università degli Studi di Verona
jacopo.saturno@univr.it

Background

The present study aims to evaluate the effect of specific interlingual correspondences at the phonological level as a predictor of success in cognate recognition, an essential mechanism of intercomprehension. A situation is simulated in which L1 Polish speakers are asked to decode a written Slovak text, Slovak being a language which they have no direct experience of, but which is lexically and grammatically close to their L1.

Global similarity between language varieties is typically measured using Levenshtein (1966) distance, i.e. the minimum number of operations (insertion, deletion, substitution of characters) required to turn a string of letters or phonemes into another. Indeed, various studies suggest that once extra-linguistic predictors (such as previous exposure to the target language) are excluded, high correlations can be found between intelligibility and interlingual distance (Stenger et al. 2017; Vanhove & Berthele 2017; Gooskens & van Heuven 2019). Further, Berthele (2011) identified a distance threshold (around 0.22) above which the cognate recognition rate drastically falls. Crucially, even below said threshold, the relation between intelligibility and Levenshtein distance does not quite seem linear, which suggests that specific types of interlingual correspondences may have a more conspicuous impact on cognate recognition than others, as also argued by Gooskens et al. (2008: 64) and Möller and Zeevaert (2015).

A further variable that is known to have a powerful role in predicting IC performance is the presence of a meaningful context, the rationale being that the number of suitable cognates decreases as more context is provided, since potential options need to fit an increasingly specific syntactic and semantic frame (Muikku-Werner 2014).

Rationale

A set of pseudowords was devised by modifying Polish words in such a way as to manipulate a single articulatory parameter among place of articulation, voicing, and palatalization. Using a written online questionnaire, their intelligibility was then tested by asking a group of Polish native speakers to supply the Polish word that most closely reminded them.

Target pseudowords were obtained by manipulating a single articulatory parameter of the initial consonant of an existing Polish word. To make experimental items look like legitimate Slovak words and at the same time favour their decoding by participants familiar with Polish, but not Slovak orthography, target sounds were selected among those that are graphically represented by the same letters in the two languages. The sounds that fulfilled the above criteria were manipulated by changing only one distinctive feature among place of articulation, palatalization, or voicing. For each sound, two existing Polish words were identified, one of two, the other of three syllables. From each Polish word, three pseudowords were derived by manipulating a single articulatory feature of the initial consonant.

Despite being designed to test the effect of a set of phonological predictors, target words were presented to the participants in writing using Polish orthography, based on the assumption that the participants would attempt to decode unknown, but familiar-looking text based on the orthographic conventions they are most used to, thus reading the target items as if they were Polish, i.e. as expected by the researcher. Since the transparent orthography of Polish ensures a good match between graphical and phonological units, it is argued that by manipulating the former, one can investigate the role of the latter. This rationale is defendable in light of psycholinguistic research suggesting that during reading, graphic input may be converted into a phonological representation (e.g., Rastle,Brysbaert 2006; Comesaña *et al.* 2016; Schmandt *et al.* 2022). Moreover, several studies suggest that in IC, the grapheme-phoneme correspondence rules of the L1 are applied (Wenzel 2007; Möller & Zeevaert 2010; 2015; Berthele 2011).

Research questions and hypotheses

RQ1: Once the role of context is controlled for, is written cognate recognition affected by the phonological representation of target words?

HYP1: since target pseudowords were manipulated with respect to their phonological, but not their orthographic form, the detection of response patterns grouped by phonological features should point to an effect of the phonological representation of target words. If, on the other hand, no discernible pattern is detected, one could reasonably exclude that the phonological level plays a significant role in the process.

RQ2: in case the response to RQ1 is affirmative, to what extent is cognate intelligibility affected by articulatory parameters such as place of articulation, voicing and palatalization?

HYP2: it is expected that all manipulations will negatively affect cognate intelligibility, although probably to a varying extent. Based on the existing literature, place of articulation is

expected to exert a more conspicuous effect on cognate recognition than palatalization or voicing.

RQ3: is there a differential effect of specific changes concerning place of articulation (e.g. velar to dental)?

HYP3: Based on the existing literature, it is expected that specific interlingual correspondences may differently affect cognate intelligibility.

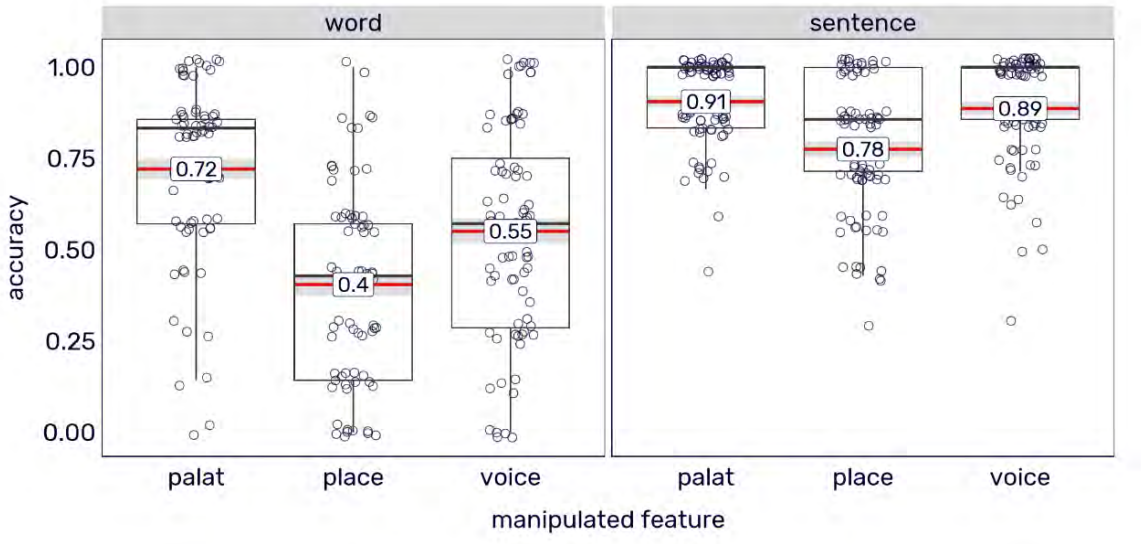
Methodology

Participants were randomly assigned to three versions of an online questionnaire comprising two parts. In the former, a set of 24 stimuli was presented in isolation. In the latter, the same stimuli were presented within a Slovak sentence. The participants were told that all material (including the target pseudowords) belonged to an unspecified Slavic language.

The study considers the output of 77 Polish native speakers enrolled in a post-graduate course at a Warsaw-based university. All were native speakers of Polish. Additionally, some declared basic knowledge of various European languages.

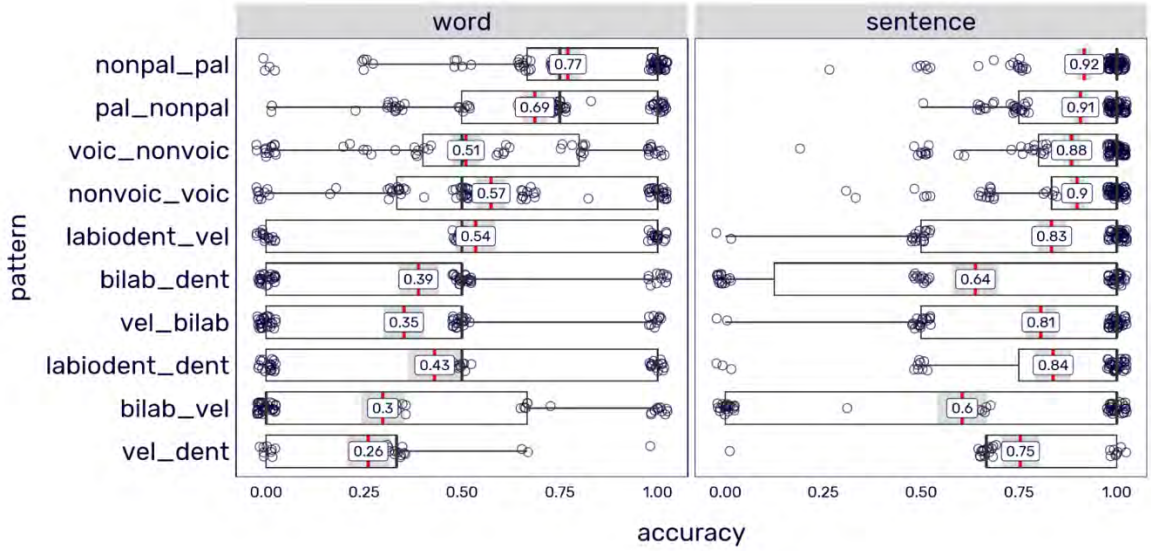
Results

The following figure displays accuracy as a function of the presence of a meaningful context and the manipulated articulatory parameter.



The effect of context seems uniformly beneficial across manipulations of all articulatory features. In the "word" condition (i.e., in the absence of a context), modifications to place of articulation proved to be particularly detrimental, as expected, while palatalisation seems to exert a less noticeable impact.

The effect of specific interlingual correspondences within each articulatory parameter is depicted in the following figure.



Significant variability can be observed with respect to place of articulation, mean values often concealing considerable differences in scores.

Altogether, the results suggest that indeed, different types of phonological interlingual correspondences may affect intercomprehension success to a very different extent.

REFERENCES

Berthele, Raphael. 2011. On Abduction in Receptive Multilingualism. Evidence from Cognate Guessing Tasks. *Applied Linguistics Review* 2. 191–220. (doi:https://doi.org/10.1515/9783110239331.191)

Comesaña, Montserrat & Soares, Ana P. & Marcet, Ana & Perea, Manuel. 2016. On the nature of consonant/vowel differences in letter position coding: Evidence from developing and adult readers. *British Journal of Psychology* 107(4). 651–674. (doi:10.1111/bjop.12179)

Gooskens, Charlotte & Heeringa, Wilbert & Beijering, Karin. 2008. Phonetic and lexical predictors of intelligibility. *International Journal of Humanities and Arts Computing* 2(1–2). 63–81. (doi:10.3366/E1753854809000317)

Gooskens, Charlotte & van Heuven, Vincent. 2019. How well can intelligibility of closely related languages in Europe be predicted by linguistic and non-linguistic variables? *Linguistic Approaches to Bilingualism* 10(3). 351–379. (doi:10.1075/lab.17084.goo)

Levenshtein, Vladimir. 1966. Binary Codes Capable of Correcting Deletions, Insertions and Reversals. *Soviet Physics Doklady* 10(8). 707–710.

Möller, Robert & Zeevaert, Ludger. 2010. "Da denke ich spontan an Tafel" – Zur Worterkennung in verwandten germanischen Sprachen. *Zeitschrift für Fremdsprachenforschung* 21(2). 217–248.

Möller, Robert & Zeevaert, Ludger. 2015. Investigating word recognition in intercomprehension: Methods and findings. *Linguistics* 53(2). 313–352. (doi:https://doi.org/10.1515/ling-2015-0006)

Muikku-Werner, Pirkko. 2014. Co-text and receptive multilingualism – Finnish students comprehending Estonian. *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics* 5(3). 99–113. (doi:10.12697/jeful.2014.5.3.05)

Rastle, Kathleen & Brysbaert, Marc. 2006. Masked phonological priming effects in English: Are they real? Do they matter? *Cognitive Psychology* 53(2). 97–145. (doi:10.1016/j.cogpsych.2006.01.002)

Schmandt, Silvana & Nazzi, Thierry & New, Boris. 2022. Consonant, vowel and lexical neighbourhood processing during word recognition: New evidence using the sandwich priming technique. *Language, Cognition and Neuroscience* 37(9). 1115–1130. (doi:10.1080/23273798.2022.2046115)

Stenger, Irina & Avgustinova, Tania & Marti, Roland. 2017. Levenshtein distance and word adaptation surprisal as methods of measuring mutual intelligibility in reading comprehension of Slavic languages. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: : Papers from the Annual International Conference 'Dialogue'* 16(23, vol. 1). 304–317.

Vanhove, Jan & Berthele, Raphael. 2017. Interactions between Formal Distance and Participant-related Variables in Receptive Multilingualism. *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching* 55(1). 23–40. (doi:https://doi.org/10.1515/iral-2017-0007)

Wenzel, V. 2007. Rezeptive Mehrsprachigkeit und Sprachdistanz deutsch-niederländisch. *Zeitschrift für Fremdsprachenforschung* 18. 183–208.

COMMODIFYING MINORITY LANGUAGES: SLOVENE AND (BURGENLAND) CROATIAN IN AUSTRIA

KATHARINA TYRAN (AUSTRIA) University of Helsinki
LISA RIEGER (AUSTRIA) University of Klagenfurt
URSULA DOLESCHAL (AUSTRIA) University of Klagenfurt

Abstract

The presentation discusses results from fieldwork in Carinthia, Burgenland and Vienna examining if and how Croatian and Slovene as minority languages in Austria are employed in local place branding and promotion. Against the background of sociolinguistics of tourism, recognizing that language is inherently interwoven in all tourism-related activities, we are applying an ethnographic methodological approach analysing the linguistic landscape combined with a multimodal discourse analysis in order to grasp multiple ways in which local communities employ and rely on language commodification.
Key words: minority languages in Austria, language value, commodification

Introduction

This paper examines to what extent and in what contexts Slovene and Croatian, as minority languages in Austria, are used in local place branding and promotion. Against the background of the sociolinguistics of tourism, which recognises that language is inherently interwoven in all tourism-related activities, and language commodification, we apply an ethnographic methodological approach, analysing the linguistic landscape (LL), combined with a multimodal discourse analysis, in order to capture the multiple ways in which local communities use and rely on language commodification.

Historical background

Slovene and Burgenland Croatian are two minority languages in Austria. Slovene dates back to the Slavic tribes who settled large parts of present-day Austria in the early Middle Ages; Croatian is present in eastern Austria as a result of migrations of peasant populations from Croatia and Bosnia in the 16th century. However, German was stipulated as the state language in the constitution of the Republic of Austria in 1929. Although the State Treaties of St. Germain (1919) and Vienna (1955) granted the Burgenland Croats and the Carinthian Slovenes rights regarding the public use and visibility of their languages, these rights were very reluctantly implemented in the 20th century and sometimes even violently denied – especially in Carinthia, leading to the almost complete absence of Croatian and Slovene in the LL of Austria by the beginning of the 21st century, both in official signage and in commercial and private inscriptions. But recently the political climate and the perception of the written presence of Croatian and Slovene in public has changed (cf. Doleschal 2023, Jordan et al. 2021, Rasinger 2014, Tyran 2022). The question therefore arises as to whether these changes have also had an impact on the role of these languages regarding commercial product branding and promotion.

Theoretical and methodological approaches

Tourism is one of the most powerful contemporary forces in which global economy is reflected in local contexts. The rise of interest in the sociolinguistics of tourism (Thurlow & Jaworski 2010) stems from the recognition that language is inherent in all tourism-related activities. While language and communicative competence have long been seen as one of the key ingredients in the provision of services to tourists (cf. e.g. Cameron 2000), the role of language and discourse in the promotion and branding of particular places, spaces or products has attracted interest somewhat later (e.g., Thurlow & Jaworski 2010), i.e., the potential of different linguistic systems or codes) for the discursive construction of a particular place as a tourist site, and in presenting it as more authentic and therefore worth visiting. In this sense, multilingual contexts can demonstrate the interrelationship between language and economy.

Bourdieu (1977) examined the role of language as a form of social capital and compared communication to economic exchange, in which linguistic codes function as products to be invested in or exchanged on the market. The economic nature of such exchanges lies in the symbolic relationship established between markets and actors who possess a particular linguistic or cultural capital with a particular value. Competence in prestigious languages and varieties, as well as in languages that are important in economic exchanges, is therefore usually considered to be capital. However, minority languages can also have an economic value.

This transformation from a symbolic into an economic resource is approached with the concept of *commodification* (Heller 2003, 2010). The commodification of initially immaterial resources is based on the inherent characteristic of (minority) languages to enable a specifically local experience of a certain place/space (Coupland 2003). In addition to tourism, examples of the commodification of languages and cultures can be found in marketing, product branding and other economic activities aimed at generating profits by 'selling' authenticity (Dlaske 2014, 2015). Therefore, the increasing visibility of minority languages and cultures has become an important aspect of local tourist branding. Minority languages in public spaces can attract tourists more than monolingual signs, precisely because they contribute to an 'authentic' experience of a place (Thurlow & Jaworski 2010, Gorter, Marten & Van Mensel 2019, Hogan-Brun & O'Rourke 2019, Škevin Rajko & Šimičić 2020). The linguistic inscription is thus transformed into a potentially economic capital, commodified. At the same time, it can be a relevant factor in the maintenance of minority languages and a means of economic and cultural sustainability of local communities (e.g. Pietikäinen & Kelly-Holmes 2011).

Methods and Materials

The data collection in our project followed a mixed-methods approach. It combined data documenting the visibility of languages in the LL, including in the virtual space, with ethnographic fieldwork and interviews.

The research in Carinthia focused on the LL of various tourism-related institutions in the bilingual area (e.g., campsites, the municipality of Finkenstein/Bekštanj, the Bilingual college for higher vocational education with a thematic focus on tourism and catering trade in St. Peter/Šentpeter, the municipality of Schiefling/Škofiče, the municipality of Eisenkappel/Železna Kapla, a Slovenian-owned restaurant and the Slovenian ethnographic institute Urban Jarnik in Klagenfurt/Celovec). In addition, some printed material relating to touristic topics in the bilingual area was collected. In order to gain an insight into the perception of the Slovene language by different stakeholders, interviews were conducted with selected activists and entrepreneurs.

For Croatian in Burgenland, research was conducted in Neudorf/Novo Selo and in two communities in the Eisenstadt region, Trausdorf/Trajštof and Oslip/Uzlop, during a joint field trip by the research group. We documented the visibility of Croatian in the LL, which was supplemented by background interviews with local language activists, as well as printed materials and the web presence of the company.

Results and Discussion – Slovene in Carinthia

The Slovene language is rarely present in the LL of Southern Carinthia. This is true for official topographical and tourist signs as well as for private signs. The presence of Slovene in tourism-related signs and materials is mostly the result of officially supported projects financed by the EU or the regional government or initiated by UNESCO, such as the cross-border project "UNESCO global Geopark Karawanken/Karavanke" in Eisenkappel/Železna kapla, where all relevant written materials are bilingual German-Slovene – a case of tourist branding, as was also confirmed in an interview.

A look at the campsites reveals that only 8.67% of the signs contain at least one word in Slovene, half of them only single words (e.g. the bilingual name of the campsite or the Slovene equivalent of a topographical name, see Figure 1). Only one of the five campsites is owned by Carinthian Slovenes and has a bilingual name: *Camping Rosental-Rož*, which is prominently present in the logo that appears on printed materials and stickers and can be interpreted as an example of branding. Otherwise, few signs containing Slovene were found at this campsite. The campsite owners also prefer to use pictograms because of the limited space they have for

written information – as these should be understood by everyone. Thus, the interviewees consider linguistic capital only in terms of the communicative function of language.

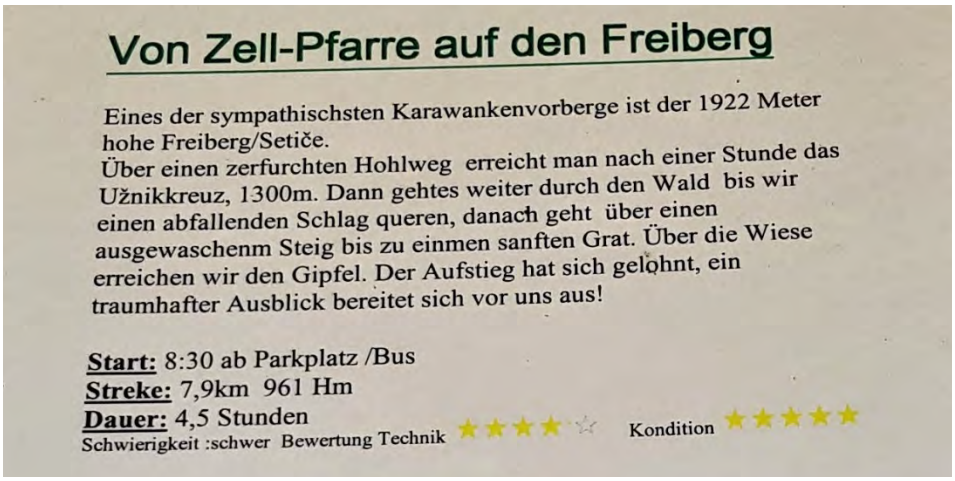


Figure 1: Flyer advertising a walking tour, with Slovene in the bilingual name of the destination (Freiberg/Setiče)

Interestingly, the bilingual restaurateur in Klagenfurt/Celovec has a more positive attitude towards the role of Slovene in his field: he emphasises the atmosphere that the language creates for his guests. This is an emerging understanding of the commodification of language. Visually, however, the Slovene language does not appear to the same extent as German. In contrast, the Bilingual College for Higher Vocational Education in St. Peter/Šentpeter follows a policy of consistent use of both languages, also in its visual appearance: almost all signs are in both Slovene and German. The teachers see an advantage for their graduates because they receive an economic education in two languages which, as an additional qualification, gives them access to a wider labour market. Again, this recognition of the economic value of the language refers to its communicative function.

A rare case of the use of Slovene for branding was documented in a farm shop in the village of Hart/Ločilo near Finkenstein/Bekštanj: A local bilingual family labels their products bilingually in German and Slovene and partly uses Slovene in their folders. They see this as a promotion of Slovene, i.e. an act of identity expression, but not as an economic advantage.

Results and discussion – Croatian in Burgenland

The research in all three municipalities in Burgenland showed the importance of individual language activists for the visibility of minority languages in general. The main motivations and stimuli are at least threefold: (1) increasing the visibility of minority languages in the public space as a reaction to the rather shallow macro-political understanding of the concept of topography, (2) documenting Croatian toponyms and hodonyms in local contexts, and (3) branding

the municipalities as bilingual spaces. Such branding, however, is not necessarily to be understood in the context of commodification – as the driving force is certainly not primarily economic, but rather as a marker of identity, i.e. symbolic. Nevertheless, in the three municipalities studied, bilingual tourist information was also present in the documented material, with a dominance of German.

Trausdorf/Trajštof has made further efforts in this direction. A bilingual art trail along the Wulka river and a bilingual nature trail were documented in the community centre, further branding Trausdorf/Trajštof as a bilingual place. Such branding can also be observed at the micro level of individual entrepreneurs or businesses. Here, the use of Croatian indicates either uniqueness and authenticity and/or a marker of minority identity, also drawing on colloquial and translingual language practices. However, the businesses experienced divided reactions from their consumers, including lack of understanding and negative attitudes towards Slavic graphemes. On the contrary, some consumers from different Slavic linguistic contexts highlighted the positive effect of using Croatian, a language perceived as a common 'Slavic' form of communication.

Conclusion

The forms of commodification of Slovene and Croatian differ: Slovene in Carinthia is present in tourism-related signs and materials mostly as a result of officially supported projects, whereas Croatian in Burgenland has been introduced into the linguistic landscape by individual language activists and grassroots initiatives (Tyran 2025). We have also seen more individual branding of places and products through the use of Croatian as a minority language in Burgenland. In both contexts, we see that the minority language can be regarded as linguistic capital in terms of the communicative and symbolic function of language.

Acknowledgements

This research was conducted within the bilateral project 'Minority languages and cultures as an economic resource in local branding and tourism promotion', funded by Österreichischer Austauschdienst (OeAD) and the Ministry of Science and Education of the Republic of Croatia.
Correction of the English was carried out with the assistance of DeepL Write.

REFERENCES

Bourdieu, P. 1977. *Outline of a Theory of Practice.* Cambridge: Cambridge University Press.
Cameron, D. 2000. Styling the worker: Gender and the commodification of language in the globalized service economy. *Journal of Sociolinguistics* 4 (3), 323-347.
Coupland, N. 2003. Sociolinguistic authenticities. *Journal of Sociolinguistics* 7 (4). 417–431.

Dlaske, K. 2014. Semiotics of pride and profit: interrogating commodification in indigenous handicraft production. *Social Semiotics* 24 (5), 582-598.
Dlaske, K. 2015. Discourse Matters: Localness as a Source of Authenticity in Craft Businesses in Peripheral Minority Language Sites. *Critical Approaches to Discourse Analysis across Disciplines* 7 (2), 243-262.
Doleschal, U. 2023. The Slovene language in education in Austria. 3rd ed. In: Robinson-Jones, C. Krol-Hage, R. & K. Thomas (eds.), *Mercator European Research Regional Dossier series*. URL: slovene_in_austria_3rd_2023.pdf.
Gorter, D., Marten, F. H. & L. Van Mensel. 2019. Linguistic landscapes and minority languages. In: Hogan-Brun, G. & B. O'Rourke (eds.), *The Palgrave Handbook of Minority Languages and Communities*, London: Palgrave Macmillan UK, 481-506.
Heller, M. 2003. Globalization, the new economy, and the commodification of language and identity. *Journal of Sociolinguistics* 7 (4), 473-492.
Heller, M. 2010. The commodification of language. *Annual Review of Anthropology* 39 (1), 101-114.
Hogan-Brun, G. & B. O'Rourke (eds.). 2019. *The Palgrave Handbook of Minority Languages and Communities*. London: Palgrave Macmillan UK.
Jordan, P., Přemysl, M. & M. Balode. 2021. *Place-name politics in multilingual areas: A comparative study of Southern Carinthia (Austria) and the Těšín/Cieszyn Region (Czechia)*. Cham: Palgrave Macmillan.
Pietikäinen, S. & H. Kelly-Holmes. 2011. The local political economy of languages in a Sámi tourism destination: Authenticity and mobility in the labelling of souvenirs. *Journal of Sociolinguistics* 15 (3), 323-346.
Rasinger, S. M. 2014. Linguistic landscapes in Southern Carinthia (Austria). *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 35 (6), 580-602. https://doi.org/10.1080/01434632.2014.889142.
Shohamy, E., Ben-Rafael, E. & M. Barni (eds.). 2010. *Linguistic landscape in the city*. Bristol/Buffalo/Toronto: Multilingual Matters.
Škevin Rajko, I. & L. Šimičić. 2020. Language commodification and local sustainability: Molise Croatian as cultural heritage. In: Vrzić, Z. (ed.), *Linguistic Minorities in Europe Online*. https://www.degruyter.com/database/LME/entry/lme.11473987/html.
Thurlow, C. & A. Jaworski. 2010. *Tourism Discourse: Language and Global Mobility*. London/New York: Palgrave Macmillan.
Tyran, K. 2022. Zur Situation der kroatischen Volksgruppe und ihrer Sprache in Österreich. *Europäisches Journal für Minderheitenfragen*, 15 (3-4), 241-260.
Tyran, K. 2025. Aspects of Linguistic Landscapes in Europe. In: Grzega, J. (ed.), *The Routledge Handbook of Eurolinguistics*, Abington: Routledge, 374-387.

LEXICAL GAP-FILLING STRATEGIES IN HERITAGE SPEAKERS OF RUSSIAN IN FINLAND

OLGA NENONEN (FINLAND)

Like other major languages, Russian is becoming polycentric, with multiple regional varieties emerging across countries and continents (Mustajoki et al. 2019; Polinsky 2024). These varieties may differ in spelling, pronunciation, grammar, and vocabulary, yet remain mutually intelligible. As a polycentric language, Russian reflects the richness and diversity of the cultures in which it is used, contributing to the preservation and development of local linguistic features while supporting the cultural heritage and identity of different regions. At the same time, it serves as a means of global communication, connecting people through a shared language despite regional differences. This talk focuses on the variety of Russian spoken by Finnish-Russian bilinguals in Finland, particularly on its lexical features. Approximately 100,000 Russian speakers live in Finland, making it the largest unofficial linguistic minority in the country. The Russian language in Finland has already developed its own distinct features, including specific regional norms, which are naturally passed down to subsequent generations of Russian speakers (see, e.g., Protasova, 2004). As in many other countries, a generation of heritage Russian speakers (HRSs) is emerging in Finland.

Heritage language speakers (HLSs) acquire their language naturally at home, making it one of their native languages (e.g., Montrul & Polinsky, 2011; Kupisch, 2013). Often, their heritage language (HL) is weaker due to limited input, while the dominant language is that of the surrounding society (Polinsky & Kagan, 2007; Benmamoun et al., 2013). For simultaneous bilinguals, both languages are first languages (L1); for others, the dominant language may be a second language (L2) learned early. HL competence varies widely, forming a continuum from near-native fluency to minimal receptive skills (Polinsky & Kagan, 2007, 5). One reason for this heterogeneity lies in the heritage speakers' (HSs) belonging to different "bilingual groups". Research literature commonly identifies several generations ("bilingual groups") of language speakers living outside the metropolis (see, e.g., Kisselev et al., 2020). **First Generation (1)** are recent immigrants, the parents of HSs. The inclusion of this group among HSs is debatable. Nevertheless, prolonged residence in a new country and the acquisition of a new language often result in multilingualism or translanguaging, characterized by code-switching, code-mixing, and attrition (Elenevskaja, 2020; Schmid & Köpke, 2017). One sign of language attrition is a reduction in the diversity or richness of vocabulary. (Petrenko & Abrjutina, 2018). **Generation 1.5** refers to bilinguals who emigrated young, usually becoming bilingual by age 12–13 after 5–7 years of schooling in their first language. They typically have stable grammar but differ

from monolinguals in vocabulary and mastery of linguistic registers (e.g., Kagan & Dillon, 2006, 87; Polinsky, 2018, 23). **Second Generation (2)** bilinguals are born into minority-language or bilingual families. Those from minority-language homes are sequential bilinguals, learning the dominant language after age 3–4, while children from bilingual families are simultaneous bilinguals. Compared to monolinguals, they experience divergent attainment which is reflected in systematic changes and specific grammatical features in the HL, such as innovations, simplifications, or diachronic changes (Polinsky, 2018, 24–28; Montrul, 2010, 5). The lexical skills of second-generation speakers are marked by incorrect word usage and lexical gaps (see, e.g., Polinsky, 2018, 292). **Third Generation (3)** refers to the children of second-generation HSs. Research provides substantial evidence that the linguistic potential of third-generation speakers significantly diminishes. In some cases, the HL declines or disappears entirely under the influence of the dominant language (see, e.g., Alba, 2004; Anthonissen, 2009).

To investigate bilingualism, researchers often compare HSs with so-called monolinguals (baseline speakers) on the one hand and learners of the language as a foreign language (L2 speakers) on the other. The phonetic aspects of HSs' speech bring them closer to monolinguals (Polinsky, 2018; Nenonen, 2020, 2024; Nenonen & Sergeeva, 2024). The absence of a noticeable accent, fluency, and coherence in oral speech create expectations of monolingual-like linguistic behavior in other areas, including word choice, complex sentence construction, and flawless orthography. However, these expectations are often unmet. Nonetheless, HSs are significantly closer to monolinguals compared to those learning the language as a foreign language. According to Polinsky, HSs could not become identical to monolinguals, but they provide a rich portrayal of the Russian language without borders (Polinsky, 2024, 268), i.e., as a polycentric language. We argue that HSs are a special group of regional standard (non-standard) speakers who resemble baseline speakers, L1 children and L2 speakers. Due to limited input in HL, they have smaller lexicon. The study examines the strategies of lexical gap-filling in adult and child HSs of Russian with dominant Finnish. The talk presents findings from spontaneous speech of 20 Finnish-Russian HSs.

In language contact situations, HSs often face lexical gaps, and to compensate for these deficits, different strategies are employed. Adults (e.g., first-generation speakers) tend to choose words more consciously, though they still mix languages based on individual factors such as language self-monitoring and linguistic reflection, as well as sociolinguistic factors (Warditz & Ringblom, 2019). Children, especially younger ones, freely use words from either language without regard for norms. Later, language awareness and conscious linguistic choices emerge,

as evidenced by metalinguistic commentary. Still bilingual children rely on parental input, often acquiring a contact variety of the language that may show signs of interference. (ibid., 280). Dobrova et al. (2022) found that bilingual children's strategies for filling lexical gaps depend on factors like age, proficiency in Russian, input, experience, mood, and adult attitudes toward their choices. By age 2, children recognize two languages; by age 4, they start using certain strategies to handle lexical gaps; later, they use metalinguistic commentary. Polinsky (2018: 327–328) argues that HSs have a "heritage lexicon," shaped by lexical gaps, reduced complexity, transfer, attrition, and creative language use. Researchers highlight bilinguals' linguistic creativity—the ability to draw on multiple languages to form innovative expressions (Rakhilina et al. 2016; Elenevskaja, 2020).

The data used for this study was drawn from our compiled corpus of HRSs in Finland, which includes (1) observations of spontaneous speech, (2) interviews with informants, and (3) content from social media. To ensure broader coverage, we examined the speech output of HSs across different generational groups (1, 1.5, 2, 3) and age groups, including adults and children. The data demonstrate that HSs often experience lexical deficits. Difficulties in word retrieval are reflected in hesitations, delays, pauses, filler words such as *uh (э)* or *you know(то есть)*, slower speech tempo, gesturing, self-corrections, and metalinguistic comments, such as *I don't know how to say it in Russian (не знаю, как это по-русски)*. Interestingly, metalinguistic comments related to lexical gaps are made not only by adult informants but also by children.

We further present the strategies (1–16) identified for compensating for lexical deficits among HRSs in Finland, both adults and children. These deficits are primarily caused by limited input in Russian. HSs do not always manage to retrieve the desired word at the right moment leading them to seek alternative ways to express their thoughts.

(1) Questions and requests for help in finding the right word represent one of the most common strategies.

HRSs tend to use certain specifically child-like lexical features (baby talk) at an older age compared to monolingual Russian children, as seen in the following strategies 2–6. These features are characteristic of child speech, but monolinguals typically outgrow them at an early age. In our view, strategies 2–6 serve as evidence of fossilization, which is characteristic of bilingual speech: speech errors, deviations, and inaccuracies become ingrained and turn into stable speech habits.

(2) Gestures showing required action

(3) Onomatopoeia

(4) Words from "nanny talk" (baby talk)

(5) Gestalt constructions (holistic phrases)

(6) Using diminutive forms in inappropriate contexts

Dobrova et al. (2022) point to bilingual children's tendency to use approximate or inaccurate word substitutions. When HSs do not know the word or are unable to retrieve the necessary word or expression from their mental lexicon in time, they replace it with a word or words that are similar in meaning or that sound similar (form-based confusion). Thus, they may explain the intended meaning using different words, describe the required concepts, or use random or patterned substitutions, see strategies 7-11.

(7) Explanation —HSs often compensate for missing vocabulary by using lengthy explanations. (circumlocution, see e.g., Isurin & Ivanova-Sullivan 2008, Protassova 2008). This "complicates" the structure of the utterance, making it cumbersome and imprecise in terms of meaning.

(8) Overgeneralization: replacing words with pronouns or general-purpose vocabulary—HSs often use a limited range of vocabulary, which is related to their restricted lexical repertoire. The target words or expressions may be replaced with pronouns as universal substitutes or with general-purpose verbs such as "do," "take," "get," "go," etc. This leads to a simplification of the utterance's semantic structure.

(9) Substitution with semantically related words—While staying within the boundaries of the Russian language, the speaker selects a word from a group of synonyms or semantically related words; however, the chosen word is not always appropriate in a given context. As a result, a conceptual shift occurs—namely, the word is used in a conceptually incorrect way (see more on this, e.g., in Dobrova & Ringblom 2017, Nenonen 2017).

(10) Substitution of target words by similar-sounding lexical items

(11) Modification of fixed expressions—Efforts to replicate set phrases (e.g. idioms, phrasal verbs, proverbs) are often inaccurate or ineffective. Here, HSs also use strategies described earlier: substituting target items with synonyms, semantically related words or similar-sounding words.

Next, we introduce the strategies caused by the language contact (12–15), they demonstrate how HSs use their language repertoire to fill the lexical gap in their HL, Russian.

(12) Code-mixing, either sporadic or extensive, involving borrowings from the dominant language—Finnish—or another frequently used language, such as English

(13) Lexical transfer and lexico-semantic calques

(14) Borrowings with morphological adaptation — Morphological adaptation to the Russian language may affect borrowings from the dominant or another language. Morphological adaptation can also occur in the opposite direction, when grammatical morphemes from Finnish are attached to the words from the Russian language.

(15) Hybrid word formations, word creation using elements of two languages

Linguistic studies have repeatedly noted that bilinguals use “non-canonical” or unusual lexical forms in their speech, invent their own words, and are “moving boldly” in it (see, e.g., Polinsky 2018; Isurin & Ivanova-Sullivan 2008; Protassova 2008), the examples of this type of creativity, not caused by language contact, have been found in our data, see strategy 16.

(16) Lexical innovations and word-formation innovations.

The results of this study support the hypothesis that HRSs in Finland often encounter lexical gaps, which they compensate for by using a range of different strategies. These strategies are influenced by the speakers’ age, cognitive characteristics, language background, and the degree of dominance of their second language. The use of gestures, onomatopoeia, requests for help, substitution with semantically or phonetically related words, and the creation of new words all demonstrate a high degree of flexibility and adaptability. Furthermore, the collected data indicate that, despite linguistic challenges, bilinguals not only adapt to new linguistic environments but also generate unique language structures not typical of monolingual speakers—highlighting the linguistic creativity of HL users. Particularly noteworthy is the use of "caretaker speech" (baby talk) and gestalt constructions by both child and adult bilinguals. This suggests delayed or alternative language development compared to monolingual peers. These findings align with previous research, reinforcing the notion that bilingualism significantly influences the formation of children's language systems. In addition, adult HSs exhibit a tendency toward the fossilization of speech errors, which further supports the theory of slowed language development in bilingual contexts. Equally important is the active use of dominant language resources by bilingual speakers, reflecting deep integration into a bilingual environment. While this process promotes the development of new linguistic norms and standards, it may also lead to the gradual erosion of certain elements of the Russian language, particularly among younger generations.

The study of lexical strategies employed by HRSs in Finland has revealed a wide range of strategies used to cope with lexical gaps. As our data show, these strategies vary depending on age, generation, and language proficiency, underscoring the complexity and multifaceted nature of the bilingual experience. It is important to highlight that lexical creativity and a

tendency toward lexical innovation are key characteristics of HSs, reflecting the adaptability and evolving nature of language in new cultural and linguistic environments. This research contributes to a deeper understanding of the linguistic features of HSs and offers valuable insights for the further study of the pluricentric nature of the Russian language. Moreover, the findings can serve as a foundation for developing language support programs aimed at bilingual individuals, as well as for efforts to preserve linguistic diversity in the context of globalization and migration.

REFERENCES

Alba, R. (2004). Language assimilation today: Bilingualism persists more than in the past, but English still dominates. Lewis Mumford Center for Comparitive Urban and Regional Research, University at Albany, NY, USA.

Anthonissen, C. (2009). Bilingualism and language shift in Western Cape communities. *Stellenbosch papers in linguistics PLUS*, *38*, 61–76.

Benmamoun, E., Montrul, S., Polinsky, M. (2013). Heritage languages and their speakers: Opportunities and challenges for linguistics. *Theoretical Linguistics, 39*(3–4), 129–181.

Dobrova, G.R., Ringblom, N.E. (2017) / Доброва, Г.Р., Рингблом Н.Е. (2017). Чем херитажный (унаследованный) язык отличается от второго (неродного) // *Проблемы онтолингвистики 2017. Освоение и функционирование языка в ситуации многоязычия*: Материалы ежегодной международной научной конференции, Санкт-Петербург, 26–28 июня 2017 / под ред. Т.А. Круглякова, М.А. Еливанова, Т.А. Ушакова. Иваново: ЛИСТОС, 2017. С.10 – 24.

Dobrova, G.R., Ringblom, N., Nenonen, O. (2022) / Доброва, Г. Р., Рингблом, Н., Ненонен, О. (2022). «Я вообще не заворачиваюсь на этом»: Как ведут себя двуязычные дети, когда им недостаёт русских слов? *Проблемы онтолингвистики-2022: Речевой мир ребёнка (Универсальные механизмы и индивидуальные процессы),* 118–125.

Elenevskaja, M.N. (2020) / Еленевская, М.Н. (2020). Повседневная речь мигрантов: многоязычие, аттриция и креативность. *Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива*, (2), 146–155.

Isurin, L. & Ivanova-Sullivan, T. 2008. *Lost in Between: The Case of Russian Heritage Speakers*. In Heritage Language Journal 6 (1), March 2008, 72−104.

Kagan, O., Dillon, K. (2006). Russian heritage learners: So what happens now?. *The Slavic and east European journal*, *50*(1), 83–96.

Kisselev, O., Dubinina, I., Polinsky, M. (2020). Form-focused instruction in the heritage language classroom: Toward research-informed heritage language pedagogy. *Frontiers in Education, 5*, Article 53. https://doi.org/10.3389/feduc.2020.00053

Kupisch, T. (2013). A new term for a better distinction? A view from the higher end of the proficiency scale. *Theoretical Linguistics*, *39*(3–4), 203–214.

Montrul, S. (2010). Current Issues in Heritage Language Acquisition. *Annual Review of Applied Linguistics*, *30*, 3–23. doi:10.1017/S0267190510000103

Montrul, S., Polinsky, M. (2011). Why not heritage speakers? *Linguistic Approaches to Bilingualism 1*(1), 58–62. https://doi.org/10.1075/lab.1.1.07mon

Mustajoki, A., Protassova, E., Yelenevskaya, M. (Eds.). (2019). *The Soft Power of the Russian Language: Pluricentricity, Politics and Policies* (1st ed.). Routledge. https://doi.org/10.4324/9780429061110

Nenonen, O. (2017) / Ненонен, О. (2017). Лексико-грамматическое наполнение нарративов у двуязычных детей младшего школьного возраста (русско-финский билингвизм) // *Проблемы онтолингвистики 2017. Освоение и функционирование языка в ситуации многоязычия*: Материалы ежегодной международной научной конференции, Санкт-

Петербург, 26–28 июня 2017 / под ред. Т.А. Круглякова, М.А. Еливанова, Т.А. Ушакова. Иваново: ЛИСТОС, 2017, 165–170.
Nenonen, O. (2020). 4 Case Studies of Phonological Development in Six Preschool-aged Russian-Finnish Bilingual Children. *An Anthology of Bilingual Child Phonology*, *142*.
Nenonen, O. (2024). Accents and Attitudes. Investigating the Heritage Accent: Insights from Bilingual Heritage Speakers of Russian in Finland. In Karpava, S. (ed.). *Multidisciplinary Approaches to Migration and Multilingualism (MAMM2022)* (pp. 221-239). Brill.
Nenonen, O., & Sergeeva, A. (2024). Phonetic production of heritage Russian speakers in Finland: Implications for college instruction. In *Russian as a Heritage Language: From Research to Classroom Applications*. (pp. 46-71). Routledge.
Petrenko, D.A. & Abrjutina, A.J. (2018) / Петренко, Д. А., Абрютина, А. Ю. (2018). Проявления аттриции в речи русских эмигрантов в Германии. *Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы*, 159–163.
Polinsky, M. (2018). *Heritage Languages and their Speakers*. Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/9781107252349
Polinsky, M. Russian without borders. In Kisselev, O., Laleko, O., Dubinina, I. (Eds.). (2024). *Russian as a Heritage Language: From Research to Classroom Applications* (1st ed.). Routledge. https://doi.org/10.4324/9781003380276
Polinsky, M., Kagan, O. (2007). Heritage languages: In the 'wild' and in the classroom. *Language and Linguistics Compass, 1*(5), 368–395. https://doi:10.1111/j.1749-818x.2007.00022.x
Protasova, E. J. (2004) / Протасова, Е. Ю. (2004). *Фениороссы: Жизнь и употребление языка*. Санкт-Петербург: Златоуст.
Protassova, E. 2008. Teaching Russian As a Heritage Language in Finland. *Heritage Language Journal 6* (1), 127–152.
Rakhilina, E., Vyrenkova, A., Polinsky, M. (2016). Linguistic creativity in heritage speakers. *Glossa: a journal of general linguistics*, *1*(1).
Schmid, M. S., Köpke, B. (2017). The relevance of first language attrition to theories of bilingual development. *Linguistic Approaches to Bilingualism*, *7*(6), 637–667.
Warditz, V. & Ringblom, N. (2019) / Вардиц, В., Рингблом, Н. (2019). Инновации в речи детей-билингвов в сопоставительном аспекте: общие механизмы словотворчества в унаследованном русском языке в Швеции и Германии. *Slavica Helsingiensia*, (52), 275–286.

КРАСИВАЯ ЛЮБИМОСТЬ: ON LEXICAL INNOVATIONS OF SWEDISH-RUSSIAN HERITAGE CHILDREN

NATALIA RINGBLOM (SWEDEN)
Umeå University

Introduction

Accessing words from the mental lexicon appears to be a competitive process, where alternative words can be selected (Schiller & Verdonschot, 2014). This competition can be even more challenging when two languages are involved, which highlights the importance of investigating how bilingual (or heritage language) children manage vocabulary gaps. When a bilingual child's lexical resources are limited and communicative situations require them to express themselves despite a lack of words, they employ various strategies to compensate for linguistic deficits (Dobrova & Ringblom, 2019). When asked to tell a story, they might switch to their dominant language when they know the interlocutor understands it — a strategy known as translanguaging (García, 2009).

Heritage speakers (HS) acquire their first language through naturalistic exposure to native input (Rothman, 2009) in a context dominated by another language (Benmamoun et al., 2013; Polinsky & Kagan, 2007). Although heritage language (HL) speakers acquire HL as their native language in childhood, their linguistic performance often diverges from the baseline. HL is neither a first language (L1) in the classical sense nor a second language (L2) (Polinsky & Kagan, 2007). Limited HL input frequently leads to vocabulary deficiencies (Polinsky & Kagan, 2007) and a wider gap between active and passive lexicons (Dobrova & Ringblom, 2017). While there is substantial research on heritage speakers' phonology (Kupisch et al., 2014) and morphosyntax (Polinsky, 2006, 2008), the strategies bilingual children use when they lack a word in HL are still underexplored. This study aims to address this gap and contribute to the ongoing discussion about cross-linguistic influence and diminished HL input.

The aim

The goal of this study is to investigate the strategies that Swedish–Russian heritage language children use when they encounter vocabulary gaps — whether due to not knowing a word or being unable to access it from their mental lexicon. We examine the compensatory strategies the children employed when they could not find the correct word due to insufficient Russian knowledge or difficulties in lexical retrieval.

Participants

Twenty-five bilingual children participated in the study. Sixteen were simultaneous Russian–Swedish bilinguals (AoO between 0 and 22 months), and nine were successive bilinguals living in Sweden (AoO between 24 and 60 months). All caregivers reported using Russian at home, though exposure levels and parental attitudes toward language mixing varied — ranging from strict adherence to the **one parent–one language** (OPOL) strategy to a laissez-faire approach.

Test instruments

Data were collected using Cross-Linguistic Tasks (CLT; Nenonen & Gagarina, 2016; Haman, Łuniewska & Pomiechowska, 2015). The children were tested with the Russian version of CLT, which assesses comprehension and production of target nouns and verbs in Russian. A total of 64 items were used: 32 nouns and 32 verbs. Children's answers were recorded on a recording sheet and audio-recorded. Recordings were transcribed and scored offline. All parents signed a consent form, and each child received a small reward upon test completion.

Findings

Our results reveal that HL child speakers apply seven major strategies when dealing with vocabulary gaps:

1. **Explanatory strategy**

Children explained the meaning of a word they did not know (e.g., *салфетку делают так* "the napkin is done this way" instead of *вязать* "to knit") or *вынимает из коровы молоко* instead of *доит*. This strategy was more common among successive bilinguals.

2. **Lexical substitution:**

HL children often substituted one word for another. They used a word with similar semantics or substituted a meronym for a holonym — for example, *кошка/хвост* 'cat' / 'tail' or *мандарин* 'mandarin' instead of *апельсин* 'orange' (or a hyponym for a hypernym; cf. Kapalková & Slančová, 2017). Such substitutions were common among all the children, likely due to similar acquisition orders. The children also used pairs of cohyponyms (words belonging to the same lexico-semantic group) interchangeably — as though they were synonyms — for example, *барашек/козлёнок* 'lamb' / 'goat' (cf. Kapalková & Slančová, 2017)

3. **Innovations**

The children also occasionally created innovations *красивая любимость* (about a kitten) or (semi-calques) by combining a root from the dominant language with Russian affixes — for example, *плантирывать* instead of *сажать* (about a plant, from the Swedish *plantera*).

4. Code-switching and borrowing

Sometimes the children simply used the Swedish word — both when the words sounded similar in both languages (e.g., *linjal* "ruler" instead of *линейка*) and when the words did not sound similar (e.g., *маленькая flaska* for *бутылка*"bottle").

5. Hesitation pauses and metalinguistic comments

Some children used pauses and metalinguistic comments when they could not find the correct word or when they realized that a word they were about to use was incorrect.

6. Using pronouns (especially этот) as a universal substitute

7. Motherese

Motherese (or baby talk), which is common among monolingual children aged 1 to 2 years, was observed in much older bilingual children — up to 8 years old. Children used *ням-ням* ‘("yum yum," about something tasty), *кап-кап* ("drop drop," referring to dripping water), *топ-топ* (clomp clomp in English) to describe *staris*, *динь-динь* ("ding ding,") instead of "ring a bell."

HS seem to retain lexical items they learned early from their families for much longer, as these items are not replaced by conventional language forms as typically happens in monolingual children, who are exposed to more abundant input.

Conclusion

When the lexical resources of HL children are limited, and communicative situations require them to express themselves despite lexical gaps, children employ a range of strategies to compensate for these deficits. They often substitute one word for another or use explanatory strategies to convey the intended meaning. In particular, children unpack the meaning of a target word through description and apply borrowing strategies to fill lexical gaps — especially when the words are similar across both languages. Sometimes, HS even create new words using Russian word-formation models.

Borrowing strategies were widely observed and need to be investigated further as they offer valuable insights into the dynamic and creative nature of language acquisition and development in multilingual environments. HL children tend to borrow words from Swedish (their dominant language) when they cannot recall the equivalent word in Russian. It seems

easier for them to switch codes than to activate the Russian word. While monolingual children typically have fewer difficulties retrieving words from their mental lexicon — as their active and passive vocabularies are more closely aligned (Dobrova & Ringblom, 2019) — HS are more inclined to borrow from a dominant language. Borrowing a word from Swedish seems to require less cognitive effort than recalling the Russian alternative.

Therefore, it is important for parents and educators to apply recast strategies when a child uses a Swedish word instead of Russian, if they wish to promote language transmission and active use of Russian. However, it is also essential to recognize that bilingual children may not always interpret words in the same way as monolinguals and may sometimes prefer a Swedish word simply because it more accurately conveys the meaning they intend. Furthermore, bilingual children are accustomed to being understood even when they use the "wrong" language. Further research could further explore the effectiveness of parental recasts in promoting HL retention, and the broader sociolinguistic factors that shape children's language choices.

REFERENCES

Benmamoun, E., Montrul, S., & Polinsky, M. (2013). Defining an "ideal" heritage speaker. Theoretical Linguistics, 39(3–4), 259–294. https://doi.org/10.1515/tl-2013-0018

Dobrova, G., & Ringblom, N. (2017). Чем "херитажный" (унаследованный) язык отличается от второго (неродного)? /Проблемы онтолингвистики - 2017. Освоение и функционирование языка в ситуации многоязычия.

Dobrova, G., Ringblom, N., & Nenonen, O. (2022). «Я вообще не заворачиваюсь на этом»: Как ведут себя двуязычные дети, когда им недостаёт русских слов? Проблемы онтолингвистики – 2022.

García, O. (2009). Bilingual Education in the 21st Century: A Global Perspective. Wiley-Blackwell.

Kapalková, S., & Slancová, D. (2017). The vocabulary profile of Slovak children with primary language impairment compared to typically developing Slovak children measured by LITMUS-CLT. Clinical Linguistics & Phonetics.

Kupisch, T., Barton, D., Hailer, K., Klaschik, E., Stangen, I., Lein, T., & van de Weijer, J. (2014). Foreign accent in adult simultaneous bilinguals. Heritage Language Journal, 11(2), 123–150.

Nenonen, O., & Gagarina, N. (2016). Crosslinguistic Lexical Tasks: Russian version (CLT-RU). A part of LITMUS COST IS0804 Battery. Unpublished material.

Polinsky, M. (2006). Incomplete acquisition: American Russian. Journal of Slavic Linguistics, 14, 191–262.

Polinsky, M. (2008). Heritage language narratives. In D. Brinton, O. Kagan, & S. Bauckus (Eds.), Heritage language education: A new field emerging (pp. 149–164). Routledge.

Polinsky, N., & Kagan, P. (2007). Heritage languages: In the "wild" and in the classroom. Language and Linguistics Compass, 1(5), 368–395. http://dx.doi.org/10.1111/j.1749-818x.2007.00022.x

Rothman, J. (2009). Understanding the Nature and Outcomes of Early Bilingualism: Romance Languages as Heritage Languages. International Journal of Bilingualism, 13(2), 155–163.

Schiller, N. O., & Verdonschot, R. G. (2014). Accessing words from the mental lexicon. In J. R. Taylor (Ed.), The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. Oxford University Press.

ПРОСЬБА О ПОМОЩИ И ПЕРЕХОД НА ДРУГОЙ ЯЗЫК КАК ВОПЛОЩЕНИЕ КОМПЕНСАТОРНЫХ СТРАТЕГИЙ В ЧЕШСКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

VERONIKA STRANZ-NIKITINA (ČESKÁ REPUBLIKA)

Доклад посвящён анализу компенсаторных стратегий, используемых русскоязычными говорящими в устной чешской речи, с особым акцентом на стратегии обращения за помощью и перехода на другой язык. Исследование базируется на корпусе транскрибированной спонтанной речи объёмом 113 038 слов. Целью исследования является выявление механизмов преодоления коммуникативных затруднений в ситуации непосредственного устного общения.

Особое внимание уделяется взаимосвязи между уровнем общей языковой компетенции и выбором той или иной компенсаторной стратегии, однако основной задачей стало построение развернутой классификации реализаций указанных стратегий и оценка их эффективности в рамках конкретных коммуникативных ситуаций.

В рамках стратегии обращения за помощью описываются следующие типы: прямой вопрос о значении или форме слова, просьба о переводе с родного языка, просьба о подтверждении корректности использования лексемы или корректности интерпретации, а также превентивное обращение за поддержкой на случай возможных затруднений. Отдельно выделяются случаи, сопровождающиеся частичным переходом на родной язык.

Стратегия перехода на другой язык рассматривается как многоаспектное явление, включающее в себя как завершённые, так и прерванные попытки смены кода. Проанализированы такие параметры, как степень осознанности перехода, его масштаб, используемые языки и лексемы, а также сочетаемость данной стратегии с другими компенсаторными средствами. С точки зрения прагматической функции выделяются и описываются следующие типы: введение лексемы с последующим чешским эквивалентом, пересказ или цитата, уточнение адресата, дополнение или усиление высказывания, экспрессивное маркирование, акцентирование ключевой информации, а также случаи квази-перевода.

Таким образом, представленная классификация позволяет глубже понять специфику речевого поведения билингвов в условиях коммуникативной неопределённости и углубляет понимание особенностей реализации стратегий речевой компенсации в межъязыковом взаимодействии.

TYPY REDUPLIKACJI W ETNOLEKCIE GORAŃSKIM

NATALIA DŁUGOSZ (POLSKA)
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu
natalia.reczek@amu.edu.pl
ORCID: 0000-0001-5654-2018

Podczas wystąpienia zastaną omówione typy gorańskich konstrukcji reduplikacyjnych, które znalazły poświadczenie w słowniku gorańsko-albańskim autorstwa Nazifa Doklego – *Reçnik goranski (nashinski) – allbanski*. Materiał słownikowy dotyczy języka ludności gorańskiej zamieszkującej 9 wiosek w północno-wschodniej Albanii w regionie Shishtavec i Kukës.

Reduplikacja rozumiana jest jako „operacja morfologiczna o charakterze słowotwórczym lub fleksyjnym polegającą na podwojeniu rdzenia w całości – r. zupełna […], lub na podwajaniu części rdzenia – r. częściowa […] (EJO 1999: 483), przy czym pojęcie to rozszerzono na powstały wskutek takiej operacji produkt. Reduplikacja nie jest zjawiskiem rzadkim w bałkańskich językach słowiańskich (zwłaszcza w bułgarskim i macedoński). Z pewnością natomiast należy do tych właściwości europejskich języków bałkańskich (nie tylko słowiańskich), które dotąd nie doczekały się kompleksowych i wyczerpujących opracowań.

Poddany analizie materiał językowy, pozyskany ze słownika gorańsko-albańskiego, obejmuje zbiór 332 struktur reduplikacyjnych. Pierwszą grupę powtórzeń stanowią reduplikacje *sensu stricto*, których człony są całkowicie homofoniczne. Mowa o reduplikacjach morfologicznych zupełnych. Powtórzeniu najczęściej ulega rzeczownik w liczbie mnogiej bez rodzajnika postpozycyjnego (dotyczy 48 z 55 zgromadzonych jednostek), rzadziej przysłówek (6 przykładów), odnotowano także pojedynczy przykład powtórzenia zaimka przysłownego nieokreślonego. Człony reduplikacji są współrzędne i tak samo akcentowane. Ta grupa reduplikacji służy do wskazywania mnogości i intensyfikacji, tj. sygnalizuje występowanie wielu obiektów (najczęściej skupionych w jednym miejscu) lub wielu rozproszonych elementów. Konstrukcje te mogą wręcz wskazywać na najwyższy (absolutny) stopień niesilenia cechy. Charakteryzuje je wysoki stopień ikoniczności, polegający na komunikowaniu mnogości przez dwukrotne powtórzenie rzeczownika w liczbie mnogiej. W tym przypadku znajduje zastosowanie proste przełożenie, że więcej formy oznacza więcej treści. Znaczenie reduplikacji różni się od znaczenia wyrazu wyjściowego, choć związek między nimi jest logiczny i łatwo uchwytny, np.: *bërgo* ‘szybko’, *bërgo-bërgo* ‘jak najszybciej’; *boja* ‘kolor’, *boje-boje* ‘bardzo kolorowy, cały pokolorowany, pomalowany’; *bruka* ‘pryszcz’, *bruke-bruke* ‘cały pokryty [obsypany] pryszczami’; *felija* ‘romb, kwadrat, kawałek, porcja’; *felije-felije* ‘cały w romby [np. o tkaninie], pokryty

rombami, cały w kształcie rombów, na kawałki [np. mięso pokrojone na kawałki] itp.

Kolejną grupę gorańskich reduplikacji stanowią powtórzenia *sensu largo* o charakterze syntaktycznym. W konstrukcjach reduplikacyjnych powtarzany jest ten sam rdzeń w rzeczowniku, a następnie w pochodnym słowotwórczo przymiotniku, np.: *budalko budalkest* dosł. ‘dureń durny’; *dremla dremlesta* dosł. ‘śpioch zaspany’; *gërble gërblesto* dosł. ‘garbus garbaty’; *pllaçla pllaçlesta* dosł. ‘płaczla płaczliwa’; *zhagle zhaglesto* dosł. ‘chuderlak chuderlawy’ itp. Słownik rejestruje 115 tego typu powtórzeń. Reduplikacje operują całymi wyrazami, ich człony nie tworzą jednej zleksykalizowanej jednostki językowej, każdy z nich ulega osobno odmianie. Reduplikatem jest rzeczownik odczasownikowy lub odrzeczownikowy, który oznacza nosiciela cechy lub osobę przejawiającą skłonność do czynności wyrażonej w podstawie czasownikowej. Rzeczowniki te należą do formacji ekspresywnych i zawierają silny pejoratywny ładunek emocjonalny.

Odrębną, najliczniejszą (154 jednostki) grupę gorańskich reduplikacji stanowią powtórzenia onomatopeiczne. Obok wykrzykników onomatopeicznych w tej grupie omówiono również oparte na reduplikacji wykrzykniki apelatywne. I tak, w etnolekcie gorańskim liczne są reduplikacje onomatopeiczne zupełne imitujące dźwięki niewyraźnej mowy, np.: *bër-bër* (*bërblam* ‘paplać’); *bum-bum* (*bumkam* ‘mruczeć pod nosem’), *cër-cër*, *cërc-mërc*, *cërc-vërc*, *cëri-vëri* (*cërkam* ‘świergolić, ćwierkać’), *dër-dër* (*dërdam* ‘paplać, gadać po próżnicy’), *mër-mër* (*mërmkam* ‘mamrotać pod nosem’), *përc-përc*, *përc-mërc* (*përckam* ‘piszczeć, skwierczeć’), *tan-tan* (*tanadaram* ‘opowiadać bzdury’), *tën-tën* (*tëntam* ‘mówić niewyraźnie, zajękiwać się’), *tër-tër*, *tër-vër* (*tërtam* ‘mówić nieprawdę, obmawiać’), *vala-vala* (*valam* ‘owijać w bawałnę’) i in. Oprócz tego w zgromadzonym materiale wystąpiły reduplikacje onomatopeiczne zupełne: 1. imitujące dźwięki pozajęzykowe, nieartykułowane, jakie wydają ludzie, np.: płacz: *cim-cim* (*cimkam* ‘kwilić, popłakiwać’); oddawanie gazów/ pierdzenie: *dërt-dërt* (*dërtinam* ‘pierdzieć’); wydmuchiwanie dymu podczas palenia/picia tytoniu: *paf-puf*, *puf-puf* (*pufkam* ‘pić/palić tytoń’) i in.; 2. imitujące dźwięki pozajęzykowe wydawane przez dzieci i zwierzęta, np.: ćwierkanie ptaków: *cër-cër* (*cërkam* ‘ćwierkać’), gruchanie gołębi lub gaworzenie dziecka: *gu-gu*, szczekanie psa: *ham-ham* i in.; 3. imitujące pozajęzykowe dźwięki świata materialnego: *crang-crung, xrang-xrung* (dźwięk metalowych ozdób na tradycyjnej sukni gorańskiej panny młodej), *çep-çep* (*çepkam* ‘skubać pierze’, dźwięk skubania pierza); *rake-take*, *trak-trak*, *trak-truk, trop-trop* (dźwięki imitujące odgłos butów rytmicznie uderzających o nawierzchnię) i in.; 4. towarzyszące szybkim ruchom i czynnościom wykonywanym w szybkim tempie, np.: *fak-fak*, *fap-fap*, *fët-fët, rak-rak* i in. 5. towarzyszące wolnym ruchom lub czynnościom nużącym, wymagającym wysiłku lub

roziągniętym w czasie, np.: *de-de* (towarzyszy wytrwałym, wymagającym trudu działaniom); *dur-dur* (twarzyszy czynnościom wymagającym cierpliwości) i in.

Wśród gorańskich reduplikacji zwracają uwagę wykrzykniki apelatywne służące do przywoływania zwierząt bądź zachęcania zwierząt lub dzieci do jakichś czynności, np.: nakłanianie pszczół do gromadzenia się w nowy rój: *mat-mat*; popędzanie osła: *qoke-qoke* (*qokare* 'osioł'), zachęcanie dzieci do wstania na nóżki: *dub-dub* (*dubam* 'stać wyprostowanym'); odstarszenie dziecka od ognia i dotykania gorących przedmiotów: *xhixh-xhixh* (*xhixhkam* 'drażnić, dotykać nagich części ciała czymś gorącym') i wiele innych.

W wystąpieniu zostanie zatem naszkicowane, na czym polega obfitość konstrukcji reduplikacyjnych w etnolekcie gorańskim. Ich liczne poświadczenie w słowniku Nazifa Dokle – słowniku, który jest rejestrem języka mówionego, udowadnia, że reduplikacja to produktywny mechanizm językowy w gorańskim. Zjawisko to z pewnością zasługuje na wnikliwe potraktowanie zwłaszcza przez językoznawców slawistów i bałkanistów. Wymaga ono dalszych badań, zarówno odnoszących się do zagadnień szczegółowych, jak np. charakterystyka fonosomatycza zwłaszcza reduplikacji onomatopeicznych, omówienie schematów składniowych reduplikacji itp., jak i podejmujących problemtykę reduplikacji gorańskich w kontekście języków ligii bałkańskiej. Takie badania z pewnością wniosłyby istotną wiedzę na temat mechanizmu reduplikacji w językach europejskich i pozwoliłyby skutecznie zweryfikować obiegowe opinie o reduplikacji jako zjawisku charakterystycznym głównie dla języków egzotycznych.

EJO – *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*, red. K. Polański, Wrocław – Warszawa – Kraków, 1999.

LE BULGARE BESSARABIEN EN REPUBLIQUE DE MOLDAVIE ET EN TRANSNISTRIE

MARTIN HENZELMANN (ALLEMAGNE)

La République de Moldavie se trouve au carrefour des cultures romanes et slaves. De nombreuses langues sont parlées dans le pays, dont les plus importantes sont le roumain et le russe. S'y ajoutent également l'ukrainien, qui est particulièrement répandu dans la partie nord du pays, le gagaouze, qui est une langue très proche du turc, et le bulgare. Les communautés linguistiques gagaouzes et bulgares sont surtout présentes dans le sud, des deux côtés de la frontière entre la Moldavie et l'Ukraine, ainsi qu'en Transnistrie. Dans les lignes suivantes, nous nous intéresserons surtout à la situation des parlers bulgares bessarabiens. Pour comprendre leurs particularités, il nous faut tout d'abord situer le contexte géopolitique de la région historique de Bessarabie. Le nom de Bessarabie désigne un paysage culturel européen dont l'espace géographique est déterminé par les rives du Prout, du Dniestr (ou Nistru, en roumain) et du Danube ainsi que par la mer Noire. La région a d'abord appartenu à la dynastie princière valaque Basarab, à laquelle elle doit son nom, puis à l'Empire ottoman et ensuite à l'Empire russe.

Au fil des siècles, la Bessarabie s'est transformée en un territoire pluriculturel, où des langues très hétérogènes étaient utilisées dans un espace assez réduit (Cazacu & Trifon 2016). Aujourd'hui encore, un multilinguisme important se maintient toujours, particulièrement dans le sud du pays. Cela s'explique par le fait que ce territoire est devenu partie intégrante de l'Empire russe à partir de 1812 et que, dans ce contexte, d'importants bouleversements démographiques intervinrent. Pendant la domination ottomane, une grande partie des habitants de la région bessarabienne méridionale (également appelé le Boudjak) étaient des Tatars qui la quittèrent alors. Moscou essaya de repeupler cette région désormais vide, ce qui entraîna un important mouvement migratoire des populations chrétiennes orthodoxes. La création de nombreuses colonies bulgares dans le Boudjak en fut une conséquence directe (Duminica 2017 : 122-123).

Depuis lors, la communauté bulgare essaya de cultiver sa langue *via* l'école. Même si, déjà au début du XIX° siècle, des écoles privées à Chişinău étaient fréquentées entre autres par des Bulgares, les localités bulgarophones du sud de la Bessarabie ne purent toutefois créer leurs propres établissements scolaires. La région n'était pas préparée aux défis qui découlaient de cette situation linguistique et elle était en outre multiethnique, ce qui rendait difficile la création de classes homogènes. En 1816 fut proposé, sans toutefois que cela n'aboutisse, que toutes les familles bulgares paient une taxe destinée à la mise en place d'un système scolaire local, avant que de nombreuses écoles ne puissent finalement être fondées dans les décennies suivantes (Duminica 2017 : 209-210). La ville de Bolgrad (aujourd'hui en Ukraine) devint le centre

culturel des bulgares bessarabiens, et c'est là que fut fondé en 1858 le lycée « Saints Cyrille et Méthode » qui était à l'époque la première école secondaire bulgare de la région (Karaivanova 2018 : 32). Ses locaux ne comprenaient pas seulement des salles de classe, mais également une bibliothèque, une imprimerie, une pension et d'autres salles pour l'enseignement de la physique, de la chimie et de la géographie (Karaivanova 2018 : 48). En 1869, l'École centrale bulgare fut fondée à Comrat, aujourd'hui centre culturel de la minorité gagaouze en Moldavie, où le bulgare était alors enseigné (Dëmin 2006 : 149). Néanmoins, cet enseignement fut réduit peu à peu et, en 1879, les autorités locales décidèrent de transférer plusieurs établissements éducatifs de la région dans des lycées russes classiques, même si certaines matières y étaient toujours proposées en bulgare (Dëmin 2006 : 149). Par la suite, les structures pédagogiques et les programmes scolaires subirent de fortes fluctuations.

La situation changea radicalement pour la population lorsque la Roumanie annexa l'ensemble du territoire de Bessarabie en 1918. Avant cette période, l'utilisation de la langue roumaine était déjà de plus en plus fréquente, surtout à Chişinău, et elle avait déjà été adoptée dans de nombreuses institutions (Poştarencu 2019 : 380-381). Le roumain devait ainsi servir de moyen de communication transversal, des lois strictes furent promulguées pour réglementer son utilisation publique et le promouvoir expressément et, dès 1922, toutes les écoles de la région étaient entièrement roumanophones (Červenkov & Duminika 2013 : 350). Pendant une courte période, la région fut administrée de nouveau par l'Union soviétique, mais quand la Roumanie reprit le contrôle de la région entre 1941 et 1944, la pression sur les groupes ethniques locaux s'accrut considérablement. Malgré tout, le roumain ne réussit jamais à s'imposer comme langue principale et il ne fallut guère d'efforts pour convaincre la population de l'utilité de la langue russe lorsque la Bessarabie intégra définitivement l'Union soviétique en 1944.

Pendant la période soviétique, le russe se renforça dans toutes les situations de communication au détriment du bulgare, y compris de plus en plus dans l'environnement domestique. À l'école, seul un enseignement rudimentaire en bulgare était proposé, ce qui ne devait changer fondamentalement qu'à la fin des années 1980. Mais cela ne fut possible que grâce à l'initiative de passionnés locaux qui récoltèrent des signatures pour réclamer un enseignement dans leur langue maternelle et qui présentèrent ensuite leur requête à Moscou. Ce n'est que pour cette raison que le bulgare fut intégré, comme option facultative, dans les programmes scolaires locaux à partir de l'année scolaire 1986/87. Les cours avaient alors lieu une fois par semaine et l'objectif était de promouvoir la langue bulgare littéraire, car les compétences linguistiques des élèves étaient considérablement influencées par l'entourage domestique et dialectal et non par la langue littéraire (Paslar 2014 : 95). Ce point ne doit pas être sous-estimé, car sur ce petit

territoire sont parlés sept dialectes différents qui présentent tous des particularités ancestrales et sont de surcroît en étroite interaction avec les langues voisines. Il existe ainsi de nombreux domaines dans lesquels le lexique a été emprunté au russe (et plus rarement au roumain) or ce lexique n'existe de fait pas dans la langue littéraire telle qu'elle est pratiquée en Bulgarie. Ces particularités sont largement documentées et permettent de conclure que l'enseignement du bulgare dans la région requiert non seulement des connaissances en langue littéraire mais aussi une profonde compréhension des réalités linguistiques locales (Kondov 2019, Iliev 2019, Kondov 2021, Henzelmann 2024). De plus, la nature de ces dialectes est actuellement soumise à des changements importants en raison de nombreux facteurs extérieurs, de sorte qu'il faut, dans le domaine de la dialectologie contemporaine, en réévaluer fondamentalement l'approche.

L'un des principaux inconvénients de l'enseignement du bulgare était initialement l'absence d'enseignants suffisamment qualifiés ou formés sur place. Une nette amélioration n'est donc intervenue que depuis l'indépendance de la République de Moldavie, car il est désormais possible d'intégrer le bulgare dans les programmes éducatifs, de l'école maternelle à l'université, en passant par tous les types d'écoles intermédiaires. De fait, de nombreux établissements du raïon de Taraclia, dans le sud du pays, y ont recours, car c'est là que vit la majorité des Bulgares de Moldavie. Cette constellation suggère que la République de Moldavie offre actuellement de grandes libertés linguistiques et que les minorités ont la possibilité de mettre en place des infrastructures relativement pérennes pour la préservation de leur langue et de leur culture, même si les moyens de financement restent souvent limités.

La situation est distincte en Transnistrie, où les Bulgares ne bénéficient pas de ce soutien pour diverses raisons et où l'on constate donc de grandes différences avec les Bulgares du sud de la Moldavie en matière de compétences linguistiques. Cela s'explique d'une part par le fait que la langue bulgare n'y a pas le statut de langue minoritaire et, d'autre part, que sa diffusion est essentiellement limitée à la localité de Parcani, située entre Tiraspol, la capitale, et Bender, la deuxième plus grande ville de Transnistrie. Certes, plus de 10 000 personnes y vivent, dont la plupart ont des racines bulgares, mais une préservation de la langue comme dans le sud de la République de Moldavie n'y est pas réaliste. La Transnistrie ayant pris une voie séparatiste au début des années 1990, la politique linguistique qui s'y est développée promeut le russe à tous les niveaux. Même s'il existe un enseignement scolaire en bulgare à Parcani, le nombre d'heures de cours est réduit au strict minimum et il n'a été possible d'intéresser que sporadiquement des enseignants de Bulgarie à travailler sur place. En termes pratiques, il n'est donc guère possible de suivre un cursus scolaire en langue bulgare.

Il convient de dire que le bulgare occupe une place importante dans la communication au quotidien, aussi bien dans le raïon de Taraclia en Moldavie qu'à Parcani en Transnistrie, mais la maîtrise de la langue littéraire est bien plus répandue dans le sud de la Moldavie. En même temps, cela explique aussi pourquoi le bulgare littéraire exerce une influence autant qu'une pression considérable sur la vitalité des dialectes locaux, alors que la réalité linguistique en Transnistrie est largement soustraite à celle-ci et subit plutôt une très forte influence de la langue russe. *In fine*, l'on peut donc constater que non seulement les politiques linguistiques en République de Moldavie et en Transnistrie offrent des conditions divergentes pour assurer la vitalité de la langue bulgare, mais que de ce fait la structure des dialectes locaux, le plus souvent décrite de manière traditionnelle, est aussi soumise à de très forts changements, ce que l'on peut démontrer de façon empirique à l'aide de nombreux exemples.

REFERENCES

Cazacu, Matei & Nicolas Trifon. 2016. *Un état en quête de nation. La République de Moldavie.* 2e édition. Paris : Non Lieu.

Červenkov, Nikolaj. & Ivan Duminika. 2013. *Taraklii – 200 let. Tom 1 (1813-1940)*. Chişinău : Cu drag.

Dëmin, Oleg. 2006. Rusifikaciâ v sfere obrazovaniâ bolgarskogo naseleniâ Severnogo Pričernomor′â v XIX veke: Arheologiâ politiki. *B"lgarite v Severnoto Pričernomorie* IX, 145–152.

Duminica, Ivan. 2017. *Coloniile bulgarilor în Basarabia (1774-1856)*. Chişinău : Lexon-Prim.

Henzelmann, Martin. 2024. Kontakt językowy w historycznym regionie Besarabii. *Słowiańszczyzna dawniej i dziś – język, literatura, kultura. Monografia ze studiów slawistycznych*, VI. Pod red. A. Kołodziej et al. Wrocław : Oficyna Wydawnicza „ATUT", 103–112.

Iliev, Ivan. 2019. Za proizhoda na edno antroponimično âvlenie v b″lgariskite govori v Besarabiâ. *Elektronno spisanie » Ong"l «* 16, 33–38.

Karaivanova, Tatâna. 2018. *Učebnici, izdadeni v bolgradskata gimnaziâ (1861–1875)*. Sliven : Ogledalo.

Kondov, Vasil. 2019. *Ezik"t na b"lgarite na Pusto pladne: v Rusiâ, SSSR, Moldova i Ukrajna. Istoriâ i s"remenno s"stoânie: (klasifikaciâ, bibliografiâ, karty, snimki, tekstove). 2 izdanie, dopalneno i preraboteno.* Taraclia : Universitatea de Stat „Grigore Ţamblac".

Kondov, Vasil. 2021. *Govorat na kortenci v Besarabiâ (Republika Moldova). Kniga vtora. Tekstove*. Taraclia : Universitatea de Stat „Grigore Ţamblac".

Paslar, Mariâ. 2014. Istoričeski pregled na obučenieto po b″lgarski ezik v Republika Moldova. *Dunav – Dnest"r. Godišnik* III, 93–104.

Poştarencu, Dino. 2019. *Basarabia în anii Primului Război Mondial*. Chişinău : Lexon-Prim.

SLAVISTIKA A AFÁZIE: MĚL JAKOBSON PRAVDU?

HELENA LEHEČKOVÁ (FINSKO)

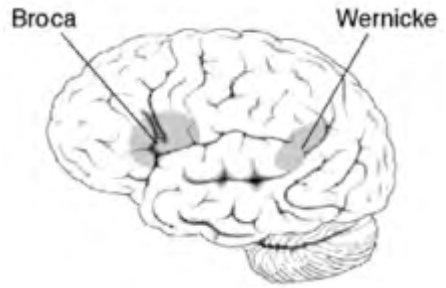
Experimentální výzkum vztahu jazyka a mozku má relativně krátkou historii. Ze všech interdisciplin, na nichž se lingvistika podílí (jako psycholingvistika, sociolingvistika, biolingvistika), je neurolingvistika nejmladší (od 80. let minulého století). Vznikla v průsečíku bouřlivě se rozvíjejících neurověd a dobře zavedené lingvistiky. Neurovědy přispívají do neurolingvistiky znalostmi o fungování mozku, poskytují přesné údaje o lokalizaci mozkové léze a umožňují na základě nejmodernějších zobrazovacích metod, jako je počítačová tomografie (CT) nebo magnetická rezonance (MRI), on-line sledování aktivace mozku při jazykovém testování. Lingvistika nabízí teoretický aparát k přesnému popisu jazykových poruch, poskytuje modely fungování jazyka a snaží se o interpretaci dat získaných neurovědami.

Pro lingvisty je přirozeně fascinující sledovat monitorování mozku mluvčích při provádění různých jazykových úkonů. To však ještě neznamená, že lingvistická interpretace pozorovaného je jednoduchá nebo jednoznačná. Lingvistické funkce není možné při zobrazování oddělit od jiných fyzických (např. artikulačních) či psychických (ostatních mentálních) aktivit. Pro výzkum začlenění jazyka do neurofyziologických struktur zůstává nadále nejdůležitějším zdrojem poznání afázie, při níž existuje nezpochybnitelná souvislost mezi lokalizací poranění mozku a narušením jazykových funkcí.

Afázie vzniká v důsledku lokálního poranění mozku, a to především levé hemisféry, která je dominantní pro jazykové funkce u pravorukých jedinců. Nejčastějšími příčinami jsou cerebrovaskulární onemocnění (např. cévní mozkové příhody, jako embolie, trombóza, krvácení do mozku), intrakraniální nádory a traumatické poškození mozku (např. při haváriích nebo sportovních úrazech). Oproti všem ostatním jazykovým deficitům (např. v Alzheimerově chorobě, Parkinsonově chorobě, demenci, při různých psychiatrických onemocněních nebo běžném stárnutí) je u afázie jasně viditelná a lokalizovatelná příčina – mozková léze.

Jednotlivé případy afázie byly popsány už v antice (historický přehled viz Flanderková – Mertins, 2014), ale systematičtější klasifikace afázií se vyvíjí až od 2. poloviny 19. století. Tehdy byla v mozku objevena tzv. Brocova (1861) a následně Wernickova (1874) oblast, které mají klíčový význam pro produkci a percepci řeči.

Obr. 1. Brocova a Wernickova oblast



Jeden z prvních lingvistů, kteří se afázií začali zabývat, byl Roman Jakobson. Je autorem řady prací o afázii (souborně Jakobson, 1971), které jsou poměrně dobře známé mezi lingvisty, ale už méně mezi lékaři. Mezi neurovědními a jazykovědnými obory panovala (a do jisté míry stále panuje) asymetrie. Zatímco v medicínské literatuře té doby není lingvistická tematika reflektována, Jakobson (1955) ve své stati *Aphasia as a linguistic topic* rozebírá základní práce z oboru jazykové patologie po 2. světové válce. Ukazuje, jak neurologové, neurochirurgové, psychologové a neuropsychologové přispěli k osvětlení afázie z hlediska medicínského a připravili půdu pro aktivní zapojení lingvistiky do afáziologie. Zároveň přiznává, že se lingvisté přidávali k tomuto oboru zbytečně opatrně a s velkým zpožděním.

Prvním a po dlouhou dobu jediným jazykem, na němž byla afázie zkoumána, byla angličtina. To vedlo ke zjednodušenému popisu problematiky. Teprve později, kdy byly do afaziologického výzkumu přibrány i typologicky jiné, např. slovanské jazyky (Lehečková,1988), se afatické symptomy diferencovaly a staly se lingvisticky zajímavějšími.

V první fázi lingvisté využívali medicínských dat, většinou popisů jednotlivých případů, a snažili se dát jim lingvistickou interpretaci. Sami však nebyli přímými účastníky experimentálního výzkumu, což značně omezovalo jejich uplatnění. Teprve když se začlenili do multidisciplinární spolupráce, mohli realizovat i svůj vlastní výzkum.

Jakobson si byl vědom nelehké pozice lingvistů se zájmem o afázii a formuloval úkoly, jejichž splnění by přispělo k jejich zrovnoprávnění s neurovědci (1995, s. 56):

- seznámit se s technickými prostředky a termíny lékařských disciplin zabývajících se afázií,
- podrobit důkladné lingvistické analýze texty záznamů klinických případů, sami pracovat s afatickými pacienty.

První požadavek je pro lingvistu náročný, ale nevyhnutelný a relativně proveditelný. Druhý požadavek odpovídá lingvistově kvalifikaci a bývá pro něj nejzajímavější. Největší problém je požadavek třetí. Neznalost práce s pacienty, psychologické zábrany, administrativní

překážky a zejména užívání metodologie a terminologie, které jsou lékařským spolupracovníkům cizí, jsou pro lingvisty nesporným handicapem.

Jakobson ještě v roce1956 píše:

> Nikdo se z lingvistického hlediska nepokusil o interpretaci a systematizaci rozmanitých klinických údajů o různých typech afázie. Překvapuje to tím spíš, že … afatický rozklad jazykového systému může jazykovědcům poskytnout nové průhledy do obecných zákonitostí jazyka. (Jakobson 1995, s. 56)

Přestože řada obtíží v začleňování lingvistů do afaziologie stále existuje, obecně se uznává, že lingvistický vklad je nezbytný, a to jak pro diagnostiku, tak pro terapii. Na některé základní otázky afáziologie dokáže nejlépe odpovědět lingvista:

- V čem je pacientovo užití jazyka patologické?
- Jakým směrem zaměřit jazykovou rehabilitaci?
- Do jaké míry odpovídá daná porucha v jednom jazyce analogickým poruchám v jiných jazycích?

V úvodu ke své zásadní stati *Two Aspects of Language and Two Types of Aphasic Disturbances* (1956) píše Jakobson:

> Máme-li přiměřeně zkoumat jakýkoli nezdar v procesu komunikace, musíme především pochopit povahu a strukturu toho způsobu komunikace, jenž v daném případě přestal fungovat. (Jakobson 1995, s. 55).

Jakobson (1963, 1966) se ve sve originální typologii snažil dát afázii lingvistickou interpretaci hlavně tam, kde její medicínský popis byl nedostatečný. Kritizoval zejména názor, že afázie může být nahlížena jako obecné narušení jazyka, v němž různé typy afázie představují pouze kvantitativní rozdíly, nikoli kvalitativní (Jakobson 1971, s. 78). V článku *A Linguistic Typology of Aphasic Impairments* ukazuje pomocí lingvistických dichotomií, jak se dva hlavní typy afázie (v klasifikaci A. R. Luriji motorická a senzorická) liší kvalitativně. Základní operace, které určují naše verbální chování, jsou výběr a kombinace (Jakobson 1971, s. 79). Motorická (Brocova) afázie je podle něj narušením kombinace (*contiguity, encoding disorder*), senzorická (Wernickova) afázie narušením výběru (*similarity, decoding disorder*). Proto jsou gramatická slova (*little tools of language*) narušena v motorické (Brocově), ale zachována v senzorické (Wernickově) afázii.

Afázie je zatím popsaná na zlomku existujících jazyků, přesto na základě mezinárodních multilingvních projektů, jejichž součástí byly i slovanské jazyky (Lehečková, 2001), byly identifikovány univerzální afatické symptomy:

— krátké věty,

— pomalé tempo řeči,

— zjednodušená syntax,
— vynechávání volných gramatických morfémů,
— nahrazování vázaných gramatických morfémů,
— slovesa vynechávána častěji než substantiva,
— příznakovější formy nahrazovány méně příznakovými.

Z medicínského hlediska slouží výsledky lingvistické analýzy diagnostice a mohou vést k cílenější rehabilitaci. Z lingvistického hlediska přináší výzkum afázie experimentální materiál pro porozumění mechanismům, které umožňují fungování jazyka ve ztížených podmínkách.

Roman Jakobson si uvědomoval, že lingvistika i afáziologie se mohou výsledky interdisciplinárního výzkumu obohatit. Ve své stati *Aphasia as a Linguistic Topic* píše (1955, s. 229):

> As the developments of the last decades prove, aphasia is an extremly productive field for linguistic study; furthermore, the cooperation of linguists, psychologists, psychiatrists, neurologists and other experts is of ever increasing value here.

Existence multidisciplinárních center pro výzkum afázií tuto teorii v současné době jen potvrzuje.

BIBLIOGRAFIE

Flanderková, E. – B. Mertins (2014): Historie lingvistické afaziologie. *Studie z aplikované lingvistiky*, 5, s. 7-47.

Jakobson, R. (1955): Aphasia as a Linguistic Topic. In: R. Jakobson (1971): *Selected Writings II.* The Hague – Paris: Mouton, s. 229-238.

Jakobson, R. (1956): Two Aspects of Language and Two Types of Aphasic Disturbances. In: R. Jakobson – M. Halle: *Fundamentals of Language*. The Hague – Paris: Mouton, s. 69-96.

Jakobson, R. (1963): Toward a Linguistic Classification of Aphasic Impairments. In: R. Jakobson (1971): *Selected Writings II*. The Hague – Paris: Mouton, s. 289-306.

Jakobson, R. (1966): Linguistic Types of Aphasia. In: R. Jakobson (1971): *Selected Writings II.* The Hague – Paris: Mouton, s. 307-333.

Jakobson, R. (1995): Dva aspekty jazyka a dva typy afatických poruch. In: R. Jakobson: *Poetická funkce*. Praha: H&H, s. 55-73.

Lehečková, H. (1988): Linguistic Theories and the Interpretation of Agrammatism. *Clinical Linguistics and Phonetics*, *vol.2, no. 4,* s. 271-289.

Lehečková, H. (2001): Manifestation of Aphasic Symptoms in Czech. In: M. Paradis (ed.), *Manifestation of Aphasia Symptoms in Different Languages*. Amsterdam, London: Pergamon, s. 95-124.

Lehečková, H. (2018): Kieli aivoissa ja kielet afasiassa. *Sphinx 2017-2018.* Janhunen, J. (toim.). Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, s. 87-100.

VERBAL ASPECT AND EVENT PROCESSING IN RUSSIAN

CHRISTINA CLASMEIER, JAN PATRICK ZELLER (GERMANY)

Many psycholinguistic studies have investigated the influence of grammatical verbal aspect on event processing (e.g., Madden & Zwaan 2003; Ferretti et al. 2007; Anderson et al. 2008; Golshaie & Incera 2021). The progressive aspect has been shown to be associated with a stronger mental activation of the situation than the non-progressive aspect. As revealed in various types of experiments, the participants have, for example, a more detailed memory of the components associated with a situation (e.g. location or instruments) when it is described in the progressive aspect than in the non-progressive aspect. Most of these studies are concerned with English and, correspondingly, make use of the English verbal aspect, namely its progressive vs. non-progressive distinction.

However, from a cross-linguistic perspective aspectual differences are not limited to the progressive vs. non-progressive boundary, but far more diverse (e.g., Comrie 1976: 25). The aspectual category of the Slavic languages represents the perfective vs. imperfective type. In Slavic, the imperfective aspect can be used not only in progressive, but also in iterative, general-factual and other contexts. The question arises as to how the divergent shape of Slavic aspect affects event processing in native speakers, and whether the effect of stronger mental activation would be associated with the Slavic imperfective aspect as well.

In our talk we concentrate on Russian, having in mind that there are fundamental differences between the eastern and the western branch of Slavic concerning aspectual functions and usage (e.g., Dickey 2000, 2018).

We present results from a self-paced reading experiment with 50 native speakers of Russian. We set out to replicate the effect of stronger mental activation for Russian imperfective verbs in the progressive function and analyzed reading times for Russian sentences in 4 conditions:

1. Imperfective aspect and typical location (e.g., *V sredu Natasha* ***nyriala v more****, a Nina iskala krabov.* ‘On Wednesday Natasha dive$_{\text{past.ipf}}$ in the sea and Nina searched for crabs.’)
2. Imperfective aspect and atypical location (e.g., *V sredu Natasha* ***nyriala v bolote****, a Nina iskala krabov.* ‘On Wednesday Natasha dive$_{\text{past.ipf}}$ in the bog and Nina searched for crabs.’)

3. Perfective aspect and typical location (e.g., *V sredu Natasha* ***ponyriala v more****, a potom poiskala krabov.* 'On Wednesday Natasha dive$_{\text{past.pf}}$ in the sea and then searched for crabs.')
4. Perfective aspect and atypical location (e.g., *V sredu Natasha* ***ponyriala v bolote****, a potom poiskala krabov.* 'On Wednesday Natasha dive$_{\text{past.pf}}$ in the bog and then searched for crabs.')

We expected reading times to be slower for atypical locations, and due to the hypothesized effect of stronger mental activation this effect should be bigger in imperfective sentences (Ferretti et al. 2007).

In our talk we will present the results of the experiment and discuss possible explanations for these results and their implications for understanding the interaction of verbal aspect and event processing in languages with an aspectual system of the perfective-imperfective type.

REFERENCES

Anderson, Sarah E., Matlock, Teenie, Fausey, Caitlin M. & Spivey, Michael J. 2008. On the Path to Understanding the On-line Processing of Grammatical Aspect. *Proceedings of the 30th Annual Conference of the Cognitive Science Society*, 2253–2258.

Comrie, Bernard 1976. *Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems*. Cambridge.

Dickey, Stephen M. 2000. *Parameters of Slavic Aspect. A Cognitive Approach*. Stanford.

Dickey, Stephen M. 2018. Thoughts on the 'Typology of Slavic aspect'. *Russian Linguistics* 42, 69–103. https://doi.org/10.1007/s11185-017-9189-x

Ferretti, Todd R., Kutas, Marta & McRae, Ken 2007. Verb Aspect and the Activation of Event Knowledge. *Journal of Experimental Psychology. Learning Memory and Cognition* 33(1), 182–196.

Golshaie, Ramin & Incera, Sara 2021. Grammatical Aspect and Mental Activation of Implied Instruments: A Mouse-Tracking Study in Persian. *Journal of Psycholinguistic Research* 50, 737–755.

Madden, Carol J. & Zwaan, Rolf A. 2003. How Does Verb Aspect Constrain Event Representations? *Memory & Cognition* 31, 663–672.

OBRAZ I SŁOWO: WIZUALNE I WERBALNO-WIZUALNE METAFORY SYNESTEZYJNE W POLSKICH I ROSYJSKICH REKLAMACH INTERNETOWYCH

ANNA GINTER (POLSKA)
Uniwersytet Łódzki, Łódź
anna.ginter@uni.lodz.pl
ORCID: 0000-0001-6735-6149

Wprowadzenie: reklama jako przestrzeń multisensoryczna

Współczesna reklama, jako dynamiczny i wieloaspektowy środek komunikacji, wykorzystuje różnorodne techniki i wyszukane metody perswazji, aby oddziaływać na zmysły odbiorców i wywoływać pożądane reakcje. Jednym z bardziej intrygujących zabiegów artystycznych stosowanych w reklamie są metafory synestezyjne. Te złożone konstrukty językowe, odwołujące się do różnych modalności zmysłowych, oferują unikalne spojrzenie na interakcje między obrazem a tekstem w procesie komunikacji reklamowej. Zaproponowany referat przybliża klasyfikację metafor synestezyjnych wykorzystanych w polskich i rosyjskich reklamach internetowych oraz analizuje rolę, jaką pełnią one w synergii obrazu i języka.

Metafora synestezyjna: kontekst teoretyczny i definicja

Synestezja jest przedmiotem badań wielu dyscyplin naukowych, w tym neuropsychologii i lingwistyki. W sensie biologicznym, synestezja odnosi się do sytuacji, w której bodziec należący do jednej modalności zmysłowej (np. wzrok) wywołuje reakcję w innej modalności (np. słuch). Metafory synestezyjne, będące tematem niniejszego opracowania, nie są jednak uwarunkowane neurofizjologicznie. Ich geneza tkwi w kulturze i języku, a ich celem jest wzbogacenie komunikacji poprzez odwołanie się do wyobraźni odbiorcy.

Metafory synestezyjne poddają się tym samym regułom i mechanizmom, co metafory konceptualne opisane przez George'a Lakoffa i Marka Johnsona (1980). Jak twierdzą, jedyna różnica polega na tym, że transfer z domeny źródłowej do domeny docelowej dotyczy wrażeń zmysłowych, które są rzutowane na inne doznania sensoryczne bądź niesensoryczne. (Day 1996: 16) Przykładem mogą być wyrażenia takie jak "ciepły dźwięk" czy "krzykliwy kolor", które wykraczają poza ścisłe znaczenie poszczególnych modalności. W odróżnieniu od synestezji jako zjawiska neuropsychologicznego, metafory te nie są uwarunkowane genetycznie, lecz wynikają z uniwersalnych tendencji ludzkiego umysłu do kojarzenia doznań sensorycznych lub z celowego zabiegu autora mającego na celu wywołanie określonych emocji.

Należy jednak podkreślić, że nie jest to jedyny głos w dyskusji o naturze metafor

synestezyjnych. Wśród badaczy zajmujących się ich analizą można zaobserwować rozbieżności w kwestii traktowania metafor w zależności od tego, czy ich domena docelowa obejmuje doznania sensoryczne czy dotyczy przedmiotów i zjawisk spoza sfery percepcyjnej. Marcus Werning, Jens Fleischhauer i Hakan Beşeoğlu (2006: 2365–2366) uważają, że metaforę można określić jako synestezyjną tylko wtedy, gdy jej domena źródłowa jest domeną percepcyjną. Jeśli zaś chodzi o domenę docelową, to mamy do czynienia z silną metaforą synestezyjną w przypadku domeny percepcyjnej lub słabą – w przypadku domeny niepercepcyjnej. Natomiast Ning Yu (2003) i Carmen M. Bretones Callejas (2001) podczas analizy metafor synestezyjnych w literaturze rozpatrują tylko te przykłady, w których obie domeny zanurzone są w doznania zmysłowe. W mojej pracy badawczej przychylam się do stanowiska Werninga, Fleischhauer i Beşeoğlu, dlatego w prezentowanym studium przyjmuję, że metafory synestezyjne obejmują połączenia językowe wyrażające doznania sensualne w kategoriach innych doznać zmysłowych (niezwiązane z procesami neuropsychologicznymi i nieuwarunkowane genetycznie), będące przejawem ogólnych, uniwersalnych tendencji kojarzenia jednych doznań sensorycznych w kategoriach innych doznań (metafora konwencjonalna, np. ciepła barwa, ostry głos) lub rezultatem zamierzonych zabiegów pisarskich autora zmierzającego do osiągnięcia określonego efektu językowego (metafora niekonwencjonalna).

Wzorując się na metodzie przyjętej przez Mariannę Bolognesi i Fransceskę Strik Lievers (2018: 6–7), za najbardziej reprezentatywne dla przedstawionych rozważań uznałam te reklamy prezentowane na polskich i rosyjskich stronach internetowych, które spełniają następujące warunki: 1) w sposób możliwy do zidentyfikowania przedstawiają obraz reklamowanego produktu; 2) dotyczą modalności sensorycznych, jeśli weźmiemy pod uwagę informacje werbalne i wizualne zakodowane w reklamie; 3) są językowymi i/lub wizualnymi nośnikami cech, które reklamują produkt i są związane z wrażeniami zmysłowymi; 4) reklamują rodzimy produkt polski albo rosyjski, lub ich komunikat werbalny jest wyrażany w języku polskim bądź rosyjskim.

Reklama jako przestrzeń dla metafor synestezyjnych

Reklama, szczególnie w przestrzeni internetowej, jest środowiskiem naturalnym dla metafor synestezyjnych. W cyfrowym świecie teksty reklamowe są wzbogacane przez obrazy, dźwięki i animacje, co stwarza doskonałe warunki do integrowania różnych modalności sensorycznych. Co istotne, zastosowanie metafor synestezyjnych pozwala na wzmacnianie przekazu emocjonalnego, angażowanie wielu zmysłów odbiorcy jednocześnie oraz

konstruowanie bardziej trwałych skojarzeń z marką lub produktem. Przykłady polskich i rosyjskich reklam pokazują, że twórcy chętnie sięgają po takie środki wyrazu, szczególnie w branżach, które silnie bazują na doznaniach zmysłowych, jak perfumy, pożywienie, napoje czy kosmetyki.

Analiza zgromadzonych przykładów pozwoliła wyróżnić kilka kategorii metafor synestezyjnych na podstawie ich struktury i funkcji:

Metafory dominacji obrazu nad tekstem: W tych reklamach to obraz odgrywa główną rolę w komunikowaniu metafory synestezyjnej. Tekst, o ile jest, jedynie uzupełnia lub wzmacnia przekaz wizualny. Na przykład zdjęcie lodów z gładką powierzchnią może być opatrzone hasłem „Smak, który otula jak aksamit".

Metafory dominacji tekstu nad obrazem: W tym przypadku język stanowi podstawowe narzędzie przekazu metafory, a obraz jedynie ilustruje sens zawarty w słowach. Przykładem może być hasło „Orzeźwiająca melodia owoców", gdzie wizualizacje owoców pełnią funkcję wspierającą.

Metafory integracyjne: Obraz i tekst współdziałają w równym stopniu, tworząc spójny przekaz. Reklama perfum może łączyć opis „Zmysłowy zapach nocy" z obrazem ciemnego, tajemniczego pejzażu, wzmacniając efekt synestezyjny.

Metafory hybrydowe: To przypadki, gdzie granice między tekstem a obrazem są zatarte, a ich interakcja prowadzi do powstania nowych, nieoczywistych znaczeń. Na przykład reklama kawy może zawierać wirującą kawę w kształcie fali dźwiękowej z hasłem „Rytm twojego poranka".

Kluczowym aspektem przedstawionych badań jest analiza wzajemnego oddziaływania obrazu i języka w przekazie synestezyjnym. W wizualno-werbalnej reklamie internetowej tekst i obraz tworzą nierozerwalną całość, która wzmacnia komunikat sensoryczny. Obraz oddziałuje na podświadomość, a język nadaje mu konkretny kontekst i kierunek interpretacji.

Metafory synestezyjne zaobserwowane w reklamach podlegają analizie przez pryzmat modalności sensorycznych, które integrują. Do najczęściej spotykanych kombinacji należą:

1. Wzrok i słuch: opisy kolorów jako "muzycznych" lub dźwięków jako "jasnych", na przykład polska reklama kosmetyków Pure Beauty „Symfonia barw" i rosyjska reklama „А ты слышишь? Coca-Cola".

2. Smak i dotyk: wyrażenia typu "aksamitny smak" lub "kremowa faktura", które łączą wrażenia dotykowe i kulinarne, na przykład polska reklama grzanego wina „Smak, który otula", rosyjska reklama czekolady „Dove – шолковый шоколад".

3. Smak i kolor: połączenie doznań smakowych z określeniami i nazwami typowymi dla

opisu wrażeń wzrokowych, na przykład polska i rosyjska reklamy Skittles: „Skittles – skubnij tęczy, spróbuj tęczy” i „Skittles – попробуй радугу, приручи радугу”.

4. Smak i słuch: wykorzystanie doznań brzmieniowych i smakowych właściwych dla reklamowanego produktu, na przykład polska reklama „Essentiale – Symfonia smaku”, rosyjska reklama czekolady „*Tempo* – новый звук в мире шоколада”.

W większości przypadków mamy jednak do czynienia z kombinacją większej ilości modalności niż tylko dwie. Dowodzi tego na przykład reklama napoju orzeźwiającego na profilu restauracji Bon Appetit w mediach społecznościowych (https://www.instagram.com/bonappetitatyrau/reel/DA8UXS1Anpu/, dostęp 29.11.2024). Reklama przedstawia dynamiczny obraz butelki napoju, z której po włożeniu kawałków owoców cytrusowych, lodu i liści mięty oraz dodaniu wody wytryskują tysiące bąbelków. Bąbelki pojawiają się w kaskadzie jasnych, żywych kolorów – żółtego, zielonego i srebrnego – tworząc wizualny efekt przypominający eksplozję. Hasło reklamowe głosi: „Каждый глоток – это взрыв свежести и радости, который подарит вам солнечное настроение”. Reklama wykorzystuje szybkie cięcia, intensywne dźwięki gazowanego napoju i świeżą muzykę, która podkreśla energię i rześkość produktu.

Mechanizm utworzenia tej metafory multisensorycznej opiera się na trzech aspektach:

1. wybór odpowiednich słów:

- słowo „взрыв” („eksplozja”) jest dynamiczne, wywołuje skojarzenie z czymś gwałtownym, zaskakującym i intensywnym. Wprowadza skojarzenia z szybkim odświeżeniem, które napój zapewnia;

- „свежесть” („świeżość”) wzmacnia poczucie czystości i chłodu. To uniwersalne pojęcie w reklamie produktów spożywczych, które budzi skojarzenia z przyjemnym, sensorycznym doznaniem.

2. wizualne przedstawienie produktu:

- eksplodujące bąbelki są kluczowym elementem wizualnym. Ich dynamiczny ruch symbolizuje energię, a ich różnorodność – bogactwo doznań. Połączenie bąbelków z chłodnymi kolorami wzmacnia ideę świeżości;

- ruch i dynamika obrazu sugerują, że orzeźwienie jest natychmiastowe i energetyzujące.

3. dźwięk i muzyka:

- odgłos musowania wzmaga wrażenie świeżości i gazowanej konsystencji napoju;

- dynamiczna muzyka, która stopniowo przyspiesza, podkreśla energię i podświadomie kojarzy się z odczuciem witalności.

Mamy tu zatem do czynienia z projekcją sensoryczną na trzech płaszczyznach:

smak → dotyk:

Metafora „взрыв свежести" przenosi doznania smakowe w obszar dotyku i kinestetyki. Wyraz „eksplozja" sugeruje uczucie orzeźwienia, które jest dynamiczne i intensywne, niemal fizycznie odczuwalne na języku i w ciele. Użycie bąbelków symbolizuje delikatny, szczypiący dotyk gazowanego napoju, co wzmacnia odbiór sensoryczny przez widza.

wzrok → smak:

Kolory eksplodujących bąbelków i lodu kojarzą się z chłodem i naturą, co buduje metaforę świeżości. Intensywność barw przywodzi na myśl nie tylko smak (owoców cytrusowych i mięty), ale i poczucie rześkości, jakie daje łyk zimnego napoju.

dźwięk → smak:

w tle słychać odgłosy syczenia i musowania napoju, które wzmacniają doświadczenie związane z jego gazowaną strukturą i smakiem. Dźwięki te kojarzą się z chłodem i orzeźwieniem cytrynowo-miętowego napoju, tworząc multisensoryczną atmosferę.

Przedstawiona reklama, łącząc w sobie doznania wizualne, smakowe, dźwiękowe i kinestetyczne, skutecznie wykorzystuje metaforę synestezyjną do przekazania idei świeżości, energii i natychmiastowego orzeźwienia. Połączenie dynamicznych obrazów, żywych kolorów, realistycznych dźwięków i sugestywnego tekstu tworzy multisensoryczną narrację, która angażuje widza i wywołuje w nim wrażenie fizycznego odczucia chłodu oraz eksplozji smaku. Jest to przykład udanego połączenia modalności sensorycznych w przekazie reklamowym.

Wnioski

Metafory synestezyjne w reklamach internetowych oferują niezwykle bogaty materiał do analizy, zarówno pod kątem językowym, jak i wizualnym. Ich skuteczność opiera się na zdolności do integrowania modalności sensorycznych, co czyni je idealnym narzędziem w nowoczesnym marketingu. Przeanalizowane przykłady z polskich i rosyjskich zasobów ukazują różnorodność strategii kulturowych i kreatywność twórców. Dalsze badania mogłyby pogłębić rozumienie kulturowych uwarunkowań i ich wpływu na tworzenie i odbiór synestezyjnych metafor w reklamie.

LITERATURA

Bolognesi M., Strik Lievers F., 2018, *How language and image construct synaesthetic metaphors in print advertising*, „Visual Communication", vol. 19(4), s. 431–457. Pre-print: www.researchgate.net/publication/326210926_How_language_and_image_construct_synaesthe

tic_metaphors_in_print_advertising (dostęp 20.10.2024).
Bretones Callejas C. M., 2001, *Synaesthetic metaphors in English,* „Technical Report", www.researchgate.net/publication/326128569_SYNAESTHETIC_METAPHORS_IN_ENGLISH (dostęp 28.10.2024).
Day S., 1996, *Synaesthesia and Synaesthetic Metaphors*, „PSYCHE", vol. 2(32), http://www.daysyn.com/Day1996.pdf (dostęp 26.11.2024).
Lakoff G., Johnson M., 1980, *Metaphors We Live By*, Chicago and London.
Werning M., Fleischhauer J., Beşeoğlu H., 2006, *The Cognitive Accessibility of Synaesthetic Metaphors*, (w:) *Proceedings of the 28th Annual Conference of the Cognitive Science Society*, R. Sun, N. Miyake (red.), London, s. 2365-2370.
Yu N., 2003, *Synesthetic metaphor: a cognitive pespective*, „Journal of Literary Semantics", vol. 32, s. 19–34.

КОНЦЕПТ *ЗЛАТО* У ЈЕЗИЧКОЈ СВЕСТИ СЛОВЕНСКИХ НАРОДА

ТАЊА МИЛОСАВЉЕВИЋ (СРБИЈА)
Институт за српски језик САНУ, Београд

Као природни елемент и архетипски симбол, злато има статус глобалног културног феномена, на чијим су се материјалним својствима развијала аксиолошка и асоцијативна (митолошка, религиозна, естетска, етичка) значења. С обзиром на улогу коју има у цивилизацијском развоју, на културна значења и истакнуту позицију у систему вредности готово свих народа света, злату је посвећена велика научна пажња, а са развојем антропоцентричке парадигме нашло се и у фокусу лингвистичких проучавања. У словенској науци о језику последњих година влада интензивно интересовање за овај фрагмент језичке слике света, који обилује појмовним, фигуративним и вредносним потенцијалом и има богату вербалну репрезентацију (Агапкина, Виноградова 1999; Агапкина 2001; Наконечная 2002; Попова 2004; Тюхтенева 2009; Fink-Arsovski 2009; Пятова 2011; Prorok, Bermiński 2012; Barčot 2012; Алекперова 2014; Боваева, Халгаева 2018; Потапова 2019; Вэй, 2019; Потапова 2019; Batitskaya, Gurin, Obletsova 2019; Равшанов 2020; Щукина, Степанова 2021; Bešenić 2021; Шеянова 2020; Ойноткинова 2021; Рыбакова 2022; Yanlei 2023; Маманиёзов 2023). Низ научних публикација оправдава релевантност одабране теме, односно декодирање културних значења концепта ЗЛАТО и његових вербалних репрезената у словенским језицима. Компаративном анализом аспеката концептуализације злата на основу системских података у речницима словенских језика, уз примену когнитивно-семантичких и лингвокултуролошких методолошких средстава, пратићемо семантичку еволуцију језичких јединица концепта с циљем да се опишу заједничке црте и истакну дистинктивна обележја поимања ове стварносне категорије у језичкој свести сродних народа.

Језгрени лексички експонент концепта у свим словенским језицима потиче од прасловенског корена **zlt-*: срп., хрв. *злâто*, мак. *злáто*, буг. *златó*, словен. *zlatô*, рус., укр., блр. *зóлото*, чеш., слвч. *zlato*, пољ., глужн., длужн. *złoto* са изворним значењем ,,сјајножут" (Фасмер 1986: 103–104). Значења која се приписују појму злато у савременим речницима словенских језика могу се свести на терминолошки, метонимијски и метафорички опис појма: 1. племенити, скупоцени, сјајан метал жуте боје, мерило вредности; 2. оно што је од злата; што је боје злата, што сија као злато; 3. оно што много

вреди (особа или предмет). У језичком сазнању словенских народа концепт ЗЛАТО формира се око најмаркантнијих особина овог метала, денотативних, енциклопедијских (жута боја, сјај, користи се за израду накита, новца и сл.) и конотативних, које су резултат колективне перцепције (драгоценост, изванредност, највиша вредност, симбол богатства, предмет човекових тежњи). Когнитивни класификатори ’боја’ и ’сјај’ односе се на перцептивно доминантне особине злата и његова су елементарна значењска обележја која имплицирају лепоту и посебност овог метала: хрв. *sjajiti (sijati) kao zlato*; рус. *блестеть/сиять золотом/ как золото; глаза золотом запорошат – ничего не увидишь*; укр. *золото і в болоті блищить*. У језичкој свести свих словенских народа присутна је спознаја о привлачности и заводљивости златног сјаја: срп. *није злато све што (се) сија;* буг. *не всичко, което блести, е злато*; рус. *не все то золото, что светит (блестит)*; *знать (видно) золото и на грязи (и в сору)*; укр. *не все золото, що блищить*; *усі ко́зи в зо́лоті кому*; брус**.** *не ўсё то́е золото, што блішчы́ць*; пољ. *że nie wszystko złoto, co się świeci*; чеш**.** *není všecko zlato, co se třpytí*. Коцептуални садржај допуњује се фонским елементима ’реткост’, ’постојаност’, ’отпорност’, из којих се развијају семе ’драгоценост’, ’скупоценост’ и генеришу сигнификат ’вредност’. Злато се концептуализује као највиша вредност према којој се самерава све што окружује човека. Симбол највише вредности и беспрекорне лепоте у поимању Словена јесте злато без премиса других метала: срп. *чисто / суво / жежено злато*; *чист као злато; за чисто злато рђа не приања;* хрв. *suho / žeženo / žuto zlato*; *vrijedi kao suho zlato*; *čista se zlata rđa ne hvata;* буг. *водно злато; чисто злато ръжда го не хваща*; рус. *чистое / червонное золото*; брус. *чыстае золото;* пољ. *szczere złoto; samo złoto;* чеш. *ryzí /čiste zlato;* слвч. *čiste zlato*. Уобичајена је веза злата и сребра, при чему је у овој опозиционој релацији сребро увек инфериорније: рус. *добро серебро, а золото лучше*; *сказано – серебро, несказано – золото*; укр. *слово срібло, а мовчанка золото*; пољ. *mowa srebro, milczenie złoto;* чеш. *mluviti stříbro, mlčeti zlato*. У традиционалном систему вредности Словена здравље, морална чистота, правда, добар савет, искуство, време вреднији су од злата и сребра: срп. *добар савет злата вреди*; рус. *правда дороже золота; правда тяжеле золота, а на воде всплывает*; *пора да время дороже золота*; пољ. *zdrowie lepsze jest niż wszelkie złoto i srebro;* чеш. *dobrá rada nad zlato; tyto zkušenosti se nedají zlatem vyvážit*.

Метафоричким спојевима ’боја + злато’ истиче се непроцењиви значај природних сировина које су у историјском искуству Словена имале егзистенцијално важну улогу, биле од користи или су доносиле велики профит: срп. *црно злато*, рус. *черное золото,* чеш. *tekuté zlato* ,,нафта”, срп., мак. *црно злато* ,,угаљ”, рус. *голубое золото* ,,гас”, срп. *жуто злато, хрв. žuto zlato* ,,пшеница”, срп. *жуто злато,* хрв. *žuto zlato* ,,кукуруз”, чеш. *zelene zlato* ,,хмељ”, рус. *белое золото* ,,памук”, рус. *зеленое золото* ,,чај”, чеш. *bíle zlato*, слвч. *biele zlato*, ,,шећер”, пољ. *złoto północy*, *złoto kurpiowskie* ,,ћилибар”. Ови фраземи садрже националне карактеристике концептуализације злата, одражавајући колективни однос према намирницама и материјалима неопходним за одржавање живота и опстанак народа. У пољској лингвокултури, порекло назива за ,,злато са севера” двојако се тумачи: једно објашњење засновано је на сличности по боји (ћилибар са севера земље је светле, златне боје), а друго тумачење има културно-историјску позадину која датира из античког периода, када су римски трговци путовали чак до Балтичког мора и јефтино куповали ћилибар, а затим га продавали по цени злата (Sobecka 2018). Лингвокултурне специфичности манифестују и рус. *мягкое золото* ,,крзно”; брус. *белорусское золото* ,,слама, од које се праве црквене капије, декоративни детаљи, елегантне лампе, женске торбе и сл., уврштена на Унескову листу нематеријалне културне баштине” и ,,врста полутврдог сира, који се осим карактеристичним укусом одликује и необичним попречним пресеком са равномерно распоређеном шаром која представља очи неправилно облика”; чеш. *blaťácké zlato* ,,популарни меки сир тамножуте боје”.

На следећем ступњу метафоризације злато асоцира са највреднијим људским особинама (добротом, хуманошћу, искреношћу, поштењем марљивошћу, спретношћу, професионалношћу, заслугама, успехом, мудрошћу, речитошћу): срп. *имати златну душу*, *златно срце,* хрв. *zlato od čovjeka, suho zlato, zlato je tko / nije zlato tko,* дијал. *ist kao zlato*; мак. *тој беше злато човек, златен на мајка*; буг. *този човек е злато*; рус. *сердце у тебя – чистое золото, золотое сердце, золотой человек;* укр. *щи́ре (золоте́) се́рце*; пољ. *złote serce*; чеш. *zlaté srdce;* слвч. *ima zlato srce*; срп. *злата вредан*; хрв. *čist kao zlato;* рус. дијал. *известно золото,* укр. *щи́ра (золота́) душа́*; чеш. *zlatý člověk*; срп. *имати златне руке*; буг. *той е злато лекар*; рус. *работник он – золото;* укр. *золоті́ ру́ки у кого***;** чеш. *zlaté ruce*; слвч. *to je zlatega denarja vreden delavec, dobrega srca in zlatih rok, rana ura – zlata ura*; срп., мак. *златоуст*; рус. *золотая голова,* пољ. *złoto* ,,orator najwymowniejszy”.

Емотивна компонента преузима семантичку доминацију када се златом ословљава или се са златом пореди драга, мила, вољена особа: срп. *злато моје*, *златно дете*, дијал. *златенце*, *златначка дечица*; хрв. *hajde, zlato*; мак. *златна мајко*, рус. *золото ты моё, золотце, золотишко*; укр. *золотко*, *золотце;* пољ. *mój złoty, moja złota, moje złotko;* чеш. *ty zlato moje, tohle děvče je pro mne zlato, zlatíčko,* слвч. *zlatko, zlatenko, zlatuško*. У српским и хрватским речницима забележен је поприличан број личних имена мотивисаних златом, што илуструје, са синхронијског становишта, застарелу појаву утемељену у народним веровањима о апотропејској снази злата и његовој исцелитељској моћи. У традиционалним представама злато асоцира на здравље и снагу, па су се као ,,заштитна" деци давала имена *Злата, Златица, Златко* и слична. Специфична лингвокултурна значења антропоними добијају у обичају надевања нових имена укућанима од стране невесте (срп. *Злато, Златан, Златана, Златоја,* hrv. *Zlatoje, Zlatija*), која је у културној традицији јужнословенских народа и сама именована златом.

Компаративна анализа когнитивних и лингвокултурних одлика концепта ЗЛАТО у словенским језицима показала је висок степен сличности у концептуализацији и вербалној интерпретацији овог појма, посебно у његовој централној зони, што води закључку да словенски народи деле исти систем вредности, те да су веома блиски по менталитету и погледу на свет. Лингвокултурне специфичности испољавају се на периферији концепта, рефлектујући национални културни фон. Фактори значењске диференцијације најчешће су екстралингвистичке природе и односе се на природне, историјско-географске и социјалне услове живота у словенским земљама, што пуни садржај лингвокултурема карактеристичном културном семантиком: срп. *жуто злато* ,,пшеница"*;* срп. дијал. златан ,,сунце", *алтьн* ,,златник", *жлтица, жлтичка* ,,златни динар из доба краља Милана"; мак. *златец* ,,месец јул", рус. *голубое золото* ,,гас", *золотая лиходарка* ,,златна грозница, почеци ископавања злата у Томској губернији 1828. године", *якутское золото* ,,посебно цењено злато у производњи накита", рус. дијал. *золотина* ,,комад природног злата", *Залатая Баба* ,,древна словенска богиња мира и тишине која се после смрти претворила у злато, предмет обожавања становника северозападног Сибира"; укр. *скіфське золото* ,,уметност израде накита из скитског периода (VII–III п. н. е.) на територији Украјине, познат по оригиналним *детаљима";* брус. *белорусское золото*; чеш. *zelene zlato, bíle zlato*, слвч. *biele zlato*, пољ. *złoto północy, złoto kurpiowskie*; чеш. *blaťácké zlat,* чеш. дијал. *zlaťuše*.

Етнонационална специфика најупечатљивије се испољава у савременим асоцијацијама и конотацијама које учитавају актуелни културни код у значења устаљених израза, трансформишући њихово традиционално значење: рус. *золотые нити* „естетски третман златним нитима", *позлатить пилюлу* „ублажити непријатност"; укр. *золота жила* „предмет велике вредности; способна, надарена особа достојна поштовања"; слвч. *zlata jama* „непресушни извори материјалних добара и богаћења"; чеш. *zlaty padok* „актуелна ситуација у привредној сфери где истакнути менаџери добијају итутетно високе отпремнине", *zlataky* „ирон. брзо и незаконито стечен новац"). Описом концепта ЗЛАТО покушали смо да расветлимо универзални смисао и специфична етничка обележја културно значајног појма у језичкој свести словенских народа и да реконструисањем модела његове концептуализације у више словенских језика допринесемо актуелним компаративним лингвокултуролошким испитивањима

Кључне речи. Словенски језици, концепт ЗЛАТО, лингвокултуролошка анализа.

ЛИТЕРАТУРА

Наконечная О. Л. „Концепт «золото» в фольклоре золотоискателей Урала". <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/49147/1/dc_2002_011.pdf > 1. 10. 2024.

Ойноткинова Н. Р. „Золото в поэтике алтайского фольклора (на материале мифов, легенд, сказаний, сказок и загадок)". *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.*К. *Аммосова.* Серия «Эпосоведение» 21 (2021): стр. 57–67.

Попова Е. „Златото в народната култура на българите през османския период". У: *Пари, думи, памет.* Р. Заимова и Н. Аретов (ур.). София: Кралица Маб (2004): 42–49.

Рыбакова Т. А. *Лексико-тематическая группа «золото»: функциональносемантический и лингвокультурологический аспекты*. Санкт-Петербург (2022). < https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/41056/2/Mag.dissertacia_Rybakova.pdf > 4.10.2024.

Тележко Г. М. 2018. Анализ названий золота в языках разных этносов. < https://7universum.com/ru/philology/archive/item/5757 > 18. 10. 2024.

Тодоровић И. „Значење злата. Специфични семантички простори митологије злата у српској народној традицији – некад и данас". У: *Традиција – фолклор – идентитет*. Г. Богдановић, И. Тодоровић и А. Мирковић (ур.). Београд: Институт академије – Високе школе за уметности и консервацију (2010): 267–320.

Barčot B. „Frazemi s pojedinim metalima kao komponentom u hrvatskom, ruskom i njemakom jeziku". *Jezikoslovlje* knj13, sv. 3 (2012). str. 841–865.

Janić N. *Simbolika zlata, srebra i gvožđa u tradicionalnoj slovenskoj kulturi. Zlato – simbol svetlosti i bogatstva*. < https://nadica-janic.blogspot.com/2019/10/simbolika-zlata-srebra-i-gvoza-u.html > 15. 9. 2024.

Kuper DŽ. K. *Ilustrovana enciklopedija tradicionalnih simbola*. Beograd: Prosveta – Nolit, 1986.

Prorok K, Berminsky Б. „Złoto". In: *Słownik stereotypów i symboli ludowych t. 1 z. IV, Kosmos. Świat, światło, metale*. J. Berminsky (red.). Lublin: UMSC (2012): 63–206.

Sobecka A. *Baltic Amber in Culture / Bursztyn bałtycki w kulturze.* <https://www.academia.edu/37556898/Baltic_Amber_in_culture_Bursztyn_ba%C5%82tycki_w_kulturze > 21. 12. 2014.

ИЗВОРИ

Дигитален речник на македонсиот јазик. <http://drmj.eu/>

Караулов Ю. Н. *Русский ассоциативный словарь*. Москва: Институт русского языка РАН, 1994.

Кононенко Б. И. *Большой толковый словарь по культурологии*. Москва: Вече:АСТ, 2003.

Макаријоска Л. *Речник на македонската традиционална култура*. Скопје: Л. Макаријоска, 2016.

АРСЈ: Пипер П., Драгићевић Р., Стефановић М. *Асоцијативни речник српскога језика*. Београд: Београдска књига, 2005.

Речник на българския език. <https://rechnik.chitanka.info/>

Речник српскохрватскох књижевног и народног језика. Т. 7. Београд: Српска академија наука и уметности, 1971.

Речник српскогохрватског књижевног језика. Т. 2. Нови Сад: Матица српска, 1990.

Речник српских говора Војводине. Т. 3. Д. Петровић (ред.). Нови Сад: Матица српска, 2003.

СДСЭ*: Славянские древности – этнолингвистческий словарь*. Кн.2. Н. И. Толостой и И. А. Морозов (ред). Москва: Международные отношения, 1999.

СМЕР*: Словенска митологија. Енциклопедијски речник*. С. Толстој и Љ. Раденковић (ред.). Београд: Zepter Book World, 2001.

Словник української мови: в 11тт. Т. 3. К. Білодіда (ред.). Киев: Наукова думка, 1972.

Стојановић Р. *Црнотравски речник*. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2010.

Толковен речник на македонскиот јазик. Т. 2. К. Конески (ред.). Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков". 2005.

Ћирић Љ. *Речник говора Лужнице*. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2018.

Iveković F., Broz I. *Rječnik hrvatskoga jezika*. Zagreb: Štamparija Karla Albrechta, 1901.

Hrvatski jezični portal. <https://hjp.znanje.hr/>

MSS: *Malý staročeský slovník.* <https://is.muni.cz/el/1421/podzim2012/PV1A12/um/Maly_starocesky_slovnik.pdf >

Matešić J. *Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika*. Zagreb: Školska knjiga, 1982.

Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. T. 22. S. Pavešić (ur.). Zagreb: Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti, 1975.

Skok, P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jetika*. Zagreb: JAZU, 1973.

Słownik stereotypów i symboli ludowych, t. 1 z. IV, Kosmos. Świat, światło, metale. J. Bertminsky (red) < https://phavi.umcs.pl/at/attachments/2023/0411/132326-zloto.pdf> 18. 9. 2024.

Słownik języka polskiego PWN. < https://sjp.pwn.pl/ >

Slovník spisovného jazyka českého.< *https://ssjc.ujc.cas.cz/* >

Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. <https://www.skarnik.by/tsbm >

https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/etimologicheskij-slovar-russkogo-jazyka-fasmer/

https://lexicography.online/etymology/uspensky/

https://zlate-cihly.cz/investicni/zlato/zlataky.html

СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ НА МЪЖКО-ЖЕНСКИТЕ ОТНОШЕНИЯ (С ПРИМЕРИ ОТ ПОЛСКИЯ И БЪЛГАРСКИЯ ПАРЕМИЕН ФОНД)

Димитрина Хамзе (България)

Мъжко-женските отношения са наглед банална и масово експлоатирана, но всъщност неизчерпаема и вечно вдъхновяваща тема. Те са сложни, неравни и до голяма степен конфронтативни. Затова си струва да се търсят пътища за преодоляване на болезненото в тях с цел постигане на хармония. Една от сферите за търсене на такива пътища е езиковата. В рамките на широко разбираната лингвистика категориите *култура*, *език*, *менталност*, *комуникация*, *стереотип*, *ценност* са не само „ковалентни", но имат пряко отражение в междуполовите релации.

Стереотизацията е продукт на самия език. Езикът има „лошия навик" да подвежда и да назовава по различен начин неща, които образуват едно цяло. Той сегментира целостта и създава лъжливо впечатление, че „говори" за съвсем отделни и чужди едно на друго неща. А зад тези уж непримирими различия се крие една неделима, по-дълбока реалност, която предшества собствените си сетивни или духовни измерения.

Езикът е важна част от нашата когнитивна компетентност. Той е част от културата, но и част от нас. Културата ни очаква с него в своите предели, но и ние влизаме в културата с него, „съдържайки го". Затова сме двойно податливи на стереотипогенното налягане. Културата предразполага към стереотипизация, тя е „развъдничка" на стереотипи. Ние сме двойно културозависими субекти. Културата ни прави зависими и със своята силна, и със своята слаба страна. Силната ѝ страна се изразява в нейното многократно надрастване на собствената ни менталност, с което поражда неизбежната ни фрустрация, а слабата ѝ страна – в неспособността ѝ да екстериоризира личните ни преживявания и опит. И двете ѝ страни ни принуждават да да стереотипизираме.

Причините, които ни карат да правим „отливки" на пола под формата на стереотипи, могат да бъдат сведени до три:

1). собственият ни когнитивен импулс, чиято специфика е отчасти стереотипизираща, благодарение на основния ни познавателен инструмен – сравнението;

2). културата, която сякаш прониква в „клетъчната ни тъкан" и става интегрална част от вътрешния ни мир;

3). тайното, латентно познание, сублимирало в миналия ни, неосъзнат опит, който се таи в различните ни преживявания, въплътени в комплекси.

На пръв поглед човешкият стереотип представлява обобщена характеристика на субекта, но това не отрича, а само потвърждава, ерозията на целостта, по простата причина, че обобщението се прави по линията на отделно взети качества, които се отличават с висока фреквентност на проявление. Характерологичната „вселена" на една личност, със съответната психическа „подплата", е отрицание на стереотипното и не се поддава на стереотипизация.

Стереотипът е преди всичко система от убеждения на масата, а индивидуалните убеждения на субекта до голяма степен отразяват популярните обществени нагласи. Относно стереотипите можем да си зададем въпроса: какво ги поддържа и за какво служат те? Най-вероятно за обща ориентация и за направляване на индивида в определени посоки по-скоро на търсене, а не на догматично „вкопчване" в нещо. Идеята е субектът не да се „зазида" в стереотипа, да му се подчини безпрекословно, а да го надрасне, да го разбира като подтик за изследване и преодоляване.

Стереотипът има разбира се и своите позитивни страни:

1. Самият той ни подтиква към антистереотипно мислене – т.е. склонен е да се самовзриви отвътре, да се самоотрече. Дадена стереотипна констатация винаги провокира въпроса *Защо?, Какви са основанията за подобно твърдение?, Има ли психологически причини (и какви са те) за определен тип изказ и поведение*?

2. Стереотипът е стимул за критика и самокритика. Оценките в паремиите са предимно критични. Защо трябва да се възприема като обида посочването на отрицателни черти? Човешкото същество не е и не може да бъде съвършено. Може обаче да намалява недостатъците си и да се усъвършенства.

3. „Схватката" между стереотипите също е градивна. Един стереотип, атакуван от друг контрастереотип в пословиците показва експлицитно неадекватността на изцяло негативното.

4. Негативният стереотип може да изиграе позитивна роля – да бъде психологически похват за засилване на привличането между половете.

5. Уязвимостта на даден негативен стереотип (при жените) става очевидна от появата на същия стереотип и в мъжкото пространство, макар и да се среща по-рядко. Самият факт, че го има е показателен, а количествената разлика не е от съществено значение.

6. Наличието на противоположен тип пословици за едно и също нещо доказва колебливостта и относителността на даден стереотип, т.е. прави го нестабилен, оспорва валидността му.

7. Новото, което в началото тръгва, за „да помете" даден „остарял" стереотип, също се стереотипизира, и то твърде бързо. Тогава старото отново заема мястото му, „актуализира се" и „завърта колелото" на редуванията (новото „старо" или старото „ново"). Става доказателство за светогледно-концептуалния кръговрат в менталното поле на субекта.

8. Позитивният стереотип може да бъде и тежко изпитание. Този, който се радва на обществена почит и буди стремеж към подражание, е обременен с тежка мисия. „Лаврите" могат да му струват скъпо, а стереотипът, чието идеално въплъщение е даденият субект, може да подкопае психичното му здраве. Така позитивният стереотип може да се окаже „негативен". Превесът на мъжката функционалност в обществото има твърде висока цена. Пред същия риск се изправят и заклетите феминистки.

За стабилизирането на даден стереотип от съществено значение е и самооценката на обекта на оценяване, неговата автоперцепция. Ако приемем, че този обект в случая е жената, то доста често тя подсъзнателно съдейства за утвърждаването на въпросния стереотип.

С женското начало са свързани огромен брой символи. Без символи нашата когнитивна перспектива, животът ни и индивидуалното ни развитие биха били невъзможни. Символната специфика на жената е нещо само по себе си много хубаво. Но ако символът се е „втвърдил" като заплаха за мъжа, без да са потърсени неговите корени, без да бъде разбран и усвоен, той се превръща в сковаващ стереотип. Ако символът бъде осъзнат и ако човек се приеме такъв, какъвто е с цялата си уязвимост и с всичките си слабости, тогава ще престане да се възприема като нетленно божество или непобедим герой, ще спре да поддържа черните и белите символи на жената, ще се откаже от навика си да я демонизира или глорифицира.

Паремиите са „алгоритми" на екзистенциалния и социалния опит на индивида, както и индикация за културата на общуването между мъжете и жените. В хода на изследването се прави опит за диагностика на тенденциите, залегнали в стереотипа на пола чрез определени стратегии, които водят до противоположната – антистереотипна – линия. До криптокомуникацията (следваща тази линия) се достига по два пътя: чрез психологически сондаж и чрез асоциативно-семантична съпоставка на пословици с противоположно съдържание и такива с амбивалентно съдържание (едновременно с позитивна и негативна конотация).

Антистереотипното прозира в криптокомуниацията. Стереотипната форма на експлицитната комуникация съдържа в себе си антистереотипни импулси и ни насочва

към противоположните подтекстови послания, т.е. към криптокомуникативните пластове. Видимото не е това, което искаме да кажем и което искаме да стигне до Другия. Комуникацията е нещо много хлъзгаво и двузначно – без нея не можем да съществуваме, но и с нея не се развиваме особено, защото предпочитаме с нейна помощ да обслужваме преди всичко себе си, собствените си проекции. За да извадим наяве недъзите в общуването, имаме нужда от критика и оценка на самата комуникация, а не на личностните характеристики на участниците в нея.

Друга проява на антистереотипност е експресията. Тя е една от най-отличителните черти на фразеологията (а в частност на паремиологията). Нейната роля е много важна за проникване в скритите пластове на семантиката. Емоционалното напрежение, пораждащо експресия в пословиците, е осезаемо, въпреки че нерядко е замаскирано с привидна невъзмутимост на афористичния изказ. Често пъти под представителната фасада бушуват тъмни страсти; разиграват се ожесточени битки между ума и сърцето.

Въоръжени със знанието за всички тези особености както на междуполовите релации, така и на паремиологията, ще можем да избягваме автоматизма на стереотипизирането и да даваме предимство на собствените възгледи и убеждения. Трябва да помним, че човешките същества следва да бъдат оценявани според личните им качества и духовните ресурси, с които разполагат за личностното си развитие, а не според натрапени и „циментирани" стандарти.

Неизбежната стереотипизация на житейския и менталния опит в паремиите има своите добри страни – кара ни да търсим „подкожните" пластове на изреченото и психологическите основания за него. По този начин тя индиректно съдейства за отменяне на съдържащите се в пословиците присъди и разгражда общовалидните оценки.

Релативността в оценяването и разхлабването на стереотипите с психологическа проницателност на тълкуването, биха довели до овладяване на конфликтите и усъвършенстване на човешките отношения като висша форма на емоционална интелигентност.

БИБЛИОГРАФИЯ

Агасински 2001: Агасински, Силвиан, *Политика на пола*, HURA София 2001.
Батай 1995: Батай, Жорж. *Литертурата и злото*. Прев. Николай Филипов. София: Аргес, 1995.

Бовоар 2020: Бовоар, Симон (дьо). *Вторият пол*. Прев. Евгения Грекова. София: Колибри, 2020.
Вейл 2007: Вейл, Симон. Тежестта и милостта: любов. В: *Философският ерос*. *Големите текстове на платоническата любов*. Съст. Лидия Денкова. Прев. Колектив. София: Рива, 2007, 336–345.
Гитуни 2003: Гитуни, Монсеф. *Емоционалната интелигентност*. Прев. Станимир Делчев. София: Просвета, 2003.
Дако 1999а: Дако, Пиер. *Жената и нейната дълбинна психология*. Прев. Румяна Гецова. София: Колибри, 1999.
Денкова 2002: Денкова, Лидия. Толерантността в многообразието на подходите. Във: *Философия на толерантността. Антология. От античмостта до края на XX век*. (съст.) Лидия Денкова, Емил Григоров, Александър Лозев. София: НБУ, 2002, 5–10.
Елчинова 2002: Елчинова, Магдалена. Пословицата в полето на прагматиката. В: *Фолклор, традиции, култура*. *Сборник в чест на Стфеана Стойкова*. София: АИ „Проф. Марин Дринов", 2002, 178–186.
Розенберг 2019: Розенберг, Маршал. *Общуване без агресия*. Прев. Естер Гомбаш, Стела Йосифова. София: КРЪГОЗОР, 2019.
Рот 2007: Рот, Клаус. „Образи в главите": Стереотипи, митове и идентичности от етноложка гледна точка: В: Рот, Юлиана; Рот, Клаус. *Студии по интеркултурна комуникация*. София: Академично издателство „Проф. Марин Дринов", 2007, с. 131–150.
Стефанов 2016: Стефанов, Валери. *Поетика на любовта*, ИК Авлига, София, 2016.
Фром 2006: Фром, Ерих. *Любов, сексуалност и матриархат*. Прев. Росен Ангелов. София: „Захарий Стоянов", 2006.
Хорни 1996: Хорни, Карен. *Женска психология*. (прев.) Елиана Владимирова. София: Евразия, 1996.
Чапек 2011: Чапек, Карел. *Критика на думите*. Прев. Йорданка Трифонова. София: Нов български университет, 2011.

Criado Perez 2020: Criado Perez, Caroline. *Niewidzialne kobiety*. Przekł. Anna Sak. Kraków: Karakter, 2020.
Karwatowska, Szpyra-Kozłowska 2010: Karwatowska Małgorzata, Szpyra-Kozłowska Jolanta. *Lingwistyka płci*. *Ona i On w języku polskim*. Lublin: UMCS, 2010.
Kurcz 2005: Kurcz, Ida. *Psychologia języka i komunikacja*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2005.
Lewicki 1981: Lewicki, A. M. Derywacja frazeologiczna – najwyższy współcześnie stopień abstrakcji w poznaniu zasobu frazeologicznego języka. W: *Pojęcie derywacji w lingwistyce*. Red. J. Bartmiński. Lublin, 1981, 71–89.
Michna 2018: Michna, Natalia Anna. *Kobiety i kultura*. Kraków: WUJ, 2018.
Skogemann 2003: Skogemann, Pia. *Kobiecość w rozwoju. Psychologia współczesnej kobiety*. (przekł.) Piotr Billig. Warszawa: Eneteja, 2003.

MÍT RADOST A *BÝT ŠŤASTNÝ*: KONCEPTUALIZACE POZITIVNÍCH EMOCÍ V KONSTRUKCÍCH SE SLOVESY *BÝT* A *MÍT*[1]

LUCIE SAICOVÁ ŘÍMALOVÁ (ČESKÁ REPUBLIKA)

Emoce představují důležitou lidskou zkušenost, což se odráží i v rozmanitosti a komplexnosti jazykových prostředků, jimiž emoce vyjadřujeme nebo pomocí nichž o emocích mluvíme. Jazyk nám zároveň umožňuje komplexní emoční zkušenost klasifikovat a také o ní s ostatními komunikovat (např. Scheer 2012). V tomto příspěvku se zabýváme komunikací o pozitivních emocích, neboť s výjimkou štěstí (srov. Stavrova 2019) jim zatím byla věnována menší odborná pozornost. Řada jazyků má totiž bohatší prostředky pro komunikaci o emocích negativních a oblast negativních emocí se také jeví jako přehledněji strukturovaná (např. Ekman 2015; Ekman – Corado 2011). Soustřeďujeme se na češtinu, částečně ve srovnání s dalšími západoslovanskými jazyky. Data pro češtinu jsou čerpána z reprezentativního referenčního korpusu současné psané češtiny SYN2020 (Křen a kol. 2020), data pro další jazyky především z odborné literatury (pro polštinu např. Mikołajczuk 2007, 2013, Ulitzka 2004, pro slovenštinu např. Kyseľová – Ivanová 2013, Ivanová 2017). Výzkum navazuje na valenčně-kognitivní zkoumání sloves označujících emoce a psychické stavy (např. Saicová Římalová 2020; Mostovaja 1998), u sloves *být* a *mít* vycházíme též z práce Clancy (2010).

V západoslovanských jazycích máme při komunikaci o emocích možnost ztvárnit příslušný obsah pomocí různých slovních druhů i pomocí rozmanitých syntaktických konstrukcí. Všechny tyto oblasti jsou však různým způsobem asymetrické:

První asymetrie se týká již toho, že ne pro všechny emoce existují vždy všechny čtyři základní autosémantické slovní druhy, tj. substantivum, adjektivum, adverbium a sloveso (k nim srov. Dokulilovu onomaziologickou teorii tvoření slov, Dokulil 1962). Např. v češtině existuje substantivum *štěstí*, adjektivum *šťastný*, adverbium *šťastně*, ale sloveso **šťastnit* nikoli. Naopak pro emoci radosti existuje substantivum *radost*, ale sloveso *radovat se*, a zejména adjektivum *radostný* a adverbium *radostně* mají oproti substantivu trochu jiný význam (viz dále). Asymetrie v možnosti různého slovnědruhového ztvárnění daných emocí pak bývá vyvažována různými verbonominálními konstrukcemi, mj. též se slovesy *být* a *mít*: Např. prožitek štěstí můžeme v češtině „slovesně“ vyjádřit konstrukcí *být šťastný* a prožitek radosti konstrukcí *mít radost*. Repertoár podobných konstrukcí může být v daném jazyce velmi bohatý (srov. Ulitzka 2004 pro polštinu).

[1] Výzkum byl podpořen programem *Cooperatio – vědní oblast lingvistika* na Univerzitě Karlově, Filozofické fakultě.

Lexikální prostředky označující emoce bývají rovněž různě polysémní, lexikální významy slovotvorně příbuzných slovních druhů si však často ne zcela odpovídají. Např. české substantivum *radost*[2] označuje především emoci, psychický stav spokojenosti a až druhotně něco, co tento stav působí. Adjektivum *radostný* má však význam „působící, vyvolávající radost“ jako základní a prožitek radosti označuje spíše zřídka.[3] Existuje i adjektivum *rád*,[4] které je však v rámci českého gramatického systému atypické tím, že má pouze jmenné tvary nominativu a akuzativu. Užívá se často v konstrukci se slovesem *mít* (např. typ *někdo má rád něco*), v níž však vyjadřuje především kladný vztah k někomu/něčemu, ne emoci radosti. Chceme-li vyjádřit, že někdo prožívá či projevuje radost, užijeme spíše jiné adjektivum, např. *veselý*,[5] např. v konstrukci *být veselý*.

Analýza syntaktických konstrukcí s emočními substantivy a adjektivy také ukazuje, že určité konstrukce mají tendenci „specializovat se“ na vyjadřování jen určitých významů daného polysémního emočního slova. Např. v češtině mohou substantivum *štěstí* i adjektivum *šťastný* označovat psychologický stav i náhodu či příznivé okolnosti,[6] konstrukce *mít štěstí* však směřuje spíše k významu náhody, příznivých okolností a konstrukce *být šťastný* spíše k označení psychologického stavu. Česká konstrukce *být rád* vyjadřuje emoční pozitivní prožitek, zatímco *mít rád* kladný vztah k něčemu či někomu (viz též výše).

Užívání konstrukcí se slovesy *být* a *mít* se zároveň může u různých emocí rozmanitě lišit, např. je možné říct *mít štěstí*, *mít radost*, ale nikoli **mít veselost*. Někdy je ovšem možné učinit podobnou konstrukci přijatelnou určitými typy doplnění (srov. Štícha 2008), např. *mít v sobě veselost* nebo *mít v sobě veselost bezstarostného dítěte* je možné pokládat za akceptovatelné, i když v korpusu SYN2020 tyto typy u substantiva *radost* doloženy nejsou.

Mezi emočními substantivy označujícími různé emoce jsou také rozdíly, pokud jde o významy i podobu konstrukcí, které vyjadřují evaluaci určité situace (v češtině např. typy *Je štěstí, že…*, *Je radost* + infinitiv, *To bylo radosti!*, *To bylo štěstí, že…*, *To bylo štěstí pro* + substantivum v akuzativu; některé tyto konstrukce jsou neslovesné, např. *Štěstí, že…*, *Ještě štěstí, že…*, *Jaké štěstí, že…*, *Jaká to radost*!). Samostatnou otázkou je pak fungování negace v podobných konstrukcích (např. *není veselý* versus *je neveselý*, srov. Lakoff – Johnson 1980) a také gradace adjektiv případně kombinovaná s negací a (ne)stupňovacím významem (např. *je*

[2] Internetová jazyková příručka – radost [cit. 30-4-2025].
[3] Internetová jazyková příručka – radostný [cit. 30-4-2025].
[4] Internetová jazyková příručka – rád [cit. 30-4-2025].
[5] Internetová jazyková příručka – veselý [cit. 30-4-2025].
[6] Internetová jazyková příručka – štěstí a Internetová jazyková příručka – šťastný [cit. 30-4-2025].

nejšťastnější /člověk pod sluncem/ versus *není nejšťastnější* nebo *není nejnešťastnější*; k nesrovnávacím významům viz např. Panevová 2008).

LITERATURA A ZDROJE

Clancy, S. J. (2010). *Chain of being and having in Slavic*. Amsterdam: John Benjamins.

Dokulil, M. (1962). *Tvoření slov v češtině 1*. Praha: Nakladatelství ČSAV.

Ekman, P. (2015). *Odhalené emoce.* Brno: Jan Melvil.

Ekamn, P. – Cordaro, D. (2011). What is meant by calling emotions basic. *Emotion Review*, 3, č. 4, s. 364–370.

Internetová jazyková příručka. Praha: ÚJČ AV ČR. On-line: https://prirucka.ujc.cas.cz/.

Křen, M. – Cvrček, V. – Henyš, J. – Hnátková, M. – Jelínek, T. – Kocek, J. – Kováříková, D. – Křivan, J. – Milička, J. – Petkevič, V. – Procházka, P. – Skoumalová, H. – Šindlerová, J. – Škrabal, M. (2020). *Syn2020: reprezentativní korpus psané češtiny*. Praha: ÚČNK FF UK. On-line: http://www.korpus.cz.

Kyseľová, M. – Ivanová, M. (2013). S*loveso vo svetle kognitívnej gramatiky*. Prešov: FF PU.

Lakoff, G. – Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press.

Mikołajczuk, A. (2007). Ile radości jest w ‘radości’? O modelach uczuć ‘w rodzaju radości’związanych z rzeczownikiem ‘radość’. *Poradnik Językowy*, č. 4, s. 57–71.

Mikołajczuk, A. (2013). O radości w ujęciu lingwistycznym: Z problemów semantycznych badań porównawczych. *Etnolingwistyka*, č. 25, s. 119–238.

Mostovaja, A. (1998). On emotions that one can „immerse into“, „fall into“ and „come to“: the semantics of a few Russian prepositional constructions. In A. D. Athanasiadou, E. Tabakowska (eds.), *Speaking of emotions conceptualisation and expression*. Berlin: Mouton de Gruyter, s. 179–182.

Panevová, J. (2008). Povaha stupňování adjektiv (K „nesrovnávacímu“ užití stupňovaných forem). In S. Ondrejovič (ed.), *Iugi Observatione*... Bratislava: Veda – JÚĽŠ SAV, s. 149–156.

Saicová Římalová, L. (2020). Selected constructions with nouns denoting emotions and methaphors of emotions in Czech. *Prace Filologiczne*, 75, č. 1, s. 417–435.

Scheer, M. (2012). Are emotions a kind of practice (and is that what makes them have a history)? A Bourdieuian approach to understanding emotion. *History and Theory*, 51, s. 193–200.

Stavrova, O. (2019). How much do sources of happiness vary across countries? A review of the empirical literature. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 71, s. 429–464. On-line: https://link.springer.com/article/10.1007/s11577-019-00612-y [cit. 31-3-2025].

Štícha, F. (2008). Máme v sobě víc nenávisti, nebo lásky? (K jednomu typu přisuzování). *Naše řeč*, 91, č. 4, s. 169–177.

Ulitzka, E. (2004). Polskie werbo-nominalne konstrukcje analityczne oznaczające pozytywne stany emocjonalne (z rzeczownikami radość, wesołość, uciecha, euforia, zadowolenie, szczęście). *Roczniki Humanistyczne*, 52, č. 6, s. 113–148.

EGODOKUMENTY KOBIECE JAKO ŹRÓDŁA DO BADAŃ ETNOLINGWISTYCZNYCH

ZOFIA SAWANIEWSKA-MOCHOWA (POLSKA)
Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, Warszawa
zofia.sawaniewska-moch@ispan.edu.pl
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2916-6736

Pod pojęciem *egodokumenty* kryją się teksty należące do piśmiennictwa sfery prywatnej, ale gatunkowo i stylistycznie zróżnicowane (pamiętniki, dzienniki, wspomnienia, autobiografie, listy, testamenty, sylwy, źródła typu *life writing*), przedstawiające przeżycia, refleksje, oceny zdarzeń z punktu widzenia piszącego.

Tego typu źródła biograficzne dostarczają nie tylko cennego materiału do analiz historycznych, stylistycznych i genologicznych, ale z powodzeniem mogą być wykorzystywane do badań etnolingwistycznych. O przydatności piśmiennictwa kobiecego do prowadzenia studiów ukierunkowanych etnoantropologicznie i lingwistycznie (lingwistyka pamięci) miałam już okazję mówić na I Międzynarodowym Kongresie Etnolingwistycznym w Lublinie w 2021 r. (Sawaniewska-Mochowa 2022). W centrum uwagi w tym wystąpieniu, które ma charakter rekonesansu badawczego i łączy się ściśle z aktualnie realizowanym zespołowym projektem polsko-litewskim[1], znajdzie się rękopiśmienna intymistyka kobieca z XIX-wiecznej Litwy, ukazująca aksjosferę polskiej rodziny o pochodzeniu ziemiańskim w sytuacji zaborów i klęski powstań narodowych, gdy nie nie działają centra polskiego życia publicznego, a ciężar podtrzymywania świadomości narodowej i tożsamości kulturowej zostaje przeniesiony na rodzinę.

Podstawę materiałową do rozważań etnolingwistycznych stanowi bogata spuścizna diarystyczna Emilii Wróblewskiej (1830-–1886), córki powstańca i emigranta polistopadowego, Bartłomieja Beniowskiego, przechowywana w Bibliotece Litewskiej Akademii Nauk im. Wróblewskich w Wilnie. Walory dokumentacyjne i literackie tych manuskryptów, spisywanych w latach 1850–1886, wzbudziły już zainteresowanie historyków (Griškaitė (2012) oraz badaczek herstorii (zob. Archiwum kobiet 2013–2018).

Za nadrzędne w kanonie wartości autorki żyjącej na styku kultur, w sytuacji utraty wolności, uznaję pojęcie TOŻSAMOŚCI, którego struktura jest konglomeratem różnych składników wartościujących. Do opisu tego złożonego pojęcia czy trafniej należałoby

[1] *Egodokumenty Emilii Wróblewskiej z lat 1850–1886 – świadectwo życia i postaw ideowych Polki z kręgu inteligencji wileńskiej. Edycja cyfrowa 7 dzienników z opracowaniem krytycznym i e-monografia*, finansowanym w latach 2023–2028 w ramach programu pod nazwą „Narodowy Program Rozwoju Humanistyki", nr projektu NPRH/F/SP/507578/2021/11, moduł „Fundamenty". Partnerzy projektu: Biblioteka Litewskiej Akademii Nauk im. Wróblewskich w Wilnie, Centrum Kompetencji Cyfrowych Uniwersytetu Warszawskiego.

powiedzieć konceptu poszukuję narzędzi i dyskursu bliższego psychoanalizie, etnolingwistyce, a co za tym idzie wnikliwie śledzę materię językową (polszczyznę z lekkim kolorytem lokalnym) egodokumentów Wróblewskiej i językowe ewokanty jej tożsamości. Jedynie przez pryzmat autonarracji, osobistych, często bardzo emocjonalnych zwierzeń jednostki na swój temat i osób z jej otoczenia, można zbliżyć się do poznania tak wielowarstwowego i zmieniającego się konstruktu mentalnego jak tożsamość człowieka. Diarystka definiuje się przez pisanie dzienników dla siebie i dla dzieci. Uprawianie przez ponad 30 lat przez Wróblewską piśmiennictwa intymnego to rodzaj autoterapii, droga do poznawania siebie, odkrywania własnych słabości i poszukiwania sposobów ich przełamywania. Amerykańska psychoterapeutka Maureen Murdock, autorka książki *Podróż bohaterki* (*The Heroine's Journey: Woman's Quest for Wholeness*) (Murdock 2020), wiąże odkrywanie sensu życia i przemian tożsamości kobiecej z opowiadaniem historii. Uważa, że osoby piszące dzienniki są współczesnymi twórcami mitów, poszukującymi, podobnie jak nasi przodkowie, odpowiedzi na podstawowe pytania egzystencjalne: *kim jestem*, *dokąd zmierzam*, *jaki jest mój cel* (Murdock 2020).

Emilia Wróblewska próbuje odpowiedzieć na te fundamentalne pytania na kartach pięciu obszernych dzienników oraz w formie różnych zapisków i notatek odzwierciedlających jej myśli i stany emocjonalne.

W realizowanym projekcie spoglądam na osobowość diarystki z perspektywy etnolingwistycznej, a dokładniej aksjolingwistycznej, bo w piśmiennictwie osobistym Wróblewskiej obok subtelnie zarysowanego kontekstu historycznego i lokalnego ujawniają się liczne koncepty wartościujące, pozwalające wnioskować o procesie konstruowania i komponentach jej tożsamości. Pojemność semantyczna konceptu TOŻSAMOŚĆ wymaga włączenia go w szerszy kompleks pojęciowy, „usieciowienia aksjologicznego" jak to określił J. Bartmiński (Bartmiński 2020: 109) i rozpatrywania w relacjach do innych fundamentalnych wartości, konstytutywnych dla diarystki i szerzej dla ówczesnej inteligencji wileńskiej, jak: WOLNOŚĆ, OJCZYZNA, PATRIOTYZM, PRACA, RODZINA, WYCHOWANIE, BÓG. Jako płaszczyznę odniesienia w analizach fundamentalnych pojęć przyjmuję istniejące już opisy konceptów wartości zawarte w opublikowanych pięciu tomach *Leksykonu aksjologicznego Słowian i ich sąsiadów* (LASiS 2015–2019, a zwłaszcza Bartmiński, Niebrzegowska-Bartmińska 2019: 179–241).

Najwyraziściej definiują tożsamość kobiety żyjącej na styku kultur w sytuacji utraty niepodległości trzy konteksty wartościujące: w pierwszej kolejności RODZINA, następnie RELACJA DO BOGA (szerzej RELIGIJNOŚĆ), i PRACA U PODSTAW (PRACA NA

RZECZ SPOŁECZEŃSTWA).

Tym trzem konceptom w ich wzajemnym powiązaniu i włączeniu w szerszy kompleks pojęciowy (aksjosferę warstwy inteligenckiej na Litwie po upadku powstań narodowowyzwoleńczych), z wykorzystaniem metody „usieciowienia aksjologicznego", jaką zastosował J. Bartmiński do opisu wartości WOLNOŚĆ, będzie poświęcony ten referat, oparty na materiale językowym intymistyki kobiecej.

LITERATURA

Archiwum Kobiet 2013–2018, zespół red. pod kierunkiem M. Rudaś-Grodzkiej, Warszawa: Instytut Badań Literackich Polskiej Akademii Nauk, http://archiwumkobiet.pl/autor/wroblewska-emilia.

Bartmiński J., 2020, *Z czym „rymuje się" WOLNOŚĆ? Koncept WOLNOŚCI w polu leksykalnym, w pojęciowej słowosieci i w konceptosferze*, [w:] *Język i pamięć. Księga jubileuszowa dedykowana Panu Profesorowi Wojciechowi Chlebdzie z okazji 70. urodzin*, red. W. Mokijenko, J. Tarsa, Opole, s. 105–115.

Bartmiński J., Niebrzegowska-Bartmińska S., 2019, *WOLNOŚĆ w polskiej lingwokulturze*, [w:] *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*, t. 4: *Wolność*, red. J. Bartmiński, M. Abramowicz, Lublin–Warszawa, s. 179–241.

Griškaitė R., 2012, *Emilijos Beniovskytės-Vrublevskienės (1830–1886) dienoraščiai (1850-08-05–1886-09)*, „Archivum Lithuanicum", XIV, s. 227–308; przekład z litewskiego E. Kolinko, *Dzienniki Emilii z Beniowskich Wróblewskiej,* „Pamiętnik Literacki" 2017, CVIII, z. 1, s. 89–133.

LASiS – *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*, red. nacz. J. Bartmiński, t. 1: *Dom*, Lublin 2015, t. 2: *Europa*, Lublin–Opole 2018, t. 3: *Praca*, Lublin 2016, t. 4: *Wolność*, Lublin–Warszawa 2019, t. 5: *Honor*, Lublin 2017.

Murdock M., 2020, *Podróż bohaterki. Kobieca droga do pełni,* przekład z angielskiego E. Tołkaczew, Instytut Studiów Kulturowych Raven, Czeladź.

Sawaniewska-Mochowa Z., 2022, *Egodokumenty jako źródła do etnolingwistycznych badań nad pamięcią*, [w:] *I Międzynarodowy Kongres Etnolingwistyczny*, t 3: *Pamięć – tożsamość – kategorie językowo-kulturowe*, red. S. Niebrzegowska-Bartmińska, M. Nowosad-Bakalarczyk, P. Łozowski, Lublin, s. 69–79.

СРПСКА КОНЦЕПТОГРАФИЈА
У КОНТЕКСТУ СЛОВЕНСКЕ КОНЦЕПТОЛОГИЈЕ

СТАНА С. РИСТИЋ, ИВАНА В. ЛАЗИЋ КОЊИК (СРБИЈА)
Институт за српски језик САНУ, Београд **

Развој концептологије у српској лингвистици

У последњим деценијама 20. и првим деценијама 21. века развој српске концептологије одвија се у контексту словенске когнитивне етнолингвистике, лингвокултурологије и идеографије. Издвајају се два основна правца: 1) традиционални дијалекатско-фолклористички и реконструктивни и 2) когнитивни правац с различитим интердисциплинарним усмерењима. Док се традиционална етнолингвистика развијала углавном у институционалним оквирима, когнитивна истраживања започета су у индивидуалним истраживањима српских лингвиста под утицајем лублинске когнитивне етнолингвистике и руске лингвокултурологије.

Домети српске концептологије

Најзначајнији почеци српске концептологије остварени су у области концептуалне лексикографије кроз реконструкцију стереотипа и концепата српске језичке слике света. Истакнути аутори тог правца су Б. Сикимић, Љ. Поповић, Д. Ајдачић, П. Пипер, Р. Драгићевић, М. Радић Дугоњић, М. Стефановић, С. Ристић, И. Лазић Коњик. Њихов рад поставио је основе за заснивање јединственог програма српске етнолингвистике и концептологије, ослањајући се на традиционалну тезаурусну лексикографију и дијалектологију, али и на савремене теоријске и лексикографске резултате пољске и руске концептографије.

Сарадња у међународном програму EUROJOS

Српски лингвисти у својим истраживањима прихватили су теоријско-методолошке основе Лублинске етнолингвистичке школе и њено когнитивно усмерење, учествујући у међународном програму EUROJOS и изради *Аксиолошког лексикона Словена*. Као аутори појединачних чланака или уредници лексикона, допринели су обради вредносних

** Рад је финансиран у оквиру Уговора склопљеног између Министарства науке и Института за српски језик САНУ.

концепата српске језичке слике света (ДОМ/КУЋА, ПОРОДИЦА, НАРОД, СРБИ(Н), РАД, СЛОБОДА, ЧАСТ, ЕВРОПА, ЖИВОТ, ДОМОВИНА, МАЈКА, ИСТОК, ЗАПАД, ПРИЈАТЕЉСВО, ПОНОС, ЗДРАВЉЕ и др.), што је такође публиковано у два зборника *О вредностима у српском језику* (2015, 2019).

Српски концептографски програм

Методолошки оквир лублинске когнитивне етнолингвистике, утемељен на појмовима као што су језичка слика света, концепт, когнитивна дефиниција, тачка гледишта и профил, показао се функционалним за реконструкцију концепата у српском језику. Изазов за српске истраживаче у даљем раду представља проналажење метода анализе назива вредносних концепата који најбоље одговара националној особености српског језика и начину његовог функционисања у дискурсу, комуникацији. За даљи рад овог истраживачког правца значајан је најновији планирани лингвокултуролошки и концептуални лексикографски програм усмерен на стандардни језик и савремену културу, започет у истраживањима ауторки овог рада, у оквиру којег се планира израда аксиолошког лексикона српског језика.

Корпус и избор концепата

Први корак у том правцу подразумева избор репрезентативног корпуса. У припреми лексикона предвиђено је коришћење података из системских извора (речника различитог типа), анкетних истраживања и текстова различитих жанрова, који пружају податке о заједничким и/или индивидуалним денотативним – објективним и конотативним – субјективним, аксиолошким и емотивним компонентама концептуалног садржаја, односно о профилисању његовог сдаржаја на национално-културалном дијахроном и синхроном плану, као и на индивидуалном функционално стилском плану.

На основу досадашњих анализа, формиран је иницијални списак од 331 концепта вредности. Издвојено је 48 стабилних базичних вредности и 283 периферне вредности. Овај списак представља основу за будући аксиолошки речник.

Методолошки приступи у словенској концептографији

Посебна пажња посвећена је анализи методолошко-концептуалних приступа у руским концептографским речницима (Ј. Степанова, Н. Шведове, Л. Бабенко и Е.Тарасова). Они су показали различите поступке у одабиру, типологији и обради концепата вредности и кључних концепата културе, али и сличности са лублинском и пољском концептографијом у погледу основних когнитивистичких постулата и инвентара оперативног терминолошког апарата, а при томе су истакли значај објективизације у опису концептуалног садржаја и стандардизације концептиграфске методологије. То нас је подстакло да у даљем истраживању преиспитујемо наше досадашње искуство у реконструкцији српских вредносних концепта и да га дорађујемо усвојеним новим сазнањима из богате концптографске праксе руских семантичких школа. Ослоњени на наведене методолошко-концепцијске приступе, поставили смо себи задатак да их критички примењујемо и прилагођавамо обради материјала српског концептуалног корпуса у планираној изради аксиолошког лексикона српског језика. Тако конципиран лексикон својим списком критеријалано одабраиих и обрађених српских вредности предствљаће и реконструкцију актуелне националне вредносне слике света, српске аксиосфере, са вредностима српске традиционалне и савремене културе.

Закључак

Анализа развоја српске концептологије у оквиру словенске концептографске традиције показала је да су српска истраживања до сада била највише усмерена на реконструкцију појединачних концепата и стереотипа српске језичке слике света, превасходно према моделу лублинске когнитивне етнолингвистике, али и под утицајем руске лингвокултурологије и концептографије. Оба приступа ослањају се на компатибилне методолошке основе што је створило предуслове за формирање јединственог, теоријски кохерентног програма српске концептологије. У том смислу, нарочито је значајна иницијатива за израду аксиолошког лексикона српског језика, који би представио српску актуелну вредносну слику српског друштва са традиционалним и културним ведостима.

Кључне речи: концептологија, концептографија, когнитивна (етно)лингвистика, аксиолошки речник, српски језик.

ЛИТЕРАТУРА

Ајдачић, Д. „Колекција вредности слобода, једнакост, братство и из ње изведене конструкције у словенским језицима.“ *Славистика*, 17, (2013): 51–62.

Ајдачић, Д. „Колекције вредности, њихови типови и профили у српском језику: пароле *Слобода, једнакост, братство* и *Братство и јединство*.“ Ајдачић, Д. (ур). *О вредностима у српском језику*. Београд: Алма, 2015: 188–209.

Ајдачић, Д. „Ауторски текстови и реконструкција језичке слике света.“ Ристић, С., Лазић-Коњик И., Ивановић Н. (ур.). *Лексикологија и лексикографија у светлу савремених приступа*. Београд: ИСЈ САНУ, 2016: 395–408.

Ајдачић, Д. „ЧАСТ у српском језику.“ Bartminski, J. (ur.). *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sasiadów*, t. 5: Honor. Lublin: WUMCS, 2017: 367–392.

Ајдачић, Д. (ур.). *О вредностима у српском језику*. Београд: Алма, 2015.

Ајдачић, Д. (ур.). *О вредностима у српском језику* 2. Београд: Алма, 2019.

Бабенко Л.Г. (ур). *Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии). Проспект словаря*. Изд-во Уральского университета, 2010.

Бартмињски, Ј. *Језик – слика – свет*. Београд: SlovoSlavia, 2011.

Бартмињски, Ј. „Уводна реч.“ Ајдачић, Д. (ур.). *О вредностима у српском језику.* Београд: Алма, 2015: 7–8.

Белоусова А.С., Занегина Н.Н. „Концепт и его смысловая парадигма как объект лексикографического представления (о проекте «Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире»)“. <http://lexrus.ru/default.aspx?p=2841> Приступљено 29.11.2022.

Болдырев Н.Н. „Типология концептов и языковая интерпретация.“ Дудорова М.В., Галкина Т.М. (ур.). *Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке*. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016: 16–25.

Драгићевић, Р. „Ка лингвокултуролошком речнику српског језика.“ *Научни састанак слависта у Вукове дане*, 44/1, (2014): 247–262.

Драгичевич, Р. „Понятие СВОБОДЫ в сербском языке и в сербской культуре.“ Bartminski, J. (ur.). *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sasiadów,* t. 4: Wolność, Lublin: WUMCS, 2019: 473–500.

Ђукић, М. „О концепту ЕВРОПА у савременом српском језику и култури.“ Bartminski, J. (ur.). *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sasiadów,* t. 2: Europa. Lublin: WUMCS, 2018: 365–396.

Павловская, Н.Ю. „Теоретико-методологические основы создания словаря концептов.“ Головня, А.И. (ур.). *Карповские научные чтения*, 5/2, Минск: Белорусский Дом печати, 2011: 29–32. <https://elib.bsu.by/handle/123456789/52137> Приступљено 29. 11. 2022.

Попова, З.Д., Стернин, И.А. *Очерки по когнитивной лингвистике*. Воронеж, 2001.

Попова, З.Д., Стернин, И.А. „Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку.“ Карасик, В.И., Стернин, И.А. (ур.). *Антология концептов*, т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005: 7–10.

Поповић, Љ. *Језичка слика стварности: когнитивни аспект контрастивне анализе*. Београд: Филолошки факултет, 2008.

Ристић, С., Лазић-Коњик И. „Репрезентативност Речника САНУ за етнолингвистичка истраживања: од лексикографске ка когнитивној дефиницији.“ Ристић, С. Лазић-Коњик, И., Ивановић Н. (ур.). *Лексикологија и лексикографија у светлу савремених приступа*. Београд: ИСЈ САНУ, 2016: 377–394.

Ристић, С., Лазић-Коњик И. „Развојне тенденције етнолингвистике у савременој српској лингвистици.“ Драгићевић, Р., Брборић, В. (ур.). *Српска славистика*, Т. 1, *Језик*. Београд: Савез славистичких друштава Србије, 2018: 345–356.

Ристић, С., Лазић-Коњик И. *Когнитивни правац у српској етнолингвистици – почеци развоја и актуелни проблеми*. Београд: ИСЈ САНУ, 2020.

Ристић С., Лазић-Коњик И. „Аксиолошки речник српског језика – предлог израде.“ *Јужнословенски филолог*, LXXVII, св. 2, (2021): 105–126.
Ристич, С., Лазич-Коник, И. „Сербская этнолингвистика – когнитивное направление в контексте славянской этнолингвистики.“ Niebrzegowska-Bartmińska, S., Głaz, A. (ур.). *Etnolingwistyka – bilans dyscypliny. Metody i postulaty badawcze*, T. 1. Lublin: WUMCS, 2022а: 237–253.
Ристић, С., Лазић-Коњик, И. „Листа вредности за Аксиолошки лексикон српског језика.“ Чернышева, М.И. (ур.). *Современное развитие славянской лексикологии и лексикографии.* Москва: Инст. р. я. им. В.В. Виноградова РАН, 2022б: 355–368.
Рогановић, В. (ур.). *Етнологија и антропологија*, Едиција Мали лексикон српске културе. Београд: ЈП Службени гласник, ЕИ САНУ, 2017.
Степанов, Ю.С. *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*. Москва: Школа «Языки русской культуры», (1997) 2004.
Стефановић, М. „О дометима експерименталних метода у опису језичке слике света: асоцијативно поље као извор података (на материјалу стимулуса хлеб у руском и српском језику).“ *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику*, 58/2, (2015): 65–85.
Стефановић, М. „О асоцијативним речницима као извору за проучавање концепата (на примеру асоцијативног поља дом у руском језику).“ Ристић, С. Лазић-Коњик, И. Ивановић, Н. (ур.). *Лексикологија и лексикографија у светлу савремених приступа*. Београд: ИСЈ САНУ, 2016: 409–423.
Тарасов, Е.Ф. (ур). *Базовые ценненности носителей русской культури*. Москва, 2019. <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/online/values_russian_culture> Приступљено 29.11.2022.
Шведова, Н.Ю. (ур.). *Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире*. Москва: РАН, Инст. р. я. им. В.В. Виноградова, 2011.
Abramowicz M., Bartminski J., Chlebda W. „Jezykowo-kulturowy obraz swiata Słowian na tle porównawczym. Założenia programu „A” (10 VI 2009).“ *Etnolingwistyka*, 21, (2009): 341–342.
Bartmiński, J., Bielińska-Gardziel, I. „15 lat Konwersatorium EUROJOS.“ *Etnolingwistyka*, 28, (2016): 317–322.
Bartmiński, J., Grzeszczak, M. „Jak rekonstruowac kanon wartosci narodowych i europejskich?“ *Etnolingwistyka*, 26, (2014): 21–44.
Brzozowska, M. „O przebiegu badan nad zmianami w rozumieniu nazw wartosci w latach 1990–2000.“ Bartminski, J. (ur.). *Jezyk – wartosci – polityka*. Lublin, 2006: 36–43.
Niebrzegowska-Bartmińska, S. „Projekt badawczy (ETNO)EUROJOS a program etnolingwistyki kognitywnej.“ *Etnolingwistyka*, 25, (2013): 267–280.
Niebrzegowska-Bartmińska, S. *Definiowanie i profilowanie pojęć w (etno)lingwistyce*. Lublin: WUMCS, 2020.
Ristić, S., Lazić-Konjik, I. „Dom w języku serbskim.“ Bartminski, J. (ur..). *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sasiadów*, t. 1: Dom, Lublin: WUMCS, 2015: 263–290.
Ristić, S., Lazić-Konjik, I. „O strukturi članka u jezičkom rečniku, leksikonu i enciklopediji (sa osvrtom na jedinice opisa u ove tri leksikografske publikacije).“ Niebrzegowska-Bartmińska, S. Szadura, J., Żywicka, B. (ur.). *Watrości wjęzykowo-kulturowym obrazie świata słowian i ich sąsiadów* 4 *Słownik językowy – leksykon encyclopedia w programie badań porównawczych*. Lublin: WUMCS, 2018: 45–54.
Stefanović, M. „Rad (praca) w języku serbskim.“ Bartminski, J. (ur.). *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sasiadów*, t. 3: Praca. Lublin: WUMCS, 2016: 309–330.

СРПСКИ БОЖИЋНИ ОБИЧАЈИ У РЕПУБЛИЦИ СРПСКОЈ: ЕТНОЛИНГВИСТИЧКИ АСПЕКТИ

Дијана Црњак (Босна и Херцеговина)
Универзитет у Бањој Луци. Филолошки факултет

Значајно мјесто у систему традиционалне културе заузимају обреди, а њиховим истраживањем често скупљамо расуте дијелове колективног знања – језичког и културног. У овом раду фокусирали смо се на божићну терминологију, а тежиште је на вербалним кодовима припадника представљене традиционалне културе, тј. на њиховој интерпретацији божићних обреда и обичаја, како бисмо, из угла етнолингвистике, кроз њихову слику свијета покушали реконструисати дијелове колективног памћења, општих представа, тј. информација о свијету уграђених у системска значења ријечи.

Корпус је прикупљен широм Републике Српске, а за ову прилику представићемо материјал из околине Бањалуке (Слатина и Кола) и високе Херцеговине (Загорје). Информатори су били старији, необразовани људи који нису мијењали мјесто боравка. У теренском истраживању користили смо етнолингвистички упитник А. Плотњикове и упитник Института за српски језик САНУ. Представљени лексички материјал поредили смо са досадашњим проучавањима божићних обреда на другим српским просторима, махом етнолошке провенијенције, и у тим смо радовима нашли велику сличност с обичајима на истраживаном терену.

Српски божићни обичаји слични су у цијелој динарској зони, која обухвата и ове крајеве. Имају обиље детаља и утврђен редослијед неопходних радњи чији је циљ да Божји благослов штити цијели дом: чланове породице, стоку и усјеве.

Празнику Рођења Христовог претходи четрдесетодневни **божићни пост**: *Иде Божић, постимо шест недеља. Једемо рокву, једемо купус, гра, крумпир, али некад има уља, некад нема. Посно се јело, па ет – што било, било*. Већ након Никољдана сви осјећају радост празника и с нестрпљењем чекају Рождество: *А кад иде Божић, само чекамо, јој ка-ће дођ Божић. Ка-ће дођ Божић.*

Два дана пред Божић је **Туциндан**, тада се коље и припрема божићна **печеница**. Овај дан назван је тако јер се раније печеница *тукла*, тј. убијала ударањем сјекире по лобањи животиње: *То је осто Туциндан зват. Тај дан се, штоно кажу, спрема да се коље печеница и пече. Знало је се: на Туциндан, каже, туку се, а уче Божића, на Бадњи дан, пеку се.*

Дан пред Божић назива се **Бадњи дан / Бадњица**, тада се иде **по бадњак / у бадњаке**: *На Бадњи дан ујутро рани домаћин у шуму и усʲече бадњак, цер, церов бадњак. Уноси у кућу, ми га дочекамо са житом, а и он понесе жита са себом. Највише се зоб носи и то се жито укрсти. И кад унесе у кућу, онда се то знало вако унакрсте са онијем бадњаком по кући. Дјеца сва стоје, гледају и добро јʲтро се каже. Е, онда од тога бадњака откршимо једну гранчʲцу и оставимо у кући. С тијем ће се закуват чеснʲца, са том гранчʲцом. Бадњак се изнесе на иста врата и прислони се уз кућу*. Виноградова истиче да јужнословенска традиција има особености у вези с бадњаком непознате другим словенским народима (1982: 5).

На Бадње вече у кућу се свечано уноси и око огњишта просипа **слама**, а по њој се бацају љешници, ораси, јабуке и бомбоне. Домаћица иде око огњишта квоцајући као квочка, а за њом дјеца, која пијучу и траже оно што им је бацила: *Онда она простре сламу, и има у једној кеси ораса, бомбона и којешта, и баци по оној слами, а дјеца купе. Онда и стара тамо пијуче, знаш, да бʲ пилʲћи не удаљивалʲ се от квочке, да буду уз њу. Домаћʲца пијуче. Па то је значʲло: ако домаћʲца по оној слами тражи, пијуче, онда сʸ пилʲћи око ње. То је значʲло да пилʲћи не иду далеко от квочке. Кат квочка ода, да пилʲћи буду уз њу. И дјеца то купе себʲ*: *ораса, бомбона, што се побаца по-ној слами*.

Након **пијукања** слама се згрне, преко ње се стави простирка и укућани вечерају сједећи на слами: *Кат се то све заврши, ондар сᵉ она слама згрне пот сто, и ничим се не прекрива, нег нако будне седам дана пот столом – од Велʲког до Малог Божʲћа*. Прије јела домаћин запали воштаницу, окрене се ка истоку и **помоли Богу**, а остали молитвено учествују: *Домаћин устане, окрене се према истоку и ми сви, дјеца, чељад, устанемо за њим и молимо се Богу. Било је Вјеровање, биј̀о Оченаш, Богородʲца, онда има молʲтва вечерња. Све се то читало и запали се свʲећа и напрʲед стоји свʲећа и домаћʲн за свʲећом, а ми сви остали озад будемо. И тако, кат се то молимо Богу, свʲећа гори. Онда се поставља вечера*.

Обиље хране на празничном столу свуда се сматрало залогом благостања и богатства породице у новој години (в. Покровская 1973: 37, према Страхов 1991: 89): *Спремало се око Божʲћа тако јако, то је најглавниј̀и биј̀о нам празник. Бадњи дан смо, нʲјесмо јели ништа изјутра до подне. Послʲје подне сасвим нешто мало, тако смо до*

вечере били. Навече било јест свега што желиш, пит, пјеват, тако смо се весел^{и}*ли своме празнику првоме*.

На Божић се иде цркви на **уранак**: *Крен*^{и}*ло се цркви, са све стране окол*^{и}*ло цркву, и овдлен и одуда. И моли се Богу, то је сведно ко рој чела кад се увате у једну групу, то је тако душевно, једно уз друго*.

У вријеме када неки чланови породице одлазе у цркву други са прегорјелим бадњаком, тамјаном и свијећом иду у шталу да **окаде стоку**, како би је Божји благослов пратио и наредне године: *На Бадњи дан навече се уноси*^{ј}*о бадњак у кућу. Кад сједемо вечерат, мало поп*^{и}*јемо, развеселимо се, бадњак смо метали средина да прегори, по средини. Та два краја тако да остане жере у њ*^{и}*ма до сутредан. Сутредан смо ран*^{и}*ли, једни у црк*^{в}*у, једни иђи штали, носит та два комада бадњака. Нос*^{и}*ли смо та два комада бадњака зато да пропустимо сермију – један је био ниже врата, један више. Пропустимо крос ту ватру стоку да нам сермија поживи са срећом као и она ватра и у животу да добро прође.*

Диференцираност у облицима и називима **обредних хљебова** који се мијесе на Бадњи дан – **чесница, коврtањ, сисоје** итд. – указује на комплексност божићне обреднообичајне праксе (Милутиновић 1967–1969: 125).

Чесница симболично представља усјеве, па ју је мијесио домаћин, будући да је он сијао жито. Вода за чесницу доносила се на Божић прије сунца, с бунара или извора, који се тада посипао житом, да се зна како је неко „начео“ воду, или је доношена раније и чувала се **неначета** до Божића: *Није било воде у кући за чеснице, доносила се с врела у рукавицама вода*; *Донесе се вода са бунара и та се вода не нач*^{и}*ње. Донесе, припреми се, и та се вода не смије дират, него чесн*^{и}*ца да се са том водом закува.*

У тијесто би ставили **новчић**, а на Загорју и чавао којим се поткивају коњи и лопатицу направљену од комадића бадњака: *У чесницу се метне од јарма ради волова, метне се пара, метне се од бадњака, метне се чаво, ради коња ваљда нешта*. *Ко добије те паре, тај комад љеба и те паре, тога рачунамо да је најсретнији у кући*. Новац у хљеб стављали су и у Русији, најчешће у сриједу Средопосне недјеље, а онај ко би пронашао новчић такође је сматран најсрећнијим чланом породице (Страхов 1991: 125). Страхов истиче да је овај древни обичај забиљежен и у западној Европи, гдје су у тијесто стављали зрневље боба (1991: 126).

Од истог тијеста припрема се **ковртањ**, округао обредни хљеб шупаљ у средини, а према ободу ишаран урезима. Глаголски коријен *vьrt- у називима који се тичу радњи у вези са тијестом и хљебом срећемо и у неким руским дијалектима (Страхов 1991: 11).

У Колима су правили још један хљеб, округао, са четири „сисице“ – звани **сисоје**. Њега су на Мали Божић ломили на два дијела и давали га кравама и овцама да их не боле сисе.

Потом домаћин и остали укућани **трипут прећу преко огњишта** на коме горе остаци бадњака, говорећи „Два огња прећох, а трећег се не бојах“ и сл.: *Колико је чељади, толико је свијећа. И идемо у кућу, огњишта су онда била. И ја сам метла главњу на сред оне земљене куће. И и-собе излазимо. Између огњишта пролазиш и између главње. Амо је огњиште, оди је главња. Најпре домаћин па онда све по годинама иде. И све вичеш: – Прођок између два огња, а трећег се не бојим. Прођок између два огња, а трећег се не бојим*! Сличан обред забиљежен је у околини Чачка, трећи дан Божића (Јовашевић 1971: 177) и у околини Пирота (Златковић 2000: 55).

Прије доласка полазника у кућу се као **животињски полазник** уводи во или ован. И с њима се мирбоже и дају им помало од хране са бадњеданске и божићне трпезе: *На Бож^{и}ћ се уводи ован за сопру. Доведе овна, уноси зоби, онда: – Помози Бог, Кристос с-роди! Бацим зоби на њега, домаћ^{и}н куће пољуби с-са овном и дадне овну чашу ракије. Онда дадне му печен^{и}це, сирца, јаб^{ў}ке, све ко и ја што сам доби^{ј}о. И онда се свеже овну влакно око рогуа, вам се нак^{и}ти, метну руже, кадиве, босиљка...*

Полазник доноси радост Христовог рођења, зато га на Загорју и зову **Радован**. Он прекорачи праг десном ногом, прилази огњишту и крајем бадњака проџара ватру да избију варнице, благосиљајући дом и изговарајући неку од уобичајених формула: „Колико варница, толико добре среће у овој кући, толико здравља кућној чељади, толико говеда, толико коња, толико оваца, да година буде плодна и њива родна“ и сл., набрајајући све што у домаћиновој кући треба да се умножи и завршавајући са: „Амин, Боже дај“. Потом се мирбоже, а полазника огрну, да би им овце издашно давале вуну, да би била висока љетина и дебео кајмак, и часте га свиме што су припремили: *Како ја тебе гуњем огрнула, тако Господ Бог моје овце вуном*; *Како твоја уста пуна била, тако и наша кућа, ако Бог да*! Полазника би на поласку даривали: *И тога положника треба накит^{и}т. Плеће од печен^{и}це, батак од п^{и}јетла, оно повјесмо од лана и још нека марама ако има, тако да он*

иде својој кући накићен да зна ђе је би^{ј}о. Па ја мислим, свакак^{г} да се кити^{ј}о у вези те слоге, тога рода, тога плода.

Празновање Божића завршава се с **Малим Божићем / Васиљевданом**. Тога дана домаћин прије изласка сунца стави ковртањ волу на рог, а кад га во збаци, гледају на коју ће страну пасти: *На Мали Бож^{и}ћ, Нову год^{и}ну нашу српску, ми узмемо јутром ковртањ. Који је најстарији од нас би^{ј}о метне на главу и идемо у шталу. И пустимо вола најстаријега, истјерамо пред шталу и онај ковртањ натакнемо волу на рог. Во мало се узв^{и}јери, мане тамо-вамо, онај ковртањ ка-спане, гледамо је ли пао на лице или наизврат. Ако пане на лице, добра година. Наизврат значи да ће бит лошија год^{и}на, суша, да неће род^{и}т.*

Да би љетина била плодна, ковртањ би носили на арман/гумно и качили на стожер, око кога би разастрли божићну сламу. Домаћин би за стожер везао конопац, који би прихватила дјеца и, ржући попут коња̂, трипут оптрчала око стожера. Плотњикова наводи да је обичај **привидног вршења жита** на гумну, као симболу родности, плодности и богатства (1993: 140), познат на ширем словенском терену (1993: 141) и да симболише поступак обраде жита до печења хљеба.

Иако су српски божићни обичаји слични, на терену се показало да истраживани терен није сасвим хомоген када је ријеч о степену очувања елемената обредне божићне праксе и да све архаичне црте при прослављању Божића нису нигдје сачуване у цјелини.

КОРИШЋЕНА ЛИТЕРАТУРА

Виноградова 1982: Виноградова Л. Н., *Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян*, Москва: Издательство „Наука“.

Златковић 2000: Златковић Д., Бадњак у пиротском крају, *Пиротски зборник* 25/26, Пирот: Народна библиотека, 39–59.

Јовашевић 1971: Јовашевић Д., Обичаји у чачанском крају, *Зборник радова Народног музеја*, св. 2, Чачак: Народни музеј, 175–189.

Милутиновић 1967–1969: Милутиновић В., Обредна пецива у Војводини, *Гласник Етнографског института Српске академије наука и уметности*, Београд, 125–155.

Плотњикова 1993: Плотникова А. А. Рождественская символика в терминологии обрядовога хлеба у сербов // Символический язык традиционной культуры, *Балканские чтения II*, Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 37–62.

Плотњикова 1996: Плотникова А. А., *Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала*, Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН.

Страхов 1991: Страхов А. Б., Культ хлеба у восточных славян, *Slavistische Beiträge* 275, München: Otto Sagner.

ДЕНОТ И НОЌТА ВО МАКЕДОНСКАТА ЈАЗИЧНА СЛИКА НА СВЕТОТ

ЈАСМИНКА ДЕЛОВА-СИЛЈАНОВА (СЕВЕРНА МАКЕДОНИЈА)

Современата лингвистика бара разни патишта за набљудување на јазикот и за пронаоѓање на механизмите на кои тој функционира. Како релативно нова перспектива на лингвистичките проучувања се смета тесната поврзаност и заемното влијание на јазикот и на културата и обичаите на народот што го употребува, од што произлегува дека јазикот е социокултурен феномен. Во рамките на таквиот пристап, особено значајна улога имаат етнолингвистиката и лингвокултурологијата – дисциплини кои се занимаваат со проучување на јазикот како носител на културна меморија и вредности.

Предмет на нашиот интерес се народните сфаќања на денот и ноќта, низ призмата на обичаите, верувањата и симболиката поврзана со нив, изразена преку фразеолошкиот слој на јазикот. Фразеологијата, како дел од јазичната слика на светот, содржи богат регистар на културно значајни информации и претставува алатка преку која јазичната заедница ги вербализира своите искуства, стравови, надежи и морални судови.

Во тој контекст, фраземите не се само лексички единици, туку културни кодови, когнитивни матрици и колективна меморија. Затоа, токму преку фразеологијата може најјасно да се согледа начинот на кој еден народ го разбира поимот на време, природа, живот и смрт. Од таа гледна точка, опозицијата *ден : ноќ* не е само природна, туку и симболична, вредносна и егзистенцијална категорија.

Во овој труд ќе ја разгледаме опозицијата ***ден : ноќ*** во македонската јазична слика на светот, поаѓајќи од методологијата на когнитивната лингвистика и од принципите на етнолингвистиката. Како примарен корпус користиме материјал од македонски фразеолошки и толковни речници, при што особено внимание посветуваме на симболичката димензија на поимите *ден* и *ноќ* и нивната социокултурна функција.

Опозицијата ***ден : ноќ*** е една од најстарите бинарни структури што го формираат начинот на кој човекот го поима светот. Од антрополошка перспектива, денот се поврзува со светлината, видливоста, животот, редот и активноста, додека ноќта носи темнина, тајна, страв, смрт и хаос. Овие симболички значења се длабоко вкоренети во митолошкото и религиското наследство на речиси сите култури, вклучително и македонската.

Во македонскиот јазик, овие поими не се само хронолошки показатели, туку носители на културна симболика, што се потврдува преку фразеолошкиот фонд. На пример, фраземите бел ден и црн ден не се однесуваат само на метеоролошки услови, туку ја оценуваат квалитативната вредност на животното искуство.

Во македонскиот јазик, фраземите со компонентата ***ден*** го одразуваат позитивниот пол на бинарната опозиција. *Денот* е метафора за јаснотија, надеж, среќа, живот, активност и доблест. Фраземата *виде бел ден* значи „поживеа среќно“, додека *нов ден, нова нафака* симболизира нова шанса, надеж и верба во подобро утре.

Симболички, денот ја претставува сферата на јавноста – *на бело дење* се случуваат настани што се „пред сите“, без скриеност.

Некои фраземи, пак, ја истакнуваат краткотрајноста или непредвидливоста на денот: *ден до пладне*, *ден-два*, *ден година* – сите ја истакнуваат релативноста на времето како субјективно доживување.

Се среќаваат и фраземи што денот го поврзуваат со труд и обврска: *ден одење*, *ден орање*, *по цел божји ден* – каде се нагласува вредноста на времето и потребата да се искористи секој момент.

Денот има претежно позитивна, активна и животна конотација. Тој е симбол на живот, работа, јасност, судбина, промена, но и времена ограниченост. Во *бел ден*, *јасен како бел ден*, *денот по утрото се познава*, светлината се поврзува со видливост, вистина, искреност.

Фраземите *ден по ден*, *ден-два*, *деновите му се избројани* ја покажуваат временската димензија на животот и свесноста за смртноста. Денот тука не е само период од 24 часа, туку мерач на човечката егзистенција, но и симбол на судбинскиот миг – *денот Д*, *дојде денот и за него*.

Фраземите *живее од ден за ден*, *го отепа денот*, *денот му е* ја откриваат народната филозофија за преживување, за минимализмот во животот, како и за пасивноста или неуспешноста да се искористи времето.

За разлика од денот, ***ноќта*** е перцепирана како зона на несигурност и страв. Таа се поврзува со тајност, несреќа, опасност и дури со смрт. Во фраземите како *го проголта ноќта*, *уште со ноќ*, доминираат значења поврзани со исчезнување, ненадејност, недостапност или длабока темнина – буквална и метафорична.

Ноќта е и простор на несигурност и фаталност: фраземата *не знаеш што носи ноќта* насочува кон непредвидливост, додека *преку ноќ* означува ненадејност, често со негативна конотација.

Во некои фраземи ноќта добива неутрална или дури позитивна конотација, особено кога се појавува во континуитет со денот – *и дење и ноќе*, *ден и ноќ* – каде се изразува континуитет, постојаност или неуморност.

И покрај ова, ноќта не е секогаш негативна. Во *лека ноќ*, *добра ноќ* таа станува гест на интимност, одмор и привремен прекин на активноста. Интересна е и фразата *и ноќта ден ја прави*, која ја прикажува трудољубивоста, нескротената волја и пркосот пред природните ограничувања.

Фраземите *како ден и ноќ се*, *ден и ноќ* и *не знаеш што носи денот, а што ноќта* укажуваат на комплексноста на животот и неговата непредвидливост. Во тие фраземи, денот и ноќта се користат и како метафори за различност, но и за целина, циклус, повторување.

Во лингвокултуролошка смисла, ова ја одразува традиционалната македонска светогледна рамка во која денот и ноќта се дел од природен, божји ред, а нивното нарушување (на пример, *да не видиш бел ден*) се толкува како проклетство или несреќа.

Многу фраземи се вкоренети во етнолошкиот и религиозниот систем на верувања. На пример, *куков ден* е ден кој никогаш нема да дојде – што упатува на архаични верувања за циклусите и симболиката на птицата кукавица. *Судниот ден* исто така се поврзува со религиско-митолошкиот концепт на крајот на времето.

Фразеолошката слика на *денот* и *ноќта* ни овозможува да ја реконструираме јазичната слика на светот на македонскиот народ. Таа не е резултат на поединечно искуство, туку на колективна меморија и културна когницијa. Јазикот, преку овие фраземи, ги зачувува традиционалните вредности – труд, искреност, умереност, почит кон времето – но и ги артикулира стравовите и табуата – темнината, смртта, судбината.

Фраземата *денот по утрото се познава* го рефлектира колективниот рационализам, додека *не цени го денот пред вечерта* предупредува на непредвидливоста на животот. Во двата случаи, денот е симбол на динамичен процес, а не на статичен поим.

Преку анализа на фраземите со компонента *ден* и *ноќ*, согледуваме дека македонската фразеологија ја одразува бинарната структура на светот, карактеристична за многу традиционални култури. Денот е симбол на светлина, живот и ред, додека ноќта носи

опасност, страв и непознатост. Сепак, и двата поима се интегрирани во културниот модел како дел од природен, божји ритам, а нивната фразеолошка употреба ни дозволува да ја откриеме јазичната и културната филозофија на македонскиот народ.

Денот е време на јасност, судбина и можност; ноќта е темнина, непознато и потенцијална опасност. Но заедно, тие го создаваат целиот ритам на животот. Фразеологијата, како слој на колективната меморија, ја претставува најживата форма на оваа симболика и овозможува да ја читаме јазичната слика на светот што македонскиот народ ја градел со векови.

КОРИСТЕНА ЛИТЕРАТУРА

Ацески, Илија. 2015. *Културна антропологија*. УКИМ, Скопје.

Велковска, С. 2008. *Македонска фразеологија со мал фразеолошки речник*, Скопје: С. Велковска.

Виноградова Л. Н. 2016. *Мифологический аспект славянской фольклорной традиции*. „Индрик“, Москва, 384 с.

Вражиновски Т. и др. 2000. *Речник на народната митологија на Македонците*, Скопје.

Китевски М. 2013. *Македонски народни празници и празнични обичаи*, Камелеон, Скопје.

Макаријоска Л. 2016. *Речник на македонската традиционална култура*, Скопје.

Макаријоска Л. 2019. *Лексиката како огледало на народната култура*, Скопје.

Славянские древности, Этнолонгвистическский словарь 1995/1999/ 2004/2009/2012. Под общей ред. Н. И. Толстого, ред. коллег. Т. А. Агапкина, Л. Н. Виноградова, В. Я. Петрухин, С. М. Толстая, 1−5, Москва.

Стојковска Г. 2004. *Речник на јужнословенската митологија*, Издавачки центар Три, Скопје.

Толстој С. М., Раденковић Љ. (ред.). 2001. *Словенска митологија. Енциклопедијски речник*, Београд.

Этнолингвистические очерки. Институт славяноведения РАН, Москва, 384 с.; карты. Отв. редактор С. М. Толстая.

Němec Igor, Horálek Jan a kol. 1986. *Dědictví řeči*. Praha: Panorama.

Zdroj: https://eithne.pise.cz/313-den-a-noc-v-jazykovem-obrazu-sveta.html

Plotnikovová A. A., Uzeňovová J. S. 2018. *Karpatské tradice v balkánské perspektivě: etnolingvistické aspekty*. Ostrava: Ostravská univerzita – Ústav slavistiky Ruské akademie věd. 248 s.

Vaňková, I. 2005. Kognitivní lingvistika, řeč a poezie: (Předběžné poznámky). In: Česká literatura, Studie, 53/5: 609-637. Praha: Ústav pro českou literaturu AV ČR, v.v.i.

Vaňková, I. 2007. *Nádoba plná řeči*: (Člověk, řeč a přirozený svět). Praha: Nakladatelství Karolinum.

Речници:

Официјален толковен речник на македонскиот јазик. Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте П. Мисирков“. https://makedonski.gov.mk/

Димитровски, Тодор; Ширилов, Ташко. 2003. *Фразеолошки речник на македонскиот јазик*. Том Први А-Ј. Огледало: Скопје (ФРМЈ)

Мургоски, З. 2011. *Толковен речник на современиот македонски јазик*. Скопје: З. Мургоски.

Ширилов, Ташко. 2008. *Фразеолошки речник на македонскиот јазик*. Том Втори К-П. Огледало: Скопје (ФРМЈ)

Ширилов, Ташко. 2009. *Фразеолошки речник на македонскиот јазик*. Том Трети Р-Ш. Огледало: Скопје (ФРМЈ)

К ПРОБЛЕМЕ РАЗРАБОТКИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ РАЗМЕТКИ РЕЗУЛЬТАТОВ ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КОРПУСА РУССКОЙ РЕЧИ ДЕТЕЙ ЭСТОНИИ RusLAPSED)

Ольга Бурдакова, Елена Нымм (Эстония)

1. Введение: постановка проблемы

В Нарвском колледже Тартуского университета начиная с 2019 г. ведется работа над электронным корпусом RusLAPSED — первым корпусом речи детей и подростков в возрасте от 2 до 18 лет, проживающих в Эстонии и воспитывающихся в семьях, в которых русский язык является хотя бы одним из языков домашнего общения. Корпус детской речи RusLAPSED является смешанным по типу языковых данных (включает расшифровки записей устной речи и письменные тексты), полнотекстовым, динамическим, многоцелевым и размеченным. На данном этапе в корпусе разработаны и частично реализованы несколько видов разметки:

1) лингвистическая разметка словоформ: морфологическая разметка и разметка отклонений от норм литературного стандарта (для письменных текстов);
2) экстралингвистическая разметка текста — социолингвистическая информация об авторе текста и участниках коммуникации[1] и характеристика текста[2].

Этот инструментарий позволяет производить на основе корпуса исследование грамматики детской речи и решать различного рода методические задачи (с использованием «анализатора отклонений от норм литературного стандарта»), однако не пригоден для поиска и анализа результатов взаимодействия языков, которые широко представлены в речи современного русскоязычного ребенка Эстонии. Для восполнения этого недостатка мы решили создать дополнительный инструмент, который позволил бы исследователю находить контексты с результатами взаимодействия языков, но

[1] Каждый текст сопровождает информация о роли взрослого (если он участвовал в коммуникации), о ребенке (пол ребенка, дата рождения, возраст на момент записи, имеется ли близнец), о семье (языки семейного общения, количество детей в семье, место жительства семьи, продолжительность жизни семьи в Эстонии, уровень образования родителей), об условиях воспитания и обучения (моно- или билингвальная модель обучения, возрастная группа ДДУ, тип группы ДДУ, класс, тип класса, характеристика учебной программы, сведения о дополнительной поддержке речевого развития и о внешкольной деятельности.

[2] Каждый текст сопровождается собственно текстовыми характеристиками: время и место записи текста, место коммуникации; форма речи (устная / письменная); разновидность речи (диалог / монолог / полилог); вид речи (продуктивная / репродуктивная); тип монологической речи (повествование / описание / рассуждение); стиль; степень подготовленности речи и тематика текста.

столкнулись на этом пути с трудностями не инженерного (прикладного), а прежде всего теоретического характера.

Если для одних видов разметки (морфологической, например) в корпусной лингвистике существует более или менее общепризнанный стандарт (для корпусов на русском языке — морфологическая модель на основе «Грамматического словаря» А. А. Зализняка), то для разметки фактов контактирования языков стандарта не существует. Отдельные корпуса редко и непоследовательно предлагают разметку отдельных явлений языкового контактирования, которая не охватывает всего многообразия результатов взаимодействия языков и главное — не представляет собой системы. Так, в некоторых билингвальных корпусах встречается помета «переключение кода», дающая возможность сделать выборку контекстов со сменой языка общения[3]; в отдельных учебных корпусах[4] (например, в RLC — Русский учебный корпус) предусмотрена помета «интерференция»[5] для фильтрации ошибок, вызванных влиянием одного языка на другой.

Отсутствие стандарта для разметки результатов взаимодействия языков в корпусной лингвистике связано с отсутствием единой модели описания языковых контактов в теоретической лингвистике.

Возникает задача — создать систему разметки результатов взаимодействия двух языков, которая была бы полной, универсальной, построенной на единых принципах для классификации разнообразных фактов взаимодействия языков (в т. ч. актуальных, активных процессов, происходящих в индивидуальной речевой практике), максимально формализованной, непротиворечивой (однозначной) и расширяемой.

[3] Например, в Якутско-русском корпусе переключения кода / Yakut-Russian Code-Switching Corpus имеются пометы «межсентенциальный» / «intersentential» и «внутрисентенциальный» / «intrasentential», дающие возможность находить контексты с переключением кода между высказываниями (code-switching between utterances) и переключением кода внутри высказывания (code-switching within an utterance) (Yakut-Russian Code-Switching Corpus).

[4] В лингвистической традиции за этими корпусами закрепились разные названия: «корпус учебных текстов», «корпус учеников, изучающих язык», «корпус языка как второго», «корпус “промежуточного / переходного” языка, или интерязыка». Такие корпуса объединяют тексты носителей «нестандартного языка» (термин А. Мустайоки) — т. е. изучающих язык как второй, иностранный или говорящих на эритажном языке. В широком смысле в эту группу попадают также носители родного языка на стадии его становления — дети, подростки (Мустайоки, 2013: 14) и даже студенты, только овладевающие, например, научным стилем речи.

[5] Это дополнительная помета к системе разметки по типам ошибок.

2. Принципы разметки фактов языкового контактирования в корпусе RusLAPSED

Считаем, что в основе взаимодействия речевых реализаций двух языковых систем лежит перенос, под которым мы понимаем перемещение элементов из Я2[6] в Я1. Что теоретически может быть «перенесено» из одного языка в другой? Любые единицы языка имеют форму (план выражения), большинство из них — значение (план содержания) и подчиняются определенным правилам их употребления в речи, поэтому теоретически можно перенести из одного языка в другой форму, значение и правила употребления по отдельности или в разных комбинациях. А это значит, что для описания разнообразных видов переноса из одного языка в другой достаточно трех осей: форма (Ф), значение (З) и, условно говоря, механизм (М) (см. *Рис. 1*). Под формой мы понимаем внешнюю сторону слова (звуки и графемы); под значением — внутреннюю сторону (содержание); под механизмом — словообразовательную структуру слова, грамматические признаки и правила изменения частей речи, нормы управления и т. п.).

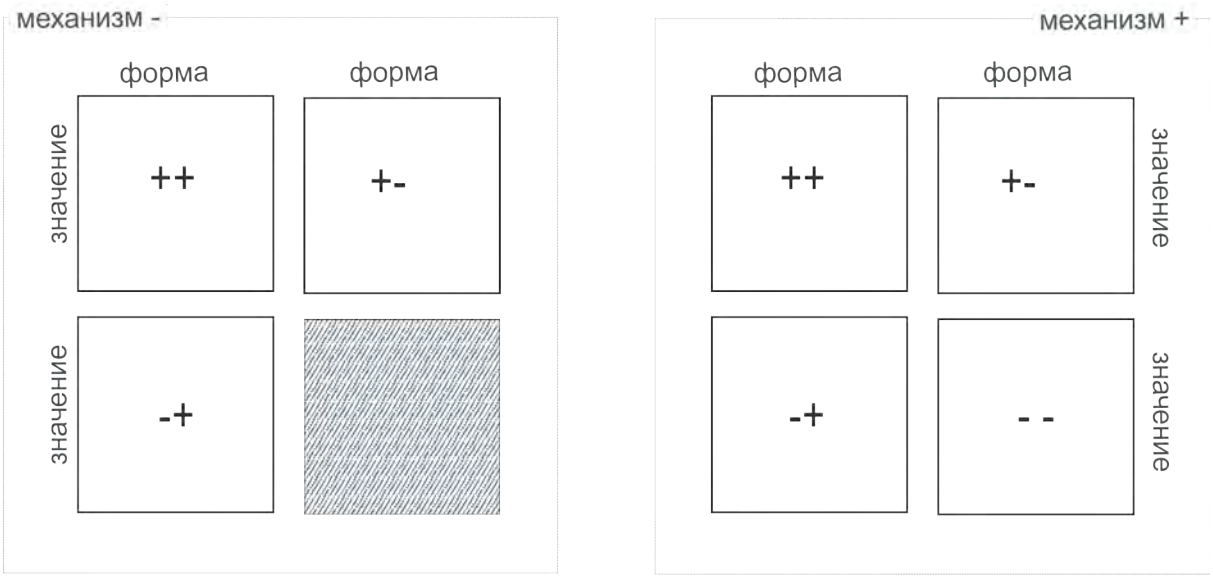


Рисунок 1. Схема возможных видов переноса из одного языка в другой
по трем осям (форма — значение — механизм)

Перенос может происходить как по одной из трех осей, так и по комбинациям этих осей (9 комбинаций). Для любой единицы, которая появляется в речи в результате переноса, можно указать ее место в этом трехмерном пространстве, задав положение (область) на каждой из трех осей и закодировав информацию о переносе (например,

[6] Здесь и далее: Я1 — язык, на котором создается устный или письменный текст; Я2 — второй язык билингва, из которого происходит перенос в текст, создаваемый на Я1.

З+Ф+М+). Предложенная типология позволит на единых принципах объединить разнообразные результаты языкового контактирования (от того, что некоторые ученые называют «вкраплениями», до калек) в одну систему.

На этом можно было бы считать, что система описания результатов языкового контактирования создана. Если пойти дальше и детализировать информацию о результатах языкового контактирования, то, очевидно, в разметке следует отразить не только факт переноса, но и изменения, произошедшие в процессе переноса в форме, значении и правилах употребления. Для этого необходимо сопоставить перенесенную в речь на Я1 единицу с единицей в Я2. Понятно, что в тексте (устном или письменном) мы всегда имеем дело с речевой реализацией — конкретной словоформой в конкретном лексико-семантическом варианте. В отличие от стандартных словоформ, которые легко подвергаются автоматической лемматизации, и даже аномальных, окказиональные словоформы и результаты контактирования языков не поддаются / труднее поддаются лемматизации. Обнаруженный в речи на Я1 перенос из Я2 (не ставший фактом кодифицированного языка) подобен отпечатку, следу, по которому в контексте мы можем восстановить только часть информации: вся парадигма словоизменения, структура значений слова (а иногда и сама лемма) оказываются неидентифицируемыми по единичному отпечатку.

Перенесенная в речь на Я1 единица может оказаться более или менее точной копией исходной единицы Я2 (отличаться от нее по форме, значению, правилам употребления). Условно мы можем представить единицу речи на Я2 и «перенесенную» в речь на Я1 единицу в трехмерном пространстве (трех осей), отразив все произошедшие в процессе переноса изменения (например, субституцию звуков / графем / морфем, перенос ударения, изменение значения, правил употребления и т. д.) в виде условных цифровых кодов. Например: слово на Я2 ($Ф_хЗ_хМ_х$), слово в речи на языке Я1 ($Ф_уЗ_уМ_у$). Расстояние между исходной единицей (Я2) и «перенесенной» в речь на Я1 единицей отразят степень их удаленности и соответственно изменения «перенесенной» единицы (см. *Рис. 2*).

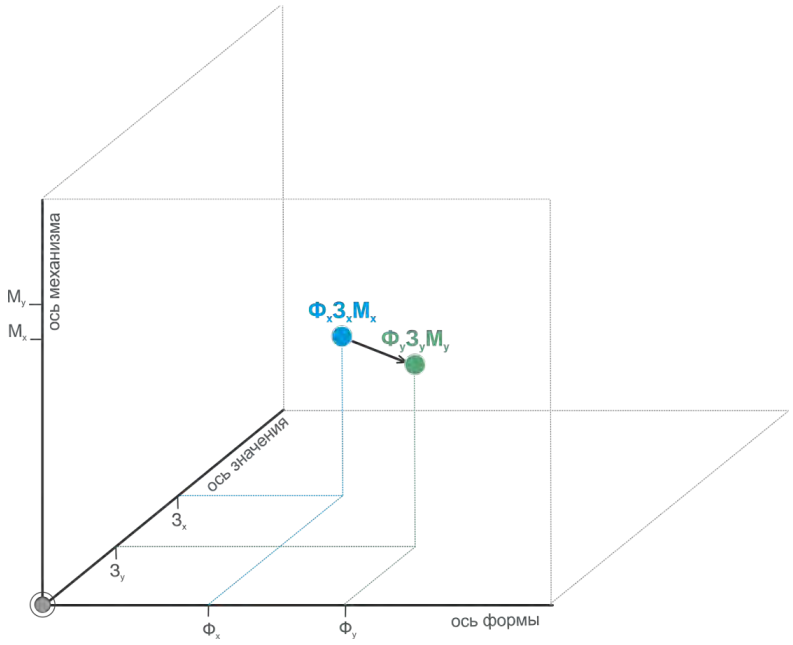


Рисунок 2. Схема изменения единицы в процессе переноса по трем осям (форма — значение — механизм)

При этом изменение может быть и нулевым по всем трем осям переноса, когда говорящий (исходя из контекста, ситуации общения, языкового вкуса и т. п.) включает в речь на русском языке единицу из другого языка без изменений.

3. Выводы.

Ожидаем, что предложенный подход к корпусной разметке позволит единообразно и максимально однозначно кодировать результаты контактирования языков в речи. Применение данной системы разметки в корпусе даст пользователю возможность производить поиск единиц и контекстов по трем осям переноса (форма — значение — механизм) и произошедшим в процессе переноса изменениям, «не навязывая» квалификации результатов переноса в рамках той или иной авторской типологии, и решать широкий круг исследовательских задач: от исследования частотности, объема, характера видов переноса из Я2 в Я1 в одном тексте / всей совокупности текстов и связи видов переноса с социологическими характеристиками авторов текстов до реконструкции системы / систем т. н. «промежуточного языка», или интерязыка[7] билингвов.

[7] Представление о том, что изучающие язык создают свой вариант целевого языка, оформляется в 1970-е гг., в 1972 г. Ларри Селинкер вводит термин *interlanguage*, который отражает переосмысление того, что традиционно в обучении называлось ошибкой, новый взгляд на процесс усвоения второго или

БИБЛИОГРАФИЯ

Мустайоки, А. (2013). Разновидности русского языка: анализ и классификация. *Вопросы языкознания*, 5, 3–27.

Cobb, T. (2003). Analyzing late interlanguage with learner corpora: Quebec replications of three European studies. *Canadian Modern Language Review*, 59(3), 393–423.

Granger, S. (2003). Error-tagged Learner Corpora and CALL: A Promising Synergy. *CALICO Journal*, 20(3), 465–480.

RLC, Russian Learner Corpus: http://web-corpora.net/RLC/.

Selinker, L. (1972). Interlanguage. *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, 10(1–4), 209–232.

Yakut-Russian Code-Switching Corpus. URL: https://lingconlab.ru/cs_yakut/

иностранного языка и роль в нем интерференции (Selinker, 1972). Термин *интерязык* широко используется в трудах современных лингвистов (Cobb, 2003; Granger, 2003 и др.).

ТЕОРИЈСКО-МЕТОДОЛОШКИ ОКВИР ЗА ИЗГРАДЊУ ЕЛЕКТРОНСКОГ КОРПУСА СРПСКИХ СРЕДЊОВЕКОВНИХ ПОВЕЉА И ПИСАМА

ВЛАДИМИР ПОЛОМАЦ (СРБИЈА)
Универзитет у Крагујевцу**
Филолошко-уметнички факултет
Одсек за филологију, Катедра за српски језик
v.polomac@filum.kg.ac.rs

1. На потребу формирања електронског корпуса старосрпског језика на принципима поузданости, репрезентативности и претраживости указано је тек у скорије време у Павловић 2009. Основни теоријско-методолошки принципи за израдњу електронског корпуса српских средњовековних повеља и писама, као најважнијег поткорпуса будућег референтног историјског електронског корпуса српског језика, детаљније су размотрени у Polomac 2021. Најважнији резултат овога рада представља (а) дефинисање историјског корпуса српског језика, као и места средњовековних повеља и писама у њему, посебно с обзиром на принципе репрезентативности, поузданости и балансираности историјских корпуса, (б) дефинисање принципа за селекцију текстова повеља и писама за корпус, као и (в) дефинисање основних принципа за припрему и приређивање текстова средњовековних повеља и писама за корпус. У ослонцу на овај рад, у наставку истраживања занимало нас је како се у теоријско-методолошки оквир за изградњу корпуса могу укључити алати засновани на принципима вештачке интелигенције и машинског учења. Основни циљеви рада могу се свести на следеће: а) креирање алата за аутоматско рашчитавање текста српских средњовековних повеља и писама помоћу HTR (енгл. *Handwritten Text Recognition*) технологије; б) успостављање теоријског оквира за креирање почетног скупа података за обуку модела за аутоматску обраду (токенизацију, лематизацију и морфосинтаксичку анотацију) текста српских средњовековних повеља и писама помоћу алата UDPipe (Straka, Hajič et al. 2016; Straka, Straková 2022).

2. За обуку прве верзије генеричког HTR модела помоћу софтверске платформе *Transkribus* коришћени су скупови података из Бањске хрисовуље, трећег примерка Дечанске хрисовуље, писама Портине српске канцеларије и повељама и писама XII–XV века из Дубровачког архива. Карактеристике прве верзије генеричког (општег) HTR модела *Logothet 1.0* за српске средњовековне повеље и писма приказане су у следећој табели.

** Рад је настао у оквиру међународног билатералног пројекта *Креирање AI модела за аутоматску обраду српких средњовековних рукописа* који финансирају Министарство науке, технолошког развоја и иновација Републике Србије и Немачка служба за академску размену (DAAD).

Табела 1. Карактеристике генеричког HTR модела *Logothet 1.0*

Број страна на скупу за обуку	Број речи на скупу за обуку	Број епоха за обуку	Проценат погрешно препознатих карактера (CER)
565	79 187	112	5,6%

Наведена табела показује како се помоћу овога HTR модела аутоматски може добити рашчитан текст српских средњовековних повеља и писама писаних различитим типовима ћирилице (устав, полуустав, брзопис) са око 94–95% тачности. Мали проценат грешака (око 5–6%) најчешће се односи на размак међу речима, затим на надредна слова, титле и специфичне лигатуре, а сасвим ретко и појединачна слова. Уз помоћ овога HTR модела процес преношења текста у машински читљив облик, а самим тим и даља обрада текста и припрема корпуса, вишеструко се може убрзати. Посебно треба указати и на то да је ово само прва верзија HTR модела, те да ће напредак у рашчитавању текста донети нове скупове података за обуку на основу којих ће се перформансе HTR модела усавршавати.

3. Скорашњи развој алата UDPipe (Straka, Hajič et al. 2016; Straka, Straková 2022) омогућава аутоматску обраду (токенизацију, лематизацију и морфосинтаксичку анотацију) текста не само за велики број модерних језика света већ и за многе класичне језике (нпр. старогрчки, латински, готски, акадски, санскрит или коптски), као и за историјске варијетете индоевропских језика (нпр. старофранцуски или староруски). UDPipe омогућава аутоматску обраду српског језика (Samardžić, Starović et al. 2017) и великог броја других словенских језика, као и два историјска варијетета: старословенског језика, као и староруског језика, на основу више модела заснованих на материјалу различитих текстова (Zeman 2015: 152–153; Zeman, Kosek et al. 2023: 215). Иницијални кораци у аутоматској обради помоћу овога алата недавно су проведени и за старочешки језик (Zeman, Kosek et al. 2023). У ослонцу на ова истраживања, приступили смо креирању почетног скупа података за обуку UDPipe модела за аутоматску обраду српских средњовековних повеља и писама. За реализацију овога циља било је најпре неопходно дефинисати теоријски оквир за токенизацију и лематизацију текста, као и скуп ознака за морфосинтаксичку анотацију у складу са теоријским оквиром универзалних зависности (енгл. *Universal Dependencies*).

3.1. Основна начела за токенизацију текста српских средњовековних повеља и писама подударна су са начелима коришћеним приликом припреме скупа података за старословенски језик у оквиру пројекта PROIEL (Eckhoff, Bech et al. 2018): а) токени су

одвојени размаком, б) нису присутни токени састављени од више речи (енгл. *multi-word tokens*). За разлику од старословенског, у нашем скупу података присутни су и интерпункцијски знаци.

3.2. Приликом лематизације текста српских средњовековних повеља и писама придржавали смо се следећих општих начела: а) начело ортографске нормализације, б) начело реконструкције језичког стања са краја XII и почетка XIII века, и в) начело чувања варијаната лема које рефлектују језичке одлике старосрпског и српскословенског језика. Начело ортографске нормализације подразумевало је да су леме наведене савременом српском ћирилицом којој је додато само неколико специфичних слова (ь, ѣ и ы) којима су означавани гласови присутни у старосрпском и српскословенском вокалском систему са краја XII и почетка XIII века. У складу са овим, друго начело подразумевало је реконструкцију леме према претпостављеном фонолошком систему заједничком за старосрпски и српскословенски језик са краја XII и почетка XIII века, без обзира на каснији језички развој (нпр. рука, дьн, јесьм, мѣсец, вѣра, быти, Влк, вьс, и сл.). Будући да се у текстовима повеља и писама употребљавају и старосрпски и српскословенски језик, треће начело подразумевало је чување варијаната лема које рефлектују њихове специфичне фонетске одлике (нпр. аз према јаз или ја; межда према међа или меја, и сл.).

3.2. Будући да опсег анотације електронског корпуса српских средњовековних повеља и писама у почетној фази подразумева само врсте речи и морфолошке одлике, неопходно је дефинисати скуп ознака за анотацију према теорији универзалних зависности (енгл. *Universal Dependencies*).

У оквиру ове теорије употребљава се седамнаест универзалних ознака за врсте речи: ADJ (придев), ADP (предлог), ADV (прилог), AUX (помоћни глагол), CCONJ (координирани везник), DET (детерминатор), INTJ (узвик), NOUN (именица), NUM (број), PART (речца), PRON (заменица), PROPN (властита именица), PUNCT (интерпункцијски знак), SCONJ (субординирани везник), SYM (симбол), VERB (глагол) и X (остало). За разлику од скупа ознака развијеног за потребе морфосинтаксичке анотације старословенског језика у коме изостају PART, PUNCT и SYM, у нашем корпусу присустне су све ознаке. Посебан коментар најпре захтева категорија детерминатора DET, неуобичајена у традиционалним граматичким описима словенских језика, уведена за означавање придевских заменица како би се осигурала доследност анотације са старословенским и модерним словенским језицима (Zeman 2015: 153–154). Проблем означавања партиципа, карактеристичан и за друге словенске језике (Zeman 2016: 145), решен је тако што се тежило њиховом

доследном означавању као VERB. Одступање од овога начела било је оправдано само у случајевима када није било могуће реконструисати глаголску лему (нпр. *светопочивши*, *блаженопочивши* и сл.). У оваквим примерима коришћена је ознака ADJ, али је уз морфолошке одлике карактеристичне за придеве додата и ознака која упућује на партиципско порекло VerbForm=Part, чиме се омогућава претраживање свих партиципских форми, независно од тога да ли су њихове леме означене као VERB или ADJ. Ознака SYM коришћена је најчешће за обележавање крста који у повељама и писмима долази у функцији симболичке инвокације, док је ознака X најчешће употребљавана за обележавање оштећених и нејасних делова текста.

Адаптација старословенског скупа ознака за морфолошке одлике проведена је с обзиром на језичке посебности корпуса, али и с обзиром на специфичне потребе претраживања и екстракције грађе из корпуса. У категорији именица помоћу Polarity=Neg обележене су именице са лексичком негацијом. Мали број непромењивих именица (нпр. *кир*, *кира*) обележен је помоћу InflClass=Ind. Будући да је један од општих циљева креирања електронског корпуса и аутоматска екстракција грађе за историјски речник старосрпских имена, у категорији властитих именица додата је ознака NameType са вредностима NameType=Geo (географско име), NameType=Giv (лично име), NameType=Sur (презиме), NameType=Pat (патроним), NameType=Zoo (зооним) и NameType=Nat (етноним). У категорији личних заменица првог и другог лица, повратне заменице за сва лица и именичких заменица *кто* и *што* изостављена је ознака Gender. Будући да су придевске заменице означене као DET, њихова врста је означена помоћу PronType=Dem (показне), PronType=Rel (релативне), PronType=Int (упитне), PronType=Ind (неодређене), PronType=Neg (одричне) и PronType=Tot (опште). Посесивне заменице нису обележене као посебна врста придевских заменица већ као Poss=Yes|PronType=Prs. Морфосинтаксичким одликама придева обележеним и у старословенском скупу података додали смо Poss=Yes за посесивне придеве и Polarity=Neg за придеве са лексичком негацијом. Бројеви редовно долазе са ознаком NumForm која може имати вредност NumForm=Word за бројеве написане речима и NumForm=Cyrill за слова у бројној вредности. Врсте бројева обележене су ознаком NumType са вредностима NumType=Card (основни бројеви), NumType=Ord (редни бројеви) и NumType=Sets (збирни бројеви). Најважније одступање од старословенског скупа података у категорији глагола тицало се обележавања аориста и имперфекта. Скуп ознака модификован је по угледу на старочешки (Zeman 2023: 218) тако да се презент, аорист и

имперфекат разликују по ознаци Tense која може имати вредности Tense=Pres (презент), Tense=Past (аорист) и Tense=Imp (имперфекат). Сва три облика носе ознаку Mood=Ind која их разликује од императива који је обележен са Mood=Imp. Активни и пасивни партиципи презента и претерита, поред ознаке VerbForm=Part и ознака за падеж (Case), род (Gender) и број (Number) обележени су и помоћу Tense=Pres или Tense=Past и Voice=Act или Voice=Pass. Као и код придева, и краћи облици партиципа обележени су као Variant=Short. За партицип перфекта који се налази у склопу перфекта, плусквамперфекта, футура II и потенцијала коришћена је ознака VerbForm=PartRes, као и у старословенском скупу података. Проблем обележавања сложених глаголских облика само је делимично решен код потенцијала и футура. У првом случају помоћни глагол који гради потенцијал посебно је обележен ознаком Mood=Cnd, а у другом случају инфинитив у склопу футура, поред ознаке VerbForm=Inf, носи и ознаку Tense=Fut. Претраживање перфекта, плусквамперфекта и футура II за сада је могуће само преко VerbForm=PartRes, након чега би требало да следи ручно филтрирање примера.

3.3. Креирање скупа података за обуку модела започели смо хронолошки, од осам најстаријих сачуваних повеља с краја XII и почетка XIII века. Аутоматску обраду наших повеља започели смо помоћу UDPipe2 модела за старословенски језик. У резултату овога процеса за сваку повељу смо добили посебан фајл у *CoNLL-U* формату који је ручно коригован у *CoNLL-U* едитору (Heinecke 2019). Након ручне корекције аутоматски обрађених повеља добијен је почетни скуп података који се састојао од 142 реченице и 3531 токена. С обзиром на величину нашег скупа података и одсуство анотације синтаксичких релација у њему за обуку модела био нам је на располагању само алат UDPipe1. Посебно обучени UDPipe1 модели са нашим скупом података дају боље резултате у анотацији врста речи у односу на претходни обучени UDPipe2 модел за старословенски, али не и боље резултате у односу на претходно обучене UDPipe2 моделе за староруски језик. То значи да се наставак обраде повеља и писама XIII века и ширење скупа података за обуку модела у првој фази може засновати на UDPipe2 моделима за староруски језик, након чега би дошла ручна корекција обрађеног текста помоћу *CoNNL-U* едитора. Након достизања критичног броја обрађених токена (најмање 10 000) и ширења опсега анотације и на синтаксичке релације, добили бисмо скуп података за обуку UDPipe2 модела за старосрпски језик, чиме би се процес обраде текста за електронски корпус српских средњовековних повеља и писама значајно убрзао.

4. У раду је показано како се процес изградње електронског корпуса српских средњовековних повеља и писама може убрзати уз помоћ информационих технологија заснованих на принципима вештачке интелигенције и машинског учења. За потребе преношења текста у машински читљив облик обучили смо генерички (општи) HTR модел *Logothet 1.0* у софтверској платформи *Transkribus*. Модел је обучен на материјалу српских средњовековних повеља и писама XII–XVI века писаних различитим типовима ћирилице (устав, полуустав и брзопис) са одличним квантитативним и квалитативним показатељима. Проценат погрешно рашчитаних карактера износи око 5,6%, а најчешће грешке односе се на размак међу речима, надредна слова, титле и специфичне лигатуре. За потребе обраде текста српских средњовековних повеља и писама било је неопходно најпре успоставити теоријски оквир за токенизацију, лематизацију и морфосинтаксичку анотацију, након чега је креиран почетни скуп података (3 531 токен) за обуку модела помоћу алата UDPipe1. Будући да перформансе овога модела нису биле боље од претходно обучених модела за староруски језик помоћу алата UDPipe2, неопходно је даље ширење скупа података за обуку модела, као и опсега анотације додавањем ознака за синтаксичке релације, како би у крајњем исходу могао бити обучен UDPipe2 модел за старосрпски језик. Овакав модел би значајно убрзао обраду текста српских средњовековних повеља и писама и изградњу и објављивање пилот верзије електронског корпуса који би обухватио повеље и писма XII–XIII века.

Кључне речи: историја српског језика, корпусна лингвистика, историјски електронски корпус, српске средњовековне повеље и писма, аутоматска обрада текста, вештачка интелигенција, машинско учење.

ЦИТИРАНА ЛИТЕРАТУРА

Павловић, С. „Електронско претраживање старосрпског језичког корпуса у светлу стандардизације старословенске ћирилице.” У: *Стандардизација старословенског ћириличког писма и његова регистрација у Уникоду*. Г. Јовановић, Ј. Грковић-Мејџор, З. Костић, В. Савић (ур.). Београд: Институт за српски језик САНУ (2009): 135–146.

Eckhoff, H., Bech, K., Bouma, G., Eide, K., Haug, D., Haugen, O. E., Johndal, M. „The PROIEL treebank family: a standard for early attestations of Indo-European languages.” *Language Resources and Evaluation*, 52 (2018): 29–65.

Heinecke, J. „*ConlluEditor*: a fully graphical editor for universal dependencies treebank files.” In: *Proceedings of the Third Workshop on Universal Dependencies*. A. Rademaker, F. Tyers (eds.). Paris: Association for Computational Linguistics (2019): 87–93.

Polomac, V. „Towards Fundamental Principles for Creating Electronic Corpus of Serbian Medieval Charters and Letters.” *Scripta&e-Scripta*, 21 (2021): 41–53.

Samardžić, T., Starović, M., Agić, Ž., Ljubešić, N. „Universal Dependencies for Serbian in Comparison with Croatian and Other Slavic Languages.” In: *Proceedings of the 6th Workshop on Balto-Slavic Natural Language Processing*. T. Erjavec, J. Piskorski, L. Pivovarova, J. Šnajder, J. Steinberger,

R.Yangarber (eds.). Valencia: Association for Computational Linguistics (2017): 39–44. <https://aclanthology.org/W17-1407/> 31.1.2025.

Straka, M., Hajič, J., Straková, J. „UDPipe: Trainable Pipeline for Processing CoNLL-U Files Performing Tokenization, Morphological Analysis, POS Tagging and Parsing." In: *Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation*. N. Calzolari, K. Choukri, T. Declerck, S. Goggi, M. Grobelnik, B. Maegaard, J. Mariani, H. Mazo, A. Moreno, J. Odijk, S. Piperidis (eds.). Portorož: European Language Resources Association (ELRA) (2016): 4290–4297 <https://aclanthology.org/L16-1680/> 31.1.2025.

Straka, M., Straková J., *UDPipe 2*. LINDAT/CLARIAH-CZ digital library at the Institute of Formal and Applied Linguistics (ÚFAL). Prague: ÚFAL, 2022. <http://hdl.handle.net/11234/1-4816> 31.01.2025.

Zeman, D. „Slavic Languages in Universal Dependencies." In: *Natural Language Processing, Corpus linguistics, E-Learning*. K. Gajdošová, A. Žáková (eds.). Lüdenscheid: Ram-Verlag (2015): 151–163.

Zeman, D. „Universal Annotation of Slavic Verb Forms." *The Prague Bulletin of Mathematical Linguistics*, 105 (2016): 143–193.

Zeman, D., Kosek P., Březina M., Pergler J., „Morphosyntactic Annotation in Universal Dependencies for Old Czech." *Jazykovedný časopis*, 74/1 (2023): 214–222.

Stylometric Analysis of the Church Slavonic Texts of Czech Origin

Radek Čech, Miroslav Vepřek (Czech Republic)

The study presents a pilot research of the applicability of stylometric methods to a specific corpus of Church Slavonic texts of Czech provenance. The aim is to measure similarities and differences between these texts on the basis of selected quantitative characteristics. We approach the analysis both heuristically, without prior theoretical assumptions, and to test hypotheses based on previous philological research. We are aware that the final form of the texts is influenced by a number of factors, such as the period of origin, the influence of the original in translations, the specific character of Old Church Slavonic as a solely written language, and the editing of specific manuscripts in particular recensions of the oldest Slavic written language.

For the analysis, a corpus was compiled, including twelve literary texts attributed, with varying probability, to Czech authors from the 10th and 11th centuries. Forty Gospel Homilies of St. Gregory the Great, Prayer to the Holy Trinity, Prayer of St. Gregory, Prayer of Confession of Sins, Life of St. Wenceslas (Vostokov's variant), Life of St. Vitus, Life of St. Benedict, Passion of St. George, Passion of St. Apollinary, Legend of St. Stephen the Pope, Second Life of St. Wenceslas, and Legend of St. Anastasia. Two other texts from other recensions of the oldest Slavic language have been added as comparative material: the Codex Suprasliensis and the Life of St. Methodius.

Because the text of Forty Gospel Homilies of St. Gregory the Great is fundamentally different in the corpus of Church Slavonic texts of Czech origin due to its large extent, this text was divided into segments according to the individual homilies. The results of the analyses were then evaluated in two ways: with the Homilies as a whole text and with the Homilies divided into chapters.

The methodology involved digitizing texts from representative editions. Modifications were made for automated processing: punctuation was unified, abbreviations were expanded according to the Lexicon of the Old Slavonic Language (SJS), and variant graphemes were unified (e.g., і/и variants to и). These modifications remove the graphic specifics of the manuscripts, but do not lead to distortions for lexicological, stylistic, textual and grammatical research.

Three stylometric characteristics were used to compare the texts with each other:

1. Average word length
2. Moving average type token ratio

3. Normalized frequencies of the most frequent words

The conclusions of the study confirm the applicability of the chosen stylometric methods to Church Slavonic texts. Genre plays the most important role in determining the relatedness of texts, with a clear delineation of prayer texts and, basically, homilies and legends. However, the established proximity of texts may not only result from general genre characteristics, but may also reflect the chronological order of their composition. The plausibility of the methods was also confirmed by the tendency for the text parts of the Forty Gospel Homilies of St. Gregory the Great to have identical characteristics. The influence of the foreign-language source proved to be less important than genre in classifying the relatedness of texts. The most appropriate method in terms of the research objectives appears to be the method based on normalized frequencies of the most frequent words. Although the two remaining methods do not lead to a clear identification of text proximity, they offer additional possibilities of linguistic interpretation of the measured differences. The combination of all three chosen methods can reveal the specificity and proximity of particular texts, which was shown in the case of the Second Church Slavonic Life of St. Wenceslas and the Legend of St. Anastasia, whose possible common origin can be supported by philological arguments.

ЕЩЕ РАЗ О ЛИЦЕНЗИРОВАНИИ СЛАВЯНСКИХ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Роман Фисун (Германия)

1. Лицензирование

В современной лингвистической литературе значение и тип неопределенных местоимений определяются преимущественно через их дистрибуцию – список контекстов, в которых они употребляются, а не через часто затрудненную семантическую экспликацию. Разные подходы описывают релевантные контексты по-разному: в рамках логической семантики как **невериктальные** (Giannakidou 1998), как связанные с **нисходящей монотонностью** (Ladusaw 1980; van der Wouden 1997; Progovac 1994) или в рамках когнитивной семантики как **контексты снятой утвердительности (**Падучева 2015, 2018).

Подход Е.В. Падучевой наиболее подробно описывает русские неопределенные местоимения и легко экстраполируется на другие славянские языки. Она делит местоимения на референтные и нереферентные. Первые не ограничены в дистрибуции, но типично употребляются в эпизодических (утвердительных) контекстах. Нереферентные же связаны с контекстами, снимающими ответственность говорящего за утверждение. Эти контексты шире, чем просто отрицательные и не сводятся к отрицательной поляризации.

В отличие от семантической карты М. Хаспельмата (Haspelmath 1997), содержащей шесть контекстов, система Падучевой оперирует 25 контекстами снятой утвердительности, сгруппированными в 11 категорий. На их основе она разработала **схему лицензирования различных типов русских неопределенных местоимений**, обобщенную в Табл. 1 (Падучева 2015, 2018). Знаком плюс обозначены характерные контексты, минус на сером фоне указывает на отсутствие лицензирования (невозможность употребления) местоимения в этом контексте. Пустая ячейка означает, что контекст допустим, но нехарактерен.

	Референтные	NSI	NPI	FCI
0.1. Утвердительный контекст	+	-	-	
1.1. Прямое отрицание		-		+
1.2.1. Отрицание вышестоящего инфинитива		-		
1.2.2. Отрицание вышестоящего предиката с союзом		-		
1.3.1. Сопредикатное внутрисловное отрицание I		-	+	
1.3.2. Сопредикатное внутрисловное отрицание II		-	+	
1.4. Предикат ирреальности с имплицитным отрицанием			+	
1.5. Предлог с имплицитным отрицанием		-	+	
1.6. Конструкция предшествования			+	
2. Сопредикатная ИГ с квантором общности				
3. Узуальные и итеративные контексты			-	+
4.1. Условное придаточное				
4.2. Деепричастный оборот				+

	Референтные	NSI	NPI	FCI
4.3. Целевое придаточное				
4.4. Контекст с ограничителем				
5.1. Общий вопрос				
5.2. Специальный вопрос				
6. Дизъюнкция			-	+
7.1. Модальность возможности		+	-	+
7.2. Модальность необходимости		+	-	+
8. Будущее время		+	-	+
9.1. Желание		+	-	+
9.2. Просьба, предложение, императив		+	-	+
9.3. Разрешение, согласие, уступка		+	-	
10. Неуверенность: предположение, нереальность, мнение		+	-	+
11. Стандарт сравнения				

Таблица 1. Лицензирование различных типов неопределенных местоимений

Русский материал позволяет Падучевой разграничить три типа неопределенных местоимений: собственно нереферентные (NSI, серия на *-нибудь*), местоимения отрицательной поляризации (NPI, серии на *-либо*, *бы то ни было*) и местоимения свободного выбора (FCI, *любой* и некодифицированная серия на *угодно*). Падучевой утверждает, что контексты снятой утвердительности характерны прежде всего для NSI, хотя даже они исключены в конструкциях с отрицанием (кроме контекста 1.4.). В целом для них более специфичны «нижние» в таблице, не связанные с отрицанием контексты. Для NPI типичны контексты с имплицитным отрицанием («верхние» в таблице), но они не лицензируются (= не допускаются) в контекстах 7–10. FCI с семантикой экзистенциальной квантификации возможны во всех контекстах снятой утвердительности, включая прямое отрицание. Референтные неопределенные местоимения не требуют лицензирования: они возможны как в утвердительных, так и в контекстах снятой утвердительности, хотя первые считаются для них более типичными.

2. Данные

Привлечение реальных корпусных данных о частотности неопределенных местоимений в приведенных выше контекстах позволяет по-новому взглянуть на проблему лицензирования неопределенных местоимений. Настоящее исследование основано на данных, полученных в рамках проекта университета Регенсбурга, посвященного некодифицированным неопределенным местоимениям в славянских языках, проведенного под руко–вод–ством проф. д-ра Бьерна Ханзена[1]. Из пяти больших славянских веб-корпусов, доступных

[1] Проект «Составные местоимения в славянских языках. Семантическая карта неопределенности второго поколения» профинансирован Немецким научно-исследовательским обществом (Deutsche Forschungsgemeinschaft) – HA 2659/10-1.

в Sketch Engine[2] (https://sketchengine.eu), были извлечены данные[3] о дистрибуции и частотности 51 серии[4] кодифицированных и некодифицированных (типа польск. *mało co*, чешск. *bůchvíkdo*) неопределенных местоимений. Список серий дан в Табл. 2. Для этого все представленные в Табл. 1 контексты были формализованы в виде CQL-запросов, а результаты вручную очищены от шума и интерференции. После этого для каждой серии в каждом контексте была рассчитана и приведена к шкале от 0 до 10 нормализованная относительная частотность с учетом частоты самой серии и контекста, что обеспечивает сравнимость данных для всех языков и контекстов.

	русск.	украинск.	польск.	чешск.	хорватск.
префиксальные	*абы* *Бог весть* *черт-те* *мало* ***кое-*** *не пойми*	*багато* ***казна-*** *невідомо* *мало* *Бог зна(є)*	*bądź* *(nie)byle* *cholera wie* *lada* *mało*	*bůchví:* *jedno* *kdoví:* *lhostejno* ***málo:*** *nevím:* *sotva:*	***bilo*** *Bog zna* ***gdje-*** ***i-*** ***koje-*** *malo* *mnogo*
постфиксальные	*бы то ни было* ***-то*** ***-либо*** ***-нибудь*** *угодно* *попало*	*завгодно* *попало* *б (то) не було* ***-сь*** ***-небудь***	*bądź* *popadło* ***-ś*** ***-kolwiek*** *śkolwiek*	*chceš/chcete* ***-koli(v)*** *je libo*	***-god*** *bilo*

Таблица 2. Анализируемые серии. Полужирным выделены кодифицированные маркеры неопределенности

3. Результаты

3.1 Отсутствие качественного лицензирования

Корпусные данные не подтверждают наличие качественного лицензирования неопределенных местоимений в славянских языках («элементы класса X допустимы в контекстах A, B, C, но исключены в других»). Говорить можно лишь о количественном лицензировании — и то преимущественно в отношении местоимений свободного выбора.

Так, модальные контексты (1) оказываются едва ли не более типичными для референтных местоимений, чем эпизодические. Для NSI контексты снятой утвердительности, не связанные с отрицанием (например, общий вопрос в 2), столь же частотны, как и эпизодические. Местоимения экзистенциальной квантификации, традиционно ассоциируемые с отрицательной поляризацией, не только встречаются в эпизодических (3) и

[2] Русск. ruTenTen11, украинск. ukTenTen20, польск. plTenTen12, чешск. csTenTen17 и хорватск. hrWaC.
[3] Хорватск. данные проанализированы Бьерном Ханзеном, чешск. – Мартиной Рыбовой.
[4] Под серией понимается совокупность местоимений, объединенных одним маркером неопределенности, например украинск. *казна-хто, казна-що, казна-який, казна-де* и т.д. Как правило, местоимения одной серии имеют схожую семантику и функционирование.

«нижних», например, модальных контекстах (4), но и демонстрируют в них высокую частотность.

(1) Мне нужно **кое-что** принести. (ruTenTen11)
(2) Ты ее за **что-то** наказываешь? - догадалась миссис Паркер. (ruTenTen11)
(3) В современном мире значение признанных авторитетов в **какой-либо** сфере деятельности многократно возросла. (ruTenTen11)
(4) Доп.плюсом будет знание **какой-либо** системы бронирования (сейчас у вас есть время пройти обучение). (ruTenTen11)

Местоимения свободного выбора также употребляются в «верхней» части контекстов – в том числе при отрицании вышестоящего предиката, как в (5). Однако их количественная дистрибуция в целом соответствует традиционным представлениям: наибольшая частотность наблюдается в модальных контекстах: возможности (7.1), долженствования (7.2) и прочих типах ирреалиса (8–10).

(5) Почти в любой "аналитической" передаче ТВ они не стесняются смачно плюнуть во **что угодно** русское - историю ли, национальный русский характер ли. (ruTenTen11)

3.2 Результаты кластеризации

Для статистической проверки выводов, полученных на первом этапе, а также для проверки гипотезы о возможности определения типа неопределенных местоимений только по их дистрибуции был проведен кластерный анализ. Для него использовались данные о частотности 51 серии местоимений в 25 контекстах снятой утвердительности и одном эпизодическом контексте. Для определения оптимального числа кластеров использовался силуэтный анализ, показавший, что оптимальное количество кластеров – два. Такое маленькое число свидетельствует о том, что классификация анализируемых местоимений на основе их дистрибуции в корпусе сильно затруднена. Для анализа были выбраны четыре кластера: это количество все еще превышает обычное пороговое значение для возможности выделения кластеров, но уже более соответствует существующим представлением о числе типов неопределенных местоимений.

Рассмотрение кластеров показало, что только один из них, включающий русск. серию с маркером неопределенности *угодно*, украинск. *завгодно*, польск. префиксальное *bądź*, а также чешск. *chceš/chcete* и *je libo,* соответствует существующим представлениям о лицензировании: семантически это местоимения свободного выбора. Остальные кластеры не соответствуют существующим представлениям и включают очень разнородные местоимения. Так, например, в одной группе находятся русск. NSI на *-нибудь* (предполагаемое лицензирование «нижней» частью контекстов снятой утвердительности), русск.

референтная серия на *-то* (постулируемое в литературе отсутствие лицензирования с преобладанием утвердительных употреблений) и польское местоимение случайного выбора (предполагаемое отсутствие лицензирования).

4. Выводы

Таким образом, проверка существующей теории лицензирования неопределенных местоимений на материале больших корпусов славянских языков показала, что она нуждается в значительном уточнении. Привлеченные данные о частотности, во-первых, позволяют говорить только о количественном, но не качественном лицензировании. Во-вторых, оказывается, что однозначное определение типа неопределенного местоимения только на основе его контекстуальной дистрибуции практически невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

Падучева, Елена Викторовна (2018) Русские местоимения свободного выбора. *Russian Linguistics* 3(42), 291–319

Падучева, Елена Викторовна (2015) Снятая утвердительность и невeридиктальность (на примере русских местоимений отрицательной полярности). *Russian Linguistics* 2(39), 129–162

Giannakidou, Anastasia (1998) *Polarity sensitivity as (non)veridical dependency*. Amsterdam

Haspelmath, Martin (1997) *Indefinite pronouns* (Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory). Oxford

Ladusaw, William A. (1980) *Polarity Sensitivity as Inherent Scope Relations*. New York & London

Progovac, Ljiljana (1994) *Negative and Positive Polarity: A Binding Approach* (Cambridge Studies in Linguistics). Cambridge

van der Wouden, Ton (1997) Negative Contexts Negative Contexts. Collocation, Polarity and Multiple Negation. New York

SCIENTIFIC NETWORKS OF SLAVISTS IN THE 20TH CENTURY : THE NUMERISLAV PROJECT / RÉSEAUX SCIENTIFIQUES DE SLAVISTES AU XXE SIÈCLE : LE PROJET NUMÉRISLAV

SYLVIE ARCHAIMBAULT, OLGA ARTYUSHKINA (FRANCE)

The NUMERISLAV (Slavicists' Archives) project [https://numerislav.huma-num.fr/] is an initiative dedicated to the preservation and promotion of European scientific heritage. The project is a collaborative effort between the Eur'ORBEM laboratory (Cultures and Societies of Eastern, Balkan and Median Europe, CNRS/Sorbonne University) and the Institute of Slavic Studies in Paris. These two entities share the same building, which was the mansion of Ernest Denis, the founder of the IES, located at 9 rue Michelet in the sixth arrondissement of Paris.

In the aftermath of the First World War, the French government authorized the University of Paris to expand with institutes dedicated to the study of foreign languages and cultures. This development signaled the institutional genesis of area studies, as evidenced by the establishment of institutes such as the Paris Institute of Slavic Studies, which recently commemorated its centenary. A library, research center, university-affiliated educational institution, and learned society were and still are brought together in a single location dedicated to Slavic studies in all humanities and social sciences.

The objective of the NUMERISLAV project is to provide these archives to researchers, students, and the general public free of charge. The development of this project was supported by the Faculty of Arts at Sorbonne University and the Ile-de-France Region, which has designated a Major Area of Interest Program for Text Sciences and New Knowledge.

The collections housed at the IES offer a coherent and representative corpus of Slavic studies from the 1920s to the 1980s. As an institute dedicated to the research and teaching of Slavic languages, it serves as both a creator and a repository of archives. The institution under consideration is a registered non-profit organization that functions as a venue for the production of knowledge, the exchange of ideas, and the debate of scientific issues. It is also noteworthy that the institution preserves all documents relating to its own functioning and activities.

The collections housed at the Institute are undergoing consistent expansion, a consequence of the contributions made by scholars themselves or their heirs. The utilization of these collections for research purposes is endorsed by a variety of archives dedicated to Slavic studies, the majority of which were produced between the 1920s and 1960s. Presently, 28 distinct collections have been identified, predominantly comprising manuscripts, drafts, and

correspondence, encompassing nearly a century of scientific output across multiple disciplines, including history, philology, literature, linguistics, ethnology, archaeology, and related fields. The list is as follows:

The Lev Tolstoy Iconographic Collection, the Joseph de Baye Collection, the Charles Salomon Collection, the André Mazon Collection, the Nikolaj Losskij Collection, the Hélène Sinany Collection, the Vladimir Butčik Collection, the Hubert Ripka/Noémi Schlochow-Ripka Collection, the Jacques Catteau Collection, the Michel Niqueux Collection, the Vladimir Peška Collection, the Michel Gorlin/Raïssa Bloch Collection, the Boris Nolde Collection, the Nikolaj Ocup Collection, the Roger Portal Collection, the Michel Aucouturier Collection, the Vladimir Vodoff Collection, the Pierre Pascal Collection, the Auguste Dozon Collection, the Ernest Denis Collection, the Ivan Šmelëv Collection, the Benjamin Goriély Collection, the Yves Millet Collection, the Nina Gourfinkel Collection and the Claudia Peralli Collection.

The NUMERISLAV initiative is a comprehensive endeavor that encompasses the identification, location, cataloging, digitization, and provision of the documents on a permanent, freely accessible portal hosted on the HumaNum platform.

The project is supported by the publication and innovative use of digitized documents. Its objective is twofold: first, to contribute to an in-depth mapping of French Slavic studies from a transnational perspective; and second, to create a genuine portal for French Slavic studies.

The inventory, the compilation of which is currently underway, is being integrated into the Calames catalog, which contains records of archival and manuscript materials in higher education institutions. This process is guided by the standards established by Calames. The portal has been partially accessible to the public since 2023. The implementation of digitized documents and the tools for their utilization are being executed in a phased manner. The integration of an iconographic database is currently underway. The objective of this study is to utilize the available archival material to trace the establishment and development of scientific networks in the field of Slavic studies.

The networking of complementary funds is facilitated by the establishment of national and international partnerships.

FROM THE MIDDLE AGES TO THE PRESENT MAKING THE WRITTEN HERITAGE AVAILABLE IN THE MANUSCRIPTORIUM AND KRAMERIUS DIGITAL LIBRARIES

LUKÁŠ BABKA (CZECH REPUBLIC)

In the context of the social changes that took place in Czechoslovakia in 1989, which, among other things, enabled the full use of modern technological processes, the issue of digitization and the use of digital data became one of the priorities in the Czech Republic shortly after the restoration of the democracy. In this paper I want to focus mainly on the ways of digitization and access to digitized documents from the library collections of Czech libraries. I am leaving aside archival, art and visual collections.

The first attempts of systematic digitization in the Czech Republic date back to 1992. The priority at that time was the so-called hybrid digitization combining simultaneous digitization and production of microfilm copies. The digitization process accelerated significantly in 2002. At that time, the Czech Republic was hit by extensive floods and many institutions realised the need to protect their collections and to preserve the Czech cultural heritage through digitization. These activities were supported by the state budget as well as by private donors. Currently, approximately 35 libraries in the Czech Republic are involved in digitizing their collections (of varying intensity). According to data provided by the Digitization Registry (Registr digitalizace – https://registrdigitalizace.cz), which records documents digitized in the Czech Republic through public sources, more than 580 000 volumes of printed and manuscript documents have already been digitized, including approximately 8500 periodical titles. The most productive institutions in terms of the number of digitized documents are the National Library of the Czech Republic, the Moravian Library in Brno, the Map Collection of the Faculty of Science of Charles University and the Slavonic Library (department of the National Library of the Czech Republic).

One of the most important libraries that have been involved in the systematic digitization of their collections since the early 1990s is the National Library of the Czech Republic, including its Slavonic Library. It established a separate digitization department in the first half of the 1990s. At that time, the digitization priority was mainly 19th and 20th century periodicals, which were threatened by the poor quality of the paper. In parallel with digitization, the library began to develop appropriate tools for managing digital data and making it accessible.

The turning point came in 2012, when a joint project of the National Library and the Moravian Library in Brno called the National Digital Library (Národní digitální knihovna – https://www.ndk.cz) was approved. This project was funded by the European Union. The

project enabled the development of a Digitization Strategy, the creation of relevant digitization standards, the construction of two modern digitization workplaces, the launch of mass digitization of modern Czech book production, and the development of tools for permanent preservation and appropriate access to digital copies of documents. Thanks to the processes set up at that time, the gradual digitization of Czech documents published from the end of the 19th century to the present day is still underway.

The National Digital Library was not the only digitization program of the National Library. Thanks to a project supported by the so called "Norway Grants", 16,000 Bohemian monographs published during the 19th century from the National Library's collection were digitized and made accessible between 2007 and 2010. This was followed up in 2011–2025 by a joint project of the National Library and Google. This enabled the digitization of approximately 210,000 volumes of historical and 19th century prints from the collections of the National Library and the Slavonic Library.

Two digital libraries are mainly used in the Czech Republic for accessing digital copies of books and periodicals: 1) Manusciptorium for manuscripts, historical maps and old prints (books published before 1800) and 2) Kramerius for modern production published after 1800.

The Manuscriptorium (https://manuscriptorium.com) portal integrates several functions. It is:

1) a comprehensive online catalogue of historical collections published before 1800;

2) a digital library of manuscripts, incunabula, old prints and historical maps;

3) a virtual research environment that facilitates studying historical documents, enables various forms of work with texts, comparing different versions of manuscript texts or creating virtual collections and exhibitions. This virtual research environment is being developed in particular for the new, fourth version of Manuscriptorium;

4) a Europeana sub-aggregator for the sphere of historical resources.

The first version of Manuscriptorium was launched in 2003 and the fourth version is currently being tested. Manuscriptorium is the product of a cooperation between the National Library and the technology company AiP Beroun. This partner is also the most important company in the Czech Republic focusing on the digitization of historical (especially manuscript) documents.

Thanks to its architecture, Manuscriptorium enables the aggregation of data from different partner institutions in one place, using a specially developed protocol for communication with other linked databases. It currently makes metadata or digital copies available from more than 240 partner institutions in 29 countries. In the case of the Czech

Republic, there are 72 participating institutions (libraries, museums, archives) that are digitizing their historical collections in some way. Thanks to this rich cooperation, Manuscriptorium integrates approximately 380,000 catalogue records and more than 150,000 digitized documents containing more than 62,000,000 images. The entire content of the Manuscriptorium is freely available to the public. Basic work (searching the catalogue, viewing digital copies) can be done without registration, for more advanced activities, such as storing processed data, creating exhibitions and other, free registration is required.

The Kramerius system (https://system-kramerius.cz) has been developed as an open-source software to provide Czech libraries with easy access to digitized books and periodicals. The first version of the system, developed by the National Library of the Czech Republic and the Library of the Czech Academy of Sciences, was fully launched in 2003. The Moravian Library in Brno and the Scientific Library in Olomouc were also involved in the further development of the software. Currently, the version 5 of Kramerius is most widely used, which is gradually being replaced by version 7. The new version is designed to meet the current user requirements in terms of functionality and design, to cope with the huge number of digitized documents, to provide the possibility of creating virtual collections, and at the same time to deal with the issue of accessibility of documents in accordance with the copyright law. It is also integrally involved (at least in the case of the largest Czech libraries) in a complex digitization workflow that starts with the selection of the document to be digitized and ends with the storage of comprehensive data packages in the LTP repository.

The disadvantage of Kramerius is the fact that every library digitizing its documents has its own Kramerius installation. It therefore only makes available documents digitized by that library. There are currently around seventy of these individual installations. It is possible to find out whether the document you are looking for has been digitized by using the above-mentioned Digitization Registry, which contains data on all library documents digitized thanks to public sources, as well as by randomly searching in the Union Catalogue of the Czech Republic (Souborný katalog České republiky – https://aleph.nkp.cz/cze/skc) or by browsing the catalogues of individual libraries. This problem is solved by a tool called the Czech Digital Library (Česká digitální knihovna – https://ceskadigitalniknihovna.cz). The Library of the Czech Academy of Sciences started its development in 2015. Since 2022, the National Library of the Czech Republic and the Moravian Library in Brno have joined the project. The aim of the Czech Digital Library is to make digital copies of all individual installations of the Kramerius system and other digital libraries used in the Czech Republic available in one central interface. The Czech Digital Library regularly indexes the catalogues of the individual

Kramerius digital libraries of the participating institutions and then dynamically downloads the required digital copies to the unified interface. The digital copies themselves remain stored in the repositories of the institutions that digitized the document. The Czech Digital Library is a Europeana sub-aggregator for the modern digitized documents published after 1800.

Currently, the Czech Digital Library displays documents from 11 Czech institutions, several more will join in the near future. It offers access to approximately 332,000 digitized titles.

The Czech Digital Library can also reflect the parameters of copyright protection of digitized titles and make them available to users in accordance with the specific settings. In the Czech Republic, in general, titles of periodicals that have been published more than 110 years ago and monographs whose authors have been dead more than 70 years ago are freely available. Of all digitized titles available in the Czech Digital Library, only 17% are freely available; all remaining must be studied directly in libraries. However, for several years now, a project called "List of works unavailable on the market" (Díla nedostupná na trhu – https://dnnt.cz) has been implemented in cooperation with the National Library of the Czech Republic, the Ministry of Culture of the Czech Republic and the relevant associations of authors and other copyright holders. This allows to make available to the readers of the libraries connected to the project documents that are unavailable on the book market (they cannot be purchased in bookshops) and which were published more than 10 years in the case of periodicals and more than 20 years ago in the case of monographs. All titles falling into this category are available via remote access, while a smaller number outside the list can only be accessed from the premises of the participating libraries. Annually, the Ministry of Culture pays a fee to the associations providing copyright protection, which they redistribute to specific authors. Thanks to this project, the number of digitized documents available in the Czech Digital Library that can be studied via remote access has increased to approximately 80%.

The digitization of manuscripts, historical prints and modern books and periodicals in the Czech Republic continues and it is uncertain whether it will ever be fully completed. However, I believe that the Czech Republic is an advanced country in the field of digitization of library collections, not only in terms of the number of digitized documents and the way they are made available, but also in terms of storage and management of digital data.

INFORMATION SERVICES FOR SLAVIC STUDIES IN THE 21ST CENTURY : GERMAN EXPERIENCE ON THE WAY FROM PRINTED COLLECTIONS TO ARTIFICIAL INTELLIGENCE

OLAF HAMANN (GERMANY)

Following Germany's defeat in the First World War, the situation regarding the supply of foreign literature for research in Germany became extremely difficult. Contacts between German libraries, publishers, and bookstores abroad had largely come to a standstill. Therefore, at the end of 1920, the "German Association for the Preservation and Promotion of Research – Emergency Association of German Science – E.V." („Deutsche Gemeinschaft zur Erhaltung und Förderung der Forschung – Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft – E.V.“, further: Notgemeinschaft) was founded to "avert the danger of complete collapse to German scientific research posed by the current economic emergency."[1] The founding meeting took place on October 30, 1920, at the Prussian State Library – the successor to the Royal Library of Berlin.[2] The choice of location for the founding and the establishment of a Library Commission alone illustrate the special importance attached to libraries for research.

Collection development in the 20th century

The top priority for the Library Commission of the Notgemeinschaft was to support the library's acquisition of new collections, especially foreign journals. For all German libraries, the number of subscribed foreign journals had fallen from 3,000 before the war to 250. With the support of the Notgemeinschaft, exchange relationships with foreign countries were greatly expanded. As early as the 1922/1923 fiscal year, the Library Commission identified approximately 300 exchange relationships, through which approximately 600 foreign journals were acquired.

In 1926, the German Exchange Office (Reichstauschstelle)[3] was established within the Library Commission, which, among other things, supported an intensive exchange with Soviet Russia. By 1931, approximately 16,000 titles from the Soviet Union had been allocated to the

[1] DFG: Geschichte der Notgemeinschaft: Forschungsförderung in den 1920er Jahren. - https://www.dfg.de/de/ueber-uns/ueber-die-dfg/geschichte/notgemeinschaft, accessed on 30.05.2025.

[2] DFG: Die Tätigkeit des Bibliotheksausschusses. - https://www.dfg.de/de/ueber-uns/ueber-die-dfg/geschichte/notgemeinschaft/anfangsjahre#291682, accessed on 30.05.2025.

[3] SBB: Forschungsprojekt „Reichstauschstelle und Preußische Staatsbibliothek zwischen 1933 und 1945. Aspekte der Literaturversorgung unter der Herrschaft des Nationalsozialismus.“ - https://staatsbibliothek-berlin.de/die-staatsbibliothek/abteilungen/handschriften-und-historische-drucke/sammlungen/historische-drucke-ab-1501/projekte/projekt-reichstauschstelle, accessed on 30.05.2025.

Prussian State Library alone.[4] The German policy itself leading to World War II interrupted this positive development. The Prussian State Library's collections, which had grown to over three million volumes in 1940, were evacuated to thirty locations throughout the German Reich to protect them from bombing raids. The hoped-for protection of the collections was only partially successful. Today we know that over 700,000 volumes never returned to the State Library. After the end of the war, separate libraries were established in each of the two German states based on the relocated PSB collections: the Public Scientific Library (Öffentliche Wissenschaftliche Bibliothek) in East Berlin, which was renamed the German State Library (Deutsche Staatsbibliothek) in 1954, and the institution in Marburg, initially known as the Hessian, then West German, and later the Prussian Cultural Heritage State Library (Staatsbibliothek Preußischer Kulturbesitz – SPK), and subsequently in West Berlin. It was not until 1990, in the course of the restoration of German reunification, that the two libraries and their collections were merged into what is now the Staatsbibliothek zu Berlin (SBB).[5]

The East Berlin branch continued the tradition of exchange relations based on intergovernmental cultural agreements with Eastern European states, acquiring approximately 630,000 physical units from Eastern Europe by 1990. At the Marburg branch, the prospects for further development of the collection remained unclear for a long time. Nevertheless, an Eastern Europe Department was established there in 1950, which, with the support of the German Research Foundation, intensively collected contemporary and historical publications from the region. With the start of construction of the library building on Potsdamer Straße in West Berlin, the SPK gained a clear perspective and was able to expand its Eastern Europe collection to approximately 377,000 prints by 1990. The focal points of collection development in both branches complemented each other, so that the number of duplicates was lower than initially feared.

DFG-funded Special Subject Collections

In the second half of the 1990s, the DFG reformed the system of special subject collections (SSG) to provide literature for research in Germany. The new federal states were to be integrated into this form of support for a distributed national library. As part of this, the SBB took over responsibility for the SSG Slavic Languages and Literatures from the Bavarian State

[4] Bödeker, Hans Erich and Bötte, Gerd-J.. *NS-Raubgut, Reichstauschstelle und Preussische Staatsbibliothek*, Berlin, New York: K. G. Saur, 2008. https://www.degruyterbrill.com/document/doi/10.1515/9783598440915/html?lang=de, accessed on 30.05.2025.
[5] According the different names of the today SBB: SBB-Website: History 1945-1990: https://staatsbibliothek-berlin.de/die-staatsbibliothek/geschichte, accessed on 30.05.2025.

Library in Munich in 1998. This was based on the extremely extensive collections that had been assembled by the SBB over the previous decades. Since then, the Eastern Europe Department has acquired approximately 5,000 publications annually on the linguistics and literary studies of Slavic languages, both from the region itself and from other countries where these languages and literatures are intensively researched. Preference is given to the original language, with translations being acquired as supplementary material. Novels, short stories, volumes of poetry, and children's books in Slavic languages, as well as their translations into German, are acquired too. In recent years, electronic publications have also been acquired under license. The recording of Open Access publications is receiving increasing attention.[6]

„Slavistik-Portal“

With the rapid development of the internet, the German Research Foundation (DFG) supported the establishment of virtual specialist libraries. The resulting Slavistik-Portal (Slavic Studies Portal)[7] has been online since 2007. It is regularly expanded and redesigned, adapting to new technological developments and the expanding requirements of Slavic research.

During the first ten years of its development, the Eastern Europe Department focused on expanding bibliographic information and on including relevant online information. To this end, the diverse printed bibliographies on the development of Slavic studies in Germany and Europe were converted into electronic form and made searchable in a structured manner. Thus, the Slavistik-Portal now allows for successful research by authors and titles of monographs, articles, reviews, and conference contributions.[8]

The conversion of international bibliographies also played a major role. In cooperation with the Slovanská knihovna in Prague, the bibliographies of the International Congresses of Slavists since 1929 have been converted into electronic format and made digitally searchable. Today, all 15 printed volumes of the congresses from Prague 1929 to Minsk 2013 are included.

---

[6] SBB: Eastern Europe Department: Principles for the collection development: https://staatsbibliothek-berlin.de/die-staatsbibliothek/abteilungen/osteuropa/sammlungen/bestandsaufbau and https://staatsbibliothek-berlin.de/sammlungen/fachinformationsdienste/slawistik/information, both accessed on 30.05.2025.

[7] https://slavistik-portal.de/; s.a.: Nagovnak, Katrin. *Informationsressourcen für Slawisten*, Berlin, Boston: De Gruyter Saur, 2017. https://doi-1org-1zznavbhq013d.erf.sbb.spk-berlin.de/10.1515/9783110521276, S. 293 ff.

[8] Bibliographie slavistischer Arbeiten aus deutschsprachigen Fachzeitschriften 1876-1983. – s.: https://slavistik-portal.de/datenpool/bibslavarb-vol.html; Materialien zu einer slavistischen Bibliographie 1945-1983. – s.: https://slavistik-portal.de/datenpool/matslavbib-vol.html; Bibliographie slawistischer Publikationen aus der Deutschen Demokratischen Republik 1946-1986. - s.: https://slavistik-portal.de/datenpool/bibslawpub-vol.html; Bibliographie slawistischer Veröffentlichungen aus Deutschland, Österreich und der Schweiz 1983/1987-1992. – s.: https://slavistik-portal.de/datenpool/bibdatslav-db.html; Online-Bibliothek der deutschsprachigen Slavistik 1993-2006 (Olbislav). – s.: http://slavistik-portal.de/datenpool/olbislav-db.html?pageNum=1, all accessed on 30.05.2025.

The bibliography for the 16th International Congress in 2018 in Belgrade has been created digitally for the first time and can also be researched via the Slavistik-Portal.[9]

The European Bibliography of Slavic and East European Studies (EBSEES) was a joint project of the Catholic University of Leuven, the Eastern Europe Department of the Staatsbibliothek zu Berlin (SBB), the Helsinki Institute of Slavic Studies at the University of Helsinki, the École des Hautes Études en Sciences Sociales - Centre d'Etudes des Mondes Russe, Caucasien et Centre-Européen in Paris, the Council for Slavic and East European Library and Information Services (COSEELIS), the University Library in Groningen, the Austrian National Library in Vienna, and the Swiss Library for Eastern European Studies in Bern. The SBB has undertaken the long-term archiving of more than 85,000 bibliographic descriptions of journal articles, reviews, and dissertations on Eastern Europe published in Western Europe between 1991 and 2007 and made the data accessible via the Slavistik-Portal and as a special online bibliography.[10]

Great attention is paid to the compilation of tables of contents. Over 500 relevant journals, yearbooks, and yearbook-like series are evaluated, and the tables of contents are compiled and structured for bibliographic research.[11] In addition, the tables of contents of anthologies and conference proceedings are scanned, processed using OCR, and thus made digitally searchable for keyword research. All of this bibliographic data is accessible via the Slavistik-Portal and special New Acquisitions Services (NED).[12]

Specialized Information Services for science and research

The use of the internet and modern research tools is not only evident in the growing number of specialist websites. The Slavistik-Portal currently integrates over 2,000 websites into the research.[13] Full texts with licensed access[14] and available in Open Access (OA) are also increasingly determining the search for research-relevant content. Therefore, following an

[9] Bibliographie der Internationalen Slawistenkongresse. - https://slavistik-portal.de/datenpool/bibslavkon-info.html, accessed on 30.05.2025.
[10] See: https://ebsees.staatsbibliothek-berlin.de/, accessed on 30.05.2025.
[11] Online Contents (OLC) Slavistik. - https://slavistik-portal.de/zeitschriften/olc-alphabetisch.html, accessed on 30.05.2025.
[12] NED are offered for monographic publications https://slavistik-portal.de/ned.html as well as for journal articles https://slavistik-portal.de/olcned.html, both accessed on 30.05.2025.
[13] Slavistik-Guide: https://slavistik-portal.de/datenpool/slavistik-guide-db.html, accessed on 30.05.2025.
[14] DFG-geförderte Lizenzen für elektronische Medien. - https://www.nationallizenzen.de/, accessed on 30.05.2025.

evaluation of the system of Special Subject Collections[15], the DFG decided to further develop it into Specialized Information Services for science and research (FID).[16]

The FID should align their information services more closely with current research needs in their respective disciplines, strengthen collaboration with researchers, manage the transition to digital information resources, and develop innovative information services that go well beyond the level of basic services provided by university and college libraries. The first FID funding began in 2014.[17] For Slavic Studies, the transition began with the 2016-2018 funding period. Since then, the Eastern Europe Department has submitted three additional funding applications for the FID Slavic Studies to the DFG and successfully presented them to a panel of experts. The current funding period runs until December 2027.

With the transition to the Slavic Studies FID, the SBB's Eastern Europe Department expanded its long-standing contacts with the Association of German Slavic Studies (Verband der deutschen Slavistik)[18] and has since cooperated with an advisory board of linguists and literary scholars in Slavic studies in Germany. Regular meetings are held to discuss current issues relating to information provision and the development of innovative services that build on SBB's traditional offerings, but further develop them, thus achieving a new level of research support. Some of these offerings are presented in more detail below.

MultiSlavDict

Among the innovations at the Slavic Studies FID is the development of a multilingual historical dictionary of Slavic languages (MultiSlavDict - MSD). Based on digitized copies of historical dictionaries of Slavic and non-Slavic languages, an accurate electronic copy of the dictionaries was created in cooperation with a service provider. All information on the lemmas available in print, including information conveyed in various fonts such as bold or italics, was taken into account during the compilation. The MSD allows for searching all recorded dictionaries simultaneously or in any of the seven currently recorded dictionaries.[19] Six more dictionaries

[15] Anne Lipp: Auf dem Prüfstand: Das DFG-geförderte System der Sondersammelgebiete wird evaluiert. – In: Zeitschrift für Bibliothekswesen und Bibliographie, 57(2010) S. 235-244.
[16] Transfer of Special Subject Collections to the "Specialised Information Services" Programme - DFG, German Research Foundation - Transfer of Special Subject Collections to the "Specialised Information Services" Programme, accessed on 30.05.2025.
[17] DFG: The “Specialised Information Services” programme. - https://www.dfg.de/en/research-funding/funding-opportunities/programmes/infrastructure/lis/funding-opportunities/specialised-info-services, accessed on 30.05.2025.
[18] Verband der deutschen Slavistik: http://www.slavistenverband.de/, accessed on 30.05.2025.
[19] SBB: Slavistik-Portal: MultiSlavDict: https://slavistik-portal.de/msd/, accessed on 30.05.2025.

are to be integrated by the end of 2027.[20] The dictionaries recorded so far document the Slavic languages Bulgarian, Church Slavonic, Czech, Polish, Russian, Ruthenian, and Serbian as well as the non-Slavic reference languages German, Greek, and French.

SlavDok[21]

The collection of Open Access publications has gained enormous importance in recent years. The Slavic Studies FID is responding to this need by establishing a subject-specific repository. The goal is to provide free access to quality-assured original scholarly articles, secondary publications, and research data from all areas of Slavic Studies.[22] SlavDok is aimed at graduate academic staff at universities and non-university research institutions. Student theses are only included on the basis of positive expert reviews from university lecturers. The OA publications to be included can take a wide variety of forms, from articles from journals or anthologies to podcasts or blog entries. Research data can also be secured for reuse in other contexts and provided with metadata. After registration, researchers can upload their publications independently. All documents receive a Digital Object Identifier (DOI) and are simultaneously indexed in library catalogue systems. This ensures the documents' discoverability beyond the scope of the Slavistik-Portal. SlavDok reserves the right to conduct a thematic review before publishing publications to ensure the content-related rigor of the repository. SBB also manages the long-term availability of the stored OA documents.

The Text Corpus of Church Slavonic Prints - (Slav)CorpHub[23]

The SBB has a relevant collection of Church Slavonic texts available in digital form.[24] At the suggestion of the Advisory Board, these prints were evaluated and indexed using, among other things, the Transkribus software. A search bar allows the previously recorded contents of the

[20] The following dictionaries are to be converted by the end of 2027: Šulek, Bogoslav: Deutsch-Kroatisches Wörterbuch. Njemačko-hrvatski rječnik. Agram 1854-1860; Palkovič, Juraj: Böhmisch-deutsch-lateinisches Wörterbuch. mit Beyfügung der den Slowaken und Mähren eigenen Ausdrücke und Redensarten. Prag 1820-1821; Miklosich, Franz. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien 1886; Linde, Samuel Bogumił. Słownik języka polskiego. Lwów 1854-1860; Vostokov, A. Ch.: Slovar' cerkovno-slavjanskago jazyka. Sanktpeterburg 1858-1861; Sreznevskij, Izmail Ivanovič: Materialy dlja slovarja drevne-russkago jazyka po pis'mennym pamjatnikam. Sanktpeterburg 1893-1912.

[21] SBB: Slavistik-Portal: SlavDok: https://slavdok.slavistik-portal.de/content/index.xml, accessed on 30.05.2025.

[22] SBB: Slavistik-Portal: SlavDok-Sammelprofil / SlavDok-Collection Profile: https://slavdok.slavistik-portal.de/content/about/sammelprofil.xml, accessed on 30.05.2025.

[23] SBB: Slavistik-Portal: Textkorpus der kirchenslawischen Drucke / Text Corpus of Church Slavonic Prints (Slav)CorpHub: https://slavistik-portal.de/corphub.html, accessed on 30.05.2025.

[24] SBB: Slavistik-Portal: Sammlung kirchenslawischer Drucke / Collection of Church Slavonic prints: https://slavistik-portal.de/datenpool/ksl-db.html, accessed on 30.05.2025.

prints to be searched for words or syllables in Cyrillic or Latin script.[25] The corpus is systematically expanded and refined.

Translation Database Slaw→DE

At the direct suggestion of the Advisory Board, the Slavic Studies FID began building a translation database of novels, prose, and poetry collections in Slavic languages into German. A beta version was released at the end of 2023. As the FID continues to develop, this service will be made permanent for teaching purposes. The goal is to link works in Slavic languages with available translations into German or existing digital copies.[26] The success of the project depends directly on the quality of the metadata in libraries OPACs. Literary translations are not always easy to differ from those of historical or political works. However, even in the current form, translations from Slavic languages as Ukrainian, for example, can be displayed via a special language bar.[27] Also impressive is a tag cloud that shows translators with at least two translated works.[28]

Conclusion

Closer coordination with the research community within the framework of the FID program has resulted in better coordination with the development of library services for Slavic studies in Germany. Based on a secure collection of printed sources coupled with access to digital collection content, new opportunities for the evaluation of existing data sources for research are emerging. Increasingly, elements of Artificial Intelligence such as Large Language Models (LLM) are being used to facilitate the rapid evaluation of digital sources and their connection to printed collections.

[25] SBB: Slavistik-Portal: Search example for Cyrillic „пост“: https://slavistik-portal.de/widget/traksl/?q=*пост*, accessed on 30.05.2025.
[26] SBB: Slavistik-Portal: Übersetzungsdatenbank SLAW→DE beta: https://slavistik-portal.de/datenpool/transl-db.html, accessed on 30.05.2025.
[27] SBB: Slavistik-Portal: Übersetzungsdatenbank SLAW→DE beta: https://slavistik-portal.de/datenpool/transl-db.html?let=ukr, accessed on 30.05.2025.
[28] SBB: Slavistik-Portal: Übersetzungsdatenbank SLAW→DE beta: https://slavistik-portal.de/datenpool/transl-tg.html, accessed on 30.05.2025.

TWENTY-FIVE YEARS OF THE DOCUMENTATION CENTER FOR EASTERN AND CENTRAL EUROPEAN LITERATURE

STEPHAN-IMMANUEL TEICHGRÄBER (AUSTRIA)

The Documentation Center for Eastern and Central European Literature was founded on August 28, 2000,[1] at Café Rüdigerhof in Vienna by a writer, Beppo Bayerl, an architect, Rifat Kurtagić, a publisher, Robert Mlinarić, a cultural activist, Franjo Bauer, and a literary scholar, Stephan-Immanuel Teichgräber. As you can see, no women were involved, which in retrospect may have been a mistake, or at least had some influence on its development. The aim was to address Central and Eastern European literature, which eleven years after the collapse of real socialism was still not being received in the West, despite the seemingly great enthusiasm for it in the 1990s. With the exception of Wieser Verlag in Klagenfurt, no German-speaking publisher pursued a concrete strategy to eliminate this deficit, this blank spot on the map of European literature. Thus, authors like Sándor Marai were rediscovered in Italy and from there introduced to the German-speaking world. On the other hand, the GDR publishers were not liquidated but transferred to other hands—more precisely, privatized, which then no longer published the literature of Central and Western Europe.[2]

One reason for establishing the Documentation Center for Eastern and Central European Literature in Vienna was that we value standard Austrian German in our translations, perhaps even with a Viennese accent. For the database of the Documentation Center for East and Central European Literature, this means that we have chosen German as the base language, not English, since such databases already exist. At the same time, the datasets should be freely accessible, i.e., open access, meaning access that is not used commercially. We also want the original languages to be the focus, with German being the primary language of communication.

The Documentation Center for East and Central European Literature, based in Vienna, offers journalists and literary scholars information on literary and cultural journals, organizes event series, and provides a systematic overview of writers, journalists, scholars, and institutions on the subject of Central and Eastern Europe on its website. Each author is listed with information on their activity (e.g., genre), country of work, language, and a brief biography.

[1] Some sources also mention September 1st, which is correct in itself, but the club police set this date and are sticking to it despite objections.

[2] In the 1970s, the Volk und Welt publishing house published a series called Explorations, which produced an anthology of 19 Polish authors in 1972 and one of 20 Hungarian authors in 1975. However, this series was not specialized in Central and Eastern Europe, but also published anthologies of Swiss, Palestinian, and Danish storytellers, Irish stories and Austrian storytellers, and even an anthology of 19 West German storytellers in 1965.

The Documentation Center was founded in 2000 and is increasingly developing into a non-university academic institution. Through its focus on Central Europe, it can serve as a pivotal point for Vienna's cultural policy within its geographical context. Unfortunately, the Viennese media landscape is not yet advanced enough to fully utilize the potential of the Documentation Center for Eastern and Central European Literature. The mission of the Documentation Center in Austria is also to raise the general educational standard in Austria beyond the university level and, in particular, to fulfill the social responsibilities of the humanities, social sciences, and cultural studies.

With regard to literary and cultural journals from Eastern and Central Europe, the Documentation Center focuses on the most important ones that are not available in any other library in Vienna.

Documentation of literature in the national languages, thus serving as a reliable source of information for cultural management and the press in Austria regarding inquiries about new publications, trends, and authors in the respective countries. This is intended to provide appropriate guidance to anyone who lacks the necessary linguistic and cultural knowledge.

- The Documentation Center maintains an extensive collection of literary and cultural journals from Austria, Hungary, Slovakia, the Czech Republic, Poland, Croatia, Serbia, Russia, Germany, and Italy.

- Collecting new fiction publications from Eastern and Central Europe

- Academic conferences on contemporary literature

- Collaboration with local writers' and translation associations, with associations and initiatives in the field of multicultural integration, and organizing its own literary festival.

- Presentations of new authors and works, critical discussions on the discourse of contemporary European literature.

- Publishing activities, a series of publications at Peter Lang

- Collaboration with the press, radio, and television, as well as its own contributions

The Documentation Center for Eastern and Central European Literature is also an internet portal and maintains contact with authors and publishers. For three years, we produced at Okto (a local TV-station) a monthly cultural magazine. We also translated literary texts and literary studies excerpts into German, and organized readings.

Established a degree program in Central and Eastern European literature and cultural studies, offering lectures and seminars in all humanities and cultural studies subjects (history, philosophy, geography, etc.).

The Documentation Center for Eastern and Central European Literature offers refuges for authors, one in Slovakia in Poradie below the Javorina in the White Carpathians on a farm with a large garden, and a house in Rossiolo in Abruzzo.

How have we implemented our project over the past twenty-five years?

We present one of the first projects of the Documentation Center for Eastern and Central European Literature here. https://www.ots.at/presseaussendung/OTS_20020220_OTS0076/ integrationsprojekt-der-buecherei-pannaschgasse

At the beginning of our work, it became apparent that Slovak and Ukrainian literature, in particular, were being treated with particular neglect. We have therefore introduced and translated numerous Slovak and Ukrainian authors. Among the first, I would like to mention Oksana Zabuschko, Halia Petrosaniak, Serhiy Zhadan, Timofiy Havriliv, and Yuriy Andrukhovych, the latter of whom was already very well known. The situation has changed significantly with Ukrainian literature, and it is now one of the most well-known in Western Europe, at least in the German-speaking world. For Slovak authors, that would be a very long list, but I would like to limit myself to just a few: Michal Hvorecký, Pavel Vilikovský, Mila Haugová, Peter Šulaj, Dušan Tarageľ, Dana Podracká, Peter Krištúfek, and Dominika Moravčiková. The annual "Literary Spring" festival serves to promote these authors.

We also regularly host academic lectures. One such event was the "Vienna Philosophical Forum," which presented more than thirty philosophers from Central and Eastern Europe. We placed a particular emphasis on younger philosophers with whom we maintain close contact to this day. Most of the Russian philosophers are now in exile. Unfortunately, the City of Vienna discontinued its funding for the Philosophical Forum in 2023. Other series include "Literary Studies in Centrope," "Vienna Sociological Forum," "Linguistics in Centrope," and "Archaeology in Centrope."

We have consistently collaborated with the University of Vienna, the Austrian Academy of Sciences, the Institute of Slovak Literature of the Slovak Academy of Sciences, the Institute of World Literature of the Slovak Academy of Sciences, and the Institute of Czech Literature of the Czech Academy of Sciences. This has also meant that we have participated in numerous conferences at these institutions.

But we have also organized conferences or lecture series ourselves and then made them available to the public as publications.

RUSSIA ABROAD DIGITAL COLLECTION
HOOVER INSTITUTION, STANFORD UNIVERSITY

VLADIMIR A. VON TSURIKOV (USA

This presentation focuses on the creation of a new digital initiative by the Hoover Institution Library & Archives at Stanford University.

On March 30, the Hoover Institution Library and Archives announced in a news release a generous donation from John Stephan, Professor Emeritus of Russian and Japanese history at the University of Hawai'i at Mānoa and a specialist on the Russian Far East and émigré Russian communities. This donation was earmarked for the creation of a vast, searchable digital collection of newspapers, initially identified as the Russian Diaspora Initiative (RDI).

"By digitizing Russian vernacular newspapers serving Russian communities in Eurasia, the Americas, and Oceania," Professor Stephan stated, "the Hoover Institution Library & Archives will offer readily accessible, searchable, comprehensive coverage of diverse and at times discordant voices of millions of former Tsarist subjects and Soviet citizens and their descendants in a global 'Russia abroad' (Rossiiskoe zarubezh'e) during seventy-four years of Soviet rule (1917–91)."

The press release also highlighted that "As anyone who has ever handled old newsprint knows, it is one of the most brittle formats for print media: the paper used in the production of newspapers was once extremely acidic, as the medium was not intended to last a long time. This is particularly true of émigré titles, which usually operated on small budgets and used less costly, more fragile paper. Consequently, Russian émigré newspapers are particularly ephemeral, and most of what has survived is in an extremely fragile state. Fortunately, digitization can make these sensitive materials widely available without further risk of damage to the originals—and the holdings of the Library & Archives are among the best in the world."

The Russian Diaspora Initiative thus established a digital repository named Russia Abroad Digital Collection (RADC), modeled on Hoover's Japanese Diaspora Initiative's Hoji Shinbun Digital Collection.

The Japanese Diaspora Initiative (JDI) is a collecting and digitization project that has produced the largest single source for open-access digitized global Japanese newspapers. It has also brought many significant archival collections to Hoover, including the Sakata Yasuo, Ashizawa Hirozumi, and Mitsuo Fuchida papers.

The first selection of newspapers for inclusion in the Russia Abroad Digital Collection was drawn from Hoover's own collection, utilizing both original print sources and microfilm

holdings. Initial shipments of microfilms were transferred to Hoover's technical vendor, EastView Information Services, in December 2023, with processing effectively beginning in late January 2024. Within approximately one year, we are now able to share initial results of this process. In a press release published on November 18, 2024, the Hoover Institution Library & Archives announced the official launch of the Russia Abroad Digital Collection, an open-access platform that provides a global gateway to digitized newspapers of the Russian diaspora between 1917 and 1992.

The stated goal is to digitize all available Russian-language newspapers and enable worldwide research of their contents. While the initial expectation for the RADC platform was to include approximately 300 titles from up to 30 different countries, these were rather modest initial estimates. As a growing database of newspapers of the Russian diaspora, this digital platform is well on track to exceed these numbers by the end of this year.

While Hoover's own collection of newspapers forms the core of the source materials, RADC is actively identifying titles that already exist in digital form or are available elsewhere on microfilm to create the largest online collection of Russian diaspora newspapers globally. All of these materials are offered at no charge without any subscription fees, representing a paradigm shift for researchers worldwide, especially as access to collections within the Russian Federation has become extremely problematic in recent years.

Newspapers in the Russia Abroad Digital Collection originated from various host countries where Russian émigrés settled and formed refugee communities. Publications included thus far were printed in Argentina, Austria, Bosnia-Herzegovina, Bulgaria, China, Estonia, Finland, France, Georgia, Germany, Latvia, The Netherlands, Philippines, Poland, Romania, Serbia, United States, and Uruguay, with the list continuing to expand.

The Russia Abroad Digital Collection is a highly valuable resource because it allows access to émigré newspapers on one searchable platform, eliminating the need to visit physical repositories. This project is both timely and valuable, helping scholars and the public alike overcome challenges to conducting research in Russian and Ukrainian archives and libraries.
To date, the Russia Abroad Digital Collection includes 109 titles comprising 636,577 pages, fully digitized and OCR-processed, with various search functions. All titles are listed in both Russian and English and can be searched by title, keyword, location, or date using either alphabet. The largest number of digitized pages is currently from 1933, which comprises a total of 3,913 pages. Included titles currently span from 1911 to 2010.

As the platform has recently launched, improvements to its functionalities will continue. All titles, with the exception of *Novoe russkoe slovo*, are freely accessible by users regardless of location. Due to copyright agreements, *Novoe russkoe slovo* can currently only be viewed from within the Hoover and Stanford libraries.

The Russia Abroad Digital Collection is the result of a truly collaborative effort. Like JDI or the Hoji Shinbun Digital Collection, RADC works with numerous external partners and contributors, which allows this project to achieve international significance not only because of its content but also due to cross-border collaborations.

While the Hoover Library & Archives are actively digitizing newspapers from their own collections, both from print and microfilm, Hoover is also collaborating with numerous repositories around the world.

Currently, RADC's project partners include the Berlin State Library (Staatsbibliothek zu Berlin), Latvian National Library (Latvijas Nacionālā biblioteka), Museum of Russian Culture (Музей русской культуры), National Library of the Czech Republic - Slavonic Library (Národní knihovna České republiky – Slovanská knihovna), National Library of Estonia (Eesti Rahvusraamatukogu), The New York Public Library, Russian Life (Русская жизнь), Russian Print Abroad, Stanford University Libraries, and the University of Hawai'i at Mānoa Library.

Several of these repositories have contributed numerous titles in digital form to RADC, including the Berlin State Library, Latvian National Library, National Library of Estonia, and Russian Print Abroad.

RADC's partnership with the National Library of the Czech Republic – Slavonic Library (Slovanská knihovna) has led to the digitization of more than 150 titles from microfilm, which will begin to be made available on RADC's platform by the end of 2025. Slovanská knihovna has also contributed various previously digitized titles; however, an overwhelming percentage of its Russian diaspora newspapers have not been digitized or microfilmed. Slovanská knihovna's holdings of Russian émigré periodicals number more than 3,000 titles, and the Hoover Institution and Slovanská knihovna have embarked on an ambitious goal to begin digitizing print titles from Slovanská knihovna's holdings that fall within the scope of the Russia Abroad Digital Collection. This process could potentially yield up to 900 additional titles, including numerous rare and unique publications not preserved at other institutions.

This presentation will introduce various platform functionalities as well as several rare titles that have been made available to users as a result of this initiative.

RAZGLEDNICE SLOVENSKEGA OZEMLJA V AVSTRO-OGRSKI: JEZIKOVNI VIDIK. LJUBLJANA IN MARIBOR

HEINRICH PFANDL (ÖSTERREICH)[11]

Short abstract in German, Slovenian, English:
In diesem Beitrag soll anhand der Entwicklung der Postkarten in den beiden Städten Ljubljana (deutsch: Laibach), der Hauptstadt des damaligen Kronlandes Krain, sowie Maribor (deutsch: Marburg an der Drau), einer Stadt im Kronland Steiermark, gezeigt werden, in welchem Ausmaß und auf welchen Gebieten sich die beiden in diesen Städten konkurrierenden Sprachen auf diesem neuen Massenmedium durchsetzten. Dabei zeigt sich, dass sich das Slowenische im slowenisch dominierten Ljubljana zusehends als neutrales Kommunikationsmittel durchsetzen konnte, während im stark deutsch dominierten Maribor das Slowenische vor allem auf kirchlich geprägten Postkarten zum Einsatz kam.

Članek na primeru razvoja razglednic Ljubljane (nem. Laibach), glavnega mesta takratne dežele Kranjske, in Maribora (nem. Marburg an der Drau), mesta v kronovini Štajerski (Steiermark), prikazuje, koliko in na katerih področjih sta se v teh dveh mestih uveljavljala konkurenčna jezika v novem množičnem mediju. Ugotavljamo, da se je slovenščina v Ljubljani, kjer je tudi prevladovala, vse bolj uveljavljala kot nevtralno komunikacijsko sredstvo, v Mariboru, kjer je močno prevladovala nemščina, pa se je slovenščina uporabljala predvsem na razglednicah s klerikalno tematiko.

This article analyzes the development of postcards in the two cities of Ljubljana (German: Laibach), the capital of the then crown land of Carniola, and Maribor (German: Marburg an der Drau), a city of the crown land Styria, to show to what extent and in which areas the two competing languages in these cities asserted themselves in this new mass medium. It will be shown that Slovenian was able to establish itself increasingly as a neutral means of communication in Slovenian-dominated Ljubljana, while in heavily German-dominated Maribor Slovenian was mainly used on postcards with a clerical background.

Pričujoči prispevek temelji na raziskovalnem delu, ki se je začelo v zgodnjih devetdesetih letih ter se okrepilo med letoma 2016 in 2020 v okviru raziskovalnega projekta *Postcarding Lower Styria* (projekt P-28950-G28 FWF, sodelavci Karin Almasy, Eva Tropper, Jernej Kosi, Martin Sauerbrey, Bianca Sieberer in avtor tega prispevka), deloma pa se še nadaljuje. Nekateri rezultati tega projekta so bili objavljeni v publikacijah Almasy/Tropper (2019) in Almasy/Pfandl/Tropper (2020), pa tudi na spletnem naslovu https://gams.uni-graz.at/context:polos.

V zadnjih treh desetletjih avstro-ogrske monarhije je nastalo novo sredstvo množičnega komuniciranja, ki se je v slovenščini najprej imenovalo *listnica*, pozneje *dopisnica* in končno

[1] Avtor tega prispevka se je odločil za rabo slovenščine, ker mu je po marcu 2014, posebno pa po februarju 2022, težko govoriti in pisati v ruščini. Tako je bilo težko tudi našim zdaj že pokojnim kolegom germanistom govoriti nemško po letu 1938, še posebno po 1. septembru 1939, ko je Nemčija napadla mirno in nemilitarizirano Poljsko. Naši tedanji kolegi so se sicer zavedali, da je bila nemščina predvsem jezik Goetheja in Schillerja, Švicarja Büchnerja in nemškega juda Heineja ter le naključno tudi Hitlerjev jezik. Tako kot se danes zavedamo, da je ruščina predvsem jezik Puškina in Čajkovskega, Ukrajincev Gogolja in Andreja Kurkova ter le po nesreči tudi Putinov jezik. Ob tem nobenemu kolegu na tem kongresu ne očitam, če po strašnih dogodkih uporablja ruščino. Avtor sam lahko izbiram še med nemščino, francoščino, angleščino in hrvaščino, tako da sem v teh jezikih tudi pripravljen na kongresu odgovarjati na morebitna vprašanja. Odločil sem se vendarle za slovenščino, navsezadnje zato, ker je tematika prispevka povezana s slovenskim in nemškim jezikovnim prostorom.

razglednica (o nemški terminologiji gl. Holzheid 2011: 35 sl.). Zadnja dva izraza sta kalka po nemških besedah *Correspondenz-Karte* (ki so jo Čehi že prej prevedli

kot *dopisnice,* im. edn. ž.) in *Ansichtskarte*. Na začetku razvoja novega žanra so imele dopisnice le naslovno stran (*Adress-Seite*), zadnja stran pa je bila prazna in namenjena za osebna sporočila. Sčasoma so zadnjo stran dopolnili z ilustracijami različnega značaja – od velikih črk do obrisa vrtov in mest, pozneje z barvnimi risbami mest, zgodovinskih stavb, tovarn ali železniških mostov ter predorov. Osebna sporočila so do 1904. leta pisali v manjšo pasico pod omenjenim slikovnim materialom, nato pa se je prostor za sporočilo prestavil na polovico naslovne strani in zadnja je bila namenjena grafičnim elementom.

Na slovenskih tleh so se razglednice pojavile na začetku devetdesetih let 19. stoletja. Za najstarejšo razglednico različni viri omenjajo izvod iz leta 1891 (iz Ljubljane, »Gruss aus Laibach«, reproducirana pri Drnovšek 1987: 228). Prve razglednice so bile opremljene še z napisom v nemškem jeziku. Težko je reči, kdaj so se pojavili slovenski napisi (*Aufdrucks-texte*) na slikovni strani – v naši zbirki za slovensko Štajersko se to ni zgodilo pred letom 1898, v Ljubljani pa ne do srede devetdesetih let 19. stoletja.

Na tem mestu je pomembno opozoriti, da je razglednica postala predmet znanstvenega zanimanja in sistematičnega arhiviranja šele v zadnjih desetletjih, zato znanost še nima zanesljivih virov. Najobsežnejša zbirka iz 20. stoletja, na primer za slovensko ozemlje »Pozdravi iz Slovenskih krajev« (Drnovšek 1987) ali »Pozdrav iz Ljubljane« (Lukan et al. 1985), prikazuje v glavnem reprodukcije slikovnih strani razglednic, ne pa tudi naslovnih strani, kjer je zapisan datum in poleg njega informacija o namenu sporočanja in življenju v takratni družbi. Znanstvenik, ki se ukvarja z razglednicami, mora imeti na razpolago ne samo reprodukcijo slike, ampak tudi informacijo o velikosti slike (do leta 1918 pogosto 14 x 9 cm), o tem, kdaj je potovala in kam, ali je bila tudi sprejeta (do približno leta 1905 to izvemo z žiga prejema, nem. *Eingangsstempel*, ki so ga pozneje postopoma ukinili), kdo je bil lastnik ali naročnik razglednice, kdo založnik in še marsikaj. Razglednica se je namreč iz sredstva hitre in neformalne komunikacije razvila v množični medij. Podatki o številu poslanih razglednic so po svetu zelo različni, vendar se gibljejo od nekaj milijonov na leto do dveh milijard na pragu prve svetovne vojne. Tudi zelo informativna in obsežna knjiga o razglednicah na slovenskih tleh, monografija *Slovenstvo na razglednicah* (Škrabec 2009), je omejena na slikovne strani razglednice. Upam, da M. Škrabec v bodočnosti objavi svojo celotno dokumentacijo na spletu (podobno kot v že omenjeni bazi *Polos* našega projekta). Zaradi slabega stanja virov ni mogoče zanesljivo sklepati o kvantitativnih razmerjih, količini prodanih ali poslanih razglednic, jeziku napisov, jeziku osebnih sporočil, vsebini besedil in

tako naprej. Ugotovitve, ki sledijo v pričujočem prispevku, so rezultat avtorjevega dolgoletnega raziskovanja, ki pa ne more temeljiti na analizi reprezentativnega vzorca tega ali onega mesta, kraja, kronovine ali pokrajine.

Pojasnimo na primeru slovenskega ali mešanega ozemlja nekdanje kronovine Štajerske (tj. približno v krajih današnje slovenske Štajerske). V naši elektronski zbirki je 2243 razglednic (*tokens*), kar odgovarja približno 2100 vrstam (*types*). Poleg tega poznamo okoli 3000 razglednic te regije iz drugih virov (arhivov, knjižnic, zbirk na spletu), kar mogoče ustreza 2500 različnim predmetom (*types*). Te približne številke pa ne pomenijo, da je bilo od leta 1890 do 1918 objavljenih le 4500 različnih razglednic (*types*). Kakršna koli ugotovitev o tem, da je med temi 4500 neko število enojezičnih slovenskih, toliko in toliko enojezičnih nemških in neko število dvojezičnih – ne more biti zanesljiva. Ne smemo pozabiti, da ima, kot je večkrat poudarila Eva Tropper (gl., npr., https://gams.uni- graz.at/archive/ objects/context:polos/methods/sdef:Context/get?mode=statistics), vsak nabor (npr. zbirka celjske knjižnice, pokrajinskega arhiva na Ptuju, NUK v Ljubljani, Štajerskega deželnega arhiva v Gradcu, samostana v Admontu, avtorja tega prispevka in mnoge druge) svojo logiko, zbiralec svoje namene in cilje, pa tudi viri so lahko pristranski.

Tudi če bi nam uspelo najti »objektivni« parameter za opis izbranega korpusa razglednic, ostane problem interpretacije. Če bi v Mariboru, če ga obravnavamo kot skrajni primer, ugotovili, da je 85 % razglednic z nemškimi napisi (»Gruss aus Marburg an der Drau«), 10 % slovenskih (»Pozdrav iz Maribora«) in 5 % dvojezičnih, to še ne pomeni, da je tam živelo prav toliko odstotkov nemško oziroma slovensko govorečih prebivalcev. Že zato, ker so razglednice pisali predvsem premožnejši (nemški) državljani; kot vidimo v različnih zbirkah (NUK, Zgodovinski arhiv na Ptuju, naš Polos in druge) so jih na (slovenskem) podeželju pisali precej manj. Poleg tega so veliko razglednic pošiljali potniki in turisti, torej ljudje, ki so tedaj obvladali nemščino in le redko slovenščino. Enako velja za popise prebivalstva od 1880 do 1910, na katerih so avstrijski (cislajtanski) prebivalci morali navesti svoj občevalni jezik. Danes se ve, da je tako vprašanje zavajajoče, ker večina prebivalcev na mešanih območjih uporablja oba jezika, odvisno od življenjskih razmer in okoliščin, tako da se je le težko (med letoma 1880 in 1910 pa so se morali štirikrat) odločiti za le en jezik.

Ljubljana

Če se torej vprašamo, v katerem jeziku oz. v katerih jezikih so napisi na razglednicah, ki jih poznamo, in če se omejimo na glavna mesta, lahko sklepamo le na splošno. Tako se nam za mesto Ljubljana od leta 1891 do 1918 razgrne sledeči razvoj. Na začetku prevladujejo

razglednice z nemškimi napisi: »Gruss aus Laibach« (na najstarejši znani razglednici iz 1891), »Laibach« (večkrat), »Laibach. Spittalstrasse« [sic, namesto Spittalgasse] (1903), »Gruss aus Laibach. Prosit Neujahr!« (1903), »Gruss aus Laibach – Radetzky-Monument« (1902) in podobno. Slovenske razglednice so podobne: »Pozdrav iz Ljubljane« (1898 et passim), »Ljubljana« (večkrat med 1899 in 1917), »Pozdrav iz Ljubljane – Ivan Hribar, župan« (1898, tudi 1909 z dodatkom: Magistrat), »Ljubljana – Cesara Jošefa [sic] Trg« (trikrat med 1900 in 1903), »Ljubljana. Erjav[č]eve ulice« (1899, 1900, 1916; o obliki *ulice* v množini gl. Pfandl 2021) in po letu 1900 vedno več slovenskih in dvojezičnih napisov.

Enojezični nemški napisi postanejo vse redkejše po letu 1904, ko se dvojezične razmahnejo. Med njimi vidimo vse več razglednic z napisom »Ljubljana – Laibach« in vedno manj takih z nemščino na prvem mestu. Tako stanje pa je bilo v skladu s političnim življenjem kranjske prestolnice. Po prihodu Ivana Hribarja na mesto župana leta 1896 se je mesto vse bolj sloveniziralo (prim. Valenčič 1989: 75–137), kar se opazi tudi pri jezikovni rabi na razglednicah.

Napačno pa bi bilo interpretirati en ali drugi jezik kot izraz zavednosti kupcev teh razglednic. Zelo pogoste so razglednice z napisi v jeziku A in osebnim sporočilom v jeziku B, ter seveda obratno. Boj med jeziki na razglednicah, kot jih včasih vidimo na slovenskem podeželju (gl. o tem v katalogu Almašy/Tropper 2019: 71-90), je v mestih, posebno v Ljubljani, redek. Običajna so dopisana besedila – če se sicer piše v enem jeziku, se pojasni bralcu še v drugem, pri čemer taka dodatna pojasnila prevladujejo v nemščini, morda tudi zato, da naslovnik lažje razume, kje je Ljubljana, in da je na sliki to mesto, ki ga pozna pod nemškim imenom Laibach. Če je dopisan slovenski izraz, je to večinoma narodnozavedna izjava: »Dragi bralec, prejmi kartico zavednega Slovenca, ki ni pozabil, da je Slovenec« (kot morda naslovnik na daljnem Dunaju ali v »ta nemškem Gradcu«, kot se je izrazil pisec pisma sredi 19. stoletja).

To velja tudi za množične upodobitve ljubljanskega Narodnega doma (zgrajenega leta 1896), ki delujejo kot dokaz slovenskega značaja mesta. Zato se slovenski napis praviloma ne prevaja celo na nemških razglednicah, ampak se smatra kot lastno ime.

Slika 1: *Laibach. Narodni dom*. Poslana l. 1901. Založnik Stengel & Co., Dresden. Naslovna stran neznana. Vir: posnetek zaslona s spletne dražbe.

Na drugi razglednici vidimo primer žive komunikacije v tedaj še ne normirani slovenščini (»z Ljubljane«) na razglednici z istim motivom.

Sliki 2a in 2b: *Pozdrav z Ljubljane. Narodni dom*. Poslana l. 1904 iz Ljubljane v Podvin pri Radovljici z žigom prejema »Radmannsdorf Radovljica«. Založnika Alois Beer, Celovec, in Zalaga J. Grontini, Ljubljana. Iz zbirke avtorja.

Obstaja le ena izjema, kjer založnik (Ivan Bonač) na popolnoma nemški razglednici navaja naziv »Slov. Nationalhaus« (nota bene: ne *Volkshaus*, kot so se imenovali nemški analogi v Avstriji) in v oklepaju doda v slovenščini »Narodni dom«.

Sliki 3a in 3b: *Gruss aus Laibach. Slov. National-Haus (Narodni dom)*. Poslana l. 1997 iz Ljubljane v Gradec. Iz zbirke avtorja.

Maribor

Razglednice glavnega (spodnje)štajerskega mesta se že v osnovi razlikujejo od ljubljanskih, kot se razlikuje tudi narodnostna sestava prebivalstva Ljubljane in Maribora. Pri popisu leta

1880, torej ob zadnjem štetju pred pojavom razglednic, se je 75,91 % prebivalcev Ljubljane opredelilo, da je njihov občevalni jezik slovenščina (*Umgangssprache*), 22,79 % pa je navedlo nemščino. V Mariboru je bilo ravno obratno: 76,68 % je navedlo nemščino, 13,79 % pa slovenščino. Čeprav vemo, da so številni posestniki in delodajalci svojim zaposlenim, snažilkam, vrtnarjem ali vratarjem, ukazali nemščino, ostaja dejstvo, da v tem mestu ni živelo več kot 20–25 % slovensko govorečih državljanov. Razen tega so v obeh mestih Nemci imeli večjo gospodarsko moč – v njihovih rokah je bila večina tovarn, pivovarn, drugih podjetij, gostiln, navsezadnje tudi tiskarn in založb knjig, časopisov, revij, pa tudi razglednic.

Ob pregledovanju mariborskih razglednic v sodobnih knjižnicah in arhivih bodisi v Sloveniji (NUK, UKM, Celje) bodisi v Avstriji (Deželni arhiv v Gradcu, ÖNB, knjižnica samostana Admont), ali pa v osebnih zbirkah (Walterja Lukana, Teodorja Domeja ali avtorja tega prispevka), dobimo vtis, da je delež razglednic z nemškimi napisi prevladujoč in da so slovenske razglednice Maribora redke izjeme. Razglednic s slovenskimi napisi in deloma dvojezičnimi napisi je v njih le od tri do pet odstotkov (gl. tudi Tovornik/Premzl 1996).

Nekoliko drugačno podobo nam ponuja digitalni arhiv *Polos* (gl. zgoraj), ki ga sestavlja 2243 razglednic iz slovenske Štajerske (Untersteiermark) med letoma 1890 in 1918 (približno 20 razglednic ne odgovarja temu kriteriju in so bile poslane po letu 1918). Izmed teh razglednic jih je 295 iz Maribora ali okolice (npr. »Lembah [današnji Limbuš] pri Mariboru«). Med njimi jih ima kar 33 besedo »Maribor« v napisu bodisi brez nemškega prevoda bodisi poleg njega. Na 12 razglednicah vidimo slovensko ime mesta v obliki »Maribor ob Dravi«, kar je nedvomno vpliv iz nemščine, kjer se Marburg an der Drau razlikuje od nemškega mesta Marburg an der Lahn. Slovenski element je bil v Mariboru torej prisoten bolj, kot se zdi na prvi pogled. Take dvojezične ali slovenske razglednice so tiskali najdejavnejši založniki Maribora, na primer Heinrich Krapek in Wilhelm oz. Vilko Weixel, pa tudi graški založniki Anton Schlauer in Franz Knollmüller ter nekateri drugi. Slovenske razglednice so se v Mariboru začele pojavljati šele od 1901. leta ter prikazujejo predvsem cerkvene in kulturne stavbe – največkrat novozgrajeno frančiškansko cerkev, ki jo imenujejo tudi Marijina cerkev (ali v nemščini, kot nam sporoča pisec neke razglednice iz leta 1899, »Windische Kirche«). Drugi cerkveni motivi s slovenskih razglednic so stolnica in Stolni trg (današnji Slomškov trg) ter Zavod šolskih sester.

Sliki 4a in 4b: *Zavod šolskih sester v Mariboru.* Poslana l. 1903 iz Maribora (?) v Črešnjevce pri Radgoni / Kerschbach bei Radkersburg. Iz zbirke avtorja. https://gams.uni-graz.at/o:po- los.2069

Od drugih slovenskih motivov se največkrat upodablja Narodni dom, zgrajen leta 1898. Celo na izključno nemških razglednicah se ta naziv v Mariboru nikoli ne prevaja v nemščino in ostaja na vseh slikah v slovenski obliki. Za primer navajamo razglednico založnika, najbolj naklonjenega Slovencem na prelomu stoletja, že omenjenega Antona Schlauerja iz Gradca.

Sliki 5a in 5b: *Marburg a.d. Drau, Razglednica sedmih slik, mdr. Narodnega doma.* Poslana l. 1905 iz Maribora v Portschach [sic, to je Pörtschach am Wörthersee / Poreče ob Vrbskem jezeru]. Iz zbirke avtorja. https://gams.uni-graz.at/o:polos.2065

Sklep

Iz primerjave razglednic Ljubljane in Maribora ugotavljamo, da so se Slovenci uveljavljali na razglednicah obeh mest, v Ljubljani od srede devetdesetih let 19. stoletja, v Mariboru proti koncu stoletja. V Ljubljani, kjer je bil župan Slovenec, ki je močno preoblikoval narodnostno podobo mesta (v korist slovenski narodnosti), so slovenske razglednice kmalu prevladovale nad nemškimi (te so prevladovale v devetdesetih letih omenjenega stoletja) in dvojezičnimi.

V Mariboru je bil nemški element veliko močnejši, tako da so se slovenske razglednice pojavljale ne samo pozneje, ampak so bile do razpada monarhije leta 1918 omejene na

cerkveno področje. Medtem ko so ljubljanske razglednice tiskali in založili od Ljubljane prek Dunaja do Dresdna in Lipska, so bili založniki mariborskih, pretežno nemškojezičnih razglednic, v glavnem v Mariboru in Gradcu. Založniki mariborskih motivov s slovenskimi napisi so bile cerkvene organizacije slovenske Štajerske (v prvi vrsti Tiskarna sv. Cirila in Metoda).

Razglednice so zrcalo narodnostnih razmerij in pokažejo na težave malih narodov pri uveljavljanju na odru konkurenčnih ideologij, jezikov in kultur. V nasprotju z enojezičnim razvojem po letih 1918 in 1941 je avstro-ogrska monarhija takšnim konkurenčnim konstelacijam omogočila razvoj v okviru njihovih možnosti.

LITERATURA

Almasy, Karin; Tropper, Eva (2019): *Štajer-Mark 1890–1920. Po sledeh skupne preteklosti: Po sledeh zgodovinske Spodnje Štajerske*. Pavelhaus/Pavlova hiša.

Almasy, Karin; Pfandl, Heinrich; Tropper, Eva (izd.) 2020: *Bildspuren – Sprachspuren. Postkarten als Quellen zur Mehrsprachigkeit in der späten Habsburger Monarchie*. Bielefeldt: transcript-Verlag.

Drnovšek, Marjan (1987). Pozdravi iz slovenskih krajev. Dežela in ljudje na starih*razglednicah.* Ljubljana: Mladinska knjiga.

Holzheid, Anett (2011). *Das Medium Postkarte. Eine sprachwissenschaftliche und mediengeschichtliche Studie*. Berlin: Erich Schmidt Verlag.

Lukan, Walter et al. (izd.) (1986). *Pozdrav iz Ljubljane*. Ljubljana: Mladinska knjiga.

Pfandl, Heinrich (2021). Postkartenbefund slowenisch *ulice*, 1898–1918. In: Fuchsbauer, Jürgen; Stadler, Wolfgang; Zink, Andrea (izd.). *Kulturen verbinden. Festband anlässlich des 50-jährigen Bestehens der Slawistik an der Universität Innsbruck*. Innsbruck: in- nsbruck university press. 155–173.

Škrabec, Milan (2009). *Slovenstvo na razglednicah*. Ljubljana: Modrijan.

Tovornik, Magdalena; Premzl, Primož (1996). *Pozdrav iz Maribora: mesto na razglednicah v letih 1892 do 1945*. Murska Sobota [in dr.]: Pomurska Založba [in dr.].

Valenčič, Vlado (1989). Zgodovina ljubljanskih uličnih imen. Ljubljana: Zgodovinski arhiv in Partizanska knjiga.

SECTION 1.8
STANDARDISATION ET NORME DES LANGUES SLAVES

Zrinka Kolaković, Sanja Perić Gavrančić, Marijana Horvat Language change, language planning, and the fate of the pronominal clitic *ju* in croatian. A diachronic perspective 1

Halina Kurek Polska fleksja nominalna XXI wieku – Przyczyny, mechanizmy i skutki rozpadania się system przypadkowego (na przykładzie rzeczownika) 8

Tatsiana Nazaranka Belarusian: Mind the gap between taraškieviča and narkamaŭka 13

Искра Пановска-Димкова Степенот на англизација на македонскиот јазик во споредба со другите јужнословенски јазици 18

Anna Berenika Siwirska Wpływ języka polskiego i rosyjskiego na kształtowanie się normy współczesnego języka białoruskiego 23

LANGUAGE CHANGE, LANGUAGE PLANNING, AND THE FATE OF THE PRONOMINAL CLITIC *JU* IN CROATIAN. A DIACHRONIC PERSPECTIVE

ZRINKA KOLAKOVIĆ (AUSTRIA)
University of Klagenfurt

SANJA PERIĆ GAVRANČIĆ (CROATIA)
Institute of Croatian Language and Linguistics, Zagreb

MARIJANA HORVAT (CROATIA)
Institute of Croatian Language and Linguistics, Zagreb

Abstract

This talk deals with variation and change in the usage of the accusative pronominal clitics *ju* and *je* 'her' of the third person singular in the feminine gender in Croatian. We first examined 17 grammar books to find information on the described language usage regarding the two forms. To further test the range of language variation and change, we queried the diachronic corpus CroDi, which contains language material from the 16th to the 18th century. Corpus data complemented the information found in grammar books: the pronominal CL *je* was attested in accusative contexts as early as the 17th century, spreading from South Štokavian to North Štokavian as well as other Croatian varieties, replacing the original accusative CL *ju*.

Keywords: Croatian, pronominal clitics *ju* and *je*, corpus linguistics, variation, language change

1. Introduction

As will become evident in the following lines, the Croatian pronominal inventory has undergone significant changes in both functions and forms (cf. Mamić 1995: 183; Kolaković et al. 2022: 93–95, 136–144). At the end of the 19th century in his *Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika* Maretić (1899: 186) prescriptively limited the usage of the clitic (CL) *ju* 3SG.F.ACC only to contexts where it was followed by the auxiliary CL *je*, cf. ex. (1).

(1)	(...)	da	**ju**	**je**	često	pevao.
		that	her.ACC	be.3SG	often	sing.PTCP.SG.M

'(…) that he used to sing it often.' (Maretić 1899: 186)

In all other contexts, he declared the usage of the CL *ju* to be dialectal and advised its replacement with the pronominal CL *je* (2a–b) (cf. Maretić 1899: 186; Maretić 1924: 39).[1]

(2a)	*(...)	dok	**ju**	svu	prevede.
		until	her.ACC	all.ACC	translate.3PRS.SG

[1] Due to his authority, this state, with some minor changes, has been maintained in many language manuals to this day (Zoričić 1998: 98). A detailed empirical analysis of the current state regarding this issue in both standard and colloquial varieties of Bosnian, Croatian, and Serbian can be found in Kolaković et al. (2023).

(2b) (...) dok **je** svu prevede.
until her.ACC all.ACC translate.3PRS.SG
'(…) until he has translated it completely.' (Maretić 1899: 186)

Later scholarly literature (e.g., Mamić 1995: 185–186), however, suggests that Maretić's recommendation was neither in line with older Croatian grammarians nor with the usage in Croatian texts before him. Moreover, from a diachronic point of view, the original accusative CL form was *ju* (Matasović 2008: 239). As some older grammarians refer to in their descriptions (e.g. Veber 1873: 41), over time, in certain linguistic areas, authors began to replace the CL *ju* with the originally genitive feminine CL *je* of the third person singular.

2. Research Questions, Methods, and Materials

Given this background, our talk addresses the following three research questions (RQs) regarding the variation and language change in the usage of the two competing accusative CL forms:

RQ1: What does a thorough examination of older Croatian grammar books tell us about the usage of the CL forms *ju* and *je* in the accusative case?
RQ2: How are the accusative CLs *ju* and *je* distributed in older Croatian texts? Does their distribution depend on the co-occurrence of the auxiliary CL *je*?
RQ3: Can factors stimulating the spread of the originally 3SG.F.GEN CL *je* in accusative contexts be detected?

To answer these RQs, in the first step, we inspected 17 grammar books, most of which have recently been digitized (Horvat et al. 2024), to find information on the described language usage regarding the two forms. In the second step we turned to the traditionally compiled diachronic corpus CroDi (Hansack et al. 2016), which contains language material covering the 16th, 17th, and 18th centuries. Since CroDi is not lemmatized, the corpus queries relied on the target accusative word forms, ["je"], ["Je"], ["ju"], and ["Ju"], respectively. The mentioned procedure required manual cleanup of false positives, i.e. contextual disambiguation of non-target homograph forms and further manual annotation.

3. Results and Discussion

Table 1 presents a summarized answer to RQ1—this is how grammarians described the usage of the CLs *ju* and *je* in Croatian varieties from the 17th to the 19th century. It is worth pointing out that the usage of the CLs *ju* and *je* in the accusative case still varies across dialectal varieties today, which was presumably even more pronounced in earlier centuries (Kolaković et al. 2022: 216). Given that some grammarians did not write a grammar book for their own L1 variety, Table 1 also offers metadata regarding the target variety of the grammar book in question, an approximation of the author's L1 variety,[2] as well as information on their most significant residencies throughout their lives.

Table 1: CLs *ju* and *je* and their usage (17th–19th century) as recorded in grammar books

Period	**Author**	***ju***	***je***	**Described variety**	**Author's L1 variety**	**Residencies**
17th century	Kašić (1604)	+	−	Štok/Čak	Čak	Pag
18th century	Della Bella (1728)	+	−	Štok	Štok/Čak	Dubrovnik/Split
	Lanosović (1778)	+	−	Štok	Štok	Osijek
	Szentmartony (1783)	+	−	Kajk	Kajk	Varaždin
	Kornig (1795)	+	−	Kajk	Kajk	Slovenia/Samobor
19th century	Appendini (1808)	+	++	Štok	Štok	Dubrovnik
	Starčević (1812)	+	(+)	Štok	Štok/Kajk/Čak	Gospić/Varaždin
	Babukić (1836)	+	−	Štok	Štok/Kajk	Požega/Zagreb
	Babukić (1854)	+	(+)	Štok	Štok/Kajk	Požega/Zagreb
	Volarić (1852)	+	−	Štok	Čak	Krk
	Mažuranić (1859)	+	−	Štok	Čak/Kajk	Vinodolski/Zagreb
	Veber (1862)	+	−	Štok	Čak/Kajk	Bakar/Zagreb
	Veber (1873)	+	(+)	Štok	Čak/Kajk	Bakar/Zagreb
	Pacel (1865)	(+)	+	Štok	Kajk/Čak	Karlovac/Rijeka
	Danilo (1873)	+	++	Štok	Čak	Zadar/Split
	Vitanović (1872)	+	−	Štok	Štok	Osijek
	Vitanović (1880)	+	−	Štok	Štok	Osijek

[2] As a matter of fact, some grammarians (e.g., Della Bella, Appendini) were not L1 speakers of any Croatian variety. In such cases, the variety spoken in their primary place of residency was considered their L1.

In the first Croatian grammar book written by Čakavian L1 speaker Bartol Kašić (1604: 75), who predominantly relied on the Štokavian dialect (with some Čakavian elements), there is no single mention of the CL *je* being used in the accusative case for the third person feminine singular. The same applies to the two 18th-century grammar books that describe Štokavian varieties in the South and North, respectively (cf. Della Bella 1728: 13; Lanosović 1778: 34), as well as to those offering a description of the Kajkavian variety in the North (Szentmartony 1783: 37; Kornig 1795: 37). Preliminary analysis of 17 grammar books indicates that starting from the 19th century, the CL *je* spread from southern Štokavian to northern Štokavian and potentially to other varieties in the North (cf. Appendini 1808: 60, 174; Danilo 1873: 46; Pacel 1865: 19, 50). Notably, comparisons across some northern editions written by the same author show that newer editions mention changes in usage, i.e., allowing not only the CL *ju* but also the usage of the CL *je* in accusative contexts (cf. Babukić 1836: 35–36; Babukić 1854: 223–228; Veber 1862: 25; Veber 1873: 41). Finally, whereas in the 19th century, the Štokavian South unequivocally preferred the CL *je* over *ju*, the latter still seems to be the only option in the Štokavian North (cf. Appendini 1808: 174; Vitanović 1872: 73; Vitanović 1880).

Data from CroDi complement the meta-analysis based on grammar books, answering the RQ2 and shedding new light on the studied language change, as shown in Table 2.

Table 2: Distribution of competing pronominal accusative clitic forms *ju* and *je* in 16th–18th century Croatian

Period	**Croatian variety**	**CL *ju***		**CL *je***	
		Absolute frequency	**%**	**Absolute frequency**	**%**
16th century	Čakavian	93	100	0	0
17th century	Štokavian	109	78.42	29	20.86
	Kajkavian	1	0.72	0	0
18th century	Štokavian	0	0	69	51.11
	Kajkavian	64	47.41	2	1.48
∑		267		100	367

Specifically, 367 sentences containing the pronominal accusative CLs reveal that, even though less frequent than *ju*, the CL *je* was attested as early as the 17th century in Štokavian. Moreover, although not as frequent in the 17th as in the 18th century, the CL *je* was attested in both southern and northern Štokavian texts, see ex. (3)–(4). In contrast, the same pronominal CL is not attested in Kajkavian texts before the mid-18th century, see ex. (5).

(3) (…) i nemoj ništa **je** huliti (…).
and NEG.IMP.2SG nothing her.ACC criticize.INF
'(…) and do not criticize it for anything (…).' (Mikalja 1649)

(4) (…) da bi **je** pomogla po koji način.
that cond.AUX.3SG her.ACC help.PTCP.SG.F at which.ACC way.ACC
'(…) that she help her in any way possible.' (Divković 1611)

(5) (…) stališu vendar betežnika prikladna kakti **je** postavemo (…).
class.DAT very patient.GEN suitable.NOM how her.ACC put.1PRS.PL
'(…) very suitable for patients, as we put it (…).' (Lalangue 1776)

Furthermore, regarding RQ3, although not thoroughly examined, our data indicates that contexts containing the auxiliary CL *je* might not have worked as preservers of the CL *ju*, since the strings *je je* were also attested (cf. Ridjanović 2012: 434), cf. (6a–b).

(6a) (…) i kako **je** **je** Blažena Gospa opet povratila (…).
and how her.ACC be.3SG blessed.NOM Lady.NOM again return.PTCP.SG.F
'(…) and how the Blessed Lady returned her again (…).'

(6b) (…) i kako **ju** **je** ozloglasio.
and how her.ACC be.3SG defame.PTCP.SG.M
'(…) and how he defamed her.' (Divković 1611)

The CroDi data suggests that, in contrast to northern Bosnian Štokavian, in the 17th century, the pronominal CL *je* was more common than *ju* in South Štokavian, leading to the disappearance of the latter by the end of 18th century.

4. Conclusion and further perspectives

The variation and change in the usage of the accusative pronominal CLs *ju* and *je* 'her' in Croatian was approached in two steps: first, 17 grammar books published from the 17th to the 19th century were inspected regarding the described language usage. Second, the information found was compared with authentic usage data from the CroDi diachronic corpus, comprising

language material from the 16th to the 18th century. Corpus data revealed that the pronominal CL *je* was attested in accusative contexts long before it found its way into grammar books (17th vs. 19th century). Moreover, the corpus data suggest that the pronominal CL *je* was most probably spreading from 17th-century South Štokavian to North Štokavian, as well as to other Croatian varieties, replacing the original accusative CL *ju*. However, the presented study has certain limitations. Initial inspection revealed that texts written in the three major branches of Croatian dialects (Čakavian, Štokavian, and Kajkavian) were not equally present through the 16th–18th centuries in CroDi. Moreover, the CroDi data does not provide enough variation, meaning that in the texts—with some exceptions, such as Divković (1611)—either *ju* or *je* prevails. To find out more about the factors governing the language change (RQ3), the database must be expanded. Following the observations in Maretić (1917–1922: 942), we envisage the compilation of a custom-tailored corpus comprising South Štokavian texts from the 15th and 16th centuries, and ideally North Štokavian texts from Bosnia and Slavonia from the 17th to 19th centuries. The future corpus could be enriched with texts written in the Ozalj hybrid variety and 19th century Kajkavian.

Acknowledgements

This research was conducted within the project *De imitatione Christi na trima stilizacijama hrvatskoga književnog jezika*, funded by the European Union – NextGenerationEU. The analysis presented is solely the work of the authors and does not necessarily reflect the official positions of the European Union or the European Commission. Neither the European Union nor the European Commission can be held responsible for any aspects of this research.

REFERENCES

Appendini, F. M. 1808. *Grammatica della lingua Illirica*. Dubrovnik.
Babukić, V. 1836. *Osnova slovnice slavjanske narěčja ilirskoga*. Zagreb.
Babukić, V. 1854. *Ilirska slovnica*. Zagreb.
Della Bella, A. 1728. Istruzioni grammaticali della lingua illirica. In *Dizionario italiano, latino, ilirico*, 5–50. Venezia.
Danilo, I. 1855. *Grammatica della lingua illirica*. Zadar.
Danilo, I. 1873. *Slovnica za srednja učilišta nižega reda*. *Uredio po Budmanijevoj*. Zadar.
Hansack, E. et al. 2016. Regensburški dijakronijski korpus hrvatskoga jezika – CroDi. *Rasprave: Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje* 42/1. 1–19.
Horvat, M., et al. 2024. Challenges in the process of retro-digitisation of Croatian grammar books before Illyrism. In J. M. Arista & A. E. Ojanguren López (eds.), *Structuring lexical data and digitising dictionaries. Grammatical theory, language processing and databases in historical linguistics*, 63–94. Leiden.
Kašić, B. 1604. *Institutionum linguae Illyricae libri duo*. Rim: Apud Aloysium Zannettum.
Kolaković, Z., et al. 2022. *Clitics in the wild: Empirical studies on the microvariation of the pronominal, reflexive and verbal clitics in Bosnian, Croatian and Serbian*. Berlin.

Kornig, F. 1795. *Kroatische Sprachlehre oder Anweisung für Deutsche die kroatische Sprache in kurzer Zeit gründlich zu erlernen nebst beygefügten Gesprächen und verschiedenen Uibungen*. Zagreb.
Kristijanović, I. 1837. *Grammatik der Kroatischen Mundart*. Zagreb.
Lanosović, M. 1778. *Neue Einleitung zur Slavonischen Sprache mit einem nützlichen Wörter- und Gesprächbuche, auch einem Anhange verschiedener deutscher und slavonischer Briefe und einem kleinen Titularbuche versehen*. Osijek.
Mamić, M. 1995. Upotreba akuzativnih oblika zamjenice *ona*. *Jezik* 43/5. 183–188.
Matasović, R. 2008. *Poredbenopovijesna gramatika hrvatskoga jezika*. Zagreb.
Maretić, T. 1899. *Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika*. Zagreb.
Maretić, T. 1924. *Hrvatski ili srpski jezični savjetnik za sve one, koji žele dobro govoriti i pisati našim jezikom*. Zagreb.
Maretić, T. 1917–1922. *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Dio 8: Nepomiriv–Ondinac*. Zagreb.
Mažuranić, A. 1859. *Slovnica Hérvatska. Za gimnazije i realne škole. Dio I. Rěčoslovje*. Zagreb.
Pacel, V. 1865. *Oblici književne hrvaštine*. Karlovac.
Ridjanović, M. 2012. *Bosnian for foreigners with a comprehensive grammar*. Sarajevo.
Starčević, Š. 1812. *Nova ricsoslovica illiricska vojnicskoj mladosti krajicsnoj poklonjena*. Trst.
Szentmartony, I. 1783. *Einleitung zur kroatischen Sprachlehre für Deutsche*. Varaždin.
Veber Tkalčević, A. 1862. *Skladnja ilirskoga jezika za niže gimnazije*. Beč.
Veber Tkalčević, A. 1873. *Slovnica hervatska za srednja učilišta*. Zagreb.
Vitanović, J. 1872. *Slovnica hervatskoga jezika za nižu realku*. Osijek.
Vitanović, J. 1880. *Gramatika hrvatskoga jezika za škole i samouke*. Osijek.
Volarić, F. 1852. *Ilirska slovnica za početne učionice*. Trst.
Zoričić, I. 1998. *Hrvatski u praksi*. Pula.

POLSKA FLEKSJA NOMINALNA XXI WIEKU –PRZYCZYNY, MECHANIZMY I SKUTKI ROZPADANIA SIĘ SYSTEMU PRZYPADKOWEGO (NA PRZYKŁADZIE RZECZOWNIKA)

HALINA KUREK (POLSKA)
Uniwersytet Jagielloński, Kraków

Ograniczanie fleksyjności języka polskiego widoczne jest we wszystkich częściach mowy odmieniających się przez przypadki, ale najłatwiej dostrzec je można w obrębie rzeczowników, czyli leksemów o największej frekwencji tekstowej, głównie w nazwach własnych, ale coraz częściej również w appellativach (Kurek 2019).

W polszczyźnie „przypadek […] ma teoretycznie siedem wartości" (Kowalik 2024: 97). Spośród nich przypadki gramatyczne: mianownik, dopełniacz i biernik w strukturze zdania prymarnie pełnią funkcję syntaktyczną, a przypadki konkretne: celownik, narzędnik i miejscownik – semantyczną.

Jedynym przypadkiem rzeczownika, który nie wchodzi w związki syntaktyczne z innymi składnikami wypowiedzenia, jest wołacz. Jego morfemy fleksyjne nie pełnią też funkcji semantycznej. Nie dziwi więc, że w XXI wieku w polskiej fleksji nominalnej obserwować można kończący się już proces wypierania przez mianownik końcówek wołacza, ponieważ nie powoduje to żadnych zmian w systemie opozycji obu przypadków (Perlin 2004: 177), por.:

- *To ty akurat **Stanisława moja żona** uzupełniłaś moją wizję* (posiedzenie Komisji Etnolingwistyki, 12.2020);
- *Szanowny Panie Prof. **Włodzimierz Kurek*** (pismo urzędowe);
- ***Wujek** / możesz mi podać wodę?*
- ***Mama** / zamówię sobie pierogi.*

Tym samym XXI wiek to także początek funkcjonowania zmodyfikowanego mianownika, z przejętą od wołacza dodatkową funkcją – adresatywną, zwracania się i apelowania do odbiorcy (Kurek 2021: 266).

Od przełomu wieków XX i XXI we fleksji polskiego rzeczownika błyskawicznie rozwija się też kolejne zjawisko - zastępowania końcówek dopełniacza końcówkami biernika. Jest to pośredni etap szerszego procesu zmierzającego ku nominatywizacji fleksji omawianego leksemu, ponieważ „w wielu sytuacjach i kontekstach mówiącym wystarczają formy mianowników" (Handke 2008: 278). Jak każde następujące po sobie zmiany, zawsze przyczynowo powiązane, również ten proces miał już kilka faz. Początkowo biernik zaczął przejmować funkcję dopełniacza w konstrukcjach zaprzeczonych, por.:

- *Nie szanuje się ani **martyrologię** ani **statystykę*** (TVP Info, 8.12.2015);
- *Nie można dostarczyć **protokół** z 30 IX 2020 r.* (poczta UJ, raport);
- *To nie zniechęciło **te osoby*** (TVN 24, Fakty po południu, 25.10.2021);

- *Nie znaleźliście **te pieniądze** w Orlenie* (Radio Zet, Obrady Sejmu, 6.11.2023);
- *Jeżeli **Pan Bóg** nie będzie w centrum naszego życia* (msza św. on line, klasztor jasnogórski, 2.06.2024).

W rezultacie doprowadziło to do wzrostu jego frekwencji i poszerzenia się zakresu występowania. Używanie końcówek biernika w dopełniaczu stopniowo się też automatyzowało. W efekcie wymusiło więc drugą fazę procesu, czyli nieuświadamianą zmianę rekcji czasowników – z dopełniaczowej na biernikową, przyporządkowując nadrzędny człon czasownikowy do podrzędnika (Kurek 2021: 266), por.:

- *Będą kapłani którzy będą udzielać **komunię świętą** do ust* (Polsat News, msza św., 7.06.2020);
- *Trzeba stopniowo dolewać **sok z cytryny*** (Kuchnia +, 7.03.2021);
- ***Kasę** można używać tylko w warunkach sporadycznych* (Canal+, Daleko od miasta, 18.04.2021);
- *Między innymi używano **drony*** (TVN 24, Serwis informacyjny, 30.11.2023);
- *Nie zawaham się skierować **ustawę** do Trybunału Konstytucyjnego* (TVN 24, obrady Sejmu, przemówienie prezydenta RP, 13.11.2023);
- *Dostarczają one **dobre owoce*** (internet, msza św. on line, 27.04.2024).

Stopniowo biernik zaczął też przejmować funkcję dopełniacza cząstkowego, przede wszystkim w grupach z czasownikiem, ale również z rzeczownikiem, por.:

- *I zaciągnie ten front trochę **chłodniejsze powietrze*** (Wydarzenia 24, 2.11.2023);
- *Kto będzie miał na tyle **odwagę*** (TVN 24, Kropka nad i, 29.01.2021);
- *Wczoraj kupiłam litr **mleko*** (zasłyszane, Sułkowice, 05.2024).

Na skutek znacznego zwiększenia się frekwencji końcówek biernikowych, coraz częściej zaczęły one zawłaszczać funkcję dopełniacza również w określnikach adnominalnych grup imiennych typu: *zeszyt ucznia, budowa domu,* por.:

- *Skontaktuj się z dostawcą **ten komputer**, aby uzyskać więcej informacji* (informacja o braku dostępu do pliku) (Kurek 2021: 266);
- *Postępowanie o orzeczenie **stan własności*** (mowa apelacyjna);
- *Dzisiaj brak **zupa pomidorowa**, **surówka z białej*** (ogłoszenie w barze, Pomorze).

Rozwijający się proces objął też struktury składniowe typu: przyimek + grupa imienna w dopełniaczu, której funkcję przejęła jednostka biernikowa, por.:

- *Został podłączony **do respirator*** (TVN 24, Dzień po dniu, 7.04.2020);
- *Sprawdź długoterminową prognozę pogody **dla Myślenice*** (Pogoda Onet, https://pogoda.onet.pl, 4.07.2024);
- *Nowa wiadomość **od Jakość Kształcenia na UJ**;*

Podczas masowego przejmowania końcówek dopełniacza przez biernik, na zasadzie hiperpoprawności zdarzają się też zjawiska odwrotne, świadczące o ciągłym braku stabilizacji form obu przypadków, por.:

- *Tutaj do wyboru mam* ***takiego długiego jaskra*** (Canal+Domo, Grunt to ogród, 22.08.2021);
- *Soczewica dodaje* ***takiego dodatkowego kopa*** *energii* (Canal+. Family, 6.11.2023);
- *Jak to dziś tradycyjnie wypieka się* ***podlaskiego sękacza*** (TVP 1. Okrasa łamie przepisy, 22.12.2023).

W tym miejscu można sobie jednak zadać pytanie, czy w wypadku synkretyzmu form fleksyjnych biernika i mianownika rzeczowników: 1) liczby pojedynczej rodzaju nijakiego i męskiego nieżywotnego oraz 2) liczby mnogiej rodzaju nijakiego, żeńskiego i męskiego żywotnego nieosobowego oraz męskiego nieżywotnego, nie należałoby uznać, że przypadkiem, który przejmuje funkcję dopełniacza jest mianownik, czyli neutralny i nienacechowany reprezentant danego rzeczownika, a biernik jest tylko pośrednim etapem procesu? Potwierdza to zresztą ogromna liczba przykładów, w których: 1) w miejsce końcówek dopełniacza nie wprowadzono form biernikowych, lecz mianownikowe, por.:

- *W roli pana* ***marszałek*** *to już należy ważyć słowa* (TVN 24, Wstajesz i wiesz, 6.03. 2019);
- *Klub parlamentarny* ***Koalicja Obywatelska*** (TVN 24, obrady Sejmu, 28.11.2023);
- *Przypominamy o wizycie w Poradnia Onkologiczna* ***u Marta Weiss*** (SMS, Centrum Medycyny Profilaktycznej, 2.07.2024);
- *Przypominamy o wizycie w Pracownia USG* ***u Andrzej Kisiel*** (SMS, Centrum Medycyny Profilaktycznej, 2.07.2024),

2) dopełniacz ewoluuje w kierunku struktur przyimkowych – *dla* + mianownik, por.:

- *Badania lekarskie* ***dla pan Marian;***
- *Nieodpłatne badanie słuchu* ***dla seniorzy*** *odbędzie się…* (przychodnia, Kraków),

a także 3) mianownik przejmuje funkcję końcówek biernikowych, por.:

- *Proszę odebrać* ***gotowa kawa****;*
- *Zapraszamy* ***na kolacja pożegnalna****;*
- *W akademiku znowu spotkam* ***mój sąsiad****.*

Zebrany materiał pokazuje, że poza wołaczem, dopełniaczem i biernikiem, mianownik zawłaszcza też funkcję końcówek fleksyjnych miejscownika, por.:

- *Zebranie odbędzie się* ***w Klub Urocze*** (ogłoszenie na klatce schodowej, Kraków, 2010)
- *Przypominamy o wizycie* ***w Poradnia Onkologiczna*** (SMS, Centrum Medycyny Profilaktycznej, 2.07.2024);
- *Przypominamy o wizycie* ***w Pracownia USG*** (SMS, Medycyny Profilaktycznej,2.07.2024);
- *Jesteśmy już* ***w Trzebinia;*** ***-*** *Powiedz mu / że zadzwonimy / jak już będziemy* ***w Balin*** (rozmowa w pociągu, 2024);

W odróżnieniu jednak od dopełniacza i biernika, w miejscowniku dodatkowymi wykładnikami kategorii przypadka są zawsze przyimki i to one, pomimo mianownikowych form fleksyjnych, wyraźnie sygnalizują związki składniowe pomiędzy członami wypowiedzenia (Laskowski 1978: 266).

W XXI wieku wzrasta też frekwencja końcówek mianownikowych w celowniku i narzędniku, czyli przypadkach pełniących funkcję semantyczną, por.:

- *Gratuluję* ***ojciec chrzestny*** (Cel.) (TVP 1, Jaka to melodia, 17.06.2014);
- *Jednocześnie informuję, że* ***pokrzywdzony*** […] *istnieje możliwość wydania kserokopii dokumentów;*
- *Ponadto komisja konkursowa postanowiła przyznać wyróżnienie* ***Pani Anna Kurek*** (ogłoszenie wyników konkursu, 27.01.2022).

Wyraźnie widoczny jest również kolejny etap rozwoju analitycznych form celownikowych, zwłaszcza z przyimkiem *dla.* W miejscu konstrukcji: *daj to* ***dla mamy****, dobry wieczór* ***dla państwa*** (Kołodziejek 2010: 162) funkcjonujących w polszczyźnie od siedemdziesiątych lat XX wieku (Handke 2008: 279), w ostatnim czasie zaczęły się też pojawiać formy z końcówkami mianownika, por.:

- *Jest potrzebny tylko* ***dla klienci indywidualni*** (centrum handlowe, Kraków);
- *Oddaję książkę* ***dla Ola*** (notatka).

W ostatniej dekadzie zdecydowanie nasilił się także proces zawłaszczania przez mianownik końcówek narzędnika, choć na nieustabilizowane już formy tego przypadka pomagają też wskazywać przyimki: podstawowe - *nad, za, przed, z, za* oraz wtórne – *między, pomiędzy* (Laskowski 1978: 266)[1], por.:

- *Na przestrzeni lat współpraca z* ***„Ruch Literacki”, „Teksty Drugie”, „Pamiętnik Literacki”, rocznik naukowy*** *„Przestrzenie Teorii”*[…], ***internetowe pismo*** *„Uni Gender”*, ***pismo*** *Wydziału Polonistyki „Wielogłos”* (Encyklopedia osobistości Rzeczypospolitej Polskiej VI, 2020, s. 162);
- *Że Bóg jest* ***ponad śmierć*** (Polsat News, msza św., 12.04.2020);
- *Myślę / że praca / którą ja wykonuję / jest* ***praca absorbująca*** (TVP Rozrywka, Szansa na sukces, 31.08.2021);
- ***Pomiędzy Kąty Wrocławskie*** *a* ***Pietrzychowice*** (TVP Info, Serwis, 19.11.2023).

Podsumowując niniejsze rozważania, należałoby stwierdzić, że opisywane zjawisko rozpadania się polskiego systemu przypadkowego rzeczownika przybiera już charakter masowy, a ze względu na jego zakres, regularność i duże podobieństwo zmian w obrębie nazw własnych i wyrazów pospolitych, fleksyjny typ polszczyzny w przyszłości prawdopodobnie zmierzać będzie ku typowi syntetyczno-analitycznemu.

[1] Przyimki: *nad, za* i *przed* łączą się też z biernikiem, przyimek *z* – z dopełniaczem, *za* - z biernikiem oraz dopełniaczem, natomiast przyimki wtórne: *między* i *pomiędzy* - z biernikiem (Laskowski 1978: 266).

BIBLIOGRAFIA

Handke K., 2008, *Socjologia języka,* Warszawa.

Kołodziejek E., 2010, *Walczymy z bykami. Poradnik językowy PWN,* Warszawa.

Kowalik K., 2024, *Fleksja,* [w:] *Przewodnik językowo-encyklopedyczny po gramatyce semantycznej języka polskiego w ujęciu historycznym*. T. I: *Artykuły problemowe,* red. M. Grochowski, Kraków, s. 89-130.

Kurek H., 2019, *Przemiany fleksji nominalnej w polszczyźnie przełomu wieków XX i XXI (na przykładzie imion i nazwisk oraz appellativów),* Kraków.

Kurek H., 2021, *Fleksja nominalna współczesnej polszczyzny – upraszczanie się czy początki rozpadu systemu przypadkowego?* „Prace Językoznawcze" XXIII/2, s. 263-271.

Laskowski R., 1978, *Przyimek,* [w:] *Encyklopedia wiedzy o języku polskim,* red. S. Urbańczyk, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, s. 265-266.

Perlin J., 2004, *Metodologia językoznawstwa diachronicznego,* Warszawa.

BELARUSIAN:
MIND THE GAP BETWEEN TARAŠKIEVIČA AND NARKAMAŬKA

TATSIANA NAZARANKA (AUSTRIA)
University of Salzburg

Abstract: According to the latest population census many Belarusians do not speak Belarusian daily though they declare it as their native language. At the same time there is a divergence between an official (spoken) standard and the languages/varieties that are conceived as Belarusian by the speakers. That might be the result of a strong impact of neighbouring (Slavic) languages accomplished with the confrontation between the two standard varieties – Narkamaŭka and Taraškievica as well as a Belarusian-Russian mixed vernacular. The research aims to outline the sociolinguistic profile of the ways of speaking/variants/varieties. Empirical data from media and online communities is analyzed to understand contemporary trends and challenges that shape modern Belarusian.

Keywords: Belarusian, Taraškieviča, Narkamaŭka, Trasjanka, standardization.

The modern Belarusian language is characterized by a high degree of variability, the reason for which lies in the turbulent historical period when the language developed. The foundation of Belarusian statehood began in the 10th-12th centuries, when Belarusian lands were part of the Polotsk and Turov principalities, however, at that time, there was no Belarusian written language. In the next centuries, lands of modern Belarus belonged to larger political formations: the Grand Duchy of Lithuania (13th-16th centuries), the Polish–Lithuanian Commonwealth (1569-1795), and the Russian Empire (1795-1917). The moment of relative sovereignty during German occupation (1918-1919) can hardly be taken seriously as the Belarusian Democratic Republic was never recognized internationally (not even by Germany, the state that allowed its creation). After the end of the Polish-Soviet War the territory of Belarus was divided between the Second Polish Republic and the Russian Soviet Federative Socialist Republic (1921-1939). After the unification of its western and eastern parts, the country was part of the USSR until 1991, when Belarus became an independent state and officially entered the global arena after the collapse of the Soviet Union.

The period of the Grand Duchy of Lithuania is regarded as the "golden age" of the Old Belarusian language, but not its "golden standard". The issue lay in the fact that the Old Belarusian language was primarily used by the nobility, while the majority of the population was illiterate. The collapse of the Grand Duchy of Lithuania erased the Belarusian language's written tradition for almost 200 years. Old Belarusian was banned in the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Russian Empire and was effectively ground down by Polonization and Russification. The foundation for the "revival" of the Belarusian language in the 20th century was not the literary heritage of Old Belarusian but rather the dialects spoken by the local population (мова тутэйшых). Belarusian never received the same level of seclusion necessary

for a uniquely “mono” formation. It developed in constant interaction with the languages (Russian, Polish) that were often one step ahead in their own standardization processes. From its earliest history, the essence of Belarusian has been shaped by the idea of “di” (or even “poly”), which has consistently influenced its structure and evolution. This inherent variability is reflected at the very basic level of nomination – the coexistence of various endonyms (Rus’ian/Rusian/Rusky/Ruski, Old Belarusian, Old Ukrainian, etc.) and exonyms (Ruthenian) – as well as in more complex phenomena such as digraphia, diorthographia, and diglossia, all deeply woven into the Belarusian linguacultural fabric (Bunčić 2013, 99).

The inherent variability continues to define Belarusian today. Being the state language of Belarus, it is a fascinating example of a language shaped by the tension between its officially standardized form and the diverse varieties used in practice. In comparison to languages such as German, English, or Polish, Belarusian is notable for its relatively low degree of standardization.

This paper investigates the variability within modern Belarusian, focusing on the coexistence and competition between Narkamaŭka, the official standard, and its alternative, Taraškievica. It examines the grammatical contrasts that differentiate the two. Narkamaŭka, derived from the Belarusian abbreviation *наркам* (People's Commissariat), came into use after the reform of 1933, while Taraškievica took its name from Branislaŭ Taraškievič, the author of the first Belarusian grammar book for schools (Тарашкевіч 1918).

The primary sources that form the basis of the research include transcripts from the television quiz show *Сваімі Словамі* (“In Their Own Words”), episodes of the television program *Суразмоўцы* (“Conversation Partners”), and selected posts with accompanying comments from Instagram communities dedicated to the Belarusian language.

- In the TV quiz show, participants test their knowledge of Belarusian language, literature, and history. Competing in teams, they strive to answer questions quickly and express their opinions in Belarusian. The quiz is hosted by a teacher of Belarusian language and literature.
- The TV program features interviews with scholars and cultural figures who discuss the significance of the Belarusian language and culture in the life of the nation and its people. The program is hosted by a poet and publicist, Nil Gilevič.
- Instagram posts come from communities dedicated to the Belarusian language, where authors, often experts, discuss various aspects of the Belarusian language system, including grammar, vocabulary, and orthography.

All these sources share a common goal: promoting and popularizing the Belarusian language and culture.

The central working hypothesis suggests that the choice of the ways of speaking/variants/varieties of Belarusian is context-dependent: television hosts predominantly use Narkamaŭka, whereas Instagram content creators tend to favor Taraškievica. Of particular interest is the linguistic preference of the audience, including quiz show and interview participants, as well as Instagram commenters. Do they gravitate towards Narkamaŭka, Taraškievica, or a mixed Belarusian-Russian speech known as Trasjanka?

The current wave of Belarusian language revitalization, particularly evident in the media, underscores the relevance of this research. This revival not only reflects longstanding debates between supporters of Taraškievica and Narkamaŭka, as well as between proponents of the Latin alphabet and defenders of Cyrillic, but also intersects with the growing role of artificial intelligence in language revitalization efforts. AI, with its potential to act as a "virtual conversation partner", offers learners real-time feedback and guidance, which can be especially impactful in contexts of language contact. However, models like OpenAI's GPT, predominantly trained on English and other major languages, face challenges with smaller languages like Belarusian. The competition between Narkamaŭka and Taraškievica, along with the language's inherent variability and relatively low degree of standardization result in inconsistent outputs unless guided by carefully crafted prompts.

It is remarkable that there was considerable confusion over the "Taraškievica/Narkamaŭka" issue, even during the time when the subject of their interaction was discussed exclusively by humans. In the article *Лінгвістычная апазіцыя двух стандартаў беларускай літаратурнай мовы*, Klimaŭ identifies Taraškievica and Narkamaŭka as distinct standards of the Belarusian language and compares their norms (Клімаў 2004b, 15-16). The author's central thesis is that there are not only orthographic differences but also significant linguistic, particularly grammatical, distinctions between Taraškievica and Narkamaŭka, amounting to 12 key oppositions. Building on this, Ramsa, in the article *Тарашкевіца і наркамаўка: ці ёсць граматычнае процістаянне?* (Рамза 2018, 418), examined Klimaŭ's claims by referencing grammar books from 1962, 1985, and 2007. Her findings revealed that only 2 of the 12 oppositions could be substantiated. Other so-called oppositions are, in fact, parallel norms.

This suggests that the authors of all grammars following Taraškievič's continued the grammatical tradition he established, embracing his "democratic approach", which recognized the existence of parallel norms as an integral part of the Belarusian language standard. However,

it is remarkable that the users of Taraškievica often attempt to select from the variants he proposed those ones that are furthest removed from the Russian language, even if only marginally. The rationale behind this approach is the belief that the similarities between Belarusian and Russian reinforce Russification (Мячкоўская 1988, 14). Thus, authors of Instagram posts often label words that resemble Russian equivalents in certain contexts as lexical errors. They claim, for example, that *узрост* is incorrectly equated with "age", when in fact it means "growth", whereas "age" is more accurately rendered as *век*. However, the dictionary by Bajkoŭ and Nekrašēvič (Байкоў, Некрашэвіч 1925, 57, 322), published during Taraškievič's lifetime, lists both *узрост* and *век* as acceptable variants for the concept of "age".

The fear of incorporating Russianisms is evident not only in everyday language use but also in academic discourse. For instance, Bieder (2000, 662, later quoted by Bazutkina 2020, 87), comparing Taraškievica and Narkamaŭka, incorrectly concluded that according to the rules of Taraškievica, verbs in the imperative, first-person plural, first conjugation end in *-эм/-ем*, while Narkamaŭka requires endings *-ом/-ём*. Interpreting this as a result of Russification, Bieder actually compared the endings of the imperative mood with the endings of the first-person plural, first conjugation, indicative mood. A closer examination reveals that that *-эм/-ем* can be found in both Taraškievica and Narkamaŭka for the first-person plural, first conjugation, imperative mood.

Returning to the primary sources, the following trends can be observed: (1) select from the options proposed in Taraškievič's grammar those that least resemble Russian, particularly noticeable among Instagram post authors, and (2) the tendency for speakers to unintentionally slip into Trasjanka while trying to sound authentically Belarusian and avoid Russianisms.

These trends may influence the current linguistic norm, and it is possible that a new norm is now emerging. This evolution could be reflected in the next edition of the Belarusian grammar, which has not been updated since 2007. A new edition would likely facilitate the standardization process, positively affecting the status of Belarusian as a language of communication. After all, as it is widely acknowledged, the Belarusian language today serves more of a symbolic function than a practical one (Мечковская 2003, 129). This is evidenced by the fact that, despite being an official language in Belarus, Belarusian is classified as vulnerable in UNESCO's Atlas of the World's Languages in Danger (2010) due to the widespread use of Russian. However, Belarusian is not alone in facing such challenges. Irish encounters similar difficulties from the dominance of English and is classified as endangered. Maltese may soon join this list due to the strong influence of English in media and education (Grima 2018, 38). For Maltese, Brincat (2017, 222) suggests focusing on strengthening the

standard of Maltese rather than relying on outdated censorship — a strategy that could also benefit Belarusian, offering a productive alternative to the artificial alienation of the Belarusian language from Russian.

Acknowledgements

The author expresses sincere gratitude to the organizers of the 21st International Congress of Linguists (Poznań, Poland) and the conferences of the Austrian Society for Slavic Studies (ÖGSL) for providing platforms to present earlier stages of this research. Special thanks are extended to Professor Imke Mendoza and Professor Ursula Doleschal for their valuable feedback.

REFERENCES

1. Bazhutkina, A. (2020). *Belarussische Standardsprache(n) im Diskurs.* URL: https://edoc.ub.uni-muenchen.de/26758/1/Bazhutkina_Alena.pdf.
2. Bieder, H. (2000). Die weißrussische Standardsprache am Ende des 20. Jahrhunderts. In: Zybatow, L. (Hg.), *Die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert*. Frankfurt am Main u.a., 653–664.
3. Brincat, J. M. (2017). Maltese: blending Semitic, Romance and Germanic lexemes. In: *Lexicographica* 33, 207–223.
4. Bunčić, D. (2013). Письменность Беларуси на стыке востока и запада (между двумя алфавитами, двумя орфографиями, двумя языками). In: *Deutsche Beiträge zum 15. Internationalen Slavistenkongress*. URL: https://kups.ub.uni-koeln.de/7493/.
5. Grima, A. (2018). Globalization and Education: what future for the Maltese-speaking child? In: *Éducation et sociétés plurilingues* 44, 31–43.
6. UNESCO's Atlas of the World's Languages in Danger. (2010). URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000187026.
7. Байкоў, М., Некрашэвіч, С. (1925). *Беларуска-расійскі слоўнік*. Мінск.
8. Клімаў, І. (2004b). Лінгвістычная апазіцыя двух стандартаў беларускай літаратурнай мовы. In: *Роднае слова* 7, 14–18.
9. Мечковская, Н. (2003). *Белорусский язык: Социолингвистические очерки.* URL: https://library.oapen.org/bitstream/id/f54402c6-d761-487e-a54e-fbc5a4b570de/1003951.pdf
10. Мячкоўская, Н. (1998). Парадоксы беларускай моўнай свядомасці. In: *Культура 44*, 14.
11. Рамза, Т. (2018). Тарашкевіца і наркамаўка: ці ёсць граматычнае процістаянне? In: *Rozprawy Komisji Językowej* 66, 409–432.
12. Тарашкевіч, Б. (1918). *Беларуская граматыка для школ*. Вільня.

СТЕПЕНОТ НА АНГЛИЗАЦИЈА НА МАКЕДОНСКИОТ ЈАЗИК ВО СПОРЕДБА СО ДРУГИТЕ ЈУЖНОСЛОВЕНСКИ ЈАЗИЦИ

ИСКРА ПАНОВСКА-ДИМКОВА (СЕВЕРНА МАКЕДОНИЈА)

Како последица на процесите на глобализација, англискиот јазик дефинитивно стана новиот „есперанто“ – меѓународен јазик за комуникација (Cristal 1997). Покрај многуте позитивни ефекти на глобализацијата, сведоци сме на негативниот ефект на јазично ниво, а тоа е (пре)големото влијание на англискиот јазик – проблем со кој се соочуваат голем број јазици во светот денес (Корубин 2005). Македонскиот јазик, како јазик што се зборува на мала територија и од мал број говорители, е поподложен на јазично заемање, при што со непосреден или со посреден контакт со друг јазик, се презема од тој јазик збор за некој предмет, поим или појава што не постои во македонскиот јазик како јазик примач. Разбрано во ваква смисла, јазичното заемање го опфаќа пред сè лексичкото рамниште.

Но, во македонскиот јазик во моментов англизацијата ги надминува границите на она што го подразбираме под „јазично заемање“ до степен што веќе не можеме да зборуваме за заемање англизми, туку за процес на англизација на јазикот, односно преземање со калкирање на фразеолошко рамниште, како и преземање на цели структури на синтаксичко рамниште. Овој проблем е присутен во секојдневниот живот на сите нас, но особено во јазичниот израз на младите, кои се најизложени на социјалните медиуми, на филмовите и сериите на англиски јазик, па дури и на книги на англиски јазик (Пановска-Димкова 2019).

Дека станува збор за сериозен проблем, гледаме од фактот што англизмите не можеме ни приближно да ги попишеме: во македонскиот јазик секојдневно неконтролирано влегуваат нови зборови, фрази и конструкции (Груевска-Маџоска 2010).

Македонскиот јазик веќе има искуство со навлегување на туѓа лексика, како што беше големото влијание од српскиот јазик во периодот од ослободувањето во 1945 г. до осамостојувањето во 1991 година. Но, основната разлика меѓу србизмите и англизмите во македонскиот јазик е што србизмите никогаш не навлегоа во стандардниот јазик и не можеа да се видат во печатените медиуми, туку останаа одлика на разговорниот јазик.

На пример – ако претходно во македонскиот јазик се користел србизмот *лепота* (*Лепото моја!*), не можело да се случи таквиот збор да се види во наслов на статија во некој медиум, а со англиското *бјути* тоа е веќе случај: *10 практични трикови од мејкап и бјути гуруа!* А *бјути*, во принцип, е поопасен збор за македонскиот јазичен систем од зборот *лепота*. Прво, србизмите структурно личеа/личат на македонските зборови и во таа смисла не правеа подривачки штети на јазичниот систем (на пример, *лепота* е именка од женски род, по форма соодветна како именката *убавина*). Но именката *бјути* веќе не се вклопува во системот. Завршокот ѝ е на *-и*, значи според правилата на македонската граматика, таа треба да биде именка од среден род: *бјути – бјутито*, но не е ни така. Всушност, гледаме дека таа воопшто не ни функционира како именка, туку во македонскиот јазик зема придавска функција: *бјути гуру, бјути типс* (во последниов случај гледаме и англиска множина). Англиските именки што во македонскиот јазик се користат со придавска функција се проблематични и од гледна точка на правописот: ако прифатиме дека станува збор за две именки, треба да бидат напишани со цртичка, ако е синтагма од придавка со именка – не се пишува цртичка итн., што убаво покажува колкави проблеми може да направи примањето на само еден неприспособлив збор во македонскиот јазик.

За разлика од србизмите, англиските зборови како специјално да се форсираат во медиумите со цел тие да бидат попопуларни и поприврлечни за публиката (Ѓуркова 2008). Англизмите се навлезени во сите сфери на нашето секојдневно живеење, но за нив е многу пишувано, така што тука само накусо ќе ги споменеме. Англиските зборови во македонскиот јазик најчесто влегуваат заедно со евентуалниот нов предмет (на пример од областа на новите технологии), но и заедно со некој нов термин или ново значење (како што е на пример, на социјалните мрежи). Па така, во првата група спаѓаат, главно, именки, од типот *компјутер, кертриџ, лап-топ, блу тут, уесбе, рисивер* и слични, кои влегле заедно со соодветниот предмет. Но втората група веќе опфаќа и глаголи. Така од *лајк*, кое во македонскиот јазик функционира како именка (*лајк – два лајка – лајкови*), се изведува глагол *лајкне – лајкнува*. Истото е и со именката *таг – тагови* од која е изведен глагол *тагне – тагнува*. Потоа идат *шерне, поукне, хејта, даунлодира, апдејтира, атачира* и така натаму. Наспрема овие новонавлезени

зборови, некои постари интернационализми, па и англизми ги чувствуваме веќе како домашна лексика: *принтање, дизајн, маркетинг* и слични.

Доказ дека работата е излезена од контрола е и замената на постојни зборови со англиски. Ако за употребата нов предмет – нов збор и има некакво оправдание, за ваквата употреба нема. Единственото образложение на ваквата појава е дека англискиот јазик е дефинитивно станат јазик на престиж и се верува дека со неговата употреба медиумите повеќе ќе се читаат, весниците повеќе ќе се продаваат, а дуќаните повеќе ќе се посетуваат. Па така, на пример, розовата боја веќе ја слушаме како *пинк*, она што е модерно е *ин*, а она што не е, е *аут*. Надворешниот изглед е веќе *стајлинг*, а секојдневниот стил е *кежуал*. Рекламирањето стана *адвертајзинг*, развојот стана *девелопмент* (*веб-девелопмент* како дејност) и други.

Како што се гледа, проблемот со англиската лексика е доста сложен. Најмногу на удар се именките, но веќе англизми гледаме и кај придавките и глаголите, а навлегуваат и кај извиците: *Упс! Вау!* или *Уау!* Овој преглед во никој случај не е исцрпен зашто бројот на англизмите е огромен, а нивното ново појавување е секојдневно.

Но колку и да се чини обемно ова прашање, можеби и посериозен проблем во моментов претставува калкирањето од англиски, кое го гледаме во областа на фразеологијата и уште полошо, во областа на синтаксата. Калкирањето е поопасно затоа што за разлика од директно навлезените англизми, калките потешко се препознаваат. Тоа во голема мера се врши кај фразеолошките и колоквијалните изрази. Најпознат пример: *Имајте убав ден!* како буквален превод на англиското *Have a nice day!*, со значењето на македонското ‘Пријатно’ или ‘Поминете си убаво’, потоа *На крајот на денот* од англиското *At the end of the day*, со значење ‘На крајот на краиштата’; *Скрши нога!* (од англиското *Break a leg!*), наместо: *Со среќа!* или *Ти држам среќа!*; *Не сакате да...* од англиското *You don’t want to…* а со значење ‘внимавајте да не...’ На пример: *Не сакате да го загорите! (You don’t want to overcook it!)* со значење: ‘Внимавајте да не го загорите!’; *Осигурете се дека сте го исклучиле* за англиското *Make sure you turned it off!*, наместо *Водете сметка да го исклучите!*; *Поради една или друга причина (англ. for one reason or another*) со значење ‘поради нешто’ или ‘од некоја причина’: *Ако поради една или друга причина кожата на лицето ви е зацрвенета, потопете*

овесни снегулки во вода и направете фина паста; Не остана незабележан (*It didn't go unnoticed*) со значење 'особено впечатлив'; ...*одовде и името* од англиското *hence the name* со значење 'па по тоа го добила името' итн.

Но тука работите не запираат, одат и чекор понатаму и завлегуваат во синтаксата. Така, тука можеме да ги наброиме:

- пречестата употреба на личните заменки, или т.н. именување на подметот: *Таа влезе во собата и седна на софата. Таа рече...;*
- употребата на присвојни заменски придавки каде што не треба, еден вид тавтологија: *Тој ја крена неговата рака, Таа дојде со нејзините родители;*
- почеста употреба на пасив: *Точакот ми беше украден*, (наместо пообичниот актив во случајов: *Ми го украдоа точакот*), *Прозорецот беше скршен* итн.;
- употреба на придавки со присвојно значење на места каде што не е препорачливо: *Кучето покажа зошто е најдобар човеков пријател* или насловот на филм на ХБО: *Најдобар девојчин пријател* преведен од *A Girl's Best Friend.*
- ширење на синтагмите именка – именка, каде што првата ја определува втората: *кредит трансфер систем, таргет група, мониторинг мисија* и сл.

Со проблемот на наплив на англизми не е соочен само македонскиот јазик. Процесот на глобализација го наметнува англискиот јазик како јазик на престиж, и со тој проблем се соочиле западните земји кои не му припаѓаат на англиското говорно подрачје уште од поодамна, а од неодамна со напливот на англискиот се соочија и земјите и јазиците од т.н. Источен блок. Масовното и речиси неконтролирано преземање на англиски елементи ги опфаќа и сите јужнословенски јазици. Така, во српскиот јазик веќе се зборува за *англосрпски* (Prčić 2011), во хрватскиот исто така се укажува на влез на голем број неадаптирани зборови од крајот на 20 век (Oračić 2006), неконтролиран влез на англизми постои и во словенечкиот јазик, особено со ширењето на интернетот (Šabec 2012), а доминација на англискиот јазик се забележува и во бугарскиот јазик (Димитрова 2024) итн.

Навлегувањето на англискиот јазик е определено од низа, пред сè екстралингвистички фактори, но состојбата е загрижувачка во сите јужнословенски јазици затоа што не го опфаќа само лексичкиот фонд туку доста пошироко ја зафаќа и употребата на јазикот на сите рамништа.

Свесни сме дека јазикот е жива материја и постојано се менува следејќи ја брзината на темпото на современиот живот. Нормално е развојот на јазикот да ги следи современите текови во науката, технологијата, културата, модата итн. и да трпи соодветни промени. Но, некои од тенденциите во јужнословенските јазици на кои сме сведоци денес, веќе не се безопасни и треба сериозно да се сфатат. „Последиците на глобализацијата се двострани – и позитивни и негативни. Доколку позитивните се прифатат, тогаш, се разбира, секогаш останува прашањето како да се избегнат или, барем, да се ублажат негативните“ (Корубин 2005). Во таа смисла, неопходно е систематски да му се пристапи на овој проблем и да се предложат теориски, методолошки и практични решенија за надминување или барем за ублажување на состојбата (Prčić 2011).

КОРИСТЕНА ЛИТЕРАТУРА

Груевска-Маџоска, С. 2010. Современи случувања во македонскиот јазик од социолингвистички аспект. *Меѓународен македонистички собир*, 83-88.

Димитрова, И. 2024. Езиковата интернационализация, или за англицизмите в българската разговорна реч, които (все още) не са официално отразени в речниците на новите думи от 2001 г. до днес. *Проблеми на устната комуникация*, кн. 13, Велико Търново, УИ „Св. св. Кирил и Методий“, 59-72.

Ѓуркова, А. 2008. Социолингвистички аспекти на македонскиот јазик: од стандардизација до актуелните тенденции, *Филолошки студии,* 2.
http://philologicalstudies.org/index.php?option=com_content&task=view&id=157&Itemid=66

Корубин, Ј. 2005. *Социолошки теми за јазикот*, Скопје, Филозофски факултет.

Пановска-Димкова, И. 2019. За некои посериозни проблеми со кои се соочува стандардниот македонски јазик денес. *Мисирков – предизвик за нови проучувања во науката*, Скопје, Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“, 154-162.

Cristal, D. 1997. *English as a Global Language*, Cambridge, Cambridge University Press.

Opačić, N. 2006. *Hrvatski u zagradama – globalizacijske jezine stranputice*, HSN, Zagreb.

Prčić, T. 2011. *Engleski u srpskom*, Filozofski fakultet, Novi Sad.

Šabec, N. 2012. “Slovensko-angleški jezikovni stiki skozi čas in prostor.” In *A svet je kroženje in povezava zagonetna: zbornik ob 80-letnici zaslužnega profesorja dr. Mirka Križmana, Festschrift für Prof. em. Dr. Mirko Križman zum 80. Geburtstag*, 305–18. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta.

WPŁYW JĘZYKA POLSKIEGO I ROSYJSKIEGO NA KSZTAŁTOWANIE SIĘ NORMY WSPÓŁCZESNEGO JĘZYKA BIAŁORUSKIEGO

ANNA BERENIKA SIWIRSKA (POLSKA)
Uniwersytet Warszawski
a.siwirska@uw.edu.pl
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8159-8232

Współczesny język białoruski normalizował i kodyfikował się pod wyraźnym wpływem dwóch sąsiednich języków – polskiego i rosyjskiego. Pierwsze naukowe opracowania i gramatyki języka białoruskiego pojawiły się pod koniec XIX i na początku XX wieku. Naturalnym było więc, że ich autorzy (często absolwenci polskich lub rosyjskich wydziałów filologicznych) czerpali wzorce ze zdecydowanie bardziej rozwiniętych w tym czasie studiów nad polszczyzną i ruszczyzną.

Najlepszy przykład stanowić może Bronisław Taraszkiewicz - autor jednej z pierwszych i najważniejszych gramatyk języka białoruskiego (Tarszkiewicz 1918), absolwent wydziału historyczno-filologicznego Uniwersytetu w Petersburgu, który poza językiem białoruskim i rosyjskim, płynnie posługiwał się językiem niemieckim, francuskim i polskim. Wydaje się, że to właśnie ten ostatni – język polski, posłużył mu za wzór przy tworzeniu gramatyki języka białoruskiego. Podobieństwo do zasad pisowni języka polskiego jest bowiem łatwo dostrzegalne w wielu rozwiązaniach zastosowanych przez Taraszkiewicza, począwszy od wyboru alfabetu, którym autor posłużył się do zapisu swojej gramatyki - podręczniki autorstwa B. Taraszkiewicza były zapisywane alfabetem łacińskim. Podobnie jak w języku polskim wygląda też sposób zapisu asymilacji zapożyczeń z języków zachodnich, który jest wyraźnie zorientowany na system fonetyczny zachodnich, nie wschodnich dialektów białoruskich.

Kolejną ważną decyzją był sposób odwzorowania na piśmie asymilacyjnej miękkości, na który zdecydował się Bronisław Taraszkiewicz. Chociaż rozwiązanie przyjęte w jego pracach różni się od sposobu w jakim w języku polskim zapisywana jest asymilacyjna miękkość - w miejscu polskiego znaku diakrytycznego w języku białoruskim znajduje się bowiem tzw. znak miękki (por. np. pol. *śnieg* i biał. *сьнег*) - to wspólna dla obydwu języków jest potrzeba odwzorowania na piśmie asymilacyjnej miękkości. Jest to duża różnica między zasadami języka polskiego i rosyjskiego – ten ostatni nie odwzorowuje na piśmie w żaden sposób asymilacyjnej miękkości spółgłosek (por. ros. *снег*)[1].

Ponadto, chociaż gramatyka Bronisława Taraszkiewicza była milowym krokiem w

[1] Wszystkie przykłady pochodzą z gramatyk i poradników językowych wymienionych w bibliografii na końcu tekstu.

procesie kodyfikacji języka białoruskiego i normowała wiele aspektów języka z zakresu: ortografii, interpunkcji, słowotwórstwa i składni, to, jak zauważa m.in. Aliaksandr Lukaszanec w artykule poświęconym nowej redakcji zasad języka białoruskiego (Lukaszanec 2014, 97 -108), niektórych elementów nie dopracowała. Białoruscy językoznawcy, wykładowcy i nauczyciele starali się więc dopracować białoruską gramatykę na konferencjach i w grupach roboczych poświęconych temu tematowi. Jedną z głównych osi sporu między lingwistami były wspomniane problemy związane ze sposobem zapisu asymilacyjnej miękkości spółgłosek (np. zapis *сьнег / снег*), miękkiego bądź twardego zapisu i wymowy spółgłosek w zapożyczeniach (*філалогія / філёлёгія*, *методыка / мэтодыка*) oraz ostateczny wybór jednego alfabetu (do 1926 roku powszechnie funkcjonowały równolegle białoruskie wersje alfabetu cyrylicznego i łacińskiego). Widać więc, że spór dotyczył w dużej mierze wyboru kierunku, na który zorientowane byłyby wprowadzane zasady – czy miałyby wzorować się na gramatyce języka polskiego, czy rosyjskiego.

W odpowiedzi na opisane problemy po zaledwie 15 latach funkcjonowania gramatyki B. Taraszkiewicza, w 1933 r. państwowa komisja zaproponowała przeprowadzenie reformy, która usystematyzowałaby i uporządkowała powyższe kwestie. Ostateczne decyzje zapadły odgórnie na szczeblu ministerialnym i nie uwzględniały opinii dużej części środowiska naukowego. Ponadto, zasady wprowadzone w wyniku reformy, w przeciwieństwie do gramatyki B. Taraszkiewica, za wzór obrały przede wszystkim język rosyjski, co stało się jednym z głównych powodów ich krytyki – część białoruskich językoznawców i literatów wprost zarzucała reformie rusyfikacyjny charakter i demonstracyjnie odmawiali pisania zgodnie z nową gramatyką.

W rezultacie przeprowadzona reforma zamiast ujednolicić i ustabilizować normę języka białoruskiego zapoczątkowała rozwój dwóch, wyraźnie przeciwstawnych tendencji rozwoju języka białoruskiego: oficjalnej zorientowanej na wzorce języka rosyjskiego i drugiej, o wyraźnie purystycznym kierunku. Tendencja purystyczna ma wyraźnie antyrosyjski charakter i sięga do różnych źródeł: do aktywnego użytku wchodzi leksyka dotychczas zapomniana, archaiczna lub dialektalna; rozwijane są też formy i modele właściwe wyłącznie dla języka białoruskiego. Jednocześnie często rosyjskie formy są zastępowane polskimi w sposób bezpośredni, lub przez pośrednictwo zachodnich dialektów białoruskich. Dziś w języku białoruskim widać odmienne tendencje w rozwoju osobnych forma gramatycznych i leksykalnych, modeli słowotwórczych i konstrukcji składniowych – zorientowanych na wzorce rosyjskie lub zgodne z tendencjami purystycznymi, często zorientowanymi na język polski.

Współcześnie warstwą, w której najłatwiej dostrzegalny jest wpływ języka polskiego i rosyjskiego na poszczególne normy języka białoruskiego, jest prawdopodobnie leksyka. Słownictwo języka białoruskiego jest bardzo niejednolite i różnorodne stylistycznie. We współczesnej białoruszczyźnie obecne jest zjawisko leksykalnej dwurodzajowości gramatycznej, a także grupa dubletów leksykalnych, z który często jeden etymologicznie jest zbliżony z językiem polskim, a drugi przypomina słowo z języka rosyjskiego. Leksemy etymologicznie bliższe językowi polskiemu są charakterystyczne dla normy purystycznej, słowa podobne do języka rosyjskiego odnotowują słowniki redagowane zgodnie z normą urzędową. Są to np. preferowane przez purystów językowych: *атачэньне, гарбата, гатунак, досьвед, зьвяз, фатэль, намёт, улётка, ходнік, ровар*, odpowiadające polskim leksemom: *otoczenie, herbata, gatunek, doświadczenie, związek, fotel, namiot, ulotka, chodnik, rower*. Dla normy urzędowej bardziej charakterystyczne będą odpowiedniki: *акружэнне, выключэнне, чай, сорт, вопыт, лістоўка, выключэнне, тратуар, веласіпед* - zbliżone do rosyjskich wyrazów: *окружение, исключение, чай, сорт, опыт, листовка, исключение, тротуар, велосипед.*

Część leksyki obcego pochodzenia została przeniesiona do języka białoruskiego bezpośrednio jako zapożyczenia z języka polskiego lub rosyjskiego, część najpierw była obecna w białoruskich gwarach graniczących z gwarami polskimi lub rosyjskimi i dopiero później została przeniesiona z pogranicza językowego. Jednym ze źródeł, z których często czerpią przede wszystkim osoby o purystycznej orientacji językowej, są leksemy, których funkcjonowanie było dotychczas ograniczone, tj. dialektyzmy i archaizmy odnotowywane w słownikach z latach 20 XX wieku. Na początku XX wieku związki białorusko-polskie były o wiele silniejsze niż współcześnie, widoczne jest to też w leksyce funkcjonującej w literaturze, codziennej prasie i słownikach z tego okresu. Tym samym, współczesne próby ożywienia leksyki właściwej białoruszczyźnie z początku poprzedniego stulecia często oznaczają także zwiększenie pośredniego wpływu języka polskiego na współczesny język białoruski. Ponadto, polszczyzna jest też często źródłem bezpośrednich współczesnych zapożyczeń, które mają być alternatywą dla zapożyczeń z języka rosyjskiego.

Przez bliskość sąsiednich języków, poza zapożyczeniem całych jednostek leksykalnych we współczesnej białoruszczyźnie często powielane są modele słowotwórcze inspirowane językiem polskim lub rosyjskim. Często we współczesnym języku białoruskim są obecne dwa pełne synonimy, które różnią się między sobą wyłącznie sufiksem – jeden model słowotwórczy jest inspirowany polskimi, a drugi rosyjskimi wzorcami. Powyższe zjawisko ma charakter systemowy, bowiem purystyczna norma konsekwentnie zamienia afiksy

charakterystyczne dla języka rosyjskiego na afiksy właściwe dla języka polskiego, np.: *-чык-/-шчык-* jest zastępowane przez sufiks *-нік*, np.: leksemy *замоўнік, закупнік, падказнік, перавознік складнік даследнік* zastępują preferowane w oficjalnych słownikach i gramatykach formy *аказчык, закупшчык, падказчык, перавозчык, складаючы* (элемент), *даследчык*, a *–цель* jest zastępowany sufiksami *-овец/авец* i *-оўца/аўца*, np. *выканаўца* (lub *выканальнік*), *паступоўца, кіровец і кіроўца, (раз)моўца*, zamiast *выканавец, паступаючы, вадзіцель, гаворачы.*

Różnice między dwoma normami obejmują także składnie języka białoruskiego. Tak jak i w przypadku wcześniej wymienionych warstw językowych, tak i w warstwie składniowej norma urzędowa często kopiuje całe wyrażenia z języka rosyjskiego, a norma purystyczna stara się je zastąpić, często inspirując się przy tym językiem polskim. Różnice dotyczą zarówno wyboru możliwego przyimka, ale i przypadku gramatycznego, jaki jest żądany po użyciu tego samego przyimka. Odpowiednim przykładem jest przyimek „*па*", który zgodnie ze szkolnymi gramatykami wymaga celownika (*па тонкаму лёду, па важнаму пытанню*) – tak samo jest w języku rosyjskim (*по тонкому льду, по важному вопросу*). Zgodnie z purystycznymi poradnikami przyimek „па" wymaga miejscownika (*па тонкім лёдзе, па важным пытаньні*), tak samo jak w języku polskim (*po cienkim lodzie*). Ponadto, dla obydwu norm języka białoruskiego właściwe są też odmienne rekcje wielu czasowników.

Kolejne różnice w warstwie gramatycznej można dostrzec też we wzorcach odmian rzeczowników. M.in. zarówno w języku polskim, jak i białoruskim, w dopełniaczu rodzaju męskiego liczby pojedynczej obok końcówki –u, wariantywnie występuje końcówka *–a*. Norma purystyczna dopuszcza końcówkę *-и* zdecydowanie częściej niż norma urzędowa. Być może jest to spowodowane tym, że dla języka rosyjskiego w dopełniaczu liczby pojedynczej dopuszczalna jest tylko jedna końcówka, tj. *–а*. Por. norma purystyczna: *камітэту, пляну, народу*, pol. *komitetu, planu, narodu*, norma urzędowa: *камітэта, пляна, народа*, ros. *комитета, плана, народа*. Ponadto wspólne dla języka polskiego i normy purystycznej jest ograniczone (w porównaniu z językiem rosyjskim) używanie imiesłowów oraz brak krótkiej formy przymiotnika (dla języka rosyjskiego bardzo charakterystyczna cecha, w języku polskim praktycznie obecnie używana).

Na podstawie przedstawionego powyżej zestawienia wyraźnie widać, że w wielu miejscach, w których tendencje rozwoju normy języka białoruskiego się od siebie oddalają, przybliżają się do odmiennych, sąsiednich języków – norma urzędowa zbliża się do języka rosyjskiego, norma purystyczna stara się zrównoważyć wpływ języka rosyjskiego językiem

polskim. Oznacza to, że język rosyjski podwójnie oddziałuje na białoruszczyznę - ma bezpośredni wpływ na oficjalną normę: jest wzorcem dla systemu ortografii i interpunkcji oraz dla modeli słowotwórczych, form gramatycznych i leksykalnych, a także wpływa dyferencyjnie na normę purystyczną, która stara się oddalić od niego w możliwie największym stopniu, często zastępując go wzorami i modelami pochodzącymi z języka polskiego. Obydwa sąsiednie języki miały więc stały bezpośredni i pośredni wpływ na kształtowanie się normy współczesnego języka białoruskiego i jest to proces, który wciąż zachodzi na naszych oczach.

LITERATURA

Lukaszanec A. 2014, *Pisac' pa-belarusku pačynaet na novyx pravilax [u:] Belaruskaja mova na pačatku XXI staxoddzi - razviccë sistèmy u prablemy funkcyjanavannja*, Minsk [Lukaszanec A., 2014, *Пісаць па-беларуску пачынаем на новых правілах* [у:] *Беларуская мова на пачатку XXI стаходдзі - развіццё сістэмы и праблемы функцыянавання*, Мінск].

WYKAZ EKSCERPOWANYCH ŹRÓDEŁ

Bielaruski kliasyčny pravapis. Sučasnaja narmalizacyja 2005, Juraś Bušliakoŭ, Vincuk Viačorka, Źmicier Sańko, Źmicier Saŭka, Vil'nius [Беларускі клясычны правапіс. Сучасная нармалізацыя, 2005, Юрась Бушлякоў, Вінцук Вячорка, Зьміцер Санько, Зьміцер Саўка, Вільнюс] online: https://knihi.com/storage/pravapis2005.html, [доступ: 21.07.22].

Kaleta R. 2008, Vybranyja pryklady marfalahičnaj dyfierencyjacyi pamiž dvuma pravapisnymi standartami bielaruskaj movy [*Выбраныя прыклады марфалагічнай дыферэнцыяцыі паміж двума правапіснымі стандартамі беларускай мовы*] [w:] Acta Albaruthenica.

Kaleta R. 2007, Asnoŭnyja marfalahičnyja adroznienni pamiž narkomaŭkaj i taraškievicaj [*Асноўныя марфалагічныя адрозненні паміж наркомаўкай і тарашкевіцай*] [w:] Acta Albaruthenica.

Klimaŭ I. 2004, Linhvistyčnaja apazicyja dvuch standardaŭ bielaruskaj litaraturnaj movy [ŭ] Rodnaje Clova 7, Minsk [Клімаў І. 2004, *Лінгвістычная апазіцыя двух стандардаў беларускай літаратурнай мовы* [ў] Роднае Слова 7, Мінск].

Pravilu belaruskaj artahrafii i punktuacyi, 2010, Мінск [*Правілу беларускай артаграфіі і пунктуацыі,* 2010*,* Minsk].

Mova Nanova: 20 krokaŭ da bielaruskaj movy 1, 2016, red. A. Litvinoŭskaja, H.Labadzienka, Minsk [Мова Нанова: 20 крокаў да беларускай мовы 1, 2016, red. А.Літвіноўская, Г.Лабадзенка, Мінск].

Mova Nanova: 20 krokaŭ da bielaruskaj movy 2, 2017, red. A. Litvinoŭskaja, H. Labadzienka, Minsk [Мова Нанова: 20 крокаў да беларускай мовы 2, 2017, red. А. Літвіноўская, Г.Лабадзенка, Мінск].

Mycik G., 2015, Po-belorusski? Požalujsta! Pa-bielarusku? Kali laska!, Minsk, [Мыцик Г., 2015, *По-белорусски? Пожалуйста! Па-беларуску? Калі ласка!,* Минск].

Ramza T. 2010, *Bielaruskaja mova? Z zadavaĺnienniem! Dlia zamiežnych navučencaŭ*, Minsk [Рамза Т. 2010, *Беларуская мова? З задавальненнем! Для замежных навучэнцаў*, Мінск].

Taraškievič B., 1918, *Bielaruskaja gramatyka dla szkol*, Vilnius, [Тарашкевіч Б. 1918, Беларуская граматыка для школ).

Viačorka V. 2016, *Pa-bielarusku ź Vincukom Viačorkam* [Вячорка В. 2016, *Па-беларуску зь Вінцуком Вячоркам*] online: https://docs.rferl.org/be-BY/2016/05/20/08e480c8-8be3-4bb0-92d1-a2ae8f916d4d.pdf, [доступ: 21.07.22].

Viačorka V. 2017, *Nie śmiašycie maje prynazoŭniki* [Вячорка В. 2017, *Не сьмяшыце мае прыназоўнікі*] online: https://docs.rferl.org/be-by/2017/10/26/0e4294ea-b00c-454c-a9cb-ccb4a587e638.pdf, [доступ: 21.07.22].